Biogr. Karenin
3102 i

ЖОРЖЪ САНДЪ

ЕЯ ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ВЛАДИМІРЪ КАРЕНИНЪ.

D 1 2/7

ЖОРЖЪ САНДЪ

BAYER. STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ЕЯ ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

„Le devoir de la critique ne saurait être de regretter que les hommes n'aient pas été autres qu'ils ne furent, mais d'expliquer ce qu'ils furent".

Renan.

1804—1838.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТОВЪ, ФАКСИМИЛЕ И НЕИЗДАННЫХЪ ОТРЫВКОВЪ И ПИСЕМЪ ЖОРЖЪ САНДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899.

G. n. 5176

5735/12

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
2779

Посвящается

Дмитрію Васильевичу

Стасову.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Издавая въ свѣтъ первую часть нашего труда, содержащую исторію первыхъ тридцати четырехъ лѣтъ жизни Жоржъ Сандъ, мы прежде всего спѣшимъ выразить глубокую признательность всѣмъ тѣмъ, кто оказалъ намъ дружеское содѣйствіе втеченіе нашей десятилѣтней работы, какъ сообщеніемъ матеріаловъ,— давъ намъ возможность работать въ архивахъ и библіотекахъ и пользоваться неизданными письмами и бумагами,—такъ и своими знаніями и совѣтами. Прежде всего приносимъ сердечную и искреннѣйшую благодарность виконту Шарлю де Спульберкъ де Лованжуль, который не только позволилъ намъ широко воспользоваться сокровищами его рѣдкаго и единственнаго въ мірѣ собранія манускриптовъ, писемъ и всевозможныхъ документовъ, но постоянно помогалъ намъ своими указаніями и совѣтами, проникнутыми тѣми глубокими знаніями и эрудиціей, которыя отводятъ ему совершенно особое мѣсто среди западноевропейскихъ писателей и знатоковъ литературы; онъ пожертвовалъ для насъ цѣлыми недѣлями своего драгоцѣннаго времени и вообще содѣйствовалъ намъ въ нашей работѣ съ необыковенной благожелательностью и вниманіемъ. Если бы мы не боялись заслужить неудовольствіе этого, не въ мѣру скромнаго, рѣдкаго человѣка и выдающагося писателя, мы не ограничились бы этими немногими словами благодарности, а желали бы подробно разсказать всѣмъ и каждому, какія дружескія услуги оказалъ онъ намъ втеченіе нашей работы.

Точно такъ же и г-жа Морисъ Сандъ, съ той самой поры, что она познакомилась съ нашимъ трудомъ, не переставала оказывать намъ самое любезное участіе. Она отнеслась къ намъ сразу съ глубоко насъ тронувшимъ, безграничнымъ довѣріемъ, все время помогала совѣтами и указаніями, устными и пись-

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK

менными, довѣрила намъ рѣдчайшій и цѣннѣйшій неизданный матеріалъ, дала возможность работать въ самомъ Ноганѣ и вообще съ начала и до конца оказывала намъ дѣятельную помощь и поддержку. Г-жа Оскаръ Казамажу (невѣстка сестры Жоржъ Сандъ) и Козима Вагнеръ, а также г. Эрколе Морени любезно разрѣшили намъ помѣстить въ этой книгѣ: первая—чрезвычайно рѣдкій и неизвѣстный портретъ Жоржъ Сандъ, а вторые массу необыкновенно важныхъ, неизданныхъ писемъ и документовъ. Не менѣе любезное содѣйствіе оказали намъ гг. Анри Амикъ, Анри Гаррисcъ, Морисъ Турнё и Альберъ Лакруа въ Парижѣ и Инн. Мих. Болдаковъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, постоянно помогавшіе намъ своими добрыми совѣтами, цѣнными указаніями и обширными свѣдѣніями. Мы не имѣемъ возможности перечислить здѣсь всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе содѣйствовалъ намъ въ нашей работѣ. Пришлось бы цѣлую страницу заполнить спискомъ дружескихъ и извѣстныхъ именъ. Мы позволяемъ себѣ заключить его милыми для насъ именами внучекъ Жоржъ Сандъ, Авроры Лотъ и Габріэли Сандъ, которыя воскресили намъ своими разсказами и воспоминаніями жизнь Жоржъ Сандъ въ Ноганѣ и были нашими путеводительницами среди свято сохраняемыхъ въ Ноганѣ и Парижѣ вещественныхъ воспоминаній о великой писательницѣ. Благодаря дружескому позволенію первой изъ нихъ, мы имѣемъ возможность помѣстить въ нашей книгѣ портретъ Жоржъ Сандъ въ дѣтствѣ, а также воспроизведеніе, нарочно сдѣланное для насъ съ оригиналовъ, двухъ другихъ ея портретовъ. Еще разъ приносимъ всѣмъ, всѣмъ нашу сердечную и глубокую благодарность.

В. К.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА I.

Общая характеристика Жоржъ Сандъ.—Ея почитатели и враги.—Вліяніе на европейское общество.—Особое значеніе для насъ, русскихъ.—Недостатки существующихъ біографій.—Цѣль и задачи этой книги.—Источники 1— 51

ГЛАВА II.

Предки и родители Жоржъ Сандъ.—Характеристика Авроры Дюпенъ съ точки зрѣнія наслѣдственныхъ чертъ 52— 65

ГЛАВА III.

Дѣтство и отрочество (1804—1817).

Первые годы.— „Сказки между четырехъ стульевъ". — Наполеонъ. — Мадридъ и Мюратъ.—Ноганъ.—Бабушка и мать.—Нравственное раздвоеніе и художественныя впечатлѣнія. — Первыя пробы пера.—Коранбе.—Деревенская жизнь.—Религія и театръ . 66—108

ГЛАВА IV.

Юность (1817—1822).

Монастырь.—Мистицизмъ.— Христіанская любовь.—Іезуиты. —Мольеръ въ монастырѣ.—1820 г. — Нравственная эволюція; независимая жизнь; первые романы; основные элементы нравственнаго и литературнаго облика 109—145

ГЛАВА V.

(1822—1831).

Смерть бабки.—Завѣщаніе и опека.—Жизнь съ матерью въ Парижѣ.—Ретье-дю-Плесси.—Г. Дюдеванъ.—Замужество.—Первые годы брака.—Путешествіе въ Пиренеи.—Орельенъ де-Сезъ и Зоя Леруа.—Кочевая жизнь.—Семейный разладъ —Внѣшнія событія и внутренній міръ Авроры.—Исканіе дѣла и разныя занятія.—Отъѣздъ въ Парижъ . 146—21

ГЛАВА VI. СТРАН.

(1831—1832).

Переселеніе въ Парижъ. — Эксцентрическій образъ жизни. — Первые шаги въ литературѣ. — Гр. де Кератри и Делатушъ. — „Фигаро“.—Жюль Сандо.—„Molinara“, „Bigarrure“, „Примадонна“, „Rose et Blanche“.—„Жюль Сандъ“ и „Жоржъ Сандъ“.—„Индіана“, „Валентина“, „Маркиза“, „Дѣвушка изъ Альбано“, „Тостъ“, „Мельхіоръ“, „Царица Мабъ“ 217—271

ГЛАВА VII.

(1832—1833).

Личныя и общественныя несчастья. — Болѣзни. — Эмиль Реньо. — Разрывъ съ Сандо. — Марія Дорваль. — Просперъ Мериме. — „Маріанна“ Сандо и „Двойная ошибка“ Мериме. — Сомнѣнія, отчаяніе и пессимизмъ. — Франсуа Роллина. — „Лелія“. — Делатушъ, Планшъ и Сентъ-Бевъ. — „Лавинія“. — Предисловіе къ „Оберманну“.—„Кора“ и „Гарнье“ 272—316

ГЛАВА VIII.

(1833—1835).

Литература эпизода „Сандъ-Мюссе“.—Легенда.—Альфредъ де-Мюссе, какъ поэтъ и человѣкъ. — Завязка романа.—Фонтенебло.— Путешествіе въ Италію. —Венеція.—Болѣзнь Ж. Сандъ и Мюссе.— Піетро Паджелло.—Легенда и исторія. — Отъѣздъ Мюссе.—Пребываніе Ж. Сандъ въ Венеціи. — Путешествіе въ Альпы. — Возвращеніе въ Парижъ. — Осень и зима 1834—35 года. — Бѣгство въ Ноганъ.—Позднѣйшія отношенія.—Послѣднія встрѣчи. . . . 317—391

ГЛАВА IX.

Корреспонденція между двумя поэтами и ея исторія.—„Исповѣдь сына нашего вѣка“.—„Она и Онъ“ и „Онъ и Она“.—Предисловіе „Жана де ла Рошъ“.—Взаимное вліяніе.—Стихотворенія Мюссе и Жоржъ Сандъ.—„Письма Путешественника“.—„Альдо-Риѳмачъ“.—„Габріэль“.—„Леоне Леони“.—„Ускокъ“.—„Маттеа“.— „Мозаичисты“.—„Послѣдняя Альдини“.—„Личный секретарь“.— „Орко“ . 392—427

ГЛАВА X.

(1835).

Вліяніе на Ж. Сандъ различныхъ мыслителей и ученій.— Стоическій идеалъ.—Вліяніе Сентъ-Бева.—Мишель.—VI „Письмо Путешественника“.—Весна и лѣто 1835 г.—VII Письмо, „о Лафатерѣ и Пустомъ домѣ“. — Францъ Листъ. — Графиня д'Агу. — Ламеннэ.—Осень 1835 года.—Письма Листа 428—488

ГЛАВА XI. СТРАН.

(1835—1836).

Лѣто 1835 г. — Мишель. — „Lettres de femme“ и „Дневникъ Пиффеля“.—„Поэма Мирзы“ и „Невѣдомый Богъ“.—Процессъ съ Дюдеваномъ въ 1836 г. и позднѣйшіе процессы.—Первая половина 1836 года . 489—540

ГЛАВА XII.

(1836—1837).

Путешествіе въ Швейцарію. — Книжка Пиктэ. — Десятое „Письмо Путешественника“. — „Контрабандистъ“. — Отель де Франсъ. — Знакомство съ Шопеномъ.—Ноганъ въ 1837 г.—Эженъ Пелльтанъ.—„Дневникъ Пиффеля“. — Взаимное вліяніе Листа и Жоржъ Сандъ. — „Семь струнъ Лиры“. — „Héroïde funèbre“. — Нѣсколько неизданныхъ писемъ Листа 541—586

ГЛАВА XIII.

(1837—1838).

„Monde“ Ламеннэ. — „Письма къ Марсіи“. — Статьи о Каламаттѣ. — „Посѣщеніе катакомбъ“. — „Андрэ“. — „Симонъ“. — „Жакъ“.—„Мопра“.—Конецъ 1837 года.—Фонтенебло.—Фелисьенъ Мальфиль. — Неракъ. — Зима 1837—1838 г. — Бальзакъ.—Аббатъ Роше.—Отъѣздъ на Маіорку 587—630

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Къ главѣ IV 631
II. „ V 632
III. „ VII. *Марія Дорваль* 632
IV. „ VII 633
V. „ VII. *Франсуа Роллина* 634
VI. Facsimile.

Аврора Дюпенъ въ дѣтствѣ.
(Пастель).

ГЛАВА I.

Общая характеристика Жоржъ Сандъ. — Ея почитатели и враги. Вліяніе на европейское общество. — Особое значеніе для насъ, русскихъ. — Недостатки существующихъ біографій. — Цѣль и задачи этой книги. — Источники.

Въ 1844 и въ 1845 годахъ Жюль Гетцель, писавшій подъ псевдонимомъ П. Ж. Сталя, издалъ курьезный литературный сборникъ „*Le Diable à Paris*“. [1]) Всѣ лучшія тогдашнія художественныя и литературныя силы участвовали въ немъ. Вмѣсто вступленія къ сборнику, иллюстрированному Гаварни, Добиньи, Франсе, Берталемъ и др., служитъ длинная статья Lavallée „*Histoire de Paris*“, а въ самомъ сборникѣ мы находимъ безчисленный рядъ повѣстей, разсказовъ, этюдовъ и статей, подписанныхъ такими именами, какъ Жоржъ Сандъ, Бальзакъ, Альфредъ де Мюссе, Теофиль Готье, Шарль Нодье, Фредерикъ Сулье, Октавъ Фелье, Леонъ Гозланъ, Фредерикъ Берà, Альфонсъ Карръ, Мери, Жераръ де Нерваль, Арсенъ Гуссе и мн. др. Но что значитъ странное заглавіе сборника? Въ юмористической формѣ Сталь, перу котораго принадлежитъ предисловіе и весь связывающій отдѣльныя статьи текстъ, разсказываетъ слѣдующее: Сатана, соскучившись въ аду, пустился путешествовать по всему подвластному ему царству, посѣтилъ всѣ свои владѣнія, лишь не успѣлъ посѣтить земли и только что, вернувшись, раздумался, какъ бы пособить этому горю, какъ вдругъ въ дверяхъ ада послышался страшный шумъ. Оказалось, что это явилась новая толпа грѣшниковъ. — „Откуда именно?“ — „Всѣ изъ Парижа“. Обрадовавшись, что если не о всей землѣ,

[1]) Первый томъ, помѣченный 1845 г., вышелъ въ маѣ—іюнѣ 1844, второй, помѣченный 1846-мъ, въ 1845 году.

то хоть о небольшомъ уголкѣ ея онъ можетъ получить свѣдѣнія, Сатана принялся разспрашивать грѣшниковъ, что это такое — Парижъ, и былъ пораженъ совершеннымъ противорѣчіемъ всѣхъ отвѣтовъ: въ то время, когда одни увѣряли, что это лучшее мѣсто въ мірѣ, другіе жаловались и бранили Парижъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ отвѣтовъ этихъ Сатана могъ вывести только то заключеніе, что Парижъ — мѣсто весьма интересное. Но какъ же получить о немъ вѣрныя свѣдѣнія? Очень просто. Сатана немедленно отряжаетъ своего секретаря и лейбъ-адъютанта, маленькаго чертенка Фламмеша, и приказываетъ ему какъ можно скорѣе и какъ можно подробнѣе все разузнать и донести ему, Сатанѣ, что это за городъ Парижъ. Фламмешъ, принявъ видъ фланёра, появляется на парижскихъ бульварахъ, но едва очутившись тамъ, влюбляется. Очевидно ничего серьезнаго и толковаго онъ писать не можетъ, а развѣ только одни billets-doux. Бѣдный чортъ въ отчаяніи. Что ему дѣлать?! Вдругъ ему приходитъ въ голову блестящая мысль: а пусть за него поработаютъ люди! И вотъ онъ приглашаетъ всѣхъ художниковъ, писателей, мыслителей и поэтовъ написать и нарисовать для его почтоваго ящика ((Tiroir du diable) кто что можетъ. И дѣйствительно: на Фламмеша такъ и посыпались рукописи и рисунки. Ему остается лишь просматривать, перечитывать и пересылать въ адъ все то, что художники и писатели несутъ и тащатъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Фламмешъ въ восторгѣ, и, успокоившись окончательно, онъ пишетъ всеподданнѣйшій докладъ Сатанѣ и бросаетъ его въ пространство со словами: „Ступай къ чорту!“ Докладъ этотъ и приложенъ къ книгѣ въ видѣ подлиннаго рукописнаго рапорта; вмѣсто орнамента онъ окруженъ премилой гирляндой чертенятъ съ ихъ аттрибутами и съ грѣшниками. Начинается докладъ этотъ словами: „Ваше Величество, мы напрасно гнушались людьми; эти пигмеи—гиганты; но рядомъ со своими женщинами эти гиганты сами пигмеи.“

Думалъ ли Сталь дѣйствительно, что единственная, подписанная женскимъ именемъ, статья его сборника выше всѣхъ остальныхъ, написанныхъ для него мужчинами-писателями, или это говоритъ влюбленный Фламмешъ просто изъ любезности къ дамамъ вообще — трудно рѣшить. Но вышло такъ, что „*Coup d'oeil général sur Paris*“ (Общій взглядъ на Парижъ), эта страстная, мрачная филиппика Жоржъ Сандъ противъ счастья горсти богатыхъ и знатныхъ и всеобщей бѣдности и несчастья остальной массы народа, противъ эксплоатаціи этой массы еди-

ничными богачами, противъ капитализма вообще, противъ искусственной городской жизни, сословной вражды и всякой нетерпимости, горячій призывъ къ равенству, братству и любви и не менѣе горячая надежда на лучшее будущее — эти нѣсколько страничекъ, стоющія лучшихъ ея романовъ по проникающему ихъ глубокому чувству, —какъ онѣ головою безконечно выше всей книги: и остроумной болтовни Сталя, и поразительно—блестящаго, холодновато-добродушнаго скептицизма бальзаковской „*Philosophie de la vie conjugale*" [1]) и граціозной *Mimi Pinson* Мюссе и всего остального. *Coup d' oeil général sur Paris*" стоитъ во главѣ сборника, и можетъ быть это опять place aux dames. Но, оставивъ въ сторонѣ всякія галантности, на это первое же мѣсто надо поставить эту статью и по ея внутреннему достоинству. Своимъ серьезнымъ тономъ она до того отличается отъ веселой, остроумной манеры остальныхъ писателей, что Сталь нашелъ даже нужнымъ сдѣлать нѣчто вродѣ „перехода къ очереднымъ дѣламъ", отъ нея къ остальнымъ беззаботно—веселымъ и безобиднымъ, а подчасъ и ѣдко-остроумнымъ (какъ очерки Бальзака) статьямъ. Невольно, читая ее, припоминаешь слова Гейне о Жоржъ Сандъ: „Sie ist überhaupt eine der unwitzigsten Französinnen die ich kenne" [2]) И въ данномъ случаѣ эта Unwitzigkeit ея, это *неостроуміе*, прямо служитъ къ ея чести. Не до остроумія ей было! Въ эту минуту передъ ея умственными очами стояли серьезнѣйшія задачи человѣчества и нашего вѣка—и честь и слава ей, что о нихъ она не забывала ни на минуту. Когда Сталь настойчиво попросилъ ее участвовать въ сборникѣ—она не могла отказаться. „Ты заставилъ меня, честный Фламмешъ, пообѣщать тебѣ и мое „слово" о Парижѣ, и, какъ безхитростный и добродушный чортъ, ты такъ настаивалъ, что отказаться было невозможно. Смотри, какъ бы тебѣ не пришлось раскаяться въ своей любезности, ибо, право, ты не могъ выбрать хуже, обратившись ко мнѣ"... Итакъ, Жоржъ Сандъ согласилась, но она все-таки осталась вѣрна себѣ и дала прочувствованныя, кровью сердца написанныя страницы. Въ нихъ слышится духовная дочь Ж. Ж. Руссо и сестра того, кто въ наше время призываетъ людей къ простой жизни, одухотворенной любовью къ ближнему, и возстаетъ противъ эгоизма, нетерпимости и вражды—въ чемъ бы они ни проявлялись.

[1]) Чаще назыв. „Les petites misères de la vie conjugale".

[2]) „Französische Zustände. Lutetia". S. 300. XI Band H. Heine's sämmtlicher Werke. Hamburg. 1874. Hoffmann und Campe.

Говоря о художественныхъ и матеріальныхъ наслажденіяхъ и красотѣ цивилизованной жизни, о праздникахъ, роскоши, произведеніяхъ искусства, и также о томъ, что есть люди, называющіе себя *свѣтомъ* (le monde), она восклицаетъ: „Да, человѣчество имѣетъ право на эти богатства, на эти удовольствія, на это нравственное и матеріяльное удовлетвореніе. Но *все человѣчество*, слышите, весь людской міръ (le monde des humains), *весь свѣтъ* (tout le monde) долженъ пользоваться плодами своего труда и своего генія, а вовсе не только вашъ маленькій свѣтъ, который можно пересчитать поголовно и посемейно (par maisons). Это не вашъ свѣтъ бездѣльниковъ и безполезныхъ, эгоистовъ и гордецовъ, важныхъ и робкихъ, патриціевъ и банкировъ, выскочекъ и развратниковъ; это даже не вашъ міръ художниковъ, продавшихся успѣху, спекуляціи, скептицизму или ужасному равнодушію къ добру и злу. Ибо пока будутъ бѣдняки у вашихъ дверей; рабочіе безъ радостей и безъ обезпеченія; семейства, умирающія съ голоду и холоду въ отвратительныхъ логовищахъ; дома разврата, каторги, больницы, на которыя вы иногда жертвуете подаяніе, но куда вы не рѣшаетесь входить, до того онѣ отличаются отъ вашихъ роскошныхъ жилищъ; нищіе, которымъ вы бросаете полушку, но до отвратительной одежды которыхъ вы боялись бы коснуться; пока будетъ этотъ возмутительный контрастъ ужасающей нищеты, происходящей отъ вашей безумной роскоши, и милліоны существъ, жертвъ слѣпого эгоизма горсти богачей, — до тѣхъ поръ ваши праздники будутъ ужасать самого Сатану и вашъ *свѣтъ* будетъ адомъ, который ничѣмъ не будетъ уступать аду поэтовъ и фанатиковъ“...

Далѣе, указавъ на разныя палліативныя мѣры противъ зла, которыми мало поможешь, и обращаясь опять къ Фламмешу, Жоржъ Сандъ говоритъ: ...„Но, спросишь ты, развѣ нужно поджечь дома и запереть двери дворцовъ? развѣ нужно, чтобъ мраморы и бассейны заросли терніемъ и крапивой? или нужно, чтобы красота облеклась во власяницу покаянія, чтобъ художники отправились на поклоненіе святымъ мѣстамъ, чтобъ искусства погибли для того, чтобы вновь возродиться отъ новаго вдохновенія, чтобъ общество разсыпалось прахомъ, съ тѣмъ чтобы возстать, какъ новый Іерусалимъ святыхъ и пророковъ? Все это посовѣтовать было бы совершенно безполезно, бѣсенокъ, и еще безполезнѣе было бы это предпринять безъ знанія и безъ опредѣленнаго ученія. Внезапный, новый порывъ милостыни вѣрующихъ (de l'aumône catholique) не помогъ бы такъ

же, какъ не помогли бы практическія попытки сдѣлокъ между эксплоататорами и производителями, которыя намъ нынче указываются мнимыми великими умами нашего вѣка. Милостыня, какъ и сдѣлка, только служитъ къ тому, чтобы отвергнуть священный и неискоренимый (imprescriptible) принципъ равенства. Это грубыя и мелочныя изобрѣтенія, посредствомъ которыхъ лишь успокаиваютъ собственную совѣсть, поддерживая въ то же время униженіе и безнравственность человѣческую, поддерживая неравенство, то-есть эксплоатацію человѣка человѣкомъ. Ученіе извращено этими попыткати, нужна новая наука, новое знаніе, основанное на ученіи“...

И изобразивъ рѣзкими чертами скуку, пустоту, безумную роскошь и развращенность нравовъ любого свѣтскаго собранія, Жоржъ Сандъ, какъ средневѣковый авторъ *Danse macabre'а* говоритъ: „...И мнѣ показалось, что точно въ какомъ-то подземельи, подъ ногами танцующихъ, я увидѣлъ вперемежку трупы богачей, застрѣлившихся послѣ разоренія [1]), и трупы бѣдняковъ, умершихъ съ голоду, въ то время какъ они трудились, чтобы увеселять этихъ безумныхъ богачей“. По глубокой горечи и мрачной поэзіи эти слова напоминаютъ точно кого-либо изъ пророковъ. И такъ же мрачно и окончаніе этой страстной имровизаціи:

...„И я возвратился въ мою тихую и темную комнату и я спросилъ себя: зачѣмъ, подобно столькимъ безумнымъ художникамъ, которые думаютъ, что разъ они съумѣли, благодаря извѣстному вкусу и изобрѣтательности, скромно украсить свое жилище,—что они этимъ самымъ обезпечиваютъ себѣ мирное размышленіе, легкій и пріятный трудъ и поэтическій колоритъ своимъ грезамъ,—зачѣмъ и я постарался замкнуться отъ всякаго шума и окружить себя (placer sous mes yeux) кое-какими предметами искусства, образами красоты или залогами дружбы? И я отвѣтилъ себѣ, что, значитъ, я не стòю больше, чѣмъ такъ многіе другіе, и что гораздо легче говорить дурно о другихъ, чѣмъ поступать самому хорошо. И я почувствовалъ такое отвращеніе къ самому себѣ при мысли, что у многихъ едва есть соломенный тюфякъ, чтобы согрѣться въ пустой и ледяной комнатѣ,—что мнѣ захотѣлось уйти изъ своего дома и болѣе никогда въ него не возвращаться. И еслибъ, какъ во

[1]) Здѣсь невольно на память приходитъ Rolla и тотъ дѣйствительный эпизодъ, который послужилъ поводомъ къ его написанію. Объ этомъ смотри VIII главу этой книги, а также „Biographie de Alfred de Musset“ par Paul de Musset и „Alfred de Musset“ von Paul Lindau.

времена Христа, были бѣдняки, приготовленные къ воспринятію Его ученія, я бы пошелъ къ нимъ, бесѣдовать и молиться съ ними на мостовой (sur le pavé du bon Dieu). Но вѣдь бѣдняковъ даже и на улицѣ нѣтъ: вы запретили просить милостыню. И неимущій проситъ милостыню ночью съ ножемъ въ рукахъ. Да и вообще мое отчаяніе было бы лишь безумнымъ поступкомъ: у меня не было бы ни довольно золота, чтобы уменьшить страданія физическія, ни довольно знанія, чтобы распространить евангельское ученіе. Потому что, если спасеніе души и тѣла не идутъ бокъ-о-бокъ—можно впасть въ ужасающія заблужденія. Я это хорошо понималъ и я былъ печаленъ, вознося къ небу свой безполезный—въ этомъ я признаюсь, Сатана,—протестъ; но ты напрасно бы пришелъ за мною, чтобы указать мнѣ съ высоты земныя царства и сказать мнѣ: „Все это твое, если ты поклонишься мнѣ“. Я бы отвѣтилъ тебѣ: „Твое царство прейдетъ, искуситель, а твои *земныя царства* такъ безобразны, что не нужно уже и добродѣтели, чтобы презирать ихъ“...

Эта крошечная статейка, — написанная въ 1844 году, въ разгаръ литературной дѣятельности Жоржъ Сандъ, когда и талантъ и слава ея достигли своей наивысшей точки,—замѣчательно характеристична для великой писательницы. Что особенно отличаетъ Жоржъ Сандъ въ теченіе всего сорокапятилѣтняго писательства ея, какъ во всѣхъ ея романахъ и повѣстяхъ, такъ и во всѣхъ статьяхъ и этюдахъ,—это страстное увлеченіе всѣми самыми высшими идеалами человѣчества, убѣжденная проповѣдь этихъ идеаловъ и ярко выраженная субъективность писанія. Жоржъ Сандъ никогда не была представительницей олимпійскаго безстрастія и такъ называемаго чистаго искусства. Страстная, увлекающаяся, часто незнающая удержу въ своихъ увлеченіяхъ, умѣвшая горячо любить и горячо ненавидѣть, и лишь къ концу своей жизни съумѣвшая примирить эту любовь къ доброму и ненависть ко всему эгоистичному и лживому въ еще болѣе всеобъемлющей любви къ человѣчеству, вѣчно жаждавшая свѣта, знанія, правды и свободы—свободы духа, свободы личной и общественной—и для себя и для всѣхъ безправныхъ, обездоленныхъ и угнетенныхъ,—то глубоко-религіозная, то терзаемая самыми мучительными сомнѣніями,—Жоржъ Сандъ, съ первой своей строчки и до послѣдней, всѣ эти черты вносила и въ свое писаніе.

Въ этихъ чертахъ ея человѣческаго характера, въ связи съ ея чисто-артистическимъ темпераментомъ, должно, по нашему,

находить ключъ къ пониманію какъ всей ея личной жизни, такъ и неразрывно съ нею связанной ея литературной исторіи. Ниже намъ не разъ придется указывать на то, какъ всѣ біографы и критики Жоржъ Сандъ, намѣренно или ненамѣренно пропуская иныя черты ея характера и факты ея біографіи, тѣмъ самымъ разрываютъ внутреннюю связь ея идей и поступковъ, безъ которой очень многія событія ея личной и литературной исторіи словно висятъ на воздухѣ и совершенно необъяснимы. Такая манера изложенія напоминаетъ пріемы извѣстныхъ историческихъ учебниковъ: „былъ добрый король, а послѣ него былъ де злой король и при немъ вдругъ произошла порча нравовъ у этого народа"... Всегда все это внезапно, вдругъ, какъ *deus ex machina*, безъ всякаго повода и причины въ прошломъ безъ всякой связи съ послѣдующимъ. Случаевъ такихъ пропусковъ, прорѣхъ и недомолвокъ въ біографіяхъ Жоржъ Сандъ намъ придется приводить безчисленное множество. Теперь повторимъ лишь, что болѣе чѣмъ у какого либо другого писателя, литературная дѣятельность Жоржъ Сандъ и ея личная жизнь такъ связаны и такъ подчинены вліянію идей (или даже вѣрнѣе: *развитію одной идеи*), что нельзя пропускать ни одного факта этой жизни, не упустивъ тотчасъ нити послѣдовательнаго развитія этихъ идей, а потому и весьма существенныхъ моментовъ для пониманія ея произведеній.

Въ теоріи и по убѣжденію Жоржъ Сандъ является противникомъ принципа „искусства для искусства", по натурѣ и на дѣлѣ—противникомъ объективности и спокойствія. Наконецъ, это истинно-поэтическая натура, огненная душа. Отсюда всѣ ея громадныя достоинства и значительные недостатки, отсюда всѣ тѣ отличительныя черты ея, какъ писателя, которыя при жизни ея современникамъ, а въ наше время нашимъ современникамъ, писателямъ и читателямъ мѣшали и мѣшаютъ относиться къ Жоржъ Сандъ безпристрастно и спокойно. И читатели и критики рѣзко распадаются на ея поклонниковъ и—враговъ. (Равнодушныхъ нѣтъ, или это тѣ, кто не читалъ ее, а знаетъ о ней больше по наслышкѣ). Еще Юліанъ Шмидтъ [1]) совершенно справедливо замѣтилъ, что „встрѣтивъ страстныхъ поклонниковъ и озлобленныхъ хулителей (bittere Tadler), Жоржъ Сандъ рѣдко находила нелицепріятную оцѣнку. Кто ею восхищается,—беретъ ее со всѣми ея недостатками и часто видитъ

[1]) Julian Schmidt, „Geschichte der franz. Literatur seit der Revolution von 1789". 2 Bände. Leipzig, 1858. II, p. 505.

именно въ нихъ величайшія добродѣтели, а кто вообще не одобряетъ ея манеры (ihre Art und Weise), тотъ уже не видитъ въ ней ничего хорошаго".

Каро̀ [1]), написавшій свой этюдъ о Жоржъ Сандъ черезъ цѣлыя 30 лѣтъ послѣ Шмидта, говоритъ, что былое страстное отношеніе къ Жоржъ Сандъ: это яростное негодованіе, крики злобы и ненависти и не менѣе бурные восторги, цѣлые хоры похвалъ и ликованья, встрѣчавшіе нѣкогда почти каждый романъ Жоржъ Сандъ,—теперь затихли, умолкли и даже забылись. Теперь большинство публики даже не читаетъ Жоржъ Сандъ. „On ne lit plus George Sand, nous dit on",—этими словами начинаетъ онъ свой этюдъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ выражаетъ и увѣренность, что теперь, когда настало время настоящей критической и исторической оцѣнки великой писательницы, пересмотра всѣхъ ея произведеній въ ихъ совокупности (de toute son oeuvre), когда потому настала и новая эра въ литературной ея исторіи—эра справедливости и безпристрастія,—теперь пробудится и новый интересъ къ ней, а потому Каро̀ и въ началѣ и въ концѣ своего этюда высказываетъ убѣжденіе, что теперь ее вновь будутъ читать. Самый тотъ фактъ, что Жоржъ Сандъ возбуждала такія противоположныя чувства и страсти, вражду и любовь, такія волненія, такой приливъ симпатій и антипатій—этотъ фактъ самъ по себѣ, по мнѣнію Каро̀, является доказательствомъ того, какой великой писательницей была Жоржъ Сандъ. И дѣйствительно: это удѣлъ лишь большихъ талантовъ, избранниковъ генія.

Вліяніе Жоржъ Сандъ и на европейское, и на русское общество 30-хъ и 40-хъ годовъ было громадное. „Говорили: *вѣкъ Жоржъ Сандъ*, какъ говорили: *вѣкъ Байрона*" [2]). И какъ ея личность и произведенія, такъ и это вліяніе нашло себѣ оцѣнку, выразившуюся въ двухъ діаметрально-противуположныхъ мнѣніяхъ. Гейне, склонный видѣть въ Жоржъ Сандъ и „демона-искусителя" и „ангела-хранителя" тогдашней молодежи, стоитъ какъ разъ на границѣ этихъ двухъ взглядовъ. По его мнѣнію, ея произведенія, „которыя пожаромъ разлились по всему свѣту, освѣтили не одну темницу, лишенную всякаго утѣшенія, но зато они же сожгли губительнымъ огнемъ и много

[1]) Les grands écrivains francais. George Sand, par E. Caro. Paris. 1887. Hachette et C°.

[2]) „Жоржъ Сандъ", статьи Г-жи Цебриковой, „Отеч. Зап." 1877, іюнь—іюль.

тихихъ храмовъ невинности“ [1]). Вотъ эти-то двѣ половины его фразы приходится подѣлить между двумя лагерями. Для однихъ Жоржъ Сандъ именно „освѣтительница темницъ“, великій писатель, воспитательница человѣчества нашихъ дней въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, вдохновенный пророкъ лучшаго будущаго, геній, святая. Для другихъ она предметъ ужаса и отвращенія; какъ женщина—это мать всѣхъ пороковъ; какъ писатель—проповѣдница чудовищныхъ идей и чуть ли не разврата, вносительница смуты въ чистыя сердца, „сожигательница храмовъ невинности“, отчаянная безбожница, нигилистка и революціонерка. Есть и другая категорія враговъ Жоржъ Сандъ—по большей части представителей крайняго реализма или, наоборотъ, поборниковъ „чистаго искусства“. Эти оставляютъ въ покоѣ личную жизнь Жоржъ Сандъ и вліяніе ея на читателей, но зато ея произведенія для нихъ ничто иное, какъ скучища, напыщенность, сантиментальная реторика, *überwundener Standpunkt*, что-то устарѣлое, полудѣтское, отжившее, о чемъ и говорить не стоитъ. Шатобріанъ и Зола, Вальшъ [2]) и Мазадъ, Капо де Фельидъ и Неттеманъ [3]) цѣлыя плеяды нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ критиковъ, съ Юліаномъ Шмидтомъ во главѣ, а въ особенности біографы Мюссе, Шопена и Листа, говорятъ исключительно о „сожженіи храмовъ невинности“: они обвиняютъ Жоржъ Сандъ въ самомъ пагубномъ вліяніи на молодежь, особенно на женщинъ, во всевозможныхъ личныхъ и литературныхъ преступленіяхъ, развратившихъ якобы цѣлыя поколѣнія, и сваливаютъ на великую писательницу отвѣтственность чуть ли не за всѣ совершавшіеся въ тѣ времена побѣги женъ, разводы, всѣ скандалы и возмущенія, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, до событій 1848 года включительно. И они всѣ сыпали и сыплютъ противъ Жоржъ Сандъ всевозможными заклятіями и проклятіями. Несмотря на увѣренія г. Кард, отголоски этого слышатся и до сихъ поръ. Не дальше какъ лѣтомъ 1893 г. въ *Gaulois* была напечатана бесѣда католическаго публициста Симона Бубэ съ какимъ-то „выдающимся духовнымъ лицомъ, занимающимъ постъ въ одномъ изъ обучающихъ монашескихъ орденовъ“ (по мнѣнію *Indépendance Belge* это le pére Didon). Это лицо, „обязанное по своему положенію прочитывать и всѣ

[1]) «Lutetia“, S. 298.

[2]) „George Sand“, par le C-te Théobald Walsh. Paris, 1837.

[3])„ Histoire de la Littérature franç. sous le gouvernement de Juillet“, par Alfred Nettement. Paris, 1854.

произведенія Зола“ и выражающее о нихъ свое мнѣніе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ то легко можно себѣ представить, все-таки въ концѣ концовъ „утверждаетъ, что г. Зола менѣе безнравственъ, чѣмъ Жоржъ Сандъ“. А изъ его выраженій о Зола можно вывести косвенно и причину этого приговора: Жоржъ Сандъ-де украшаетъ порокъ. И мнѣніе отца Дидона нашло подтвержденіе и санкцію въ вышедшей недавно латинской папской энцикликѣ перечисляющей тѣ сочиненія, которыя не долженъ читать добрый католикъ; въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ сочиненіямъ „баронессы Дюдеванъ“,—имя которой такъ странно звучитъ на языкѣ Св. Августина и Ѳомы Кемпійскаго. Вотъ какъ упорно держится это обвиненіе въ безнравственности. Въ то время, какъ большинство теперешней публики почему-то при имени Жоржъ Сандъ непремѣнно воображаетъ что-то приторно-идеальное, слащавое,—на ряду съ этимъ упорно держится прежнее мнѣніе:— „это проповѣдница разврата“. И что всего удивительнѣе,— даже у самыхъ доброжелательныхъ біографовъ Жоржъ Сандъ новѣйшаго времени, у названнаго уже нами Карò и у д'Осонвиля [1]) замѣтенъ точно какой-то тайный страхъ какъ только приходится имъ говорить о вліяніи Жоржъ Сандъ на женщинъ и даже на молодежь вообще.

У насъ въ Россіи были на лицо тѣ же враждующіе между собою два лагеря. И въ лагерѣ враговъ Жоржъ Сандъ, тѣ же страхи и тѣ же обвиненія. Сенковскій и Булгаринъ не знали, какъ бы получше очернить Жоржъ Сандъ, какую бы клевету распустить про нее, какъ запугать читателей, чтобы только они не читали, не слушали того, что говорила эта ужасная, безнравственная и безбожная писательница. „Сенковскій и Булгаринъ“,—разсказываетъ намъ Достоевскій въ своей превосходной, горячей статьѣ, написанной тотчасъ послѣ смерти Жоржъ Сандъ [2]),—„предостерегали публику еще до появленія ея романовъ на русскомъ языкѣ. Особенно пугали русскихъ дамъ тѣмъ, что она ходитъ въ панталонахъ, хотѣли испугать развратомъ, сдѣлать смѣшной. Сенковскій, самъ же и собиравшійся переводить Жоржъ Сандъ въ своемъ журналѣ „Библіотека для чтенія“, началъ называть ее печатно „госпожей Егоромъ Зандомъ“ и кажется серьезно остался доволенъ своимъ остроуміемъ.

[1]) Vicomte d'Haussonville, „Etudes biographiques et littéraires. George Sand“. Paris, 1879.

[2]) „Дневникъ писателя“. 1876. Іюнь. I. Смерть Жоржъ-Санда. II. Нѣсколько словъ о Жоржъ-Сандѣ.

Впослѣдствіи, въ 1848 г. Булгаринъ печаталъ о ней въ „Сѣверной Пчелѣ", что она ежедневно пьянствуетъ съ Пьеромъ Леру у заставы и участвуетъ въ аѳинскихъ вечерахъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ „у разбойника и министра внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Роллена" [1]). Я это самъ читалъ и очень хорошо помню. Но тогда, въ 1848 г., Жоржъ Сандъ была у насъ уже извѣстна, и Булгарину никто не повѣрилъ".

И европейскіе, и русскіе враги и хулители Жоржъ Сандъ этими самыми своими страхами и заклятіями доказывали и доказываютъ, какая это была *сила*, если ее такъ нужно бояться и если вліяніе ея было такъ пагубно, такъ ужасно, такъ разрушительно.

Въ теченіе всей нашей работы намъ придется постоянно указывать на крайне несхожія мнѣнія критиковъ, на тѣ крики восторга и негодованія, которые встрѣчали всякое новое произведеніе Жоржъ Сандъ, на яростныя нападки враговъ и неменѣе страстную защиту ея друзей, придется разсказывать о журнальныхъ поединкахъ, оканчивавшихся поединками настоящими. Вотъ какъ относились друзья и враги въ тѣ времена къ Жоржъ Сандъ. Впрочемъ объ отношеніи друзей и поклонниковъ мы еще ничего почти не сказали, и теперь очередь за ними.

Десятки голосовъ и писателей, и просто изъ публики говорятъ намъ тоже о поразительномъ, но уже не развращающемъ, а о благотворномъ, животворящемъ, возвышающемъ вліяніи Жоржъ Сандъ на общество того времени и на нихъ лично. Ея имя связываютъ съ лучшими стремленіями той эпохи, объ ея воспитательномъ значеніи для двухъ, трехъ поколѣній говорятъ въ тонѣ восторженныхъ диѳирамбовъ. Что такое значило имя Жоржъ Сандъ въ концѣ 40-хъ годовъ и съ какимъ благоговѣніемъ относились къ нему благодарные почитатели, къ какой бы національности они ни принадлежали,—это намъ рисуетъ слѣдующій эпизодъ, любезно намъ переданный г. Edmond Plauchut (и имъ же болѣе подробно и чрезвычайно живописно разсказанный въ его интересной книжкѣ „*Le tour du monde en 120 jours*, въ главѣ „Un naufrage aux îles du Cap Vert").

Г. Плошю (Edmond Plauchut), теперь одинъ изъ уважаемыхъ редакторовъ Temps и одинъ изъ ближайшихъ друзей Жоржъ Сандъ въ послѣднія 15 лѣтъ ея жизни,—въ тѣ годы былъ зна-

[1]) Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Булгаринъ и Сенковскій лишь перепечатали, безъ указанія источника, то, что говорилось во французской прессѣ и о чемъ сама Жоржъ Сандъ разсказываетъ въ предисловіи къ „Compagnon du Tour de France".

комъ съ великой писательницей лишь письменно. Когда вспыхнула революція 1848 г., а ему было всего 23 года, онъ поѣхалъ къ себѣ на родину, въ одну изъ провинцій центральной Франціи, и сталъ тамъ издавать газету. Тогда много возникало такихъ мѣстныхъ изданій. Плошю помѣстилъ въ своей газетѣ неодобрительный отзывъ о сочиненіи В. Бори „Travailleurs et propriétaires", къ которому Ж. Сандъ только что написала маленькое предисловіе [1]). Она прислала письмо Плошю, въ которомъ защищала книгу Бори. Г. Плошю, въ свою очередь, отвѣчалъ Жоржъ Сандъ. Завязалась переписка, и юноша обмѣнялся нѣсколькими письмами (кажется около 10) съ знаменитой писательницей, не воображавшей, что ея корреспондентъ не почтенный редакторъ, а 23-лѣтній мальчикъ. Но вотъ произошла контръ-революція, выступилъ на сцену Наполеонъ III, и т. д. Плошю, какъ и многіе другіе, долженъ былъ бѣжать. Онъ рѣшилъ отправиться въ кругосвѣтное путешествіе и сѣлъ въ Бельгіи на корабль „*Рубенсъ*". Корабль потерпѣлъ крушеніе у береговъ Боа-Виста, одного изъ острововъ Зеленаго Мыса. Капитанъ, 16 матросовъ и единственный пассажиръ „*Рубенса*"—Плошю спаслись, но положеніе ихъ оказалось ужаснымъ. Плошю спасся въ одномъ бѣльѣ и, какимъ-то чудомъ, въ попыхахъ, вмѣсто всего иного, захватилъ лишь толстую книгу, вродѣ альбома [2]) со вклеенными на нее письмами нѣсколькихъ друзей и знаменитостей, въ томъ числѣ и письмами Жоржъ Сандъ. Едва одѣтые, голодные, раненые и расшибленные о прибрежные камни, потерпѣвшіе кораблекрушеніе съ помощью знаковъ кое-какъ объяснились съ прибѣжавшими на берегъ двумя-тремя туземцами, которые, какъ потомъ оказалось, весьма радовались, всякій разъ, что у ихъ острова разбивалось судно, ибо почти единственный ихъ доходъ составляла добыча, выбрасываемая на ихъ берегъ моремъ. Эти негры и метисы показали, что самый городокъ Боа-Виста лежитъ на противоположномъ берегу острова. Измученные путники потащились туда, черезъ весь пустынный островокъ, покрытый солончаками и болотами. Въ Боа-Виста ихъ не ожидало ничего хорошаго. Самъ городокъ оказался почти разрушеннымъ циклономъ, пронесшимся надъ нимъ незадолго до того; жители имѣли видъ живыхъ мертве-

[1]) Статья Жоржъ Сандъ объ этой книгѣ вошла въ полное собраніе ея сочиненій, изд. Леви, въ томъ „Souvenirs de 1848".

[2]) Въ „Un Tour du monde" этотъ альбомъ названъ „ящичкомъ". Но мы лично видѣли его и видѣли слѣды морской воды на его листахъ—это толстая книга, in 8°, переплетенная въ темную кожу.

цовъ отъ постоянно свирѣпствующихъ на островѣ лихорадокъ, уносящихъ ежедневно десятки жертвъ, а самое главное—оказалось, что корабли, опасаясь рифовъ Боа-Виста, почти никогда сюда не заходятъ. Нѣсколько дней прожили несчастные въ тщетной надеждѣ, что авось всетаки покажется дымокъ или парусъ на горизонтѣ, и въ вѣчномъ страхѣ заболѣть злокачественной лихорадкой. Наконецъ, отчаявшись, капитанъ „Рубенса“ рѣшился на шлюпкѣ, предложенной ему однимъ изъ болѣе достаточныхъ жителей, съѣздить на большой островъ *Порто-Прайа* за помощью или хоть затѣмъ, чтобы дать знать о себѣ и своихъ несчастныхъ спутникахъ тамошнему французскому консулу и черезъ него имѣть возможность вернуться въ Европу. Однако, по недовѣрію или по чему либо иному матросы капитана не пустили. Тогда онъ упросилъ г. Плошю быть добрымъ товарищемъ по несчастью и поѣхать на Порто-Прайа. Съ разными опасностями и трудностями г. Плошю—вмѣстѣ съ нѣсколькими умирающими отъ лихорадки, собравшими послѣднія силы, чтобы бѣжать съ зараженнаго острова, добрался до Порто-Прайа и явился мнимому французскому консулу, г. Оливейра. Оказалось, что Оливейра вовсе не французскій консулъ; онъ встрѣтилъ г. Плошю грубо, отказался сдѣлать для него что бы то ни было и даже не пріютилъ его у себя. Въ концѣ разговора Оливейра пообѣщалъ однако *завтра* переговорить съ какимъ-то знатнымъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, только что вернувшимся изъ Европы, и съ нимъ вмѣстѣ „*посмотрѣть*“ что можно сдѣлать. Гостинница, куда Оливейра послалъ Плошю оказалась чѣмъ-то до того грязнымъ, что даже находившійся въ безвыходномъ положеніи Плошю не рѣшился переночевать въ ней и провелъ ночь на паперти церкви. Придя на утро къ Оливейрѣ, онъ къ счастію, вмѣсто его самого, встрѣтилъ пріѣзжаго изъ Европы, г. *Francisko Cardozzo de Mello*, оказавшагося молодымъ образованнымъ португальцемъ, отлично говорящимъ по французски. De Mello, съ симпатіей и добротой выслушавшій разсказъ Плошю, выразилъ всетаки сомнѣніе, удастся ли что нибудь сдѣлать для оставшихся на Боа-Виста капитана и матросовъ, и наконецъ спросилъ Плошю, неужели онъ не спасъ ничего цѣннаго, неужели у него не осталось ничего изъ его вещей?—Ничего, кромѣ книги, гдѣ нѣсколько писемъ Кавеньяка, Эженя Сю, Жоржъ Сандъ...—Какъ? у васъ есть письма Жоржъ Сандъ?!. Эти два магическія слова все разомъ измѣнили для Плошю. Даже не дождавшись возвращенія Оливейры, де-Мелло увезъ Плошю къ

себѣ, одѣлъ его, отлично помѣстилъ, весь свой домъ предоставилъ въ его полное распоряженіе, познакомилъ съ матерью и тетками, относился къ нему, какъ къ старому другу и, въ концѣ концовъ, и ему и остальнымъ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе помогъ добраться до Лиссабона, а оттуда вернуться на родину.

Оказалось, что отецъ де-Мелло, старый португальскій республиканецъ, умершій незадолго передъ тѣмъ на Порто-Прайа въ изгнаніи, просто боготворилъ Жоржъ Сандъ, передалъ и сыну безграничное уваженіе и любовь къ великой писательницѣ, а сочиненія ея завѣщалъ ему, какъ драгоцѣннѣйшую часть своей библіотеки. Принявъ такое участіе въ человѣкѣ, лишь переписывавшемся съ Жоржъ Сандъ, де-Мелло, по его словамъ, старался почтить память отца [1]). Вотъ что̀ значило имя Жоржъ Сандъ въ тѣ годы.

Не желая забѣгать впередъ, мы теперь лишь вскользь напомнимъ, какъ, начиная съ половины 30-хъ годовъ, со всѣхъ концовъ Европы, изъ Англіи и Германіи, изъ самой Франціи и изъ далекой Россіи, стекались поклонники таланта Жоржъ Сандъ къ ней за совѣтомъ, за помощью и просто изъ благоговѣйной благодарности, заставлявшей ихъ предпринимать паломничество въ Парижъ или Ноганъ, какъ въ прошломъ столѣтіи всѣ стремились въ Ферней или Женеву, а въ наши дни—въ Ясную Поляну. Великую писательницу осаждали просьбами, ее засыпали письмами. Въ половинѣ 30-хъ годовъ вся „famille saint-simonienne de Paris“ (сенъ-симонистская парижская община) прислала ей цѣлую коллекцію подарковъ (списокъ которыхъ у насъ имѣется и которымъ мы подѣлимся съ читателями при разсказѣ о 1835 и 1836 годахъ въ жизни Жоржъ Сандъ), но ей же и Наполеонъ III, наравнѣ съ простыми смертными писателями, спѣшилъ прислать всякое свое новое сочиненіе: будучи еще плѣнникомъ въ Гамѣ, онъ послалъ ей свою брошюру объ „*Extinction du paupérisme*“ („Уничтоженіе пролетаріата“), но и императоромъ уже онъ прислалъ ей на судъ свою книгу о *Юліѣ Цезарѣ*. И если въ 1859 году *моднымъ* именемъ „*Жоржъ Сандъ*“ парфюмеръ *Rafin* назвалъ вновь изобрѣтенную

[1]) Вернувшись во Францію, Плошю тотчасъ написалъ Жоржъ Сандъ о томъ, какую службу сослужили ему ея письма и ея имя. Она отвѣтила ему полнымъ доброты, сердечнымъ письмомъ, и съ этого времени ихъ переписка сдѣлалась еще болѣе дружеской. Но познакомился Плошю съ Жоржъ Сандъ лишь черезъ 10 лѣтъ, въ 1861 г. Объ этомъ будетъ говорено ниже. Упомянутое письмо Жоржъ Сандъ напечатано въ книгѣ Плошю въ извлеченіи, а цѣликомъ въ „Correspondance“ de George Sand, томъ III, письмо CCCXXIX.

имъ туалетную воду, то въ годину бѣдствій, когда изъ Парижа взлетѣли два шара, чтобы осажденный городъ могъ снестись съ временнымъ правительствомъ, засѣдавшимъ въ Ліонѣ, этимъ же *великимъ* именемъ *„Жоржъ Сандъ“* назвали одинъ изъ двухъ шаровъ (другой носилъ имя знаменитаго друга ея по 1848 г. — *Армана Барбеса*). Во вторую и третью четверть нашего вѣка мало было именъ болѣе любимыхъ, болѣе популярныхъ, чѣмъ имя Жоржъ Сандъ.

Но, повторяемъ, не желая забѣгать впередъ, мы теперь укажемъ на то, что мы, русскіе, обязаны съ особеннымъ вниманіемъ отнестись ко вліянію Жоржъ Сандъ на общество 40-хъ годовъ, такъ какъ у насъ оно сказалось съ особенной силой и, по размѣрамъ и результатамъ своимъ, было совершенно необычайно.

Ничто такъ не доказываетъ преобладанія, господства извѣстныхъ идей и вкусовъ въ данное время, какъ то, что они становятся вдругъ модными и обязательными даже для тѣхъ, кому въ сущности ни до какихъ идей дѣла нѣтъ, кто рядится въ нихъ, какъ въ своего рода „чайльдъ-гарольдовъ плащъ“ или... въ красный фракъ—смотря по времени. Сама Жоржъ Сандъ это очень остроумно отмѣтила въ одной изъ главъ *„M-lle La Quintinie“*. Въ 30-хъ годахъ, по ея словамъ, „всѣ рядились въ міровую скорбь и разочарованіе, теперь (въ 60-хъ годахъ) во Франціи молодежь рядится въ равнодушіе ко всему и насмѣшливый дилетантизмъ“. Жоржъ Сандъ, какъ всякій истинный талантъ, какъ въ наше время Толстой, не избѣжала этихъ уродливыхъ и смѣшныхъ проявленій моды. Отсюда понятно и то, что съ именемъ ея связывалось одно время столько всякаго вздору и даже некрасивыхъ поступковъ, теорій и болтовни, продѣлываемыхъ или разглашаемыхъ мнимыми „жоржъ-сандистами“ и „жоржъ-сандистками“, какъ въ наше время постоянно слышишь о разныхъ дикихъ и нелѣпыхъ выходкахъ мнимыхъ или даже искренныхъ „толстовцевъ“. Въ 40-хъ годахъ у насъ одной изъ принадлежностей развитого человѣка было „увлеченіе идеями Жоржъ Сандъ.“ И это можно прослѣдить даже въ нѣкоторыхъ сатирическихъ произведеніяхъ той эпохи. Кто не помнитъ полнаго тонкаго юмора и ѣдкой насмѣшки стихотворенія *Плещеева*: *„Мой знакомый“*. Вотъ какъ рисуетъ поэтъ этого, вездѣ встрѣчающагося „знакомаго“, вначалѣ, до превращенія его изъ quasi-свободомыслящаго въ яраго консерватора:

„И былъ онъ ярый либералъ,
Всѣ слабости людей

Онъ энергически каралъ,
Хоть не писалъ статей.
.
И Жоржемъ Сандомъ и Леру
Былъ страстно увлеченъ:
Мужей онъ поучалъ добру,
Развить старался женъ".

и т. д., и т. д.

Но если подобные господа *рядились* въ это „увлеченіе" ради моды, то лучшая часть нашего общества, интеллигенція въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова, и во главѣ ея вся плеяда нашихъ великихъ писателей 40-хъ годовъ, дѣйствительно воспитывалась на произведеніяхъ Жоржъ Сандъ, жила ими; Жоржъ Сандъ помогала имъ уяснять себѣ самые важные вопросы нашего вѣка, она указала многимъ новые пути, другихъ укрѣпляла на уже избранномъ, еще другимъ помогала понять свое истинное призваніе,—почти для всѣхъ была тою предразсвѣтною звѣздою, которая среди мрака тѣхъ тяжелыхъ годовъ указывала путь къ свѣту и солнцу, отъ неволи на волю, отъ мелкихъ личныхъ интересовъ къ гуманнымъ и широкимъ интересамъ общественнымъ. И за это съ какою восторженною благодарностью отзываются о ней ея тогдашніе читатели, за то всякій изъ нихъ такъ или иначе говоритъ намъ, что для него значила Жоржъ Сандъ, а каждый изъ писателей оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ или произведеніяхъ нѣсколько страницъ или строкъ, полныхъ глубокой любви и признательности этому великому духу.

Заговорите о Жоржъ Сандъ съ нашими отцами и дядями, съ нашими матерями, бабушками и тетушками, со всѣми тѣми, кто былъ молодъ въ 40-хъ годахъ, кто тогда, окончивъ или кончая воспитаніе, выходилъ въ самостоятельную жизнь. Ото всѣхъ вы услышите одинъ и тотъ же отвѣтъ. „Мы зачитывались Жоржъ Сандъ",—разсказывала мнѣ одна почтенная старушка, извѣстная дѣятельница на поприщѣ женскаго образованія и благотворительности,—„я помню какъ мы съ сестрой ночи напролетъ читали одна другой вслухъ ея романы и говорили и спорили о ней до разсвѣта. Когда одна уставала читать, читала другая, только чтобы не прерывать романа или статьи на половинѣ. Мы воспитывались на ея сочиненіяхъ".—„Я никому такъ не обязанъ какъ Бѣлинскому и Жоржъ Сандъ",—говорилъ мнѣ человѣкъ, свои лучшія силы посвятившій на служеніе реформамъ шестидесятыхъ годовъ,—„я нравственно выросъ на этихъ двухъ писателяхъ, они мои истинные воспитатели".

Упомянутый уже нами русскій біографъ Жоржъ Сандъ [1]), принадлежащій къ поколѣнію „*дѣтей*“ тѣхъ „*отцовъ*“ сороковыхъ годовъ, говоритъ, что они, эти „*дѣти*“ „выросли подъ вліяніемъ людей, воспитанныхъ отчасти ею“. Тѣ же самыя слова долженъ повторить и я, хотя мое поколѣніе уже является поколѣніемъ *внуковъ*. Чувствуя себя такимъ *духовнымъ внукомъ* Жоржъ Сандъ, я по одному этому уже считалъ бы своею обязанностью заняться серьезной біографической и критической работой о Жоржъ Сандъ. Но одного этого было бы еще недостаточно, это еще не давало бы мнѣ права на ту громадную задачу, за которую я взялся. Уже столько говорено и писано о Жоржъ Сандъ, и такими заслуженными и громкими именами подписано большинство иностранныхъ сочиненій о ней. Есть однако гораздо болѣе вѣскія причины для того, чтобы я считалъ просто своимъ долгомъ, долгомъ *русскаго писателя вообще*, посвятить свои силы такому труду о Жоржъ Сандъ, который долженъ явиться и полной ея біографіей, — *такой еще не существуетъ*,—и по возможности полной оцѣнкой ея какъ художника и мыслителя.

Первою изъ такихъ причинъ является указанное нами выше вліяніе великой романистки на нашихъ писателей той эпохи и вытекающія отсюда для насъ слѣдствія.

Говорятъ [2]), что „Жоржъ Сандъ играла видную роль въ числѣ вліяній, заставившихъ *Бѣлинскаго* краснѣть при воспоминаніи о статьѣ „Бородинская годовщина“... „Вліяніе Жоржъ Сандъ являлось поправкой крайнему увлеченію односторонне понятымъ гегеліанствомъ и тѣми выводами, къ которымъ привелъ неполно истолкованный афоризмъ германскаго философа: что дѣйствительно, то разумно“... И дѣйствительно, если въ статьяхъ Бѣлинскаго перваго и особенно второго періода мы постоянно встрѣчаемъ несочувственные отзывы о романахъ Жоржъ Сандъ, точно такъ же, какъ и недоброжелательные отзывы о Бальзакѣ,—то въ концѣ своей дѣятельности Бѣлинскій говоритъ уже совсѣмъ иначе о французской писательницѣ и, надо полагать, на ней онъ могъ убѣдиться, насколько узокъ былъ его прежній взглядъ, не видѣвшій иного искусства, какъ „для искусства“. Въ статьѣ „*Рѣчь о критикѣ. А. В. Никитенко*. 1842 г.“ онъ уже говоритъ: „Жоржъ Сандъ—это безспорно первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы

[1]) Цебрикова. Отеч. Зап. 1877 г., іюнь-іюль.

[2]) Idem.

бы ни были начала ея, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными, но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Оттого произведенія ея глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Оттого талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и ростетъ. Такіе таланты замѣчательны еще какъ характеры нравственные и энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безукоризненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіей къ человѣчеству и любовью къ нему." Тотъ, кто знаетъ, что Бѣлинскій былъ самъ прежде всего человѣкомъ, „убѣжденіе котораго было вѣрованіемъ души и сердца", человѣкомъ всю свою жизнь „трепетавшимъ симпатіей къ человѣчеству и любовью къ нему", тотъ легко пойметъ, что какъ только Бѣлинскій сбросилъ съ себя неприставшую ему и незатронувшую его истинной натуры, а лишь извнѣ навѣянную квіэтическую философію, такъ онъ съ особою чуткостью долженъ былъ отозваться на эти родственныя его духу черты великой писательницы и подпасть подъ вліяніе ея идей.

О томъ, что значила Жоржъ Сандъ въ исторіи развитія *Салтыкова - Щедрина* мы находимъ цѣнныя указанія и у самого сатирика и у его біографа К. К. Арсеньева. Въ IV главѣ „За Рубежемъ" [1]) Салтыковъ разсказываетъ слѣдующее... „Я въ то время только-что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризованіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Фурье, Луи-Блана и *въ особенности Жоржъ Сандъ*. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ" находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное — все это оттуда".

А К. К. Арсеньевъ въ своихъ „*Матеріалахъ для біографіи Салтыкова*" (прил. къ этому же изданію, томъ I, стр. XXXVI) указываетъ, что если въ „*Противорѣчіяхъ*"

[1]) VIII томъ Полнаго Собр. Соч. 1892 г., стр. 442.

чувствуется вліяніе первыхъ романовъ Жоржъ Сандъ („Indiana“, „Valentine“, „Jacques“), то слѣдующая затѣмъ повѣсть Салтыкова „Запутанное дѣло“, напечатанная въ мартовской книжкѣ „От. Зап.“ 1848 года за подписью М. С., внушена отчасти второю — соціалистическою — полосою дѣятельности Жоржъ Сандъ, отчасти же прямо чтеніемъ авторовъ, подъ обаяніемъ которыхъ находилась въ то время французская писательница, отчасти наконецъ „Шинелью“ Гоголя и „Бѣдными Людьми“ Достоевскаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сельскіе романы *Григоровича* и „Записки Охотники“ *Тургенева*, — сыгравшіе такую великую роль въ нашей исторіи, бывшіе однимъ изъ факторовъ освобожденія крестьянъ, обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію Жоржъ Сандъ. Объ этомъ уже много разъ было говорено [1]) въ нашей печати. Д. В. Григоровичъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ своихъ „*Воспоминаніяхъ*“; это же мы слыхали отъ него лично. Но кажется еще никогда не было указано на то, что если въ первомъ произведеніи Тургенева— драматической поэмѣ „*Стеніо*“, лишь заглавіе напоминаетъ о „*Леліи*“, за то въ „*Рудинѣ*“ весь характеръ героя навѣянъ „*Орасомъ*“. Если отбросить національныя и сословныя особенности, кладущія свой отпечатокъ на Дмитрія Рудина и на Ораса, передъ нами окажется одно и то же лицо, тотъ же типъ благороднаго фразера, увлекающаго другихъ и самого себя своей мнимой горячностью и пылкими рѣчами и неспособнаго ни на какое настоящее дѣло, ни на какое цѣльное чувство, энтузіаста à froid, пассующаго передъ людьми не столь блестящими, но живущими полной жизнью, передъ простыми сердцами, могущими беззавѣтно любить и своихъ ближнихъ, и тѣ идеи, которымъ они преданы вполнѣ,—передъ людьми, у которыхъ воля, умъ и чувство не идутъ вразбродъ. И если Дмитрій Рудинъ *договаривается* до баррикадъ и умираетъ на нихъ въ 1848 году, а Орасъ благоразумно увертывается отъ участія въ дѣлѣ Сенъ-Мерри въ 1832-мъ, если вообще Рудинъ гораздо симпатичнѣе, безкорыстнѣе и жальче своего прообраза, то причину этого слѣдуетъ искать именно въ указанныхъ нами

[1]) Между прочимъ и г. Скабичевскимъ въ его статьяхъ о Жоржъ Сандъ въ „От. Зап.“ 1881 г. А въ самое послѣднее время—черезъ нѣсколько лѣтъ уже послѣ появленія этой главы нашего труда на стр. „Вѣст. Евр.“ 1894 г. проф. Сумцевъ на стр. „Книжекъ Недѣли,“ развивая эту нашу мысль и ссылаясь на это мѣсто нашей статьи, подробно разбираетъ отраженіе Пасіанса изъ „Мопрà“ на тургеневскомъ „Касіанѣ изъ Красивой Мечи“.

расовыхъ и сословныхъ чертахъ, вѣрно и ярко нарисованныхъ Жоржемъ Сандъ и Тургеневымъ. Рудинъ — русскій баринъ, диллетантъ мышленія, человѣкъ независимый, свободный по своему положенію и средствамъ и притомъ истинно русская, славянская, немного безалаберная и широкая натура, Орасъ — французскій мелкій буржуа, человѣкъ практическій, добивающійся положеній въ обществѣ, и если въ началѣ и обманывающійся самъ относительно своего увлеченія разными высокими идеями, за то съ теченіемъ времени отлично научающійся пользоваться проповѣдью ихъ ради самыхъ практическихъ цѣлей.

Сознавалъ ли Тургеневъ это отраженіе „*Ораса*“ на одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, или это произошло безсознательно для самого автора—рѣшить трудно. Важно то, что Тургеневъ самъ не разъ свидѣтельствовалъ о томъ, какую роль играла Жоржъ Сандъ въ его духовномъ развитіи. Въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 9/21 іюня 1876 г. [1]), написанномъ тотчасъ послѣ смерти Жоржъ Сандъ, Тургеневъ вспоминаетъ о томъ „восторженномъ удивленіи, которое она нѣкогда возбуждала въ немъ“. Относится это „нѣкогда“ къ его молодымъ годамъ, какъ это явствуетъ изъ его письма къ Дружинину [2]) отъ 30 октября 1886 г. „Вы говорите, что я не могъ остановиться на Жоржъ Сандъ; разумѣется я не могъ остановиться на ней, такъ же, какъ, напр., на Шиллерѣ; но вотъ какая разница между нами: для васъ это направленіе — заблужденіе, которое слѣдуетъ искоренить; для меня оно—неполная истина, которая всегда найдетъ (и должна найти) послѣдователей въ томъ возрастѣ человѣческой жизни, когда полная истина еще недоступна. Вы думаете, что пора уже возводить стѣны зданія; я полагаю, что еще предстоитъ рыть фундаментъ“. Очевидно, что въ жизни Тургенева Жоржъ Сандъ и сыграла роль такого разрывателя и строителя фундамента, и потому-то черезъ 20 лѣтъ послѣ этого письма къ Дружинину, въ упомянутомъ уже письмѣ къ Суворину, Тургеневъ говоритъ: „Повѣрьте мнѣ: *Жоржъ Сандъ одна изъ нашихъ святыхъ*, — вы конечно поймете, что я хочу сказать этимъ словомъ“. И эти удивительныя слова онъ написалъ тогда, когда зналъ великую писательницу не по однимъ ея сочиненіямъ, но и лично. „На мою

1) Первое собраніе писемъ Тургенева (Изд. Общества для пособія нужд. литер. и ученымъ) Спб. 1884 г. № 232.

2) „Первое собраніе писемъ Тургенева“. № 15.

долю выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ Сандъ—пожалуйста не примите этого выраженія за обычную фразу: кто могъ видѣть вблизи это рѣдкое существо, тотъ дѣйствительно долженъ почесть себя счастливымъ... Когда лѣтъ восемъ тому назадъ я впервые сблизился съ Жоржъ Сандъ... я уже не покланялся ей, но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни, — и не сдѣлаться ея поклонникомъ въ другомъ, быть можетъ, лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находится въ присутствіи безконечно-щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла было выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ; которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью, участіемъ... И надъ всѣмъ этимъ какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое...“

Какъ высоко ставили Жоржъ Сандъ *Анненковъ*, *В. П. Боткинъ* и *Герценъ* — тому пришлось бы привести цѣлыя страницы примѣровъ изъ ихъ сочиненій [1]).

И наряду съ ними, по словамъ одного изъ писемъ Бѣлинскаго, *славянофилы*, находя у Жоржъ Сандъ (какъ и у Луи-Блана) подтвержденіе своихъ теорій о роли и назначеніи народа, цитировали ее въ своихъ статьяхъ.

Но самыя горячія, самыя характерныя и прочувствованныя слова, слова, дышащія благодарностью великой души, умѣвшей оцѣнить другую великую душу, сказалъ о Жоржъ Сандъ безспорно *Достоевскій*. Мы уже упоминали выше о двухъ его статьяхъ, посвященныхъ памяти только-что скончавшейся тогда романистки, въ іюньской тетради „*Дневникъ Писателя*“ 1876 г. Для удобства изложенія начнемъ со второй статьи: *Нѣсколько словъ о Жоржъ Сандѣ.*

„Появленіе Жоржъ Санда въ литературѣ, — говоритъ Достоевскій,—совпадаетъ съ годами моей первой юности, и я очень радъ теперь, что это такъ ужъ давно было, потому что теперь, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, можно говорить почти вполнѣ откровенно. Надо замѣтить, что тогда [2]) только это и было позволено,—т.-е. романы, остальное все, чуть не всякая мысль, особенно изъ Франціи было строжайше запрещено. О, конечно, весьма часто смотрѣть не умѣли да и откуда бы могли на-

[1]) См. „Анненковъ и его друзья“ (Спб. изд. Суворина 1892) стр. 186, 265, 530 изд. 2) „Сочиненія В. П. Боткина“ Спб. 1890 2 тома. 3) Сочиненія Герцена и особенно Дневникъ Герцена.

[2]) Во времена императора Николая I.

учиться: и Меттернихъ не умѣлъ смотрѣть, не то что наши подражатели. А потому и проскакивали „ужасныя вещи“ (напр. проскочилъ весь Бѣлинскій). Но зато какъ бы взамѣнъ тому, подъ конецъ особенно, чтобы не ошибиться стали запрещать почти все сплошь, такъ что кончалось, какъ извѣстно, транспарантами. Но романы все-таки дозволялись и съ начала, и въ серединѣ и даже въ самомъ концѣ, и вотъ тутъ-то и именно на Жоржъ Сандѣ, оберегатели дали тогда большаго маху... И что же вышло: то, что вторгнулось къ намъ тогда въ формѣ романа, не только послужило точно также дѣлу, но можетъ быть было, напротивъ, еще самой „опасной“ формой по тогдашнему времени, потому что на Рабо-то [1]) можетъ быть и не нашлось бы тогда столько охотниковъ, а на Жоржъ Сандъ нашлось ихъ тысячами [2]). Здѣсь надо замѣтить, что и у насъ, несмотря ни на какихъ Липранди и Магницкихъ, еще съ прошлаго столѣтія, всегда тотчасъ-же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ, и тотчасъ же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллекціи передавалось и массѣ хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящихъ людей. Точь въ точь тоже произошло и съ европейскимъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Объ этомъ огромномъ движеніи европейскихъ литературъ самаго начала тридцатыхъ годовъ у насъ весьма скоро получилось понятіе. Были уже извѣстны имена многихъ ораторовъ, историковъ, трибуновъ, профессоровъ. Даже, хотя отчасти, хоть чуть-чуть извѣстно стало и то, куда клонитъ все это движеніе. И вотъ, особенно страстно это движеніе проявлялось въ искусствѣ, въ романѣ, а главнѣйше—у Жоржъ Сандъ... Появилась же она на русскомъ языкѣ примѣрно въ половинѣ тридцатыхъ годовъ; жаль, что не помню и не знаю, когда и какое первое произведеніе ея было у насъ переведено; но тѣмъ удивительнѣе должно было быть впечатлѣніе. Я думаю, такъ же, какъ и меня, еще юношу, всѣхъ поразила тогда эта цѣломудренная, высочайшая чистота типовъ и идеаловъ и скромная прелесть строгаго, сдержаннаго тона разсказа... Мнѣ было, я думаю, лѣтъ шестнадцать, когда я прочелъ въ первый разъ ея повѣсть „Ускокъ“— одно изъ прелестнѣйшихъ первоначальныхъ ея произведеній.

[1]) Намекъ на стихотвореніе Давыдова: „Томы Пьера и Рабо онъ на память знаетъ...“ которые Достоевскій выше приводитъ. Очевидно рѣчь идетъ о Reybaud.

[2]) Значитъ романы Жоржъ Санда играли у насъ совершенно ту же роль, какую они сыграли и въ Германіи. Ср. съ тѣмъ, что говоритъ объ этомъ Юліанъ Шмидтъ на стр. 546—7 тома II своей „Исторіи Литературы“.

Я помню, я былъ потомъ въ лихорадкѣ всю ночь. Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что Жоржъ Сандъ, по крайней мѣрѣ, по моимъ воспоминаніямъ судя, заняла у насъ сряду чуть не самое первое мѣсто въ ряду цѣлой плеяды новыхъ писателей тогда вдругъ проявившихся и прогремѣвшихъ по всей Европѣ... я говорю все это не съ точки зрѣнія какой-нибудь критической оцѣнки, а просто-на-просто припоминаю о вкусѣ тогдашней массы русскихъ читателей, о непосредственномъ произведенномъ на нихъ впечатлѣніи. Главное то, что читатель съумѣлъ извлечь даже изъ романовъ все, отъ чего его такъ тогда оберегали. По крайней мѣрѣ въ половинѣ сороковыхъ годовъ у насъ, даже массѣ читателей было хоть отчасти извѣстно, что Жоржъ Сандъ одна изъ самыхъ яркихъ, строгихъ и правильныхъ представительницъ того разряда тогдашнихъ западныхъ новыхъ людей, явившихся и начавшихъ прямымъ отрицаніемъ тѣхъ „положительныхъ“ пріобрѣтеній, которыми закончила свою дѣятельность кровавая французская (а вѣрнѣе европейская) революція конца прошлаго столѣтія... вдругъ возникло новое слово и раздались новыя надежды; явились люди, прямо возглашавшіе, что дѣло остановилось напрасно и неправильно, что ничего не достигнуто политической, смѣной побѣдителей, что дѣло надобно продолжать, что обновленіе человѣчества должно быть радикальное, соціальное. О, конечно, явилось рядомъ съ этими возгласами и множество самыхъ пагубныхъ и самыхъ уродливыхъ заключеній, но главное было въ томъ, что засвѣтилась опять надежда и опять начала возрождаться вѣра.

„Исторія этого движенія извѣстна,—оно продолжается до сихъ поръ и кажется вовсе не намѣрено останавливаться. Я вовсе не намѣренъ говорить ни за, ни противъ него, но я лишь желалъ обозначить настоящее мѣсто Жоржъ Сандъ въ этомъ движеніи. Ея мѣсто надо искать въ самомъ началѣ его. Тогда, встрѣчая ее, въ Европѣ говорили, что она проповѣдуетъ новое положеніе женщины и пророчествуетъ о „правахъ свободной жены“ (выраженіе про нее Сенковскаго), но это не совсѣмъ было вѣрно, ибо она проповѣдывала вовсе не объ одной только женщинѣ и не изобрѣтала никакой „свободной жены“. Жоржъ Сандъ принадлежала всему движенію, а не одной лишь проповѣди о правахъ женщины“...

Указавъ на то, что, какъ женщина Жоржъ Сандъ, правда, любила больше „выставлять героинь, а не героевъ“, и что это должно бы было вызвать къ ней особую симпатію женщинъ всего міра, особое ихъ горе по поводу ея смерти, Достоевскій

называетъ ее одною изъ „*самыхъ высшихъ и прекрасныхъ представительницъ*“ женщинъ и „кромѣ того женщиной почти *небывалой по силѣ ума и таланта, именемъ, ставшимъ историческимъ, именемъ которому не суждено забыться и исчезнуть среди европейскаго человѣчества*“. Затѣмъ безподобно, съ простотой истинно-великаго писателя, разобравъ главные типы дѣвушекъ и женщинъ въ такъ-называемыхъ *венеціанскихъ повѣстяхъ* и первыхъ романахъ Жоржъ Сондъ и указавъ на „необыкновенную красоту“ этихъ нравственныхъ образовъ и на то, что „лишь въ великой и прекрасной душѣ могли явиться такіе типы и такіе запросы“, Достоевскій восклицаетъ:

„Такіе ли образы могли возмутить общество, возбудить сомнѣнія и страхи? Напротивъ, самые строгіе отцы и матери стали позволять въ своихъ семействахъ чтеніе Жоржъ Сандъ и только удивлялись: „что же это такъ всѣ объ ней говорили?“ Но тутъ-то и раздались предостерегающіе голоса, что „вотъ въ этой-то гордости женскаго запроса, въ этой-то непримиримости цѣломудрія съ порокомъ, въ этомъ-то отказѣ отъ всякихъ уступокъ пороку, въ этомъ то безстрашіи, съ которымъ невинность воздвигается на борьбу и смотритъ ясно въ глаза обидѣ, и заключается ядъ, будущій ядъ женскаго протеста, женской эмансипаціи“. Что же! можетъ быть про ядъ говорили справедливо; дѣйствительно зарождался ядъ, но что̀ онъ шелъ истребить, что̀ отъ этого яда должно было погибнуть, и что̀ спастись,— вотъ что тотчасъ же составило вопросъ и долго не разрѣшалось.

„Теперь давно уже эти вопросы разрѣшены (кажется такъ). Надо кстати замѣтить, что къ половинѣ сороковыхъ годовъ слава Жоржъ Санда и вѣра въ силу ея генія стояли такъ высоко, что мы, современники ея, всѣ ждали отъ нея чего-то несравненно большаго въ будущемъ, неслыханнаго еще новаго слова, даже чего-нибудь разрѣшающаго и уже окончательнаго. Надежды эти не осуществились...

...„Жоржъ Сандъ не мыслитель, но это одна изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество, въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь и именно потому, что сама въ душѣ своей способна была воздвигнуть идеалъ. Сохраненіе этой вѣры до конца обыкновенно составляетъ удѣлъ всѣхъ высокихъ душъ, всѣхъ истинныхъ человѣколюбцевъ. Жоржъ Сандъ умерла деисткой, твердо вѣря въ Бога и въ безсмертную жизнь свою, но о ней мало сказать этого: она сверхъ того была, можетъ быть, и всѣхъ болѣе христіанкой изъ всѣхъ

своихъ современниковъ — французскихъ писателей, хотя формально и не исповѣдовала Христа... *Жоржъ Сандъ была можетъ быть одною изъ самыхъ полныхъ исповѣдницъ Христовыхъ, сама не зная о томъ.* Она основывала свой соціализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и къ чистотѣ, а не на муравьиной необходимости. Она вѣрила въ личность человѣческую безусловно, (даже до безсмертія ея), возвышала и раздвигала представленіе о ней всю жизнь свою — въ каждомъ своемъ произведеніи, и тѣмъ самымъ совпадала и мыслію и чувствомъ своимъ съ одной изъ самыхъ основныхъ идей христіанства, т.-е. съ признаніемъ человѣческой личности и свободы ея (а стало быть и ея отвѣтственности). Отсюда и признаніе долга и строгіе нравственные запросы на это и совершенное признаніе отвѣтственности человѣческой. И можетъ быть не было мыслителя и писателя во Франціи въ ея время, въ такой силѣ понимавшаго, что „не единымъ хлѣбомъ бываетъ живъ человѣкъ“. Что же до гордости ея запросовъ и протеста, то, повторяю это опять, эта гордость никогда не исключала милосердія, прощенія обиды, даже безграничнаго терпѣнія, основаннаго на состраданіи къ самому обидчику; напротивъ, въ произведеніяхъ своихъ Жоржъ Сандъ не разъ прельщалась красотою этихъ истинъ и не разъ воплощала типы самаго искренняго прощенія и любви“...

Послѣ приведенныхъ строкъ намъ вполнѣ понятнымъ становится то, что Достоевскій написалъ въ своей первой статьѣ „*Смерть Жоржъ Санда*“, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вѣсти о ея кончинѣ:

...„Лишь прочтя о ней, понялъ, что значило въ моей жизни это имя, сколько взялъ этотъ поэтъ въ свое время моихъ восторговъ, поклоненій и сколько далъ мнѣ когда то радостей, счастья! Я смѣло ставлю каждое изъ этихъ словъ, потому что все это было буквально. Это одна изъ нашихъ (т. е. *нашихъ*) современницъ вполнѣ идеалистка тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Это одно изъ тѣхъ именъ нашего могучаго, самонадѣяннаго и въ то же время больного столѣтія, полнаго самыхъ невыясненныхъ идеаловъ и самыхъ неразрѣшимыхъ желаній, именъ, которыя, возникнувъ тамъ, у себя, въ „странѣ святыхъ чудесъ“, переманили отъ насъ, изъ нашей вѣчно-создающейся Россіи слишкомъ много думъ, любви, святой и благородной силы порыва, живой жизни и дорогихъ убѣжденій.

Но не жаловаться намъ надо на это: вознося такія имена и преклоняясь предъ ними, русскіе служили и служатъ прямому своему назначенію. Пусть не удивляются этимъ словамъ моимъ и особенно въ отношеніи къ Жоржъ Сандъ, о которой до сихъ поръ могутъ быть споры и которую наполовину, если не на всѣ девять десятыхъ, у насъ успѣли уже забыть; но *свое дѣло она всетаки у насъ сдѣлала въ свое время*, и кому же собраться помянуть ее на ея могилѣ, какъ не намъ, ея современникамъ со всего міра? У насъ, русскихъ, двѣ родины: наша Русь и Европа... Многое, очень многое изъ того, что мы взяли изъ Европы и пересадили къ себѣ, мы не скопировали только... а привили къ нашему организму, въ нашу плоть и кровь; иное же пережили и даже выстрадали *самостоятельно*, точь въ точь какъ тѣ, тамъ на Западѣ, для которыхъ все это было свое, родное. Европейцы этому ни зачто не повѣрятъ; они насъ не знаютъ, да и пока тѣмъ лучше. Тѣмъ непримѣтнѣе и спокойнѣе совершится необходимый процессъ, который впослѣдствіи удивитъ весь міръ. Вотъ этотъ то процессъ всего яснѣе и осязательнѣе можно выслѣдить отчасти и на отношеніи нашемъ къ литературамъ другихъ народовъ. Ихніе поэты намъ, по крайней мѣрѣ большинству развитыхъ людей нашихъ, точно также родные, какъ и имъ тамъ у себя—на Западѣ. Я утверждаю и повторяю, что всякій европейскій поэтъ, мыслитель, филантропъ кромѣ земли своей, изъ всего міра наиболѣе и наироднѣе бываетъ понятъ и принятъ всегда въ Россіи... Это русское отношеніе къ всемірной литературѣ есть явленіе почти не повторявшееся въ другихъ народахъ въ такой степени во всю всемірную исторію... О, конечно многія улыбнутся, можетъ быть, прочтя выше о томъ значеніи, которое я придаю Жоржъ Сандъ, но смѣющіеся будутъ неправы... *Все то, что въ явленіи этого поэта составляло „новое слово“, все, что было „всечеловѣческаго“—все это тотчасъ же въ свое время отозвалось у насъ, въ нашей Россіи, сильнымъ и глубокимъ впечатлѣніемъ*, не миновало насъ и тѣмъ доказало, что *всякій поэтъ-новаторъ Европы, всякій прошедшій тамъ съ новою мыслью и новою силой, не можетъ миновать русской мысли, не стать почти русскою силой*“...

Вотъ именно, считая Жоржъ Сандъ такою „русскою силой“, считая ее однимъ изъ родоначальниковъ русскаго общественнаго сознанія нашего времени, я нашелъ, что на обязан-

ности *русскаго* лежитъ посвятить свои силы серьезному труду о Жоржъ Сандъ: написать полную біографію и болѣе или менѣе полный критическій разборъ ея произведеній и идей. Это слишкомъ смѣлая и самонадѣянная задача, но задача вполнѣ законная въ виду того простого факта, что несмотря на то, что и при жизни и послѣ смерти Жоржъ Сандъ появились десятки, чуть не сотни біографій, статей, мемуаровъ, этюдовъ и замѣтокъ, посвященныхъ этой писательницѣ, — можно положительно сказать, что полной біографіи и въ то же время критической работы о Жоржъ Сандъ не существуетъ ни на одномъ европейскомъ языкѣ. Лучшей, т. е. наиболѣе точной и страдающей наименьшими пропусками и невѣрностями, слѣдуетъ признать англійскую, сжатую и краткую біографію, написанную Бертой Томасъ въ собраніи „Замѣчательныя женщины", издаваемомъ Инграмомъ [1]). Но *во-первыхъ* она имѣетъ въ виду исключительно англійскихъ читателей, *во-вторыхъ*, черезчуръ уже стѣснена размѣрами изданія, для котораго написана, *въ третьихъ* — критическая сторона въ ней почти абсолютно отсутствуетъ. Тѣмъ не менѣе, всѣхъ кто не будучи знакомъ съ біографіей великой писательницы, хотѣлъ бы вкратцѣ, но на основаніи точныхъ и провѣренныхъ документовъ, ознакомиться съ исторіей этой замѣчательной жизни и духа, — всѣхъ этихъ читателей мы смѣло отсылаемъ къ біографіи миссъ Томасъ. Они изъ нея узнаютъ почти все главное, не наткнутся ни на какую нелѣпую побасенку изъ тѣхъ, что такъ часто повторяются всѣми почти безъ исключенія біографами Жоржъ Сандъ, и получатъ довольно вѣрную оцѣнку ея личности. На бо̀льшее авторъ и не претендуетъ, но, повторяю, это кажется единственный трудъ изъ безчисленнаго ряда томовъ, перечитанныхъ нами, который оставилъ въ насъ впечатлѣніе и вполнѣ добросовѣстнаго и пріятно поражаетъ своей фактичностью и точностью. Всѣ недостатки его зависятъ отъ того, что Миссъ Томасъ пользовалась лишь напечатанными уже источниками и отъ того, что писала для чопорной англійской публики, и *только для нея*, оставляя въ сторонѣ значеніе Ж. Сандъ, какъ писателя общеевропейскаго, да и вообще оставляя въ сторонѣ критическую сторону подобнаго труда.

Что же касается остальныхъ біографій и статей о Жоржъ Сандъ и по поводу Жоржъ Сандъ, то отлагая указанія на ихъ

[1]) Eminent Women Series; edit. by John H. Ingram. George Sand by Miss Bertha Thomas.

ошибки и недостатки до изложенія тѣхъ фактовъ, къ которымъ они относятся, мы теперь же скажемъ, почему онѣ вообще насъ не удовлетворяютъ и почему теперь все чаще раздаются голоса изъ публики, сѣтующіе на то, что настоящей, полной біографіи Жоржъ Сандъ нѣтъ, какъ нѣтъ и книги, гдѣ бы разсматривались всѣ ея произведенія.

Прежде всего рѣшительно всѣ статьи о Жоржъ Сандъ, начиная съ журнальныхъ статей 1835 — 1836 годовъ и до статьи Фаге (1893) [1]) и всѣ біографіи, начиная съ Ломени [2]) и до Каро—всѣ переполнены неточностями и ошибками, а факты и годы приводятся безъ надлежащей провѣрки. Не говоря уже о совершенно невѣрныхъ свѣдѣніяхъ о происхожденіи и родителяхъ Жоржъ Сандъ и постоянномъ смѣшеніи, ктò изъ нихъ былъ по рожденію аристократомъ, ктò плебеемъ,—даже годы и мѣсяцы рожденія и смерти самой Жоржъ Сандъ показываются невѣрно. Самое имя ея приводится часто невѣрно, какъ еще сама она вѣрно замѣтила въ письмѣ своемъ къ самому легковѣсному изъ біографовъ, какіе когда-либо только существовали, къ пресловутому Э. де-Миркуру [3]) рядъ біографій котораго Линдау справедливо называетъ „*mehr berüchtigt abs berühmt*“ (Это письмо, напечатанное въ „*Mousquetaire*“ и въ „*Presse*“ при жизни Жоржъ Сандъ и перепечатанное въ брошюрѣ Миркура „*Ламеннэ*“, вошло послѣ ея смерти въ ея *Корреспонденцію*, III томъ, CCCIX). И дѣйствительно, Ломени называетъ ее: *Marie-Aurore*, Миркуръ — *Amantine-Aurore*, Фагэ — *Lucile-Aurore*, тогда какъ самое ея имя было *Amandine-Lucile Aurore*, а Marie-Aurore была ея бабка. Не говоримъ уже о другихъ ошибкахъ и враньѣ, которыя намъ придется много разъ указывать. Почти всѣхъ желательно было бы избѣжать, хотя бы въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя вышли послѣ 1854 г., т.-е. послѣ выхода въ свѣтъ „Histoire de ma Vie“. (*Исторія моей жизни*).

Зато въ другомъ отношеніи мы именно желали бы поменьше пользованія этимъ сочиненіемъ со стороны біографовъ Жоржъ Сандъ, и тутъ мы переходимъ ко *второму пункту*

[1]) Emile Faguet. Dix-neuvieme siècle. Etudes littéraires: George Sand. Paris, 1898.

[2]) Louis-de-Loménie. „Galerie des contemporains illustres par un homme de rien“. Bruxelles. 1847.

[3]) Eugène de Mirecourt. настоящее имя котораго Eugene Jacquot (изъ Mirecourt, деп. Вогезовъ) авторъ: „Les Contemporains“, Для нашей работы интересны лишь 3 изъ нихъ: „Lamennais“, „A, de Musset“ и „George Sand“.

нашего недовольства всѣми ея біографами. Именно, насъ поражаетъ тотъ фактъ, что когда въ біографіяхъ самой Жоржъ Сандъ и въ жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей, бывшихъ съ нею въ дружескихъ или иныхъ отношеніяхъ, когда въ нихъ болѣе или менѣе пространно передается исторія ея жизни, то всѣ, какъ авторы монографій и статей, такъ и историки литературы, буквально ограничиваются тѣмъ, что просто пересказываютъ своими словами *„Исторію моей жизни“* до того пункта, до котораго сама Жоржъ Сандъ ее довела, т.-е. до половины сороковыхъ годовъ, — а затѣмъ о послѣднихъ чуть не 30-ти годахъ ея жизни говорятъ на двухъ — трехъ страничкахъ, рисующихъ ея жизнь въ Ноганѣ и почерпнутыхъ изъ ея извѣстнаго письма къ Юльбаху, — письма, приложеннаго Кальманомъ Леви въ видѣ эпилога къ послѣднему тому той же *„Исторіи моей жизни“*. Это уже черезчуръ легкій способъ писанія біографій и — прибавимъ — способъ весьма рискованный, какъ читатель самъ увидитъ. Кромѣ упомянутой уже миссъ Томасъ и біографа Шопена, тоже англичанина—Фр. Никса (Niecks), пользующихся и ея *Корреспонденціей* и другими напечатанными источниками (и то Никсъ дѣлаетъ это лишь въ предѣлахъ своей спеціальной цѣли),—всѣ другіе авторы: и Каро, и д'Оссонвиль, и Фагэ, Неттеманъ, и Ю. Шмидтъ и Крейсигъ, и всѣ русскіе біографы Ж. Сандъ, всѣ, за рѣдкими и частными исключеніями, оставляютъ безъ вниманія то, что можно было бы почерпнуть хотя бы изъ біографій и переписки Бальзака, Сентъ-Бёва, Делакруа, Шопена, Листа, Ламеннэ и т. д. и т. д. За то всѣ повторяютъ одинъ и тотъ же пересказъ съ коекакими варіантами, такъ что когда читаешь эти сочиненія одно за другимъ,—это въ концѣ концовъ становится просто невыносимо: положительно знаешь заранѣе, какое мѣсто изъ *„Исторіи моей жизни“* послѣ котораго будутъ цитировать. Это вполнѣ законно и неизбѣжно пожалуй до 1822 г. включительно, то-есть относительно дѣтства и отрочества Жоржъ Сандъ и исторіи ея семейства до ея рожденія, то-есть того матеріала, который она какъ бы заранѣе приготовила для своихъ будущихъ біографовъ, пожелавшихъ бы разъяснить на ея особѣ теорію наслѣдственности и тѣмъ самымъ объяснить ея характеръ и натуру. Но начиная съ 1822 г.,—когда Аврора Дюпенъ вышла замужъ за Казиміра Дюдевана, и по 1831 г.,—когда она его покинула и переселилась въ Парижъ, —имѣется уже масса и писемъ самой Жоржъ Сандъ, и всевозможныхъ другихъ извѣстныхъ и мало извѣстныхъ документовъ, которые раскрыва-

ютъ и освѣщаютъ очень многое изъ того, о чемъ вовсе неговорится въ „*Исторіи моей жизни*“ или говорится вскользь. Что же касается послѣдней части „*Исторіи*“—времени съ 1831 и почти по 1847 г.,—этихъ бурныхъ лѣтъ, полныхъ событій и лицъ, работы и увлеченій, этихъ „годовъ ученія и странствій“, самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ интересныхъ въ жизни Жоржъ Сандъ—то для нихъ „*Исторія моей жизни*“ можетъ служить развѣ нѣкоторой аріадниной нитью, но никакъ не основаніемъ для настоящей біографической работы.

Въ-третьихъ, мы должны указать на то, что расположенные къ Жоржъ Сандъ писатели, біографы—друзья, особенно ея благовоспитанные и любезные соотечественники, вѣроятно въ силу этой самой благовоспитанности, а миссъ Томасъ изъ соображеній англійскаго *cant*,—дѣлаютъ одну громадную ошибку, дающую оружіе въ руки враговъ Жоржъ Сандъ: всѣ они старательно обходятъ молчаніемъ такія общеизвѣстныя вещи, какъ отношенія Жоржъ Сандъ къ Жюлю Сандò, Альфреду де Мюссе, Мишелю изъ Буржа и Фредерику Шопену. Развѣ-развѣ ктонибудь изъ нихъ позволитъ себѣ почтительный и туманный намекъ или отдѣлается какой-нибудь ловкой фразой, которая понятна читателю, знающему въ чемъ дѣло, но совершенно темна для того, кто незнакомъ съ интимной исторіей и сплетнями тѣхъ временъ.

За то враги и хулители Жоржъ Сандъ, всѣ консервативные и добропорядочные критики, и всѣ вздорные фельетонисты, и всѣ біографы Мюссе и Шопена, не стѣсняясь и пользуясь именно тѣмъ, что фактически ихъ никто не опровергаетъ и никто объ извѣстныхъ фактахъ ясно и точно не говоритъ,—чего-чего они не разсказываютъ, какихъ возмутительно грубыхъ сплетенъ или подозрительно смутныхъ слуховъ они ни приводятъ, чего не наговариваютъ на Жоржъ-Сандъ! Для Жоржъ-Сандъ давно настало время исторіи, уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ она умерла, и если ея соотечественники (можетъ быть по какимъ-нибудь личнымъ и достойнымъ уваженія соображеніямъ) не могутъ рѣшиться теперь же приняться за ея настоящую біографію, то мы, русскіе, не связаны никакими подобными разсужденіями, мы смѣло можемъ говорить объ событіяхъ, которымъ минуло уже полсотни лѣтъ, да мы и не боимся разсказывать многое, чтò такъ пугаетъ иностранныхъ біографовъ великой романистки, дающихъ этимъ, повторяемъ, лишь совершенно противузаконное оружіе въ руки ея недоброжелателей. А главное, мы твердо убѣждены, что откровен-

ный разсказъ и прямое и открытое признаніе фактовъ, о которыхъ до сихъ поръ все только шепчутъ, скорѣе помогутъ смыть съ имени Жоржъ Сандъ тѣ гадкія, грязные сплетни и намеки, которыми полны біографіи Мюссе и другихъ ея современниковъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ монографія *Арведа Барина „Альфредъ-де-Мюссе“* [1]), первая изъ его біографій, въ которой извѣстная венеціанская поѣздка описывается не на основаніи беллетристическихъ произведеній или памфлетовъ, а на основаніи подлинной корреспонденціи Мюссе и Жоржъ Сандъ,—эта біографія столько же благопріятна для памяти нашего любимаго поэта, какъ и для памяти Жоржъ Сандъ, и производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ правдивымъ тономъ, чего никакъ нельзя сказать ни объ обѣихъ біографіяхъ брата Мюсссе [2]), ни о книгѣ *Пауля Линдау* [3]), ни о легковѣсной книжкѣ *виконтессы де Жанзэ* [4]) — вообще ни объ одной изъ біографій Мюссе, гдѣ авторы задаются цѣлью во что бы то ни стало обвинить Жоржъ Сандъ и въ то же время основываются лишь на росказняхъ или... главахъ изъ романовъ!

Какъ ни грѣшитъ наше время модной лицемѣрной добродѣтелью, а все же теперь мало уже найдется людей, которые будутъ анаѳемствовать противъ Байрона или противъ Жоржъ Сандъ по поводу ихъ любовныхъ исторій. Въ нашей обыденной жизни мы остаемся все тѣми же злоязычными и пошлыми сплетниками, но мы уже слишкомъ хорошо понимаемъ, что прилагать мѣрки добродѣтельной „княгини Маріи Алексѣевны“ къ великимъ душамъ вродѣ Гёте, Байрона, Пушкина, Гейне и Жоржъ Сандъ —по меньшей мѣрѣ смѣшно. И если лѣтъ 10—15 назадъ еще существовалъ въ Петербургѣ ветхій деньми преподаватель словесности, съ каѳедры произносившій, что „Лермонтовъ не поэтъ, а подлецъ“ (*textuel*), и другой писатель, выражавшій, хоть и болѣе деликатно, а ту же мысль,—что Лермонтову „мѣшаетъ быть истиннымъ поэтомъ его безнравственность“, то подобныя сужденія во всякомъ случаѣ отзываются такою затхлостью и убожествомъ, что на нихъ обращать вниманіе не слѣдуетъ, и они уже никого не смутятъ.

[1]) Les grands écrivains français. „Alfred de Musset“ par Arvède Barine. Paris, 1893.

[2]) Paul de Musset: a) Notice abrégée sur la vie d'Alfred de Musset“. Gr. edition in 4° et in 8° des Oeuvres compl. de A. de Musset. b) Biographie de A. de Musset. Paris. 1877. Charp. et Lemerre.

[3]) Paul Lindau. „Alfred de Musset“· III Ausgabe. Berlin 1879. Hofmann und C°.

[4]) Vicomtesse de Janzé „Etude et récits sur A. de Musset.“ Paris 1891. Plon, Nourrit et C°.

Между тѣмъ біографы-друзья Жоржъ Сандъ именно и смущаются: „какъ бы ее не заподозрили въ безнравственности“, а ихъ самихъ въ неделикатности и безтактности, и потому молчатъ или таинственно намекаютъ на общеизвѣстныя событія, а біографы-враги тутъ-то и ликуютъ, тутъ-то и распространяются на тему о безнравственности и развращенности Жоржъ Сандъ и приводятъ цѣлыя коллекціи всевозможныхъ анекдотовъ и соображеній, якобы подтверждающихъ это. Обращаясь въ частности опять къ біографамъ Мюссе и Шопена, мы у нихъ находимъ поразительное единодушіе въ желаніи, во чтобы то ни стало очернить и обвинить Жоржъ Сандъ и...—поразительное разногласіе въ толкованіи однихъ и тѣхъ же событій и чертъ. Таково уже свойство людей: никогда мы не можемъ разбирать какой нибудь вопросъ житейской или общественной психологіи безъ того, чтобы тотчасъ не тащить кого-нибудь на скамью подсудимыхъ. А жизнь, особенно наша душевная жизнь,—это что-то до того безконечно-великое, состоящее изъ такихъ безконечно-малыхъ, несоизмѣримыхъ, невѣсомыхъ и неуловимыхъ факторовъ, которые совершенно не поддаются такой юридической постановкѣ вопроса, ускользаютъ отъ нея.

Итакъ біографы Мюссе и Шопена желаютъ во что бы то ни стало обвинить Жоржъ Сандъ въ чемъ только могутъ, и представить ее въ самомъ отталкивающемъ видѣ. И, какъ всегда, когда люди слишкомъ увлекаются злобой и ненавистью, они часто впадаютъ въ самыя комическія противорѣчія и другъ съ другомъ и сами съ собою. Это мы видимъ не только у салонной разсказчицы и ортодоксальной легитимистки, виконтессы де Жанзе, или фельетоннаго враля Миркура, у гг. Маріетона и всѣхъ тѣхъ журнальныхъ писателей, которые за послѣдніе два года (1895—1897), т.-е. со времени появленія въ печати разныхъ писемъ и документовъ, относящихся до венеціанской поѣздки, ломали копья за Мюссе, мало заботясь объ истинѣ и переворачивая извѣстную поговорку о „Платонѣ и правдѣ“ на выворотъ. Нѣтъ, это мы замѣчаемъ даже у такихъ солидныхъ писателей, какъ Пауль Линдау и Фридрихъ Никсъ. Оставляя въ сторонѣ безчисленныя статьи, относящіяся до эпизода Мюссе-Сандъ, и отлагая до VIII и IX главы указанія на частныя ошибки и искаженія исторической истины при разсказѣ о Жоржъ Сандъ въ біографіяхъ Мюссе, мы теперь укажемъ на тѣ *типическія* невѣрности и ошибочные пріемы, которые относительно Жоржъ Сандъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ недоброжела-

тельныхъ къ ней біографіяхъ Мюссе и Шопена. Начнемъ съ Линдау и Поля де Мюссе.

Еще въ предисловіи къ первому изданію своего сочиненія Линдау сообщаетъ, что по неимѣнію хорошаго труда объ Альфредѣ де Мюссе (тогда „Біографія", написанная Полемъ де Мюссе еще не вышла) и по недостаточности свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „*Notice biographique*", онъ долженъ былъ обратиться за свѣдѣніями прямо къ брату де Мюссе, который помогъ ему разъяснить неясности *Notice* и далъ возможность узнать жизнь Альфреда де Мюссе настолько подробно, насколько это необходимо для пониманія его поэтической дѣятельности, а потому ему, Полю де Мюссе, и воздается хвала и благодарность прежде всѣхъ другихъ, содѣйствовавшихъ написанію книги Линдау. Въ предисловіи ко второму изданію Линдау сообщаетъ, что въ письмѣ отъ 3-го ноября 1876 г. Поль де Мюссе объявляетъ о предстоящемъ выходѣ давно-ожидаемой біографіи брата, „*ибо незадолго до того та особа, относительно которой болѣе всего приходилось быть осторожнымъ, покинула міръ живыхъ*"... Въ высшей степени непріятно поражаетъ, что тотъ самый Поль де Мюссе, который при жизни Жоржъ Сандъ не постѣснился въ формѣ романа [1]) изложить самыя тяжкія и постыдныя обвиненія противъ нея, привести quasi-подлинныя ея письма и разсказать венеціанскую исторію съ возмутительными и совершенно неправдоподобными подробностями, долженствовавшими доказать точность его свѣдѣній о ней,—что этотъ же Поль де Мюссе ждетъ смерти Жоржъ Сандъ, чтобы выступить съ біографіей брата, то-есть пользуется, такъ сказать, невозможностью для Жоржъ Сандъ изъ могилы отвѣтить на обвиненія, еслибъ таковыя были. Съ другой стороны въ высшей степени непріятенъ и некрасивъ тотъ фактъ, что и въ самой *Біографіи* и въ *Замѣткѣ* Поль де Мюссе какъ бы нарочно сохраняетъ молчаливую „порядочность" и тайну относительно всей этой исторіи и ограничивается лишь намеками, и даже имени Жоржъ Сандъ не называетъ, а вездѣ выражается въ родѣ слѣдующаго: „une dame", „une personne", „une personne qui devait jouer un rôle" и т. д., и т. д., и т. д. Тогда какъ именно отъ *біографіи* Альфреда де Мюссе, сочиненія, которое должно быть исторически-точнымъ и по возможности безпристрастнымъ, мы въ правѣ ожидать *фактовъ, именъ и разъясненій*, а не малопонятныхъ и туманныхъ разска-

[1]) „Lui et Elle".

зовъ, не свѣтскихъ сплетенъ, не таинственныхъ намековъ на
„une personne" и еще болѣе таинственныхъ угрозъ, уже ни-
кому почти непонятныхъ. Читатель согласится, что всего этого
или слишкомъ мало, или слишкомъ много. Надо было вновь и
безъ прежняго желанія „отомстить и раздавить" противника [1]),
вновь разсказать всю исторію трезво и точно, или же ничего
не говорить. А то эта quasi-порядочность и умѣренность яв-
ляется въ сущности *великой непорядочностью*: говорить объ
умершей намеками, и гадкими намеками, и не приводить ни
одного факта въ подтвержденіе своихъ словъ. Порядочнѣе было
бы совсѣмъ обойти молчаніемъ весь эпизодъ, или же сказать
всю правду, не боясь того, что и противная сторона скажетъ
всю правду. Самъ Мюссе не боялся этого. Онъ боялся лишь
того, чтобъ его „*письма не попали въ руки брата Поля*" [2]).
А Поль де Мюссе могъ страшиться и страшился, что напеча-
таніе подлинныхъ писемъ брата и Жоржъ Сандъ наглядно по-
кажетъ всѣмъ, *какъ онъ уклонился отъ истины въ написан-
ныхъ имъ книгахъ о братѣ*. И вотъ онъ упорно противился
обнародованію этой переписки, а съ его смерти такъ же упорно
противится этому его сестра, г-жа Ларденъ де Мюссе. Теперь
письма къ Мюссе Ж. Сандъ напечатаны г. Окантомъ, напе-
чатаны *частью* и письма ея къ Сентъ-Беву, Букоарану, къ
мужу и др., относящіяся до этого эпизода и исключенныя, къ
сожалѣнію изъ 6-ти томовъ ея напечатанной „*Корреспонден-
ціи*" (вообще очень неполной и изданной съ большими про-
пусками, урѣзками и ошибками). Итакъ, мы имѣемъ подлин-
ныя показанія *одной* стороны, но полная переписка еще
остается подъ спудомъ, *семья Мюссе противится* ихъ обна-
родованію. *Тотъ, кто не боится истины, не такъ посту-
паетъ*! Тотъ говоритъ правду и ждетъ правды въ отвѣтъ. До
сихъ поръ же мы имѣемъ лишь кусочки писемъ Мюссе, на-
печатанныя тамъ и сямъ (въ книгѣ Барйна, въ *Мемуарахъ
Гренье*, въ статьяхъ Спульберка-де-Лованжуля, Маріетона и др.)
и даже эти кусочки уже пролили много свѣта на этотъ эпи-
зодъ. Мы съ своей стороны (*и на основаніи изученія неиздан-
ныхъ источниковъ*) можемъ лишь выразить совершенное не-
одобреніе образу дѣйствій семьи Мюссе и присоединиться къ
многократно высказанному въ печати мнѣнію, недавно еще

[1]) Подлинное выраженіе Поля де Мюссе изъ финала „Lui et Elle," гдѣ объясняется цѣль написанія этого романа-памфлета.

[2]) См. главу IX этой книги.

вновь выраженному *мюссетистомъ* Клуаромъ и *сандистомъ* де Спульберкомъ, что обнародованіе этой переписки *цѣликомъ* послужитъ лишь къ *полному оправданію Ж. Сандъ*, *къ выясненію истины и ничуть не омрачитъ славы Альфреда де Мюссе*.

Увы, *Біографія* его, написанная его братомъ, если и пытается способствовать этой славѣ, то отнюдь не выполняетъ второго условія—*выясненія истины*—и мы подписываемся здѣсь съ полнымъ убѣжденіемъ подъ всѣмъ тѣмъ, что говоритъ о ней Арведъ Барйнъ [1]).

Если всѣ эти утвержденія Арведа Барйна и были для насъ давно болѣе чѣмъ справедливы и если нами было высказано со-

[1]) Поль де Мюссе, по ея словамъ, не только „умышленно замаскировываетъ факты" въ своей „Біографіи", нетолько постарался „запутать читателя" относительно того, къ кому относятся всѣ четыре „Nuits" (на это указывалъ и самъ Линдау), руководясь въ своемъ „искаженіи истины двумя причинами: во-первыхъ своей ненавистью къ Жоржъ Сандъ, вліяніе которой онъ желалъ бы уменьшить", и, во-вторыхъ, указаннымъ сейчасъ „желаніемъ", которое Барйнъ почему-то называетъ „законнымъ желаніемъ запутать читателя въ толпѣ свѣтскихъ женщинъ, компрометтированныхъ его братомъ. „Декабрьская ночь" говорила слишкомъ много въ пользу героини для того, чтобы столь яростный защитникъ (un justicier de cette âpreté) могъ рѣшиться закрѣпить ее за Жоржъ Сандъ". Мало того, оказывается, что Поль де Мюссе даже подлинныя письма брата напечаталъ въ искаженномъ видѣ. Барйнъ лукаво замѣчаетъ (стр. 157—158), что „въ то время вѣроятно иначе понимали обязанности издателя. Поль Мюссе не ограничился одними урѣзками. Онъ постарался облагородить стиль, слишкомъ небрежный по его мнѣнію. А при случаѣ онъ искусственно измѣнялъ (il arrangeait) немножко и смыслъ"...—„Есть страницы прямо заново написанныя" (entièrement récrites"). Точно также оказывается, что и пресловутая переписка Мюссе съ M-me Жоберъ, (Souvenirs de M-me Caroline Jaubert. Lettres et Correspondance. Paris. J. Hetzel et C°). которую онъ называлъ своей "крестной," —что и эта переписка, часто служившая документомъ для біографическихъ работъ о Мюссе,—весьма неподлинна. „Письма, приводимыя въ воспоминаніяхъ M-me Jaubert."—говоритъ опять Барйнъ,—не только урѣзаны но иногда и передѣланы; отрывки, взятые изъ писемъ, помѣченныхъ разными числами, были соединены, чтобы составить одно письмо" (95 стр.). На стр. 154 Барйнъ указываетъ что, „именно вслѣдствіе достовѣрности основной фабулы „Confession d'un enfant du siècle", Поль Мюссе постарался отрицать за нею всякое автобіографическое достоинство. Ему не нравилось, чтобъ братъ его рыцарски бралъ всю вину на себя." На стр. 40 Барйнъ очень вѣрно опять-таки указываетъ, что Біографія, написанная братомъ, очень цѣнна для свѣдѣній о первыхъ годахъ жизни Мюссе, но что „ею пользоваться надо съ большою осторожностью. Вездѣ въ ней встрѣчаются неточности и недосмотры, а начиная съ извѣстнаго момента, который мы укажемъ,"—т.-е. со времени знакомства съ Жоржъ Сандъ,—„эти неточности становятся умышленными, и сознательными съ цѣлью сбить съ толку читателя" (sic).

вершенно аналогичное убѣжденіе въ печати [1]) и если мы тогда, *послѣ основательнаго ознакомленія съ неизданной корреспонденціей Ж. Сандъ и всѣми относящимися до этого эпизода документами*, утверждали, что напечатаніе писемъ Ж. Сандъ полностью послужитъ лишь къ ея оправданію, то теперь (въ 1898 г.), послѣ напечатанія въ *Revue de Paris*, *Cosmopolis*, *Revue Hebdomadaire* и *Nouvelle Revue* самихъ этихъ неизданныхъ писемъ Ж. Сандъ къ Мюссе, С. Беву, Паджелло, Таттэ, Букоарану, Дюдевану и др.—и для массы читающей публики это стало очевидною истиною [2]).

Теперь ясно, какую цѣну надо придавать всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя можно получить изъ сочиненій Поля Мюссе и, вообще отъ него. Вдвойнѣ жалко, что Линдау на первомъ планѣ какъ мы видѣли, ставитъ именно эти свѣдѣнія. Даже въ судебной практикѣ свидѣтельство родныхъ принимается лишь весьма осторожно на вѣру; иногда, дабы не вводить родственниковъ во грѣхъ ложныхъ показаній, нѣкоторыхъ вовсе отводятъ, а другіе по закону освобождаются отъ присяги. Тѣмъ болѣе надо быть осторожнымъ со свидѣтельствомъ родственниковъ, желающихъ обѣлить память дорогого покойника предъ судомъ исторіи. И потому какъ ни старается Линдау быть безпристрастнымъ судьей, выслушивающимъ пристрастныя показанія брата Мюссе, мы явно видимъ, что на всю жизнь Мюссе и его сочиненія онъ смотритъ сквозь призму Поля де Мюссе. Если онъ гдѣ и отступаетъ отъ взглядовъ этого послѣдняго, то опять лишь съ цѣлью бо̀льшаго обвиненія Жоржъ Сандъ.

Поль де Мюссе въ обѣихъ своихъ біографіяхъ, какъ мы видѣли, во что бы то ни стало старается „умалить" роль Жоржъ Сандъ въ жизни Альфр. де Мюссе; съ этою цѣлью онъ преувеличиваетъ и роль M-me Коле́, и Полины Гарсія, и M-me Калерджи, и Рашель, и княгини Бельджойозо и той маленькой модисточки, которая послужила прототипомъ „Бернереттѣ" и т. д. и т. д.—Линдау же всю свою книгу хочетъ сдѣлать доказательствомъ той мысли, что въ жизни Мюссе была одна лю-

[1]) На стран. Вѣст. Европы (Май 1894 г.) и Сѣв. Вѣст. (1895 г. ноябрь—декабрь).

[2]) При этомъ случаѣ обращаемъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что часть этихъ писемъ была нами обнародована задолго до напечатанія ихъ во Франціи,—цѣликомъ или въ отрывкахъ,—какъ въ указанной выше статьѣ „Исторія а не Легенда," такъ и въ главѣ „Ж. Сандъ и г. Дюдеванъ", напечатанной въ Русск. Богат. 1895 г. (январь—февраль)

бовь—Жоржъ Сандъ—и эта любовь, отравивъ ему жизнь измѣной и ложью, сгубила его; словами: „eine an ihm verübte Lüge hat ihn zu Grunde gerichtet“ онъ даже заканчиваетъ свою книгу о Мюссе. Очевидно, пользуясь свѣдѣніями, полученными отъ Поля Мюссе, Линдау кромѣ того все подгоняетъ къ этой своей идеѣ—и потому, наоборотъ, старается всѣ позднѣйшія увлеченія и чувства Мюссе умалить, представить все въ такомъ видѣ, будто Мюссе „любя другихъ, не забывалъ про взглядъ ея очей“...

Такимъ образомъ желаніе обвинить Жоржъ Сандъ заставляетъ самыхъ согласныхъ между собою писателей противорѣчить другъ другу. Замѣтимъ при этомъ, что все свое объясненіе поступковъ и характера Жоржъ Сандъ Линдау строитъ на томъ, что она была натура по преимуществу холодная (?), вѣчно резонирующая и рефлектирующая, неспособная ни на какое горячее непосредственное, сердечное чувство (при совершенной безнравственности разумѣется,—иначе біографы Мюссе не могутъ говорить о Жоржъ Сандъ!). И вотъ тутъ-то, для доказательства этого тезиса, и, какъ мы видимъ, не имѣя для всей венеціанской исторіи почти никакихъ фактическихъ данныхъ изъ сочиненій, могущихъ хотя бы отчасти претендовать на нѣкоторую историчность, Линдау прибѣгаетъ къ пріему весьма рискованному, хотя и *до* него и *послѣ* него употребляемому постоянно разными біографами. Онъ цитируетъ въ качествѣ *источниковъ* (?) такія беллетристическія и полубеллетристическія сочиненія, какъ „Elle et Lui,“ „Lui et Elle,“ „Lettres d'un voyageur,“ отчасти же „Confession un enfant du siècle“ и наконецъ даже „*Lui*“ Луизы Коле̂ (о которомъ рѣшительно всѣ единодушно отзываются какъ о сочиненіи, незаслуживающемъ ни малѣйшаго довѣрія по своей „пустой болтовнѣ“ и „завѣдомой неправдивости“). Да еще какъ цитируетъ: то́, что напр., якобы „*сказалъ*“ Мюссе,—онъ приводитъ изъ одной книги; то, что „*она ему отвѣтила*“ — изъ другой; то, что „*опять онъ возразилъ*“ — изъ третьей [1]). Такъ можно дойти до геркулесовыхъ столповъ и разсказать что́ угодно, о какомъ угодно авторѣ!

Но если этотъ пріемъ поражаетъ насъ непріятно въ первый разъ у Линдау, то онъ просто коробитъ насъ, когда мы повтореніе тѣхъ же произвольныхъ цитатъ изъ разныхъ сочиненій, составленныхъ въ нѣчто цѣлое, встрѣчаемъ въ

[1]) Что мы говоримъ не голословно читатель увидитъ, если потрудится прочесть то, что передается Линдау. на стр. 123—157, особенно же на 132—134.

Другой книгѣ—у Фридриха Никса [1]). Просто удивительно, что этотъ серьезный писатель, лучшій изъ біографовъ Шопена, съумѣвшій, вообще говоря, добросовѣстно отнестись къ біографіи Жоржъ Сандъ, отлично критически разбирающій причины, по которымъ такіе два несходные характера, какъ Жоржъ Сандъ и Мюссе, не могли понимать другъ друга, отчего ихъ связь была такъ непродолжительна,—этотъ самый Никсъ, чуть дѣло доходитъ до объясненія тѣхъ же причинъ непрочности отношеній Жоржъ Сандъ и Шопена, вдругъ точно теряетъ свою проницательность, становится мелочнымъ и придирчивымъ, и опять мы у него наталкиваемся на противорѣчія. Въ противоположность Линдау, онъ строитъ все свое объясненіе характера Жоржъ Сандъ на одной фразѣ изъ „*Исторіи моей жизни*,“ изъ которой явствуетъ, что Жоржъ Сандъ была натура увлекающаяся до безумія, раба своихъ страстей, что она никогда не могла держать себя въ уздѣ, разсуждать и дѣлать то, что должно, а дѣлала лишь то, что ей въ данный моментъ хотѣлось. Но чуть рѣчь доходитъ до того, что надо доказать *лживость и резонерство* (?) Жоржъ Сандъ,— все это объясненіе забывается преспокойно, и опять на сценѣ вся страница изъ Линдау, знаменитая цитата, составленная изъ кусочковъ, и обвиненіе Жоржъ Сандъ въ томъ, что она и холодна, и рефлектируетъ и лэди Тартюфъ! Въ книгѣ Никса таковымъ образомъ это является уже разсказомъ изъ четвертыхъ рукъ, но это его не смущаетъ. За то насъ это приводитъ въ большое изумленіе; признаемся, этотъ пріемъ мы считаемъ мало-историческимъ, совсѣмъ не подходящимъ къ строго-доказательному и серьезному разсказу Никса, который старается не приводить ни одного факта изъ жизни Шопена или др. лицъ, не провѣривъ его тщательно. Но Жоржъ Сандъ „*надо*“ обвинить— и... историческая точность и безпристрастіе забываются!

Отмѣтимъ еще одну черту. Въ своемъ пересказѣ біографіи Жоржъ Сандъ Никсъ руководствуется „*Исторіей моей жизни*“ и *Корреспонденціей* и повидимому вѣритъ этимъ двумъ сочиненіямъ. Но едва дѣло доходитъ до поѣздки съ Шопеномъ на Маіорку—вдругъ Никсъ начинаетъ увѣрять, что отъ писемъ и воспоминаній Жоржъ Сандъ вѣетъ сплошной ложью и фальшью, и начинаетъ на каждомъ шагу сыпать замѣчаніями долженствующими вселить въ читателя полное недовѣріе ко всякому ея слову, хотя эти замѣчанія иногда совершенно ни на чемъ не основаны (См. томъ II, стр. 42, 44, 47, 48, 49,

[1]) Fried. Niecks, „F. Chopin, als Mensch, und Musiker.“ übers. von D-r W. Langhans. Leipzig. Leuckart. 1890.

83), или же становится мелочно-придирчивымъ и пристрастнымъ. Когда Шопенъ перепутываетъ дни и числа, *opus* своихъ сочиненій, или сумму, за которую онъ ихъ продалъ,—это „забвеніе“ и „понятная разсѣянность“ или т. п. Но если у Жоржъ Сандъ въ письмѣ съ Майорки сказано, что за рояль, присланный Шопену въ *Пальма де Малорка* ((Palma de Mallorca) на таможнѣ содрали 300 фр., а въ „Un hiver à Majorque“,—воспоминаніяхъ, написанныхъ по памяти,—что взяли 400 фр., то это очевидно происходитъ, молъ, отъ ея вѣчнаго желанія прикрашивать и преувеличивать. Кажется также, что до Никса ни одинъ критикъ, при всей враждебности къ Жоржъ Сандъ, не заподозрилъ ее въ любви къ деньгамъ, не принялъ буквально ея словъ въ „*Исторіи*“, что одною изъ причинъ ея переселенія въ Парижъ въ 1831 г. было желаніе именно имѣть побольше денегъ, и не говорилъ, что о дурномъ обращеніи съ нею мужа и обо всѣхъ прочихъ ея обвиненіяхъ противъ него было на судѣ приплетено только для вида, а что и въ дѣлѣ развода играли роль опять тѣже деньги. Наоборотъ, друзья и враги Жоржъ Сандъ сходятся въ томъ, что экономичностью, бережливостью, умѣніемъ вести дѣла и вообще серьезнымъ отношеніемъ „къ презрѣнному металлу“ Жоржъ Сандъ настолько мало отличалась, что вѣчно попадалась въ просакъ, сорила деньгами, помогала кому только могла, раздавала направо и налѣво. Это признаютъ всѣ, и сама она, и этотъ самый Никсъ. Весьма понятно, что такая плохая экономка могла легко забыть *точную* цифру суммы, которую съ нихъ потребовала балеарская таможня, которая, какъ истая торговка, спустила потомъ цѣну ровно вдвое. Но этотъ послѣдній фактъ очевидно ясно и ярко запечатлѣлся въ памяти Жоржъ Сандъ, всегда хорошо запоминавшей все типичное, характерное и особенное по части мѣстныхъ правовъ и обычаевъ, но совершенно безпечной относительно цыфръ и денегъ. Весьма немудрено, что она могла забыть, потребовали съ нихъ 600 или 700 фр., но помнила ясно тотъ фактъ, что запросили безумную сумму и уступили вдвое. Намъ кажется что это очень характерно именно для художественной натуры. Напротивъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, мы, какъ полагаю и многіе, были весьма изумлены, когда одинъ нашъ извѣстный поэтъ, представитель чистѣйшаго искусства, вѣчно витавшій въ розахъ и грезахъ, наполнилъ цѣлыя страницы своихъ воспоминаній точнѣйшими цыфрами: цѣнами на квартиры, мясо, свѣчи, дрова, сукно, муку, и на что хотите, цѣнами, ходившими тому назадъ слишкомъ 30 лѣтъ. Полагать ли, что

почтенный поэтъ съ тѣхъ временъ сохранилъ ввидѣ письменныхъ замѣтокъ эти, интересныя для хозяекъ, относительныя справки, или же память сослужила ему службу такой аккуратной, приходо-расходной книжки, — но это весьма характерно и... весьма прозаично для всего склада натуры заоблачнаго мечтателя. Наоборотъ, мы вполнѣ понимаемъ, что именно точныя цыфры и улетучились изъ памяти Жоржъ Сандъ, но также несомнѣнно убѣждены, что еслибъ она тоже умѣла по десяткамъ лѣтъ сохранять счеты, уплаченные своевременно, да еще заглядывала бы въ нихъ повременамъ съ такимъ же интересомъ, какъ заоблачный г. поэтъ, — очевидно въ „*Un hiver à Majorque*“ не стояло бы этихъ злополучныхъ 700 и 400 франковъ, а 600 и 300.

Мы остановились такъ долго на такой ничтожной придиркѣ нарочно, чтобы еще разъ показать читателю, какъ всякое лыко идетъ въ строку, когда авторъ желаетъ во что бы то ни стало доказать фальшивость, лживость и недостовѣрность показаній самой Жоржъ Сандъ и ея „*Зимы на Маіоркѣ*“ или „*Исторіи моей жизни.*“ Что до насъ касается, то мы вновь повторимъ, что для насъ Жоржъ Сандъ натура безспорно искренняя, горячая, внезапная. Таково мнѣніе всѣхъ, кто зналъ ее лично, — и это же впечатлѣніе мы получили, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы постарались въ короткихъ словахъ опредѣлить себѣ тотъ образъ, который обрисовался намъ втеченіе этихъ лѣтъ, какъ изъ показаній современниковъ, такъ изъ ея сочиненій, — гдѣ она высказывается безсознательно, — или наконецъ изъ ея разсказовъ о себѣ самой, — гдѣ она уже сознательно горвоитъ о себѣ читателю.

Но теперь же мы выскажемъ и наше мнѣніе о томъ вопросѣ, который уже затронули по поводу сочиненія Линдау: возможно ли пользоваться художественными произведеніями, какъ настоящими историческими документами для біографической работы?—Мы считаемъ абсолютно-невозможнымъ принимать за точныя данныя тѣ черты, факты и объясненія какихъ-либо явленій въ произведеніи писателя, которые хотя несомнѣнно были навѣяны лично пережитыми подобными же фактами, разговорами и событіями, но также несомнѣнно подверглись химическому процессу творчества, посредствомъ котораго изъ извѣстныхъ автору (а иногда и читателю) составныхъ элементовъ, получается вещество сложное и совершенно-новое, обладающее уже совсѣмъ иными свойствами, чѣмъ тѣ ингредіенты, изъ которыхъ оно составилось. О томъ, какимъ не-

обыкновеннымъ превращеніямъ подвергается иногда какой-нибудь подобный основной элементъ въ послѣдовательной работѣ *претворенія* въ душѣ писателя,—намъ разсказываетъ чрезвычайно-характерный фактъ извѣстный критикъ Брандесъ въ своей лекціи о „Литературной критикѣ", читанной въ Петербургѣ въ 1887 г. и помѣщенной на стр. „*Вѣстника Европы*" [1]) Замѣчательный датскій писатель Серенъ Кіеркегаардъ, будучи женихомъ, пришелъ къ заключенію, что бракъ этотъ состояться не можетъ, но для того, чтобы не слишкомъ огорчить невѣсту своимъ отказомъ, рѣшился, прибѣгнуть къ „благочестивому обману". „Онь началъ мучить свою невѣсту, надоѣдать ей съ цѣлью сдѣлать себя ненавистнымъ и тѣмъ облегчить ей непріятность разрыва. Кромѣ того, онъ старался представить себя въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, чтобы прослыть вообще за легкомысленнаго негодяя, въ увѣренности, что осужденіе его со стороны всего общества облегчить молодой дѣвушкѣ размолвку,—и въ тоже время дѣлалъ все возможное къ утвержденію ея въ религіозной вѣрѣ съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ подкрѣпить ея силы къ перенесенію горя". Впослѣдствіи этотъ эпизодъ послужилъ основнымъ мотивомъ цѣлаго ряда произведеній, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Такъ у Кіеркегаарда вездѣ: въ „Донъ-Жуанѣ", и въ „Антигонѣ", наконецъ въ „Авраамѣ и Исаакѣ" постоянно является одно и тоже любимое лицо, одинъ и тотъ же мотивъ: человѣкъ любящій, владѣющій какою-либо тайною и страждущій оттого, что другое лицо этого не знаетъ, и никто не знаетъ, — и потому прибѣгающій къ „благочестивому обману", чтобы не нанести непоправимаго удара этому другому, любимому лицу. Такова Антигона,—обманывающая того, кого любитъ, и страждущая, — и наоборотъ Эльвира, покидаемая Донъ-Жуаномъ, обманывающимъ ее, и таковъ Авраамъ, который притворяется ненавидящимъ Исаака, дабы тотъ не усумнился въ благости Бога. Вездѣ—основной мотивъ тотъ-же, а образы, въ которые онъ послѣдовательно воплотился, не имѣютъ между собою ничего общаго.

Вообще мы рѣшительно утверждаемъ, что только лица совершенно лишенныя представленія о томъ, что такое есть творчество, и незнакомыя съ процессомъ художественнаго писанія, да еще тѣ писатели, которые занимаются quasi-твор-

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1887 г., октябрь—ноябрь: „Четыре лекціи Георга Брандеса".

чествомъ, а въ сущности ограничиваются списываньемъ съ натуры фотографически-точныхъ портретовъ и сценъ, — всегда ищутъ въ каждомъ романѣ и повѣсти или драмѣ: „съ кого написанъ NN?“ или „кого представили подъ видомъ X?“ Такіе читатели идутъ иногда дальше: они будутъ утверждать, что лично отъ Льва Толстого слыхали, что „онъ только оттого могъ написать „Крейцерову Сонату“, что въ самомъ дѣлѣ пережилъ всѣ чувства Позднышева, а что Наташу Ростову онъ не могъ бы и вовсе написать, еслибъ о каждой чертѣ не совѣтовался со знакомыми барышнями (съ коихъ онъ ее и писалъ, какъ долженъ понять проницательный слушатель) и каждую такую строчку не давалъ имъ на поправку. Такіе читатели лишь тогда остановятся, если ихъ спросить: „Ну, а „Холстомѣра“ какъ же онъ написалъ? Совѣтовался съ какою либо знакомой лошадкой или самъ испыталъ чувства лошади? Или какъ же Шекспиръ могъ написать Отелло—и Гамлета, сцену тѣней въ „Макбетѣ“ и ночной монологъ лэди Макбетъ—и Юлію у окна? Неужели это тоже все въ самомъ дѣлѣ испытано сэромъ Вилліамомъ?!..“ Но вѣдь это самое жалкое представленіе о творчествѣ — это мнѣніе, что авторъ все долженъ самъ „пережить“. Спору нѣтъ, хорошая это вещь „переживаніе“ авторомъ разныхъ чувствъ и мыслей своихъ героевъ, и страницы „пережитыя“ отличаются часто наибольшею яркостью и силою, настолько захватывающею читателя, что для этого существуетъ и терминъ: „это согрѣто субъективнымъ чувствомъ“, „чисто-субъективная теплота“ и т. д. Но надо всегда помнить, что даже такая горячая субъективная страница всетаки побывала въ колбочкѣ, называемой творчествомъ, и подверглась дѣйствію бо̀льшаго или мѐньшаго писательскаго труда. Сама Жоржъ Сандъ не разъ говорила о томъ, что правду жизненную вовсе нельзя списывать фотографически, ради полученія правды художественной. Такъ напр. въ XV главѣ 2-ой части „*Исторіи моей жизни*,“ разсказывая о томъ, какъ изящный прелатъ *de Beaumont*, ея дядя — послужилъ тѣмъ зародышемъ, изъ котораго впослѣдствіе выросъ типичнѣйшій и характернѣйшій каноникъ въ „*Consuelo*,“ вовсе не похожій на свой прототипъ, — Жоржъ Сандъ разъясняетъ очень доказательно, ка́къ лицо романа, для того чтобы выйти яркимъ и типичнымъ, отнюдь не должно походить на *одно* какое нибудь дѣйствительно существующее лицо, а на *множество* людей, и что никогда портретъ списанный прямо съ натуры, не будетъ *художественно-правдивъ*; какъ *типъ* онъ будетъ непонятенъ и полонъ противорѣчій и мелкихъ, сбивчивыхъ

чертъ. Тоже самое повторяетъ Жоржъ Сандъ въ послѣднемъ томѣ „*Исторіи*“ по поводу сходства князя Кароля изъ „*Лукреціи Флоріани*“ съ Шопеномъ. Настоящей, житейской правды не должно искать тамъ, гдѣ закономъ должна быть правда художественная. Нечего отыскивать настоящихъ чертъ и лицъ въ созданіяхъ искуства. Тѣмъ болѣе было бы „слишкомъ легко написать біографію романиста, перенеся вымыслы его сочиненій въ его дѣйствительную жизнь; на это не приходилось бы много расходовать воображенія“ [1]). Совершенно ту же мысль мы встрѣчаемъ не разъ и у Тургенева въ его „Воспоминаніяхъ“ и въ разсказахъ и письмахъ по поводу „Отцовъ и Дѣтей“ и „Наканунѣ“. Если мы сопоставимъ эти мнѣнія Тургенева и Жоржъ Сандъ съ только что приведеннымъ эпизодомъ изъ исторіи Кіеркегаарда, то мы будемъ весьма близки къ рѣшенію вопроса о томъ, какъ *съ одной стороны въ объективнѣйшихъ произведеніяхъ литературы скрывается невидимый, чисто субъективный, пережитой мотивъ—и* наоборотъ, *насколько осторожно приходится пользоваться произведеніями писателя, какъ матеріаломъ для его біографіи*. Методъ этотъ очень распространенъ теперь и, повторяемъ, методъ совершенно рискованный. И чѣмъ талантливѣе человѣкъ, чѣмъ даръ претворенія дѣйствительности въ поэтическіе или отвлеченные образы въ немъ сильнѣе,—тѣмъ легче біографу сбиться. И это относится какъ до произведеній художественной литературы, такъ и до всѣхъ мемуаровъ, воспоминаній и исторій, написанныхъ après coup.

Тутъ конечно приходится дѣлать большія различія. Конечно, читая „Воспоминанія М. Ив. Глинки,“ всякій читатель почувствуетъ, что все въ нихъ правдиво и случилось именно такъ, какъ описано. А сколько каждый изъ насъ читалъ на своемъ вѣку „Мемуаровъ“ и „Записокъ,“ гдѣ къ каждой строчкѣ приходилось относиться скептически. Итакъ, спору нѣтъ, правда и правдивость всегда скажется въ такихъ воспоминаніяхъ, а неправда никого не обманетъ.

Но вопросъ очень усложняется чуть только эти „воспоминанія“ написаны лицомъ, обладающимъ литературнымъ талантомъ, а тѣмъ болѣе если касаются не лицъ и событій, коихъ авторъ былъ свидѣтелемъ, а событій и фактовъ собственной его жизни. Тутъ самый правдивый человѣкъ нѣтъ-нѣтъ, а кое о чемъ и промолчитъ, о другомъ недоскажетъ или освѣтитъ все по-сво-

[1]) „Исторія моей жизни“ томъ I стр. 12.

ему. И въ этомъ отношеніи исключеній нѣтъ, и чѣмъ человѣкъ геніальнѣе, тѣмъ труднѣе отдѣлить такія прикрасы отъ голой истины, даже если эти прикрасы являются въ видѣ цинизма Жанъ-Жака или утрированной простоты одного современнаго великаго писателя. Поэтому мы мало вѣримъ въ чьи либо талантливые мемуары, а вѣримъ лишь въ подлинные дневники (сходясь тутъ въ теоріи съ мнѣніемъ Никса, но какъ читатель сейчасъ увидитъ, совершенно не такъ понимая примѣненіе этой теоріи, какъ онъ). Еще болѣе вѣримъ мы въ письма (разумѣется не въ такія, какія нынче пишутъ почти всѣ сколько-нибудь замѣчательные люди, знающіе, что непремѣнно эти ихъ письма появятся современемъ въ „*Русской Старинѣ*" или въ „*Revue des deux mondes*" и потому пишутъ ихъ т. ск. „для потомства"), нѣтъ, мы говоримъ о простыхъ частныхъ письмахъ. Если сопоставить такія письма, написанныя разными лицами, получается очень вѣрное понятіе о данной личности, гораздо болѣе вѣрное во всякомъ случаѣ, чѣмъ то, что „выводится" изъ разныхъ чисто-литературныхъ произведеній или записокъ, съ самаго начала предназначенныхъ для печати. Какъ напечатаніе писемъ важно для вѣрнаго пониманія той или другой великой личности, доказательствомъ тому служитъ переписка Пушкина.

Сколько лицъ примирилось съ нашимъ великимъ поэтомъ, сколько людей поняли его *какъ человѣка* именно послѣ прочтенія тома его писемъ. Какъ многія изъ обвиненій противъ него разсыпались при чтеніи иныхъ его писемъ къ женѣ и др., писемъ, полныхъ затаенной горечи и боли, вслѣдствіе того гнета, подъ которымъ онъ жилъ въ тѣ годы,—а до обнародованія этихъ писемъ все только говорили о томъ „какъ Пушкинъ любилъ грандёры и лѣзъ въ нихъ" и что „онъ, какъ Гете, только и былъ придворный и хотѣлъ быть имъ." Какою свѣтлою личностью, какимъ „мужественнымъ умомъ" [1]) оказался онъ даже для всѣхъ тѣхъ, кто больше всѣхъ кричалъ про его отступничество и ретроградство. Боже мой! да вѣдь это сознающій себя геній спасался отъ погибели, отъ того, чтобы не задохнуться и не пропасть, какъ пропали тогда Полежаевъ, Шевченко. Вѣдь не будь въ немъ этой сознающей и берегущей себя силы—онъ погибъ бы не на 38 году жизни, а на 26-мъ, а можетъ быть и ранѣе, его затерли бы, задавили и обстоятельства, и „надменные потомки" и „клевета ядовитая", и друзья, и враги и все и вся!

[1]) Слова Тургенева по поводу Переписки Пушкина. „Полное собр. соч. Тургенева", т. I. Спб. 1883. „Предисловіе къ новымъ письмамъ Пушкина къ женѣ".

Да простится намъ это *кажущееся* отступленіе. Мы его предназначаемъ главнымъ образомъ для тѣхъ, кто еще противится печатанію чьихъ бы то ни было писемъ, и повторимъ сказанное Тургеневымъ: „*когда дѣло идетъ о выясненіи такой личности, каковою былъ Пушкинъ, исторія вступаетъ въ свои права,— и давность облекаетъ своимъ почтеннымъ покровомъ то, что могло бы прежде показаться слишкомъ близко касающимся отдѣльныхъ частныхъ лицъ.*“

Итакъ, подобные, современные извѣстному лицу, документы именно и дороги по своей несомнѣнной подлинности и правдивости. Мемуары же, безспорно тоже очень важны, но, какъ сказано, тутъ уже приходится біографу очень тонко разбирать, что относится до того времени, что написано позднѣе или преподнесено подъ соусомъ того или другого измѣнившагося міровоззрѣнія. *Когда же Записки* или *Исторія жизни* написаны прямо съ цѣлью проведенія извѣстной идеи, какъ „*Записки Императрицы Екатерины*“ или „*Исторія моей жизни*“ (которая, кстати сказать, въ иныхъ мѣстахъ умными, геніально-умными обходами кое-какихъ эпизодовъ или умѣніемъ совершенно просто разсказать вовсе не простыя вещи, поразительно напоминала намъ не разъ удивительную автобіографію августѣйшаго друга энциклопедистовъ), тогда всѣ событія разсматриваются уже не какъ случайныя, а какъ составляющія нѣчто неразрывное цѣлое. Въ первомъ случаѣ задачей было объяснить и оправдать *событія*; во второмъ—представить въ видѣ непрерывной нити *развитіе духа*, внѣшняя жизнь котораго прошла среди самыхъ необычайныхъ событій и фактовъ. И тамъ и тутъ вслѣдствіе этого являются нѣкоторыя натяжки, но и тамъ и тутъ какъ общая идея, такъ и главныя черты согласны съ истиной. Не въ волѣ обоихъ авторовъ было уничтожить многое, что произошло въ ихъ жизни; они сдѣлали то, что могли и должны были сдѣлать, какъ женщины, ибо эти два геніальные ума все-таки не могли и не должны были забыть, что онѣ—женщины, а потому и покорились женской добродѣтели: кое о чемъ скромно умолчали. Въ этомъ слѣдуетъ ихъ вполнѣ одобрить. Отсюда, разумѣется, происходятъ кое-какія неточности или прямо невѣрности въ изложеніи: важное является незначительнымъ; мелкое принимаетъ видъ чего-то крупнаго; смутное или темное освѣщается яркимъ свѣтомъ сіяющаго блескомъ ума и рядомъ стоящаго факта; кричащее и слишкомъ рѣзкое отступаетъ въ тѣнь остроумно-безцвѣтныхъ или глубокомысленно-темныхъ общихъ замѣчаній. Приходится читать

между строками. Но общее—особенно въ „*Исторіи моей жизни*“ — общее все вѣрно основной идеѣ. И потому, если мы хотимъ узнать истину изъ этихъ двухъ геніальныхъ автобіографій, мы должны, отбросивъ мелочи и частности, именно слѣдить за развитіемъ одной общей идеи, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Тогда мы навѣрное будемъ на вѣрной дорогѣ и не заблудимся ни въ туманѣ неясностей, ни въ лѣсу противорѣчій.

Въ этой книгѣ, являющейся на свѣтъ послѣ безчисленныхъ біографій, сочиненій и критическихъ статей о Жоржъ Сандъ, мы, какъ уже сказано, не позволимъ себя пересказывать своими словами „*Исторію моей жизни*“, не принимая ее за документъ, неподлежащій критикѣ. Но мы не претендуемъ и сообщать исключительно новые, никому неизвѣстные факты или обнародовать неизданные документы. Мы хотимъ: съ одной стороны дать настоящее историческое жизнеописаніе Жоржъ Сандъ, т.-е. *основанную на документахъ и провѣренныхъ фактахъ, исторію ея жизни и произведеній*; во-вторыхъ *указать и опровергнуть главнѣйшія изъ безчисленныхъ ошибокъ* или умышленныхъ искаженій истины, встрѣчающихся въ разныхъ сочиненіяхъ о Жоржъ Сандъ. Наконецъ, пытаемся дать *критическій обзоръ ея произведеній* какъ общеизвѣстныхъ, такъ и мало или совсѣмъ неизвѣстныхъ.

Приэтомъ, резюмируя вкратцѣ сказанное нами, мы прибавимъ что: 1) о всѣхъ личностяхъ, близко стоявшихъ къ Жоржъ Сандъ, мы старались почерпать свѣдѣнія изъ біографій симпатичныхъ имъ. Грѣша правдивостью подробностей и окраски относительно самой Жоржъ Сандъ, эти біографіи все-таки гораздо правдивѣе рисуютъ намъ тѣхъ, кому посвящены. Симпатія не всегда слѣпа, а наоборотъ, часто способствуетъ тому, чтобы ни малѣйшая хорошая черта не ускользнула отъ вниманія біографа, а съ другой стороны, если такой авторъ говоритъ что-либо въ осужденіе или о недостаткахъ своего героя,—то на такія мнѣнія можно положиться безбоязненно: такой авторъ можетъ погрѣшить мягкостью или снисходительностью, но ужъ конечно не погрѣшитъ ложью, клеветою или не раздуетъ маленькаго проступка въ огромное преступленіе. Этой системы мы старались придерживаться во все время нашей работы: старались судить о лицахъ, игравшихъ болѣе или менѣе серьезную роль въ жизни Жоржъ Сандъ, на основаніи показаній лицъ сочувствующихъ.

Это единственный способъ быть близкимъ къ истинѣ, если не вполнѣ владѣть єю. Конечно, когда симпатія автора переходитъ въ пристрастную недобросовѣстность или заставляетъ его клеветать на Жоржъ Сандъ, тогда показанія такого автора теряютъ всякую цѣну.

2) Умалчиванье о разныхъ фактахъ и полосахъ жизни Жоржъ Сандъ со стороны ея біографовъ признаемъ вреднымъ въ ея же интересѣ и пріемомъ устарѣлымъ и лицемѣрнымъ.

3) Не признаемъ за беллетристическими и полубеллетристическими сочиненіями правъ на вниманіе въ качествѣ „настоящихъ“ историческихъ документовъ, а допускаемъ цитированье или упоминаніе о нихъ лишь въ качествѣ документовъ психологическихъ или же въ качествѣ иллюстраціи разсказа.

4) Для фактической стороны біографіи Жоржъ Сандъ находимъ „*Исторію моей жизни*“ недостаточной и не вполнѣ достовѣрной.

Матеріалъ же, которымъ мы пользовались въ продолженіе нашей десятилѣтней работы, мы раздѣляемъ на *Документы* въ тѣсномъ смыслѣ слова и на *Литературные источники* и *Пособія*.

Документы.

А.

I. *Напечатанныя письма Жоржъ Сандъ*, т. е.:

1) Шесть томовъ *Корреспонденціи*.

2) Письма къ разнымъ лицамъ, хоть и вошедшія въ эту Корреспонденцію, но первоначально напечатанныя безъ сдѣланныхъ потомъ измѣненій и сокращеній, и появившіяся впервые въ 1881 г. на страницахъ *Revue des deux Mondes* 1 и 15 января (36 писемъ) и *Nouvelle Revue* (15 писемъ).

3) Письма къ графинѣ д'Агу и Листу, напечатанныя также въ *Nouvelle Revue* 1881 г. (18 писемъ).

4) Письма къ семейству Сентъ-Аньянъ, въ *Revue Encyclopédique* 1893 г.

5) Письма къ де-Вильневамъ, впервые появившіяся въ „*Figaro*“ (16 и 13 января и 18 сентября 1881 г.) и въ „Le Voltaire“ (8 мая 1882).

6) Письма къ Сентъ-Беву, отчасти напечатанныя въ 1-мъ томѣ его *Portraits Contemporains*, отчасти въ *Revue de Paris* 1896, отчасти наконецъ вошедшія въ томикъ, изданный Леви, съ предисловіемъ г. Рошблава, въ 1897.

7) Два письма къ Сентъ-Беву, обнародованныя г. Шарлемъ де Ломени (младшимъ) въ *Nouvelle Revue* 1895 г.

8) Письма къ Альфреду де Мюссе, появившіяся впервые тоже на стр. *Revue de Paris* 1896 и сопровождаемыя примѣчаніями г. Эмиля Окантъ, а также письма къ нему и отрывки, обнародованныя гг. Барйномъ, де-Спульберкомъ, и т. д.

9) Письма къ Эмилю Реньо́, обнародованныя г. Анри Амикомъ (отрывки) въ его статьѣ *Défense de George Sand*, („Figaro", 2 ноябр. 1896).

10) Письма къ абб. Роше въ „*Gironde littéraire*" 25 ноября 1883 г., въ „*Nouvelles de l'Intermédiaire*" 1895 и *Nouvelle Revue* 1896—1897 гг. (5 №№).

11) Письма къ Мишелю де Буржъ, появившіяся подъ заглавіемъ „*Lettres de femme*", подъ вымышленными и невѣрными датами и вымышленными именами собственными въ *Revue Illustrée* 1890—91 г. (подлинность этихъ писемъ несомнѣнна и о ней мы говоримъ въ своемъ мѣстѣ).

12) 4 письма къ Листу, изданныхъ г-жей Ла-Мара, въ числѣ *Briefe hervorragender Zeitgenossen an Franz Liszt.*

13) 10 писемъ къ г. Дюдевану, впервые напечатанныхъ вик. де-Спульберкъ-де-Лованжуль на стр. *Cosmopolis* 1896 и вошедшихъ затѣмъ въ его книгу *Véritable Histoire de „Elle et Lui"*.

14) Письма къ д-ру Паджелло, напечатанныя г. Рафаэлло Барбіера въ „*Illustrazione Italiana*" 1881 г. и д-ромъ Кабанесомъ въ *Revue hebdomadaire* 1896 г.

15) Безчисленныя письма къ разнымъ лицамъ, разсѣянныя по всевозможнымъ журналамъ, газетамъ, монографіямъ и біографіямъ. Большинство этихъ сочиненій указано нами въ нашемъ библіографическомъ спискѣ въ концѣ книги.

II. *Письма разныхъ лицъ либо къ самой Жоржъ Сандъ*, либо къ постороннимъ лицамъ, но касающіяся или говорящія о ней. Таковы письма:

Флобера, Мюссе, Сентъ-Бева, Ламеннэ, Делакруа, Шопена, Орельена де Сезъ, Барбеса, Листа, графини д'Агу, Гейне, Дюма, Тургенева, Виктора Гюго, Таттэ, М-me де Мюссе, Паджелло и т. д., и т. д.

III. а) *Дневники, писавшіеся день за днемъ* (*а не post facto*): Делакруа, Паджелло, Гонкуровъ и др. в) Точно также 2 дневника самой Жоржъ Сандъ: отрывки изъ ея общаго дневника напечатаны въ извлеченіяхъ въ *Histoire de ma Vie*, другой, обнародованъ по кусочкамъ въ книжкахъ гг. де Спульберка, Арведа Барйна, Маріетона и въ предисловіи г. Рошблава къ письмамъ Ж. Сандъ къ Мюссе, изданнымъ Леви.

B.

Письма неизданныя или напечатанныя съ пропусками.

1) 93 письма Авроры Дюдеванъ къ мужу (изъ нихъ: 3 записки, написанныя до свадьбы, 5 писемъ 1824 г., 5—1825, 2 письма—1826, 10—1827, 7—1828, 10—1829, 17—1830, 17—1831, 7—1832, 4—1833 и 6—1834 г.). Изъ этихъ 93 писемъ 10 было обнародовано г. де Спульберкомъ въ Cosmopolis'ѣ въ 1896 г. (см. выше).

2) Письма Авроры къ матери и этой послѣдней къ дочери и зятю.

3) Письма Ипполита Шатирона къ сестрѣ и зятю и Авроры къ брату.

4) Переписка между Зоей Леруа, Авророй Дюдеванъ и Орельеномъ де Сезъ.

5) Неизданныя письма Авроры къ Карону, и къ нему же письма Дюдевана и Шатирона.

6) Неизданныя письма, или тѣ, которыя напечатаны были въ искаженномъ видѣ: къ сыну Морису, Дюверне, Букоарану, Дютейлю, Папе, Геру́, Роллина, Дюма, Леру́, Луи Блану, Гжималѣ, Фелиси Сандо и др.

7) Окончаніе переписки съ Мишелемъ де Буржъ, не вошедшее въ *Revue Illustrée*.

8) Письма Дюдевана и Авроры Дюдеванъ къ повѣреннымъ во время ихъ процесса и всѣ документы, относящіеся до этого послѣдняго, также и письма Дюдевана къ Ипполиту Шатиронъ относящіяся сюда.

9) Переписка съ Маріей Дорваль:

10) Полный дневникъ, посланный къ Мюссе въ 1835 г. и переписанный г-жей Жоберъ и ея дочерью (по утвержденію Поля Мюссе, см. главы VIII и IX).

11) Письма г. Дюдевана къ женѣ.

12) Всевозможные необнародованные документы, записки, письма и т. д., находящіеся въ частныхъ архивахъ.

13) Неизданныя письма *къ Жоржъ Сандъ* разныхъ лицъ: Эмиліи де Вимъ, Дженъ, Эме и Шери Базуанъ, гр. д'Агу, Полины Віардо, M-me Арну Плесси, M-lle Кромбахъ, гг.: Франсуа и Шарля Роллина и всей семьи Роллина, Жюля Неро, Делатуша, де Сеза, братьевъ Леру, Эм. Араго, Жоффруа Сентъ-Илэра, Мейербера, Шопена, Листа, Дессауэра, Мюллера-

Струбинга, Шарля Маршаля, Бакунина, Магю, Жильяна, Пердигье и т. д. и т. д.

14) Записныя книжки, тетради и дневникъ Ж Сандъ съ 1817 по 1876 г.

Литературные источники и Пособія.

I.

Автобіографическія и полуавтобіографическія сочиненія самой Ж. Сандъ:

„Un voyage en Auvergne" („Путешествіе въ Овернь").

„Lettres d'un Voyageur" („Письма Путешественника").

„Histoire de ma Vie" („Исторія моей жизни").

„Nouvelles Lettres d'un Voyageur" („Новыя Письма Путешественника").

„Journal d'un Voyageur pendant la Guerre" („Дневникъ Путешественника во время войны").

„Souvenirs de 1848" („Воспоминанія о 1848 г.").

„La blonde Phoebé" („Бѣлокурая Феба").

„Mon grand oncle" („Братъ моей бабки").

„La Nuit d'hiver" („Зимняя ночь")

„Un Roman qui n'a jamais été fait" („Романъ, который никогда не былъ оконченъ").

„Impressions et Souvenirs" („Впечатлѣнія и Воспоминанія").

„Promenades autour d'un Village" („Прогулки вокругъ одной деревни").

II.

„*Мемуары*" и „*Воспоминанія*" разныхъ лицъ.

III.

Всевозможныя монографіи, біографіи, курсы литературы, статьи, рецензіи, словари или даже самыя коротенькія замѣтки, относящіяся до Ж. Сандъ и ея времени и современниковъ.

IV.

Сочиненія, стихи, романы и т. д., имѣющіе біографическую или автобіографическую подкладку и часто цитируемые въ качествѣ „источниковъ" для исторіи Ж. Сандъ. О нихъ мы уже высказывали наше мнѣніе: это лишь иллюстраціи.

V.

Полное собраніе сочиненій Жоржъ Сандъ.

Наконецъ, мы имѣли возможность пользоваться устными разсказами и указаніями родныхъ и друзей Жоржъ Сандъ и нѣкоторыхъ ея современниковъ.

Итакъ, въ нашей работѣ мы постараемся ни на шагъ не отступать отъ документально провѣренныхъ фактовъ; не пускаться ни въ какія гипотезы и фантазіи тамъ, гдѣ такихъ фактовъ не хватаетъ; придерживаться вообще строго-историческаго тона разсказа и—помнить слова Пушкина: „отъ великаго человѣка все намъ дорого—даже счетъ его портного“.

ГЛАВА II.

Предки и родители Жоржъ Сандъ. — Характеристика Авроры Дюпенъ съ точки зрѣнія наслѣдственныхъ чертъ.

Жоржъ Сандъ родилась 1-го іюля 1804 года въ Парижѣ, въ домѣ № 15 улицы Мелэ [1]. Всѣ же біографы ея почти единогласно указываютъ на 5-ое іюля, какъ на день ея рожденія. Сама она долгое время тоже ошибочно считала днемъ своего рожденія 5-ое іюля, праздновала его въ теченіе всей своей жизни и лишь подъ самый конецъ ея убѣдилась, что истиннымъ днемъ ея рожденія было 1-ое іюля; однако, чтобы не нарушать семейныхъ обычаевъ, продолжала праздновать его 5-го. На стр. 69, 72, 74 и 77 VIII главы II тома „*Исторіи моей жизни*" Жоржъ Сандъ говоритъ, что родилась 5-го іюля 1804 г. (16 messidor an XII de la République, an I de l'Empire), на стр. 81 той же главы и того же тома правильно называетъ днемъ своего рожденія 1-ое іюля (12 messidor) Въ той же „*Исторіи*" Жоржъ Сандъ разсказываетъ, что между нѣкоторыми ея родственниками держалась легенда, будто она, Аврора, была записана въ метрической книгѣ вмѣсто какого-то своего брата, рано умершаго, или сестры, и что будто она родилась въ сущности въ 1802 г. Лишь когда, въ 1847, она стала разбирать старыя бумаги, то нашла въ нихъ доказательство того, что она — *она сама*, а не невольная присвоительница чужого паспорта. Вотъ документъ, приводимый нами съ правописаніемъ подлинника, изъ котораго явствуетъ, что Жоржъ Сандъ родилась именно въ 1804 г. и именно 1-го, а никакъ не 5-го іюля.

[1] Rue Meslay.

Въ одной изъ метрическихъ книгъ, въ сакристіи церкви St. Nicolas des Champs, значится [1]):

„L'an mil huit cent quatre, le 2 juillet, a été baptisée Amandine-Aurore Lucie, fille légitime de Maurice-François Dupin, et de Antoinette-Sophie-Victoire de-La-Borde, rue Meslée № 15.

Le parrain, Armand-Jean-Louis Maréchal, et la marraine Marie-Lucie de-La-Borde, tante de l'enfant".

(„Лѣта тысячу восемьсотъ четвертаго, іюля 2-го, была крещена Амандина-Аврора-Люси, законная дочь Мориса-Франсуа Дюпена, и Антуанетты-Софіи-Викторіи де-Ла-Бордъ, изъ улицы Мелэ, № 15. Воспріемникомъ былъ Арманъ-Жанъ-Луи Марешаль, а воспріемницей Марія-Люси де-Ла-Бордъ, тетка младенца..."").

Все въ той же „*Исторіи*" Жоржъ Сандъ говоритъ, что рожденіе ея почти не стоило страданій ея матери, которая, принарядившись въ розовое платье по поводу какого-то семейнаго торжества, преспокойно и превесело танцовала въ дружескомъ кружкѣ подъ звуки скрипки, на которой игралъ молодой Дюпенъ. Въ срединѣ какой-то кадрили она почувствовала приближеніе родовъ, незамѣтно вышла въ другую комнату, и вскорѣ сестра ея пришла сообщить молодому мужу, продолжавшему играть, что у него родилась дочь. На другой день эта же юная тетушка, вмѣстѣ со своимъ женихомъ Марешалемъ, и крестила новорожденную дѣвочку, которую назвали въ честь бабушки Авророй и въ честь тетушки—Люси.

На крестины Спящей Красавицы (которую кстати тоже звали Авророй) собралась цѣлая дюжина добрыхъ фей со злой вѣдьмой на придачу, и надъ колыбелью ея раздался цѣлый хоръ добрыхъ пожеланій, но и зловѣщее предсказаніе колдуньи. Единственная крестная Авроры Дюпенъ, наивно толкуя примѣты, сопровождавшія рожденіе маленькой племянницы, — розовый цвѣтъ платья матери и звуки музыки,—предсказала дѣвочкѣ „счастливую жизнь". Но надъ простой тростниковой корзинкой, въ которую, вмѣсто колыбели, уложили новорожденную дочку Дюпеновъ, невидимыя, но могущественныя царили тоже своего рода волшебныя силы, и хотя добрыхъ предзнаменованій на грядущую жизнь для маленькой Авроры было тоже больше,

[1]) Этотъ документъ уже былъ напечатанъ въ Le Livre 1881, 3 томъ, стр. 645 и въ книгѣ Анри Амика (Henri Amic—„George Sand, mes Souvenirs". Paris. 1893). Но приводя подлинную метрическую выписку—ту же, что и мы, Амикъ ошибается, переводя 12 messidor какъ „2 іюля": 12 messidor есть 1 іюля.

чѣмъ зловѣщихъ, зато и не по одному капризу злой волшебницы надлежало будущей Жоржъ Сандъ испытать современемъ треволненья и пройти черезъ цѣлый рядъ невзгодъ и несчастій.

Аврора Дюпенъ принесла съ собою на свѣтъ самое удивительное соединеніе разныхъ качествъ и недостатковъ, наслѣдственныхъ пороковъ и геніальныхъ чертъ, которыя, то развиваясь и усиливаясь въ цѣломъ рядѣ поколѣній, то видоизмѣняясь подъ вліяніемъ пришлыхъ элементовъ и ослабѣвая, въ ней достигли какъ бы высшаго своего выраженія. Являясь въ своей „*Исторіи*“ за долго до Эмиля Золя проповѣдницей теоріи наслѣдственности,—мы полагаемъ, что не безъ задней мысли и *pro domo sua*,—Жоржъ Сандъ на самомъ дѣлѣ блестящимъ образомъ доказываетъ то положеніе, что каждый изъ насъ есть какъ бы продуктъ цѣлаго ряда поколѣній, и что отсюда всѣ пороки и добродѣтели, всѣ добрыя и злыя дѣла наши какъ бы заранѣе предопредѣлены и въ гораздо меньшей степени зависятъ отъ нашей личной воли или воспитанія, чѣмъ отъ наслѣдственныхъ чертъ нашей физической и нравственной природы. Весь первый и часть второго тома „*Исторіи*“ посвящены разсказу о прадѣдѣ, прабабкѣ, дѣдѣ, бабкѣ, отцѣ, матери и др. родственникахъ Жоржъ Сандъ и перепискѣ между бабкой и отцомъ нашей героини; нѣкоторые наивные читатели сѣтовали на такія „*длинноты*“, нѣкоторые болѣе недоброжелательные, чѣмъ „проницательные“ критики усмотрѣли въ такихъ „длиннотахъ“ исключительно коммерческій неблаговидный разсчетъ Жоржъ Сандъ и ея издателя, Эмиля де Жирарденъ. Очень немногіе [1]) оказались въ дѣйствительности „проницательными“ настолько, что уразумѣли цѣль Жоржъ Сандъ. Дѣйствительно, въ своей „*Исторіи*“ Жоржъ Сандъ очень ловко даетъ внимательному читателю ключъ къ проникновенію своего характера, темперамента, всего своего внутренняго склада, разсказывая подробно о цѣломъ рядѣ своихъ предковъ, останавливаясь на разныхъ ихъ чертахъ и подчеркивая тѣ или другія подробности или анекдоты изъ ихъ жизни.

Не вдаваясь въ эти подробности и не пересказывая всего того, что всякій можетъ самъ прочесть въ „*Исторіи моей жизни*“, мы передадимъ въ краткихъ чертахъ генеалогію Авроры Дюпенъ и затѣмъ остановимся на тѣхъ чертахъ этихъ предковъ, которыя несомнѣнно перешли въ ослабленномъ или усиленномъ видѣ и къ самой Жоржъ Сандъ.

[1]) Въ томъ числѣ Cuvillier Fleury (Кювилье Флери) въ своихъ „Dernières Etudes“. 2 vol, Michel Lévy.

Прежде всего останавливаемъ вниманіе читателя на томъ числѣ незаконныхъ союзовъ и рожденій и томъ цѣломъ рядѣ побочныхъ сестеръ и братьевъ, мирно проживающихъ подъ одной кровлей съ законными, и отцовъ и матерей, усыновляющихъ чужихъ дѣтей и съ необыкновенною легкостью примиряющихся съ прошлымъ своихъ супругъ и супруговъ, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе встрѣчаются въ семьѣ, ведущей свое начало отъ Августа II и вступающей въ союзы съ такими же ненормальными, странными семьями. Ненормальность, странность и непрочность семейной обстановки являются какъ бы фатальной принадлежностью не только прямыхъ предковъ Жоржъ Сандъ, но даже и большинства породнившихся съ ними такъ или иначе семей. Одинъ изъ англійскихъ біографовъ Жоржъ-Сандъ [1]) справедливо указываетъ на это обстоятельство, какъ на оправдывающее весьма многое и въ жизни самой Жоржъ Сандъ, и въ ея взглядахъ на т. наз. „свободу чувства", и на ту *легкость*, съ которой она относилась къ нимъ. Тутъ сказался не одинъ фамильный чувственный и страстный темпераментъ, но и примѣры, видѣнные съ дѣтства, та атмосфера нѣкоторой нравственной распущенности, въ которой росла дѣвочка въ семьѣ, гдѣ и у отца и матери были дѣти отъ какихъ-то неизвѣстныхъ женъ и мужей, гдѣ все это было извѣстно всѣмъ и каждому, и совершенно простымъ и естественнымъ считался порядокъ вещей болѣе чѣмъ странный. Эти впечатлѣнія и *безсознательные выводы* неизгладимо врѣзались въ душу Жоржъ Сандъ и даже уже въ старости, будучи идеальной матерью и бабушкой, предъявляя и къ самой себѣ и къ другимъ строжайшія нравственныя требованія, Жоржъ Сандъ не могла отдѣлаться по отношенію къ вопросамъ такъ называемой физической любви отъ извѣстной снисходительности, съ которой она судила разные романы и связи окружавшихъ ее молодыхъ друзей и родственниковъ. Мы не имѣемъ возможности разсказывать читателямъ извѣстные намъ по этому поводу факты и рѣчи, чтобы не затрогивать лицъ еще живущихъ, но не можемъ не передать то странное впечатлѣніе, которое производили на насъ эти разсказы—безъ тѣни недоброжелательства, а наоборотъ, выставлявшіе „широту взглядовъ" и снисходительность Жоржъ-Сандъ по отношенію къ бѣдному грѣховному человѣчеству. И мы тутъ видимъ гораздо сильнѣйшее вліяніе наслѣдственныхъ *привычекъ мысли* и первоначальныхъ впечатлѣній

[1]) Blackwood's Edinburgh Magazine. vol CXXI, (January-June 1877).

дѣтства и юности, чѣмъ вліяніе позднѣйшихъ романтическихъ теорій 30-хъ годовъ.

Итакъ, обращаясь къ родословной Авроры Дюпенъ, мы узнаемъ, что она происходила по прямой линіи отъ *Августа II*, курфюрста саксонскаго и короля польскаго. Однимъ изъ безчисленныхъ незаконныхъ дѣтей его, сынъ извѣстной въ свое время красавицы, графини Авроры фонъ-Кёнигсмаркъ, былъ еще болѣе извѣстный маршалъ *Морицъ Саксонскій*, знаменитый побѣдитель при Фонтенуа, неудачный претендентъ на руку Елизаветы Петровны и Анны Іоанновны, но счастливый любовникъ Адріенны Лекувреръ и многихъ другихъ дамъ и дѣвицъ, и въ числѣ ихъ и нѣкоей Маріи Рento, пѣвшей въ оперѣ подъ именемъ дѣвицы Верьеръ. Отъ связи съ Морицемъ Саксонскимъ у дѣвицы де-Верьеръ родилась дочь *Марія-Аврора*, сначала занесенная въ церковныя книги какъ дочь какого-то мелкаго горожанина, но впослѣдствіи актомъ парламента признанная дочерью маршала Саксонскаго и потому получившая фамилію *де-Саксъ*. Порученная маршаломъ попеченію его побочной племянницы, Дофины, [1]) Марія Аврора Саксонская была сначала помѣщена на воспитаніе въ монастырь Сенъ-Сиръ, а затѣмъ и вообще находилась подъ постояннымъ наблюденіемъ своей царственной кузины. Неизвѣстно, благодаря ли этому обстоятельству, или просто потому, что Марія-Аврора не наслѣдовала опаснаго темперамента батюшки и легкомыслія матушки, но дочь прославившагося своими невѣроятными любовными похожденіями Морица Саксонскаго составляетъ блестящее исключеніе среди своихъ предковъ и потомковъ: въ ея жизни не только не было никакихъ незаконныхъ, но и вообще никакихъ романовъ, а наоборотъ, будучи дважды замужемъ, она оба раза вступала въ такъ называемый „благоразумный“ бракъ. Пятнадцатилѣтней дѣвушкой она была выдана за графа Горна, незаконнаго сына Людовика XV, никогда не была его женою, спасенная отъ ужасныхъ послѣдствій этого брака старымъ камердинеромъ графа, пожалѣвшимъ бѣдную дѣвушку и предупредившимъ ея брата; а черезъ 3 недѣли послѣ свадьбы она уже овдовѣла, потерявъ мужа, убитаго на дуэли среди празднествъ, сопровождавшихъ его вступленіе въ должность намѣстника одного изъ прирейнскихъ владѣній французскаго короля. Тогда юная вдова-дѣвица

[1]) Жоржъ Сандъ приходится дальней, но несомнѣнной родственницей французскому королевскому и германскому императорскому дому, какъ то доказываютъ двѣ слѣдующія генеалогическія таблицы:

сначала вернулась къ матери, а затѣмъ, по настоянію Дофины, поселилась въ Abbaye aux Bois. Лишь по смерти Дофины она вновь вернулась къ матери, которая вмѣстѣ съ своей сестрой, тоже отставной актрисой, покончивъ со своими театральными и иными подвигами, мирно доживала свой вѣкъ, окруженная разными, болѣе или менѣе литературными пріятелями, проводя время въ чтеніи избранныхъ поэтическихъ и философскихъ со-

А.

Фридрихъ Августъ II, — (Аврора Кенигсмаркъ).
курфюрстъ Саксонскій.

- *Августъ III*, король польскій.
 - *Марія-Іозефа Саксонская* (супруга Дофина, сына Людовика XV).
 - *Людовикъ XVI, Людовикъ XVIII* и *Карлъ X.*
- *гр. Морицъ Саксонскій* — (дѣвица де Верьеръ)
 - *Марія-Аврора Саксонская* (въ первомъ бракѣ графиня Горнъ, во второмъ г-жа Дюпенъ де Франкейль).
 - *Морисъ-Елисаветъ-Франсуа Дюпенъ* ∞ Софія-Викторія-Антуанетта Делабордъ.
 - Аврора Дюпенъ (Жоржъ Сандъ).

B.

Іоаннъ Георгъ, курфюрстъ Бранденбургскій.

- Іоакимъ Фридрихъ курфюрстъ Бранденбургскій
 - Іоаннъ Сигизмундъ курфюрстъ Бранденбургскій
 - Георгъ Вильгельмъ курфюрстъ Бранденбургскій
 - Фридрихъ Вильгельмъ Великій курфюрстъ
 - Фридрихъ I, король прусскій
 - Фридрихъ Вильгельмъ I
 - Генрихъ Августъ, принцъ прусскій
 - Фридрихъ Вильгельмъ II
 - Фридрихъ Вильгельмъ III
 - Вильгельмъ I, императоръ Германскій.
- Христіанъ маркграфъ Байрейтскій
 - Магдалина Сибилла курфюрстина Саксонская
 - Іоаннъ Георгъ III курфюрстъ Саксонскій
 - Августъ II курфюрстъ Саксонскій, король польскій
 - гр. Морицъ Саксонскій
 - Марія Аврора Саксонская
 - Морисъ Дюпенъ
 - Аврора Дюпенъ.

Эту вторую таблицу прислалъ Жоржъ Сандъ въ 1872 нѣкто Карлъ Дельгабенъ, изъ Норвегіи. Жоржъ Сандъ сообщила ее Анри Амику, изъ книги котораго мы ее и заимствуемъ. (Henri Amic, „George Sand, mes Souvenirs").

чиненій, въ занятіяхъ музыкой, домашними спектаклями, шарадами и т. д. Марія-Аврора прожила съ матерью около 15 лѣтъ, тоже занимаясь литературой, музыкой, играя на домашнихъ спектакляхъ и постоянно находясь въ общеніи съ самыми культурными и интеллигентными людьми своего времени. Осыпаемая мадригалами разныхъ своихъ друзей, окруженная поклоненіемъ разныхъ завсегдатаевъ дѣвицъ Верьеръ съ ихъ болѣе чѣмъ легковѣсной моралью XVIII вѣка, Марія-Аврора тѣмъ не менѣе „сохранила въ неприкосновенной чистотѣ свои бѣлоснѣжныя перышки“. А въ 30 лѣтъ она сочла за благо выйти замужъ за весьма богатаго и весьма любезнаго старичка, Дюпена де-Франкейль, съ которымъ прожила десять счастливыхъ лѣтъ, послѣ чего сей, по ея мнѣнію идеальный, супругъ умеръ, оставивъ вдовѣ единственнаго сына, имѣніе Ноганъ, большое состояніе, но и большое количество долговъ, ибо жилъ онъ, „какъ живали въ старину“, стараясь сдѣлать изъ жизни прежде всего нѣчто пріятное, для себя и близкихъ и мало заботясь о будущемъ: „Après nous le déluge“. Въ „*Исторіи моей жизни*“ мы находимъ превосходное изображеніе этого изящнаго и любезнаго представителя стараго режима и его безпечальной жизни, посвященной занятіямъ литературой, искусствами и всевозможнымъ утонченно-культурнымъ наслажденіямъ. Онъ и рисовалъ, и занимался ручнымъ трудомъ, и игралъ на скрипкѣ, много читалъ, слѣдилъ за современной многознаменательной литературой и былъ знакомъ со всѣми лучшими людьми своего времени (Руссо былъ даже одно время его секретаремъ). Никогда не былъ онъ празднымъ, скучнымъ или больнымъ, считая „сіе три“ неприличными для порядочнаго человѣка и потому скрывая свои болѣзни до самаго своего послѣдняго часа. А прежде всего онъ заботился, чтобы его молодая жена никогда съ нимъ не скучала. Этого онъ вполнѣ достигъ, и она всегда съ умиленіемъ вспоминала о своемъ старомъ мужѣ. Но когда послѣ его смерти она захотѣла привести въ порядокъ свои дѣла, то узнала, что половины состоянія уже не существуетъ. Уплативъ всѣ долги, госпожа Дюпенъ де-Франкейль всю жизнь посвятила воспитанію своего обожаемаго сына, въ гувернеры къ которому пригласила нѣкоего аббата Дешартра, впослѣдствіи, послѣ революціи, снявшаго рясу, предавшагося изученію естественныхъ наукъ и медицины, сдѣлавшагося весьма порядочнымъ хирургомъ и бывшаго затѣмъ учителемъ и воспитателемъ и самой Жоржъ Сандъ. Онъ былъ беззавѣтно преданъ госпожѣ Дюпенъ, ея сыну, а потомъ и внучкѣ. Къ нему мы еще не разъ вернемся.

Юный *Морисъ Дюпенъ* росъ въ той же культурной атмосферѣ, какъ и его мать, занимался искусствами (у него былъ, вѣроятно унаслѣдованный—и отъ матери и бабки, и отъ отца,—большой музыкальный талантъ, онъ отлично игралъ на скрипкѣ и страстно любилъ театръ). Мать его обожала, и онъ платилъ ей тѣмъ же. Буря революціи, разразившаяся съ одинаковой силой надъ добрыми и злыми, надъ противниками освободительныхъ идей, какъ и надъ поклонниками ихъ (а къ нимъ принадлежала и г-жа Дюпепъ, которая нетолько пробавлялась, какъ большинство людей ея круга, списываніемъ памфлетиковъ на Марію Антуанетту и повтореніемъ разныхъ недоброжелательныхъ либеральныхъ сплетенъ, но и серьезно сочувствовала идеямъ Вольтера и Руссо), эта буря чуть не погубила семью Дюпеновъ, подвергла ихъ и обыскамъ, и арестамъ и заключенію — всему тому, что они, вмѣстѣ съ другими свободомыслящими дворянами своего времени, осуждали въ старомъ режимѣ и что теперь практиковалось представителями новаго порядка вещей. Хотя въ концѣ концовъ Дюпены вышли здравыми и невредимыми изъ этихъ испытаній, но прежнее нормальное теченіе жизни было нарушено, а главное, было прервано, и навсегда, правильное воспитаніе шестнадцатилѣтняго Мориса Дюпена. Вскормленный матерью въ духѣ восторжествовавшихъ теперь идей „равенства, братства и свободы“ (что не мѣшало ей съ ужасомъ видѣть проведеніе этихъ идей въ жизнь посредствомъ гильотины и всяческихъ насилій тѣхъ временъ), онъ уже въ слѣдующемъ году поступилъ въ ряды республиканской арміи; сначала онъ былъ простымъ солдатомъ подъ знаменами Массены, а потомъ ординарцемъ при генералѣ Дюпонѣ; перенесъ всѣ трудности республиканскихъ, а потомъ наполеоновскихъ походовъ, съ 1796-го по 1808 г.; побывалъ и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Испаніи; былъ раненъ; былъ въ австрійскомъ плѣну; наконецъ былъ блестящимъ адъютантомъ блестящаго Мюрата и умеръ внезапно, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, сброшенный испугавшейся чего-то лошадью, въ то время, какъ между двумя походами гостилъ у матери въНоганѣ, въ 1808 г. Изъ его переписки съ матерью видно, что это былъ жизнерадостный, немного легкомысленный, но великодушный и честный юноша, художественная и непосредственная натура и истинный типъ отважныхъ воиновъ республики.

Во время итальянскихъ походовъ онъ познакомился съ хорошенькой и бойкой дѣвицей Софьей-Антуанеттой-Викторіей Делабордъ, состоявшей при какомъ-то старомъ генералѣ. Старый

генералъ былъ богатъ, у молодого офицера, не оправившагося отъ раны и бывшаго почти безъ копѣйки по возвращенiи изъ плѣна, было лишь любящее сердце и прiятная наружность, и тѣмъ не менѣе разумѣется старый генералъ получилъ чистую отставку, и Софья Делабордъ послѣдовала за Морисомъ Дюпеномъ во Францiю. Связь эта оказалась гораздо серьезнѣе, чѣмъ можно было заключить по ея довольно-таки легкой завязкѣ, и серьезнѣе чѣмъ она, вѣроятно, показалась вначалѣ госпожѣ Дюпенъ, не только знавшей о всѣхъ почти похожденiяхъ сына, но даже воспитывавшей ребенка, который произошелъ отъ одной изъ прежнихъ мимолетныхъ связей молодого Дюпена,—того самаго побочнаго брата Жоржъ Сандъ, Ипполита Шатирона, съ которымъ она была такъ дружна. Когда Софья Делабордъ оказалась беременной, Дюпенъ рѣшилъ жениться на ней. Госпожа Дюпенъ разумѣется ужаснулась. узнавъ о такомъ рѣшенiи сына, и пустила въ ходъ всѣ законныя и незаконныя средства, чтобы разстроить этотъ бракъ. Прошлое Софьи Делабордъ, (какъ это ни старается замазать Жоржъ Сандъ, которая можетъ быть лучше сдѣлала бы, еслибъ вовсе не говорила о немъ), это прошлое было болѣе чѣмъ сомнительно, но и въ настоящемъ Софiя Антуанетта была дѣйствительно вовсе не пара для сына изящной, образованной и развитой г-жи Дюпенъ. Напрасно разные бiографы Жоржъ Сандъ (особенно наши русскiе писатели съ 50-хъ по 80-ые годы) усматриваютъ въ томъ сопротивленiи, которое встрѣтилъ бракъ Дюпена со стороны его матери, только „аристократическiе предразсудки чопорной старухи“ и т. п. Мы вскорѣ увидимъ, насколько она была права, а понять ея чувства мы можемъ уже и теперь. Можетъ быть, Дюпенъ и самъ убѣдился бы въ томъ, что мать его права, еслибъ мать могла спокойно съ нимъ поговорить и доказать ему, насколько его выборъ неудаченъ. Но дѣло повели слишкомъ грубо. Разные доброжелатели, а особенно Дешартръ, своими сплетнями, медвѣжьими услугами и черезчуръ ревностной помощью госпожѣ Дюпенъ въ ея старанiяхъ добиться расторженiя этого брака, окончательно испортили все, поселили временную вражду между матерью и сыномъ и нетолько не заставили молодого Дюпена отказаться отъ приведенiя въ исполненiе своего намѣренiя, но даже ускорили его. Въ началѣ iюня 1804 г. (16-го прерiаля [1]),

[1]) См. между прочимъ въ „Le Curieux“, 2-me vol., Octobre 1887, № 44, въ статьѣ Charles Nauroy: — Acte de mariage des parents de George Sand: „Du seizième jour de prairial, an douze, neuf heures de relevée“... etc.

менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до рожденія будущей Жоржъ Сандъ, Дюпенъ, тайкомъ отъ матери, подписалъ свой брачный контрактъ съ Софьей Делабордъ передъ мэромъ второго парижскаго округа. Въ 1804 году гражданскій бракъ въ мэріи имѣлъ первенствующее значеніе съ точки зрѣнія закона, и потому, когда узнавшая о бракѣ госпожа Дюпенъ поспѣшила въ Парижъ, чтобъ расторгнуть его,—то къ огорченію своему убѣдилась, что такъ какъ всѣ требуемыя закономъ формальныя условія были соблюдены, то бракъ этотъ вполнѣ законенъ и нерасторжимъ. Отмѣтимъ при этомъ теперь же тотъ странный фактъ, что въ то время какъ Софья Делабордъ, которую партійные біографы хотятъ выставить какъ представительницу свободныхъ стремленій новаго времени, смотрѣла на бракъ, заключенный въ мэріи, какъ на пустую формальность и не считала себя замужемъ пока не была обвѣнчана въ церкви,—Марія Аврора эта „преисполненная разными предразсудками старая аристократка“ — какъ величаютъ ее тѣ же біографы,—смотрѣла на церковный бракъ съ точки зрѣнія философовъ XVIII в., считала его „ненужнымъ обрядомъ“ и впослѣдствіи лишь по настоянію невѣстки присутствовала въ церкви при совершеніи этого „обряда“ надъ молодыми Дюпенами. Но мы забѣжали впередъ, и въ ту минуту, на которой остановился нашъ разсказъ, она и слышать ничего не хотѣла о непокорномъ сынѣ и не пускала его къ себѣ на глаза.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. И вотъ молодой отецъ Авроры Дюпенъ пустился на хитрость, съ цѣлью смягчить мать и зная, какое нѣжное сердце таится въ ея груди. Въ одинъ прекрасный день привратница дома, гдѣ жила Марія-Аврора, принесла и положила на колѣни старушкѣ крошечную, но здоровенькую дѣвочку, говоря, что это ея внучка, временно-порученная ея попеченіямъ. Старушка стала ласкать дѣвочку, играть съ ней, согрѣла ее у своей груди, и вдругъ въ этой черноглазой крошкѣ ея сердце угадало дочь обожаемаго сына. Она была потрясена, оттолкнула дѣвочку, хотѣла отослать ее немедленно. Въ эту минуту молодой Дюпенъ, ожидавшій внизу рѣшенія судьбы, вбѣжалъ въ комнату по знаку привратницы, упалъ на колѣни передъ матерью—и получилъ полное прощеніе. Въ знакъ примиренія Марія-Аврора надѣла на крошечные пальчики дѣвочки то рубиновое кольцо, которымъ она играла, съ наставленіемъ передать его матери малютки, что Морисъ Дюпенъ разумѣется свято исполнилъ. Черезъ нѣсколько времени Марія Аврора согласилась и увидѣть невѣстку, а затѣмъ возвратилась въ Ноганъ,

а молодые супруги, осенью обвѣнчавшіеся и въ церкви, остались жить въ Парижѣ.

Вскорѣ Морисъ Дюпенъ вновь долженъ былъ идти въ походъ, а Софія осталась съ Авророй и со своей старшей незаконной дочерью Каролиной въ маленькой квартиркѣ въ улицѣ Гранжъ-Бательеръ, гдѣ Жоржъ Сандъ и провела свои первые годы, въ самой скромной обстановкѣ мелкаго буржуазнаго парижскаго круга.

Остановимся теперь на тѣхъ чертахъ темперамента, характера и склада ума и натуры, которыя Жоржъ Сандъ несомнѣнно наслѣдовала отъ своихъ предковъ и которыя она сама въ своемъ разсказѣ о нихъ какъ бы мысленно *отмѣчаетъ курсивомъ*. Августъ II, котораго Жоржъ Сандъ довольно сдержанно называетъ „le plus étonnant débauché de son temps", передалъ сыну свою чувственную и разгульную натуру и склонность къ любовнымъ похожденіямъ. Но Морицъ Саксонскій, этотъ болѣе чѣмъ развратный сынъ развратнаго XVIII вѣка, доходившій въ своихъ любовныхъ приключеніяхъ до траги-комической потери престола изъ-за болѣе чѣмъ сомнительной авантюры съ какой-то митавской гарнизонной красавицей [1],—этотъ самый Морицъ Саксонскій былъ несомнѣнно натурой незаурядной, обладалъ умомъ выдающимся, склоннымъ къ широкимъ обобщеніямъ и оригинальнымъ идеямъ. Въ своей походной палаткѣ онъ мечталъ о благѣ народномъ, строилъ утопическія, но положительно проникнутыя соціальнымъ духомъ системы, долженствовавшія насадить лучшій порядокъ вещей въ европейскихъ странахъ, и даже въ вопросы спеціально-военные онъ вносилъ тотъ духъ критики и высшей гуманности, который всегда влечетъ за собою реформы. Неудивительно ли напр., что этотъ Кондотьеръ XVIII столѣтія уже помышлялъ о всеобщей *воинской повинности всѣхъ гражданъ* (взамѣнъ тогдашней системы рекрутскихъ вербовокъ) и оставилъ по этому поводу прелюбопытную *записку*. Эти политико-экономическія и соціальныя тенденціи Морица Саксонскаго разумѣется не были оставлены безъ вниманія его правнукой, и она съ видимымъ удовольствіемъ распространяется о нихъ въ VI главѣ 1-го тома „*Исторіи моей жизни*".

Дочь Морица Саксонскаго наслѣдовала отъ своихъ родителей ихъ счастливыя черты, не унаслѣдовавъ ихъ пороковъ и слабостей. Къ ней не перешло легкомысліе матушки—жизнерадостной дѣвицы Верьеръ, но перешелъ ея музыкальный та-

[1]) См. „Исторію" томъ I стр. 169—170.

лантъ и любовь къ литературѣ и литературнымъ занятіямъ. Она была отличной музыкантшей, превосходно пѣла и была впослѣдствіи не только первой наставницей своей внучки въ фортепьянной игрѣ, по и въ *музыкѣ* въ широкомъ смыслѣ слова. Кромѣ того, эта типическая представительница свободомыслящихъ женщинъ своего времени, проникнутая идеями энциклопедистовъ, презиравшая всѣ обряды, суевѣрія, все „неразумное", привѣтствовавшая всякое завоеваніе въ области „свободнаго духа"—втеченіи всей своей жизни занималась умственнымъ трудомъ, читала, дѣлала извлеченія, выписки, резюме прочитаннаго,—и тетради, полныя этихъ выписокъ и замѣтокъ, свидѣтельствуютъ о ея серьезно направленномъ и сильномъ умѣ. Это направленіе ума, склоннаго къ систематизаціи и вопросамъ соціально-философскаго характера, Марія-Аврора несомпѣнно унаслѣдовала отъ Морица Саксонскаго, къ счастью вовсе не унаслѣдовавъ его страстнаго темперамента; изъ всѣхъ страстей она знала лишь материнскую любовь, хотя можно, пожалуй, отмѣтить, что въ эту материнскую любовь сначала къ сыну, а потомъ къ внучкѣ, она вносила элементы страсти: — ревность и нетерпимость. Свою музыкальность и литературность она передала и сыну, Морису Дюпену, который однако унаслѣдовалъ съ ея кровью, скачкомъ черезъ поколѣніе, страстную и чувственную натуру дѣда. А папенька, Дюпенъ де Франкейль, бывшій въ свое время большимъ любезникомъ и дамскимъ кавалеромъ, передалъ ему эту „любезность" и нѣкоторую милую легкомысленность. Письма Мориса Дюпена къ матери во время ея заключенія въ тюрьмѣ, а особенно письма его съ театра военныхъ дѣйствій, свидѣтельствуютъ о положительномъ литературномъ дарованіи. Недаромъ Жоржъ Сандъ напечатала ихъ въ такомъ большомъ количествѣ; всякій внимательный читатель невольно говоритъ про себя: „А, теперь мнѣ понятно, почему Жоржъ Сандъ съ перваго своего шага на литературномъ поприщѣ была такой превосходной *стилисткой*, понятна та легкость, съ которой она писала, это было все врожденное, писательство было у ней въ крови". [1])

[1]) На стр. 13, III тома „Исторіи" Жоржъ Сандъ разсказываетъ тотъ знаменательный фактъ, что и незаконный сынъ ея отца, Ипполитъ Шатиронъ, инстиктивно стремился писать романы, и когда она его однажды на томъ накрыла, и у нихъ произошелъ по этому поводу разговоръ о возможности или невозможности передать на бумагѣ свои фантазіи,—то онъ воскликнулъ: „Ахъ, такъ то! Такъ это болѣзнь, которая у насъ въ крови! Ты тоже трудишься въ пустомъ пространствѣ, (Tu pioches dans le vide), ты грезишь, какъ и я! Ты

Но не отъ отца, а опять-таки скачкомъ черезъ поколѣніе, отъ бабки, унаслѣдовала Жоржъ Сандъ нѣсколько дидактическій, склонный къ систематизаціи и утопіямъ умъ.

Увы, Жоржъ Сандъ также справедливо говоритъ, что всякій изъ насъ еще тѣснѣе, чѣмъ съ отцемъ, связанъ кровными узами съ матерью. А матерью Жоржъ Сандъ была страстная, необузданная никакимъ воспитаніемъ, довольно примитивная, вульгарная натура, талантливая и живая женщина, но почти полудикое существо, жившее инстинктами, воображеніемъ, экзальтированное и неуравновѣшанное, неотличавшееся никакими тонкими нравственными чертами, которыя могли бы въ дочери умѣрить опасный, черезчуръ горячій темпераментъ отца.

Кажется, намъ не надо вновь писать генеалогическую таблицу семьи Августа II съ помѣтами, въ родѣ тѣхъ, что украшаютъ собою родословное дерево Ругоновъ („прапрадѣдъ и прапрабабка грубо-чувственныя натуры“, „прадѣдъ—сильная индивидуальность и утопическій умъ“, „прабабка — музыкантша“, „бабка—сильный умъ и литературныя наклонности“, „отецъ—страстная и художественная натура, музыкальный и литературный талантъ“, „мать—примитивная натура, темпераментъ неуравновѣшенный, экзальтація и перевѣсъ воображенія“ и т. д. и т. д.)—для того, чтобы читатель не нашелъ неправильнымъ слѣдующаго заключенія изъ всего предыдущаго, изъ всѣхъ этихъ посылокъ:

Жоржъ Сандъ—горячее сердце, полное глубочайшаго альтруизма; умъ холодный, склонный къ системамъ и обобщеніямъ, но неспособный противодѣйствовать какой нибудь страсти или утопіи; темпераментъ чувственный и страстный; натура художественная въ широкомъ смыслѣ слова; экзальтированное воображеніе; литературный талантъ чистѣйшей воды.

Таковою Жоржъ Сандъ и была въ дѣйствительности. Итакъ, она уже явилась на свѣтъ натурой исключительной, одаренной рѣдкими духовными дарами, но и опасными наслѣдственными чертами. Воспитаніе ея—если таковое у нея было!—та общественная атмосфера, въ которой прошли ея первые годы (совпавшіе съ первыми годами Имперіи), годы, преисполненные рѣзкихъ перемѣнъ въ образѣ жизни, обстановкѣ и проходившіе въ скитаніяхъ и постоянныхъ переходахъ изъ одной среды въ другую: изъ мелкаго, простенькаго и сѣренькаго мірка бур-

мнѣ этого никогда не говорила“... Шатиронъ былъ правъ—писательство было у Жоржъ Сандъ въ крови и она унаслѣдовала его именно отъ отца.

жуазной материнской родни Авроры Дюпенъ въ міръ отживающаго, но очень изящнаго и интеллигентнаго высшаго общества конца прошлаго вѣка, представительницей котораго являлась ея бабка, или въ блестящую, шумную военную среду сподвижниковъ Наполеона, которой принадлежалъ ея отецъ,—все это сдѣлало эту исключительную натуру еще болѣе индивидуальною и направило ея необыкновенныя природныя черты и по пути необычайному.

ГЛАВА III.

Дѣтство и отрочество.

(1804 — 1817).

Первые три года жизни Авроры Дюпенъ прошли въ маленькой квартиркѣ молодыхъ Дюпеновъ въ улицѣ Grange Batelière. Вскорѣ послѣ рожденія дочери молодой офицеръ принужденъ былъ вернуться въ армію, а Софія Антуанетта осталась одна съ маленькой Авророй и своей старшей незаконной дочерью Каролиной. Она вела въ тѣ годы самую замкнутую и скромную жизнь, видаясь лишь съ сестрой Люсиль, вышедшей замужъ за своего кума Марешаля и жившей въ Шальо [1]), да съ нѣкоторыми ближайшими друзьями и знакомыми, наиболѣе близкимъ изъ которыхъ былъ нѣкто Пьерре, добрый буржуа, какъ собака преданный Софьѣ и ея мужу, всегда очень заботившійся о маленькой Аврорѣ и ея сестрѣ. Изрѣдка предпринимались какія-нибудь прогулки въ окрестности Парижа, или всей компаніей шли въ театръ, но по большей части Софья сидѣла дома, шила или хозяйничала, а дѣвочки тутъ же подлѣ нея играли, или бѣгали по двору съ

[1]) Въ 1805 г. Софья на нѣсколько мѣсяцевъ уѣзжала лѣтомъ къ мужу въ лагерь близь Монтрейля — и на это время маленькую Аврору и совсѣмъ поселили въ Шальо у тетки. Въ своемъ почти неизвѣстномъ „Voyage en Auvergne“ (автобіографическомъ отрывкѣ, написанномъ въ 1827 году и часть котораго является какъ бы первичнымъ планомъ „Исторіи моей жизни“), Жоржъ Сандъ говоритъ, что ее отдали „на воспитаніе въ Шальо на три года, когда мать ея уѣхала въ Италію,“ — это невѣрно. Но разсказъ объ осликѣ, на которомъ катала маленькую Аврору и ея кузину Клотильду добрая женщина, присматривавшая за ними и возившая въ городъ овощи и молоко — этотъ разсказъ тожественъ въ обѣихъ версіяхъ. Очевидно онъ написанъ по личнымъ воспоминаніямъ, а не съ неточныхъ чужихъ словъ.

разными сосѣдскими дѣтьми, водили хороводы и распѣвали простыя народныя пѣсни. Аврора отчего-то не могла равнодушно слышать одной изъ этихъ пѣсенокъ, очень извѣстной даже русскимъ дѣтямъ:

Nous n'irons plus au bois,
Les lauriers sont coupés... etc.

которая производила на нее непонятно-грустное впечатлѣніе—впечатлѣніе какой-то *утраты чего-то прекраснаго*. Вотъ первое, смутное проявленіе поэтическаго чувства въ будущемъ поэтѣ, которое можно отмѣтить.

Потомъ Каролину отдали въ пансіонъ, а молодая мать, боявшаяся отпускать крошечную Аврору одну на улицу и слишкомъ занятая для того, чтобы спеціально присматривать за ней, изобрѣла остроумный способъ, для того, чтобы дѣвочка, не убѣгая никуда, позволяла ей заниматься своими хозяйственными дѣлами. Она устроивала нѣчто въ родѣ загородки изъ четырехъ стульевъ, ставила въ середину, вмѣсто скамейки, маленькую холодную грѣлку (которую парижскія простолюдинки ставятъ зимою подъ свои стулья) и Аврора, уже чуть не съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ жизни проявлявшая необыкновенную наклонность мечтать, „грезить съ открытыми глазами,“ проводила цѣлые часы въ этой загородкѣ, то разсказывая сама себѣ какія-то безконечныя сказки, то разыгрывая цѣлыя фантастическія эпопеи въ лицахъ. Она никогда не скучала, какъ бы долго мать ни оставляла ее среди четырехъ стульевъ. Аврора разсказывала себѣ какой-то безконечный романъ, въ которомъ она отрывки сказокъ, пѣсенъ и миѳологическихъ разсказовъ матери сплетала самымъ фантастическимъ образомъ. Удивительно, что уже тогда ея мать и тетка замѣчали, что Аврора любитъ „длинноты“, и что ея герои произносятъ нескончаемые монологи. Часто тетка спрашивала дѣвочку: „Ну, что, твой принцъ все еще не выбрался изъ лѣсу?“ или: „Ну, что, скоро ли твоя царевна кончитъ надѣвать свое платье со шлейфомъ и свою корону?“ Очень характерно—если вѣрить Жоржъ Сандъ на слово—для будущей великой писательницы и содержаніе этихъ романовъ. „Въ нихъ было мало злыхъ существъ,—говоритъ она [1])—и никогда не было большихъ несчастій, все устраивалось подъ вліяніемъ общей идеи,—свѣтлой и оптими-

[1]) „Исторія моей жизни“, томъ II, стр. 167.

стической, какъ дѣтство...“ Когда Аврорѣ надоѣдало разсказывать, она затихала и принималась о чемъ-то мечтать и цѣлыми часами способна была неподвижно просидѣть на своей скамейкѣ-грѣлкѣ, уставившись въ одну точку и упорно о чемъ-то размышляя. Иногда родные, застававшіе дѣвочку въ состояніи такого оцѣпенѣнія, удивлялись и безпокоились. Но Софья-Антуанетта останавливала ихъ словами: „Оставьте ее въ покоѣ, я могу работать только когда она сочиняетъ свои романы между четырехъ стульевъ“ [1]).

Софья не мало способствовала развитію воображенія и даже художественному инстинкту ребенка. Она была сама простая, но поэтическая и экспансивная душа, любила то пѣть пѣсни своимъ звонкимъ голоскомъ, то разсказывать сказки, причемъ немилосердно перемѣшивала религіозныя преданія съ миѳологіей и волшебными сказками въ точномъ смыслѣ слова. Сознательно или безсознательно она находила, что фантастическій элементъ необходимъ для дѣтей и что міръ сказочныхъ грезъ гораздо понятнѣе и сроднѣе дѣтскому міросозерцанію, чѣмъ трезвая прозаическая правда. У Софіи было и врожденное чувство красоты, и она первая заронила въ душу будущей Жоржъ Сандъ любовь къ природѣ. Гуляя съ дѣвочкой или, впослѣдствіи, проѣзжая съ ней по какой-нибудь незнакомой странѣ, она постоянно останавливала ея вниманіе то на причудливой формѣ румяныхъ вечернихъ облаковъ, то на свѣжести и блескѣ красокъ простого полевого цвѣтка, то на грозныхъ очертаніяхъ придорожныхъ скалъ. А маленькая Аврора, открытая дѣтская душа которой, какъ всѣ дѣтскія души, жадно ловила всѣ впечатлѣнія бытія, съ особенной чуткостью отзывалась на всѣ впечатлѣнія художественныя. Услышанный ею впервые звукъ флейты какого-то скромнаго меломана, предававшагося въ верхнемъ этажѣ своимъ музыкальнымъ упражненіямъ, повергъ дѣвочку въ какой-то столбнякъ отъ восхищенія. Всякое новое необыкновенное слово, всякій новый образъ дѣйствовали на нее необычайно сильно. Цѣлыми часами она мечтала, какъ сама говоритъ, о какомъ-то таинственномъ „серебряномъ яйцѣ“, про которое мать пѣла, баюкая ее; это яйцо казалось ея дѣтскому воображенію верхомъ прекраснаго и желаннаго.

Такъ росла она въ маленькой парижской квартиркѣ.

Но вотъ внезапно пріѣзжалъ на побывку домой молодой

[1]) „Исторія“, томъ II, стр. 166—168.

адъютантъ Мюрата; квартирка въ улицѣ Grange Batelière наполнялась шумнымъ и бодрымъ молодымъ народомъ; звучали веселые и громкіе голоса; блестѣли расшитые по всѣхъ швамъ мундиры; звенѣли шпоры; слышались воодушевленные разсказы о побѣдахь, о трудностяхъ походовъ, о храбрости офицеровъ, о геройствѣ солдатъ, и о *немъ*, о немъ! единомъ, великомъ! Съ восхищеніемъ внимала дѣвочка этимъ отголоскамъ великой эпопеи, и, глядишь, уже всѣ эти разсказы воплощались въ играхъ дѣтей. Маленькая фантазерка со своей сестрой Каролиной, кузиной Клотильдой и другими дѣтьми изображала то битву, то ночное отступленіе по разнымъ страшнымъ мѣстамъ, то форсированный маршъ впередъ черезъ воображаемыя горы и пропасти. Стулья, шкафы, ковры и диваны — все шло въ дѣло; квартира загромождалась неприступными укрѣпленіями изъ столовъ и комодовъ, оглашалась побѣдными кликами, а поля сраженій въ квадратную сажень длины бывали усѣяны истерзанными трупами куколъ. А сама Аврора непремѣнно изображала героя времени — Наполеона! Это имя, этотъ образъ постоянно носился надъ нею. Однажды, когда она съ матерью и Пьерре гуляла, по улицѣ проѣзжалъ Наполеонъ; дѣвочку подняли высоко надъ толпой; Наполеонъ взглянулъ въ ихъ сторону; Аврора увидѣла ясный, проницательный, незабывающійся взглядъ удивительныхъ глазъ. А мать ея воскликнула въ восторгѣ: „*Онъ* на тебя посмотрѣлъ", съ твердой вѣрой, что одинъ этотъ взглядъ приноситъ счастье. Въ другой разъ— Жоржъ Сандъ отчетливо помнитъ это — когда дѣти играли въ садикѣ въ Шальо, за высокой оградой раздались клики, топотъ лошадей, возгласы, и шумно, хоть и невидимо, пронесся блестящій кортежъ. Маленькая дѣвочка, съ утра до вечера слышавшая о великомъ человѣкѣ, тотчасъ догадалась, кого привѣтствовала толпа за высокой оградой. Такъ привѣтствовать могли только его! Не въ этихъ ли дѣтскихъ играхъ, пародировавшихъ грандіозную эпическую сказку, извѣстную подъ названіемъ Наполеоновской эпохи, не въ томъ ли восторгѣ, съ которымъ вокругъ Авроры встрѣчалось всякое появленіе великаго человѣка въ столицѣ и запоминался всякій его взглядъ или жестъ, не въ этой ли атмосферѣ поклоненія маленькому корсиканцу кроются корни тѣхъ несомнѣнно бонапартистскихъ симпатій, которыя въ теченіе всей жизни и несмотря на всѣ позднѣйшія сознательныя республиканскія убѣжденія, безсознательно теплились въ душѣ Жоржъ Сандъ и проявлялись не разъ по адресу тѣхъ или другихъ потомковъ великаго На-

полеона. Одной половиной своей натуры Жоржъ Сандъ, какъ она сама часто любила повторять, принадлежала простому народу, и во многихъ изъ ея тогдашнихъ воспоминаній и разсказовъ слышатся отголоски той, сложившейся въ народѣ, наполеоновской легенды, которую такъ мастерски, такъ горячо, такъ неподражаемо пересказалъ намъ Бальзакъ устами стараго солдата въ *„Napoléon des champs“* въ своемъ *Médecin de Campagne.* Изъ сознательно и безсознательно воспринятыхъ впечатлѣній этой же военной среды впослѣдствіи создались необыкновенно жизненные типы военныхъ въ произведеніяхъ Жоржъ Сандъ.

Кончался срокъ отпуска; молодой адъютантъ возвращался къ своему посту; въ квартирѣ улицы Grange Batelière наставали тихіе дни, лишь изрѣдка разнообразившіеся поѣздками въ Шальо. Аврору часто отправляли туда или обратно со знакомой молочницей, которая помѣщала Аврору и ея кузину Клотильду въ громадныя корзины, привязанныя на спину осла, носившаго молоко въ городъ. Въ Шальо дѣти рѣзвились въ саду и, какъ и въ Парижѣ, играли въ войну, изображали подвиги наполеоновскихъ войскъ при переходахъ черезъ крутыя горы, топкія болота и быстрыя рѣки. Вскорѣ однако пришлось Аврорѣ познакомиться и въ дѣйствительности если не съ самыми сраженіями, то съ трудностями походовъ и походными сценами. Въ 1807 году Дюпенъ долженъ былъ сопровождать Мюрата въ испанскомъ походѣ. Софья Антуанетта, и скучая, и ревнуя мужа,—который, кажется, иногда подавалъ къ тому поводъ своимъ поведеніемъ, въ сущности однако безупречнымъ, но по виду легкомысленнымъ,—рѣшилась послѣдовать за мужемъ въ Мадридъ. Въ то время она была беременна и съ ея стороны было довольно безразсудно рисковать здоровьемъ своимъ и ребенка, но тѣмъ не менѣе она, вмѣстѣ съ Авророй и одной знакомой дамой, тоже ѣхавшей къ мужу въ Испанію, выѣхала въ коляскѣ изъ Парижа и, послѣ утомительнаго, а подчасъ и не вполнѣ безопаснаго путешествія, запыленная и измученная, прибыла въ Мадридъ, гдѣ и поселилась въ предоставленномъ Мюрату съ его штабомъ покинутомъ дворцѣ Годоя, князя Мира (Godoy, principe de la Paz.).

Намъ нечего подчеркивать значенія тѣхъ впечатлѣній, какія вынесла изъ этого путешествія отзывчивая натура маленькой четырехлѣтней мечтательницы, уже между четырехъ стульевъ находившая пищу для своихъ фантастическихъ грезъ. Почти въ тѣ же годы, немного позднѣе, другой ребенокъ, другой великій

поэтъ Франціи совершилъ то же самое путешествіе съ матерью изъ Парижа въ Мадридъ къ отцу, который, какъ Мюратъ дворецъ Годоя, занималъ дворецъ Массерано, тоже оставленный испанцами. Испанскія впечатлѣнія маленькаго Виктора Гюго были такъ сильны, что отразились много лѣтъ спустя на его испанскихъ драмахъ и стихотвореніяхъ, придали имъ особую яркость, тотъ отпечатокъ чисто-испанской грандіозности, силы, страсти и суровости, которымъ отличаются въ Испаніи и природа, и люди, и чувства. Иногда же испанскія воспоминанія и прямо послужили ему образами, съ которыхъ онъ списывалъ свои лучшія сцены. Нѣтъ сомнѣнія, что галлерея старыхъ портретовъ дворца Массерано [1]), такъ поразившая его дѣтское воображеніе,—потомъ, черезъ много лѣтъ, воскресла въ чудной *сценѣ портретовъ* въ „Эрнани". Жоржъ Сандъ не писала спеціально испанскихъ вещей. Ей было и меньше лѣтъ, чѣмъ Гюго, когда она проѣзжала черезъ мрачныя пиренейскія ущелья, черезъ суровую, выжженную солнцемъ, поросшую агавами и кактусами и разоренную войною Кастилію, когда она бродила по грандіознымъ, пустыннымъ заламъ нѣкогда роскошнаго, а теперь заброшеннаго дворца, и шаги ея гулко раздавались въ мертвой тишинѣ угрюмыхъ покоевъ, а собственный образъ пугалъ дѣвочку среди мертвой пустоты, отражавшейся въ огромныхъ зеркалахъ. Порученная попеченіямъ денщика Вебера,—добродушнаго нѣмца, имѣвшаго маленькій недостатокъ гоголевскаго Петрушки, такъ что дѣвочка готова была оставаться цѣлыми часами одна, лишь бы онъ былъ подальше,—Аврора свободно гуляла по всѣмъ комнатамъ. Иногда она выходила на балконъ надъ залитой палящимъ солнцемъ мертвой площадью, и простаивала тамъ долго-долго, вдыхая жгучій воздухъ и смутно догадываясь и размышляя о причинахъ этой пустоты кругомъ, о жившихъ здѣсь прежде людяхъ, о тѣхъ дѣтяхъ,—маленькихъ принцахъ,—брошенными игрушками которыхъ она играла. Казалось, что сказки совершаются на яву, и что сама Аврора попала въ заколдованный спящій дворецъ. Да и прекрасный сказочный принцъ былъ тутъ же во дворцѣ! Это былъ самъ Мюратъ, раззолоченный, разодѣтый, элегантный, совершенно очаровавшій маленькую фантазерку, которая прозвала его сказочнымъ именемъ „принца Фанфарине", не догадываясь, конечно, о томъ, что въ этомъ названіи скрывается злѣйшая эпиграмма. Мюратъ забавлялся своей маленькой поклонницей и назвалъ ее

[1]) См. „Victor Hugo par un témoin de sa vie".

въ шутку своимъ адъютантомъ. И вотъ на маленькаго адъютантика надѣли мужской костюмъ: гусарскіе штанишки, расшитую по всѣмъ швамъ курточку, ментикъ, мѣховую шапку, сапожки со шпорами и даже маленькую саблю. Господа хулители Жоржъ Сандъ, приходившіе впослѣдствіи въ такой ужасъ отъ ея мужского костюма, могутъ усмотрѣть въ такомъ раннемъ знакомствѣ съ удобствами мужского одѣянія опасный прецедентъ и даже, можетъ быть, вывести отсюда и нѣкоторое объясненіе того, почему и въ нѣкоторыя позднѣйшія эпохи своей жизни (такихъ эпохъ было приблизительно 5) Жоржъ Сандъ такъ легко прибѣгала къ услугамъ подобнаго переодѣванія. Но въ 1807 г. Аврора Дюпенъ не столько была поражена утилитарною стороною своего мужского наряда, сколько его внѣшнимъ блескомъ и красотою, а также и сходствомъ своимъ съ отцемъ, котораго обожала, и Мюратомъ, которому поклонялась. Къ тому же при мадридской жарѣ этотъ костюмъ былъ просто тяжелъ, и Аврора охотно смѣняла его на черное испанское платье, составлявшее обыкновенное одѣяніе ея и ея матери въ этомъ 1807 году. Но вскорѣ наступилъ всему этому прекрасному времени конецъ. Началось знаменитое отступленіе французскихъ войскъ изъ Испаніи. Госпожа Дюпенъ съ дѣтьми (въ Мадридѣ у нея родился слѣпой и слабый ребенокъ) испытала на себѣ всю оборотную сторону медали наполеоновскихъ походовъ. Отступленіе было похоже на бѣгство. Измученные жарой, болѣющія чесоткой, оборванныя, полуголодныя, возвращались во Францію побѣдоносныя войска. Не менѣе тяжело было и положеніе путешественниковъ, находившихся среди этихъ войскъ и вынужденныхъ ни на шагъ не отставать отъ нихъ въ странѣ, гдѣ непокорное мужественное населеніе по пятамъ преслѣдовало отступавшаго врага. Добродушные солдатики старались дѣлиться чѣмъ только могли съ бѣдной, безпомощной женщиной, озабоченной участью дѣтей. И всетаки они не могли уберечь маленькую семью отъ жары, голода, жажды и болѣзни. Они радушно предлагали дѣтямъ своей незатѣйливой похлебки; они подѣлились съ ними и своей болѣзнью. Дѣти схватили жестокую чесотку, и въ лихорадкѣ, въ жару, измученныя добрались наконецъ Дюпены до Ногана — беррійскаго имѣнія старухи Дюпенъ, встрѣтившей ихъ съ распростертыми объятьями. Она тотчасъ завладѣла Авророй, познакомила ее съ ея незаконнымъ братомъ Ипполитомъ, уложила ее въ свою прохладную, покойную, громадную постель подъ балдахиномъ и принялась ухаживать за дѣвочкой съ чисто-материнской нѣжностью,

пока Софья отдыхала въ свою очередь. Кончились бѣдствія, путешествія, сказки, начиналась новая, спокойная и повидимому счастливая, жизнь въ тиши стараго Ногана.

Но на первыхъ же порахъ на маленькую семью обрушились одно за другимъ несчастья, а потомъ вскорѣ оказалось, что и вообще въ Ноганѣ жизнь этой семьи не будетъ ни покойной, ни счастливой. Сначала умеръ маленькій слѣпой братъ Авроры, вѣроятно отъ слабости и чрезмѣрнаго утомленія. Немного времени спустя Морисъ Дюпенъ, послѣ какой-то маленькой семейной сцены поѣхавшій верхомъ въ Ла-Шатръ на обѣдъ къ добрымъ знакомымъ, возвращаясь ночью оттуда, былъ сброшенъ испугавшейся чего то горячей лошадью на кучу камней и убитъ на мѣстѣ.

Маленькая Аврора не могла понять всей тяжести обрушившагося на нее несчастья, но сильнѣе чѣмъ кому бы то ни было пришлось ей на себѣ испытать послѣдствія этого удара, такъ неожиданно упавшаго на ея семью. Невозможно описать ужаса, отчаянія и тоски, охватившихъ маленькое семейство Дюпеновъ. Марія-Аврора чуть не сошла съ ума, никогда не могла вполнѣ оправиться отъ этого потрясенія, и вся ея послѣдующая жизнь была однимъ воспоминаніемъ объ обожаемомъ сынѣ. Софія-Антуанетта горько упрекала себя за всякое ревнивое слово, сказанное мужу. Старикъ Дешартръ, таившій подъ маскою суроваго педагога самое нѣжное сердце и обожавшій своего воспитанника, былъ такъ пораженъ, что—какъ онъ сознавался впослѣдствіи Аврорѣ—изъ невѣрующаго атеиста разомъ обратился въ вѣрующаго: повѣрилъ въ безсмертіе души,—до того мысль, что Морисъ навѣки потерянъ, что онъ никогда его больше не увидитъ, была невыносима его любящему сердцу. Маленькая Аврора могла бы просто зачахнуть между этими тремя существами, плакавшими съ утра до вечера, погруженными въ безнадежное горе. Но бабушка, несмотря на все свое отчаяніе, не сдѣлалась безучастной къ крошечной внучкѣ; она справедливо нашла, что ребенку вредно жить въ этой тяжелой атмосферѣ слезъ и тоски, и тотчасъ распорядилась, чтобы въ товарищи игръ къ Аврорѣ привезли бы племянницу горничной Юліи—маленькую крестьяночку Урсулу. Черезъ нѣсколько дней эта Урсула поселилась въ Ноганѣ, и съ перваго же дня и въ теченіе всей своей жизни была преданнымъ другомъ Авроры Дюпенъ. Въ обществѣ Урсулы и Ипполита цѣлые дни проводила Аврора въ саду и поляхъ Ногана. Ипполитъ былъ здоровый и рѣзвый девятилѣтній мальчуганъ, вѣчно занятый самыми от-

чаянными предпріятіями и шалостями, а Урсула—бойкая, говорливая и чрезвычайно самостоятельная дѣвочка, сразу поставившая себя на совершенно равную ногу съ Авророй. Ихъ общество было въ высшей степени благодѣтельно для этой послѣдней, точно такъ же, какъ эти первые годы жизни въ Ноганѣ были необыкновенно полезны для ея здоровья: Аврора какъ бы отдохнула отъ всѣхъ недѣтскихъ впечатлѣній предыдущихъ лѣтъ среди покойнаго деревенскаго житья и нормальныхъ дѣтскихъ интересовъ, игръ и шалостей. Два года прожили Дюпены безвыѣздно въ Ноганѣ, и эти два года прошли для Авроры очень счастливо и покойно, особенно если сравнить ихъ съ тѣмъ, что ожидало ее въ будущемъ.

Лѣтъ пяти мать выучила дѣвочку читать и, едва усвоивъ механизмъ чтенія и самостоятельно прочтя первую сказку, Аврора пристрастилась къ чтенію и принялась поглощать всѣ тѣ книжки, которыя ей давали: и сказки Перро, и Беркена, и сокращенную миѳологію и даже романы госпожи де-Жанлисъ. Эти послѣдніе, впрочемъ, большею частью читала дѣвочкѣ вслухъ Софія-Антуанетта, а маленькая Аврора слушала, сидя передъ каминомъ, у ногъ матери, и уставившись на зеленый экранъ, на которомъ колеблющійся свѣтъ угольевъ рисовалъ причудливыя тѣни; Аврора смотрѣла то на экранъ, то на огонь, и ей казалось, что она видитъ фантастическіе замки, золотыя розы, странныя существа, измѣнявшіяся при всякомъ паденіи уголька при всякомъ трепетѣ тѣней. Вообще въ эти годы необыкновенно сказывалось воображеніе будущей писательницы. То ей казалось, что нимфа и вакханка, нарисованныя на обояхъ, оживаютъ, принимаются бѣгать по карнизу, подбѣгаютъ къ кровати дѣвочки, пугаютъ ее и вновь убѣгаютъ. То она цѣлыми днями грезила о прекрасномъ принцѣ, о феяхъ, геніяхъ, въ существованіе которыхъ она вѣрила и появленія которыхъ ожидала. Бабушка, какъ истая поклонница Вольтера, не особенно сочувствовала такому развитію воображенія у ребенка, но Софья-Антуанетта инстинктивно понимала, что фантастическій элементъ сродни дѣтской душѣ, и потому не только сама читала или разсказывала дѣтямъ сказки, но даже принимала участіе въ разныхъ затѣяхъ Авроры, а Аврора явно проявляла любовь и пристрастіе ко всему таинственному. Однажды мать накрыла ее и Урсулу на томъ, что онѣ старались изъ камешковъ и раковинъ создать какое-то подобіе волшебнаго замка. Софія тотчасъ приняла близко къ сердцу тщетныя попытки дѣвочки воспроизвести нѣчто прекрасное и непохожее на обыденную дѣйствительность;

принялась немедленно сама за дѣло, выстроила дѣвочкамъ маленькій гротъ, убрала его мхомъ, плющемъ, цвѣтами, украсила раковинами и розовыми камешками и даже, въ довершеніе всего, устроила маленькій искусственный водопадъ,—все это она сдѣлала такъ, чтобъ Аврора увидала лишь все готовымъ. Иллюзія получилась полная, гротъ показался Аврорѣ верхомъ красоты и поэзіи. Софія-Антуанетта угадала то смутное стремленіе къ прекрасному, которое наполняло маленькую душу Авроры, и ту жажду самой творить нѣчто прекрасное, которая уже сказывалась въ дѣвочкѣ. Аврора была глубоко убѣждена, что гротъ долженъ всѣмъ казаться необыкновенно прекраснымъ, и очень огорчилась, что бабушка, которую пригласили полюбоваться на него, не проявила никакого восторга. Бабушка не могла раздѣлять этихъ ребяческихъ забавъ съ дѣтьми, какъ Софія. А Софія, въ теченіе всей своей жизни остававшаяся полуребенкомъ, инстинктивно съумѣла понять только-что указанную сторону духовной жизни дѣвочки. Мать была вообще ближе, чѣмъ бабушка, и доступнѣе дѣвочкѣ, которая понимала ее и страстно любила. Веселая, молодая, Софія-Антуанетта играла съ дѣтьми сама, копала съ ними грядки, строила имъ разныя штуки, въ родѣ только-что описаннаго грота, пѣла пѣсни, разсказывала сказки, горячо цѣловала дѣтей, а разсердившись, ничто же сумняшеся, пребольно шлепала ихъ по щекамъ, по рукамъ и по чему попало. Она не очень задумывалась надъ воспитаніемъ дѣвочки, или, вѣрнѣе, ограничивалась тѣмъ, чѣмъ ограничиваются всѣ женщины ея класса. Она заставляла дѣвочку учить наизусть басни; рано, какъ мы видѣли, выучила ее читать; учила шить и вязать. О воспитаніи въ широкомъ смыслѣ слова не было и рѣчи. Но по своему развитію и интересамъ Софія была такъ же близка къ ребенку, какъ близки дѣтямъ всякія няньки, горничныя и кухарки, съ которыми дѣти образованныхъ классовъ вѣроятно именно потому и любятъ проводить время—часто вопреки всякимъ запрещеніямъ—что менѣе чувствуютъ относительно ихъ то моральное неравенство, которое чувствуютъ между самими собою и „большими“. Бабушка относительно Авроры являлась именно такою „большою“. Она по-своему обожала внучку, но находила вреднымъ проявлять эту любовь, а особенно вреднымъ считала черезчуръ ласкать дѣтей или быть съ ними излишне близкой [1]). Какъ

[1]) Мы уже не говоримъ о томъ, какъ она была права въ томъ, что воспротивилась простонародной привычкѣ Софіи класть дѣвочку спать съ собою въ кровать. А Жоржъ Сандъ проявляетъ лишь большое пристрастіе къ матери,

поклонница Руссо, она не признавала также возможнымъ наказывать дѣтей и дѣлала имъ замѣчанія тономъ, изъ принципа и по привычкѣ сдержаннымъ и холоднымъ, внушавшимъ дѣтямъ больше страха и уваженія, чѣмъ самые яростные крики необузданной Софьи-Антуанетты. Марія-Аврора хотѣла бы воспитать дѣвочку согласно своимъ убѣжденіямъ, образовать ея умъ и прежде всего направить его на путь *разумности*, т.-е. привить ей то нѣсколько *разсудочное* отношеніе къ окружающему ее міру, которымъ отличалась вся философія и наука прошлаго вѣка; бабушка хотѣла бы изгнать изъ воспитанія все фантастическое, дабы не развить воображенія въ ущербъ этой разсудочности и не потворствовать никакимъ нелѣпымъ вѣрованіямъ и суевѣріямъ. Она хотѣла бы также привить дѣвочкѣ хорошія манеры, развить ея вкусъ, познакомить ее съ изящными искусствами, однимъ словомъ, сдѣлать изъ нея изящную и интеллигентную дѣвушку, съ выдержкой и тактомъ, свойственными лицамъ ея круга. Поклонница „Эмиля", бабушка также вовсе не хотѣла стѣснять дѣтскихъ игръ и вообще свободу дѣтей, но не хотѣла бы чтобы маленькая Аврора выросла не то деревенской дикаркой, не то парижской мѣщаночкой, въ родѣ самой Софьи-Антуанетты, полубезграмотной [1]), занятой мелкими интересами, тряпками, преисполненной предразсудками, по-мѣ-

еще бо́льшее желаніе щегольнуть приверженностью своею къ низшимъ классамъ, представительницею которыхъ въ ея разсказѣ все время является Софія, и полнѣйшее отсутствіе всякаго понятія о гигіенѣ, когда она по этому поводу утверждаетъ, что „ничего не можетъ быть цѣломудреннѣе и здоровѣе" какъ девятилѣтней дѣвочкѣ спать съ матерью въ одной кровати. Сильно сомнѣваемся, чтобы какой бы то ни было врачъ или педагогъ въ наше время согласился бы съ Жоржъ Сандъ (хотя бы онъ даже и боялся прослыть „аристократомъ", принявъ въ этомъ вопросѣ сторону бабушки, а не простолюдинки Софьи-Антуанетты). Скажемъ болѣе, весь разсказъ Жоржъ Сандъ о препирательствѣ бабушки и матери по этому поводу производитъ и странное, и непріятное впечатлѣніе. См. „Исторію" т. II, стр. 407—409.

[1]) Жоржъ Сандъ утверждаетъ, что мать ея, послѣ того, какъ свекровь пожурила ее какъ-то за ея „варварскую ореографію", принялась ревностно изучать книги и выучилась писать „почти правильно и такимъ наивнымъ стилемъ, что бабушка, которая знала въ этомъ толкъ, восхищалась ея письмами..." (Исторія, т. II, стр. 244). Увы! мы и въ этомъ должны совершенно опровергнуть Жоржъ Сандъ. Мы имѣли въ рукахъ письма Софьи и должны сказать, что не только они не написаны „правильно", но что въ нихъ нѣтъ почти ни единаго правильно-написаннаго слова, ни знаковъ препинанія, ни прописныхъ буквъ, это одна сплошная ошибка; такъ безграмотно въ наши дни не пишутъ даже и горничныя. Назвать это „варварской ореографіей", еще слишкомъ мягко.

щански тщеславной и по-мѣщански хвастливой [1]). Съ другой стороны, бабушка находила, что дѣтей слѣдуетъ одѣвать просто, свободно и удобно, шила дѣвочкѣ просторные капотики изъ своихъ старыхъ „душегрѣекъ" (douillettes) и водила ее съ распущенными по плечамъ волосами. Софья-Антуанетта непремѣнно желала одѣвать дочку по уродливой модѣ *Empire*, съ тальей подъ мышками и облизанными юбками, и не успокоилась пока не причесала Аврору - опять - таки по модѣ—à la chinoise". Вотъ какъ разсказываетъ Жоржъ Сандъ объ этой прическѣ: „Это была самая ужасная прическа, какую только можно было выдумать, и ее навѣрное придумали для лицъ безо лба. Вамъ задирали волосы, зачесывая ихъ „противъ шерсти", пока они не становились вертикально, тогда всю прядь закручивали на самой маковкѣ, такъ что голова казалась удлиненнымъ шаромъ, увѣнчаннымъ маленькимъ шарикомъ волосъ. Это напоминало куличъ или тыкву, въ которой паломники сохраняютъ воду. Прибавьте къ этому безобразію мученіе отъ волосъ закрученныхъ противъ шерсти; приходилось восемь дней переносить отчаянную боль и безсонницу, пока волосы не „привыкали", и ихъ стягивали шнуркомъ, чтобы ихъ пріучить, до того, что кожа на лбу была натянута и углы глазъ приподняты, какъ на картинкахъ на китайскихъ вѣерахъ" („*Исторія*", стр. 294—95, т. II). Бабушка съ отвращеніемъ глядѣла на эти безобразные эксперименты, дѣвочкѣ было больно и неловко, но она обожала мать и согласна была ради нея перенести какія угодно неудобства и мученія. А Софья и не помышляла о томъ, какъ неразумна была эта погоня за модой. Въ наше время она, разумѣется, заслужила бы одобреніе тѣхъ мамашъ, которыя въ послѣдніе годы, вмѣсто такъ долго державшейся англійской манеры одѣвать дѣвочекъ въ короткія и свободныя платьица,

[1]) Мы имѣли въ рукахъ письма Софьи къ дочери и зятю Дюдевану, въ одномъ изъ которыхъ она, послѣ того какъ однажды поссорилась съ ними и внезапно уѣхала отъ нихъ, проситъ адресовать ей письма туда-то на имя „Madame de Nohan Dupin", Госпожи де Ноганъ Дюпенъ", ибо де ей одной принадлежитъ „этотъ титулъ" и всѣ знаютъ „кто она такая". Въ ея письмахъ разныя такія претензіи выступаютъ на каждомъ шагу, но въ „Исторіи моей жизни", начатой въ 1847 г., Жоржъ Сандъ упорно хочетъ намъ изобразить Софью-Антуанетту какъ исключительно демократически-думающую простолюдинку. Это не вполнѣ согласно съ истиной. Эта пустенькая гризетка, подобно многимъ своимъ сестрамъ, весьма часто стремилась изображать „настоящую барыню"—и довольно неудачно.

вдругъ съ увлеченіемъ принялись наряжать своихъ малютокъ въ безобразныя и неудобныя длинныя юбки Empire и завязывать имъ кушаки подъ мышками. Подобную мелочность и непониманіе самыхъ простыхъ требованій разумнаго воспитанія Софья проявляла на каждомъ шагу. А старуха Дюпенъ—какъ болѣе деликатная и благоразумная—предпочитала въ такихъ случаяхъ не спорить съ невѣсткой, которая не поняла бы ея возраженій, и которую она, съ своей стороны, не понимала. Это были совершенно разныя натуры. И вотъ теперь-то начало сказываться то значеніе, которое имѣла для всей жизни Авроры смерть ея отца.

Морисъ Дюпенъ, котораго и мать и жена обожали, являлся связующимъ звеномъ между ними, тѣмъ семейнымъ божкомъ, на поклоненіи которому могли сходиться и мириться такія двѣ крайнія противоположности, какими являются Марія-Аврора и Софія-Антуанетта Дюпенъ. При жизни Мориса Дюпена онѣ ревновали его одна къ другой; каждая хотѣла бы владѣть его сердцемъ безраздѣльно. Послѣ его смерти онѣ перенесли эту страстную, требовательную и ревнивую любовь на его дочь и также хотѣли каждая владѣть ею безраздѣльно. Отсюда цѣлый рядъ семейныхъ сценъ, жестокая борьба, отражавшаяся самымъ пагубнымъ образомъ и на воспитаніи, и на характерѣ, и на преждевременномъ развитіи дѣвочки; отсюда цѣлый рядъ тяжелыхъ годовъ ея жизни, ранняго разочарованія, замкнутости въ себѣ, недовѣрія къ людямъ; отсюда тѣ переходы отъ мрачной, угрюмой мечтательности къ дикому, необузданному веселью, въ которое она иногда ударялась, спасаясь отъ своихъ мрачныхъ мыслей,—переходы, которые очень долго, почти до зрѣлаго возраста, сохранились въ характерѣ Жоржъ Сандъ во всей своей силѣ. Да, смерть отца и жизнь между двумя такими несходными натурами, какъ мать и бабушка, не прошли даромъ въ судьбѣ Жоржъ Сандъ.

Общее несчастіе на время сблизило враждовавшія стороны, обѣ были совершенно поглощены своимъ страшнымъ горемъ, а маленькая Аврора, какъ мы видѣли, почти предоставленная самой себѣ, безпечно играла съ Урсулой и Ипполитомъ. Но долго ужиться вмѣстѣ мать и бабушка не могли, а еще менѣе каждая изъ нихъ могла примириться съ мыслью, что не отъ нея одной зависитъ все дѣло воспитанія Авроры. Вначалѣ съ обѣихъ сторонъ были прилагаемы всѣ усилія, чтобы жить въ мирѣ и согласіи; уступки были сдѣланы и со стороны потомки царственныхъ предковъ, не могшей забыть о происхожденіи и прошломъ невѣстки, и со стороны дщери парижскихъ улицъ,

въ чьей ненависти и презрѣніи къ „аристократамъ“ слышались и отголоски только-что прогремѣвшей революціи, и инстинктивное недоброжелательство простонародья къ барамъ. Натуры, воспитаніе, интересы обѣихъ женщинъ были слишкомъ различны, а единственный пунктъ, на которомъ обѣ сходились,— любовь къ Аврорѣ, — былъ какъ разъ пунктомъ величайшихъ претккновеній и столкновеній.

Начитанная, образованная бабушка, вѣчно занятая какими-нибудь умственными интересами, со спокойными привычками барыни-домосѣдки прошлаго вѣка, со спокойными манерами и рѣчью, изящная, благовоспитанная, всегда владѣющая собою, снисходительно-внимательная и привѣтливая ко всѣмъ, но сдержанная въ проявленіяхъ своихъ чувствъ, на первый взглядъ почти холодноватая, и на видъ истая англосаксонка: высокая, стройная, бѣлокурая. И — необузданная, вспыльчивая, безграмотная, совершенно невоспитанная мать,—своего рода Madame Sans-Gêne, способная ко всему, а особенно ко всякому художественному и полухудожественному труду, вѣчно занятая разными домашними подѣлками, страстная, живая, безтактная, маленькая и черномазая, какъ испанка, вѣчная непосѣда, вѣчно подвижная, бросающаяся отъ одного дѣла къ другому, переходящая и въ чувствахъ своихъ и въ ихъ проявленіяхъ отъ одной крайности къ другой, отъ любви къ ненависти, отъ злобы къ обожанію, отъ ласки къ брани и даже побоямъ, натура перемѣнчивая, не могущая двухъ дней подъ-рядъ надѣть одну и ту же шляпку, обѣдать въ одномъ и томъ же ресторанѣ, не говоря уже дома. Въ одномъ эти двѣ женщины сходились: онѣ никогда не были праздными. Но въ то время какъ Марія-Аврора читала, дѣлала выписки и резюме прочитаннаго, музицировала,—Софья-Антуанетта шила, перешивала по пяти разъ свои шляпки и тряпки, дѣлала „чудеса изъ блондъ и лентъ“, клеила коробочки, умѣла и мебель обить, и садъ насадить, и пирогъ состряпать, и разрисовать какой-нибудь ящичекъ, однимъ словомъ, это были золотыя руки, въ которыхъ все спорилось. И бабка и мать эту любовь къ труду передали Аврорѣ, онѣ съ дѣтства пріучили ее никогда не быть праздной; бабка передала ей привычку и способность цѣлыми часами отдаваться умственному труду; мать—умѣнье *все дѣлать* въ домашнемъ обиходѣ, отъ стряпни до обиванья мебели, и отъ шитья шляпокъ до изготовленія фантастическихъ костюмовъ для театра, ту поразительную „ловкость рукъ“, которой Жоржъ Сандъ отличалась во всѣ возрасты своей жизни. Гораздо позднѣе, въ

1834 г., Жоржъ Сандъ въ письмѣ изъ Венеціи къ незаконному своему брату Шатирону съ благодарностью вспоминала именно о томъ, какъ мать и бабушка, особенно эта послѣдняя, съ дѣтства пріучили ее къ труду, чему она приписываетъ и свою способность по меньшей мѣрѣ 7 часовъ въ день, а иногда и цѣлые 13 часовъ, работать, не покладая рукъ. Стоитъ вспомнить то удивленіе, съ которымъ прочли „*Лелію*“ лашатрскіе друзья, которые знали Аврору Дюдеванъ какъ превосходную швею, отличную хозяйку, „на славу варившую варенье“, и потому не подозрѣвавшіе въ ней мрачнаго и разочарованнаго поэта. Стоитъ вспомнить разсказы Паджелло о томъ, какая неоцѣненная хозяйка и хлопотунья „на всѣ руки“ была Жоржъ Сандъ во время ихъ жизни въ Венеціи (см. ниже, главу IX). Стоитъ вспомнить, чего-чего только Ж. Сандъ не дѣлала, живя съ дѣтьми и больнымъ Шопеномъ на Майоркѣ, гдѣ ей приходилось быть и кухаркой, и горничной, и сестрой милосердія, и аптекаршей, и учительницей — въ странѣ, гдѣ невозможно было найти никакихъ удобствъ и никакого комфорта. Стоитъ вспомнить всѣ разсѣянныя по ея изданнымъ и неизданнымъ письмамъ подробности и всѣ воспоминанія ея друзей за разные періоды ея жизни, отъ того времени, когда она рисовала по дереву табакерку для Орельена де Сезъ, и до той эпохи, когда, уже 70-лѣтней старухой, она на глазахъ Анри Амика шила платья для внучкиной куклы или костюмы для театра маріонетокъ сына,—чтобы съ увѣренностью сказать, что эта неутомимая писательница, удивлявшая всѣхъ своею плодовитостью, въ остальное время успѣвала дѣлать столько разнаго домашняго дѣла, сколько врядъ ли дѣлаетъ самая заурядная, и незанятая никакой „литературой“, хозяйка дома. Этимъ, повторяемъ, она была обязана матери и бабушкѣ, не позволявшимъ ей ни минуты быть праздной.

Но кромѣ этого общаго отвращенія отъ праздности, въ натурахъ этихъ двухъ женщинъ все было различно, и столкновенія между ними были неизбѣжны. Сначала эти столкновенія были рѣдки, потомъ стали случаться все чаще; въ воздухѣ чувствовалась глухая вражда. Дешартръ, никогда не могшій простить Софьѣ ту глупую роль, которую онъ сыгралъ, *перестаравшись* въ своемъ усердіи помѣшать ея браку съ Морисомъ, и потому ненавидѣвшій ее, подливалъ только масла въ огонь и окончательно портилъ отношенія между свекровью и невѣсткой. Эти отношенія все обострялись, пошли въ ходъ шпильки, язвительныя замѣчанія, презрительное молчаніе съ одной сто-

роны и рѣзкія слова и даже выходки съ другой. Софья не могла произнести имени свекрови — и часто при маленькой Аврорѣ! — не сопроводивъ его какой-нибудь чисто-простонародной эпиграммой. Марія-Аврора съ презрительной и холодной сдержанностью дѣлала вслухъ какое-нибудь замѣчаніе по адресу „нѣкоторыхъ людей“, причемъ дѣвочка также отлично понимала, кто эти „нѣкоторые люди“. Кумушки и сплетники переносили изъ комнаты въ комнату эти замѣчанія; раздоры и ссоры въ семьѣ Дюпеновъ стали сказываться все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ привели къ настоящей „борьбѣ партій“, причемъ маленькая Аврора въ теченіе почти 12 лѣтъ, до самой смерти бабки, являлась яблокомъ раздора, спичкой межъ двухъ огней. Къ осени 1810 года стало ясно, что совмѣстная жизнь, при полномъ желаніи обѣихъ сторонъ жить въ мирѣ и согласіи, невозможна для этихъ двухъ женщинъ, и послѣ многочисленныхъ разсужденій и переговоровъ рѣшено было, что бабка отнынѣ возьметъ Аврору на полное свое попеченіе и отвѣтственность, будетъ большую часть года жить въ Ноганѣ и лишь по зимамъ наѣзжать въ Парижъ для доставленія дѣвочкѣ хорошаго образованія. А Софья-Антуанетта поселится въ Парижѣ со своей дочерью Каролиной, будетъ получать денежное обезпеченіе отъ свекрови, пріѣзжать въ Ноганъ гостить лѣтомъ, но не будетъ вмѣшиваться въ воспитаніе Авроры. Обѣ стороны остались довольны такимъ рѣшеніемъ. Софья ко всему прочему просто скучала въ деревнѣ и рвалась на парижскіе бульвары, въ парижскую сутолоку, къ парижскому шуму и гаму. Важную роль въ принятомъ ею рѣшеніи несомнѣнно игралъ вопросъ матеріальный,—сама она зависѣла отъ свекрови, Аврора являлась единственной прямой наслѣдницей бабки, и естественно, что первенствующій голосъ въ воспитаніи дѣвочки долженъ былъ принадлежать Маріи-Аврорѣ. Софья благоразумно это поняла, оставила дѣвочку въ Ноганѣ и въ 1810 году переселилась въ Парижъ.

Съ этого 1810 и по 1814 годъ бабушка со внучкой дѣйствительно лишь по зимамъ проживали въ столицѣ, все остальное время проводя въ деревнѣ, куда Софія ежегодно пріѣзжала то на все лѣто, то на 2—3 мѣсяца. Мы дальше скажемъ о значеніи деревенской жизни для маленькой Авроры и для будущей Жоржъ Сандъ, а пока обратимся къ тому, какое впечатлѣніе произвела на дѣвочку происшедшая въ ея судьбѣ перемѣна.

Сначалѣ — никакого. Ребенку слишкомъ привольно и хорошо жилось въ Ноганѣ, а горесть разлуки съ матерью была

еще *неиспытанной вещью*, поэтому она совершенно спокойно отнеслась къ первому отъѣзду матери изъ деревни. Поплакала немного—и только. Врядъ-ли любовь ея къ матери приняла бы тотъ острый характеръ, и врядъ ли отъѣзды и пріѣзды ея послужили бы поводомъ къ тѣмъ страстнымъ сценамъ, какія произошли впослѣдствіи, еслибы и мать и бабушка въ свои отношенія къ дѣвочкѣ внесли побольше благоразумія и по меньше самолюбія и ревности. Спѣшимъ впрочемъ оговориться, что въ разсказѣ о своей страстной любви къ матери и о всѣхъ драматическихъ перипетіяхъ ея Жоржъ Сандъ несомнѣнно излишне усиливаетъ краски и придаетъ всему гораздо болѣе романтическій характеръ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ сравнить разсказъ въ „*Исторіи моей жизни*“ о томъ письмѣ, которое она однажды написала матери въ 1812 году, съ этимъ самымъ письмомъ, напечатаннымъ подъ № 1 въ *Корреспонденціи*. Тамъ — это нѣчто страстное, отчаянное, патетическое; здѣсь—это милое, трогательное, но самое естественное дѣтское письмо [1]). Итакъ, при

[1]) „Исторія“, т. II, стр. 426—429, и Корреспонденція, т. I, стр. 1. Вотъ въ какихъ яркихъ (черезчуръ яркихъ) краскахъ Ж. Сандъ передаетъ содержаніе этого письма: стр. 427: ...„что было въ этомъ письмѣ? Я не помню уже. Знаю лишь, что я писала его съ лихорадкой вдохновенія, что мое сердце т. сказ. изливалось въ немъ потоками (у coulait à flots), и что моя мать долго сохраняла его, какъ святыню, но я его не нашла въ бумагахъ, которыя она мнѣ оставила. У меня осталось впечатлѣніе, что никогда болѣе глубокая и чистая страсть не была выражена болѣе наивно, ибо мои слезы его буквально оросили, и я поминутно должна была вновь начертывать буквы, стертыя моими слезами...“ и т. д. и т. д.

А вотъ и самое это письмо:

Госпожѣ Дюпенъ, которая собиралась уѣхать изъ Ногана, 1812 г.

„Какъ я сожалѣю, что не могу проститься съ тобой. Ты видишь, какъ я огорчена разлукой съ тобой. Прощай, думай обо мнѣ и будь увѣрена, что я тебя не забуду. Твоя дочь.

Ты положишь отвѣтъ за портретъ старика Дюпена“.

Хотя Ж. Сандъ говоритъ, что письмо это не нашлось и хотя разсказъ объ отъѣздѣ матери относится къ 1814 г., а въ корреспонденціи оно стоитъ подъ 1812, но несомнѣнно, что это то самое письмо, вѣроятно розысканное Морисомъ Сандъ послѣ смерти матери. Ибо на стр. 428 Жоржъ Сандъ говоритъ, что приписала на заголовкѣ письма:

„Положи твой отвѣтъ за этотъ же портретъ старика Дюпена. Я его найду, когда ты уѣдешь“, и что въ чепчикъ матери она положила записку: „Встряхни портретъ“, для того, чтобы мать нашла письмо. Все это есть нѣкоторая амплификація и экзажерація въ разсказѣ о событіяхъ гораздо болѣе простыхъ и не сложныхъ, но несомнѣнно, что письмо о которомъ повѣствуется въ „Исторіи“, и письмо № 1 одно и то же.

всей страстности этого чувства и всемъ дѣйствительномъ трагизмѣ положенія дѣвочки — „es war nicht so arg“, какъ говорятъ нѣмцы.

Очень можетъ быть также, что еслибъ теченію событій былъ предоставленъ естественный ходъ, т.-е., еслибъ бабка исподволь и потихоньку повела бы Аврору посвоему, а Софья,— мало повидимому скучавшая по Каролинѣ, оставленной въ пансіонѣ еще до отъѣзда въ Испанію, но за то гораздо охотнѣе проводившая время въ Парижѣ, чѣмъ въ деревнѣ,—невольно постепенно отдалялась бы отъ Авроры,—то и бабка съумѣла бы провести свою воспитательную программу безъ помѣхъ, да и Аврора не догадалась бы до поры до времени объ антагонизмѣ, существующемъ между ея двумя ближайшими родственницами. Но, какъ и всегда, въ это чисто-семейное дѣло замѣшались разныя непрошенныя кумушки и сплетники, а затѣмъ и сами мать и бабка надѣлали массу промаховъ и ошибокъ.

Первою, кто обратилъ вниманіе дѣвочки на нѣкоторую исключительность ея положенія, была маленькая Урсула. Какъ всѣ дѣти, она повторяла то, что слышала отъ взрослыхъ, и вотъ она стала твердить Аврорѣ, какъ она счастлива, что свои „золотые годы“ проводитъ у бабушки въ „богачествѣ“ (dans le *richement*) и что самое лучшее на свѣтѣ это — „богачество“. Потомъ на туже тему стали говорить двѣ ноганскія полу-горничныя, полу-приживалки: Юлія и Роза. Онѣ стали напѣвать дѣвочкѣ, что бабушка ея благодѣтельница, что безъ бабушки она и мать пропадутъ съ голоду, что если она будетъ любить и слушаться бабушку, то ее ожидаютъ въ будущемъ всѣ блага, связанныя съ богатствомъ, тогда какъ если она будетъ неблагодарной, то ей придется съ матерью „жить на чердакѣ и питаться бобами“. Разумѣется, что для маленькой фантазерки перспектива „жить на чердакѣ и ѣсть бобы“ тотчасъ показалась верхомъ блаженства,—точно также, какъ всѣмъ дѣтямъ, живущимъ въ довольствѣ, необыкновенно заманчивымъ кажется купить, вмѣсто конфектъ изъ кондитерской,—запрещенныхъ паточныхъ леденцовъ изъ мелочной лавочки, попробовать деревенскихъ „оржаныхъ лепешекъ“, или пройтись босикомъ по песку. Аврора, уже огорченная разлукой съ любимой матерью, стала мечтать о жизни съ нею въ Парижѣ, какъ о величайшемъ счастьи, и высказывала вслухъ эти мечтанія. Кумушки поспѣшили ужаснуться на ея „неразуміе“. Этого было достаточно для того, чтобы отъ природы упрямая и, какъ всѣ дѣти, склонная къ противорѣчіямъ, не успѣвшая еще по-

любить бабушку и слишкомъ маленькая, чтобъ понять и оцѣнить ее,—какъ она это сдѣлала впослѣдствіи,—не знавшая стѣсненій у матери, которая въ сущности вовсе не заботилась о ея воспитаніи, и тяготившаяся наставленіями и замѣчаніями бабушки, Аврора разомъ увидѣла въ бабушкѣ—врага, въ матери—предметъ обожанія, и... началась первая романтическая трагедія въ жизни будущей Жоржъ Сандъ! Это была воистину романтическая страсть—съ писаніемъ писемъ, прятаньемъ ихъ, со свиданьями и разговорами, тщательно скрываемыми отъ „враговъ", съ экзальтированными мечтаніями, экзальтированными слезами, экзальтированными радостями. Ни Марія-Аврора, ни Софія-Антуанетта не съумѣли разумно и хладнокровно отнестись къ такимъ неестественнымъ проявленіямъ естественнаго дѣтскаго чувства. Одна открыто приняла сторону дочери, другая открыто показала огорченіе по поводу такой холодности и неблагодарности внучки, (точно будто дѣти когда бы то ни было могутъ испытывать благодарность—чувство, имъ совершенно незнакомое и почти непонятное!) Роза стала на сторону дѣвочки, такъ какъ очень любила Софью; Юлія и Дешартръ—на сторону бабушки,—и въ домѣ началась „борьба партій", появились Гвельфы и Гибеллины. Мелкія взаимныя неудовольствія обострились; глухая вражда, не переходя въ открытую войну, проявлялась мелкими непріятельскими дѣйствіями всякій разъ, какъ Софья пріѣзжала въ Ноганъ, или во время пребыванія бабушки со внучкой въ Парижѣ,—а маленькая Аврора являлась тѣмъ козломъ отпущенія, на которомъ вымещались взаимная антипатія и взаимныя прегрѣшенія двухъ враждующихъ сторонъ. Но такимъ козломъ отпущенія оказался впечатлительный ребенокъ, съ темпераментомъ страстнымъ, съ характеромъ по наружности вялымъ и мягкимъ, а въ сущности упорнымъ и властнымъ, натура уже отъ колыбели полная противорѣчій, и, вслѣдствіе своего рожденія какъ бы посередкѣ *между* двумя общественными классами, словно *раздвоенная* въ своихъ симпатіяхъ, вкусахъ и интересахъ. Болѣе чѣмъ кто бы то ни было, Аврора Дюпенъ нуждалась въ спокойной семейной жизни, въ спокойныхъ и разумныхъ привязанностяхъ, въ правильномъ образѣ жизни, въ нѣкоторой *цѣльности* и осязательной непреложности извѣстныхъ моральныхъ законовъ.

А она видѣла постоянныя сцены, препирательства, неудовольствія. Сегодня она слышала въ Ноганѣ, что благовоспитанные и порядочные люди должны поступать такъ-то, а завтра слышала въ Парижѣ насмѣшки надъ всѣми „такъ называемыми

порядочными людьми“; сегодня ее старались пріохотить къ чтенію и занятіямъ,—завтра эти самыя занятія вышучивались какъ принадлежность жизни праздныхъ тунеядцевъ.

Пріѣзжала Аврора съ бабушкой въ Парижъ—и поселялась съ ней въ маленькой, но очень элегантной и изящной квартиркѣ въ улицѣ *des Mathurins*, куда часто заглядывали бабушкины пріятели обоего пола—по большей части все высокопоставленныя и титулованныя особы. Софія-Антуанетта продолжала жить въ улицѣ *Grange Batelière* съ Каролиной. Бабушка совсѣмъ не хотѣла пускать туда Аврору, ибо не хотѣла позволять ей видаться съ Каролиной, и даже рѣшительно запретила всякія сношенія между двумя дѣвочками. Каролина была тихимъ, богобоязненнымъ ребенкомъ, но бабушка не знала этого, и ненавидѣла ее, какъ живое доказательство позорнаго прошлаго своей невѣстки. Бѣдная Каролина не разъ спрашивала у матери, почему она не видитъ сестру, получала уклончивые отвѣты, и наконецъ однажды, когда мать куда-то поѣхала обѣдать, самовольно явилась въ улицу *des Mathurins* и попросила Розу вызвать Аврору. Маленькая Аврора играла на коврѣ. Бабушка дремала, казалось, въ креслѣ. Когда однако Аврора, не зная даже, зачѣмъ ее вызываютъ, пошла на цыпочкахъ къ дверямъ, бабушка вдругъ открыла глаза и спросила, куда идетъ дѣвочка. Пришлось сказать правду. Бабушка подумала, что это хитрость со стороны Софіи-Антуанетты, старающейся исподтишка обойти ея приказаніе,—вышла изъ себя, какъ съ ней никогда не случалось, и въ жесткихъ словахъ отдала приказаніе не пускать Каролину на порогъ. Аврора въ первую минуту была болѣе всего поражена и огорчена никогда невиданнымъ гнѣвомъ бабушки, но когда она услыхала за дверью рыданія оскорбленной и униженной Каролины, она сама пришла въ отчаяніе, расплакалась, бросилась къ дверямъ. Увы! было слишкомъ поздно: Каролина уже ушла. Роза старалась успокоить Аврору, но плакала сама и лишь упрашивала дѣвочку скрыть свое горе отъ бабушки, такъ какъ оно ее раздражало. Бабушка сама позвала внучку, но внучка—тоже въ первый разъ въ жизни—ослушалась и оказала сопротивленіе. Вмѣшалась въ дѣло лицемѣрная Юлія, вѣчно игравшая роль домашняго шпіона и наушника, и, какъ водится, еще усилила взаимныя недоразумѣніе и неудовольствіе. Аврора продолжала плакать, заснула въ слезахъ, бредила ночью и на утро, несмотря на ласки и подарки бабушки, не забыла своего горя. Отъ нервнаго потрясенія та корь, которую она, разумѣется, схватила уже раньше

и которая теперь открылась у ней, осложнилась нервной лихорадкой. Бабушка увидѣла, что съ чувствами внучки надо поступать бережно; она была и слишкомъ умна и слишкомъ добра, чтобы настаивать на своемъ первоначальномъ рѣшеніи. И едва Аврора оправилась отъ болѣзни, какъ бабушка сама отвезла ее къ матери и съумѣла немногими ловкими словами обезоружить гнѣвъ Софіи, дошедшій, казалось бы, до бѣлаго каленія. Съ этого дня Аврору, которая до сихъ поръ видѣлась съ матерью лишь у бабушки или на прогулкахъ, стали пускать къ матери и разрѣшили ей играть съ Каролиной, когда она возвращалась домой изъ пансіона [1]).

И вотъ жизнь ея стала раздвояться еще болѣе. Сегодня, проводя время среди бабушкинаго кружка, всѣхъ этихъ госпожъ де Пардальянъ, де Мальтэтъ (de Maletesté), де-ла Марльеръ, де Феррьеръ, де Беранже, аббатовъ де Бомонъ, д'Андрезель, и т. д. и т. д., всѣхъ этихъ представителей стараго режима, Аврора прислушивалась къ ихъ разговорамъ, къ ихъ ортодоксальнымъ и легитимистскимъ мнѣніямъ, къ насмѣшкамъ надъ Наполеономъ и Имперіей, и присматривалась къ этимъ своеобразнымъ лицамъ и манерамъ. Духъ наблюдательности, инстинктъ художника уже безсознательно проснулся въ ней. А передъ ней была точно цѣлая коллекція старыхъ портретовъ, старыхъ оригиналовъ; у каждаго были свои странности, у каждаго свои достоинства, а главное все это были *свои люди* для бабушки, люди, съ которыми она говорила на одномъ языкѣ, большинство которыхъ она превосходила своимъ умомъ и образованіемъ, но которыхъ она все-таки любила. И она ставила ихъ дѣвочкѣ какъ образецъ того, чѣмъ должны быть порядочные и цивилизованные люди. А на другой день, отправляясь въ маленькую квартирку матери, Аврора слышала ѣдкія выходки противъ всѣхъ этихъ дамъ и господъ и умирала со смѣху при видѣ того, какъ мать, обладавшая удивительнымъ даромъ подражательности, представляла въ самомъ комическомъ видѣ каждую изъ ненавистныхъ ей „старыхъ графинь" (какъ она всѣхъ ихъ огульно называла), или приходила въ азартъ и разражалась яростными филиппиками противъ ихъ лицемѣрія, безнравственности, безполезности ихъ существованія и часто заходила въ своихъ обличеніяхъ такъ далеко, что говорила вещи, совершенно непредназначенныя для ушей 8—10 лѣтней дѣвочки. А на завтра дѣвочка эта опять возвращалась въ салонъ бабушки

[1]) „Исторія", т. II стр. 295—308.

и уже нетолько безсознательно, какъ раньше, воспринимала тонъ, манеры и всю *повадку*—какъ сказалъ бы П. Дм. Боборыкинъ—этихъ нѣкогда блестящихъ, а теперь поблекшихъ красавицъ и умницъ бурбонскаго двора, а уже сознательно присматривалась и прислушивалась къ нимъ. Вскорѣ и она сама стала въ разговорахъ съ матерью представлять ихъ въ комическомъ видѣ,—и мать и не думала останавливать дочку. Но эти образы стараго времени врѣзались въ ея память и воображеніе. *Безсознательно* она усвоивала изящную непринужденность ихъ манеръ, любезно-снисходительный тонъ настоящихъ аристократовъ, умѣнье оставаться *самими собою* при всякихъ обстоятельствахъ. *Сознательно* она и подмѣчала ихъ недостатки, пороки и слабости, и скучала въ обществѣ этихъ праздныхъ, словно-забытыхъ жизнью, людей, и подсмѣивалась надъ ними. Результаты и того и другого сказались потомъ и на ней самой, и на ея писаніяхъ. Одинъ старый пріятель Жоржъ Сандъ, знавшій ее уже въ послѣднія 15 лѣтъ ея жизни, говорилъ намъ, что какъ Жоржъ Сандъ ни старалась быть демократкой и въ обращеніи и въ убѣжденіяхъ, въ ней иногда, совершенно независимо отъ ея воли (особенно часто случалось это при первомъ знакомствѣ или при встрѣчѣ съ какой-нибудь несимпатичной или назойливой личностью), въ ней иногда, говорилъ онъ, вдругъ сказывалась истая аристократка, и она на нѣсколько секундъ становилась такой знатной дамой („elle savait si bien faire sa grande dame"), что внушала непреоборимое и инстинктивное почтеніе самымъ заносчивымъ и мало смущающимся посѣтителямъ. Отъ этой манеры она не отдѣлалась до самой своей смерти. Эти же замашки „grande dame" передались и дочери ея Соланжъ; объ этомъ можно найти много указаній даже въ напечатанныхъ *Письмахъ* Жоржъ Сандъ. Такъ сказалась на ней порода и впечатлѣнія дѣтства.

Съ другой стороны, что можетъ быть прелестнѣе, правдивѣе и художественнѣе „*Маркизы*", этой истинной жемчужины между повѣстями Жоржъ Сандъ? Врядъ ли кто изъ писателей, стремившихся изображать высшій свѣтъ прошлаго вѣка, могъ возсоздать его привлекательныя или художественныя стороны съ тѣмъ совершенствомъ, какого въ „*Маркизѣ*" достигла Жоржъ Сандъ, дѣйствительно проведшая часть жизни въ этой средѣ, а не знавшая о ней по наслышкѣ. Или откуда, какъ не изъ наблюденій надъ обществомъ „старыхъ графинь" создались такіе типы, какъ мать и бабушка *Валентины*, старый прелатъ, князь-меломанъ и разные придворные въ „*Консюэло*"; разные

чудаки въ родѣ *господина Антуана*, дядюшекъ *Мопра* и самого Мопра, такія проникнутыя *духомъ времени* лица, каковы Маркиза де Пюимонфоръ и Герцогъ въ „*Миссиссипійцахъ*", не говоря о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ, но часто поразительно яркихъ фигуръ и лицъ.

Итакъ, художница безъ сомнѣнія только выиграла и отъ пребыванія въ этомъ мірѣ отживающаго порядка, и отъ той нотки скептицизма и презрѣнія ко всему аристократическому, которую вносила въ ея міровоззрѣніе Софья-Антуанетта, со своими простонародными, комическими выходками противъ этого міра.

Былъ и еще пунктъ разногласія, кромѣ разницы общественнаго положенія и привычекъ, между улицами Grange Batelière и des Mathurins. Въ домѣ у Софіи поклонялись, какъ мы знаемъ, Наполеону. Въ гостиной у Маріи-Авроры ожидали всѣхъ благъ отъ возвращенія Бурбоновъ, хотя бабушка,— приходившаяся, къ слову сказать, двоюродной сестрой Людовику XVIII и Карлу X и даже пожертвовавшая нѣкогда 10000 фр. въ пользу бывшаго въ изгнаніи Карла, тогда еще графа д'Артуа,—очень не уважала этихъ своихъ царственныхъ родственниковъ, хорошо зная ихъ нравственныя черты. При воцареніи Людовика XVIII она сказала своей внучкѣ: „Это должно быть тотъ, кого титуловали Monsieur. Это очень дурной человѣкъ. Что касается графа д'Артуа, то это отвратительный бездѣльникъ. Итакъ, дочь моя, вотъ наши кузены достигли трона, но тутъ нечѣмъ гордиться..." [1]) Но окружающіе бабушку считали Наполеона извергомъ, самозванцемъ и гордецомъ, изъ-за своей гордыни погубившимъ столько доблестныхъ сыновъ Франціи. Осужденію его были посвящены всѣ разговоры гостей госпожи Дюпенъ. Аврора, маленькое сердце которой, полное бонапартистскихъ симпатій, начинало кромѣ того еще смутно догадываться (благодаря запавшимъ безсознательно въ душу рѣчамъ отца) о томъ, что за грандіозной фигурой Наполеона стоитъ на самомъ дѣлѣ идея *родины*, великой и единой Франціи, все болѣе и болѣе проникалась антипатіей къ старымъ графинямъ, съ ихъ узко партійными симпатіями, и однажды съ восхищеніемъ услыхала, какъ одинъ маленькій тринадцатилѣтній мальчикъ смѣло возсталъ противъ цѣлаго синклита взрослыхъ, радовавшихся пораженію Наполеона, въ горячихъ словахъ высказалъ порицаніе тѣмъ, кто не понималъ, что пораженіе великаго человѣка было въ то же время

[1]) „Исторія", т. II, стр. 419.

пораженіемъ Франціи, общественнымъ несчастіемъ, которому французы не могутъ и не должны радоваться. Маленькая Аврора, хоть и не умѣла еще ясно выражать свои мысли, чувствовала тó-же, и когда она слышала о пораженіи великой арміи, въ ея душѣ стала слагаться какая-то фантастическая сказка, героиней которой являлась она сама: она видѣла себя летящей по воздуху, разыскивающей среди степей и снѣговъ французское войско и Наполеона, спасающей ихъ и выводящей на родину изъ пасти враговъ. Но Аврора могла лишь про себя поклоняться и мечтать о Наполеонѣ,—у бабушки о немъ не говорили иначе, какъ съ негодованіемъ. Вотъ и еще цѣлый рядъ мыслей и чувствъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ идеями и чувствами того міра, гдѣ она проводила большую часть своего времени. Вотъ еще поводъ къ той раздвоенности, въ которой и безъ того уже постоянно пребывала Аврора, къ той склонности спасаться изъ непріятной дѣйствительности въ міръ грезъ и утопій, которая, усиливаясь съ годами, сдѣлалась впослѣдствіи одной изъ чертъ нравственнаго облика Жоржъ Сандъ.

Всѣ эти разнообразныя и противорѣчивыя впечатлѣнія, наблюденія и фантазіи, все это послужило современемъ будущей художницѣ. Но отъ этихъ вѣчныхъ осмѣяній и порицаній въ улицѣ Grange Batelière того, что лишь наканунѣ признавалось хорошимъ въ улицѣ des Mathurins, и наоборотъ; отъ этого постояннаго осмѣянія одною изъ сторонъ всего, что почиталось другою,—безпощадно подрывалась въ душѣ дѣвочки та *вѣра въ абсолютность* извѣстныхъ нравственныхъ законовъ, понятій и идей, то убѣжденіе въ ихъ *незыблемости*, которыя должны составлять основу всякаго воспитанія, ибо изъ этихъ вначалѣ немногочисленныхъ и примитивныхъ, *но всегда категорическихъ*, понятій о добрѣ и злѣ, исключающихъ всякія софистическія и скептическія толкованія, выработывается сначала безсознательное понятіе объ обязательномъ нравственномъ *законѣ* вообще, а затѣмъ и всѣ самыя сложныя и тонкія нравственныя требованія человѣка, не говоря уже о томъ, что только на такомъ прочномъ и простомъ фундаментѣ строится всякое цѣльное и опредѣленное міросозерцаніе, — каково бы ни было содержаніе этого міросозерцанія.

Впослѣдствіи Жоржъ Сандъ пугала иногда своихъ ближайшихъ друзей, напр. изящнаго Мюссе и болѣзненно-чуткаго Шопена, своими, подчасъ просто грубыми, выходками противъ сокровеннѣйшихъ вѣрованій и нравственныхъ привычекъ, усвоенныхъ ими съ дѣтства, противъ лицъ и чувствъ, не подлежа-

щихъ, по ихъ мнѣнію, обсужденіямъ, а тѣмъ болѣе осужденіямъ. Напр., она съ удивительною легкостью говорила, и даже писала, о прошломъ своей матери, о своемъ рожденіи едва черезъ мѣсяцъ послѣ брака родителей и т. д., она шокировала своихъ друзей той свободой, съ которой толковала о такихъ священныхъ для нихъ вещахъ, какъ сыновнее чувство, личность родителей, ихъ память и т. д. и т. д. Немудрено: съ самаго ранняго дѣтства, при жизни матери и бабушки, она постоянно присутствовала при обоюдной критикѣ, порицаніи и осужденіи то той стороны, то другой.

Мы говоримъ обоюдной, ибо старуха Дюпенъ грѣшила тѣмъ же, чѣмъ и матушка Авроры, хотя и въ иныхъ формахъ, а впослѣдствіи нанесла и непоправимый вредъ внучкѣ, позволивъ себѣ безповоротно осудить въ ея глазахъ Софью-Антуанетту. Дѣло въ томъ, что если мать Авроры ненавидѣла свекровь какъ аристократку, какъ бывшаго своего врага, мѣшавшаго ея браку съ Дюпеномъ, наконецъ какъ женщину образованную и воспитанную, гордую своимъ воспитаніемъ и добродѣтелью, — то Марія-Аврора платила ей тѣмъ же, но какъ разъ съ обратной стороны: она презирала въ ней безграмотную модистку, безнравственную авантюристку, подвизавшуюся сначала на подмосткахъ какого-то театрика, а затѣмъ и въ веселой офицерской компаніи на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Италіи; наконецъ она не могла забыть, что Софья-Антуанетта передъ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться любовницей молодого Дюпена, пользовалась средствами какого-то стараго генерала, что у ней была отъ неизвѣстнаго отца дочь Каролина; можетъ быть даже знала она и то, что послѣ смерти Дюпена въ жизни Софіи вновь былъ какой то романъ. Жоржъ Сандъ смутно говоритъ, что „*втеченіе всей жизни отца*“ мать ея была ему вѣрна. Изъ корреспонденціи неизданной можно вывести заключеніе, что Софія до самой своей смерти (она умерла 70 л.) оставалась особой легкомысленной, вѣчно занятой какими-то флиртами и ухаживаніями. Всего вышесказаннаго было слишкомъ достаточно, чтобы каждая мать всю свою жизнь сокрушалась о подобной женѣ сына. А Маріи-Аврорѣ приходилось еще рѣшать вопросъ о воспитаніи внучки. Возможно ли не только довѣрить воспитаніе ребенка такой мало заслуживающей почтенія особѣ, но даже и временно поручать дѣвочку такой матери? Что она тамъ увидитъ и услышитъ?! Ненавидя Софію, Марія-Аврора ненавидѣла и Каролину, и хотя въ Ноганѣ позволяла Аврорѣ сколько угодно играть съ Ипполитомъ, незаконнымъ сыномъ ея отца,

но въ Парижѣ, какъ видѣли мы, не безъ борьбы согласилась на то, чтобъ Аврора находилась въ обществѣ незаконной дочери своей матери. Исторій, подобныхъ столкновенію изъ-за Каролины, было слишкомъ много въ жизни маленькой Авроры. Дѣвочка смутно слышала и смутно догадывалась о многомъ, напр., о разницѣ между положеніемъ своимъ и Каролины, и дѣтская душа безжалостно отравлялась такими знаніями. Характеръ же ея отъ постояннаго сопротивленія изъ мягкаго становился упорнымъ и настойчивымъ. Ей „не совѣтовали“ много бывать съ Каролиной, — она хотѣла играть съ одной Каролиной. Ей говорилось, что общество, бывающее у матери, дурное общество,—она находила удовольствіе только съ тѣми людьми, которыхъ видѣла у матери. Ей старались привить хорошія манеры,—она рѣшила немедленно, что все это несносный вздоръ. Бабушкѣ хотѣлось бы видѣть въ ней аккуратную, бѣленькую, холеную барышню,—она нетолько, какъ всѣ дѣти, предпочитала бѣгать безъ перчатокъ и шляпы по самому солнцу, но старалась дѣлать это и нарочно, видя, что мать не боится ни вѣтра, ни загара, ни большихъ прогулокъ, и съ презрѣніемъ относится къ домосѣдству и неподвижности бабушки. Обѣ забывали, что тутъ играютъ роль не одни годы, но и привычка цѣлой жизни: барыни прошлаго вѣка пѣшкомъ ходить не умѣли, и бабушка Авроры лишь дважды въ жизни прошла пѣшкомъ большое разстояніе, оба раза въ трагическія минуты: въ первый разъ, когда, спасшись отъ гильотины, спѣшила изъ Парижа къ жившему въ предмѣстьи сыну и едва не была вновь схвачена какими-то пуассардками; второй разъ ночью, въ день смерти сына, когда одна, не одѣтая, она по большой дорогѣ бѣжала къ мѣсту, гдѣ онъ лежалъ. Неизвѣстно, какая сверхъестественная сила тогда помогла ей пройти такія разстоянія. Впрочемъ барыни тѣхъ годовъ, не умѣвшія ступить двухъ шаговъ по улицѣ, умѣли гордо и спокойно идти на эшафотъ. Но Софія и ей подобныя тѣмъ не менѣе всегда говорили и будутъ говорить презрительно объ „изнѣженныхъ аристократкахъ“. Аврора въ тѣ годы презрительно относилась къ бабушкѣ, потому что слишкомъ любила мать. Но недалеко уже было то время, когда въ ея сердцѣ должно было проснуться чувство къ боготворившей ее старушкѣ и когда дѣвочка должна была понять, какого развитого, понимающаго и мудраго друга въ ея лицѣ дала ей судьба взамѣнъ рано погибшаго отца и ради противовѣса безтолковой и некультурной матери.

А годы шли и шли. Въ Парижѣ Аврора училась то одна,

то въ обществѣ маленькихъ сверстниковъ и сверстницъ своего круга, чистописанію, рисованію, танцамъ, музыкѣ, даже грамматикѣ и исторіи. Обучали ее разные модные учителя, по большей части совершенныя бездарности и тупицы или выходцы изъ прошлаго вѣка, въ родѣ г. Гого, учителя танцевъ (M. Gogault). Когда въ 1814 г. вслѣдствіе вступленія союзныхъ войскъ во Францію, бабушка ранѣе обыкновеннаго переселилась въ Ноганъ и потомъ въ теченіе слишкомъ 4 лѣтъ почти безвыѣздно прожила въ деревнѣ, Аврора поступила подъ руководство Дешартра. Отмѣчаемъ это обстоятельство, какъ игравшее, по нашему мнѣнію, очень важную роль въ развитіи „не-женской" логики Жоржъ Сандъ и всего склада ея мышленія. Дешартръ *не дѣлалъ различія между мальчиками и дѣвочками и находилъ, что образовывать и воспитывать ихъ слѣдуетъ одинаково*. Потому онъ обучалъ Аврору, наравнѣ съ Ипполитомъ, французской и латинской грамматикѣ и стихосложенію, математикѣ, ботаникѣ и зоологіи. Наравнѣ съ Ипполитомъ онъ билъ Аврору линейкой по пальцамъ, а подчасъ задавалъ ей и здороваго тумака. И Аврора также наравнѣ съ Ипполитомъ, старалась стоически переносить боль и презрительно относиться къ наказаніямъ. Бабушка, преподававшая дѣвочкѣ первые элементы музыки, и теперь продолжала заниматься съ нею музыкой, причемъ подъ именемъ музыки отнюдь не надо понимать одну фортепьяную игру, но и теорію и сольфеджированіе. Жоржъ Сандъ полагаетъ, что еслибъ бабушка и дальше съ ней занималась, то она сдѣлалась бы такой же отличной музыкантшей, какой была старушка, ибо у дѣвочки были всѣ задатки для этого и любовь къ музыкѣ, и часто она цѣлыми часами распѣвала какія-то музыкальныя импровизаціи, играя на дворѣ или устраивая себѣ свой садикъ. Но неизвѣстно почему, вѣрнѣе всего по причинѣ ухудшавшагося здоровья, бабушка передала преподаваніе музыки въ руки нѣкоего Гайара, органиста изъ Ла-Шатръ, педанта и посредственности; онъ засадилъ дѣвочку за экзерсисы и зубренье „пьесокъ", отбилъ у нея всякую охоту къ занятію фортепьянной игрой, и Аврора не пошла въ ней дальше обыкновенной игры „барышень", а музыка настоящая и совсѣмъ была оставлена ею. Зато бабушка стала заниматься со внучкой исторіей и географіей, то-есть заставляла дѣвочку ежедневно читать что-нибудь по исторіи или географіи и затѣмъ излагать прочитанное въ краткихъ словахъ, причемъ большое вниманіе обращала на *стиль*. Это были единственные уроки, приходившіеся по душѣ будущей Жоржъ Сандъ,

и вскорѣ именно въ этой области сказалось ея призваніе. Бабушка не всегда давала себѣ трудъ свѣрять точность письменныхъ разсказовъ Авроры съ содержаніемъ учебниковъ. А Аврора никакъ не могла твердо придерживаться сухого изложенія учебника, она то вставляла описанія природы или городовъ, то дополняла и объясняла недостаточно-мотивированные поступки историческихъ лицъ собственными соображеніями и подробностями. Малѣйшаго указанія въ текстѣ было достаточно, чтобы въ разсказѣ Авроры появлялись восходы и закаты солнца, гроза, развалины, цвѣты, „звуки священныхъ флейтъ или Іонической лиры", блескъ и звонъ оружія и т. д. и т. д. Бабушка была въ восхищеніи отъ способностей внучки, и особенно осталась довольна, когда внучка пустилась въ самостоятельную литературу и написала два *описанія*: грозы и лѣтней лунной ночи. Какъ видно, бабушка оказалась тутъ проницательнѣе Софіи-Антуанетты, которая въ отвѣтъ на посланныя ей литературныя упражненія дочери не нашла сказать ничего иного какъ: „Твои прекрасныя фразы заставили меня смѣяться. Надѣюсь, что ты не вздумаешь и говорить такъ". [1]). Въ тѣ времена маленькая Аврора, обожавшая мать, тотчасъ согласилась съ нею, признала, что она права, находя въ „прекрасныхъ фразахъ" одно педантство и даже пообѣщала ей никогда больше не заниматься подобными глупостями.

Однако, „гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно". Страсть къ таинственному, порываніе къ религіи души религіозной отъ природы и не получавшей удовлетворенія ни въ разсудочномъ деизмѣ бабушки, ни въ поверхностной набожности матушки, наконецъ потребность *творить* и творить именно въ формѣ литературнаго сочинительства, эти три элемента нашли себѣ вскорѣ исходъ и выраженіе. Четырехъ лѣтъ Аврора, какъ мы знаемъ, разсказывала себѣ безконечныя сказки; 8-лѣтней дѣвочкой она мечтала о спасеніи великой арміи и носилась на крыльяхъ фантазіи надъ степями и горами, подкрѣпляла, исцѣляла и выводила на родину Наполеона и его разбитые полки. Прочтя теперь, 11 лѣтъ, *Иліаду* и *Освобожденный Іерусалимъ*, она была поражена, восхищена, а воображеніе ея словно ослѣплено красотою поэтическихъ образовъ и волшебною фантастичностью вымысла. Она была глубоко огорчена, что „чудныя поэмы такъ скоро кончались", были заключены въ какія-то опредѣленныя рамки, ей хотѣлось бы *продолженія* ихъ. И

[1]) „Исторія", т. III, стр. 12.

вотъ она принялась за это продолженіе. Она начала разсказывать самой себѣ какую-то безконечную эпопею, непрерывный романъ, героями котораго сначала являлись излюбленныя лица изъ поэмы Тассо и изъ *Иліады*, а потомъ мало-по-малу все содержаніе и интересъ сосредоточились на таинственномъ божествѣ, на образѣ, безсознательно сложившемся въ воображеніи Авроры изъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые очаровывали ее и въ поэтическихъ произведеніяхъ, прочитанныхъ ею, и въ христіанствѣ и въ греческой миѳологіи. Это божество,—которому Аврора дала произвольное имя Corambé (Коранбе), *услышанное ею во снѣ*,—соединяло въ себѣ нравственное совершенство Іисуса Христа, одухотворенную красоту архангела Гавріила, вдохновеніе Аполлона, грацію и привлекательность всѣхъ жизнерадостныхъ Олимпійцевъ, все прекрасное и высокое, что восхищало Аврору въ образахъ миѳологическихъ боговъ и богинь, все поэтическое и благое, что привлекало ее въ христіанствѣ, безъ христіанскаго осужденія матеріальнаго міра. Коранбе могъ принимать какіе угодно образы, дѣлаться по произволу то мужчиной, то женщиной, вѣрнѣе сказать, у него не было пола. Коранбе былъ защитникомъ всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, мгновенно летѣлъ туда, гдѣ требовалась помощь и участіе, онъ былъ весь благость, милость, любовь. Въ безчисленныхъ пѣсняхъ или главахъ этой безконечной поэмы Коранбе окружали все новыя и новыя лица, по большей части прекрасныя и добродѣтельныя, которыхъ онъ поддерживалъ и наставлялъ; злыя существа творили свои коварныя и лихія дѣла за сценой, и Коранбе немедленно исправлялъ и заглаживалъ слѣды ихъ преступныхъ дѣяній. Чтобы Коранбе не слишкомъ уничтожалъ своимъ совершенствомъ всѣхъ приближавшихся къ нему, Аврора рѣшила въ видѣ маленькой поправки и ему приписать недостатокъ. Этимъ недостаткомъ—какъ это характерно для будущей Жоржъ Сандъ!—являлся излишекъ доброты и снисходительности, такъ сказать елейное благодушіе Коранбе. Дѣвочка цѣлыми днями жила теперь въ своихъ фантастическихъ мечтахъ, слагая пѣсню за пѣсней, „книгу за книгой“ въ своей безконечной и никогда ненаписанной эпопеѣ.

Даже убѣгая въ поля, къ своимъ маленькимъ деревенскимъ подругамъ, или бродя по лугамъ съ Лизѐ, крестьянскимъ мальчикомъ, котораго она особенно полюбила за то, что онъ высказалъ горе при отъѣздѣ Софіи Дюпенъ изъ Ногана,—даже играя съ ними, Аврора не прерывала своихъ фантастическихъ бесѣдъ съ Коранбе. Она доходила до того, что своихъ подругъ Мари

и Соланжъ принимала за переодѣтыхъ нимфъ, явившихся затѣмъ, чтобы приготовить жилище Коранбе. Въ одинъ прекрасный день Аврора, какъ маленькій Гёте, воздвигла даже цѣлый миніатюрный храмъ Корамбе: расчистила полянку подъ кленами, развѣсила между вѣтвями вѣнки, гирлянды изъ раковинъ устроила что-то въ родѣ алтаря, убрала его мхомъ, камешками и т. д.—однимъ словомъ, слегка повторила знаменитый „волшебный гротъ". На этомъ алтарѣ она собиралась въ честь Коранбе освобождать птичекъ и бабочекъ, но когда Лизѐ, пробравшійся однажды за своей маленькой пріятельницей подъ тѣнь кленовъ, воскликнулъ съ восхищеніемъ — „Ахъ, какой хорошенькій алтарекъ сдѣлала барышня, точно для Спасова дня!"—то ей эта затѣя разомъ разнравилась, алтарь былъ заброшенъ, и поклоненіе Коранбе приняло окончательно форму отвлеченныхъ грезъ. Иногда впрочемъ наша маленькая импровизаторша оставляла въ покоѣ Коранбе и всю его свиту и отъ всей души веселилась и рѣзвилась съ деревенскими ребятишками, между которыми у ней было много друзей, отъ Мари и Соланжъ и до маленькаго свинопаса Плезира. Вообще, болѣе чѣмъ когда либо, въ эту пору своей юности Аврора стояла близко къ жизни простого сельскаго люда, и мы хотѣли бы особенно остановить вниманіе читателя на томъ благодѣтельномъ вліяніи, которое имѣла и на Аврору Дюпенъ и на Жоржъ Сандъ эта жизнь въ деревнѣ въ теченіе всей второй половины дѣтства, большей части юности и многихъ лѣтъ замужества. Уже не говоримъ о томъ, что то, поистинѣ деревенское, здоровье и бодрость, которыми отличалась Жоржъ Сандъ (хотя въ теченіе своего замужества она вѣчно жаловалась на разныя болѣзни, много разъ ѣздила на воды и лѣчилась), это здоровье, позволявшее ей писать по 13 часовъ въ сутки, проводить ночи безъ сна, совершать труднѣйшіе переходы черезъ горы и пѣшеходныя странствія въ теченіе многихъ дней и многихъ десятковъ верстъ,—это здоровье она если не пріобрѣла, то укрѣпила несомнѣнно благодаря почти постоянному пребыванію на воздухѣ, среди ноганскихъ полей. Бабушка, почитательница „Эмиля", находила нужнымъ, пока не наступала пора серьезнаго ученія или въ промежутки между начавшимися уже занятіями, предоставлять дѣвочкѣ полную свободу. Съ Урсулой и Ипполитомъ, или съ Лизѐ и деревенскими дѣтишками отправлялась Аврора за ягодами или на ловлю птицъ въ лѣсъ, или пасти стадо на луга и пустыри, на тѣ общинныя земли, которыя съ незапамятныхъ временъ свято соблюдались въ Берри въ необра-

ботанномъ и запущенномъ состояніи и куда полагалось выгонять общественное стадо. Не хуже любой деревенской дѣвочки знала Аврора, въ какомъ перелѣскѣ поспѣваетъ самая крупная земляника, въ которомъ болотѣ самыя яркія незабудки, на какомъ полѣ всего больше куколя и васильковъ. Безстрашно лазала Аврора по деревьямъ за птичьими гнѣздами; съ удовольствіемъ помогала пасти овецъ; не боялась и громадныхъ воловъ, съ которыми беррійскіе ребятишки такъ ловко управляются, погоняя ихъ заостренной палочкой. Налетала гроза или буря—и вся веселая дѣтская компанія забиралась въ старый сарай или развалившійся амбаръ. Начинались разсказы, разумѣется страшные и таинственные, въ родѣ тѣхъ, что ведутъ наши маленькіе пріятели въ „*Бѣжиномъ Лугѣ*". Ипполитъ, въ жилахъ котораго текла мужицкая кровь, безгранично вѣрилъ во всѣхъ оборотней, домовыхъ и лѣшихъ, въ которыхъ вѣрили маленькіе Пьеры, Сильвены и Фаншетты. Маленькая внучка бабушки-энциклопедистки, пожалуй, съ бо̀льшимъ скептицизмомъ относилась къ этимъ страшнымъ существамъ, но если и не вполнѣ вѣрила въ „Большого звѣря", въ „Полоскушекъ", въ страшнаго беррійскаго чорта „Жоржона" [1]), тѣмъ не менѣе, совершенно съ тѣмъ же удовольствіемъ, какъ и вся босоногая команда, слушала разсказы стараго *коноплянщика* Степана Депардье, т.-е. того деревенскаго жителя, обязанность котораго состояла въ трепаніи кудели и выбиваніи кострицы на всю деревню. Этотъ-то трепальщикъ, сидя въ сараѣ, или въ какой-нибудь просторной избѣ, въ долгіе зимніе вечера разсказывалъ самыя занимательныя и самыя страшныя исторіи, какія только разсказывались въ Берри, въ тогдашнемь наивномъ и малограмотномъ Берри, полномъ старинныхъ вѣрованій и суевѣрій, въ томъ Берри, гдѣ во времена Жоржъ Сандъ сохранялись еще мѣстный языкъ, такъ сходный со старофранцузскимъ языкомъ Рабле, и мѣстные обычаи и мѣстный костюмъ. И всѣ эти разсказы и всю поэзію этой самобытной народной жизни маленькій безсознательный поэтъ, какимъ была тогда Жоржъ Сандъ, жадно впивалъ всѣмъ существомъ и сохранилъ навсегда въ душѣ.

Въ эти же дѣтскіе года Аврора вольно и невольно входила въ ближайшее соприкосновеніе съ деревенскою жизнью и

[1]) Впослѣдствіи Жоржъ Сандъ пересказала эти легенды и сказанія въ своихъ „Légendes rustiques" и „Visions de Nuit", но ими же воспользовалась отчасти и для „Petite Fadette", „Jeanne", „Monsieur Rousset", „Mouny Robin" и др.

деревенскими интересами въ тѣсномъ смыслѣ слова, и это знаніе условій сельскаго быта и органическая связь съ деревней имѣли глубокое значеніе и для послѣдующей судьбы Авроры Дюпенъ и для творчества Жоржъ Сандъ. Маленькой дѣвочкѣ приходилось раздѣлять не только удовольствія крестьянскихъ ребятишекъ, но узнавать и всѣ ихъ заботы и работы; она вблизи видѣла трудовую крестьянскую жизнь, знала поименно всѣ ногангскія семейства, знала и нужды каждаго изъ нихъ, ихъ взаимныя отношенія, желанія, интересы, образъ мыслей. Все это впослѣдствіи, уже взрослой, Аврора Дюпенъ могла самостоятельно наблюдать и провѣрить, — теперь она невольно сживалась съ этою жизнью. Кромѣ того, Дешартръ, управлявшій Ноганомъ въ качествѣ арендатора, считалъ своимъ долгомъ мало-по-малу посвятить юную владѣтельницу во всѣ хозяйственныя дѣла и съ этою цѣлью какъ можно чаще бралъ ее съ собою во время своихъ обходовъ помѣстья. Въ „*Исторіи моей жизни*“ Жоржъ Сандъ старается подчеркнуть проснувшіяся въ ней будто бы уже въ тѣ годы демократическія симпатіи, идеи соціальнаго равенства и убѣжденіе въ несправедливости неравномѣрнаго распредѣленія земель и богатствъ. Такъ напр. въ IX главѣ 3-ей части III тома „*Исторіи*“, разсказывая о томъ, какъ она возмущалась штрафами и наказаніями, налагавшимися Дешартромъ за потравы и порубки, о томъ, какъ она старалась потихоньку возмѣстить эти штрафы или отмѣнить наказанія и то выпрашивала денегъ у бабушки, а то,—надѣляя самовольно цѣлыми охапками сѣна и цѣлыми снопами бабушкиныхъ хлѣбовъ, этихъ обиженныхъ и обездоленныхъ бѣдняковъ, собиравшихъ колосья на жнивьяхъ или „подгребавшихъ“ остатки сѣна послѣ уборки,—вознаграждала ихъ „натурой“— разсказывая объ этомъ, Жоржъ Сандъ вслѣдъ затѣмъ излагаетъ цѣлую теорію евангельски-соціальнаго равенства, которую она будто бы уже въ тѣ годы преподнесла Дешартру въ отвѣтъ на его практическія наставленія и попытки привить своей воспитанницѣ хоть нѣкоторое уваженіе къ собственности. Мы не сомнѣваемся, что Аврора Дюпенъ съ дѣтства отличалась той *дѣятельной добротой*, которая всегда составляла одну изъ выдающихся чертъ Жоржъ Сандъ, и что она съ самыхъ раннихъ лѣтъ умѣла и хотѣла всякому помочь словомъ и дѣломъ. Мы не сомнѣваемся также въ томъ, что когда Дешартръ со своей ученицей приходилъ на выгонъ, гдѣ паслись громадные, задумчивые беррійскіе волы, или на *новь*, гдѣ эти же волы медленно распахивали жирный, дѣвственный черноземъ, то буду-

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

щій авторъ „*Mare au Diable*" мало высказывалъ интереса къ агрономическимъ объясненіямъ своего педагога и арендатора, а наоборотъ чутко подмѣчалъ коричневато-бурый оттѣнокъ выворочениыхъ пластовъ земли, лѣниво-спокойную походку воловъ, и старинный напѣвъ и старинныя слова пѣсенки, распѣваемой пахаремъ, однимъ словомъ, живо воспринималъ всю первобытную, здоровую поэзію этихъ сельскихъ картинъ.

Но мы полагаемъ, что если бы въ 10—12-лѣтней Аврорѣ и не таился потенціально будущій поэтъ, то и тогда сельско-хозяйственныя лекціи Дешартра пропали бы для нея втунѣ, какъ онѣ пропали бы и для всякаго живого ребенка, который всегда гораздо болѣе интересуется и инстинктивно восхищается конкретными *картинами* природы, чѣмъ какими бы то ни было научными, а тѣмъ болѣе агрономическими опредѣленіями качества или стоимости земли. Спѣшимъ точно также напомнить, что въ 12—13 лѣтъ, кромѣ самыхъ испорченныхъ и поющихъ съ голоса старшихъ, всѣ дѣти—демократы, съ одинаковой охотой играютъ съ титулованными сверстниками или съ крестьянскими мальчишками и дѣвчонками, очень твердо соблюдаютъ въ своей средѣ принципы равенства и братства, а всѣ мало-мальски достаточныя дѣлятся своими или родительскими деньгами и вещами съ неимущими, и тѣмъ охотнѣе дѣлятся, чѣмъ сами обезпеченнѣе и чѣмъ по отношенію ихъ судьба оказала большую „несправедливость", надѣливъ ихъ родителей достаткомъ, а ихъ самихъ — незнаніемъ цѣны денегъ и незнаніемъ нужды. По нашему мнѣнію, совершенно нельзя придавать значенія всѣмъ соціально-экономическимъ разсужденіямъ Жоржъ Сандъ на эту тему въ *той* главѣ „*Исторіи*", гдѣ она говоритъ именно о своихъ отроческихъ годахъ. Или, вѣрнѣе, эти разсужденія дѣлаютъ честь 43-лѣтней писательницѣ, но вовсе не относятся до 12-лѣтней помѣщичьей внучки, гулявшей по полямъ Ногана со своимъ гувернеромъ. Помѣщичья внучка была, правда, безсознательнымъ демократомъ и безсознательнымъ поэтомъ, она была также доброй и хорошей дѣвочкой и безсознательно *поступала хорошо*, дѣлясь всѣмъ, чѣмъ могла, со своими деревенскими маленькими друзьями раздавая то самовольно, то съ разрѣшенія бабушки хлѣбъ, дрова, сѣно и деньги, или освобождая отъ наказанія порубщиковъ или потравщиковъ, неимѣвшихъ ни десятины лѣса, ни лишней полосы выгона или пашни и перебивавшихся съ семьей лишь благодаря помощи помѣщиковъ. Но Жоржъ Сандъ *поступила*

[stamp]

худо, желая свои зрѣлыя, 43-лѣтнія соціальныя убѣжденія навязать этой 12-лѣтней доброй дѣвочкѣ.

Какъ бы то ни было, а если будущей демократической мыслительницѣ эти годы оказали несомнѣнную пользу, давъ ей съ раннихъ лѣтъ какъ бы матеріалъ для наблюденій и выводовъ, то будущему поэту эти годы оказали еще гораздо большую услугу. Какъ ни наивно содержаніе деревенскихъ повѣстей Жоржъ Сандъ, и какъ ни справедливъ можетъ быть укоръ, дѣлаемый ей, что ея крестьяне слишкомъ сантиментальны и добродѣтельны, но нельзя не сказать, что на ряду съ этой идеализаціей народа, вы все время видите такое вѣрное наблюденіе и знакомство съ народной жизнью, такое проникновеніе „простымъ міросозерцаніемъ", что народныя картины Сандъ далеко оставляютъ за собою тѣ реальныя писанія послѣдняго времени, гдѣ очень точно списывается съ натуры вся внѣшняя обстановка крестьянства, вся его грубость, бѣднота, косность, невѣжество, но гдѣ авторъ, пришедшій *со стороны*, въ родѣ наѣзжаго интервьюера или корреспондента [1]), не могъ схватить духа и сущности народной жизни. Оттого мы, читая иныя, полныя таланта и драматизма, страницы нѣкоторыхъ современныхъ авторовъ, все время чувствуемъ себя такъ, какъ еслибъ мы читали о жизни дикарей Новой Каледоніи. Это насъ поражаетъ, интересуетъ, но все время чувствуешь себя чужимъ къ этимъ дикарямъ, тогда какъ читая народныя сцены у Тургенева, Толстого, (не въ драматическихъ его произведеніяхъ), или Жоржъ Сандъ, мы близки къ этимъ людямъ, мы въ нихъ видимъ тѣ типическія крестьянскія черты, которыя постоянно можно наблюдать, живя въ деревнѣ, все равно, находится ли эта деревня въ Тульской, Рязанской или Новгородской губерніи, или въ Берри. И эта народная „правда" намъ такъ и дорога въ произведеніяхъ названныхъ писателей, у которыхъ наблюденія надъ народной жизнью производились не искусственно и *не спеціально для даннаго романа*, а органи-

[1]) Обращаемъ вниманіе читателя на письмо деревенскаго доктора, двадцать лѣтъ прожившаго среди крестьянъ, которое Анатоль Франсъ приводитъ въ своей статьѣ о „Terre" Зола. (Anatole France. „La vie littéraire". Paris. 1892 г. Calmann Lévy). Этотъ докторъ Fournier два или три раза въ своемъ чрезвычайно доказательномъ и серьезномъ письмѣ утверждаетъ, что „то, что я прочелъ уже изъ „la Terre", доказываетъ мнѣ, прожившему 20 лѣтъ среди мужиковъ, что г. Зола никогда не стоялъ близко къ крестьянамъ" (n'a jamais fréquenté les gens de la campagne) далѣе еще: ...„этотъ фактъ доказываетъ какъ мало знаетъ г. Зола людей которыхъ онъ задумалъ описать" и т. д. и т. д.

чески, потихоньку, впродолженіе всей ихъ жизни: втеченіе дѣтства въ деревнѣ съ его безсознательными и тѣмъ болѣе глубокими впечатлѣніями, и втеченіе зрѣлыхъ лѣтъ тамъ же, съ ихъ уже сознательнымъ, но любовнымъ отношеніемъ, а потому и проникновеніемъ въ суть и духъ народной жизни. Оттого, будутъ ли произведенія этихъ писателей такъ реальны, какъ у Толстаго или Тургенева, или являются смѣсью реальнаго и идеальнаго, какъ у Жоржъ Сандъ,—они намъ дороги именно своею правдою въ передачѣ *духа* народа, своею *психологическою* правдою, на ряду съ правдою вещественною. Разбирая въ своемъ мѣстѣ т. наз. „деревенскія повѣсти" Жоржъ Сандъ, мы много разъ будемъ опровергать банальное и избитое утвержденіе, будто Жоржъ Сандъ „обратилась" къ природѣ и деревнѣ *послѣ* ужасовъ 1848—1849 годовъ; тогда же мы укажемъ, что подобное „обращеніе" къ деревенской жизни повсемѣстно произошло во всѣхъ западныхъ литературахъ, и въ русской, во вторую и третью четвертъ нашего столѣтія и что это явленіе замѣчается и тамъ, гдѣ въ 1848 году никакихъ „ужасовъ" не происходило. Обо всемъ этомъ рѣчь будетъ ниже. Теперь мы лишь хотимъ остановить вниманіе читателя на томъ фактѣ, что Жоржъ Сандъ, являющаяся вмѣстѣ съ Мопассаномъ исключеніемъ среди французскихъ писателей по своему знанію, любви и изображенію деревенской, простой жизни,—вмѣстѣ съ Мопассаномъ же представляетъ собою и, рѣдкій между западными писателями, но часто встрѣчающійся у насъ, примѣръ писателя, *выросшаго* въ деревнѣ, помѣщика-писателя, *органическаго продукта той среды и жизни*, которую онъ потомъ описывалъ, — каждый съ той мѣрой реальности, какую ему дала судьба. Замѣтимъ и еще, что описанія беррійской природы, сдѣлавшіяся уже классическими и входящія въ составъ хрестоматій, неизмѣримо выше, жизненнѣе и художественнѣе всѣхъ другихъ описаній разныхъ французскихъ мѣстностей въ позднѣйшихъ и самыхъ позднихъ романахъ Жоржъ Сандъ. *Берри*, какъ позднѣе *Пиренеи* и *Венеція*,—вотъ мѣстности навсегда по праву принадлежащія Жоржъ Сандъ, и эти три мѣстности Жоржъ Сандъ *не наблюдала* сознательно, съ цѣлью воспользоваться своими впечатлѣніями какъ матеріаломъ для литературныхъ описаній: всѣ впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ Берри напр., запечатлѣлись прежде всего невольно и безсознательно въ ея воображеніи, въ то время, какъ она жила своею дѣйствительною, полною жизнью среди этихъ тихихъ, зеленыхъ равнинъ, подъ тѣнью развѣсистыхъ ясеней, на берегахъ поэтической Эндры, на сбѣгающихъ между стѣнъ зелени тро

пинкахъ (traînes). Оттого и читатель невольно и безсознательно проникается поэзіей и живописностью этихъ прелестныхъ картинъ и запоминаетъ ихъ. Когда позднѣе Жоржъ Сандъ стала *произвольно* описывать разныя мѣстности, Франціи и Италіи какъ мѣста дѣйствій для своихъ героинь, дѣвицъ „*Меркемъ*“ и „*Кентини*“, для героевъ „Тамариса“, „Даніеллы“, „Жана де ла Рошъ“ и т. д. и т. д.—эффектъ получился совсѣмъ не тотъ. Отъ этихъ описаній, очень приближающихся къ современному протокольному реализму, со всѣми его точными подробностями, вѣетъ холодомъ и они забываются такъ же легко, какъ съ трудомъ читаются. Они очень скучны и тяжелы. Описанія Берри не забываются, они завладѣваютъ читателемъ какъ что-то въ самомъ дѣлѣ видѣнное, пережитое, свое. Это оттого, что они были *пережитыми*, *своими* для Жоржъ Сандъ. Вотъ какими двумя элементами своего творчества обязана она деревенской жизни въ Берри въ теченіе всего дѣтства и отрочества [1]).

1814 и 1815 годы Марія-Аврора Дюпенъ съ внучкой прожили безвыѣздно въ Ноганѣ, по случаю оккупаціи Парижа союзными войсками. Въ 1814 году маленькая Аврора, кажется, вовсе не видѣлась съ матерью. Ея романическая любовь къ матери если и не пошла „на убыль“, то во всякомъ случаѣ приняла съ годами мало-по-малу болѣе спокойный характеръ. Дѣвочка убѣдилась, что ея ребяческія грезы о бѣгствѣ въ Парижъ, о житьѣ на чердакѣ и открытіи совмѣстно съ матерью моднаго магазина, надъ дверьми котораго вывѣска—для бо̀льшаго уязвленія бабушкинаго самолюбія—гласила бы „Вдова Дюпенъ— Моды,“—что эти грезы несбыточны, а главное, что Софія Антуанетта, во время разгара борьбы со свекровью сама разжигавшая дочку своими рѣзкими рѣчами противъ бабушки и строившая самые смѣлые планы трудовой жизни вдвоемъ съ Авророй, теперь не только относилась къ этимъ планамъ какъ къ несбыточнымъ фантазіямъ, но просто забыла о нихъ и вовсе не собиралась поощрять дочку въ ея намѣреніи сбѣжать отъ бабушки или вообще въ непослушаніи бабушкѣ. Во время пріѣздовъ матери въ Ноганъ Аврора замѣтила также, что ея лю-

[1]) Въ чудесной статьѣ г. Maurice Cristal (Germa) въ „Musée des deux Mondes“, 15 сентября 1876 г., очень тонко и вѣрно указывается на тотъ элементъ здоровья, свѣжести и силы который чувствуется въ писаніяхъ Жоржъ Сандъ и во всей ея жизни, и высказывается мысль, что этимъ она обязана деревнѣ, власти земли. Это очень вѣрная и глубокая мысль, равно какъ вся статья эта въ высшей степени симпатична и интересна. Къ ней намъ придется вернуться не разъ.

бовь къ матери какъ бы *односторонняя*, то есть что она гораздо сильнѣе любитъ мать, чѣмъ мать ее. Софія принадлежала къ разряду натуръ страстныхъ, но не нѣжныхъ и не глубокихъ; „*съ глазъ долой*“ — значило для нея и „*изъ сердца вонъ*“. Какъ ни старается Жоржъ Сандъ *не сказать* этого,—Софія видимо привыкла къ разлукѣ съ дочерью, примирилась съ этой разлукой, преспокойно жила себѣ въ Парижѣ своей собственной, новой жизнью и все болѣе и болѣе отвыкала отъ оставленной въ Ноганѣ маленькой дочки. Съ другой стороны, послѣ случившагося еще въ 1812 году нервнаго удара, старушка Дюпенъ стала все больше слабѣть и прихварывать, а въ Аврорѣ инстинктивно проснулась женская заботливость и нѣжность къ больной, а отсюда въ ея сердцѣ пробудилось и искреннее чувство къ обожавшей ее старушкѣ. Но Аврора еще не сознавала этого, продолжала считать бабушку чуть не врагомъ, и въ глубинѣ души постоянно оказывала ей скрытое сопротивленіе и порицаніе всѣхъ ея желаній, указаній и рѣшеній. Она училась, только по внѣшней пассивности исполняя приказанія бабушки, и глубоко убѣжденная, что „ученье ни къ чему“, что ей все-таки предстоитъ современемъ скромная жизнь парижской мѣщанки у матери, и что въ этой жизни ей не пригодятся никакія изъ тѣхъ познаній, о которыхъ такъ заботилась бабушка. Дѣвочка уже давно отказалась добровольно отъ своего проекта—копить разныя свои мелкія драгоцѣнности и карманныя деньги, дабы на эти средства въ одинъ прекрасный день уѣхать въ Парижъ; не покидавшая ее прежде надежда и увѣренность въ томъ, что однажды она переселится таки къ матери,—теперь съ каждымъ днемъ ослабѣвала. Мечтанія о жизни съ матерью, вмѣсто прежняго характера мечтаній о будущемъ счастіи, все болѣе и болѣе принимали характеръ грустныхъ воспоминаній о счастьи прошедшемъ и отлетѣвшемъ. Пѣсни Коранбе становились все болѣе элегическими, хотя Коранбе и продолжалъ утѣшать Аврору предсказаніями лучшаго будущаго. Все это дѣлало Аврору еще молчаливѣе и замкнутѣе въ присутствіи бабушки и ея друзей, или же наоборотъ заставляло дѣвочку предаваться самой необузданной веселости и самымъ отчаяннымъ шалостямъ въ сообществѣ съ Ипполитомъ и Урсулой.

Въ 1815 году Софія-Антуанетта довольно долго прогостила въ Ноганѣ; въ тотъ годъ всѣ дороги были переполнены передвигавшимися войсками. Союзники выступали изъ Франціи; наполеоновскія арміи были распущены по домамъ; черезъ Но-

ганъ проходили полки чужiе и свои; въ самомъ ноганскомъ домѣ гостили или временно останавливались разные высокопоставленные и невысокопоставленные генералы и офицеры. Временно Аврора какъ бы вновь вернулась къ обстановкѣ первыхъ годовъ своей жизни: ее окружала та-же атмосфера наполеоновской блестящей и героической военщины, опять вокругъ нея были друзья ея отца, Мориса Дюпенъ, опять слушала она ихъ оживленные разсказы, ихъ горячiя, взволнованныя рѣчи, рѣзкiя осужденiя водворенiю „стараго порядка" въ лицѣ Людовика XVIII, воспоминанiя о славномъ недавнемъ прошломъ великой армiи и горькiя сожалѣнiя о *немъ*, о немъ незабвенномъ, одиноко тосковавшемъ на своемъ дальнемъ островѣ.

Потомъ уѣхали всѣ эти блестящiе и храбрые вояки, уѣхала и Софiя - Антуанетта, уѣхали и прiѣзжавшiя навѣстить бабушку ея прiятельницы, „старыя графини," уѣхалъ и гостившiй въ Ноганѣ осенью двоюродный братъ маленькой Авроры — Рене де Вильнёвъ, который, къ великому огорченiю Авроры и къ великой радости ставшаго уже почти взрослымъ юношей Ипполита, устроилъ поступленiе этого послѣдняго юнкеромъ въ одинъ изъ кавалерiйскихъ полковъ. Поздней осенью уѣхалъ и Ипполитъ. „Тогда",—говоритъ Жоржъ Сандъ—„наступили для меня два самыхъ тихихъ и самыхъ меланхолическихъ года моей жизни."

Дѣйствительно, съ 1816 по 1818 годъ Аврора провела въ совершенномъ одиночествѣ и совершенной тишинѣ, втроемъ съ полу-больной старухой бабушкой и ворчливымъ педантомъ Дешартромъ. И даже съ этимъ послѣднимъ она имѣла менѣе дѣла, чѣмъ прежде, самовольно прекративъ съ нимъ занятiя латинскимъ языкомъ, послѣ того, какъ однажды возмутилась и не захотѣла болѣе переносить исправительныхъ мѣръ этого крутого педагога. Свободнаго времени для мечтанiй, грустныхъ размышленiй и одинокаго чтенiя, къ которому вдругъ пристрастилась дѣвочка, оказывалось слишкомъ много. А въ то-же время на деревенскомъ привольѣ Аврора выросла и физически развилась не по годамъ, и въ 12—13 лѣтъ была почти взрослой дѣвушкой. Въ связи съ этимъ усиленнымъ физическимъ развитiемъ въ ней вдругъ проснулась лихорадочная потребность сильныхъ движенiй, дѣятельности; ей не сидѣлось на мѣстѣ: не окончивъ заданнаго урока или не закрывъ даже начатой книги, она вдругъ выскакивала въ окошко, летѣла въ садъ, въ поля, цѣлые дни проводила на воздухѣ, не отставала отъ деревенскихъ шалуновъ въ самыхъ отчаянныхъ прыжкахъ черезъ

рвы и канавы, въ самыхъ опасныхъ предпріятіяхъ, и все чаще и чаще заслуживала укоры Розы за разорванныя и испорченныя платья и замѣчанія бабушки за пропаданія изъ дому по цѣлымъ часамъ и днямъ. А затѣмъ вдругъ жажда знанія, которую бабушкѣ удалось таки заронить въ ея непокорную голову, и которая теперь все настоятельнѣе требовала удовлетворенія, вновь засаживала Аврору за книги, и какъ раньше ее нельзя было заставить спокойно посидѣть на мѣстѣ втеченіе часа, такъ теперь ее нельзя было вытащить изъ ея комнаты, изъ за книги.

Въ 1817 году, несмотря на все свое свободомысліе, бабушка нашла нужнымъ, чтобы Аврора въ первый разъ говѣла. Съ наступленіенъ Реставраціи религія вновь стала „обрѣтаться въ авантажѣ", благочестіе вновь сдѣлалось неотъемлемою принадлежностью всякаго благонамѣреннаго дворянина, какъ атеизмъ и насмѣшечки надъ религіей и суевѣріями являлись необходимыми спутниками всякаго изящнаго кавалера конца прошлаго вѣка. Марія Аврора была вольтерьянка—но она была въ то-же время теткой Карла X и Людовика XVIII. Потому, оставаясь сама до конца жизни непоколебимо преданной свободомыслію и не сдѣлавъ ни единой уступки требованіямъ обрядоваго католицизма даже на своемъ смертномъ одрѣ,—она тѣмъ не менѣе сочла за благо, чтобы Аврора исполнила обрядъ перваго говѣнія, какъ полагается всякой дѣвушкѣ, достигшей 13—14 лѣтъ. До сихъ поръ Аврору не только не наставляли въ какихъ бы то ни было правилахъ религіи, но бабушка даже заранѣе попыталась разъ навсегда поколебать въ душѣ внучки вѣру въ чудеса и чудесное, и потому еще въ самомъ юномъ возрастѣ она постаралась дать ей самое вольтерьянское объясненіе всѣхъ евангельскихъ чудесъ, въ томъ числѣ и чудесному претворенію хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы во время св. Евхаристіи. Теперь, отпуская внучку къ исповѣди и причастію, бабушка съ одной стороны боялась чтобы дѣвочка не научилась лгать передъ самою собой, лицемѣрно исполняя обрядъ, въ который не вѣрила; съ другой—боялась, какъ бы увлекающаяся Аврора вдругъ не сдѣлалась бы страстно-вѣрующей. Марія Аврора хотѣла, чтобъ „дѣло было сбыто съ рукъ" какъ можно скорѣе и какъ можно „приличнѣе." И вотъ Аврора самымъ механическимъ образомъ вызубрила катехизисъ, отъисповѣдовалась у выбраннаго бабушкой, стараго и добродушнаго священника въ Ла-Шатрѣ и у него же причастилась. Черезъ восемь дней, по католическому

обычаю, она причастилась вторично,—и тѣмъ и кончилось „утвержденіе“ ея въ христіанскомъ ученіи и догматахъ. На время говѣнія Аврору переселили въ городокъ Ла-Шатръ, къ старымъ друзьямъ Дюпеновъ, нѣкіимъ Десеръ (Decerfz), съ дѣтьми которыхъ Аврора точно такъ же подружилась, какъ старуха Дюпенъ и ея сынъ были дружны съ бабкой и матерью маленькой Лоры Десеръ. Тамъ же Аврора близко сошлась и съ маленькимъ Шарлемъ Дюверне, сыномъ семьи тоже во многихъ поколѣніяхъ уже дружной съ семьей Дюпеновъ; впослѣдствіи Шарль Дюверне въ теченіе всей своей жизни былъ вѣрнымъ другомъ Жоржъ Сандъ. Впродолженіе лѣта и осени, въ дни, когда въ Ла-Шатрѣ совершались большія службы и церковныя процессіи, бабушка посылала Аврору къ Дюверне или Десеръ, на день или на нѣсколько дней. Въ Ла-Шатръ пріѣхала въ томъ году очень порядочная труппа странствующихъ актеровъ, которая каждый вечеръ давала свои представленія въ какомъ-то старомъ сараѣ. Играли и драмы, и мелодрамы, и водевили а чаще всего маленькія комическія оперы и оперетки. Госпожи Десеръ и Дюверне, поочереди, брали съ собой дѣтей на эти представленія. И Аврора, и Шарль и другіе маленькіе ея пріятели были совершенно очарованы этими театральными зрѣлищами. Страсть къ театральному искусству была наслѣдственною въ потомствѣ поклонника Адріенны Лекувреръ—Морица Саксонскаго, а маленькая правнучка его и дѣвицы де Верьеръ тѣмъ болѣе восхищалась этими представленіями, что страстно любила музыку, обладала хорошимъ слухомъ и легко запоминала легкія мелодія пѣвучихъ тогдашнихъ оперетокъ, вродѣ *Aucassin et Nicolette* и т. п. Итакъ, утромъ дѣти бывали въ церкви, вечеромъ въ театрѣ, а время между посѣщеніями храма Божьяго и храма искусства проводили самымъ веселымъ образомъ, въ шумныхъ играхъ и забавахъ. Дѣти легко представляютъ въ своихъ играхъ все, что поражаетъ ихъ воображеніе, и наши маленькіе пріятели по очереди изображали то богослуженіе и церковныя процессіи, то оперетку и мелодраму, во все горло распѣвали то каноны и псалмы, то речитативы и аріи, а материнскія шали и вышитыя юбки играли роль то рыцарскихъ плащей и римскихъ тогъ, то ризъ и омофоровъ.

Возвращаясь послѣ такого завлекательнаго времяпровожденія въ Ноганъ, Аврора могла менѣе чѣмъ когда либо усидчиво заниматься своими уроками, а бабушкѣ, которая сама постаралась познакомить Аврору съ этими гостепріимными семьями и которая радовалась, что внучка такъ веселится, теперь все

чаще и чаще приходилось журить внучку за отсутствіе вниманія, разсѣянность, небрежность въ приготовленіи уроковъ, и вѣчныя крайности въ настроеніи. Будучи втеченіе всей своей жизни спокойной, уравновѣшенной натурой, всегда владѣя собой съ самыхъ раннихъ лѣтъ, бабушка положительно терялась передъ такими проявленіями страннаго характера внучки. Она была и огорчена и испугана этими рѣзкими измѣненіями въ настроеніи, постоянными переходами отъ сумашедшаго веселья къ мрачной молчаливости и апатіи; эти переходы напоминали ей отчасти дѣтство и отрочество покойнаго ея сына Мориса, но въ дѣвушкѣ они пугали ее еще болѣе, и еще болѣе старалась она ихъ побороть.

И вотъ случилось однажды, что когда старушка сдѣлала Аврорѣ какое-то особенно чувствительное замѣчаніе, то дѣвочка, выйдя изъ ея комнаты, побросала книги на полъ и громко воскликнула: „Ну да, я не хочу учиться, оттого и не учусь. Потомъ всѣ узнаютъ, отчего я не учусь“. Очевидно она опять разумѣла свое намѣреніе раздѣлить современемъ скромную долю матери, для трудовой жизни съ которой всѣ *знанія* будто бы окажутся ненужными и излишними. Юлія, бабушкина клевретка, стала укорять дѣвочку въ неблагодарности и злонамѣренности, пригрозила ей гнѣвомъ бабушки и отсылкой къ матери. Тогда Аврора объявила ей прямо, что ничего такъ не желаетъ, какъ быть отосланной къ матери, и просила Юлію, не стѣсняясь, пересказать это бабушкѣ. Юлія поспѣшила дѣйствительно донести объ этомъ Маріи-Аврорѣ и разумѣется, не пожалѣла красокъ при пересказѣ происшедшей сцены. Бабушка и разгнѣвалась ужасно, и глубоко огорчилась. Аврорѣ было приказано не показываться ей на глаза. Разомъ прекратились нетолько всѣ уроки, но и всякій надзоръ надъ дѣвочкой. Бабушка какъ бы показывала ей, что если она не желаетъ сообразоваться съ тѣмъ образомъ жизни и воспитанія, которые считаются обязательными бабушкой, то пусть Аврора живетъ какъ хочетъ, а бабушка умываетъ руки. Втеченіе нѣсколькихъ дней Аврора не чуствовала никакой неловкости отъ вдругъ наступившей неограниченной свободы; она проводила цѣлые дни въ поляхъ, со своими деревенскими пріятелями; обѣдала и завтракала одна, когда бабушки уже не бывало въ столовой; могла дѣлать что ей было угодно. По прошествіи нѣсколькихъ дней эта одинокая жизнь стала однако смущать ее, а тутъ еще Роза, понимавшая, что такой порядокъ вещей ни къ чему доброму не приведетъ, и что съ каждымъ днемъ взаимное недоразумѣ-

ніе между бабушкой и внучкой только будетъ все ухудшаться,— посовѣтовала дѣвочкѣ пробраться потихоньку въ бабушкину комнату и попросить у старушки прощенія. Аврора охотно послѣдовала этому совѣту и, съ искреннимъ раскаяніемъ упавъ на колѣни передъ больной и огорченной бабушкой, стала цѣловать ея руку. И тутъ бабушка вновь совершила величайшую ошибку и, изъ желанія добра внучкѣ, нанесла ей непоправимый вредъ. Ужасаясь тому, что всѣ старанія воспитать изъ Авроры порядочную дѣвушку приводятъ къ результатамъ прямо противоположнымъ; видя, что дѣвочка изъ духа противорѣчія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше *уходитъ* отъ нея; раздумывая о характерѣ и судьбѣ внучки и думая, что съ такими задатками и наклонностями она должна просто погибнуть, если дѣйствительно ее передать въ руки взбалмошной и легкомысленной матери,— Марія Аврора рѣшилась на послѣднее, героическое средство. Она рѣшила предостеречь Аврору отъ грозящей ей гибели, сообщивъ ей безъ утайки, кто такое и что такое была въ прошломъ ея мать и указавъ на тѣ ужасы, которые грозятъ Аврорѣ, если она будетъ жить съ матерью. Уже много ошибокъ и вреда надѣлали и Софья-Антуанетта и Марія-Аврора изъ-за своей неразумной любви и взаимной вражды, но эта послѣдняя ошибка была „горше первыхъ“ всѣхъ и окончательно испортила дѣло. Дочернее чувство Авроры было поругано; дѣтская душа напугана и загрязнена словами и мыслями, которыя никогда не должны были бы раздаваться въ этихъ невинныхъ ушахъ; дочерняя гордость была унижена. Отъ ужаса и огорченія Аврора сначала словно впала въ столбнякъ. Она стала жить машинально, потеряла всякій вкусъ къ жизни. Она все разлюбила и себя саму тоже точно разлюбила. Ей все сдѣлалось все равно. Такъ прошло много дней. Потомъ характеръ этого безмолвнаго отчаянія измѣнился и Аврора вдругъ сдѣлалась тѣмъ, что называется „отчаяннымъ ребенкомъ“ въ точномъ смыслѣ слова. Все ея поведеніе какъ бы вызывающе говорило: „А, все равно, мнѣ нечего терять, такъ вотъ вамъ! полюбуйтесь, на какія продѣлки я способна“! Видя, что дѣвочка такъ окончательно пропадетъ, и что съ ней сладу нѣтъ, бабушка объявила ей, что отдастъ ее въ институтъ при монастырѣ *Англичанокъ* въ Парижѣ. Аврора сначала понадѣялась, что мать ея будетъ протестовать противъ такого рѣшенія свекрови, но когда, свидясь съ матерью, замѣтила, что она нетолько совершенно равнодушно приняла это рѣшеніе, но даже, видимо совершенно уже отвыкнувъ отъ дочери, старается всѣми силами уговорить ее

поступить согласно волѣ бабушки, тогда Аврора махнула окончательно рукой на всѣ свои дѣтскія мечты и надежды и покорно подчинилась этой волѣ.

Монастырь *Англичанокъ* былъ основанъ вдовою казненнаго Карла I для англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ монахинь-эмигрантокъ, а находившійся при немъ институтъ считался лучшимъ воспитательнымъ заведеніемъ для дѣвицъ аристократическихъ семей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ наступила Реставрація съ ея обращеніемъ къ религіи и благочестію. Мы въ правѣ предположить, что и независимо отъ только что разсказанныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, бабушка охотно отдала бы Аврору въ это фешенебельное заведеніе уже потому, что находила очень полезнымъ и важнымъ чтобы годы своего отрочества Аврора провела среди порядочныхъ дѣвушекъ своего круга, завязала бы съ ними знакомства и дружбу, и чтобы ея воспитаніе, черезчуръ оригинальное, болѣе соотвѣтствовало тому, что считается „приличнымъ“ въ этомъ кругу. Аврорѣ было все равно теперь, оставаться ли дома, поступать ли въ монастырь; она находилась въ состояніи мрачной апатіи и отвращенія ко всему. „Вездѣ хуже“ какъ бы говорила она себѣ. Поэтому она дала безъ всякаго сопротивленія, отвезти себя въ монастырь и въ началѣ зимы 1817—1818 г. поступила въ монастырскій институтъ.

Со вступленія тринадцатилѣтней Авроры Дюпенъ подъ своды монастыря началась новая полоса ея жизни,—полоса относительнаго счастья и покоя, вмѣстѣ съ тѣмъ кончалось дѣтство и отрочество, начиналась *юность*. Къ повѣствованію о ней мы и приступаемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Юность.

1817 — 1822.

Судьба, давшая будущей Жоржъ Сандъ возможность вблизи видѣть высшій свѣтъ, мелкій буржуазный парижскій мірокъ, крестьянство, походную жизнь наполеоновскихъ полчищъ и міръ блестящей военщины, теперь открывала предъ нею двери новаго для нея міра, новый предметъ изученія и наблюденій, — міръ католицизма, или даже просто христіанства, съ его поэтичнѣйшими и широчайшими религіозными горизонтами. Бѣдной дѣвочкѣ, доведенной до отчаянія семейными распрями, монастырь давалъ спокойствіе внѣшнее, возможность правильно учиться, живое общество сверстницъ, играмъ и совмѣстнымъ занятіямъ съ которыми она могла безбоязненно предаваться, безъ страха предъ чьимъ бы то ни было неудовольствіемъ. Дѣтской головкѣ, утомленной сомнѣніями и противорѣчіями, онъ давалъ незыблемые, вѣками освѣщенные и утвержденные догматы и убѣжденія. Бѣдное дѣтское сердце, терзаемое неразумной любовью человѣческой, вдругъ очутилось среди цѣлаго сонма старыхъ и молодыхъ существъ, поглощенныхъ мыслями о Богѣ, въ любви къ Нему искавшихъ успокоенія и счастья. А душа Авроры, отъ природы полная порывовъ къ религіи, „жаждавшая божественнаго и безконечнаго“, нашла здѣсь ту пищу, которой алкала, ту вѣру, къ которой безсознательно стремилась, и отсюда вынесла ту силу этой вѣры въ Бога, въ безсмертіе души, которую сохранила въ теченіе всей жизни, которую пронесла невредимо черезъ періоды самаго мрачнаго отчаянія и самаго широкаго религіознаго свободомыслія! Жоржъ Сандъ

была *душою религіозною* отъ природы и таковою всегда и осталась, хотя ея имя и по сей день служитъ пугаломъ для многихъ благочестивыхъ католиковъ, а книги ея и по сіе время находятся въ числѣ книгъ, чтеніе коихъ воспрещается именемъ папы. И врядъ ли скоро настанетъ тотъ день, о которомъ мечтаетъ одинъ таинственный незнакомецъ, упоминаемый виконтомъ де-Спульберкъ въ его книгѣ „Les Lundis d'un Chercheur":—„По поводу нѣкоторыхъ особенныхъ страницъ *Леліи*, нѣкоторыхъ воззваній къ Творцу, проникнутыхъ вѣрой и краснорѣчивыхъ,— говоритъ де-Спульберкъ—„мы безъ удивленія услыхали отъ одного выдающагося представителя французскаго духовенства убѣжденіе, что, по его мнѣнію, будущее хранитъ для этихъ пламенныхъ порывовъ, для этихъ увлекательныхъ моленій,— такую перемѣну судьбы, что настанетъ день, когда ихъ будутъ цитировать съ каѳедры, какъ примѣры пламенныхъ христіанскихъ молитвъ" [1]).

Аврора Дюпенъ провела 3 года въ монастырѣ Англійскихъ Августинокъ, съ начала зимы 1817—1818 по весну 1820 г., и говоритъ, что это были, можетъ быть, счастливѣйшіе годы ея жизни. Дѣйствительно впервые, кажется, со своего рожденія дѣвочка попала въ обстановку болѣе или менѣе нормальную и спокойную, а хорошія впечатлѣнія и стороны монастырской жизни значительно перевѣшивали тѣ маленькія непріятности и столкновенія, безъ которыхъ нигдѣ и никогда не обходятся отношенія между воспитанниками или воспитанницами закрытаго заведенія и начальствомъ или воспитателями. Два—три препирательства съ преподавательницей, г-жей Д., завѣдовавшей младшимъ классомъ, куда поступила Аврора, да одно крупное столкновеніе съ настоятельницей, распечатавшей посланныя Авророй бабушкѣ сатирическія описанія и каррикатуры на весь монастырь,—происшествіе, которое Жоржъ Сандъ очень громко именуетъ „nouveau déchirement" своей жизни, „новымъ растерзаніемъ" сердечнымъ, придавая излишнее значеніе разочарованію и огорченію, испытаннымъ ею при извѣстіи о перлюстраціи ея переписки съ бабушкой—вотъ, кажется, и всѣ „непріятности", испытанныя Авророй въ теченіе ея трехлѣтнаго пребыванія въ монастырѣ. Если къ этому прибавить обычныя погрѣшности институтскаго воспитанія и образованія— вродѣ плохой пищи, холодныхъ дортуаровъ и келей, да излишне-

[1]) „Les Lundis d'un Chercheur" par le V-te de Spoelberch de Lovenjoul. (Paris. 1894. Calmann Lévy), pp. 157—158.

бдительнаго надзора за тѣмъ, чтобы до дѣвочекъ не доходило ни одно впечатлѣніе внѣшняго міра, то, пожалуй, вотъ и всѣ темныя стороны жизни Авроры въ монастырѣ Августинокъ. Онѣ съ избыткомъ выкупались тѣмъ хорошимъ, что онъ ей далъ.

Во-первыхъ, при всей недостаточности знаній, даваемыхъ монастырскимъ обученіемъ, тутъ было тѣмъ не менѣе правильное и систематическое ученіе, и если дѣвочка изъ всего пройденнаго за эти три года не вынесла особенно глубокихъ познаній—кромѣ основательнаго знакомства съ англійскимъ языкомъ—то по крайней мѣрѣ пріучилась ежедневно систематически работать, а разбросанныя и неравномѣрныя свѣдѣнія ея о томъ и о семъ, хоть отчасти систематизировались. Жоржъ Сандъ очень юмористично разсказываетъ, какъ, несмотря на то, что бабушка и она сама склонны были гордиться ея блестящими познаніями, однако на первыхъ же порахъ оказалось, что тринадцатилѣтняя философка и писательница „штилистическихъ упражненій“ буквально „не умѣла перекрестить лба“ какъ слѣдуетъ, не говоря уже о томъ, что скандализировала учительницу и развеселила весь классъ совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ представленій о катехизисѣ и основныхъ правилахъ католической религіи. Приблизительно въ такомъ же состояніи оказывались и всѣ ея познанія; она умѣла разсуждать объ историческихъ событіяхъ—не имѣя понятія о хронологіи и почти не зная фактовъ. То же самое было и съ грамматикой и съ географіей.

Въ нравственномъ смыслѣ система католическаго монастырскаго воспитанія, о которомъ у насъ въ Россіи многіе судятъ слишкомъ поверхностно и осуждаютъ его не вдумываясь, имѣла ту хорошую сторону, что развивала въ своихъ питомцахъ стремленіе къ постоянному самосовершенствованію, къ борьбѣ со своими эгоистическими наклонностями, къ постоянному самоанализу и *самодухотворенію*. Въ то же время строгая монастырская дисциплина нетолько не исключала задушевныхъ отношеній между старшими и младшими обитательницами монастыря, но, наоборотъ, созидала совсѣмъ особыя отношенія трогательной и любовной короткости между этими отказавшимися отъ міра женщинами и молоденькими дѣвочками, по большей части уже хорошо воспитанными дома, выдержанными и ласковыми съ подругами и съ тѣми изъ монахинь, которыя спеціально занимались *воспитаніемъ* молодыхъ дѣвушекъ, выбирая себѣ каждая то одну, а то и нѣсколькихъ дѣвочекъ въ „дочки“. Вся эта атмосфера спокойной любви, гдѣ никто никого не

преслѣдовалъ, не ревновалъ, гдѣ не было слезъ и сценъ, гдѣ всѣ старались любить другъ друга, но прежде всего всѣ мысли и чувства свои посвящали Богу, — это все было истиннымъ благодѣяніемъ для Авроры, при ея неуравновѣшанной натурѣ и неправильномъ воспитаніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ веселая толпа подругъ не давала Аврорѣ ни времени, ни охоты предаваться преждевременнымъ и недѣтскимъ размышленіямъ о будущей судьбѣ, о тягостной жизни между бабушкой и матерью и о необходимости выбора между ними. Когда тутъ было тосковать и размышлять, когда надо было то играть въ лапту, то устраивать какую-нибудь шалость всѣмъ классомъ, то организовать цѣлые походы съ цѣлью освобожденія какой-то легендарной, никогда никѣмъ невиданной и никому неизвѣстной *жертвы*. Существованіе ея гдѣ-то въ монастырскихъ подвалахъ или на чердакахъ было кѣмъ-то изобрѣтено, но въ него всѣ воспитанницы поголовно вѣрили, такъ какъ эта заточенная неизвѣстно гдѣ *жертва*, которую надо было освободить, являлась тѣмъ необходимымъ объектомъ мечтаній и таинственныхъ грезъ, безъ которыхъ не обходятся ни чьи юные годы, а тѣмъ болѣе не можетъ пройти молодость дѣвушекъ, отрѣзанныхъ отъ всего міра и лишь въ этихъ грезахъ находящихъ необходимую пищу для ума и воображенія, для проявленія воли и избытка молодой энергіи. Аврора съ первыхъ же дней сдѣлалась душею всѣхъ игръ и продѣлокъ. Она съ мѣста примкнула къ тѣмъ „отчаяннымъ", которыя носили кличку „чертенятъ", въ отличіе отъ „примѣрныхъ" или „благоразумныхъ" и отъ „дурочекъ"; эти послѣднія не затѣвали шалостей, зато не являли и примѣровъ благочестія, но ограничивались тѣмъ, что то хохотали надъ продѣлками вмѣстѣ съ „чертенятами", то охали надъ ними вмѣстѣ съ „благоразумными", а когда дѣло доходило до отвѣта, то спѣшили кричать: „это не я, не я, не мы" [1]).

Между подругами Авроры были премилыя и пресимпатичныя дѣвочки изъ хорошихъ семей, и страницы, посвященныя въ *Исторіи моей жизни* воспоминаніямъ о нихъ, такъ задушевно и прекрасно написаны, что мы не станемъ ихъ тутъ

[1]) Неизвѣстно почему г. Скабичевскій въ своихъ статьяхъ о Ж. Сандъ, въ *От. Зап.* 1881 г., слово „bêtes"—*дурочки*, счелъ нужнымъ перевести словомъ „животныя", тогда какъ ясно, что это тѣ „глупышки", „кисели", или „ни рыба—ни мясо", которыя и въ нашихъ институтахъ и гимназіяхъ носятъ эту кличку въ отличіе отъ „примѣрныхъ" съ одной стороны, и отъ отчаянныхъ „сорви голова" съ другой.

пересказывать, тѣмъ болѣе, что не желая вообще пересказывать всего, что Жоржъ Сандъ говоритъ о своей монастырской жизни, мы отмѣчаемъ лишь тѣ элементы этой жизни, которые имѣли вліяніе на ея характеръ и развитіе нравственное и умственное. Съ очень многими изъ этихъ подругъ Аврора Дюпенъ сохранила дружескія и задушевныя отношенія и послѣ своего выхода изъ монастыря, точно также какъ и въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ, переписывалась со своей „духовной матерью“ Алисіей — сердечной и оригинальной женщиной, умѣвшей усмирить непокорную маленькую берришонку силой своей кротости, терпѣнія и любви.

Была еще одна сторона монастырской жизни, которая сильно отразилась на воспріимчивой натурѣ Авроры. Это была внѣшняя живописность и поэтичность католическаго монастыря. Весь этотъ лабиринтъ старыхъ построекъ, съ его ходами и переходами, галлереями, лѣстницами и таинственными закоулками, гдѣ въ полусумракѣ мерцали лампады; всѣ эти ниши, чердаки и подвалы; чистенькія келейки, наполненныя той пестрой и трогательной мишурой, которыми наивная вѣра украшаетъ предметы своего поклоненія, всѣми этими цвѣточками, свѣчечками, картиночками, фольгой и позолотой; церковь съ удивительной картиной Тиціана; садъ, полный душистыхъ цвѣтовъ и поэтической тишины, и дворикъ, сплошь вымощенный могильными плитами съ мрачными эмблемами; высокія стѣны, желѣзныя рѣшетки и тяжелыя, съ грохотомъ отворяющіяся двери,—все это не могло не очаровать безсознательнаго художника, какимъ уже была Аврора.

Замѣчательно, что и *обращеніе* къ религіи, происшедшее съ Авророй на второмъ году ея пребыванія въ монастырѣ, въ значительной степени зависѣло отъ силы этихъ чисто-художественныхъ впечатлѣній, и что внѣшняя поэзія католической церкви съиграла тутъ не малую роль. Втеченіе всего перваго года дѣвочка равнодушно относилась къ обязательному для всѣхъ выполненію обрядовъ и монастырскихъ религіозныхъ обычаевъ; она читала въ указанные часы молитвы, ходила съ другими воспитанницами въ церковь, писала вмѣстѣ съ ними т.-наз. „разсмотрѣнія совѣсти“ (examen de conscience) для духовника— то-есть маленькія письменныя покаянія въ ежедневныхъ маленькихъ грѣхахъ, кончавшіяся обязательными словами: „это моя вина, моя вина, моя величайшая вина“; присутствовала и на урокахъ катехизиса. Но душа ея во всемъ этомъ не участвовала, и Аврора часто, по примѣру другихъ подругъ, засыпала

на церковной скамейкѣ, или потихоньку шалила подъ звуки патерской рѣчи. Къ концу второго года, когда всѣ, кажется, продѣлки были передѣланы, и дѣвочка начинала тяготиться своимъ „чертовствомъ“,—она какъ-то случайно прочла въ подаренномъ ей Житіи Святыхъ житіе Симеона-Столпника, надъ которымъ нѣкогда такъ посмѣялся Вольтеръ. Аврору поразила та сила вѣры, которая заставила человѣка дойти до фанатическаго состоянія, похожаго на фанатизмъ индѣйскихъ факировъ. „Святость“ заинтересовала ее, такъ сказать, съ психологической стороны, и дѣвочка жадно стала читать *Житія*, ища въ нихъ разрѣшенія этой психологической загадки. Попробовала она вновь читать и Евангеліе, но оно не представляло для нея интереса новизны, она его слишкомъ хорошо знала, да еще съ атеистическими комментаріями бабушки, потому это чтеніе не произвело теперь на дѣвочку благотворнаго впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе почва была какъ бы подготовлена. И вотъ когда однажды Аврора, сбѣжавъ съ какого-то урока, случайно забрела въ полутемную церковь, гдѣ слабо мерцала лампада предъ картиной Тиціана, и одинокая монахиня смиренно молилась на каменномъ полу, Аврорѣ вдругъ послышалось, что таинственный голосъ произноситъ тѣ же знаменательныя слова, которыя слышалъ и блаж. Августинъ, что-то дрогнуло въ душѣ Авроры,—и, какъ откровеніе, снизошла въ нее „благодать“ вѣры.

Мы уже видѣли, какъ проснувшаяся въ маленькой дѣвочкѣ „жажда божественнаго“, потребность любить, вѣрить въ нѣчто всеблагое, вездѣсущее, возвышающееся надъ людьми съ ихъ себялюбивыми, мелкими страстями и постоянными измѣненіями, въ нѣчто вѣчное и абсолютное, привели ее къ созданію Коранбе. Теперь само Всеблагое, Вездѣсущее, Вѣчное и Абсолютное внезапно открылось ей, озарило ее ослѣпляющимъ свѣтомъ и переполнило ея сердце несказанной радостью. Это внезапное обращеніе совершенно потрясло и перевернуло всю натуру дѣвочки. Всѣ прежнія сомнѣнія—слишкомъ несвоевременныя и неумѣстныя въ тринадцатилѣтней головкѣ—были разомъ забыты, вся жизнь получила новое направленіе и смыслъ. Аврора неумѣла любить наполовину, а потому она отдалась счастью вѣрить съ увлеченіемъ, съ самозабвеніемъ, со страстью.

Она пошла къ своему духовнику, аббату Премору, умному и доброму человѣку, и сказала, что такъ какъ до сихъ поръ, какъ онъ хорошо знаетъ, она никогда не исповѣдывалась какъ слѣдуетъ, а потому никогда не получала отъ него и „разрѣшенія“, то проситъ его теперь, въ виду ея обращенія къ религіи,

исповѣдывать ее и „формально примирить съ церковью“. Аббатъ Преморъ былъ человѣкъ повидимому и проницательный и чуткій, онъ нетолько хорошо умѣлъ распознавать характеръ, наклонности и степень развитія каждой изъ своихъ духовныхъ чадъ, но умѣлъ и направлять каждую изъ довѣрившихся ему душъ сообразно этимъ наклонностямъ и чертамъ характера. Онъ сразу увидѣлъ, съ какою искреннею, глубокой и необузданной душею онъ имѣетъ дѣло, а потому онъ и отнесся къ ней не заурядно и не рутинно. Вмѣсто формальной исповѣди, онъ заставилъ Аврору подробно и откровенно, ничего не утаивая, разсказать всю ея предшествовавшую жизнь, всѣ ея душевныя страданія и испытанія, а по окончаніи этой „духовной бесѣды“ сказалъ, что не находитъ нужнымъ исповѣдовать Аврору въ мелкихъ повседневныхъ грѣхахъ и разрѣшаетъ ей на другой день причаститься, налагая на нее лишь обязательство отнынѣ уже самой заботиться о томъ, чтобы не утратить той высоты вѣры и того благочестія, въ которомъ она теперь находилась. Съ этого дня весь образъ жизни Авроры перемѣнился. Всѣ шалости и развлеченія теперь потеряли для нея всякую прелесть и смыслъ. Безъ малѣйшаго усилія воли она изъ „чертенка“ обратилась въ „примѣрную“. Удивительно ли, что она стала такъ же примѣрно учиться и работать, какъ ранѣе усердно шалила и бездѣльничала,—если съ утра до вечера она была поглощена теперь мыслью о самосовершенствованіи, объ исправленіи отъ всѣхъ грѣховныхъ наклонностей, о достиженіи идеала христіанской добродѣтели, которая одна могла бы служить выраженіемъ ея благодарности Творцу за обращеніе ея къ свѣту и истинѣ. Подруги Авроры однѣ удивились, другія обрадовались, третьи огорчились по поводу ея внезапнаго обращенія, но она сама почти равнодушно отнеслась къ ихъ одобреніямъ и порицаніямъ. Въ томъ состояніи блаженства отъ обрѣтенія „благодати“, въ которомъ находилась тогда Аврора,—всѣ людскія привязанности и интересы отступили какъ бы на задній планъ, она не то что разлюбила подругъ или охладѣла къ нимъ, но всѣ ея чувства точно заслонились одною всепоглощающею любовью къ Богу. Съ каждымъ днемъ ея вѣра становилась экзальтированнѣе; цѣлые часы проводила молодая дѣвушка въ экстатическихъ молитвахъ; исповѣдывалась и причащалась каждое воскресенье, а то и чаще; стала носить на шеѣ вмѣсто веригъ колючее филиграновое ожерелье, ранившее ее до крови. „Я чувствовала, говоритъ она, свѣжесть отъ капель крови, и вмѣсто боли—это было пріятнымъ ощущеніемъ.

Однимъ словомъ, я пребывала въ экстазѣ; мое тѣло было безчувственно, не существовало больше. Мысль развивалась до неестественныхъ и невозможныхъ размѣровъ. Была ли это даже мысль? Нѣтъ, мистики не думаютъ. Они постоянно мечтаютъ, созерцаютъ, стремятся, горятъ, они сгораютъ какъ лампады, и не умѣютъ отдать себѣ отчета въ такомъ образѣ жизни, совсѣмъ особомъ и ни съ чѣмъ несравнимомъ... [1]). И мало-помалу Аврора пришла къ рѣшенію посвятить себя Богу и постричься. Если уже до ея обращенія монастырская жизнь, спокойная, тихая, въ обществѣ кроткихъ безстрастныхъ существъ, казалась ей раемъ послѣ тяжелой жизни дома, преисполненной огорченій, тревогъ и непріятностей изъ-за безразсудной любви и вражды ея двухъ матерей, то теперь мысль о возможности провести всю остальную жизнь въ монастырѣ, вдали отъ міра съ его себялюбивыми страстями и мелкими личными интересами, среди посвятившихъ себя Богу подругъ—эта мысль все болѣе и болѣе стала овладѣвать Авророй. Движимая христіанскимъ чувствомъ, она подружилась съ самыми забитыми и презираемыми монастырскими послушницами, исполняя за нихъ самыя грубыя и грязныя работы, и находила необычайное утѣшеніе въ общеніи съ этими смиренными созданіями. Или же она проводила цѣлые часы съ самыми крошечными воспитанницами, помогая имъ вскапывать грядки и сажать цвѣты. Такимъ образомъ она почти все время проводила среди „малыхъ сихъ“ или съ „нищими духомъ“. Подруги Авроры съ удивленіемъ и презрѣніемъ смотрѣли на эти странныя занятія Авроры и говорили, что она поглупѣла. Онѣ не понимали, что эта страстная душа не могла спокойно вѣрить, спокойно любить Бога, что она стремилась быть христіанкой въ истинномъ смыслѣ слова, пожертвовать собою, пострадать, что она хотѣла во всякомъ своемъ дѣйствіи и шагѣ поступать согласно ученію Христа, любить „малыхъ сихъ“ *дѣятельною любовью*.

Мы не можемъ не остановить вниманіе читателя на томъ многознаменательномъ фактѣ, что первые шаги Авроры Дюпенъ на религіозномъ пути были запечатлѣны этою *дѣятельною любовью*, что она прежде всего восприняла изъ христіанства именно ту религію любви, которая составляетъ его глубочайшую сущность и къ которой Аврора безсознательно стремилась, создавая своего всеблагого Корансе, вѣчно занятаго помощью несчастнымъ, поддержкою слабыхъ, возвеличеніемъ угнетенныхъ. Дѣятельная

[1]) Исторія моей жизни, томъ III, стр. 196.

любовь къ ближнимъ не только была религіей наиболѣе подходящей душѣ Авроры—она была какъ бы самой *сущностью* этой души. Въ каждой душѣ есть свой атомъ божественнаго, тотъ основной кристаллъ, вокругъ котораго группируются всѣ остальныя душевныя свойства, въ граняхъ котораго отражается Великое Солнце. Въ душѣ Авроры Дюпенъ этимъ кристалломъ было состраданіе, безконечная доброта къ людямъ, *дѣятельная любовь*, та самая, о которой апостолъ Іоаннъ неустанно повторялъ на смертномъ одрѣ. И какъ горный ручей начинается изъ чистаго кристалла льда, тающаго отъ лучей солнца, и незамѣтно становится бурнымъ потокомъ, который уноситъ все, что попадается на его пути, такъ и все послѣдующее развитіе и вся послѣдующая дѣятельность и направленіе ума Жоржъ Санда создались изъ этой основной стороны ея духа. Дѣятельная любовь—это былъ тотъ родникъ, который таился въ ней среди безсознательныхъ дѣтскихъ мечтаній и хаоса дѣтскихъ чувствъ и мыслей, и теперь, вырвавшись наружу потокомъ, увлекъ за собою всѣ эти чувства и мысли. Свѣтлымъ ручьемъ прошла она черезъ всю юность Авроры Дюпенъ, черезъ смутные и темные годы ея замужества; обратившись потомъ въ свѣтлую, глубокую рѣку, отражала всѣ прекрасныя и грандіозныя соціальныя постройки нашего вѣка; потомъ чуть не увлекла Жоржъ Санда въ пучины революціонной тьмы... И, какъ безбрежныя, разливающія благодѣтельную жизнь на сотни верстъ, устья нашихъ русскихъ рѣкъ незамѣтно сливаются съ моремъ, такъ подъ конецъ жизни Жоржъ Сандъ эта безконечная любовь къ людямъ, расширившаяся, распространившаяся на все человѣчество, сдѣлала для нея незамѣтнымъ и почти радостнымъ переходъ въ Безбрежную Вѣчность. Дѣятельная любовь къ людямъ—вотъ корень всѣхъ увлеченій Жоржъ Сандъ соціальными ученіями, ея симпатій къ сенъ-симонистамъ, ея поклоненія Руссо и Ламеннэ, ея дружбы съ Пьеромъ Леру и Мишелемъ изъ Буржа и республиканскими дѣятелями 1848 г., ея сочувствія избранію въ президенты Республики Наполеона III, на котораго она смотрѣла какъ на защитника соціальныхъ интересовъ народа, въ противоположность разнымъ представителямъ партій различныхъ оттѣнковъ, болѣе заботившихся о политическихъ формахъ правленія, чѣмъ о благѣ массъ. Вотъ корень ея разногласія и даже ссоръ съ ея бывшими друзьями республиканцами въ 1870—71-хъ годахъ. Для нея всѣ партіи имѣли значеніе лишь постольку, поскольку онѣ являлись защитниками слабыхъ, угнетенныхъ, обездоленныхъ, борцами за безправныхъ. Какъ только

онѣ становились торжествующими, изгоняющими, мстящими, угнетающими, вносящими вражду и рознь въ жизнь—онѣ теряли ея сочувствіе. Она въ теченіе всей жизни болѣе сочувствовала республикѣ, какъ формѣ правленія, по ея мнѣнію, содержащей наиболѣе вѣроятій осчастливить народныя массы, являющейся выразительницей всѣхъ классовъ народа,—но тѣмъ не менѣе Жоржъ Сандъ никогда не была настоящей политической писательницей или борцемъ за республику. Мы уже указывали въ печати [1]) на эти наскучившія и несносныя, встрѣчающіяся во всѣхъ біографіяхъ Жоржъ Сандъ раздѣленія ея писательства на вѣчные три періода, съ внезапнымъ „увлеченіемъ соціальными идеями“ по срединѣ и „возвращеніемъ на путь безпритязательнаго писанія“ подъ конецъ. Это и несносно и совершенно невѣрно. Не менѣе часто встрѣчается указаніе на то, что Жоржъ Сандъ въ теченіе всего своего писательства находилась то подъ тѣмъ, то подъ другимъ мужскимъ вліяніемъ, и что слѣды такихъ вліяній замѣтны во всѣхъ ея писаніяхъ. Между тѣмъ будетъ гораздо справедливѣе просто сказать, что съ момента, когда Аврора Дюпенъ подняла грязныя ведра сестры Елены и понесла ихъ, желая помочь всѣми презираемой послушницѣ, и до того момента когда въ 1870—71 г. она разошлась со своими бывшими друзьями и порицала злодѣйства Коммуны такъ же горячо, какъ горячо привѣтствовала возвращеніе Республики,—Жоржъ Сандъ оставалась всегда вѣрна самой себѣ и всегда была соціалисткой въ смыслѣ проповѣди дѣятельной любви къ ближнимъ. И если она близко къ сердцу принимала ученія Ламеннэ, Мишеля и Леру, восторгалась ими, служила имъ въ своихъ романахъ и статьяхъ рупоромъ, если она основывала журналы и писала *бюллетени* для распространенія идей своихъ республиканскихъ друзей, то она же отступалась отъ этихъ друзей, когда они становились партійными говорунами, забывавшими о народѣ изъ-за личныхъ интересовъ (какъ Мишель), либо проводили эти идеи съ помощью штыковъ и кинжаловъ, какъ дѣятели 1870 годовъ, и когда интриги и дрязги партій заступали вопросы о благѣ народномъ, которое, по мнѣнію Жоржъ Сандъ превыше всякихъ формъ правленій. Политикомъ Жоржъ Сандъ *никогда не была*—этого не видятъ ни консерваторы, которые поставляютъ ей въ вину ея участіе въ правительствѣ 1848 г., ни либералы, которые ее за него

[1]) Между прочимъ на стр. „*Сѣв. Вѣст.*“, когда тамъ печаталась 8 и 9-ая главы этой книги, подъ заглавіемъ: „*Исторія, а не Легенда*“.

восхваляютъ. Пусть за это утвержденіе на насъ обрушиваются и тѣ и другіе, но мы ясно это видимъ изъ всей жизни и дѣятельности Жоржъ Сандъ. Политики,—будь они консерваторы или либералы,—это люди, убѣжденные въ своемъ знаніи истины и въ правѣ преслѣдовать другихъ за заблужденія, это—въ томъ или другомъ смыслѣ — представители воинствующей церкви, послѣдователи ап. Петра. Соціалисты—послѣдователи ап. Іоанна. Жоржъ Сандъ и была соціалисткой въ томъ же смыслѣ, какъ и само христіанство можетъ назваться ученіемъ соціальнымъ, особенно христіанство, какъ его понималъ ап. Іоаннъ. „Братіе, да любите другъ друга". Эта проповѣдь „Евангелія отъ Іоанна", составлявшая основу всѣхъ средневѣковыхъ соціальныхъ и христіанскихъ сектъ, отъ гусситовъ и моравскихъ братьевъ до масоновъ и карбонаріевъ, какъ извѣстно, является и глубочайшимъ выводомъ и заключеніемъ, къ которому пришелъ и Лессингъ въ своихъ философскихъ писаніяхъ послѣднихъ лѣтъ, какъ „*Testament Johannis*", „*Freimaurergespräche*" и др. Это же „Евангеліе отъ Іоанна" является основою всѣхъ религіозныхъ вѣрованій монаха Алексѣя въ жоржъ-сандовскомъ „*Спиридіонѣ*". Но не одинъ Алексѣй и его таинственный учитель,— всѣ представители сектъ, являющіеся такъ или иначе въ романахъ Жоржъ Сандъ: карбонаріи—въ „*Леліи*", гусситы и табориты въ—„*Консюэло*", „*Іоаннъ Жижкѣ*" и „*Прокопѣ*", иллюминаты и масоны—въ „*Граф. Рудольштадтской*"—все это проповѣдники „Евангелія отъ Іоанна". И когда подъ самый конецъ жизни Жоржъ Сандъ писала свои „*Впечатлѣнія и Воспоминанія*", она опять-таки говорила объ ап. Іоаннѣ и посвятила вдохновенныя страницы проповѣди этого евангелія любви. И если она увлекалась разсказами Листа и Мицкевича о религіозныхъ славянскихъ сектахъ; сочувствовала венгерцамъ, угнетаемымъ австрійцами, и полякамъ, покореннымъ русскими; видѣла вмѣстѣ съ Леру въ гусситахъ и таборитахъ дѣятельныхъ проповѣдниковъ христіанства, какъ соціальнаго ученія, и поэтому же поклонялась Ламеннэ и отдавала свое перо на защиту его противъ нападокъ Лерминье и другихъ представителей буржуазной морали,—то все это, повторяемъ, потому, что всѣ эти ученія, разсказы и проповѣди соотвѣтствовали ея собственнымъ стремленіямъ и идеаламъ. И всѣ эти идеи развились и выросли на почвѣ горячаго религіознаго чувства. Чувство это впослѣдствіи подверглось временному затемненію и даже упадку. Жоржъ Сандъ прошла черезъ періодъ жесточайшихъ сомнѣній, она съ годами совершенно отбросила всю обрядовую сторону религіи,

вышла изъ-подъ власти католицизма и стала деисткой и почти пантеисткой, но глубокая религіозность никогда не оставляла ее и этимъ она обязана столько же своей природѣ, сколько и монастырю. Неизвѣстно какое бы направленіе приняло ея развитіе, еслибы она всю молодость провела съ невѣрующей вольтерьянкой бабушкой, или суевѣрной матерью.

Итакъ осень 1818 г. Аврора проводила либо съ дѣтьми, которымъ помогала копаться въ землѣ, либо съ презираемыми послушницами, за которыхъ работала и которымъ давала уроки. Одна изъ этихъ послушницъ, фанатически-экзальтированная и совершенно неразвитая ирландка, пожертвовавшая всѣмъ, что ей было дорого и близко въ жизни, поступившая въ монастырь противъ воли всей своей семьи, отрекшаяся отъ этой семьи во имя Христово и видѣвшая въ слезахъ и упрекахъ своихъ родныхъ счастье (!), такъ какъ такимъ образомъ, проклятая отцемъ, освободившаяся отъ всѣхъ земныхъ привязанностей, она всецѣло предавалась одной Божественной любви,—эта фанатичка своими разсказами окончательно укрѣпила въ душѣ Авроры рѣшеніе отказаться отъ міра и постричься. Аврора объявила объ этомъ своему духовнику, абб. Премору, и своей „духовной матери“. Но ни тотъ, ни другая не придали этимъ словамъ излишняго значенія, посовѣтовали Аврорѣ не давать преждевременныхъ и поспѣшныхъ обѣтовъ, а главное отнюдь не говорить до поры до времени своимъ роднымъ о такомъ намѣреніи, чтобы не огорчить ихъ и чтобы самой впослѣдствіи не быть несчастной. Жоржъ Сандъ безконечно права, говоря, что ея духовникъ, къ счастью, не былъ ни фанатикомъ, ни даже правовѣрнымъ католикомъ, а іезуитомъ. Католическая религія ставитъ незыблемымъ догматомъ положеніе: „внѣ церкви нѣсть спасенія“. Іезуиты говорятъ: „всякій спасется по мѣрѣ своей искренности и добрыхъ намѣреній“. И Жоржъ Сандъ по этому поводу даетъ преинтересную характеристику іезуитскаго ордена, какъ „секты“, въ сущности совершенно подрывающей господствующую церковь, которую онъ стремился поддержать. Въ іезуитизмѣ есть принципъ индивидуальной свободы, которую отвергаетъ католицизмъ. Католицизмъ въ своемъ крайнемъ примѣненіи весь является *отрицаніемъ жизни*, основывается на эгоистически-обособленной заботѣ о спасеніи собственной души. Іезуитизмъ стремится согласовать вѣру съ индивидуальными способностями и наклонностями каждаго, а эти способности и наклонности сдѣлать рычагами и пособниками въ дѣлѣ общенія съ Богомъ каждой отдѣльной личности. Ж. Сандъ указываетъ

на то, что эта теорія имѣетъ обратную сторону медали—извѣстное іезуитское толкованіе объ „оправданіи средствъ во имя цѣли“, толкованіе, приведшее къ неменѣе извѣстнымъ злоупотребленіямъ, но Жоржъ Сандъ справедливо совѣтуетъ не судить политическихъ и религіозныхъ учрежденій по ихъ результатамъ, а тѣмъ паче аберраціямъ (иначе пришлось бы осудить и самое христіанство изъ-за ужасовъ инквизиціи и др. тому подобныхъ извращеній и неожиданныхъ результатовъ). Русскіе читатели,—особенно извѣстнаго направленія – возопіютъ, узнавъ о подобной защитѣ іезуитовъ со стороны Жоржъ Сандъ. Но мы можемъ только отдать справедливость ея безпристрастію и замѣтить, что по крайней мѣрѣ лично для судьбы Авроры Дюпенъ іезуитизмъ оказался благодѣтельнымъ учрежденіемъ. „Будь абб. Преморъ фанатикомъ—я была бы теперь мертвой или сумасшедшей“, пишетъ Жоржъ Сандъ. И всякій, знакомый хоть немного съ участью тѣхъ несчастныхъ, которые, произнеся слишкомъ поспѣшные обѣты въ юности, оказались на вѣки замурованными въ нестерпимую для всякаго свободнаго духа католическую монастырскую неволю,—тотъ не скажетъ, что слова эти преувеличены. Итальянскій писатель Верга въ своей задушевной, прелестной повѣсти *Capinera* („Пѣночка-черноголовка“) изобразилъ потрясающую трагедію молодой дѣвушки, по волѣ родныхъ и собственной неопытности неосторожно произнесшей преждевременный обѣтъ и постригшейся, а потомъ, когда ея сердце проснулось для жизни и любви, съ ужасомъ увидавшей себя заживо погребенной въ монастырѣ, дошедшей, послѣ невѣроятныхъ нравственныхъ мученій, до предѣла человѣческихъ страданій, до сумасшествія, заключенія въ монастырской темницѣ и смерти въ полномъ одиночествѣ, далеко отъ всякаго общенія съ міромъ живыхъ. А маленькая бѣдняжка *Capinera* была кроткая и простая душа, самая обыкновенная молодая итальянка средняго круга, лишь силою своей любви и цѣною ужасныхъ испытаній возвысившаяся надъ уровнемъ обыденнаго человѣчества. Представимъ себѣ на ея мѣстѣ страстную безпокойную душу, Аврору Дюпенъ, съ ея порывами и бурными контрастами, съ ея огнемъ и мощью, съ ея экзальтированнымъ воображеніемъ и вѣрой, съ минутами жгучихъ сомнѣній, съ ея скрытымъ художественнымъ дарованіемъ, ждавшимъ лишь случая выразиться! Какой ужасъ! И можно только безгранично радоваться, что абб. Преморъ былъ „менѣе правовѣренъ“, чѣмъ сама Аврора, и ничуть не отличался любовью къ прозелитизму, а наоборотъ, былъ добродушнымъ и немного свѣтскимъ іезуит-

скимъ священникомъ, болѣе безпокоившимся о томъ, чтобъ не разсердить родителей своихъ воспитанницъ, чѣмъ о томъ, чтобъ привлечь къ алтарю новую „невѣсту Христову". Но Аврора не умѣла ни любить, ни вѣрить умѣренно и аккуратно, она лишь умѣла любить чрезмѣрно, она стала „болѣе католична", чѣмъ ея духовникъ, вѣчно была недовольна собою, вѣчно боялась впасть то въ тотъ, то въ другой грѣхъ, съ утра до вечера анализировала себя и свое отношеніе къ Богу, однимъ словомъ, впала въ то состояніе, которое на монастырскомъ языкѣ называется „мелочностью" и которое мы назовемъ „самогрызеніемъ". Такое напряженное состояніе духа вскорѣ отозвалось и на здоровьи Авроры: она стала блѣднѣть, худѣть, страдать безсонницами, таять, какъ свѣчка. Это физическое недомоганіе въ свою очередь повлекло за собою и упадокъ нравственныхъ силъ. Аврора стала замѣчать въ себѣ ослабленіе вѣры, минуты духовной апатіи, безчувствія, которое она приняла за наказаніе, ниспосланное ей за какіе-то невѣдомые грѣхи, и съ ужасомъ стала каяться абб. Премору въ разныхъ несуществующихъ прегрѣшеніяхъ, мѣшающихъ ей попрежнему находиться въ мирѣ съ Богомъ и лишающихъ ее того постояннаго блаженнаго общенія съ Нимъ, въ которомъ она пребывала втеченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Тогда умный абб. Преморъ, въ силу своей духовной власти, *запретилъ* Аврорѣ простаивать на молитвѣ цѣлые часы, вмѣсто того, чтобы бѣгать съ подругами, запретилъ проводить всѣ рекреаціи на холодномъ каменномъ полу церкви, запретилъ всѣ эти излишнія самоистязанія и самогрызеніе, а *приказалъ* Аврорѣ, наоборотъ, *ввидѣ эпитеміи* вести образъ жизни болѣе соотвѣтственный ея возрасту и положенію: бѣгать и играть съ подругами, жить не замкнутой въ себѣ аскетической жизнью, а жить „на міру", однимъ словомъ, умѣть быть „благочестиво-веселой". „Богъ не любитъ болѣзненной вѣры и лихорадочныхъ молитвъ,—сказалъ онъ,—и лучшій даръ Ему спокойное и счастливое сердце". Абб. Преморъ отлично разгадалъ натуру Авроры съ ея всегдашней потребностью контрастовъ и переходовъ изъ одной крайности въ другую. Совѣтъ его пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Сначала Аврора играла въ лапту и мячикъ, только исполняя приказаніе духовника, потомъ втянулась въ эти игры, и вскорѣ опять сдѣлалась предводительницей монастырскихъ игръ. Благочестіе Авроры ничуть не пошатнулось и „чертовство" никогда болѣе не воскресло отъ всей этой возни съ подругами, такъ какъ это были уже не прежнія шалости и продѣлки. На-

оборотъ, никогда въ монастырскомъ институтѣ не царствовало такой откровенной веселости, какъ въ эти дни; всѣ, взрослыя и маленькія дѣвочки, соединились въ одну дружную семью, центромъ которой была Аврора. Въ самое короткое время къ ней вернулось здоровье, а съ нимъ и спокойная совѣсть и спокойная вѣра. Теперь она не истощала себя, не предавалась экстатическимъ молитвамъ, но дѣйствительно съумѣла въ любви и общеніи съ подругами найти ту гармонію духа, которая вернула ей „счастье довѣрчивой молитвы“. Никогда, по ея словамъ, не была она такъ счастлива и такъ любима всѣми, ибо,—прибавляетъ она, „такъ легко быть совершенно доброй когда чувствуешь себя совершенно счастливой...“ [1]), почти тѣми же словами выражая ту же мысль, что и Левъ Толстой, когда онъ говоритъ о Наташѣ Ростовой: „Она была на той высшей ступени счастья, когда человѣкъ дѣлается вполнѣ добръ и хорошъ...“ [2]).

Вскорѣ Аврора придумала новый родъ развлеченій, тотъ самый, какому она предавалась еще въ Ла-Шатрѣ у Дюверне, и съ тѣмъ увлеченіемъ, которое ясно выдавало въ ней правнучку актрисы де-Верьеръ и дочь Мориса и Софіи Дюпеновъ, игравшихъ постоянно одинъ на любительскихъ спектакляхъ, другая—на настоящихъ подмосткахъ. Аврора затѣяла ни болѣе, ни менѣе какъ спектакли въ монастырѣ! Сначала это были шарады и мимическія представленія съ переодѣваніями; потомъ Аврора стала разыгрывать съ подругами цѣлыя импровизированныя сцены собственнаго сочиненія; наконецъ задумала нѣчто гораздо болѣе серьезное, а именно: представить со свой труппой „Мнимаго Больнаго“ Мольера. Вотъ какъ это случилось: Настоятельница, г-жа Каннингъ, очень любившая посмотрѣть на изрѣдка и раньше устраивавшіеся въ монастырѣ спектакли, наслышавшись со всѣхъ сторонъ объ импровизированныхъ представленіяхъ Авроры Дюпенъ, объявила, что придетъ какъ-нибудь посмотрѣть, и разрѣшила вечернюю рекреацію продолжить до 12 часовъ. Молодая труппа не захотѣла ударить въ грязь лицомъ и обратилась къ Аврорѣ—всегдашней затѣйницѣ и наиболѣе „литературной“ изъ всѣхъ,—(какъ видно занятія подъ руководствомъ бабушки не остались безъ слѣда для дѣвочки и были замѣчены даже подругами ея!). Подруги просили, чтобы Аврора придумала что-нибудь необыкновенное. Въ день име-

[1]) Исторія моей жизни, томъ III, стр. 236.
[2]) „Война и Миръ“. Часть 3-ья. Глава XVII.

нинъ настоятельницы въ институтѣ бывали уже спектакли, и даже гораздо лучше обставленные, чѣмъ импровизированныя сцены Авроры. Но по большей части это были скучнѣйшія пьесы г-жи де-Жанлисъ, разыгрываемыя скорѣе въ качествѣ публичныхъ испытаній въ декламаціи, чѣмъ ради развлеченія. На этотъ разъ надо было что-нибудь иное, и вотъ маленькая будущая писательница задумала разыграть „Мнимаго Больнаго.“ У ней не было подъ руками сочиненій Мольера, да къ тому же Мольеръ былъ строго запрещенъ въ монастырѣ. Но Аврора читала „Больнаго“ съ бабушкой и много сценъ знала наизусть. За то монахини его не знали! И потому Аврора безнаказанно могла, полагаясь лишь на свою память, не называя автора и исключивъ весь любовный элементъ, (о недозволенности котораго на монастырской сценѣ она хорошо догадывалась) — попытаться поставить „Больнаго“. Задумано—сдѣлано! Аврора состряпала весь сценарій—частью изъ отрывковъ и кусочковъ, которые знала наизусть, частью изъ діалоговъ собственнаго сочиненія; соединила эти отрывки; кое-что сократила, кое-что прибавила; какъ дивертиссементъ прицѣпила и извѣстную сцену съ Monsieur de Pourceaugnac. Въ самое короткое время подруги Авроры все это разучили и срепетовали; каждая достала изъ дому что могла по части костюмовъ, аксессуаровъ и бутафорскихъ вещей; самымъ примитивнымъ образомъ, посредствомъ стульевъ, скамеекъ и ширмъ, устроили сцену. Самое трудное было устроить мужскіе костюмы такъ, чтобы они не шокировали монастырской добродѣтели и въ то же время изображали бы дѣйствительно мужскіе костюмы времени Людовика XIII, но и это уладили очень ловко и остроумно. И въ одинъ прекрасный вечеръ Аврора предстала предъ явившимся въ полномъ составѣ монастырскимъ начальствомъ въ видѣ Пюргона, а ея труппа въ видѣ остальныхъ мольеровскихъ персонажей. Пьеса, сошедшая за собственное произведеніе Авроры, была разыграна бойко, весело, съ увлеченіемъ. Успѣхъ былъ полный. Г-жа Каннингъ и всѣ монахини хохотали до слезъ. Даже и въ такомъ „исправленномъ и дополненномъ“ видѣ комическій геній Мольера увлекъ всѣхъ зрителей. Аврора была признана литературнымъ талантомъ и осыпана похвалами и поздравленіями, и разумѣется благоразумно промолчала о своемъ литературномъ самозванствѣ, дабы не навлечь запрещенія на всю свою театральную затѣю, еслибъ открылось, что авторъ не она, а самъ безбожникъ Мольеръ.

Мы нарочно остановились подольше на этомъ какъ будто

незначительномъ эпизодѣ, чтобы отмѣтить одну особенность въ характерѣ Авроры Дюпенъ, черту, которую легко прослѣдить съ ея ранняго дѣтства и до преклоннаго и даже старческаго возраста. Это—ея страсть къ театру и пристрастіе ко всему театральному. Ребенкомъ она играла въ „театръ" у Дюверне; подросткомъ ставила Мольера на монастырской сценѣ; сдѣлавшись писательницей, прежде всего взяла сюжеты и героевъ изъ театральнаго міра: въ первыхъ ея повѣстяхъ героини—актрисы, и цѣлыя страницы посвящены описанію закулисной жизни; въ зрѣломъ и старческомъ возрастѣ всѣ минуты отдыха Жоржъ Сандъ посвящала своему любимому развлеченію—устройству то импровизированныхъ, то настоящихъ спектаклей въ Ноганѣ, или съ увлеченіемъ смотрѣла на представленія маріонетокъ, организованныя ея сыномъ Морисомъ. А страницы въ „*Исторіи моей жизни*", повѣствующія о томъ, какъ Жоржъ Сандъ даже въ старости не могла безъ лихорадочнаго нетерпѣнія дождаться вечера въ дни, когда собиралась въ театръ, и о томъ, съ какой наивной радостью и дѣтской непосредственностью она слѣдила за представленіемъ, можно сравнить развѣ только съ знаменитыми строками Бѣлинскаго: „Любите ли вы театръ?"... и т. д.

Успѣхъ перваго представленія повлекъ за собою цѣлую серію другихъ. Въ монастырѣ только и было разговору, что о репетиціяхъ и спектакляхъ. Весь конецъ зимы 1820 г. прошелъ въ этихъ хлопотахъ и весельяхъ. Смерть герцога Беррійскаго, близко принятая къ сердцу всѣми благочестивыми „сестрами" и не менѣе благочестивыми семействами аристократическихъ воспитанницъ, положили конецъ этому веселому времяпровожденію, мало казалось бы соотвѣтствующему монастырской тишинѣ. Но для нравственнаго и физическаго здоровья Авроры вся эта возня и суета, отвлекшая ее отъ ея аскетическихъ идей, была донельзя благодѣтельна, уже не говоря о томъ, что импровизированное драматическое авторство было новымъ шагомъ безсознательнаго писательскаго развитія будущей Жоржъ Сандъ.

А тѣмъ временемъ бабушка Авроры пріѣхала въ Парижъ. До нея уже ранѣе доходили слухи объ „обращеніи" Авроры, ея религіозной экзальтаціи и благочестіи. Пока все это имѣло бурный, страстный, почти мрачный характеръ, бабушка не безпокоилась, справедливо ожидая, что въ такомъ напряженномъ состояніи Аврора долго не продержится и что все это „пройдетъ". Но когда теперь бабушка увидѣла, что внучка и веселится, и смѣется, и выѣзжаетъ съ бабушкой въ дни отпу-

сковъ, по относится очевидно равнодушно ко всему на свѣтѣ и мечтаетъ о возвращеніи въ стѣны монастыря, какъ о высшемъ счастьи, что религіозность ея приняла характеръ хроническій, и что дѣвушка даже мечтаетъ о постриженіи (это бабушка узнала черезъ одну изъ подругъ Авроры, Полину де-Понкарре)— тогда старая поклонница Вольтера испугалась, какъ бы ея внучка не сдѣлалась ханжей и не вздумала и въ самомъ дѣлѣ привести въ исполненіе своего рѣшенія постричься, и въ одинъ прекрасный день, въ концѣ февраля 1820 г., объявила Аврорѣ, что беретъ ее изъ монастыря. Это извѣстіе какъ громомъ поразило молоденькую мистичку, она была въ отчаяніи. Но та самая религія, во имя которой она хотѣла бы остаться, предписывала ей покоряться волѣ родителей, и она должна была послушаться бабушки. Она покинула монастырь съ твердымъ убѣжденіемъ и намѣреніемъ въ самомъ непродолжительномъ времени,—какъ только бабушка позволитъ—вернуться въ монастырь, чтобы уже окончательно поселиться въ немъ. Ни аббатъ Преморъ, ни мать Алисія не разубѣждали Аврору въ этомъ намѣреніи, но и не укрѣпляли ее въ немъ, они вновь совѣтовали ей не отчаяваться, не произносить никакихъ обѣтовъ, имѣть терпѣніе. „Если черезъ 3 года бабушка не выдастъ васъ замужъ, какъ она того хочетъ, а вы попрежнему захотите поступить въ монастырь, тогда милости просимъ“—сказалъ ей абб. Преморъ на прощанье,—а до тѣхъ поръ подождемъ, все само собой окажется“. Оно и оказалось, но совсѣмъ не то, что думала Аврора и на что̀ она разсчитывала.

Аврора покинула монастырь съ тоской и отчаяніемъ и была глубоко несчастна, пока оставалась съ бабушкой въ Парижѣ. Съ одной стороны, ее пугало намѣреніе бабушки подыскать ей „приличную партію“. Съ другой стороны, она испытала глубокое разочарованіе при свиданіяхъ съ матерью, которую она въ теченіе послѣднихъ 3 лѣтъ видала лишь изрѣдка. Мало того, что Аврора тотчасъ по выходѣ изъ монастыря замѣтила, что въ самое послѣднее время отношенія между бабушкой и матерью вновь обострились и что такимъ образомъ вновь окружитъ ее атмосфера ссоръ и дрязгъ, но кромѣ того Аврора вскорѣ съ горестью убѣдилась, насколько ея мать примирилась съ тѣмъ, что она, Аврора всецѣло принадлежала бабкѣ, а новая разлука съ дочерью ничуть ее не пугала. Софія-Антуанетта съ отвращеніемъ отказалась отъ просьбы дочери ѣхать съ нею и бабушкой въ Ноганъ и жестко прибавила, что поѣдетъ туда „лишь когда свекровь умретъ“. Эти рѣзкія

слова больно поразили молодую дѣвушку, совсѣмъ отвыкшую отъ подобныхъ вульгарныхъ выходокъ и грубостей. Аврора убѣдилась, насколько чужда ей стала ея мать, и съ тѣмъ большею грустью простилась съ монастыремъ, гдѣ ее окружала такая свѣтлая и теплая атмосфера всеобщей любви и пріятныхъ, мягкихъ отношеній.

Въ началѣ весны 1820 г. пріѣхала Аврора съ бабкой въ Ноганъ. Она разсказываетъ въ „*Исторіи моей жизни*", что когда она проснулась на другое утро въ своей бывшей дѣтской, въ громадной старой кровати подъ балдахиномъ, среди разныхъ старинныхъ вещей, наполнявшихъ комнату, то первое чувство, которое охватило ее при взглядѣ на всѣ эти знакомыя старыя вещи и на свѣтлое, чудное весеннее утро, смотрѣвшее въ окно, — было отчаяніе, а первое, что она сдѣлала — было залиться слезами. Была ли это тоска по покинутой монастырской жизни, или робость предъ жизнью новой, или страхъ и надежда на будущее, — неизвѣстно. Но несмотря на то, что Жоржъ Сандъ останавливается на этихъ слезахъ и подчеркиваетъ эту несвоевременную грусть, тѣ страницы „*Исторіи*", гдѣ она говоритъ объ этомъ своемъ пробужденіи въ дѣтской, ставшей ея дѣвической комнатой, полной старинныхъ воспоминаній и весенняго солнца, — эти страницы дышатъ необычайной свѣжестью и точно трепещутъ ожиданіями молодой жизни, и всякій разъ, что мы ихъ перечитываемъ, мы невольно сравниваемъ эти страницы дѣйствительныхъ воспоминаній съ прелестнымъ описаніемъ пробужденія юной героини въ „*Une Vie*" Мопассана на другой день ея прибытія въ родной замокъ. И даже годы (20-ые нашего вѣка) и обстановка, описанная тамъ и тутъ, настолько тождественны, что мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, объ этой главѣ *Une Vie*, когда читаемъ „*Исторію моей жизни*" и наоборотъ! Точно также отмѣтимъ, что приводимыя въ слѣдующихъ главахъ „*Исторіи*" выдержки изъ переписки Авроры съ одной изъ ея монастырскихъ подругъ словно вырваны изъ первыхъ главъ бальзаковскихъ „*Mémoires des deux jeunes mariées*". Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Жоржъ Сандъ дала кое-какіе матеріалы Бальзаку для этого его романа, *который кстати и посвященъ ей*. Въ немъ очень много эпизодовъ, чертъ и событій или совершенно тождественныхъ съ событіями дѣвической жизни самой Авроры, или точно выписанныхъ изъ писемъ ея подругъ: барышенъ Базуанъ, Элизы Анстеръ и друг. Возвратимся однако къ пребыванію 16-лѣтней Авроры въ Ноганѣ. Хотя она и всплакнула при пробужденіи,

но когда она очутилась среди едва распускавшихся ноганскихъ лѣсовъ и покрытыхъ весенними цвѣтами полей, увидѣла всѣхъ своихъ бывшихъ деревенскихъ подругъ, стараго Дешартра, любимыхъ своихъ собакъ, когда ей въ лицо

...„пахнуло и жизнью и волей"

воздухомъ, весной, солнцемъ,—тогда она забыла о своихъ огорченіяхъ и неудавшемся постриженіи и вся отдалась радостямъ свободы. Первое время она почти исключительно проводила въ поляхъ и лугахъ, спѣшила повидать всѣ свои любимые уголки и всѣхъ своихъ деревенскихъ пріятельницъ. Потомъ пріѣхала въ Ноганъ ея подруга Полина де-Понкарре съ матерью, старый шевалье де-Лаку (chevalier de Lacoux), учившій Аврору играть на арфѣ, и г. де-Тремовиль, устроившій для забавы старушки Дюпенъ спектакль, въ которомъ Аврора опять-таки играла мужскую роль, „пастушка Колена". Лѣто прошло въ этихъ развлеченіяхъ. Аврора попыталась было съ первыхъ же дней распредѣлить часы своихъ занятій и продолжать заниматься и дома музыкой, рисованіемъ, исторіей, англійскимъ и итальянскимъ языками, но изъ этихъ намѣреній на первыхъ порахъ ничего не вышло.

Потомъ пріѣхалъ на побывку Ипполитъ, ставшій бравымъ молодымъ офицеромъ. Онъ вздумалъ учить сестру верховой ѣздѣ, и въ короткое время Аврора не только выучилась ѣздить на самыхъ горячихъ лошадяхъ, но и сдѣлалась первоклассной и безстрашной наѣздницей. И этотъ спортъ, которому въ теченіе долгихъ лѣтъ съ увлеченіемъ предавалась Аврора, имѣлъ громадное значеніе въ жизни будущей Ж. Сандъ, какъ мы вскорѣ увидимъ [1]). Настала осень, Ипполитъ уѣхалъ, и Аврора провела всю зиму и весь годъ втроемъ съ Дешартромъ и бабушкой, здоровье которой съ каждымъ днемъ ослабѣвало. Старушка заставляла себя еще, по усвоенной въ теченіе долгой жизни строгой свѣтской дисциплинѣ, въ дни пріѣзда гостей подтянуться, одѣться въ нарядное платье, надѣть брилліантовыя серьги, слегка подрумяниться и выходить къ обѣду, а потомъ въ гостиной „вести свой салонъ", т.-е. втеченіе нѣсколькихъ часовъ любезно разговаривать съ гостями, ничѣмъ не выдавая своего утомленія или болѣзни. Но это становилось

[1]) „Это физическое занятіе, говоритъ она сама, должно было впослѣдствіи оказать большое вліяніе на мой характеръ и умственныя привычки". („*Исторія*", т. III стр. 264).

для старушки все затруднительнѣе, и она должна была запираться цѣлыми часами въ своихъ аппартаментахъ, чтобы отдохнуть отъ такихъ, уже тяжелыхъ для нея, часовъ „парада". Съ наступленіемъ осени старушка совсѣмъ перестала выходить изъ своей комнаты, и Аврора цѣлые часы проводила съ нею, то читая ей вслухъ, то играя съ нею и Дешартромъ въ грабюжъ, то играя на арфѣ или фортепьяно, а то просто разговаривая о разныхъ предметахъ. И вотъ молодая дѣвушка прежде всего замѣтила, насколько было недостаточно ея монастырское образованіе, сравнительно съ тѣми знаніями, какими обладала бабушка. И Аврора ревностно принялась учиться. Заниматься ей приходилось лишь послѣ 10 часовъ вечера, когда старушка приступала къ торжественному раздѣванію и облаченію своему въ ночное убранство. Двѣ горничныя одѣвали ее въ стеганную атласную душегрѣйку, надѣвали ей нарядный чепецъ, ленты, подавали особые „ночные" кружевные платки, „ночные" перстни и табакерку и усаживали, прислонивъ къ цѣлой горѣ кружевныхъ подушекъ. Это была настоящая церемонія, продолжавшаяся часа два, такъ что засыпала старушка только около полуночи. Но уже съ 10 часовъ Аврора была свободна; и въ эти тихіе ночные часы,—часто до 2—3 часовъ,—она и старалась наверстать потерянное время и пополнить пробѣлы своего образованія. Она читала все, что бабушка совѣтовала ей, и, какъ нѣкогда сама Марія Аврора, дѣлала выписки, резюме прочитаннаго. Потомъ играла на арфѣ въ своей комнаткѣ, разбирала à livre ouvert партитуры, вообще старалась не только не отстать въ деревнѣ отъ своихъ интеллектуальныхъ привычекъ, но подвигаться впередъ на пути самообразованія и развитія своихъ способностей. Но тѣмъ не менѣе сначала Аврорѣ было очень тяжело, такъ-какъ она слишкомъ привыкла къ обществу многочисленныхъ подругъ, и она тосковала по монастырѣ, какъ другіе тоскуютъ по родинѣ, ибо лишь въ монастырѣ нашла она счастье и покой. „Мое сердце", говоритъ она, „точно пріобрѣло привычку любить за разъ нѣсколькихъ лицъ и отдавать имъ, или получать отъ нихъ все новый запасъ добраго расположенія и веселости"...—и вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: „жизнь вмѣстѣ съ существами тихо-любимыми и тихо-любящими—это идеалъ счастья..." [1]). И этого счастья ей не хватало, она тосковала и не понимала, отчего она, занятая съ утра до вечера, тоскуетъ. Къ счастью для нея, настала пора поближе узнать и

[1]) „Исторія", т. III стр. 267—268.

оцѣнить бабушку. И эти послѣдніе полтора года жизни Маріи-Авроры Саксонской, проведенные ею съ внучкой, имѣли громадное значеніе въ душевномъ развитіи Авроры Дюпенъ. „Моя привязанность къ ней развивалась необыкновенно. Я поняла наконецъ ее, тайну ея нѣжной материнской слабости, я болѣе не видѣла въ ней ту холодную „вольнодумку", о которой преувеличенно говорила мнѣ мать,—наоборотъ, я видѣла женщину нервную, тонко чувствительную, которая заставляла страдать лишь потому, что она сама страдала любя". Аврора съумѣла понять, какая это была превосходная, умная, деликатная и развитая женщина, съумѣла уже отдѣлить всѣ мелочныя внѣшнія черты, привитыя воспитаніемъ и жизнью въ свѣтской замкнутой средѣ, отъ основныхъ, крупныхъ и прекрасныхъ, душевныхъ чертъ бабушки. Она поняла, какой это былъ серьезный и глубокій умъ, какая нѣжная и чуткая душа въ слабомъ и изнѣженномъ тѣлѣ. „Освободившись отъ темноты ребячества, я наконецъ могла воспользоваться ея нравственнымъ вліяніемъ и благодѣяніемъ умственнаго общенія съ ней". И Аврора всѣмъ сердцемъ привязалась къ бабушкѣ, и единственнымъ ея желаніемъ было заслужить ея одобреніе и сдѣлаться похожей на нее.

Къ несчастью, Аврора не долго могла пользоваться этимъ благодѣтельнымъ общеніемъ и находиться подъ этимъ благотворнымъ вліяніемъ. Однажды вечеромъ, когда Аврора читала вслухъ „*Духъ Христіанства*" Шатобріана, а старушка, какъ всегда, тонко и остроумно комментировала читаемое, вдругъ она прервала внучку, сказавъ что то совершенно несообразное. Она бредила. Черезъ минуту она пришла въ себя и поразила Аврору еще болѣе, сообщивъ ей, что отклонила предложеніе одного стараго, высокопоставленнаго наполеоновскаго генерала, сватавшагося за Аврору черезъ ея кузена Рене де-Вильнева, и отклонила это предложеніе не потому, что женихъ былъ старъ и раненъ, а единственно потому, что онъ ставилъ условіемъ, чтобы Аврора не видѣлась съ матерью. И послѣ этого старушка окончательно привлекла къ себѣ сердце внучки, чистосердечно сознавшись, насколько несправедливо она, Марія-Аврора, поступала, когда отстраняла ее отъ матери. Но при этомъ она объяснила Аврорѣ и свои побудительныя къ тому причины, и свои опасенія за судьбу дѣвочки, еслибъ она осталась съ матерью, и свою тревогу по поводу прошлогодняго мистицизма Авроры. Теперь же, видя разумность ея, ея любовь къ умственнымъ занятіямъ и спо-

койную набожность, старушка, по ея словамъ, была и сама спокойна за внучку и потому и не торопитъ ее выходить замужъ, а значитъ и Аврора можетъ не безпокоиться.

Эта самокритика и чистосердечное покаяніе были до такой степени не въ привычкахъ бабушки и такъ поразили Аврору, что, отправившись къ себѣ и занимаясь музыкой, она невольно и радовалась какъ бы побѣдѣ, одержанной надъ бабушкой, и пугалась необычайности всего происшедшаго. Она такъ безпокоилась, что даже сошла вновь внизъ посмотрѣть, спитъ ли бабушка. Все было тихо. На утро однако Аврору разбудилъ Дешартръ, который сообщилъ, что ночью бабушку постигъ ударъ, что теперь старушку отогрѣли и привели въ себя, но что она наполовину парализована. И хотя, благодаря медицинской помощи и заботливому уходу, старушка черезъ нѣсколько недѣль стала владѣть парализованными конечностями, а лѣтомъ была даже въ состояніи немного двигаться и сидѣть въ саду, но тѣмъ не менѣе съ этого дня она уже не жила, а лишь доживала свои послѣдніе дни, медленно и постепенно приближаясь къ небытію. Вѣрнѣе сказать, она уже вступила въ него, ибо на другой же день послѣ того, какъ съ ней случился ударъ, Дешартръ, къ ужасу и отчаянію Авроры, констатировалъ, что пустяки, которые старушка болтаетъ, не бредъ, а начинающееся *дѣтство*. Такимъ образомъ Аврора внезапно очутилась хозяйкой дома и въ теченіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ оставалась полной госпожей своей собственной жизни. И мы теперь же останавливаемъ вниманіе читателя на томъ значеніи, какое имѣли эти десять мѣсяцевъ почти абсолютной индивидуальной свободы для развитія ума, характера и привычекъ будущей Жоржъ Сандъ.

Въ послѣдніе дни передъ болѣзнью бабушки Аврора читала ей вслухъ книгу Шатобріана. Просиживая долгія ночи въ комнатѣ больной, она сначала одна дочитала книгу, а потомъ вновь перечитала ее и была поражена и увлечена красотой и поэзіей, въ которыя облечено „Христіанство“ въ книгѣ Шатобріана. Это было что-то совсѣмъ непохожее на то, что понималъ подъ христіанствомъ Герсонъ, авторъ „*Подражанія Іисусу Христу*“, которое было до сихъ поръ настольной книгой и путеводной нитью въ жизни Авроры. „Не люби ничего и никого; не заботься ни о чемъ; брось всѣ занятія наукой и искусствомъ; оставь всѣ людскія привязанности; унизься: преклонись; смирись; сравняйся съ прахомъ; предъ Богомъ красота, умъ, знаніе—все ничто, тлѣнъ и суета“,—вотъ чему училъ Герсонъ. „Возвышай свою душу; украшай свой умъ; развивай свои спо-

собности; прославляй Бога всѣмъ, что есть прекраснаго въ тебѣ; люби людей, природу, жизнь; знаніе, искусство и красота все это проявленіе Божества въ людяхъ, они возвышаютъ человѣка и приближаютъ его къ Богу. Надо понимать Бога, чтобы любить Его. Надо любить людей и все прекрасное, чтобы понять христіанство. Христіанство это религія высшей поэзіи и красоты“...— говорилъ Шатобріанъ. Аврора ужаснулась, отдавъ себѣ отчетъ въ этомъ противорѣчіи, и впервые увидѣла, къ чему привело ее абсолютное преклоненіе предъ авторитетомъ католической церкви и желаніе слѣдовать предписаніямъ Герсона. Аврора увидѣла, что она мысленно отстранила себя отъ своего семейства, обманула и обманывала бабушку, покоряясь ей наружно и продолжая *про себя* готовиться къ монашеству; она жила эгоистическими мечтами о собственномъ блаженствѣ и спасеніи души; она завѣдомо хотѣла „отупить“ себя,—все это шло въ разрѣзъ съ тѣмъ, чего желала бабушка, и съ тѣмъ, чему Аврора и сама инстинктивно симпатизировала. Какое-то ужасное противорѣчіе и какъ бы *половинчатость* увидѣла Аврора въ своей жизни за послѣднее время. Съ одной стороны инстинктъ и чувство заставляли ее не только симпатизировать бабушкѣ и ея убѣжденіямъ и вкусамъ, но твердо вѣрить, что несмотря на все свое свободомысліе и совершенное отчужденіе отъ церкви— бабушка не можетъ быть проклятой Богомъ грѣшницей. Точно также привычка, пріобрѣтенная въ монастырѣ, заставляла и дома продолжать занятія изящными искусствами и чтеніемъ. Съ другой стороны—съ точки зрѣнія католическаго правовѣрія—бабушка была богопротивной атеисткой, всѣ ея убѣжденія—еретическими, а занятія самой Авроры исторіей, литературой, искусствами, вся ея жизнь, всѣ ея привязанности—суетою, рядомъ дѣйствій, шедшихъ совершенно въ разрѣзъ съ истинною жизнью христіанскою, какъ ее понималъ Герсонъ. Чтобы быть послѣдовательною, Аврора должна была бы, какъ сестра Елена, порвать съ бабушкой и матерью, растоптать ихъ сердца, отречься отъ всѣхъ привязанностей, уйти изъ міра. Аврора этого не сдѣлала, потому что ее отговорили абб. Преморъ и мать Алисія. Значитъ абб. Преморъ и мать Алисія исповѣдывали какую-то *относительную* истину, какъ и Шатобріанъ, а истина *абсолютная* была на сторонѣ Герсона? Но Аврора чувствовала себя уже не въ силахъ безропотно отказаться отъ всѣхъ умственныхъ интересовъ, а еще болѣе—осудить бабушку за то, что она не исполняетъ обрядовъ и таинствъ. Одно время Аврора подумала было уговорить бабушку исповѣдоваться и причаститься, дабы

не дозволить ей умереть безъ покаянія, и тѣмъ исполнить относительно ея свой христіанскій долгъ. Но Аврора во̀-время одумалась, понявъ, какимъ жестокимъ ударомъ для старушки былъ бы этотъ разговоръ о возможности ея близкой смерти. И изъ этого разногласія между чувствомъ и правилами вѣры, которой Аврора хотѣла держаться, она опять убѣдилась, что существуетъ какое-то основное недоразумѣніе и противорѣчіе въ ея душѣ. Она письменно обратилась къ абб. Премору, прося его разъяснить это противорѣчіе, указать ей, какъ ей думать и поступать относительно бабушки, а главное разрѣшить вопросъ, смѣетъ-ли она, Аврора, читать разныхъ свѣтскихъ авторовъ, философовъ и поэтовъ, и не погрѣшитъ ли она своими *знаніями* противъ предписываемаго церковью смиренномудрія. Абб. Преморъ отвѣчалъ ей нетолько разумно и съ полнымъ пониманіемъ ея натуры, но и очень остроумно. Онъ посмѣялся надъ ея страхомъ возгордиться своими „знаніями", ибо „кажется, они еще весьма незначительны", совѣтовалъ руководиться относительно бабушки лишь побужденіями сердечными, ибо „нельзя желать лучшаго руководителя для христіанина, какъ доброта сердечная", и въ заключеніе „благословлялъ" Аврору читать сколько угодно, такъ какъ истинная вѣра не можетъ пошатнуться отъ какого бы то ни было чтенія.

Тогда Аврора запоемъ принялась читать все, что только могла найти въ бабушкиной библіотекѣ, за исключеніемъ тѣхъ книгъ, о которыхъ бабушка заранѣе говорила, что проситъ ихъ не трогать [1]). Аврора прочла разомъ: Мабли, Локка, Кондильяка, Монтескье, Бэкона, Боссюэ, Аристотеля, Лейбница, Паскаля и Монтаня; потомъ принялась за поэтовъ, за Ла-Брюйэра, Попа, Мильтона, Данте, Виргилія, Шекспира, и наконецъ заключила весь этотъ винигретъ—„*Эмилемъ*", „*Исповѣданіемъ савойскаго священника*", „*Письмами съ Горы*", „*Общественнымъ Договоромъ*" и „*Рѣчами*" Жанъ-Жака!! Жоржъ Сандъ съ большимъ краснорѣчіемъ толкуетъ въ „*Исторіи моей жизни*" о томъ переворотѣ, который произошелъ въ ея душѣ подъ вліяніемъ

[1]) Такъ напр. бабушка просила Аврору до 30 лѣтъ не читать Вольтера,—и Жоржъ Сандъ свято исполнила эту просьбу,—за что теперешнія барышни, считающія „вздоромъ" и „деспотизмомъ" всякія цензурныя огражденія со стороны родителей,—даже въ 17 лѣтъ,—вѣроятно поднимутъ ее на смѣхъ. (См. „Исторію" томъ III, стр. 313—314). Г. Кирпичниковъ въ своей статьѣ о Ж. С. въ „*Исторіи всеобщей Литературы*" ошибочно относитъ этотъ фактъ къ *матери* Ж. Сандъ, говоря, что это *она* просила Аврору не читать Вольтера до поры до времени. По всей вѣроятности Софія понятія даже не имѣла о немъ.

этого, довольно-таки хаотическаго, чтенія и о томъ, какъ это чтеніе мало-по-малу отдалило ее отъ религіи или по крайней мѣрѣ отъ католицизма. Послѣднее справедливо. Что касается до философскаго вліянія всѣхъ этихъ авторовъ на развитіе ея мысли и установленіе ея міровоззрѣнія, то намъ кажется, что изъ страницъ „*Исторіи моей жизни*", повѣствующихъ объ этомъ чтеніи, явствуетъ одно: что семнадцатилѣтняя Аврора съ жадной любознательностью накинулась на все, что ни попадало ей подъ руку, но усвоить могла лишь то, что было ей по ея тогдашнимъ средствамъ и силамъ. Поэты, какъ Шатобріанъ, Байронъ, Мильтонъ, Мольеръ отчасти Шекспиръ—несомнѣнно увлекали ее больше всего. Произведенія прекрасныя и увлекательныя по формѣ, какъ „*Рене*" или „*Духъ Христіанства*"; изображенія героевъ, проникнутыхъ міровою скорбью, разочарованіемъ, вродѣ Гамлета и героевъ Байрона; „*Мизантропъ*" и Мильтоновскій Сатана съ его сверкающей, мрачной красотой; Руссо со своими проповѣдями братства, простой жизни и возврата къ природѣ, со своими огненными декламаціями,—вотъ что увлекало безсознательнаго художника, который просыпался тогда въ молодой дѣвушкѣ. Франклинъ (о которомъ Жоржъ Сандъ не упоминаетъ въ этомъ мѣстѣ своей „*Исторіи*", но которымъ она тогда не только зачитывалась, но и увлекалась [1]), не могъ не поразить и не привлечь ее своими чистыми, полу-христіанскими, полу-стоическими идеалами и наставленіями. Но философія и наука—удѣлъ взрослыхъ народовъ и взрослыхъ людей. Народы въ юношескомъ возрастѣ и юноши воспринимаютъ истину лишь въ формѣ искусства, образной красоты. Поэты же, по самой сущности своей природы, съ трудомъ воспринимаютъ идеи, не облеченныя въ образную красоту. Аврора была полу-ребенкомъ, полу-поэтомъ въ тѣ годы и потому понятно, что поэты или краснорѣчивые проповѣдники, въ родѣ Руссо, имѣли на нее несравненно сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ чистые мыслители. Какъ ни старалась Аврора проникнуть въ философскія идеи Локка, Мабли и Лейбница, какъ ни покушалась подготовиться къ пониманію грандіозной системы послѣдняго, принявшись даже за изученіе физики, химіи и математики подъ руководствомъ Де-

[1]) См. ея письмо къ Сентъ-Беву отъ 4 апрѣля 1835 г. съ окончаніемъ отъ 14 Апрѣля. Они были напечатаны г. Шарлемъ де-Ломени младшимъ въ Nouvelle Revue 1895 и перепечатаны въ книгѣ де-Спульберка „Veritable Histoire" и въ томикѣ Леви: „*Письма къ Мюссе и Сентъ-Беву*". О нихъ мы еще будемъ говорить ниже, когда приведемъ и самыя слова Ж. Сандъ о чтеніи ею Франклина. См. главу VII.

шартра, который съ величайшей охотой и умѣніемъ принялся объяснять теоремы и аксіомы своей нѣкогда непокорной, а нынѣ прилежной ученицѣ,—однако изъ этихъ похвальныхъ намѣреній ничего не вышло. Математическихъ способностей у Авроры не было, серьезнаго желанія и умѣнія учиться—еще менѣе. Она была слишкомъ художницей и слишкомъ по-диллетантски относилась къ наукѣ. Она прекратила уроки съ Дешартромъ, и нельзя сказать, чтобы черезчуръ мучилась отъ неполнаго пониманія философскихъ построеній Лейбница и Мабли. Тѣмъ охотнѣе погрузилась она въ Руссо. И мы должны сказать, что такое отношеніе къ наукѣ и разнымъ философскиить системамъ Жоржъ Сандъ въ сущности сохранила въ теченіе всей своей жизни. Какъ истая женщина, она скорѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ схватывала изъ нихъ все то, что подходило къ ея художнической натурѣ или альтруистическому складу души,—остальное она отбрасывала, мало заботясь о стройности или ясности подобной *упрощенной* доктрины, и, становясь по временамъ горячимъ и совершеннымъ адептомъ иныхъ писателей или ученій, она лишь холодно, головнымъ образомъ, отдавала справедливость другимъ, не менѣе великимъ умамъ. „*Есть натуры*, говоритъ она, *которыя никогда не овладѣваютъ нѣкоторыми другими натурами, какъ бы онѣ не были возвышены.* И это не зависитъ, какъ можно бы думать, отъ антипатій въ характерахъ, еще менѣе увлекающее вліяніе нѣкоторыхъ геніальныхъ умовъ зависитъ отъ одинаковости ихъ организацій съ тѣми, кого они увлекаютъ“ [1]). (Такъ, по ея словамъ, она никогда не могла сочувствовать частной жизни Жанъ-Жака,—и тѣмъ не менѣе съ этого уже времени она сдѣлалась, и всегда осталась, его ревностной послѣдовательницей). Только что цитированныя слова, чрезвычайно мѣтко характеризующія тогдашнее отношеніе Авроры къ читаемымъ авторамъ, въ сущности имѣютъ значеніе и для всей послѣдующей ея жизни и ихъ также слѣдуетъ не забывать всѣмъ тѣмъ, кто такъ охотно толкуетъ о легкости, съ которой Жоржъ Сандъ подпадала разнымъ вліяніямъ втеченіе всей своей писательской карьеры. Въ томъ то и дѣло, что „подпадала“ она лишь тѣмъ вліяніямъ, которыя были родственны ей по натурѣ, складу и направленію ума.

Какъ бы то ни было, а 1821 годъ былъ знаменательнымъ годомъ въ жизни Авроры Дюпенъ. Послѣ полубезсознательныхъ грёзъ дѣтства, послѣ экзальтированно-мистическихъ мечтаній

[1]) „Исторія“, т. III, стр. 314.

послѣднихъ двухъ лѣтъ, ея душа проснулась къ сознательной интеллигентной жизни и сознательному наслажденію поэзіей и искусствомъ.

Самый образъ жизни Авроры втеченіе тѣхъ десяти мѣсяцевъ, что бабушка ея провела между жизнью и смертью,—былъ болѣе чѣмъ необычайный. Такъ какъ впавшая въ дѣтство бабушка требовала присутствія и дежурства внучки день и ночь; и такъ какъ утративъ всякое представленіе о времени, свѣтѣ и тьмѣ, она часто среди ночи требовала, чтобы съ ней говорили или играли въ карты; вообще такъ какъ никогда нельзя было ручаться, что она не позоветъ,—то Аврора сначала ограничила свой сонъ до послѣдней возможности, а потомъ стала попеременно съ Дешартромъ спать лишь черезъ ночь и проводить по 24 и 48 часовъ вовсе безъ сна. Для того, чтобы поддержать себя въ эти безсонныя ночи, она заставляла себя нюхать и курить табакъ, и пила страшно-крѣпкій кофе и даже водку. Но все это помогало мало и приводило лишь къ бо̀льшему упадку силъ. Тогда Дешартръ, замѣчавшій, что съ одной стороны вслѣдствіе болѣзни бабушки Аврора, лишенная всякаго общенія и обмѣна живыми мыслями съ людьми,—скучаетъ, а съ другой, что безсонныя ночи и отсутствіе движенія подтачиваютъ ея здоровье,—Дешартръ вспомнилъ о ея прошлогоднемъ увлеченіи верховой ѣздой и посовѣтовалъ ей вновь заняться ею. Онъ приставилъ къ Аврорѣ маленькаго грума Андрея, котораго предварительно хорошенько выдресировалъ, и сталъ поочереди давать чуть ли не всѣхъ молодыхъ лошадей Аврорѣ для выѣздки, но чаще всего ея любимую лошадь *Колетту*. И вотъ, едва выспавшись часа три-четыре (привычка, которая впослѣдствіи сослужила ей не малую службу, когда ей цѣлыми ночами напролетъ приходилось работать), и вставъ до зари, чтобы къ пробужденію бабушки вновь быть дома, Аврора стала совершать длинныя верховыя прогулки. Она съ увлеченіемъ вновь предалась своему любимому спорту, и то вихремъ неслась по полямъ,—такъ что маленькій грумъ выбивался изъ силъ, стараясь поспѣть за нею,—то, опустивъ поводья и предоставивъ себя на волю своей умной лошадки, чуть подвигалась впередъ медленнымъ шагомъ, погрузившись въ созерцаніе окружающей природы и въ мечтанія, изъ которыхъ ея почтительный спутникъ не дерзалъ пробудить ее ни единымъ словомъ, тихо плетясь за нею на своей лошади. Эти ежедневныя верховыя прогулки, на зарѣ, задолго до восхода солнца и пробужденія бабушки, среди просыпающейся природы, полной

утренней свѣжести и прелести, пробуждали и дремавшаго въ душѣ молодой дѣвушки поэта. Все, что она видѣла, все, мимо чего проносилась вихремъ или тихо проѣзжала шажкомъ,—на все откликалась ея чуткая душа. Она радостно ловила всякое впечатлѣніе, всякую живописную подробность. Оттѣнокъ листвы или переливъ облаковъ; шумъ ручья, черезъ который надо было переправляться въ бродъ, и крики перелетныхъ птицъ; характерный, старофранцузскій говоръ встрѣчныхъ беррійскихъ крестьянъ, или блеяніе и звонъ колокольчиковъ овечьяго стада, пасущагося при дорогѣ; прозрачная зеленая тѣнь густо заросшей лѣсной тропинки, или яркое золото залитой солнцемъ нивы,—все восхищало и привлекало Аврору и *образами* запечатлѣлось въ ея воображеніи и памяти. Еслибъ не необходимость вернуться домой, Аврора способна была бы цѣлыми днями странствовать по полямъ и лѣсамъ,—какъ истинный художникъ отдаваясь на волю случая, во власть всѣхъ этихъ разнообразныхъ впечатлѣній, неожиданныхъ встрѣчъ и наблюденій.

Кромѣ этихъ верховыхъ поѣздокъ, Дешартръ сталъ брать Аврору съ собою и на охоту. И такъ какъ онъ въ сущности всегда сокрушался, что она не мальчикъ, и такъ какъ ему, кажется, одно лишь платье Авроры мѣшало обращаться съ нею окончательно какъ съ юношей, а къ тому же женскія юбки временъ Имперіи и Реставраціи скорѣе походили на узкій футляръ, чѣмъ на одежду, въ которой можно свободно и прилично переходить черезъ канавы, ужъ не говоримъ—пробѣгать по лѣсной дорожкѣ,—то Дешартръ посовѣтовалъ Аврорѣ облечься въ мужской костюмъ. Она еще ясно помнила свой мундиръ „адъютанта Мюрата“, недавно еще играла роли Пюргона и Колена, и потому съ величайшимъ удовольствіемъ послѣдовала совѣту своего учителя: надѣла блузу, штиблеты и мужскую шляпу и принялась ходить съ Дешартромъ за перепелками и тетеревами. А Дешартръ, какъ только она сняла свои вышитыя юбки,—окончательно забылъ, что имѣетъ дѣло съ молодой дѣвушкой, и сталъ держать себя съ нею съ тою же свободой, простотой и требовательностью, какъ еслибъ на его мѣстѣ былъ ея отецъ, его прежній ученикъ. Когда много лѣтъ спустя Жоржъ Сандъ писала своего *Габріэля-Габріэллу*,—исторію молодой дѣвушки, которую по разнымъ политическимъ соображеніямъ выдаютъ за молодого человѣка, причемъ старый воспитатель учитъ ее и развиваетъ въ ней всѣ мужскія добродѣтели, совершенно такъ же, какъ училъ и воспитывалъ бы юношу, вслѣдствіе чего Габріэлла и развивается мужественнымъ, честнымъ, смѣлымъ человѣкомъ—

вѣроятно Жоржъ Сандъ невольно возсоздала многое изъ того, что лично испытала и видѣла въ своихъ охотничьихъ странствіяхъ съ Дешартромъ, точно такъ же, какъ создавая своего Порпору въ „*Консюэло*“, она несомнѣнно столько же писала его съ своего позднѣйшаго ментора, деспотическаго и ревниваго критика Делатуша, какъ и съ ворчливаго, педантическаго, но любящаго перваго своего наставника—Дешартра. Дешартръ оказалъ громадную услугу Аврорѣ Дюпенъ именно тѣмъ, что воспитывалъ ее не какъ барышню, а по мужски, и ему она обязана многими изъ своихъ нравственныхъ чертъ и привычекъ, а прежде всего развитіемъ въ ней такъ называемыхъ „мужскихъ добродѣтелей.“ Это было отличнымъ противовѣсомъ монастырю, не говоря уже о томъ, что эти постоянныя прогулки, то верхомъ, то пѣшкомъ, закалили ея здоровье и пріучили къ постоянному движенію на свѣжемъ воздухѣ. Дѣлать большія прогулки, двигаться, ѣздить, путешествовать—сдѣлалось для Жоржъ Сандъ привычкой,—эта привычка—второй натурой, и ее Жоржъ Сандъ сохранила до глубокой старости.

Но не всѣ смотрѣли на вещи глазами Дешартра. Кумушки сосѣдняго городка Ла-Шатра были глубоко скандализованы такимъ предосудительнымъ поведеніемъ молодой дѣвушки. Охота, верховая ѣзда, мужское платье!—было отъ чего придти въ ужасъ и приняться яростно сплетничать. А тутъ еще лѣтомъ пріѣхалъ въ Ноганъ Рене де-Вильневъ. Аврора и прежде знала и любила своего немолодого уже, сорокапятилѣтняго кузена [1]), съ дочерью котораго, Эммой, тоже была очень дружна, а теперь она еще болѣе подружилась съ этимъ добродушнымъ и деликатнымъ малымъ, умнымъ и литературно-образованнымъ человѣкомъ. Бонапартистъ по убѣжденіямъ, аристократъ по рожденію и связямъ (жена его была рожденная де-Сегюръ), онъ умѣлъ съ терпимостью относиться къ самымъ крайнимъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, любилъ поэзію, зналъ наизусть массу стиховъ, а больше всего любилъ природу, чте-

[1]) Дюпенъ де-Франкейль второй мужъ Маріи-Авроры Саксонской, бывшей, какъ мы знаемъ, сначала за гр. Горномъ, былъ также женатъ 2 раза. Отъ перваго брака съ дѣвицей де-Бульу (de Bouilloud) у него была дочь, вышедшая замужъ за гр. де-Вильнева. У нея были два сына, Рене и Огюстъ,—ровесники и большіе пріятели отца Жоржъ Сандъ, приходившагося имъ дядей. Будучи одних лѣтъ съ нимъ, они нарочно звали его всегда „mon oncle“, а впослѣдствіи стали звать „ma tante“ и свою маленькую кузину—Аврору. Черезъ этихъ двоюродныхъ братьевъ Аврора Дюпенъ находилась въ родствѣ и свойствѣ съ самыми аристократическими семействами Франціи, а отчасти и Россіи, напр. съ графами де-ла-Рошъ-Эймонъ, гр. Бальбо, кн. Голицыными, де-Сегюрами, де-Гиберами и т. д.

ніе, спокойную семейную жизнь въ деревнѣ, верховую ѣзду и бесѣду съ немногими избранными друзьями. Въ этомъ онъ вполнѣ сходился съ Авророй, которую искренно полюбилъ и настолько хорошо понималъ, что еще тогда, въ 1821 г., замѣтилъ ея литературное дарованіе и уговаривалъ ее непремѣнно писать романы, послѣ того, какъ прочелъ ея первые опыты. Рене де Вильневъ, большой баринъ, съ свободными манерами и взглядами большого барина, не только не нашелъ ничего предосудительнаго въ привычкахъ и поведеніи своей молоденькой кузины, но самъ охотно сталъ ѣздить съ ней верхомъ и стрѣлять въ цѣль изъ пистолета. Но на бѣду Рене де-Вильневъ былъ очень моложавъ на видъ—и вотъ кумушки рѣшили, что Аврора разъѣзжаетъ верхомъ со своимъ нареченнымъ. Это было по ихъ мнѣнію, верхомъ неприличія!

Но вскорѣ Аврора провинилась еще болѣе. Въ сосѣдствѣ съ Ноганомъ жило многочисленное дворянское семейство Ажасонъ-де-Грансень (Ajasson-de-Grandsaigne). Аврора и Ипполитъ были и ранѣе дружны со многими изъ членовъ этой семьи, но въ 1821 г. Аврора особенно сошлась съ однимъ изъ сыновей, Стефаномъ. Въ *Исторіи моей жизни* [1]) онъ названъ вымышленнымъ именемъ *Клавдія* (Claudius). Стефанъ готовился къ медицинской карьерѣ и занимался естественными науками. Аврора заинтересовалась этими науками и стала сама учиться у него зоологіи, анатоміи и физіологіи. Дешартръ очень одобрялъ эти занятія, такъ какъ онъ и самъ, какъ мы знаемъ, былъ медикомъ и любилъ науку, а также надѣясь, что такимъ образомъ Аврора выучится настолько, что будетъ ему помогать въ медицинской практикѣ, въ лѣченіи крестьянъ. Стефанъ, видя рвеніе своей ученицы, давалъ ей изучать на препаратахъ ногу, руку, черепъ и т. д. Это было уже полнѣйшимъ безбожіемъ и развратомъ, по мнѣнію ла-шатрскихъ любителей вмѣшиваться въ чужія дѣла. И немедленно про Аврору стали разсказывать исторіи, одна другой невѣроятнѣе, такія нелѣпыя, что можно было бы усумниться въ ихъ существованіи, если бы впослѣдствіи сама Аврора не увидала эти разсказы въ видѣ, который нѣмцы называютъ „*Schwarz auf Weiss*“—*написанными* рукою одной изъ этихъ кумушекъ. Утверждали, что она разрываетъ могилы и похищаетъ трупы, что она забирается верхомъ въ

[1]) „Исторія“, томъ III, стр. 330—334 и томъ IV, стр. 64. Въ Корреспонденціи до него относится письмо къ Ипполиту отъ марта 1827 г. (напечатанное съ пропусками)—томъ I, стр. 31, № XIII. Въ *неизданныхъ* письмахъ Ж. Сандъ къ мужу и брату о немъ говорится очень много.

церковь, стрѣляетъ изъ пистолета въ католическія причастныя облатки (hostie), что ея собаки загрызаютъ маленькихъ дѣтей, а въ концѣ концовъ и прежде всего, что Стефанъ ея любовникъ. Ла-шатрскіе сплетни и слухи дошли до духовника Авроры, священника въ Ла-Шатрѣ, и въ одинъ прекрасный день, по окончаніи исповѣди, онъ позволилъ себѣ какъ-то очень неделикатно заговорить съ молодой дѣвушкой на эту тему. Аврора, возмущенная до глубины души, встала съ колѣнъ и, смѣло высказавъ священнику, какъ грубъ его вопросъ, покинула исповѣдальню, съ тѣмъ чтобы уже никогда болѣе въ нее не возвращаться.

Когда Стефанъ уѣхалъ въ Парижъ продолжать свои занятія медициной, между молодыми людьми, съ вѣдома Дешартра, установилась дѣятельная дружеская переписка. Стефанъ писалъ въ серьезномъ и даже нѣсколько педантическомъ тонѣ, и Аврора была этимъ вполнѣ довольна. Но Стефанъ и дѣйствительно, къ несчастью, влюбился въ нее, какъ Жоржъ Сандъ довольно прозрачно разсказываетъ, сопровождая впрочемъ этотъ разсказъ отрицаніями и оговорками. Стефанъ Ажасонъ,—скажемъ это тутъ же,— открываетъ собою тотъ безконечный рядъ людей, которые были неравнодушны къ Ж. Сандъ. Оставляя въ сторонѣ всѣхъ тѣхъ, къ кому сама Ж. Сандъ относилась неравнодушно, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что въ чисто свѣтскомъ смыслѣ слова Аврора Дюпенъ, а потомъ и Аврора Дюдеванъ, имѣла почти невѣроятный „успѣхъ", и поклонникамъ ея не было числа. Изъ ея корреспонденціи и изъ ея перваго произведенія „*Voyage en Auvergne*", видно, что ея выѣзды въ свѣтъ, путешествія и т. д. повсюду и постоянно сопровождались такъ называемыми „побѣдами" часто ей весьма надоѣдавшими и сердившими ее. Она совершенно невольно вызывала поклоненіе, ничѣмъ не желая его вызвать. Въ ея существѣ было что то обаятельное.

Какъ бы то ни было, къ Стефану де-Грансень она осталась совершенно равнодушной и очень была огорчена, когда Дешартръ сказалъ ей, что Стефанъ написалъ ей нѣчто въ родѣ объясненія въ любви. Сама она, по наивности, и не поняла бы этого. Но тѣмъ не менѣе грубая выходка священника, о которой мы только что сказали, заставила ее перестать ходить на исповѣдь. Вообще въ это время Аврора почти совсѣмъ не придерживалась обрядовой стороны религіи. Служба въ деревенской церкви казалась ей, послѣ благолѣпной монастырской службы,—чѣмъ-то похожимъ на пародію, и Аврора все охотнѣе стала читать мессу у себя дома. А тутъ лѣтомъ случилось еще

одно обстоятельство, слишкомъ ясно показавшее ей, насколько всѣ эти обряды мелки и ничтожны сравнительно съ истинною религіозностью.

У мужа старухи Дюпенъ былъ отъ знаменитой M-me d' Epinay (д' Эпинэ) незаконный сынъ, въ 1821 г. бывшій архіепископомъ въ Арлѣ. Онъ очень любилъ свою мачиху, которая нѣжно о немъ заботилась въ дѣтствѣ. Теперь это былъ толстый, веселый, прожорливый, абсолютно-ограниченный и абсолютно-добрый человѣкъ. Услыхавъ о болѣзни мачихи, онъ поспѣшилъ къ ней пріѣхать и взялся за невозможное, по мнѣнію Авроры, дѣло— уговорить Марію-Аврору исповѣдоваться и собороваться, чтобъ не умереть „во грѣхѣ". Марія-Аврора находилась въ то время въ періодѣ просвѣтленія и даже вновь занималась своей корреспонденціей и дѣлами. Поэтому вѣрующая Аврора съ испугомъ услыхала, какъ добродушный епископъ безъ всякаго приготовленія и изворотовъ объяснилъ старушкѣ, что хоть по ея мнѣнію всѣ обряды вздоръ, и хоть онъ самъ „не смѣетъ спорить съ мамашей", но такъ какъ ей теперь лучше, то она можетъ безъ всякаго страха исполнить этотъ „вздоръ", а онъ, епископъ, по крайней мѣрѣ не допуститъ ее попасть въ адъ, куда она непремѣнно попадетъ, въ чемъ онъ убѣжденъ, несмотря на всю любовь свою къ „мамашѣ". Его рѣчь, грубая и до комичности простоватая по своей религіозной прямолинейности, заставила Марію-Аврору лишь улыбнуться. Но видя волненіе присутствующей при этой сценѣ Авроры, зная ея глубокую религіозность и не желая огорчать ее и пасынка, а тѣмъ болѣе не желая навлечь на внучку чьи-либо упреки, еслибы бабушка умерла „непокаянною",—Марія-Аврора вдругъ объявила, что согласна исполнить все, что отъ нея желаютъ. Архіепископъ потиралъ руки, объяснялъ, что „дѣло въ шляпѣ", что „надо ковать желѣзо, пока оно горячо", и на другое же утро пригласилъ стараго мужиковатаго священника изъ сосѣдней деревни Сенъ-Шартье, чтобы исповѣдовать старушку. Аврора не смѣла даже радоваться этому, такъ какъ ужъ слишкомъ ее оскорбляло подобное отношеніе служителя алтаря, архіепископа, къ такимъ серьезнымъ вещамъ. Но случилось такъ, что Марія-Аврора, успокоивъ пасынка покорнымъ исполненіемъ обряда, успокоила и возмущенную сомнѣніями душу Авроры. Она заставила дѣвочку присутствовать при исповѣди, чистосердечно созналась, что никогда не придавала значенія обрядамъ, что даже совсѣмъ перестала думать о Богѣ съ минуты ужасной смерти сына, но что въ глубинѣ души никогда не сомнѣвалась въ

бытіи Бога и что увѣрена, что Онъ проститъ ее, такъ какъ понимаетъ все, а значитъ понялъ и ея отчаяніе. Эта исповѣдь произвела потрясающее впечатлѣніе и на Аврору и на старичка священника, который со слезами произнесъ разрѣшительную молитву. Потомъ Марія-Аврора заставила собраться въ комнату всѣхъ жителей села и замка, у всѣхъ просила прощенія и при всѣхъ соборовалась. Но во время этого обряда она, отлично понимая всякое произнесенное латинское слово, комментировала по своему всякую фразу священника, произнося то: „Вотъ этому я вѣрю“, то: „Это неважно“,—и такимъ образомъ какъ бы сохранила за собою право на полную свободу совѣсти и даже въ такую торжественную минуту осталась вѣрна убѣжденіямъ и свободнымъ вѣрованіямъ всей своей жизни. Г. д'Оссонвиль [1]) справедливо полагаетъ, что подобная сцена должна была оставить неизгладимое впечатлѣніе на воспріимчивую, чуткую душу молодой дѣвушки и сильно пошатнуть въ ней тѣ основы католицизма, которые она пріобрѣла въ монастырѣ. Католицизмъ этотъ и безъ того былъ слишкомъ кратковременнымъ и поверхностнымъ для того, чтобъ прочно основаться въ сердцѣ дѣвушки, проведшей все дѣтство внѣ всякаго религіознаго воспитанія; а теперь, въ періодъ сомнѣній и размышленій, правовѣрная церковь предстала предъ нею въ видѣ своихъ самыхъ заурядныхъ представителей, въ родѣ тупого прелата, безтактнаго городскаго священника и смиреннаго деревенскаго кюре, боявшагося своей высокопоставленной и образованной духовной дщери.

Передъ отъѣздомъ монсиньоръ совершилъ еще цѣлый рядъ поступковъ и наговорилъ вещей, окончательно уронившихъ его въ глазахъ Авроры. Такъ напр., онъ забрался въ библіотеку своей мачихи и принялся тамъ жечь и рвать всѣ книги, которыя, по его мнѣнію, могли быть вредны для Авроры. Къ счастью, Дешартръ, въ качествѣ управляющаго имѣніемъ и мэра Ногана, долженствующаго охранять интересы членовъ своей общины, во́время остановилъ этотъ вандализмъ.

Такимъ образомъ незамѣтными градаціями, посредствомъ цѣлаго сцѣпленія событій, фактовъ, размышленій и чувствъ, Аврора, эта ревностная исполнительница монастырскихъ правилъ, по три раза въ недѣлю привыкшая исповѣдаться и чуть не ежедневно бесѣдовавшая со своимъ духовникомъ, теперь почти совсѣмъ порвала съ господствующей церковью, оставаясь

[1]) V-te d'Haussonville: „Etudes critiques et littéraires“, George Sand. p. 276.

попрежнему горячо и возвышенно-религіозной. Въ эти же ранніе годы она, увы! смѣло порвала и съ заботой о мнѣніи свѣта. Сплетни лашатрскихъ кумушекъ уже достаточно показали ей, насколько мало слѣдуетъ обращать вниманія на то, что „говорятъ". Скандалъ, который такъ называемое „порядочное общество" собралось ей устроить на одномъ народномъ праздникѣ—въ отместку за то, что она посѣщала одну несчастную погибшую дѣвушку (послужившую ей несомнѣнно прототипомъ несчастной Луизы, сестры *Валентины*)—этотъ скандалъ, неудавшійся лишь благодаря вмѣшательству любившей и уважавшей Аврору деревенской молодежи, заставилъ Аврору съ презрѣніемъ отнестись къ т.-наз. „свѣту" и его суду. И хотя мы и склонны думать, что приведенные въ „*Исторіи*" по этому поводу діалоги между Дешартромъ и его ученицей нѣсколько позднѣйшаго происхожденія и написаны *post-facto*, заднимъ числомъ, т.-е. въ діалогической формѣ переданы позднѣйшія мнѣнія Жоржъ Сандъ на эту тему, а что въ дѣйствительности подобныхъ разговоровъ не происходило, или происходили они не совсѣмъ такъ,—тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что то враждебное положеніе, которое заняло по отношенію къ 17-лѣтней Аврорѣ ла-шатрское общество, не осталось безъ серьезнаго вліянія на судьбу Жоржъ Сандъ. Уже съ этихъ юныхъ лѣтъ, благодаря этимъ сплетнямъ и несправедливому отношенію, она заняла какъ бы воинствующее положеніе относительно „общественнаго мнѣнія", которое въ ея глазахъ невольно смѣшалось воедино съ „мнѣніемъ свѣта". И это воинствующее положеніе она сохранила въ теченіе долгихъ лѣтъ, если не втеченіе всей своей жизни. И какъ всегда при военныхъ дѣйствіяхъ,—многое она дѣлала и говорила втеченіе этой жизни такого, что было и излишне, и невсегда справедливо,—единственно изъ-за этого „оборонительнаго и наступательнаго" положенія, сразу занятаго ею. Въ тѣ годы всѣ эти несправедливости людскія, разочарованіе въ людяхъ, въ соединеніи съ одиночествомъ, переутомленіемъ отъ непомѣрнаго чтенія и чисто-художественной воспріимчивостью къ читаемому, вродѣ совершенной ассимиляціи и проникновенія „міровой скорбью" любимыхъ поэтовъ [1]) —

[1]) Въ эти годы настольными книгами Авроры были „Рене", „Мизантропъ" сочиненія Руссо и „Какъ вамъ угодно" Шекспира, въ которомъ ее чрезвычайно привлекалъ образъ меланхолическаго пессимиста *Жака*. Отмѣтимъ, что, во-1-хъ когда Ж. Сандъ въ 50-хъ годахъ писала свою „Исторію" (1847—1854) то она, вѣроятно вспомнивъ о своихъ юношескихъ чтеніяхъ, написала одна за другою двѣ пьесы, изображающія скорбнаго автора „Альцеста", а также пе-

привели Аврору въ состояніе мрачной меланхоліи и даже къ мыслямъ и покушеніямъ на самоубійство. Эпохи подобнаго разочарованія во всемъ, эпохи мрачнаго отчаянія и пессимизма, не разъ еще повторялись въ ея жизни. На этотъ разъ, къ счастью, холодная ванна въ рѣчкѣ Эндрѣ (Indre), въ которой Аврора собралась утонуть вмѣстѣ съ Колеттой, и вмѣшательство Дешартра надолго отрезвили ее отъ этой маніи, хотя настроеніе ея и осталось не по лѣтамъ мрачнымъ и скептическимъ.

Итакъ, и по образу мыслей, и по умственнымъ и житейскимъ привычкамъ и по своему отношенію къ окружающей средѣ—Аврора втеченіе этихъ полутора годовъ необычайно выросла, стала въ совершенно исключительное положеніе. Изъ слѣпой обожательницы матери—она сдѣлалась сознательнымъ другомъ и поклонницей бабушки; изъ мечтательницы мистической—мечтательницей свободомыслящей; изъ апатичной монастырской „тихой воды", которую не замутишь,—безстрашной наѣздницей, смѣлымъ, любознательнымъ юношей; изъ покорной дщери церкви, чуть не послушницы—бунтовщицей противъ общественнаго мнѣнія. Втеченіе этихъ полутора годовъ проявились, сложились и окончательно развились три стороны ея духовнаго характера: 1) пытливость и страстная любознательность въ области отвлеченныхъ знаній, соединенная съ мечтательностью и со стремленіемъ согласовать эти знанія и вѣрованія со своими дѣйствіями и образомъ жизни и объединить ихъ въ одно стройное міросозерцаніе. 2) Страстная любовь къ свободной, ничѣмъ нестѣсняемой жизни среди природы, въ постоянномъ движеніи, съ постоянной смѣной внѣшнихъ впечатлѣній. 3) Самостоятельность и смѣлость въ пользованіи этой свободой и въ проведеніи въ жизнь своего міросозерцанія, доходящія до совершеннаго презрѣнія къ общественному мнѣнію, а особенно къ такъ называемому „мнѣнію свѣта".

Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что тутъ всѣ исходныя точки и *Leitmotiv*'ы всей будущей жизни Авроры Дюпенъ

редѣлала для французской сцены и „Какъ вамъ угодно" Шекспира. Съ другой стороны несомнѣнно, что между шекспировскимъ Жакомъ и Руссо существуетъ извѣстное духовное родство. Жакъ—это какъ бы Руссо начала XVII или конца XVI вѣка, Руссо съ его любовью къ природѣ, его жалостью къ животнымъ и т. д. и т. д. Эту черту духовнаго родства отмѣчаетъ и Брандесъ въ своей книгѣ о Шекспирѣ. Поэтому естественно и то пристрастіе, которое Аврора одновременно и безсознательно испытывала къ сочиненіямъ Ж. Жака и къ существовавшему лишь въ воображеніи великаго англійскаго драматурга образу принца-отшельника.

и Авроры Дюдеванъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ зародышѣ, всѣ основные элементы творчества будущей Жоржъ Сандъ.

Какъ многое могла бы смягчить и уяснить любящая рука и любящая душа бабушки, какъ отъ многаго предостеречь! Но бабушки почти не было, было лишь тѣло ея, доживавшее свои послѣдніе дни. Просвѣтленіе, наступившее лѣтомъ, было лишь временнымъ, къ осени старушкѣ опять стало хуже. И не отъ этого жалкаго, безучастнаго созданія, къ которому Аврора относилась теперь съ материнскою заботой и покровительствомъ, могла она ожидать указаній, наставленій или поддержки. Дешартръ, втеченіе всего дѣтства „пилившій“ и почти преслѣдовавшій Аврору, теперь повидимому слѣпо поклонялся ея уму, способностямъ и характеру, предоставлялъ ей полную свободу. Трудно сказать, какое направленіе приняли бы мысль и характеръ Авроры, еслибъ бабушка прожила дольше, а молодая дѣвушка могла бы дольше пользоваться этой неограниченнной свободой, или еслибъ она могла исполнить непокидавшее ее желаніе все-таки поступить въ монастырь и продолжать тамъ и учиться и жить въ обществѣ многочисленныхъ, любимыхъ и любящихъ подругъ и наставницъ. Но смерть бабушки разомъ перевернула все.

ГЛАВА V [1]).

Смерть бабки.—Завѣщаніе и опека.—Жизнь съ матерью въ Парижѣ.—Ретье-дю-Плесси.—Г. Дюдеванъ.—Замужество.—Первые годы брака. — Путешествіе въ Пиренеи. — Орельенъ де-Сезъ и Зоя Леруа.—Кочевая жизнь.—Семейный разладъ.—Внѣшнія событія и внутренній міръ Авроры.—Исканія дѣла и разныя занятія.—Отъѣздъ въ Парижъ.

1822—1831.

Въ ночь на Рождество 1821-го года, на зарѣ, при звукѣ праздничныхъ колоколовъ, скончалась Марія-Аврора Дюпенъ де-Франкейль, бабка Авроры Дюпенъ, и это событіе повлекло за собою большія перемѣны въ жизни и судьбѣ будущей Жоржъ Сандъ. Со смертью бабушки открывался вопросъ, къ кому перейдетъ опека надъ 17-лѣтней дѣвушкой. Госпожа Дюпенъ, озабоченная будущностью своей внучки, очень желала видѣть ее пристроенной еще при своей жизни и мечтала, разумѣется, о „хорошей партіи“ для нея, то-есть желала выдать Аврору за хорошаго и богатаго человѣка изъ своего аристократическаго круга. Но такъ какъ мать Авроры, Софія Дюпенъ—не одобрила ни одного изъ предполагаемыхъ жениховъ, да и Аврора была черезчуръ ужъ молода, то эти проекты такъ и остались проектами. И, чувствуя приближеніе смерти, старуха Дюпенъ съ безпокойствомъ думала о томъ, что ея юная внучка остается совершенно одна въ жизни, безъ разумнаго руководителя и настоящей опеки. Еще задолго до своей послѣдней болѣзни госпожа Дюпенъ высказала опредѣленное желаніе, чтобы эта

[1]) Эта глава была почти вся напечатана въ январской и частью въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства“ 1895 г. подъ заглавіемъ: „*Жоржъ Сандъ и г. Дюдеванъ*“.

опека ни въ какомъ случаѣ не находилась въ рукахъ у Софіи, и, какъ мы видѣли, имѣла полное основаніе противиться такому естественному, казалось бы, порядку вещей. Поэтому она заранѣе приняла мѣры: переговорила съ Авророй, указала ей на совершенное несходство ея интересовъ, привычекъ и образа мыслей съ интересами и образомъ мыслей матери и на то, что имъ будетъ невозможно ужиться, потомъ пригласила въ Ноганъ ближайшаго родственника Авроры съ отцовской стороны, внука своего покойнаго мужа—графа Рене де-Вильнева [1]), переговорила и съ нимъ, и въ концѣ концовъ включила въ свое духовное завѣщаніе параграфъ, гласившій, что послѣ ея смерти опека надъ Авророй переходитъ къ Рене де-Вильневу и его женѣ. Завѣщаніемъ этимъ за Авророй — единственной прямой наслѣдницей — закрѣплялось все движимое и недвижимое имущество госпожи Дюпенъ, которое состояло изъ земли и замка Ногана, дома въ Парижѣ (такъ наз. Hôtel de Narbonne, находившагося въ улицѣ de la Harpe, на мѣстѣ которой прошелъ впослѣдствіи бульваръ Сенъ-Жерменъ), и изъ государственныхъ бумагъ, и въ общей сложности представляло капиталъ въ 500,000 франковъ. Аврорѣ же вмѣнялось въ обязанность уже отъ себя выплачивать ежегодно извѣстную ренту матери, старику Дешартру и нѣкоторымъ старымъ слугамъ.

Софія Дюпенъ узнала о параграфѣ, лишавшемъ ее опеки надъ дочерью, какъ она вообще узнавала объ всемъ, что происходило въ домѣ свекрови—отъ какого-то домашняго шпіона,— но притворилась ничего незнающей. Когда же послѣ похоронъ госпожи Дюпенъ вскрыли завѣщаніе въ присутствіи Авроры, Софіи, Вильневовъ, Дешартра и нѣкоторыхъ ближайшихъ друзей и прочли вслухъ этотъ параграфъ. Софія вышла изъ себя, сдѣлала страшную сцену всѣмъ присутствующимъ и объявила, что никому и никогда не уступитъ своего права надъ дочерью, что беретъ ее къ себѣ и ни о чемъ другомъ и слышать не хочетъ. Она осыпала упреками и Дешартра, котораго ненавидѣла и считала своимъ главнымъ врагомъ, и дочь, о которой послѣдніе годы совсѣмъ не заботилась и которой ни разу не подумала помочь, когда та оставалась цѣлыми мѣсяцами одна съ умирающей старухой и старикомъ-гувернеромъ; она осыпала упреками даже и покойницу, не стѣсняясь ни въ обвиненіяхъ, ни въ выраженіяхъ. Она не помнила себя отъ гнѣва, довела бѣдную дѣвушку до отчаянія и заставила ее въ первый разъ

[1]) По этому поводу онъ и пріѣзжалъ въ Ноганъ лѣтомъ 1821 г.

въ жизни признаться самой себѣ, что между нею и матерью дѣйствительно пропасть. И разность натуръ—Аврора была вся въ отца,—и воспитаніе, сначала подъ руководствомъ изящно-образованной и душевно-развитой бабки, а потомъ въ монастырѣ, сдѣлали то, что Аврора неизмѣримо далеко ушла отъ своей искренней и горячей, но въ то же время вульгарной, сумасбродной и, скажемъ прямо, грубоватой, а подчасъ положительно психопатически-невмѣняемой матери. Не повторяя здѣсь въ подробности исторіи развитія Авроры, напомнимъ вкратцѣ что католическое монастырское воспитаніе развило въ Аврорѣ самоанализъ и стремленіе къ *самоодухотворенію*; что эти черты еще болѣе усилились подъ вліяніемъ чтенія поэтическихъ и философскихъ сочиненій, которому Аврора со страстью предавалась за послѣдній годъ, что это чтеніе въ свою очередь направило этотъ духъ анализа на серьезные интересы и вопросы и, при всей своей несистематичности и безпорядочности, чрезвычайно развило молодую дѣвушку и сдѣлало ее не по лѣтамъ серьезной и вдумчивой. Теперь этотъ духъ анализа показалъ ей, какъ мало общаго между ней и матерью.

Вотъ что́ она писала Рене де-Вильнёву относительно этихъ домашнихъ распрей въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1821, вѣроятно тотчасъ послѣ сцены, о которой мы только что говорили:

Графу Рене де-Вильневъ, улица Граммонъ, Парижъ.

Четвергъ вечеромъ. 1821.

„Я не хочу упустить этой маленькой оказіи написать вамъ нѣсколько словъ, мой добрый и дражайшій кузенъ, до отъѣзда моего грума, сопровождаемаго *Chiron*, который будетъ восхищать или приводить въ отчаяніе своихъ спутниковъ. День вышелъ гнуснымъ! (La journée a été odieuse)! Отвратительная, безобразная, наглая сплетня, преподнесенная мнѣ сегодня утромъ, озлила и оледенила меня. Во время завтрака мнѣ объявляется, что Софи поѣдетъ съ Андреемъ, въ виду того, что въ ней де не нуждаются ни для путешествія, ни для укладки моихъ сундуковъ. „Я желаю,—сказала я холодно,—чтобъ она меня сопровождала“.—„А я,—отвѣчаетъ мнѣ пронзительный голосъ,—желаю, чтобы она васъ не сопровождала. Я хочу найти обѣдъ и квартиру готовыми и, разъ я *соглашаюсь оставить васъ при себѣ*, я не желаю подвергать себя неудобствамъ“... и т. д. и т. д. Тутъ къ недостойнѣйшей утренней сплетнѣ присоединился и этотъ новый поводъ къ негодованію. Въ первый разъ въ жизни я почувствовала гнѣвъ, потому что то́, что я испытала въ эту минуту, не было похоже ни на что испытанное мною до сихъ поръ, я изо всѣхъ силъ удержалась, чтобы не отвѣтить съ полнѣйшимъ

презрѣніемъ ничего, кромѣ слѣдующихъ словъ: „*Вы соглашаетесь оставить меня при себѣ!*.. Когда я васъ объ этомъ просила? *Не принудили ли вы меня къ этому?*"... Дешартръ и ея маршалы [1]) возстановили миръ. Мать моя стала блѣдной, какъ смерть, и нѣмой, какъ придорожный столбъ, отъ бѣшенства и смущенія. Съ тетушкой случилось что-то въ родѣ обморока, очень интереснаго, а маршалъ [2]) весь дрожалъ. Бѣдный Дешартръ едва удерживался, чтобы громко не заплакать, но что касается меня, то равнодушіе презрѣнія пришло ко мнѣ на помощь. Моя мать сдалась и какъ будто не затаила злобы. Она избавила меня отъ ужасныхъ поцѣлуевъ, но во время обѣда она мнѣ говорила колкости, кислыя, какъ уксусъ или какъ она сама. Днемъ мы отправились прощаться съ Ла-Шатръ; двѣ сестрицы вмѣстѣ по одной улицѣ, я съ моими женщинами по другой. Едва вернулись, какъ маршалъ началъ свои скучнѣйшіе разсказы. Что до меня касается, то я заснула на своемъ стулѣ самымъ глубокимъ сномъ и проснулась лишь черезъ нѣсколько часовъ, къ развязкѣ. „Мать моя", „голубушка", „зайчикъ мой" такъ и сыплются попрежнему; tonton [3]) Дешартръ теряетъ голову, бѣднякъ совсѣмъ сбился съ толку, сталъ заговариваться (en radote). Мнѣ были сдѣланы новыя предложенія бунтовать изъ моей деревни. Это немножко развеселило меня въ моемъ горѣ. Въ итогѣ день показался мнѣ смертельно скучнымъ, включая и Шлюпона, который зѣвалъ до того, что чуть не вывихивалъ себѣ челюсти. Не стоитъ прибавлять размышленій къ этому разсказу. Вы слишкомъ хорошо знаете тѣ, какія бы я сдѣлала. Но что я должна вамъ сказать и никогда не уставать говорить вамъ, дорогой Рене, это то, что я никогда въ жизни не забуду услуги, которую вы мнѣ оказали, жертвы, которую вы мнѣ принесли, доказательства дружбы, которое вы мнѣ дали, и признательности, которой я вамъ обязана. Я весь день произношу про себя пожеланія вамъ добраго пути. Вы видите, что небо исполнило мою мольбу и что оно какъ нарочно для васъ ниспослало прекраснѣйшую погоду. Прощайте, прощайте, я засыпаю, мои глаза смыкаются, я пишу ощупью, но слова благодарности сами собой попадаются мнѣ подъ перо.

До вторника утра!

Tonton Chedartres (т.-е. Дешартръ) у вашихъ ногъ, мамаша говоритъ, что вы „хорошенькій", а тетенька, желая вамъ улыбнуться, дѣлаетъ ужасную гримасу".

Но любя все-таки свою мать и видя ея искреннее горе, Аврора объявила, что покоряется ея волѣ и послѣдуетъ за нею, куда ей будетъ угодно.

Объявляя это, Аврора сознавала хорошо, что́ она теряетъ и отъ чего отказывается. Она, какъ мы видѣли, очень сошлась

[1]) Игра словъ: ses maréchaux—т.-е. M-r Maréchal и его жена, тетка Авроры.

[2]) „Le maréchal" т.-е. опять дядя Марешаль.

[3]) Ласкательно-насмѣшливое прозвище, данное Дешартру Вильневомъ и Авророй, которые иногда называли его еще и „Шедартръ".

съ Рене де-Вильневымъ и съ его дочерью Эммой, впослѣдствіи графиней де-ла-Рошъ-Эймонъ (de-la-Roche-Aymon). Если бы въ самомъ дѣлѣ она могла поселиться у нихъ, прожить нѣсколько лѣтъ въ дружелюбной и дружеской, спокойной атмосферѣ, съ этими людьми, понимавшими ее и сходившимися съ нею,—ей было бы хорошо, и вѣроятно ея дальнѣйшая судьба была бы совсѣмъ иною. Вѣроятно, чувствуя себя легко и счастливо, она не такъ скоро и не такъ опрометчиво вышла бы замужъ. Наконецъ, Вильневы не только не препятствовали бы, но наоборотъ, содѣйствовали бы ея желанію вновь поступить на время въ монастырь и тамъ продолжать и окончить прерванное ученіе.

Бурная вспышка матери разомъ измѣнила всѣ эти планы и намѣренія. Аврора послѣдовала за матерью въ Парижъ, оставивъ Ноганъ. въ управленіи Дешартра. Вильневы нѣкоторое время еще надѣялись, что Софія согласится отпустить дочь въ монастырь и что затѣмъ она съумѣетъ отстоять свою самостоятельность. Но когда оказалось, что въ данное время въ монастырѣ не было ни единаго свободнаго мѣстечка, а съ другой стороны Софія по поводу разныхъ денежныхъ и наслѣдственныхъ разсчетовъ заявила себя новыми вспышками и дикими выходками, то Вильневы, не свободные отъ кое-какихъ сословныхъ предразсудковъ, объявили Аврорѣ, что она должна рѣшительно выбирать между ними—роднею отца,—и матерью съ ея родными и друзьями. Рене де-Вильневъ, какъ болѣе умный и мягкій человѣкъ, скрывалъ причины такой постановки вопроса, или по крайней мѣрѣ не высказывалъ ихъ ясно. Братъ его, Огюстъ, опредѣленно высказался, что онъ лично все это считаетъ пустяками и предразсудками, но что если Аврора будетъ показываться на улицѣ или въ театрѣ съ матерью и ея роднею, то она погибла въ мнѣніи свѣта: родня отца, особенно вся женская ея половина, откажется принимать ее у себя, и она должна навсегда отказаться отъ надежды сдѣлать „хорошую партію въ ихъ кругѣ“. Если же она хочетъ исполнить волю бабушки, то должна, не порывая рѣзко съ матерью, съумѣть осторожно освободиться изъ-подъ ея власти, переѣхать сначала въ монастырь при первой откроющейся тамъ вакансіи, а потомъ и къ Вильневамъ и такимъ образомъ занять въ свѣтѣ мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву. Этого, разумѣется, было достаточно для того, чтобы Аврора тотчасъ рѣшила остаться навсегда съ матерью и разомъ же порвать съ Вильневами. Рене ушелъ отъ нея, какъ совсѣмъ посторонній человѣкъ, даже не

простившись съ Авророй, глубоко огорчивъ ее этимъ, но не поколебавъ ея рѣшенія.

Тѣ демократическія разсужденія, которыя по этому поводу высказываетъ Жоржъ Сандъ въ своей „*Исторіи*“,—о томъ, что всѣ равны передъ Богомъ, что она съ дѣтства не признавала никакихъ патриціевъ и плебеевъ, сеньоровъ и вассаловъ, и что именно эти „убѣжденія“ заставили ее поступить такъ, какъ она поступила,—точно такъ же, какъ и всѣ подобныя разсужденія въ „*Исторіи моей жизни*“—должны быть отнесены никакъ не къ дѣтскимъ и юношескимъ годамъ Авроры, какъ это дѣлаетъ заднимъ числомъ сама Жоржъ Сандъ, а къ 1847 году—времени написанія „*Исторіи*“. Въ началѣ 1822 г. Аврора Дюпенъ ничего этого не сознавала, или развѣ что очень смутно сознавала. Выбравъ между роднею отца и матерью и послѣдовавъ за нею, она поступила та́къ прежде всего изъ любви къ матери и инстинктивно. И, разумѣется, за такой поступокъ и рѣшеніе ее только и можно что одобрить.

Но вскорѣ она съ грустью и ужасомъ увидѣла, насколько она была болѣе внучкой своей бабушки, чѣмъ дочерью своей матери. Онѣ съ матерью не понимали другъ друга. Мать оставалась прежней хлопотуньей-мѣщаночкой, не развитой и погруженной въ суетливую, незатѣйливую жизнь мелкой парижской буржуазіи. Правда, Жоржъ Сандъ совершенно права, указывая на то, что мать ея была вѣчно дѣятельна и ко всему способна, но всѣ эти изумительныя шляпки, сдѣланныя въ три часа, сюрпризы и домашнія подѣлки, вся эта „ловкость рукъ“, чисто парижское умѣнье создавать чудеса изъ ничего, все это мало имѣло общаго съ привычками, вкусами и интересами Авроры. Подобнаго рода дѣятельность не могла ее удовлетворить. И, наоборотъ, все, что дѣлала дочь, казалось матери чудовищнымъ, ужаснымъ, какимъ-то вольтерьянствомъ. Софія ненавидѣла или презирала все, что дочь любила, вѣчно корила и смѣялась надъ ея „*оригинальностью*“ и „*прекраснымъ воспитаніемъ*“, которое въ ея воображеніи являлось чуть ли не синонимомъ безнравственности. Она начала съ того, что изгнала любимую собачку Авроры, потомъ прогнала ея преданную дѣвушку-служанку, потомъ отобрала у Авроры и выбросила всѣ привезенныя съ собою изъ Ногана книги, объявляя, что ничего въ нихъ не понимаетъ, а это явное доказательство ихъ зловредности и безнравственности, а главное ихъ полнѣйшей ненужности.

Вскорѣ обнаружилось еще болѣе дикое отношеніе къ дочери. Оказалось, что втеченіе послѣднихъ лѣтъ, когда мать

жила въ Парижѣ, а дочь въ Ноганѣ, то маменька безъ зазрѣнія совѣсти получала и сохраняла цѣлые вороха писемъ и сплетенъ изъ городка Ла-Шатръ, гдѣ бойкимъ перомъ провинціальныхъ кумушекъ и сплетниковъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ, съ возмутительными и нелѣпыми подробностями изображались всѣ „ужасныя похожденія“, проступки и безнравственное поведеніе Авроры. Не было гадости, которую не взвалили бы на дѣвушку ея ла-шатрскіе враги, и не было гадости, которую теперь маменька не повторила бы въ лицо дочери. И не только не возмущалась ими, не отвергала ихъ съ негодованіемъ, нѣтъ, наоборотъ, она всему этому вѣрила и теперь преподносила все это, съ собственными комментаріями и выговорами, пораженной и до глубины души оскорбленной дѣвушкѣ. И это была мать, которую она когда-то обожала, о свиданіи съ которой, о жизни съ которой мечтала, какъ о блаженствѣ, изъ-за которой она столько разъ несправедливо обвиняла бабушку, изъ-за послушанія которой она только что поступила наперекоръ послѣдней волѣ этой бабушки! Дѣвушка еще глубже взглянула въ пропасть, отдѣлявшую ее отъ матери, и еще сильнѣе почувствовала свое одиночество.

Для Авроры настали тяжелыя времена. Мать съ утра до вечера находила предлоги и поводы, чтобы угощать дочь своими упреками, попреками, бранью и даже побоями. Малѣйшее противорѣчіе выводило ее изъ себя, и она разражалась потоками брани и самыхъ невѣроятныхъ обвиненій. Иногда эти вспышки доходили до припадковъ совершеннаго безумія. Бабушка уже прежде предупреждала Аврору, что эти припадки, особенно весною, доходятъ до совершеннаго умопомраченія. Теперь Аврора увидѣла, что это была истинная правда.

Потомъ слѣдовали не менѣе бурныя примиренія, бурныя ласки и нѣжности, слезы, вымаливаніе прощенія на колѣняхъ. И снова унизительные попреки, безумные крики, повтореніе съ чужого голоса невозможныхъ сплетническихъ обвиненій. И ко всему этому—вѣчная суматоха, суета, отчаяніе по поводу неудачно купленой шляпки, или восторги по поводу удачной передѣлки оной, вѣчныя перемѣны квартиръ, прислуги, ресторана, гдѣ обѣдала, перемѣны времяпрепровожденія, порядка жизни, даже цвѣта париковъ, которые она мѣняла чуть не еженедѣльно, хотя у ней самой были превосходные, густые черные волосы. Вся эта жизнь, интересы и привычки такъ далеки были отъ спокойной, посвященной чтенію, умственному труду и серьезнымъ занятіямъ жизни Авроры въ Ноганѣ. Не

говоря уже о томъ, что жизнь въ мелкой парижской буржуазной средѣ, среди вѣчнаго стука и шума, среди парижской суголоки, безъ которой Софія не могла жить,—была невыносима Аврорѣ, обожавшей просторъ полей и тишину лѣсовъ.

Съ каждымъ днемъ отношенія съ матерью обострялись и не потому, что Аврора противупоставляла дикимъ выходкамъ матери нѣчто похожее и подобное, — наоборотъ, потому что она выносила ихъ терпѣливо, часто молчаливо затаивая и свое негодованіе и свою тоску, но тѣмъ сильнѣе они грызли ее и тѣмъ чаще она съ ужасомъ признавалась себѣ, что прежняя страстная любовь къ матери смѣнялась чѣмъ-то похожимъ на презрительное равнодушіе. Настроеніе духа Авроры становилось все мрачнѣе, оно переходило въ такую нравственную апатію, что, наконецъ, она прямо захворала: бывали дни, что она буквально была не въ состояніи проглотить ни куска отъ нервнаго сжатія горла.

Мать и дочь словно помѣнялись ролями: выдержка, спокойствіе, снисходительность были на сторонѣ дочери; необузданность, вѣчныя перемѣны настроенія, чисто дѣтскіе переходы отъ гнѣва къ слезамъ, отъ горя къ радости — со стороны матери. Мать просила прощенія,—дочь прощала. Мать бѣсновалась, — дочь снисходительно старалась отстранить отъ нея поводы, могущіе вызвать такія бѣснованія, какъ отъ капризнаго ребенка отдаляютъ все, что можетъ лишній разъ вызвать его капризы. Положеніе было слишкомъ неестественно, обѣ стороны про себя мечтали о скорѣйшемъ прекращеніи этой невыносимой совмѣстной пытки. Въ началѣ весны 1822 года представился къ этому удобный поводъ.

Близъ Мелена, въ своемъ имѣніи Плесси-Пикаръ, жило семейство Ретье-Дюплесси или дю-Плесси. Джэмсъ Дюплесси былъ нѣкогда большимъ другомъ покойнаго Мориса Дюпена, съ которымъ вмѣстѣ служилъ въ кавалеріи во время войнъ республики. По окончаніи войны дружба продолжалась, и Дюплесси часто навѣщалъ въ Ноганѣ сначала счастливое семейство Дюпеновъ, а послѣ смерти Дюпена двухъ убитыхъ горемъ, осиротѣвшихъ женщинъ, которыхъ всегда умѣлъ развлечь и развеселить. Онъ былъ также очень друженъ съ Ипполитомъ Шатирономъ. Въ началѣ весны 1822 года Софія Дюпенъ съ Авророй поѣхали на три дня погостить къ Дюплесси [1]).

[1]) Жоржъ Сандъ неизвѣстно почему говоритъ въ этомъ мѣстѣ „Histoire de ma vie", что ея мать только что передъ тѣмъ познакомилась съ Дюплесси на

Дюплесси жили въ своемъ прекрасномъ, обширномъ деревенскомъ замкѣ, окруженномъ паркомъ и полями; жили они большой, дружной и веселой семьей, состоявшей изъ самого Джемса Дюплесси — бодраго и веселаго, отставного сорокалѣтняго военнаго, нѣкогда лихого кавалериста и кутилы, а теперь нѣжнаго и преданнаго отца семейства,—изъ его жены, M-me Анжель—умной и самостоятельно думавшей женщины, превосходнѣйшей семьянинки и хозяйки, и изъ ихъ 5 дочерей, да еще изъ цѣлой кучи сосѣдей и родственниковъ съ дѣтьми, которыя наполняли домъ смѣхомъ и шумомъ. Были тутъ сестра M-me Анжель—M-me Гондуэнъ-де-Сентъ-Аньянъ (Gondoin de Saint-Aignan или St.-Agnan) съ тремя дочерьми: Эльвирой, Фелиси и Мелиной; семейство Saint-Martin съ сыномъ Норберомъ; Лоиза Пюже (Loisa Puget) съ матерью; старикъ Станиславъ Гю (Hue),—двойникъ Плюшкина и злой языкъ;—старикъ Каронъ—всеобщій другъ и пріятель; Эжень Сандрэ и цѣлая масса другихъ, старыхъ и малыхъ. Часто наѣзжалъ сюда и другъ Дюплесси, отставной полковникъ баронъ Дюдеванъ со своимъ незаконнымъ сыномъ Казиміромъ, 27-лѣтнимъ юношей [1]), отслужившимъ два года въ военной службѣ, а затѣмъ прослушавшимъ въ Парижѣ курсъ юридическихъ наукъ и только что сдавшимъ экзамены. Свобода, веселье и непринужденность царствовали въ этомъ многочисленномъ обществѣ, жившемъ дружно, какъ одна большая семья. Молодежь, отъ едва начинавшихъ переступать младенцевъ до взрослыхъ юношей, цѣлый день бѣгала по полямъ и лугамъ и предавалась самому шумному веселью. Игра въ мячъ и въ воланъ слѣдовала за жмурками и прятками, танцы смѣнялись кавалькадами, кавалькады—лаптою.

обѣдѣ у леди де-Бомонъ (de Beaumont), приходившагося сводным братомъ бабкѣ Авроры,—такъ какъ онъ былъ сыномъ ея прабабки, актрисы Веррьеръ и герцога Бульонскаго,—и бывшаго прелатомъ. Это показаніе Жоржъ-Сандъ совершенно невѣрно.

[1]) Франсуа-Казиміръ Дюдеванъ родился 6-го іюля 1795 года въ Помпіэ (департам. Ло-и-Гаронна) и въ 1822 году былъ кандидатомъ правъ и подпоручикомъ въ отставкѣ („licencié en droit et sous-lieutenant en non-activité“, какъ сказано въ брачномъ свидѣтельствѣ). Большинство біографовъ Жоржъ Сандъ говорятъ, что Аврора Дюпенъ вышла замужъ за „барона“ Казиміра Дюдевана, но это ошибка, ибо 1-хъ, какъ незаконный сынъ онъ и вовсе не имѣлъ права на этотъ титулъ, да и фактически сталъ пользоваться имъ лишь послѣ смерти отца, въ 1826 г. Въ русской біографіи Жоржъ Сандъ изданной Павленковымъ въ его „Біографической Библіотекѣ“ (*Жизнь замѣчательныхъ людей*), Казиміръ Дюдеванъ называется „офицеромъ“, которымъ онъ не былъ. Впрочемъ эта біографія вообще полна неточностей и ошибокъ.

Трудно было бы придумать что-либо лучшее для бѣдной Авроры, чѣмъ то, что посылала ей судьба въ Плесси. Здѣсь нашла она то, чего ей не доставало съ дѣтства, а особенно со времени смерти отца: дружную и спокойную семейную обстановку и здоровое молодое веселье. Семейныя распри между бабушкой и матерью,—и одиночество: одиночество съ любимыми книгами въ тишинѣ Ногана, подлѣ умирающей бабушки, и одиночество въ Парижѣ съ глазу на глазъ съ сумасбродной и почти невмѣняемой матерью; вотъ какова была семейная жизнь Авроры. Не мудрено, что эта жизнь привела молодую дѣвушку къ мрачнымъ мыслямъ и тяжелому, угнетенному состоянію духа. Правда, мы знаемъ что съ самаго ранняго дѣтства въ характерѣ дѣвочки замѣчалась склонность къ самоуглубленію и мечтательности. Но съ дѣтства же періоды тихаго размышленія смѣнялись періодами необузданной дѣятельности, бѣшеннаго веселья. Дѣтская природа словно возмущалась противъ несвойственной ей серьезности и вознаграждала себя за часы потеряннаго времени—цѣлыми днями бѣготни по Ноганскимъ полямъ или монастырскимъ корридорамъ и недѣлями ребяческихъ шалостей. Но за послѣдніе годы періоды размышленія сдѣлались постоянными, веселиться было некогда, да веселье и на умъ не шло. Слишкомъ тяжело жилось. А за время послѣдняго пребыванія въ Парижѣ это тяжелое настроеніе дошло до совершеннаго отчаянія, изъ котораго Аврора и не мечтала уже выйти когда нибудь. И вдругъ поѣздка въ Плесси все разомъ измѣнила и просто спасла бѣдную дѣвушку.

Софія Дюпенъ, не выносившая долгой жизни въ деревнѣ, черезъ 3 дня уѣхала обратно въ Парижъ, обѣщая черезъ недѣлю вернуться—и не вернуласъ нѣсколько мѣсяцевъ, точно обрадовавшись, что по-своему развязалась съ такой несносной и неподходящей дочерью, какъ Аврора. Молодая дѣвушка со своей стороны не думала о возвращеніи домой. Она со всей страстью своей увлекающейся натуры и со всѣмъ запасомъ молодыхъ силъ отдалась забавамъ и проказамъ окружавшей ее молодежи. Точно торопясь наверстать потерянное золотое время, она была неутомима въ играхъ. Она первая изобрѣтала всевозможныя новыя продѣлки и прогулки, предводительствовала младшими, подзадоривала старшихъ; и не было ребенка въ Плесси, который бы такъ отъ души хохоталъ и такъ отъ души веселился, какъ эта смуглая семнадцатилѣтняя дѣвушка. Она забыла всѣ свои черныя мысли, сбросила апатію и равнодушіе. Она чувствовала себя какъ дома и ото всего сердца привяза-

лась къ хозяевамъ, къ которымъ стала относиться отнынѣ и втеченіе всей своей жизни какъ къ своимъ роднымъ и лучшимъ друзьямъ. Дюплесси со своей стороны точно усыновили ее. M-me Анжель, несмотря на свои сѣдѣющіе волосы и многочисленную семью, бывшая еще совсѣмъ молодою женщиной, сразу какъ-то подружилась съ Авророй; онѣ очень походили другъ на друга по своему независимому характеру, и привычкамъ и по любви къ свободѣ. Замѣтивъ, какъ заброшена и предоставлена самой себѣ была эта бѣдная *богатая наслѣдница*, у которой даже порядочнаго гардероба не было,—такъ какъ некому было о ней заботиться: она сама была слишкомъ безпечна, а мать ея, даромъ, что сама любила рядиться, но о дочери въ этомъ отношеніи вовсе не заботилась;—итакъ, замѣтивъ, что вся одежда и обувь Авроры были въ состояніи невозможной ветхости, г-жа Анжель начала съ того, что съ головы до ногъ заново одѣла Аврору. Затѣмъ мало по малу она взяла на себя всѣ заботы о матерьяльной и духовной жизни Авроры, относилась къ ней какъ къ своей старшей, шестой дочери и другу,— и окончилось тѣмъ, что не только сама Аврора стала звать ее „мамашей,“ какъ звала „папашей“ Джемса, но и вся прислуга и всѣ гости въ Плесси говорили ей про Джемса—„вашъ отецъ“, а про г-жу Анжель—„ваша мать“. А госпожу Сентъ-Аньянъ, которую она тоже искренно полюбила, Аврора стала звать „ma tante“,—и такъ оно продолжалось и всегда потомъ.

Когда Дюплесси ѣздили въ Парижъ,—они всегда брали съ собой Аврору. И хотя она останавливалась у матери, но цѣлые дни проводила со своими новыми названными родителями. Они съ утра приходили за Авророй, гуляли съ нею по Парижу, показывали ей его достопримѣчательности, брали ее съ собою обѣдать къ „Frères Provençaux“ или въ „Café de Paris“, а вечеромъ въ театръ или циркъ. Аврора была съ ними неразлучна, а Софья Дюпенъ была, повидимому, очень довольна, сваливъ съ себя опеку надъ дочерью на Дюплесси. Какъ видно, она возставала противъ Вильневовъ вовсе не потому, что не могла жить безъ дочери, а просто для того, чтобы не покориться волѣ ненавистной свекрови даже послѣ ея смерти.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ Парижъ, когда Дюплесси съ Авророй сидѣли у Тортони и ѣли мороженое, „мама Анжель“ сказала мужу: „А вотъ и Казиміръ“. „Это былъ веселый, стройный и довольно элегантный молодой человѣкъ, съ манерами бывшаго военнаго; онъ подошелъ пожать руку Дюплесси и поговорить о своемъ отцѣ, полковникѣ Дюдеванѣ, о

которомъ его спрашивали и котораго вся семья Дюплесси любила и уважала. Онъ присѣлъ подлѣ M-me Анжель и спросилъ шопотомъ, кто это такая? „Это моя дочь“,—отвѣтила громко M-me Анжель. — „Значитъ, — продолжалъ онъ тихонько,— это моя жена. Вѣдь вы знаете, что обѣщали мнѣ руку вашей старшей дочери. Я думалъ, что это будетъ Вильфрида, но такъ какъ эта кажется еще лучше подходитъ мнѣ по лѣтамъ, то я согласенъ на ней жениться, если вы ее за меня отдадите“. M-me Анжель засмѣялась, но эта шутка оказалась пророческою“ [1]).

Черезъ нѣсколько дней Казиміръ пріѣхалъ въ Плесси, тотчасъ присоединился къ компаніи молодежи и съ удовольствіемъ принялъ участіе во всѣхъ дѣтскихъ играхъ, что очень понравилось Аврорѣ. Онъ и не думалъ ухаживать за нею. Между ними наоборотъ сразу установились чисто-товарищескія отношенія, и Казиміръ часто говорилъ M-me Анжель объ Аврорѣ: „Ваша дочь славный малый“. Аврора со своей стороны говорила ей: „Вашъ зять хорошій мальчикъ“. Старикъ Станиславъ Гю какъ то закричалъ во время лапты въ саду: „Догоняйте же вашего *мужа!*“ Казиміръ въ разгарѣ игры кричалъ въ свою очередь: „Да освобождайте же мою жену!“ Послѣ этого Казиміръ и Аврора стали называть другъ друга мужемъ и женой, ни мало не смущаясь и не думая вовсе о любви „точно они были такія же дѣти, какъ маленькій Норберъ и Жюстина“. Однако, взрослые вскорѣ придали серьезное значеніе этой игрѣ. Прежде всего тотъ же Станиславъ Гю съ злорадствомъ сказалъ что-то язвительное Аврорѣ и на ея удивленный вопросъ отвѣтилъ, что напрасно она продолжаетъ эту игру: выйти замужъ за Казиміра она не можетъ, ибо онъ слишкомъ богатъ для нея. Аврора, которая смотрѣла на все это какъ на шутку, очень огорчилась и обратилась къ своему названному отцу съ вопросомъ: какъ ей быть? Тотъ объяснилъ ей, что скорѣе она со своимъ полумилліоннымъ состояніемъ является выгодной партіей для Казиміра, что Казиміръ, какъ незаконный сынъ, имѣетъ право лишь на половину имѣнія отца, другая половина будетъ принадлежать его мачихѣ, а остальные доходы его отца: пенсія имперскаго барона и отставнаго офицера — принадлежатъ лишь лично ему и къ сыну не перейдутъ. Значитъ не она, а Казиміръ выигралъ бы, еслибъ они дѣйствительно жени-

[1]) „Исторія моей жизни,“ т. III, стр. 420—421.

лись, но такъ какъ объ этомъ и рѣчи нѣтъ, то, если Аврорѣ непріятна вся эта шутка, ее очень легко прекратить: стоитъ лишь сказать о томъ нѣсколько словъ Казиміру. Однако Аврора этого не захотѣла, не придавая всему этому никакого значенія, и дѣло осталось по прежнему.

Казиміръ уѣхалъ и вновь пріѣхалъ. Но когда онъ вернулся, онъ былъ уже болѣе серьезенъ и съ большой искренностью и простотой сдѣлалъ предложеніе самой Аврорѣ, отступивъ, такимъ образомъ, отъ французскихъ обычаевъ; но, по его словамъ, онъ желалъ получить согласіе Авроры, прежде чѣмъ обратиться къ ея матери.

„Онъ не говорилъ о любви и признался, что мало способенъ на внезапную страсть и восторженное чувство, и во всякомъ случаѣ мало способенъ выражать его увлекательными рѣчами. Онъ говорилъ о непоколебимой дружбѣ и сравнивалъ то счастье, которое онъ могъ мнѣ обѣщать, со спокойной семейной жизнью нашихъ хозяевъ. „Чтобы вамъ доказать, какъ я увѣренъ въ себѣ, я сознаюсь вамъ, что съ перваго взгляда я былъ пораженъ вашимъ разумнымъ и добрымъ видомъ. Я нашелъ васъ ни красавицей, ни хорошенькой, я не зналъ, кто вы такая, я никогда о васъ не слыхалъ и все-таки, когда я въ шутку сказалъ M-me Анжель, что вы будете моей женой, я вдругъ почувствовалъ, что еслибы это случилось, то я былъ бы очень счастливъ. Эта смутная мысль съ каждымъ днемъ дѣлалась мнѣ все яснѣе, и когда я началъ съ вами играть и смѣяться, мнѣ показалось, что я васъ давно зналъ и что мы были старыми друзьями“.

Все это очень понравилось Аврорѣ. Казиміръ ей нравился, какъ хорошій товарищъ, добрый и веселый малый; отъ Дюплесси она слышала очень много хорошаго о немъ самомъ и всей его семьѣ. Ей даже пришлось по сердцу то, что онъ ей ничего не говорилъ о страстной любви, не клялся, не вздыхалъ, а наоборотъ объяснился съ нею почти холодно. За свою короткую жизнь ей пришлось столько уже настрадаться отъ избытка любви и страсти у близкихъ людей, что ее успокоило и обрадовало такое хладнокровіе. И она позволила ему переговорить съ матерью.

Казиміръ не былъ первымъ претендентомъ на руку Авроры. Со времени ея переселенія въ Дюплесси—она получила уже нѣсколько предложеній; все это были „партіи,“ о которыхъ хлопотали или дядя де-Бомонъ, или дядя Марешаль, или другъ матери, Пьерре, и все это были люди, совершенно незнакомые Аврорѣ, но зато, повидимому, слишкомъ хорошо знакомые съ размѣрами ея приданаго. Это было настолько прозрачно, что молодая дѣвушка, при всей своей неопытности, и несмотря на то, что

многіе изъ этихъ господъ были и знатны и сами богаты, несмотря, на все это, Аврора, не задумываясь, отвергла всѣ эти предложенія. Дѣлала она это однако очень осторожно, зная, что слишкомъ рѣзкій отказъ съ ея стороны повелъ бы лишь къ тому, что мать ея, изъ противорѣчія, стала бы настаивать и выдала бы ее замужъ.

Аврора, повидимому, сдѣлала исключеніе для Казиміра, не заподозривъ, что и съ его стороны это былъ „бракъ по разсчету.“ Жоржъ Сандъ въ „*Исторіи моей жизни*“ тоже нигдѣ этого не говоритъ. Но для насъ очевидно изъ сопоставленія всѣхъ фактовъ и указаній, встрѣчающихся въ „Histoire“ и во всей изданной и *неизданной* корреспондеціи Жоржъ Сандъ, что Казиміръ совершенно такъ же, какъ и всѣ другіе претенденты на руку Авроры, видѣлъ въ ней прежде всего богатую наслѣдницу; богатство же въ его глазахъ было первымъ достоинствомъ. Пріобрѣтеніе и сохраненіе богатства, пріобрѣтеніе чего бы то ни было вообще—это, можетъ быть, была единственная настоящая, живая страсть въ этомъ безцвѣтномъ и безличномъ человѣкѣ. Всѣ остальныя его занятія, удовольствія и привычки: служба муниципальная (онъ былъ мэромъ сначала въ Ноганѣ, а потомъ въ Гильери близь Нерака, въ имѣніи отца), участіе въ мѣстныхъ выборахъ и политика, сельское хозяйство и охота, вино и разныя мимолетныя связи съ горничными и т. п.—все это являлось какъ бы мимоходомъ, составляло какъ бы обыденное времяпрепровожденіе и обыденныя слабости деревенскаго дворянина. Желаніе пріобрѣсти, разбогатѣть, *не упустить чего-нибудь изъ рукъ*—вотъ что было господствующею страстью въ Дюдеванѣ, что съ каждымъ годомъ становилось все сильнѣе и сильнѣе, а къ старости перешло въ почти неприличную жадность къ деньгамъ, въ феноменальное скряжничество, доводившее его до самыхъ комически-мелочныхъ счетовъ съ разведенной уже женой и дѣтьми.

Но повторяемъ, тогда Аврора Дюпенъ не съумѣла разглядѣть въ своемъ женихѣ этого пристрастія къ деньгамъ. А Жоржъ Сандъ не нашла нужнымъ въ „*Исторіи*“ сознаться въ томъ, что впослѣдствіи сдѣлалось для нея слишкомъ ясно. Указаній же на то, что впослѣдствіи она это хорошо знала, мы встрѣчаемъ много во всей ея корреспонденціи. Итакъ, въ 1822 году Аврора отнеслась съ полнымъ довѣріемъ къ „товарищескимъ“ чувствамъ Казиміра Дюдевана и разрѣшила ему переговорить съ матерью.

Теперь приходилось опять дипломатствовать и хитрить съ

этой послѣдней. Когда она все узнала, она сначала согласилась; потомъ заартачилась; потомъ снова согласилась; долгое время она то дразнила Казиміра, то злилась на него, или разсказывала про него разныя небылицы, вродѣ того, что она *„открыла“*, будто онъ прежде служилъ гарсономъ въ кафе; то она ссорилась съ Казиміромъ, то опять мирилась. Но такъ какъ онъ былъ не такой натурой, которую это могло бы мучить, какъ Аврору, и противопоставлялъ всѣмъ этимъ выходкамъ хладнокровное равнодушіе, то Софіи все это скоро надоѣло, и она помирилась съ мыслью, что ея дочь выйдетъ за Дюдевана. Окончательно покорило ее то, что баронесса Дюдеванъ, мачиха Казиміра, изящная и тонная барыня, первая пріѣхала къ ней съ визитомъ и оказала ей вообще много вниманія. Для болѣзненно-самолюбивой Софіи, которой всю жизнь приходилось выносить обиды и уколы по поводу своего прошлаго со стороны разныхъ дамъ и господъ,— этого вниманія и любезности было слишкомъ достаточно, чтобы воспылать тотчасъ нѣжностью къ семейству Дюдевановъ,—и дѣло Казиміра было выиграно. Однако къ самому Казиміру Софія продолжала до самой свадьбы относиться почти враждебно. Слѣдствіемъ этого было между прочимъ то, что Аврора вышла замужъ, какъ говорится во Франціи, *„sous le régime dotal“*. Во Франціи недвижимое имущество жены становится общею собственностью супруговъ и поступаетъ въ безконтрольное распоряженіе мужа, если въ брачномъ контрактѣ съ точностью не оговорено, что̀ составляетъ собственность жены, и что̀—мужа. Въ такомъ случаѣ и говорится, что брачный контрактъ *„soumis au régime dotal“*. Имущество жены находится всегда въ распоряженіи мужа и съ его согласія можетъ быть продано, заложено и т. д. Но если бракъ заключенъ sous le régime dotal, то имущество—пока существуетъ бракъ, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ отчуждено, даже и съ согласія мужа. Брачнымъ контрактомъ Авроры, „soumis au régime dotal“, за нею укрѣплялось все ея личное имущество (въ 500,000 франковъ) и сверхъ того выговаривалось родными, что, пользуясь доходами жены и управляя ея имѣніемъ, Казиміръ обязывался выплачивать ей на ея личные расходы ежегодную ренту въ 3,000 фр. Жоржъ Сандъ полагаетъ, что этимъ мать ея просто хотѣла до послѣдней минуты своей опеки надъ дочерью проявлять свою власть и значеніе и сдѣлать маленькую непріятность Казиміру. Мы видимъ въ этомъ проницательность Софіи, которая, при всей своей неуравновѣшенности, была очень практическая женщина, хорошо угадывала людей, и вѣроятно успѣла замѣтить въ молодомъ Дю-

деванѣ такія черты, которыя заставили ее съ особенною заботливостью отнестись къ вопросу о будущемъ обезпеченіи дочери. Мы очень скоро увидимъ, насколько она была права и какую услугу она оказала дочери,—услугу, имѣвшую вліяніе на всю послѣдующую жизнь Авроры. Въ то время Аврора этого не могла ни знать, ни цѣнить. Наоборотъ, ее тогда возмутило это недовѣріе къ честности ея будущаго мужа, всѣ эти счеты и разсчеты. „Инстинктъ поэтовъ повидимому начиналъ сказываться въ ней", сказалъ объ этомъ впослѣдствіи Мишель изъ Буржа. И когда оказалось, что у Казиміра состояніе чуть не въ 10 разъ меньше, чѣмъ у нея [1]), то Аврора просто воспротивилась тому, чтобъ мужъ былъ обязанъ выплачивать ей (изъ ея же впрочемъ денегъ) на ея личные расходы 3,000 франковъ; потребовала, чтобъ эту сумму уменьшили ровно вдвое, и сверхъ того, чтобы какъ нибудь *сравнять* состоянія свое и мужа, великодушная дѣвушка потребовала, чтобы между ними была такъ наз. „communauté d'acquêts", то есть, чтобы все вновь пріобрѣтаемое на средства одного изъ супруговъ дѣлалось общимъ достояніемъ.

Однако все таки брачный контрактъ былъ „*soumis au régime dotal*", такъ что требованіе матери Авроры и ея ближайшихъ друзей, къ счастью, было исполнено. Свадьба произошла 10-го сентября [2]) 1822 года, и затѣмъ молодые, сдѣлавъ и принявъ всѣ свадебные визиты, уѣхали въ Ноганъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о замужней жизни Авроры Дюдеванъ, такъ трагически кончившейся, прежде чѣмъ обратиться къ характеристикѣ Казиміра Дюдевана, мы теперь же скажемъ, что всѣ обстоятельства этого брака, насколько мы успѣли передать ихъ читателю, вызываютъ очень грустное чувство. Молодая, красивая, образованная и богатая дѣвушка выходитъ замужъ почти что за перваго встрѣчнаго, который предложилъ ей руку (такимъ надо считать Дюдевана, потому что другихъ своихъ претендентовъ она почти и не видѣла)—выходитъ безъ любви, не думая о ней, не понимая еще даже, что̀ такое любовь и что̀ такое бракъ безъ любви. Она

[1]) Изъ неизданнаго письма Жоржъ Сандъ къ матери, написаннаго во время процесса Дюдевановъ явствуетъ, что въ 1822 г. у Казиміра было 60,000 фр., да послѣ смерти отца въ 1826 г. онъ получилъ еще 40,000. (Письмо отъ конца января 1836 г).

[2]) Г. Рошблавъ въ своей статьѣ „George Sand avant George Sand" (*Revue de Paris*, 15 Mars 1896) говоритъ, что свадьба состоялась 22 сентября. Это *ошибка*. Въ брачномъ свидѣтельствѣ стоитъ: „Du dix septembre mil huit cent vingt deux, onze heures du matin".

просто выходитъ за товарища дѣтскихъ игръ, не подозрѣвая и не заботясь о томъ, что одного такого веселаго товарищества слишкомъ мало для счастья, мало даже для сколько нибудь сносной общей жизни. Прошелъ бы годъ, два, три—и Аврора узнала бы хоть немного жизнь и людей; можетъ быть въ ней проснулось бы настоящее чувство, и тогда она не такъ легко отдала бы себя, свою молодую жизнь и свою будущность въ руки человѣка, который хоть и былъ немногимъ старше ея и зналъ жизнь, но тоже не считалъ нужнымъ требовать ни отъ себя, ни отъ своей будущей жены серьезнаго чувства. Оба думали о любви какъ о чемъ-то совершенно излишнемъ. Все казалось такъ просто этому ребенку-дѣвушкѣ, которая, правда, мало знала людей, но внутренняя жизнь которой была такъ богата и сложна. Все казалось такъ просто молодому провинціалу, во всю свою жизнь не задумывавшемуся надъ чѣмъ либо похожимъ на сложное чувство или мысль. И все это было такъ не просто и такъ не просто оно окончилось. Тогда не только ни одинъ изъ двухъ молодыхъ людей, но и никто изъ окружающихъ ни о чемъ трагическомъ въ будущемъ не думалъ, и никто не придавалъ никакого значенія отсутствію любви въ этомъ бракѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ ни хорошо жилось Аврорѣ у Дюплесси, все же это былъ чужой домъ, а своего у нея въ ту пору все равно что не было: въ Ноганъ мать рѣшительно отказалась ѣхать, а одна Аврора не могла вернуться туда, но она не могла вернуться и въ Парижъ къ матери,—эта жизнь была слишкомъ невыносима. Она устала, ей нуженъ былъ выходъ изъ зависимаго, неопредѣленнаго положенія, и вотъ она съ радостью ухватилась за первую возможность освобожденія. И она промѣняла однѣ цѣпи на другія: зависимость на рабство. Нѣтъ сомнѣнія, что будь жива бабушка, будь жизнь Авроры не такою, какою она была въ Парижѣ, а счастливою и спокойною,—врядъ ли она такъ поторопилась бы. Этотъ шагъ, который мы прямо ставимъ на счетъ ея печальной молодости и тяжелой семейной обстановки,—этотъ шагъ имѣлъ страшное значеніе и въ личной судьбѣ Авроры Дюпенъ и въ развитіи ея общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ. Выйди Аврора замужъ по любви, или окажись мужъ ея человѣкомъ понимающимъ ее, достойнымъ ея, равнымъ ей по духовному развитію; будь между супругами гармонія и настоящее счастье,—какъ знать, явилась ли бы на свѣтъ писательница Жоржъ Сандъ, и подняла ли бы писательница Жоржъ Сандъ всѣ тѣ „женскіе во-

просы", которые неразрывно связаны съ нѣкоторыми изъ ея романовъ.

Слишкомъ наивно было бы воображать, что только браки по страстной любви бываютъ счастливыми и что только такіе браки прочны и приводятъ къ счастливой и спокойной семейной жизни. Спокойная и счастливая семейная жизнь по большой части обусловливается тремя данными, а идеальное супружество, это такое, гдѣ эти три данныя соединяются вмѣстѣ. *Во-первыхъ*: сходство или по крайней мѣрѣ извѣстное равенство въ высотѣ жизненныхъ требованій, интересовъ, вкусовъ и вѣрованій, являющихся основаніемъ взаимнаго пониманія и той интеллектуальной гармоніи, которыя въ концѣ концовъ замѣняютъ истинное счастіе и приводятъ къ той же спокойной совмѣстной жизни, къ какой приходятъ и страстно влюбленные нѣкогда супруги. *Во-вторыхъ*: горячая взаимная любовь, заставляющая дорожить другъ другомъ вопреки всему, все прощать другъ другу, даже и несходство и неравенство въ убѣжденіяхъ, интересахъ и вѣрованіяхъ,—то есть прощать и забывать какъ разъ отсутствіе перваго указаннаго нами фактора, необходимаго для истиннаго душевнаго счастья. *Въ-третьихъ*: внѣшняя, такъ сказать, порядочность въ отношеніяхъ, то есть умѣніе съ терпѣніемъ и терпимостью, съ достоинствомъ и уваженіемъ относиться къ своему товарищу жизни, недостаточно горячо любимому или несходному по убѣжденіямъ и интересамъ, но съ которымъ судьба связала навѣки. Эти три условія, въ сущности всѣ обязательныя для истинно-человѣческой семьи, встрѣчаются вмѣстѣ взятыми чрезвычайно рѣдко, но каждаго изъ нихъ въ отдѣльности уже достаточно для того, чтобы семья была болѣе или менѣе прочна: и вотъ почему еще сравнительно такъ много счастливыхъ браковъ, хотя быть можетъ на всемъ свѣтѣ не найдется вполнѣ подходящихъ другъ другу двухъ людей. Въ бракѣ Казиміра и Авроры Дюдевановъ отсутствовали всѣ эти три условія—и вотъ почему онъ логически окончился разрывомъ,а въ теченіе четырнадцати лѣтъ своего существованія являлся взаимнымъ мученіемъ для обоихъ. Наоборотъ, на лицо три чисто отрицательныя данныя: 1) ничтожность и посредственность человѣка, который сталъ рядомъ съ такой выходящей изъ ряду вонъ натурой, какой была Аврора, и который и по закону, и по собственному мнѣнію считалъ себя вправѣ быть главой въ домѣ и семьѣ; 2) отсутствіе съ обѣихъ сторонъ настоящей любви; 3) дикій и необузданный нравъ и грубость Казиміра, приведшіе его къ самымъ возмутительнымъ поступкамъ, къ насиліямъ, заставившимъ Аврору

сначала временно покинуть супружескій кровъ, а въ концѣ концовъ искать защиты и предъ судомъ.

Хотя Жоржъ Сандъ въ своей „*Исторіи*“ нашла нужнымъ какъ можно сдержаннѣе говорить о Дюдеванѣ и въ объясненіе этого сказать, что „съ тѣхъ поръ какъ былъ объявленъ и состоялся разводъ, я поспѣшила забыть всѣ мои неудовольствія (griefs) въ томъ смыслѣ слова, что всякія публичныя обвиненія противъ него мнѣ кажутся дурнымъ тономъ (de mauvais goût) и заставляли бы предполагать во мнѣ продолжающееся озлобленіе, въ которомъ я неповинна“ [1]). Но по нашему мнѣнію въ этой сдержанности она зашла черезъ-чуръ далеко, такъ что, зная факты изъ жизни Дюдевановъ и многія черты характера Казиміра, и читая иныя страницы „*Исторіи моей жизни*“,—испытываешь какое-то странное чувство недоумѣнія и спрашиваешь себя: „Что это — рисовка своимъ великодушіемъ со стороны Жоржъ Сандъ? или она въ самомъ дѣлѣ успѣла забыть всѣ свои anciens griefs—старинныя неудовольствія?“

Поэтому намъ кажется совершенно необходимымъ, не обращая вниманія на этотъ снисходительный тонъ Жоржъ Сандъ и умалчиванья ея въ разсказѣ о Дюдеванѣ, передавать факты такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ были, и не пугаться того, что выводы, къ которымъ они приведутъ, мало будутъ подходить къ „прекраснодушію“ этихъ страницъ „*Исторіи моей жизни*“.

Итакъ, возвращаясь къ разсказу о причинахъ несогласій и несчастья Дюдевановъ, повторимъ, что будь Казиміръ болѣе равенъ Аврорѣ по развитію и стремленіямъ,—можетъ быть она примирилась бы съ отсутствіемъ истиннаго чувства. Люби онъ ее, какъ она того инстинктивно жаждала и заслуживала—она примирилась бы съ этимъ неравенствомъ духовнымъ. Наконецъ, очень можетъ быть, что внѣшняя дружеская манера быть другъ съ другомъ—заставила бы ихъ терпѣливо вдвоемъ нести свой крестъ и примириться и съ отсутствіемъ любви, и съ несходствомъ интересовъ; однимъ словомъ, не изображая изъ себя идеальную семью, Дюдеваны въ то же время явились бы одною изъ многихъ по внѣшности дружныхъ семей. Что это послѣднее не голословное предположеніе—это доказываютъ намъ имѣющіеся въ „Корреспонденціи“ Жоржъ Сандъ и въ „*Исторіи*“ факты, но эти же факты и данныя укажутъ намъ, что какъ только эта внѣшняя порядочность отношеній нарушилась между

1) „Исторія моей жизни“, томъ I, стр. 13.

Дюдеванами, такъ пропала и послѣдняя возможность къ продолженію совмѣстной жизни,—и они разошлись навсегда.

Всѣ біографы сходятся относительно характеристики Казиміра Дюдевана, при чемъ однако распадаются какъ бы на двѣ группы: одни, придерживаясь исключительно „*Исторіи моей жизни*“, гдѣ о Казимірѣ говорится съ указанною нами сдержанностью и мягкостью,—обращаютъ, главнымъ образомъ, вниманіе на совершенную его безличность и посредственность. Другіе, современники знаменитаго процесса 1836 года, или во всякомъ случаѣ хорошо знакомые съ тѣмъ, что̀ всплыло наружу во время его, подчеркиваютъ особенно грубость, необузданность Дюдевана, его пьянство, грубый развратъ, грубое отношеніе къ женѣ и т. д. И благодаря этому, многіе читатели склонны съ самаго начала видѣть въ Дюдеванѣ тирана и деспота, воображаютъ, что съ первыхъ дней брака у Дюдевановъ былъ адъ кромѣшный дома. Это невѣрно, и если грубость, деспотизмъ Казиміра и „адъ“—дѣйствительные факты, то во всякомъ случаѣ факты, относящіеся къ позднѣйшему времени. Сначала сыграли печальную роль именно „посредственность“ и „безцвѣтность“. А еще ранѣе, въ первые два года, бракъ этотъ можно считать прямо таки довольно счастливымъ. Такому смѣшенію фактовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, способствуетъ еще то, что въ „*Исторіи*“, почти немедленно вслѣдъ за разсказомъ о свадьбѣ, начинается разсказъ о томъ, какъ между супругами, безъ явной еще вражды, возникали непониманія и недоразумѣнія, какъ Дюдеваны начали скучать и, приписывая эту скуку уединенію Ногана, предприняли вскорѣ цѣлый рядъ путешествій: въ Гильери къ свекру, въ Бордо, Пиренеи, въ Парижъ, гдѣ даже прожили цѣлую зиму и т. д., и т. д. И вслѣдъ затѣмъ Жоржъ Сандъ переходитъ къ повѣствованію о своей грустной и одинокой душевной жизни, о своихъ смутныхъ стремленіяхъ, мечтаніяхъ и думахъ. Все это, въ сопоставленіи съ извѣстнымъ всему міру трагическимъ финаломъ брачной жизни Дюдевановъ, заставило и заставляетъ всѣхъ біографовъ Жоржъ Сандъ и всѣхъ читателей „*Исторіи*“ предполагать, что съ самаго начала этотъ бракъ былъ несчастливъ. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Хотя все это происходило потомъ дѣйствительно, но, во-первыхъ, все это надо отнести къ 1824 и 1825, а главнымъ образомъ даже къ 1827—1829 годамъ. А между 1822 и 1824 годами отношенія между супругами были не только самыми лучшими, какія только можно вообразить, но есть всѣ основанія думать, что Аврора прямо-таки

любила Казиміра. Разумѣется, это не была бурная страсть, и это чувство очень отличалось отъ тѣхъ, которыя Жоржъ Сандъ впослѣдствіи питала къ Мюссе или къ Мишелю изъ Буржа, но это была нѣжная, преданная и искренняя, немножко дѣтская любовь. Аврора относилась къ Казиміру съ самой сердечной заботливостью и дружбой—да и съ его стороны была и заботливость и своего рода сердечность, если только можно употребить это слово, говоря о немъ.

Въ 18—20 лѣтъ Аврора была еще вовсе не тѣмъ, чѣмъ она стала къ 27 годамъ, когда начала свою литературную карьеру; въ 1822—24 г. она не знала, что̀ называется настоящимъ чувствомъ, настоящею любовью; у нея еще не сложилось вполнѣ опредѣленныхъ требованій ни отъ себя, ни отъ окружающихъ; еще не составилось опредѣленныхъ понятій о томъ, въ чемъ заключается истинное счастье, истинно человѣческая жизнь, ея цѣли и задачи. Аврора даже не знала самоё себя и своихъ духовныхъ потребностей. Въ ней только инстинктивно просыпалась потребность любви, и видя подлѣ себя добраго, какъ ей казалось, и честнаго человѣка, она всей своей дѣтской душой привязалась къ нему. Надо сказать, что и Казиміръ въ тѣ годы вовсе не отличался тѣми качествами и чертами характера, которыя съ такою печальною очевидностью проявились впослѣдствіи и особенно ярко сказались во время процесса о разводѣ и дальнѣйшихъ дѣловыхъ сношеній между мужемъ и женой. Въ молодости онъ еще не былъ скупъ, не предавался пьянству, не заводилъ связей съ разными горничными, наконецъ и относительно жены не позволялъ себѣ ничего подобнаго тому, что̀ ей пришлось вынести впослѣдствіи—увы! очень скоро впрочемъ.

Едва переселясь въ Ноганъ, Аврора почувствовала, что будетъ матерью, и принялась съ любовью и заботливостью за такое прозаическое, но для нея полное самыхъ поэтическихъ надеждъ и мечтаній, занятіе, какъ изготовленіе приданаго для своего будущаго ребенка. До сихъ поръ она никогда не работала иглою, хотя бабушка ея и находила, что это необходимое знаніе для женщины. Теперь, съ увлеченіемъ, которое она вносила во все, за что ни бралась, Аврора принялась за изготовленіе чепчиковъ и кофточекъ и скоро достигла необыкновеннаго совершенства въ кройкѣ и шитьѣ, „une maéstria de coup de ciseaux“, которую сохранила и втеченіе всей своей жизни. Вѣроятно она наслѣдовала отъ своей матери эту способность. Намъ разсказывали ея друзья и родные, что эта способность

въ самое короткое время изъ всякой тряпки скроить и сшить какую-нибудь кофту для кого-нибудь изъ вѣчно окружавшихъ ее своихъ или чужихъ ребятъ, какую-нибудь епанчу для домашняго театра или цѣлый костюмъ для куклы своей дочки или внучки,—что эта способность дѣлать необыкновенно быстро и изящно и нужныя, обыденныя, и самыя фантастическія работы иглою была по-истинѣ изумительна. „У нея были волшебные пальчики“ (de petits doigts de fée), какъ выразился про нее одинъ ея старый пріятель. Зимою 1822—1823 года эти пальчики трудились надъ вышиваньемъ чепчиковъ, и этому занятію она посвящала все свое время, забывъ даже свои книги и тетради. Къ тому же здоровье ея было очень плохо. Она страдала всѣми тѣми недомоганіями, которыя иногда сопровождаютъ беременность, но вдобавокъ Аврора какъ то несчастливо упала, выходя изъ дому, вслѣдствіе чего произошли такія болѣзненныя явленія, что опасались за жизнь ея и ребенка, и Дешартръ, и домашній врачъ Десеръ (Decerfz) на 6 недѣль уложили ее неподвижно въ постель [1]). Благодаря такимъ во-время принятымъ мѣрамъ, все окончилось благополучно и 30-го іюня 1823 г. у Дюдевановъ родился сынъ Морисъ.

Незадолго до этого событія Дюдеваны переѣхали въ Парижъ и поселились въ rue Neuve des Mathurins въ домѣ № 56. Аврора съ полнымъ самозабвеніемъ отдалась материнству, она кормила и нянчила своего сына, дрожала надъ нимъ, пугалась отъ всякаго его крика или кашля; она страстно привязалась къ нему съ перваго же дня, и до дня ея смерти онъ остался ея сокровищемъ, ея утѣшеніемъ, ея отрадой. Это была самая прочная и самая счастливая, можетъ быть единственная не обманувшая ее никогда, привязанность. Всѣ письма Авроры Дюдеванъ изъ этихъ первыхъ лѣтъ полны разсказовъ о ребенкѣ. Она пишетъ о немъ матери, сестрѣ, старику Карону, всѣмъ.

Тѣмъ временемъ окончилась аренда Дешартра, онъ не захотѣлъ оставаться долѣе въ Ноганѣ, хотя вполнѣ ладилъ съ Казиміромъ и хотя Аврора уговаривала его остаться жить съ ними, и переѣхалъ въ Парижъ. Вѣроятно, онъ не захотѣлъ жить вторымъ послѣ хозяина лицомъ тамъ, гдѣ онъ провелъ 25 лѣтъ полновластнымъ господиномъ, почти не отдавая отчета настоя-

[1]) Въ неизданномъ письмѣ къ Каролинѣ Казамажу—старшей сестрѣ Авроры, отъ 7-го января 1823 г., Жоржъ Сандъ подробно разсказываетъ о своей болѣзни. Въ „Исторіи“ она говоритъ, что провела 6 недѣль въ постели, при чемъ развлекалась тѣмъ, что устроила въ комнатѣ нѣчто вродѣ садка и отогрѣвала замерзающихъ птичекъ. Зима была очень суровая.

щимъ хозяйкамъ—старухѣ Дюпенъ и Аврорѣ. Онъ уѣхалъ, а Казиміръ вступилъ въ фактическое управленіе Ноганомъ, вслѣдствіе чего къ зимѣ 1823—1824 г. Дюдеваны вернулись въ деревню, гдѣ и поселились, какъ они полагали, навсегда.

Между супругами царствовало въ это время полнѣйшее согласіе, единодушіе и самыя дружескія отношенія. Въ своихъ письмахъ Аврора почти всегда говоритъ въ первомъ лицѣ множественнаго числа—„мы“. „Мы день и ночь только и дѣлаемъ, что занимаемся Морисомъ“, пишетъ она о себѣ и мужѣ въ письмѣ къ матери отъ 24 февраля 1824 г. [1] „*Nous vous embrassons et nous sommes vos bons amis*“ (мы васъ цѣлуемъ и остаемся вашими добрыми друзьями), оканчиваетъ она одно изъ своихъ писемъ къ Карону [2]), и подписывается за обоихъ: „*les deux Casimirs*“. Нѣтъ письма къ матери, особенно изъ числа неизданныхъ, которыя мы имѣли случай просмотрѣть, гдѣ бы Аврора не говорила о Казимірѣ самымъ дружескимъ тономъ; она называетъ его за глаза „mon ami Casimir“, „mon bon ami“, или подражая крестьянкамъ: „mon homme“. Всѣ письма первыхъ лѣтъ полны указаній на то, съ какой заботливостью Аврора относилась къ мужу. Когда Дюдеваны гостили въ 1824 году у Дюплесси, и Казиміръ временно уѣзжалъ въ Ноганъ, Аврора нарочно ѣздила въ Парижъ только затѣмъ, чтобы „проводить и снарядить его“ [3]). Осенью Казиміръ вторично уѣзжалъ въ Ноганъ, и Аврора безпокоится, когда письма отъ него запаздываютъ или не приходятъ вовсе; она бомбардируетъ записками старика Карона, (который въ это время жилъ въ Парижѣ и исполнялъ разныя порученія Дюдевановъ, отъ покупки лентъ и заказа платьевъ для Авроры и до устройства денежныхъ дѣлъ Казиміра), и она требуетъ, чтобы Каронъ извѣстилъ ее, въ случаѣ если получитъ письмо раньше нея. Всякій лишній день безъ извѣстій просто приводитъ ее въ отчаяніе. Письма къ мужу (*неизданныя*) отъ 1, 3, 16 и 19 августа и 23 декабря 1824 полны выраженій самой нѣжной, почти страстной любви. Со своей стороны и Казиміръ, обѣщаясь писать ей съ дороги и даже „въ самый день отъѣзда“, хочетъ знать все, что дѣлаетъ жена въ его отсутствіе, и она „пишетъ ему цѣлые

[1]) Неиздан.

[2]) Корреспонденція, томъ I. Письмо отъ 21-го ноября 1829 года.

[3]) Въ неизданномъ письмѣ къ Карону отъ 15 іюня 1824 г. Аврора сообщаетъ объ этомъ и проситъ Карона проводить ее на возвратномъ пути въ Плесси, такъ какъ въ тѣ времена она повидимому не рѣшалась пускаться одна даже въ такое маленькое путешествіе.

томы", какъ она говоритъ въ письмѣ къ тому же Карону отъ 8-го ноября 1824 г. [1]). А 10-го ноября она опять пишетъ [2]):

„Я очень безпокоюсь, что не получаю извѣстій отъ Казиміра; онъ, который такъ аккуратенъ, не писалъ мнѣ послѣ того письма, что̀ вы мнѣ переслали 19-го... Однимъ словомъ, лучше какая бы то ни было увѣренность, чѣмъ неизвѣстность и безпокойство, въ которомъ я живу. Я не живу... будьте аккуратны въ пересылкѣ его писемъ, я васъ умоляю, мой другъ. Вы скажете, что безразсудно съ моей стороны такъ мучиться, и всѣ мнѣ это говорятъ. Но это зависитъ не отъ меня. Онъ уѣхалъ съ такимъ грустнымъ предчувствіемъ. Я все вижу въ черномъ свѣтѣ. Я подожду до завтра, но если и завтра не получу извѣстій, я поѣду въ Парижъ въ среду утромъ. Я не знаю къ чему это мнѣ послужитъ, но тѣло не можетъ оставаться на мѣстѣ, когда душа въ безпокойствѣ (le corps ne peut rester en place, quand l'esprit court les champs)".

Аврора видимо привязалась къ своему „товарищу игръ". Не забудемъ, что еще 15-ти лѣтъ, измученная и разбитая всѣмъ тѣмъ, что ей приходилось переносить изъ-за единственной своей страстной привязанности—изъ-за любви къ матери,—и не встрѣтивъ никого, кого она могла бы любить со всѣмъ пыломъ просыпающейся души,—она, по ея словамъ, сдѣлалась экзальтированно-религіозной, главнымъ образомъ потому, что, „*я должна была любить внѣ себя*" [3]). Съ тѣхъ поръ она стала еще болѣе одинокой: бабка ея умерла, религія болѣе ея не удовлетворяла. Аврора сдѣлала первые шаги въ жизни,—и эта потребность любить проснулась въ ней съ новой силой. И нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Дюдеванъ понималъ свою жену и былъ ей равнымъ, еслибъ онъ самъ былъ способенъ любить ее по настоящему и не прояви онъ на первыхъ же порахъ, всего черезъ два года послѣ свадьбы, признаковъ своей грубости и дикости, вѣроятно, это пробудившееся чувство расцвѣло бы пышнымъ цвѣтомъ, разгорѣлось бы яркимъ пламенемъ. Увы, ему суждено было поблекнуть, заглохнуть. Грубыя руки смяли нѣжное растеньице и не дали ему развиться; огонекъ потухъ и лишь гдѣ-то въ глубинѣ, подъ пепломъ, затаилась чуть живая искорка. И когда она впослѣдствіи вспыхнула пожаромъ,—она сожгла тотъ самый кровъ, который могла бы освѣтить и согрѣть.

Итакъ, первые два года прожили Дюдеваны довольно мирно и счастливо. Аврора возилась со своимъ ребенкомъ, хозяйни-

[1]) Неиздан.

[2]) Неиздан.

[3]) „Исторія моей жизни", томъ III, стр. 177.

ала, приготовляла маленькіе сюрпризы матери, свекрови и сестрѣ, варила варенье и шила мужу жилеты и штиблеты [1]). Казиміръ приводилъ въ порядокъ сельское хозяйство, веденное довольно безалаберно и немножко запущенное Дешартромъ, который вѣчно строилъ разные фантастическіе проекты и упускалъ изъ глазъ разныя существенныя въ хозяйствѣ вещи. Казиміръ же на первыхъ порахъ проявилъ большую дѣятельность и энергію. Онъ „подымалъ“ запущенные поля и луга, приводилъ въ порядокъ домъ, подчищалъ и подсаживалъ въ саду, стараясь все до мелочей подновить и поправить и въ домѣ и внѣ дома.

И вотъ тутъ-то, хоть и смутно, проявилось первое несогласіе между мужемъ и женой. Натуры были слишкомъ разныя. Онъ,—какъ Аврора сама впослѣдствіи опредѣляла себя и мужа въ одномъ неизданномъ своемъ письмѣ къ нему — „онъ любилъ сельское хозяйство, но мало любилъ сельскія описанія. Она любила сельскую природу, литературу, искусство“... и т. д. Какъ натура истинно поэтическая, Аврора любила тѣнистые, запущенные уголки въ саду, старинныя вещи въ домѣ, привязывалась къ старымъ фамильнымъ сувенирамъ и къ старымъ домашнимъ животнымъ. Когда исчезли эти дикіе уголки, эти облѣзшія преданныя собаки и старые павлины, хозяйничавшіе безнаказанно въ саду, когда и въ поляхъ и въ домѣ водворился образцовый порядокъ, Аврорѣ показалось, что что-то отняли у нея, что старый Ноганъ сталъ уже не тѣмъ, и на нее начали нападать припадки тоски, непонятной ни ей самой, ни Казиміру. Она стала нервничать, плакать безъ всякой видимой причины. Ни мужъ, ни жена не понимали, что это сказывалась съ одной стороны не находящая себѣ удовлетворенія потребность истинной любви, истинно-человѣческаго, духовнаго единенія съ любимымъ существомъ, съ другой стороны не сознающая еще себя, но уже ищущая выхода артистическая натура. Наконецъ много читавшая и уже въ отроческомъ возрастѣ такъ много передумавшая Аврора, поклонница Руссо и Байрона, почитательница Локка и Лейбница, эта душа, полная порывовъ ко всему великому и прекрасному и искренно мучившаяся надъ разрѣшеніемъ самыхъ глубокихъ вопросовъ человѣческаго бытія, эта душа просто томилась въ своемъ оди-

[1]) См. письмо къ M-elle St.-Agnan отъ 6 января 1830 г. (Revue Encyclopédique“, 1 сентября 1893 г.), Аврора разсказываетъ о томъ, какъ она прежде неумѣло обращалась съ иглою, но что съ тѣхъ поръ она „достигла совершенства въ прометываніи петель и шитьѣ штрипокъ для штиблетъ“.

ночествѣ. Ей не съ кѣмъ было поговорить, не съ кѣмъ подѣлиться своими серьезными мыслями или юношескими мечтаніями. Она вѣчно слышала лишь разговоры о накрытомъ на воровствѣ садовникѣ, о сѣнокосѣ, потравахъ, арендѣ за мельницу или о новомъ сортѣ яблоковъ. И она тосковала, нервничала, плакала и удивляла мужа своими странностями. Тогда оба они рѣшили, что Аврорѣ просто надо развлечься. Казиміръ, природный гасконецъ, не любилъ Берри, находя эту страну слишкомъ скучной и однообразной. И вотъ Дюдеваны рѣшили на время покинуть Ноганъ. Чтобы не чувствовать стѣсненія и ради взаимнаго удобства, они уговорили Дюплесси брать съ нихъ небольшую сумму за столъ и квартиру и, послѣ краткаго пребыванія въ Парижѣ (они провели Пасху съ родными), переселились въ апрѣлѣ 1824 года въ Плесси-Пикаръ.

Опять Аврора попала въ свой веселый дружескій кружокъ, который въ этомъ году увеличился еще нѣсколькими новыми членами. И опять ея тоску какъ рукой сняло, опять начались кавалькады, жмурки, лапта и горѣлки, суматоха и бѣготня съ утра до вечера. Изобрѣтались такія общія игры, въ которыхъ даже ходящія на четверенкахъ дѣти, какъ Морисъ, принимали участіе. И Казиміръ, только что удивлявшійся въ Ноганѣ постоянно угнетенному настроенію Авроры, ея безпричинной меланхоліи и вѣчнымъ слезамъ, теперь удивлялся ея ребяческимъ выходкамъ, вѣчному смѣху и тому, что бесѣдѣ со взрослыми она предпочитала бѣготню съ дѣтьми и подростками (она особенно дружна была съ двѣнадцатилѣтней Лоизой Пюже— впослѣдствіи извѣстной музыкантшей,—и четырнадцатилѣтней Фелиси Сентъ-Аньянъ). Въ цитированномъ уже нами письмѣ отъ 8-го ноября 1824 г. она пишетъ Карону:

„...я умираю отъ страха всегда, когда я должна разговаривать или поздно ложиться. Вы знаете, что мое высшее счастье заключается въ томъ, чтобы много спать, много ѣсть и ничего не говорить, или развѣ что съ такими добрыми друзьями, какъ вы“.

Казиміръ начиналъ не понимать жену и, какъ это весьма часто бываетъ, не понимая ее, считалъ себя по этому самому вправѣ относиться къ ней презрительно. Посторонніе люди и нѣкоторые изъ друзей тоже удивлялись Аврорѣ, которая какъ разъ послѣ „полосы размышленія и созерцанія“ находилась въ „полосѣ веселія“.

„Благодаря этимъ контрастамъ, многіе составили себѣ мнѣніе, что я совсѣмъ странная. Мой мужъ, болѣе снисходительный, рѣшилъ,

что я идіотка. Можетъ быть, онъ не былъ неправъ, и мало-по-малу, съ теченіемъ времени, онъ настолько далъ мнѣ почувствовать превосходство своего ума и благоразумія, что я была этимъ подавлена и казалась глупой въ обществѣ. Я на это не жаловалась. Дешартръ пріучилъ меня никогда рѣзко не перечить чужой непогрѣшимости, и эта система смиренія и молчанія какъ разъ подходила къ моей лѣни" [1]).

Но не всегда ребяческія выходки Авроры оканчивались такъ мирно и незамѣтно. Все чаще онѣ вызывали раздраженіе Казиміра. А одна изъ нихъ окончилась очень печально и сдѣлалась знаменательною датой въ исторіи Дюдевановъ. Однажды въ іюлѣ—это было 25-го, а по другой версіи 31-го іюля,—всѣ пили послѣ обѣда кофе на террассѣ въ Плесси. Аврора, Фелиси Сентъ-Аньянъ, Кларисса Лакруа и еще кто-то гонялись другъ за другомъ по террассѣ и, что называется, „возились". Одна изъ нихъ, видя свои неудачныя попытки догнать другую, бросила въ нее пескомъ. Нѣсколько песчинокъ попало въ чашку кофе „папаши Джемса". Онъ сказалъ расшалившейся молодежи, чтобъ онѣ перестали возиться. Но онѣ не переставали, и Аврора тоже бросила пескомъ. Тогда Казиміръ вышелъ изъ себя, грубо закричалъ на жену, чтобъ она тотчасъ прекратила эту дурацкую игру, и пригрозилъ ей, а когда она не послушалась, далъ ей пощечину. Аврора разрыдалась отъ гнѣва и обиды, убѣжала въ паркъ съ Фелиси и Клариссой и долго не могла успокоиться. Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ къ Фелиси, въ 1835 году, прося ее быть свидѣтельницей во время процесса о разводѣ, такъ какъ надо было говорить и объ этомъ происшествіи, Жоржъ Сандъ прибавляетъ, что „съ этого дня она перестала любить Дюдевана и стала относиться къ нему съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ" [2]). Но это не совсѣмъ такъ. Въ ноябрѣ этого самаго 1824 г. Дюдеванъ уѣзжаетъ въ Ноганъ и Аврора пишетъ Карону тѣ самыя письма, которыя нами уже упомянуты и въ которыхъ сказывается столько тревоги и привязанности къ мужу. Тѣмъ не менѣе событіе на террасѣ было очень знаменательно. Теперь уже не отъ объяснимыхъ и непонятныхъ причинъ могла плакать Аврора, какъ весною, и къ

[1]) „Исторія моей жизни", томъ III, стр. 441.

[2]) См. письмо къ Фелиси 1835 года;—оно написано, какъ можно заключить по нѣкоторымъ даннымъ, *послѣ* 1-го декабря 1835 г. „(*Revue Encyclop.*", 15 сент. 1893 г.) Этотъ же фактъ разсказывается въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ Авроры Дюдеванъ въ ея *avoué* (повѣренному) во время процессовъ съ мужемъ.

сожалѣнію этотъ прискорбный фактъ не остался единичнымъ, онъ явился лишь какъ бы предвѣстникомъ цѣлаго ряда подобныхъ же и еще болѣе возмутительныхъ и грубыхъ фактовъ. И если Жоржъ-Сандъ послѣ развода нашла нужнымъ о нихъ „забыть", то на обязанности историка, разсказывающаго исторію этого брака и развода, лежитъ именно не забывать ни одного подобнаго факта. Это песчинки тоже, но песчинки, перетянувшія чашу вѣсовъ правосудія на сторону Авроры, потому что съ годами ихъ набралось слишкомъ, слишкомъ много!

Осенью Дюплесси переѣхали въ Парижъ, Дюдеваны не могли оставаться одни въ Плесси и боялись вернуться въ Ноганъ, чтобы не быть вдвоемъ съ глазу на глазъ.

„Мы оба любили деревню, но мы боялись Ногана, боялись, вѣроятно, очутиться съ глазу на глазъ, при совершенно различныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, наклонностяхъ и при несходствѣ характеровъ, непонятныхъ другъ для друга. Не желая ничего скрывать другъ отъ друга, мы ничего не могли бы объяснить одинъ другому; мы ни о чемъ не спорили; я слишкомъ ненавижу препирательства для того, чтобы желать повліять какъ-нибудь на другого человѣка; я, наоборотъ, дѣлала большія усилія, чтобы смотрѣть на все глазами моего мужа и поступать тàкъ, кàкъ онъ того желалъ. Но едва я соглашалась съ нимъ, какъ я чувствовала, что я въ несогласіи сама съ собою, и впадала въ ужасную тоску.

„Онъ съ своей стороны, вѣроятно, испытывалъ нѣчто подобное, не отдавая себѣ въ томъ отчета, и поддерживалъ меня, когда я говорила, что намъ слѣдуетъ развлекаться и быть побольше въ обществѣ. Еслибъ я умѣла сдѣлать нашу жизнь болѣе оживленною и внѣшнею, еслибъ я была болѣе легкомысленна, еслибъ я любила движеніе и болѣе разнообразное общество,—его бы встряхнула и поддержала такая свѣтская жизнь. Но я вовсе не была той подругой, какую ему нужно было бы. Я была слишкомъ исключительна, слишкомъ замкнута въ самой себѣ, не подходила къ общепринятому. Еслибъ я знала, откуда происходитъ зло, еслибъ причина его и моей скуки представилась бы моему неопытному и непроницательному уму, я нашла бы средство противъ нея, я можетъ быть съумѣла бы передѣлать себя; но я не понимала ни мужа, ни себя" [1]).

А вся причина заключалась въ совершенной посредственности, умственномъ и нравственномъ убожествѣ и низменности Дюдевана. Какъ могли гармонировать эти двѣ натуры: безцвѣтный, равнодушный ко всѣмъ умственнымъ интересамъ помѣщикъ средней руки, и страстная, пылкая душа, живущая самой сосредоточенной внутренней жизнью, ищущая какихъ-то путей къ свѣту и истинѣ, уже въ 17 лѣтъ доходившая до

[1]) „Исторія моей жизни", т. III, стр. 442.

мыслей о самоубійствѣ не изъ-за какихъ-нибудь личныхъ неудачъ, а изъ-за мелочности и преходящести всего земного, одна изъ тѣхъ душъ, о которыхъ можно сказать, какъ было сказано о Сентъ-Бевѣ г-жей Алларъ, что онѣ „тоскуютъ о небесномъ" (sont tourmentées des choses divines). Какая-нибудь разбитная, нетребовательная провинціалочка пришлась бы какъ разъ подъ стать Казиміру. Она мирилась бы съ его бранью и грубостью, спокойно относилась бы къ его выпивкамъ (какъ спокойно относилась къ этому, напр., жена Ипполита Шатирона) и къ разнымъ маленькимъ невѣрностямъ (какъ жены многихъ друзей Казиміра въ Ла-Шатрѣ). И Казиміру съ такой женой было бы легко и не скучно. Онъ не страдалъ бы и не раздражался, видя подлѣ себя какое-то непонятное существо, ищущее чего то недостижимаго, cherchant midi à quatorze heures, женщину, вѣчно о чемъ то мечтающую и недовольную дѣйствительностью. Будь жена Казиміра проще и ординарнѣе— онъ навѣрное не чувствовалъ бы себя чужимъ ей, и она не казалась бы ему ни эксцентричной, ни идіоткой, ибо

... посредственность одна
Намъ по плечу и не странна.

Ломени [1]) вѣрно говоритъ о Казимірѣ, что это былъ „вернувшійся домой наполеоновскій солдатъ, т.-е. изъ сорта людей самаго прозаическаго, какой только есть на свѣтѣ. Это былъ достойный деревенскій дворянчикъ (gentillâtre campagnard), какими кишитъ старая Аквитанія, считавшій всякія душевныя тонкости за вздоръ и безуміе, знавшій цѣну времени, бравшій отъ жизни лишь то, что она даетъ, не слишкомъ ученый, немножко грубый, если судить по подробностямъ извѣстнаго процесса, а въ сущности добрѣйшій парень". Если можно усомниться въ справедливости послѣдняго эпитета, то нельзя не согласиться съ остальной характеристикой. Но еще лучшій портретъ Дюдевана мы находимъ въ „*Lutetia*" Гейне [2]); позволяемъ себѣ привести здѣсь in extenso эту страницу, почти неподдающуюся переводу: „Дюдеванъ, говоритъ онъ, законный супругъ Жоржъ Сандъ... der kein Mythos ist, wie man glauben sollte, sondern ein leiblicher Edelmann aus der Provinz Berry und den ich selbst einmal das Vergnügen hatte mit eigenen Augen zu sehen.

[1]) Louis de Loménie. „Galerie des contemporains illustres par un homme de rien".

[2]) *Franz. Zustände*, S. 286. Heinrich Heine's Werke. 11 Band. (Hamburg Hoffman und Camp. 1874).

Ich sah ihn sogar bei seiner damals schon *de facto* geschiedenen Gattin, in ihrer kleinen Wohnung auf dem *Quai Voltaire*, und dass ich ihn eben dort sah, war an und für sich eine Merkwürdigkeit, ob welcher, wie Chamisso sagen würde, ich selbst mich für Geld sehen lassen könnte. Er trug ein nichtssagendes Philistergesicht und schien weder böse, noch roh zu sein, doch begriff ich sehr leicht, dass diese feuchtkühle Tagtäglichkeit, dieser porzellanhafte Blick, diese monotonen, chinesischen Pagodenbewegungen für ein banales Weibzimmer sehr amüsant sein könnten, jedoch einem tieferen Frauengemüthe auf die Länge sehr unheimlich werden und dasselbe endlich mit Schauer und Entsetzen bis zum Dafonlaufen, erfüllen mussten"... [1]). И дѣйствительно, именно съ конца этого 1824 года мы замѣчаемъ, что это еще несознанное, но обоюдное стремленіе къ „Davonlaufen" все сильнѣе и явственнѣе сказывается въ обоихъ супругахъ. Они боятся оставаться съ глазу на глазъ другъ съ другомъ, и вотъ, когда Дюплесси уѣхали въ Парижъ, то и Дюдеваны рѣшили послѣдовать за ними. Но они были очень стѣснены въ денежномъ отношеніи и потому поселились не въ самомъ Парижѣ, а въ окрестностяхъ, въ Ормессонѣ, гдѣ наняли небольшой домъ. Дѣйствительно, денежныя дѣла Дюдевановъ, какъ это ни странно, были въ это время очень запутаны, впрочемъ они были таковыми и во все время управленія Казиміра. Въ *неизданныхъ письмахъ* этихъ лѣтъ все время встрѣчаемъ указанія на то, что Казиміръ занимаетъ у кого-нибудь деньги, или не можетъ уплатить къ сроку и извиняется, или пускается въ какія-то сложныя финансовыя операціи, старается что то устроить, выпутаться. Все это ему плохо удавалось, и его состояніе все уменьшалось, но пока еще это не внушало опасеній за будущее. Вслѣдствіе этихъ дѣлъ, а мо-

[1]) „Дюдеванъ, законный супругъ Жоржъ Сандъ, который не миѳъ, какъ можно было бы подумать, но вполнѣ реальный дворянинъ изъ провинціи Берри и котораго я даже имѣлъ удовольствіе видѣть собственными глазами у его, тогда уже съ нимъ *de facto* разошедшейся, супруги въ ея маленькой квартиркѣ на Набережной Вольтера. То, что я его именно тамъ видѣлъ, уже само по себѣ составляетъ достопримѣчательность, изъ-за которой я, какъ сказалъ бы Шамиссо, самъ могъ бы показываться за деньги. У него было ничего неговорящее, будничное лицо, и онъ не казался ни злымъ, ни грубымъ, но мнѣ слишкомъ легко было понять, что если для пошлой бабенки могли казаться занятными эта сыровато-холодная будничность, этотъ стеклянный взглядъ, эти китайскія, напоминавшія качанія пагоды, монотонныя движенія, то болѣе глубокой женской душѣ отъ этого должно было дѣлаться жутко, и она могла преисполниться страхомъ и ужасомъ до желанія убѣжать"...

жетъ быть по другимъ какимъ-нибудь причинамъ, Казиміръ постоянно уѣзжалъ изъ Ормессона въ Парижъ, оставляя жену одну и возвращаясь лишь къ вечеру.

Домъ, въ которомъ жила Аврора, принадлежалъ нѣкоей госпожѣ Ришардо̀, у которой были дѣти; рядомъ жило семейство барона Малю; всѣ три семьи подружились между собою и здѣсь опять начались игры и шарады. Дюдеваны какъ будто вездѣ искали возможности, что называется, быть на людяхъ, а потому и эта осень прошла очень пріятно и весело. Но когда глубокой осенью оба сосѣднія семейства переѣхали въ Парижъ—все измѣнилось: Аврора оставалась совсѣмъ одна въ Ормессонѣ. Дюдеванъ теперь и ночи проводилъ внѣ дома. Сначала Аврора не жаловалась на это, она гуляла одна или съ маленькимъ Морисомъ въ громадномъ паркѣ, читала *Essais* Монтаня и радовалась на игры своего годовалаго сынишки. Но чувство одиночества росло и росло въ душѣ молодой женщины, и росла несознанная еще обида и тоска, и жажда настоящаго счастья. Вскорѣ пребываніе въ Ормессонѣ сдѣлалось ей тяжело, благодаря непріятностямъ съ садовникомъ, которому былъ порученъ надзоръ надъ домомъ и садомъ, и который придирался ко всякой помятой травинкѣ, а еще болѣе благодаря тѣмъ дикимъ крикамъ, которые по ночамъ раздавались изъ домика этого садовника—вѣроятно пьяницы—и пугали Аврору. Такъ что, какъ она ни любила уединеніе, но была почти рада, когда мужъ ея побранился съ этимъ самымъ садовникомъ и немедленно перевезъ семейство свое въ Парижъ.

Дюдеваны поселились въ небольшой меблированной квартирѣ въ улицѣ du Faubourg Saint-Honoré. Здѣсь они видали много друзей и знакомыхъ, видѣлись и съ родными Казиміра, жившими въ тотъ годъ въ Парижѣ. Но вскорѣ и эта разсѣянная жизнь не могла заставить Аврору забываться. Что-то было неладно въ ихъ жизни.

„Тоска опять пришла, тоска безъ цѣли и причины; можетъ быть болѣзненная. Я очень устала отъ кормленія ребенка и не поправивилась съ тѣхъ поръ. Я упрекала себя за это угнетенное настроеніе духа и думала, что причиной тому могло быть незамѣтное охлажденіе моихъ религіозныхъ вѣрованій“ [1]).

Аврора обратилась къ своему бывшему монастырскому духовнику, аббату Премору; онъ посовѣтовалъ своей духовной дочери на время вновь удалиться въ монастырь, какъ говорится:

[1]) „Исторія моей жизни“, томъ III, 448.

faire une retraite. Аврора прожила нѣсколько недѣль въ монастырѣ „*Англичанокъ*“, сначала одна, а потомъ даже съ маленькимъ Морисомъ [1]). Но и тутъ не нашла она мира душевнаго. Отношенія съ прежде любимыми друзьями-монахинями, самъ монастырь, монастырская жизнь болѣе не удовлетворяли Аврору. Здѣсь лозунгомъ было отреченіе отъ жизни, отъ-ея радостей и печалей, отъ всѣхъ земныхъ привязанностей; даже материнская любовь казалась здѣсь развѣ только простительной. Аврора слишкомъ далеко ушла въ своемъ развитіи за эти 3 года, чтобы примириться съ такими воззрѣніями; поклонница Руссо и Лейбница уже слишкомъ широко смотрѣла на вещи, чтобы считать справедливыми разные узко-католическіе взгляды и требованія. А тутъ еще кто-то изъ сестеръ неосторожно и вполнѣ равнодушно выразился о хрупкости и недолговѣчности Мориса, на любви къ которому тогда сосредоточивалась вся жизнь Авроры Дюдеванъ. Она перепугалась и покинула монастырь, чтобъ поскорѣе посовѣтоваться съ докторомъ о здоровьѣ мальчика. Докторъ нашелъ, что мальчикъ здоровехонекъ и что нечего такъ надъ нимъ трястись. Но пребываніе въ монастырѣ было окончательно отравлено этимъ эпизодомъ, — Аврора болѣе въ него не вернулась, а поселилась съ мужемъ сначала у своей тетки Люси, а потомъ на отдѣльной квартирѣ, недалеко отъ нея. Дюдеваны много опять выѣзжали и принимали гостей. Аврора особенно часто видалась со своими бывшими монастырскими подругами, особенно съ Дженъ и Эме Базуанъ, и много музицировала со своей кузиной Клотильдой. Ранней весною Дюдеваны вернулись въ Ноганъ.

Вскорѣ Аврору постигло большое горе: умеръ Дешартръ. Умеръ онъ совершенно загадочно, неизвѣстно въ точности когда и какъ, не оставивъ послѣ себя ни слова. Аврора предполагала, что онъ убилъ себя, разорившись на какомъ-нибудь промышленномъ предпріятіи и разочаровавшись въ возможности разбогатѣть, что̀ было его всегдашней мечтой. Жоржъ Сандъ справедливо говоритъ, что этотъ, на видъ столь черствый, человѣкъ всю свою жизнь прожилъ для другихъ; уже на старости лѣтъ онъ вдругъ сталъ жить одинъ, воображая себя, какъ и втеченіе всей своей жизни, эгоистомъ. Но бѣдный старикъ не зналъ самого себя, и, вѣроятно, одиночество и тоска довели

[1]) Ломени относитъ почему то весь этотъ эпизодъ къ 1828 году и придаетъ ему очень романическую окраску. Въ то же время онъ, очевидно, смѣшиваетъ съ пребываніемъ въ монастырѣ эпоху гораздо болѣе позднюю—1831 г., когда Аврора разъѣхалась съ мужемъ.

его до самоубійства. Съ его смертью порывалась послѣдняя нить, связывавшая Аврору съ ея юностью и *прежнимъ* Ноганомъ. Въ Дешартрѣ она теряла того, кто былъ „то благодѣтельнымъ, то непріятнымъ стимуломъ ея интеллектуальнаго развитія", кому она была многимъ обязана, несмотря на всю его педагогическую тиранію и рѣзкости, наконецъ она теряла въ немъ „преданное сердце и общеніе съ умомъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ". Какъ бы то ни было, а это было существо, хоть отчасти понимавшее ея духовныя потребности и умѣвшее иногда отвѣчать на запросы ея пытливаго ума. Съ его смертью Аврора почувствовала себя „еще болѣе сиротою, чѣмъ прежде", она горько оплакивала его, скрывая отъ всѣхъ свои слезы, чтобы не оскорбить тѣхъ, кого онъ при жизни слишкомъ заставлялъ страдать—то-есть ея мать и Ипполита.

Жизнь представлялась Аврорѣ съ самой мрачной стороны. Съ мужемъ начинались нелады. Хотя въ это время „дурное обращеніе [1]) еще бывало рѣже, чѣмъ дурные пріемы" (les mauvais traitements furent plus rares que les mauvais procédés), какъ объ этомъ впослѣдствіи сказалъ Мишель изъ Буржа,— „но на госпожу Дюдеванъ уже сыпались названія глупой и идіотки, право принимать участіе въ разговорѣ было отнято у нея" и т. д. „Господинъ Дюдеванъ, какъ видно, не отличался даромъ проницательности" (ne possédait pas le talent de devination), язвительно прибавляетъ къ этому Мишель. И дѣйствительно, если представить себѣ Жоржъ Сандъ умолкающей среди всеобщаго разговора, потому что господинъ Дюдеванъ изволилъ найти ея рѣчи идіотскими и недостойными раздаваться въ присутствіи такого мудраго мужа, каковъ былъ онъ самъ—впечатлѣніе получится невѣроятно комическое. Но Аврорѣ было не до смѣха. Постоянно должна она была думать о томъ, какъ бы Дюдеванъ не раздражился, не вышелъ изъ себя. Здоровье ея въ это время стало очень плохо: ее мучили сердцебіенія, головныя и горловыя боли (*esquinancies*), она сильно кашляла, харкала кровью. Впослѣдствіи оказалось, что всѣ эти явленія были чисто нервнаго происхожденія, но тогда и Аврора и всѣ ея близкіе полагали, что у нея чахотка.

Вслѣдствіе этого, когда ея пріятельницы Базуанъ съ отцомъ и однимъ старымъ другомъ пріѣхали погостить въ началѣ лѣ-

[1]) Рѣчь Мишеля изъ Буржа въ засѣданіи шатрскаго суда 10 и 11 мая 1836. См. „*Le Droit*", *gazette des tribunaux*. № 168. 18 мая 1836.

та 1825 года въ Ноганъ и отсюда поѣхали на воды въ Котрэ, то было рѣшено, что и Аврорѣ слѣдуетъ поѣхать полѣчиться туда же. Дюдеваны сговорились съѣхаться съ ними на водахъ, а зиму рѣшили провести на югѣ же, въ Гильери (въ Гаскони) у свекра, съ которымъ Аврора была очень дружна. И дѣйствительно, отпраздновавъ дни рожденія Мориса и самой Авроры, 5 іюля Дюдеваны выѣхали изъ Ногана въ Пиренеи. Кромѣ Мориса и его няни Фаншонъ, съ ними поѣхалъ преданный Аврорѣ слуга Венсанъ.

Покидала Ноганъ Аврора съ самыми мрачными мыслями, даже съ надеждой никогда его болѣе не увидѣть: мысль о возможности близкой смерти какъ будто улыбалась ей. Духовное одиночество ея усилилось за послѣднее время еще потому, что какъ разъ теперь стала ослабѣвать и ея многолѣтняя дружба съ Ипполитомъ. Ипполитъ, вышедшій изъ военной службы и женившійся вскорѣ послѣ Авроры, попрежнему часто и подолгу гостилъ въ Ноганѣ, живя постоянно то въ Парижѣ, то въ Корбейлѣ, то въ имѣніи жены въ Монживрэ (Montgivray) близъ Ногана. Но онъ уже начиналъ въ это время сильно попивать, и хотя эта пагубная страсть, доведшая его впослѣдствіи почти до помѣшательства, въ тѣ годы еще не развилась окончательно, но уже и тогда доставила Аврорѣ много тяжелыхъ минутъ. Покидая Ноганъ, Аврора съ грустью призналась себѣ, что Ипполитъ веселъ и смѣется, разставаясь съ нею, и что эта старая дружба очень охладѣла. Это было послѣдней каплей горечи для бѣдной женщины.

Въ тѣ времена, когда не было желѣзныхъ дорогъ и путешествія совершались медленно, надо было имѣть большой запасъ терпѣнія, пускаясь въ такой дальній путь съ двухлѣтнимъ ребенкомъ и съ раздражающимся изъ-за всякой мелочи мужемъ. Аврора и пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Я приняла разныя благія рѣшенія на дорогу: не пугаться всякаго крика Мориса, терпѣливо переносить долгій путь, не огорчаться минутными досадами *моего друга*...“

По дорогѣ въ Пиренеи Дюдеваны остановились въ Бордо, гдѣ у Казиміра была цѣлая масса родныхъ и знакомыхъ. Здѣсь они сразу попали въ очень оживленное и многочисленное общество и провели время очень весело, завели даже много новыхъ знакомыхъ или возобновили прежнія. Такъ Аврора познакомилась здѣсь съ генеральнымъ адвокатомъ, Орельеномъ

де-Сезъ [1]), а Казиміръ вновь завязалъ сношенія съ нѣкіимъ Дегранжемъ, своимъ старымъ знакомымъ. Обоимъ этимъ лицамъ суждено было впослѣдствіи сыграть важную, хотя и весьма различную, роль въ жизни Дюдевановъ.

Изъ Бордо Дюдеваны выѣхали въ сопровожденіи нѣсколькихъ новыхъ друзей черезъ Тарбъ и Перигё въ Котрэ, гдѣ Аврора вновь увидалась со своими подругами Дженъ и Эме. Грустныя мысли не покидали Аврору во все время пути и въ началѣ ея пребыванія въ Котрэ, и дорожный дневникъ ея полонъ самыхъ печальныхъ размышленій, тѣхъ „сердца горестныхъ замѣтъ", которыя мало-по-малу переходятъ въ „ума холодныя наблюденія" и доводятъ человѣка до разочарованія. Вотъ отрывки изъ отрывковъ ея дневника, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ „Histoire de ma vie". Она пишетъ въ Перигё:

„Этотъ городъ кажется мнѣ красивымъ, но я смертельно грустна. Я много плакала на прогулкѣ, но къ чему плакать? Надо привыкать улыбаться съ отчаяніемъ въ душѣ (avoir la mort dans l'âme et le visage riant)..."

Въ Тарбѣ она записываетъ: ...„Небо прекрасное, быстрые ручьи, странныя постройки, сдѣланныя изъ огромныхъ валуновъ, приносимыхъ потокомъ, разнообразные костюмы, ярмарка, оживленныя типичныя лица со всего юга Франціи. Тарбъ очень красивъ, но мой мужъ постоянно въ дурномъ настроеніи духа. Онъ скучаетъ въ путешествіи, хотѣлъ бы скорѣе доѣхать. Я понимаю это, но вѣдь я не виновата, что путь въ 200 льё!.."

Наконецъ этотъ путь оконченъ, и Дюдеваны поселились въ Котрэ. Тутъ опять оказалось многочисленное и разнообразное общество; была тутъ и принцесса де-Кондэ, герцогиня Ангіенская, и ученый Мажанди, и генералъ Фуа, и жена ученаго госпожа Румфортъ, и дѣвицы Базуанъ съ отцемъ, и Орельенъ де-Сезъ и новый другъ Авроры—Зоя Леруа, которой посвящено много страницъ въ воспоминаніяхъ Жоржъ Сандъ. Какъ всегда бываетъ на водахъ, въ Котрэ очень скоро образовались маленькіе кружки, партіи и котеріи. Одни, какъ Эме, строго исполняли всѣ предписанія докторовъ: пили воду, брали

[1]) Жанъ-Піеръ-Орельенъ де-Сезъ (его фамилія пишется и de Sèze, и Desèze), внукъ знаменитаго Романа де-Сеза, адвоката Людовика XVI, родился въ Бордо въ 1799 году. Онъ былъ талантливый адвокатъ, а впослѣдствіи депутатъ въ Нац. Собр. 1848 г., въ которомъ принадлежалъ къ крайней правой. Былъ также членомъ законодательнаго собранія и участвовалъ въ составленіи закона противъ всеобщей подачи голосовъ. Однако въ 1851 году онъ отступился отъ торжествующей партіи и протестовалъ противъ 2 декабря. Послѣ этого онъ удалился въ частную жизнь, не принимая болѣе никакого участія въ политикѣ; онъ умеръ 23 января 1870 г. въ Бордо.

ванны, потѣли послѣ нихъ подъ грудами одѣялъ—и въ то же время устраивали балы и музыкальные вечера, дѣлали визиты и вообще вели ту же жизнь, что въ Бордо или Парижѣ, заботясь даже о выборѣ знакомыхъ. Другіе, какъ Зоя и Аврора, лѣчились кое-какъ или вовсе не лѣчились, цѣлые дни проводя въ прогулкахъ и горныхъ экскурсіяхъ. Аврора все еще кашляла и хворала, но безъ устали странствовала по горамъ и ущельямъ.

„Потребность движенія охватила меня, какъ лихорадка. Я кашляю и задыхаюсь всякую минуту, но я не знаю, страдаю ли я? Да, въ самомъ дѣлѣ я страдаю, я замѣчаю это, когда остаюсь одна“ [1]).

Въ душѣ Авроры съ дѣтства таилась любовь къ природѣ и инстинктивное пониманіе ея красотъ. Еще ребенкомъ она восхищала бабушку своими первыми попытками описаній: лунной ночи, грозы и т. д. Здѣсь, среди величавыхъ горныхъ видовъ, среди мрачной поэзіи Пиренеевъ, это смутное поэтическое чувство вдругъ проснулось съ новой силой и стало уже вполнѣ сознательнымъ. Едва въѣхавъ въ Пиренеи, Аврора была точно захвачена ихъ грозной красотой.

„Наконецъ мы въ Пиренеяхъ,—пишетъ она въ записной книжкѣ,—удивленіе и восхищеніе взволновали меня до того, что я задыхалась. Я всегда грезила о высокихъ горахъ. Объ *этихъ* у меня сохранилось какое-то смутное воспоминаніе, которое теперь оживаетъ и опредѣляется; но ни воспоминаніе, ни воображеніе не подготовили меня къ тому, что́ я испытываю... [2]).

„Я въ такомъ восторгѣ отъ Пиренеевъ, что всю мою жизнь буду только и мечтать, что о горахъ, пещерахъ и пропастяхъ“,—пишетъ она матери 28 августа изъ Баньера.

А въ „Histoire“ она разсказываетъ, какъ она старалась выразить и запечатлѣть свой восторгъ передъ этой дивной природой—на бумагѣ:

„Я много описывала Пиренеи и во время, и послѣ этого путешествія. Мои первыя замѣтки, набросанныя въ записной книжкѣ, написаны довольно свѣжо, непосредственно... Но со мной случилось потомъ то же, что случается со многими начинающими писателями. Недовольная непринужденностью первоначальной формы, я принялась въ тетрадкахъ составлять описаніе путешествія, которое вышло очень тяжеловѣснымъ и напыщеннымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ этой напыщенности я наивно добивалась, я это помню. По мѣрѣ того, какъ я удалялась отъ Пиренеевъ, я боялась какъ-нибудь утерять тѣ живыя

[1]) „Исторія моей жизни“, томъ IV, стр. 20.

[2]) Ibid. 11 стр.

впечатлѣнія, которыя я тамъ получила, я искала словъ и фразъ, которыя закрѣпили бы эти впечатлѣнія, и не находила такихъ, какія казались бы мнѣ достойными предмета. Мое восхищеніе заднимъ числомъ было безгранично, и я намѣренно была напыщена. Въ сущности я хорошо чувствовала, что не была въ состояніи удовлетвориться всѣми этими описаніями, потому что ничего не могла закончить, да у меня еще и не было охоты писать".

Впослѣдствіи, однако, всѣ эти наброски послужили для ея романовъ и особенно для *„Лавиніи"*, дѣйствіе которой происходитъ именно въ Пиренеяхъ. Пиренеи навсегда остались дороги Аврорѣ Дюдеванъ, какъ Лермонтову Кавказъ и Пушкину Черное море, и можетъ быть потому особенно дороги, что здѣсь она впервые начала сознавать себя.

Съ дѣтства Аврора любила уединеніе, и потребность побыть наединѣ съ природой сказывалась въ ней съ дѣтства же. Теперь эта любовь къ уединенію среди природы окончательно высказалась и, начиная съ этого времени, втеченіе всей своей жизни Аврора ежегодно покидала свое постоянное мѣстожительство и на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ удалялась куда-нибудь въ горы, на берегъ моря или просто въ какой-нибудь неизвѣданный уголокъ внутри Франціи. Свобода и природа, верховыя поѣздки, опасныя восхожденія, лазанье по горамъ и ледникамъ, вольный горный воздухъ,—все это разомъ излѣчило Аврору отъ ея сплина и даже отъ ея болѣзни. И если холодность мужа еще огорчала ее, то она уже начинала относиться къ ней спокойно, а главное начинала понимать, что вина не ея, и если мужъ не умѣетъ цѣнить ее—то можетъ быть не стоитъ особенно и сокрушаться объ этомъ. Правда, она еще пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Господинъ *** съ увлеченіемъ предается охотѣ [1]). Онъ стрѣляетъ сернъ и орловъ, встаетъ въ 2 часа утра и возвращается лишь къ ночи. Жена его жалуется на это".—Но тотчасъ же Аврора прибавляетъ:—„Повидимому онъ не предвидитъ, что настанетъ время, когда она будетъ радоваться этому".

Или вотъ еще отрывокъ изъ дневника:—„Госпожа X. сказала Эме, что я напрасно предпринимаю прогулки безъ моего мужа. Я не вижу, почему это,—разъ онъ первый это дѣлаетъ, а я иду туда, куда онъ хочетъ".

[1]) Что этотъ г. *** именно Дюдеванъ, явствуетъ изъ сопоставленія съ письмомъ Авроры къ матери (отрывки изъ котораго мы приводимъ выше и ниже): ...„Казиміръ отдыхаетъ въ экскурсіяхъ, о которыхъ я вамъ пишу, отъ тѣхъ, которыя онъ предпринималъ въ Котрэ безъ меня; онъ охотился на самыхъ высокихъ горахъ, онъ застрѣлилъ нѣсколько орловъ, бѣлыхъ куропатокъ и изаровъ, т.-е. сернъ, шкуры которыхъ онъ вамъ покажетъ..."

Далѣе Аврора уже явно насмѣшливо относится къ мелочности Казиміра и его вздорнымъ придиркамъ. Разсказывая о разныхъ поѣздкахъ, предпринятыхъ Дюдеванами изъ Люза (Luz) въ Сенъ-Соверъ, Гаварни, Марборе и т. д., и т. д., Аврора говоритъ между прочимъ:

„...Объ опасности не думаетъ никто. Мой мужъ одинъ изъ самыхъ отважныхъ. Онъ всюду взбирается, а я слѣдую за нимъ. Онъ оборачивается и бранитъ меня. Онъ говоритъ, что я *оригинальничаю* (que je me *singularise*). Пусть меня повѣсятъ, если я думаю объ этомъ! Я оборачиваюсь и вижу, что Зоя за мною слѣдуетъ. Я ей говорю, что она *оригинальничаетъ*. Мой мужъ сердится, потому что Зоя смѣется. Но брызги водопадовъ отличное успокоительное и вблизи нихъ гнѣвъ скоро *отходитъ*"... [1]).

Пока это еще все не особенно мрачно или серьезно, но вотъ уже страница, надъ которой читатель невольно призадумается, такъ какъ несомнѣнно, что такого рода мысли не придутъ въ голову счастливой женѣ, едва черезъ три года послѣ свадьбы:

...„Въ истинной любви, о которой вѣдь позволительно мечтать, мужъ не очень охотно изобрѣталъ бы постоянныя и необходимыя отсутствія. А когда серьезныя занятія и непреложныя обязанности вызывали бы такую разлуку, то любовь, которую онъ испытывалъ бы и внушалъ бы, при возвращеніи становилась бы отъ этого лишь живѣе и понятнѣе. Мнѣ кажется, что разлука, которую выносишь противъ воли, должна лишь усиливать привязанность. Но когда одинъ изъ двухъ супруговъ со страстью ищетъ поводовъ къ отлучкамъ,— это большой урокъ философіи и смиренія для другого. Разумѣется, прекрасный урокъ—но охлаждающій!

„Бракъ прекрасная вещь для любовниковъ и для святыхъ.

„Кромѣ святыхъ и любовниковъ есть цѣлая толпа обыденныхъ душъ и спокойныхъ сердецъ, которыя не знаютъ любви и не могутъ достигнуть святости.

„Бракъ—это высшая цѣль любви. Когда въ немъ уже нѣтъ или вовсе нѣтъ любви—остается самопожертвованіе. Отлично для тѣхъ, кто понимаетъ самопожертвованіе. Для этого предполагается столько сердечности и такая степень развитія, которыя не очень-то обыденны (que ne courent pas les rues). Самопожертвованіе выкупается наградами, высоко-цѣнимыми ординарными умами: одобреніемъ свѣта, рутинной сладостью привычки (la douceur routinière de l'usage), маленькой благоразумной набожностью, не доходящей до восторга, или деньгами,—то-есть игрушками, тряпками, роскошью,—и еще не знаю чѣмъ! тысячами мелочей, которыя заставляютъ забывать объ отсутствіи счастья.

[1]) „Исторія", т. IV, стр. 16.

„Значитъ, все обстоитъ благополучно, ибо большинство—люди ординарные. Вѣдь это показываетъ недостатокъ ума и благоразумія, когда не удовлетворяешься вкусами толпы... (Очевидно, тутъ намекъ на выговоры Казиміра и на упреки его въ „отсутствіи ума и благоразумія“).

„Можетъ быть нѣтъ середины между силою великихъ душъ, приводящей ихъ къ святости, и удобнымъ отупѣніемъ мелкихъ душъ, которое доводитъ ихъ до безчувствія.

„Нѣтъ, середина имѣется: это отчаяніе
. .

„Но есть еще ребячество, хорошая, пріятная штука, которую надо сохранять, что бы тамъ ни говорили. Бѣгать, ѣздить верхомъ, смѣяться надъ всякимъ вздоромъ, не заботиться ни о здоровьѣ, ни о жизни. Эме меня часто бранитъ. Она не понимаетъ, къ чему развлекаться и забываться. „Забывать что?“—спрашиваетъ она.—Почемъ я знаю. Все забыть, забыть особенно, что живешь...“ [1]).

Въ приведенномъ отрывкѣ слышится что-то весьма серьезное. Чувствуется словно то скрытое безпокойство, которое ощущается въ природѣ передъ грозою: воздухъ насыщенъ электричествомъ, вдали блестятъ уже зарницы, и вотъ-вотъ ударитъ громъ, и разрушительная буря понесется надъ замершей въ ожиданіи землею.

И дѣйствительно, путешествіе въ Пиренеи оказалось знаменательною эпохой въ жизни Дюдевановъ. Въ теченіе его Аврора окончательно убѣдилась въ равнодушіи и холодности къ ней мужа, но тогда же зародилась и ея первая сердечная привязанность. Она встрѣтила человѣка, который съумѣлъ понять и полюбить ее, и котораго и она полюбила всѣмъ сердцемъ. Это и былъ Орельенъ де-Сезъ.

Это имя не названо ни въ одной изъ біографій Жоржъ Сандъ и даже въ позднѣйшее время г. Rocheblave, помѣстившій въ своей статьѣ „George Sand avant George Sand“ отрывки изъ переписки между Авророй Дюдеванъ и Орельеномъ де-Сезъ нашелъ нужнымъ нигдѣ не назвать его. Между тѣмъ враги и недоброжелатели Ж. Сандъ, не смущаясь, говорятъ во всеуслышаніе, хотя и голословно, что „Орельенъ де-Сезъ“ былъ де „тоже любовникомъ Ж. Сандъ“. (См. напр. Viel Castel — „Mémoires“ или статью Charles Nauroy въ „le Curieux“). Въ ея напечатанной Корреспонденціи оно упоминается лишь дважды: въ письмѣ къ Карону отъ 1 октября 1829 г. („*Корреспонденція Жоржъ Сандъ*“, томъ I, стр. 76) и въ письмѣ къ госпожѣ Сентъ-Аньянъ отъ 24 іюля 1830 г.

[1]) „Исторія“, томъ IV, стр. 10—14.

(„*Revue Encyclopédique*“, 1 сентября 1893 г. — „Lettres de George Sand“). Въ предыдущемъ письмѣ отъ 6-го іюля 1830 г. онъ названъ просто „*mon ami de Bordeaux*“. Точно также въ письмѣ отъ 4 іюня 1829 г. изъ Бордо къ Карону въ „*Корреспонденціи*“ говорится: „nous avons ici *l'avocat général*“. Выноска внизу гласитъ, что это „m-r Aurélien de Sèze“. Въ „*Histoire de ma vie*“ онъ ни разу не названъ, хотя, какъ читатель сейчасъ увидитъ, тамъ о немъ много говорится. Біографы Жоржъ Сандъ о немъ или вовсе не знаютъ, или знаютъ довольно смутно, или, наконецъ, говорятъ очень таинственно. Такъ Ломени вскользь упоминаетъ о какой-то „*первой иллюзіи, показавшейся на мгновеніе во время поѣздки въ Пиренеи*“. Д'Оссонвиль [1]) тоже ограничивается лишь слѣдующими туманными намеками. Разсказывая о томъ, что Жоржъ Сандъ помѣстила въ Пиренеи мѣсто дѣйствія одной изъ прелестнѣйшихъ своихъ повѣстей, *Лавиніи*, онъ говоритъ: „но если она отыскала въ своихъ воспоминаніяхъ рамку и краски для картины, послужившей мѣстомъ дѣйствія „Лавиніи“, то языкъ, которымъ она заставляетъ говорить свою героиню, не былъ голосомъ ея собственнаго сердца въ то время. Въ ту эпоху она еще не могла бы написать то грустное и гордое письмо, которымъ Лавинія отвергаетъ предложеніе человѣка, нѣкогда любимаго, хотя и не скрываетъ скольких сожалѣній и борьбы ей стоитъ этотъ отказъ... Тогда Аврора еще не проснулась: она переживала тогда первые и прекраснѣйшіе часы сновидѣнія“ (стр. 286). На слѣдующей страницѣ д'Оссонвиль приводитъ маленькую выписку изъ „Исторіи моей жизни“ (о которой у насъ будетъ рѣчь ниже), опять не упоминая, къ кому она относится (стр. 287—288). Наконецъ на стр. 404 онъ говоритъ уже совсѣмъ вскользь: „она искала счастья вездѣ: въ *Пиренеяхъ*, въ Парижѣ, въ Венеціи, на Майоркѣ, въ Ноганѣ, вездѣ... и счастье вездѣ отъ нея улетало“.

Всѣ остальные біографы или вовсе ничего не говорятъ, или еще болѣе туманны. И тѣмъ не менѣе эта любовь, оставшаяся всегда чистою и платоническою, окончательно опредѣлила дальнѣйшую судьбу Авроры, открыла ей глаза на цѣнность и смыслъ жизни, показала ей, какъ необходимо *пониманіе* любимаго человѣка,—она же показала ей, какою ужасной ошибкой былъ ея бракъ съ Дюдеваномъ и какъ невозможно платиться всею жизнью за эту одну ошибку.

[1]) Vicomte d'Haussonville, „Etudes biographiques et littéraires: George Sand“. Paris. Calman Lévy. 1879.

Мы не имѣемъ возможности разсказать читателю о завязкѣ и первоначальномъ ходѣ этого перваго романа въ жизни Жоржъ Сандъ. Но мы можемъ сказать, что Аврора, любя Орельена всѣмъ сердцемъ и зная о его любви, съумѣла не только побѣдить свою страсть, но и его утѣшить и успокоить и даже заставила его поклясться ей—никогда не требовать отъ нея окончательнаго доказательства ея любви, уважать святость ея брака и остаться навсегда только друзьями. Это объясненіе произошло между молодыми людьми во время одной изъ экскурсій въ горы и именно тогда, когда, передъ отъѣздомъ изъ Пиренеевъ, Дюдеваны предприняли изъ Баньера большую поѣздку къ знаменитымъ Лурдскимъ пещерамъ.

Въ письмѣ къ матери изъ Баньера отъ 28 іюля Аврора говоритъ:

„Вчера (27 іюля) мы ѣздили верхомъ за 6 льё, чтобы осмотрѣть Лурдскія пещеры. Въ Волчью пещеру мы вползли ползкомъ. Когда утомишься, взбираясь наверхъ, и доберешься до дыры въ футъ высотою, то, я должна сознаться,—немножко падаешь духомъ. Я была съ моимъ мужемъ и *двумя молодыми людьми, съ которыми мы подружились въ Котрэ и которыхъ мы вновь встрѣтили въ Баньерѣ*, такъ же какъ большую часть нашего пріятнаго и многочисленнаго бордосскаго общества...

... По выходѣ изъ Волчьей пещеры мы вошли въ такъ называемыя *las Espeluches*... Мы нашли, что входъ въ эти пещеры удивительный. Я была одна впереди [1]). Я съ восхищеніемъ увидѣла, что нахожусь подъ сводами великолѣпной залы, поддерживаемыми громадами скалъ, которыя можно было бы принять за готическія колонны, а предо мною лежала чудесная мѣстность, лазурный потокъ, ярко зеленые луга, первая цѣпь горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, а на горизонтѣ вторая, нѣжно голубая и сливавшаяся съ небомъ; и весь этотъ прелестный видъ, съ высоты горъ и сквозь черныя аркады скалъ, освѣщался заходящимъ солнцемъ; а сзади былъ мрачный выходъ въ пещеры. Я была въ восхищеніи“...

И вотъ тутъ-то, у „подножія Пиренеевъ въ Лурдской долинѣ, предъ лицомъ величественной природы, она простилась

[1]) Мы должны обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что всѣ 6 томовъ „Корреспонденціи“ Жоржъ-Сандъ напечатаны съ большими пропусками, сглаживаньями, замѣной фамильярныхъ выраженій болѣе литературными, съ *измѣненіями прилагательныхъ, мѣстоименій, обращеній и заключеній*, вообще съ многочисленными измѣненіями противъ подлиннаго текста писемъ, въ чемъ мы убѣдились, сличая ихъ въ напечатанномъ и ненапечатанномъ видѣ. Въ этомъ письмѣ, очевидно, это мѣсто надо читать: *мы*,—т.-е. Аврора и Орельенъ. На слѣдующей страницѣ напечатано уже: „*наши* спутники *насъ* догнали“, а не „мои спутники меня догнали“ и т. д. Значитъ и тутъ надо читать: „*мы* были одни впереди...“ и т. д.

съ человѣкомъ великодушнымъ и достойнымъ ея, котораго она не могла запретить себѣ уважать и любить въ глубинѣ души“ [1]. О томъ, что это *было* и что это произошло именно тутъ, разсказывалъ, какъ мы видимъ, уже Мишель изъ Буржа со словъ того *неизданнаго письма Авроры Дюдеванъ къ мужу*, о которомъ мы уже упоминали выше [2]) Въ этомъ длинномъ письмѣ (въ немъ слишкомъ 20 страницъ) она сначала разсказываетъ вкратцѣ исторію своихъ несогласій съ мужемъ, которыя объясняетъ слишкомъ большимъ несходствомъ натуръ, а затѣмъ правдиво и просто разсказываетъ о своей любви къ Орельену, о своей борьбѣ и побѣдѣ надъ собою и проситъ мужа помочь ей и поддержать ее. Впослѣдствіи, во время процесса, это письмо было сначала прочтено адвокатомъ Дюдевана въ видѣ отрывковъ. Но когда затѣмъ адвокатъ Авроры, Мишель изъ Буржа, въ свою очередь и уже цѣликомъ, отъ доски до доски прочелъ его, то это произвело на всѣхъ присутствующихъ впечатлѣніе просто невѣроятное. Необычайная душевная красота, сказывающаяся во всякомъ словѣ этого письма и переданная необыкновенно-прекраснымъ языкомъ, достойнымъ лучшихъ страницъ *Индіаны* и *Жака*, описанія Пиренеевъ, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и изумительныя по своей поэтичности и яркости, и трогательная правдивость каждаго слова,—сдѣлали то, что то оружіе, которое противники хотѣли употребить противъ Авроры, послужило лишь къ ея полной побѣдѣ. Намъ пришлось, говоря объ этомъ письмѣ, забѣжать немного впередъ, но такъ какъ письмо это относится именно къ 1825 году и отчасти къ поѣздкѣ въ Лурдъ, то мы должны были именно тутъ передать его содержаніе.

Возвратимся теперь къ описанію этого дня въ письмѣ къ матери:

„Наши спутники подошли и мы вновь углубились въ изгибы узкаго и сырого лабиринта и увидѣли надъ своею головою великолѣпную залу, куда нашъ проводникъ и не думалъ насъ вести. Мы заставили его вести насъ во второй этажъ. Мои кавалеры разулись и полѣзли довольно ловко; я предприняла восхожденіе. Я безстрашно перешла по острому краю скользкаго мрамора, подъ которымъ была глубокая яма. Но когда надо было перескочить черезъ разсѣлину, которая казалась еще страшнѣе отъ мрака, и безъ всякой точки опоры ни для рукъ, ни для ногъ, скользя на каждомъ шагу,—я почувствовала, что моя отвага поколебалась. Я смѣялась, но должна сознаться, что трусила.

[1]) Рѣчь Мишеля изъ Буржа. Le *Droit*. №№ 240 и 242. Отчетъ о засѣданіяхъ Королевской Палаты въ Буржѣ, 25 и 26 іюля 1836 г.

[2]) См. стр. 170.

Мой мужъ обвязалъ меня нѣсколькими шелковыми платками и, такимъ образомъ, поддерживалъ меня пока другіе тянули меня за руки. Я не знаю, что происходило съ моими ногами въ эту минуту. Когда я была наверху и убѣдилась, что мои руки (которыя и до сихъ поръ болятъ), не оторваны,—то была вознаграждена тѣмъ восторгомъ, который испытала.

„Мы вернулись въ Лурдъ въ неподдающемся описанію грязномъ видѣ, мы съ мужемъ опять сѣли верхомъ и поѣхали въ Баньеръ, а наши молодые люди вернулись въ Бордо. Во все время десятивёрстнаго пути насъ мочилъ проливной дождь, и мы вернулись сюда въ 10 ч. вечера, промокшіе до костей и умирающіе съ голоду. Мы только здоровѣе отъ этого сегодня“.

Тонъ этого письма къ матери, довольно спокойный и почти веселый. Совсѣмъ иначе говоритъ Аврора объ этомъ же днѣ въ „Histoire de ma vie“, гдѣ этотъ день описанъ со словъ дневника. Тутъ слышится что-то лихорадочное; тонъ какъ бы приподнятый, и читатель невольно чувствуетъ по одному этому тону, что съ этимъ днемъ связано что-то особенное въ жизни Авроры:

„Входъ въ пещеры не привлекателенъ. Но многочасовая прогулка въ этомъ подземномъ мірѣ—истинное удовольствіе. Галлереи, то тѣсныя, душныя, то неизмѣримо-высокія при свѣтѣ факеловъ; невидимые потоки, ревущіе въ нѣдрахъ земли, залы, страннымъ образомъ висящія однѣ надъ другими; бездонные колодцы, т.-е. пучины на днѣ недоступныхъ пропастей, гдѣ могучія волны съ яростью ударяютъ въ гудящія скалы; испуганныя летучія мыши; портики; своды; перекрещивающіяся тропинки; цѣлый фантастическій городъ, выкопанный и выстроенный тѣмъ, что добродушно называютъ капризомъ природы, т.-е. ужасными судорогами вулканическаго образованія,—это было чудное путешествіе для воображенія, ужасное для тѣла, но мы объ этомъ не заботились. Мы всюду хотѣли проникнуть, все открыть. Мы точно сошли съ ума, и проводники угрожали насъ покинуть. Мы проходили по карнизамъ надъ пропастями, напоминавшими Дантовъ адъ, и въ одну изъ такихъ пещеръ мы вздумали спуститься...

„Мы вернулись ночью, подъ мелкимъ, частымъ дождемъ и при лунѣ, прятавшейся въ дымку. Мы были въ Баньерѣ въ 2 часа ночи. Я была болѣе возбуждена чѣмъ утомлена, и во снѣ испытала феноменъ страха заднимъ числомъ. Въ пещерахъ я только смѣялась и храбрилась (je n'avais songé qu'à rire et à oser). Во снѣ подземный городъ явился мнѣ со всѣми своими ужасами. Онъ разрушался, онъ обрушивался на меня, я висѣла на веревкахъ длиною въ 1000 футъ, которыя вдругъ обрывались, и я падала внизъ, въ какой-то другой городъ, еще болѣе загроможденный, и падала все ниже и блуждала въ тысячѣ ходовъ и переходовъ до самаго центра земли. Я просыпалась облитая холоднымъ потомъ и, вновь засыпая, пускалась въ новыя странствованія, на встрѣчу новымъ видѣніямъ, еще болѣе лихорадочнымъ“.

Еслибъ читатель ничего не зналъ о происшедшемъ въ Пиренеяхъ и еслибъ предыдущія строки еще недостаточно убѣдили его въ томъ, что съ путешествіемъ въ Лурдъ связаны какія-то особенныя воспоминанія для Авроры, то тѣ слова, которыми она заключаетъ главу о Пиренеяхъ, не оставляютъ никакихъ сомнѣній:

„У меня не осталось никакихъ воспоминаній о путешествіи отъ Баньера до Нерака. *То же самое случалось всегда, когда я проѣзжала какую-нибудь страну подъ гнетомъ какого-нибудь душевнаго безпокойства, заботы: я ее не видѣла.* Пиренеи меня восхитили и опьянили, какъ сонъ, который втеченіе долгихъ лѣтъ долженъ былъ преслѣдовать и очаровывать меня. Я ихъ уносила съ собою и въ воображеніи день и ночь бродила по нимъ. Тамъ, среди этихъ восхитительныхъ и грандіозныхъ видовъ, которые такъ быстро промелькнули мимо меня, находился мой фантастическій оазисъ; и эти картины оставались для меня такими же яркими и ясными, словно я все еще видѣла ихъ предъ собою со всѣми подробностями“ [1]).

Дѣйствительно, въ Пиренеяхъ, а вѣрнѣе въ Бордо, оставался „оазисъ“, къ которому непрестанно направлялась мысль Авроры среди той умственной и нравственной пустыни, въ которой она чувствовала себя такъ одинокой. Втеченіе многихъ лѣтъ этотъ оазисъ—установившаяся экзальтированная дружба съ Орельеномъ де-Сезъ поддерживала Аврору и освѣщала ей жизнь. Но сначала эта дружба подверглась нѣкоторому испытанію. Въ молодости и при взаимной пылкой любви очень трудно отказаться отъ счастья; несмотря на всѣ благія намѣренія, то одинъ, то другой изъ двухъ новыхъ *друзей* нѣтъ-нѣтъ да и нарушитъ какимъ нибудь неосторожнымъ, страстнымъ словомъ правила строгой дружбы. То же случилось и съ Авророй и Орельеномъ.

Изъ Гильери Дюдеваны опять пріѣзжали осенью на время въ Бордо. Молодые люди снова видѣлись и между ними, надо полагать, произошли бурныя сцены и объясненія, изъ которыхъ оба вышли съ честью, но которыя глубоко потрясли Аврору. Только преданная и нѣжная дружба Зои поддержала ее въ эти тяжелыя минуты.

„Осенью мы съѣздили въ Бордо, и я съ мужемъ проѣхала до Бреды, гдѣ у семейства Зои была дача. *Тамъ у меня было сильнѣйшее горе,* отъ котораго эта безцѣнная подруга спасла меня своимъ краснорѣчіемъ, мужественнымъ и дружескимъ. Вліяніе, которое ея живой умъ и искреннія рѣчи имѣли на меня въ это время совершеннаго отчаянія—это вліяніе сказывалось втеченіе многихъ лѣтъ

[1]) „Исторія моей жизни“, томъ IV, стр. 26.

моей жизни и помогло моему сознанію обрѣсти то равновѣсіе, къ которому я тщетно стремилась до сихъ поръ. Я вернулась въ Гильери разбитая отъ усталости, но спокойная, послѣ того, какъ подъ громадными дубами, насаженными Монтескье, я не разъ бродила, полная радостныхъ грезъ и восторженныхъ мыслей, въ которыхъ, сознаюсь, воспоминаніе о великомъ философѣ не играло никакой роли".

И вслѣдъ затѣмъ, лукаво играя словами, Жоржъ-Сандъ прибавляетъ: „Et pourtant j'aurais pu faire ce jeu de mots que *l'Esprit des Lois* etait entré d'une certaine façon et à certains égards dans ma nouvelle manière d'accepter la vie" [1]).

Очевидно, что это весьма прозрачный намекъ на Орельена де-Сезъ—генеральнаго адвоката, юриста. И дѣйствительно, въ неизданномъ, много разъ упомянутомъ нами, письмѣ Авроры Дюдеванъ къ мужу отъ 8 ноября 1825 г. разсказывается о томъ, какъ Аврора ѣздила въ замокъ *de la Brède*—мѣсто рожденія Монтескье—въ многочисленной компаніи, среди которой находился и Орельенъ—и что тутъ между ними произошло окончательное объясненіе, послѣ котораго они примирились совершенно съ тѣмъ, что они будутъ только друзьями [2]). Повидимому также Дюдеванъ вошелъ въ комнату въ ту минуту, когда Орельенъ, прощаясь на вѣки съ Авророй, осмѣлился на прощанье поцѣловать ее или заключить въ свои объятья, — по крайней мѣрѣ такъ можно заключить все изъ того же письма Авроры къ мужу.

Итакъ, Аврора не скрыла отъ мужа всего происшедшаго и съ благородной правдивостью искренней и честной натуры обо всемъ разсказала ему въ своемъ длинномъ письмѣ. Г. Дюдеванъ тогда на короткое время уѣзжалъ въ Ноганъ, и письмо было послано ему вдогонку. И вотъ тутъ-то мы встрѣчаемся съ довольно курьезнымъ фактомъ изъ исторіи супружескихъ отношеній Дюдевановъ, фактомъ, который не беремся опредѣленно квалифицировать. Въ неизданныхъ письмахъ Дюдевана къ женѣ есть рядъ писемъ или одно громадное письмо, въ видѣ цѣлаго дневника, по частямъ посылавшееся женѣ съ дороги и изъ Ногана, и помѣченное такъ:

„7 ноября 1825, понедѣльникъ, полночь. Перигё".

„Вторникъ, среда и четвергъ". (по дорогѣ въ Ноганъ).

„Пятница, 6½ часовъ утра".

„5 ч. вечера".

„10½ ч. вечера".

[1]) „И все-таки я могла бы, играя словами, сказать, что *духъ законовъ* извѣстнымъ образомъ и въ извѣстномъ отношеніи проникъ въ мой новый способъ примиренія съ жизнью. („Исторія", т. IV, стр. 30—31).

[2]) Письмо это находится у виконта де Спульберка.

„Суббота, 6½ часовъ утра".
„7 ч. вечера 12 ноября".
„Воскресенье, 13 ноября 1825".
„Понедѣльникъ".
„Вторникъ".
И наконецъ: „Бордо. 25 декабря 1825".

Въ этихъ письмахъ „все есть, коли нѣтъ обмана": то-есть, зная Дюдевана и сравнивая эти письма его со всѣми остальными его письмами къ женѣ съ 1822 по 1825 г. и съ 1825 по 1836 г., мы должны признать ихъ прямо необычайными. Нигдѣ не найдемъ мы ничего похожаго на эти письма, такъ они отличаются и по тону и по манерѣ, до того они *не въ духѣ переписки* Казиміра съ женой и такъ видимо *долженствовали показать*, насколько глубоко Дюдеванъ былъ потрясенъ письмами Авроры, какъ восчувствовалъ ея благородство души и какъ стремился оказаться достойнымъ дружбы ея и Орельена, ибо Орельенъ дѣйствительно былъ почти одинаково друженъ и съ женой и съ мужемъ Дюдеванами втеченіе своихъ долголѣтнихъ отношеній съ ними. Итакъ, письмо Дюдевана такъ непохоже на всѣ другія его письма, что и мы и другія лица, склонны принять его отчасти за *совмѣстное сочиненіе* Дюдевана съ Ипполитомъ Шатирономъ—на чтò есть данныя,—отчасти за позднѣйшее эпистолярное произведеніе самого Дюдевана, написанное имъ для предъявленія на судѣ, ибо это посланіе его было *имъ же* доставлено своему адвокату во время процесса съ женой. Итакъ, трудно сказать, отраженіе ли это тогдашняго взволнованнаго душевнаго состоянія Дюдевана, или же плохая поддѣлка подъ дѣйствительное письмо. Все есть на этихъ страницахъ: попытки быть поэтичнымъ, раздѣлить возвышенный образъ мыслей Авроры и говорить ея языкомъ (или поддѣлаться подъ него): такъ, напр., Дюдеванъ разсказываетъ, какъ онъ вдругъ проникся жаждой просвѣтиться, сталъ читать принадлежащаго Аврорѣ *Паскаля* (!) и заниматься англійскимъ языкомъ, такъ что даже въ постель онъ беретъ съ собою книгу, и это, де, смягчаетъ въ немъ чувство одиночества; встрѣчаются также поэтическія описанія природы; выражаются и страстная любовь къ Аврорѣ, и опасенія потерять ее (или ея состояніе), и грусть, и радость по поводу ея письма, и великодушіе и даже нѣкоторое величіе души по поводу всего происшедшаго. Однимъ словомъ, либо открытіе любви Авроры къ Орельену дѣйствительно встряхнуло Дюдевана и пробудило его дремавшую въ вѣчномъ сумракѣ душу, либо это все было хитростью съ его стороны и „политическимъ

маневромъ". Изъ двухъ писемъ Шатирона къ сестрѣ и ея неизданнаго письма къ нему видно, что наслушавшись какихъ-то жалобъ Казиміра, Шатиронъ написалъ грубое и ругательное письмо сестрѣ, на что она строго и серьезно отвѣчаетъ, опровергая разныя странныя обвиненія его, послѣ чего и онъ 10 декабря 1825 г. пишетъ ей письмо, полное извиненій за предыдущее. Слѣдовательно, можно заключить, что Дюдеванъ, по прибытіи въ Ноганъ, жаловался Ипполиту на жену, обвинялъ ее и вообще *про себя* таилъ на нее неудовольствіе и злобу, и лишь наружно сдѣлалъ видъ, что не только съумѣлъ оцѣнить ея чистосердечную исповѣдь, ея честную искренность, но и постарался быть достойнымъ ея, стать на одинаковую высоту съ женой, которую лишь теперь вполнѣ оцѣнилъ. Но это лицемѣрное отношеніе къ женѣ Дюдеванъ затаилъ до поры до времени, и маленькая романтическая драма соединенными усиліями трехъ дѣйствующихъ лицъ обратилась въ идиллическую дружбу между де-Сезомъ и Авророй и ея мужемъ. Въ опроверженіе всѣхъ злобныхъ намековъ и прямыхъ утвержденій разныхъ писателей, въ родѣ Viel-Castel'я и другихъ, что Орельенъ де-Сезъ былъ, де, любовникомъ г-жи Дюдеванъ, мы подчеркиваемъ тотъ фактъ, что она не только не скрывала, но постоянно сообщала мужу о всякомъ письмѣ Орельена, полученномъ ею въ отсутствіе мужа, или о всякой встрѣчѣ съ нимъ въ Парижѣ или Бордо, или пріѣздѣ въ Ноганъ, когда мужъ былъ не тамъ. И Орельенъ де-Сезъ тоже со строгой корректностью выдерживалъ свою роль *только друга* и, — какъ видно изъ его писемъ за нѣсколько лѣтъ и къ Аврорѣ и къ Зоѣ Леруá, и изъ писемъ самой Авроры къ нему и къ Зоѣ—все время старался увлекающуюся и пылкую Аврору поддерживать въ томъ, нѣсколько приподнятомъ, романтически-мистическомъ тонѣ, какой съ самаго начала приняла ихъ дружба. Это былъ очень развитой и начитанный, безусловно честный и благородный человѣкъ, нѣсколько холодноватый, нѣсколько „умѣренный и аккуратный", въ юности очень романтичный, а потомъ нѣсколько склонный къ карьеризму и благонамѣренно-честолюбивый, очень характерный представитель прекрасной французской магистратуры съ ея строгими вѣковыми традиціями, нравами и привычками, съ ея строгими нравственными требованіями отъ своихъ сочленовъ. По натурѣ, по воспитанію, по знаніямъ, характеру, корректнымъ привычкамъ онъ былъ совершенною противоположностью Авроры Дюдеванъ, но это-то, вѣроятно, и было тою скрытою, и по теоріи контрастовъ необходимою, притягательною силою, которая

привлекала молодыхъ людей другъ къ другу. Съ другой стороны любовь къ чтенію, идеальные взгляды, умственные вкусы, интересы и привычки нѣсколько отвлеченно-направленнаго ума и сильная доля романтизма въ характерѣ способствовали и болѣе глубокому и сознательному сближенію двухъ новыхъ друзей. Общая дружба съ Зоей Леруа, жившей въ Бредѣ, въ то время какъ самъ Орельенъ жилъ въ Бордо, являлась какъ нельзя болѣе кстати; она служила звеномъ, помогала вначалѣ чаще видѣться, а затѣмъ способствовала установленію еще болѣе частой переписки въ разлукѣ, когда, одновременно съ отъѣздомъ Дюдевана въ Ноганъ, Аврора переѣхала къ свекру въ Гильери, а потомъ и совсѣмъ уѣхала съ юга. И вотъ началась знаменательная въ жизни Авроры переписка ея съ де-Сезомъ. Письма посыпались съ той и другой стороны, письма философскія, поэтическія, шутливыя, сантиментальныя, письма, въ которыхъ сказалась вся душевная и духовная жизнь Авроры въ тѣ годы и которыя показываютъ, какой откликъ находило въ де-Сезѣ каждое ея слово, чувство, мысль. Однако не будемъ забѣгать впередъ и не отступая отъ принятаго нами строго хронологическаго порядка, вернемся къ нашему разсказу о 1825 годѣ.

Зиму 1825—26 года Аврора Дюдеванъ провела въ Гильери у отца Казиміра и опять очень веселилась. Часто устраивались то охоты, то просто кавалькады и съ этою цѣлью даже выписали изъ Ногана любимую лошадь Авроры — „Колетту". Часто ѣздили къ разнымъ сосѣднимъ помѣщикамъ въ ихъ замки, гдѣ устраивались танцы, домашніе спектакли, шарады, на которыя съѣзжались родственники и знакомые не только изъ окрестныхъ имѣній, но и изъ Нерака и изъ Бордо. Аврора пишетъ матери 30 дек. 1825 г.:

„Я только что вернулась изъ одного сосѣдняго замка, гдѣ я провела нѣсколько дней, охотясь верхомъ и участвуя въ шарадахъ по вечерамъ. Мое здоровье довольно плохо для всѣхъ этихъ безумствъ, отъ которыхъ я порядочно устала. Но теперь я вернулась, отдыхаю и рѣшила беречься и не вылѣзать изъ своей норы (de mon trou) ни для чего, какъ только для того, чтобы провести конецъ карнавала въ Бордо. Мы тамъ будемъ вѣроятно еще до конца января, всѣ тамъ къ намъ очень милы и любезны и ждутъ насъ. Казиміръ только что вернулся оттуда и присоединяется къ моимъ пожеланіямъ здоровья и удовольствій для васъ [1])".

Казиміръ дѣйствительно въ теченіе этой зимы и слѣдующихъ лѣтъ часто бывалъ въ Бордо, гдѣ у его отца былъ домъ, кото-

[1]) Неиздан.

рымъ надо было управлять и который впослѣдствіи достался Казиміру. Въ Бордо же Дюдеванъ, какъ мы знаемъ, сошелся съ Дегранжемъ, „корабельнымъ мастеромъ“ (armateur) по профессіи и афферистомъ чистѣйшей воды, который не замедлилъ втянуть Казиміра въ цѣлый рядъ финансовыхъ предпріятій и операцій, доведшихъ Дюдевана мало-по-малу почти до полнѣйшаго разоренія. Что̀ это была за личность и какія отношенія установились между нимъ и Дюдеваномъ, намъ даетъ понятіе слѣдующее письмо Авроры [1]) къ Акколá (Accolas)—помощнику Мишеля въ веденіи ея бракоразводнаго процесса:

...„Самое лучшее, что̀ было,—это покупка корабля. Господинъ Дюдеванъ находился въ рукахъ мошенника (d'un escroc), по имени Дегранжа, котораго онъ немного зналъ въ юности и который забралъ его въ руки, угощая его шампанскимъ и... Послѣ одного обѣда, во время котораго акціонеры увидѣли литографію, снятую съ очень хорошенькаго коммерческаго брига, каждый подписался согласно своимъ средствамъ на акціи, а г. Дюдеванъ подписался на 20000 фр. Въ продолженіе двухъ лѣтъ ему пришлось много хлопотать изъ-за подписанныхъ имъ векселей; когда онъ уплатилъ ихъ всѣ, оказалось, что это судно никогда не существовало. Г. Дюдеванъ былъ корабельщикомъ *in partibus*“.

Всѣ эти денежныя и не денежныя дѣла вызывали, какъ сказано, частыя поѣздки Казиміра въ Бордо, и Аврора, надо полагать, была болѣе, чѣмъ довольна, когда могла сопровождать туда своего мужа. У нея установились тоже самыя дружескія отношенія съ ея бордосскимъ пріятелемъ, но какъ непохожа была эта поэтическая дружба на прозаическія отношенія Казиміра и Дегранжа! И тѣмъ не менѣе обѣ эти дружбы, каждая по своему, способствовали все большему разъединенію Дюдевановъ.

Аврора очень привязалась къ старику Дюдевану. Это былъ справедливый и сердечный, немного вспыльчивый, но добрый человѣкъ. Жоржъ Сандъ говоритъ, что охотно прожила бы всю жизнь подлѣ него и что вѣроятно онъ съумѣлъ бы оградить ее отъ тѣхъ семейныхъ бурь, которыя разрушили ея жизнь. И вслѣдъ затѣмъ она съ сожалѣніемъ говоритъ, что ей не суждено было долго сохранить и этого своего защитника и покровителя. Она потеряла его въ этомъ же году. Карнавалъ Дюдеваны проводили въ Бордо, Аврора часто видѣлась опять съ Зоей, ея сестрами и братьями, и у нихъ-то въ домѣ и полу-

[1]) Неиздан.

чила извѣстіе о смерти свекра [1]). Она съ Казиміромъ тотчасъ же уѣхала въ Гильери, къ его мачихѣ. Это была холодная, скупая и сухая женщина, которая никого на свѣтѣ не любила и всѣмъ старалась вредить просто изъ любви къ искусству. Будучи совершенно одинокой и бездѣтной, она тѣмъ не менѣе постаралась заранѣе о томъ, чтобы Казиміръ не получилъ ни копѣйки лишней противъ того, что̀ ему приходилось по закону, какъ незаконному сыну, хотя она и знала, что онъ постоянно нуждался въ деньгахъ для веденія большого хозяйства. И въ то же самое время, оказывая ему постоянные знаки своего нерасположенія, она взяла его сторону во время его процесса съ женой, постоянно, что называется, подзадоривала и возстановляла его противъ Авроры и была одною изъ причинъ, почему между супругами не состоялось, какъ надѣялись сначала друзья, миролюбиваго разлученія и раздѣла имущества, а дошло до суда. Между тѣмъ Аврора не только никогда ничѣмъ противъ нея не провинилась, но, наоборотъ, оказывала ей всевозможные знаки вниманія и почтенія; писала ей, ухаживала за ней, даже постоянно посылала ей маленькіе сюрпризы: вышитые ею самой тюлевые чепчики, воротнички и т. п. Идеализируя ее, Аврора даже любила ее, воображала глубокой, сдержанной натурой и ея молчаливость и сухость принимала за признакъ скрытаго чувства и душевной силы. Для окончательнаго устройства дѣлъ по наслѣдству—между прочимъ для продажи дома, который ему достался въ счетъ приходившихся на его долю 30.000 франковъ,—Казиміръ съ Авророй еще разъ поѣхали въ Бордо, откуда весною отправились въ Ноганъ, но уже въ маѣ имъ пришлось опять на короткое время съѣздить въ Гильери [2]) и лишь къ лѣту окончательно вернулисъ они въ Ноганъ.

[1]) Чтобы объяснить кажущееся противорѣчіе между тѣмъ, что̀ говорится о *карнавалѣ въ Бордо* въ „Histoire“ съ тѣмъ, что́ въ „Корреспонденціи“ помѣщено подъ „25 февраля 1826“ письмо къ Софіи Дюпенъ изъ *Ногана*, – мы должны указать, что это ошибка и что это письмо относится не къ 1826, а къ 1827 г. Въ немъ, между прочимъ, разсказывается о пребываніи въ Ноганѣ семьи Дюплесси и о свадьбѣ Фаншонъ. Оба эти факта относятся къ зимѣ 1826—1827 года, Свадьба Фаншонъ произошла 20 декабря 1826 г. Слѣд. письмо къ m-me Дюпенъ написано 25 февраля 1827 года. Карнавалъ 1826 г. Дюдеваны провели дѣйствительно на югѣ, а старикъ баронъ Дюдеванъ скончался 20 февраля 1826 г.

[2]) Въ подстрочномъ примѣчаніи подъ письмомъ отъ 30 апрѣля 1826 г. къ баронессѣ Дюдеванъ въ „Корреспонденціи“ опять ошибка. Это письмо относится не къ смерти ея мужа, которая, какъ сказано, случилась въ концѣ карнавала, а къ смерти другого лица, о которомъ баронесса письменно сообщила пасынку и невѣсткѣ въ Ноганъ. Это письмо и вызвало новую поѣздку Казиміра въ Гильери.

Жоржъ Сандъ говоритъ, что слѣдующія затѣмъ пять лѣтъ — съ 1826 по 1831 г. — она почти безвыѣздно провела въ Ноганѣ. Въ общемъ это указаніе почти вѣрно, хотя должно оговориться, что отлучки изъ Ногана то съ мужемъ, то одной Авроры были довольно часты, а иногда и довольно продолжительны. Кромѣ того, въ ея краткомъ разсказѣ объ этихъ годахъ встрѣчается много хронологическихъ неточностей и неясностей, а потому мы прежде всего, точно также кратко и съ самою историческою сухостью, отмѣтимъ внѣшніе факты изъ жизни Дюдевановъ за эти 5 лѣтъ.

Лѣтомъ 1826 года, въ самый разгаръ жатвы, Казиміръ опять поѣхалъ для устройства своихъ дѣлъ въ Бордо и въ Парижъ, и Аврора должна была временно взять въ свои руки сельское хозяйство. 13 іюля она пишетъ матери, что занята съ утра до вечера и страшно устаетъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же году она стала заниматься лѣченіемъ крестьянъ. Этому занятію она стала посвящать многіе, многіе часы, дни и мѣсяцы своей жизни. Лѣто и осень этого года Дюдеваны провели въ Ноганѣ же. Въ началѣ зимы сюда пріѣхала M-me Дюплесси со всѣмъ своимъ семействомъ и прогостила мѣсяца три. Въ Ноганѣ было очень весело, опять затѣялись игры, танцы, переодѣванья; праздновались двѣ крестьянскихъ свадьбы, между прочимъ вышла замужъ няня Мориса, Фаншонъ, и „господа“ принимали дѣятельное участіе въ деревенскихъ праздникахъ. Въ январѣ 1827 года, оставивъ Мориса на попеченіе „мамаши Анжель“, Аврора ѣздила съ мужемъ на двѣ недѣли въ Парижъ [1]). Вернувшись въ Ноганъ, Дюдеваны прожили тутъ до августа, когда отправились на воды въ Клермонъ-Ферранъ, ибо Аврора опять сильно хворала, страдала удушьями, безсонницей и своей постоянно возвращавшейся горловой болѣзнью (esquinancies), а въ довершеніе всего еще, оступившись, вывихнула ногу, такъ что долго пролежала въ постели. Къ этому времени относится „*Путешествіе въ Овернь*“, написанное Авророй для Зои Леруа и являющееся какъ бы первымъ произведеніемъ пера Жоржъ Сандъ. Оно очень интересно въ психологическомъ и автобіографическомъ отношеніи, такъ какъ въ немъ сказывается тотъ внутренній разладъ и броженіе, въ которомъ находилась тогда душа Авроры, а также содержатся всѣ почти элементы творчества писатель-

[1]) См. упомянутое нами письмо отъ *25 февраля 1827 года* къ Софіи Дюпенъ. Въ неизданномъ письмѣ того же года отъ *30 января* Аврора пишетъ Карону: „Мы благополучно прибыли сюда, несмотря на холодъ и ужасныя дороги, и я нашла Мориса и мамашу Анжель въ добромъ здоровьи...“

ницы и даже находится какъ бы въ зародышѣ планъ *Histoire de ma vie*. Вотъ къ какой ранней эпохѣ такимъ образомъ слѣдуетъ отнести намѣреніе Жоржъ Сандъ объяснить свою жизнь и душевный складъ изъ чертъ наслѣдственныхъ и обстоятельствъ, среди которыхъ она развилась и выросла [1]). По возвращеніи она чувствовала себя гораздо лучше [2]) но, какъ только наступила зима, она опять начала хворать, и ко всему прочему теперь присоединились ревматизмы, которыми она страдала еще втеченіе многихъ лѣтъ, такъ что зимою должна была кутаться во фланель съ головы до ногъ. Зиму 1827—28 года Дюдеваны провели въ Ла-Шатрѣ, по случаю выборовъ, въ которыхъ Казиміръ принималъ большое участіе и на которыхъ, именно благодаря усиліямъ его и его друзей, восторжествовала либеральная партія, проведшая въ депутаты своего кандидата, стараго республиканца Дюри-Дюфреня (Duris-Dufresne). Въ Ла-Шатрѣ Дюдеваны жили очень открыто: давали вечера и обѣды; домъ былъ вѣчно полонъ народу; всѣ интересовались избираемыми и избирателями, интриговали, кипятились, а въ промежуткахъ танцовали и сплетничали, какъ полагается во всякомъ благоустроенномъ провинціальномъ городкѣ. Въ „*Исторіи моей жизни*" къ этому времени отнесенъ одинъ эпизодъ, который въ „Корреспонденціи" разсказывается подъ 20 января 1829 года въ письмѣ къ Карону. Эпизодъ этотъ заключается въ томъ, что, находясь въ принципіальномъ антагонизмѣ съ су-префектомъ, принадлежавшимъ къ правительственной партіи, тогда какъ Дюдеваны принадлежали къ соединившимся на сей случай съ бонапартистами либераламъ, Аврора тѣмъ не менѣе была очень дружна съ су-префектомъ Periньи и его женой. И вотъ, не обративъ вниманія на дурацкія провинціальныя дѣленія на классы и кружки, и Периньи и Аврора возстановили противъ себя все „ла-шатрское высшее общество" тѣмъ, что на свои вечера стали звать *всѣхъ*, т.-е. лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ общественнымъ слоямъ. „Свѣтъ" наказалъ ихъ тѣмъ, что пересталъ у нихъ бывать, и одинъ вечеръ выпалъ такой, что къ Периньи пришли 3 человѣка, изъ коихъ однимъ была сама Аврора. Тогда Аврора отплатила „свѣту" тѣмъ, что удвоила приглашенія *второму* классу; вечера ея были очень оживлены и многолюдны, а нѣ-

[1]) Этотъ интереснѣйшій первый опытъ писательницы былъ впослѣдствіи напечатанъ въ *Фигаро* 1888 г. въ №№ отъ 4 и 11 августа.

[2]) 4 *сентября* она пишетъ матери: „всѣ здоровы на славу: зять, дочь и внукъ. У меня ужасающій аппетитъ, и я пріобрѣла привычку спать, которую нахожу весьма пріятной..."

сколько ужиновъ и обѣдовъ все уладили. Но тутъ сама Аврора чуть опять все дѣло не испортила, сочинивъ съ однимъ общимъ пріятелемъ, Дютейлемъ, юмористическую пѣсенку, въ которой осмѣяла все это происшествіе. Относилось ли это въ дѣйствительности къ 1827 г. или къ 1829 г. [1]) трудно рѣшить, и мы не беремся сказать, гдѣ ошибка: въ „*Исторіи*“ или „*Корреспонденціи*“; дѣло въ томъ, что во всѣ три зимы: 1826—1827, 1827—28 и 1828—29 годовъ, Дюдеваны по долгу живали въ Ла-Шатрѣ, по крайней мѣрѣ карнавалъ всегда проводили тамъ и проводили его очень веселымъ образомъ, давали обѣды и вечера—однимъ словомъ, какъ видно, держались своей прежней системы: старались какъ можно больше бывать *на людяхъ*. Письма этихъ лѣтъ (особенно неизданныя, къ матери и Карону) полны порученій: купить шляпку, мѣховую шапочку, новую кадриль, дуэтъ для баритона и контральто, заказать платье, выписать модный журналъ „*Petit Courrier des Dames*“, узнать, какой теперь въ Парижѣ самый модный покрой рукавовъ, прислать „рукава и воротникъ, вязанные изъ шелка тѣльнаго цвѣта, чтобы надѣвать подъ открытыя платья сверхъ фланели“, безъ которой Аврора не рѣшалась выходить, все еще страдая ревматизмомъ. 12 января 1828 года Аврора сообщаетъ матери, что у нихъ былъ „прекрасный вечеръ“, для котораго она сама нарисовала ширмы и разучила кадрили въ 4 руки. Дѣло въ томъ, что по случаю своей второй беременности она въ этомъ году не танцовала, а зато тѣмъ охотнѣе играла для другихъ. Но, чувствуя себя опять очень дурно, она ѣздила въ томъ же январѣ въ Парижъ совѣтоваться съ медицинскими знаменитостями, изъ которыхъ одна нашла у нея чахотку, другая аневризмъ, третья объявила, что она совсѣмъ здорова. Послѣ шумной зимы Дюдеваны провели очень тихое лѣто въ Ноганѣ, куда теперь окончательно переселился Ипполитъ со своей женой Эмиліей,—страшно-болѣзненной, кроткой женщиной, съ которой Аврора была очень дружна,— и съ маленькой дочкой Леонтиной. Эту дѣвочку Аврора долгое время воспитывала съ Морисомъ и любила ее, какъ своего ребенка.

„Le cher père (Казиміръ),—пишетъ Аврора матери,—поглощенъ своимъ урожаемъ. Онъ изобрѣлъ способъ молотить, посредствомъ котораго въ 3 недѣли кончаютъ то, на что̀ обыкновенно идетъ 5—6 мѣсяцевъ. Но зато онъ и трудится въ потѣ лица своего. Съ ранняго утра онъ ходитъ въ блузѣ, съ граблями въ рукахъ. Рабочіе поневолѣ слѣдуютъ его примѣру, но они не жалуются, потому что для нихъ не жалѣютъ мѣстнаго вина. А мы, женщины,—(этимъ лѣтомъ, кромѣ

[1]) Судя по неиздан. письмамъ Казиміра Дюдеванъ къ Карону—это произошло дѣйствительно въ 1829 г.

Эмиліи, въ Ноганѣ гостила M-me Сентъ-Аньянъ съ дочерьми),—мы усаживаемся на снопахъ, которыми заваленъ дворъ. Мы читаемъ, много работаемъ и мало гуляемъ. Мы также музицируемъ".

Въ сентябрѣ у Дюдевановъ родилась дочь *Соланжъ* [1]). Это событіе произошло, вслѣдствіе пережитаго Авророй испуга, раньше времени и такъ неожиданно, что Аврора едва успѣла собрать приданое для новорожденной, находившееся еще въ ея рабочей корзинкѣ; докторъ пріѣхалъ, когда и мать и дѣвочка уже спали. Несмотря на это, и Соланжъ съ первыхъ же дней жизни отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, да и Аврора настолько хорошо себя чувствовала, что „пролежала въ постели всего одинъ день, а черезъ недѣлю уже каталась верхомъ" [2]).

Проведя зиму частью въ Ноганѣ, а частью, какъ уже сказано, опять шумно и весело въ Ла-Шатрѣ, Дюдеваны всею семьею ѣздили въ началѣ лѣта 1829 г. на два мѣсяца въ Бордо и въ Неракъ. Туда же проѣхала Аврора глубокою осенью, послѣ того, какъ прогостила нѣкоторое время въ Перигё у своей пріятельницы Фелиси. Вернулась она домой лишь къ Рождеству (между 18 декабря — когда она еще пишетъ изъ Перигё письмо маленькому Морису [3]) — и 29 декабря, когда она пишетъ матери уже изъ Ногана). Въ слѣдующемъ, 1830 году, она опять уѣзжала не надолго, на этотъ разъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ Морисомъ, чтобы посовѣтоваться на счетъ серьезной глазной болѣзни, которою она страдала лѣтомъ и весною.

За годъ передъ тѣмъ, 2 сентября 1829 г., Дюдеваны пригласили къ себѣ черезъ Дюри-Дюфреня — нѣкоего Жюля Букоарана воспитателемъ къ Морису. Этотъ симпатичный юноша прожилъ въ Ноганѣ нѣсколько лѣтъ, сдѣлался другомъ всего семейства, а особенно Мориса и самой Авроры, да и впослѣдствіи, когда онъ уѣхалъ на югъ, гдѣ былъ редакторомъ газеты „Courrier du Gard"—сохранилъ самыя сердечныя отношенія съ Авророй, переписывался съ нею постоянно, а въ 1836 году пріѣзжалъ нарочно съ юга, чтобы быть свидѣтелемъ во время ея процесса. Въ эти же годы Аврора очень сошлась и подружилась съ цѣлой компаніей молодыхъ беррійцевъ и ихъ семействами—и эту дружбу сохранила до старости, или перенесла и на сыновей и внуковъ

[1]) Въ преисполненномъ всевозможныхъ неточностей, ошибокъ и невѣрныхъ указаній „Біографическомъ очеркѣ", составленномъ г. Вл. Штейнъ и приложенномъ къ изд. у Ледерле переводу „*Личнаго Секретаря*" Соланжъ почему-то названа „Авророй", а мужъ ея „Клезингеромъ".

[2]) Неиздан. письмо къ Шарлю Понси отъ 1 августа 1844 г.

[3]) Неизданное письмо, написанное *печатными буквами*, чтобы мальчикъ, только что научившійся читать, могъ самъ прочесть его.

своихъ друзей. Кромѣ семьи Дюверне и упомянутаго уже Дютейля и его жены это были: Флери, Десеры, Неро, Папе, Плане, а впослѣдствіи и вся семья Роллина.

Вотъ всѣ внѣшнія событія этихъ лѣтъ. Повидимому, эти пять лѣтъ прошли совершенно спокойно, и ни малѣйшее происшествіе не взволновало гладкой поверхности этой ординарной и чуть-что не пошлой провинціальной жизни, гдѣ лѣтнія заботы о своевременной уборкѣ сѣна смѣнялись зимними заботами объ устройствѣ баловъ и обѣдовъ. На самомъ дѣлѣ эти пять лѣтъ были для Авроры полны событій, скрытой внутренней борьбы и такихъ глубокихъ нравственныхъ страданій, что надо удивляться, какимъ образомъ она находила въ себѣ силу, чтобъ и всѣхъ этихъ гостей принимать, и кадрили имъ играть, и спокойно заниматься своими дѣтьми, и казаться такой веселой, и веселыя шутливыя письма писать и матери, и Карону, и „тетушкѣ Сентъ-Аньянъ“. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны письма къ матери: они полны описаній всякихъ parties de plaisir, разныхъ смѣшныхъ происшествій, баловъ, полны вопросами о тряпкахъ, шутками; въ нихъ самымъ легкомысленнымъ, беззаботнымъ тономъ говорится о чемъ угодно — но ни слова о внутренней жизни Авроры. Она положительно умышленно писала въ такомъ тонѣ, чтобы у матери не было ни малѣйшаго подозрѣнія, что далеко не все обстоитъ благополучно въ ея семейной жизни. Въ письмѣ отъ 21 апрѣля 1828 г. (*неиздан.*) Аврора пишетъ, напримѣръ, матери слѣдующее:

„Я много кашляла зимою и у меня сильно болѣла грудь; я держусь этой дурной привычки втеченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, но весна моя спасительница и, засыхая, какъ древесная листва, я, какъ она же, весною вновь зеленѣю. Не думайте, дорогая мама, что это разстройство здоровья происходитъ отъ какихъ-нибудь нравственныхъ причинъ. Я не скрывала бы этого отъ васъ, такъ какъ увѣрена, что въ васъ я нашла бы болѣе участія и снисхожденія, чѣмъ у кого бы то ни было. Но вѣдь хворать можно во всякомъ возрастѣ, и тѣло можетъ быть совсѣмъ больное, а голова здоровая. Моя голова очень покойна, хотя къ несчастью она довольно горячая, не знаю радоваться ли этому, или сокрушаться. Вы во всякомъ случаѣ не должны меня за это бранить, ибо это я получила въ подарокъ отъ васъ, это отъ васъ по наслѣдству мнѣ досталось. Говорятъ, что у людей, такъ созданныхъ, больше радостей, но и больше печалей...“ (На этомъ мѣстѣ бумага этого письма разорвана, а въ концѣ письма Аврора уже съ обычными шутками и беззаботнымъ тономъ разсказываетъ о своихъ занятіяхъ медициной и лѣченіемъ).

Вѣрнѣе было бы сказать, что все было неблагополучно, что — за исключеніемъ любви къ дѣтямъ — эта жизнь ничего хорошаго

не давала Аврорѣ, что съ каждымъ днемъ прибавлялись новые и новые поводы къ огорченіямъ и съ каждымъ часомъ жизнь ея въ Ноганѣ становилась невыносимѣе.

Во-первыхъ, Казиміръ началъ сильно пить и мало-по-малу въ Ноганѣ завелись настоящія оргіи, въ которыхъ кромѣ самого Дюдевана принимали участіе: Ипполитъ и Стефанъ Ажассонъ де Грансень (Stéphane Ajasson de Grandsaigne) [1])—бывшій другъ и поклонникъ Авроры. Наконецъ, однимъ изъ собутыльниковъ былъ и Дютейль—прекраснѣйшій, но повидимому безхарактерный человѣкъ, большой пріятель и Казиміра и Авроры.

Сначала Аврора терпѣливо переносила эти кутежи. Она говоритъ въ „*Исторіи*" (стр. 51—52), что вся эта компанія, а особенно ея братъ, инстинктивно питали къ ней уваженіе и сдерживались при ней, такъ что, „пока дѣло ограничивалось только тѣмъ, что болтали, шумѣли, надоѣдали или были нездоровы—и довольно отвратительно,—я старалась смѣяться и даже научилась переносить извѣстный шутливый тонъ въ разговорахъ, который въ сущности былъ мнѣ возмутителенъ". Но эти кутежи становились съ каждымъ днемъ все безцеремоннѣе и продолжительнѣе, „нервы начинали неповиноваться", и дѣло доходило до того, что въ присутствіи Авроры веселая компанія становилась груба и неприлична, и даже Ипполитъ, который прежде раскаявался и слушался выговоровъ Авроры,—становился золъ и грубъ, такъ что Аврорѣ оставалось только незамѣтно стараться уйти и скрываться въ бывшій маленькій будуаръ бабушки, который былъ непроходной, и гдѣ Аврора могла запираться и быть поближе къ комнатѣ дѣтей.

„Тутъ я могла заниматься и забывать о шумѣ, который иногда продолжался до 6—7 часовъ утра. Я привыкла работать по ночамъ, когда ходила за больной бабушкой, теперь я не ухаживала за больными, но бредъ слышала".

Потомъ это пьянство повело за собой и худшее. Казиміръ началъ въ самомъ грубомъ смыслѣ слова и самымъ грубымъ образомъ измѣнять женѣ, даже не стараясь особенно скрывать этого. Такъ Аврора узнала сначала о его связи въ Бордо съ какой-то неназываемой особой, бывшей въ то же время пріятельницей Дегранжа [2]). Затѣмъ Казиміръ не постѣснился и въ Ла-Шатрѣ и даже въ Ноганѣ продолжать то же. О его связяхъ

[1]) О немъ см. выше, стр. 139—140.

[2]) О ней упоминается въ уже приведенномъ нами письмѣ къ Аккола; но это мѣсто неудобно для печати.

съ двумя горничными—испанкой Пепитой, бывшей одно время няней Соланжъ, и берришонкой Клэръ—зналъ не только весь городъ и весь Ноганъ, знали объ этомъ и друзья Авроры и Ипполитъ, и всѣ относились къ этому очень спокойно, какъ къ чему-то очень простому и даже забавному, шутили очень мило надъ Казиміромъ; а когда одна изъ этихъ двухъ дѣвушекъ стала преслѣдовать Казиміра требованіемъ обезпеченія для своего ребенка, то точно также трунили надъ Дюдеваномъ [1]), и никто не постарался даже быть поосторожнѣе въ словахъ. А самъ Казиміръ дошелъ въ своемъ цинизмѣ до того, что когда, на другой день послѣ рожденія Соланжъ, Аврора еще лежала въ постели, то услышала въ сосѣдней комнатѣ разговоръ мужа, не оставлявшій никакихъ сомнѣній на счетъ его отношеній къ собесѣдницѣ. Это былъ въ буквальномъ смыслѣ разговоръ, называемый французами „conversation criminelle". Аврора была до глубины души оскорблена тѣмъ, что тотъ самый человѣкъ, изъ вѣрности которому она пожертвовала своей истинной, сердечной привязанностью, отплатилъ ей тѣмъ, что не остановился предъ самымъ возмутительнымъ, пошлымъ развратомъ и гдѣ же?—подъ кровлею того дома, гдѣ жили его жена и дѣти!

Разумѣется, съ этого же дня всякая интимная семейная жизнь между Дюдеванами прекратилась [2]). Но изъ-за дѣтей Аврора рѣшилась терпѣливо все переносить, замкнуться въ своей привязанности къ нимъ и сохранить для нихъ иллюзію семейной жизни, не подавая ничѣмъ виду, что между нею и ихъ отцомъ всякая духовная связь порвана. „Она страдала, но мужественно боролась со своимъ страданіемъ, затаивая бьющую ключемъ внутренную жизнь и призывая къ себѣ на помощь книги, верховую ѣзду и особенно великую книгу природы, къ разумѣнію которой у ней были особыя способности и даръ глубокаго проникновенія" [3]). Дѣйствительно, Аврора всѣ эти годы много читала, стараясь черезъ своихъ друзей выписывать все новое, что только выходило въ Парижѣ; много читала и историческихъ сочиненій. Продолжала она также и свои занятія естественной исторіей, но уже не со Стефаномъ де-Грансень, а съ новымъ своимъ хорошимъ пріятелемъ—Жюлемъ Неро̀ (Né-

[1]) Судебное слѣдствіе установило всѣ эти факты изъ показаній многочисленныхъ свидѣтелей.

[2]) Въ числѣ неизданныхъ писемъ Ж. Сандъ находится весьма интимное письмо къ Карону отъ 4 декабря 1828 г., гдѣ Аврора сообщаетъ этому старому другу, что между нею и Казиміромъ все кончено.

[3]) Домени: „Galerie des contemporains".

raud), котораго она прозвала *Мальгашемъ*, послѣ его пребыванія на островахъ Соединенія и Мадагаскарѣ [1]). Стараясь какъ можно больше быть занятой и желая помочь мужу, который часто уѣзжалъ изъ-за своихъ дѣлъ то въ Бордо, то въ Парижъ,— Аврора еще въ 1826 году взяла въ свои руки управленіе всѣми домашними дѣлами...

„Домашнія заботы,—говоритъ она,—никогда мнѣ не надоѣдали, и я не изъ тѣхъ великихъ умовъ, которые не могутъ спускаться съ облаковъ. Я конечно много витаю въ облакахъ, но по этой-то причинѣ я и чувствую потребность часто спускаться на землю“ [2]).

Но ея занятія хозяйствомъ продолжались не долго:

„Экономичная во всемъ, какъ это было мнѣ предписано, я только убѣдилась, что въ иныхъ случаяхъ нельзя быть экономнымъ, не дѣлаясь эгоистомъ. Чѣмъ ближе я становилась къ землѣ, придумывая, какъ бы эта земля приносила какъ можно больше, тѣмъ болѣе я видѣла, что она приноситъ мало, а тѣ, у кого ея мало или вовсе нѣтъ, совсѣмъ не могутъ существовать работою рукъ своихъ. Заработная плата была слишкомъ низка, работа недостаточно обезпечена, истощеніе и болѣзни неотвратимы. Мой мужъ не былъ извергомъ и не препятствовалъ мнѣ въ иныхъ частныхъ издержкахъ, но когда въ концѣ мѣсяца онъ просматривалъ мои счеты, то выходилъ изъ себя и заставлялъ и меня терять голову, показывая, что мои доходы были въ половину менѣе моей щедрости, и что въ Ноганѣ и Ногаиомъ нельзя просуществовать на такую широкую ногу. Это была правда, но я не могла по собственному побужденію уменьшить до крайности довольствіе тѣхъ, кѣмъ я управляла. Я не противилась ничему, что̀ мнѣ совѣтовали или предписывали, но я не знала, какъ взяться за дѣло. Я или теряла терпѣніе, или была слишкомъ слаба. Это знали и злоупотребляли этимъ. Мое управленіе продолжалось годъ. Мнѣ предписали не выходить изъ 10,000 франковъ, я истратила 14,000, и была смущена этимъ, какъ ребенокъ, пойманный на шалости. Я подала въ отставку, ее приняли“... [3]).

Тогда она стала дѣятельнѣе прежняго заниматься лѣченіемъ крестьянъ. Да будетъ намъ позволено здѣсь сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Намъ совершенно непонятенъ тотъ снисходительный тонъ, которымъ объ этомъ говоритъ г. Скабичевскій въ своихъ статьяхъ о Жоржъ Сандъ [4]), точно такъ же, какъ и о занятіяхъ подобнымъ лѣченіемъ крестьянъ нѣкоторыхъ нашихъ помѣщицъ. Крестьяне въ Берри въ 20-хъ и 30-хъ годахъ были точно такъ же темны, дики и безпомощны, какъ и у насъ. И медицинская по-

[1]) По французски мадагаскарцы называются malgaches.

[2]) „Исторія“, т. IV, стр. 61.

[3]) „Исторія“, т. IV, стр. 62.

[4]) „Отеч. Зап.“, 1881 г.

мощь, особенно въ томъ видѣ, какъ ее практиковала Аврора Дюдеванъ или русскія помѣщицы, къ чему г. Скабичевскій относится какъ къ какой-то заслуживающей лишь улыбки филантропіи, эта помощь являлась и является часто первымъ лучемъ, проникающимъ въ темную массу, первымъ шагомъ отъ знахарокъ, предразсудковъ, грязи и невѣжества къ болѣе человѣческой и разумной жизни. Такъ оно и было у Авроры Дюдеванъ по отношенію къ берришонцамъ. Обмывая и перевязывая раны и приготовляя сиропы и микстуры, Аврора исподволь знакомилась съ нуждами, развитіемъ, семейнымъ положеніемъ и потребностями каждаго изъ жителей Ногана въ отдѣльности; она становилась въ прямыя отношенія съ каждымъ крестьянскимъ семействомъ. И отношенія ея съ ними съ этихъ поръ и втеченіе всей ея жизни установились чисто *личныя*, человѣческія. Оттого впослѣдствіи, когда она стала полновластной хозяйкой въ Ноганѣ, Жоржъ Сандъ могла не подачками и не издали, а существенно и цѣлесообразно помогать всѣмъ; оттого эта помощь ко времени ея смерти сказалась тѣмъ, что въ „Ноганѣ были крестьяне, но не было бѣдняковъ“, какъ выразился тотъ крестьянинъ, который отъ имени своихъ односельчанъ положилъ вѣнокъ на могилу Жоржъ Сандъ. Какъ бы такая помощь нѣсколькимъ десяткамъ семей ни казалась ничтожной, но она тѣмъ не менѣе чрезвычайно реальна, и дай Богъ всякому сдѣлать то, что Аврора Дюдеванъ сдѣлала въ своей маленькой общинѣ Ноганъ-Викъ.

Итакъ, начиная съ 1826 года въ особенности, Аврора занималась лѣченіемъ крестьянъ. Большое затрудненіе при этомъ составляло то, что у ней не было или бывало очень мало своихъ денегъ. Судебнымъ слѣдствіемъ установлено, что она никогда не получала даже тѣхъ 1500 фр., которые она захотѣла получать вмѣсто выговоренныхъ ей брачнымъ контрактомъ 3000 фр. Но она никогда не жаловалась, ничего отъ мужа не требовала и, несмотря на то, что все состояніе было *ея*, никогда не истратила ни гроша, не испросивъ предварительно разрѣшенія мужа. А когда „послѣ девятилѣтняго супружества она попросила мужа въ 1831 году уплатить ея личные долги, то они доходили всего до 500 франковъ“ [1]). Но вслѣдствіе этого отсутствія собственныхъ денегъ занятія медициной требовали вдвое болѣе времени, чѣмъ еслибъ Аврора могла располагать небольшой суммой на это доброе дѣло. Потому что ей не только приходилось быть аптекаремъ, намазывать самой пла-

[1]) „Исторія“, т. IV, 63 стр.

Аврора Дюдеванъ.
Рис. ею самою въ 1831 г.

стыри, составлять и варить микстуры и сиропы, но даже быть садовникомъ при аптекѣ — самой разводить нѣкоторыя необходимыя лѣкарственныя растенія. Аврора иногда до того уставала, что едва могла дотащиться до постели, но не жаловалась бы на это, еслибъ ей при этомъ не приходило въ голову, что съ небольшими средствами она могла бы быть полезнѣе своимъ больнымъ, потому что пригласила бы доктора, и тогда лѣченіе и уходъ за больными были бы и разумнѣе, и успѣшнѣе. Между тѣмъ мужъ ея, по ея словамъ,

„не былъ скупъ. Онъ мнѣ ни въ чемъ не отказывалъ, да я ни въ чемъ и не нуждалась, кромѣ денегъ на ежедневные домашніе расходы, имъ разъ навсегда установленные. Радуясь тому, что на мнѣ нѣтъ никакой отвѣтственности, я предоставила ему безграничную и безконтрольную власть. И онъ естественнымъ образомъ привыкъ на меня смотрѣть какъ на опекаемаго ребенка; а я не подавала ему поводовъ сердиться на такого покойнаго ребенка“ [1]).

Но не будучи рабою мужа, Аврора была „рабою даннаго положенія, отъ котораго мужъ ея не могъ ее избавить“. Аврора все яснѣе стала сознавать, что ей необходимо найти себѣ занятіе, которымъ она могла бы зарабатывать себѣ деньги.

Попробовавъ переводить, она увидѣла, что добросовѣстными переводами, отнимающими много времени, она не проживетъ. Тогда она обратилась къ живописи. Унаслѣдовавъ отъ матери талантъ къ рисованію, она сначала стала рисовать портреты (такъ она послала матери портреты Мориса, свой, Каролины и т. д.). Портреты ея выходили очень похожими [2]), но въ нихъ не хватало оригинальности, и потому Аврора не могла надѣяться прожить на заработки съ нихъ. Потомъ она стала разрисовывать деревянные ящички, вѣера и табакерки, что̀ было одно время въ модѣ и на что̀ былъ большой спросъ. Почти всѣ біографы Жоржъ Сандъ разсказываютъ объ этомъ занятіи Авроры, какъ объ одной изъ тѣхъ профессій, къ которымъ она

[1]) Это мѣсто изъ „Исторіи моей жизни“ находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что Аврора говоритъ все въ томъ же письмѣ къ Акколa: „Онъ не имѣлъ привычки совѣтоваться со мною, когда пускался въ свои предпріятія. Онъ приносилъ мнѣ подписывать поручительства за него и раздражался, когда я хотѣла ихъ прочитывать прежде подписанія“...

[2]) Впослѣдствіи Жоржъ Сандъ сдѣлала нѣсколько портретовъ карандашемъ съ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, такъ напр. Сандо, Шопена. Объ этомъ послѣднемъ, снимокъ съ котораго лежитъ передъ нами, сестра Шопена отзывается какъ о наиболѣе похожемъ портретѣ геніальнаго музыканта. См. ниже часть II, главу I.

обратилась въ 1831 году, когда она должна была въ Парижѣ подумать о томъ, какъ зарабатывать свой хлѣбъ, и когда, прежде чѣмъ попасть на литературную дорогу, она перепробовала много разныхъ ремеслъ. Между тѣмъ и изъ „Исторіи", и изъ „Корреспонденціи", а особенно изъ напечатанныхъ писемъ къ M-me Saint-Agnan видно, что этимъ рисованіемъ она занималась въ Ноганѣ задолго до того, что покинула его. Повидимому, это занятіе она переняла именно отъ „тетушки Сентъ-Аньянъ" и ея дочерей въ тотъ годъ, когда онѣ гостили въ Ноганѣ, ибо въ письмахъ Авроры къ нимъ она постоянно спрашиваетъ ихъ совѣтовъ на этотъ счетъ, проситъ ихъ прислать и выбрать ей краски, совѣтуется о наведеніи лака и т. д., и т. д. Сначала Аврора занималась этимъ просто изъ любви къ искусству и дарила свои табакерочки Карону, де-Сезу, г. Сентъ-Аньянъ или его женѣ. Потомъ она стала черезъ посредство M-me Сентъ - Аньянъ работать для ея знакомыхъ за деньги. Наконецъ, въ одно изъ своихъ путешествій въ Парижъ, подрядилась поставлять свою работу въ магазинъ Жиру́. Но вскорѣ она убѣдилась, что матеріалъ едва окупается, мода на эти вещи проходитъ и разсчитывать на этотъ заработокъ тоже нельзя. Кромѣ того смутный инстинктъ направилъ ее въ другую сторону. Она чувствовала,—и можетъ быть и не такъ безсознательно, какъ увѣряетъ въ „*Исторіи*"—что она рождена быть художницей. Она съ дѣтства безсознательно готовилась къ своему призванію и пробовала писать: сначала разсказывала себѣ „сказки между 4 стульевъ", сочинила своего „Коранбе" и писала свои романтическія, стилистическія импровизаціи вмѣсто историческихъ резюме для бабушки; потомъ передѣлывала Мольера для спектакля въ монастырѣ и написала цѣлый романъ; по выходѣ изъ монастыря, во время дружбы съ Рене де-Вильневомъ, она тоже не оставляла этого занятія; въ 1827 г. послала Зоѣ Леруа *Voyage en Auvergne*, въ которомъ, какъ мы видѣли, содержатся уже многіе элементы ея позднѣйшаго творчества; теперь, въ 1829 году, она вновь взялась за перо и написала романъ *La Marraine*, который 22 декабря этого года послала на прочтеніе Эме Базуанъ. Что нашла Эме — мы не знаемъ, кажется, что не одобрила его, но сама Аврора убѣдилась, что она можетъ

..."написать и получше этого, что онъ былъ въ сущности не хуже тѣхъ, которыми ихъ авторы худо ли, хорошо ли, но зарабатываютъ деньги. Я замѣтила, что пишу легко, скоро, безъ устали, что мои мысли, вялыя въ мозгу, оживаютъ и логически текутъ одна за другой,

Народного Просвещения ОНП

когда я пишу; что въ своей тихой жизни я много наблюдала, довольно хорошо понимаю характеры, которые случайно оказывались передо мною, словомъ, что я достаточно знаю человѣческую природу и могу изображать ее; наконецъ, что изъ всѣхъ тѣхъ занятій, къ которымъ я была способна, литература въ тѣсномъ смыслѣ слова оказывалась ремесломъ, подающимъ наиболѣе надеждъ въ смыслѣ успѣха и, прямо говоря, въ смыслѣ заработка" [1]).

А вѣрнѣе было бы сказать, что просто къ этому времени Аврора сознала свое будущее призваніе и что *Жоржъ Сандъ* готова была явиться на свѣтъ Божій. Однако нужны были серьезныя потрясенія, чтобы Аврора Дюдеванъ рѣшилась выступить на этотъ путь, и рожденіе будущаго генія, какъ и всякое рожденіе, сопровождалось страданіями и страхомъ.

Но всѣ эти занятія не могли бы замѣнить Аврорѣ счастья, еслибъ ее не поддерживала дружба съ де-Сезомъ. Съ нимъ она постоянно переписывалась и почерпала въ этой перепискѣ отраду и утѣшеніе, силы и терпѣніе для своей тяжелой жизни. Къ нему относятся извѣстныя таинственныя страницы изъ „*Исторіи моей жизни*", на которыя намекаетъ д'Оссонвиль и которыя интриговали многихъ читателей.

„Мое нравственное одиночество было глубокимъ и совершеннымъ и сдѣлалось бы смертельнымъ для моей цвѣтущей еще молодости и любящаго сердца, еслибъ его не наполняла мечта, сдѣлавшаяся почти страстью, не въ дѣйствительности,—потому что жизнь моя была посвящена долгу,—но въ грезахъ. Отсутствующее существо, съ которымъ я была въ постоянномъ общеніи, съ которымъ дѣлилась всѣми моими размышленіями, всѣми мечтами, которому посвящала всѣ мои платоническіе восторги и скромныя достоинства, существо въ самомъ дѣлѣ прекрасное, но къ тому же еще украшенное мною всѣмъ, что̀ есть прекраснаго въ человѣческой природѣ, словомъ, человѣкъ, котораго я ежегодно видѣла лишь въ теченіе нѣсколькихъ дней или нѣсколькихъ часовъ [2]) и который, будучи со мной такимъ же романтичнымъ,

[1]) „Исторія", т. IV, стр. 60—61.

[2]) Такъ напр., онъ былъ въ Ноганѣ въ день рожденія Соланжъ. Разсказывая объ этомъ днѣ, Жоржъ Сандъ говоритъ: „я вспоминаю, какъ удивился *одинъ нашъ бордосскій другъ*, который пріѣхалъ повидаться съ нами, когда онъ увидѣлъ, что я рано утромъ, одна въ гостиной, складываю и приготовляю приданое для новорожденной, бывшее еще частью въ моемъ рабочемъ ящикѣ. „Что вы тутъ дѣлаете?"—спросилъ онъ.—„Вы видите: я тороплюсь кончить для кого-то, кто пожалуетъ раньше, чѣмъ я думала"... („Исторія", т. IV, стр. 48). Судя по письму къ Карону отъ 1 октября 1829 года, въ которомъ Аврора проситъ прислать ей разныя вещи съ „г. де-Сезомъ, который за ними зайдетъ и привезетъ ихъ мнѣ. Это ему доставитъ случай видѣть васъ, чего онъ очень желаетъ. Онъ у насъ взялъ вашъ адресъ"— судя по этому письму, де-Сезъ былъ въ Ноганѣ и въ 1829 году („Корреспонденція", I томъ, стр. 76)

какъ я сама, ничѣмъ не возмутилъ ни моей религіи, ни моей совѣсти, вотъ кто былъ ей поддержкой и утѣшеніемъ въ моемъ изгнаніи въ мірѣ дѣйствительности"... [1]).

Переписка Авроры Дюдеванъ съ де-Сезомъ и Зоей Леруа представляетъ собою чрезвычайно интересный психологическій документъ для біографіи Жоржъ Сандъ. Въ ней отражается вся та эволюція, которая постепенно и медленно совершалась въ Аврорѣ и посредствомъ которой въ теченіе этихъ пяти-шести лѣтъ изъ мистически-экзальтированной и еще несознающей себя женщины-ребенка, полной неясныхъ стремленій и противорѣчивыхъ порывовъ. и послушной подруги сдержаннаго и серьезнаго де-Сеза—выросла оригинальная и смѣлая женщина, та не по-женски сильная душа, тотъ глубокій, но склонный къ парадоксамъ и утопіямъ умъ и яркій литературный талантъ, который въ 1832 году, словно откровеніе, внезапно явился литературному міру подъ именемъ *Жоржъ Сандъ*. Если внимательно прослѣдить, то въ письмахъ Авроры къ Зоѣ и Орельену можно найти всѣ элементы, изъ которыхъ сложилась нравственная и особенно литературная физіономія Жоржъ Сандъ. По временамъ читаешь точно страницы изъ ея позднѣйшихъ произведеній. Таково, напр., то письмо-дневникъ, которое подъ названіемъ *Путешествія въ Овернь*, она написала въ маленькихъ тетрадяхъ и послала Зоѣ въ 1827 г. Таково ея письмо къ Зоѣ отъ 26 іюня 1826 г., въ которомъ она почти слово въ слово говоритъ то самое, что уже въ старости Жоржъ Сандъ напишетъ въ одной изъ главъ своихъ *Impressions et Souvenirs* (№ I), гдѣ она разсказываетъ о своемъ полномъ единеніи со всей природой, о томъ, что иногда она себя „чувствуетъ камнемъ, лежащимъ при дорогѣ, луннымъ свѣтомъ, птицей, цвѣткомъ, всѣмъ живущимъ и существующимъ". Эта глава—одна изъ глубочайшихъ и очаровательнѣйшихъ страницъ Жоржъ Сандъ, по своему спокойному, гармонически-прекрасному, зрѣлому, *эллинскому* настроенію,—свидѣтельствующая объ успокоеніи великаго духа послѣ всѣхъ бурь и треволненій на глубокомъ пониманіи природы и спокойномъ созерцаніи вѣчной красоты—эта глава является такимъ образомъ какъ бы уже давно зародившейся въ душѣ писательницы.

Замѣчательно также, что все время въ своихъ письмахъ Аврора является „бунтующей", а Орельенъ „успокаивающимъ", что она страстно и смѣло поднимаетъ всевозможные тревожные во-

[1]) „Исторія", т. IV, стр. 52.

просы—религіозные, политическіе, философскіе, общественные,—а онъ старается отвѣчать примирительнымъ образомъ, пытается удержать Аврору „въ рамкахъ“, ибо онъ прежде всего врагъ всякихъ крайнихъ мнѣній, какъ и всего вульгарнаго. И интересно замѣтить, какъ Аврора мало-по-малу освобождается отъ вліянія своего друга; изъ покорной слушательницы, ищущей въ немъ поддержки и разъясненій, становится сначала равноправной корреспонденткой, критически относящейся къ каждому слову и мнѣнію своего собесѣдника, а потомъ и совершенно самостоятельной, несогласной съ нимъ ни въ чемъ мыслительницей. Да и немудрено: изъ Орельена готовился будущій депутатъ крайней правой,—изъ Авроры будущая составительница бюллетеней временного правительства 1848 г.; въ немъ сильны были религіозныя и нравственныя традиціи патріархальной и замкнутой среды провинціальной магистратуры,—мы видѣли какъ Аврора выросла внѣ всякихъ опредѣленныхъ традицій и среди постоянно противорѣчащихъ одно другому внѣшнихъ впечатлѣній; онъ спокойно и убѣжденно слѣдовалъ вѣками установленнымъ истинамъ и нравственнымъ правиламъ,—она безпокойно искала истинъ новыхъ; онъ жилъ въ правильномъ трудѣ,—она и работала, и развлекалась и жила порывами; онъ былъ весь разумъ,—она вся страсть. Однимъ словомъ, Аврора „переросла“ своего корреспондента за эти пять лѣтъ и „ушла“ отъ него въ умственномъ отношеніи. Этотъ умственный разладъ сдѣлалъ неизбѣжной развязку, которая и такъ наступила бы въ силу чисто естественныхъ требованій жизни, плохо вязавшихся съ романтически-экзальтированной и мистической дружбой. Мало-по-малу появляются на горизонтѣ облачка, которыя доказываютъ. что не „все обстоитъ благополучно“.

Въ началѣ 1828 г. письма Авроры къ Зоѣ полны не прежней бодрости и веселости, а какого-то скрытнаго страданія и мрачности: „Je ne mérite plus l'amitié de personne, comme l'animal blessé qui meurt dans un coin, je ne saurais chercher d'adoucissement“...[1]) пишетъ она ей 2 февраля и прибавляетъ, что „только ей, Зоѣ, она и можетъ писать“. Намъ кажется, что это отчаяніе весьма понятно и легко объяснимо, точно такъ же, какъ врядъ ли потребуетъ комментаріевъ и то удивленіе, съ которымъ де-Сезъ, въ самый день прибытія въ Ноганъ въ сентябрѣ 1828 г., узналъ что его мистическій,

[1]) „Я не заслуживаю болѣе ничьей дружбы; какъ животное умирающеевъ углу, такъ и я не стану искать облегченія“...

проповѣдующій почти аскетическую любовь, другъ съ минуты на минуту ожидаетъ появленія на свѣтъ ребенка; ни о чемъ подобномъ де-Сезъ и не подозрѣвалъ и не догадывался. Надо полагать, что „изумленіе“ Орельена не осталось безъ послѣдствій для его чувства и что значительная доля мистицизма и довѣрія разомъ улетучилась изъ этой любви. Сомнительно, чтобы Орельенъ тѣми же глазами продолжалъ смотрѣъь на Аврору, мать маленькой Соланжъ, какими смотрѣлъ на ту молодую, несчастливую въ бракѣ женщину, съ которой заключилъ небесно-чистый союзъ подъ дубами Бреды, и естественно, что онъ почувствовалъ ослабленіе узъ и обѣтовъ, связывавшихъ его съ его подругой. Аврора сначала, кажется, не замѣтила этой перемѣны въ его чувствѣ, или втеченіе почти цѣлаго года еще лишь смутно чуяла то, что выяснилось окончательно только черезъ годъ, во время лѣтней ея поѣздки 1829 года въ Бордо. Вотъ тутъ-то Аврора замѣтила, что въ Орельенѣ произошла какая-то перемѣна. Затѣмъ это новое увидѣла Аврора и въ письмахъ де-Сеза:

„Отсутствующій, я могла бы сказать, невидимый, который былъ *третьимъ* въ моемъ душевномъ мірѣ: *Богъ, онъ и я,* онъ утомился этими сверхчеловѣческими стремленіями къ высшей любви. Нѣжный и великодушный, онъ не говорилъ этого, но письма его становились болѣе рѣдкими, а выраженія болѣе холодными или болѣе рѣзкими, смотря по тому, какой смыслъ я имъ придавала. Его страсть не могла довольствоваться восторженной дружбой или жизнью въ перепискѣ. Онъ мнѣ далъ клятву, которую свято держалъ, безъ чего я бы съ нимъ порвала, но онъ не клялся мнѣ быть такимъ же сдержаннымъ и относительно счастья и радостей, которыя нашелъ бы у другихъ. Я почувствовала, что я для него или тяжелая цѣпь, или не болѣе какъ развлеченіе для ума. Я съ излишней скромностью склонялась къ этому послѣднему мнѣнію, но узнала впослѣдствіи, что я ошибалась. Тѣмъ болѣе я должна радоваться, что покончила съ тѣмъ, что̀ являлось чувствомъ по принужденію или помѣхой въ его судьбѣ. Я еще долго любила его, покорно и молчаливо. Потомъ я стала думать о немъ спокойно, съ благодарностью, и я никогда не думала о немъ иначе, какъ съ глубокой дружбой и искреннимъ уваженіемъ“... [1]).

Есть основаніе предполагать, что желаніе убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній и заставило Аврору проѣхать глубокой осенью 1829 г. изъ Перигё въ Бордо. Въ письмѣ къ Жюлю Букоарану, бывшему повѣреннымъ всѣхъ сердечныхъ дѣлъ Авроры Дюдеванъ въ періодѣ между 1829 и 1835 годами, она пишетъ 8 декабря изъ Перигё: „Мое здоровье довольно хорошо,

[1]) „Исторія“, т. IV, стр. 58.

впрочемъ я теперь въ настроенiи пропѣть „Нынѣ отпущаеши“. Вы не знаете, еретикъ, что это значитъ? Я объясню вамъ“. Изъ *неизданнаго* письма къ мужу отъ 1 декабря 1829 г. изъ Бордо, видно, что она старается изгладить въ мужѣ трагическое впечатлѣнiе какого-то предъидущаго ея письма, въ которомъ она говорила о своемъ *желанiи умереть*. Произошло ли между молодыми людьми какое-нибудь рѣшительное объясненiе—трудно сказать. Жоржъ Сандъ утверждаетъ, что нѣтъ [1]).

„Между нами не было ни объясненiй, ни упрековъ, какъ только я узнала, на что̀ мнѣ рѣшиться. Зачѣмъ стала я бы жаловаться, на что̀? Зачѣмъ стала бы мучить эту добрую и прекрасную душу, зачѣмъ стала бы портить эту жизнь съ такой великой будущностью? Когда люди расходятся, то есть такой пунктъ, послѣ котораго не должно сдѣлавшаго первый шагъ ни допрашивать, ни преслѣдовать—иначе заставишь его быть либо несчастнымъ, либо жестокимъ. Этого я не хотѣла. *Онъ* не заслуживалъ страданiй, а *я* не хотѣла унизиться въ его глазахъ, раздражая его. Я не знаю, права ли я, считая гордость обязательной для женщины,—знаю только, что не могу не относиться съ презрѣнiемъ къ страсти, которая упорствуетъ. Мнѣ кажется, что это преступленiе противъ неба, которое ниспосылаетъ и вновь отнимаетъ истинныя привязанности. Нельзя бороться за обладанiе душой, какъ и за обладанiе рабомъ. Надо возвращать свободу — человѣку, душѣ — ея полетъ, Богу—огонь, отъ Него нисшедшiй. Когда этотъ спокойный, но безповоротный разрывъ совершился, я попробовала продолжать ту жизнь, которая по внѣшности ничуть не поколебалась, не измѣнилась, но это было невозможно. Моя маленькая комнатка болѣе меня не принимала (ne voulait plus de moi)“.

И вслѣдъ затѣмъ Жоржъ Сандъ такими невыразимо-трогательными словами разсказываетъ о гибели своихъ задушевныхъ мечтанiй, что мы опять-таки не рѣшаемся передавать своимъ прозаическимъ языкомъ эту поэтическую страницу ея жизни:

„Я тогда жила въ бывшемъ будуарѣ моей бабки, потому что въ немъ была одна лишь дверь, и никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не могъ проходить туда. Мои дѣти помѣщались въ большой комнатѣ рядомъ; я слышала, какъ они дышали, и не должна была безпокоить ихъ сна. Эта комнатка была такъ мала, что изъ-за моихъ книгъ, гербарiевъ, бабочекъ и камешковъ—(я попрежнему забавлялась естест-

[1]) Изъ неизданныхъ писемъ къ мужу отъ апрѣля и мая 1830 г. видно, что и въ слѣдующемъ году еще Аврора видѣлась съ Орельеномъ въ Бордо,—куда ѣздила изъ Парижа вмѣстѣ съ Зоей Леруа и гдѣ жила весьма таинственно,—причемъ замѣчаетъ въ письмѣ отъ 22 мая, что Орельенъ „подурнѣлъ и постарѣлъ“. Въ этомъ же году 12 августа она сообщаетъ мужу, что получила письмо отъ Орельена. Повидимому окончательно переписка прекратилась, когда Аврора Дюдеванъ покинула супружескiй домъ, чего конечно корректный прокуроръ не могъ одобрить.

проповѣд… ничему не учась толкомъ)—не хватало мѣста для на … которой. Я ее замѣнила гамакомъ, а вмѣсто письменнаго стола мнѣ служилъ шкапъ, дверка котораго откидывалась, какъ крышка бюро; въ немъ жилъ сверчокъ, который приручился, потому что привыкъ ко мнѣ. Онъ питался моими облатками, и я нарочно покупала бѣлыя, чтобъ онъ не отравился. Онъ приходилъ ѣсть, когда я писала; послѣ чего онъ отправлялся трещать въ свой любимый ящикъ. Иногда онъ прыгалъ по моей рукописи, и тогда я его прогоняла, чтобъ онъ не попробовалъ чернилъ. Однажды вечеромъ, не слыша и не видя его, я принялась его искать. Я нашла лишь двѣ ноги моего друга между рамой и створкой окна. Онъ не предупредилъ меня, что ходитъ гулять, и горничная раздавила его, закрывая окно. Я погребла эти бренные останки въ цвѣткѣ датуры, который долго сохраняла, какъ святыню. Я не умѣю выразить, какое впечатлѣніе произвело на меня это незначительное событіе по своему совпаденію съ гибелью моей поэтической любви. Я постаралась написать на это стихи, такъ какъ слыхала, что остроуміе утѣшаетъ всегда, но когда я писала „*Жизнь и смерть домашняго добраго духа*“—произведеніе неизданное и достойное оставаться таковымъ,—я не разъ замѣчала, что обливаюсь слезами. Поневолѣ мнѣ думалось, что голосокъ сверчка,—эта истинная пѣснь домашняго очага,—могъ бы пѣть о моемъ дѣйствительномъ счастьѣ, что онъ баюкалъ послѣднія изліянія сладкихъ грезъ и что вмѣстѣ съ ними онъ навсегда исчезъ. Смерть сверчка какъ бы символически положила конецъ моему пребыванію въ Ноганѣ“...

Жоржъ Сандъ далѣе разсказываетъ, что она постаралась думать о другомъ, измѣнила образъ жизни, много гуляла и была на воздухѣ въ ту осень,—и сюда же относитъ написаніе своего романа. Но такъ какъ она послала „La Marraine“ уже 22 декабря 1829 г. Эме, а вернулась въ Ноганъ лишь *послѣ* 18, то онъ былъ написанъ ранѣе. Или можетъ быть въ началѣ 1830 года Аврора принялась за новый романъ: — можетъ быть, это даже была *Индіана*, очень напоминающая собою то, что произошло тогда въ жизни Авроры, и которую она впослѣдствіи лишь окончила. Можетъ быть, наконецъ, это былъ тотъ романъ *Эме*, который она взяла съ собою въ Парижъ въ 1831, читала передъ тѣмъ своей невѣсткѣ, Эмиліи Шатиронъ, и потомъ, по совѣту Делатуша, сожгла [1]). Какъ бы то ни было, еще втеченіе цѣлаго года почти Аврора мужественно переносила свое трудное положеніе, мучась сознаніемъ своей *ненужности*, безправія и униженія, и въ то же время поражая Букоарана той „упругустью и силой характера“, которыя помогали ей послѣ самыхъ тяжелыхъ домашнихъ сценъ на другой день вновь смѣяться, какъ ни въ чемъ не бывало, и не сгибать головы подъ бременемъ несчастья. По ея мнѣнію, только эта „упругость“ и спасала ее отъ окон-

[1]) См. письма ея къ мужу отъ января и февраля 1831 г.

чательнаго отчаянія. Однако силы ея не выдержали этой непрестанной борьбы съ собою, постояннаго напряженія воли и нервовъ, и осенью 1830 года Аврора заболѣла сильной нервной горячкой и была въ теченіе 48 часовъ безъ сознанія. А едва она оправилась, какъ ее поразилъ новый ударъ, и, совершенно неожиданно для нея, судьба приготовила ей выходъ изъ ея тягостной жизни, а многолѣтняя семейная драма Дюдевановъ внезапно приблизилась къ развязкѣ. Одинъ совершенно нечаянный случай открылъ Аврорѣ глаза на то, что ея самопожертвованіе, терпѣніе и прощеніе обидъ не только не оцѣнены Казиміромъ, но что онъ платитъ ей совершенно необъяснимою ненавистью.

3-го декабря 1830 года Аврора Дюдеванъ пишетъ Букоарану:

„Узнайте необыкновенную, невѣроятную новость... узнайте, что, несмотря на всю мою инертность, беззаботность, легкомысліе, которое мнѣ помогаетъ разсѣеваться, легкость, съ которой я прощаю, забываю огорченія и обиды, узнайте, что я рѣшилась на *крайнія мѣры*... Никто ничего не знаетъ. Все произошло безъ шума. Я просто нашла, отыскивая что-то въ письменномъ столѣ моего мужа, пакетъ на мое имя. У него былъ торжественный видъ, который меня поразилъ, на немъ стояло: „*Не вскрывать до моей смерти*". У меня не хватило терпѣнія ждать, когда я стану вдовой. И не съ такимъ здоровьемъ, какъ мое, можно разсчитывать, что переживешь кого-нибудь. Вдобавокъ я вообразила, что мой мужъ умеръ, и мнѣ захотѣлось узнать, чтó онъ думалъ про меня при жизни. И такъ какъ пакетъ былъ мнѣ адресованъ, то я имѣла право безъ всякой нескромности вскрыть его и прочесть завѣщаніе моего мужа совершенно хладнокровно, ибо мой мужъ былъ совершенно здоровъ. Боже! какое завѣщаніе! Проклятія—и больше ничего! Тутъ онъ собралъ всѣ порывы своей злобы и досады на меня, всѣ размышленія о моей *безнравственности*, все свое презрѣніе къ моему характеру. И это-то онъ оставлялъ мнѣ, какъ залогъ своей любви! Я думала, что грежу, я, которая на все закрывала глаза и старалась до сихъ поръ не замѣчать, что меня презираютъ. Чтеніе это разсѣяло мои грезы, я пробудилась, я себѣ сказала, что жить съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ ни уваженія, ни довѣрія къ женѣ — это желать воскресить мертвеца. Мое рѣшеніе было готово и, смѣю сказать, *безповоротно*. Вы знаете, что я этимъ словомъ не злоупотребляю. Не теряя ни дня, еще слабая и больная, я объявила о своемъ рѣшеніи и о причинахъ его съ такимъ апломбомъ и хладнокровіемъ, которые заставили его окаменѣть. Онъ никакъ не ожидалъ, что такое существо, какъ я, встанетъ во весь свой ростъ, чтобы бороться съ нимъ. Онъ бранился, спорилъ, умолялъ. Я осталась непоколебима. „*Я хочу получать свою пенсію, я поѣду въ Парижъ, дѣти останутся въ Ноганѣ.* Вотъ результатъ нашего перваго объясненія"...

Далѣе Аврора сообщаетъ Букоарану, что, разумѣется, не думаетъ бросать дѣтей, что ей надо было только попугать Дю-

девана, что она уѣдетъ лишь въ томъ случаѣ, если Букоаранъ тотчасъ же и окончательно переселится къ Морису въ Ноганъ, но что тѣмъ не менѣе ея дальнѣйшая жизнь рѣшена и опредѣлена: 6 мѣсяцевъ она будетъ жить съ дѣтьми, т.-е. у мужа, и 6 мѣсяцевъ въ Парижѣ. Для Казиміра

...„это урокъ, чтобъ онъ впредь былъ поосторожнѣе. До сихъ поръ онъ обращался со мною, точно я была ему отвратительна. Какъ только я въ томъ убѣдилась, — я ухожу. Пусть онъ поплачетъ обо мнѣ — тѣмъ хуже для него. Я доказываю ему, что не хочу, чтобъ меня выносили, какъ бремя, но чтобъ меня искали и любили, какъ свободную подругу, которая будетъ жить съ нимъ только тогда, когда онъ будетъ этого достоинъ. Не находите меня дерзкой. Вспомните мое униженіе! Это продолжалось 8 лѣтъ“!...

Она проситъ Букоарана пока все это держать въ тайнѣ и быть осторожнымъ съ письмами. „Моя переписка болѣе не въ безопасности“... Въ письмѣ отъ 13 январѣ 1831 г., въ неизданномъ отрывкѣ, выпущенномъ въ напечатанной „Корреспонденціи“, Аврора Дюдеванъ пишетъ Букоарану:

...„Употребите всю свойственную вамъ осторожность. Никогда не давайте тѣхъ писемъ, которыя вы мнѣ напишете, въ руки моего мужа. Лишь незначительно полагайтесь на моего брата, на Дютейля, на Андрея. Венсанъ единственный, на котораго вы можете разсчитывать, и вы хорошо сдѣлаете, если предупредите его, чтобъ онъ никому не передавалъ отвѣтовъ кромѣ васъ. Самое лучшее средство, чтобы быть относительно его спокойнымъ, это сказать ему, что письмо отъ меня или мнѣ. Онъ пріученъ съ осторожностью и свято беречь мою корреспонденцію. Кромѣ того я напишу вамъ въ Ла-Шатръ poste-restante, и вы поручите M-me Десеръ или ея замѣстителю, если отъ нея отнимутъ контору [1]), какъ говорятъ, не отдавать писемъ никому, кромѣ васъ и Венсана. Когда вы ихъ прочтете, бросьте ихъ въ огонь, или заприте на ключъ, ибо я васъ предупреждаю, что вы не первый, чьи бумаги были разрыты и пересмотрѣны. Увы! какія отвратительныя подробности! Ужъ приходится вамъ быть настоящимъ другомъ, чтобы это все вамъ не опротивѣло“...

Итакъ было рѣшено, что Аврора будетъ по 3 мѣсяца поочередно проводить въ Ноганѣ и Парижѣ, что какъ только она тамъ устроится, то возьметъ къ себѣ и Соланжъ, что Морисъ пока останется съ отцомъ и Букоараномъ въ Ноганѣ, а затѣмъ его отдадутъ въ школу, наконецъ, что Дюдеванъ будетъ выговоренныя контрактомъ 3,000 фр. выплачивать втеченіе тѣхъ 6 мѣсяцевъ, что жена будетъ въ Парижѣ.

[1]) M-me Десеръ повидимому содержала тогда почтовую контору въ Ла-Шатрѣ.

Ипполитъ, Дютейль и нѣкоторые другіе, когда имъ объявили это рѣшеніе, старались отговорить и напугать Аврору. Одна Эмилія Шатиронъ, знавшая хорошо условія жизни Авроры, поняла, что это рѣшеніе самое лучшее, что только можно придумать, во избѣжаніе и для предотвращенія гораздо худшей развязки этой семейной драмы.

Въ „Histoire de ma Vie" о происшествіи съ письмомъ не говорится ни слова и обо всемъ этомъ разсказывается такъ, что окончательная причина рѣшенія Авроры остается не выясненной для читателя. Вслѣдствіе этого всѣ біографы (кромѣ миссъ Томасъ, о достоинствахъ сочиненія которой нами уже говорено выше) [1]), распространяются въ этомъ мѣстѣ жизнеописанія Авроры Дюдеванъ о ея желаніи самой зарабатывать свой хлѣбъ, слѣдовательно, принимаютъ за окончательную причину, вызвавшую отъѣздъ изъ Ногана, то, что было лишь одною изъ подготовительныхъ причинъ. Наоборотъ, изъ этого письма къ Букоарану явствуетъ, что Аврора Дюдеванъ прежде всего хотѣла спасти свою *личность*, поставить себя внѣ воздѣйствія воли, безволія и капризовъ Казиміра. На это слѣдуетъ обратить особое вниманіе, потому что эта идея *освобожденія личности* есть, по нашему мнѣнію, основаніе и краеугольный камень всѣхъ ея писаній. Это освобожденіе личности проповѣдывала она втеченіе всей своей жизни и подъ всевозможными видами, а вовсе не только освобожденіе женщины или тѣмъ паче—свободу любви, какъ полагали и полагаютъ многіе. И, кажется, только одинъ Достоевскій вполнѣ понялъ и выразилъ, что это-то и составляетъ то вѣчное и великое, что всегда останется дорого въ твореніяхъ Жоржъ Сандъ и что переживетъ и романтизмъ, и натурализмъ, и всевозможныя направленія литературныя.

Конечно, исторія съ письмомъ была только послѣдней каплей, переполнившей чашу ея горечи, но какъ бы то ни было, а не упади эта капля, можетъ быть Аврора Дюдеванъ въ началѣ 1831 г. и не рѣшилась бы переселиться въ Парижъ. Теперь она какъ бы ухватилась за этотъ предлогъ, развязывавшій ей руки относительно Дюдевана, и 4 января 1831 года она уѣхала изъ Ногана. Въ началѣ разсказа о бракѣ Дюдевановъ мы указали на отсутствіе въ немъ трехъ причинъ, обусловливающихъ прочность брачнаго союза. Читатель видитъ, какъ это отсутствіе духовной гармоніи, истиннаго чувства и внѣшней порядочности въ

[1]) Миссъ Берта Томасъ, авторъ этюда о Жоржъ Сандъ въ издаваемомъ Инграмомъ рядѣ біографій: „Eminent Women Series". См. I главу нашей книги.

отношеніяхъ привели Аврору къ разочарованію, охлажденію и разрыву съ мужемъ. Въ 1831 году Аврора и Эмилія Шатиронъ полагали, что этотъ разрывъ *de facto* является окончательнымъ разрѣшеніемъ сложнаго вопроса; Аврора не предвидѣла, что изъ-за другого вопроса—обезпеченія будущности дѣтей—ей придется впослѣдствіи разрѣшать его и *de jure* и что еще втеченіе долгихъ лѣтъ ей придется отстаивать интересы свои и дѣтей, даже и послѣ этого развода *de jure*. Во всякомъ случаѣ 1831 годомъ завершается цѣлая эпоха въ жизни Казиміра и Авроры Дюдевановъ и отнынѣ они становятся другъ относительно друга въ совсѣмъ иное положеніе.

ГЛАВА VI.

Переселеніе въ Парижъ. — Эксцентрическій образъ жизни. — Первые шаги въ литературѣ. — Гр. де Кератри и Делатушъ. — «Фигаро». — Жюль Сандо. — «Molinara», «Bigarrure», «Примадонна», «Rose et Blanche». — «*Жюль Сандъ*» и «*Жоржъ Сандъ*». — «Индіана», «Валентина», «Маркиза», «Дѣвушка изъ Альбано», «Тостъ», «Мельхіоръ», «Царица Мабъ».

1831 — 1832.

Феликсъ Піà [1]), въ своихъ *Воспоминаніяхъ* [2]), разсказываетъ о томъ, какъ однажды, въ 1831 г., его другъ Жюль Сандо попросилъ его пойти съ нимъ въ контору беррійскихъ дилижансовъ—встрѣтить одну знакомую даму,—и что когда дилижансъ прибылъ, то, къ величайшему изумленію его, Феликса Піà, съ имперіала слѣзъ бойкій маленькій студентикъ въ бархатной курткѣ и беретѣ, который оказался г-жею Дюдеванъ— и такимъ образомъ онъ познакомился съ будущей Жоржъ Сандъ въ первый же день ея прибытія въ Парижъ. Эти *Воспоминанія* относятся, вообще говоря, къ числу тѣхъ апокрифическихъ и легендарныхъ сказаній, къ которымъ такъ склонны всѣ пишущіе свои мемуары *post-facto*,—когда черезъ много лѣтъ память имъ измѣняетъ, и когда *слышанное* въ разныя эпохи, *воображаемое* и *изобрѣтенное* сливаются подъ ихъ перомъ съ *дѣйствительно-видѣннымъ* въ одно общее, туманное нѣчто, въ которомъ уже невозможно разобрать, что̀ правда, что́ неправда [3]).

[1]) Феликсъ Піа, писатель и политическій дѣятель (впослѣдствіи коммунаръ) родился въ Віерзонѣ (деп. Шеръ) въ 1810 г., умеръ въ 1889 году.

[2]) См. „Grande Revue de Paris et de Pétersbourg“ (выход. подъ редак. Арс. Гуссе), 15 февраля 1888 г.: „Comment j'ai connu George Sand, mes Souvenirs“, par *Félix Pyat*.

[3]) Такою же апокрифичностью отличаются и главы въ *Воспоминаніяхъ* самого Арсена Гуссе, посвященныя описанію жизни Ж. Сандъ, Жюля Сандо

Бойкій маленькій студентикъ, какимъ является въ *Воспоминаніяхъ* Піа Ж. Сандъ, дѣйствительно странствовалъ впослѣдствіи по Парижу въ компаніи своихъ беррійскихъ товарищей, но далеко не сразу совершилось это превращеніе мечтательной подруги Зои Леруа въ того *школьника* и *литературнаго ученика*, о которомъ Жоржъ Сандъ разсказываетъ въ XIII, XIV и XV главахъ 4-й части IV-го тома *Исторіи моей жизни*. Одно совершенно вѣрно въ разсказѣ Піа, это, что когда Аврора Дюдеванъ пріѣхала въ началѣ января 1831 года въ Парижъ, то ее тамъ уже ожидалъ и встрѣтилъ Жюль Сандо.

Не меньшей неточностью страдаетъ и собственноручное описаніе Ж. Сандъ ея первыхъ шаговъ въ Парижѣ. Въ „*Исторіи*“ она намѣренно предпосылаетъ этому описанію очень темное и запутанное объясненіе того, почему она не будетъ далѣе разсказывать свою жизнь послѣдовательно, точно и подробно, хотя „именно съ этого момента эта жизнь становится болѣе дѣятельною и болѣе полною событіями и происшествіями“ [1]). Она утверждаетъ, что дѣлаетъ это изъ великодушія и скромности относительно другихъ,—тѣхъ лицъ, жизнь которыхъ слишкомъ была связана и переплетена съ ея жизнью,—для того, чтобы говоря о себѣ, она не принуждена была бы оказать нескромности относительно этихъ лицъ, и что она предпочитаетъ часто *молчать о многомъ* и *перескакивать черезъ многое*, и такимъ образомъ даетъ возможность даже клеветать на себя, лишь бы ей не приходилось обвинять другихъ или оправдывать себя. И дѣйствительно, начиная съ 1831 года, всякій хронологическій порядокъ въ „*Исторіи*“ нарушается, и съ самыхъ первыхъ строкъ, посвященныхъ описанію переѣзда въ Парижъ Авроры Дюдеванъ, біографу уже невозможно слѣдовать за ея повѣствованіемъ: — такъ оно запутано. Напримѣръ, она начинаетъ съ того, что описываетъ квартиру на набережной Сенъ-Мишель и разсказываетъ, какъ она тамъ устроилась, какъ купила мебель и поселилась съ маленькой дочкой, и вслѣдъ затѣмъ *вскользъ* говоритъ, что такимъ образомъ она устроилась „*уже на второй*

и Маріи Дорваль на набережной Малакэ въ 1832 г. Изъ нихъ можетъ быть почерпнуто очень мало истинныхъ свѣдѣній. Не говоримъ уже о томъ, что эти главы, какъ и всѣ *Воспоминанія* Гуссе, написаны въ томъ невѣроятномъ, ухарски-бульварномъ тонѣ, какимъ писались фельетоны до 1850 годовъ и который почти невыносимъ для читателей 1898 года. О Ж. Сандъ говорится у Гуссе въ „*Les Confessions*, Souvenirs d'un demi-siècle“, Tomes 5 — 6 (Paris. Dentu 1891), и въ „*Souvenirs de Jeunesse*“, 1830 — 1850. (Paris. Ernest Flammarion).

[1]) *Исторія моей жизни*, т. IV, 4-я часть, стр. 77.

годъ своего пребыванія въ Парижѣ", а сначала жила *"болѣе необычайнымъ способомъ*". И дѣйствительно, мы изъ *Корреспонденціи* узнаемъ, что Аврора поселилась сначала въ домѣ № 31, rue de Seine, а переселилась на набережную Сенъ-Мишель, купила мебель и вообще устроилась по домашнему лишь въ *іюлѣ* 1831 г., *послѣ* своего вторичнаго въ этомъ году путешествія изъ Ногана въ Парижъ [1]), засимъ осенью вновь прожила два мѣсяца въ Ноганѣ, потомъ опять ноябрь и декабрь провела въ Парижѣ, къ январю 1832 года вернулась въ деревню, и *лишь въ апрѣлѣ 1832* наконецъ привезла въ Парижъ маленькую Соланжъ [2]).

Между тѣмъ Жоржъ Сандъ начинаетъ, въ XIII главѣ 4-го тома "*Исторіи*", прямо съ описанія квартиры на набережной Сенъ-Мишель и разсказа о томъ, какъ жила въ Парижѣ *со своей дочкой*. Потомъ она вдругъ возвращается къ 1831 году и описываетъ свое "необычайное" житье, потомъ опять къ 1832 году—и все это нигдѣ не предупреждая читателя, такъ что можно просто запутаться въ этихъ неточностяхъ и неясностяхъ. Дѣло въ томъ, что Жоржъ Сандъ преднамѣренно окутываетъ туманомъ начало этой новой эпохи своей жизни, ибо переселеніе въ Парижъ и принципіальный разрывъ съ мужемъ совпалъ съ другимъ важнымъ событіемъ въ жизни Авроры Дюдеванъ,—съ ея знакомствомъ и любовью къ Жюлю Сандо.

Леонаръ-Сильвенъ-Жюльенъ Сандо былъ землякомъ Авроры, такъ какъ происходилъ также изъ Берри, родившись въ Обюссонѣ, $^{19}/_{7}$ февраля 1811. Онъ готовился къ юридической карьерѣ, для чего семья его и дала ему возможность жить и учиться въ Парижѣ. Съ Дюдеванами онъ познакомился около 1829—30 г. у Дюверне, въ замкѣ Кудрэ близъ Ла-Шатра, и вскорѣ близко по-

[1]) Письмо къ Шарлю Дюверне въ I т. *Кореспонденціи*, отъ 19 января 1831 г. напечатано безъ обозначенія адреса Авроры Дюдеванъ, но при первомъ своемъ напечатаніи на стр. *Nouvelle Revue* 1881 г. оно было точно помѣчено: "*Paris (rue de Seine, 31)* 19 janvier 1831". Это была квартира Ипполита Шатирона. Вотъ гдѣ жила Аврора Дюдеванъ въ началѣ 1831 года. Г. Амикъ говоритъ, что Жюль Сандо въ это время жилъ въ *rue Racine* и что Ж. Сандъ пріѣхала прямо къ нему. ("*Défense de G. Sand*", "Figaro", 9 ноября 1896 г.). А во 2-мъ томѣ "*Le Curieux*" кромѣ того указывается прямо, что Жоржъ Сандъ и Жюль Сандо жили въ *Hôtel Jean Jacques Rousseau въ № 4 улицы des Cordiers*, гдѣ жилъ, какъ извѣстно, самъ Жанъ Жакъ, а также Кондильякъ, Мабли и Грессе; а послѣ Ж. Сандъ—Гюставъ Планшъ. Бальзакъ въ свою очередь заставляетъ своего героя Люсьена де Рюбанпре остановиться по пріѣздѣ въ Парижъ въ этомъ отелѣ, переставшемъ существовать лишь въ 1887 году.

[2]) Срав. "Корреспонденцію", т. I съ неизданными письмами съ января 1831 по январь 1833 года.

дружился, какъ съ Флери, Шарлемъ Дюверне, Габріэлемъ Плане, такъ и съ Авророй и ея молодымъ протеже, Букоараномъ. Вся эта молодежь постоянно собиралась то у одного, то у другого изъ товарищей, устраивались общія прогулки, танцовали и пѣли [1]), но болѣе всего интересовались литературой и ея новымъ тогдашнимъ направленіемъ. (Этотъ вкусъ къ литературѣ ничуть не удивляетъ насъ уже потому, что почти всѣ изъ этого дружнаго кружка, не считая даже самое Ж. Сандъ и Сандо, такъ или иначе выступили на писательскую или журнальную дорогу. Все это были писатели или писательствующіе диллетанты *en herbe*). Особенно много читали вслухъ и увлекались главою тогдашняго романтизма, Викторомъ Гюго. Его произведеніями и статьями Сентъ-Бева зачитывались. Молодые друзья Авроры и она сама подсмѣивались надъ романтическимъ *стилемъ* и романтическими экзажераціями новой литературной школы и пародировали ихъ въ своихъ письмахъ, но тѣмъ не менѣе В. Гюго былъ предметомъ всеобщаго поклоненія и обожанія.

Отношенія между всею этою молодежью были самыя простыя, товарищескія и задушевныя, съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ художнической свободы и романтически-дружескаго панибратства и непринужденности, который около этого времени, подъ вліяніемъ носившихся въ воздухѣ идей сенъ-симонистовъ съ одной стороны и романтиковъ съ другой, Аврора усвоила относительно своихъ друзей и который она сохранила втеченіе всей своей жизни. Уѣзжалъ ли одинъ изъ членовъ маленькаго кружка въ Парижъ, или остальные временно были въ Ноганѣ, а не въ Ла-Шатрѣ, тотчасъ писалось коллективное посланіе отсутствующему. Въ *неизданныхъ письмахъ* Ж. Сандъ сохранилось нѣсколько юмористическихъ коллективныхъ посланій къ Дюверне въ стихахъ и прозѣ, совмѣстно и поочередно написанныхъ Авророй, Сандо, Флери и полныхъ самой заразительной и безцеремонной веселости и болтовни. Одно изъ этихъ писемъ подписано такъ:

Aurore Dudevant
hugolâtre!

[1]) Отмѣтимъ для музыкантовъ и любителей музыки тотъ интересный фактъ, что въ письмахъ Авроры Дюдеванъ 30-хъ годовъ постоянно упоминается имя Берліоза, очень мало оцѣненнаго тогда во Франціи, но *Пѣсни* и др. сочиненія котораго уже тогда исполнялись въ кружкѣ Авроры и о которыхъ она часто пишетъ.

Jules Sandeau
hugolâtre!!
Alphonse Fleury
hugolâtre!!!

Наоборотъ, осенью 1830 года, когда вся молодежь, послѣ лѣтнихъ вакансій, уѣхала въ Парижъ, то они прислали такое же посланіе на имя Авроры, и она отвѣчала имъ тѣми двумя юмористическими письмами, помѣщенными въ изданной *Корреспонденціи*, изъ которыхъ одно носитъ названіе „*Романтическое посланіе къ Друзьямъ: Сандо, Флери и Дюверне*", а другое написано подъ видомъ жалобы собаки Бравъ на гг. Флери и Дюверне, въ своемъ письмѣ „оскорбившихъ Брава подозрѣніемъ въ консерватизмѣ, ультрамонтанствѣ, чтеніи газеты *Quotidienne* и несочувствіи къ республикѣ" и т. д. и т. д. Эти забавныя письма съ самой привлекательной стороны рисуютъ дружеское согласіе и веселіе, царствовавшее среди этой молодежи. Но гораздо замѣчательнѣе то окончаніе письма отъ 27 октября 1830 года къ Жюлю Букоарану, напечатаннаго цѣликомъ въ *Revue des deux Mondes 1881 г.* въ числѣ четырнадцати „*Писемъ*" Жоржъ Сандъ, которое почему-то выпущено въ напечатанной *Корреспонденціи* Ж. Сандъ [1]) и въ которомъ она пишетъ:

...„Сплетни, болѣе чѣмъ когда-либо идутъ своимъ чередомъ въ Ла-Шатрѣ. Тѣ, которые меня просто не любятъ, говорятъ, что я *люблю* Сандо (вы понимаете значеніе этого слова); тѣ, которые меня вовсе не любятъ, говорятъ, что я *люблю* Сандо и Флери заразъ; тѣ, которые меня терпѣть не могутъ, говорятъ, что Дюверне и вы на придачу не устрашаете меня... Такимъ образомъ у меня четыре любовника заразъ. Это не слишкомъ много, когда, какъ у меня, сильныя страсти. Какіе злюки и дураки! Какъ я сожалѣю ихъ, что они на свѣтѣ живутъ. Прощайте, сынъ мой, пишите мнѣ. Кстати, Сандо [2]) поручилъ мнѣ *специально* вамъ напомнить о немъ. Онъ любитъ васъ, что̀ меня не удивляетъ. Любите его также, онъ этого заслуживаетъ"...

Итакъ, если между всѣми членами маленькаго кружка существовали дружба и согласіе, то очевидно, что наиболѣе близ-

[1]) Г. Рошблавъ, приводя этотъ отрывокъ въ своей статьѣ „George Sand avant George Sand" (Revue de Paris, 1896) совершенно ошибочно отмѣчаетъ его „неизданнымъ". *Онъ напечатанъ въ Revue des deux Mondes 1881, 15 Janvier.*

[2]) Замѣчательно, что въ это время Аврора Дюдеванъ пишетъ фамилію Сандо—„Sandot". Въ напечатанныхъ письмахъ Жоржъ Сандъ всѣ ея *ошибки* исправлены. Поэтому и „Sandot" исправлено въ „Sandeau". Она сама (въ предисловіи къ „*Полинѣ*") говоритъ, между тѣмъ, что въ тѣ годы писала съ орѳографическими ошибками.

кими друзьями Авроры были два Жюля: Букоаранъ и Сандо. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что о своей семейной катастрофѣ и о рѣшеніи покончить съ отношеніями къ мужу Аврора сообщила прежде всего и подробнѣе всѣхъ Букоарану. Она уѣхала изъ Ногана только тогда, когда заручилась согласіемъ его въ ея отсутствіи руководить воспитаніемъ ея дѣтей. Съ другой стороны, мы видимъ, что злословіе Ла-Шатра уже въ то время называло Сандо ея любовникомъ. Злословіе Ла-Шатра слишкомъ забѣжало впередъ, ибо отношенія между Авророй Дюдеванъ и Жюлемъ Сандо лишь гораздо позднѣе сдѣлались близкими [1]). Въ эпоху разрыва съ мужемъ эти отношенія были *чисто товарищескія*, слегка *богемскія*, какъ мы сказали выше, хотя и гораздо болѣе задушевныя, чѣмъ съ остальными молодыми друзьями ея. Въ письмахъ Авроры къ Эмилю Реньо разсказывается, какъ эта любовь зародилась, какъ молодые люди часто видались въ маленькой рощицѣ, лежавшей между Ноганомъ и Кудрэ, и какъ, наконецъ, она невольно выдала Жюлю—ранѣе даже, чѣмъ самой себѣ,—свое чувство. Милыми и трогательными словами разсказываетъ Аврора о томъ, какъ среди цѣлой кучи одинаковыхъ сѣрыхъ шляпъ, лежавшихъ въ гостиной, она спѣшила узнать „по красному шнурочку" тутъ ли Жюль, ждала его и не признавалась себѣ въ этомъ.

Переселившись въ Парижъ, Аврора очутилась въ томъ же дружномъ кружкѣ молодыхъ беррійцевъ и, разумѣется, здѣсь, на полной свободѣ, она болѣе чѣмъ когда-либо захотѣла быть настоящимъ *товарищемъ* ихъ, стать съ ними на равную ногу, отбросить всѣ предразсудки и условности, освободиться отъ всѣхъ внѣшнихъ оковъ и цѣпей, мѣшавшихъ ей жить одною жизнью съ этими товарищами, жизнью полной кипучихъ интересовъ и смѣлыхъ намѣреній. Прежде всего ей пришлось „ликвидировать" всю свою прежнюю жизнь и всѣ прежнія отношенія и свѣтскія связи и затѣмъ уже начать новую, на новый ладъ, и устроить свою судьбу по-своему. Начала Аврора Дюдеванъ съ того, что такъ или иначе, покончила отношенія съ тѣми изъ своихъ родныхъ и подругъ, которые—она знала—не только не стали бы сочувствовать ея новой жизни, но, когда узнали бы, что она покинула супружескій кровъ, ужаснулись бы и отшатнулись бы отъ нея. Аврора поѣхала въ монастырь попрощаться со своими друзьями-монахинями, потомъ побывала у

[1]) Въ одномъ письмѣ къ Эмилю Реньо она прямо говоритъ: „pendant trois mois... je lui ai resisté..." („*Défense de George Sand*" par Henri Amic. *Lettres à Emile Régnault*).

барышенъ Базуанъ, вышедшихъ тоже замужъ и ставшихъ графинями, и у нѣсколькихъ другихъ своихъ аристократическихъ подругъ. Она ничего имъ не сказала и даже обѣщала вновь придти, но сама про себя твердо знала, что видитъ ихъ въ последній разъ, что хоть онѣ и любятъ ее попрежнему, но что близко то время, когда онѣ уже не посмѣютъ принять ее и, скрѣпя сердце, отвернутся отъ женщины, поправшей всѣ правила общественной морали. Повидала Аврора и другихъ своихъ строго-нравственныхъ или свѣтскихъ друзей, засимъ — сожгла корабли и обратилась въ „мальчишку“ и „литературнаго ученика“, какъ она выражается — и настали для нея *„годы странствій и ученія“*.

Съ матеріальной стороны Аврорѣ пришлось очень трудно. Сумма, выговоренная у мужа, была слишкомъ мала, приходилось стѣснять себя во всемъ, начиная съ обѣда и одежды, уже не говоря о невозможности брать дорогіе билеты въ театръ или покупать новыя книги. Между тѣмъ не хотѣлось ни въ чемъ отставать отъ товарищей, ничего не пропускать. Но въ рысканьяхъ по Парижу, во всякую погоду и во всякое время дня и ночи, изящныя платья и тонкая обувь не только портились, но и слишкомъ бросались въ глаза и часто являлись помѣхой тому, чтобы бывать повсюду, не останавливая ничьего вниманія и никого не скандализируя. Не надо забывать, что въ тѣ времена дамы не бывали въ партерахъ театровъ и никогда вечеромъ не ходили безъ провожатыхъ по улицамъ. Но въ тѣ времена, когда всѣ закричали бы отъ ужаса и негодованія при видѣ современной велосипедистки, и когда дамы не носили ни круглыхъ мужскихъ шляпъ, ни пуританскихъ полумужскихъ костюмовъ съ галстухами и жилетами, — очень часто и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ дамы прибѣгали къ настоящему мужскому костюму, и Байронъ не „сочинялъ“ чего-то невѣроятнаго, когда заставлялъ своихъ любящихъ героинь, переодѣтыхъ пажами, сопровождать своихъ возлюбленныхъ въ ихъ странствованіяхъ по бѣлу свѣту. Когда Ламартинъ встрѣтилъ въ Римѣ пѣвца Давида съ дочерью Камиллой, то эта молодая дѣвушка для удобства всюду сопровождала своего отца одѣтая въ мужское платье. Мать и тетка Авроры Дюдеванъ—во дни молодости, вслѣдствіе недостатка средствъ и невозможности бывать въ дорогихъ ложахъ— тоже сопровождали своихъ мужей, переодѣвшись въ мужской костюмъ и ничуть не помышляли при этомъ ни объ „эмансипаціи“, ни о „равенствѣ“ съ мужчинами. Недалеко отъ Ногана жилъ какой-то графъ съ дочерью, которая одѣвалась по-мужски,

отправляясь на охоту за зайцами, — что дало Дешартру мысль посовѣтовать и Аврорѣ надѣть мужской костюмъ для охоты Сама Аврора уже столько разъ носила мужской костюмъ и въ жизни и на сценѣ, что и теперь было совершенно естественно прибѣгнуть къ нему, вовсе не думая этимъ что-то „доказывать“ или проводить какую-нибудь идею, а единственно изъ соображенiй чисто-практическихъ и экономическихъ. Въ наши дни, когда всѣ мужчины острижены „ежами“ и одѣты на одинъ и тотъ же однообразный ладъ въ куцые пиджачки или фраки, узкiе панталоны и корректные цилиндры, дѣлающiе ихъ, по словамъ одного остроумнаго писателя, похожими на „печальныхъ трубочистовъ“, — въ наши дни женщинѣ, переодѣвшейся мужчиной, трудно не быть тотчасъ узнанной, и г-жа Дьёлафуа слишкомъ бросается въ глаза въ своемъ фракѣ съ орденской петличкой. Но въ 30-хъ годахъ въ Парижѣ было не то: — это былъ разгаръ романтизма — и стоитъ перечитать хоть описанiя дома *La Chilpéric* и его обитателей у автора „*Mémoires d'un Anglais à Paris*“ [1]), чтобы вообразить себѣ, въ какихъ экстравагантныхъ костюмахъ, то средневѣковыхъ, то фантастическихъ, въ какихъ дикихъ прическахъ и шляпахъ разгуливали тогдашнiе молодые поэты и художники по Латинскому кварталу. Это былъ какъ бы непрерывный маскарадъ. Еслибы даже Аврора одѣлась „Рафаэлемъ“, съ волосами до плечъ и въ широкополый беретъ, или вообще въ какой-нибудь полу-историческiй костюмъ, удобный для женщинъ, то и тогда никто не заподозрилъ бы въ ней женщину, но она одѣлась какъ самый мирный буржуа тѣхъ лѣтъ. Самыя моды того времени способствовали удобству такого переодѣванья. „Мужчины“, по словамъ Жоржъ Сандъ, „носили длинные, четырехугольные сюртуки *à la помѣщикъ*, какъ тогда говорилось, которые спускались чуть не до пятъ“ и такъ мало обрисовывали талью, что братъ Авроры, Ипполитъ, утверждалъ, будто портные снимаютъ мѣрку „съ будки“ и такимъ образомъ сюртукъ оказывается „впору всему полку“. И вотъ Аврора Дюдеванъ облачилась въ такой „сюртукъ-будку“, повязала галстухъ, обстригла до плечъ свои черныя кудри, надѣла мягкую войлочную шляпу и, какъ она справедливо замѣчаетъ, такъ какъ переодѣтыя женщины даже на сценѣ лишь потому выдаютъ свой полъ, что слишкомъ заботятся о своей привлекательности и о производимомъ впечатлѣнiи, и такъ какъ „не вызывать самому

[1]) *Un Anglais à Paris.* Notes et Souvenirs. I vol. (1835—1848), II vol. (1848—1871). Paris. Plon. 1894.

взглядовъ“ есть лучшее средство быть незамѣтнымъ ни въ дамскомъ, ни въ мужскомъ платьѣ, то Аврорѣ и удалось это переодѣванье. Не обращая ничьего вниманія, проходила она по улицамъ, бывала въ кафе, въ кабачкахъ и въ театрахъ на дешевыхъ мѣстахъ, въ республиканскихъ клубахъ и на собраніяхъ сенъ-симонистовъ, въ мастерскихъ художниковъ и въ музеяхъ, на башнѣ Notre-Dame и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; повсюду — куда шли ея товарищи-мужчины, тѣ 3—4 молодые беррійца, въ тѣсномъ кругу которыхъ она проводила первые мѣсяцы своей парижской жизни. Это были Феликсъ Піа, Жюль Сандо, и Делатушъ [1]), къ которымъ по временамъ присоединялись Шарль Дюверне и Альфонсъ Флери, слывшій у друзей подъ кличкой „*Галла*“ (le Gaulois) или „*Германца*“ (le Germanique). Иногда компанію довершалъ депутатъ Дюри-Дюфрень, о которомъ мы уже не разъ упоминали и который помогалъ на первыхъ порахъ Аврорѣ въ ея сношеніяхъ со всѣмъ литературнымъ міромъ Парижа.

Мы не будемъ повторять того, что съ такимъ неподражаемымъ увлеченіемъ и юморомъ Жоржъ Сандъ разсказываетъ въ „*Исторіи*“ о времяпровожденіи этой молодой товарищеской компаніи, о всѣхъ шуткахъ, которыя они продѣлывали, странствуя по Парижу, о заразительной веселости, которая замѣняла имъ достатокъ и скрашивала всѣ неудачи и лишенія. Воспоминанія Жоржъ Сандъ объ этихъ годахъ дышатъ свѣжестью и жизнерадостностью. Вся эта молодежь была полна вѣры въ идеалъ, искала подвиговъ, мечтала о славѣ, мечтала пересоздать если не міръ, то литературу. Что могъ для нея значить какой-нибудь несчастный обѣдъ, за который нечѣмъ было платить, разъ имѣлось въ виду идти вечеромъ слушать новую пьесу Гюго, или Делатуша, свистать или хлопать, „бороться за идею“! Стоило ли заботиться о холодной, нетопленной квартирѣ, когда статьи Делатуша, Планша или Сентъ-Бёва всѣхъ разгорячали, возбуждали цѣлыя бури надеждъ и восторговъ, негодованій и озлобленій.

Словно вырвавшійся изъ клѣтки орленокъ, опьяненная своей

[1]) *Alexandre Hyacinthe Thabaud de Latouche*, род. въ 1785 г. въ Ла-Шатрѣ, умеръ въ 1851 въ Онэ (Aulnay), поэтъ и журналистъ, писалъ лирическія стихотворенія, драмы и романы, былъ первымъ издателемъ „*Фигаро*“ и прославился всего болѣе какъ писатель, воскресившій репутацію и славу Андре Шенье, стихотворенія котораго онъ собралъ и издалъ. Изъ собственныхъ его произведеній укажемъ: *La Reine d'Espagne*, *Fragoletta*, и стихотворный сборникъ *Les Adieux*, о которомъ говоримъ ниже.

свободой, вся горящая жаждой знанія, проникнутая смутными порывами къ дѣятельности, съ глазами разбѣгающимися передъ всѣми тѣми чудесами, которыя открывались передъ нею, очутилась Аврора Дюдеванъ въ Парижѣ и въ какомъ Парижѣ — въ Парижѣ 1831 года, когда послѣ только-что совершившейся революціи вся общественная, художественная и умственная жизнь Франціи была похожа на море послѣ бури, когда неуходившіяся волны то и дѣло выбрасываютъ на берегъ и прекрасныя раковины, и чудныя водоросли, и драгоцѣнный жемчугъ, и мертвыхъ чудовищъ, и гадкихъ слизняковъ, и обломки сокрушенныхъ кораблей. Литература, искусство, соціальныя ученія, религіозные вопросы — все было въ броженіи, все словно проснулось къ новой жизни, и чуть не ежедневно появлялись новые авторы и новыя книги, новые проповѣдники и новыя ученія, новыя пьесы и новые проекты всеобщаго облагодѣтельствованія. Надо было все это, и поскорѣе, узнать, увидѣть, услышать; надо было, кромѣ того, поскорѣе сбросить съ себя весь свой провинціализмъ, отрясти все, отзывающееся деревенской отсталостью, окунуться въ водоворотъ полной, настоящей парижской жизни, схватить „духъ времени", попасть „dans le train", какъ выражаются теперь героини Gyp'а, и какъ Жоржъ Сандъ, конечно, не выражалась, но она сама говоритъ, что „жаждала распровинціализироваться" (me déprovincialiser), со всѣмъ ознакомиться, стать на уровень идей и формъ своего времени..." [1]). Она точно стремилась наверстать золотое время, потерянное въ теченіе однообразной, пошловатой и неинтересной жизни въ Ноганѣ и Ла-Шатрѣ. И 24-хъ часовъ дня ей почти не хватало на то, чтобы все увидѣть, все услышать, все узнать, что̀ только было интереснаго. Совершенно такъ же, какъ въ тѣ годы другая геніальная личность—Листъ, Аврора Дюдеванъ спѣшила изъ Луврскаго музея—въ церковь, гдѣ говорилъ знаменитый проповѣдникъ; съ лекціи—въ театръ, гдѣ пѣла Малибранъ [2]) или шла

[1]) Исторія, т. IV, стр. 80,

[2]) Она пишетъ мужу въ *концѣ января 1831*: „... У меня былъ довольно сильный гриппъ, мой другъ, но я поправилась и начинаю ходить по театрамъ. Я видѣла *Наполеона* Дюма въ *Одеонѣ*. Пьеса жалостная (pitoyable), а Фредерикъ Леметръ гораздо хуже Гобера въ этой роли... Вчера я была въ Итальянской оперѣ. Я видѣла M-me Малибранъ въ *Отелло*. Она меня заставила плакать, содрогаться, страдать, однимъ словомъ, точно я присутствовала при сценѣ дѣйствительной жизни. Эта женщина первый геній въ Европѣ! Прекрасная, какъ Мадонна Рафаэля, простая, энергичная, наивная, это первая пѣвица и первая трагическая актриса. Я отъ нея въ восторгѣ! Я была съ Перины на

впервые новая драма Гюго; изъ библіотеки, гдѣ читала все, что выходило новаго, или все, что было ей мало извѣстно изъ сокровищъ всемірной литературы,—она отправлялась странствовать по привлекавшему всѣхъ романтиковъ *старому* Парижу, или на собраніе сенъ-симонистовъ [1]). Всѣ и вся ее интересовали, привлекали. Чуть не ежедневно приходилось Аврорѣ знакомиться съ разными болѣе или менѣе знаменитыми личностями тогдашняго литературнаго и артистическаго Парижа. Она радовалась всякому не банальному новому знакомству, смиренно надѣясь услышать нѣчто доброе, прекрасное; научиться стать лучшей, какъ она сама съ удивительною скромностью полагала. Во всякой выдающейся личности, писателѣ, художникѣ, она привѣтствовала новый „свѣточъ", отъ каждаго ждала „новаго слова", глубокой мысли, откровенія, жадно ловила всякое яркое проявленіе человѣческего духа, не подозрѣвая, что эта самая жажда свѣта, этотъ неугасимый пылъ души, стремившейся къ какимъ-то новымъ, неяснымъ еще горизонтамъ, это стремленіе къ знанію, къ расширенію своего кругозора, — все это дѣлало ее самое непохожей на обыкновенныхъ женщинъ, отличало ее отъ людской толпы и привлекало къ ней всякаго, кто способенъ былъ понять и оцѣнить ее. Она не подозрѣвала того, что она была отмѣчена печатью генія, и считала себя счастливой, когда встрѣчалась съ такими избранниками неба.

Однако нельзя было быть только зрителями и слушателями, надо было и самимъ приниматься за работу. Мы уже показали въ предъидущей главѣ, что еще втеченіе послѣднихъ двухъ

выставкѣ въ Люксанбурѣ... Сегодня я иду слушать *Моисея* въ Оперѣ. Завтра я пойду въ *Gymnase*, а потомъ я отдохну отъ театровъ и буду недѣли двѣ работать...

[1]) *Въ февралѣ 1831* она пишетъ мужу: ...Повѣришь ли, что я до сихъ поръ не имѣла времени пойти послушать сенъ-симонистовъ. M-me де Перины постоянно тамъ, хотя и видитъ въ ихъ ученіи ниспроверженіе всего соціальнаго порядка и поводъ къ пролитію потоковъ крови (des flots de sang à faire couler). Я не вижу въ нихъ ничего кромѣ заблужденія, неисполнимаго на практикѣ; и общественное мнѣніе уже произнесло надъ нимъ свой приговоръ. У нихъ есть Папесса, которая только и дѣлаетъ, что показываетъ свое небесно-голубое бархатное платье и боа изъ лебежьяго пуха. Вѣчно эти комедіи!..". (Toujours des farces!).

Оба письма, изъ которыхъ мы приводимъ эти отрывки, со времени написанія этихъ строкъ были напечатаны (въ числѣ десяти писемъ Авроры Дюдеванъ къ мужу) въ февралѣ 1897 г. въ *Cosmopolis*'ѣ виконтомъ де Спульберкъ и имъ же перепечатаны въ его прекрасной, полной документовъ и интереса, книгѣ *Véritable Histoire de „Elle et Lui"*, Paris. Calmann Lévy. 1897.

...ѣтъ въ Ноганѣ Аврора поочередно перепробовала цѣлый рядъ занятій и „ремеслъ“ и сознательно остановилась на писаніи, какъ на наиболѣе подходящемъ. Мы указали также, что поэтому совершенно неправильно всѣ эти *попытки* относить ко времени переселенія ея въ Парижъ, уже послѣ разрыва супружеской жизни. Эта ошибка встрѣчается во всѣхъ рѣшительно біографіяхъ Жоржъ Сандъ. Между тѣмъ изъ неизданныхъ писемъ Авроры Дюдеванъ и изъ напечатанной переписки ея съ Рене де-Вильневъ и изъ писемъ ея къ Зоѣ и Зои Леруа и барышенъ Базуанъ къ ней видно, что Аврора втеченіе этихъ лѣтъ написала не мало и вполнѣ сознательно и упорно старалась сдѣлаться писательницей. Мы сказали уже о томъ, что въ 1827 она написала *Voyage en Auvergne*, въ 1829 романъ *Marraine*, который посылала барышнямъ Базуанъ, въ 1830 романъ *Aimée*, который даже читала своей невѣсткѣ Эмиліи Шатиронъ. Его она и захватила въ Парижъ въ 1831 г. и о немъ упоминается во всѣхъ первыхъ ея письмахъ изъ Парижа къ мужу. Значитъ въ 1831 году она уже не *пробовала* разныхъ другихъ занятій, а прямо попыталась перомъ добывать себѣ средства къ существованію, что мы и видимъ изъ всей ея напечатанной и ненапечатанной корреспонденціи. Чрезвычайно поучительно и интересно прослѣдить въ этой корреспонденціи тѣ мытарства и ту суровую школу, которую прошла Жоржъ Сандъ на первыхъ порахъ своего литературнаго ученичества, и въ этомъ отношеніи ея письма представляютъ гораздо болѣе богатый и достовѣрный матеріалъ, чѣмъ „*Исторія*“, гдѣ всѣ эти перипетіи болѣе или менѣе сглажены, да и разсказъ страдаетъ неточностями и пропусками, болѣе того—между разсказаннымъ въ „*Исторіи*“ и тѣмъ, что мы видимъ въ письмахъ, существуетъ значительное разногласіе и противорѣчіе.

Въ „*Исторіи*“ Жоржъ Сандъ говоритъ, что прежде всего она обратилась черезъ Дюри-Дюфрена къ гр. де-Кератри, автору романа „*Le dernier des Beaumanoir*“, очень вліятельному въ тѣ годы и совершенно забытому теперь писателю. Она разсказываетъ, будто она была принята имъ не слишкомъ то любезно, увидѣла сразу, что онъ ей совершенно не подходитъ, что образъ мыслей, привычки и вкусы ихъ настолько несхожи и различны, что она уже болѣе никогда къ нему не вернулась, а вслѣдъ затѣмъ обратилась къ Делатушу. Этотъ послѣдній очень смѣялся надъ тѣмъ, какъ Кератри посовѣтовалъ ей „лучше производить дѣтей, чѣмъ романы“, на что она отвѣчала: „оставьте этотъ совѣтъ для самого себя“ или даже „сами постарайтесь,

если можете" [1])—и послѣ этого Делатушъ сразу помогъ ей въ ея стараніяхъ попасть на литературную дорогу.

Въ напечатанной „*Корреспонденціи*" Жоржъ Сандъ говорится также о томъ, какъ Делатушъ, къ которому у нея было рекомендательное письмо, съ самаго начала былъ любезенъ къ ней, хотя и не одобрилъ ея романа (*Эме*?), а засадилъ за журнальную работу, причемъ былъ строгъ и придирчивъ, но тѣмъ не менѣе одинъ помогъ ей во всемъ и сразу сдѣлался ея другомъ.

Изъ ненапечатанныхъ [2]) же писемъ Авроры Дюдеванъ явствуетъ, что она прежде всего обратилась къ Делатушу, къ которому у нея было рекомендательное письмо отъ старухи Дюверне, матери Шарля, бывшаго кузеномъ Делатуша, —что этотъ послѣдній встрѣтилъ ее очень любезно, но *ей не понравился*. Его *манеры* показались ей *антипатичными*, самъ онъ не внушалъ *никакого довѣрія*. И *тогда* она *попросила* Дюри-Дюфрена рекомендовать ее Кератри. Въ нѣсколькихъ письмахъ отъ января по мартъ 1831 года Аврора на разные лады говоритъ, что „не хочетъ слушаться Делатуша и имѣть съ нимъ дѣло", что „Кератри ей гораздо лучше нравится", но она проситъ мужа объ этомъ молчать передъ Дюверне, чтобы не обидѣть M-me Дюверне и чтобы извѣстія о ея сношеніяхъ съ Кератри не дошли до Делатуша. Такимъ образомъ сынъ графа де-Кератри былъ совершенно правъ, когда въ *Фигаро* 1888 года [3]) протестовалъ противъ того, что̀ Жоржъ Сандъ написала о его отцѣ въ „*Исторіи*", и въ доказательство привелъ имѣющіяся въ его рукахъ письма. Несомнѣнно, что вначалѣ между Авророй Дюдеванъ и гр. де-Кератри отношенія были дружескія и пріятныя [4]), что Кератри желалъ помочь какъ умѣлъ и могъ, и лишь впослѣдствіи оба новые знакомые усмотрѣли несходство и разность взглядовъ и

[1]) „Исторія моей жизни", т. IV, стр. 122.

[2]) Часть этихъ писемъ теперь обнародована г. де-Спульберкъ въ „Cosmopolis". См. выше.

[3]) *Comte Em. de Kératry*: „Lettres inédites de George Sand". Le Figaro. 28 Septembre 1888.

[4]) См. письмо къ Дюдевану отъ февраля 1831 (Cosmopolis, 1897 г. февраль) и особенно слѣдующія фразы... „Кератри принялъ меня отечески, и теперь я вполнѣ надѣюсь, ибо, между нами будь сказано, я никогда не столкуюсь съ человѣкомъ вродѣ Делатуша. Онъ впрочемъ попрежнему съ большою любезностью относится ко мнѣ... Что касается романа... то поправки, которыхъ онъ требуетъ, плохо вяжутся съ моими убѣжденіями. Я лучше соглашусь на тѣ, которыя предпишетъ Кератри, ибо *этотъ послѣдній, по крайней мѣрѣ, честный человѣкъ* и *добрый человѣкъ*..."

вкусовъ. Это случилось уже черезъ два мѣсяца послѣ переселенія Авроры въ Парижъ. Она пишетъ Букоарану 4 марта 1831 года: Я вновь видѣла Кератри и съ меня довольно. Увы! Не слѣдуетъ слишкомъ вблизи видѣть знаменитостей...". Такимъ образомъ, не Делатушъ былъ первымъ писателемъ, совѣтами котораго пользовалась Аврора, а сначала такимъ совѣтникомъ былъ Кератри, точно также не Дюри-Дюфренъ оказывался долго „предубѣжденнымъ противъ того, чтобы познакомить ее съ Делатушемъ" [1]), а она сама, познакомившись съ Делатушемъ, *до* Кератри и тотчасъ по прибытіи въ Парижъ, почувствовала предубѣжденіе и антипатію къ Делатушу и долгое время сторонилась отъ него, пока наконецъ не увидѣла, что подъ непріятной внѣшностью Делатуша скрывается очень доброе, отзывчивое сердце и готовность помочь всякому начинающему писателю,— и тогда отношенія между нимъ и Авророй сдѣлались дѣйствительно дружескими. Въ началѣ же онъ дѣйствительно отнесся строго къ начинающей писательницѣ, а внучка Маріи-Авроры Саксонской была шокирована его рѣзкими манерами и авторитетнымъ тономъ, и первое впечатлѣніе было таково, что „Кератри все-таки пріятнѣе" [2]). Тѣмъ не менѣе уже 15-го января она собирается ѣхать съ Делатушемъ къ M-me Рекамье, гдѣ надѣется увидѣть Дельфину Гэ и разныхъ другихъ литературныхъ знаменитостей. 19-го же января Аврора, какъ всегда въ юмористической формѣ, разсказываетъ Шарлю Дюверне, какъ она пошла въ сопровожденіи Флери къ Делатушу, ибо „не въ силахъ была стащить туда свои тяжеловѣсныя *легкія* произведенія", какъ Делатушъ былъ любезенъ и милъ къ ней,—что она приписываетъ протекціи старухи Дюверне,—но результатомъ этого чтенія было то, что романъ ея былъ признанъ никуда негоднымъ, все въ немъ—подлежащимъ измѣненію, и въ концѣ концовъ Делатушъ посовѣтовалъ ей начать новый, на что она отвѣчала: „довольно" (suffit).

Тогда она попыталась (по словамъ письма къ мужу) помѣстить свой романъ въ *Revue de Paris*, но тамъ сказали, что „имя автора неизвѣстно" и потому не приняли, но что „Делатушъ обѣщается придумать имя".

О сношеніяхъ съ *Revue de Paris* и редакторомъ ея Véron'омъ Аврора пишетъ нѣсколько подробнѣе въ томъ же письмѣ къ

[1]) Подлинныя ея слова изъ „Исторіи", т. IV, стр. 122.

[2]) Письмо къ мужу безъ числа, помѣченное лишь „Vendredi", третье по счету со времени отъѣзда изъ Ногана.

Шарлю Дюверне 19 января. Она говоритъ, что Véron былъ очень любезенъ къ нимъ, что они

..."съ Жюлемъ Сандо снесли туда невѣроятное произведеніе, написанное на три четверти Жюлемъ", (потому что она была больна), и что "Жюль *подписалъ* свое имя. Кромѣ того я не обладаю, какъ онъ, *возвышеннымъ* родомъ (genre sublime) *Revue de Paris*. *Онъ* (Веронъ) торжественно обѣщалъ напечатать и нашелъ, что все очень хорошо. Я въ восхищеніи за Жюля. Значитъ онъ можетъ имѣть успѣхъ. Я рѣшила присоединить его къ моимъ трудамъ, или присоединиться къ его трудамъ, какъ угодно. *Какъ бы то ни было, а онъ одолжилъ мнѣ свое имя, ибо я не хочу появляться, а я ему одолжила свою помощь, когда она окажется нужна*. Сохраните въ тайнѣ это наше литературное сообщничество. (Право, у меня выборъ прелестныхъ выраженій!) Но меня такъ жестоко "раздѣлываютъ" въ Ла-Шатрѣ (вамъ это небезъизвѣстно), что этого только не хватало бы, чтобы меня прикончить. Въ концѣ концовъ я смѣюсь надъ этимъ; мнѣніе, которымъ я дорожу, — это мнѣніе моихъ друзей. Я обхожусь безъ всего остального... Я не говорила о Жюлѣ Делатушу, его покровительство не такъ легко дается, какъ говорятъ. Безъ рекомендаціи вашей мамы я бы долго хлопотала безуспѣшно. Вотъ я и побоялась, что онъ не захочетъ распространить это покровительство на двухъ лицъ. Потому я и сказала ему, что *Сандо* тотъ мой землякъ, который одолжилъ мнѣ имя. Въ этомъ я послѣдовала его совѣту, ибо, да будетъ вамъ извѣстно, что г. Веронъ, редакторъ *Revue*, ненавидитъ женщинъ и не хочетъ о нихъ слышать".

Все это, по словамъ Авроры, она объясняетъ для того, чтобы госпожа Дюверне не удивилась, увидавъ въ *Revue* имя "*Сандо*".

"Когда мы будемъ такъ сильны, чтобы летать на собственныхъ крыльяхъ, я предоставлю ему (Жюлю) всю славу авторства (de la publication), но мы раздѣлимъ барыши (если они будутъ!) Для меня, грубой и положительной души, только это и притягательно...".

Вотъ какъ скромна была тогда Аврора Дюдеванъ и вотъ какъ труденъ былъ въ началѣ путь къ литературной славѣ Жоржъ Сандъ! Тѣмъ временемъ Делатушъ все-таки сразу замѣтилъ литературный талантъ молодой женщины, посовѣтовалъ ей, если она хочетъ сдѣлаться настоящей писательницей, прежде всего какъ можно больше наблюдать, узнавать жизнь со всѣхъ сторонъ и во всемъ ея разнообразіи—и тогда уже писать. Но видя тяжелое матеріальное положеніе Авроры, онъ предложилъ ей заняться тѣмъ же, чѣмъ занимались ея два молодые земляка,— Феликсъ Піа и Жюль Сандо: взяться за поденную журнальную работу въ редакціи *Фигаро*. И вотъ Аврора отложивъ на время мечты о писаніи романовъ, принялась обучаться "литературному ремеслу", принялась такъ же ревностно и покорно, какъ по-

ступающіе „въ ученіе“ мальчики ревностно изучаютъ основные элементы своей профессіи. Ежедневно усаживалась молодая писательница за свой столикъ въ редакторскомъ кабинетѣ и писала на заданную ей тему то маленькій фантастическій разсказъ, то хронику политической жизни, то фельетонъ. Делатушъ постоянно оказывался недовольнымъ, рвалъ эти рукописи, заставлялъ передѣлывать одно и тоже по нѣскольку разъ. Аврора отчаявалась, ей казалось, что она никогда не будетъ въ состояніи написать что-нибудь такое, что заслужило бы одобреніе строгаго Делатуша, понравилось бы публикѣ, походило бы на бойкіе замѣтки и фельетоны ,,въ духѣ времени‘‘, писавшіеся другими сотрудниками газеты. Но Аврора не отступала отъ намѣченной цѣли, не падала духомъ и продолжала упорно трудиться и добиваться своего. 4 марта она пишетъ Букоарану:

„Я болѣе чѣмъ когда-либо намѣрена (résolue) остаться на литературномъ поприщѣ. Несмотря на все отвратительное, что́ я на немъ встрѣчаю по временамъ, несмотря на дни лѣни и усталости, которые прерываютъ мою работу, несмотря на болѣе чѣмъ скромную жизнь, которую я веду здѣсь, я чувствую, что моя жизнь отнынѣ полна. У меня есть цѣль, дѣло, скажемъ точно: *страсть*. Писательское ремесло—страсть, почти неискоренимая. Когда она овладѣваетъ какой-нибудь несчастной головой—она ее уже не можетъ покинуть. Я не имѣла успѣха. Мое произведеніе показалось неправдоподобнымъ тѣмъ лицамъ, которымъ я его показала. По совѣсти говоря, они мнѣ сказали, что это слишкомъ нравственно и добродѣтельно для того, чтобы публика нашла это вѣроятнымъ. Это вѣрно; надо угощать бѣдную публику по ея вкусу, и я буду дѣлать такъ, какъ того требуетъ мода. Это будетъ плохо. Я умываю себѣ руки. Меня приняли въ *Revue de Paris*, но меня изводятъ ожиданіемъ. Надо, чтобы извѣстныя имена прошли ранѣе меня. Это разумѣется лишь справедливо. Итакъ, терпѣніе! Я стараюсь о томъ, чтобы меня записали въ число сотрудниковъ *Моды* и *Артиста*, двухъ журналовъ въ родѣ *Revue*. Чортъ знаетъ что̀, если мнѣ не удастся ни въ одномъ.

„Между тѣмъ надо жить. Для этого я занимаюсь самымъ послѣднимъ изъ ремеслъ—я пишу статьи въ *Фигаро*. Еслибъ вы знали, что̀ это такое! Но платятъ по семи франковъ за столбецъ и благодаря этому можно пить, ѣсть, можно даже ходить въ театръ, если при этомъ исполнять *извѣстный совѣтъ, данный вами*. Это для меня случай дѣлать самыя полезныя и занимательныя наблюденія. Надо, когда хочешь писать, все видѣть, все знать, надъ всѣмъ смѣяться. Ахъ, ей Богу, да здравствуетъ жизнь художника! Нашъ лозунгъ — *свобода*.

Однако, я немного хвастаюсь. У насъ въ *Фигаро* не то чтобъ ужъ окончательная *свобода!*.. Г. Делатушъ, нашъ достойный патронъ (ахъ, еслибъ вы знали этого человѣка!), сидитъ у насъ на шеѣ (est sur nos épaules), урѣзываетъ, выкраиваетъ, предписываетъ намъ свои причуды, свои заблужденія, свои капризы. И вотъ мы и пишемъ, какъ ему угодно, — ибо въ концѣ концовъ это его дѣло. Мы вѣдь только его

поденщики. *Журнальный мастеровой, редакторскій „малый“*, — вотъ что я пока“!... [1]).

Черезъ два дня однако, 6 марта, г-жа Дюдеванъ сообщаетъ Дюверне о томъ, что наконецъ добилась успѣха. *„Молинара“*, напечатанная 3-го марта въ *Фигаро* безъ имени автора, произвела большое впечатлѣніе, заинтересовала читателей, и всѣ хотятъ узнать, кто авторъ. Затѣмъ въ *Фигаро* отъ 5-го марта появилось *„Видѣніе“*, написанное Жюлемъ Сандо и исправленное Авророй Дюдеванъ, и въ томъ же №—*„Bigarrure,—Nouvelle á la main“* (т.-е. *„Пестрая смѣсь,—Извѣстіе изъ первыхъ рукъ“* или, вѣрнѣе, написанный ею самой въ отдѣлѣ „Разныя разности“ маленькій политическій фельетонъ). Фельетонъ имѣлъ небычайный успѣхъ въ публикѣ, усмотрѣвшей въ немъ нѣчто очень глубокомысленное; вмѣшалась въ дѣло и цензура, нашедшая въ немъ какіе-то противуправительственные намеки и возбудившая преслѣдованіе противъ него; редактора чуть не притянули къ суду и собирались засадить въ тюрьму, однимъ словомъ, *„Bigarrure“* произвела настоящій скандалъ. Г-жа Дюдеванъ пишетъ все въ томъ же письмѣ отъ 6-го марта: [2]).

...„Тогда король-гражданинъ разсердился. И вотъ арестовали *Фигаро* и возбудили противъ него *процессъ изъ-за его направленія*. Если будутъ признаны преступными отдѣльныя статьи, то мои то ужъ *навѣрное* будутъ признаны таковыми. Я объявлю, что я авторъ, и меня посадятъ въ тюрьму. Богъ мой, какой скандалъ въ Ла-Шатрѣ! Какой ужасъ, какое отчаяніе въ моемъ семействѣ! Но моя репутація сдѣлана и я найду издателя, который купитъ мои глупости (mes platitudes), и дураковъ, которые будутъ ихъ читать. Я готова дать девять франковъ пятьдесятъ сантимовъ за счастье быть осужденной!..“

Осуждена она не была, но нѣкоторую репутацію дѣйствительно пріобрѣла. Вслѣдъ затѣмъ появилась въ *Revue de Paris* небольшая повѣсть *„Prima-Donna“* [3]),—тотчасъ перепечатанная маленькимъ журналомъ *Сильфида*,—а 15-го мая, въ „Модѣ“ разсказъ *„Fille d'Albano“*. Жоржъ Сандъ впослѣдствіи такъ забыла объ этой вещи, что когда ее спросили о ней, она отвѣчала сначала, что не писала ее, но когда ей показали рукопись, она написала:

[1]) Корреспонденція, томъ I, стр. 165—167.

[2]) Тамъ же, стр. 168—173.

[3]) Неизвѣстно почему въ подстрочномъ примѣчаніи къ письму Авроры къ Шарлю Дюверне на стр. 188 I тома *Корреспонденціи* говорится, что „Prima Donna“—героиня одного изъ *неизданныхъ* отрывковъ Жоржъ Сандъ, между тѣмъ эта повѣсть цѣликомъ появилась, какъ мы видимъ, въ печати. Она напечатана въ апрѣлѣ 1831 г.

C'est mauvais, mais c'est bien de moi, à joindre aux oeuvrres complètes. C'est une des premieres choses que j'ai publiées... quand?" („Это плохо, но это дѣйствительно мое, — присоединить къ собранію сочиненій. Это одна изъ первыхъ вещей, которую я напечатала... когда?").

Въ апрѣлѣ Аврора Дюдеванъ уѣхала въ Ноганъ и пробыла тамъ до іюля, отдыхая отъ парижскихъ трудовъ и парижской сутолоки среди природы и занятій съ дѣтьми: Морисомъ, Соланжъ и маленькой племянницей Леонтиной. Вернувшись въ Парижъ въ началѣ іюля, г-жа Дюдеванъ захотѣла поселиться поудобнѣе и потому переѣхала на набережную Сенъ-Мишель въ тотъ самый домъ, который она описываетъ въ „*Исторіи*" вслѣдъ за разсказомъ о первомъ своемъ переселеніи въ Парижъ, и купила, а отчасти наняла на прокатъ мебель. Хотя ея средства были немного лучше прежняго, но все таки ей приходилось очень трудно.

„Я поискала квартиру и вскорѣ поселилась на набережной Сенъ-Мишель [1]), въ одной изъ мансардъ большого дома, который стоитъ на углу площади, противъ *Морга*. У меня было тамъ три маленькихъ, очень чистенькихъ комнатки, выходившихъ на балконъ, съ котораго открывалось на большое пространство теченіе Сены и откуда я могла, лицомъ къ лицу, любоваться грандіозными постройками Notre Dame, Saint-Jacques-la-Boucherie, Sainte-Chapelle и т. д. У меня было небо, вода, воздухъ, ласточки, зелень на крышахъ, я не слишкомъ чувствовала себя въ цивилизованномъ Парижѣ, который не подходилъ ни къ моимъ вкусамъ, ни къ моимъ средствамъ, но скорѣе въ живописномъ и поэтическомъ Парижѣ Виктора Гюго, въ городѣ старинномъ.

„Кажется, я платила 300 фр. въ годъ за квартиру. Лѣстница на пятый этажъ меня очень огорчала, т. к. я никогда не умѣла подыматься [2]) у меня не было служанки, но жена швейцара, очень честная, очень чистая и очень добрая, помогала мнѣ въ моемъ маленькомъ хозяйствѣ за 15 фр. въ мѣсяцъ. Мнѣ приносили обѣдъ изъ очень чистой и тоже добросовѣстной харчевни (de chez un gargotier), за 2 фр. въ день. Я сама стирала и гладила *мелочь*. И такимъ образомъ я нашла возможнымъ обходиться въ предѣлахъ моихъ доходовъ. Самое трудное было купить мебель"... [3]).

[1]) Впервые она даетъ свой адресъ „Quai Saint-Michel, 25" въ письмѣ къ Дюверне отъ 19 іюля 1831 г. Въ *неиздан.* письмѣ къ мужу стоитъ: „Quai Saint-Michel, *29*". Наконецъ Бальзакъ въ письмѣ къ матери отъ 1 сентября 1831 г. проситъ послать томъ его Contes philosophiques „Жюлю Сандо на наб. Сенъ-Мишель, *26* съ передачей *кому слѣдуетъ.*"

[2]) Ж. Сандъ вслѣдъ затѣмъ упоминаетъ о томъ, какъ тяжело ей было таскать на верхъ Соланжъ, но, какъ мы знаемъ, Соланжъ привезли въ Парижъ лишь въ апрѣлѣ слѣдующаго, 1832 года.

[3]) „Исторія", т. IV, стр. 77.

Для покупки мебели [1]) она принуждена была занять денегъ у Делатуша. И всѣ ея неизданныя письма къ мужу и брату Ипполиту отъ второй половины 1831 и начала 1832 года полны безпокойствъ и заботы относительно уплаты этого долга. Долгое время она не знала, какъ ей быть съ этимъ долгомъ, просила Ипполита поручиться за нее; онъ сначала не соглашался, потомъ поручился и даже прямо заплатилъ за нее 500 фр. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Парижъ и Казиміръ Дюдеванъ очень любезно заплатилъ и остальной долгъ за жену. Такимъ образомъ къ концу 1831 г. внѣшняя жизнь Авроры Дюдеванъ сдѣлалась болѣе спокойной и правильной, а она сама сдѣлалась болѣе домосѣдкой.

Въ это время ея отношенія къ Жюлю Сандо были уже совсѣмъ не тѣмъ, что ея неземная любовь къ Орельену де Сезъ. Аврора считала себя совершенно свободной и могущей располагать собою, какъ ей угодно. Ея взгляды на *равноправность* ея съ г. Дюдеванъ относительно пользованія этой свободой очень характеризуются нѣсколькими строчками ея письма къ матери, гдѣ она сначала, неизвѣстно почему, опровергаетъ [2]) дошедшій до матери слухъ о томъ, будто она носитъ мужской костюмъ:

„...Васъ обманули, если бы вы провели здѣсь 24 часа, то увидѣли бы, что этого нѣтъ. Но и обратно: я не хочу чтобы мой мужъ наряжался въ мои юбки (En revanche, je ne veux pas que mon mari porte mes jupes). У всякаго своя одежда, но и своя свобода. У меня свои недостатки, у мужа моего также, и еслибъ я вамъ сказала, что наша семья образецъ семей, и что между нами не было ни облачка,— вы не повѣрили бы. Въ моемъ положеніи, какъ и во всякомъ, есть дурныя и хорошія стороны. Дѣло въ томъ, что мой мужъ дѣлаетъ все что́ ему угодно: есть ли у него любовница или нѣтъ—это зависитъ отъ его аппетита; пьетъ ли онъ мускатное вино или чистую воду, — это смотря по жаждѣ; пріобрѣтаетъ ли онъ или тратитъ, — это смотря по вкусу; строитъ ли онъ, сажаетъ ли, покупаетъ ли, управляетъ ли домомъ и имѣніемъ, какъ умѣетъ,—во всемъ этомъ я ни при чемъ...“

И вслѣдъ затѣмъ она твердо заявляетъ:

„...Слишкомъ справедливо, чтобы великая свобода, которой пользуется мой мужъ, была обоюдной, иначе онъ сдѣлается для меня

[1]) Въ томъ же неиздан. письмѣ къ мужу отъ іюля 1831 г. она говоритъ о своихъ „meubles en acajou et en mérisier“.

[2]) Мы уже указывали въ предыдущей главѣ, какъ Аврора Дюдеванъ тщательно скрывала горести своей семейной жизни отъ матери и даже играла съ нею комедію. Очевидно въ это время она уже слишкомъ чувствовала себя далеко отъ матери, и *выше* нея, для того, чтобы допускать ее въ тайники своей души.

ненавистнымъ и презрѣннымъ, чего онъ вовсе не хочетъ. Итакъ, я совершенно независима; я ложусь, когда онъ встаетъ; я ѣду въ Ла-Шатръ или въ Римъ; я возвращаюсь въ полночь или въ шесть часовъ; все это — мое дѣло. Кто это найдетъ нехорошимъ и будетъ вамъ что-нибудь болтать на мой счетъ,—пусть ихъ судитъ вашъ разумъ и материнское сердце; и тотъ и другое должны быть за меня... [1]).

А въ іюлѣ того же года, по возвращеніи въ Парижъ, вотъ что Аврора писала Дюверне [2]):

...Эту способность чувствовать ее живою, радостною или жгучею, какъ она кипитъ въ моихъ жилахъ, какъ она волнуется въ моей груди! Жить—какъ это сладко, какъ хорошо! несмотря на огорченія, на мужей, на скуку, на долги, на родственниковъ, на сплетни, несмотря на жгучее горе, на несносныя непріятности. Жить—это опьяненіе. Любить, быть любимымъ — это небо! Вы умѣете любить, вы также. Все ваше горе въ томъ, что вамъ не умѣли отвѣтить тѣмъ же. И теперь, когда васъ поняли, вы должны выздоровѣть!“

Свои отношенія къ Сандо она не скрывала тѣмъ болѣе, что теоріи о свободѣ и святости чувства носились тогда въ воздухѣ и проповѣдывались не только сенъ-симонистами, но и всѣми друзьями молодой женщины. Во внутренней жизни ея эта любовь къ Сандо сыграла роковую роль, такъ какъ она открыла собою цѣлый рядъ любовныхъ исторій, болѣе или менѣе несчастныхъ, черезчуръ многочисленныхъ и въ концѣ концовъ оставившихъ въ сердцѣ женщины лишь горечь и разочарованіе. Въ душѣ писательницы эти любовныя исторіи оставили зато гораздо болѣе важные слѣды и часто являлись поводами и причинами ея сближенія съ людьми выдающимися или даже геніальными въ самыхъ различныхъ сферахъ умственной и общественной дятельности. Какъ извѣстно, этотъ первый опытъ „свободной любви“ оказался неудачнымъ, или, вѣрнѣе сказать, такимъ же непрочнымъ счастьемъ, какъ и большинство свободныхъ и несвободныхъ любвей на свѣтѣ. Но на первыхъ порахъ счастье ясно улыбалось молодой товарищеской четѣ, а совмѣстная товарищеская работа только еще болѣе сближала ее и дѣлала этотъ союзъ дружнымъ и полнымъ взаимнаго уваженія и поддержки.

[1]) Корреспонденція, I т., стр. 182—183.

[2]) Эта страница была выпущена въ напечатанной *Корреспонденціи* изъ письма отъ 19 іюля 1831 г. и должна стоять послѣ послѣднихъ словъ, напечатанныхъ на стр. 194: „Tout cela vous fera travailler sans ennui et vous forcera à des recherches historiques qui vous arriveront pleines d'intérêt et de vie“, затѣмъ нѣсколькихъ словъ не хватаетъ вѣроятно: „Je voudrais vous donner“, и далѣе идетъ приводимая нами въ текстѣ страница.

Такимъ образомъ начиная съ лѣта 1831 года, Аврора Дюдеванъ больше сидѣла дома, а уже не въ редакціи *Фигаро*, тѣмъ болѣе, что теперь она писала вмѣстѣ съ Сандо большой романъ „*Rose et Blanche*“. Писали они по очереди, черезъ главу, заранѣе сговорившись объ общемъ планѣ романа, но кажется что *писала* болѣе Аврора, а Сандо болѣе *поправлялъ*, *оживлялъ діалогъ* и т. д. и т. д. Въ „*Исторіи моей жизни*“ Жоржъ Сандъ утверждаетъ, что Жюль Сандо потомъ передѣлалъ весь романъ, и что онъ такимъ образомъ принадлежитъ весь ему по праву, однако стоитъ прочесть *Rose et Blanche* внимательно, чтобы убѣдиться, насколько это несправедливо. Написанъ романъ *не ровно* и очевидно не одною и тою же рукою. Есть главы, несомнѣнно принадлежащія перу автора „Индіаны“, „Консюэло“, „Леліи“ и „Грѣха господина Антуана“ и кажутся отрывками изъ этихъ четырехъ романовъ. Другія, несомнѣнно, написаны авторомъ „Маріанны“ и „М-lle де-Керуаръ“. Послѣднихъ меньше, и онѣ часто производятъ впечатлѣніе отдѣльныхъ эпизодовъ. Чрезвычайно странно, что когда въ 1840 г. Жюль Сандо издалъ съ Арсенемъ Гуссэ два тома своихъ отдѣльныхъ разсказовъ и повѣстей, подъ общимъ названіемъ *Les Revenants*, то въ эти томики вошло и нѣсколько вещей, написанныхъ Жоржъ Сандъ (напр. „Prima Donna“). Между тѣмъ изъ *Rose et Blanche* тамъ помѣщенъ только отрывокъ, очень передѣланный и измѣненный—„Horace“, послужившій передъ тѣмъ подъ названіемъ „Vie et Malheurs d'Horace de Saint-Aubin“ предисловіемъ къ юношескому произведенію Бальзака „La derniére fée“, изданному въ 1836 г. подъ псевдонимомъ Horace de Saint-Aubin [1]). Такимъ образомъ ни Жюль Сандо, ни Жоржъ Сандъ не признавали впослѣдствіи *Rose et Blanche* за свое произведеніе, и ни тотъ, ни другой не включили его въ свое собраніе сочиненій. *Rose et Blanche* или „La comédienne et la religieuse“—параллельная исторія двухъ молодыхъ дѣвушекъ, актрисы и монахини, и очень ярко и живо изображаетъ контрастъ двухъ міровъ, въ которыхъ вращаются двѣ героини. Героевъ тоже два, противоположныхъ по темпераменту и характеру, и главнымъ изъ нихъ является излюбленный впослѣдствіи Жоржъ Сандъ типъ слабаго, безхарактернаго юноши, неспособнаго ни на поглощающее чувство, ни на рѣшительный поступокъ, увлекающагося и увлекающаго другихъ, немного фразера, немного разочарованнаго, но въ сущности хо-

[1]) См. Histoire des Oeuvres de H. de Balzac, par Charles de Lovenjoul. Paris, Calmann Lévy. 1879;

лоднаго и эгоиста. Отмѣтимъ теперь же, что когда впослѣдствіи Жоржъ Сандъ написала свой романъ „*Horace*", въ которомъ выставила всѣ слабыя стороны этого типа, то она дала ему и имя одного изъ героевъ своего перваго романа (гдѣ это имя впрочемъ принадлежитъ не такому типу), а съ другой стороны она придала ему многія черты самого Жюля Сандо.

Въ *Rose et Blanche* встрѣчаются превосходныя описанія, мастерскія картины театральныхъ нравовъ и страницы тонкаго психологическаго анализа. Нетрудно также прослѣдить въ немъ вліяніе пережитыхъ личныхъ впечатлѣній Авроры Дюпенъ. Монастырь и его разнохарактерныя обитательницы и деревенское дворянство нашли въ ней правдиваго и колоритнаго лѣтописца; мать актрисы, Примроза, очень похожа по своей взбалмошной, необузданной натурѣ на мать авторши—Софью Антуанетту Дюпенъ, а пріѣздъ высокаго духовнаго лица и обѣдъ въ честь него очевидно списаны съ натуры и изображаютъ пріѣздъ въ Ноганъ въ 1829 году *монсиньора де Виллеля* (брата министра), бывшаго въ бытность Авроры въ монастырѣ духовникомъ большей части ученицъ, а потомъ епископомъ въ Буржѣ. Этотъ пріѣздъ въ деревню „архіерея" и обѣдъ въ честь его между прочимъ описываетъ Казиміръ Дюдеванъ въ одномъ своемъ письмѣ къ Карону—и его описаніе вполнѣ сходится съ тѣмъ, что впослѣдствіи его жена изобразила, разумѣется только ярче и художественнѣе, въ своемъ первомъ романѣ. Неизвѣстно, однимъ ли Сандо написана исторія *Ораса* (непохожаго на позднѣйшаго Жоржъ Сандовскаго *Horace*), очень можетъ быть, что оба молодые беррійца имѣли передъ глазами одинъ и тотъ же оригиналъ, съ котораго и писали его, но перечитывая въ *Rose et Blanche* эпизодъ до него относящійся, все время вспоминаешь не то „*Грѣхъ г. Антуана*", не то даже и позднѣйшіе романы Жоржъ Сандъ, въ родѣ *Jean de la Roche*, или *M-lle Merquem*. Трудно уловить и показать въ чемъ заключается это сходство, оно во всемъ и ни въ чемъ, но очень сильно чувствуется читателемъ. Такимъ образомъ *Rose et Blanche* содержитъ въ себѣ какъ бы въ зародышѣ самые разнообразные элементы позднѣйшихъ произведеній Жоржъ Сандъ. Но еще замѣчательнѣе то, что этотъ романъ гораздо *реалистичнѣе* послѣдующихъ вещей Жоржъ Сандъ; вся „манера" его очень напоминаетъ естественно-беззаботный тонъ ея писемъ, въ которыхъ она не боялась говорить смѣло и прямо обо всемъ, употреблять живыя, сильныя и часто несовсѣмъ салонныя выраженія, а также напоминаетъ ту смѣлую и бойкую манеру рисовать людей и со-

бытія, передавать діалоги и разговоры, какую она проявила въ своемъ „*Путешествіи въ Овернь*":—что-то естественное, здоровое, свѣжее. Преувеличеній, декламаціи, фразъ и туманностей, которыми отличаются многіе изъ позднѣйшихъ романовъ Жоржъ Сандъ, встрѣтишь въ *Rose et Blanche* гораздо менѣе. И это очень характерно. Весьма вѣроятно, что еслибы на самыхъ первыхъ порахъ Жоржъ Сандъ не попала въ школу романтиковъ и не подверглась бы такому обученію со стороны Делатуша, Сентъ-Бева и др., а писала бы какъ ей Богъ на душу положилъ, совсѣмъ не стараясь о „возвышенномъ родѣ", бывшемъ тогда въ ходу, то ея талантъ направился бы по совсѣмъ иной дорогѣ и гораздо ближе примыкалъ бы къ школѣ Бальзака. (Хотя она сама въ тѣхъ же главахъ, гдѣ говоритъ о своихъ первыхъ шагахъ на литературномъ поприщѣ, говоритъ о томъ, что она и Бальзакъ съ самаго начала поняли разницу своихъ литературныхъ вкусовъ и направленій:—она де склонна была идеализировать все въ хорошую сторону, а Бальзакъ тоже самое продѣлывалъ въ сторону комическаго или злого). Конечно трудно строить предположенія, основываясь на одной *Rose et Blanche*, но тѣмъ не менѣе очень курьезно отмѣтить значительную *реалистичность* перваго крупнаго произведенія Жоржъ Сандъ. Мы не будемъ приводить для подтвержденія нашихъ словъ выдержекъ изъ романа, потому что коротенькія выдержки доказываютъ слишкомъ мало. Еще менѣе склонны мы кричать отъ восторга или негодованія по поводу знаменитаго и часто цитируемаго пріѣзда дилижанса и грубо-реалистическихъ подробностей, относящихся до старой монахини, которая ѣдетъ на имперіалѣ его. Но для доказательства принадлежности этой именно страницы Жоржъ Сандъ, приведемъ слѣдующія строки ея письма къ матери отъ 22 февраля 1832 г. изъ Ногана:

„...Если вы находите, что сестра Олимпія слишкомъ солдатовата, то это ужъ ея вина, а не моя. Я ее хорошо знала и увѣряю, что, несмотря на свои ругательства (jurons)—это была прекраснѣйшая и достойнѣйшая женщина. Впрочемъ, я не воображаю, что хорошо сдѣлала, взявъ ее за образецъ для характеристики этого лица. Не все, что правда, можетъ разсказываться; при выборѣ можетъ проявиться дурной вкусъ. Въ концѣ концовъ, я вамъ говорила, что написала эту книгу не одна. Много есть шутокъ, которыя я не одобряю: я ихъ допустила только, чтобы удовлетворить моего издателя, который хотѣлъ чего-нибудь *веселенькаго* (égrillard). Вы можете подтвердить это, чтобы оправдать меня въ глазахъ Каролины, если она скандализируется грубостью выраженій. Я тоже не люблю двусмысленностей. Ни одной не будетъ находиться въ книгѣ, которую я

теперь пишу и въ которую я отъ *моихъ* сотрудниковъ заимствую только имя, такъ какъ моему имени никогда не суждено попасть въ сферу дѣятельности умныхъ людей (dans le commerce du bel esprit)“... [1]).

Осенью 1831 г. Аврора опять провела два мѣсяца въ Ноганѣ и привезла съ собою оттуда въ Парижъ написанный лѣтомъ романъ *Индіану*, надѣясь, что Сандо, по заведенному порядку, поправитъ, измѣнитъ и прибавитъ главы отъ себя. Но оказалось, что Сандо въ это время ничего не написалъ, а измѣнять что-либо въ *Индіанѣ* не согласился. Между тѣмъ въ концѣ 1831 года вышла *Rose et Blanche*, имя новаго автора „*J. Sand*“,—какъ молодые сотрудники подписывали свои произведенія,—стало уже извѣстнымъ, завоевало успѣхъ и славу. Теперь уже не молодые писатели съ трудомъ должны были хлопотать объ издателѣ, а самъ издатель пришелъ къ нимъ, прося дать ему еще что-нибудь. Аврора отдала ему ту рукопись, которая была у нея, надѣясь попрежнему подписать ее „*J. Sand*“. Но скромность Сандо воспротивилась этому, онъ не могъ по праву подписать общимъ псевдонимомъ книгу, надъ которой ни сколько не трудился. А издатель не хотѣлъ видѣть другого имени, такъ какъ извѣстное уже имя „*J. Sand*“ или „*Jules Sand*“ обѣщало ему выгодный сбытъ. Какъ быть? Делатушъ посовѣтывалъ Сандо подписываться отнынѣ подъ своими произведеніями полнымъ именемъ; а Аврорѣ Дюдеванъ предложилъ писать подъ прежнимъ псевдонимомъ *Сандъ*, измѣнивъ лишь предыдущее имя, и выбралъ для этого самое общеупотребительное въ Берри—*Жоржъ*.

Разсказывая объ этомъ въ „*Histoire de ma Vie*“, Жоржъ Сандъ прибавляетъ, что впослѣдствіи разные неумные поклонники и столь же неумные враги ея усмотрѣли въ этомъ псевдонимѣ демонстративное проявленіе симпатіи по адресу убійцы Коцебу, Карла Занда, тогда какъ ея псевдонимъ является просто половиною имени Сандо (Sandeau) и окрестилъ ее имъ Делатушъ безъ всякой задней мысли, какъ и она сама приняла его совершенно незадумываясь и не придавая ему никакого значенія. Но услужливые медвѣди долго еще продолжали выхвалять ее за подобное якобы „выраженіе сочувствія революціоннымъ идеямъ“,а враги—порицать за „дерзкое и демонстративное афишированіе пристрастія къ превратнымъ идеямъ“. Насъ мало интересуютъ такіе неумные говоруны, но мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы протестовать противъ ничѣмъ неоправдываемаго и вездѣ

[1]) Корреспонденція, т. I, стр. 212.

до сихъ поръ повторяемаго русскаго правописанія имени *Жоржъ Сандъ*: — всѣ почти пишутъ его съ *нѣмецкимъ произношеніемъ* французскаго имени: *Зандъ*!! Какимъ образомъ тогда говорятъ: „Жюль Сандо“? Ужъ тогда и его надо произносить: „Жюль Зандо“! [1]).

Итакъ, на свѣтъ явилась *Жоржъ Сандъ*. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ *Индіаны*, (вышедшей 19 мая 1832 г.) [2]), появился *Мельхіоръ*, потомъ *Маркиза, Валентина, Тостъ*, стихотвореніе *Царица Мабъ*.

„Ученичество“ окончилось. Французская литература могла привѣтствовать въ своей средѣ новаго „мастера“, а Аврора Дюдеванъ изъ никому неизвѣстнаго сотрудника тогдашняго маленькаго „Фигаро“ сдѣлалась знаменитостью и *именемъ*.

Этимъ 1831 г. заключается собственно жизнь *Авроры Дю-*

[1]) Но подобный абсурдъ мы встрѣтили лишь разъ, за всѣ наши многолѣтнія изысканія въ сандіанской литературѣ, а именно въ статьяхъ нѣкоего П. Грачіоли, помѣщенныхъ въ „Дѣлѣ“ (1874 г., №№ 9 и 11, и 1875 г., №№ 3 и 5). А „Жоржъ Зандъ“ пишутъ теперь чуть не всѣ русскіе журналы. Мало того, большинство даже пишутъ „Жоржъ-Зандъ“ и склоняютъ „Жоржъ-Занда“, о „Жоржъ-Зандѣ“, а читающіе сдѣлали изъ этого имени какое-то ужасное, дикое слово: „Жорзандъ“. Признаемся, не знаемъ, почему „Жоржъ-*Зандъ*“ или „Жорзандъ“ лучше блаженной памяти „Короля Леара“, „Ивангоэ“ и тому подобныхъ англо-нижегородскихъ именъ. Странно французскаго писателя называть на нѣмецкій ладъ, а тѣмъ паче такого, имя котораго произошло отъ другого, вѣрно произносимаго, имени. Если намъ скажутъ: „привычка глаза читателей и писателей“, то мы на это отвѣтимъ, что если „Отечественныя Записки“, Бѣлинскій (плохо знавшій языки) и „Сѣверная Пчела“ писали и печатали „*Зандъ*“, то и „Библіотека для Чтенія“ (за немногими исключеніями, когда Сенковскій нарочно называлъ Жоржъ Сандъ „г-жей Егоромъ Зандомъ“ или „господиномъ Георгіемъ Зандомъ“) и „Современникъ“, не говоря о „Русскомъ Вѣстникѣ“, правильно писали „Сандъ“, и что врядъ ли требуется подражать Бѣлинскому въ его ошибкахъ или бояться послѣдовать за „Библіотекой“ или „Русскимъ Вѣстникомъ“ въ томъ, гдѣ они правы.

Поэтому, позволяемъ себѣ совѣтовать такъ же изгнать изъ правописанія „Зандъ“, а особенно „Жоржъ-Зандъ“, какъ изгнали „Леара“, „Невтона“, или скоро, Богъ дастъ, изгонятъ „Бьорнстіерна“ и т. под. тарабарскія правописанія иностранныхъ словъ.

[2]) См. „Etude bibliographique sur les Oeuvres de George Sand“ par le *Bibliophile Isaac* (V-te de Spoelberch de Lovenjoul) Bruxelles. 1868. Рѣдчайшая брошюра, являющаяся единственнымъ существующимъ до сего времени полнымъ и вѣрнымъ библіографическимъ указателемъ произведеній Ж. Сандъ до 1867 г. включительно и содержащая въ себѣ чрвзвычайно цѣнныя данныя и указанія. Мы имѣемъ возможность пользоваться и неизданной второй частью этого труда доведеннаго до послѣдняго времени, и которую авторъ сообщилъ намъ ввидѣ собственноручнаго списка, за что мы считаемъ долгомъ здѣсь еще разъ принести нашу живѣйшую благодарность.

деванъ, въ этомъ году рождается *Жоржъ Сандъ*, и потому, начиная отъ этого мѣста нашего повѣствованія, мы такъ и будемъ называть ее. Мы старались показать въ предыдущихъ главахъ, изъ какихъ наслѣдственныхъ чертъ, изъ какихъ впечатлѣній дѣтства и юности и изъ какихъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“ сложились натура и характеръ Авроры Дюпенъ-Дюдеванъ; мы старались изобразить ее, какъ *женщину*, до того момента, что она сдѣлалась *писательницей*.

Теперь мы постараемся относительно *писательницы* сдѣлать тоже самое: разсказывая о внѣшнихъ событіяхъ ея жизни, въ то же время указывать на послѣдовательныя стадіи ея развитія и на тѣ элементы, подъ вліяніемъ которыхъ выростала и видоизмѣнялась ея писательская личность. Мы нарочно многократно останавливали вниманіе читателя на томъ скрытомъ, безсознательномъ періодѣ развитія писательства, который прошла Аврора отъ ранняго дѣтства до того момента, когда она пришла къ заключенію, что изъ „всѣхъ тѣхъ занятій, къ которымъ она была способна, литература въ тѣсномъ смыслѣ слова оказывалась ремесломъ, подающимъ наиболѣе надеждъ въ смыслѣ успѣха и, прямо говоря, въ смыслѣ заработка“... [1]). Этотъ „скрытый періодъ“ напоминаетъ то, что совершается съ бабочками отъ того момента, когда онѣ выходятъ изъ яйца, и до того состоянія „скрытой силы“, котораго онѣ достигаютъ, когда, въ видѣ куколокъ или коконовъ, неподвижно висятъ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ. Четырехлѣтняя разсказчица сказокъ „между четырехъ стульевъ“; двѣнадцатилѣтняя писательница цвѣтистыхъ историческихъ *резюме* и поэтическихъ описаній природы для бабушки; пятнадцатилѣтняя драматическая авторша, приноравливавшая Мольера къ постановкѣ на дѣвическихъ спектакляхъ монастыря Англичанокъ; мистически-настроенная сочинительница сантиментальнаго романа *безъ любви*, одобреннаго монастырками и кузеномъ Рене, и другого романа „*Marraine*“, полнаго романтической любви, но не одобреннаго барышнями Базуанъ въ 1829 г.; разочарованный авторъ „*Путешествія въ Овернь*“,—вотъ стадіи, которыя уже прошла писательница-хризалида до 1831, вотъ какъ она безсознательно готовилась къ писательской карьерѣ втеченіе всей своей юности, и правы были тѣ, кто, какъ бабка и Рене де-Вильневъ, поощряли ее на этомъ поприщѣ и предсказывали ей будущую славу.

[1]) См. выше, главу V.

Но окончательно *нашла* себя Жоржъ Сандъ лишь во время переписки съ Орельеномъ де Сезъ, а любовь ея къ Жюлю Сандо была тѣмъ дуновеніемъ весны, которое робкую хризалиду пробудило къ жизни и, освободивъ изъ темной скорлупки, вывело на свѣтъ Божій блестящую, сверкающую бабочку. Во время переписки съ Орельеномъ Жоржъ Сандъ научилась *высказываться* письменно, создавать на бумагѣ ту жизнь, которой ей не хватало въ дѣйствительности. Переселеніе въ Парижъ и совмѣстная жизнь съ любимымъ человѣкомъ въ центрѣ тогдашняго умственнаго и художественнаго движенія эту потребность высказываться письменно и это умѣнье передавать перомъ жизнь, созданную воображеніемъ, превратили изъ диллетантскаго занятія въ средство заработка и въ серьзное служеніе литературѣ, въ то, что Жоржъ Сандъ называетъ „ремесломъ". То-есть изъ диллетантки Жоржъ Сандъ сдѣлалась писательницей по профессіи и, въ самое короткое время перескочивъ черезъ всѣ послѣдовательныя стадіи „ученичества", объявилась первокласснымъ *мастеромъ*.

Итакъ, мы и смотримъ на связь ея съ Сандо главнымъ образомъ какъ на моментъ выясненія писательской физіономіи Жоржъ Сандъ, совпавшій съ переломомъ въ ея внѣшней судьбѣ.

Прежде чѣмъ разсказывать далѣе о ея жизни въ Парижѣ и Ноганѣ въ 1832 году, мы теперь обратимся къ произведеніямъ первыхъ двухъ лѣтъ ея писательства.

Уже съ дѣтства Авроры Дюпенъ, какъ мы не разъ уже указывали, полосы раздумья и мечтательности смѣнялись въ ея жизни періодами необузданнаго веселья. Съ 1821 года полосы мечтательнаго исканія идеала и истины прерывались то полосами чисто художническаго наслажденія странствованіями и свободой среди природы, то періодами бурнаго протеста противъ окружающей среды. Время дружбы съ Зоей и любви къ Орельену де-Сезъ, эти тихія по внѣшности и многозначительныя по внутреннему содержанію 6 лѣтъ, были опять временемъ полумистическаго, полу-поэтическаго исканія новой истины на смѣну прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ и дѣтскимъ мечтаніямъ. Года 1830, 1831, 1832 и начало 1833 являются по преимуществу годами протеста и возмущенія.

Первыя произведенія Жоржъ Сандъ, начиная отъ *Примадонны* и до *Леліи*, носятъ явственный отпечатокъ, какъ этихъ поэтическихъ грезъ и страстнаго исканія истины втеченіе тихой

жизни въ Ноганѣ, такъ и этого протеста противъ общественнаго устройства, постановленій и привычекъ. Разсмотримъ теперь вкратцѣ эти ея повѣсти, романы и разсказы, оставивъ въ сторонѣ лишь *Rose et Blanche*, о которой мы нарочно говорили отдѣльно, ибо это произведеніе не можетъ быть разсматриваемо какъ исключительно принадлежащее перу Жоржъ Сандъ. Итакъ, передъ нами: *Prima Donna*, *Fille d'Albano*, *Indiana*, *Melchior*, *Marquise*, *Valentine*, *Toast*, стихотвореніе *Reine-Mab*, и романъ *Pauline*, вышедшій гораздо позднѣе, но написанный тотчасъ послѣ *Индіаны*.

Хотя Жоржъ Сандъ впослѣдствіи въ „Предисловіяхъ“, написанныхъ ко многимъ изъ этихъ вещей, и въ „*Письмѣ Путешественника*“ № XII, адресованномъ г. Низару, и старалась доказать, что у ней и въ мысляхъ не было когда она писала эти романы, „протестовать“ противъ чего бы то ни было, а тѣмъ паче противъ „института брака“, и если даже допустить, что Жоржъ Сандъ говоритъ это вполнѣ искренно, тѣмъ не менѣе всѣ эти вещи проникнуты сознательнымъ или безсознательнымъ духомъ критики и возмущенія противъ общества и семьи, противъ предразсудковъ, несправедливостей и насилія—и во имя индивидуальной свободы женщины, или въ защиту художественныхъ натуръ, талантовъ, задыхающихся въ тискахъ буржуазной обстановки.

Что такое *Примадонна*? Это разсказанная на трехъ-четырехъ страничкахъ исторія оперной пѣвицы, выходящей замужъ за великосвѣтскаго господина и погибающей отъ тоски по сценѣ, отъ сжигающаго ее внутренняго огня, который не находитъ себѣ исхода въ ея новой, однообразной, мертвой жизни. Джина—такъ зовутъ героиню—чахнетъ, угасаетъ, смертельно больна; тогда докторъ, понимающій причину ея болѣзни, уговариваетъ мужа ея позволить ей вернуться на сцену, что тотъ и разрѣшаетъ. Джина съ громаднымъ успѣхомъ выступаетъ въ „Ромео и Юліи“ и... умираетъ на сценѣ, потрясенная счастьемъ этого возврата въ міръ искусства, сраженная избыткомъ давно неиспытанныхъ ощущеній, гибельныхъ для ея надломленныхъ силъ.

Дѣвушка изъ Альбано — это филиппика поэта противъ моральнаго и матеріальнаго буржуазнаго благополучія, являющагося самой неподходящей средой, гибелью для художественной натуры. Филиппика эта вложена въ уста старшаго брата героини Лорансы, художника Карлоса, который яростно нападаетъ на такую жизнь съ цѣлью спасти свою пріемную сестру отъ выхода замужъ за человѣка прекраснаго и изъ прекрасной семьи, но какъ и онъ самъ, совершенно не годящейся для ея кипучей, артистической

натуры. Братъ силою вырываетъ Лорансъ, чуть не въ самую минуту ея вѣнчанія съ любимымъ человѣкомъ, изъ этой спокойной, стоячей воды, съ тѣмъ, чтобы вновь увлечь ее въ бурное море жизни художнической, гдѣ одно лишь искусство и цѣль, и средство, и награда, и высшее счастье. Разсказу вредитъ нѣкоторая напыщенность тона, но она, пожалуй, естественна въ устахъ „художника", у котораго и рѣчь, и мысли ярки, пластичны, необузданны. Героя зовутъ: *Орельенъ*... де Нансе. Онъ *утѣшается въ потерѣ любимой женщины*; *женится*; *выступаетъ на политическую арену*; *ему предстоитъ быть „пэромъ Франціи или министромъ"* современемъ. Все въ его семьѣ, жизни и въ немъ самомъ корректно, согласно съ правилами морали и хорошаго тона, благородно, чуть-чуть отзываетъ холодкомъ, и... чуть-чуть звучитъ личными авторскими воспоминаніями. Такимъ образомъ, на самыхъ первыхъ шагахъ своей писательской карьеры Жоржъ Сандъ уже затрогиваетъ тему о невыносимости и гибельности добродѣтельно-будничной жизни и обстановки для всякаго таланта и проявляетъ спеціальную симпатію и интересъ къ „артистамъ" въ тѣсномъ смыслѣ слова. Одна изъ героинь *Rose et Blanche*, какъ мы видѣли, тоже актриса, и самый романъ носитъ подзаглавіе: „Актриса и Монахиня".

Въ *Маркизѣ* не героиня, а герой принадлежитъ къ театральному міру, и все содержаніе этой прелестной повѣсти, написанной въ нѣжныхъ, мягкихъ тонахъ, точно пастель Латура, и, какъ мы уже говорили, являющейся результатомъ короткаго и основательнаго знакомства автора съ блестящимъ аристократическимъ обществомъ конца XVIII вѣка, — содержаніе этой очаровательной и грустной вещицы сводится къ разсказу о томъ, какъ нѣкая маркиза, всю свою молодую жизнь проведшая безъ любви, — несмотря на свое многолѣтнее замужество и обязательную въ тотъ вѣкъ, показную свѣтскую связь съ какимъ-то грансеньёромъ, — влюбилась въ актера Леліо. Она полюбила его любовью, непохожей на мимолетныя и легкомысленныя интрижки окружавшихъ ее виконтесъ и графинь, да и самъ Леліо былъ слишкомъ непохожъ на всѣхъ принадлежавшихъ къ ея кругу напудренныхъ, раздушенныхъ, манерныхъ, холодновато-развращенныхъ, внѣшне-изящныхъ и бездушныхъ „кавалеровъ" и аббатовъ. Леліо былъ весь огонь, страсть, душа, онъ не только „игралъ" великодушныхъ, пылкихъ, глубоко-чувствующихъ героевъ Корнеля и Расина, но и самъ былъ такимъ отъ природы. Онъ былъ гораздо менѣе актеромъ на сценѣ, чѣмъ свѣтскіе фаты, окружавшіе маркизу, въ

жизни. Мало того, онъ былъ такъ простъ, такъ естественъ, его игра была такъ полна страсти и поэзіи, что приводила въ негодованіе тогдашнихъ любителей драматическаго искусства, требовавшихъ отъ актеровъ болѣе искусственной и манерной игры. Но маркиза, томившаяся среди свѣтскаго общества потому главнымъ образомъ, что не находила въ немъ никого и ничего, способнаго затронуть ея сердце и чувство, полюбила Леліо именно за его душу, которую она разгадала, внимательно слѣдя за его игрой, почуяла тотъ божественный огонь, который освѣщалъ его некрасивое лицо и все хилое существо. Маркиза готова была ради Леліо, забыть о своей репутаціи „непогрѣшимой“, дѣлавшей ее почти смѣшною среди ея фривольныхъ подругъ. Но, увидѣвъ Леліо внѣ сцены, она глубоко разочаровалась, ибо внѣ сцены это былъ некрасивый, невзрачный человѣчекъ, съ грубыми манерами и рѣзкими движеніями. Ея любовь стала еще болѣе отдаленною отъ ея дѣйствительной жизни грезой, въ которую она спасалась отъ угнетавшей ее тоски. Тѣмъ не менѣе она согласилась явиться на свиданіе, о которомъ умолялъ ее Леліо, тоже издали полюбившій ее и съумѣвшій издали же, со сцены, разгадать ея натуру по выраженію ея внимательнаго лица. Къ удивленію маркизы, Леліо является на свиданіе въ томъ облагороженномъ и украшенномъ видѣ, въ какомъ она видѣла его на сценѣ; разговоръ его тоже доказываетъ ей, что постоянное общеніе съ классиками облагородило, возвысило его душу, сдѣлало естественными и привычными для него самыя возвышенныя душевныя движенія. Но маркиза больше всего любитъ въ Леліо тотъ свѣтлый идеалъ, который утѣшалъ ее въ ея безцвѣтной жизни; а Леліо слишкомъ боготворитъ маркизу, чтобы не покоряться всякому ея желанію. Оба слишкомъ понимаютъ, что счастье для нихъ немыслимо, и что если бы они и отняли его у судьбы, то жизнь ихъ среди тогдашняго, строго раздѣленнаго на касты, общества была бы невыносимой, невозможной. Они разстаются на вѣки. Маркиза, какъ нѣкогда бабка Жоржъ Сандъ, „сохраняетъ свои бѣлоснѣжныя перышки“ въ ихъ неприкосновенной чистотѣ, а читателю предоставляется или вмѣстѣ съ Леліо сокрушаться о свѣтскихъ предразсудкахъ, создающихъ искусственныя преграды между двумя близкими, понимающими другъ друга душами, или даже сказать себѣ, что вообще горячія, страстныя, глубокія натуры въ свѣтѣ или на сценѣ всегда осуждены страдать среди „холодныхъ, равнодушныхъ“, ординарныхъ людей, встрѣчать со стороны ихъ лишь непониманіе или даже презрѣніе. Леліо всѣ считаютъ дикимъ, невоспитаннымъ человѣкомъ

и плохимъ актеромъ, потому только, что онъ отдаетъ всю свою душу въ свое искусство. Маркизу всѣ считаютъ — и она сама считаетъ — ограниченною, глупою женщиной, хотя она въ сто разъ выше окружающихъ ее куколъ.

Обратимъ вниманіе читателя на тотъ фактъ, что въ одномъ изъ иллюстрированныхъ изданій сочиненій Жоржъ Сандъ надъ заголовкомъ *Маркизы* помѣщенъ въ медальонѣ якобы портретъ маркизы, о которомъ авторъ говоритъ во вступленіи. Она изображена ввидѣ Діаны-охотницы (какъ ихъ писали въ прошломъ столѣтіи и такъ, какъ на подлинномъ портретѣ, принадлежащемъ теперь внучкѣ Жоржъ Сандъ, M-me Аврорѣ Лотъ, и написанномъ Латуромъ, изображена бабка Жоржъ Сандъ, сама Марія-Аврора Саксонская): въ сильно декольтированномъ корсажѣ временъ Людовика XV изъ „тигроваго атласа“, съ лукомъ въ рукахъ и полумѣсяцемъ въ напудренныхъ волосахъ. Отмѣтимъ также, что если пріятельница „маркизы“ носитъ имя M-me de Ferrières, которое принадлежало одной изъ дѣйствительныхъ подругъ госпожи Дюпенъ де-Франкейль, а сама маркиза, „очень красивая и очень неумная“ (или *считаемая* всѣми за неумную) какъ будто напоминаетъ госпожу де Пардальянъ [1]), то въ то же время кое-что въ этой маркизѣ списано Авророй Дюдеванъ съ оригинала гораздо болѣе ей близкаго. Вспомнимъ, что она постоянно и на разные лады, повторяетъ въ *Histoire*, будто она въ дѣтствѣ очень часто казалась „простоватой“, „глупой“, имѣла „тупое выраженіе лица“, что по ея собственнымъ словамъ и по словамъ цѣлого ряда людей, видавшихъ ее въ разные періоды ея жизни [2]) и въ позднѣйшіе годы, ея лицо при напряженной мысли или глубокой задумчивости „принимало выраженіе тупой неподвижности“ и такимъ образомъ это выраженіе лица способно было ввести въ заблужденіе многихъ, какъ неумный видъ бѣдной „маркизы“ заставлялъ и ее самое и ея подругъ презрительно отзываться объ ея умѣ. Слѣдовательно, на ряду съ результатами наблюденій, въ *Маркизѣ* какъ будто имѣются и кое-какія автобіографическія черты; авторша, по рожденію и воспитанію принадлежавшая къ тому же кругу, что и „маркиза“, и такъ же какъ и она, нашедшая счастье въ средѣ

[1]) „Исторія моей жизни“, т. II, стр. 318—320.

[2]) Объ этомъ въ почти одинаковыхъ выраженіяхъ говорятъ: Гейне, Гутцковъ, Ленцъ, Максимъ Дюканъ, Гренье, Гонкуръ и многіе изъ живыхъ еще по нынѣ современниковъ Жоржъ Сандъ, лично повторявшихъ намъ о „неподвижномъ“ и „точно невидящемъ ничего взглядѣ ея темныхъ, безъ блеску и выраженія, бархатныхъ глазъ“.

художественной, „богемской“, не забыла даже заставить свою „маркизу“ *переодѣться въ мужской костюмъ*, когда та отправляется въ театръ, въ „мѣста за креслами“, откуда она могла наслаждаться игрой Леліо, не заботясь о томъ, какъ бы ея лицо не выдало ея любви и волненія.

Къ этимъ же первымъ произведеніямъ Жоржъ Сандъ мы должны отнести и *Полину*, (хотя романъ этотъ и вышелъ въ свѣтъ лишь въ концѣ 1839 и началѣ 1840 г.), ибо задуманъ и наполовину написанъ онъ былъ въ началѣ 1832 года.

„Я начала этотъ романъ въ 1832 году въ Парижѣ, въ мансардѣ, гдѣ мнѣ было очень хорошо“,—пишетъ Жоржъ Сандъ въ „Предисловіи“ къ изданію 1852 г.—„Рукопись затерялась, я думала, что я нечаянно бросила ее въ огонь, и такъ какъ черезъ три дня я уже забыла о томъ, что хотѣла написать... то я и не подумала вновь взяться за нее. Около десяти лѣтъ спустя, открывъ въ деревнѣ одну книгу *in-quarto*, я нашла въ ней половину рукописи, озаглавленной *Полина*. Я едва узнала свой почеркъ, настолько онъ былъ лучше теперешняго. Развѣ вамъ не приходилось часто вновь обрѣсти всю непосредственность вашей юности и всѣ прошлыя воспоминанія въ твердости какой-нибудь прописной буквы или небрежности знаковъ препинанія? А орѳографическія ошибки, которыя всѣ дѣлаютъ и отъ которыхъ исправляются поздно, если только вообще исправляются,— развѣ онѣ не появляются вновь предъ вашими глазами, какъ дружескія лица? Перечитывая эту рукопись, я тотчасъ вспомнила первоначальный планъ и дописала остальное совершенно увѣренно“... (*sans incertitude*)...

И что же мы видимъ въ этомъ романѣ?—Опять-таки актрису, Лорансъ, являющуюся по своему великодушію, широкимъ взглядамъ, отзывчивости и по дѣтской непосредственности своей открытой, увлекающейся натуры — прямой противоположностью буржуазно-добродѣтельной, набожной, но сухой, мелочной, неспособной ни на какой порывъ, ни на какое непосредственное движеніе души, далекой отъ порока, но далекой и отъ глубокихъ человѣческихъ чувствъ,—провинціалкѣ Полинѣ. Талантливая, знаменитая артистка Лорансъ, по дорогѣ въ Ліонъ, случайно попадаетъ въ маленькій городокъ Сенъ-Фронъ, гдѣ провела свою полную трудовъ и лишеній юность. Здѣсь оставила она и своего лучшаго друга и воспитанницу, Полину, которую учила въ пансіонѣ, когда съ 15 лѣтъ давала уроки, не помышляя еще о сценѣ. Когда она сдѣлала этотъ смѣлый шагъ—поступила на сцену и порвала съ буржуазными добродѣтелями, — Полина, какъ и прочіе сограждане и согражданки, повидимому отступилась отъ нея, по крайней мѣрѣ прекратила съ ней переписку (sic!). Но Лорансъ слишкомъ хорошо понимаетъ, что въ

средѣ Полины иного нельзя было бы и ожидать, и, несмотря на десятилѣтнюю разлуку, не сомнѣвается, что Полина любитъ и помнитъ ее, Лорансъ — (читатель вѣроятно легко отмѣтитъ эту автобіографическую черту). Узнавъ, что Полина все еще живетъ здѣсь и не замужемъ, Лорансъ немедленно отлагаетъ свое дальнѣйшее путешествіе и отправляется къ Полинѣ. Едва она переступаетъ порогъ дома Полины, какъ ее охватываетъ впечатлѣніе необычайной тишины, отдаленности отъ всѣхъ мірскихъ треволненій, страстей и помышленій; вся атмосфера, вся обстановка провинціальнаго дома—безцвѣтная и скучная—кажется ей насыщенной строгими и скромными добродѣтелями, а сама Полина, то склоненная надъ вѣчными пяльцами, то ухаживающая за своею раздражительной, ослѣпшей и, какъ всѣ больные, эгоистической, матерью — является въ ея легковоспламеняемомъ артистическомъ воображеніи олицетвореніемъ ангельскаго смиренія, христіанскаго милосердія и терпѣнія и спокойнаго, сознательнаго самопожертвованія.—И Лорансъ преисполняется къ Полинѣ чувствомъ удивленія и уваженія, почти поклоненія. Ей кажется, что она сама неспособна была бы на такую высокую роль. Полина принимаетъ своего бывшаго друга съ распростертыми объятіями и говоритъ, что лишь покорность волѣ матери, не допускавшей даже и мысли о продолженіи дружбы между дочерью и актрисой,—по ея мнѣнію потерянной женщиной — заставили Полину отказаться отъ переписки съ Лорансъ. Слѣпая сначала принимаетъ Лорансъ нелюбезно, называетъ ее *malheureuse* (т.-е., согласно французскому значенію этого слова,—и несчастной, и преступной), потомъ однако смягчается, побѣжденная умѣньемъ Лорансъ всякаго обворожить, а въ концѣ концовъ, въ пику своимъ согражданамъ, какъ бы принимаетъ актрису подъ свое покровительство и демонстративно подчеркиваетъ свою любезность къ ней.

Тѣмъ временемъ вѣсть о пріѣздѣ какой-то прекрасной незнакомки уже облетѣла Сенъ-Фронъ и взбаламутила маленькое провинціальное стоячее болотце, не хуже знаменитаго „сообщенія почтмейстера города N“. Слухи, сплетни, розсказни такъ и заходили по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ, бичуемые любопытствомъ, жители городка не выдержали и, подъ столь же благовидными предлогами, какъ блаженной памяти Добчинскіе и Ляпкины-Тяпкины, стали появляться въ домѣ матери Полины. Сцена появленія чуть ли не всего города въ сумрачной, вѣчно-молчаливой и всѣми забытой гостиной старухи Д.; борьба мелкихъ самолюбій и мелкихъ тщеславій съ любопытствомъ; сплетни,

мелкія шпильки и крупныя злословія; вся пошлость провинціальной глуши, вдругъ взбудораженной пріѣздомъ если не „ревизора“, то знаменитости, — обрисована мастерски, короткими, сильными, рѣзкими штрихами и въ то же время полна какого-то добродушнаго юмора. Отъ этой сцены не отказался бы и самъ авторъ „Ревизора“. По положенію она положительно напоминаетъ пресловутую сцену въ „гостинницѣ города N“. Всѣ эти господа мэры и госпожи префектши до того полны почти паническаго страха передъ „ужасной женщиной“ и въ то же время такъ желали бы *первыми* что-либо узнать или услышать отъ нея; такъ боятся сознаться въ этомъ любопытствѣ и такъ желали бы уличить въ немъ другихъ; до того наконецъ боятся даже заговорить съ Лорансъ, а впослѣдствіи, наоборотъ, такъ хотятъ всѣхъ увѣрить, что они-то *первые* заговорили, они-то первые „стали выше предразсудковъ“, что невольно придешь къ заключенію, что тихая M-me Aurore Dudevant, варившая варенье, кроившая жилеты, или игравшая въ четыре руки кадрили съ Дютейлемъ и Периньи, навѣрное не мало успѣла накопить хорошенькихъ наблюденій надъ провинціальной пошлостью, а также несомнѣнно на своихъ собственныхъ плечахъ вынесла не мало „удовольствій“ отъ этой самой пошлости, когда изъ безобидной и незначительной жены пригороднаго помѣщика вдругъ вздумала стать своего рода „ужасной женщиной“, художницей. Думается даже, что она сама пережила подобное возвращеніе на родину уже не безличной женой безличнаго господина, а знаменитостью, возвращеніе, возмутившее все Ла-Шатрское стоячее озеро. А если и не пережила лично, то легко могла, зная мѣстныя условія, вообразить и изобразить съ такою поразительною правдивостью. Что-то автобіографическое слышится въ самыхъ первыхъ страницахъ уже, а особенно въ слѣдующихъ строкахъ:

...„Это было что-то ужасное, этотъ бѣдный городишко; однако я въ немъ провела года юности и силы! Я была совсѣмъ другая тогда... Я была бѣдна средствами, но богата энергіей и надеждой. Я очень страдала; моя жизнь сгорала въ тѣни и бездѣйствіи; но кто возвратитъ мнѣ эти страданія души, волнуемой собственной мощью? О, юность сердца! что съ тобой сталось?!...“

Возвратимся однако къ разсказу. Покоривъ и очаровавъ сенъ-фронтцевъ если и такъ же успѣшно, какъ милый Иванъ Александровичъ, то во всякомъ случаѣ безъ всякой предвзятой цѣли, а просто въ силу своего живого характера, обаянія, окружающаго артистку, прелести и граціи всего своего суще-

ства,—Лорансъ вновь покидаетъ Сенъ-Фронъ. Но покидаетъ она домъ Полины съ совсѣмъ иными мыслями, чѣмъ тѣ, съ которыми она за два дня вступила въ него. Она думала, поэтизируя, какъ художникъ, свои первыя впечатлѣнія, что попала въ пріютъ истинной добродѣтели, что Полина идеалъ истиннаго самоотверженія, добровольнаго и сознательнаго принесенія себя въ жертву любви къ матери, а оказывается, что она свой долгъ исполняетъ почти исключительно изъ гордости, изъ желанія возвыситься въ собственныхъ глазахъ, что ея постоянное самопожертвованіе и забота о матери есть своего рода „добродѣтельный плащъ“, въ который она драпируется отчасти передъ свѣтомъ, а болѣе того передъ самою собою, что за ея заботами часто оказывается почти озлобленіе противъ матери, озлобленіе за свою молодую жизнь, прикованную къ умирающему, почти умершему существу. А со стороны г-жи Д. Лорансъ замѣчаетъ вмѣсто умиленной добродѣтели—страхъ передъ дочерью, боязнь какъ-нибудь вдругъ лишиться ея помощи и поддержки, и въ свою очередь озлобленіе за этотъ страхъ и за безпомощность свою. Отъ этого въ минуты, когда она нуждается въ помощи Полины, она часто поступается своими убѣжденіями и принципами, лишь бы угодить дочери (въ одну изъ такихъ минутъ она и согласилась принять Лорансъ), въ тѣ же минуты, когда ей ничего болѣе не надо, всѣ ея желанія удовлетворены, — она мститъ дочери шпильками, капризами, злыми и ѣдкими словами. Однимъ словомъ, рай, который воображала себѣ Лорансъ, очень смахиваетъ если и не на адъ, то на каторгу, гдѣ два несчастные неразрывною цѣпью прикованы одинъ къ другому, такъ что всякій шагъ, всякое движеніе одного причиняетъ боль или неудобство другому.

Но не одна Лорансъ разочарована, Полина тоже обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, она надѣялась играть относительно Лорансъ великодушную роль, покровительствовать ей, проявить свое всепрощеніе и снисходительность, самоотверженную любовь къ „падшей“. А оказывается, что Лорансъ вовсе не „падшая“ и не „погибшая“, и не только не нуждается въ ничьемъ покровительствѣ и поддержкѣ, но, наоборотъ, живетъ полною, счастливою жизнью, вѣчно вращается въ большомъ и блестящемъ обществѣ, окружена уваженіемъ, дружбою, поклоненіемъ, роскошью, привыкла ко всѣмъ тѣмъ мелкимъ удобствамъ и большой свободѣ, въ которыхъ Полина вѣчно должна отказывать себѣ. И въ душѣ Полины, вмѣсто всепрощенія, поселяется мучительная зависть. Въ душѣ Лорансъ — глубокое сожалѣніе къ Полинѣ. Онѣ разстаются, и между ними завязывается вновь

переписка, которая и въ той и въ другой сторонѣ усиливаетъ эти противоположныя чувства. Когда мать Полины умираетъ, великодушная Лорансъ, посовѣтовавшись со своей доброй и чуткой старушкой-матерью (которой въ эпоху окончанія романа, въ 1840 г., Жоржъ Сандъ придала отчасти черты старушки Гарсія, какъ и вообще отчасти изобразила эту дружную артистическую семью—въ семьѣ Лорансъ), послѣдняя беретъ Полину къ себѣ въ Парижъ... Такимъ образомъ первая половина романа является лишь какъ бы завязкой, а во второй и происходитъ развитіе всѣхъ данныхъ. Лорансъ, безпечная, великодушная, искренняя, увлекающаяся, занятая и искусствомъ, и обширными знакомствами и обученіемъ своихъ двухъ сестеръ-подростковъ, относится къ Полинѣ съ полнымъ довѣріемъ, старается сдѣлать ея жизнь пріятной—и все это совершенно чистосердечно. Она всѣмъ дѣлаетъ добро, вовсе о томъ не заботясь, просто въ силу своей щедрой и благоволящей натуры, для которой всѣ лишенія прежнихъ лѣтъ послужили лишь средствомъ къ пониманію всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“. Полина дѣйствуетъ вполнѣ сознательно и съ боязливою щекотливостью себялюбивыхъ натуръ. Она до того боится чувствовать себя слишкомъ обязанной Лорансъ и ея семейству, что поспѣшно принимаетъ на себя веденіе почти всего хозяйства, массу всякаго домашняго дѣла, лишь бы даже передъ самой собой не считать себя благодарной и чѣмъ-либо обязанной Лорансъ, лишь бы и здѣсь возвысить свою роль въ своихъ и чужихъ глазахъ. Я-де полезна, я не позволяю себя даромъ благодѣтельствовать, я за все, такъ сказать, отплачиваю сторицею. Мелочно-самолюбивая, она завидуетъ успѣху, поклонникамъ, всему строю жизни Лорансъ, тяготится той ролью добровольной наперсницы, помощницы и хозяйки, которую сама на себя взяла, и вскорѣ озлобляется противъ ничѣмъ неповинной Лорансъ, какъ прежде питала затаенную злобу къ матери. Она и тутъ таитъ все это про себя, но горечь и злоба ея растутъ. А тутъ подвертывается нѣкій Монжене, богатый диллетантъ, бездушный и тщеславный; онъ по своему мелкому, ничего-непрощающему самолюбію очень похожъ на Полину. Онъ когда-то пытался ухаживать за Лорансъ, но потерпѣлъ неудачу: разсказы о ея неприступносли оказались непреувеличенными. Очевидно мелкая натуришка не можетъ простить своей неудачи и, затаивъ подъ личиной почтительной дружбы жажду мести, Монжене надѣется рано или поздно достичь своей цѣли. Увидѣвъ теперь Полину и по нѣкоторымъ признакамъ, съ опытностью свѣтскаго кутилы, догадавшись, ка-

кая это самолюбивая и себялюбивая натура,—Монжене мигомъ рѣшается прибѣгнуть къ классическому средству—ревности; чтобы пробудить любовь Лорансъ, избираетъ своимъ орудіемъ Полину и начинаетъ ухаживать за ней. Лорансъ, со свойственной ей чуткостью, чуетъ ложь и старается предупредить Полину о грозящей ей опасности и о томъ, чтобъ она не очень-то принимала всѣ слова Монжене за чистую монету. Разумѣется, мелочная, неспособная на безкорыстное чувство, Полина неспособна и въ другихъ видѣть безкорыстныхъ побужденій. Всѣ искреннія слова Лорансъ она принимаетъ за хитрость кокетки, боящейся потерять хотя бы одного изъ своихъ поклонниковъ, и отвѣчаетъ на нихъ новымъ озлобленіемъ, недовѣріемъ, ненавистью. Мало того, она обо всемъ передаетъ Монжене. Тогда и Монжене окончательно возгорается еще большей враждой противъ Лорансъ. А когда послѣ нѣсколькихъ новыхъ шахматныхъ ходовъ и хитростей, направленныхъ съ цѣлью добиться любви Лорансъ, онъ опять терпитъ неудачу, то изъ той же злобы и мести обольщаетъ Полину, успѣвъ предварительно окончательно поссорить ее съ Лорансъ и поселить гдѣ-то на чердакѣ, гдѣ она еле перебивается, занимаясь шитьемъ. Впослѣдствіи Монжене, единственная двигательная пружина котораго—самолюбіе и *желаніе казаться чѣмъ-то*,—женится на Полинѣ, дабы удивить свѣтъ своимъ благородствомъ. Разумѣется онъ вымещаетъ на Полинѣ-же свой неуспѣхъ и неудачу въ свѣтѣ, и жизнь ея, завидная по внѣшности, хуже всякой каторги. Но Полина утѣшается завистью другихъ женщинъ и мыслью, что она восторжествовала-таки надъ своей мнимой соперницей—Лорансъ, къ которой она заднимъ числомъ не перестаетъ ревновать своего супруга. Утѣшеніе достойное этой мелкой, ничтожной натуры! Кончается романъ словами:

„Многія добродѣтели происходятъ отъ отрицательныхъ качествъ. Не слѣдуетъ цѣнить ихъ отъ этого менѣе. Роза не создала самое себя, но ароматъ ея не менѣе нѣженъ отъ того, что онъ исходитъ отъ нея безсознательно для нея; но не надо слишкомъ удивляться, если роза завядаетъ по прошествіи дня, если великія семейныя добродѣтели скоро искажаются на аренѣ, для которой онѣ не были предназначены“...

А въ маленькомъ предисловіи, часть котораго мы уже приводили, Жоржъ Сандъ говоритъ, что:

„нравоученіе сей басни, если нужно отыскать его, то̀, что чрезвычайная нужда и чрезвычайныя страданія—ужасная среда для молодости и красоты. Немного поэзіи, немножко побольше вкуса ничуть не помѣшали бы, даже въ глуши провинціи, суровымъ добродѣтелямъ будничности; но не слѣдуетъ, чтобы эта будничность доходила

до безнадежности; такое положеніе не можетъ считаться ни для мужчины, ни для женщины, ни для молодости, ни для старости, ни для зрѣлаго возраста—нормальной стадіей предопредѣленной судьбы...

А по нашему мнѣнію, заключительныя, приведенныя нами слова романа гораздо вѣрнѣе, хотя и туманно, выражаютъ основную мысль романа. Именно: не полагайтесь слишкомъ на эти пассивныя добродѣтели, которыя часто и добродѣтельны только потому, что въ нихъ нѣтъ силы для чего либо активнаго. Добродѣтель, самопожертвованіе, смиреніе и проч. — только тогда надежны и хороши, и на нихъ можно положиться, когда они съ одной стороны чисто-инстинктивны и происходятъ отъ чистой, прекрасной души, а съ другой—сознательны и продуманны гуманнымъ и яснымъ умомъ. Тамъ, гдѣ ихъ первоисточникомъ является желаніе *казаться* высокимъ, добрымъ, чистымъ, гдѣ христіанская добродѣтель и самопожертвованіе не проникнуты истинной любовью,—эта добродѣтель холодна, ведетъ часто лишь къ черствости, зависти, озлобленію, гордости, себялюбію, ко всему, чему хотите, но не къ христіанскому чувству и дѣлу. И отъ такой добродѣтели можно при случаѣ ждать чего угодно дряннаго, злого, даже преступнаго; поставьте лишь ее въ такія условія, чтобъ отъ нея не требовалось „смиренія, терпѣнія и любви“, а обратныхъ качествъ,—и она пойдетъ на что угодно. Или еще можно сказать: натуры не художественныя никогда не могутъ быть *великими душами*, онѣ слишкомъ черствы въ своей прописной морали, слишкомъ замкнуты въ своей мелкой, себялюбивой индивидуальности.

Въ романѣ масса превосходныхъ страницъ и отдѣльныхъ замѣчаній — въ первой части особенно, а начало романа заставляетъ насъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ маленькой статьѣ неизвѣстнаго автора, вошедшей въ „*Nouvelle Biographie Générale*“ Firmin Didot: „Ея *вступленія* (entrées en matière) очаровательны и достойны прекрасныхъ вступленій Вальтеръ Скотта“... Ни къ одному изъ романовъ Ж. Сандъ это замѣчаніе такъ не подходитъ, какъ къ началу *Pauline*. И дѣйствительно, это вступленіе мало того, что превосходно написано, но даже мы въ немъ встрѣчаемъ и всѣ элементы вальтеръ-скоттовскихъ вступленій: неизбѣжную гостинницу, пріѣздъ путешественницы, и почтальона, и хозяина, и смѣну лошадей,—все, что мы такъ любимъ въ разсказахъ „стараго ключаря изъ Гандерклейга“.

Такимъ образомъ въ пяти изъ своихъ первыхъ произведеній Жоржъ Сандъ изобразила конфликтъ между талантомъ и бур-

жуазной средой, борьбу душъ, отмѣченныхъ печатью генія, — противъ угнетенія будничной жизни или сословныхъ предразсудковъ и провозгласила ихъ право на бо̀льшую свободу, чѣмъ та, которой пользуются обыденныя личности. Поэтому *Примадонна*, *Роза и Бланшъ*, *Дѣвушка изъ Альбано*, *Маркиза*, *Полина* какъ бы намѣчаютъ *Leitmotiv*, который впослѣдствіи такъ артистически разработала Жоржъ Сандъ въ „Послѣдней Альдини“, „Карлѣ“, „Теверино“, „Консюэло“, „Лукреціи Флоріани“, „Château des Désertes“, „Constance Verrier“ и въ сказкѣ „Château de Pictordu“.

Въ *Мельхіорѣ*, *Тостѣ*, *Индіанѣ* и *Валентинѣ* на сцену выступаютъ проблемы не артистической психологіи, а трагическіе вопросы повседневной женской жизни. Неужели, если замужняя женщина несчастна, непонята и чахнетъ въ неподходящемъ ей бракѣ, неужели ей нѣтъ исхода?—какъ бы спрашиваетъ авторъ. Неужели душа ея должна приноситься въ жертву прописной морали, провозглашающей ненарушимость брака и „покорность“ жены мужу? Неужели лучше лгать и продолжать совмѣстную жизнь съ нелюбимымъ, недостойнымъ человѣкомъ, чѣмъ честно и свободно соединить свое существованіе съ тѣмъ, кого любишь?— Теперь эти вопросы и отвѣты на нихъ, — старыя истины и о нихъ смѣшно толковать. Мало того, съ тѣхъ поръ развелось слишкомъ много „непонятыхъ женъ“ и слишкомъ часто злоупотребляютъ и въ литературѣ и въ жизни этой *законностью свободы* чувства и прикрываютъ ею самыя мелкія и низменныя страсти и прихоти. Ломать копья за законность требованій бѣдной Индіаны, къ тому же не нашедшей счастья и обманувшейся въ избранникѣ своего сердца и такимъ образомъ какъ бы нашедшей въ своемъ „преступленіи“ противъ общественной морали и „наказаніе“,—теперь ломать эти копья было бы, повторямъ, смѣшно. Но можетъ быть именно потому эти вопросы и рѣшены, и перерѣшены и сданы въ архивъ, что *была* Жоржъ Сандъ и что она своевременно подняла ихъ и одна изъ первыхъ повела борьбу противъ приниженнаго и угнетеннаго положенія женщинъ въ бракѣ. И *Индіана*, какъ первая попытка такого возмущенія,— какъ бы это ни отрицала сама Жоржъ Сандъ въ своихъ „Предисловіяхъ“,—уже тѣмъ самымъ заслуживаетъ вниманія читателя нашего времени. Но романъ этотъ написанъ съ такою силою страсти, съ такимъ художественнымъ огнемъ и такимъ превосходнымъ языкомъ, что является и съ чисто-литературной стороны замѣчательнымъ явленіемъ и по сей день.

Много разъ говорилось, что въ глубоко-несчастной, мечта-

тельной и страстной креолкѣ Индіанѣ, чахнущей подлѣ своего суроваго, прозаическаго мужа, полковника Дельмара, и сгорающей отъ любви къ Раймону де Рамьеру, бездушно-корректному, элегантному, незнающему ничего превыше законовъ и мнѣній „свѣта“, господину, который сначала увлекается и увлекаетъ Индіану, а потомъ бросаетъ ее ради выгодной женитьбы и парламентской карьеры (какъ Орельенъ де Нансе въ „*Дѣвушкѣ изъ Альбано*“),—что въ этой *Индіанѣ* Жоржъ Сандъ будто бы изобразила собственную свою печальную замужнюю жизнь, неудачный романъ съ де-Сезомъ и то утѣшеніе, которое она нашла въ дружбѣ. Кстати, одинъ изъ ближайшихъ друзей Авроры Дюдеванъ и близкій сосѣдъ Ногана, Жюль Неро (Jules Néraud) далъ молодому автору цѣлыя тетради съ описаніемъ о-вовъ Мадагаскара и Бурбона, куда онъ самъ отправлялся столько же изъ любви къ ботаникѣ, сколько и изъ-за несчастной любви къ своей ногаиской ученицѣ [1]), ибо, смѣнивъ Стефана де Грансень въ руководствѣ занятіями Авроры естественной исторіей, Жюль Неро, какъ и первый ея менторъ, подпалъ „очарованію большихъ черныхъ глазъ“, вслѣдствіе чего произошли бурныя сцены ревности между нимъ и его женой. Жоржъ Сандъ воспользовалась описаніями роскошной природы острововъ Индѣйскаго океана, набросанными рукою *Мальгаша* [2]), какъ она называла Неро послѣ его мадагаскарскаго путешествія, и заставила свою героиню переселиться туда сначала съ мужемъ, а потомъ, когда

[1]) Въ неизданныхъ письмахъ Авроры Дюдеванъ къ мужу отъ 10, 13 и 15 декабря 1827 г. изъ Парижа, видно, что она нисколько не заблуждалась насчетъ истинной причины отъѣзда Неро и столько же съ сожалѣніемъ, какъ съ добродушнымъ юморомъ говоритъ о „сценахъ ревности“, которыми преслѣдуетъ его жена. То же самое видно и изъ неизданнаго письма къ самому Неро отъ 10 сентября 1834 г., и наконецъ разсказывается „à mots couverts“ Эверару (Мишелю) въ VI „Письмѣ Путешественника“.

[2]) Втеченіе всей жизни Жоржъ Сандъ дружба ея съ Неро не поколебалась. Всякое ея личное горе вызывало новый приливъ ея, выражаясь въ искреннихъ и довѣрчивыхъ письмахъ и бесѣдахъ съ нимъ, и эту дружбу они сохранили и пронесли невредимой черезъ всѣ перемѣны и катастрофы своей жизни. Неро посвящены въ *Письмахъ Путешественника* №№ IV (частью адресованное и Роллина) и IX, о немъ говорится въ уже упомянутомъ № VI и въ *Исторіи моей жизни*. Къ нему же обращены „*Отчетъ о посѣщеніи дикихъ въ Парижѣ*“, „*Размышленія о Жанъ-Жакѣ Руссо*“, о немъ Жоржъ Сандъ вспоминаетъ и въ другой статейкѣ о Руссо, названной „*Les Charmettes*“; наконецъ она помѣстила въ 1845 г. въ Eclaireur de l'Indre отчетъ о книгѣ „Ботаника для дѣтей“ (Botanique de l'enfance), изданной Жюлемъ Неро въ Швейцаріи. Всѣ эти статейки вошли въ Полн. Собр. Соч. изд. Леви въ томы: „Uscoque“, „Laura“, „Simon“ и „Souvenirs de 1848“.

вся жизнь ея рушится, туда же отправиться вдвоемъ съ своимъ другомъ и кузеномъ, сэромъ Ральфомъ Брауномъ.

Мы уже высказали въ первой главѣ этого труда свое опредѣленное мнѣніе относительно того, что невозможно въ герояхъ, и особенно въ событіяхъ романовъ, искать событій изъ жизни автора. Но мы также указали на то, что во всякомъ даже самомъ объективномъ произведеніи всегда можно найти субъективныя и пережитыя страницы. Слѣдующіе отрывки изъ *Индіаны* несомнѣнно произведутъ на всякаго читателя впечатлѣніе чего-то очень знакомаго и вызовутъ невольное воспоминаніе о судьбѣ самого автора. Вотъ, во-первыхъ, характеристика полковника Дельмара:

...„Знаете вы, кого называютъ въ провинціи *порядочнымъ человѣкомъ* (un honnête homme)? Того, кто не захватываетъ поля своего сосѣда, не требуетъ со своихъ должниковъ ни копѣйки болѣе того, что они ему должны, снимаетъ шляпу предъ всякимъ, кто ему кланяется, кто не насилуетъ дѣвушекъ на большой дорогѣ, не поджигаетъ ничьего амбара, не грабитъ прохожихъ въ участкѣ своего парка. Лишь бы онъ свято уважалъ жизнь и кошелекъ своихъ согражданъ, и отъ него ни въ чемъ болѣе отчета не требуется. Онъ можетъ бить свою жену, худо обращаться съ прислугой (maltraiter),разорять своихъ дѣтей (sic!)—это ни до кого не касается. Общество осуждаетъ лишь дѣйствія, которыя ему самому вредны; частная жизнь не его дѣло. Такова была нравственность г. Дельмара. Онъ никогда не изучалъ другого Общественнаго Договора кромѣ слѣдующаго: „Всякій у себя хозяинъ“ (chacun chez soi). Онъ считалъ всѣ деликатныя сердечныя побужденія за женскія ребячества и сантиментальныя тонкости. Человѣкъ неумный, нечуткій и невоспитанный, онъ пользовался болѣе прочнымъ почетомъ, чѣмъ тотъ, кто его заслужилъ бы талантами и добротой. У него были широкія плечи, сильныя руки, онъ отлично владѣлъ саблей и шпагой, но притомъ отличался обидчивостью и подозрительностью (susceptibilité ombrageuse). Такъ какъ онъ не понималъ шутки, то вѣчно заботился о томъ, какъ бы надъ нимъ не посмѣялись. Не будучи въ состояніи отвѣтить на шутку, какъ слѣдовало бы, онъ обладалъ лишь однимъ способомъ защиты: угрозами заставлять молчать. Его остроумныя выходки сводились къ тому, чтобы кого-нибудь побить палкой или „защитить свою честь“,—благодаря чему провинціалы всегда сопровождали его имя прилагательнымъ „молодецъ“ (brave)... Простодушный до ребячества въ иныхъ мелочныхъ вопросахъ чести, онъ умѣлъ вести свои дѣла къ лучшему, не заботясь о томъ, худо ли, хорошо ли отъ этого другимъ. Вся его совѣсть заключалась въ законѣ, вся нравственность—въ своемъ правѣ.

Это была одна изъ тѣхъ черствыхъ и жесткихъ личностей, которыя ни у кого не занимаютъ, изъ страха не отдать, и не даютъ взаймы, изъ страха не получить обратно денегъ. Это былъ честный человѣкъ, который ничего не даетъ и не беретъ, который лучше

умретъ, чѣмъ возьметъ полѣно въ королевскомъ лѣсу, но зато безъ раздумья убьетъ васъ, если вы подберете сучекъ въ его собственномъ лѣсу. Полезный лишь самому себѣ, онъ никому не приносилъ вреда, онъ ни во что вокругъ себя не вмѣшивался, изъ боязни быть принужденнымъ оказать кому-нибудь услугу. Но когда, по его мнѣнію, честь его требовала оказать ее, никто не дѣлалъ этого съ большимъ рвеніемъ и болѣе рыцарской прямотой. Довѣрчивый, какъ ребенокъ, и подозрительный, какъ деспотъ, онъ вѣрилъ лживой клятвѣ и не довѣрялъ искреннему обѣщанію. Все, какъ въ военномъ быту, сводилось для него къ формѣ. Общественное мнѣніе до такой степени владѣло имъ, что разумъ и практическій смыслъ уже не играли никакой роли въ его рѣшеніяхъ: „*Такъ дѣлается*“—когда онъ это говорилъ, то полагалъ, что произноситъ безапелляціонный доводъ.

„Итакъ, это была натура наиболѣе неподходящая его женѣ, сердце наименѣе способное ее понять, умъ наименѣе могущій оцѣнить ее. И тѣмъ не менѣе безспорно, что рабство вызвало въ этомъ женскомъ сердцѣ что то въ родѣ молчаливаго и исполненнаго достоинствомъ отвращенія, которое не всегда было справедливо. M-me Дельмаръ слишкомъ отрицала сердце въ своемъ мужѣ; онъ былъ только жёстокъ, а она считала его жестокимъ. Въ его бѣшеныхъ выходкахъ было болѣе рѣзкости, чѣмъ гнѣва, въ манерахъ—болѣе грубости, чѣмъ нахальства. Отъ природы онъ не былъ золъ; у него бывали минуты жалости, которыя доводили его до раскаянія, а въ раскаяніи онъ дѣлался почти чувствительнымъ. Лагерная жизнь пріучила его рѣзкость (brutalité) возводить въ принципъ. Съ менѣе воспитанной и менѣе кроткой женой онъ былъ бы робокъ, какъ прирученный волкъ, но эта женщина чувствовала отвращеніе къ своей судьбѣ, и она не давала себѣ труда постараться исправить ее“...

Вотъ какъ Жоржъ Сандъ рисуетъ далѣе это пассивное сопротивленіе Индіаны:

...„Еслибъ она возвысила голосъ, еслибъ она пожаловалась съ чувствомъ, но и энергично, Дельмаръ, который не былъ грубымъ, постыдился бы, что его считаютъ злымъ. Ничего не было легче, какъ смягчить его сердце и покорить его характеръ, если только захотѣть спуститься до его уровня и войти въ сферу мыслей, которыя были ему по плечу. Но Индіана была высокомѣрна и суха (raide) въ своей покорности, она всегда была молчаливо-послушна, но это была молчаливость и послушаніе раба, который ненависть сдѣлалъ своимъ достоинствомъ, а свое несчастіе—заслугой. Ея смиреніе было тѣмъ величіемъ короля, который отреченію отъ престола и лишенію сана предпочитаетъ тюрьму и оковы. Обыкновенная женщина властвовала бы надъ этимъ обыденнымъ человѣкомъ, она бы говорила его словами, а думала бы по-своему; она притворилась бы, что уважаетъ его предразсудки,—и втайнѣ попирала бы ихъ ногами; она его ласкала бы и обманывала бы. Индіана видѣла, что многія женщины такъ поступаютъ, но она чувствовала себя настолько выше ихъ, что стыдилась бы подражать имъ. Чистая и цѣломудренная, она считала, что ей ненужно потакать ему на словахъ, лишь бы она на дѣлѣ уважала его. Ей не нужна была его нѣжность, потому что она не могла

отвѣчать на нее. Она сочла бы себя гораздо болѣе преступной, еслибъ показывала мужу любовь, которой не чувствовала, чѣмъ еслибъ она отдала ее любовнику, котораго любила. Обманывать—вотъ что было преступленіемъ въ ея глазахъ, а двадцать разъ въ день она была готова признаться, что любитъ Раймона; лишь боязнь потерять и погубить его удерживала ее. Ея холодное послушаніе раздражало полковника гораздо болѣе, чѣмъ раздражило бы искусное сопротивленіе. Если его самолюбіе страдало отъ того, что онъ не былъ неограниченнымъ господиномъ въ своемъ домѣ, то онъ еще болѣе страдалъ отъ того, что онъ былъ смѣшнымъ и отвратительнымъ владыкой. Онъ хотѣлъ бы убѣждать, — а лишь повелѣвалъ; царствовать, — а онъ управлялъ. Иногда онъ давалъ какое-нибудь неясное приказаніе, или, не подумавъ, предписывалъ повелѣнія къ собственной невыгодѣ, — M-me Дельмаръ заставляла исполнять все это безъ разсужденій, безпрекословно, съ равнодушіемъ лошади, которая тащитъ соху въ ту или другую сторону. Дельмаръ, видя результатъ своихъ дурно-понятыхъ приказаній, приходилъ въ бѣшенство; но когда она холодно и спокойно доказывала ему, что лишь строго выполнила его приказаніе, то ему приходилось злиться на самого себя. Это было для этого человѣка, мелочно-самолюбиваго и несдержаннаго, жестокимъ страданіемъ и кровавымъ оскорбленіемъ. Онъ тогда убилъ бы ее, еслибъ жилъ въ Каирѣ или Смирнѣ. И тѣмъ не менѣе онъ любилъ въ глубинѣ души эту слабую женщину, которая зависѣла отъ него, но свято хранила тайну его недостатковъ. Онъ ее любилъ или жалѣлъ...

Онъ хотѣлъ бы, чтобъ она любила его, потому что онъ гордился своимъ образованіемъ и считалъ себя выше ея. Онъ бы возросъ въ собственныхъ глазахъ, еслибъ она снизошла до признанія его идей и убѣжденій. Когда онъ входилъ въ ея комнату утромъ, чтобы бранить ее, онъ находилъ ее иногда спящею и не смѣлъ разбудить ее. Онъ молча смотрѣлъ на нее; онъ пугался, видя деликатность ея существа, блѣдность ея щекъ, тотъ видъ меланхолическаго спокойствія и покорнаго горя, который выражался на ея неподвижномъ, нѣмомъ лицѣ. Онъ видѣлъ въ ея чертахъ тысячу поводовъ къ упрекамъ, угрызеніямъ, гнѣву и опасеніямъ. Онъ стыдился того, что такое хрупкое существо оказывало такое вліяніе на жизнь его—желѣзнаго человѣка... Женщина, почти ребенокъ дѣлала его несчастнымъ. Она его заставляла углубляться въ самого себя, разбирать свои желанія, измѣнять многія изъ нихъ, многія отбрасывать, и все это не снизойдя никогда до того, чтобы сказать ему: „Вы неправы; я прошу васъ сдѣлать та̀къ-то“... Никогда она ни о чемъ его не умоляла, никогда она не снизошла до того, чтобы стать его подругой или признать себя его товарищемъ. Эта женщина, которую онъ могъ бы раздавить, еслибъ хотѣлъ, была тутъ, предъ нимъ, хрупкая, мечтающая, можетъ быть у него на глазахъ о другомъ и небоящаяся его даже во снѣ. Онъ хотѣлъ бы задушить ее, таскать ее за волосы, топтать ее ногами, чтобы заставить ее просить пощады, умолять о помилованіи а она была такая хорошенькая, маленькая, бѣленькая, что онъ принимался жалѣть ее, какъ ребенокъ жалѣетъ птичку, которую хотѣлъ убить. И онъ плакалъ, какъ женщина, этотъ желѣзный человѣкъ, и уходилъ, чтобы не давать ей торжествовать при видѣ его слезъ. Я не знаю, право, кто изъ нихъ

двухъ былъ несчастнѣе. Она была жестока изъ-за добродѣтели; онъ добръ по слабости; у ней было слишкомъ много терпѣнія, котораго ему не хватало; у ней были пороки ея добродѣтелей, у него качества его пороковъ... Никогда между ними не было ссоръ, такъ какъ при систематической покорности Индіаны полковникъ никогда, что бы онъ ни дѣлалъ, не могъ довести ее до спора...“

А Раймонъ де Рамьеръ, сначала добившійся любви Индіаны, теперь какъ нѣкогда бордосскій другъ Авроры,

„имѣлъ свои принципы, какъ мы сказали. Когда онъ увидѣлъ, что полковникъ выражаетъ ему столько довѣрія и дружбы, смотритъ на него какъ на образецъ чести и откровенности, и даже попросилъ его быть посредникомъ между нимъ и женою,—то онъ рѣшилъ оправдать это довѣріе, заслужить эту дружбу, помирить мужа съ женою, отвергнуть всякое излишнее расположеніе съ ея стороны, которое могло бы поколебать покой ея мужа. Онъ сдѣлался вновь нравственнымъ, добродѣтельнымъ и философомъ. Вы увидите на долго ли“...

Между тѣмъ отношенія между супругами, благодаря непрошенному вмѣшательству постороннихъ лицъ [1]) обостряются, наконецъ Дельмаръ начинаетъ уже доходить до „дѣйствій“. Онъ запираетъ жену, пытается даже запугать ее физической болью, безжалостно ломая и сжимая ея руки, когда она не хочетъ отвѣчать ему. Тогда она, въ порывѣ отчаянія и негодованія, убѣгаетъ изъ дому и отправляется къ Раймону. Этотъ послѣдній проявляетъ при этомъ случаѣ все свое жалкое бездушіе, трусливость предъ „мнѣніемъ свѣта“ и полное безсердечіе. Онъ вѣдаетъ одну прописную мораль и ничуть не понимаетъ отвѣтственности, которая лежитъ на немъ изъ-за полнаго обладанія беззавѣтно предавшейся ему душой. Къ тому же онъ уже холоднѣе прежняго любитъ Индіану,—и, найдя ее въ своей комнатѣ, возвратившись съ какого-то бала, и вовсе не помышляя о томъ, чтобы связать свою судьбу съ нею, а лишь заботясь о томъ, какъ бы поприличнѣе устроить ея возвращеніе домой и тѣмъ спасти ее отъ послѣдствій такого „безразсудства“ въ глазахъ свѣта, ничего лучшаго не находитъ сдѣлать, какъ позвать свою матушку, чтобы съ помощью ея успокоить несчастную женщину и вернуть ее подъ супружескій кровъ. Индіана, сначала словно впавшая въ столбнякъ отъ сознанія, что невозвратно погибло ея счастье, и отъ разочарованія въ любимомъ человѣкѣ, собираетъ послѣднія силы и гордо уходитъ одна, отказываясь

[1]) Отмѣтимъ опять, что это ухудшеніе въ отношеніяхъ Дельмаровъ происходитъ въ то время, когда они живутъ около Мелёна — и вспомнимъ разсказанную выше, на стр. 171—172, сцену между Дюдеванами, когда они въ 1824 г. гостили близъ Мелёна, у Ретье-дю-Плесси.

отъ покровительства г-жи де-Рамьеръ. Въ состояніи почти совершеннаго умопомраченія бродитъ она въ утреннемъ сумракѣ по улицамъ. Спасенная Ральфомъ отъ близкаго самоубійства, она покорно слѣдуетъ за мужемъ на о-въ Бурбонъ, куда его призываютъ его дѣла. Слабый и эгоистическій Раймонъ однако не оставляетъ ее въ покоѣ и теперь, когда она далеко, пишетъ ей трогательныя письма. Индіана, разбитая и несчастная отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Существованіе ея течетъ монотонно, но спокойно, какъ вдругъ новая грубость Дельмара разрушаетъ всю ихъ, и безъ того непрочную, семейную жизнь:

...„Положеніе Индіаны сдѣлалось невыносимымъ, благодаря семейной сценѣ чрезвычайно знаменательной. *Она имѣла грустное обыкновеніе всякій вечеръ вести дневникъ, гдѣ разсказывала всѣ свои дневныя горести; этотъ дневникъ писался для Раймона, и хотя она и не намѣревалась посылать его ему, тѣмъ не менѣе она бесѣдовала съ нимъ то страстно, то съ горечью, о несчастьяхъ своей жизни и о чувствахъ, которыя она не могла подавить. Эти рукописи попали въ руки Дельмара* [1]), *т.-е. онъ взломалъ шкатулку, въ которой онѣ хранились, также какъ старыя письма Раймона,—и Дельмаръ прочелъ ихъ съ бѣшенствомъ и ревностью* [2]). Въ первую минуту гнѣва онъ потерялъ власть надъ собою и сталъ, сжавъ кулаки и съ бьющимся сердцемъ, ожидать возвращенія Индіаны съ прогулки. Можетъ быть, еслибъ она промедлила нѣсколько минутъ, этотъ несчастный человѣкъ успѣлъ бы взять себя въ руки, но несчастная звѣзда обоихъ заставила Индіану почти тотчасъ предстать предъ мужемъ. Тогда не будучи въ состояніи выговорить ни слова, онъ схватилъ ее за волосы, бросилъ ее на землю и ударилъ каблукомъ въ лобъ“...

Дельмаръ самъ пришелъ въ отчаяніе отъ своего безобразнаго поступка, но было слишкомъ поздно. Индіана, придя въ себя, сразу рѣшилась навѣки порвать съ нимъ, а такъ какъ въ это же время она прочла грустное и нѣжное письмо Раймона, которое долго не хотѣла прочесть и въ которомъ онъ какъ будто призывалъ ее назадъ, то, убѣжавъ изъ дому тайкомъ и сговорившись съ капитаномъ парохода, она отправилась назадъ во Францію, къ Раймону. Жестокое наказаніе ожидало ее за это послѣднее малодушіе и слабость къ любимому чело-

[1]) Слишкомъ хорошо извѣстно, что такой же неблаговидный поступокъ совершилъ г. Дюдеванъ, вслѣдствіе чего его жена, во время своихъ отлучекъ изъ Ногана, съ 1831 и по 1834 г., постоянно проситъ своихъ друзей принимать всевозможныя мѣры предосторожности съ отправляемыми ей письмами, а 7 марта 1834 г. прямо проситъ Букоарана взять къ себѣ всѣ ея оставшіяся дома письма, бумаги и тетради, *ибо они не въ безопасности.*

[2]) См. выше на стр. 214 неизданное письмо къ Жюлю Букоарану 1831 года особенно фразу: „не вы первый, чьи бумаги оказались бы разрытыми и пересмотрѣнными“...

вѣку: она нашла Раймона женатымъ! Несчастная Индіана выпила до дна чашу униженій и разочарованій и рѣшилась покончить съ собою. Сэръ Ральфъ, отъ котораго она не скрываетъ своего намѣренія, и который и на Бурбонъ и съ Бурбона, какъ вѣрная собака, повсюду слѣдуетъ за Индіаной, тоже намѣренъ до смерти остаться вѣрнымъ ей и умереть вмѣстѣ съ нею. Но онъ уговариваетъ бѣдную женщину, горемъ убитую до полной пассивности, въ послѣдній разъ посѣтить мѣста, гдѣ они оба провели дѣтство, и искать смерти въ одномъ изъ глухихъ ущелій о-ва Бурбона. По первоначальному плану романа оба несчастные друга должны были броситься въ водопадъ,—и это окончаніе, конечно, было бы и смѣлѣе и *естественнѣе*, въ виду совершеннаго отчаянія и нравственной смерти Индіаны. На это указывалъ еще въ свое время Гюставъ Планшъ. Но Жоржъ Сандъ, не любившая грустныхъ окончаній, потомъ раздумала и прибавила эпилогъ, въ которомъ Индіана и Ральфъ, сидя надъ водопадомъ, вдругъ открываютъ: она, что еще можетъ любить, а онъ, что всегда любилъ ее, послѣ чего счастливая парочка поселяется въ самой идиллической обстановкѣ на южномъ островѣ, утопающемъ въ зелени. Это окончаніе портитъ романъ, который для современнаго читателя и безъ того полонъ слишкомъ большихъ преувеличеній, длиннотъ и романтическихъ декламацій. Но несмотря на это, онъ производитъ сильное впечатлѣніе, онъ дышетъ страстью съ первой до послѣдней страницы, полонъ превосходныхъ описаній, глубокаго психическаго анализа и необыкновенно-тонкой наблюдательности. Нѣкоторыя сцены и отдѣльныя мѣста невсегда остаются въ памяти. Такова первая сцена, изображающая темный осенній вечеръ въ деревнѣ Дельмаровъ: Дельмаръ мрачно шагаетъ по комнатѣ; хрупкая, черноглазая Индіана (хочется сказать „Аврора“) сидитъ у камина и мечтательно смотритъ на огонь; вѣрный другъ Ральфъ молча наблюдаетъ за обоими. Гнетъ, мрачная тоска, скрытое, но упорное сопротивленіе глубокой женской души—все это чувствуется смутно и покоряетъ настроеніе читателя. Таково и исполненное тончайшаго анализа, и глубоко справедливое по своей безотрадности вступленіе къ *первой главѣ второй части* перваго изданія Индіаны и *неизвѣстно почему выпущенное въ послѣдующихъ*. (Укажемъ теперь же, что при пресловутой и на всѣ лады выхваляемой всѣми критиками быстротѣ писанія и почти полномъ отсутствіи помарокъ, измѣненій и передѣлокъ въ своихъ рукописяхъ, — Жоржъ Сандъ отличалась тѣмъ, что большинство своихъ вещей

измѣняла при ихъ вторичномъ напечатаніи, а часто и совершенно передѣлывала и... почти всегда къ худшему. Мы рѣшительно предпочитаемъ ея *первоначальные тексты и планы*. Измѣняя и прибавляя,—она всегда портила. Такъ она испортила *Индіану*, вычеркнувъ массу мѣткихъ отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ страницъ. Такъ она испортила потомъ *Лелію*—совершенно измѣнивъ ея основную идею и лишивъ ея мрачной безнадежности, составлявшей ея прелесть). Вотъ эти нѣсколько строкъ, по глубинѣ своей напоминающія иныя замѣчанія толстовскихъ романовъ.

„Я могла бы, еслибъ я хоть немного была на высотѣ своего времени, воспользоваться катастрофой, которая такъ прекрасно попалась мнѣ подъ руку — (смерть молочной сестры Индіаны, креолки Нунъ, тоже погубленной Раймономъ),—заставить васъ присутствовать на похоронахъ, представить вамъ трупъ потонувшей женщины, съ его темными пятнами, синими губами и всѣми мелкими подробностями, ужасными и отвратительными, которыя могли бы васъ позабавить по нынѣшнимъ временамъ. Но у всякаго своя манера, и я понимаю ужасъ иначе. Я видѣла его не подъ могильными плитами, но вокругъ нихъ; я нахожу, что онъ не въ червяхъ могильныхъ, а въ сердцахъ живущихъ, подъ ихъ праздничными нарядами; не въ смерти того, кто насъ покидаетъ, а въ равнодушіи тѣхъ, кто остается въ живыхъ; забвеніе — вотъ настоящій саванъ умершихъ, отъ него мои волосы встаютъ дыбомъ, отъ него леденѣетъ моя кровь и сжимается сердце; не церковь со своими траурными драпировками и свѣчами, не могильщикъ со своимъ зловоніемъ и заступомъ внушаютъ мнѣ глубокое волненіе и блѣдный ужасъ,—нѣтъ, это *спокойный завтрашній день, жизнь, которая вновь принимаетъ свое теченіе надъ едва закрывшейся могилой, обѣдъ, за который, какъ и обыкновенно, собирается семья, вернувшись съ кладбища*. Шекспиръ понималъ это, когда вмѣсто того, чтобы опускать занавѣсъ послѣ убійствъ или самоубійства, онъ собиралъ вокругъ труповъ своихъ второстепенныхъ лицъ, и влагалъ имъ въ уста философскія замѣчанія, а чаще еще размышленія о собственныхъ дѣлахъ. Для него драма заключалась не въ сценахъ казни или убійства, а была изображеніемъ жизни, съ ея интересами и страстями, съ ея возможными успѣхами и пораженіями; человѣкъ, который гибнетъ, былъ для него случайностью, средствомъ развязать многихъ другихъ“... [1]).

Нѣтъ возможности, однако, перечислить всѣ перлы, разсыпанные въ этомъ романѣ, пришлось бы выписывать цѣлыми главами. Пусть лучше читатель перечтетъ или впервые прочтетъ

[1]) Это вступленіе, отсутствующее въ послѣдующихъ изд. Индіаны, перепечатано въ брюссельскомъ изданіи соч. Жоржъ Сандъ, очень распространенномъ у насъ въ Россіи въ 50-хъ годахъ: (Oeuvres de George Sand. Bruxelles. Societé belge de Librairie. Méline, Cans et C°). У насъ имѣется все это собраніе. Томъ I—II, III помѣченъ 1842 г., IV—1843, V—1844, VI—1847.

самый романъ. Вѣроятно тогда ему станетъ ясно, почему современные автору читатели и критики привѣтствовали въ немъ восходящее литературное свѣтило, а также и то, почему они сразу замѣтили тѣ волнующіе всякаго мыслящаго и чувствующаго человѣка вопросы, которые въ этомъ романѣ выдвинула Жоржъ Сандъ.

Индіана полна страсти, какъ ея черноокая героиня, *Валентина* — поэзіи, той своеобразной кроткой поэзіи, которая разлита въ беррійскомъ воздухѣ и которую Жоржъ Сандъ словно вдохнула вмѣстѣ съ нимъ на своихъ одинокихъ прогулкахъ по утрамъ. На ряду съ этой поэтичностью общаго настроенія романъ этотъ показываетъ въ авторѣ близкое знакомство съ деревенскою жизнью, и на это слѣдуетъ обратить вниманіе всѣмъ господамъ критикамъ и историкамъ литературы, которые по заведенной рутинѣ дѣлятъ романы Жоржъ Сандъ на 3 періода, причемъ *сельскій элементъ* относятъ исключительно къ третьему періоду дѣятельности писательницы. Мы никакъ не можемъ понять, почему, напр., семейство Лери въ *Валентинѣ* слѣдуетъ считать написаннымъ „въ другой манерѣ“, чѣмъ семейство Барбо въ „*Маленькой Фадеттѣ*; отчего мы должны признавать тестя Жермена—стараго практическаго Маврикія, или стараго плута Леонара, отца деревенской щеголихи Катерины Геренъ, изъ „*Чертовой Лужи*“,—героями „деревенскими“, а Жаниль изъ „*Грѣха г. Антуана*“, Бриколена изъ „*Мельника*“, или „матушку Лери“, Пьера Блюти и Атенаису изъ „*Валентины*“—не таковыми; или какую разницу полагается находить между описаніемъ деревенскаго праздника въ *Валентинѣ*—и описаніемъ пляски „бурре“ въ „*Фадеттѣ*“? Пора отказаться отъ этихъ произвольныхъ подраздѣленій на „періоды“ и признать, что Жоржъ Сандъ съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ стала рисовать картины и фигуры изъ окружавшей ее беррійской деревни, причемъ съ одинаковымъ успѣхомъ изображала какъ въ первыхъ, такъ и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, образы отрицательные, комическіе, *типическіе*, въ родѣ Бриколеновъ, Лери, Леонаровъ, Катерины, а образы положительные и идеальные — съ тѣмъ же избыткомъ сантиментальности и „прекраснодушія“, какимъ она всегда надѣляла всѣхъ своихъ положительныхъ героевъ, къ какому бы классу они ни принадлежали.

Возвратимся къ *Валентинѣ*. Любовная драма въ этомъ романѣ сложнѣе, чѣмъ въ Индіанѣ, а дѣйствіе романа, все происходящее въ Берри, даетъ возможность автору рисовать кар-

тины, родныя съ дѣтства, и описывать бытъ крестьянъ и деревенскихъ дворянъ,—дѣйствіе это отличается большею простотою, вѣрностью дѣйствительности и жизненностью, чѣмъ въ *Индіанѣ*.

Валентина де-Рэнбо, мечтательная, кроткая дѣвушка, любящая природу и простую, близкую къ этой природѣ жизнь, должна — по волѣ бабушки, являющейся представительницей легковѣсной морали прошлаго вѣка, которая требовала лишь соблюденія извѣстнаго внѣшняго декорума, допуская затѣмъ всевозможное потворство своимъ страстямъ и прихотямъ, и по волѣ матери, желающей поскорѣе сбыть дочь съ рукъ — выйти замужъ за г. де-Лансака. Между тѣмъ на своихъ прогулкахъ и верховыхъ поѣздкахъ по беррійскимъ лѣсамъ—очевидно списанныхъ съ прогулокъ, въ дѣйствительности бывшихъ,—Валентина знакомится съ Бенедиктомъ, молодымъ мечтателемъ, вышедшимъ изъ простой среды, но полнымъ широкихъ и честолюбивыхъ замысловъ, смутныхъ порывовъ къ высшимъ идеаламъ человѣчества, страстнаго протеста противъ собственной скромной судьбы, несоотвѣтствующей его „великой душѣ“, отчасти разочарованнаго, отчасти незнающаго, что съ собой дѣлать, однимъ словомъ, немножко сколкомъ не то съ героевъ В. Гюго, не то съ шатобріановскаго Рене и очень похожимъ на многихъ, окружавшихъ въ тѣ годы Аврору, юношей. Въ сущности это страстная натура безъ опредѣленныхъ убѣжденій и нерѣшительный характеръ, дѣйствія котораго болѣе зависятъ отъ случая, чѣмъ отъ опредѣленныхъ намѣреній или воли, а также прототипъ безчисленныхъ первыхъ любовниковъ *изъ народа* въ романахъ Жоржъ Сандъ, влюбляющихся въ знатныхъ барышенъ, всѣхъ этихъ Симоновъ, Пьеровъ Гюгененъ, Леморовъ и т. д. и т. д. Молодые люди, разумѣется, влюбляются другъ въ друга. Зарожденіе и развитіе любви Валентины къ Бенедикту; борьба между этой любовью и чувствомъ долга; вся грустная исторія бѣдной молодой женщины, гибнущей жертвою кастовыхъ предразсудковъ и прописной морали, которая требуетъ, чтобы жена была вѣрна мужу даже при совершенномъ отсутствіи любви и всякаго общенія между супругами, и съ другой стороны трагическое положеніе вышедшаго изъ народа юноши, несравненно выше стоящаго по своему душевному и умственному развитію, чѣмъ окружающіе его представители высшаго общества, и все-таки погибающаго оттого только, что осмѣлился полюбить дѣвушку, принадлежащую по рожденію къ этому высшему кругу,— всѣ перипетіи этой драмы переданы съ неподражаемой силой увлеченія и удивительно тонкаго психологическаго анализа. Тра-

гедія любви молодыхъ героевъ осложняется еще отношеніями Бенедикта къ семьѣ его нареченной невѣсты, Атенаисы Лери,— воспитанной съ претензіями на „барышню“ дочки разбогатѣвшаго крестьянина,—и отношеніями Валентины къ ея старшей сестрѣ Луизѣ, падшей дѣвушкѣ, преданной забвенію и проклятію въ родной семьѣ, и презрѣнное положеніе которой является для Валентины какъ бы грознымъ предостереженіемъ ожидающей ее судьбы, еслибъ и она вздумала порвать съ обществомъ и семьей и смѣло предаться своей любви къ Бенедикту. Луиза, противъ сношеній съ которой Валентину предостерегаютъ и мать и бабушка, въ свою очередь влюбляется въ Бенедикта, что не мѣшаетъ ей и Валентинѣ относиться другъ къ другу съ искренней любовью, точно такъ же, какъ презрѣнное положеніе Луизы лишь увеличиваетъ нѣжность Валентины къ ней. Тутъ проглядываютъ личныя воспоминанія и объ отношеніяхъ маленькой Авроры Дюпенъ къ матери и объ ея сношеніяхъ съ той несчастной дѣвушкой, за которую она однажды заступилась въ юности на праздникѣ въ Ла-Шатрѣ (о чемъ было говорено выше). Сцена праздника, на которомъ Валентина танцуетъ „бурре“, сильно напоминаетъ тотъ праздникъ, о которомъ разсказывается въ Histoire по поводу этой несчастной, и, скажемъ мимоходомъ, это одна изъ лучшихъ сценъ въ романѣ. Впрочемъ такихъ превосходныхъ сценъ тамъ много. Мы не станемъ пересказывать много разъ въ печати рахваленной встрѣчи Валентины съ Бенедиктомъ, когда она, не видя еще его, восхищается его пѣніемъ среди лѣсной тишины; или прелестной идилліи на берегу ручья во время деревенской partie de plaisir, или говорить о характерной поѣздкѣ на праздникъ семейства Лери, или о жгучей сценѣ ночного объясненія Бенедикта съ Валентиной въ комнатѣ Валентины. Мы не будемъ повторять похвалъ, много разъ расточавшихся автору за эти сцены, не потому, чтобы не желали, наоборотъ, расхвалить ихъ еще въ сто разъ болѣе, а просто, чтобы не повторять того, что всякій читатель, хоть немного знакомый съ сочиненіями Жоржъ Сандъ и *о* Жоржъ Сандъ, знаетъ слишкомъ хорошо, и что незнакомому ни съ романомъ, ни съ критиками его ничего не объяснитъ. Обратимъ теперь вниманіе на то, что хотя враждебные автору критики съ самаго перваго появленія *Индіаны* и *Валентины* распространялись о безнравственности ихъ, тенденціозности, и провозгласили, что Жоржъ Сандъ пытается въ нихъ ниспровергать святое учрежденіе брака,—тѣмъ не менѣе безпристрастный современный намъ читатель увидитъ въ этихъ

романахъ совсѣмъ не то и на него эти слова вовсе не произведутъ впечатлѣнія апологіи безнравственности. Наоборотъ, — въ обоихъ романахъ героини наказуются за нарушеніе принятыхъ на себя, хотя бы и не по своей волѣ, брачныхъ обязательствъ: Индіана за бѣгство отъ мужа карается тѣмъ, что открываетъ вѣроломство и дрянность своего возлюбленнаго; Валентина и Бенедиктъ погибаютъ немедленно вслѣдъ за вкушеніемъ запретнаго плода, и притомъ и здѣсь и тамъ такое наказаніе является не какъ *deus ex machina*, а вытекаютъ прямо изъ всей сложности тѣхъ отношеній и обстановки, въ которую завела героинь ихъ роковая любовь [1]). Это тоже своего рода „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“, которое является основною мыслью геніальнаго романа Толстого.

Какъ бы то ни было, въ обоихъ первыхъ крупныхъ самостоятельныхъ произведеніяхъ Жоржъ Санда талантъ ея высказался уже вполнѣ опредѣленно и ярко, и даже всѣ особенности ея позднѣйшей манеры, ея излюбленные типы и пріемы встрѣчаются здѣсь на первыхъ же шагахъ; болѣе того: достоинства ея въ этихъ романахъ сильно перевѣшиваютъ недостатки, чего нельзя сказать о всѣхъ ея позднѣйшихъ произведеніяхъ. Такъ мы видимъ: 1) женщину, гораздо выше стоящую по своимъ душевнымъ или духовнымъ свойствамъ надъ тѣмъ, кого она любитъ; 2) видимъ преданнаго, безкорыстнаго друга, влюбленнаго въ героиню, но скрывающаго эту любовь въ тайникахъ души, готоваго ежечасно на всякое самопожертвованіе, даже на помощь своему болѣе счастливому и менѣе благородному сопернику, 3) видимъ героевъ, выходящихъ изъ низшихъ классовъ общества, влюбляющихся въ женщинъ, принадлежащихъ къ высшему, и героинь, забывающихъ о своемъ дворянскомъ

[1]) Г. Скабичевскій въ своихъ статьяхъ о Ж. Сандъ чрезвычайно тенденціозно и узко разбирающій содержаніе романовъ Ж. Сандъ и потому часто впадающій въ очень курьезныя ошибки, объясняетъ и развязку *Валентины* чрезвычайнно странно, а именно говоритъ, что заключительное проклятіе Луизы проливаетъ „нѣсколько иной свѣтъ на весь ходъ романа“, что „аскетическая борьба Валентины является здѣсь какъ бы послѣднимъ остаткомъ барской гордости, помѣшавшей Валентинѣ пожертвовать свѣтскими и традиціонными предразсудками ради счастія своего возлюбленнаго... трагическій исходъ романа представляется печальнымъ результатомъ подобной слабости (??) героини, ея раздвоенности, мѣшавшей ей свободно и открыто отдаться любви, не выжидая такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ могли бы остаться и овцы цѣлы и волки сыты“... Можно только пожалѣть о всѣхъ тѣхъ, кто способенъ такъ объяснять развязку Валентины или съ такой точки зрѣнія осуждать ея героиню.

происхожденіи и прерогативахъ изъ-за любви къ этимъ героямъ. Отмѣтимъ только, что въ Валентинѣ нѣтъ еще никакого сознательнаго намѣренія *спуститься* до представителя народа *во имя равенства*, и что всѣ ея мечты, желанія и вкусы до того, въ сущности, скромны, мелки и ничтожны, что скорѣе развитой Бенедиктъ долженъ былъ бы *спуститься* до ея уровня. Жить на фермѣ, кормить утокъ и барашковъ (такъ мечтаетъ Валентина, когда представляетъ себѣ идеалъ счастливой жизни) это очень *мило, но и очень мало* еще, и скорѣе показываетъ большую ограниченность интересовъ граціозной героини, чѣмъ какія бы то ни было серьезныя демократическія тенденціи ея. Мы видимъ въ 4-хъ) превосходныя описанія природы и... слишкомъ длинные и напыщенные монологи и діалоги; наконецъ, въ 5-хъ) вѣрность и реалистичность въ изображеніи второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ и романтическія преувеличенія въ изображеніи главныхъ героевъ.

Та же защита свободы чувства противъ гнета общепринятой добродѣтели слышится и въ *Мельхіорѣ*, маленькой повѣстушкѣ, все содержаніе которой сводится къ тому, какъ прекрасный, смѣлый и честный морякъ Мельхіоръ въ припадкѣ отчаянія топитъ въ океанѣ свою кузину Дженни, имѣвшую несчастье полюбить его и которую онъ тоже страстно полюбилъ, топитъ ее лишь потому, что онъ нѣкогда принужденъ былъ жениться на какой-то корыстолюбивой и лживой авантюристкѣ, съ которой давно разстался, которая о немъ и сама не думаетъ, но бракъ съ которой тѣмъ не менѣе дѣлаетъ любовь его къ Дженни и обладаніе ею преступными. И вотъ за мигъ такого преступнаго, искренняго, молодого счастья Дженни платитъ смертью, а Мельхіоръ—сумасшествіемъ. Провидѣніе и природа дали людямъ эту свѣтлую, чистую радость—любовь, но люди не умѣютъ ею пользоваться, они сами, своими законами, создаютъ преграды и темницы и гибнутъ всякій разъ, что вольно или невольно преступаютъ эти законы. Такова скрытая мораль *Мельхіора*.

Въ *Тостѣ*, романтической бездѣлкѣ, напечатанной въ *Soirées Littéraires de Paris* (сборникѣ, вышедшемъ въ 1832 г.), а потомъ вошедшей въ полное собраніе сочиненій Ж. Сандъ, изд. Леви [1]) авторъ не въ минорномъ, а въ мажорномъ тонѣ поетъ гимнъ божественному чувству. Дѣйствіе происходитъ въ Нидерландахъ, въ 17 вѣкѣ. У стараго губернатора Бергенъ-опъ-

[1]) Тотъ томъ, гдѣ *La Coupe* etc.

Цома, Снейдерса, молодая прелестная жена, испанка Жуана. Бѣдная Жуана, выросшая подъ солнцемъ Андалузіи, скучаетъ и томится въ сырой, скучной странѣ, среди прозаическихъ тяжеловѣсныхъ голландцевъ.

„Прибавьте къ этому вліянію климата общество мужа, очень богатаго, очень разумнаго, очень смѣтливаго во всемъ, что касалось его дѣлъ и губернаторства, но очень скучнаго, надо сознаться, и вы поймете, почему прелестная, нѣжная Жуана тосковала по родинѣ“, —говоритъ авторъ. Разумѣется, у Жуаны тоже черные, грустные глаза, матовая блѣдность и видъ меланхолической покорности, какъ у одной, очень знакомой Жоржъ Сандъ, молодой женщины, имѣвшей несчастье 9 лѣтъ прожить съ мужемъ, который хотя и не управлялъ Бергенъ-опъ-Цомомъ, но былъ прозаиченъ не хуже достопочтеннаго Снейдерса. Къ счастью для бѣдной Жуаны, нашелся въ домѣ губернатора молодой, черноокій пажъ, Рамиръ, тоже уроженецъ жаркой Испаніи, любитель музыки, отлично распѣвавшій старые испанскіе романсы и бывшій притомъ „благороднаго и древняго рода, что въ тѣ времена“,— говоритъ авторъ, съ первой до послѣдней строки этой милой вещицы не измѣняющій тону легкому, веселому, полному юмора и жизнерадостности—„въ тѣ времена ничему не мѣшало“. Г. Снейдерсъ могъ бы, казалось, не слишкомъ безпокоиться въ виду безупречности своей жены, невинной чистоты шестнадцатилѣтняго пажика и „холоднаго климата Фландріи“, и у него не было поводовъ къ ревности, но

„это его столько же злило, какъ льстило ему, ибо *бываютъ иногда чистыя, скрытыя, таинственныя привязанности, которыя опаснѣе для покоя мужа, чѣмъ откровенныя и открытыя измѣны*“...

Напрасно Снейдерсъ старается что-то прослѣдить и выслѣдить—ему ничто не удается именно потому, что „можно накрыть проступки, застигнуть врасплохъ проявленія страсти, но нельзя уловить или уличить чистую, глубокую, невинную любовь“. Снейдерсъ пробуетъ смѣяться надъ пажикомъ, его музыкой и услугами — напрасно! Тогда онъ рѣшается на преступленіе, прикрытое благовиднымъ образомъ. Подъ предлогомъ какого-то спѣшнаго посланія къ антверпенскому губернатору, дальнему родственнику Снейдерса, этотъ послѣдній отправляетъ Рамира въ Антверпенъ, въ надеждѣ, что Рамира задержатъ, а можетъ быть, и убьютъ тамъ, какъ испанскаго заложника (дѣло происходитъ въ эпоху борьбы Нидерландовъ противъ Испаніи), тѣмъ паче, что антверпенскій губернаторъ личный врагъ отца

и семьи Рамира. Увы, старый Снейдерсъ слишкомъ рано обрадовался, спровадивъ пажика, слишкомъ понадѣялся на вѣроломство честнаго родственника и совсѣмъ позабылъ, что маленькій шаловливый божокъ покровительствуетъ своимъ вѣрнымъ молодымъ поклонникамъ и потѣшается надъ старыми врагами. Въ ту самую минуту, когда Снейдерсъ, плотно покушавъ и поточивъ свой языкъ надъ „Испаніей, женщинами, романсами, маленькими собачками и пажами, играющими на гитарахъ“, злорадно заставляетъ Жуану „выпить за здоровье антверпенскаго губернатора“, коварно торжествуя въ душѣ свою побѣду надъ бѣднымъ Рамиро и радуясь его смерти, и когда Жуана въ отчаяніи беретъ въ руки бокалъ, зная, какая участь ожидала Рамира, и, понимая жестокость насмѣшки мужа, восклицаетъ въ отвѣтъ на его панегирикъ: „О, если антверпенцы такъ слѣпо вѣрятъ своему губернатору, значитъ онъ неспособенъ ни на какой низкій поступокъ, ни на какое ненужное преступленіе“!—въ эту минуту вдругъ подъ окномъ раздается знакомый молодой голосъ, запѣвшій припѣвъ одного изъ любимыхъ романсовъ. И тогда Жуана радостно выпила „за здоровье друга и родственника, антверпенскаго славнаго губернатора“. Рамиро, успокоивъ свою возлюбленную, скрылся, дабы не попасться въ руки къ милому Снейдерсу, который вѣрно на этотъ разъ самъ постарался бы какъ-нибудь извести его. Напрасно! Побѣда осталась на сторонѣ юности. Если бы даже Рамиро и Жуана никогда болѣе въ жизни не встрѣтились—все равно этотъ мигъ отплатилъ за всѣ ихъ горести. Любовь побѣдила, она смѣется надъ старыми мужьями, оковами, ссылками, запретами, надъ законами и строгостями. Да здравствуетъ любовь, да здравствуетъ живое человѣческое чувство!—Вотъ что говоритъ намъ эта граціозная и веселая бездѣлка, написанная съ рѣдкимъ у Жоржъ Сандъ остроуміемъ и легкостью.

Итакъ: борьба—(и гибель или торжество)—душъ отмѣченныхъ искрою генія, или просто талантливыхъ натуръ противъ мелкой, будничной обстановки, узко-добродѣтельныхъ или мелкопорочныхъ повседневныхъ личностей и противъ темныхъ, рутинныхъ взглядовъ и правилъ; защита: вдохновенія—противъ прописной морали, таланта—противъ будничной толпы, любви—противъ свѣтскихъ предразсудковъ или прозаическихъ соображеній; торжество истинной любви надъ всѣми препятствіями, преградами и запретами, — вотъ мотивы всѣхъ произведеній первыхъ двухъ лѣтъ писательства Жоржъ Сандъ.

„Какія несбыточныя грезы, какая сантиментальность“—ска-

жетъ практическій и реалистическій читатель конца нашего вѣка. Однако, со времени Жоржъ Сандъ многія изъ этихъ несбыточныхъ грезъ сдѣлались старыми истинами, а то, что несбыточно и въ наши дни, является тѣмъ самымъ, о чемъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ мечтали, сокрушались и предсказывали всѣ поэты, тѣмъ золотымъ сномъ, который всякій изъ насъ желалъ бы видѣть на яву.

Удивительно ли, что послѣднимъ, появившимся въ 1832 г. произведеніемъ Ж. Сандъ, полной свѣтлыхъ надеждъ на будущее, полной энергіи, отваги, вѣры въ идеалъ, было стихотвореніе *Царица Мабъ*, посвященное самой волшебницѣ сновъ, ниспосылающей намъ свѣтлыя грезы, радостныя видѣнія, той капризной, своенравной, неуловимой Мабъ, которая хоть на минуту уноситъ насъ изъ нашей повседневной жизни въ какія-то необычайныя сферы, даетъ видѣть то, *чего нѣтъ, но что хотѣлось бы, чтобы было!*

ГЛАВА VII.

Личныя и общественныя несчастья. — Болѣзни. — Эмиль Реньо. — Разрывъ съ Сандо. — Марія Дорваль. — Проспёръ Мериме. — «Маріанна» Сандо и «Двойная ошибка» Мериме.—Сомнѣнія, отчаяніе и пессимизмъ. — «*Лелія*». — Делатушъ, Планшъ и Сентъ-Бевъ. — «*Лавинія*».—*Предисловіе къ* «*Оберманну*».— «*Кора*» и «*Гарнье*».

1832 — 1833.

Но въ то время какъ эти смѣлыя, сверкающія произведенія одно за другимъ появлялись на литературномъ горизонтѣ— личная жизнь Жоржъ Сандъ уже затемнилась и далеко не была похожа на полное радостныхъ упованій первое время ея парижскаго житья. Уже и 1831 годъ закончился для нея довольно плохо. Она была сильно больна въ ноябрѣ; по словамъ ея письма къ Букоарану отъ 13 ноября [1]), у ней было что-то въ родѣ удара („congestion cérébrale, en d'autres termes une attaque d'apoplexie"), такъ что ей дважды пускали кровь; затѣмъ была сильная лихорадка и удушье. Въ это время за ней ходилъ нѣкто Эмиль Реньо—Emile Regnault [2]) студентъ медикъ, родомъ изъ Сансера, большой другъ Сандо и Бальзака,—онъ самоотверженно ухаживалъ за больной, проводя цѣлыя ночи не смыкая глазъ, вѣчно готовый помочь ей, и лишь на минутку пристраивался на диванѣ въ гостиной, чтобы сколько нибудь отдохнуть.

[1]) Неизданное.

[2]) О немъ Жоржъ Сандъ говоритъ на стр. 400, IV тома „*Исторіи*" по поводу своего бракоразводнаго процесса: „Въ день судебнаго разбирательства пріѣхалъ также и Эмиль Реньо, молодой человѣкъ родомъ изъ Сансера, котораго я любила какъ брата, и который не знаю почему принялъ участіе въ какой-то непріязни противъ меня (a epousé je ne sais quelle mouvaise querelle contre moi). Онъ пришелъ ко мнѣ покаяться въ прегрѣшеніяхъ, о которыхъ я забыла уже"... Эта „непріязнь", которую раздѣлялъ съ кѣмъ то Эмиль Реньо былъ ея разрывъ съ Жюлемъ Сандо. Переписка Жоржъ Сандъ съ Эм. Реньо сохранилась и находится въ рукахъ близкихъ къ Жоржъ Сандъ лицъ. Ниже мы приводимъ отрывки изъ нея.

Въ декабрѣ этотъ припадокъ вновь повторился, такъ что лишь къ новому году Жоржъ Сандъ оправилась настолько, что могла поѣхать въ Ноганъ. Въ январѣ и она и дѣти были больны, а настроеніе духа Авроры Дюдеванъ было тяжелое, и письма ея съ января по апрѣль всѣ носятъ мрачный отпечатокъ. Въ апрѣлѣ она уѣхала въ Парижъ съ Соланжъ и вотъ къ этому то времени и относится то описаніе ея жизни съ дочкой на набережной Сенъ-Мишель, которое мы находимъ въ „*Исторіи моей жизни* [1]), гдѣ она разсказываетъ о томъ, какъ добрая сосѣдка взяла маленькую дѣвочку подъ свое покровительство и позволяла ей играть съ дѣтьми въ то время, когда госпожа Дюдеванъ была занята работой или выходила изъ дому.

Едва переселившись въ Парижъ съ Соланжъ, Жоржъ Сандъ опять заболѣла, на этотъ разъ еще болѣе напугавъ своихъ друзей, принявшихъ эту болѣзнь за одинъ изъ первыхъ случаевъ начинавшейся тогда въ Парижѣ холеры. Она пишетъ матери:

..."Мои друзья и швейцары, въ ужасѣ, рѣшили, что у меня холера, какъ докторъ ни утверждалъ противное. Они такъ думаютъ и будутъ и впредь думать. Двое изъ моихъ самыхъ преданныхъ друзей теперь лежатъ въ моей гостиной, одинъ на полу, другой—я не знаю гдѣ. Я просыпаюсь и удивляюсь на ту великую суматоху, которую вижу вокругъ себя, ибо, увѣряю васъ, что я была гораздо менѣе больна, чѣмъ они считаютъ. У меня было нѣсколько холерическихъ симптомовъ, но такихъ слабыхъ, что чашка чая и одѣяла побороли ихъ, и я проспала, какъ пьяница, до полудня" [2]).

Надо полагать, что эта холера была не изъ страшныхъ, и что вообще Жоржъ Сандъ не имѣла очень точныхъ свѣдѣній объ этой болѣзни, ибо когда она вскорѣ написала свою *Лелію*, но изобразила въ одной изъ наиболѣе важныхъ сценъ, какъ героиня „*въ припадкѣ сильнѣйшей холеры*" ведетъ со своими друзьями философскіе разговоры и уничтожаетъ малодушнаго монаха Магнуса силою своего духа и непоколебимымъ свободомысліемъ. Вѣроятно Жоржъ Сандъ,—кажется единственная изъ всѣхъ романистокъ, осудившая свою героиню на заболѣваніе этой малопоэтической болѣзнью,—сама никогда не подвергалась ей, а друзья ея напрасно такъ перетрусили за нее. Мы же позволили себѣ привести этотъ, быть можетъ малоинтересный, отрывокъ изъ письма лишь для того именно, чтобы хоть отчасти оправдать эту курьезную сцену въ романѣ, страдающую совершеннымъ отсутствіемъ правдоподобія.

[1]) „Исторія", томъ IV, стр. 78 и 79.

[2]) 14 апрѣля 1832. Неизданное.

Вообще время было тогда печальное. Сначала холера повергла горожанъ въ панику, потомъ произошло въ іюнѣ извѣстное возмущеніе, окончившееся „бойней“ у церкви Сенъ-Мерри Потомъ холера стала распространяться въ провинцію, добралась до Шатору, и Аврора Дюдеванъ очень безпокоилась (какъ это ни удивитъ читателя, если только онъ недостаточно еще уяснилъ себѣ того, насколько отношенія между супругами Дюдеванъ оставались дружескими даже послѣ разъѣзда)—безпокоилась за мужа, который въ то самое время былъ присяжнымъ засѣдателемъ въ Шатору, и за остававшихся въ Ноганѣ Мориса и Букоарана [1]). Однако страхи эти были напрасны, и въ августѣ маленькая семья вся собралась въ Ноганъ, живой и здоровой.

Но тутъ либо въ личной жизни Жоржъ Сандъ случилось что-то поистинѣ ужасное, или же со всякимъ своимъ пріѣздомъ въ Ноганъ она тяжелѣе испытывала всю неестественность продолженія совмѣстной жизни съ Дюдеваномъ, и только что упомянутыя дружескія отношенія становились непріязненными, какъ бы то ни было, а тяжелое нравственное состояніе, въ которомъ Аврора часто бывала съ начала года, вдругъ обострилось. 20-го августа, тотчасъ по прибытіи въ Ноганъ, она писала Роллина, что хотѣла бы повидать его, и предлагала сдѣлать съ остальными друзьями partie de plaisir въ Валансэ, или пріѣхать къ нему въ Шатору, и описывала свои приготовленія къ этому „кругосвѣтному путешествію“ въ самой комической, привычной въ ея перепискѣ съ друзьями, формѣ.

Съ отцемъ Роллина Аврора Дюдеванъ познакомилась въ концѣ 1831 года въ Парижѣ и черезъ него сошлась со всей его многочисленной семьей, но главнымъ образомъ подружилась съ его сыномъ Франсуа Роллина, съ которымъ у ней завязалась совсѣмъ особенная, исключительная дружба, являющаяся идеаломъ человѣческихъ отношеній. Это было абсолютное и постоянное проникновеніе въ мысли и чувства другъ друга, почти абсолютное тождество идей, чувствъ, стремленій, пониманіе другъ друга съ полу-слова, отсутствіе какихъ бы то ни было и по поводу чего бы то ни было несогласій или несочувствія, однимъ словомъ Роллина являлся относительно Ж. Сандъ тѣмъ, что называется *alter ego*—ея моральнымъ двойникомъ.

И вотъ черезъ два дня послѣ только что упомянутаго письма, 22 августа она пишетъ ему:

[1]) Неиздан. письма къ мужу отъ *11 Іюня* и *слѣдующее*, помѣченное лишь „*Mercredi*“ (вѣроятно 18-го іюня, которое приходилось въ 1832 г. въ среду, какъ и 11-ое).

„Я не поѣду въ Валансэ, я не поѣду въ Шатору, я можетъ быть отправлюсь на кладбище"—и зоветъ его скорѣе пріѣхать къ ней въ Ноганъ [1]).

Эта записка въ нѣсколько строкъ, написанная небрежнымъ, нервнымъ почеркомъ, однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ выдаетъ то разстроенное состояніе духа, въ которомъ писала Жоржъ Сандъ. Всѣ остальныя, письма конца этого года полны такого же разочарованія и пессимизма. И общественная жизнь Парижа и личная жизнь Авроры Дюдеванъ были потрясены, царствовала грусть по погибшимъ мечтамъ и надеждамъ, отчаяніе, безсильное озлобленіе.

Въ ноябрѣ Жоржъ Сандъ переѣхала съ Соланжъ на новую квартиру, уступленную ей Делатушемъ на набережной Малакэ (Quai Malaquais). Эта квартира была гораздо лучше предъидущей; тутъ было тепло, все обито коврами; съ собой изъ Ногана Жоржъ Сандъ привезли служанку, которая и стряпала, и стирала и заботилась о дѣвочкѣ. Напечатаніе *Индіаны* принесло славу и деньги; печаталась и *Валентина*; больше не надо было хлопотать о своихъ произведеніяхъ, издатели теперь оспаривали другъ у друга право печатать ея романы; *Revue des deux Mondes* и *Revue de Paris* вступили даже въ единоборство по этому поводу. *Revue des deux Mondes* одержала верхъ и заключила съ Жоржъ Сандъ контрактъ, въ силу котораго она обязалась каждыя 6 недѣль поставлять 32 страницы рукописи, за что редакція гарантировала ей годовую ренту въ 4000 франковъ [2]).

Но счастье, царившее въ холодной, неудобной мансардѣ набережной Сенъ Мишель, бѣжало изъ уютной квартиры на набережной Малакэ. Недавно еще такая счастливая любовь къ Жюлю Сандо была теперь источникомъ страданій и новыхъ разочарованій. Жоржъ Сандъ съ ужасомъ увидѣла, что ея „свободная" любовь была такимъ же *несчастьемъ*, какъ и ея замужество. Въ началѣ 1833 г. эта счастливая по началу связь внезапно оборвалась. Эдмондъ Плошю разсказывалъ, что желая обрадовать Сандо и экспромптомъ изъ Ногана вернувшись въ Парижъ, Жоржъ Сандъ застала Сандо въ нѣжномъ разговорѣ съ какой-то прачкой или горничной [3]). Послѣдовалъ

[1]) Неизданное.

[2]) Письмо къ Букоарану отъ 20 декабря 1832 г. „Корреспонденція", томъ I, стр. 235.

[3]) Это же г. Анри Амикъ слышалъ отъ Эдуарда Гренье. См. „La Défense de G. Sand", („Le Figaro", 2 nov. 1896).

немедленный и окончательный разрывъ. Въ iюнѣ 1833 г. она пишетъ по этому поводу Эмилю Ренье:

— „Мой другъ, я только что написала Дегранжу, чтобы разсчитаться за квартиру Жюля и попросить его о роспискѣ за два срока, за которые я плачу; такимъ образомъ я сохраняю квартиру за собою до января 1834 г... Я беру къ себѣ мои остающiяся вещи. Я свяжу вмѣстѣ нѣкоторыя вещи Жюля, которыя остались въ шкафахъ, и велю отнести ихъ къ вамъ, ибо я не хочу ни видѣть его, ни имѣть съ нимъ никакихъ сношенiй, когда онъ вернется, что, судя по послѣднимъ словамъ показаннаго вами его письма, *должно* или *можетъ* случиться скоро. Я слишкомъ глубоко оскорблена открытiями, сдѣланными мною относительно его поведенiя, для того чтобы сохранить къ нему какое бы то ни было чувство кромѣ искренной жалости. Дайте ему понять, если это окажется нужнымъ, что ничто въ будущемъ не можетъ насъ сблизить. Если это жестокое порученiе окажется ненужнымъ, т.-е. если Жюль самъ пойметъ, что такъ и должно быть, то избавьте его отъ горя узнать, что онъ все потерялъ, даже мое уваженiе. Онъ вѣроятно потерялъ и свое собственное. Онъ достаточно наказанъ“...

Замѣтимъ, что именно къ этому времени относится фактъ, въ искаженномъ видѣ передававшiйся не разъ съ легкой руки Поля де Мюссе, о томъ, что Жоржъ Сандъ сама взяла изъ стола Сандо всѣ свои письма и сожгла ихъ; Сандо въ это время былъ въ Италiи. Замѣтимъ еще, что несмотря на позднѣйшiя отрицанiя со стороны Жоржъ Сандъ (напр. въ извѣстномъ письмѣ ея къ Миркуру), Сандо дѣйствительно поѣхалъ въ Италiю на ея средства,—и что, несмотря на разрывъ съ Жюлемъ, она осталась въ добрыхъ отношенiяхъ съ его семьею, напр., 18 iюля этого же 1833 года она писала m-lle Фелиси Сандо въ Нiоръ о томъ, что „нашъ добрый Жюль во Флоренцiи“... „для своего здоровья“, просила ее передать „поцѣлуй мамашѣ“ и „поклонъ отцу“, и прибавляла, что итальянское путешествiе „очень полезно Жюлю для писанiя и разсказовъ“. Отмѣтимъ также, что въ романѣ Сандо *Марiанна* довольно прозрачно разсказывается, что Анри „раздѣлялъ“ средства Марiанны, не задумываясь объ этомъ и считая, что между ними „все общее“. Тѣмъ не менѣе—къ началу 1833 года всякiя личныя отношенiя между Жоржъ Сандъ и Сандо прервались и они уже очень рѣдко встрѣчались въ жизни. Такъ, напр., изъ дневника Жоржъ Сандъ, посланнаго къ Мюссе въ 1835 году, мы узнаемъ, что лишь слишкомъ черезъ два года Жоржъ Сандъ и Сандо случайно встрѣтились и довольно мирно бесѣдовали въ декабрѣ 1834 года у Гюстава Папэ. Но въ 1833 она даже „видѣть“ его нехотѣла. Отчаянiе Жоржъ Сандъ не знало границъ. Грубую измѣну подобного же рода со стороны Дюдевана она объясняла себѣ

тѣмъ, что настоящей, глубокой любви между супругами не было съ самаго начала; но Жюль Сандо страстно любилъ ее; ихъ связывали самыя задушевныя отношенія; эта любовь была и дружбой и товариществомъ; близость духовная предшествовала близости иной; они жили душа въ душу, одними и тѣми же интересами, одними и тѣми же вкусами. И вотъ опять измѣна и опять въ такой же упрощенно-грубой формѣ. „Какъ это объяснить? Несчастная это случайность, или общее свойство всѣхъ мужскихъ натуръ. Любовь платоническая и возвышенная, какъ любовь Орельена де-Сезъ,—гаснетъ и исчезаетъ въ силу своей неполноты и оторванности отъ жизни. Любовь страстная и счастливая—такъ же мало гарантирована отъ грубыхъ измѣнъ, „развлеченій“, вызываемыхъ вспышками грубой чувственности, какъ и прозаическая брачная любовь. Ничтожество ей имя“ — словно сказала себѣ Жоржъ Сандъ съ презрѣніемъ. Да, она мечтала видѣть *душу* въ любимомъ существѣ и сама отдавала всю свою душу, все существо. А *они*? „Развѣ для нихъ любовь *тоже* чувство? Развѣ у *нихъ* не вѣчно эти двѣ любви находятся въ противорѣчіи; развѣ они, любя женщину, не способны измѣнять ей съ первой попавшейся куртизанкой; или наоборотъ, при самыхъ интимныхъ отношеніяхъ, развѣ они не умѣютъ быть совершенно духовно-чуждыми той женщинѣ, къ которой такъ близки? Вѣрности и вѣчности въ любви не существуетъ. Все во власти минуты. Всѣ клятвы—обманъ. Всѣ мечты о сліяніи душъ—глупыя иллюзіи. Въ любви, какъ и во всемъ остальномъ, царствуетъ случай. Духъ и матерія враждебны и чаще всего матерія торжествуетъ надъ духомъ“... А тутъ кругомъ Авроры Дюдеванъ раздавались смѣлыя, ниспровергающія всѣ прежнія понятія, рѣчи романтиковъ и сенъ-симонистовъ, краснорѣчивыя тирады о законности всякой страсти и въ частности о всемогуществѣ страсти любовной, о нелѣпости противодѣйствовать этимъ страстямъ, а тѣмъ болѣе „естественнымъ“, о равноправности мужчинъ и женщинъ предъ законами природы, о несправедливости мѣрить разными мѣрками мораль мужчинъ и женщинъ и т. д. и т. д. У молодой и неопытной женщины, только что отвѣдавшей неособенно сладкаго запретнаго плода, закружилась голова среди всѣхъ этихъ парадоксовъ и проповѣдей. Въ то же время въ ней проснулись и прирожденные инстинкты самостоятельной и гордой независимости. Съ дѣтства уже стоило только ей ощутить малѣйшій гнетъ, малѣйшее давленіе со стороны окружающихъ, какъ она тотчасъ преисполнялась духомъ противорѣчія и „закусывала удила“. Годы скрытой, глухой

борьбы и недовольства въ Ноганѣ только обострили и до крайности развили этотъ духъ протеста и противорѣчія. Теперь повторилось то же, что однажды она уже испытала въ дѣтствѣ, когда бабушка сообщила ей о прошломъ и характерѣ ея матери. Такъ же, какъ и тогда, разочарованіе въ любимомъ существѣ, непоправимое горе, отсутствіе всякой надежды на лучшее будущее привели Аврору Дюдеванъ къ самому опасному и зловредному состояніе духа: къ озлобленой апатіи и отчаянному безразличію.

„А! коли та̀къ—такъ *все* все-равно!"—какъ-бы сказала она вновь себѣ.—А! они ищутъ въ любви лишь удовольствія, они отдаются всякой страсти безъ оглядки, они говорятъ, что среди своихъ безчисленныхъ „привязанностей" въ концѣ концовъ обрѣтаютъ настоящую истинную любовь, то всепоглощающее и всеоправдывающее чувство, о которомъ пишутъ романтики. Прекрасно? Отчего же и женщинѣ не поступать такъ же? Отчего она одна должна платиться за всѣ несчастья и неудачи? Какъ знать, всѣ предъидущія чувства ея, можетъ быть, были ошибками, а впереди ждетъ это прославленное всепоглощающее чувство?.." А тутъ на сторожѣ стояли и унаслѣдованный отъ дѣдовъ и отцовъ темпераментъ, и проснувшаяся жажда жизни и счастья...

И эта неутомимая искательница идеала, эта писательница, первый романъ которой Делатушъ нашелъ „слишкомъ добродѣтельнымъ" и потому непохожимъ на дѣйствительность и рискующимъ заслужить названіе „невѣроятнаго" со стороны читателей, эта мечтательница, любившая втеченіе 6 лѣтъ своего далекаго друга почти мистическою любовью, эта преданная подруга Жюля Сандо, проникнутая самыми свѣтлыми и честными взглядами на любовь и вѣрность,— теперь, очертя голову, бросилась въ погоню за забвеніемъ, за чисто внѣшними ощущеніями и удовольствіями. Окружающая ее среда, примѣры, которые она видѣла вокругъ себя, все толкало ее на этотъ опасный и темный путь.

Около этого времени познакомилась она съ Маріей Дорваль, знаменитой трагической актрисой. Дорваль была близкой пріятельницей Сандо (впослѣдствіи его любовницей) и познакомилась она съ Авророй необычайно:

„Я, кажется, только что напечатала *Индіану*, когда, чувствуя къ M-me Дорваль глубокую симпатію, я написала ей, прося принять меня. Я ничуть не была еще знаменита, и я не знаю даже, слыхала ли она что нибудь о моей книгѣ. Но мое письмо поразило ее своею искрен-

ностью. Въ тотъ самый день, когда она его получила, и въ ту минуту, какъ я говорила объ этомъ письмѣ Жюлю Сандо, дверь моей мансарды внезапно растворяется и мнѣ на шею порывисто бросается запыхавшаяся женщина, крича: „Вотъ это — я!“ Я ее никогда не видала иначе, какъ на подмосткахъ, но ея голосъ такъ запечатлѣлся въ моихъ ушахъ, что я сразу узнала его. Она была лучше чѣмъ хорошенькая, она была прелестная; и вмѣстѣ съ тѣмъ она была хороша собой, но такая прелестная, что ненужно было и этой красоты. Это было не лицо, но физіономія, душа! Она была еще тонка, и станъ ея, какъ тонкій тростникъ, казался колеблемымъ дуновеніемъ, чувствительнымъ ему одному. Жюль Сандо тогда сравнилъ ее со сломаннымъ перомъ, украшавшимъ ея шляпку. „Я убѣжденъ, сказалъ онъ, что понапрасну стали бы искать на свѣтѣ другое перо, болѣе легкое и мягкое какъ то, которое она носитъ. Это чудесное и единственное перо прилетѣло къ ней въ силу ихъ общаго сходства, или же упало изъ крыла странствующей феи“... [1]).

Прочтя письмо Жоржъ Сандъ, Марія Дорваль, по словамъ ея, вспомнила свое восторженное юношеское письмо къ m-lle Mars, которое та приняла холодно, хотя въ немъ юная Дорваль впервые сознала себя и высказалась какъ артистическая натура; почуявъ изъ письма Жоржъ Сандъ, что къ ней написала также истинная артистка, и не желая поступить какъ m-lle Mars, Дорваль и прилетѣла сама въ мансарду писательницы. Съ того дня между двумя художницами установилась самая сердечная и тѣсная дружба [2]).

Жоржъ Сандъ посвятила своей подругѣ цѣлую отдѣльную главу въ Histoire de ma vie [3]), въ которой разсказываетъ скорбную повѣсть этой несчастливой артистки,—слишкомъ порывистой и не щадившей своихъ силъ на сценѣ,—и несчастливой женщины,—слишкомъ искренней и не щадившей своей души въ жизни. Несмотря на свой громадный талантъ, она не достигла ни богатства, ни настоящей славы, которыя выпадаютъ на долю болѣе холодныхъ и разсчетливыхъ актрисъ. Вся жизнь ея была рядомъ увлеченій и отрезвленій, она жила, что называется „во всю“, не щадя ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ силъ, не зная сомнѣній, вся отдаваясь всякому новому чувству, точно такъ же, какъ она всякую новую свою роль играла со всей силой страсти и таланта. Она очевидно принадлежала къ тому типу артистовъ,

[1]) „Исторія“, томъ IV стр. 212—213.

[2]) Переписка между ними нашлась вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами Альфреда де-Виньи въ оставшихся послѣ Жюля Сандо документахъ и сохранилась и по сей день. Обнародовать ее однако представляется невозможнымъ.

[3]) Глава, посвященная ей, даже и озаглавлена ея именемъ „*Marie Dorval*“, стр. 205—237.

которые, какъ у насъ говорятъ, играютъ „нутромъ“, къ тѣмъ артистическимъ натурамъ, которыя въ силу своей искренности могутъ быть въ одномъ и томъ же актѣ удивительны—и никуда не годны, двѣ сцены вести съ неподражаемой силой, а третью сыграть совсѣмъ плохо и слабо [1]). Своихъ дѣтей она любила тоже страстно и беззавѣтно и испытала отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ увлеченіяхъ, холодность и неблагодарность. Умерла она, не перенеся смерти любимаго внука, посреди лишеній, бѣдности, переутомленная и точно сгорѣвшая отъ сжигавшаго ее внутренняго огня [2]). Мы не находимъ нужнымъ останавливаться подробно на главѣ „*Исторіи*“, посвященной Маріи Дорваль, потому уже, что глава эта кажется намъ (сколько разъ мы ее ни читали), написанной Жоржъ Сандъ *pro domo sua*. Напр., многое изъ отношеній Дорваль къ ея дочери, разбившей ея сердце, слишкомъ очевидно написано, Жоржъ Сандъ такъ подробно и съ такимъ сочувствіемъ, ибо эти отношенія являются точной копіей того, что сама Жоржъ Сандъ испытала въ томъ самомъ 1847 году, когда начала писать свою „*Исторію*“. Потому мы разсматриваемъ эту главу (Marie Dorval) не столько въ смыслѣ біографіи madame Дорваль, сколько чисто какъ автобіографически-психологическій документъ, важный для жизнеописанія самой Жоржъ Сандъ, и анализъ его отложимъ до разбора „*Исторіи моей жизни*“.

Несмотря на то, что *сущность души* Маріи Дорваль была возвышенна и прекрасна, но преисполненная всякихъ превратностей жизнь ея, страстный темпераментъ, свобода театральныхъ нравовъ, все это сдѣлало изъ нея подругу весьма опасную для молодой, 28-лѣтней женщины, которая, послѣ мечтательной и мистической жизни въ монастырѣ и деревнѣ, очутилась въ Парижѣ, какъ она сама говоритъ, „съ очень опредѣленными идеями по отвлеченнымъ вопросамъ, но съ совершеннымъ незнаніемъ жизни“. И Марія Дорваль, эта честная, наивная, горячая душа, тѣмъ не менѣе, оказала очень вредное

[1]) Такъ, напр., въ наши дни Дузе, послѣ поразительной игры въ сценахъ *съ вѣстникомъ* или въ палаткѣ Антонія вдругъ въ послѣднемъ актѣ „*Клеопатры*“ точно пропадаетъ куда-то, стушевывается и доигрываетъ пьесу вяло и безъ всякаго артистическаго подъема.

[2]) Dumas-père въ своихъ „*Les Morts vont vite*“ горячими, прекрасными словами помянулъ эту необыкновенную артистку и женщину и привелъ цѣлый рядъ трогательныхъ и потрясающихъ эпизодовъ изъ послѣднихъ дней ея жизни. („Les Morts von vite“. Oeuvres Complètes d' Alex. Dumas-père. Paris. Michel Lévy. 1889. 2 vol., II vol. p. 241).

вліяніе на Аврору Дюдеванъ, настолько вредное, что мы даже не считаемъ возможнымъ настаивать на этомъ пунктѣ.

А время, когда они познакомились, было и безъ того роковымъ для Жоржъ Сандъ. Все въ ней было въ броженіи, всѣ прежнія вѣрованія подвергались ломкѣ и пересмотру, всѣ надежды рушились; прошедшее было печально, настоящее—безотрадно, будущее—темно. И, едва порвавъ съ Сандо, съ горечью, болью, отчаяніемъ въ сердцѣ, съ разочарованіемъ въ душѣ, съ самыми черными и мрачными мыслями въ головѣ, Жоржъ Сандъ ищетъ забвенія или успокоенія въ новой связи ничѣмъ не оправдываемой, мимолетной до невѣроятности. Почти безъ любви, неизвѣстно для чего и почему, она сходится съ Проспероомъ Мериме. Вотъ что она сама пишетъ по этому поводу Сентъ-Беву [1]) и это такъ характеристично и ужасно по своей безотрадности, что не нуждается ни въ какихъ коментаріяхъ:

..."Ужасно старая, и все-таки еще молодая, я хотѣла покончить съ этою борьбою между будущимъ и настоящимъ: я хотѣла тотчасъ же устроить мою жизнь такой, какой она должна была всегда быть. У меня были, какъ у каждаго, дни серьезной рѣшимости и святой покорности; но, также какъ у всѣхъ, бывали дни полные страданій, безпокойства, смертельной тоски. Въ эти дни я бывала такъ отчаянно мрачна и грустна, что отчаявалась во всемъ и, готовая идти топиться, съ тоской вопрошала небо, неужели на землѣ нѣтъ счастья, облегченья, ну просто удовольствія?

Вы у меня не спрашивали моихъ тайнъ, да я и не тайны сообщаю вамъ, говоря то, что скажу, ибо не прошу васъ о молчаніи (discrétion), я готова была бы разсказать и напечатать всѣ факты моей жизни, еслибы я думала, что это можетъ быть полезно кому нибудь. Такъ какъ ваше уваженіе мнѣ полезно и необходимо, то я имѣю право показываться вамъ такою, какова я въ дѣйствительности, даже еслибъ вы отвергли мою исповѣдь.

Въ одинъ изъ этихъ дней тоски и отчаянія я встрѣтила человѣка, который ни въ чемъ не отчаявался, человѣка спокойнаго и силь-

[1]) См. Revue de Paris. 15 ноября 1896: „*George Sand*, *Lettres à Sainte Beuve*“, письмо отъ „іюля 1833 г.“. Письмо это не перепечатано въ *Собраніи писемъ* Ж. Сандъ *къ Мюссе и Сентъ-Беву*, изданномъ въ 1897 у Леви съ предисловіемъ г. Рошблава. Замѣтимъ впрочемъ, что письма къ Сентъ-Бсву и въ *Revue de Paris* и въ отдѣльномъ томикѣ напечатаны *не съ оригиналовъ*, а съ копій, полны ошибокъ, неточностей, опечатокъ, классифицированы и датированы совершенно произвольно, безъ всякаго хронологическаго порядка. (Мы имѣли случай познакомиться съ этой перепиской благодаря чрезвычайной любезности лица, кому она принадлежитъ). Къ этому письму и къ письму отъ 25 Августа относится то знаменитое *примѣчаніе* сдѣланное рукою Сентъ Бева, которое г-нъ Спульберкъ приводитъ въ своей книгѣ Les *Lundis d'un Chercheur* на стр. 173.

наго, который ничего не понималъ въ моей натурѣ и смѣялся надъ моими огорченіями. Сила его ума меня совершенно очаровала; цѣлую недѣлю я вѣрила, что онъ знаетъ, въ чемъ счастье, что онъ мнѣ это откроетъ, что его презрительная безпечность излѣчитъ меня отъ моей ребяческой чувствительности. Я думала, что онъ страдалъ, какъ я, и что онъ побѣдилъ внѣшнія проявленія своей чувствительности. Я еще не знаю, ошиблась ли я, и силенъ ли этотъ человѣкъ въ своемъ величіи или благодаря своему убожеству. Я все еще склонна вѣрить въ первое. Но теперь не все ли равно. Продолжаю свой разсказъ.

Я убѣдилась лишь, что я совершенно и абсолютно—*Лелія* [1]). Я хотѣла доказать себѣ, что нѣтъ, я надѣялась отречься отъ этого холоднаго, отвратительнаго образа. Я видѣла подлѣ себѣ женщину безъ удержа [2]) и она была удивительна (sublime), я же, строгая и почти дѣвственная, я была отвратительна въ своемъ эгоизмѣ и одиночествѣ. Я попробовала побѣдить свою натуру, забыть ошибки прошлаго. Этотъ человѣкъ, который хотѣлъ любить меня лишь съ однимъ условіемъ, и который съумѣлъ заставить меня дорожить своей любовью, убѣждалъ меня, что для меня можетъ существовать родъ любви, возможный для тѣла, опьяняющій для души. Я сама такъ понимала любовь прежде и говорила себѣ, что можетъ быть я недостаточно узнала, что такое душевная любовь, для того чтобы выносить другую; мною овладѣли то романическое безпокойство, та усталость, которая доводитъ до затменій (qui donne des vertiges), и которая дѣлаетъ то, что послѣ того, что все отрицаешь —все вновь пересматриваешь, и допускаешь заблужденія гораздо большія, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ только что отрекся. Итакъ, послѣ того что я полагала, будто цѣлые годы взаимной близости не могутъ меня привязать къ другому существу, я вообразила, что очарованіе немногихъ дней способно измѣнитъ мою жизнь. Однимъ словомъ, въ тридцать лѣтъ я поступила, какъ не поступила бы пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Мужайтесь.... окончаніе этой исторіи отвратительно разсказывать. Но отчего же я буду стыдиться оказаться смѣшной, если я не была преступной?

„Опытъ совершенно не удался. Я плакала отъ страданія, отъ отвращенія, отъ безнадежности. Вмѣсто того, чтобы найти привязанность, которая могла бы пожалѣть и утѣшить меня, я нашла лишь ѣдкую и пустую насмѣшку. Вотъ и все, а изъ всей этой исторіи пересказывали лишь два словечка, которыхъ я не говорила, кото-

[1]) Это письмо къ Сентъ-Беву помѣчено іюлемъ 1833 г., т.-е. написано за мѣсяцъ до выхода въ свѣтъ *Леліи*, но какъ мы укажемъ ниже и какъ извѣстно изъ предисловія Сентъ-Бева къ *Оберману* и изъ страницъ его Portraits Contemporains относящихся къ Жоржъ Сандъ, она еще въ мартѣ 1833 г. читала свой романъ въ рукописи Сентъ-Беву, и онъ былъ въ восхищеніи отъ этого произведенія и послѣ одного изъ такихъ чтеній написалъ ей замѣчательное, восторженное письмо, помѣченное 10 марта 1833 г. и приводимое г. Спульберкомъ въ его „*Véritable Histoire*“ стр. 96—99, которое Ж. Сандъ списала въ свою тетрадь замѣтокъ „Sketches and Hints“.

[2]) Т.-е. Марію Дорваль.

рыхъ M-me Дорваль не выдавала и не изобрѣтала и которыя не дѣлаютъ чести изобрѣтательности г. Дюма [1]).

Еслибы Просперъ Мериме меня понялъ, онъ можетъ быть полюбилъ бы меня, еслибъ онъ полюбилъ меня, онъ бы покорилъ меня, а еслибъ я могла покориться, я была бы спасена, потому что моя свобода меня грызетъ и убиваетъ. Но онъ меня недостаточно узналъ, а я, вмѣсто того, чтобы дать ему время на это, я сразу отчаялась и отвергла единственное условіе, которое могло бы привлечь его ко мнѣ [2]). Послѣ этой глупости (cette ânerie) я сдѣлалась еще болѣе

[1]) Разсказывая объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Мериме, его біографъ, г. Огюстенъ Филонъ говоритъ слѣдующее:... „Что Мериме краткое время пользовался милостями Жоржъ Сандъ это литературно-историческій фактъ, къ которому прицѣпилась довольно забавная легенда. Согласно съ этой легендой Сентъ-Бевъ, видя что M-me Сандъ одна и страдаетъ отъ этого одиночества, будто бы „наградилъ“ ее Проспeромъ Мериме. а Жоржъ Сандъ будто на другой же день написала ему, возвращая ему этотъ „подарокъ“ и упрекая Сентъ-Бевъ за него. Что Сентъ-Бевъ игралъ будто бы такую слишкомъ любезную роль и благословилъ гражданскій бракъ Мериме и г-жи Сандъ — это неправда. Но справедливо, что онъ выслушалъ признанія и жалобы. Письмо—(то самое, которое мы сейчасъ приводимъ)—кажется существуетъ до сихъ поръ; это письмо ходило по рукамъ и повредило Мериме. Обыкновенно очень сдержанный (discret), но раздраженный этими сплетнями онъ будто бы отомстилъ тѣмъ, что разсказалъ о своемъ пріятномъ, или непріятномъ, похожденіи подробности, болѣе забавныя, чѣмъ приличныя. Дѣйствительно ли онъ дурно поступилъ? Отнеся ли онъ къ этой женщинѣ, бывшей по меньшей мѣрѣ равной ему по таланту, какъ къ студенческому „похожденію“? Что несомнѣнно, это то, что онъ не далъ довести себя до того, до чего Мюссе, и это онъ хорошо сдѣлалъ. Мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ встрѣтилъ вновь ту, которую презрительно отвергъ и разсердилъ“...

Оставляя на отвѣтственности г. Филона мнѣніе, что Жоржъ Сандъ „по меньшей мѣрѣ по таланту равная“ Мериме, мы укажемъ на то, что утвержденіе, будто *онъ* ее „отвергъ и раздражилъ“ вполнѣ сходится со словами письма Жоржъ Сандъ къ Сентъ-Беву отъ 25 августа 1833 г.: „il m'a repoussée“—(Все это мѣсто выпущено въ томикѣ „Писемъ къ Сентъ-Беву и Мюссе“ изд. Леви 1897). Затѣмъ ограничимся лишь тѣмъ, что посовѣтуемъ всѣмъ прочесть интересную книгу г. Филона, изъ которой слишкомъ ясно видно всякому, насколько, натура и весь складъ Мериме не подходили къ Жоржъ Сандъ и обратно. О позднѣйшей встрѣчѣ ихъ, къ которой относится послѣдняя фраза, мы говоримъ ниже вкратцѣ такъ же, какъ вкратцѣ говоритъ о ней и г. Филонъ. (См. „Mérimée et ses amis“ par Augustin Filon, avec une Bibliographie des oeuvres complètes de Mérimeé par le v-te de Spoelberch de Lovenjoul. Paris. Hachette et C° 1894).

[2]) Очень многіе усмотрѣли въ небольшой повѣсти Мериме „La double Méprise“, вышедшей въ 1833 г., отголосокъ этого траги-комическаго эпизода. Спѣшимъ замѣтить, что исторія несчастной Жюли де Шаверни и скептическаго Дарси только тѣмъ и напоминаетъ эфемерную любовь M-me Сандъ и Мериме, что именно съ обѣихъ сторонъ произошла „ошибка“ и оба сочли другого за гораздо худшаго, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ Мериме рисуетъ свою героиню очень симпатичной.

пригнетенною, чѣмъ когда либо, и вы видѣли меня въ настроеніи очень близкомъ къ самоубійству"...

Эта мимолетная связь не оставила воспоминаній ни въ той, ни въ другой сторонѣ, и когда черезъ много лѣтъ, случайно, Жоржъ Сандъ и Мериме встрѣтились, то произошло это такъ: Однажды весною 1848 г. Монктонъ-Мильнсъ, впослѣдствіи лордъ Гаутонъ, богатый англичанинъ, жившій постоянно въ Парижѣ и очень извѣстный въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ въ числѣ прочихъ, весьма мало имѣющихъ между собою общаго, лицъ и Мериме. Кромѣ него были тутъ Токвиль [1]), Минье, Консидеранъ, еще нѣсколько фурьеристовъ и три дамы...

„У одной изъ нихъ были прекраснѣйшіе глаза, которые она опускала на свою тарелку. Она сидѣла противъ меня, и я находилъ что черты ея мнѣ не незнакомы. Наконецъ я спросилъ ея фамилію у моего сосѣда. Это была M-me Сандъ. Она показалась мнѣ гораздо красивѣе, чѣмъ прежде. Мы ничего другъ другу не сказали, какъ вы поймете, но мы очень другъ на друга поглядывали (nous nous sommes fort entre-lorgnés) [2]).

Впослѣдствіи Мериме оказался еще болѣе любезнымъ къ Жоржъ Сандъ и болѣе вѣрнымъ рыцаремъ, чѣмъ, увы! Сандо, не проявившій столь же рыцарскихъ чувствъ относительно своей бывшей подруги. Это было, когда въ 1861 г. Жоржъ Сандъ хотѣли присудить премію въ 20,000 фр. во французской Академіи. Премію присудили не ей, ибо она не получила должнаго числа голосовъ въ коммиссіи, занятой разсмотрѣніемъ вопроса о присужденіи этой преміи. Произошло же это оттого, что, по однимъ источникамъ, Жюль Сандо положилъ ей черный шаръ (подалъ голосъ противъ нея), а по другимъ потому, что онъ сказался больнымъ и вовсе не пришелъ въ засѣданіе, благодаря чему опять-таки партія враждебная Жоржъ Сандъ одержала верхъ [3]).

[1]) Самъ Токвиль, чрезвычайно характеристично разсказываетъ объ этой своей первой встрѣчѣ съ Жоржъ Сандъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*. Мы приведемъ въ свое время строки, посвященныя имъ разсказу объ этомъ обѣдѣ. (См. *Souvenirs de Alexis de Tocqueville*, p. 204).

[2]) Письмо Мериме къ графинѣ де Монтихо (матери Имп. Евгеніи)—См. „Mérimée et ses Amis", стр. 194—195). Только согласно приводимому письму этотъ обѣдъ произошелъ *до* 6 мая 1848 г., а Токвиль говоритъ, что онъ былъ *между* 12 мая и „Іюньскими днями".

[3]) Объ этомъ см. интереснѣйшія подробности и документы, въ книгѣ де Спульберка *Véritable Histoire de „Elle et Lui"* стр. 190—202, а также статью Тексіе (Texier) и книгу Низара „Souvenirs et Notes biographiques" par D. Nisard, Paris, 1888, in 8°.

Когда нѣсколько ранѣе этого самаго Сандо избрали въ члены Академіи, кто-то написалъ слѣдующее остроумное четверостишіе:

Entre Sand et Sandeau la froide Académie
A choisi le plus long et préféré Sandeau,
Le féminin talent au masculin génie.
Le vin pur lui fait peur, elle le trempe d'eau!

Не переводя этой непереводимой игры словъ и ничуть не намѣреваясь дѣлать общей литературной характеристики этого, по мнѣнію автора четверостишія, „женственнаго таланта", мы позволимъ себѣ теперь остановиться на одномъ его произведеніи, которое имѣетъ близкое отношеніе къ нашему предмету.

Одинъ симпатичный писатель очень тонко замѣтилъ, что любовь между поэтами почти всегда „сопровождается легкимъ запахомъ типографскихъ чернилъ". Дѣйствительно, лишь очень рѣдко разошедшіеся ex-любовники, имѣющіе несчастье принадлежать къ пишущей братіи, не берутся за перо, чтобы изобразить *его* или *ее*, и напрасно Брандесъ эту привычку приписываетъ лишь госпожамъ писательницамъ [1]): — сильный полъ въ этомъ не уступаетъ слабому. Подобной участи, напр., Жоржъ Сандъ настолько же подвергла своихъ бывшихъ пріятелей, насколько и сама подвергалась съ ихъ стороны. Но въ то время какъ въ „*Двойной ошибкѣ*" Мериме, (на что мы уже указали), слышится лишь весьма смутный отголосокъ кратковременной любви между авторомъ *Клары Газуль* и авторомъ *Леліи*, и въ то время какъ большинство читателей хоть по наслышкѣ знаетъ о *Confession d'un Enfant du siècle* Мюссе — лишь весьма немногіе знаютъ „*Маріанну*" — романъ Жюля Сандо, героиня котораго также списана съ Авроры Дюдеванъ и въ которомъ гораздо болѣе дѣйствительныхъ и взятыхъ съ натуры подробностей, чѣмъ въ романѣ Мюссе. Уже Сентъ-Бевъ однако былъ настолько пораженъ сходствомъ между завязкою этого романа и тѣмъ письмомъ Авроры Дюдеванъ къ мужу отъ 8 ноября 1825 г., о которомъ мы говорили и съ котораго у Сентъ-Бева была копія, что онъ на этой копіи приписалъ: „*Сравнить съ началомъ „Маріанны*". Дѣйствительно, если нельзя съ достовѣрностью сказать, съ кого написаны два героя романа *Гюставъ Бюсси* и *Анри Фелькеръ*, изъ которыхъ

[1]) См. его этюдъ о *Гете и Шарлоттѣ фонъ-Штейнъ*, гдѣ говорится также о Жоржъ Сандъ и Мюссе, Даніэлѣ Стернѣ и Листѣ и др. извѣстныхъ влюбленныхъ знаменитостяхъ.

въ первомъ есть черты и самого Сандо и Орельена де-Сезъ,— то не надо быть черезчуръ проницательнымъ читателемъ для того, чтобы сказать, что супруги *де Бельнавъ* написаны съ супруговъ Дюдеванъ, а чета ихъ друзей и родственниковъ *Вальтонъ* съ Ипполита Шатиронъ и его жены Эмиліи, съ нѣкоторыми чертами, впрочемъ, списанными съ Зои Леруа. Г. де Бельнавъ характеризованъ почти совершенно такъ же, какъ мужъ *Индіаны*, г. Дельмаръ. (Обращаемъ вниманіе на это сходство именъ: *Delmare-Belnave*). Жюль Сандо относится, правда, къ нему съ нѣсколько бо̀льшимъ сочувствіемъ и мягкостью, чѣмъ Жоржъ Сандъ къ своему полковнику, подъ конецъ заставляетъ его даже играть очень благородную и великодушную роль, но и у Сандо характеристическою чертою этого землевладѣльца и фабриканта, безвыѣздно живущаго въ своемъ имѣніи *Бланфоръ* (читай: „Ноганъ“), является необычайная прозаичность [1]). А вотъ портретъ Маріанны:

...„Молодая, прекрасная, прекрасная тою красотой, которая оттѣнялась еще видомъ мечтательнаго страданія, Маріанна появилась въ Баньерѣ (sic!) какъ поэтическое созданіе генія. Это была одна изъ тѣхъ душъ, которыя ничѣмъ не обязаны свѣту, незнающему ихъ. Она была воспитана въ деревнѣ- (ранѣе говорится, что она воспитана была *бабушкой*),—откуда она впервые выѣхала, и ея манеры представляли собою смѣсь застѣнчивости и смѣлости; часто она высказывала даже какую-то рѣзкую подвижность—(Вспомнимъ неустрашимыя поѣздки Авроры съ Зоей въ горы и знаменитое: „Ты оригинальничаешь!“),—которая происходила отъ затаеннаго безпокойства и неудовлетвореннаго жара душевнаго. Такъ какъ она была проста въ обращеніи и почти по мужески держала себя (sic!), то съ ней было легко сойтись, но благодаря ея цѣломудренной гордости и природному благородству, въ ея существѣ, при всей ея небрежной безпритязательности, чувствовалось что-то дѣвическое и царственное“.

(— Кто не узнаетъ въ этомъ внучку Маріи Авроры Саксонской, умѣвшую быть „знатной дамой“, поэтически-мистическую подругу де-Сеза, воспитанную по мужски ученицу Дешартра и удалаго „товарища“ ла-шатрской молодежи!).

„Это страннымъ образомъ противорѣчило ея презрѣнію къ свѣтскимъ условностямъ, но если никто лучше ея не умѣлъ внушить и ободрить возникающую симпатію то никто лучше ея не умѣлъ внушить и святое уваженіе. Все въ ней выдавало богато-одаренную натуру, волнующуюся подъ бременемъ этихъ пропадающихъ въ бездѣятельности даровъ. Казалось, кипучая жизнь прячется въ локонахъ ея черныхъ роскошныхъ волосъ. Казалось,

[1]) См. *Marianna*, стр. 38, 39 - 41. (Nouvelle edition. Paris, Charpentier. 1885).

что огонь таился подъ этой смуглой, тонкой, прозрачной кожей. Станъ ея былъ черезчуръ тонокъ, но она была стройна и держалась съ смѣлой граціей. Ея открытый и чистый лобъ ясно говорилъ, что гроза страсти еще не пронеслась надъ этой благородной головой, но выраженіе ея глазъ, жгучее, усталое, болѣзненное, выдавало ужасную, непрестанную, невысказанную борьбу“. [1]).

Въ то время, какъ г. де-Бельнавъ, весь поглощенный хозяйственными заботами и распоряженіями по фабрикѣ,—совсѣмъ какъ Казиміръ Дюдеванъ—„окончательно каменѣетъ въ повседневной дѣйствительности“, Маріанна скучаетъ и томится въ одиночествѣ.

„Живопись, фортепьяно, чтеніе новѣйшихъ романовъ, верховая ѣзда, одинокія прогулки—вотъ что̀ наполняло ея праздность. Притомъ она сохранила ровное расположеніе духа и мягкій характеръ, такъ что г. де-Бельнавъ и не подозрѣвалъ, что его жена могла бы быть несчастливой. О, конечно, она была счастлива, но только она смертельно скучала“..... [2]).

И вотъ однажды, когда мужъ случайно вошелъ въ комнату Маріанны, которая печально любовалась вечернимъ пейзажемъ, ея грусть внезапно разрѣшилась припадкомъ безпричинныхъ слезъ (Казиміръ Дюдеванъ—если помнитъ читатель—удивился не менѣе г. де-Бельнава такому взрыву непонятнаго отчаянія!) Немедленно было рѣшено, что Маріаннѣ слѣдуетъ развлечься и супруги уѣзжаютъ... въ Пиренеи! Въ Баньерѣ Маріанна знакомится съ болѣе или менѣе поэтическимъ молодымъ человѣкомъ, Гюставомъ Бюсси. Завязывается романтическая любовь—совершенное подобіе любви Авроры Дюдеванъ къ Орельену де-Сезъ. Потомъ наступаетъ разлука. Бельнавы ѣдутъ назадъ въ Бланфоръ.

„Все приняло новый видъ для Маріанны. Красоты природы, которыя она даже не замѣтила по дорогѣ въ Баньеръ, повергли ее на возвратномъ пути въ нѣмое восхищеніе. Ей казалось, что земля расцвѣла, что небо стало по новому прекраснымъ, что лѣса, поля и холмы нарядились въ праздничный нарядъ для ея проѣзда. Какая перемѣна произошла съ нею?..“ [3]).

— Да та̀ же, что̀ и съ Авророй Дюдеванъ, когда она возвращалась изъ Пиренеевъ и о чемъ она сама разсказываетъ въ „*Исторіи моей жизни* [4]). Начинается усиленная переписка между Бланфоромъ и Баньеромъ, которой способствуетъ то обстоятельство,

[1]) Marianna, стр. 35—36.

[2]) Ibidem, стр. 45.

[3]) Ibidem, стр. 51.

[4]) См. выше глава V.

что въ Баньерѣ остались *общіе друзья*. (Читай „Зоя Леруа“). И тѣ страницы, которыя Сандо посвящаетъ разсказу о характерѣ этой переписки, бывшей для Маріанны единственнымъ утѣшеніемъ и отрадой, о томъ, какъ Маріанна по ночамъ, когда всѣ засыпали и все умолкало въ Бланфорѣ, цѣлыми часами писала своему отсутствующему другу, посвящала его во всѣ подробности своей жизни, изливала ему всѣ свои огорченія, сомнѣнія, надежды, раскрывала всѣ тайники своей души, эти страницы можно смѣло подставить въ „*Исторію моей жизни*“ на мѣсто тѣхъ, гдѣ Жоржъ Сандъ разсказываетъ о своихъ бесѣдахъ съ „отсутствующимъ существомъ“, и которыя мы приводили выше [1]).

Эта переписка, какъ и переписка Индіаны съ Раймономъ, является причиной семейной катастрофы, что̀ намъ еще разъ доказываетъ, что Сандо пользовался личными разсказами Авроры Дюдеванъ, какъ матеріаломъ для своего произведенія. „Говорятъ, что манія писать погубила всѣхъ любовниковъ, всѣ они погибли изъ-за нея“—такъ начинается, совершенно какъ въ „*Индіанѣ*“, глава, повѣствующая затѣмъ о томъ, какъ во время отсутствія Маріанны изъ Бланфора, г. де-Бельнавъ вошелъ въ ея комнату, чтобы отыскать какой-то счетъ, какъ онъ впервые обратилъ вниманіе на всѣ мелочи и вещицы, составлявшія особенность этой комнаты. Слишкомъ ясно, что эта комната во многомъ похожа на комнату Авроры Дюдеванъ въ Ноганѣ:

„*Сушеныя растенія на полкахъ, кристаллы и минералы, привезенные изъ Пиренеевъ; на кушеткѣ въ безпорядкѣ лежали книги, ноты, фарфоровыя палитры; альбомы были небрежно брошены* на столикѣ маркетри между *лакированными и палисандровыми ящичками.* На каминѣ стояло нѣсколько художественныхъ вещицъ...“ На томъ же каминѣ лежалъ „*хлыстикъ* съ чеканенной золотой ручкой, украшенной бирюзой рядомъ разорванная перчатка и *букетъ лютиковъ*“.

(Очевидно Маріанна тоже ученица Жюля Неро́!)

„*Амазонская шляпа*, забытая валялась на коврѣ. Г. де-Бельнавъ, поднявъ ее, ясно представляетъ себѣ подъ слегка изогнутыми фетровыми полями, волны, струящихся свободно волосъ, окружающихъ лобъ богини, *черные глаза полные цѣломудреннаго огня*, орлиный, гордо-изогнутый носъ и всю эту благородную голову, которая точно ждала царскаго вѣнца“... [2]).

Далѣе г. де Бельнавъ,—совсѣмъ какъ г. Дюдеванъ послѣ ноябрьскаго письма 1825 г.,—внезапно испытываетъ приливъ

[1]) См. главу V.

[2]) Marianna, стр. 115—124.

нѣжности и любви къ женѣ и начинаетъ цѣнить и восхищаться всѣми ея прелестными чертами, и физическими и духовными. Наконецъ онъ случайно находитъ альбомъ, въ которомъ среди рисунковъ и замѣтокъ—(У Авроры Дюдеванъ былъ такой альбомъ съ надписью *Sketches and Hints*)—лежатъ разныя письма и между прочимъ письмо де-Бюсси изъ котораго де-Бельнавъ узнаетъ о платонической любви жены къ нему. Маріанна между тѣмъ находится въ Парижѣ, куда она, опять таки по странному совпаденію, пріѣзжаетъ немедленно послѣ іюльской революціи, и на нее *духъ времени* вліяетъ совершенно такъ-же, какъ на переселившуюся въ Парижъ подругу автора „*Маріанны*“. Г. де-Бельнавъ спѣшитъ въ Парижъ, чтобы выяснить дѣло и,—какъ это случилось съ Дюдеваномъ въ Бордо,—попадаетъ на трогательную сцену прощанія Маріанны съ ея, пока еще платоническимъ, возлюбленнымъ. Временно усиліями де Бельнава и благоразумной Ноэми Вальтонъ, (какъ Сандо назвалъ Эмилію Шатиронъ или Зою Леруа), Маріанна водворяется подъ супружескій кровъ. Но катастрофа все-таки наступаетъ, Маріанна переселяется окончательно въ Парижъ, становится любовницей де-Бюсси, но Бюсси,—холодное сердце и его любовь къ Маріаннѣ скоро гаснетъ. Отвергнутая имъ, разочарованная въ самомъ чувствѣ любви, Маріанна становится неспособною на безраздѣльное чувство и губитъ полюбившаго ее юношу Анри Фелькера, а затѣмъ и сама все теряетъ въ жизни и даже на вѣки покидаетъ вновь было открывшійся ей, благодаря великодушію де-Бельнава, домъ мужа.

Повидимому Жюль Сандо, узнавъ о послѣдующей судьбѣ и жизни Авроры Дюдеванъ послѣ своего разрыва съ ней, хотѣлъ въ этомъ романѣ объяснить и оправдать дальнѣйшее поведеніе Жоржъ Сандъ и какъ бы бралъ на себя вину въ ея позднѣйшихъ любовныхъ исторіяхъ. Или же,—если подъ Бюсси подразумѣвать де-Сеза,—то взваливалъ вину во всѣхъ дальнѣйшихъ несчастіяхъ и заблужденіяхъ Жоржъ Сандъ на автора ея перваго разочарованія, де-Сеза, и этимъ первымъ разочарованіемъ объяснялъ недолговѣчность и своего романа съ Авророй Дюдеванъ. Многія же сцены между Анри Фелькеромъ и Маріанной являются совершеннымъ воспроизведеніемъ любовныхъ перипетій между Жоржъ Сандъ и Мюссе. Какъ бы то ни было, а Маріанна въ этомъ романѣ возбуждаетъ полнѣйшее сочувствіе читателей и ее жалѣешь и оправдываешь даже въ ея заблужденіяхъ. Кажется таково было мнѣніе и Сандо о Жоржъ Сандъ. Прежде чѣмъ навсегда оставить Сандо, скажемъ, что. по сло-

вамъ Гренье [1]) Левалуа [2]) и разныхъ другихъ лицъ, хорошо знавшихъ Сандо и писавшихъ о немъ, а также лицъ лично говорившихъ намъ о немъ, Жюль Сандо тѣмъ не менѣе никогда не могъ утѣшиться, что по собственной винѣ потерялъ свою возлюбленную, и до конца жизни говорилъ о ней буквально со слезами на глазахъ. Съ другой стороны одинъ извѣстный писатель, хорошо знавшій Ж. Сандъ въ послѣднія 15 лѣтъ ея жизни, говорилъ намъ, что изъ всѣхъ своихъ бывшихъ пріятелей, объ одномъ только Сандо Жоржъ Сандъ отзывалась съ нескрываемымъ презрѣніемъ, почти съ отвращеніемъ. Это одно показываетъ силу ея тогдашняго разочарованія и скорби.

Но возвратимся къ эпохѣ, послѣдовавшей за разрывомъ съ Сандо и мимолетной любовью къ Мериме. Мы коснулись этого эпизода, повидимому совершенно лишеннаго значенія, лишь для того, чтобы показать въ какомъ затменіи и хаосѣ была тогда душа Жоржъ Сандь, къ какимъ паденіямъ и аберацiямъ привели ее, эту пылкую идеалистку, ложно понятыя и непереваренныя теоріи, опасный темпераментъ и дошедшее до послѣднихъ предѣловъ разочарованіе и пессимизмъ.

Когда она очнулась, она преисполнилась ужаса и отвращенія къ самой себѣ; мысль о самоубійствѣ опять съ новой силой, овладѣла ея душой; горечь, боль, униженіе переполняли ея сердце. Къ чему привело ее исканіе истины? истинной любви? Гдѣ была ея чистота душевная, ея достоинство, ея гордость?! Все погибло, все потеряно даромъ, все оказалось безсильнымъ! ненужнымъ!

Вотъ выдержка изъ одного ея позднѣйшаго письма къ Сентъ-Беву, написаннаго послѣ ея разрыва съ Мюссе 4 апрѣля 1835 г., но которое чрезвычайно важно и вообще для характеристики Жоржъ Сандъ въ ея молодые годы, а въ частности также и для яснаго представленія о „бурной и хмурной", хаотически-безпорядочной полосѣ ея жизни съ 1831 по 1833 [3]).

[1]) *E. Grénier*: „*Souvenirs littéraires*, George Sand". (Revue bleue. 15 octobre 1892).

[2]) *Jules Levallois*: „Saint-Beuve, Gustave Planche, George Sand", Souvenirs littéraires. (*Revue bleue*. 19 Janvier 1895).

[3]) Письмо это было впервые обнародовано г. Шарлемъ де Ломени (на стр. *Nouvelle Revue* 1 мая 1895), а затѣмъ перепечатано, какъ и предъидущее письмо Жоржъ Сандъ къ Сентъ Беву, *отъ марта 1835*, также обнародованное г. де Ломени, въ книгѣ виконта де Спульберка „*Veritable Histoire*". Оба оригинала писемъ, какъ и вся переписка съ Сентъ Бевомъ въ настоящее время принадлежитъ г. де Спульберку. (Оно перепечатано также и въ томикѣ „Lettres de George Sand à Alfred de Musset et à S-te Beuve", Lévy 1897, но съ невѣрной датой „конецъ марта" вмѣсто „*4 апрѣля*"). Мы уже выше (стр. 134) ссылались на это письмо.

..."Я вижу, что вся моя вина и зло заключаются въ жадной гордости, которая меня погубила. Все въ окружающихъ меня вещахъ (въ томъ, что Жоффруа де Сентъ-Илэръ назвалъ бы "*monde ambiant*"), все призывало меня къ той жизни, полной безпечнаго самомнѣнія и нахальнаго героизма. Но я упустила изъ виду человѣческую слабость, которая должна была при всякомъ моемъ шагѣ впередъ заставлять меня дѣлать два шага назадъ. Живя для себя одной и рискуя собою одной, я всегда подвергала себя опасности и жертвовала собою, какъ существомъ свободнымъ, одинокимъ, ненужнымъ другимъ, располагающимъ собою до того, что оно могло рѣшиться на самоубійство ради partie de plaisir и ради скуки ото всего остального. *Да будутъ прокляты тѣ люди и книги, которые мнѣ въ томъ помогли своими софизмами*! (sic). Я должна была бы придерживаться Франклина, который составлялъ мое наслажденіе до 25-ти лѣтъ и портретъ котораго, висящій надъ моей кроватью, всегда возбуждаетъ во мнѣ желаніе заплакать, какъ портретъ друга, которому бы я измѣнила. Я не вернусь больше къ Франклину, ни къ моему духовнику-іезуиту, ни къ моей первой платонической шестилѣтней любви, ни къ моимъ коллекціямъ насѣкомыхъ и растеній, ни къ удовольствію кормить дѣтей, ни къ охотѣ на лисицъ, ни къ галопу верхомъ на лошади. Ничего изъ того, что было, не будетъ вновь. Я слишкомъ это знаю..."

Но кромѣ этихъ личныхъ причинъ для разочарованія и пессимизма всѣ внѣшнія впечатлѣнія тогдашней жизни Жоржъ Сандъ складывались такъ, что не могли не отразиться на ея настроеніи и образѣ мыслей. Когда она сдѣлалась знаменитой, и слава доставила ей матеріальный достатокъ, то благодаря безчисленному количеству лицъ, которыя стали обращаться къ ней за помощью и милостынею, Жоржъ Сандъ вдругъ познакомилась съ темнотою и нищетою, составляющей обратную сторону нашей цивилизаціи—и ужаснулась.

"Я занималась благотворительностью и занималась ею долго въ глубокой тайнѣ, наивно думая, что это есть доброе дѣло, которое надо скрывать... Увы! узнавъ глубину и ужасъ нищеты, я поняла, что жалость такая не терпящая отлагательствъ обязанность, что нѣтъ никакой заслуги въ томъ, что испытываешь ея мучительные уколы, и къ тому же въ обществѣ, до такой степени противномъ закону Христову, молчать объ этихъ язвахъ значитъ быть малодушнымъ и лицемѣрнымъ. Вотъ къ какимъ убѣжденіямъ привело меня начало моей художнической жизни, а это было еще только начало! Но едва я приступила къ вопросу о причинѣ этого общаго горя, какъ ужасъ, доходящій до безумія, охватилъ меня. Я о многомъ передумала, много огорченій испытала въ одиночествѣ Ногана, но я была поглощена и какъ бы ошеломлена собственными заботами. Я вѣроятно подчинилась духу времени, который тогда способствовалъ тому, что всякій замыкался въ эгоистическія страданія, воображалъ себя Оберманномъ или Рене и приписывалъ себѣ необыкно-

венную чувствительность, а слѣдовательно и страданія, незнакомыя толпѣ. Среда, въ которой я тогда чувствовала себя одинокой, была такова, что убѣждала меня, насколько всѣ не думаютъ и не страдаютъ по-моему, ибо я видѣла вокругъ себя лишь заботы о матеріальныхъ интересахъ, тотчасъ же утопающія въ удовлетвореніи этихъ самыхъ интересовъ. Когда мой горизонтъ расширился, когда мнѣ представились всѣ огорченія, всѣ нужды, отчаянія, всѣ пороки великой общественной среды, когда мои размышленія не относились уже къ моей личной судьбѣ, а къ судьбѣ міра, въ которомъ я была лишь атомомъ,—то моя личная безнадежная тоска распространилась на все существующее, и роковой законъ судьбы явился мнѣ такимъ ужаснымъ, что разумъ мой пошатнулся.

Представьте себѣ человѣка, дожившаго до 30 лѣтъ, не открывая глазъ на дѣйствительность, и въ то же время имѣющаго отличные глаза, чтобы видѣть; человѣка, серьезнаго и строгаго въ глубинѣ души, который долго убаюкивалъ и усыплялъ себя поэтическими грезами, восторженной вѣрой въ божественное, иллюзіями о возможности совершенно отказаться отъ всѣхъ интересовъ общественной жизни—и который, пораженный страннымъ зрѣлищемъ этой общественной жизни, обнимаетъ ее, проникаетъ ее всю однимъ яснымъ взглядомъ, въ силу своей чистой юности и здоровой совѣсти... [1]).

„Общественная жизнь“,—говоритъ она нѣсколько ранѣе, въ той же Histoire,—„вскорѣ сдѣлалась такой мрачной и трагической, что отразилась и на мнѣ. Холера прежде всего захватила кварталъ, гдѣ мы жили. Она быстро приблизилась, поднялась по этажамъ дома, гдѣ мы жили, сразила 6 человѣкъ и остановилась у дверей нашей квартиры, точно отвергнувъ съ презрѣніемъ такую ничтожную добычу“...

Жоржъ Сандъ и ея друзья ежедневно со страхомъ и трепетомъ пересчитывали свой маленькій кружокъ, ужасаясь при всякомъ отсутствіи кого-либо...

„Какое ужасное зрѣлище были эти непрерывныя похороны мимо моихъ оконъ и черезъ мостъ Сенъ-Мишель. Въ иные дни перевозочныя мебельныя фуры, сдѣлавшіяся дрогами бѣдняковъ, безпрерывно слѣдовали одна за другой, и самое ужасное были не покойники, наваленные какъ попало, словно тюки, нѣтъ это были эти погонщики, ускоряющіе шагъ, стегающіе лошадей, ругающіеся; это были прохожіе, въ страхѣ удаляющіеся отъ отвратительнаго поѣзда; это была злоба рабочихъ, которые вѣрили въ мнимое отравленіе и кулаками грозили небу; а когда проходили эти угрожающія кучки людей,—то были апатія и безпечность, дѣлавшія лица остальныхъ возмутительными и глупыми,.. Среди этой мрачной бѣды произошла кровавая драма у Сенъ-Мерри [2]).

Вообще это было время всеобщаго разочарованія и упадка... „Республика, о которой мечтали въ іюлѣ, привела къ варшавской рѣзнѣ и бойнѣ въ оградѣ Сенъ-Мерри. Холера только что унесла десятую

[1]) „Исторія“. т. IV, стр. 173—174.

[2]) Ibid., т. IV, стр. 111—113.

часть человѣчества. Сенъ-симонизмъ, который временно увлекъ воображеніе всѣхъ, былъ подвергнутъ преслѣдованіямъ и не привелъ ни къ чему, не разрѣшивъ великаго вопроса любви, или даже, по моему, запятнавъ его. Искусство тоже осквернило жалкими уродствами колыбель своей романтической реформы. Это было время ужаса и насмѣшки, пораженія и безстыдства; одни плакали надъ развалинами своихъ великодушныхъ грезъ, другіе смѣялись на первыхъ ступеняхъ безчестнаго торжества; никто болѣе ничему не вѣрилъ, одни отъ отчаянія, другіе отъ атеизма.

Въ моихъ прежнихъ вѣрованіяхъ ничто не опредѣлилось еще,— въ смыслѣ общественныхъ взглядовъ—настолько, чтобы помочь мнѣ бороться противъ катастрофы, которая привела къ царству матеріализма, а въ республиканскихъ и соціальныхъ современныхъ идеяхъ я не находила достаточнаго свѣта, чтобы побѣдить тьму, которую Маммона открыто насылалъ на міръ. И я оставалась одна со своими грезами о всемогущемъ Божествѣ, которое не было всеблагимъ, ибо оно оставляло человѣчество во власти его собственной грѣховности и безумія“ [1]).

Всѣ эти религіозные, политическіе и соціальные вопросы глубоко волновали ее, и, по своей страстной натурѣ, она хотѣла тотчасъ же найти имъ и разрѣшеніе. Въ самыхъ первыхъ романахъ и повѣстяхъ ея она уже затрогивала вопросы общественнаго неравенства („Валентина“, „Маркиза“), тяжелыя нравственныя проблемы, происходящія отъ ненормальнаго устройства семьи и общества („Индіана“), съ тѣхъ поръ эти вопросы еще глубже сроднились съ ея душою; религіозныя сомнѣнія и разочарованія въ законахъ общей нравственности мучили и волновали ее чуть не сильнѣе вопросовъ ея личной жизни. Идеи сенъ-симонистовъ, отголоски недавнихъ событій 1830—32 годовъ, всѣ вновь пробудившіеся въ живой части французскаго общества идеалы конца прошлаго столѣтія, искавшіе себѣ выраженія и примѣненія и проявлявшіеся основаніями сектъ и обществъ, необычайнымъ расцвѣтомъ литературы, искусства и политической жизни,—все это отражается то сильнѣе, то слабѣе рѣшительно во всякомъ изъ ея произведеній, даже въ самыхъ незначительныхъ, иногда одной всего какой-нибудь фра-

[1]) „Исторія“, т. IV, стр. 175. Совершенно то же самое говорила Ж. Сандъ и гораздо позднѣе, когда въ VIII главѣ „*Impressions et Souvenirs*“, разсказывая постепенную эволюцію своихъ религіозныхъ вѣрованій съ отрочества и до старости, она писала: „что́ спаслось изъ этого потопа (cette houle) и что впослѣдствіи и во всѣхъ возрастахъ спаслось и дѣйствительно и неустанно всплывало—это необходимость вѣры въ Божественную любовь... Я бы скорѣе согласилась вѣрить, что Бога нѣтъ, чѣмъ думать, что Онъ безучастенъ“... и прибавляла, что всякій разъ, какъ эта послѣдняя мысль овладѣвала ею, она, „иногда на 24 часа, дѣлалась атеисткой“... Это же случилось и въ 1833 году.

зой, иногда просто выборомъ словъ. Вопреки общепринятому дѣленію романовъ Ж. Сандъ на три періода—(психологическихъ до начала 40-хъ годовъ, тенденціозно-соціальныхъ до 1849 г. и идиллически-деревенскихъ [1]) съ возвращеніемъ къ первой манерѣ послѣ этого, 1849, года),—дѣленію, по которому Жоржъ-Сандъ будто бы затрогивала общественные вопросы только въ среднемъ періодѣ,—мы утверждаемъ, что и въ тѣ первые годы, какъ и позднѣе, Жоржъ Сандъ была не только „мучима божественными вещами" (tourmentée des choses divines), но также, и еще болѣе даже, ее мучили и тревожили вопросы человѣческіе. Ни Мишель изъ Буржа, ни Ламеннэ, ни Пьеръ Леру еще не передавали ей своихъ системъ, но интересы къ подобнымъ системамъ, но почва для нихъ была готова, хотя Ж. Сандъ впослѣдствіи и любила изображать свое *обращеніе* къ соціальнымъ вопросамъ въ видѣ почти внезапнаго откровенія, нисшедшаго на нее во время спора съ Мишелемъ ночью на мосту. Это нѣсколько поэтическая вольность. И изъ сочиненій и изъ писемъ Жоржъ Сандъ мы видимъ, что ей *обращаться* было нечего; всѣ эти вопросы давно ее интересовали, можетъ быть, лишь не такъ сильно. И уже давно въ квартирѣ на набережной Malaquais, въ аллеяхъ Ногана и у водопада Юрмонъ, Аврора Дюдеванъ цѣлыми часами бесѣдовала со своимъ другомъ Роллина о разныхъ общечеловѣческихъ бѣдствіяхъ, несправедливостяхъ и средствахъ помочь имъ. Недаромъ въ письмѣ къ Роллина она и „*Лелію*" назвала „*вѣчнымъ разговоромъ между ними двумя*". Вотъ, какіе глубокіе вопросы волновали ее, когда она писала *Лелію* тотчасъ послѣ разочарованія, охватившаго всѣхъ переживщихъ переворотъ 1830—32 года...

„Есть страданіе, которое труднѣе переносится, чѣмъ всѣ страданія, поражающія нашу личность. Оно заняло такое мѣсто въ моихъ размышленіяхъ, оно имѣло такую власть надъ моей жизнью, такъ отравляло мнѣ періоды личнаго счастья, что я должна и о немъ поговорить. Это страданіе — общее несчастье, это страданіе всего человѣческаго рода, это созерцаніе, сознаніе и размышленіе о судьбѣ человѣка на землѣ. Устаешь наблюдать самого себя. Мы такія маленькія существа, тотчасъ исчерпываемыя, и исторія каждаго изъ насъ такъ живо пробѣгается памятью... Мы начинаемъ понимать и чувствовать самихъ себя въ самомъ дѣлѣ, только забывая о себѣ и теряясь въ великомъ сознаніи всего человѣчества. Тогда, на ряду съ извѣстными радостями и славами, лучи которыхъ насъ возвышаютъ и восхищаютъ, насъ охватываетъ вдругъ непобѣдимый ужасъ и жгучіе

[1]) Мы уже указали выше насколько это дѣленіе произвольно относительно изображенія деревенской жизни и типовъ въ романахъ Жоржъ Сандъ.

укоры совѣсти при видѣ бѣдствій, преступленій, безумій, несправедливостей, глупостей, позора племени, покрывающаго шаръ земной и называющагося человѣкомъ. Нѣтъ честолюбія, нѣтъ эгоизма, которые могли бы насъ утѣшить, когда мы отдадимся этимъ мыслямъ. ...Не нужно быть святымъ, чтобы жить этой жизнью другихъ и чтобы чувствовать, что общее горе отравляетъ и портитъ личное счастье. Всѣ, да, всѣ мы испытываемъ это общее страданіе и даже тѣ, которые, повидимому, всего менѣе о немъ заботятся, достаточно еще безпокоятся о немъ, потому что опасаются отраженія его на хрупкомъ зданіи своего благополучія... Два человѣка не встрѣчаются, три человѣка не сойдутся безъ того, чтобы отъ личныхъ интересовъ тотчасъ не перейти къ интересамъ общимъ, ставить вопросы другъ другу, отвѣчать и волноваться..“

Немудрено, подводя итоги всѣмъ этимъ личнымъ и общественнымъ огорченіямъ, что и всѣ письма Жоржъ Сандъ 1832 и начала 1833 года полны мрачнаго отчаянія и тоски. Она пишетъ Роллина̀ изъ Ногана въ январѣ 1832 г.:

„Я не смогу рѣшиться описать вамъ мою жизнь за эти двѣ недѣли, я должна поговорить съ вами. Пріѣдете ли вы?..“

Въ мартѣ она опять пишетъ ему:

„Писать вамъ, мой другъ, невозможно. Самое большое, что я могла бы сдѣлать,—это говорить вамъ о себѣ. Я устала жить—вотъ все, что я знаю, а все, что я чувствую въ данную минуту, такъ это то, что пусть меня никто не любитъ, я сію минуту (pour le quart d'heure) неспособна платить взаимностью. Забудьте меня, какъ забываютъ мертвыхъ. Когда я вернусь къ жизни, я вновь уѣду въ Парижъ и тогда я, конечно, увижу васъ въ Шатору. А до тѣхъ поръ давайте мнѣ отъ времени до времени признаки жизни. Если вы можете вырваться на денекъ—пріѣзжайте. Если нѣтъ, помолитесь изрѣдка Богу за душу, томящуюся въ чистилищѣ (l'âme du purgatoire)“...

А Дюверне она пишетъ изъ Парижа 15 апрѣля:

...„бываютъ времена огорченія и грусти, когда вѣришь лишь тому, что ранитъ и оскорбляетъ“...

Мы уже видѣли ея августовское письмо къ Роллина:

...„я не поѣду въ Валансе, я не поѣду въ Шатору, я отправлюсь быть, можетъ, на кладбище“.

Въ маѣ 1833 года она пишетъ къ Роллина еще болѣе замѣчательное письмо, которое мы приводимъ почти цѣликомъ, за исключеніемъ послѣдняго §, который приведемъ современемъ:

Парижъ, 26 мая 1833 г.

Дорогой другъ. Ты вѣдь не думаешь, что я перемѣнила мнѣніе. Въ моихъ глазахъ ты все тотъ же лучшій и честнѣйшій изъ людей. Я не подавала тебѣ признаковъ памяти втеченіе многихъ мѣсяцевъ. Дѣло въ томъ, что я цѣлые вѣка пережила и мучилась

какъ въ аду за это время. Въ общественномъ отношенiи я свободна и болѣе счастлива. Мое положенiе внѣшне-спокойно, независимо и выгодно. Но для того чтобы этого достигнуть, ты не знаешь черезъ какiя грозы я прошла. Для того чтобы разсказать тебѣ о нихъ, надо было бы много вечеровъ провести въ аллеяхъ Ногана, при свѣтѣ звѣздъ, въ великой и прекрасной тишинѣ, которую мы такъ любили. Дай Богъ, чтобы эти времена вернулись и чтобы мы вновь вмѣстѣ любовались бы на лунный свѣтъ на Юрмонскомъ водопадѣ. Но надо умѣть пользоваться этой независимостью, такъ дорого прiобрѣтенной, а я на это болѣе неспособна. Мое сердце постарѣло на 20 лѣтъ и ничто въ жизни мнѣ болѣе не улыбается. Для меня не существуютъ болѣе страсти, глубокiя радости. Я въ гавани, но не какъ тѣ славные набабы, которые отдыхаютъ въ шелковыхъ гамакахъ и подъ кедровыми потолками своихъ дворцовъ, а какъ блѣдные пловцы, которые, сломленные усталостью и сожженные солнцемъ, бросили якорь и не могутъ болѣе пускаться въ путь на своихъ челнокахъ. Имъ нечѣмъ жить на сушѣ, да и суша надоѣдаетъ имъ. У нихъ была нѣкогда прекрасная жизнь, приключенiя, битвы, любовь, богатство. Они хотѣли бы начать все вновь, но судно ихъ лишилось мачтъ, грузъ потерянъ, приходится выброситься на песокъ и тутъ остаться. Ты понимаешь подъ этой прекрасной поэзiей хмурое настроенiе моей головы? Можетъ быть, спокойствiе, которое происходитъ отъ безсилiя— плохая штука. Съ тобой совсѣмъ другое дѣло...

„Вотъ подъ какими впечатлѣнiями я написала *Лелiю*", —такъ заканчиваетъ Жоржъ Сандъ въ Histoire разсказъ о горестныхъ впечатлѣнiяхъ и событiяхъ 1832 года и о своемъ тогдашнемъ настроенiи. Мы сдѣлаемъ тоже самое, и прямо переходимъ къ разсмотрѣнiю этого романа, начатаго въ 1832 году, но „остававшагося почти годъ въ портфелѣ" Жоржъ Сандъ [1]), и окончательно сданнаго въ печать лишь лѣтомъ 1833 года [2]).

Странная судьба этого романа. Изъ всѣхъ романовъ Жоржъ Сандъ онъ, пожалуй, болѣе всего создалъ ея репутацiю, о немъ болѣе всего кричали, всего чаще Жоржъ Сандъ называли „авторомъ *Лелiи*"—и онъ изъ всѣхъ ея вещей наиболѣе устарѣлъ. Длинноты, реторика, темнота, аллегоричность—и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайный жаръ душевный, глубина протеста и скептицизма. Лелiя—сестра Рене, Вертера и Манфреда, это титаническая натура, въ ней соединенiе рефлекса Чайльдъ Гарольда съ фаустовской жаждой знанiя и стремленiемъ къ свободѣ духа. Никому изъ современныхъ намъ читателей нельзя рекомендовать

1) Histoire, IV томъ, стр. 175—176.

2) Цитированное нами письмо отъ „iюля 1833",—(не напечатанное въ томикѣ Lévy „Lettres à S-te Beuve", а лишь въ Revue de Paris, 15 ноября 1896 года, № III)—оканчивается словами: „J'ai fini Lélia".

прочесть эту книгу, такъ она длинна и туманна, но кто ее прочтетъ, того охватитъ струя истинной поэзіи и страстнаго протеста великой души, ищущей пути къ свѣту и свободѣ. Содержаніе романа слѣдующее: Лелія д'Альваро (или, по другой версіи: д' Альмоваръ), разочаровавшись въ любви, въ людяхъ, въ религіи, томится и страдаетъ и отъ бездѣйствія, несвойственнаго ея кипучей натурѣ, и отъ разъѣдающаго ея душу анализа. Ее любитъ юный, нетронутый жизнью, поэтъ Стеніо. Она его тоже любитъ, но разочаровавшись еще въ юности — вслѣдствіе несчастной любви къ неподходящему къ ней человѣку—въ самомъ этомъ чувствѣ, она не хочетъ допустить, чтобы отношенія ея со Стеніо дошли до окончательной близости. Между Стеніо и Леліей идетъ глухая борьба, еще осложняемая тѣмъ, что Стеніо ревнуетъ Лелію къ таинственному Тренмору, бывшему кутилѣ и развратнику, невольному убійцѣ своей любовницы и каторжнику, а теперь праведнику, раскаявшемуся, искупившему долгими годами страданій всѣ свои грѣхи, очистившемуся размышленіями о самыхъ великихъ вопросахъ человѣчества и ставшему на путь дѣятельнаго служенія благу этого человѣчества. Стеніо узнаетъ исторію Тренмора, и ревность его успокаивается, но онъ не можетъ простить Леліи ея дружбы и уваженія къ Тренмору [1]), которыя не позволяютъ ей скрыть ни единой мысли отъ него, тогда какъ его самого, Стеніо, она бережетъ, какъ невиннаго ребенка, не хочетъ отравить своими сомнѣніями, и въ тоже время бережетъ и чистоту ихъ любви. Лелія даже бѣжитъ отъ близости любимаго человѣка. Сначала она удаляется въ разрушенный монастырь и

[1]) Г. Скабичевскій почему, то утверждаетъ, что Лелія любила раньше Вальмарино-Тренмора и потомъ „разочаровалась въ немъ“, тогда какъ Лелія ясно говоритъ, что любила тогда своего мужа, Эрмолао, который ничуть не похожъ на Тренмора по своимъ душевнымъ чертамъ и качествамъ. Наоборотъ, Тренморъ и для Леліи и для Жоржъ Сандъ является незыблемымъ идеаломъ. „Я подвигаюсь къ идеалу Тренмора“—пишетъ Ж. Сандъ С. Беву все въ томъ же іюльскомъ письмѣ, о которомъ не разъ упоминали и о которомъ будемъ еще говорить ниже,—и подъ этимъ „идеаломъ Тренмора“ несомнѣнно слѣдуетъ подразумѣвать „самоотверженное и полное отреченія отъ собственной личности, служеніе человѣчеству“, — тотъ, котораго въ юности любила Лелія, вовсе на это не похожъ. Съ другой стороны Тренморъ является именно не бывшимъ любовникомъ, а лишь тѣмъ идеальнымъ другомъ, раздѣляющимъ всѣ понятія, вкусы и стремленія своего alter ego, тѣмъ воплощеніемъ въ другомъ лицѣ всѣхъ основныхъ свойствъ души и олицетвореннымъ „пониманіемъ“ ея, котораго и Жоржъ Сандъ и Лелія тщетно искали въ любимыхъ людяхъ, и въ нихъ не находили и не нашли; Лелія нашла это пониманіе въ Тренморѣ, Жоржъ Сандъ—въ Роллина.

проводитъ дни и ночи въ самыхъ мучительныхъ сомнѣніяхъ, самокритикѣ и исканіи пути къ свѣту. Она налагаетъ на себя искусъ: не переступать той ограды, которую она мысленно обводитъ вокругъ своего пристанища, и даже произноситъ клятву не покинуть этихъ развалинъ, пока онѣ держатся. Но судьба словно не хочетъ этой добровольной жертвы: ночью разражается гроза съ бурей, ветхія стѣны не выдерживаютъ, все рушится. Лелію, едва не погибшую подъ развалинами, спасаетъ монахъ Магнусъ, который и увозитъ ее, безъ чувствъ, на своемъ ослѣ. Магнусъ влюбленъ въ Лелію, доходитъ до безумія, но видитъ въ Леліи воплощеніе сатаны, демона отрицанія; она его постоянно покоряетъ и усмиряетъ силою воли и ума, онъ смиряется, но жизнь его впредь представляется лишь рядомъ болѣзненныхъ мученій, днями безумной борьбы со страстью, или, какъ онъ полагаетъ,—съ дьявольскимъ навожденіемъ. Онъ не можетъ жить, не видя Леліи, думаетъ о ней вѣчно—и бѣжитъ отъ нея, какъ отъ искушенія. Лелія видитъ все это съ жалостью и презрѣніемъ. Стеніо тоже начинаетъ колебаться въ своемъ слѣпомъ довѣріи къ ней, обвиняетъ ее и въ кокетствѣ, и въ холодности и черствости, чуть ли не готовъ, подобно Магнусу, заподозрить ее въ сверхестественномъ происхожденіи. Онъ становится озлобленнымъ, раздражается противъ нея. Въ это время Лелія встрѣчается со своей сестрой, потерянной изъ глазъ уже нѣсколько лѣтъ и потерянной въ полномъ смыслѣ слова. Пульхерія убѣждаетъ Лелію, что она со всей своей философіей и вѣчными стремленіями и погоней за истиной достигла лишь того, что сдѣлалась несчастной сама, да и всѣхъ, кто къ ней стоитъ близко, дѣлаетъ несчастными, и совѣтуетъ брать примѣръ съ нея, жить чувствомъ и для однихъ наслажденій. Пульхерія—это какъ бы раздвоеніе натуры Леліи—олицетвореніе страстной и болѣе женственной половины ея души. (Вмѣстѣ съ тѣмъ читателю ясно, какъ въ этомъ эпизодѣ отразились близость съ Дорваль и ея рѣчи, конечно въ преувеличенномъ и сконцентрированномъ видѣ). Чтобы доказать, что въ жизни одни наслажденія реальны и истинны, Пульхерія берется, основываясь на сходствѣ голосовъ и фигуръ обѣихъ сестеръ, мистифицировать Стеніо, который, по ея словамъ, любитъ въ Леліи только женщину, она хочетъ сдѣлать его своимъ любовникомъ. Стеніо, оказывается, дѣйствительно настолько мало знаетъ Лелію, что, встрѣтившись съ Пульхеріей — въ какомъ-то таинственномъ темномъ убѣжищѣ, во время ночного праздника на виллѣ Бамбуччи,—принимаетъ Пульхерію за Ле-

лію, и всѣ ея (несвойственныя Леліи) ласки и вызывающія слова кажутся ему вполнѣ естественными: онъ думаетъ, что любовь наконецъ восторжествовала надъ всѣми умствованіями. Лелія невольно слышитъ ихъ разговоры,—случайно попавъ въ началѣ ихъ бесѣды въ тотъ же темный павильонъ. Стеніо говоритъ то съ той, то съ другой сестрой и, не слыша *разницы въ голосахъ*, которой нѣтъ, не слышитъ и *громаднаго диссонанса въ духѣ и смыслѣ рѣчей*, произносимыхъ то спиритуалисткой Леліей, то матерьялистически - страстной Пульхеріей. Онъ становится любовникомъ Пульхеріи. Лелія въ отчаяніи. Она истинно любила Стеніо, но любовью совсѣмъ непохожею на его страсть. Когда она узнаетъ о грубомъ обманѣ чувствъ, на который онъ поддается такъ легко, и о томъ, что онъ, открывъ этотъ обманъ, обвиняетъ въ немъ ее, Лелію, проклинаетъ ее и бросается очертя голову въ развратъ, кутежи и похожденія, отъ которыхъ его не можетъ удержать Тренморъ, — принимающій въ немъ живое участіе, и истинное имя котораго оказывается Вальмарино, а самъ онъ главою какой-то таинственной ложи карбонаріевъ, стремящихся спасти и возстановить падшую родную страну,—тогда Лелія доходитъ до окончательнаго разочарованія въ людскихъ привязанностяхъ. Въ кого вѣрить? кого любить? Дѣла для себя она не видитъ; обычная благотворительность кажется ей заплатой на дырявомъ рубищѣ разрушающагося стараго міра. Личность свою Лелія не хочетъ подчинять никому и ничему, и, — вотъ странное рѣшеніе для такой свободолюбивой души!—она уходитъ въ монастырь съ самымъ строгимъ уставомъ; въ этой внѣшней зависимости и рамкахъ она видитъ единственный способъ быть вполнѣ свободной; въ кельѣ—единственное мѣсто, гдѣ она независима какъ личность, гдѣ она сама по себѣ что-нибудь да значитъ. Лелія постригается и достигаетъ въ монастырѣ высокихъ спепеней духовной іерархіи; она пересоздаетъ весь монастырь, поучаетъ послушницъ, поддерживаетъ серьезную религіозность во всемъ округѣ, привлекаетъ всѣ здоровые элементы страны къ широкой общественной благотворительности, вліяетъ на всѣхъ самымъ возвышающимъ благотворнымъ образомъ. Монастырь сталъ неузнаваемъ; вмѣсто буквы въ немъ царитъ духъ истиннаго христіанства, ибо сама Лелія свободна ото всѣхъ обрядово-догматическихъ мелочей. Силою своего духа она покоряетъ даже самого кардинала, монсиньора Аннибала, который подъ ея вліяніемъ изъ честолюбиваго и сластолюбиваго прелата становится дѣятельнымъ защитникомъ всѣхъ угнетен-

ныхъ, обездоленныхъ и даже спасаетъ Вальмарино, который, за участіе въ какомъ-то заговорѣ, чуть не платится жизнью и попадаетъ въ тюрьму. Аннибалъ втайнѣ тоже любитъ Лелію земною любовью, но и Стеніо, между тѣмъ, не разлюбилъ ее, только любовь его изъ дѣтски-чистаго обожанія, изъ слѣпой преданности сдѣлалась чувствомъ страстно-враждебнымъ; онъ не знаетъ, что̀ бы сдѣлать, лишь бы отомстить Леліи, оскорбить ее, унизить. Сначала онъ проникаетъ въ монастырь, переодѣвшись монахиней и, принявъ участіе въ „духовной бесѣдѣ“, устроенной Леліей, надѣется поселить духъ сомнѣнія въ ея слушательницахъ и ослабить ея вліяніе. Эта попытка оканчивается новымъ торжествомъ Леліи надъ умами и сердцами ея паствы. Потомъ Стеніо намѣревается устроить скандалъ, похитивъ одну изъ послушницъ, юную княжну Клавдію,—и тѣмъ огорчить и унизить Лелію. Вмѣсто того онъ наталкивается ночью на саму Лелію, которую принимаетъ за привидѣніе, и въ ужасѣ убѣгаетъ. Наконецъ онъ проникаетъ въ келью самой Леліи, застаетъ ее бодрствующею, но погруженною въ глубокія размышленія. Когда она его замѣчаетъ, между ними происходитъ бесѣда, которая является чуть ли не самой чудной страницей всего романа. Лелія какъ бы исповѣдуется Стеніо во всемъ своемъ прошломъ и объясняетъ ему свое поведеніе относительно его самого. Стеніо видитъ теперь, что̀ онъ потерялъ и кого любилъ. Онъ въ отчаяніи, но ничто не можетъ уже помочь ему, онъ слишкомъ низко палъ. Онъ пытается еще богохульствовать противъ своей любви и своего лучшаго *я*, но не выдерживаетъ и кончаетъ жизнь самоубійствомъ: топится въ озерѣ, на берегу котораго стоитъ монастырь и близъ котораго живетъ и Магнусъ. Магнусъ, не откликнувшійся на послѣдній призывъ гибнущаго юноши, принимаетъ всю вину его смерти на себя и тоже доходитъ до границъ отчаянія, но, какъ слабый человѣкъ, ищетъ спасенія и помощи отъ другихъ: бѣжитъ къ кардиналу—другу Леліи въ надеждѣ на то, что тотъ наложитъ на него какую-нибудь эпитемію и тѣмъ примиритъ его съ его встревоженною совѣстью. Аннибалъ настолько самъ былъ пораженъ этой роковой, таинственной драмой, что ничѣмъ не можетъ помочь суевѣрному монаху. Магнусъ куда то исчезаетъ. Вскорѣ оказывается онъ въ какомъ-то монастырѣ, откуда, вѣроятно ради примиренія съ небомъ и догматическимъ правовѣріемъ, вскорѣ распространяется цѣлый рядъ доносовъ противъ всѣхъ, начиная съ Леліи. Политическое движеніе, которымъ руководитъ Тренморъ-

Вальмарино, открыто, участники его платятся кто изгнаніемъ, а кто и жизнью; многія высокопоставленныя духовныя лица, помогавшія Леліи въ ея благотворной дѣятельности, лишаются сана и должностей. Монсиньоръ Аннибалъ предпочитаетъ самъ окончить жизнь свою и отравляется. Съ его смертію Лелія лишается единственной своей поддержки въ чуждомъ ей мірѣ. Лелію привлекаютъ къ суду инквизиціи, обвиняютъ во всевозможныхъ ересяхъ, въ противузаконной любви къ кардиналу, въ погребеніи самоубійцы на освященной монастырской землѣ, въ сношеніяхъ съ безбожникомъ Стеніо, въ пособничествѣ бѣгству Тренмора, въ сношеніяхъ съ карбонаріями, даже въ растратѣ на благотворительность монастырскихъ сокровищъ. Ее лишаютъ сана и ссылаютъ въ заточеніе. Она умираетъ въ одиночествѣ, въ глухомъ горномъ уголкѣ. Тренморъ видитъ ея послѣднія минуты и оказываетъ ей послѣднюю услугу: погребаетъ ее надъ озеромъ, противъ могилы Стеніо. Сидя ночью надъ озеромъ вблизи двухъ дорогихъ могилъ, Тренморъ видитъ—точно въ гейневскомъ „Ратклифѣ“,—какъ два блуждающіе огонька слетаются съ двухъ разныхъ сторонъ, бросаются другъ къ другу на встрѣчу и вновь разлетаются, каждый въ свою сторону. Тренмору кажется, что это двѣ несчастныя души, непонимавшія другъ друга при жизни; въ раздумьи стоитъ онъ на берегу, потомъ вспоминаетъ обо всѣхъ другихъ страдальцахъ, мученія которыхъ надо облегчить, о всѣхъ тѣхъ бѣдахъ, которыми полонъ еще міръ и о прекращеніи которыхъ надо стараться. Онъ беретъ свой посохъ и вновь идетъ въ путь...

Жоржъ Сандъ написала два предисловія [1]) къ „*Леліи*“ и говоритъ въ одномъ изъ нихъ, что Тренморъ долженъ „олицетворять“ то-то, Стеніо другое; Лелія—третье, но теперь намъ совершенно ненужны и излишни эти попытки Жоржъ Сандъ оправдываться въ разныхъ взводимыхъ на нее тогда обвиненіяхъ приписывая символическое значеніе своимъ дѣйствующимъ лицамъ, и мы предпочитаемъ не видѣть никакихъ аллегорій въ нихъ, а просто принимать ихъ за живые типы. Да таковы они и есть: Стеніо, этотъ юный поэтъ, сначала такой идеально-довѣрчивый, потомъ развратный, скептикъ и разочарованный; страстная и чувственная Пульхерія; Магнусъ—жалкій человѣкъ,

[1]) Одно въ 1839 г., для второго изданія романа, передѣланнаго въ 1836 г. и совершенно отличнаго отъ вышедшаго въ 1833 г. перваго изданія; другое въ 1854 г. для Полнаго Собранія Сочиненій, иллюстрированнаго Морисомъ Сандъ и Тони Жоанно и вышедшаго между 1851—1856 годами у Гетцеля и Леви.

не могущій ни вѣрить безмятежно, ни порвать со своими вѣрованіями и суевѣріями. Искушенія Магнуса, его борьба, самоистязанія и т. д. и т. д. написаны рукою мастера, сжато, сильно производятъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ пресловутый „*Проступокъ аббата Муре*“. Магнусъ — живой, грѣшный человѣкъ изъ плоти и крови, настоящій католическій попъ, борющійся съ плотью и то побѣждаемый ею, то вновь празднующій свою побѣду надъ сатаною, причемъ часто за сатану онъ принимаетъ самыя естественныя человѣческія чувства и самыя высокія добродѣтели, разъ онѣ не сходны съ его догматическимъ католицизмомъ. (Тутъ слышны отголоски того противорѣчія между католицизмомъ и жизнью, которое мучило Аврору Дюпенъ въ годы ея одинокихъ юношескихъ чтеній и размышленій, когда съ одной стороны Герсонъ, съ другой высочайшіе мыслители и поэты предъявляли ея духу противуположные два идеала).

Тренморъ немного черезчуръ отвлеченная и возвышенная фигура, но это и не типъ, а скорѣе тотъ добродѣтельный резонеръ и наперсникъ, безъ котораго не обходилось ни одно произведеніе литературы прежняго времени, это „другъ Горацiо“, къ которому относятся рѣчи Гамлета, или Ярно изъ „Годовъ странствій и ученія“, словомъ, эхо главнаго героя и совѣсть пьесы. Тренморъ это тотъ идеальный другъ, который часто является въ романахъ Жоржъ Сандъ и образецъ котораго она имѣла въ лицѣ Франсуа Роллина. Она и пишетъ о „Леліи“ въ концѣ того письма къ Роллина отъ 26 мая 1833 года, первую часть котораго мы уже привели выше:

„Я тебѣ пришлю вскорѣ длинное письмо, т.-е. книгу, которую написала со времени нашей разлуки. Это вѣчный разговоръ между нами двумя. Мы самыя главныя лица въ этой книгѣ. Что касается другихъ, ты объяснишь ихъ, какъ твоей фантазіи будетъ угодно. Посредствомъ этой книги ты проникнешь до самой глубины моей и твоей души. Оттого и сегодняшнія нѣсколько строкъ я не считаю за письмо. Ты со мною и въ моихъ мысляхъ ежечасно. Когда ты прочтешь меня, ты увидишь, что я не лгу“.

Итакъ, Тренморъ является главнымъ образомъ лишь какъ „собесѣдникъ“ автора, но отъ лица этого добродѣтельнаго ех-каторжника Жоржъ Сандъ высказываетъ такія глубокія мысли, которыя волновали и волнуютъ лучшихъ людей нашего столѣтія. Таковы рѣчи Тренмора о нелѣпости *наказанія* за *преступленіе*—каторгой, въ которой часто вмѣсто исправленія человѣкъ окончательно портится и погибаетъ нравственно. Это выходитъ не *исправленіе* преступника, а *месть* общества. Но самъ Трен-

моръ, по его словамъ, испыталъ то самое благодѣтельное вліяніе страданія, которое приводитъ къ искупленію. Все, что говоритъ на эту тему Тренморъ, сильно напоминаетъ Достоевскаго въ разсказѣ о каторгѣ Раскольникова. Тренморъ высказываетъ и глубокія мысли о томъ, что не *пресѣкать* преступленія должно общество, а предотвращать ихъ, искоренять въ моментъ зарожденія, т.-е. пересоздать само себя, заботиться о воспитаніи своихъ сыновъ, объ улучшеніи матеріальной жизни бѣдняковъ, о большемъ распространеніи знанія и свѣта; что оно должно высказывать презрѣніе къ тѣмъ членамъ своимъ, которые воистину преступно сорятъ временемъ и деньгами, добытыми народнымъ трудомъ, на безпутныя оргіи, губятъ свои души и заражаютъ своимъ примѣромъ неопытныхъ юношей, незнающихъ куда приложить свои силы.

Религія, общественная жизнь, законы нравственности, любовь, судьбы женщины, цѣль человѣческой жизни, тщета и краткосрочность всего земного, безсиліе знанія поднять завѣсы, окутывающія нашу жизнь, недолговѣчность всѣхъ человѣческихъ чувствъ, несовершенство мірозданія и человѣческой души, ограниченность нашихъ чувствъ и познаній [1]), жестокость природы, тщетная погоня лучшихъ душъ за абсолютнымъ идеаломъ, за абсолютной вѣрой, любовью, знаніемъ, добромъ, истиной—вотъ о чемъ думаетъ Лелія, вотъ о чемъ она говоритъ съ Тренморомъ, вотъ причины ея разочарованія во всемъ и отреченія отъ жизни. Въ послѣднія минуты свои, въ бреду агоніи, отожествляя себя со всѣми, кто съ начала вѣковъ боролся, порывался къ истинѣ и свѣту и погибалъ въ этой борьбѣ, Лелія восклицаетъ: „Уже десять тысячъ лѣтъ я взываю къ безконечности: „Истина, истина!“ Десять тысячъ лѣтъ безконечность отвѣчаетъ мнѣ: „Желаніе, желаніе...“ (Т.-е. что истину постигнуть нельзя, можно лишь стремиться къ ней, желать ея)“.

Разсказывая фабулу „*Леліи*“, мы нарочно (дабы не заслужить упрековъ со стороны читателей, знающихъ *Лелію* лишь по второй версіи, вошедшей во всѣ позднѣйшія изданія сочиненій Жоржъ Сандъ), передали содержаніе романа въ томъ окончательномъ видѣ, въ какомъ онъ появился въ 1839 г., совершенно передѣланный авторомъ. Первое изданіе 1833 г. настолько разнится отъ этого „исправленнаго изданія“, что его слѣдуетъ считать совсѣмъ другимъ романомъ, развязка котораго

[1]) Та же мысль въ наши дни высказывается съ удивительною силою въ „*Sur l'Eau*“ Maupassant'а.

производитъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ развязка второго романа. Версія 1833 года гораздо мрачнѣе: Лелія погибаетъ, задушенная Магнусомъ, непримиренная съ жизнью, не увидавшая исхода своему разочарованію и пессимизму въ общественной дѣятельности, ничего для пользы человѣчества не создавшая, какъ это дѣлаетъ героиня исправленнаго изданія. Когда Жоржъ Сандъ въ 1836 году подъ вліяніемъ идей Ламеннэ, Листа, Леру и Мишеля изъ Буржа стала мало-по-малу переносить центръ тяжести своей душевной и умственной жизни изъ личной сферы въ общественную, и опять расцвѣло ея всегдашнее стремленіе къ дѣятельной любви къ человѣчеству, тогда она захотѣла измѣнить „*Лелію*“ въ болѣе успокоительномъ духѣ. Прежнія безъисходное отчаяніе и мрачная трагедія судьбы героини слишкомъ возмущали ее самоё—и она прибавила и измѣнила всю послѣднюю часть романа, добавивъ цѣлый лишній томъ. Мы должны сознаться, что въ *первомъ* изданіи „*Лелія*“ производитъ несомнѣнно гораздо сильнѣйшее и болѣе цѣльное впечатлѣніе. Разсужденія и разсказъ о благотворительной дѣятельности Леліи сильно расхолаживаютъ и умаляютъ впечатлѣніе этой мрачной поэмы въ прозѣ.

Многіе хотѣли видѣть въ Стеніо изображеніе Альфреда де Мюссе. Для первой версіи „*Леліи*“ это уже потому невѣрно, что написанъ романъ, какъ мы видѣли, задолго до знакомства съ Мюссе, оконченъ въ началѣ іюля 1833 г. и вышелъ 10-го августа 1833. Значитъ, когда Жоржъ Сандъ познакомилась съ Мюссе, то развѣ что поправляла корректурные листы романа. Если благодаря этому Мюссе могъ написать для своей подруги *Пѣснь Стеніо*, а самъ авторъ эпиграфомъ для 3-ей *книги* взялъ нѣсколько строкъ Мюссе, то тѣмъ не менѣе очевидно, что оригиналомъ для Стеніо (перваго изданія) послужилъ *не* Мюссе. Чрезвычайно жаль, что этотъ *Inno Ebrioso*—одно изъ лучшихъ стихотвореній Мюссе по своей силѣ, яркости, страстности и красотѣ стиха, не вошелъ ни въ одно изъ изданій стихотвореній Мюссе, а въ позднѣйшихъ изданіяхъ „*Леліи*“ перепечатывался и перепечатывается уже не въ полномъ видѣ; надо полагать, что не въ мѣру добродѣтельные издатели находили строфу 6 и 7-ю слишкомъ откровенными и потому пропускали ихъ, и послѣ 5-ой строфы печатали прямо 8-ую. Такимъ образомъ никто изъ теперешнихъ поклонниковъ Мюссе не знаетъ этихъ удивительныхъ стиховъ, развѣ только нарочно постарается отыскать ихъ, или они случайно ему попадутся,—ибо первое

изданіе [1]) уже давно стало библіографической рѣдкостью. Вотъ это стихотвореніе [2])...

INNO EBBRIOSO.

Que le chypre embrasé circule dans mes veines!
Effaçons de mon coeur les espérances vaines,
Et jusqu' au souvenir
Des jours évanouis dont l'importune image,
Comme au fond d'un lac pur un ténébreux nuage,
Troublerait l'avenir.

* * *

Oublions, oublions! La suprême sagesse
Est d'ignorer les jours épargnés par l'ivresse,
Et de ne pas savoir
Si la veille était sobre, ou si de nos années
Les plus belles dèjà disparaissent, fanées,
Avant l'heure du soir.

* * *

Qu' on m' apporte un flacon, que ma coupe remplie
Déborde, et que ma lèvre, en plongeant dans la ie
De ce flot radieux,
S'altère, se dessèche et redemande encore
Une chaleur nouvelle à ce vin qui dévore,
Et qui m'égale aux Dieux!

* * *

Sur mes yeux éblouis qu'un voile épais descende,
Que ce flambeau confus pâlisse! et que j'entende,
Au milieu de la nuit,
Le choc retentissant de vos coupes heurtées
Comme sur l'océan les vagues agitées
Par le vent qui s'enfuit!

* * *

[1]) Оно вышло въ двухъ томахъ in 8° въ 1833 г. и помѣчено: H. Dupuy éditeur et Tenré libraire.

[2]) Со времени написанія этой главы это стихотвореніе полностью перепечатано виконтомъ де Спульберкъ все въ той же Véritable Histoire de „Elle et Lui“, стр. 247 — 249. До появленія этой книги тѣ изъ знатоковъ и искателей, у которыхъ нѣтъ въ рукахъ перваго изданія „Леліи“, знали его лишь благодаря замѣткѣ въ „Intermédiaire des chercheurs et des curieux“, томъ VIII, 286.

Si mon regard se lève au milieu de l'orgie,
Si ma lèvre tremblante et d'écume rougie
Va cherchant un baiser,
Que mes désirs ardents sur les épaules nues
De ces femmes d'amour, pour mes plaisirs venues,
Ne puissent s'appaiser.

* * *

Qu'en mon sang appauvri leurs caresses lascives
Rallument aujourd'hui les ardeurs convulsives
D'un prêtre de vingt ans,
Que les fleurs de leurs fronts soient par mes mains semées,
Que j'enlasse à mes doigts les tresses parfumées
De leurs cheveux flottants.

* * *

Que ma dent furieuse à leur chair palpitante
Arrache un cri d'effroi; que leur voix haletante
Me demande merci.
Qu'en un dernier effort nos soupirs se confondent,
Par un dernier défi que nos cris se répondent,
Et que je meure ainsi!

* * *

Ou si Dieu me refuse une mort fortunée,
De gloire et de bonheur à la fois couronnée,
Si je sens mes désirs,
D'une rage impuissante immortelle agonie,
Comme un pâle reflet d'une flamme ternie,
Survivre à mes plaisirs,

* * *

De mon maître jaloux insultant le caprice,
Que ce vin généreux abrège le supplice
Du corps qui s'engourdit;
Dans un baiser d'adieu que nos lèvres s'étreignent,
Qu'en un sommeil glacé tous mes désirs s'éteignent,
Et que Dieu soit maudit!

Но оканчивая послѣднюю книгу передѣланной „*Леліи*“, Жоржъ Сандъ могла дѣйствительно придать Стеніо кое-какія черты Альфреда де Мюссе; на это указываетъ даже тотъ фактъ, что описаніе наружности Стеніо подъ конецъ его жизни совершенно тождественно съ тѣмъ портретомъ Мюссе, какой въ

нѣсколькихъ мѣткихъ словахъ нарисовала одна изъ современницъ его въ въ разговорѣ съ однимъ нашимъ родственникомъ [1]).

Первое изданіе „*Леліи*“ отличается еще тѣмъ, что надъ нимъ стоитъ *посвященіе Делатушу*, уничтоженное въ послѣдующихъ. Для объясненія этого позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе,—тѣмъ болѣе, что въ предъидущей главѣ мы почти ничего не сказали объ этомъ первомъ литературномъ менторѣ Жоржъ Сандъ, — чтобы впослѣдствіи уже не возвращаться къ нему.

Henri de Latouche или Delatouche, настоящее имя котораго, какъ мы сказали уже [2]) было Hyacinthe Alexandre Thabaud, былъ болѣе поэтическою натурою, чѣмъ настоящимъ поэтомъ. Онъ тонко и глубоко, почти болѣзненно-тонко, *чувствовалъ* всѣ явленія внѣшняго міра, искусства; мысли и образы волновали его и запечатлѣвались въ его душѣ съ тою силою, на которую способны лишь избранныя, художественныя натуры; онъ все воспринималъ съ рѣдкою чуткостью и рѣдкою отзывчивостью. Но сила творческаго таланта въ немъ была гораздо ниже этого *воспринимающаго таланта*. Изъ этого противорѣчія происходила и вся трагедія его жизни. Необыкновено тонкій критикъ чужихъ произведеній, первый въ нашемъ столѣтіи воскресившій память объ Андре Шенье, онъ самъ писалъ вещи посредственныя, теперь совсѣмъ забытыя и не могъ не сознавать этого. Неудачи обострили его болѣзненную чувствительность и природную склонность къ пессимизму и довели его къ концу жизни до маніи преслѣдованія, какъ нѣкогда Ж. Ж. Руссо. Онъ умеръ въ глубокомъ уединеніи, въ небольшомъ домикѣ въ Aulnay (Онэ), куда онъ удалился ото всѣхъ своихъ друзей. Въ самые послѣдніе годы больного писателя окружала дочерними заботами и раздѣляла его одиночество молодая поэтесса Полина де Фложергъ (Pauline de Flaugergues), которая оставалась при немъ до его послѣдняго вздоха. Но на ряду съ тонкимъ критическимъ чутьемъ въ Делатушѣ было много деспотизма. Своимъ юнымъ друзьямъ онъ не только указывалъ ихъ недостатки, но хотѣлъ непремѣнно, чтобы они работали по его рецепту. Мы видѣли, какъ трудно приходилось съ нимъ вначалѣ будущему автору „*Индіаны*“. Онъ безжалостно обрекалъ на уничтоженіе огнемъ и... водою цѣлыя страницы статей, писавшихся ею по его заказу, онъ рѣзалъ, перекраивалъ и перечеркивалъ по десяти разъ одно и тоже,

[1]) См. ниже, стр. 328.

[2]) См. выше стр. 225.

пока наконецъ написанное не удовлетворяло его вполнѣ. Жоржъ Сандъ говоритъ въ *Histoire de ma Vie*, въ письмахъ своихъ и въ *Notice*)[1], посвященной памяти Делатуша, о той *школѣ*, которую онъ заставилъ ее пройти, и разумѣется вспоминаетъ объ этомъ съ благодарностью, хотя и не безъ добродушной насмѣшки. И при томъ Делатушъ желалъ видѣть въ каждомъ начинающемъ писателѣ оригинальность и ничего такъ не боялся, какъ подражательности. Когда Жоржъ Сандъ написала *Индіану*, онъ, косившійся на молодую авторшу за ея начинавшуюся дружбу съ Бальзакомъ, взялъ только что вышедшій романъ въ руки съ недовѣріемъ и ироническимъ опасеніемъ найти въ немъ „поддѣлку подъ Бальзака“ („Pastiche, que me veux-tu? Balzac, que me veux-tu?“), но прочтя нѣсколько главъ и убѣдившись въ оригинальномъ талантѣ Жоржъ Сандъ, радостно покаялся ей въ своемъ недовѣріи и опасеніяхъ. Вотъ какъ онъ цѣнилъ истинный талантъ и радовался успѣху своего юнаго друга! Но эта дружба продолжалась недолго. Около 1832 года Жоржъ Сандъ подружилась съ извѣстнымъ критикомъ Гюставомъ Планшъ. Утвержденіе, что будто бы Планшъ былъ и болѣе близокъ Жоржъ Сандъ, не заслуживаетъ никакого довѣрія, особенно со времени напечатанія въ *Revue de Paris* іюльскаго и августовскаго писемъ 1833 г. къ Сентъ Беву, уже цитированныхъ нами выше [2]), въ первомъ изъ которыхъ она между прочимъ говоритъ: „Планшъ не былъ, не есть и никогда не будетъ моимъ любовникомъ“. А во второмъ: „Il a passé pour être mon amant; peu m'importe Il ne l'est pas“. (Онъ прослылъ моимъ любовникомъ. Не все ли мнѣ равно; онъ не любовникъ мой). Настроеніе и образъ мыслей Планша чрезвычайно подходили къ тогдашнему мрачному настроенію Жоржъ Сандъ. Мало того, Планшъ былъ гораздо послѣдовательнѣе и прямолинейнѣе ея въ своемъ пессимизмѣ, такъ что,— какъ Жоржъ Сандъ писала потомъ въ „*Исторіи*“, — она даже боялась высказываться вполнѣ при Планшѣ, опасаясь, что онъ доведетъ ее до совершеннаго отчаянія и атеизма своими рѣзкими и убѣжденными рѣчами [3]). Тѣмъ не менѣе молодая писательница успѣла покорить этого *непримиримаго* критика, автора „*Mes haines littéraires*“, эту оригинальнѣйшую личность, до сихъ поръ

[1]) Напечатана была въ Le Siècle, 18, 19 и 20 іюля 1851 г. Вошла въ Полное Собраніе Сочиненій Жоржъ Сандъ, изд. Леви, въ томъ „Autour de la table“.

[2]) См. стр. 281—283.

[3]) „Исторія“ т. IV, стр. 275—285.

недостаточно оцѣненную во Франціи [1]), точно такъ же, какъ до него покорила деспотическаго Делатуша, а послѣ него утонченнаго Сентъ-Бева. Все въ томъ же письмѣ къ Сентъ-Беву она очень тонко проводитъ параллель и устанавливаетъ различіе во вліяніи на нее Планша и Сентъ-Бева. Каждый изъ нихъ отвѣчалъ разнымъ потребностямъ и сторонамъ ея духа. Делатушъ, между тѣмъ, хотѣлъ бы быть единственнымъ руководителемъ Жоржъ Сандъ. Дружба его была слишкомъ ревнивою и требовательною; Жоржъ Сандъ по натурѣ слишкомъ свободолюбива и независима. Ссоры между ними не произошло, но черная кошка пробѣжала. Подозрительный и болѣзненно-самолюбивый Делатушъ обидѣлся на какое-то замѣчаніе или отвѣтъ Жоржъ Сандъ, — она утверждаетъ, что даже не помнитъ на чтò,—разомъ пересталъ бывать у ней, и цѣлыя десять лѣтъ всякія сношенія между двумя друзьями были прерваны. Лишь въ 1844 году они вновь завязались, благодаря самой Жоржъ Сандъ, написавшей симпатичный отзывъ о сборникѣ стиховъ Делатуша. Начиная съ этого года и до смерти Делатуша Жоржъ Сандъ оказывала ему самыя трогательныя участіе и расположеніе. И при жизни и послѣ его смерти она посвятила ему много задушевныхъ страницъ; такъ она написала о немъ уже упомянутую *Notice*, ранѣе того, въ 1844 году, напечатала въ „*Revue Indépendante*“ разборъ его стихотвореній „*Les Adieux*“ [2]) и наконецъ съ рѣдкою сердечностью и теплотой вспоминаетъ о немъ въ „*Исторіи*“ [3]). И если „*Лелія*“, благодаря происшедшему разрыву и неудовольствію самого Делатуша, въ позднѣйшихъ изданіяхъ не носитъ посвященія ему, то тѣмъ не менѣе на заглавномъ листѣ этого своего задушевнѣйшаго труда она поставила его имя. Онъ съ своей стороны на поднесенномъ ей экземплярѣ своей книги „Reine d'Espagne“ (пьесы, провалившейся съ трескомъ) надписалъ: „*A mon camarade Aurore*“—слова чрезвычайно простыя, но говорящія гораздо болѣе всякихъ пышныхъ фразъ, а также отозвался, по словамъ самой Жоржъ Сандъ, очень тепло о ней въ одномъ изъ своихъ романовъ.

[1]) О немъ говорится между прочимъ и въ „Réfractaires“ Жюля Валлеса („Les Réfractaires, scènes de moeurs parisiennes“, par Jules Vallès, Paris. 1866). Но посвященныя ему страницы Валлеса лишь отчасти справедливы и исторически точны. См. также статью „Le critique maudit“ par Ad. Racot въ „Le Livre“ t. 7. 1885 г.

[2]) Эта статья вышла въ Полн. Собр. Соч. Ж. Сандъ, изд. Леви, въ томъ „Souvenirs de 1848“.

[3]) См. Histoire, 4 томъ, 4-ая часть, XV глава, и 5-ая часть, I глава.

Итакъ „*Лелія*“ была поводомъ къ окончательному охлажденію со стороны Делатуша. За то и Планшъ и Сентъ-Бевъ отнеслись къ роману съ энтузіазмомъ. Сентъ-Бевъ и въ статьяхъ и въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Жоржъ Сандъ отзывается объ этомъ романѣ, какъ о глубокомъ и мужественномъ произведеніи, долженствующемъ навсегда остаться замѣчательнымъ, а имя автора сдѣлать знаменитымъ [1]). Но удивляясь и преклоняясь предъ глубиною скептицизма „*Леліи*“, Сентъ-Бевъ старался въ то же время утѣшить и успокоить ея мятежно-несчастнаго автора, направить ея умъ на путь спокойнаго признанія и пониманія законовъ жизни и въ то же время обратить ея вниманіе на развитіе чисто-художественныхъ сторонъ ея таланта, и такимъ образомъ научить ее *искать спасенія отъ всѣхъ огорченій въ искусствѣ, въ трудѣ*. Бурный же и прямолинейный Планшъ привлекалъ Жоржъ Сандъ именно въ силу своего непримиримаго и послѣдовательнаго пессимизма. Она чувствовала въ немъ черты близкія себѣ и въ то же время пугалась разговоровъ съ Планшемъ, какъ слишкомъ опаснымъ для нея въ ея, и безъ того безнадежномъ, нравственномъ состояніи. Тѣмъ не менѣе съ Планшемъ она была еще ближе, чѣмъ съ Сентъ-Бевомъ; отношенія съ нимъ установились самыя простыя, до того, что онъ иногда по порученію Жоржъ Сандъ отправлялся въ Коллежъ Генриха IV за маленькимъ Морисомъ, поступившимъ туда въ 1833 г., водилъ его гулять, или бралъ къ себѣ въ отпускъ. Но Гюставъ Планшъ оказывалъ Жоржъ Сандъ услуги и гораздо бо̀льшія, чѣмъ эти маленькія любезности и исполненія порученій. И Планшъ и Сентъ-Бевъ явились въ своихъ статьяхъ ревностными истолкователями первыхъ романовъ Жоржъ Сандъ, а въ особенности „*Леліи*“ и сильно способствовали распространенію славы автора [2]).

[1]) Не вдаваясь въ подробности, мы укажемъ лишь, что изъ напечатанныхъ— 1) въ Portraits contemporains, 2) въ Revue de Paris, 3) въ томикѣ Леви и 4) въ книгѣ де-Спульберка—писемъ Жоржъ Сандъ къ Сентъ-Беву и Сентъ-Бева къ ней видно, что *Лелія* составляла постоянный предметъ ихъ разговоровъ и совѣтовъ.

[2]) Вотъ что писалъ Сентъ-Бевъ 18 мая 1833 года еще до выхода въ свѣтъ *Леліи*, (впослѣдствіи это вошло въ его „Portraits Contemporains“, т. I, стр. 128). Разсказывая, что *Оберманнъ*, какъ и его авторъ, не имѣли славы, не блистали, не испытали и сильной или кричащей несправедливости, но переносили долго тяжелое, упорное, молчаливое равнодушіе, и въ то же время отразились тамъ и сямъ, въ избранныхъ душахъ, какимъ-то скрытымъ медленнымъ, болѣзненнымъ вліяніемъ, и приведя въ примѣръ имена Балланша, Нодье, Делатуша, Раббе, — Сентъ-Бевъ затѣмъ прибавляетъ: „Совсѣмъ недавно, на страницахъ одного еще неизданнаго романа, пробѣжать который

Такое же сочувствіе, какъ со стороны этихъ двухъ главнѣйшихъ тогдашнихъ критиковъ, встрѣтилъ романъ и со стороны большинства публики, особенно молодой ея половины. Впечатлѣніе, произведенное на нее романомъ, было поразительное, а вліяніе сказалось на цѣломъ рядѣ литературныхъ явленій не только на родинѣ Жоржъ Сандъ, но и во всей Европѣ. *Лелія* породила цѣлую литературу, создала типическій *родъ*. И во Франціи и въ Германіи появились десятками свои маленькія „Леліи" [1]); писатели, ничего общаго съ беллетристическими вымыслами не имѣющіе, цитировали *Лелію*, какъ авторитетъ [2]) даже

мнѣ позволило драгоцѣнное для меня расположеніе, на страницахъ *Леліи*, — идеальное имя, которое вскорѣ будетъ извѣстнымъ типомъ (sic!)—мнѣ привелось прочесть слѣдующую фразу, которая заставила меня вздрогнуть отъ радости: „Стеніо, Стеніо, возьми свою арфу, и спой мнѣ строфы Фауста или открой уста и перескажи мнѣ страданія Обермана, волненія Сенъ-Прё. Посмотримъ, понимаешь ли ты еще страданія, о поэтъ! посмотримъ, о, юноша, вѣришь ли ты еще въ любовь"!...—Какъ! сказалъ я себѣ,—Оберманнъ близко знакомъ здѣсь, онъ такъ же близокъ, какъ Сенъ-Прё, онъ коснулся руки Леліи?!"... и т.-д. (Статья Сентъ-Бева о *Леліи* появилась 29 сентября 1833 г.).

А Планшъ, тотчасъ вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ *Индіаны и Валентины*, написавшій о нихъ почти восторженныя статьи, (такъ напр. онъ говорилъ, что предпочитаетъ въ смыслѣ поэзіи *Индіану* и *Валентину—Коринню* и *Дельфину* ибо „оба романа M-me де Сталь слишкомъ часто походятъ на университетскія лекціи или на остроумную салонную импровизацію") по поводу *Леліи* писалъ: „Лелія это не занимательный разсказъ о какомъ-нибудь происшествіи и не драматическое развитіе страсти, это размышленіе нашего вѣка надъ самимъ собою, это жалоба общества, находящагося въ агоніи, которое, отрекшись отъ Бога и истины, покинувъ церкви и школы, теперь принялось за свою душу и говоритъ ей, что ея грезы безумны"... Поэтому Планшъ находитъ, что и къ роману и къ его дѣйствующимъ лицамъ слѣдуетъ относиться не съ обыденной точки зрѣнія и не разбирать ихъ какъ лица изъ дѣйствительной жизни, а лишь съ точки зрѣнія согласованія и проведенія въ нихъ такихъ философскихъ положеній, какія они собою символизируютъ.

[1]) Таковы напр. героини романовъ *графини Ганъ-Ганъ*, героиня перваго романа *Макса Вальдау* „Nach der Natur"—Марія, а особенно такова „*Валли—Сомнѣвающаяся*" *(Wally, die Zweiflerin) Гуцкова*, который словно самымъ названіемъ хотѣлъ показать, чья дочь его героиня. Мы не пишемъ здѣсь исторіи всеобщей литературы и потому не можемъ себѣ позволить подробно разбирать эти произведенія, а считаемъ лишь нужнымъ указать на нихъ.

[2]) Такъ напримѣръ, нѣкто аббатъ *де ла Трейшъ* (de la Treyche)—одинъ изъ „церковныхъ романтиковъ", т.-е. писателей боровшихся съ матеріалистической философіей прошлаго вѣка, — этотъ аббатъ де ла Трейшъ, написавшій „*Этюды объ идеяхъ и ихъ примиреніи въ лонѣ католицизма*"—гдѣ трактовалъ и о спиритуализмѣ, и о спиритизмѣ, и о магнетизмѣ, и о сверхъестественныхъ явленіяхъ, и о Пресвятой Дѣвѣ,—этотъ „набожный мужъ — ничуть не потѣснился цитировать *Лелію*, какъ авторитетъ, и предвѣщать женщинамъ освобожденіе изъ-подъ ига житейскихъ обязанностей"... (*Julian Schmidt* „Geschichte der franz. Litteratur").

позднѣйшіе и недоброжелательные къ автору критики признавали, что Лелія представляетъ собою истинную выразительницу передовыхъ женщинъ своего времени, какъ напр. какая-нибудь янсенистка Жаклина Паскаль (сестра знаменитаго Паскаля) въ свое время являлась выразительницей самыхъ передовыхъ идей своего вѣка [1]). И за Жоржъ Сандъ навсегда сохранилась кличка „автора *Леліи*“, хотя мы опять-таки смѣло повторяемъ, что это можетъ быть самый устарѣлый и трудно читающійся въ наши дни романъ Жоржъ Сандъ, и мы отнюдь не можемъ никому изъ современныхъ читателей рекомендовать прочитать его, развѣ только тѣмъ изъ поклонницъ „женскаго вопроса“, которыя еще не пресытились разными, ставшими теперь уже общими мѣстами, фразами о женской равноправности, самостоятельности, о мужской развращенности и проч. и проч. Въ наше время все это трюизмы и даже надоѣвшіе трюизмы. Въ 1833 г. это были *новшества* и что-то до того выходящее изъ ряда вонъ по силѣ, что возбудило тотчасъ цѣлую бурю негодованія противъ автора. Всѣ охранительные журналы и писатели подняли вопль, а болѣе всѣхъ Капо-де-Фельидъ, выступившій съ цѣлыми двумя статьями противъ автора „*Леліи*“; во второй онъ прямо говорилъ, что авторъ не можетъ быть, какъ то утверждаютъ, женщиной, что это мистификація, распущенная нарочно ради рекламы, ибо женщина де такой гадости не напишетъ и не позволитъ себѣ дойти до такого отсутствія стыда. Гюставъ Планшъ вознегодовалъ и вызвалъ Капо-де-Фельида на дуэль, которая и состоялась, но кончилась ничѣмъ, или, какъ говорятъ злые языки, тѣмъ, что Планшъ подстрѣлилъ чью-то корову, за которую и долженъ былъ заплатить редакторъ „Revue des deux Mondes“, другъ Планша и Жоржъ Сандъ, Бюлозъ, ибо Планшъ, этотъ истинный *réfractaire*, какъ его впослѣдствіи назвалъ Валлесъ,—не имѣлъ ни гроша за душой.

Жоржъ Сандъ была очень недовольна такимъ оборотомъ дѣла, т.-е. и дуэлью, и тѣми сплетнями о Планшѣ и его отношеніяхъ къ ней, и росказнями, которыя тотчасъ распространились по Парижу, а Мюссе, бывшій въ это время уже близкимъ къ Жоржъ Сандъ, изобразилъ весь этотъ эпизодъ въ са-

[1]) „Жаклина Паскаль—говоритъ Юліанъ Шмидтъ, разбирая этюдъ Кузена о ней,—была несомнѣнно интересной женщиной и связана съ дѣломъ развитія янсенизма, въ которомъ благочестивыя дамы играли большую роль. Времена измѣнились, эмансипацію ищутъ на иномъ пути, но сущность дѣла осталась та же. Тогда прекрасныя души выдѣлялись изъ обыденнаго міра пылкостью своей вѣры, въ наши дни Жаклина сдѣлалась бы *Леліей*“...

мой комической формѣ [1]). Мюссе вообще не ладилъ съ Планшемъ, и потому намъ кажется, что происшедшее вскорѣ охлажденіе и даже прекращеніе сношеній между „проклятымъ критикомъ" и писательницей надо отнести на долю начинавшейся любви ея къ Мюссе. Но современные сплетники даже и этотъ разрывъ объяснили по-своему, и отголоски этихъ сплетенъ можно видѣть даже въ первыхъ главахъ „*Lui et Elle*" Поля де-Мюссе. Что Жоржъ Сандъ глубоко возмущалась намеками на ея мнимую порванную связь съ Планшемъ — о томъ свидѣтельствуютъ ея письма къ С. Беву и Букоарану.

Какъ бы то ни было, а „*Лелія*" произвела бурю, и можетъ быть ни одно произведеніе Жоржъ Сандъ не утвердило за ней такой репутаціи опаснаго писателя, распространительницы превратныхъ идей, безбожницы и развращающей проповѣдницы, какъ „*Лелія*". Для нашего времени, какъ видитъ читатель,—идеи „*Леліи*" кажутся лишь отчасти выраженіемъ тогдашняго преувеличенно-пессимистическаго настроенія романтики, отчасти истинами, ставшими съ тѣхъ поръ общераспространенными, а нѣкоторыя изъ нихъ съ новою силою исповѣдуются и проповѣдуются въ наши дни Толстымъ, Ибсеномъ и Бьернсеномъ. Мы видимъ въ „*Леліи*" гораздо большій, и съ нашей точки зрѣнія гораздо болѣе опасный для художественнаго произведенія, недостатокъ: — это ея тенденціозность, безвкусіе и напыщенность. И въ этомъ отношеніи „*Лелія*" 1836-го года даже перещеголяла свой первообразъ 1833 г.

Но, повторяемъ, успѣхъ „*Леліи*" окончательно упрочилъ славу Жоржъ Сандъ, сдѣлалъ ея имя самымъ популярнымъ именемъ въ 1833 г. и надолго отождествилъ автора съ героиней. Жоржъ Сандъ и по сей день зовется во многихъ біографіяхъ, статьяхъ, и курсахъ литературы то „Леліей" („brune et olivâtre Lélia" называетъ ее Листъ въ своей книжкѣ о Шопенѣ), то „авторомъ Леліи", и еще недавно одна дама или дѣвица, преподносившая въ одномъ дамскомъ клубѣ рефератъ о женскихъ типахъ Жоржъ Сандъ, назвала, увы! *Лелію* „самымъ лучшимъ романомъ писательницы".

Написана „*Лелія*" страннымъ и прекраснымъ языкомъ, мѣстами невыносимымъ для насъ по своей напыщенности и реторичности, мѣстами удивительнымъ. Нѣкоторыя страницы, особенно описанія, достойны занять мѣсто въ хрестоматіяхъ (и это относится, какъ до первой, такъ и до второй версіи романа). Таковы:

[1]) См. ниже, стр. 400–401.

описаніе монастырскаго кладбища; звѣздной ночи, смѣны ночи днемъ и восхода солнца, наблюдаемыхъ съ вершины горы; всѣ эти отдѣльные эпизоды подъ названіемъ „*Contemplation*", „*Les Morts*", и т. д. были, передъ вторымъ изданіемъ, отдѣльно напечатаны въ Revue des deux Mondes [1]); такова сцена у гробницы (списанной съ дѣйствительной гробницы въ Ормессонѣ въ одномъ саду, гдѣ бывала Жоржъ Сандъ) и ночная сцена со Стеніо,—таковы наконецъ главы „*Dieu*" и „*Lélia au rocher*" [2]), поразительныя по смѣлости и мрачности пессимизма и уже навѣрное никогда не попадущія въ хрестоматіи! Монастырскія воспоминанія Авроры Дюпенъ сказываются въ „*Леліи*" во многихъ мѣстамъ и отличаются удивительно тонко и нѣжно переданнымъ *настроеніемъ*, той мечтательной грустью и поэзіей безотрадности, покорности и отреченія, которыя владѣли душею Авроры въ тѣ времена, когда она проводила цѣлые часы то на монастырскомъ кладбищѣ, то на дворикѣ, сплошь вымощенномъ надгробными плитами, съ полуистертыми изображеніями череповъ и костей, вмѣсто всякой надписи.

Мы не разбили нашего разбора *Леліи* на двѣ части и не говоримъ отдѣльно о второмъ изданіи, чтобы не нарушать цѣльности впечатлѣнія и не утомлять читателя, возвращаясь къ одному и тому же предмету дважды. Въ своемъ мѣстѣ мы лишь укажемъ подробнѣе подъ какими впечатлѣніями и настроеніями передѣлался романъ въ 1836 г. и какія изъ этихъ впечатлѣній сильнѣе отразились на новой версіи.

Для насъ романъ 1833 г. интереснѣе и какъ *цѣльное* органически-создавшееся художественное произведеніе, и, съ точки зрѣнія чисто психологической, какъ отразившій наиболѣе ярко тревожное, мрачное и опасное настроеніе Жоржъ Сандъ въ 1832 и началѣ 1833 года.

Изъ другихъ произведеній этой первой половины 1833 г. тѣмъ же пессимизмомъ отличается и „*Лавинія*" [3]) или *Старая Исторія*, прелестнѣйшая изъ прелестныхъ повѣстей Жоржъ Сандъ, происходящая въ Пиренеяхъ и полная отголосковъ пережитыхъ печальныхъ дней, не тѣхъ дней, когда сама Аврора Дюдеванъ узнала среди чудной и дикой природы Пиренеевъ всю

[1]) №№ 15-го іюля и 1 декабря 1836 года.

[2]) Разсужденія Леліи въ этой главѣ о томъ, какъ часто бракъ является узаконеннымъ развратомъ, губящимъ тѣлесно и нравственно молодыхъ дѣвушекъ, чрезвычайно напоминаетъ идеи „*Крейцеровой сонаты*".

[3]) Вышла въ мартѣ 1833 г. въ сборникѣ „*Salmigondis*".

радость истинной любви, а тѣхъ позднѣйшихъ горькихъ минутъ, когда она мало-по-малу разочаровалась въ своемъ счастьѣ и послѣ цѣлаго ряда печальныхъ наблюденій навѣки простилась со своей первою любовью, какъ Лавинія навѣки разстается съ нѣкогда любимымъ сэромъ Ліонелемъ. Вся повѣсть проникнута глубоко-безотраднымъ убѣжденіемъ въ тщетѣ и непрочности самыхъ искреннихъ чувствъ, въ безполезности жертвъ ради любимаго человѣка, въ невозможности вернуть ни единой минуты улетѣвшаго свѣтлаго счастья. „*Лавинія*“ такъ же свѣжа и по сей день, какъ „*Лелія*“ устарѣла, и принадлежитъ къ перламъ въ безконечномъ ряду повѣстей Жоржъ Сандъ. Ее всегда можно перечитывать съ одинаковымъ удовольствіемъ. Намъ думается, что эта цѣльная и художественно-правдивая вещица должна непремѣнно попасть въ число *Oeuvres choisies de George Sand*, если будетъ когда-либо сдѣлано такое изданіе. Думается также, что она родилась въ 1833 году столько же подъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ разочарованій и измѣнъ, горькаго сожалѣнія о случившемся — можетъ быть даже и о собственной измѣнчивости, — сколько и невольнаго сравненія и воспоминанія о той первой, чистой, „платонической любви втеченіе 6 лѣтъ, которая никогда не вернется“ [1]).

Мы видѣли, что Сентъ-Бевъ былъ пріятно пораженъ, когда, познакомившись съ „*Леліей*“ въ рукописи, убѣдился что Жоржъ Сандъ читала и любила *Обермана*. По всей вѣроятности онъ и уговорилъ молодую романистку написать что-нибудь объ этомъ, мало оцѣненномъ со времени своего перваго появленія въ 1804 г., романѣ, значеніе и достоинства котораго онъ самъ старался разъяснить и указать публикѣ. Жоржъ Сандъ и помѣстила небольшую статью объ *Оберманнѣ* [2]) въ майской книжкѣ *Revue des deux Mondes*; статья эта свидѣтельствуетъ о глубокомъ сочувствіи пессимистически настроенной Жоржъ Сандъ къ Сенанкуру и его печальному герою, одному изъ представителей безчисленнаго потомства Гамлета, родственнику по духу Вертеру, Рене, Гарольду и... Леліи, но написана статья вяло и мѣстами реторично [3]), а мысль автора выражена недостаточно ярко, такъ

[1]) См. письмо къ Сентъ-Беву отъ апрѣля 1835 г.

[2]) Она была перепечатана въ качествѣ *Предисловія* къ 3-му изданію *Обермана* и вошла въ Полное Собраніе Сочиненій Жоржъ Сандъ, томъ „*Questions d'art et de littérature*“. См. также *Примѣчанія* къ изданію *Portraits Contemporains* Сентъ-Бева 1855 г.

[3]) Мы совершенно въ этомъ согласны съ Eugène Delacroix (См. „*Journal intime* de Eug. Delacroix“, томъ I, стр. 207).

что тотъ, кто самъ не читалъ *Обермана*, недостаточно ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ *родовыхъ* чертахъ Обермана, общихъ для него и для другихъ героевъ съ „раздвоенной душой, и тѣхъ *индивидуальныхъ* особенностяхъ, которыми онъ отличается отъ своихъ старшихъ и младшихъ братьевъ по духу. Между тѣмъ именно эту задачу и поставила себѣ Жоржъ Сандъ.

„*Кора*“ и „*Гарньe*“, двѣ вещицы, написанныя въ 1833, вполнѣ заслуживаютъ пребывать въ забвеніи и могутъ легко быть предъявляемы какъ образцы писанія не по вдохновенію, а изъ-за денегъ. „*Гарньe*“ вдвойнѣ плохъ и вѣроятно потому, что романистка старалась быть веселой,—когда у ней на сердцѣ скреблись кошки, и быть остроумной,—къ чему у ней не было никакой способности, и если о чемъ Делатушъ и могъ сказать „pastiche“, то это именно объ языкѣ и манерѣ этой повѣстушки, тяжелой изъ-за желанія быть легкой, и скучной и пошлой изъ-за желанія быть веселой. „*Кора*“ появилась въ началѣ 1833 г., а „*Гарньe*“ напечатанъ лишь въ началѣ слѣдующаго.

Остальныя произведенія 1833 г. написаны уже подъ совсѣмъ иными впечатлѣніями, чѣмъ *Лелія*, *Лавинія* и статья „*Оберманнъ*“. Конецъ этого 1833 года озарился такимъ яркимъ и счастливымъ свѣтомъ, что его можно назвать „воскресеніемъ души“ Авроры Дюдеванъ. То, что она испытала и пережила въ эти послѣдніе мѣсяцы 1833 г., было до того непохоже на чувства и мысли Леліи, что Жоржъ Сандъ сама не узнала себя, а о своемъ мрачномъ дѣтищѣ выразилась такъ:

„Кажется что я богохульствовала противъ природы и Бога въ „*Леліи*“, Богъ, который добръ и которому нечего мстить намъ, замкнулъ мнѣ уста, возвративъ мнѣ юность сердца и принудивъ меня сознаться, что Онъ вложилъ величайшія радости въ насъ самихъ“. (Письмо къ Сентъ Беву отъ 8 октября 1833 г.).

Поводомъ и причиною такого моральнаго и умственнаго переворота было ея знакомство и любовь къ Альфреду де Мюссе.

ГЛАВА VIII [1]).

Литература эпизода «Сандъ-Мюссе».—Легенда.—Альфредъ де-Мюссе, какъ поэтъ и человѣкъ.—Завязка романа.—Фонтенбло.—Путешествіе въ Италію.—Венеція.—Болѣзнь Ж. Сандъ и Мюссе.—Піетро Паджелло. — Легенда и исторія. — Отъѣздъ Мюссе. — Пребываніе Ж. Сандъ въ Венеціи. — Путешествіе въ Альпы. — Возвращеніе въ Парижъ. — Осень и зима 1834—35 года. — Бѣгство въ Ноганъ.— Позднѣйшія отношенія. — Послѣднія встрѣчи.

1833 – 1835.

Всякій изъ насъ видитъ по-своему, слышитъ по-своему, обоняетъ, осязаетъ по-своему. Между нами на столѣ стоитъ стаканъ съ виномъ, но вы и я иначе смотримъ на него и видимъ его, и вино въ немъ вызываетъ совсѣмъ различныя вкусовыя ощущенія въ каждомъ изъ насъ, и передать другъ другу, *какъ* мы его видимъ, *какой* у вина вкусъ мы никогда не можемъ. Мы довольствуемся *обманомъ словъ*, и когда каждый изъ насъ

[1]) Эта глава, какъ и слѣдующая, появилась впервые въ печати подъ заглавіемъ „*Исторія, а не Легенда*“ въ *Сѣв. Вѣст. (Ноябрь, Декабрь 1895 г.)* и хотя съ тѣхъ поръ на страницахъ иностранныхъ журналовъ и газетъ появился цѣлый рядъ необнародованныхъ до той поры документовъ и писемъ и цѣлый рядъ различныхъ изслѣдованій, не говоря уже о полемическихъ статьяхъ, написанныхъ сторонниками и Жоржъ Сандъ и Мюссе, тѣмъ не менѣе мы можемъ перепечатать здѣсь эту главу безъ измѣненій въ виду того, что при написаніи ея пользовались большинствомъ изъ тѣхъ источниковъ, которые потомъ были обнародованы, и такимъ образомъ мы могли опредѣленно высказаться объ исторіи Сандъ-Мюссе гораздо ранѣе нашихъ иностранныхъ собратьевъ—гг. де Спульберка, Мориса Клуара, Кабанеса, Рошблава, Маріетона и др.—Но русскіе читатели не сдѣлали намъ чести замѣтить *новизну* обнародованныхъ нами фактовъ и документовъ и того, что мы старались опровергнуть *легенду*, задолго до того времени, когда г. Рошблавъ повторилъ этотъ эпитетъ въ заголовкѣ своей статьи. Поэтому вновь печатая теперь эти главы, мы лишь сокращаемъ тѣ мѣста нашей статьи, которыя являлись бы повтореніемъ сказаннаго въ предыдущихъ главахъ нашего труда, а также указываемъ въ примѣчаніяхъ на тѣ источники, которые изъ *неизданныхъ* обратились *въ изданные*. Читатель легко увидитъ, насколько наши мнѣнія, высказанныя въ 1895 году, — теперь сдѣлались истинами общеизвѣстными въ читающемъ мірѣ.

сказалъ, что стаканъ прозраченъ и блеститъ и что вино сладко или сухо,—мы воображаемъ, что онъ прозраченъ для насъ *одинаково*, что оно сладко одинаково, что эти слова *точно* подходятъ въ тому впечатлѣнію, которое каждый изъ насъ воспринялъ, и что эти впечатлѣнія одинаковы и одинаково отразились въ сознаніи. И мы воображаемъ, что мы *понимаемъ* другъ друга. А мы только обманулись *словомъ*, той жалкой иностранной размѣнной монетой (какъ уже давно замѣтилъ какой-то умный человѣкъ), которая никогда не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать настоящей цѣнности вашихъ денегъ — идей, а лишь пытается приблизиться къ ней. И вотъ когда уже такое ничтожное, внѣшнее, матеріальное явленіе, какъ видъ стакана и вкусъ вина, совершенно иначе отражается въ двухъ сознаніяхъ, является причиной разныхъ впечатлѣній, чувствъ, оттѣнковъ мысли, *розни* вообще въ двухъ человѣческихъ душахъ, то насколько же эта рознь оказывается глубже, выступаетъ рѣзче, насколько маленькое несходство впечатлѣній влечетъ за собою большее несходство въ процессахъ, происходящихъ въ сознаніи, когда дѣло идетъ не о явленіи внѣшняго міра, а о нашей внутренней, психической жизни. То, что меня выводитъ изъ себя, больно поражаетъ,—васъ оставляетъ спокойнымъ; то, что я называю любовью — вовсе не любовь, а только дружба по вашему; даже то, что мы оба называемъ горемъ или непріятностью, радостью или счастьемъ—все это для каждаго изъ насъ совсѣмъ иное, несходное, и въ точности передать другому свои мысли, чувства, оттѣнки чувства, ощущенія никто и никогда не можетъ. Мопассант удивительно глубоко понималъ это, когда говорилъ въ „*Одиночествѣ*“: „Великое мученіе нашего существованія происходитъ оттого, что мы вѣчно одиноки, и всѣ наши усилія, всѣ наши дѣйствія направлены лишь на то, чтобы избавиться отъ этого одиночества... *Я говорю съ тобой, ты слушаешь меня, и мы оба одиноки, мы идемъ бокъ о бокъ, но мы одиноки*... И я напрасно стремлюсь отдаться весь, открыть всѣ двери моей души, я не могу передать всего себя, Я сохраняю въ глубинѣ, въ самой глубинѣ, тотъ тайный уголокъ *моего я*, куда никто не проникаетъ. Никто не можетъ открыть его, проникнуть въ него, потому что *никто ни на кого не похожъ, потому что никто не понимаетъ никого*“... [1]).

Но мы не хотимъ вѣрить этому, видѣть этого, мы упорно и съ понятнымъ отчаяніемъ добиваемся того, чтобы насъ *по-*

[1]) Почти тѣми же словами Мопассанъ выражаетъ эту свою задушевнѣйшую мысль и въ послѣднихъ страницахъ „Mont-Oriol“.

няли; мы стремимся выйти изъ своего *я*, разорвать эти узы, войти въ настоящее общеніе съ другими душами. И мы говоримъ, пишемъ и проповѣдуемъ, и убѣждаемъ, и дружимся, и любимъ,—и вѣримъ, что всѣмъ этимъ мы достигаемъ духовнаго общенія, единенія съ другими душами. Особенно когда мы любимъ. Тогда мы особенно легко обманываемся словами и точно жаждемъ обмана. Ты мнѣ сказала: „я люблю тебя"—и я счастливъ и воображаю, что эти слова такъ же звучатъ въ твоей душѣ, какъ въ моей, что они для меня и тебя значатъ одно и то же. Мы даже клятвенно и страстно увѣряемъ друга друга, что это именно такъ. Фразы въ родѣ: „Я тебя такъ же страстно люблю, какъ ты меня". „Я испытываю то же самое, что̀ и ты",—такъ и сыплются съ устъ любящихъ. *Такъ же*, *то же самое!* жалкіе безумцы! кто это взвѣсилъ? измѣрилъ, кто сказалъ вамъ, что даже это слово „*такъ же*" одинаково дѣйствуетъ на слуховые нервы того и другого? Человѣкъ не можетъ выйти изъ своего *я*, отрѣшиться отъ *своихъ* глазъ, *своихъ* ушей, нервовъ, мозга, онъ ихъ вѣчный рабъ, онъ закованъ въ нихъ, какъ въ непроницаемую броню,—и кругомъ него такія же, какъ въ скорлупу заключенныя въ свои индивидуальности, людскія души. И онѣ-то воображаютъ, что *понимаютъ*, *знаютъ* другъ друга!

Нельзя отрицать, что оттѣнковъ этой разницы между индивидуальностями безконечное множество, что бываетъ извѣстное сходство натуръ, и что сходство воспитанія, вкусовъ, а особенно *одинаковый способъ выражать словами* наши мысли и чувства ведетъ къ тому, что къ однимъ людямъ мы чувствуемъ себя ближе, отъ другихъ дальше, съ одними сходимся медленно, къ другимъ чувствуемъ почти внезапную симпатію. Но тутъ-то и опасность. Симпатія, дружба, стремленіе къ ней,—они-то легче всего и заставляютъ насъ забывать о томъ, что полнаго единства, *тожества* быть не можетъ. А что такое наша любовь, какъ не одна непрерывная мечта о такомъ тожествѣ, единствѣ, жажда его и вѣра въ него. И чѣмъ сильнѣе вѣра—тѣмъ горше сомнѣніе, отрезвленіе, разочарованіе, и чѣмъ глубже любовь—тѣмъ больнѣе сознаніе, что „чужая душа потемки". А къ этому сознанію всѣ приходятъ рано или поздно. Какъ же не радоваться на тѣхъ, кто къ нему еще не пришелъ, какъ не благословлять судьбу за то, что она всякому даетъ хоть годъ, хоть недѣлю этого блаженнаго самообмана, этой вѣры въ единеніе съ другимъ духомъ, необходимой для всякаго жаждущаго жизни духа? И какъ не *удивляться*, что все-таки и несмотря на все, люди еще любятъ другъ друга, бываютъ счастливы?

А между тѣмъ одною изъ наиболѣе часто встрѣчающихся человѣческихъ странностей—и странностью наиболѣе поражающею всякаго серьезнаго наблюдателя людскихъ дѣлъ и страстей—является привычка наша удивляться или отыскивать глубокія причины тому, что друзья, любовники или супруги расходятся,—тогда какъ человѣка, хоть немного задумывающагося надъ своей и чужой жизнью, гораздо болѣе долженъ поражать фактъ, что люди сходятся, что у каждаго изъ насъ бываютъ минуты или годы почти полнаго духовнаго единенія съ другими, *чуждыми* душами, что еще встрѣчаются въ жизни многолѣтняя дружба, счастливая любовь, вообще—счастье въ томъ или иномъ видѣ.

И никогда не приходится такъ часто наталкиваться на эту странную привычку, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разговорахъ или книгахъ рѣчь заходитъ о романахъ, счастливыхъ или несчастныхъ (а какой романъ не несчастенъ?!) въ жизни великихъ или выдающихся людей. И всегда одна и та же пѣсня: „Какъ это случилось, что они разошлись? Что за причина разрыва? Кто виноватъ?“ А надо бы восклицать: „Какъ это такія несхожія индивидуальности сошлись? Что̀ за удивленіе, что они полюбили другъ друга? Какъ судьба милостива, что она дала имъ, хоть короткое, хоть отравленное счастье!“ Причинъ разрыва искать нечего: онѣ *во всемъ*.

Переходя въ частности ко всѣмъ романамъ въ жизни Жоржъ Сандъ, мы по отношенію къ нимъ со стороны біографовъ и публики наталкиваемся именно на эту удивительную привычку, и на тотъ курьезный способъ сужденія, о которомъ мы говорили еще во вступительной главѣ нашей книги: способъ *суда* и *осужденія*. Чуть рѣчь заходитъ о какой-нибудь психологической коллизіи, или говоря точнѣе, о какихъ-нибудь человѣческихъ отношеніяхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ то или иное чувство,—мы всѣ тотчасъ обращаемся въ судей, а чаще всего въ прокуроровъ и тотчасъ должны *обвинить* и *осудить* ту или другую сторону[1]). Біографы Жоржъ Сандъ, разумѣется *оправдываютъ* ее, и точно такъ же, разумѣется, біографы Мюссе или Шопена *обвиняютъ* ее. И вѣчно, вѣчно этотъ судъ! А между тѣмъ именно въ любовныхъ исторіяхъ Авроры Дюдеванъ ко всему прочему присоединяется еще то усложняющее

[1]) Одинъ изъ біографовъ Мюссе, Линдау, въ заключительныхъ строкахъ своего разсказа о романѣ между Мюссе и Жоржъ Сандъ чрезвычайно характерно въ этомъ смыслѣ высказывается: „Два избранные духа стояли, какъ враждующія стороны, другъ противъ друга. *Приговоръ*, каковъ бы онъ ни былъ, долженъ былъ больно поразить или одного, или другого“.

обстоятельство, что и сама героиня и почти всѣ герои были люди выдающіеся, таланты, геніи,—значитъ, натуры вдвойнѣ, въ сто разъ болѣе индивидуальныя, чѣмъ всякій изъ насъ, иначе впечатлительныя, по-своему думающія, по-своему чувствующія, еще болѣе рознящіяся отъ другихъ людей, еще болѣе закованныя въ броню своей *личности*. Чего же удивительнаго, что всѣ эти жизненные романы Жоржъ Сандъ оканчивались несчастіемъ той или другой, или вѣрнѣе обѣихъ сторонъ. Разумѣется, — какъ это и всегда бываетъ, — болѣе несчастной въ каждомъ данномъ случаѣ оказывалась сторона *болѣе* любившая, что въ обыденныхъ любовныхъ исторіяхъ выпадаетъ почти всегда на долю женщины, но что въ любовныхъ исторіяхъ Жоржъ Сандъ часто выпадало и на долю героевъ—тѣхъ изъ нихъ, которые *были слабѣе, или любили сильнѣе.*

Въ любви совсѣмъ особый и очень странный кодексъ. Въ любви всегда правъ тотъ, кто меньше любитъ, и всегда виноватъ тотъ, кто больше любитъ. Или вѣрнѣе: побѣда всегда на сторонѣ того, кто *уже* не любитъ, *еще* не любитъ или *вовсе* не любитъ. И чѣмъ больше васъ любятъ, чѣмъ преданнѣе, беззавѣтнѣе, чѣмъ тотъ, кто васъ любитъ, неспособнѣе скрыть отъ васъ хоть малѣйшій оттѣнокъ своей мысли, хоть сколько-нибудь *защитить* свою душу отъ васъ—тѣмъ вы къ нему относитесь небрежнѣе, жестче, презрительнѣе. То, что васъ восхищало бы и казалось бы высшимъ счастьемъ, еслибъ вы сами любили,—теперь кажется вамъ несноснымъ, надоѣдаетъ вамъ, злитъ, выводитъ изъ себя. Вы способны ненавидѣть этого человѣка или эту женщину, вы смѣетесь надъ ними. И чѣмъ онъ или она лучше, тѣмъ вы хуже. Онъ вамъ пишетъ отъ всей души, не скрывая ни единаго шага, желая точно вновь и вновь отдать вамъ всю свою душу. всего себя, чувствуя вѣчную потребность все разсказать вамъ про себя, *чтобъ вы все знали*,— вамъ несносны эти длинныя письма, вы ихъ читаете небрежно, кое-какъ, черезъ строчку. Онъ стремится васъ видѣть, онъ говоритъ вамъ, что безъ васъ онъ тоскуетъ день и ночь, — это кажется вамъ малодушіемъ, навязчивостью, безтактностью, посягательствомъ на вашу свободу, доказательствомъ его слабости и отсутствія серьезныхъ интересовъ въ его жизни. Онъ васъ любитъ безкорыстно и самоотверженно, ничего не требуя въ отвѣтъ,—это кажется вамъ унизительнымъ для него, отсутствіемъ гордости и чувства собственнаго достоинства. Онъ теряетъ терпѣніе, страданія заставляютъ его сбросить съ себя маску, онъ говоритъ вамъ сумасшедшія, страстныя слова,—вы возмущены,

вы въ негодованіи: онъ неделикатенъ, грубъ, низменная натура, онъ вамъ навязываетъ свою особу, а вы этого вовсе не желаете. Однимъ словомъ, всегда, всегда *онъ* виноватъ, а *вы* правы. Но если онъ, или она *уже*, или *еще* или *вовсе не* любитъ, а любите *вы* — тогда все наоборотъ! Тогда *вы* пишете письма, *вы* навязчивы, *вы* неделикатны, это у *васъ* нѣтъ чувства собственнаго достоинства, *вы* надоѣдаете своимъ грустнымъ лицомъ, письмами, посѣщеніями, вопросами, заботами, тою безконечною любовью, которая сказывается во всякомъ вашемъ словѣ, жестѣ, взглядѣ, поступкѣ. Вы, вы виноваты,—а онъ или она правы. *Vae victis!*

Въ жизни Жоржъ Сандъ любовныхъ исторій было много, увы! слишкомъ много—и, можетъ быть, ничто такъ не заставляло предполагать или видѣть проповѣдь безнравственности въ ея написанныхъ романахъ, какъ именно этотъ фактъ, — хотя героини ея почти всѣ отличаются совсѣмъ не тѣмъ характеромъ и темпераментомъ, какимъ отличалась сама Аврора Дюдеванъ. Враги Жоржъ Сандъ постарались изобразить этотъ темпераментъ и характеръ самыми черными красками. Друзья и біографы, какъ мы уже указывали, или лицемѣрно обходили молчаніемъ, или подыскивали всякія увертки, чтобы сказать нѣсколько таинственныхъ словъ о томъ или другомъ событіи или чертѣ въ жизни своей героини. Теперь мы вновь скажемъ, что положительно не находимъ нужнымъ подыскивать всѣ тѣ „смягчающія вину обстоятельства", безъ которыхъ какъ будто нельзя обойтись, говоря о любовныхъ исторіяхъ Жоржъ Сандъ. Жоржъ Сандъ была личность совершенно исключительная, геніальная, къ ней немыслимо примѣнять мѣрки общепринятой морали, какъ смѣшно было бы примѣнять ихъ въ Байрону или Лермонтову. Если въ каждомъ изъ насъ недостатки тѣсно связаны съ достоинствами, и всякая черта характера почти неотдѣлима отъ другихъ, то это особенно ясно сказывается въ натурахъ крупныхъ и исключительныхъ.

Прежде чѣмъ придти къ безмятежно-объективному спокойствію философа и той гармоніи духа, которая насъ поражаетъ и восхищаетъ въ Гёте,—этотъ геніальный человѣкъ провелъ бурную молодость и жизнь полную самыхъ разнообразныхъ столкновеній и приключеній. Судьба точно постаралась дать ему все извѣдать, всѣмъ насладиться, все испытать, собрать звуки, краски отовсюду. И читая повѣсть его жизни, видишь, что можетъ быть добрую службу сослужили ему въ этомъ и извѣстное легкомысліе и почти безпримѣрный эгоизмъ въ отношеніяхъ и съ друзьями и съ любившими его женщинами. Не-

сомнѣнно, что многимъ изъ тѣхъ, кто послужилъ такимъ объектомъ для испытаній и извѣдованій всеобъемлющаго ума поэта— горько пришлись эти опыты. Но теперь, по прошествіи столѣтія, сокрушаться объ участи прототипа Лотты или Лили — странно. За человѣка-Гёте грустно, и больно за человѣка-Шарлотту, но очень прискорбно было-бы, еслибъ Гёте-поэтъ не испыталъ этой любви въ юности. Въ исторіи развитія этого великаго духа этотъ эпизодъ былъ необходимъ. Точно также мы были бы смѣшны, еслибъ стали сокрушаться надъ разными любовными исторіями Гейне или Мюссе, Пушкина или Байрона. Почемъ мы знаемъ, что́ каждая изъ нихъ оставила въ душѣ художника, что прибавила къ его внутреннему росту, какими невѣдомыми путями и въ какую сторону направила въ данную минуту его мысль, весь ходъ его душевной жизни? Все, всякая изъ нихъ была необходима, всѣ эти эпизоды, смыслъ и значеніе которыхъ скрыты отъ дѣйствующихъ лицъ, отъ окружающихъ ихъ, отъ современниковъ—все это необходимые моменты въ жизни каждой такой выдающейся личности и несомнѣнно служатъ для высшихъ цѣлей. Только мы ихъ не знаемъ. Никто изъ насъ не можетъ никогда знать,—отъ какихъ чисто-внѣшнихъ, случайныхъ встрѣчъ, столкновеній, впечатлѣній зависятъ перевороты въ нашей духовной жизни и къ чему они приводятъ. Никто не можетъ ручаться, какъ самый внѣшній, мелкій эпизодъ жизни, — положительно и прямо, или отрицательно и по закону противорѣчія,—отзовется во внутренней жизни. Нѣтъ человѣка, факта, встрѣчи, которые были-бы *ненужны* для развитія и хода впередъ каждаго изъ насъ. Тѣмъ болѣе всѣ они необходимы, нужны, а потому и законны въ жизни всякаго генія или выдающейся личности. Потому, отбросивъ въ сторону всѣ общепринятыя точки зрѣнія и сужденія, мы говоримъ, напр., и обо всѣхъ личныхъ романахъ Жоржъ Сандъ съ совершеннымъ спокойствіемъ историка, и для того, чтобы заранѣе напугать добродѣтельнаго читателя, скажемъ прямо, что на обыкновенную женскую жизнь слишкомъ хватило-бы и десятой доли всѣхъ этихъ любовныхъ исторій, но намъ Жоржъ Сандъ отъ этого кажется ни безнравственной, ни даже нисколько не умаляется, какъ великая душа. Страсти, увлеченія и событія жизни, ими вызываемыя, — это одно, а основная высота душевнаго строя, неуклонное стремленіе этой души къ правдѣ и свѣту, постоянное совершенствованіе (и часто именно благодаря этимъ будто бы паденіямъ или помѣхамъ), — неукоснительное шествіе духа все выше, все ближе къ идеалу высшей правды, красоты и

добра — это другое. Великая душа живетъ не такъ, какъ мы, маленькія, скромненькія души, исторія ея развитія часто бываетъ рядомъ пораженій и побѣдъ, борьбы, отчаяній и ликованій, жгучихъ сомнѣній и восторженной вѣры. Важно, чтобы поступательное движеніе духа не останавливалось, а *какъ* надлежитъ ему совершиться: плавно и постепенно, или скачками и per aspera ad astra — объ этомъ судить не намъ, а развѣ Причинѣ всего геніальнаго и божественнаго въ людяхъ.

Романовъ въ жизни Жоржъ Сандъ было слишкомъ много и несомнѣнно, что большую роль игралъ въ этомъ ея увлекающійся, страстный темпераментъ, унаслѣдованный ею отъ отца и матери, и ея вѣчно-жаждавшая новыхъ впечатлѣній натура. Но также несомнѣнно, что Жоржъ Сандъ могла бы сказать то, что сказала ея знаменитая пріятельница Марія Дорваль про себя: „Est-ce que ce sont les sens qui entrainent? Non, c'est la soif de tout autre chose. C'est la rage de trouver l'amour vrai qui appelle et fuit toujours“ [1]). А главное, мы не беремся сказать—возможна ли была бы *Жоржъ Сандъ* безъ всѣхъ этихъ романовъ, была ли бы она тѣмъ выходящимъ изъ ряду явленіемъ духовнаго порядка, еслибъ отбросить изъ исторіи развитія ея души всѣ эти увлеченія, паденія, отчаянія, порывы и раскаянія?

Можетъ быть, никого Жоржъ Сандъ такъ страстно не любила и никто ее такъ искренно не любилъ, какъ Альфредъ де-Мюссе, а любовь эта внесла горе и страданіе и въ ея и въ его жизнь. Эту грустную исторію разсказывали уже десятки разъ, серьезно и сатирически, спокойно и съ пѣной у рта, друзья и враги, въ прозѣ и стихахъ, просто—и съ беллетристическими вымыслами. Не считая всѣхъ пересказовъ этой исторіи во всевозможныхъ курсахъ литературъ, статьяхъ и біографіяхъ, гдѣ о ней говорится мимоходомъ, укажемъ, что спеціально на ней останавливались и ею занимались: Поль де-Мюссе, виконтесса де-Жанзе, Линдау, Арведъ Барйнъ, Кертбени, Сентъ-Бёвъ, Максимъ Дюканъ, Спульберкъ де-Лованжуль, Кабанесъ, Морисъ Клуаръ, Маріетонъ, Бриссонъ, Рошблавъ, Никсъ (въ своей біографіи Шопена), Георгъ Брандесъ, Миркуръ, миссъ Берта Томасъ и т. д. и т. д. Укажемъ, что эта исторія послужила темой для „Confession d'un enfant du siècle“ Мюссе, „Elle et Lui“ Жоржъ Сандъ, „Lui et Elle“ Поля де-Мюссе,

[1]) „Развѣ насъ увлекаетъ чувственность? Нѣтъ, это жажда чего-то совсѣмъ иного. Это безумное желаніе найти истинную любовь, которая вѣчно манитъ и ускользаетъ“... („Histoire de ma Vie“. Томъ IV, стр. 224).

„Lui" Луизы Коле, что существуетъ цѣлый безчисленный рядъ самыхъ неприличныхъ памфлетовъ и quasi-сатирическихъ книжонокъ, гдѣ эта исторія, а особенно личность Жоржъ Сандъ изображалась самымъ отвратительнымъ образомъ. Таковы статьи Понмартена, *Бабу* и *Барбэ д'Орвильи*, таковы „Eux, drame contemporain par Moi" (Alexis Doinet), „Eux et Elles—histoire d'un scandale" par M. de Lescure, „Les amours d'un poète, idylle en 4 colonnes" (приписывалось однофамильцу Делатуша, но это было опровергнуто редакціей „Gaulois", гдѣ этотъ памфлетъ впервые появился), и, наконецъ, „Lelia ou la femme socialiste, poème en quatre nuits" и „Songe de M-me Sand, pour faire suite au songe d'Athalie" par Alexandre Dufaï,—верхъ того, что можетъ себѣ позволить даже самый беззастѣнчивый писака. Если мы прибавимъ, что начиная съ „*Леліи*" [1]), въ цѣломъ рядѣ произведеній самой Ж. Сандъ мы найдемъ отголоски ея знаменитой венеціанской поѣздки и что многія изъ нихъ въ тѣ годы и написаны („Личный секретарь", „Письма Путешественника", „Альдо-Риѳмачъ", „Орко", „Ускокъ", „Маттеа", „Мозаичисты", „Послѣдняя Альдини"), что отголоски итальянскаго путешествія слышатся въ „Габріэлѣ", въ первой части „Консюэло" и во многихъ другихъ произведеніяхъ Жоржъ Сандъ, что съ своей стороны Мюссе лучшія свои лирическія стихотворенія („Ночи", „Воспоминаніе", „Письмо къ Ламартину", „Моему брату, возвращающемуся изъ Италіи" и т. д.) написалъ по пріѣздѣ изъ Италіи и что итальянскія воспоминанія навѣяли ему и „Лорензаччіо" и другія драматическія произведенія, — то мы даже изъ такого бѣглаго перечня увидимъ, что этотъ, надѣлавшій, и въ свое время и въ самые послѣдніе годы, много шуму, романъ между двумя поэтами имѣлъ большое значеніе для литературы и по одному этому невольно останавливаетъ вниманіе критика.

Но вслѣдствіе указаннаго обилія малодостовѣрныхъ и просто апокрифическихъ разсказовъ о немъ, а особенно о событіяхъ итальянской поѣздки,—исторія этой любви сдѣлалась, и до самаго послѣдняго времени оставалась легендой, и, какъ во всякой легендѣ, всѣ истинные факты прикрашены и искажены въ ней до неузнаваемости. Имена Мюссе и Жоржъ Сандъ у всѣхъ на устахъ, но почти никто не знаетъ правды. Какъ мы уже не разъ указывали, причиной тому удивительная недобросовѣстность и многорѣчивость враговъ Жоржъ Сандъ и боязнь

[1]) Мы говоримъ здѣсь о „Леліи" второй редакціи, т.-е. о романѣ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ 1839 г. См. выше, стр. 303—309, 313—314 и ниже стр. 328 и главу XI.

друзей говорить просто и прямо о такихъ вещахъ, о которыхъ въ сущности всѣ слыхали. Они молчали или туманно намекали, а враги разсказывали разныя небылицы. А главное — друзья и біографы обѣихъ сторонъ почему-то тщательно старались замалчивать даже имя героя противной стороны. „Никто изъ ихъ окружающихъ не сообразилъ, что, умаляя *другого*, тѣмъ самымъ умаляютъ и собственнаго героя“ — справедливо замѣчаетъ Арведъ Баринъ въ своей *„Біографіи Мюссе“*. Между тѣмъ всѣ тѣ безпристрастные люди, которые имѣли случай узнать всю эту исторію на основаніи подлинныхъ документовъ, пришли къ заключенію, что истина, разсказанная открыто, послужила бы къ чести обѣихъ сторонъ. Эд. Гренье [1]) прямо это утверждалъ. Еще опредѣленнѣе высказывался объ этомъ извѣстный библіографъ и знатокъ литературы, авторъ монографій о Бальзакѣ и Готье—виконтъ де Спульберкъ, который въ числѣ своихъ безцѣнныхъ библіографическихъ сокровищъ владѣетъ и всѣми бумагами Сентъ-Бева, его перепиской съ Жоржъ Сандъ, нѣсколькими письмами Мюссе къ С.-Беву, а также громаднымъ количествомъ документовъ и писемъ самой Ж. Сандъ. Г. Спульберкъ уже давно и не разъ высказывалъ въ печати убѣжденіе, что если бы была обнародована подлинная переписка Мюссе съ Ж. Сандъ и письма ея къ С.-Беву изъ той же эпохи, то это „не только не повредило бы памяти этихъ двухъ великихъ именъ“ [2]), но что эти письма „своей правдивостью, искренностью еще увеличили бы очарованіе великаго имени Ж. Сандъ, ничего не отнявъ отъ мира, въ которомъ пребываетъ ея память“ [3]). Въ данную минуту г. де Спульберкъ исполнилъ свое давнишнее желаніе способствовать всѣми силами обнародованію этой переписки, напечатавъ ту часть своей монографіи „Исторія произведеній Ж. Сандъ“, въ которой онъ, на основаніи имѣющихся у него документовъ, разсказываетъ *Истинную исторію* романа *„Она и Онъ“*. И онъ поступилъ тутъ совершенно согласно съ желаніемъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, ибо если изъ обнародованныхъ Арведомъ Баринъ, и гг. Гренье и Маріетономъ писемъ Мюссе видно, что Мюссе непремѣнно желалъ повѣдать міру исторію своей любви къ Ж. Сандъ и

[1]) Ed. Grenier. *„Souvenirs littéraires“* „Revue Bleue“, № du 15 octobre 1892.

[2]) Письмо вик. де-Спульберка въ „Intermédiaire des Chercheurs et des Curieux“ 20 ноября 1892 г., въ статьѣ д-ра Кабанеса, перепечатанное затѣмъ въ приложеніи къ „Indépendance Belge“, отъ 8 декабря 1892 г.

[3]) *„Les Lundis d'un Chercheur“* par le vic-te de Spoelberch de Lovenjoul. „Lettres inédites de G. Sand“. Paris 1894. Calmann Lévy.

тѣмъ возвеличить и прославить имя своей возлюбленной [1]), то съ другой стороны и Ж. Сандъ всегда желала, и устно и письменно не разъ выражала „формальное желаніе однажды представить публикѣ письма *его* и *ея*" и тѣмъ „оправдаться по крайней мѣрѣ въ трехъ изъ главныхъ взведенныхъ на нее обвиненій" [2]). Нынѣ, въ 1898 г.—это обоюдное желаніе двухъ поэтовъ хотя отчасти исполнено: напечатаны письма Ж. Сандъ къ Мюссе и къ Сентъ-Беву, часть писемъ самого Мюссе и часть писемъ ея къ Паджелло, а также масса всевозможныхъ др. документовъ относящихся до этой исторіи [3]). Благодаря всѣмъ этимъ документамъ, различнымъ устнымъ указаніямъ и возможности пользоваться нѣсколькими *письмами д-ра Паджелло* къ третьимъ лицамъ, *совершенно неизвѣстными публикѣ и чрезвычайно важными по своей трезвой правдѣ и подкупающей искренности*, мы могли ко всему имѣющемуся въ печати громадному матеріалу отнестись уже не только лишь какъ къ подспорью, но и вполнѣ критически.

Жоржъ Сандъ познакомилась съ Мюссе незадолго до выхода въ свѣтъ *Леліи*. Весь литературный міръ Парижа былъ заинтересованъ этой восходящей звѣздою, и къ желанію познакомиться съ авторомъ горячо-написанной *Индіаны* и поэтичной *Валентины* присоединялось любопытство увидѣть ту оригинальную, чуть не эксцентрическую женщину, о которой уже ходили цѣлыя легенды, ту красавицу, которая успѣла уже покорить сердца и строгаго Сентъ-Бева, и пессимиста Делатуша, и *непримиримаго* Гюстава Планша.

Не менѣе популяренъ былъ тогда и Мюссе, авторъ надѣлавшихъ столько шуму „*Contes d'Espagne et d'Italie*", „Бал-

[1]) См. ниже, стр. 388.

[2]) *Примѣч. 1895 г.* Неизданныя письма къ С.-Беву отъ 20 января и 6 февраля 1861 г.

Примѣч. 1898 года. Теперь оба эти письма напечатаны и въ книгѣ г. де Спульберка Véritable Histoire de „Elle et Lui" и въ томикѣ *Писемъ Ж. Сандъ къ Мюссе и С.-Беву*, изданномъ Леви съ предисловіемъ г. Рошблава.

[3]) Далѣе мы говорили въ этомъ мѣстѣ нашей статьи: „Мы имѣли возможность ознакомиться со всей перепиской Ж. Сандъ съ С.-Бевомъ и прочесть собственноручное ея желаніе обнародовать ея переписку съ Мюссе и тѣмъ наконецъ оправдаться по крайней мѣрѣ въ трехъ изъ взведенныхъ на нее обвиненій. Должны прибавить, что всѣ наведенныя нами у ея родныхъ и друзей справки и провѣрка документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, вполнѣ подтвердили это непремѣнное желаніе Ж. Сандъ."—Съ тѣхъ поръ и всѣ желающіе могли въ этомъ убѣдиться изъ обнародованнаго г. Эмилемъ Окантъ письма Ж. Сандъ къ нему, служащаго какъ бы предисловіемъ къ ея письмамъ къ Мюссе, ею самою приведеннымъ въ порядокъ и теперь обнародованнымъ г. Окантомъ (въ Revue de Paris, 1896 г.).

лады къ лунѣ", „Намуны" и т. д. и т. д. Мюссе, которому не минуло еще 23 лѣтъ, былъ тоненькій бѣлокурый юноша съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и задумчивыми, красивыми глазами, взглядъ которыхъ однако часто бывалъ дерзокъ, чтобъ не сказать болѣе [1]). Несмотря на такіе юные годы—творецъ „Намуны" и „Порціи" былъ далеко уже не новичкомъ ни въ литературѣ, ни въ жизни. По внѣшности это былъ изящнѣйшій дэнди, безукоризненно одѣтый по послѣдней модѣ, баловень великосвѣтскихъ дамъ и представитель золотой молодежи, удовольствія и времяпровожденія которой онъ раздѣлялъ съ утра до вечера, начиная съ завтраковъ и прогулокъ на Итальянскомъ бульварѣ и кончая раутами и балами у какой-нибудь изъ представительницъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, хотя такое времяпровожденіе не только мѣшало ему работать, но было просто и не по средствамъ ему, такъ какъ состоянія своего у него не было, но за то было влеченье ко всему аристократическому [2]).

[1]) Полина Віардо передавала одному близкому намъ лицу, что у Мюссе былъ „очень противный взглядъ, манера глядѣть на женщинъ, особенно потому, что у него были красныя вѣки безъ рѣсницъ и бровей; онъ часто смотрѣлъ въ упоръ такъ, что это граничило съ наглостью и цинизмомъ". Очень интересно сопоставить эти слова съ описаніемъ наружности поэта Стеніо въ „Леліи": „Ses yeux, dépourvus de cils, n'avaient plus cette lenteur voilée qui sied si bien à la jeunesse. Son regard vous arrivait droit au visage, brusque, fixe et presque arrogant". (Lélia. 5-me partie Ch. XLVII(. Мы указывали уже выше на это сходство въ описаніяхъ наружности Мюссе, сдѣланномъ г-жей Viardot и наружности Стеніо, сдѣланномъ авторомъ *Леліи.*

[2]) Братъ-біографъ говоритъ: „То прилежный, то праздный, онъ работалъ съ невѣроятнымъ рвеніемъ, если только ничто его не отвлекало, ибо, едва окончивъ или прервавъ работу—поэтъ становился дэнди. Его друзья, болѣе богатые, чѣмъ онъ, слишкомъ часто увлекали его отъ книгъ. Къ тому же онъ не скрывалъ своихъ аристократическихъ вкусовъ. Всѣ мѣста увеселеній, отмѣченныя модой (fashion) имѣли для него непреоборимую притягательную силу. Это была Опера, гдѣ онъ былъ абонированъ, бульваръ de Gand (теперешній Итальянскій), Café de Paris, гдѣ собирались люди очень изящные, но между которыми не было иной связи, кромѣ привычки. Велась большая игра, устраивались parties de plaisir, продолжавшіяся безконечно, держались безумные пари, условія которыхъ надлежало выполнять, хотя бы пришлось сломить себѣ шею. Девизомъ этихъ сборищъ было: „Pas de quartier" („Безъ пощады"). Однажды вечеромъ узнали, что одинъ изъ завсегдатаевъ этой компаніи болѣе не появится. Разнесся слухъ, что онъ поклялся застрѣлиться въ тотъ день, когда истратитъ свой послѣдній червонецъ, и что когда этотъ мигъ насталъ—онъ сдержалъ слово съ хладнокровіемъ и мужествомъ, достойными лучшаго дѣла. Этотъ мрачный эпизодъ не былъ чуждъ созданію Rolla. Чтобы свободно вращаться на такой опасной почвѣ, недостаточно было быть одѣтымъ во фракъ послѣдней моды, надо было имѣть и хорошо набитый карманъ; и когда этого багажа у него не хватало, молодой дэнди, къ счастью, былъ на-

Правда, что время съ вечера до утра любимецъ дамъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья нерѣдко проводилъ въ компаніяхъ ничего общаго ни съ аристократизмомъ, ни съ добродѣтелью не имѣющихъ, и совершенно правы тѣ его біографы, которые отмѣчаютъ, что уже въ тѣ юные годы Альфредъ де-Мюссе обнаруживалъ, увы! такое знаніе всевозможныхъ парижскихъ трущобъ и общественныхъ подонковъ, какое рѣдко встрѣчается и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Всѣхъ читателей „Андалузскихъ балладъ", „Каштановъ изъ огня", „Межъ чашей и устами" поражала въ юномъ авторѣ, на ряду съ яркими поэтическими образами, рѣдкой наблюдательностью и ранней проницательностью — его глубокое разочарованіе, раннее знаніе жизни и на рѣдкость раннее знакомство съ мрачными и порочными ея сторонами. Братъ-біографъ изъ всѣхъ силъ старается убѣдить этихъ читателей, что все это-де „только *поза*", притворство, что все это писано, какъ говорится, „изъ головы", а что авторъ въ тѣ годы былъ благонравнымъ и невиннымъ мальчикомъ, жившимъ подъ крылышкомъ маменьки, никуда безъ ея вѣдома не отлучавшимся, а потому и не могшимъ при своемъ писаніи „вспоминать" ничего иного, кромѣ развѣ „уроковъ" да школьной скамьи, которую онъ едва оставилъ. Пауль Линдау [1]), при всей любви къ своему герою, нашелъ однако нужнымъ показать всю шаткость подобныхъ утвержденій. Онъ говоритъ: „Но развѣ нельзя возразить, что инстинкты этого неиспорченнаго младенца все-таки весьма что-то поразительны, что они всѣ (sammt und sonders) сводились къ одному и тому же, къ тому, что̀, если употребить самое сильное выраженіе, называется испорченностью. Я признаю себя свободнымъ отъ филистерской чопорности и я бы не упрекнулъ юнаго поэта за то, что онъ иногда отступалъ отъ пути добродѣтели (auschweifte) и, изъ прихоти или по какимъ-либо другимъ причинамъ, заходилъ, на тѣ тро-

столько разсудителенъ, что возвращался къ работѣ". („Notice biographique sur A. de-Musset" par Paul de-Musset).

На стр. 216, 17, 18, 19, 221, 239 „Biographie" мы находимъ указанія нѣсколько иныя и показывающія, что А. де-Мюссе не очень безпокоился о своихъ долгахъ и уплатѣ ихъ, и что даже деньги, забранныя впередъ у издателя, не могли его заставить работать. Съ другой стороны, M-me de Janzé разсказываетъ въ своей книжкѣ „Etudes et récits sur A. de-Musset", что когда у Альфреда было слишкомъ мало денегъ, то онъ завтракалъ или обѣдалъ въ какомъ-нибудь плохомъ ресторанчикѣ, но затѣмъ съ зубочисткой въ рукѣ отправлялся на бульваръ, имѣя видъ человѣка, возвращающагося съ роскошнаго обѣда. Эта курьезная черта очень характерна для того кружка, въ которомъ вращался Мюссе.

[1]) *Paul Lindau*: „Alfred de-Musset".

пинки, которыя добродѣтель считаетъ запрещенными. Но когда я замѣчаю, что поэтъ *только* по этимъ грязнымъ дорогамъ и странствуетъ, что его фантазія только такія мѣста и разыскиваетъ, которыя порядочнымъ обществомъ обходятся, и что онъ тутъ обнаруживаетъ такое „знаніе мѣстности", которое при его юномъ возрастѣ просто ужасаетъ, — тогда мнѣ становится затруднительнымъ представлять себѣ этого бѣлокураго юношу тѣмъ невиннымъ младенцемъ, котораго оберегаетъ нѣжность матери. Тогда мнѣ ничего не остается, какъ съ горькимъ сожалѣніемъ высказать убѣжденіе, что этотъ удивительный талантъ такъ же рано созрѣлъ, какъ и испортился..." Но Поль де-Мюссе въ своей близорукой погонѣ за монтіоновски-буржуазной добродѣтельной репутаціей брата находитъ нужнымъ утверждать, что и впослѣдствіи авторъ „Ролла" (!), „Исповѣди" „Лорензаччіо" и т. д. все оставался такимъ же невиннымъ младенцемъ, не видавшимъ въ жизни ничего, кромѣ маменькиной гостиной и бальныхъ залъ. Поль де-Мюссе вооружается противъ одного очень вѣрнаго замѣчанія Тэна и восклицаетъ: „Не понимаю, почему Тэнъ... представилъ Альфреда де-Мюссе бродящимъ по вечерамъ по самымъ гадкимъ улицамъ Парижа. Ничто не можетъ быть болѣе невѣрнымъ. Мюссе ненавидѣлъ клоаки и только въ каретѣ проѣзжалъ мимо нихъ!" [1]) и затѣмъ онъ посвящаетъ нѣсколько энергичныхъ строкъ по адресу разныхъ, будто бы неправдоподобныхъ, воспоминаній и розсказней о Мюссе. Нѣтъ сомнѣнія, что „воспоминанія о Мюссе" вѣроятно такъ же часто грѣшатъ противъ истины, какъ всѣ воспоминанія на свѣтѣ, но какъ согласовать это абсолютное отрицаніе того, что Мюссе зналъ разные трущобы, кабачки и притоны, съ собственными его описаніями ихъ, напр., въ „Confession d'un enfant", или съ слѣдующими словами изъ его посмертныхъ тетрадей: „Между завсегдатаями кабачковъ есть веселые и румяные; есть и блѣдные и молчаливые. Какое зрѣлище тягостнѣе страдающаго развратника? Я видалъ такихъ, смѣхъ которыхъ заставляетъ вздрогнуть..." и т. д. [2]). Неужели все это взято не съ натуры? Неужели въ правдивости и реальности этихъ описаній мы должны опять-таки видѣть только „поэтическую вольность" и „позу", какъ и въ „Contes d'Espagne et d'Italie"? Какъ странно, что многіе изъ біографовъ Мюссе желаютъ во

[1]) См. Примѣчаніе на стр. 18 „Біографической замѣтки" Поля де Мюссе.

[2]) Эти слова находятся въ отрывкѣ изъ неизданнаго и неоконченнаго произведенія Мюссе, приводимомъ между прочимъ и самимъ П. де-Мюссе на 241 стр. „Biographie".

что бы то ни стало изображать его какъ какого-то салоннаго фатика, вѣчно затянутаго и вѣчно думающаго лишь о соблюденіи свѣтскихъ приличій. Какъ ни страдалъ Мюссе вышеуказаннымъ пристрастіемъ къ дэндизму и какъ ни велики были его недостатки и пороки, губившіе его физическое и нравственное здоровье,—но это былъ настоящій поэтъ, который инстинктивно слѣдовалъ совѣту Гёте:

> Greift nur hinein ins volle Menschenleben.
> Ein Jeder lebt's, nicht Vielen ist's bekannt,
> Und wo Ihr's packt, da ist's interessant.

Стоитъ вспомнить, что самъ Мюссе говорилъ въ своемъ: „Poète et prosateur" о поэтѣ:

„Малѣйшее существо, ничтожнѣйшее созданіе возбуждаютъ его любопытство однимъ тѣмъ уже, что существуютъ. Великій Гёте бросалъ перо, чтобы разсмотрѣть камешекъ, и разглядывалъ его по цѣлылъ часамъ. Онъ зналъ, что въ каждой вещи заключается чуточка тайны боговъ. Такъ поступаетъ поэтъ, и даже безжизненныя существа кажутся ему нѣмыми мыслями... *Видѣть, чувствовать, выражать—вотъ его жизнь; все съ нимъ говоритъ, онъ бесѣдуетъ съ былинкой; изъ всѣхъ очертаній, поражающихъ его взоры, даже въ самыхъ уродливыхъ, онъ почерпаетъ и питаетъ непрестанную любовь къ высшей красотѣ, во всѣхъ чувствахъ, которыя онъ испытываетъ, во всѣхъ дѣяніяхъ, которыхъ онъ бываетъ свидѣтелемъ, онъ ищетъ вѣчную истину"*...

Человѣкъ, который бы не видѣлъ ничего, кромѣ салоновъ разныхъ герцогинь и только „въ каретѣ" проѣзжалъ бы мимо всей грязи жизни и всего ея разнообразія, навѣрное не написалъ бы никогда ни такихъ потрясающихъ страницъ, какъ заключительная сцена „Ролла", ни только что упомянутыхъ, полныхъ глубокаго трагизма, сценъ въ тавернѣ изъ „Confession", ни выше приведенныхъ словъ: „Между завсегдатаями"... ни, наконецъ, всѣмъ извѣстныхъ, глубоко-скорбныхъ строкъ въ „Письмѣ къ Ламартину":

> „C'était dans une rue obscure et tortueuse
> De cet immense égout qu'on appelle Paris;
> Autour de moi criait cette foule railleuse"... и т. д.

Всѣ благожелательные біографы не подозрѣваютъ, какъ они этими своими защитами *умаляютъ* Мюссе и какъ человѣка, и какъ поэта.

Въ томъ-то и дѣло, что подъ наружностью этого великосвѣтскаго дэнди и въ то же время безшабашнаго участника

ночныхъ оргій скрывалась душа горячая и страстная, чуткая, порывистая, откликающаяся на всякое явленіе жизни съ силою, несвойственною обыденнымъ людямъ, которую, „какъ лютню, забытую на стулѣ, всякій вѣтерокъ заставлялъ звучать“, [1])— настоящая душа поэта со всѣми ея слабостями и великими качествами. Мюссе ни къ чему не могъ относиться равнодушно: каждая мелочь, проходящая незамѣтно для всякаго простого смертнаго, каждое впечатлѣніе внѣшней жизни, природы могли привести его въ восторгъ или повергнуть въ отчаяніе. Всякая промелькнувшая въ воображеніи мечта принимала для него почти реальный образъ, разросталась до громадныхъ размѣровъ, становилась дѣйствительностью—и, какъ дѣйствительность, мучила или радовала его. Еще съ дѣтства онъ проявлялъ самое страстное отношеніе къ мельчайшимъ фактамъ жизни. Въ первыхъ главахъ біографіи Поль Мюссе разсказываетъ нѣсколько интересныхъ эпизодовъ и подробностей изъ жизни маленькаго Альфреда—необычайно характерныхъ и для всей дальнѣйшей жизни его. Когда ему было, напр., 3 года, ему подарили красные башмачки, которые онъ долженъ былъ надѣть по случаю какого-то семейнаго торжества. Ребенокъ просто не могъ дождаться минуты, когда ему надѣнутъ прелестные башмачки, и отъ нетерпѣнія не могъ спокойно стоять на мѣстѣ, пока мать расчесывала его кудри. Наконецъ, чуть не со слезами онъ воскликнулъ: „*Поторопитесь же, мама, мои новые башмаки станутъ старыми*“. И братъ-біографъ справедливо замѣчаетъ: „Надъ этой выходкой тогда только посмѣялись, но это было первое проявленіе того *нетерпѣнія наслаждаться* и *привычки торопиться жить* (прожигать время), *которыя уже никогда не измѣнились и не успокоились*“. Поль де-Мюссе приводитъ въ этихъ первыхъ (наиболѣе цѣнныхъ) и въ послѣднихъ главахъ своей книги еще нѣсколько такихъ фактовъ изъ дѣтства и изъ зрѣлыхъ лѣтъ Мюссе, которые показываютъ, какая это была страстная, нетерпѣливая, сильно, почти болѣзненно-чувствующая душа. Страданія другихъ были ему невыносимы, и онъ спѣшилъ сдѣлать все, что могъ, для людей и животныхъ, только бы избавить самого себя отъ невыносимаго для него сочувствія, отъ *состраданія* въ буквальномъ смыслѣ этого слова, доходившаго у него до болѣзненности, до потери спокойствія и сна. И въ то же время, въ минуты раздраженія и запальчивости, онъ способенъ былъ жесточайшимъ образомъ оскорбить любимаго

[1]) Слова А. де-Мюссе о себѣ самомъ.

человѣка; отъ гнѣва или огорченія онъ такъ же легко терялъ голову, какъ отъ радости и счастья. Въ немъ не было ни малѣйшей устойчивости, выдержки, самообладанія. Онъ не умѣлъ немножко любить, спокойно хотѣть, благоразумно ждать исполненія своихъ желаній. Онъ самъ говорилъ про себя: „Je ne suis pas tendre; je suis excessif". Онъ былъ *индивидуалистъ* въ самомъ лучшемъ и самомъ худшемъ значеніи этого слова. Братъ его говоритъ: „во всемъ это былъ человѣкъ самый независимый, весь во власти своихъ впечатлѣній и управляемый своей фантазіей. Постоянно случалось, что онъ выходилъ изъ дому съ намѣреніемъ идти въ такое-то мѣсто и передумывалъ на полдоргѣ"... [1]).

„*Независимый до упрямства*, *самостоятельный до противодѣйствія всякому*, *даже самому почтенному авторитету*, *даже когда такимъ авторитетомъ являлся долгъ относительно самого себя*, *уваженіе къ собственному таланту*, *безъ всякой путеводной нити*, *кромѣ собственной воли*, *собственныхъ причудъ и страстей*, онъ бурно промчался черезъ жизнь, не желая остановиться ни предъ какой преградой и не заботясь о томъ, чтобы хоть выработать силы, необходимыя для преодолѣнія выставляемыхъ жизнью препятствій, или о томъ, чтобы возстановить потраченныя силы,—онъ предпочиталъ, вмѣсто того, чтобъ отдохнуть,—съ трудомъ тащиться дальше, пока только возможно, а когда ему силы измѣнили, онъ упалъ и остался недвижимъ"...—вотъ какими словами характеризуетъ Линдау жизнь и общій характеръ Альфреда де-Мюссе. Такъ онъ жилъ, такъ и работалъ. „*Все, что называется правильностью и порядкомъ, было ему противно*. Когда онъ былъ въ настроеніи, то случалось, что онъ дни и недѣли, иногда даже мѣсяцы жилъ исключительно въ умственномъ трудѣ. Но затѣмъ слѣдовали паузы, длившіяся недѣли, мѣсяцы, даже годы, — паузы, втеченіе которыхъ онъ ничего не дѣлалъ, развѣ только изрѣдка въ какую-нибудь благопріятную минуту напишетъ какое-нибудь стихотвореніе „на случай", когда къ тому представлялся поводъ. *Недостаточное самообладаніе проявлялось и въ этомъ*, и даже въ началѣ своей дѣятельности онъ тратилъ на разные пустяки драгоцѣнные дни и недѣли. Упреки, которые онъ себѣ долженъ былъ дѣлать, старался онъ заглушать развлеченіями (Frivolitäten), которымъ предавался" [2])...

[1]) *Paul de-Musset*. Biographie de Alfred de Musset, стр. 360.

[2]) Paul Lindau, стр. 63.

Ненависть ко всякой системѣ, ко всѣмъ авторитетамъ проявлялась у Мюссе и въ его отношеніяхъ по общественнымъ дѣламъ. Его живой, насмѣшливый, чисто галльскій умъ легко указывалъ ему смѣшныя или слабыя стороны тамъ, гдѣ другіе ихъ вовсе не замѣчали. У него былъ тотъ утонченный вкусъ, который, какъ и излишне-утонченный вкусъ гастронома, мѣшаетъ безразлично поглощать всякія яства, грубыя или дурно-приготовленныя; все, что походило на общее мѣсто, банальную риторику, партійную узкость и партійную же нетерпимость и грубость, борьбу мелкихъ честолюбій, прикрывающуюся высокопарными фразами или великими задачами, все кричащее, стадное, вульгарное — было ему невыносимо. Но это презрительное отношеніе къ избитымъ клише, и боязнь партійной узкости переходили у него въ безучастіе ко всѣмъ общественнымъ дѣламъ, въ индифферентизмъ и квіэтизмъ, въ то же время придавая ему подчасъ особую прелесть натуры духовно-единичной, гордой, независимой и индивидуальной. Онъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ великихъ политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ вопросахъ своего времени, и никакія событія тѣхъ лѣтъ не вызывали его изъ постояннаго пребыванія въ самонаблюденіяхъ и личной жизни. Кругомъ него шла горячая борьба партій, создавались системы, старый отжившій порядокъ вещей доживалъ свои послѣдніе дни, лучшіе люди стремились каждый приложить руку къ возведенію новаго зданія, принести каплю своего меда, дурныя и хорошія страсти волновали общество, троны падали и новые воздвигались,—Мюссе до этого не было дѣла. Линдау вѣрно отмѣчаетъ, что смѣна династій оставляетъ его равнодушнымъ, тогда какъ хорошенькая шейка какой-то молодой дѣвушки, привлекшая его вниманіе въ театрѣ, вызвала милое стихотвореніе „Une soirée perdue“.—Гибель Орлеановъ, съ которыми онъ съ дѣтства былъ связанъ узами истинной дружбы (онъ воспитывался съ герцогомъ Шартрскимъ, сыномъ Луи-Филиппа)—тоже прошла для него совершенно незамѣтно. Казалось бы 1848 и 1852 года могли бы вызвать хотя гнѣвъ или сожалѣніе его и такимъ образомъ отразиться въ его поэзіи. Ничуть не бывало, ему все равно. Онъ самъ въ шутку говаривалъ брату, что его интересуетъ больше, какъ Наполеонъ I надѣвалъ сапоги, чѣмъ вся современная политика Европы.

Оттого ли, что эта замкнутость въ заколдованномъ кругу личныхъ чувствъ и интересовъ томила его, или оттого, что, какъ всѣ поэтическія души, Мюссе рано увидѣлъ грустное противорѣчіе между нашими мечтами и дѣйствительностью, — но

его чуть не со школьной скамьи стало мучить то „святое недовольство“, которое въ началѣ нашего столѣтія носило названіе Weltschmerz'а, называлось затѣмъ и байронизмомъ и пессимизмомъ, которое живо и теперь, да, надо полагать, не умретъ и никогда въ людяхъ. Какъ очень многіе, Мюссе доходилъ иногда до глубокаго отчаянія подъ вліяніемъ своихъ безотрадныхъ размышленій и увы! искалъ забвенія въ винѣ и всяческомъ „одурманиваньи себя“, какъ нынче говорится. Однимъ изъ распространенныхъ заблужденій, однимъ изъ тѣхъ „слуховъ“, которымъ „не надо вѣрить“, но которымъ тѣмъ не менѣе охотно вѣритъ толпа читателей, ибо его поддерживаютъ довольно упорно біографы Мюссе,—является мнѣніе, будто Мюссе началъ сильно пить *послѣ* разрыва съ Жоржъ Сандъ, и что такимъ образомъ она является причиною или поводомъ къ развитію у поэта этой пагубной привычки, съ теченіемъ лѣтъ обратившейся въ порокъ. Нѣсколько рѣже, но все-таки приходится слышать отъ людей, хорошо знакомыхъ съ исторіей жизни Мюссе,—это же обвиненіе по адресу нѣкой M-me дю-Грозелье или Груазелье, той очаровательной незнакомки, о которой Поль де-Мюссе сообщаетъ весьма туманно, что она жила близъ Парижа въ Сенъ-Дени и была первою юношескою любовью Альфреда и первою женщиною, обратившею вниманіе на юнаго поэта, и о которой мы знаемъ, что она довольно жестоко сумѣла робкою любовью неопытнаго мальчика воспользоваться, какъ ширмами для отвода глазъ свѣта отъ другой, гораздо менѣе невинной, любовной исторіи—однимъ словомъ, заставила Мюссе разыграть роль Фортуніо изъ „Chandelier“ (Первая мысль этой комедіи зародилась у Мюссе какъ разъ тогда). Оскорбленный и уязвленный юноша, убѣдившись, какую печальную роль его заставили разыграть, въ порывѣ отчаянія принялся искать утѣшенія въ винѣ. И многія лица всю вину возникновенія этой ужасной привычки взваливаютъ на M-me дю-Груазелье,—точно будто необходимымъ слѣдствіемъ любовной неудачи должно непремѣнно явиться стремленіе „въ винномъ туманѣ“ искать забвенія. Начнетъ пить тотъ, въ комъ къ тому есть наклонность или тяготѣніе отъ природы, и увы! въ Мюссе мы ее видимъ съ самаго нѣжнаго возраста. Почти ребенкомъ, гимназистомъ 17 лѣтъ, онъ уже мечтаетъ постоянно о забвеніи въ какомъ-бы то ни было туманѣ, въ опьяненіи. 23 сентября 1827 г. онъ пишетъ своему другу Полю Фуше:

„Я пишу тебѣ, чтобы ты зналъ о томъ, какъ мнѣ все противно и скучно... У меня нѣтъ мужества думать о чемъ-бы то ни было. Еслибъ я былъ теперь въ Парижѣ, *то я бы залилъ пивомъ или пун-*

шемъ все, что еще во мнѣ осталось порядочнаго. Это было бы для меня облегченіемъ. Смертельно-больнымъ даютъ опіумъ, чтобъ ихъ усыпить, хотя извѣстно, что ихъ сонъ для нихъ смертеленъ; точно также я поступилъ бы со своею душой...“ [1]).

Первою вещью, съ которою Мюссе выступаетъ на литературное поприще, является переводъ „Confessions of an English opium eater“, которыя Мюссе озаглавилъ „l'Anglais mangeur d'opium“ и перевелъ довольно вольно; но выборь сюжета указываетъ опять-таки на странно-упорную мысль, преслѣдовавшую тогда юнаго автора, мысль объ искусственномъ забвеніи среди какихъ-бы то ни было наркотиковъ. И тотъ самый Линдау, который, говоря о возвращеніи Мюссе изъ Италіи, утверждаетъ, что именно съ этой минуты, со времени разрыва съ Жоржъ Сандъ, „начались періодическіе кутежи Мюссе“,—противорѣчитъ, говоря это, тому, что̀ самъ проводитъ во всей своей книгѣ. Такъ сначала онъ совершенно основательно останавливаетъ вниманіе читателя на этомъ первомъ произведеніи (стр. 26), замѣчая, что уже съ 17-ти-лѣтняго возраста у Мюссе проявляется idée fixe: „искусственнымъ образомъ заглушать горе алкоголемъ и опіатами“ и хоть временно забываться отъ огорченій дѣйствительности; *затѣмъ* прослѣживаетъ приведеніе въ исполненіе той „программы самоуничиженія, которая въ письмѣ къ Фуше является еще въ неясныхъ очертаніяхъ“, а въ стихотвореніи „Les voeux stériles“ уже „выражается съ ужасающею опредѣленностью“ (стр. 57); *далѣе* очень мѣтко указываетъ на то, что извѣстныя строки

Aimer est le grand point, qu'importe la maîtresse,
Qu'importe le flacon, pourvu qu'on ait l'ivresse.

„представляютъ собою какъ-бы постоянно возвращающейся характерной чертой въ произведеніяхъ Мюссе, для котораго опьяненіе являлось цѣлью, ради чего всякое средство являлось пригоднымъ, всякій напитокъ хорошимъ“ (стр. 70). Но когда Линдау разсказываетъ исторію самой любви Мюссе къ Жоржъ Сандъ, то тутъ онъ запутывается въ противорѣчіяхъ. Такъ онъ сначала упрекаетъ Жоржъ Сандъ за то, что она полюбила Мюссе не сразу, не съ самозабвеніемъ, а холодно „преподнесла ему свою любовь лишь въ видѣ лѣкарства, *дабы спасти его отъ пьянства и кутежей*“. Затѣтъ разсказываетъ, какъ Мюссе кутилъ во Флоренціи и Венеціи,—но въ концѣ концовъ прини-

[1]) „Oeuvres posthumes de Alfred de Musset“, avec lettres inédites et une Notice biographique par son frère. (10-й томъ Полнаго Собранія Соч. Мюссе, in 8°. 1866 г. Charpentier.) p. 271.

мается утверждать, что все-таки Мюссе *началъ* пить и кутить именно послѣ возвращенія изъ Италіи. Читатель теперь самъ разберется въ истинѣ, а мы полагаемъ, что всѣмъ вышесказаннымъ всякія обвиненія снимаются и съ памяти Жоржъ Сандъ и съ памяти совершенно намъ неизвѣстной М-me дю Груазелье.

Но тогда спрашивается: въ чемъ же искать ключа и причины къ возникновенію и развитію у геніальнаго поэта этой пагубной привычки? На какой почвѣ могла вырости она? Отвѣтъ намъ кажется ясенъ: причина лежала въ эгоизмѣ, отсутствіи воли, убѣжденій и широкихъ общечеловѣческихъ интересовъ— а совсѣмъ не во вредѣ, нанесенномъ, такъ сказать, извнѣ. Байронъ перенесъ въ юности и позднѣе, въ женитьбѣ, подобное же несчастіе; горе, причиненное ему Мэри Чэвортъ, тоже наполнило его душу горечью и заставило усумниться въ любви и вѣрности, но его широкіе взгляды и стремленія, настоящій полетъ генія удержали его на высотѣ и не дали личному несчастью сокрушить его. А вѣдь Байронъ былъ тоже пѣвцомъ сомнѣній и личнаго разочарованія. Но у Мюссе, кромѣ личныхъ мотивовъ, не было иныхъ, а Байронъ былъ при томъ и пѣвцомъ всякой свободы и освобожденія. Оттого личныя несчастья только помогли ему глубже чувствовать міровую скорбь и не помѣшали и умереть ему не въ преждевременной, дряхлой, безсильной бездѣятельности, какъ Мюссе, а въ расцвѣтѣ силъ и славы за свободу угнетеннаго *чуждаго* народа!

Индивидуализмъ сгубилъ Мюссе, не далъ развернуться его богатымъ дарованіямъ такъ, какъ они развернулись бы при болѣе широкихъ задачахъ и идеалахъ, при болѣе обширныхъ горизонтахъ въ жизни и искусствѣ. Но этотъ же индивидуализмъ былъ тѣмъ скрытымъ магнетизмомъ, который неотразимо притягивалъ всѣхъ приближавшихся къ Мюссе, друзей и знакомыхъ, мужчинъ и женщинъ. Въ немъ былъ избытокъ жизненности, бьющая ключомъ искренность и откровенность, постоянная потребность высказываться, какъ говорится *до конца*, передавать свои мысли, чувства, отдавать свою душу. Братъ-біографъ очень удачно примѣняетъ къ нему слова Манцо, біографа Тассо: „эти существа, одаренныя чрезвычайной чувствительностью, невольно расточаютъ сокровища своей души передъ всякимъ, кто окажется предъ ними. Движимыя желаніемъ нравиться, они довѣряютъ свои мысли и чувства всякому, кто ихъ слушаетъ со вниманіемъ, и даже равнодушно“ [1]). И вотъ всѣ

[1]) Paul de Musset, „Biographie de Alfr. de Musset“, p. 340—341.

друзья и близкіе Мюссе должны были вѣчно принимать живѣйшее участіе въ жизни Альфреда, выслушивать его, раздѣлять его радости и горести,—онъ, какъ теперь говорится, отличался способностью *внушать* окружающимъ свои чувства и мысли, гипнотизировалъ ихъ.

„Это были постоянныя безпокойства, волненія, впечатлѣнія,—говоритъ братъ-біографъ въ другомъ мѣстѣ своей книги [1]),—постоянная потребность въ изліяніяхъ, задушевныхъ разговорахъ, то съ дядей Дезербье, то съ братомъ. Онъ насъ удерживалъ у камина, и мы такъ же не могли вырваться, какъ онъ не могъ рѣшиться насъ отпустить. Въ его лихорадочныя минуты приходилось безпокоиться заодно съ нимъ, то отчаяваться, то смягчаться, а то опять возмущаться. Эти рѣзкіе переходы, эта чрезвычайная подвижность на рѣдкость дѣятельной и чувствительной души становились временами утомительными для окружающихъ; но къ этому утомленію примѣшивалось неизъяснимое очарованіе. Страсть и преувеличеніе заразительны. Приходилось поддаваться противъ воли, мучиться, восторгаться, постоянно возвращаться вновь и вновь къ этимъ мученіямъ и восторгамъ, какъ къ тѣмъ излишествамъ, отъ которыхъ не можемъ отвыкнуть. Кто мнѣ вернетъ эту безпокойную жизнь и часы этихъ чудныхъ мученій?..“

И вотъ эта странная и страстная душа встрѣчала на своемъ пути только свѣтскихъ куколокъ, восхищавшихся солью его эпиграммъ, остроуміемъ въ шарадахъ, также и стихами его, но больше всего ловкостью его въ танцахъ и покроемъ его архимодныхъ фраковъ и сюртуковъ. Эти изящнѣйшія, милыя созданія, на которыхъ Мюссе искренно любовался втеченіе всей жизни, какъ любовался бы севрской куколкой или венеціанской вазочкой,—иногда снисходили даже до флирта съ юнымъ поэтомъ. Или, вѣрнѣе будетъ сказать, молодой баловень судьбы снисходилъ до игры въ любовь съ ними, дѣлая видъ, что попадался въ сѣти очаровательныхъ партнерокъ. Чуть не съ 18 лѣтъ одна любовная исторія слѣдовала въ его жизни за другой. Вѣрнѣе сказать—это былъ рядъ приключеній, болѣе или менѣе интересныхъ.

„Были и романтическія, и въ боккачіевскомъ родѣ, нѣкоторыя даже возвышались до драматическаго. Нерѣдко меня будили ночью, чтобы посовѣтоваться со мною о какомъ-нибудь вопросѣ крайней важности и осторожности. Такъ какъ всѣ эти исторійки мнѣ сообщались подъ печатью секрета, то я долженъ ихъ позабыть, но я могу завѣрить, что многія изъ нихъ возбудили бы зависть въ Бассомпіерахъ и Лозёнахъ...“ [2]).

[1]) Ibidem. p. 366.
[2]) Ibidem, p. 93.

Серьезнаго въ этихъ „исторійкахъ“ очевидно ничего не было. Правда, Мюссе началъ-было серьезно привязываться къ прелестной M-me дю Грозелье, но это было такъ мимолетно и кромѣ горечи и обиды не оставило никакого другого воспоминанія въ душѣ юного поэта. А съ тѣхъ поръ онъ никому не отдавалъ своего сердца. Да кому бы онъ его отдалъ? Развѣ среди всѣхъ прелестныхъ героинь его безчисленныхъ „исторіекъ“, его поэтическая, страстная душа могла найти то пониманіе, ту высоту настроенія, тотъ душевный огонь, которые были въ немъ самомъ, то равенство духовное, къ которому онъ стремился, хотя и инстинктивно?

И вдругъ судьба столкнула его съ другой такой-же огненной, живой душой, съ женщиной не только не похожей на обыкновенныхъ женщинъ, но даже среди окружавшаго ее, весьма не ординарнаго кружка, выдѣлявшейся и умомъ, и широкими интересами, и общимъ полетомъ мысли и души, тѣмъ особымъ отпечаткомъ глубины и простоты натуры, который нѣмцы характеризуютъ словами „eine gross angelegte Natur“. Прибавимъ, что Аврора Дюдеванъ была тогда въ полномъ блескѣ своей странной и характерной красоты. Въ 1833 году Жоржъ Сандъ была тоненькой, миніатюрной брюнеткой, съ оливково-блѣднымъ лицомъ, густыми темными кудрями, ниспадавшими ей на плечи, и поразительно большими, странно-большими, какъ у индіанки [1]) черными, безъ блеску, бархатными глазами. Это была не та уже нѣсколько пополнѣвшая красавица, которую Гейне въ 1840 г. сравнивалъ съ Венерой Милосской, и еще менѣе та строгая муза, которую большинство читателей знаетъ по извѣстной гравюрѣ Мансо съ портрета Кутюра. Въ 30-хъ годахъ Аврора Дюдеванъ, по ея собственнымъ словамъ, была „худа, какъ щепка, и черна, какъ кротъ“, но мы предпочитаемъ этому нѣсколько оригинальному самоизображенію тотъ портретъ, который нѣсколько позднѣе написалъ съ автора „Маркизы“ и „Лавиніи“ Шарпантье [2]). На немъ Аврора Дюдеванъ изображена въ черномъ шелковомъ платьѣ, черной мантильѣ и съ пучкомъ красныхъ цвѣтовъ за ухомъ, настоящей маленькой испанкой, которую въ тѣ годы Аврора очень напоминала и типомъ и костюмомъ. Все въ ней было оригинально, даже манера держать себя, чрезвычайно непринужденная, и

[1]) Выраженіе Мюссе.

[2]) Съ него существуетъ отличная гравюра на стали Робинзона—и очень плохая литографія Лассаля. Оригиналъ принадлежитъ дочери Жоржъ Сандъ, M-me Соланжъ Клезенже (M-me Solange Clésinger).

сначала эта манера шокировала молодого дэнди, но это продолжалось очень недолго.

Жоржъ Сандъ тоже сразу поняла, что предъ нею существо, отличное отъ всѣхъ, кого она до сихъ поръ встрѣчала, поэтъ не только потому, что онъ пишетъ стихи, но по всей своей натурѣ. Она, лучше чѣмъ кто нибудь, могла знать, что такая натура одинока въ жизни, непонятна людямъ, что ея несчастье именно въ ея исключительности, душевной поэзіи. Въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ и очень мало извѣстныхъ произведеній Жоржъ Сандъ, въ „Альдо-Риѳмачѣ“, герой,—поэтъ какъ и Мюссе (эта маленькая поэма въ прозѣ написана какъ разъ подъ впечатлѣніемъ перваго знакомства съ Мюссе въ августѣ 1833 г.),—говоритъ:

„Гдѣ цѣль моихъ ненасытныхъ желаній? въ моемъ сердцѣ? въ небесахъ? можетъ быть нигдѣ? Чего я желаю? Сердца, подобнаго моему, и которое отвѣчало бы мнѣ. Но его нѣтъ. Мнѣ его обѣщаютъ, показываютъ его призракъ, хвастаются имъ, но когда я ищу его—я не нахожу его. Смѣются надъ моей страстью, какъ надъ странностью, дивятся на нее, какъ на зрѣлище, а иногда даже она трогаетъ, и ей апплодируютъ, но чаще всего ее находятъ фальшивой, однообразной и безвкусной. Мною восхищаются, меня разыскиваютъ и приглашаютъ, меня слушаютъ, потому что я поэтъ. Но когда я прочелъ свои стихи, мнѣ не дозволяютъ испытывать то, что я изобразилъ, смѣются, если я вѣрю въ то, что я создалъ и о чемъ мечталъ. Молчите,—говорятъ мнѣ—и приберегайте ваши элегіи, чтобы читать ихъ при публикѣ, будьте человѣкомъ съ людьми, а поэта оставьте на берегу озера, гдѣ онъ съ вами гуляетъ, или въ кабинетѣ, гдѣ вы работаете.—*Но поэтъ—это я! То огненное сердце, которое выливается въ огненныхъ стихахъ—я не могу вырвать его изъ груди своей!* Я не могу задушить въ себѣ того сладкозвучнаго ангела, который поетъ и страждетъ. Когда вы слышите его пѣніе—вы плачете; потомъ вы отираете слезы и дѣлу конецъ! Вы хотѣли бы, чтобы роль прекращалась заодно съ вашимъ впечатлѣніемъ; какъ только вы перестали быть внимательными—поэтъ долженъ не быть больше вдохновеннымъ. *Но что же такое поэзія? Не думаете ли вы, что это только искусство набирать слова?...*“

Написавшая эти строки несомнѣнно сама поэтъ и несомнѣнно глубоко понимала и *чувствовала* всю поэтическую натуру Мюссе. И вотъ въ этомъ взаимномъ пониманіи поэтическихъ исключительныхъ натуръ и заключается та неотразимая притягательная сила, которая сблизила Жоржъ Сандъ и Мюссе, которая среди всѣхъ позднѣйшихъ бурь и взаимныхъ огорченій неудержимо влекла ихъ другъ къ другу, заставляя забывать и измѣны, и обиды, и ссоры, которая и послѣ окончательнаго разрыва, черезъ многіе годы, заставляла обоихъ вспоминать объ

этой любви, какъ можетъ быть о самой бурной, но и самой прекрасной, поэтической, живой любви въ жизни каждаго изъ нихъ, и которая въ сердцахъ обоихъ навсегда оставила воспоминаніе о существѣ особенномъ, рѣдкомъ, вѣчно дорогомъ.

Въ началѣ главы мы высказали мысль, что гораздо удивительнѣе найти тѣ причины, по которымъ люди подходятъ другъ къ другу, сходятся, и что, вопреки общераспространенному обычаю, отыскивать причины охлажденій, разочарованій и разрывовъ не стоитъ. На примѣрѣ Жоржъ Сандъ и Мюссе это видно особенно ясно. Причинъ для несогласій, для несходства было между ними такъ много, что оба впослѣдствіи одинъ въ „Confession d'un enfant du siècle", другая въ „Elle et Lui" (романахъ, въ которыхъ не надо искать фактовъ, но *идей* и *чувствъ*, навѣянныхъ дѣйствительной исторіей любви) оба автора, не сговариваясь, заставили чисто случайное, внѣшнее лицо и чисто случайный фактъ быть причиной разрыва героевъ. Такъ было и въ дѣйствительности. Жоржъ Сандъ и Мюссе, *одинаково поэтичеекія натуры*, были *людьми совершенно разными*, до того несходными, что, напримѣръ, Максимъ Дюканъ въ своихъ интереснѣйшихъ „Воспоминаніяхъ" [1]) высказалъ мысль, что „ихъ могли сблизить только ощущенія", т.-е. полагаетъ, что эта любовь была чисто чувственнной страстью. Это не такъ. И для насъ несомнѣнно, что самымъ большимъ очарованіемъ другъ въ другѣ для Мюссе и Жоржъ Сандъ было указанное взаимное проникновеніе и пониманіе поэтичности души. Это не мѣшало людямъ быть діаметрально противоположными и потому, какъ это бываетъ почти во всякой любви, едва сдѣлавшись любовью торжествующею, эта любовь стала взаимнымъ мученіемъ, источникомъ страданій,—и оба героя неудержимо стали рваться въ разныя стороны.

Познакомились два поэта самымъ прозаическимъ образомъ, и знакомство это состоялось, какъ сказано, въ 1833 году. Сентъ-Бевъ, другъ и наперсникъ Жоржъ Сандъ не только въ литературныхъ, но и въ личныхъ дѣлахъ, предложилъ ей весною этого 1833 года познакомить ее съ Мюссе. Жоржъ Сандъ сначала согласилась, но потомъ отказалась и написала Сентъ-Беву:

„Я не хочу, чтобъ вы привели ко мнѣ Мюссе. Онъ совершенный дэнди, мы другъ къ другу не подходимъ, и я увижу его скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ интересомъ. Я думаю, что неосторожно удовлетворять всѣмъ своимъ любопытствамъ и лучше повиноваться

[1]) Maxime Ducamp. „Souvenirs littéraires", Revue des Deux Mondes, 1881.

своимъ симпатіямъ. Вмѣсто него, я лучше попрошу васъ привести ко мнѣ Дюма, въ искусствѣ котораго независимо отъ таланта я нашла душу" [1]).

Люди, склонные видѣть во всемъ нѣчто таинственное, вѣроятно усмотрятъ въ этомъ отказѣ Жоржъ Сандъ предостерегающій перстъ судьбы. Они же вѣроятно, скажутъ, что велѣній этой судьбы все-таки не обойдешь, когда узнаютъ, что, несмотря на этотъ отказъ, знакомство съ Мюссе все-таки состоялось лѣтомъ этого же года. Редакторъ только что недавно основавшейся „Revue de Deux Mondes" давалъ своимъ сотрудникамъ обѣдъ у Frères Provenceaux [2]). Поль де-Мюссе, въ біографіи брата почитающій за лучшее нигдѣ не называть даже имени Жоржъ Сандъ (надо полагать, что, по его мнѣнію, это „высшая школа" литературной порядочности), говоритъ, что за этимъ обѣдомъ было „много гостей и между ними только одна женщина". Разумѣется этою женщиной была Жоржъ Сандъ, явившаяся въ сопровожденіи своего вѣрнаго рыцаря, Гюстава Планша [3]). „Альфредъ де-Мюссе за столомъ оказался ея сосѣдомъ. Она просто и добродушно пригласила его къ себѣ. Онъ побывалъ у нея два или три раза, по разу въ недѣлю, а потомъ эти посѣщенія сдѣлались привычными, и, наконецъ, онъ тамъ остался безвыходно", говоритъ Поль де-Мюссе [4]). Оказывается, что между двумя новыми друзьями завязалась переписка, но переписка оффиціально-церемонная. Мюссе начинаетъ свои письма словомъ „Madame", и Жоржъ Сандъ отвѣчаетъ ему въ томъ же тонѣ. 24-го іюня Мюссе посылаетъ ей стихотвореніе *Après la lectures d'Indiana*, которое не вошло въ Полное собраніе соч. Мюссе, но было напечатано въ 1878 г. въ *Revue des Deux Mondes* г. Полемъ-де-Мюссе. Но вотъ 10-го августа вышелъ въ свѣтъ романъ „*Лелія*". Но-

[1]) *Примѣчаніе 1895 г.* Впервые появилось въ „Portraits contemporains" Sainte-Beuve'a. Приведено и у Арведа Баринъ—отрывокъ. Подлинное письмо (помѣченное мартомъ 1833 г.) находится у Спульберка.

Примѣч. 1898 г. Теперь это письмо вошло и въ собраніе писемъ Ж. Сандъ къ Сентъ-Беву, изданныхъ у Леви.

[2]) Разсказъ, часто повторяемый (въ томъ числѣ и Брандесомъ и разными русскими легковѣсными писателями) о томъ, что Бюлозъ-де съ преднамѣренной практической цѣлью познакомилъ Мюссе съ Жоржъ Сандъ, провидя заранѣе, какія блестящія произведенія, выгодныя для его журнала, родятся на свѣтъ отъ любви двухъ поэтовъ,—этотъ разсказъ принадлежитъ къ числу легендъ, ненуждающихся даже въ опроверженіи.

[3]) Jules Levallois, „*Souvenirs littéraires*". Revue Bleue, 19 janvier 1895. Сентъ-Бевъ увѣряетъ, что этотъ обѣдъ былъ у Lointier, и Мюссе на немъ вовсе не было. См. „Portraits contemporains", t. I, p. 508,

[4]) „Biographie de Alfr. de Musset", p. 119.

вый юный пріятель Жоржъ Сандъ выразилъ желаніе получить экземпляръ романа отъ самой писательницы. Жоржъ Сандъ послала ему оба тома, съ двумя, весьма различными, но одинаково шутливыми надписями. На первомъ стояло: „*A monsieur mon gamin d'Alfred. George*". На другомъ: „*A monsieur le vicomte Alfred de Musset hommage respectueux de son dévoué serviteur, George Sand*" [1]). Мюссе поспѣшилъ поблагодарить письмомъ, въ которомъ впервые, по словамъ правдивѣйшаго изъ біографовъ Мюссе, Арведа Барйна, оффиціальный тонъ уступаетъ мѣсто болѣе дружескому и вообще въ немъ замѣтны первые признаки нѣкотораго сближенія въ отношеніяхъ. „Слово „Madame" тотчасъ исчезаетъ изъ переписки. Мюссе набирается храбрости и объясняется въ любви сначала очень мило (avec gentillesse), а во второй разъ уже страстно,—и судьба обоихъ свершилась"... [2]). Дружба сдѣлалась любовью и „любовью торжествующей". 25-го августа Жоржъ Сандъ объявляетъ Сентъ-Беву безъ всякихъ околичностей, что она возлюбленная Мюссе, и прибавляетъ, что это онъ можетъ сказать всѣмъ и каждому, такъ какъ она „вынуждена свою частную жизнь отнынѣ вывести на свѣтъ" (mettre au grand jour) [3]).

Другой біографъ Мюссе, Линдау, отнесся къ изложенію исторіи любви двухъ поэтовъ нѣсколько своеобразно, и потому мы должны остановиться на его разсказѣ объ этихъ событіяхъ нѣсколько долѣе.

Когда начинается разсказъ о зарожденіи любви Мюссе къ Жоржъ Сандъ, Линдау, какъ будто бы не осуждая Жоржъ Сандъ, выбираетъ такіе обороты рѣчи, глаголы, прилагательныя, существительныя и, кажется, даже предлоги, что самыя простыя вещи кажутся хитростями, поступки, достойные полнаго сочувствія, чѣмъ-то коварнымъ и скрывающимъ какую-то тайную цѣль. Такъ онъ говоритъ о томъ, что бурнымъ ухаживаньямъ Мюссе она противопоставила благоразумный отпоръ съ той холодной, трезвой разсудительностью, которую она умѣла сохранять во всѣхъ случаяхъ жизни [4]). Если мы вспомнимъ, что въ

[1]) Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ полной интересныхъ документовъ статьи г. Мориса Клуара: *Alfred de Musset et George Sand*. Notes et documents inédits (Revue de Paris, 15 août 1896).

[2]) Арведъ Баринъ, стр. 58. Эти письма напечатаны теперь въ книгѣ г. Маріетона.

[3]) „Portraits contemporains". Теперь это письмо напечатано цѣликомъ въ Revue de Paris и томикѣ Леви „*Письма къ С. Беву*".

[4]) Paul Lindau „Alfred de Musset".

мартѣ еще Жоржъ Сандъ не была знакома съ Мюссе, а 25 августа уже сообщаетъ Сентъ-Беву вышеупомянутую важную новость, то слова о „холодной и трезвой разсудительности“ покажутся намъ простой насмѣшкой и врядъ ли кому-нибудь придетъ въ голову именно въ данномъ случаѣ упрекнуть Жоржъ Сандъ въ излишней разсудительности. Правда, въ томъ самомъ письмѣ къ Сентъ-Беву Жоржъ Сандъ, по всегдашней манерѣ, толкуетъ о томъ, что поступила такъ, какъ она поступила, будто-бы, больше „по дружбѣ“, чѣмъ изъ любви. Но эта „дружба“ что-то странная! Слова остаются словами, поступки—поступками, и мы, признаемся, что именно въ данномъ случаѣ предпочитали бы видѣть большее самообладаніе и разсудительность, или хотя бы *дольшее*. Давно ли передъ этимъ Жоржъ Сандъ такъ горько разочаровалась въ Жюлѣ Сандо, давно ли горько скорбѣла объ увлеченіи Проспероумъ Мериме?! И вотъ уже она опять, безъ оглядки, идетъ навстрѣчу новой страсти. Холода, трезвости и разсудительности тутъ довольно мало.

И отчего происходитъ это смѣшеніе понятій у Линдау?—Онъ исторію вымышленную подгоняетъ подъ событія и числа дѣйствительныя! Длинныя разсужденія m-lle Thérese Jacques изъ „Elle et Lui“ онъ влагаетъ въ уста Жоржъ Сандъ. Тереза, какъ можетъ быть знаетъ читатель, перепробовала всѣ средства, чтобы отвлечь Лорана отъ пагубнаго времяпровожденія среди разныхъ гулякъ и кокотокъ и, наконецъ, рѣшила спасти его своей любовью. Насколько это согласно съ жизнью, или вѣрнѣе, насколько отъ этой темы вѣетъ тенденціозностью—это вопросъ чисто художественной критики и относится лишь до романа „Elle et Lui“. Факты же говорятъ, что подлинный жизненный романъ между Мюссе и Жоржъ Сандъ или по крайней мѣрѣ завязка его вовсе были не похожи на романъ Терезы и Лорана. Романъ настоящій поражаетъ своею внезапностью, страстностью, почти тѣмъ, что зовется coup de foudre; романъ написанный на столько же растянутъ, пожалуй холоденъ и постепененъ. Но Линдау и далѣе продолжаетъ почерпать свѣдѣнія изъ романа „Elle et Lui“, и потому мы у него натыкаемся на такую страницу:

„Роли въ этихъ отношеніяхъ не были правильно распредѣлены; разумная женщина руководила (всѣмъ). Мюссе былъ неразуменъ, страстенъ, Ж. Сандъ *поступала съ полнымъ сознаніемъ и спокойствіемъ* (?!). Мюссе былъ влюбленъ, *она не была влюблена* (!). Она обращалась съ поэтомъ, какъ съ непослушнымъ ребенкомъ. Она разъясняла съ *мудростью гувернантки* (?!)—доводившей всѣми обожаемаго юношу, привыкшаго къ побѣдамъ франта, почти до отчаянія,—что любовь влечетъ за собою разныя неудовольствія, и что гораздо лучше, если

отношенія съ ея стороны останутся материнскими и сестринскими. Такъ лучше работается, говорила она. На всевозможные лады варьировала она слова рыцаря Тоггенбурга: Не требуй иной любви, ибо это меня огорчаетъ. Но Тоггенбургу новѣйшихъ временъ не пришлось съ нѣмой тоской оторваться отъ нея; она даже постаралась, чтобъ онъ остался. Когда Мюссе, глубоко оскорбленный тѣмъ, что его любовь отвергнута, снова бросился въ вихрь удовольствій,—ее стала укорять совѣсть. Чтобы спасти больного, она рѣшилась любовь, въ которой она до сихъ поръ ему отказывала, преподнести ему, какъ лѣкарство. Безъ страсти, безъ увлеченія, безъ самозабвенія, сочла она за нужное въ тотъ день, когда ей показалось удобнымъ, замѣнить дружеское расположеніе—любовью или, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ выраженіемъ этой любви... Какъ холодно разсудительно Жоржъ Сандъ сдѣлала своему возлюбленному окончательное признаніе—мы узнаемъ изъ ея собственныхъ показаній. Она примѣняется къ новому положенію, которое ее отнюдь не застигаетъ врасплохъ, съ сверхъестественной разсудительностью...“

И затѣмъ Линдау пересказываетъ „своими словами“ начало V главы изъ „Elle et Lui“ съ повтореніемъ знаменитой фразы о томъ, что „ночи мучительныхъ размышленій“ предшествовали... этому „новому порядку вещей“. Предоставляемъ читателю самому судить, насколько въ данномъ случаѣ можно говорить о томъ, что „Жоржъ Сандъ поступала съ полнымъ *спокойствіемъ* (?) и *разсудительностью* (!), о томъ, что „она не была влюблена“, о „мудрости *гувернантки*“ (?!), о „*безстрастіи*“ „*отсутствіи самозабвенія и увлеченія*“, о „лѣкарствѣ“ и т. п.

Изъ вышесказаннаго видно, что у Линдау очень интересный разсказъ объ очень интересной психологической темѣ, но это не исторія, а беллетристика. Вслѣдствіе этого и попытки Линдау—изобразить Жоржъ Сандъ не то въ видѣ новѣйшей жены Пентефрія, (а Мюссе въ видѣ невиннаго Іосифа), не то въ видѣ коварной интригантки, вертѣвшей неопытнымъ мальчикомъ то такъ, то этакъ и лѣпившей изъ него, какъ изъ мягкаго воска, то покорную и смиренную, то преисполненную страсти фигуру,—довольно неудачны. Мало похожъ былъ на невиннаго мальчика, совращеннаго съ пути истины лицемѣрной холодной интриганткой, тотъ, кто разсказывалъ брату „исторійки во вкусѣ Лозена и Бассомпіэра“, авторъ „Мардоша“, „Намуны“ и „Ролла“. Но очень мало походила и страстная, вѣчно увлекавшаяся до самозабвенія и часто мѣнявшая свои увлеченія Жоржъ Сандъ на спокойную резонерку Терезу Жакъ. Такія смѣшенія воедино столь неподходящихъ дѣйствительныхъ и вымышленныхъ лицъ могутъ вызвать только улыбку читателя. Но насъ тутъ останавливаетъ еще одно обстоятельство, часто служившее оружіемъ

для враговъ Жоржъ Сандъ, желавшихъ обвинить ее въ лицемѣріи и какъ женщину, и какъ писательницу. Это нѣкоторая фразистость и многорѣчивость героинь Жоржъ Сандъ въ рѣшительныя минуты ихъ романовъ и, съ другой стороны, какъ-бы желаніе автора объяснить и оправдать ихъ „паденіе" разными возвышенными мотивами, при чемъ любовь сама по себѣ какъ-бы никогда достаточнымъ мотивомъ не оказывается. Большинство біографовъ Мюссе и разные историки литературы впадаютъ въ ту же ошибку, что и Линдау, и навязываютъ самой Жоржъ Сандъ и эти красивыя тирады, и эту манеру приводить „смягчающія вину обстоятельства", когда дѣло идетъ о собственныхъ ея романахъ. Обѣ эти черты литературной физіономіи по нашему мнѣнію Жоржъ Сандъ объясняются двояко. Во-первыхъ тотъ фактъ, что сама Аврора Дюдеванъ была пылкой и страстной натурой, легко увлекалась и доходила до высшихъ проявленій страсти безъ разсужденій, почти внезапно,—онъ-то и заставлялъ ее, создавая своихъ героинь и желая представить въ нихъ не себя, но идеализированныхъ женщинъ, подыскивать всевозможныя логическія причины, оправданія и извиненія ихъ „паденіямъ". Это прямо вытекаетъ и изъ всей сложности натуры Жоржъ Сандъ: съ одной стороны страстный темпераментъ, съ другой стороны— душа, вѣчно стремящаяся къ идеалу и *разумному* въ жизни. И если въ своей собственной жизни она такъ часто горько оплакивала свои увлеченія и не могла ничѣмъ оправдать себя передъ самой собой, то тѣмъ охотнѣе старалась въ своихъ романахъ изобразить женщинъ такими, какою сама *желала бы* быть.

Не ея вина также, если намъ теперь многое кажется напыщеннымъ или слишкомъ бѣлоснѣжнымъ;—время наше слишкомъ далеко отъ 30-хъ годовъ съ ихъ языкомъ и отношеніями къ чувству и чувствамъ. Жоржъ Сандъ была вѣрна своей эпохѣ, заставляя своихъ героинь говорить возвышеннымъ языкомъ, столько-же, какъ невольно подчинялся этой эпохѣ напр., и Герценъ, этотъ трезвый и ясный умъ, этимъ самымъ возвышеннымъ языкомъ, писавшій къ своей невѣстѣ Натальѣ Александровнѣ. Но кромѣ этого, и совершенно независимо отъ эпохи, въ Жоржъ Сандъ тутъ сказывалась одна черта чистыхъ сердцемъ женщинъ: грубыя, неприкрашенныя хотя бы слабымъ отблескомъ идеализма, слова часто коробили ее больше, чѣмъ самыя рѣзкія и безумныя проявленія настоящей страсти въ дѣйствительности. Этимъ мы и объясняемъ ея вѣчное желаніе „облечь своихъ героинь въ бѣлоснѣжную жреческую тунику", какъ выражается Линдау. И это вовсе не доказываетъ ея тартюфства.

Наоборотъ, то признакъ натуры возвышенной и склонной къ идеализму. Мы часто замѣчаемъ теперь тотъ прискорбный фактъ, что, едва выйдя замужъ, молодыя дѣвушки сразу утрачиваютъ въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ все идеальное и дѣвственное. Несравненно рѣже, почти невозможно теперь встрѣтить тѣхъ женщинъ—нерѣдкихъ прежде—которыя и въ 40 и въ 60 лѣтъ краснѣли бы, когда въ ихъ присутствіи вещи, относящіяся до интимностей брачной жизни или любви, „называли своими именами" (какъ любятъ нынче выражаться передовыя барыни). Должны сознаться, что намъ несравненно симпатичнѣе этихъ, „все называющихъ своими именами" особъ, наши матери и бабушки, которыя умѣли вносить идеализацію во всѣ эпизоды своей зимужней и незамужней жизни и любви. И неужели къ истинѣ ближе не тѣ, которыя говорили, можетъ быть, превыспренними фразами о счастьи вѣчной любви, но и вѣрили въ эту вѣчную любовь и проводили ее въ жизнь,—а эти положительныя „мудрыя дѣвы" (отнюдь не смѣшивать съ учеными дѣвушками!), не пугающіяся самыхъ грубыхъ словъ, а главное, и неспособныя видѣть въ жизни никакой поэзіи, а лишь все грубое, животное и „простое", какъ онѣ выражаются. Намъ глубоко-печально видѣть этихъ 17-лѣтнихъ пессимистокъ, читающихъ и толкующихъ грубо-реалистическія произведенія и твердо увѣренныхъ, что „всѣ мужчины негодяи, а вся эта любовь одна мерзость". Гораздо ближе къ идеалу женщины и къ нашей симпатіи та чистая, хотя и страстная дѣвушка, которая можетъ быть на дѣлѣ, и именно въ силу своей чистоты и наивности, готова увлечься до безумія, но дѣтски-невинна или идеалистически-напыщенна на словахъ, каковы всѣ героини великихъ произведеній литературы, называются ли онѣ Гретхенъ, Дездемоной, Татьяной или Валентиной. И вотъ во имя этой внутренней правды и вѣрности идеалу des ewig Weiblichen мы и прощаемъ Жоржъ Сандъ всѣ, подчасъ безконечныя, разглагольствованія ея героинь, ихъ сентиментальность и напыщенность... Тутъ ошибка автора больше формальная, но онъ вѣрно передаетъ особенность иныхъ чистыхъ женскихъ душъ: даже въ минуты страсти не забывать свойственнаго *имъ* языка, и не говорить жаргономъ медиковъ или кокотокъ. Эту разницу языка и манеры между чистыми и низменными натурами въ минуты, казалось бы, одинаково для всѣхъ приближающія ихъ къ природѣ (или, какъ теперь говорится, „къ животному")—эту разницу *проглядѣли* почти всѣ писатели натуралистической школы, особенно французы, а публика, привыкшая пѣть съ чужого голоса и изъ-за

деревьевъ не видящая лѣса, рѣшила, что и въ жизни все происходитъ такъ, какъ изображается въ новѣйшихъ романахъ. Но если мы обратимся поочереди ко всякому изъ читателей немолодыхъ, ко всѣмъ, кому теперь 60, 50 или даже просто за 40 лѣтъ, и попросимъ ихъ вспомнить собственную жизнь, то, вѣроятно, каждый изъ нихъ скажетъ, что его невѣста говорила съ нимъ не „просто", какъ какая-нибудь героиня Зола, и что, можетъ быть, и мать его говорила скорѣе напыщенно, чѣмъ „своими именами", и что сестра его, которой теперь тоже за 50 лѣтъ, разсказывая ему въ былыя времена о своихъ сердечныхъ дѣлахъ, вѣроятно преувеличивала свои чувства и окрашивала все въ лунный свѣтъ, розы и соловьевъ,—а онъ, посмѣиваясь и растрогиваясь, ясно чувствовалъ, что предъ нимъ чистыя, прекрасныя души, видящія и въ мірѣ, и въ людяхъ все то прекрасное и идеальное, *что таилось въ глубинѣ ихъ собственныхъ сердецъ и убѣжденій.* А теперь дѣвицы и молодыя женщины такъ мало отличаются по разговору отъ своихъ презираемыхъ сестеръ изъ полусвѣта, что мы сплошь и рядомъ наблюдаемъ, какъ братья и кузены забываютъ, что они въ присутствіи своихъ сестеръ, и преспокойно разсказываютъ анекдоты и эпизоды, предназначенные для увеселенія разныхъ Діанъ и Ліанъ, а съ подругами сестеръ чувствуютъ себя такъ-же „свободно", какъ съ этими милыми созданіями. И тамъ и тутъ та же „простота". (Удивительно это слово всѣмъ нравится, точно оно не только риѳмуетъ съ „красотой", но однозначуще и съ „добромъ и правдой!"). Исключеній мы видимъ мало, но они есть, и чѣмъ менѣе коснулась современная натуралистическая литература такихъ дѣвушекъ и женщинъ, чѣмъ болѣе онѣ выросли на настоящей, великой литературѣ, тѣмъ онѣ далѣе отъ этого несимпатичнаго и повсемѣстно-распространяющагося типа „мудрыхъ дѣвъ". Если мы вспомнимъ, что Жоржъ Сандъ, какъ всѣ великія души (по чьему-то вѣрному замѣчанію), была „наивной идеалисткой", что въ ея время натуралистическая литература, нивелирующая всѣхъ женщинъ въ видѣ стада самокъ, только еще зарождалась, а въ жизни дѣвушки и женщины, по крайней мѣрѣ лучшія изъ нихъ, гораздо болѣе походили по своимъ разговорамъ и манерамъ на тотъ типъ, который мы, русскіе, знаемъ по женщинамъ герценскаго кружка, чѣмъ на героинь Зола и К°,—то намъ станутъ понятны и отнюдь не явятся доказательствомъ лицемѣрія автора всѣ эти благородныя тирады, бѣлоснѣжный идеализмъ и нѣкоторая *реторика чувства*, не покидающая ея героинь даже

въ минуты самыя рѣшительныя. *Теперь* такъ писать было бы фальшиво и непохоже на большинство теперешнихъ женщинъ. Но *тогда* оно было и правдиво, и вполнѣ похоже на тогдашнихъ женщинъ, и даже, представьте себѣ, гораздо правдивѣе и естественнѣе, чѣмъ всѣ тѣ уже по-истинѣ „животныя", а съ человѣческой точки зрѣнія подчасъ совершенно невѣроятныя, необъяснимыя и внезапныя, паденія, совершаемыя героинями новѣйшихъ романовъ, съ необыкновенно-малымъ количествомъ словъ и вообще необыкновенно „просто". Итакъ, рѣчи и многорѣчивость героинь Жоржъ Сандъ вѣрны своей эпохѣ, а манера ея заставлять своихъ героинь уступать силѣ страсти лишь тогда, когда это вполнѣ оправдывается разными соображеніями высшаго порядка, или, наоборотъ, карать ихъ за ихъ увлеченія—эта манера вытекала изъ указаннаго выше стремленія Жоржъ Сандъ къ истинному, доброму и разумному въ жизни,—стремленія, часто становившагося въ противорѣчіе съ ея собственными увлеченіями и страстями. И тѣ критики, которые забываютъ или не видятъ этого *коренного несходства* между Авророй Дюдеванъ и излюбленнымъ типомъ героинь Жоржъ Сандъ, и забывая о немъ, пытаются въ видѣ фактовъ біографіи писательницы приводить факты или рѣчи изъ исторіи этихъ героинь,—эти критики, очевидно, будутъ постоянно или противорѣчить самимъ себѣ, или изображать Жоржъ Сандъ лицемѣркой. Это и случилось съ Линдау. И особенно бросается въ глаза это противорѣчіе тамъ, гдѣ Линдау разсказываетъ о завязкѣ романа. Итакъ его попытки представить Жоржъ Сандъ не то въ родѣ лэди Тартюфъ, не то въ родѣ жены Пентефрія такъ же мало удачны, какъ стремленіе Поля де-Мюссе изобразить брата въ видѣ невинной институтки и „нетронь меня".

Первыя недѣли—какъ во всѣхъ почти любовныхъ исторіяхъ — прошли относительно счастливо и согласно. Молодые любовники, казалось, нашли другъ въ другѣ все, о чемъ мечтали и чего искали. Они не скрывали своихъ отношеній и были неразлучны [1]), и маленькая квартирка на quai Malaquais являлась идеаломъ счастливаго гнѣздышка. Даже Поль де-Мюссе

[1]) Въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ къ Букоарану (отъ 7 марта 1834 года) Жоржъ-Сандъ проситъ этого повѣреннаго всѣхъ ея важнѣйшихъ тайнъ, во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній съ г. Дюдеваномъ, собиравшимся въ Парижъ,—унести изъ „комнаты Альфреда всѣ мужскіе пожитки, которые тамъ, можетъ быть, валяются". Въ другомъ письмѣ, отъ 6 апрѣля, проситъ дать ключъ отъ ея квартиры Мюссе, чтобъ онъ самъ могъ взять какіе-то ему принадлежащіе предметы, картины, книги и т. д. — Квартира эта была общая осенью 1833 г.

не можетъ ничего иного разсказать объ этомъ медовомъ мѣсяцѣ какъ то, что тутъ царствовало не только счастье, но и заразительное веселье. То устраивались неожиданные маскарады, то всѣ присутствующіе, по предварительному соглашенію, морочили кого-нибудь изъ своихъ друзей и знакомыхъ цѣлымъ импровизированнымъ представленіемъ, въ которомъ однажды принялъ участіе и знаменитый тогда Дебюро — пьерро одного изъ бульварныхъ театриковъ, большой комическій талантъ и истинно художественная натура. Жоржъ-Сандъ посвятила ему нѣсколько задушевныхъ строкъ въ „Histoire de ma vie", а послѣ смерти его напечатала о немъ маленькую статью въ „Constitutionnel'ѣ" 1846 г., вошедшую въ полное собраніе сочиненій [1]). Въ ней Жоржъ-Сандъ характеризуетъ Дебюро именно, какъ художественную, безкорыстную натуру, открытую, прямую душу и настоящаго артиста. Когда однажды Мюссе и Жоржъ-Сандъ вздумали поморочить извѣстнаго критика Ломени, Дебюро втеченіе цѣлаго обѣда игралъ роль накрахмаленнаго и чопорнаго англійскаго дипломата, упорно молчавшаго и лишь въ концѣ разговора о политикѣ, къ удивленію всѣхъ непосвященныхъ, вдругъ—въ видѣ нагляднаго изображенія европейскаго равновѣсія—принявшагося жонглировать тарелками. Мюссе въ этотъ вечеръ изображалъ изъ себя хорошенькую, но неловкую горничную — нормандку, то обливавшую гостей водой, то безцеремонно ихъ толкавшую и въ довершеніе всего усѣвшуюся за столъ вмѣстѣ съ дипломатомъ. Шуткамъ и смѣху не было конца. Иногда отправлялись цѣлой компаніей въ театръ, иногда гуляли по бульварамъ, а то сидѣли дома, читали, рисовали музицировали и разсуждали въ дружескомъ кругу обо всѣхъ животрепещущихъ литературныхъ и художественныхъ дѣлахъ. То работали вмѣстѣ, то шалили, какъ дѣти. Однимъ словомъ, это былъ почти идеалъ артистическаго союза [2]).

Въ сентябрѣ, наскучивъ парижскимъ шумомъ, а можетъ быть и тяготясь опекой любезнаго братца Поля, повидимому не покидавшаго молодой четы (чего онъ самъ, разумѣется, не думаетъ,

[1]) Томъ „Questions d'art et de littérature".

[2]) Мы придаемъ вѣру только тому, что Поль де-Мюссе говоритъ объ этой эпохѣ въ „Biographie", оставляя безъ вниманія изображеніе этого-же времени въ „Lui et Elle", изъ котораго многіе біографы и критики старались почерпнуть живописныя подробности тогдашней жизни Мюссе и Жоржъ-Сандъ. Эти подробности изображены въ этомъ романѣ очень колоритно и характеризуютъ очень ярко нѣсколько отзывающійся богемой образъ жизни двухъ поэтовъ. Но тѣмъ не менѣе—это чистѣйшая беллетристика, а не исторія.

а потому и недоумѣваетъ, отчего они такъ стремились улетѣть изъ Парижа)—въ сентябрѣ, говоримъ мы, Альфредъ де-Мюссе и Жоржъ-Сандъ временно переселились въ Фонтенебло, гдѣ прожили нѣсколько времени въ уединеніи, совершая прогулки и поѣздки по знаменитому, чудному фонтенеблоскому лѣсу. Путешествіе это сдѣлалось историческимъ послѣ того, какъ оба автора и въ „Confession", и въ „Elle et Lui" и въ стихотвореніи „Souvenir" прославили и запечатлѣли его въ памяти потомства. Оба они никогда уже не могли ни побывать въ Фонтенебло безъ того, чтобы тотчасъ не вспомнить эти первыя счастливыя времена ихъ любви, ни просто равнодушно относиться къ самому фонтенеблоскому лѣсу. Жоржъ Сандъ и мысленно и на самомъ дѣлѣ не разъ возвращалась туда и говорила о немъ не разъ въ печати. Въ 1837 году она провела тамъ нѣсколько недѣль со своимъ сыномъ — и отраженіемъ этого явились лирическія страницы, озаглавленныя „*Une Lettre écrite de Fontainebleau en 1837*" [1]), и напечатанныя въ изданіи „Fontainebleau". Въ предисловіи къ „*Послѣдней Альдини*", въ 1853 г. [2]) Жоржъ-Сандъ пишетъ:

„Я мечтала, гуляя съ моимъ сыномъ по фонтенеблоскому лѣсу, совсѣмъ о другомъ, чѣмъ объ этой книгѣ, которую я по вечерамъ писала въ гостинницѣ и которую я забывала на утро, чтобъ заниматься цвѣтами и бабочками. Я могла бы разсказать всѣ наши странствованія и всѣ наши развлеченія въ подробности, но мнѣ невозможно сказать, *почему моя душа по вечерамъ уносилась въ Венецію.* Я могла бы подыскать какую-нибудь причину, но будетъ правдивѣе признаться, что я ее не помню: тому прошло пятнадцать или шестнадцать лѣтъ"...

Полагаемъ, что читателю слишкомъ ясно, *почему* знакомыя тѣнистыя дорожки фонтенеблоскаго лѣса по связи идей и воспоминаній вызвали въ душѣ писательницы воспоминанія о Венеціи; полагаемъ также, что „шестнадцать лѣтъ назадъ", т. е. въ 1837 году, и сама Жоржъ Сандъ отлично отдавала себѣ отчетъ, *почему* Фонтенебло и Венеція навѣки неразрывно живутъ въ ея душѣ. Ихъ связывало воспоминаніе о самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ мрачныхъ дняхъ ея любви къ Мюссе... Еще гораздо позднѣе, уже въ 1872 году, Жоржъ Сандъ опять по-

[1]) Впослѣдствіи это письмо перепечатано въ Полн. Собр. Соч. Жоржъ Сандъ въ томѣ „Sept cordes de la lyre" а также вошло въ текстъ № III ея „Impressions et Souvenirs".

[2]) Романъ написанъ и напечатанъ въ 1837 году, а предисловіе къ нему въ 1853 г. для изданія сочиненій Жоржъ Сандъ, сдѣланнаго Гетцелемъ, съ иллюстраціями Тони Жоано и Мориса Санда.

святила Фонтенеблоскому лѣсу нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ, когда — въ отвѣтъ на воззваніе, обращенное ко всѣмъ ученымъ и художникамъ о необходимости заступиться за неприкосновенность Фонтенеблоскаго лѣса, часть котораго правительство хотѣло продать, она тоже подняла свой голосъ противъ отчужденія этой національной собственности, и съ точки зрѣнія утилитарной (вслѣдствіе вреда, происходящаго отъ истребленія лѣсовъ, которыхъ и такъ мало во Франціи) и съ точки эстетическо-этической, чтобы не лишать массу, а особенно дѣтей, того элемента „природы", которой и такъ все болѣе уничтожается, все далѣе изгоняется отъ мѣстъ жительства людей, и совершенно необходимъ, какъ источникъ поэзіи, наблюденія и созерцанія и какъ воспитательный элементъ [1]).

Большинство біографовъ и критиковъ разсказываетъ очень подробно о путешествіи въ Фонтенебло на основаніи того, что говорится о немъ въ „Elle et Lui", „Lui et Elle" и „Confession". Мы это не сдѣлаемъ. Болѣе того, мы тутъ даже нѣсколько разойдемся въ мнѣніи съ Арведомъ Баринъ, который, руководствуясь однимъ позднѣйшимъ письмомъ Жоржъ-Сандъ къ M-me д'Агу, по поводу выхода въ свѣтъ „Confession d'un enfant du siècle", письмомъ, гдѣ Жоржъ Сандъ говоритъ, что съ волненіемъ прочла это вѣрное и подробное изображеніе несчастной любви [2]), — руководствуясь имъ, Арведъ Баринъ приводитъ уже въ томъ мѣстѣ своей Біографіи Мюссе, гдѣ говоритъ о поѣздкѣ въ Фонтенебло, отрывки изъ „Confession", повѣствующіе о томъ, какъ герой съ самаго начала странно и неровно относился къ Бригитѣ Піерсонъ (т.-е. къ Жоржъ Сандъ). Онъ не могъ отрѣшиться отъ воспоминаній своей развратной прежней жизни, мучилъ любимую женщину ревностью къ ея прошлому, то поклонялся ей, какъ святынѣ, то оскорблялъ ее, то цѣлые часы простаивалъ на колѣняхъ, то обращался съ ней грубо. Когда вышла „Confession", въ которой авторъ могъ, ради своихъ художественныхъ цѣлей, располагать и группировать факты не согласно съ ихъ историческимъ порядкомъ, а согласно съ своимъ художественнымъ планомъ (въ чемъ, разумѣется, былъ вполнѣ правъ) — Жоржъ Сандъ осталась довольна его редакціей *всего* совершившагося и признала ее за вѣрную дѣйствительности, — какъ она и пишетъ

[1]) Это письмо, напечатанное въ „Temps" вошло въ томъ „Impressions et Souvenirs" Полнаго собранія сочиненій и помѣчено въ немъ № XX.

[2]) Письмо это отъ 25 мая 1836 г. напечатано въ „*Корреспонденціи*" Жоржъ Сандъ съ пропусками именно этихъ искреннихъ и чрезвычайно важныхъ въ біографическомъ отношеніи строкъ. Оно приведено нами ниже (см. стр. 389—390).

M-me д'Агу въ 1836. Слѣдовательно, Мюссе разсказалъ правду о себѣ и о ней. Но теперь спрашивается, къ какому времени относится эта правда: къ осени 1833 или къ позднѣйшему? Относительно осени 1833 г. мы находимъ слѣдующія подлинныя слова Жоржъ Сандъ въ письмѣ къ Сентъ-Беву отъ 21 сентября 1833 г., приводимыя у самого же Арведа Барина:

„Я была больна, но теперь я поправилась. И потомъ, я счастлива, очень счастлива, мой другъ. Ежедневно я вижу, какъ въ *немъ* исчезаютъ мелочи, заставлявшія меня страдать, и ежедневно вижу, какъ, наоборотъ, прекрасныя черты, которыми я восхищалась, все больше сіяютъ и блещутъ. И потомъ, кромѣ всего того, что въ немъ есть, онъ добродушенъ (bon enfant), и близость съ нимъ мнѣ такъ-же отрадна (aussi douce), какъ его предпочтеніе мнѣ было дорого“ [1])...

Письмо отъ конца сентября, также приводимое у Барина, еще болѣе подтверждаетъ это впечатлѣніе счастья и мира душевнаго, нисшедшаго въ бурную душу автора „Леліи“. Объ огорченіяхъ и несогласіяхъ еще помину нѣтъ. Начались они впрочемъ скоро, въ самомъ почти началѣ путешествія въ Италію, которое Мюссе и Жоржъ Сандъ предприняли въ декабрѣ этого же года.

Имъ захотѣлось еще болѣе удалиться отъ парижскаго шума и излишнихъ заботъ друзей и родственниковъ и пожить совсѣмъ однимъ, на свободѣ, среди чудной природы и памятниковъ искусства.

Г. Дюдеванъ, повидимому, не сдѣлалъ никакихъ препятствій женѣ, маленькая Соланжъ оставалась у него въНоганѣ, Мориса мать поручила на время рождественскихъ каникулъ двумъ его бабушкамъ (M-me Дюпенъ и мачихѣ Дюдевана, баронессѣ Дюдеванъ)—и около половины декабря [2]) Мюссе и Жоржъ Сандъ выѣхали черезъ Марсель въ Геную, а затѣмъ направились черезъ Ливорно и Пизу во Флоренцію и, наконецъ, черезъ Феррару и Болонью въ Венецію. Отмѣчаемъ этотъ маршрутъ въ точности по тому одному, что господа біографы, любящіе руководиться романами въ качествѣ документовъ, легко могли заставить Мюссе и Жоржъ Сандъ, вслѣдъ за де-Фовелемъ съ Олимпіей и за Лораномъ съ Терезой, прокатиться въ

[1]) См. „Portraits contemporains“. У Барина приведенъ лишь отрывокъ. Подлинникъ принадлежитъ г. де-Спульберку. Теперь это письмо вошло въ томикъ Леви: „Письма къ Сентъ-Беву и Мюссе“.

[2]) Въ письмѣ къ m-me Дюпенъ, помѣченномъ „jeudi, décembre 1833“ (Корреспонденція“, томъ I). Она пишетъ: „Je pars ce soir“, а въ неизданномъ письмѣ къ мужу отъ „11 декабря, вторника“, пишетъ, что ѣдетъ „въ четвергъ“. Значитъ она выѣхала изъ Парижа *13 декабря въ четвергъ*.

Спецію и въ Неаполь, гдѣ они никогда не были. Впрочемъ, Линдау, все время рабски пересказывающій Поля де-Мюссе, говоря объ отъѣздѣ, вдругъ отступаетъ отъ оригинала и вмѣсто „туманнаго, печальнаго вечера“ и всяческихъ дурныхъ предзнаменованій [1]), сопровождающихъ отъѣздъ въ разсказѣ брата, заставилъ этотъ отъѣздъ совершиться при самой радостной обстановкѣ, въ „веселый, солнечный октябрьскій (?!) день“. Первое письмо къ сыну изъ Марселя Жоржъ Сандъ пишетъ отъ 18 декабря, при чемъ сообщаетъ, что путешествовала безостановочно [2]). Въ Марселѣ они пробыли до 22-го, когда выѣхали въ Геную. Въ путевомъ альбомѣ Мюссе есть нѣсколько прекурьезныхъ рисунковъ, изображающихъ Жоржъ Сандъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; одинъ изъ нихъ представляетъ ее спокойно курящею на палубѣ, тогда какъ у самого Мюссе самый плачевный видъ больного морскою болѣзнь; на другихъ Мюссе изображаетъ свою спутницу въ дорожномъ костюмѣ, покупающей рѣдкости въ какой-то лавчонкѣ; въ домашнемъ платьѣ; въ видѣ турчанки, курящей трубку, или смѣющейся, съ вѣеромъ въ рукахъ. На ронскомъ пароходѣ молодые люди встрѣтились съ Бейлемъ (Стендалемъ, авторомъ „Rouge et Noir“) и, повидимому, очень пріятно провели съ нимъ время, хотя Жоржъ Сандъ мало съ нимъ сходилась во вкусахъ и взглядахъ. Путешествіе начиналось очень дружно и пріятно. Въ Генуѣ оба путника неутомимо осматривали дворцы и музеи и съ чуткостью истинно художественныхъ натуръ восхищались всѣми чудесами искусствъ, такъ щедро разсыпанными въ этомъ прелестномъ городѣ. Отсюда они выѣхали черезъ Ливорно во Флоренцію.

Во Флоренціи начали проявляться между ними кое-какія несогласія, сначала мимолетныя, но уже вскорѣ принявшія угрожающій характеръ и показавшія еще недавно счастливымъ любовникамъ, что они *разные люди*, — что всегда является самымъ вѣрнымъ и самымъ роковымъ признакомъ нарушенія полной взаимной гармоніи и... началомъ конца. Они еще были счастливы вполнѣ, но на горизонтѣ появились уже тучки, и біографы Мюссе (по крайней мѣрѣ оба лучшіе: Арведъ Баринъ и Линдау) должны признать, что причина ихъ заключалась въ самомъ Мюссе. Сюда слѣдуетъ отнести и ту страницу „Confession“, на которую ссылается Баринъ. Слишкомъ бурное

[1]) См. „Biographie de Alfred de Musset“ par Paul de Musset.

[2]) Correspondance t. I, p. 256.

прошлое оставило неизгладимые слѣды въ Мюссе; онъ испыталъ на самомъ себѣ то, что такъ много разъ уже бралъ сюжетомъ своихъ поэмъ и драмъ, особенно, напр., въ „La coupe et les lèvres": развратное прошлое сдѣлало его неспособнымъ къ довѣрчивой, теплой, дружеской любви, на вѣки отравило въ его душѣ источники чистой привязанности и вѣры, осквернило эту душу. Тщетно старался онъ забыть прошлое, вѣрить любимой женщинѣ, любить ее съ уваженіемъ, „по хорошему". Отвратительныя воспоминанія, горькіе опыты заставляли его видѣть въ ней только источникъ грубыхъ наслажденій и еще болѣе грубыхъ обмановъ. А фантазія, способность отдаваться всякой едва промелькнувшей въ воображеніи идеѣ, уноситься во слѣдъ за всякимъ подозрѣніемъ, какъ за дѣйствительностью, приводили къ тому, что вслѣдъ за самыми счастливыми минутами наступали почти внезапно такія, когда онъ былъ способенъ видѣть въ любимой женщинѣ послѣднюю изъ послѣднихъ, готовъ былъ ненавидѣть ее по самому вздорному и неправдоподобному подозрѣнію, а потомъ опять возносилъ ее выше небесъ и поклонялся ей, какъ богинѣ.

Жоржъ Сандъ не понимала этихъ вѣчныхъ переходовъ. Она любила иначе. При страстномъ темпераментѣ у нея была спокойная и уравновѣшанная душа. Она не умѣла любить, не вѣря и не считая любимаго человѣка лучшимъ изъ людей. У ней было очень много доброты и терпѣнія, и пока она видѣла въ этихъ вспышкахъ Мюссе лишь странности поэтической натуры—она не обращала на нихъ вниманія. Въ тотъ день, когда она увидѣла, что они *разные люди*, что они *по разному* на все смотрятъ, *по разному понимаютъ*, когда она *перестала вѣрить* Мюссе—въ ея душѣ незамѣтно и безсознательно сталъ совершаться процессъ отдаленія и охлажденія. Отношенія между любовниками оставались тѣми же страстными,—души стали расходиться въ разныя стороны. Отсюда вся позднѣйшая трагедія, отсюда и то, что эта трагедія такъ не скоро еще дошла до эпилога. Любовь оказалась цѣпями, но такими дорогими, что оба не могли ихъ порвать долго-долго.

А люди они были дѣйствительно совершенно разные, съ несхожими убѣжденіями, привычками, вкусами. Прежде всего Мюссе и Жоржъ Сандъ, вначалѣ обратившіе вниманіе только на взаимныя общія поэтическія черты души и характера, стали убѣждаться, что привычки и образъ жизни каждаго совершенно различные и неподходящіе. Удивительно, что раньше этого они не замѣчали.

„Съ мужчинами Мюссе не любилъ разговаривать",—разсказывалъ одинъ изъ его свѣтскихъ пріятелей гр. Альтонъ Ши [1]), — „развѣ что смѣялся чужой шуткѣ. Вся его любезность, все остроуміе его кокетливаго существа предназначались для женщинъ. Въ ихъ обществѣ онъ былъ забавенъ, разговорчивъ, остроуменъ, то рисовалъ карикатуру, то сочинялъ сонетъ, съ восхищеніемъ слушалъ исполненіе музыкальныхъ пьесъ, принималъ участіе въ играхъ и представленіи proverbes'овъ и, *какъ и сами женщины, испытывалъ истинное отвращеніе къ политикѣ и всѣмъ серьезнымъ предметамъ разговора*".

Жоржъ Сандъ, наоборотъ, терпѣть не могла разговоровъ для разговоровъ, сама признавалась, что предпочитаетъ общество мужчинъ—женскому, такъ какъ женщины утомляютъ ее своей болтовней, суетой. постоянными перескакиваніями съ предмета на предметъ. Она умѣла и любила болтать и играть съ дѣтьми, умѣла заставлять ихъ смѣяться и сама смѣялась, но была совершенно неостроумна въ гостиныхъ. Когда при ней говорили о вещахъ ей мало знакомыхъ или неинтересующихъ ее—она молчала. Но едва серьезная рѣчь зайдетъ о чемъ-нибудь такомъ, что близко касалось ея сердца и души, „лишь божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется",—она горячо вступала въ разговоръ, спорила, доказывала или требовала, чтобъ ей объяснили поразившую ее или задѣвшую за живое идею. Мы уже привели выше то мѣсто изъ 5-ой части „*Histoire de ma Vie*", гдѣ Жоржъ Сандъ разсказываетъ, какіе религіозные, политическіе и соціальные вопросы волновали ее, когда она писала свою *Лелію*: ...„Есть страданіе, которое труднѣе переносится, чѣмъ всѣ страданія, поражающія нашу личность. Оно заняло такое мѣсто въ моихъ размышленіяхъ, оно имѣло такую власть надъ моей жизнью, такъ отравляло мнѣ періоды личнаго счастья, что я должна и о немъ поговорить"... и т. д. и т. д. [2]).

А Мюссе говоритъ въ своемъ знаменитомъ *Посвященіи Александру Таттѐ*:

„Я совсѣмъ не претендую быть человѣкомъ моего вѣка и его страстей... *если мой вѣкъ ошибается, то это мнѣ довольно безразлично*. Если онъ правъ, тѣмъ лучше, если онъ неправъ — ну, тѣмъ хуже! Только бы среди всего этого шума мнѣ спать—вотъ все, чего я хочу"...

Если вслѣдъ затѣмъ идущія строки „Посвященія" характеризуютъ дѣйствительную широту и свободу мысли Мюссе, его вѣротерпимость и широкое отношеніе и къ національностямъ и къ такъ называемому патріотизму, и показываютъ его намъ, какъ человѣка, имѣющаго въ виду прежде *человѣчество*, а потомъ уже національности, — то вышеприведенныя нами слова свидѣтель-

[1]) Впослѣдствіи сестра его вышла замужъ за Поля де Мюссе.

[2]) См. стр. 294.

ствуютъ лишь о его безразличіи и равнодушіи къ вопросамъ, волновавшимъ и волнующимъ лучшіе умы нашего вѣка.

Принимая близко къ сердцу общіе вопросы, Жоржъ Сандъ въ то же время была писательницей *по призванію*, по влеченію своей натуры. Свое искусство она любила больше всего на свѣтѣ, работа ея — была для нея главнѣйшей, если не самой главной частью ея жизни. Она работала, какъ работаютъ истинные таланты: и въ радости, и въ горести, и любя кого-нибудь, и не любя, дома и въ путешествіи. Она *должна была писать*, не могла жить, не работая. Часто впослѣдствіи она жаловалась на свой каторжный трудъ и дѣйствительно она утомлялась, работала иногда черезъ силу. Но это было необходимо и по другой еще причинѣ: трудъ ея являлся единственнымъ почти средствомъ къ существованію. Намъ извѣстно изъ ея процесса съ г. Дюдеваномъ, что онъ никогда почти аккуратно не выплачивалъ выговоренные ея брачнымъ контрактомъ изъ ея же денегъ жалкіе 1,500 франковъ. Она хотѣла стоять на своихъ ногахъ, жить своимъ трудомъ и не дѣлать долговъ. Работать не покладая рукъ надо было даже тогда, когда, послѣ 6 мѣсяцевъ отдохновенія въ Ноганѣ, она переселялась съ маленькой дочерью на 6 мѣсяцевъ въ Парижъ. Только при условіи неустаннаго труда она могла жить безбѣдно и не отказывая себѣ въ самыхъ скромныхъ интеллигентныхъ удовольствіяхъ. Путешествіе въ Италію повлекло за собою новыя и значительныя издержки. Передъ отъѣздомъ, чтобы имѣть въ карманѣ хоть нѣсколько сотъ франковъ про запасъ Жоржъ Сандъ даже заняла довольно крупную сумму у Состена де-ла Рошору—но и кромѣ того взяла авансъ у Бюлоза, редактора „Revue des deux Mondes“, обѣщавъ разсчитаться съ нимъ, высылая мало-по-малу все, что напишетъ въ Италіи. И вотъ, проводя дни въ прогулкахъ въ Генуѣ и Флоренціи, набираясь впечатлѣній, наслаждаясь природой и искусствомъ въ обществѣ любимаго человѣка, по вечерамъ Жоржъ Сандъ садилась за свой рабочій столъ и писала *и по потребности и по необходимости*, и ничто не могло отвлечь ее отъ работы. Писаніе было ея второй натурой.

Мюссе работалъ урывками; иногда недѣли и мѣсяцы не бралъ пера въ руки, и отношеніе его къ искусству было почти диллетантское. Вскорѣ на этой почвѣ возникли и несогласія. Мюссе не хотѣлъ и не могъ работать, а хотѣлъ по вечерамъ бродить по улицамъ и развлекаться. Жоржъ Сандъ не могла и не хотѣла ему сопутствовать [1]). Она не допускала возмож-

[1]) Въ изложеніи этого обстоятельства опять проявляется недобросовѣстное пристрастіе Линдау. Онъ говоритъ: „Двѣ совершенно несхожія натуры столк-

ности возникновенія несогласій изъ-за того только, что ей надо было работать, а ему идти въ театръ или на пикникъ, потому

нулись: съ одной стороны страстный, необузданный юноша, который лихо (flott) распоряжался своимъ здоровьемъ, своей кассой и своимъ геніемъ, никогда не заботясь о концѣ; который въ чаду и развлеченіяхъ безцѣльно несся кудато (ziellos dahintaumelte)—съ другой стороны трезвая, спокойная, немного филистерская женщина, которая по вечерамъ провѣряла свою кассу и думала о томъ, чтобы ее наполнять, едва только это требовалось обстоятельствами, которая владѣла собою настолько, чтобы во всякое время сѣсть къ рабочему столу и приготовить требуемое количество страницъ, которую ничто не могло оторвать отъ работы и которая могла филистерски противостать всѣмъ соблазнамъ". Линдау смѣшиваетъ въ одной фразѣ двѣ совершенно различныя вещи, но обѣ служащія къ чести Жоржъ Сандъ: отношеніе ея къ писанію—отношеніе истиннаго художника къ своему дѣлу,—и необходимость жить этимъ писаніемъ, сводя счеты и провѣряя кассу и заботясь, чѣмъ заплатить за свои удовольствія, тогда какъ Мюссе очень мало объ этомъ заботился. Смѣшивать эти двѣ вещи и говоритъ объ этомъ въ тонѣ насмѣшекъ—не дѣлаетъ чести ни проницательности, ни добросовѣстности Линдау. Но желаніе взвалить на Жоржъ Сандъ отвѣтственность за всѣ прегрѣшенія Мюссе доводитъ Линдау до настоящей игры словами, такъ что трудно разобраться въ слѣдующей его страницѣ, которую мы и приводимъ цѣликомъ: „Альфредъ де Мюссе хотѣлъ пользоваться жизнью и наслаждаться данной минутой; Жоржъ Сандъ, которая къ многимъ прочимъ качествамъ присоединяла еще то, что была хорошей, заботливой, экономной хозяйкой, хотѣла дѣлать что-нибудь путное (recht-schaffenes), зарабатывать деньги и набирать матеріалъ для будущихъ работъ. Онъ хотѣлъ безцѣльно бродить, она хотѣла работать согласно съ извѣстнымъ планомъ. Въ концѣ концовъ онъ пошелъ своей дорогой, а она осталась дома. Одному ему стало скучно, онъ сталъ искать того общества, которое легче всего находится, пѣвицъ и танцовщицъ, по большей части сомнительной репутаціи, съ которыми его познакомилъ французскій консулъ въ Венеціи,—веселое, жизнерадостное общество, въ которомъ онъ забавлялся, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ подлѣ своей молчаливой, ледяной (!?), прилежной возлюбленной, которая, когда ей надо было работать, и на любовь налагала временный запретъ. Такъ онъ весело проводилъ дни. Весело? Это не точно сказано. Въ глубинѣ души онъ даже былъ очень разстроенъ. Онъ былъ недоволенъ своей возлюбленной. Онъ находилъ несправедливымъ, что она ради своихъ филистерскихъ соображеній—такими казались ему мотивы, приковывающіе ее къ ея рабочему столу—предоставляла его своей судьбѣ. Ему не хватало отраднаго утѣшенія имѣть соучастника въ своей винѣ. Онъ досадовалъ на самого себя, ибо хорошо видѣлъ, что дурно поступалъ. Среди разгульнаго веселья пировъ долженъ былъ онъ вспоминать о добросовѣстной подругѣ, которая въ маленькой тихой комнаткѣ, при свѣтѣ лампы, сидѣла надъ своей работой, въ то время какъ онъ безцѣльно ночь за ночью проводилъ въ весельи. Ничто, какъ извѣстно, не дѣлаетъ насъ настолько несправедливыми относительно другихъ, какъ сознаніе, что сами мы не исполнили своего долга. И вотъ, когда нравственно угнетеннымъ онъ возвращался поздно ночью домой и заставалъ свою подругу за работой или слышалъ ея ровное сонное дыханіе изъ сосѣдней комнаты, тогда онъ чувствовалъ потребность не только самого себя обвинять, но и ту, которая давала поводъ къ подобному самообвиненію. Чтобы исполнить долгъ совѣсти, онъ иногда садился

что понимала свои отношенія къ Мюссе гораздо серьезнѣе. Однако, эти несогласія дѣйствительно проявились. Уже во Флоренціи произошли между влюбленными первыя крупныя размолвки. Жоржъ Сандъ съ ужасомъ убѣдилась, что ея любовь не только не оказываетъ никакого благотворнаго вліянія на привычки и образъ жизни Мюссе, но даже не удерживаетъ его отъ самыхъ грубыхъ измѣнъ. Уже дважды испытала она въ своей жизни все отвращеніе подобныхъ измѣнъ: и въ замужествѣ съ г. Дюдеваномъ, и позднѣе, когда Жюль Сандо не постѣснился завести интригу съ какой-то прачкой. Мюссе любилъ Аврору попрежнему, съ его мужской точки зрѣнія такая искренняя любовь могла уживаться съ разными приключеніями на сторонѣ. Жоржъ Сандъ съ своей стороны, любя его нѣжно, готова была простить ему. Но святость, чистота чувства была нарушена, и это ее и оскорбляло и глубоко уязвляло. И потомъ—то, что ей приходилось *прощать*, по нашему уразумѣнію ея натуры, было убійственно для ея любви. Ей нужно было поклоняться любимому существу, не видѣть въ немъ недостатковъ, быть очарованной имъ. Тогда она страстно, по настоящему любила, любила *всей душой*, не въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, а въ томъ смыслѣ, что всѣ ея душевныя силы и способности: умъ.

среди ночи за столъ и писалъ, не отрываясь, нѣсколько часовъ подъ рядъ. Но работа не доставляла ему удовлетворенія, и онъ горько упрекалъ ту, которая являлась для него виновницей такого безотраднаго писательства...“

Положительно трудно разобраться, что же хочетъ сказать Линдау! Какъ будто Жоржъ Сандъ и права, а какъ будто и лучше было бы, если бы она пировала и кутила вмѣстѣ съ Мюссе, тогда онъ не огорчался бы, не искалъ бы общества танцовщицъ, не чувствовалъ бы укоровъ совѣсти, имѣлъ бы сообщника и т. д. и т. д. Изъ дальнѣйшаго вытекаетъ, что, принимая на вѣру слова Луизы Коле изъ „Lui“, Линдау уже прямо взваливаетъ на Жоржъ Сандъ всѣ позднѣйшія несогласія и ссоры, причиной которыхъ главнымъ образомъ является-де ея манера выставлять на видъ свое материнское отношеніе къ Мюссе, что доводило его, какъ говорится, до бѣлаго каленія и было тѣмъ окончательнымъ толчкомъ, который бросилъ его въ объятія куртизанокъ. Почему-то принято ужасно много говорить о материнствѣ Жоржъ Сандъ. Одни ее за него превозносятъ, другіе яростно порицаютъ. Если Жоржъ Сандъ въ пожилые годы относилась дѣйствительно по-матерински къ разнымъ своимъ юнымъ друзьямъ—Флоберу, Плошю, Амику—если такое же отношеніе она проявляла, когда ей было за 40 лѣтъ, въ послѣдніе годы совмѣстной жизни съ больнымъ Шопеномъ, то въ молодости она относилась къ предметамъ своей любви вовсе не по-матерински, и тутъ ничего нѣтъ ни удивительнаго, ни достойнаго похвалы, ни порицанія. Если впослѣдствіи она это воображала—то ошибалась. Изъ корреспонденціи ея съ Мюссе не видно ни материнства съ ея стороны, ни огорченій Мюссе по этому поводу. Полагаемъ, что госпожа Коле тутъ отклонилась отъ истины, что съ ней случается довольно часто, а Линдау напрасно повторилъ чужія сказки.

воля, воображеніе, чувство—все принадлежало любимому предмету. Когда она начинала *прощать*, закрывать глаза на недостатки или непониманіе,—она любила уже иначе. Можетъ быть, она любила тогда лучше, въ смыслѣ христіанской любви, можетъ быть, именно съ тѣмъ оттѣнкомъ всепрощенія, безконечной заботливости и материнства, о которомъ любила мечтать, можетъ быть, болѣе сознательно, но это было уже не поглощающее и наполняющее ее блаженствомъ чувство безсознательной любви—единственно вѣрной. Прежде она любила *для себя*, теперь *для него*. Это было уже *не то*, и оба, вѣроятно, уже начинали чувствовать это.

Съ пріѣздомъ въ Венецію наступилъ для Жоржъ Сандъ цѣлый рядъ неудачъ, огорченій и тяжелыхъ заботъ. Едва пріѣхавъ въ Венецію и поселившись въ отелѣ Даніэли, Жоржъ Сандъ, больная уже съ Генуи и едва державшаяся на ногахъ въ Пизѣ и Флоренціи, окончательно захворала и пролежала въ постели цѣлыя 2 недѣли [1]). Еще не совсѣмъ оправившись, она принялась усиленно работать, чтобы наверстать потерянное время, а тутъ случилось одно обстоятельство, которое уже и окончательно поставило ее въ совершенную необходимость работать, какъ волъ. Г. Плошю разсказалъ намъ со словъ Ф. Бюлоза [2]), что Мюссе однажды въ Венеціи былъ увлеченъ въ игорный домъ, гдѣ проигралъ около 10,000 фр.

„Неосторожный игрокъ не могъ и никогда не былъ бы въ состояніи расплатиться съ этимъ долгомъ чести, ему предстояло выбирать между самоубійствомъ или безчестіемъ. Г-жа Сандъ ни минуты не колебалась: она тотчасъ написала редактору „Revue“, прося его ссудить ее этими деньгами. Со слѣдующею же почтою Бюлозъ, который искренно былъ расположенъ къ своему сотруднику, выслалъ просимую сумму, поставивъ единственнымъ условіемъ, чтобы эти деньги были ему возвращены въ видѣ рукописи. Жоржъ-Сандъ принялась за работу и выслала изъ Венеціи въ Парижъ одинъ за другимъ нѣсколько романовъ, въ числѣ которыхъ находились два прелестныя произведенія „Маркиза“ и „Теверино“ [3]). „Я былъ такъ тронутъ энергіей Жоржа“—говорилъ Бюлозъ г. Плошю—(„онъ ее

[1]) См.: a) Неизданныя письма къ сыну, матери и Букоарану отъ 25, 28 и 29 января 1834 г. b) Histoire de ma Vie, т. IV, стр. 186—188. Она говоритъ, что со времени этой венеціанской лихорадки, она втеченіе всей своей жизни страдала сильнѣйшими мигренями.

[2]) Этотъ же фактъ разсказывается г. Плошю въ его интересныхъ статьяхъ „Autour de Nohant“ („Temps.“ 5, 6 и 7 сентября 1891 г.), которыя скоро выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ.

[3]) Это, разумѣется, ошибка, которую г. Плошю отчасти повторяетъ и въ „Temps“, называя „Андрэ“ и „Теверино“. „Теверино“ вышелъ цѣльными 11 го-

никогда не называлъ иначе", — прибавляетъ самъ г. Плошю), такъ восхищенъ литературнымъ достоинствомъ этихъ романовъ, что я никогда бы не допустилъ, чтобъ она расплатилась со своимъ долгомъ"...

Оставляемъ это послѣднее утвержденіе на отвѣтственности г. Бюлоза, ибо изъ неизданныхъ писемъ Жоржъ Сандъ къ Букоарану—ея другу и фактотому—видно наоборотъ, что она работала почти сверхъ силъ, просто не знала какъ управиться съ своевременной высылкой требуемаго Бюлозомъ количества печатныхъ листовъ [1]), что она постоянно проситъ Букоарана уговорить Бюлоза не слишкомъ допекать ее разсчетомъ, повременить; наконецъ, въ одномъ изъ писемъ прямо проситъ выслать ей деньги за работу, такъ какъ иначе ей нечѣмъ расплатиться съ докторомъ и аптекой и не на что вернуться во Францію. Въ письмахъ отъ 4-го и 5-го февраля [2]) Жоржъ Сандъ проситъ Букоарана на всякій случай переговорить съ другимъ издателемъ — Дюпюи, относительно продажи ему полнаго собранія всѣхъ вышедшихъ ея сочиненій. Она все время хлопочетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь разсчитаться и расплатиться съ долгами. Она даже посылаетъ заранѣе заготовленное на всякій случай условіе для заключенія договора съ Дюпюи. И г. Плошю и Юльбахъ говорятъ, что семья Мюссе знала и знаетъ объ этомъ фактѣ. Тѣмъ болѣе тогда постыдно, что впослѣдствіи братъ поэта не постѣснился распространить про Жоржъ Сандъ самыя неприличныя клеветы. Какъ бы то ни было, а „филистерша", писавшая цѣлыми ночами напролетъ, и „экономная хозяйка", сводившая счеты по вечерамъ, выручила изъ бѣды безпечнаго поэта [3]). Но этимъ

дами позже: въ 1845 году, а „Маркиза" годомъ раньше: въ 1832 году. Изъ неизданныхъ писемъ Жоржъ-Сандъ къ Букоарану видно, что въ Венеціи она докончила и написала слѣдующее: „Secrétaire intime" (о немъ она пишетъ 28 января); затѣмъ 7 марта упоминаетъ объ „*Андрэ*", о томъ, что „Jacques" обѣщанъ Бюлозу къ маю, и о „*Леоне-Леони*". Наконецъ, въ Венеціи же написаны „*Маттеа*" и первыя „*Письма Путешественника*".

[1]) Уже изъ письма отъ 28 января видно, что она страшно много работаетъ; 4 февраля она пишетъ: „je m'échine pour le satisfaire" (т.-е. его—Бюлоза), „je crève de travail"...

[2]) Неизданныя.

[3]) Максимъ Дюканъ въ своихъ интереснѣйшихъ „*Литературныхъ Воспоминаніяхъ*" приводитъ между прочимъ одинъ свой разговоръ съ Жоржъ Сандъ, въ 1868 г. Она сказала, что хотѣла бы имѣть хоть 3000 въ годъ, и на удивленіе Дюкана, что не имѣетъ ихъ, отвѣтила: „Я заработала много, много денегъ; я ихъ истратила; еслибъ я заработала еще больше, я ихъ точно такъ же истратила бы". У нея мелькнула мужественная улыбка (un sourire mâle), въ которой смѣшивались гордость отъ проявленной власти, отъ сознанія признаннаго превосходства съ выраженіемъ презрѣнія, причину котораго не трудно понять; она прибавила: „Я ни о чемъ не сожалѣю"...

она взвалила себѣ на плечи еще новое обязательство относительно Бюлоза и должна была вдвое, даже втрое противъ прежняго работать. Нѣсколько позднѣе—16 марта—онъ пишетъ своему брату Ипполиту Шатирону:

„Любовь къ труду спасаетъ отъ всего. Я благословляю мою бабушку, которая заставила меня пріобрѣсти привычку къ труду. Эта привычка сдѣлалась способностью, а эта способность—потребностью. Я дошла до того, что работаю,—не дѣлаясь отъ того больной—тринадцать часовъ въ сутки, а въ среднемъ — семь или восемь часовъ; все равно дурно или хорошо. Работа мнѣ приноситъ много денегъ и беретъ у меня много времени, которое, еслибъ мнѣ нечего было дѣлать, я употребляла бы на то, что предавалась бы сплину, къ чему мой желчный темпераментъ склоненъ. Еслибъ я, какъ ты, не хотѣла бы писать, я хотѣла бы хоть читать много. Я даже сожалѣю, что мои денежныя дѣла заставляютъ меня постоянно что-нибудь выдавать изъ своего мозга, не давая мнѣ времени на то, чтобы что-нибудь въ него вкладывать. Я мечтаю о цѣломъ годѣ свободы и уединенія, чтобы нагромоздить себѣ въ голову всѣ великія произведенія чужія, которыя я мало или вовсе не знаю. Я жду отъ этого большого удовольствія и завидую тѣмъ, кто себѣ его доставляетъ, сколько хочетъ. А я, послѣ того какъ намарала свою поденную работу, способна только идти распивать кофе и курить сигаретки на площади Св. Марка, коверкая итальянскій языкъ съ своими венеціанскими друзьями. Это тоже очень пріятно, т.-е. не мой итальянскій языкъ, а табакъ, друзья и площадь Св. Марка. Я хотѣла бы перенести тебя сюда ударомъ волшебной палочки и порадоваться на твое удивленіе...“ [1]).

Но мы нѣсколько забѣжали впередъ. Въ концѣ января Жоржъ Сандъ опять захворала и нѣсколько дней пролежала въ постели. Она пишетъ Букоарану 4-го февраля, вслѣдъ за упомянутыми выше дѣловыми вопросами:

„Я опять была больна, втеченіе пяти дней, страшной диссентеріей. Мой спутникъ тоже очень боленъ. Мы этимъ не хвастаемся, потому что у насъ въ Парижѣ масса враговъ, которые возрадуются, говоря: „Они отправились въ Италію веселиться, а у нихъ холера! какая намъ всѣмъ радость: они больны“. И потомъ M-me де-Мюссе будетъ въ отчаяніи, если узнаетъ о болѣзни сына, потому не говорите ни слова. Положеніе его не опасное, но такъ грустно видѣть, какъ томится и хвораетъ существо, которое любишь и которое обыкновенно такое веселое и доброе. Итакъ, у меня сердце въ такомъ же разстройствѣ (aussi barbouillé), какъ и желудокъ. Въ довершеніе всего, Бюлозъ изображаетъ относительно меня Кассандру и гувернера, что̀ меня мало забавляетъ“ [2]).

[1]) Correspondance de George-Sand, tome I, p. 262.

[2]) Отрывокъ изъ этого письма приведенъ съ нѣкоторыми урѣзками у Арведа Барина.

Въ то же самое время Жоржъ Сандъ очень безпокоилась, не получая никакихъ извѣстій отъ Мориса и не зная, здоровъ ли онъ; безпокоилась и о дочери, которую г. Дюдеванъ хотѣлъ въ отсутствіе матери отдать въ пансіонъ. Жоржъ Сандъ старается черезъ Букоарана и брата предотвратить это; она помышляла даже, сокративъ свою поѣздку, вернуться скорѣе въ Парижъ. Но она не могла покинуть Венецію: денегъ не было вовсе, тѣмъ болѣе, что даже съ тѣми деньгами, которыя ей долженъ былъ высылать банкиръ мужа, Салмонъ, вышла какая-то путаница и задержка. Надо было работать во что бы то ни стало и какъ можно больше. А между тѣмъ не было уже прежней гармоніи между нею и Мюссе; вплоть до своей болѣзни онъ проводилъ время такъ же, какъ и во Флоренціи, и все чаще происходили то бурныя сцены, то страстныя примиренія. „Онъ былъ грубъ и жестокъ,—говоритъ Арведъ Бари́нъ по поводу первой крупной ссоры, происшедшей въ Венеціи — „онъ заставилъ плакать эти большіе черные глаза, и не прибѣжалъ черезъ четверть часа просить прощенія"...

Но вскорѣ Жоржъ Сандъ пришлось забыть всѣ эти огорченія и хлопоты изъ-за заботы болѣе важной! Та болѣзнь Мюссе, о которой Жоржъ Сандъ впервые упоминаетъ въ письмѣ отъ 4-го февраля, какъ о неопасной, приняла самый серьезный оборотъ, и вскорѣ Мюссе былъ уже при смерти.

5-го февраля Жоржъ Сандъ пишетъ Букоарану:

„Я сообщила Бюлозу о положеніи Альфреда, которое сегодня вечеромъ очень меня тревожитъ, и въ то же время я ему доказываю, что мнѣ необходимы деньги, чтобы покрыть расходы по болѣзни, которая будетъ серьезна, и чтобы вернуться во Францію. Такъ какъ въ сущности это добрый малый и привязанъ къ Альфреду, то я думаю, что онъ пойметъ, насколько наше положеніе печально, и не будетъ болѣе колебаться. Повидайте его по этому поводу"...

Затѣмъ, послѣ упомянутыхъ нами указаній относительно переговоровъ съ Дюпюи, разсчетовъ съ Бюлозомъ и всевозможныхъ дѣловыхъ соображеній, она прибавляетъ:

„Прощайте, мой другъ, я вамъ напишу черезъ нѣсколько дней, сегодня меня грызетъ безпокойство, угнетаетъ усталость, я больна и въ отчаяніи. Поцѣлуйте моего сына за меня. Бѣдныя мои дѣти, увижу ли я васъ когда-нибудь!? Сохраняйте абсолютное молчаніе относительно болѣзни Альфреда ради его матери, которая непремѣнно узнала бы о ней и умерла бы съ горя. Закажите и Бюлозу говорить объ этомъ. И Дюпюи тоже"...

8-го февраля она пишетъ:

„Мое дитя, обо мнѣ надо все еще жалѣть. Онъ дѣйствительно въ опасности, и доктора говорятъ: poco a sperare, poco a disperare,

т.-е., что болѣзнь идетъ своимъ порядкомъ безъ слишкомъ угрожающихъ симптомовъ. Нервы мозга такъ поражены, что бредъ ужасенъ и непрестаненъ. Сегодня, впрочемъ, необыкновенное улучшеніе. Сознаніе совсѣмъ возвратилось и спокойствіе полное. Но прошлая ночь была ужасна. Шесть часовъ такого бѣшенства (frénésie), что, несмотря на усилія двухъ здоровыхъ мужчинъ, онъ голый бѣгалъ по комнатѣ. Крики, пѣніе, вой, судороги, о, Боже мой, Боже мой, какое зрѣлище! Онъ чуть не задушилъ меня, обнимая. Оба человѣка не могли заставить его выпустить воротникъ моего платья. Доктора предсказываютъ такой же припадокъ и на слѣдующую ночь, а, можетъ быть, потомъ и еще, раньше шести дней нельзя еще надѣяться на успокоеніе. Хватитъ ли у него силъ перенести такіе ужасные припадки [1]). Какъ я несчастна! и вы, зная мою жизнь, знаете ли что-нибудь худшее! Передайте это письмо Бюлозу, потому что онъ, вѣроятно, интересуется здоровьемъ Альфреда, а я не въ силахъ писать ему сама. Просите его не оставлять меня въ такомъ ужасномъ положеніи безъ денегъ. Къ счастью, я, наконецъ, нашла отличнаго молодого доктора, который не покидаетъ его ни днемъ, ни ночью и который даетъ ему лѣкарство, дѣйствующее очень хорошо"...

Въ P.S. стоитъ: „Храните попрежнему совершенное молчаніе на счетъ болѣзни Альфреда и посовѣтуйте это и Бюлозу. Поцѣлуйте моего сына. Бѣдное дитя! увижу ли я его?!"...

Молодой докторъ, о которомъ Жоржъ Сандъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ,—и былъ Піетро Паджелло, которому суждено было сыграть важную роль въ жизни Жоржъ Сандъ и Мюссе и который втеченіе слишкомъ 50-ти лѣтъ [2]) съ удивительной выдержкой сохранялъ молчаніе и не отвѣтилъ ни единымъ словомъ на все, что о немъ говорилось и сочинялось въ итальянской и иностранной печати (хотя читалъ все это), и лишь вслѣдствіе настоятельныхъ требованій друзей съ величайшей неохотой, но и съ величайшей скромностью, наконецъ, въ 1887 г. разсказалъ съ своей стороны о событіяхъ 1834 года. И мы спѣшимъ сказать, что изъ всѣхъ, кто говорилъ о венеціанской драмѣ—безспорно Паджелло принадлежитъ пальма первенства за ту необыкновенную простоту, трезвую правдивость и деликатность, съ которой онъ говоритъ обо всемъ этомъ и въ своихъ письмахъ, и въ устномъ разсказѣ, переданномъ д-ромъ Гарибальди-Локателли съ его словъ. У насъ въ рукахъ имѣются копіи: 1) съ письма д-ра Паджелло къ проф. Эрколе Морени,

[1]) О болѣзни Мюссе много и многіе говорили въ печати, но никто не рѣшался назвать ее своимъ именемъ, начиная съ доктора, вѣжливо называвшаго ее тифозной лихорадкой, — это была настоящая „бѣлая горячка", явившаяся результатомъ отчаяннаго образа жизни Мюссе.

[2]) Онъ скончался когда нашъ трудъ былъ уже оконченъ, весною нынѣшняго, 1898 г.—слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду.

итальянскому писателю, занимающемуся также біографіей Жоржъ Сандъ,—продиктованнаго (вслѣдствіе паралича пальца) сыну его стараго пріятеля — д-ру Гарибальди-Локателли; 2) съ письма самого д-ра Гарибальди-Локателли къ Эрколе Морени, дополняющаго первое письмо свѣдѣніями, почерпнутыми изъ устныхъ разсказовъ Паджелло, 3) письмо Паджелло къ редактору газеты „Provincia di Belluno", напечатанное также въ газетѣ „Adriatica" — по поводу перепечатаннаго въ этой газетѣ стихотворенія Паджелло „Sèrenata", посвященнаго Жоржъ Сандъ; 4) его же письмо въ „Corriere della Sera" (съ примѣчаніемъ редактора этой газеты [1]). Прибавимъ, что у д-ра Паджелло имѣются 3 письма Жоржъ Сандъ, но онъ хотѣлъ обнародовать ихъ развѣ только послѣ своей смерти, свято соблюдая данное самому себѣ слово [2]). Но прежде чѣмъ мы на основаніи этихъ документовъ станемъ говорить объ исторіи болѣзни Мюссе, мы остановимся на томъ, что объ этой болѣзни говорилось въ разныхъ біогра-

[1]) Эта статья съ письмомъ Паджелло была напечатана въ очень неточномъ переводѣ и съ большими искаженіями противъ оригинала въ „Фигаро" 1881 г.

[2]) Правда, г-жа Луиджія Кодемо привела въ своей книгѣ, безъ указанія источника, часть дневника Паджелло, который теперь перепечатанъ почти полностью въ книгѣ г. Маріетона. Правда, что въ 1881 г. г. Cambiano передалъ г. Barbiera со словъ Паджелло кое какія подробности, относящіяся до Жоржъ Сандъ, тѣмъ не менѣе самъ д-ръ Паджелло ничего не далъ для печати. Въ 1896-мъ году д-ръ Кабанесъ получилъ отъ сына Паджелло и напечаталъ одно изъ ея писемъ: „Объясненіе въ любви Жоржъ Сандъ" и помѣстилъ кромѣ того на страницахъ печати свое interview съ Паджелло, при чемъ выяснилось много подробностей относительно парижской жизни Паджелло и его разлуки съ Жоржъ Сандъ. Эти статьи чрезвычайно возмутили французскихъ друзей Жоржъ Сандъ, и по адресу Паджелло было напечатано много нелестнаго и несправедливо жестокаго. Намъ кажется, что тутъ сыгралъ роль и національный антагонизмъ и что, оставаясь строго правдивымъ и ничутъ не нанося никакого ущерба имени Жоржъ Сандъ, всякій безпристрастный человѣкъ можетъ отдать справедливость и образу дѣйствій Паджелло. Очень жаль, что Паджелло не остался вѣренъ своему рѣшенію и позволилъ сыну переписать и отдать въ руки д-ра Кабанеса „Объясненіе Жоржъ Сандъ". Но съ другой стороны нельзя требовать отъ живого человѣка, а тѣмъ болѣе отъ сына этого живого человѣка, чтобы онъ равнодушно относился къ небылицамъ, разсказываемымъ и о нѣкогда любимой женщинѣ, и о немъ самомъ, и не отвѣтилъ бы просто правдой на прямо обращенный къ нему вопросъ; тѣмъ болѣе, что этимъ отвѣтомъ онъ ничѣмъ не повредилъ памяти великой писательницы, а самое письмо—„Объясненіе" — одна изъ прелестнѣйшихъ страницъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Жоржъ Сандъ, и потому всѣ друзья ея должны радоваться обнародованію ея. А главное — почему, защищая память Жоржъ Сандъ отъ лживыхъ обвиненій, надо непремѣнно если не Мюссе, то Паджелло обвинять? Еще и еще разъ повторяемъ, что пора оставить эту прокурорскую манеру въ вопросѣ психологическомъ.

фіяхъ или quasi-біографіяхъ Мюссе, и главнымъ образомъ на томъ, что говоритъ Пауль Линдау. Линдау, который, какъ мы знаемъ, смотритъ на все глазами брата Мюссе, принимаетъ за достовѣрную истину извѣстныя сцены изъ „Lui et Elle“, гдѣ больной де-Фальконэ по тѣнямъ на ширмахъ и по *одному* стакану на столѣ узнаетъ объ измѣнѣ Олимпіи,—и на этомъ основаніи въ свою біографію Мюссе Линдау включаетъ пересказъ этой возмутительной и неправдоподобной сцены. По этому случаю онъ говоритъ: „Сандъ впослѣдствіи призналась Мюссе въ истинѣ, но публично осталась при утвержденіи, что то, что вправду случилось, было ничто иное какъ діавольское навожденіе разгоряченной фантазіи горячечнаго больного“. Затѣмъ Линдау обвиняетъ Жоржъ Сандъ въ томъ, что она сначала въ „Lettres d'un Voyageur“ съ великимъ талантомъ такъ съумѣла перемѣшать правду съ вымысломъ (Wahrheit und Dichtung), такъ слила всѣ краски, что въ этомъ неопредѣленномъ колоритѣ общаго уже нельзя было разобрать настоящія краски, а можно было — если угодно—вывести заключеніе, что въ числѣ галлюцинацій больного была и извѣстная сцена съ тѣнями на ширмахъ и однимъ стаканомъ на столѣ. Но въ „Elle et Lui“, по словамъ Линдау.

„Жоржъ Сандъ все это уже высказала какъ бы положительно, ей уже недостаточна та редакція, которая оставляла на произволъ читателя мнѣніе, что ея невѣрность относительно Мюссе выдумка, тутъ она захотѣла читателя заставить такъ думать и воспретить ему всякое другое мнѣніе. Въ „Elle et Lui“ совершенно утверждается, что Мюссе убѣдилъ себя въ горячечномъ бреду, что Жоржъ Сандъ измѣняетъ ему“. Приведя затѣмъ слѣдующій бредъ Лорана изъ „*Elle et Lui*“: „Elle seule a le droit de me tuer, — disait-il, je lui ai fait tant de mal. Elle me hait, qu'elle se venge. Ne la vois-je pas à toute heure sur le pied de mon lit dans les bras de son nouvel amant? Allons, Thérèse; venez donc, j'ai soif; versez-moi le poison“... Линдау заявляетъ: „Это изображеніе рѣшительнаго момента и возмутило болѣе всего друзей Мюссе и заставило ихъ отвѣчать Жоржъ Сандъ. Если бы у ней было малѣйшее подозрѣніе, что въ рукахъ Поля де-Мюссе имѣется подлинное сообщеніе объ этой сценѣ, которое Альфредъ продиктовалъ брату, то она навѣрное молчала бы. Она отказалась бы защищаться противъ обвиненія быть по меньшей мѣрѣ сообщницей въ грустной судьбѣ Мюссе, — тѣмъ болѣе, что большинство, которое всегда склонно оправдывать прекрасныхъ дамъ, уже выступило противъ поэта. Жоржъ Сандъ не вызвала бы то уничтожающее (niederschmetternde) возраженіе, написать которое Поль де-Мюссе былъ въ состояніи. Теперь выступилъ Поль де-Мюссе и разоблачилъ ужасную истину. За нѣсколько недѣль до смерти Альфредъ продиктовалъ ему какъ разъ подробный отчетъ объ этой сценѣ, сообщеніе, которое до малѣйшихъ подробностей такъ полно и достовѣрно (correct) было,

что всякая попытка поколебать эту достовѣрность должна была быть заранѣе признана неудачной, такъ убѣдительно, что Жоржъ Сандъ и ея друзья ни разу не сдѣлали попытки поколебать эту достовѣрность. Это-то, изложенное Альфредомъ де-Мюссе, сообщеніе Поль де-Мюссе буквально и перепечаталъ въ своемъ сочиненіи. Такъ какъ онъ пересказываетъ наиточнѣйшимъ образомъ (die zuverlässigste Kunde giebt) объ этой до тѣхъ поръ сохраненной тайнѣ со словъ ближайшаго участника ея, то я и долженъ дословно пересказать это сообщеніе здѣсь. Я только замѣчу, что переводъ совершенно точенъ, только я замѣнилъ псевдонимы (т.-е. имена героевъ романа) настоящими именами...“

Затѣмъ, послѣ маленькаго замѣчанія о внѣшней красотѣ и духовномъ убожествѣ д-ра Паджелло, Линдау влагаетъ въ уста самого Альфреда де-Мюссе пресловутый разсказъ Эдуарда де-Фальконэ о сценѣ измѣны. Мы не станемъ опровергать теперь *фактическихъ* неточностей въ изложеніи Линдау о томъ, какъ и когда написала Жоржъ Сандъ свой романъ, какъ поступилъ Поль де-Мюссе, какъ Жоржъ Сандъ отвѣчала ему въ предисловіи къ „Jean de la Roche“ и какъ она и ея друзья не только не „не дѣлали попытки поколебать достовѣрность“ клеветы Поля де-Мюссе, но даже прямо приняли всѣ мѣры, чтобы напечатать *подлинную корреспонденцію Мюссе и Жоржъ Сандъ*, совершенно опровергающую всѣ эти басни [1]). Все это читатель найдетъ ниже, когда рѣчь коснется *литературы* этого романа между двумя поэтами. Теперь мы коснемся лишь стороны *психологической*, этого утвержденія Линдау. Должны сказать, что мы не имѣли бы рѣшимости опровергать подобный фактъ, какъ никогда не могли бы (какъ это дѣлаетъ Линдау и другіе біографы Мюссе) утверждать, что фактъ этотъ дѣйствительно произошелъ и такъ произошелъ. Полагаемъ, что утверждать или отрицать его могъ бы лишь одинъ изъ трехъ: Мюссе, Жоржъ Сандъ или Паджелло. Можемъ сказать только, что такого факта произойти *не могло*, и не потому, что Жоржъ Сандъ не могла бы измѣнить Мюссе въ грубомъ смыслѣ этого слова, мы даже положительно знаемъ, что впослѣдствіи Паджелло былъ счастливымъ соперникомъ Мюссе.

[1]) *Прим. 1895 г.* Съ этой цѣлью Ж.-Сандъ и написала С.-Беву тѣ письма 20 января и 6 февраля 1861 г., о которыхъ мы уже упоминали и на которыхъ намъ еще придется подробно остановиться. Въ письмѣ 6 февраля Ж.-Сандъ категорически опровергаетъ взводимое на нее обвиненіе, что она будто „завязала новыя любовныя отношенія на глазахъ умирающаго“. Это письмо скоро будетъ обнародовано.

Прим. 1898 г. Теперь письма къ Мюссе напечатаны г. Окантомъ, точно также какъ обнародованы и оба письма къ С.-Беву, сначала въ книгѣ де-Спульберка, потомъ и въ томикѣ Леви.

Но что подобной невѣроятно-низкой, неосторожной, глупой сцены не происходило въ комнатѣ смертельно больного Мюссе — въ этомъ мы тоже убѣждены. Какъ справедливо замѣчаетъ Niecks (біографъ Шопена)—Поль де-Мюссе не можетъ быть освобожденъ отъ упрека въ преувеличеніи—(мы знаемъ, какъ Арведъ Барйнъ называетъ эти *преувеличенія* Поля де-Мюссе) — и что если ужъ выбирать изъ двухъ беллестристическихъ версій, то версія Жоржъ Сандъ, называющая сцену съ тѣнями фантазіей горячечнаго бреда, достовѣрнѣе, чѣмъ версія Поля де-Мюссе, называющаго ее истиной. Но что болѣе всего заставляетъ насъ не вѣрить этой сценѣ,—это то, что Мюссе, тотъ Мюссе, котораго мы знаемъ и любимъ, Мюссе — авторъ „Confession", „Nuits", „Barberine", „Il ne faut jurer de rien" — *не могъ никогда ничего подобнаго* сказать кому бы то ни было, даже брату, даже самому себѣ въ дневникѣ. Какъ, этотъ джентльменъ, этотъ аристократъ, эта деликатная натура, тонко-чувствующая душа — когда-нибудь упомянулъ бы хоть намекомъ о подобной низости, грубости, паденіи когда-то любимой женщины? И мы послѣ этого продолжали бы называть его деликатнымъ, и тонкимъ, и джентльменомъ? Да у него языкъ не повернулся бы, онъ никогда не допустилъ бы себя до подобной мѣщански-грубой болтливости. И еще насъ хотятъ увѣрить, что онъ и сдѣлалъ-то это для того, чтобы отмстить, „сдѣлать всѣ разоблаченія". И насъ хотятъ заставить вѣрить этому — и о комъ же? О нашемъ любимцѣ, одномъ изъ нашихъ немногихъ „избранныхъ", о поэтѣ, такъ высоко стоящемъ надъ грубой толпой по своему духовному развитію и тонкости! Нѣтъ, какъ бы онъ ни страдалъ, какъ бы и въ чемъ сама Жоржъ Сандъ ни признавалась ему впослѣдствіи, но мы не вѣримъ и не хотимъ вѣрить, что Мюссе когда-нибудь могъ поступить такъ некрасиво. Поэтому мы всю тяжесть этого „сообщенія" взваливаемъ на плечи усердныхъ біографовъ и говоримъ то, что уже не разъ въ печати было говорено о Мюссе: онъ ни единымъ словомъ не обвинилъ Жоржъ Сандъ при жизни и какъ ни страдалъ, а съумѣлъ до конца остаться тѣмъ строго порядочнымъ gentilhomme относительно женщины нѣкогда любимой и любившей его,—какимъ его знали и всѣ его друзья и всѣ предметы его любви. Поэтому мы позволяемъ себѣ опровергнуть подлинность „сообщенія". А разъ Мюссе, Жоржъ Сандъ и Паджелло ничего подобнаго *сами* не говорятъ, зачѣмъ мы будемъ вѣрить отвратительной исторіи? Кто насъ можетъ заставить признавать ея существованіе? Нѣтъ, оставимъ этотъ воз-

мутительный разсказъ на отвѣтственности услужливыхъ друзей Мюссе и постараемся забыть, что они хотѣли *и ему* навязать участіе въ распространеніи подобной грубой и психологически-невѣроятной исторіи [1]). Оставивъ всѣ эти розсказни, гораздо лучше перейдемъ теперь къ правдивымъ и трезвымъ письмамъ и разсказу д-ра Паджелло.

„Не помню ни дня, ни часа, но знаю, что меня пригласили сначала не къ Альфреду де-Мюссе, а для того, чтобы сдѣлать кровопусканіе Жоржъ Сандъ. .“—такъ начинаетъ свой разсказъ д-ръ Паджелло [2]).

„Жоржъ Сандъ страдала сильнѣйшими головными болями,—прибавляетъ со словъ Паджелло д-ръ Гарибальди-Локателли, — отъ которыхъ избавлялась только кровопусканіями [3]). Во время одного изъ этихъ невралгическихъ припадковъ и былъ приглашенъ д-ръ Паджелло, чтобы пустить ей кровь, что онъ и сдѣлалъ очень успѣшно, обладая превосходнымъ зрѣніемъ и осязаніемъ. Г-жа Сандъ произвела на него особенно притягательное впечатлѣніе выраженіемъ чрезвычайно умнаго лица и удивительными глазами (per gli occhi stupendi); она не была полна, у нея были полныя и некрасивыя губы и не очень бѣлые зубы, ибо она безпрестанно курила сигаретки, которыя умѣла приготовлять съ удивительной быстротой; въ Венеціи она дѣлала ихъ изъ лучшаго турецкаго табаку“ [4]).

[1]) Г. Морисъ Клуаръ, хотя и являющійся сторонникомъ Мюссе, тѣмъ не менѣе проявилъ большое безпристрастіе и высказываетъ на этотъ счетъ мнѣніе очень опредѣленное и вполнѣ сходное съ нашимъ. Онъ говоритъ: „Mais c'est Paul de Musset et non Alfred qui a écrit cela et pas une ligne d'Alfred ne fait allusion à ce fait; il reproche bien des choses à sa maîtresse, mais jamais cela. Il ne nous paraît guère possible d'admettre que George Sand, épuisée par les veilles, malade elle-même, se soit donnée à un autre homme sous les yeux de celui qu'elle soignait avec un dévouement sans bornes. Toute sa vie elle a protesté là contre; elle s'est défendue, non pas d'avoir été la maîtresse de Pagello, mais de l'être devenue dans les circonstances que voilà. Je parle du fait matériel et non de la „déclaration“, adressée par elle à Pagello et signalée recemment par le d-r Cabanès“... Г. Маріетонъ приводитъ въ своей книгѣ пресловутую „страницу диктовки“—но вѣдь она писана Полемъ де Мюссе!

[2]) Lettera del d-r Pietro Pagello al signor prof. Ercole Moreni à Portofeirajo, 16 nov. 1877.

[3]) Въ Histoire de ma Vie (t. IV, p. 187) Жоржъ Сандъ говоритъ, что именно въ Венеціи она начала впервые страдать сильными мигренями, которыя остались у нея уже на всю жизнь.

[4]) Lettera del d-r Garibaldi-Locatelli al signore prof. Ercole Moreni 17 nov. 1887. Въ этомъ письмѣ находятся чрезвычайно интересныя и симпатичныя подробности о личности д-ра Паджелло, рисующія его какъ честнѣйшаго, серьезнѣйшаго и чрезвычайно строго къ себѣ относящагося человѣка. Между прочимъ оказывается, что всего за два мѣсяца этотъ неутомимый труженикъ и преданный наукѣ человѣкъ, 80 лѣтъ отъ роду, дѣлалъ операцію больному, во время которой поранилъ себѣ палецъ, что и явилось причиной паралича пальца.

„Не могу вспомнить—продолжаетъ д-ръ Паджелло, навѣрное, но кажется до меня уже приглашали другого хирурга [1]) къ Жоржъ Сандъ, чтобы сдѣлать ей кровопусканіе, потому что у ней было трудно найти вену (vena difficilissima),—а потомъ уже позвали меня. Когда я пускалъ кровь Жоржъ Сандъ, то она жила съ Мюссе въ нижнемъ этажѣ гостиницы Danieli и занимала одну комнату и маленькую гостиную. Когда же меня пригласили къ Альфреду де-Мюссе, то я нашелъ ихъ въ верхнемъ этажѣ, выходящемъ окнами на Riva dei Schiavoni, въ большой комнатѣ, гдѣ былъ диванъ, каминъ—съ ширмами передъ нимъ, большой столъ посрединѣ, а рядомъ была слабоосвѣщенная комната съ двумя кроватями“...

„Я познакомился съ Сандъ въ февралѣ 1834 года [2]). Слуга изъ гостиницы Danieli на Riva dei Schiavoni прибѣжалъ позвать меня къ больной французской дамѣ—говоритъ д-ръ Паджелло въ письмѣ, напечатанномъ въ Corriere della Sera [3]).—Я тотчасъ поспѣшилъ туда и увидѣлъ эту даму, съ краснымъ фуляромъ на головѣ, лежащей на диванѣ, а рядомъ съ диваномъ высокаго, тонкаго, бѣлокураго юношу, который мнѣ сказалъ: „Эта дама страдаетъ сильной головной болью и не можетъ избавиться отъ нея иначе, какъ кровопусканіемъ“. Пощупавъ пульсъ, который былъ рѣзкій и напряженный, я пустилъ ей кровь и ушелъ. Я увидѣлъ ее вновь черезъ день; она уже встала, встрѣтила меня любезно и сказала, что чувствуетъ себя хорошо. Около двухъ недѣль спустя тотъ же самый слуга изъ гостиницы пришелъ за мной съ записочкой, подписанной Жоржъ Сандъ [4]). Записочка была написана дурнымъ итальянскимъ языкомъ, но достаточно ясна для того, чтобы я понялъ, что тотъ французскій господинъ (signór francese), котораго я видѣлъ въ ея комнатѣ, очень боленъ, въ непрерывномъ бреду, и что меня просятъ, если возможно, поспѣшить и захватить съ собой и другого какого-нибудь доктора для консиліума, ибо дѣло касается *человѣка, одареннаго большимъ поэтическимъ геніемъ и существа, которое она любитъ больше всего на свѣтѣ.* Я тотчасъ побѣжалъ туда и ко мнѣ присоединился докторъ Зуанини, отличный юноша, мой коллега, ассистентъ при госпиталѣ св. Іоанна и Павла“...

„Впечатлѣніе наружности Мюссе было для меня не ново—говоритъ Паджелло въ письмѣ къ проф. Морени—и то же самое, что и за двѣ недѣли тому назадъ, а именно: тонкое и умное лицо, и организмъ, предрасположенный къ чахоткѣ, что явствовало изъ длины и худобы рукъ, слабаго развитія грудного ящика, вытянутаго лица и красноты щекъ на скулахъ“...

[1]) Это былъ не д-ръ Ребиццо, какъ полагали, а д-ръ Сантини.

[2]) Это было въ началѣ января.

[3]) Также въ „La provincia di Belluno“, Martedi, il 8 marzo 1881, № 20.

[4]) Это письмо, равно какъ и разсказъ д-ра Паджелло напечатаны въ *Illustrazione Italiana* 1 мая 1881, въ статьѣ Rafaello Barbiera „*Una lettera inedita di Giorgio Sand*“. Г. Спульберкъ на стр. *Cosmopolis*, а потомъ и въ своей книжкѣ „*Véritable Histoire*“ привелъ это письмо по-французски и помѣстилъ его точный итальянскій текстъ фотографически воспроизведенный для него наслѣдниками г. Minoret. Мы его переводимъ съ оригинала.

„Мы діагнозировали, что болѣзнь была нервной тифозной лихорадкой [1]). Лѣченіе было долгое и трудное, особенно въ виду безпокойнаго состоянія больного, который втеченіе нѣсколькихъ дней былъ при смерти. Наконецъ дѣло приняло благопріятный оборотъ, и больной мало-по-малу поправился [2]). Во все время Жоржъ Сандъ ухаживала за нимъ съ заботливостью матери, просиживала у его постели дни и ночи, и едва отдыхала нѣсколько часовъ, не раздѣваясь, пока я ее замѣнялъ въ должности сидѣлки [3]).

Почти 17 дней провелъ несчастный поэтъ между жизнью и смертью и почти столько же времени пошло на окончательное выздоровленіе [4]). 7-го марта Жоржъ Сандъ пишетъ Букоарану: „Я все еще не могу уѣхать до окончательнаго выздоровленія моего больного“... (*неизданное*).

... „Когда Мюссе стало лучше,—пишетъ Паджелло д-ру Морени— и онъ всталъ съ постели, Жоржъ Сандъ призналась мнѣ въ нѣкоторыхъ финансовыхъ затрудненіяхъ, вслѣдствіе чего я посовѣтовалъ ей уѣхать изъ этого дорогого отеля. И дѣйствительно, они переѣхали въ болѣе скромное помѣщеніе, въ улицу delle Razze, рядомъ съ отелемъ Danieli. Оттуда Мюссе и уѣхалъ съ парикмахерскимъ подмастерьемъ, который сопровождалъ его до Парижа. Ж. Сандъ провожала его лишь до Мэстры. Это было приблизительно около 24 дней послѣ окончательнаго выздоровленія Мюссе“... [5]).

Жоржъ Сандъ осталась въ Венеціи не только потому, что и „д-ръ Паджелло покорился очарованію большихъ черныхъ глазъ“, а она, измученная бурной, болѣзненной любовью Мюссе вообразила, что наконецъ нашла ту „истинную любовь, которая вѣчно манитъ и никогда не дается“ (какъ говорила Marie Dorval, см. выше). Безъ сомнѣнія простая, цѣльная и искренняя любовь молодого златокудраго [6]) доктора, съ такою

[1]) Мы уже указали на то, что д-ръ Паджелло, изъ деликатности и соблюдая врачебную тайну, не рѣшается назвать бѣлую горячку.

[2]) Corriere della Sera.

[3]) Всѣ біографы Мюссе, даже братъ, даже Линдау, даже виконтесса де Жанзэ единогласно утверждаютъ, что Мюссе поправился только благодаря самоотверженному уходу Жоржъ Сандъ и искусству доктора. См. „Biographie“, „Etude et récit sur A. de Musset“, „Alfred de Musset“, наконецъ статью *Мориса Клуара* съ письмами матери де Мюссе и письмами Жоржъ Сандъ къ г. Татте.

[4]) Histoire de ma Vie, IV t., p. 188.

[5]) Онъ уѣхалъ 29 марта 1834—согласно помѣтѣ на паспортѣ.

[6]) Докторъ Гарибальди говоритъ: ...„da giovine era biondo, quasi rosso, robustissimo, alto, bello. Vecchio ora di ottan'anni, venerando all aspeto, e ancor vigoroso, si leva di buon matino, fa delle passeggiate, puo leggere senza occhiali, e sempre d'un umore allegro; da molti anni, però, e completamente sordo...“ („въ юности онъ былъ бѣлокурый, почти рыжій, очень здоровый, высокій, красивый. Теперь, слишкомъ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, очень почтенный на

преданностью ходившаго за ея больнымъ другомъ,—показалась ей этой истинной и рѣдкой любовью, и она мечтала, наконецъ, найти въ ней покой и миръ душевный. Но Жоржъ Сандъ не разсталась бы съ Мюссе, еслибъ этого не потребовало его здоровье, и еслибъ она могла, наконецъ, развязаться со своими обязательствами относительно издателя и расплатиться съ венеціанскими долгами. Здоровье Мюссе требовало, чтобъ онъ уѣхалъ одинъ, а дѣла Жоржъ Сандъ не позволяли ей вернуться въ Парижъ. Вотъ что она пишетъ 6-го апрѣля Букоарану (это письмо помѣщено въ совершенно искалѣченномъ [1]) видѣ въ Correspondance на стр. 265, I-го тома):

..."Альфредъ уѣхалъ въ Парижъ безъ меня, а я еще останусь здѣсь нѣсколько дней. Вы знаете причины этой разлуки. Со дня на день она становилась все необходимѣе, и ему было бы невозможно путешествовать со мною, не подвергая себя опасности возврата болѣзни... Пришлось положить предѣлъ этимъ опасностямъ, этимъ мученіямъ и разстаться какъ можно скорѣе. Онъ былъ еще очень слабъ для того, чтобы предпринять этотъ длинный путь, и я не вполнѣ спокойна относительно того, какъ онъ его перенесетъ. Но ему было бы вреднѣе остаться, чѣмъ уѣхать, и всякій день, посвященный ожиданію окончательнаго выздоровленія, замедлялъ его вмѣсто того, чтобы ускорить. Итакъ, онъ уѣхалъ подъ охраной человѣка очень внимательнаго и преданнаго. Д-ръ Паджелло отвѣчаетъ за его легкія—насколько онъ будетъ беречься. Я не очень покойна, у меня сердце разрывается, но я сдѣлала то, что я должна была сдѣлать. Мы разстаемся, можетъ быть, на нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть—навсегда. Богъ знаетъ, что теперь будетъ съ моей головой и моимъ сердцемъ. Я чувствую въ себѣ силу для жизни, для работы, для страданья. Наше разставанье съ Альфредомъ дало мнѣ много силъ. Мнѣ было отрадно видѣть, какъ этотъ человѣкъ, такой атеистъ въ любви, такой легкомысленный, такой неспособный, какъ мнѣ сначала казалось, привязаться ко мнѣ,—становился со дня на день все болѣе добрымъ, любящимъ и открытымъ. Если я иногда страдала изъ-за несходства нашихъ характеровъ и особенно нашего возраста, то еще чаще я должна была радоваться на другія отношенія, связывавшіяі насъ. Въ немъ есть такъ много (un fonds) нѣжности, доброты и искренности, которыя должны очаровывать всякаго, кто будетъ его хорошо знать и не судить по его легкомысленнымъ поступкамъ. Сомнѣваюсь, сохранитъ ли онъ любовь ко мнѣ, и въ то же время не сомнѣваюсь. Т.-е. его характеръ и чувственность заставятъ его искать развлеченія съ другими женщинами, но его сердце останется мнѣ вѣрнымъ—я знаю, потому что никто его не понимаетъ лучше меня, и никого онъ лучше не пойметъ. Я сомнѣваюсь, чтобы мы вновь

видъ, онъ все еще крѣпокъ, встаетъ рано, гуляетъ, читаетъ безъ очковъ, всегда веселъ, но уже много лѣтъ, что онъ совершенно оглохъ"). По всему видно, что это была здоровая натура и физически и морально.

[1]) У Арведа Барина приведены частью ненапечатанные отрывки.

сдѣлались любовниками. Мы ничего не обѣщали другъ другу въ этомъ отношеніи, но самыя отрадныя мгновенія нашей жизни будутъ тѣ, которыя мы будемъ проводить вмѣстѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ писать съ дороги и тотчасъ по возвращеніи. Но этого недостаточно для того, чтобъ успокоить мою тревогу. Я прошу васъ повидать его. Онъ пріѣдетъ въ Парижъ, вѣроятно, одновременно съ этимъ письмомъ; скажите мнѣ откровенно, въ какомъ состояніи здоровья вы его найдете. Если онъ у васъ спроситъ ключъ моей квартиры и отъ моихъ бумагъ—дайте ему все безъ исключенія, что онъ захочетъ. Кажется между моими есть и его письма и вещи; нѣсколько картинъ и мелкихъ вещей изъ мебели, находящихся у меня, принадлежатъ ему. Если онъ захочетъ взять ихъ, скажите швейцару, чтобъ онъ пропустилъ все" [1]).

Конецъ письма частью напечатанъ, частью нѣтъ и касается исторіи дуэли Густава Планша и де-Фельида и неудовольствій Жоржъ Сандъ по этому поводу.

Но пока Мюссе еще оставался въ Венеціи, между нимъ, Жоржъ Сандъ и Паджелло установились крайне странныя, восторженныя и идеалистически-возвышенныя отношенія. Арведъ Баринъ называетъ ихъ

„безумными стремленіями къ возвышенному и невозможному". Они изобрѣли,—говоритъ онъ,—извращенія чувства самыя невѣроятныя (bizarres), и въ ихъ интимной жизни произошли сцены, которыя по своей странности доходили до самыхъ смѣлыхъ изобрѣтеній современной литературы. Мюссе, вѣчно жаждавшій искупленія, стремился пожертвовать собою ради Паджелло, который въ свою очередь покорился очарованію большихъ черныхъ глазъ. Паджелло вмѣстѣ съ Жоржъ Сандъ хотѣли „святой дружбой" вознаградить ихъ общую геройскую и добровольную жертву, — и всѣ трое возносились надъ человѣческими дѣлами красотою и чистотою этого идеальнаго союза. Слѣдующимъ лѣтомъ Ж. Сандъ пишетъ Мюссе, что все это казалось имъ такъ просто. „Я любила его, какъ отца, а ты былъ нашимъ общимъ сыномъ". Она напоминаетъ ему тѣ торжественныя впечатлѣнія, „когда ты въ Венеціи вынудилъ у него признаніе любви ко мнѣ, а онъ поклялся тебѣ сдѣлать меня счастливой. О, эта ночь энтузіазма, когда ты, противъ нашей воли, соединилъ наши руки и сказалъ: „Вы любите другъ друга и все-таки вы меня любите, вы мнѣ спасли душу и тѣло". Они увлекли и честнаго Паджелло, не имѣвшаго даже по имени понятія о романтизмѣ, въ свое восхожденіе къ безумію. Паджелло говорилъ Ж. Сандъ: „il nostro amore per Alfredo". Ж. Сандъ повторяла это Мюссе, который плакалъ отъ радостнаго восторга"...

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ времени Баринъ, и мы, какъ и всегда, относимся къ его словамъ съ большою вѣрою.

[1]) Неизданное. Со времени напечатанія нами этой главы въ „Сѣв. Вѣстн." г. Рошблавъ въ своей статьѣ *Fin d'une Légende* напечаталъ отрывокъ изъ этого письма, не напечатанный у Барина. Мы приводимъ это письмо почти цѣликомъ.

Но теперь мы обратимъ вниманіе на одну сторону вопроса, ускользнувшую, повидимому, отъ Барина. Всѣ читатели, вѣроятно, помнятъ исторію *„Жака“* — романъ этотъ написанъ какъ разъ весною 1834 г.—помнятъ, какъ этотъ великодушный мужъ, узнающій о любви жены къ другому, ради ея счастья, рѣшается сначала предоставить ей жить, какъ ей угодно, а затѣмъ хочетъ не только удалиться отъ нея, но исчезнуть и вообще изъ жизни и притомъ такъ, чтобъ его самоубійство имѣло видъ случайной смерти, дабы не оставить невѣрной женѣ даже угрызеній совѣсти. Много было говорено и за и противъ „Жака“. Ни въ одномъ романѣ Жоржъ Сандъ такъ ярко не выступаетъ идея о свободѣ чувства и невозможности казнить за него. Гуманное, благородное отношеніе Жака къ женѣ, которую онъ любитъ, но портить жизнь которой онъ считаетъ себя не въ правѣ за то только, что она перестала его любить— это отношеніе поразило современниковъ, какъ нѣчто неслыханное и невозможное. Одни тотчасъ увидѣли въ немъ—и справедливо—широкій и глубокій взглядъ автора на вопросы чувства и стремленіе указать на возможность разрѣшенія коллизій между супругами и третьимъ лицомъ безъ ревностей, ссоръ, убійствъ и всего того унизительно-жестокаго, что всегда выступаетъ на сцену въ подобныхъ случаяхъ. Другіе—и опять-таки справедливо—замѣчали съ насмѣшкой, что если всѣ мужья, которымъ жены измѣняютъ, должны бросаться въ альпійскія пропасти и галантно уступать дорогу любовникамъ, то это будетъ способъ для женъ и любовниковъ очень удобный, но не вполнѣ согласный со справедливостью. „Жакъ“ вызвалъ множество подражаній во всѣхъ европейскихъ литературахъ. И нѣтъ сомнѣнія, что и „Кто виноватъ“, и „Полинька Саксъ“, и „Что дѣлать“ законныя дѣти „Жака“. Но вотъ на что не было еще никогда обращено вниманія—это то, что личность Жака вовсе не столь вымышлена, какъ намъ это кажется. Примѣръ такого великодушнаго, гуманнаго отношенія къ женщинѣ, полюбившей другого — Жоржъ Сандъ видѣла передъ глазами. Эту мягкость, нѣжность, самопожертвованіе, эту глубину пониманія—проявилъ Мюссе, тотъ самый Мюссе, который такъ безумствовалъ, обижалъ и оскорблялъ Жоржъ Сандъ, когда она его любила, который мучилъ ее ревнивыми подозрѣніями за прошлое,—и который теперь вдругъ, дѣйствительно, необыкновенно-гуманно отнесся къ ея охлажденію. Вмѣсто того, чтобы писать всякія некрасивыя небылицы о венеціанской драмѣ,—біографы Мюссе хорошо бы сдѣлали, еслибъ написали одну только фразу: Мюссе

—прототипъ Жака. И всѣ головы преклонились бы передъ тѣмъ, кто въ дѣйствительной жизни съумѣлъ дать примѣръ такого идеальнаго отношенія къ охлажденію любимой женщины, которое и въ романѣ кажется утопическимъ. Это что-то поистинѣ необычайное, и Арведъ Баринъ напрасно говоритъ съ такой насмѣшечкой объ этихъ отношеніяхъ между Мюссе и Жоржъ Сандъ,—въ нихъ Мюссе является личностью изъ ряду выходящею по самостоятельному и глубокому взгляду на вопросы чувства.

Когда Мюссе уѣхалъ, то̀ страшное напряженіе, въ которомъ Жоржъ Сандъ прожила послѣдніе мѣсяцы, дало себя знать. Она разсказываетъ, что когда, проводивъ Мюссе до Мэстры [1]), она возвращалась въ гондолѣ назадъ, то тутъ только сказались та сверхъестественная энергія и нервное напряженіе, которыя поддерживали ее втеченіе цѣлаго мѣсяца, проведеннаго почти безъ сна, въ вѣчномъ волненіи и заботѣ: у нея сдѣлалась какъ бы галлюцинація зрѣнія, и она видѣла всѣ арки мостовъ опрокинутыми вверхъ ногами [2]). Работать въ такомъ состояніи переутомленія было невозможно. Тѣмъ временемъ наступила чудная итальянская весна. Чувствуя потребность отдохнуть духомъ и набраться новыхъ силъ, Жоржъ Сандъ надѣла свою любезную синюю мужскую блузу, взяла палку въ руки и отправилась вдвоемъ съ Паджелло [3]) въ небольшое путешествіе по Венеціанскимъ альпамъ, которые они и исходили вдоль и поперекъ, вплоть до самаго Тироля. Они дѣлали по 7—8 миль въ день, отдыхали въ первобытныхъ и незатѣйливыхъ деревенскихъ гостинницахъ, не боялись ни солнца, ни непогоды, и Жоржъ Сандъ всѣмъ существомъ своимъ вбирала чудныя впечатлѣнія южной весны въ горныхъ ущельяхъ. Она пересказала намъ эти впечатлѣнія своимъ вдохновеннымъ поэтическимъ языкомъ въ первыхъ трехъ „Письмахъ Путешественника". Вернулись они назадъ лишь тогда, когда у нихъ не хватило ни одежды, ни денегъ. „Я возвратилась въ Венецію съ 7-ю сантимами въ

[1]) Въ письмѣ къ Букоарану — напечатанномъ и ненапечатанномъ — Ж. Сандъ говорила, что проводила его до Виченцы. Въ Histoire de ma vie и въ письмахъ Паджело говорится, что до Мэстры.

[2]) Histoire de ma Vie. t. IV, p. 189.

[3]) Lettera del D-r Pagello al prof. Ercole Moreni: „Мы были въ Бассано, въ гротѣ Parolini близъ Oliero, въ Crespano и опять вернулись въ Бассано"... Въ письмѣ къ Букоарану Ж. Сандъ говоритъ, что посѣтила берега Бренты. Изъ неизданнаго письма Авроры Дюдеванъ къ мужу (отъ того же 6-го апрѣля) видно, что это путешествіе было совершено между 1 и 6 апрѣля.

карманѣ", пишетъ Жоржъ Сандъ Букоарану, сообщая, что черезъ нѣсколько дней она вновь отправится въ путь. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней она посѣтила съ Паджелло острова Венеціанскаго архипелага [1]).

„Послѣ отъѣзда Мюссе, — говоритъ д-ръ Паджелло,—г-жа Сандъ переселилась въ маленькую квартирку въ Санъ-Фантинѣ, которая отдѣлялась залой отъ комнаты, гдѣ я жилъ, но черезъ мѣсяцъ она рѣшилась переѣхать въ квартиру около Ponte di barcaroli, въ переулокъ, который велъ къ мосту, но имени котораго я не помню... Въ этомъ домѣ Сандъ написала „Lettres d'un Voyageur" и романъ „Жакъ"... По вечерамъ у насъ бывали живописецъ Феличе Скіавони, Ладзаро Ребиссо—очень образованный генуэзецъ и мой пріятель, купецъ Давидъ Веберъ, дворянинъ Фаліеръ,—эти послѣдніе были рьяные охотники, съ которыми я ходилъ на охоту, а иногда къ намъ присоединялась и г-жа Сандъ, бродя вдоль болотъ Архипелага... Жоржъ Сандъ, какъ писательницу, мало знали въ Венеціи, и ей было пріятно жить вдали отъ знатоковъ литературы"...

Паджелло еще прибавляетъ: „ни у меня, ни у нея не было никакихъ столкновеній съ австрійской полиціей" — намекая очевидно на извѣстный неприличный случай, разсказываемый Жоржъ Сандъ въ „Histoire de ma Vie". Въ Corriere della sera Паджело пишетъ, что когда Мюссе уѣхалъ, Жоржъ Сандъ поселилась въ

„двухъ маленькихъ комнаткахъ, которыя я нанялъ ей, по ея просьбѣ, въ частномъ домѣ, гдѣ жилъ самъ, ибо по уплатѣ большихъ счетовъ въ гостинницѣ ей приходилось жить очень экономно. Такъ, она и жила рядомъ со мною, который всегда былъ бережливъ и бѣденъ. Когда Мюссе уѣхалъ, г-жа Сандъ принялась неотступно работать. Прежде всего она написала „Lettres d'un Voyageur", при чемъ я ей помогалъ, смѣясь, что она меня въ нихъ изобразила старикомъ въ парикѣ. Потомъ она написала „Жака". Она по 7—8 часовъ быстро писала, безъ поправокъ и такъ и посылала въ печать"... Это же д-ръ Паджелло передавалъ и устно д-ру Гарибальди: „она писала, не останавливаясь, не дѣлая ни единой помарки, и написанную страницу, не перечитывая, посылала къ издателю"...

Паджелло помогалъ ей, когда она писала „Письма Путешественника", во всемъ, что касалось мѣстныхъ условій. Въ этихъ письмахъ она, какъ извѣстно, представила Паджелло въ видѣ стараго врача, къ чему самъ Паджелло отнесся совершенно добродушно и равнодушно. Но не такъ посмотрѣли на это дѣло его близкіе и друзья, а особенно его отецъ, который и безъ того былъ очень недоволенъ этимъ романомъ въ жизни сына,

[1]) „Позднѣе мы посѣтили острова Венеціанскаго архипелага"... пишетъ Паджелло д-ру Морени.

вслѣдствіе чего и написалъ ему строжайшее письмо, полное упрековъ.

По поводу этого письма мы разскажемъ фактъ очень курьезный и доказывающій, что когда Жоржъ Сандъ увѣряла, что она дурная собесѣдница, молчалива, неинтересна и скучна въ обществѣ и даже вовсе не умѣетъ говорить, и когда ея друзья и знакомые подтверждали эту ея молчаливость, неинтересность въ разговорѣ и сдержанность, то и она и они говорили только половину правды. Дѣло въ томъ, что когда Жоржъ Сандъ встрѣчала личность симпатичную ей, понравившуюся или которую она хотѣла убѣдить въ чемъ-нибудь, — то она умѣла бывать увлекательно, необычайно-краснорѣчивой, умѣла производить своимъ словомъ неотразимое впечатлѣніе. И Мюссе, и Шопенъ, которымъ по первому взгляду Жоржъ Сандъ не понравилась,—подпали обаянію ея бесѣды съ перваго же разговора съ нею. M-me де-Мюссе не хотѣла отпускать сына въ Италію, и онъ уже было покорился этому рѣшенію, какъ вдругъ однажды вечеромъ M-me де-Мюссе доложили, что какая-то дама, пріѣхавшая въ каретѣ, проситъ M-me де-Мюссе спуститься внизъ и о чемъ-то поговорить съ ней. M-me де-Мюссе спустилась внизъ въ сопровожденіи лакея. Незнакомая дама—читатель догадывается кто это былъ—стала упрашивать M-me де-Мюссе отпустить сына въ Италію, обѣщая заботиться о немъ, какъ о собственномъ. M-me де-Мюссе не могла не поддаться этимъ убѣдительнымъ словамъ—и Мюссе поѣхалъ въ Италію [1]. Нѣчто подобное случилось и съ отцемъ Паджелло.

Отецъ Паджелло, человѣкъ очень умный и образованный, жившій всегда въ Кастельфранко (въ провинціи Тревизо), написалъ сыну строжайшее письмо съ обязательными упреками.

„Тогда я,—говоритъ Паджелло,—всегда ненавидя ложь, выѣхалъ съ г-жею Сандъ изъ Венеціи и вмѣстѣ съ нею поѣхалъ къ отцу. Онъ встрѣтилъ ее съ самымъ любезнымъ гостепріимствомъ (cortese ospitalità) и, разговаривая съ нею о французской литературѣ, среди разныхъ споровъ такъ былъ покоренъ ея поэтическимъ даромъ слова, что видимо думалъ: „а этотъ бѣглецъ не такъ ужъ неправъ!“ Мы пробыли у него около часу и отправились черезъ Бассано къ гроту Паролини“... и т. д.

Такъ вотъ какъ Жоржъ Сандъ умѣла покорять самыхъ нерасположенныхъ людей своимъ непобѣдимымъ краснорѣчіемъ! Немудрено, что Паджелло утверждаетъ то, что рѣдко говорится о Жоржъ Сандъ, а именно, что

[1]) Paul de Musset. Biographie de Alfred de Musset, стр. 125—126.

„самымъ большимъ ея очарованіемъ было ея удивительное краснорѣчіе, поистинѣ блестящее, великолѣпное, которому нельзя было противостоять“.

Въ воспоминаніи Паджелло Жоржъ Сандъ, впрочемъ, осталась какъ женщина вообще удивительно одаренная и ко всему способная, къ крупному, какъ къ мелкому, вплоть до мелочей обыденной жизни. Онъ разсказываетъ, что

„г-жа Сандъ писала по необходимости, а въ то же время она чрезвычайно любила и всѣ обязанности хозяйки (era apassionatissima per tutti gli uffici di una massaià): въ совершенствѣ приготовляла дичь и рыбу, вышивала, вязала, клеила коробки, рисовала — однимъ словомъ, была отличнѣйшая хозяйка дома. Во время знакомства съ Паджелло она вышила ему диванъ и шесть стульевъ, и живописецъ Ламберто какъ разъ засталъ ее въ то время, когда она, сидя на полу, прибивала вышивку къ одному изъ этихъ стульевъ“ [1]).

Итакъ послѣ отъѣзда Мюссе для Жоржъ Сандъ наступилъ періодъ затишья и работы, и вначалѣ она, казалось, была вполнѣ довольна и счастлива своимъ новымъ образомъ жизни. Венеція привлекла ее всѣми своими живописными сторонами, свободой и простотой общественной жизни и нравовъ, добродушіемъ милаго народа, поэзіей историческихъ воспоминаній, мягкостью климата, даже дешевизною жизни, — и въ своихъ письмахъ и въ „Histoire“ Жоржъ Сандъ часто и подробно описываетъ свою венеціанскую жизнь и говоритъ, что если бы дѣти ея были съ нею, то она не могла бы представить себѣ города, лучшаго чѣмъ Венеція, и что еслибъ она разбогатѣла, то сейчасъ купила бы себѣ одинъ изъ старыхъ венеціанскихъ заброшенныхъ дворцовъ и поселилась бы въ немъ съ дѣтьми, чтобы жить въ уединеніи и работать на свободѣ. Днемъ Жоржъ Сандъ писала, а вечера проводила то на Piazza San Marco, за чашкой кофе, котораго она поглощала громадныя количества, убѣжденная, что это необходимо въ венеціанскомъ климатѣ,— то бродя по старымъ улицамъ, или разъѣзжая въ гондолѣ по каналамъ и лагунамъ Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Паджелло вѣроятно и сочинилъ милую баркароллу на венеціанскомъ діалектѣ „La Serenata“, приводимую въ № II *Писемъ Путешественника*, а также послужившую,—безъ упоминанія имени автора— эпиграфомъ къ одной изъ главъ *„Осады Флоренціи“ Гверацци*.

[1]) По словамъ дочери Паджелло, г-жи Антонини — она даже связала нѣсколько паръ носковъ для брата Паджелло—Роберто, который смѣялся надъ нею, что она какъ то не съумѣла приготовить артишоки. См. статью д-ра Кабанеса въ „Revue hebdomadaire“ 1896 г.

Co i pensieri malinconici
Non te star a tormentar
Vien con mi, montemo in gondola
Andaremo in mezzo al mar. И т. д. и т. д.

Въ томъ же второмъ *Письмѣ Путешественника* приводится и другое стихотвореніе Паджелло:

Con lei sull' onda placida
Errai dalla laguna.
Ella gli sguardi immobili
In te fissava, o luna!
E a che pensava allor?
Era un morente palpito?
Era un nascente amor?

Вообще напрасно французскіе друзья Ж. Сандъ и Мюссе стараются изобразить Паджелло такимъ *illetré*; онъ написалъ очень много стиховъ и пѣсенъ, которыя и до сихъ поръ распѣваются рыбаками его поэтической родины.

А между тѣмъ Мюссе, по пути въ Парижъ, писалъ съ каждой остановки въ Венецію, и письма его не оставляютъ сомнѣнія, что онъ хорошо сознавалъ, кого онъ покинулъ. Онъ пишетъ, что „заслужилъ то, что потерялъ ее, такъ какъ не умѣлъ ее цѣнить, когда она ему принадлежала, и за то, что заставлялъ ее много страдать“. Писалъ онъ еще, что

„почти счастливъ, почти веселъ, потому что наслаждается сладостью самопожертвованія. Онъ ее оставилъ въ рукахъ человѣка, который сумѣетъ сдѣлать ее счастливой, и онъ благодаренъ этому честному малому, онъ его любитъ, онъ не можетъ удержаться, чтобы не плакать, думая о немъ. И хоть она для отсутствующаго только любимый братъ, но она навсегда останется единственной подругой“ [1]).

Жоржъ Сандъ, въ свою очередь, уже 3-го апрѣля пишетъ Мюссе:

„Не безпокойся обо мнѣ, я сильна какъ лошадь, но не говори, чтобъ я была весела и спокойна. Это не такъ-то скоро случится. Ахъ, кто будетъ за тобой ухаживать, и за кѣмъ я буду ходить! Кому я нужна и о комъ я впредь захочу заботиться? Какъ я обойдусь безъ добра и зла, которыя ты мнѣ дѣлалъ?.. Я тебѣ ничего не говорю о Паджелло, развѣ только, что онъ плачетъ о тебѣ почти столько же, какъ и я“...

15 апрѣля она опять пишетъ Мюссе:

„Не думай, не думай, Альфредъ, чтобы я могла быть счастливой съ мыслью, что потеряла твое сердце. Была ли я твоей матерью или

[1]) Приведено у Арведа Баринъ и Маріетона.

любовницей—не все ли равно? Внушала ли я тебѣ любовь или дружбу, была ли я счастлива или несчастна съ тобой,—все это не измѣняетъ состоянія моей души теперь. Теперь я знаю, что люблю тебя, вотъ и все"...

Да, приходится сказать: „вмѣстѣ тѣсно—порознь скучно", хоть эта пословица и звучитъ нѣсколько тривіально. Едва разставшись—и Мюссе и Жоржъ Сандъ поняли, какъ дорога была имъ ихъ мучительная, безпокойная, болѣзненная любовь, — и она вспыхнула съ новой силой. Жоржъ Сандъ стала тосковать о томъ, кто ее мучилъ и оскорблялъ, за кѣмъ надо было ухаживать, какъ за капризнымъ ребенкомъ, кто то проклиналъ, то боготворилъ ее. Новая любовь уже стала казаться прѣсной и скучной. Ей не хватало „вдохновенія", мученія и страсти.

„Паджелло—ангелъ доброты и преданности", пишетъ она, „онъ не нервенъ и не подозрителенъ", онъ окружаетъ ее всевозможными заботами [1]), она его любитъ тоже „впервые безъ страсти"—но она „привыкла страдать", ей необходимо отдавать „тотъ избытокъ энергіи и чувствительности, который въ ней, она должна питать ту материнскую заботливость, которой она привыкла окружать больное и измученное существо. Отчего я не могу жить между вами обоими, не принадлежа ни одному?!."

Мюссе все еще думалъ, что онъ только другъ и постарался, какъ только поправился, развлекаться; но напрасно пустился онъ вновь въ свой прежній свѣтски-разгульный образъ жизни,—сердце его оставалось въ Венеціи. И письма *его* и письма *ея* становились все безпокойнѣе, все горячѣе, хотя оба и продолжали говорить о дружбѣ, и хотя Жоржъ Сандъ не сомнѣвалась, что любитъ Паджелло. Въ этомъ убѣжденіи она, наконецъ покончивъ со всѣми своими обязательными работами и получивъ деньги отъ Бюлоза — при чемъ оказалось, что благодаря милымъ почтовымъ порядкамъ письма и деньги провалялись чуть не два мѣсяца въ почтовой конторѣ, — и такъ, покончивъ со своими дѣлами и собравшись уѣзжать, Жоржъ Сандъ уговорила и Паджелло ѣхать съ нею въ Парижъ. По словамъ д-ра Локателли, Паджелло долженъ былъ, чтобы имѣть возможность ѣхать, — продать почти все, что имѣлъ цѣннаго:

[1]) Отмѣтимъ одну трогательную подробность: Паджелло былъ слишкомъ бѣденъ, чтобъ покупать цвѣты Ж. Сандъ, но зная, какъ она ихъ любитъ и какъ любитъ дѣлать гербаріи, онъ ежедневно вставалъ до зари, отправлялся за городъ иногда доходилъ до предгорья и возвращался съ цѣлыми ворохами рѣдкихъ растеній и чудныхъ цвѣтовъ. Эти цвѣты Ж. Сандъ очень долго хранила и сожгла ихъ лишь много лѣтъ спустя, когда одинъ ея воспитанникъ случайно нашелъ ихъ въ какомъ-то шкапу.

столовое серебро, старыя гравюры и пейзажи масляными красками. Паджелло разсказываетъ, что выѣхавъ изъ Венеціи, они съ Жоржъ Сандъ „сдѣлали поѣздку по ломбардскимъ озерамъ, изъ Милана направились въ Шамуни, восходили на Монъ-Бланъ [1]), до самаго Большаго Ледника и Монтеверде, а оттуда, черезъ Женеву, направились въ Парижъ, куда и прибыли 14-го августа [2]).

Когда Жоржъ Сандъ и Паджелло пріѣхали въ Парижъ, то всѣ три героя драмы (или „комическаго фарса-буффъ", какъ ее называетъ Паджелло) очутились въ неловкомъ и странномъ положеніи. Что было идеально, прекрасно и возвышено въ Венеціи,—здѣсь показалось дикимъ, безразсуднымъ и даже смѣшнымъ. Друзья Жоржъ Сандъ встрѣтили Паджелло съ скрытыми насмѣшками и нескрываемымъ недоброжелательствомъ. Жоржъ-Сандъ уже начинала тяготиться любовью Паджелло, а бѣдный Паджелло чувствовалъ всю неловкость своего положенія гораздо болѣе, чѣмъ полагаютъ всѣ біографы Мюссе и чѣмъ полагала сама Жоржъ Сандъ, ибо, какъ видно изъ его писемъ и разсказовъ, это былъ очень деликатный и чуткій человѣкъ (хотя и не обладавшій широкими взглядами Мюссе на вопросы чувства), а вовсе не тотъ „простоватый красавецъ", какимъ его желаетъ выставить, напр., Линдау. Между нимъ и Жоржъ Сандъ явилась натянутость и принужденность.

Между тѣмъ Мюссе, узнавъ о возвращеніи Жоржъ Сандъ, сталъ умолять о свиданіи, чтобы навѣки проститься съ своею любовью и покориться затѣмъ своей участи. Увы, свиданіе это было роковымъ. Въ первую минуту оба почувствовали какъ бы облегченіе и успокоеніе и спѣшили увѣрить другъ друга, что отъ прошлаго у нихъ осталась только „святая дружба". Подъ

[1]) Въ *неиздан.* письмѣ Ж. С. къ г. Дюдевану изъ Милана, отъ 30 іюля, говорится о томъ, какъ она посѣтила озера Garda, Iseo, Maggiore, перебралась черезъ Симплонъ, побывала въ Мартиньи, на Монбланѣ, С. Бернарѣ, описывается миланскій соборъ, музей, красота итальянской природы, и даже земледѣліе въ Ломбардіи и пути сообщенія, при чемъ по поводу состоянія дорогъ замѣчается, что мужъ правъ, говоря „что абсолютныя правительства въ этомъ отношеніи лучше всего".

[2]) Письмо Ж. Сандъ къ Ф. Роллина помѣчено „Парижъ, 15 августа 1834 г." и начинается словами: „Я нашла твое славное апрѣльское письмо въ Парижѣ, вчера, вернувшись изъ Венеціи, гдѣ провела весь годъ..." и т. д. Изъ писемъ къ сыну видно, что она торопилась въ Парижъ ко дню акта и раздачи наградъ въ коллежѣ, гдѣ былъ Морисъ, — а это должно было происходить 18 августа. Въ Histoire de ma Vie поэтому не совсѣмъ точны слова: „Я уѣхала изъ Венеціи въ концѣ августа". Это было въ концѣ іюля.

впечатлѣніемъ этого свиданія Мюссе написалъ на другой день письмо Жоржъ Сандъ [1]). Письмо это — прелестное по своей задушевности и чистотѣ чувства—было самообманомъ, и, какъ всякій обманъ, и этотъ обманъ не продержался долго. И Мюссе и Жоржъ Сандъ увидѣли, что не переставали любить другъ друга, каждый винилъ себя въ томъ, что потерялъ счастье по собственной винѣ. Страсть Мюссе вспыхнула съ новой силой, и онъ тутъ только понялъ ясно, насколько Жоржъ Сандъ была выше всѣхъ встрѣчавшихся до сихъ поръ на его пути женщинъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Жоржъ Сандъ испытывала то же. Тоска по потерянному счастью, укоры совѣсти, безнадежная грусть стали грызть ее до такой степени, что она стала помышлять о самоубійствѣ. Въ ужасѣ и горѣ отъ невозвратности всего содѣяннаго ими, отъ сознанія той сложной путаницы отношеній, въ которой они всѣ очутились, Жоржъ Сандъ и Мюссе просто бѣжали изъ Парижа: она въ Ноганъ, онъ въ Баденъ. Паджелло обѣщалъ тоже пріѣхать въ Ноганъ и даже получилъ приглашеніе отъ самого г. Дюдевана, но былъ настолько чутокъ, что не воспользовался этимъ приглашеніемъ и остался одинъ въ Парижѣ.

Жоржъ Сандъ, очутившись въ Ноганѣ, совершенно упала духомъ и предалась самому мрачному отчаянію. Она стала хладнокровно и упорно думать о самоубійствѣ, и свиданіе съ друзьями юности: Флери, Дюверне, Папе, Роллина, Неро и ихъ женами, вмѣсто того, чтобы утѣшить ее, только еще болѣе растравило ея раны, показавъ, какъ далека она сама отъ своей прежней жизни, какъ самая преданная дружба не въ состояніи помочь человѣку, мучающемуся отъ другого чувства —и главное, она почувствовала, какъ это и всегда бываетъ въ несчастьѣ, вѣчное одиночество каждаго человѣка. Всѣ напечатанныя и ненапечатанныя письма Жоржъ Сандъ этого времени: къ Роллина, Папе, Букоарану и Неро и „*Письма Пу-*

[1]) Оно было впервые напечатано г. Hédouin („Yorick“) въ „Homme Libre“ отъ 14 апрѣля 1877 и перепечатано 28 апр. 1882 въ „Figaro“. Отрывки изъ него приводятся въ Воспоминаніяхъ Греньe и въ книгѣ Барина. Оно оканчивается стихотвореніемъ, не вошедшимъ ни въ одно изданіе сочиненій Мюссе, точно также какъ и всѣ 5 сонетовъ, посвященныхъ Жоржъ Сандъ. Такова ненависть Поля Мюссе къ великой писательницѣ: онъ предпочелъ лишить поклонниковъ поэта этихъ прелестныхъ стиховъ — лишь бы не помянуть имени Ж. Сандъ. Одно же стихотвореніе, напечатанное въ томѣ „Poésies Nouvelles“ онъ не соблаговолилъ озаглавить ради той же похвальной цѣли, ибо и оно относится къ Ж. Сандъ, это то, которое начинается словами „Se voir le plus possible“... и помѣщено безъ обозначенія года.

тешественника" — полны такого мрачнаго отчаянія, жгучей тоски и безнадежнаго унынія, что нельзя сомнѣваться въ искренности ея намѣренія „поскорѣе покончить" — какъ она прямо пишетъ Букоарану. „Жизнь ей не мила" [1]). И въ то же время ее мучитъ мысль о Паджелло, котораго она точно бросила одного въ Парижѣ. И она умоляетъ Букоарана позаботиться о немъ, о его здоровьѣ, узнать не надо ли ему денегъ, но „отъ женщины онъ никогда не возьметъ, даже въ долгъ" — пишетъ она Букоарану 10 сентября [2]) — такъ надо устроить это не отъ ея имени. Она проситъ уговорить Паджелло пріѣхать въ Ноганъ, но сама почему-то не рѣшается ему писать, хотя и тревожится, не получая отъ него обѣщанныхъ писемъ. Она простираетъ свои заботы до того, что проситъ Букоарана поселить рядомъ съ комнатой Паджелло—горничную, или кухарку Адель, чтобъ онъ не оставался одинъ, если онъ боленъ. Но Паджелло, при всей своей скромности и, можетъ быть, посредственности, былъ не изъ тѣхъ людей, которые позволяютъ, чтобы о нихъ заботились посторонніе, а особенно женщины. Правда, онъ не сумѣлъ отнестись къ охлажденію Жоржъ Сандъ съ великодушіемъ Мюссе; пока она была въ Парижѣ, онъ дѣлалъ ей сцены и проявлялъ даже такую ревность, что распечаталъ какое-то письмо. Но когда онъ понялъ, что его роль кончена—онъ гордо отстранилъ всякія заботы о себѣ и просто и коротко все порвалъ. Все, что говорится объ его отъѣздѣ и у Линдау, и у Барина — совершенно невѣрно. Паджелло не только не былъ „немедленно отправленъ" назадъ въ Венецію, но даже и самъ не тотчасъ уѣхалъ домой. Покинутый Авророй Дюдеванъ, онъ обратился къ той возлюбленной, которая всегда утѣшаетъ своихъ вѣрныхъ поклонниковъ—къ наукѣ, и въ ней дѣйствительно нашелъ утѣшеніе. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, онъ сталъ серьезно слушать лекціи по разнымъ, занимавшимъ его спеціально, вопросамъ хирургіи—и вынесъ отсюда свѣдѣнія, сдѣлавшія его впослѣдствіи однимъ изъ лучшихъ хирурговъ Италіи. (Онъ особенно прославился операціями lithotritiae). Затѣмъ онъ, какъ и пріѣхалъ, на свои грошевыя средства, такъ и уѣхалъ. Втеченіе всей своей жизни

[1]) Въ Histoire (т IV стр. 299—300) Жоржъ Сандъ объясняетъ свое тогдашнее настроеніе болѣзнью печени и вообще желаетъ ослабить впечатлѣніе, производимое „Письмами Путешественника". Гораздо справедливѣе сказать, что если у Ж. Сандъ болѣзнь печени и была наслѣдственной отъ матери и давно подготовлялась, то развилась она именно теперь, подъ вліяніемъ горя.

[2]) Неизданное.

онъ свято хранилъ тайну своей любви и никогда ни единымъ словомъ не защитилъ себя въ печати, когда про него, Богъ знаетъ, что разсказывали и свои и иностранные писатели, и лишь когда въ 1881 г. Рафаэлло Барбіэра перечаталъ его „Serenata“ и по этому поводу въ итальянской печати возникла цѣлая литература о венеціанской поѣздкѣ Жоржъ Сандъ, — только тогда, по настоятельнымъ требованіямъ друзей, онъ написалъ въ Corriere della sera появившееся и въ Provincia di Belluno письма, отрывки изъ которыхъ мы приводили.

Однако, возвратимся къ Мюссе и Жоржъ Сандъ. Пока она мучилась и тосковала въ Ноганѣ, Мюссе поѣхалъ лѣчиться и отдыхать въ Баденъ. Но напрасно братъ-біографъ хочетъ увѣрить насъ, что въ это время сердце поэта окончательно успокоилось. Не то говорятъ намъ его письма къ Жоржъ Сандъ — къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизданныя цѣликомъ и приводимыя въ отрывкахъ Гренье, Бариномъ, Сентъ-Бевомъ, Маріетономъ и др. Это цѣлая поэма любви въ письмахъ,—поэма, которую нельзя читать безъ глубокаго волненія и страстнаго сочувствія. Эти страницы дышатъ жгучей, мучительной страстью и въ то же время глубокой нѣжностью; огненныя, безумныя слова перемѣшиваются на нихъ съ тѣми милыми ребячествами, безъ которыхъ не обходится ни одна искренняя любовь. Мюссе осыпалъ Жоржъ Сандъ письмами, умолялъ ее о любви, обѣщалъ все простить, все забыть; ему все равно, что она любитъ другого, что между ними обоими стоятъ какіе-то призраки долга и еще чего-то. Ему ни до чего нѣтъ дѣла, онъ знаетъ одно, что любитъ, любитъ, любитъ ее, гибнетъ, тонетъ въ этой любви, умираетъ отъ жажды. Жоржъ Сандъ боялась повѣрить вновь счастью, боялась сдаться, но первое же ея письмо къ Букоарану послѣ того письма 10 сентября, отрывки котораго мы привели —письмо отъ 13 сентября показываетъ какой-то поворотъ въ настроеніи: отчаянія и тоски въ немъ уже не слышится, наоборотъ, оно дышетъ бодростью и оканчивается словами: „До свиданья, мы скоро увидимся. Дайте мнѣ вѣсточку о моемъ другѣ. Найдите мнѣ горничную...“ Сентябрь прошелъ во взаимномъ мученіи и самоотравленіи воспоминаніями. Но въ началѣ октября Жоржъ Сандъ пріѣхала въ Парижъ — и все было забыто, все,—кромѣ любви!

Но не на радость сошлись вновь несчастные любовники. Старое счастье было отравлено ужасными воспоминаніями, запятнано и искалѣчено. Новыя отношенія повели къ старымъ безумствамъ, старымъ страданіямъ, ссорамъ, упрекамъ и при-

миреніямъ — но старой духовной связи уже не было. Жизнь стала обоимъ невыносима. Человѣческое достоинство гибло въ этой непрерывной смѣнѣ оскорбительныхъ сценъ, мучительныхъ раскаяній и примиреній. Мюссе первый утомился и порвалъ эту связь, при чемъ опять, какъ это практиковалось между ними — они нашли нужнымъ извѣстить о разрывѣ своихъ наперсниковъ: онъ—Татте, а она—Сентъ-Бева. Это было въ ноябрѣ, и Жоржъ Сандъ опять уѣхала въ Ноганъ. Обоимъ казалось, что это окончательный конецъ, оба смертельно устали. Жоржъ Сандъ не только была сама увѣрена, что все кончено, но хотѣла увѣрить въ этомъ своихъ друзей. Она пишетъ 14 декабря Букоарану:

„если вы хотите сообщить мнѣ что-нибудь непріятное, то не говорите мнѣ о немъ, и такъ какъ я болѣе никогда не возвращусь къ этой несчастной любви, то совершенно безполезно увеличивать мои страданія“ [1]).

Нѣсколько ранѣе, 6 декабря, она еще бодрѣе говорила о своей любви, какъ о чемъ-то окончательно прошедшемъ.

Но когда она въ концѣ декабря вернулась въ Парижъ — все благоразуміе ея разлетѣлось, какъ дымъ; та любовь, которая казалась невыносимымъ мученіемъ, освобожденію отъ которой Жоржъ Сандъ только-что радовалась, пока была въ Ноганѣ — теперь оказалась потеряннымъ раемъ, единственнымъ счастьемъ жизни; въ ней—все, безъ нея—ничего! Теперь Мюссе не хочетъ ее видѣть, а она не можетъ съ этимъ примириться; измученная, больная, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, она бродитъ какъ тѣнь, сходитъ съ ума отъ любви, умоляетъ его о свиданіи, о прежнемъ счастьѣ [2]). Не зная чѣмъ убѣдить любимаго человѣка въ своей искренности, какъ доказать ему свою любовь,— Жоржъ Сандъ въ одинъ прекрасный день обстригла свои тяжелыя чудныя косы, которыми Мюссе такъ любовался, и послала ему ихъ. Когда Мюссе распечаталъ пакетъ и увидѣлъ обрѣзанными тѣ черныя кудри, которыя онъ такъ часто цѣловалъ—онъ расплакался надъ ними и... 14 января Жоржъ Сандъ съ торжествомъ пишетъ Татте, который старался не допустить ихъ видѣться вновь, „Alfred est redevenu mon amant“. Какъ видно:

[1]) Неизданное

[2]) Ж. Сандъ пыталась писать Мюссе, но не посылала этихъ безконечныхъ изліяній, или, вѣрнѣе, этого — дневника (который мы имѣли случай прочесть). Она переслала его Мюссе лишь послѣ окончательнаго разрыва. Это необычайныя по красотѣ языка, глубокой страстности и рѣдкой искренности страницы. Съ нихъ существуетъ нѣсколько копій въ частныхъ архивахъ.

Мюссе хитрилъ съ самимъ собою, увѣряя, что все у него прошло; прежняя любовь все еще была жива.

Но это былъ уже послѣдній и самый ужасный приступъ болѣзни. Всѣ тѣ безобразныя сцены, безумныя ласки и страшныя ссоры, которыя бывали прежде, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило втеченіе этого января 1835 года. И Мюссе и Жоржъ Сандъ окончательно измучились въ этихъ непрестанныхъ униженіяхъ, примиреніяхъ, желаніи любить „по хорошему“—и невозможности вѣрить другъ другу и жить общею духовною жизнью. Отъ любви не оставалось уже ничего, кромѣ страсти. Бывшіе друзья окончательно перестали понимать другъ друга, окончательно убѣдились, что они разные люди, и что жизнь вмѣстѣ стала невозможна — и только не знали, какъ порвать. На этотъ разъ иниціатива разрыва принадлежала Жоржъ Сандъ. Вотъ курьезное письмо, которое она написала Букоарану 6 марта 1835 года:

„Мой другъ, помогите мнѣ уѣхать сегодня, ступайте въ почтовую контору въ полдень и удержите для меня мѣсто. Потомъ заходите ко мнѣ, и я скажу, что надо сдѣлать. Впрочемъ, на тотъ случай, что мнѣ нельзя будетъ сказать это вамъ,—что́ весьма возможно, потому что мнѣ будетъ очень трудно обмануть заботливость Альфреда, — я вамъ это сейчасъ объясню въ двухъ словахъ. Вы придете ко мнѣ въ 5 часовъ съ озабоченнымъ и дѣловымъ видомъ, вы скажете мнѣ, что моя мать только-что̀ пріѣхала, что она очень устала и довольно серьезно больна, что ея служанка не дома, что я ей необходима немедленно и что мнѣ нужно туда пойти тотчасъ же. Я надѣну шляпу, скажу, что скоро вернусь, и вы меня усадите въ карету. Зайдите днемъ за моимъ дорожнымъ мѣшкомъ, вамъ будетъ легко унести его незамѣтно и вы отнесете его въ контору. Отдайте поправить мою дорожную подушку, которую я вамъ посылаю, а замокъ потерянъ. Прощайте. Приходите тотчасъ, если можете, но если Альфредъ будетъ дома, то не имѣйте вида такого, что вамъ что-нибудь надо сказать мнѣ. Я выйду въ кухню, чтобы поговорить съ вами“ [1]).

Все такъ и было сдѣлано, какъ придумала Жоржъ-Сандъ, ибо 9 марта Мюссе пишетъ Букоарану:

„М. Г. Я только что былъ у г-жи Сандъ, гдѣ мнѣ сказали, что она въ Ноганѣ. Будьте такъ добры, скажите мнѣ, справедливо ли это извѣстіе. Такъ какъ вы видѣли М-me Сандъ сегодня утромъ, то вы могли узнать, какія были у ней намѣренія; а если она должна была уѣхать лишь завтра, то вы, можетъ быть, можете сказать мнѣ, не думаете ли вы, что у ней былъ какой-нибудь поводъ желать не видѣть меня до отъѣзда. Мнѣ нечего прибавлять, что въ такомъ

[1]) *Примѣч. 1895 г.*: Неизданное. *Примѣч. 1898*: Съ тѣхъ поръ оно вновь напечатано въ книгѣ г. де Спульберка.

случаѣ я покоряюсь ея волѣ (respecterai ses volontés). Альфредъ де-Мюссе“ [1]).

9 марта Жоржъ Сандъ пишетъ Букоарану изъ Ногана:

„Мой другъ, я доѣхала въ добромъ здоровьи и нисколько неусталая до Шатору въ 3 часа пополудни; я видѣла вчера всѣхъ своихъ друзей въ Ла-Шатръ, Роллина поѣхалъ со мною, и я обѣдала съ нимъ у Дютейля. Я принимаюсь за работу для Бюлоза. Я очень спокойна. Я сдѣлала то, что должна была. Единственно, что меня тревожитъ, это здоровье Альфреда. Дайте мнѣ вѣсточку и опишите, ничего не измѣняя и не смягчая, равнодушіе, гнѣвъ или огорченіе, которое онъ проявилъ при извѣстіи о моемъ отъѣздѣ. Мнѣ важно знать истину, хотя ничто не можетъ измѣнить моего рѣшенія. Извѣстите меня и о моихъ дѣтяхъ — Морисъ кашляетъ ли еще? Или онъ въ воскресенье вечеромъ вернулся здоровый? Соланжъ также кашляла немного“ [2]).

Уѣзжая, Жоржъ Сандъ поручила Букоарану передать Мюссе какой-то „пакетъ“: въ этомъ пакетѣ и находился тотъ дневникъ, который она вела втеченіе зимы, пока не видѣлась съ Альфредомъ, и въ которомъ она и исповѣдуется съ необычайной искренностью въ прошломъ и говоритъ о своей любви къ Мюссе самыми горячими, безумными, трепещущими страстью словами; каждая строчка дышитъ мучительной тоской по потерянномъ счастьѣ, полна жгучаго страданія и глубокой задушевной нѣжности. Мы говорили уже объ этомъ *дневникѣ*. Имъ несомнѣнно пользовался Поль Мюссе для своего романа — это не дѣлаетъ чести ни ему, ни Альфреду, такъ плохо его берегшему [3]).

Букоаранъ, кажется, вообразилъ, что такъ какъ онъ такимъ образомъ помогъ любовникамъ разойтись, то это даетъ ему право осуждать Мюссе или говорить о немъ все, что онъ думаетъ. Вѣроятно, въ отвѣтъ на вопросы Жоржъ Сандъ онъ отвѣчалъ ей въ рѣзкихъ выраженіяхъ о Мюссе, потому что вотъ что она ему пишетъ 15 марта [4]):

[1]) *Примѣч. 1895 г.*: Неизданное. *Примѣч. 1898*: Съ тѣхъ поръ вновь напечатано въ статьѣ г. Мориса Клуаръ въ Revue de Paris 1896 г.

[2]) *Примѣч. 1895 г.*: Неизданное. *Примѣч. 1898*: Со времени напечатанія этой главы на стр. „Сѣв. Вѣст.“ отрывокъ изъ него былъ напечатанъ въ книгѣ г. де Спульберка. Такимъ образомъ русскіе читатели не замѣтили, что нами были еще въ 1895 году впервые обнародованы эти 3 совершенно неизвѣстныя до тѣхъ поръ письма.

[3]) M-me Арведъ Баринъ, гг. де Спульберкъ, Маріетонъ и Рошблавъ цитировали изъ него отрывки.

[4]) Тоже неизданное. Арведъ Баринъ, приводя отрывки этого письма, помѣтила его 14-мъ марта.

„Мой другъ, вы напрасно говорите мнѣ объ Альфредѣ. Теперь вовсе не время говорить мнѣ о немъ дурно, у меня силы слишкомъ достаточно, и если бы то, что вы думаете, было справедливо, слѣдовало бы это отъ меня скрыть. Презирать гораздо тяжелѣе, чѣмъ сожалѣть. Впрочемъ, ни то, ни другое со мной не случится. Я не могу сожалѣть о бурной и несчастной жизни, которую я бросила, но и не могу презирать человѣка, котораго такъ хорошо знаю, какъ человѣка чести. У меня достаточно причинъ удалиться отъ него, не изобрѣтая вымышленныхъ. Я просила васъ только сообщить мнѣ о его здоровьѣ и о впечатлѣніи, произведенномъ моимъ отъѣздомъ. Вы говорите, что онъ здоровъ и что онъ не проявилъ никакого огорченія. Это все, что мнѣ было нужно знать и это самое лучшее, что я могу узнать. Я только и хотѣла покинуть его, не причиняя ему страданія. Если это такъ—слава Богу. Не говорите о немъ ни съ кѣмъ, а особенно съ Бюлозомъ. Бюлозъ всегда судитъ вкривь и вкось и, кромѣ того, тотчасъ пересказываетъ всѣмъ то, что о нихъ говорятъ худого и что онъ самъ говоритъ о нихъ худого. Это отличный человѣкъ, но опасный другъ. Будьте осторожны съ нимъ, а то онъ васъ серьезно поссоритъ съ Мюссе, поощряя васъ дурно говорить о немъ. Тогда я оказалась бы замѣшанной въ эти сплетни, а это было бы для меня отвратительно. На всѣ вопросы имѣйте готовый отвѣтъ: „Я не знаю“. Это скоро сказано и никого не компрометируетъ“... [1]).

Отсюда ясно, что если Жоржъ Сандъ сознавала, что связь между нею и Мюссе не можетъ далѣе продолжаться, то все-таки она можетъ и любить и цѣнить его, какъ человѣка, какъ душу, и не могла спокойно слушать, когда о немъ отзывались дурно, или осуждали его. Уже за годъ передъ тѣмъ, 17-го іюля 1834 года, послѣ отъѣзда Мюссе изъ Венеціи, когда Букоаранъ позволилъ себѣ что-то сказать о немъ не слишкомъ уважительное, Жоржъ Сандъ отвѣтила ему слѣдующими словами:

„Причины, которыя отдавали мою жизнь во власть случая, навѣки уничтожены, я покончила со страстями. Послѣдняя изъ нихъ сдѣлала мнѣ всего болѣе зла, но это единственная, въ которой я не раскаиваюсь, потому что въ моихъ огорченіяхъ не была виновата ни я, ни другой. Вы говорите, что вы его не одобряете мой другъ. *Такъ много вещей естъ между двумя любовниками, въ которыхъ они одни на свѣтѣ могутъ быть судьями*“...

Эту послѣднюю фразу слѣдовало бы запомнить твердо всѣмъ тѣмъ, кто находитъ нужнымъ обвинять и судить одну изъ двухъ сторонъ этой печальной исторіи.

Мюссе со своей стороны не только сохранялъ память о

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что когда Жоржъ Сандъ оставалась въ Венеціи, а Мюссе былъ въ Парижѣ, то онъ устраивалъ вмѣстѣ съ Букоараномъ всѣ ея денежные дѣла и разсчеты съ Бюлозомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ неизданныя письма Жоржъ Сандъ отъ 9 мая, 20 и 27 іюня 1834 г.

своей возлюбленной въ лучшемъ уголкѣ души, но и сталъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе „создать ей памятникъ“, о которомъ онъ писалъ ей въ прошломъ году, когда говорилъ:

. .„Я напишу романъ. Мнѣ очень хочется написать нашу исторію. Мнѣ кажется, что это меня вылѣчитъ и возвыситъ мое сердце. Я хотѣлъ бы воздвигнуть тебѣ алтарь, хоть изъ собственныхъ моихъ костей... Я не умру, не написавъ книги о себѣ и о тебѣ, особенно о тебѣ. Нѣтъ, моя прекрасная, моя святая невѣста, ты не ляжешь въ холодную землю безъ того, чтобы она узнала, кто по ней ходилъ. Я клянусь тебѣ моей молодостью и моимъ геніемъ, что на твоей могилѣ выростутъ только безпорочныя лиліи. Вотъ этими самыми руками я воздвигну тебѣ эпитафію изъ мрамора болѣе чистаго, чѣмъ статуи нашихъ однодневныхъ знаменитостей. Потомки будутъ повторять наши имена, какъ имена тѣхъ безсмертныхъ любовниковъ, у которыхъ одно общее имя вдвоемъ—какъ у Ромео и Юліи, у Элоизы и Абеляра. Никогда не будутъ говорить объ одномъ безъ другого... Я окончу нашу исторію гимномъ любви...“ [1]).

Если уже и раньше и Мюссе и Жоржъ Сандъ, повинуясь всегдашнему стремленію субъективныхъ поэтовъ, невольно повѣдали міру о своихъ страданіяхъ [2]) — одинъ въ „Nuits“, другая въ „Письмахъ Путешественника“, произведеніяхъ чисто лирическихъ, то теперь Мюссе уже сознательно привелъ въ исполненіе проектъ „написать книгу о себѣ и о *ней*...“ Въ 1836 году вышла „Confession d'un enfant du siècle“, которая является *взглядомъ* Мюссе на ихъ общую исторію. И вѣрно читатель помнитъ и „гимнъ любви“, которымъ оканчивается 3-я часть; можетъ быть никогда торжествующая любовь не написала ничего болѣе прекраснаго, какъ эта знаменитая глава, начинающаяся словами: „Вѣчный ангелъ счастливыхъ ночей, кто передастъ твое молчаніе? О поцѣлуй, таинственный напитокъ, что, какъ двѣ жаждущія чаши, льютъ другъ другу уста...“

Ниже мы будемъ говорить о „Confession“, какъ и о другихъ произведеніяхъ Мюссе и Жоржъ Сандъ, явившихся или написанныхъ подъ взаимнымъ вліяніемъ двухъ поэтовъ другъ на друга. Теперь приведемъ то, что сказала Жоржъ Сандъ въ письмѣ къ

[1]) Поль де-Мюссе, который, какъ извѣстно, во что бы то ни стало впослѣдствіи хотѣлъ умалить и роль Жоржъ Сандъ въ жизни брата и его любовь къ ней, пытался опровергнуть подлинность этого письма, но не могъ. Эти строки мы заимствуемъ изъ того письма Мюссе, о которомъ говорили выше, оно напечатано было Іорикомъ (г. Гедуэнъ въ „Homme libre“ 1877 г.).

[2]) M-me Арведъ Баринъ очень мило замѣчаетъ, что съ „этого момента исторіи этой любви насъ начинаетъ преслѣдовать какъ бы маленькій запахъ типографскихъ чернилъ—это всегдашняя дань любви между поэтами“... Это очень мѣткое и вѣрное замѣчаніе.

m-me д'Агу, когда прочла присланный ей Альфредомъ со собственноручной надписью экземпляръ „Confession". Мы уже упоминали выше объ этомъ письмѣ отъ 25 мая 1836 г., напечатанномъ въ „Correspondance" съ пропускомъ какъ разъ этихъ, относящихся до Мюссе, строчекъ:

„*Исповѣдь сына вѣка*" меня очень тронула. Малѣйшія подробности несчастной любви (d'une intimité malheureuse) переданы въ ней такъ вѣрно, такъ тщательно, съ первой минуты до послѣдней, начиная съ „сестры милосердія" и кончая „безумной гордячкой",—что, закрывъ книгу, я расплакалась, какъ дурочка... Я все еще питаю къ нему, сознаюсь вамъ, глубокую нѣжность матери, въ глубинѣ сердца. Я не могу безъ гнѣва слышать, когда дурно говорятъ о немъ..."

Мы видимъ, что ни съ той, ни съ другой стороны все еще не было ничего враждебнаго. И Мюссе и Жоржъ Сандъ не только продолжали и послѣ того обмѣниваться письмами, то ради указанія услуги кому-нибудь изъ общихъ друзей, то поручая другъ другу какое-нибудь дѣло,—но даже изрѣдка и видались. Такъ, напр., сенъ-симонистскій „пѣвецъ" Венсаръ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) что когда въ началѣ 1836 года Жоржъ Сандъ посѣтила одно изъ вечернихъ собраній сенъ-симонистовъ въ Менильмонтанѣ, то ее сопровождалъ Альфредъ де-Мюссе.

Но друзья (?!) обѣихъ сторонъ тѣмъ временемъ старались возстановить Мюссе и Жоржъ Сандъ другъ противъ друга, какъ они ни усиливались защитить другъ друга отъ всѣхъ этихъ сплетенъ и злословія услужливыхъ медвѣдей. Въ 1838 году Жоржъ Сандъ пишетъ Мюссе:

„*19 апрѣля*... Мой милый Альфредъ, я не хорошо поняла конецъ твоего письма... (въ началѣ она отвѣчаетъ ему на его просьбу о какой-то услугѣ общему знакомому). Я не понимаю, отчего ты спрашиваешь, друзья мы или враги? Мнѣ помнится, что прошлой зимой ты у меня былъ (значитъ въ 1837 году Мюссе еще бывалъ у Жоржъ Сандъ [2]) — и что мы провели шесть часовъ въ братскомъ общеніи послѣ чего никогда не слѣдовало бы сомнѣваться другъ въ другѣ, хотя бы мы десять лѣтъ не видѣлись и не писали другъ другу; не то приходилось бы сомнѣваться въ собственной искренности. И

[1]) „Mémoires épisodiques d'un vieux chansonnier saint-simonien par Vinçard ainé." (Paris. Dentu et Grassart. 1878). Но г. Венсаръ ошибается, ибо это вѣроятно было либо въ январѣ 1837, либо осенью 1836, когда Жоржъ Сандъ вернулась въ Парижъ. См. ниже главу 11-ую.

[2]) Разумѣется, ни Поль Мюссе, ни другіе враждебные Жоржъ Сандъ біографы ни словомъ не упоминаютъ объ этихъ дружескихъ свиданіяхъ. Арведъ Баринъ и въ этомъ составляетъ блестящее исключеніе.

вправду, я не могу и вообразить, какъ и почему мы стали бы теперь обманывать другъ друга"...

Время уходило, старыя раны заживали и зажили, новыя чувства пришли на смѣну страстной когда-то любви, жизнь разъединяла все больше и больше прежнихъ любовниковъ. Они видѣлись все рѣже и рѣже, и свиданія эти становились все случайнѣе. Въ 1841 году, проѣзжая Фонтенеблоскимъ лѣсомъ въ имѣніе Беррье, Мюссе съ мучительной отрадой пережилъ счастливыя воспоминанія 1833 года, а едва вернувшись въ Парижъ, случайно столкнулся съ Жоржъ Сандъ въ театрѣ. Результатомъ такого простого совпаденія явилось его прелестное стихотвореніе „Souvenir". Въ послѣдній разъ бывшіе друзья видѣлись въ 1848 году [1]). Этимъ годомъ закончились ихъ личныя отношенія. Однако, не этимъ годомъ закончилась исторія ихъ любви, съ арены житейской перешедшая на литературную. Съ этой исторіей произошла своего рода „исторія", къ разсказу о которой, равно какъ къ изложенію взаимнаго вліянія двухъ поэтовъ другъ на друга и разбору такъ наз. *венеціанскихъ повѣстей* Жоржъ Сандъ мы теперь и перейдемъ.

[1]) Вмѣстѣ съ Линдау мы не придаемъ ни малѣйшей вѣры тому, что неизвѣстный авторъ разсказываетъ о Мюссе и Жоржъ Сандъ въ газеткѣ „Daheim" (№ 26, мартъ, 1865 г.). Равнымъ образомъ нельзя придавать никакого значенія легковѣснымъ біографіямъ Миркура и Кертбени. Это все болтовня съ чужихъ словъ.

ГЛАВА IX.

Корреспонденція между двумя поэтами и ея исторія. — «Исповѣдь сына нашего вѣка».—«Она и Онъ» и «Онъ и Она».—Предисловіе «Жана де ла Рошъ». — Взаимное вліяніе. — Стихотворенія Мюссе и Жоржъ Сандъ.— «Письма Путешественника». – «Альдо-Риθмачъ».— «Габріэль». — «Леоне Леони». — «Ускокъ». — «Маттеа». — «Мозаичисты». — «Послѣдняя Альдини». -- «Личный секретарь». — «Орко».

Прежде всего выступилъ на сцену всегдашній вопросъ, возникающій между разошедшимися любовниками: какъ поступить съ письмами? Жоржъ Сандъ попросила Мюссе вернуть ей ея письма и дневникъ (это случилось въ 1836 г.). Мюссе поспѣшилъ исполнить это желаніе, но не сказалъ, что для этого долженъ былъ, съ своей стороны, потребовать этотъ дневникъ и одно изъ этихъ писемъ (отъ 15 іюня 1834 г. изъ Венеціи) отъ пресловутой m-me Жоберъ, извѣстной въ исторіи литературы подъ именемъ „крестной“ Мюссе, но въ сущности бывшей для него особой гораздо болѣе близкой. Для чего Мюссе давалъ этотъ интимный дневникъ въ руки своей новой пріятельницѣ [1])—неизвѣстно, фактъ тотъ, что всю ночь, послѣдовавшую за просьбой Мюссе вернуть эти бумаги, госпожа Жоберъ, ея дочь, гр. де-Лагранжъ и чуть-ли даже не горничная госпожи Жоберъ провели въ спѣшномъ списываньи дневника. На утро дневникъ отдали Мюссе, Мюссе передалъ его Гюставу Папе— повѣренному Жоржъ Сандъ; М-me Жоберъ не сказала Мюссе о томъ, что у нея въ рукахъ осталась копія; Мюссе не нашелъ нужнымъ предупредить Жоржъ Сандъ, что дневникъ пробылъ нѣкоторое время въ чужихъ рукахъ. Впослѣдствіи эта копія послужила къ списанію новыхъ копій, попала въ руки и

[1]) Поль де-Мюссе полагаетъ, что онъ далъ ихъ М-me Жоберъ съ цѣлью „противостоять просьбамъ Жоржъ Сандъ“ вернуть ей дневникъ. Но это утвержденіе рушится тѣмъ, что дневникъ былъ на другой же день переданъ г. Папе самимъ Мюссе.

Поля де-Мюссе—и такимъ образомъ тайное сдѣлалось явнымъ, а интимное—общественнымъ. Но переходя изъ рукъ въ руки, изъ устъ въ уста, правдивая исторія уснащалась невольными или завѣдомыми преувеличеніями, искаженіями и ложью, пока, наконецъ, этотъ чистосердечный разсказъ, эта пѣснь страждущей любви не стали слыть у невидѣвшихъ дневника въ глаза, но слышавшихъ какіе-то слухи, читателей за якобы обвинительный актъ, написанный рукою самой Жоржъ Сандъ противъ себя самой. Этимъ впослѣдствіи воспользовался Поль де Мюссе съ рѣдкою недобросовѣстностью. А какъ хорошо зналъ Альфредъ де-Мюссе это качество своего братца, доказываетъ тотъ поразительный фактъ, что когда Гюставъ Папе — то лицо, которому Мюссе и Жоржъ Сандъ поручили быть посредникомъ въ дѣлѣ обмѣна писемъ—пріѣхалъ къ Мюссе съ цѣлью узнать отъ имени Жоржъ Сандъ, какъ поступить съ ихъ письмами,— Мюссе отвѣтилъ: „только объ одномъ васъ прошу: это *чтобъ они никогда не попали въ руки моего брата Поля*“ [1]). Совѣтуемъ всѣмъ тѣмъ читателямъ, біографамъ и критикамъ, кто еще, послѣ всего раньше нами разсказаннаго, сохранилъ какое нибудь довѣріе къ Полю де-Мюссе, какъ *біографу,* защитнику (?!) брата и историку (!)—трижды перечесть эти многознаменательныя слова Альфреда де-Мюссе и затѣмъ — если они могутъ — продолжать относиться ко всему разсказанному этимъ *братомъ*, какъ къ достовѣрной истинѣ.

Какъ бы то ни было, и Мюссе и Жоржъ Сандъ передали свои письма Папе, тотъ запечаталъ ихъ въ *одинаковые конверты*, но почему-то не передалъ тотчасъ по принадлежности. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Опять возобновился вопросъ объ обмѣнѣ писемъ. Папе не могъ сказать, гдѣ чьи письма. Предложено было въ Парижѣ собраться: Греви отъ имени Мюссе, Роллина отъ имени Жоржъ Сандъ и Папе—для того, чтобы втроемъ вскрыть конверты и передать письма ихъ авторамъ. Но кто-то не пріѣхалъ, и письма такъ и остались у Папе. Но вотъ въ 1857 г. умеръ Мюссе. Папе передалъ оба пакета Жоржъ Сандъ [2]). Поль де-Мюссе потребовалъ отъ нея возвращенія писемъ брата. Она отвѣтила (замѣтимъ, что письмо Поля де-Мюссе къ Жоржъ Сандъ и ея къ нему писаны самымъ дружескимъ образомъ) — что не можетъ этого сдѣлать (разумѣется, вслѣдствіе вышеизложеннаго запрещенія Альфреда), но что если Поль пріѣдетъ

[1]) См. письмо Ж. Сандъ къ Сентъ-Бёву 1861 г.

[2]) См. въ Biographie de Alfred de Musset par Paul de Musset примѣчаніе на стр. 123.

въ Ноганъ въ такой-то день, то они вмѣстѣ сожгутъ и тѣ и другія письма. Поль де-Мюссе обѣщалъ—и не пріѣхалъ. Тогда Жоржъ Сандъ написала ему, что *„если письма сожжены безъ него, то это не ея вина“* [1]). Однако, она не сожгла ихъ тогда, какъ это вскорѣ оказалось. На этомъ пока дѣло и стало.

Но смерть нѣкогда любимаго человѣка, постоянное напоминаніе о немъ и въ разговорѣ, и въ печати, наполнявшей всѣ столбцы воспоминаніями, разсказами и замѣтками о покойномъ поэтѣ, — все это оживило въ памяти и душѣ Жоржъ Сандъ старые годы, старую любовь, старое горе. Раздумывая и анализируя наединѣ сама съ собою все прошедшее, желая теперь объяснить то, что ей казалось тогда необъяснимымъ и непонятнымъ, останавливаясь подолгу на горькой мысли, какъ печально кончилась эта любовь, начавшаяся такъ радостно— Жоржъ Сандъ невольно поддалась желанію попытаться съ своей стороны написать романъ, въ основу котораго легли бы психологическія данныя, взятыя нѣкогда Альфредомъ де-Мюссе за исходную точку „Confession d'un enfant du siecle“. И она написала романъ „Elle et Lui“.

Если въ разныхъ произведеніяхъ Жоржъ Сандъ, написанныхъ между 1833 и 1839 годами, слышатся отголоски ея любви къ Мюссе и воспоминанія о венеціанской поѣздкѣ, какъ невольное отраженіе ея тогдашнихъ мыслей и впечатлѣній,—то въ 1858 году, когда она написала „Elle et Lui“, она стояла уже слишкомъ далеко отъ всего, происшедшаго за 25 лѣтъ передъ тѣмъ, и могла отнестись къ исторіи Мюссе уже спокойно, просто какъ къ темѣ, произвольно-взятой для психологическаго этюда. Это ясно будетъ для всякаго теперешняго безпристрастнаго читателя. Въ 1859 году публика, слишкомъ хорошо знавшая о романѣ, пережитомъ двумя поэтами, какъ всегда, принялась прежде всего въ романѣ написанномъ искать разоблаченій и истинныхъ фактовъ, равнодушно относясь къ чисто художественной его сторонѣ. Публика—кромѣ рѣдкихъ исключеній—вездѣ и всегда интересуется лишь тѣмъ, *что* написано, а не *какъ* написано. Публика съ трудомъ будетъ любоваться на мастерское *изображеніе*, литературное, или живописное, злодѣя, пошляка или урода; она прежде всего и всегда: 1) или желаетъ

[1]) Intermédiaire des Chercheurs et Curieux. 20 ноября 1892 г. Письмо г. Maurice Clouard къ д-ру Кабанесу. Вся исторія этой переписки очень тонко и остроумно изложена также и вик. де Спульберкъ въ его книгѣ „Veritable Histoire“, гдѣ она сопровождается массой неизданныхъ и рѣдкихъ писемъ и документовъ.

узнать оригиналъ, или 2) восхищается смазливостью, или, наконецъ, 3) ищетъ поученія. Лишь художники цѣнятъ то, *какъ вещь сдѣлана*. И когда вышла „Elle et Lui" — публика заговорила, что Жоржъ Сандъ изобразила себя и Мюссе. А друзья Мюссе, и особенно его братъ узрѣли въ романѣ Жоржъ Сандъ преднамѣренное желаніе очернить только что умершаго Альфреда де-Мюссе — и Поль поспѣшилъ отвѣтить отвратительнымъ памфлетомъ „Lui et Elle", надѣлавшимъ въ свое время много шума и до сихъ поръ слывущимъ за „разоблаченіе истины" [1]). Жоржъ Сандъ могла бы, если бы захотѣла, просто преслѣдовать Поля де-Мюссе за написаніе этой книги, какъ за клевету, но она вначалѣ ограничилась только тѣмъ, что, когда вышелъ въ концѣ года „Jean de la Roche" — она предпослала этому роману весьма многознаменательное предисловіе, служащее и отвѣтомъ на недостойную выходку Поля де-Мюссе и выраженіемъ ея литературныхъ убѣжденій. Сказавъ нѣсколько словъ по поводу жителей одного французскаго города, якобы узнавшихъ себя въ жителяхъ вымышленнаго городка Faille sur Gouvre, изображеннаго ею передъ тѣмъ—она говоритъ:

„мы не стали бы говорить объ этихъ комическихъ инцидентахъ... если бы по поводу другого романа, напечатаннаго годъ тому назадъ въ „Revue des deux Mondes", подобный же инцидентъ, подъ давленіемъ ненависти и спекуляціи (мы предпочитаемъ вѣрить въ ненависть, хотя ее ничто не объясняетъ), не достигъ размѣровъ, я не скажу непріятныхъ для писателя, о которомъ идетъ рѣчь, но гораздо болѣе неприличныхъ самихъ по себѣ и недостойныхъ Фай-сюръ-Гувръ, ибо въ Фай-сюръ-Гувръ только наивны, а въ болѣе крупныхъ центрахъ цивилизаціи—лицемѣрны, и лавочническое или злобное дѣло прикрываютъ цвѣтами и кипарисами чувства [2]). Не останавливаясь здѣсь на попыткѣ, безчестной для тѣхъ, кто ее сдѣлалъ, кто ее втайнѣ посовѣтовалъ и открыто одобрилъ, не желая призывать людское правосудіе, чтобы преслѣдовать за преступленіе, носящее характеръ оскорбленія и клеветы:—преслѣдованіе, которое намъ было бы слишкомъ легко начать, но которое имѣло бы ту дурную сторону, что пало бы въ лицѣ живыхъ на имя, носимое однимъ знаме-

[1]) Къ сожалѣнію, эта книжка чрезвычайно распространена въ публикѣ, и часто люди, не прочитавшіе ни одного письма Мюссе или Жоржъ Сандъ и не знакомые ни съ одной серьезной біографіей, тѣмъ не менѣе прочли „Lui et Elle" и полагаютъ, что знаютъ „факты" изъ „исторіи" Жоржъ Сандъ и Мюссе. Смѣемъ увѣрить ихъ, что они знаютъ лишь „легенду".

[2]) Всѣ, кто знаетъ истинныя отношенія между братьями Мюссе, причину ихъ вражды и т. д.—слишкомъ хорошо знаютъ и знали вмѣстѣ съ Жоржъ Сандъ, что роль преданнаго друга и рыцарскаго защитника, принятая на себя Полемъ послѣ смерти Альфреда,—а отсюда якобы защита его памяти противъ Жоржъ Сандъ,—увы! объясняется очень прозаически.

нитымъ покойникомъ, мы постараемся съ нашей точки зрѣнія разрѣшить вопросъ, который былъ возбужденъ по поводу этого происшествія и можетъ быть обсужденъ безъ всякой горечи".

Разобравъ затѣмъ два распространенныя въ публикѣ и крайнія мнѣнія: — одно, требующее, чтобы авторъ изображалъ лишь *пережитое имъ*, а другое — чтобъ онъ писалъ *изъ головы* (то, что Тургеневъ называлъ презрительнымъ именемъ „отсебятины"), она ставитъ вопросъ:

„слѣдуетъ ли быть художникомъ для самого себя, замкнувшись между 4 стѣнъ, или же быть имъ для другихъ, въ чистомъ полѣ, несмотря на всѣ огорченія извѣстности"?

Она отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и, указывая на всѣ тягости, сопряженныя съ положеніемъ писателя, желающаго передавать не только свое искусство, но и свой психологическій опытъ другимъ, — продолжаетъ:

„*можно даже быть женщиной и не чувствовать себя затронутой бредомъ опьяненія или галлюцинаціями горячки, а еще менѣе обвиненіями въ развращенности, приходящими на умъ нѣкоторымъ людямъ, слишкомъ привыкшимъ къ жизни съ глазу на глазъ съ самими собою*"...

Артистъ можетъ, и долженъ по мнѣнію Жоржъ Сандъ, пользоваться лично пережитымъ; вкусъ художественный и уваженіе къ людямъ должны руководить имъ; вкусъ и уваженіе къ людямъ должны руководить и критикой, разбирающей произведеніе искусства; если критика докапывается до того, „съ кого они портреты пишутъ" — она груба; когда мнимые защитники раскрываютъ публикѣ то, чего она безъ нихъ вовсе и не знала бы, и „интимное дѣлаютъ всеобщимъ достояніемъ" — они оказываютъ медвѣжьи услуги.

„Можно и должно сказать писателямъ: „почитайте истину, т.-е. не унижайте ее изъ-за вашихъ личныхъ враждебныхъ чувствъ, или по прихоти вашей фантазирующей неспособности: научитесь хорошо работать или молчите". А читателямъ: „Уважайте искусство, не унижайте его вашими безпокойными предубѣжденіями, или дѣтскимъ любопытствомъ; научитесь читать или не читайте". Что касается до несчастныхъ умовъ, которые предприняли новый родъ литературы и критики, напечатавъ жалкій памфлетъ, объявивъ посредствомъ рекламъ и печатныхъ тирадъ, что ужасная героиня ихъ измышленія есть живое лицо, чье имя они могутъ прописать, и которые навязали ей свой стиль, утверждая, что они получили эти подробности и доказательства изъ рукъ умирающаго, — то публика уже произнесла свой приговоръ надъ чудовищной попыткой, отъ которой искусство покраснѣетъ и отъ которой истинная критика отрекается, попыткой, которая въ то же время является оскверненіемъ могилы. А мы го-

воримъ, что знаменитый покойникъ, заключенный въ этой могилѣ, возстанетъ негодующій, когда придетъ время. Онъ потребуетъ возстановленія своей истинной мысли, своихъ собственныхъ чувствъ, права самому принести исповѣданіе своихъ страданій и еще разъ вознести къ небу тѣ вопли справедливости и истины, которые составляютъ лучшую часть его души и живѣйшую полосу его жизни. *Это не будетъ ни романъ, ни памфлетъ, ни доносъ. Это будетъ памятникъ, воздвигнутый его собственными руками* [1]) и посвященный его памяти руками всегда дружескими. Этотъ памятникъ воздвигнется, когда оскорбители достаточно скомпрометируютъ себя. Оставить ихъ идти своей дорогой—вотъ единственное наказаніе, которому ихъ хотятъ подвергнуть. Итакъ, пусть они богохульствуютъ, бредятъ—и идутъ мимо".

„Нѣсколько друзей упрекали того, кто былъ объектомъ этихъ оскорбленій, въ томъ, что онъ ихъ принимаетъ равнодушно; другіе, правда, совѣтовали ему вовсе не обращать на это вниманія. Раздумавъ, онъ рѣшилъ, что долженъ заняться этимъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, но онъ не торопится вовсе. Онъ былъ въ Овернѣ, онъ странствовалъ по вымышленнымъ слѣдамъ лицъ новаго своего романа, по благоухающимъ тропинкамъ, среди прелестнѣйшихъ весеннихъ пейзажей Онъ правда взялъ съ собою памфлетъ, чтобы прочитать его, но не прочиталъ. Онъ забылъ свой гербарій, и страницы отвратительной книги (du livre infâme) были очищены прикосновеніемъ цвѣтовъ изъ Puy-du-Dôme и Санси. Нѣжныя благоуханія твореній Божьихъ—кто не предпочтетъ васъ воспоминаніямъ о грязи цивилизаціи?.."

Прочла или въ самомъ дѣлѣ не прочла Жоржъ Сандъ „Lui et Elle", но она, какъ видно, тогда же подумала о томъ, чтобы воспользоваться для своей защиты подлинной своей корреспонденціей съ Мюссе. Черезъ годъ она обратилась къ Сентъ-Беву, который, по словамъ одного изъ ея писемъ 40-хъ годовъ, навсегда останется ей особенно дорогъ, какъ повѣренный самого глубокаго сердечнаго горя ея жизни—ея любви къ Мюссе,—обратилась къ нему съ вопросомъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ и должнымъ напечатать эту переписку. Она переписала [2]), приготовила къ печати и переслала ее черезъ своего тогдашняго секретаря, г. Оканта, Сентъ-Беву, разсказавъ ему въ то же время подробно всю исторію несостоявшагося обмѣна этими письмами. Съ этой цѣлью она и написала Сентъ-Беву тѣ два письма 20 января и 6 февраля 1861, о которыхъ мы уже

[1]) Слова самого Мюссе изъ письма его 1834 года, если помнитъ читатель.

[2]) Повидимому въ это же время она позволила дочери M-me Дорваль. M-me Люге, списать нѣсколько писемъ Мюссе. Это кажется, во 1-хъ, тѣ письма, которыя приводитъ Гренье, и, во-2-хъ, то самое письмо, которое было въ 1877 г. напечатано въ „Homme Libre". Оно не разъ упоминалось выше.

многажды упоминали. Сентъ-Бевъ былъ въ это время занятъ чѣмъ-то инымъ и поручилъ разсмотрѣть эти письма своему секретарю. Тотъ нашелъ, что они „слишкомъ отзываются романтизмомъ 30-хъ годовъ" и отсовѣтовалъ ихъ печатать. Но Жоржъ Сандъ не перемѣнила своего рѣшенія когда-нибудь повѣдать міру истину и до самой смерти своей не разъ высказывала опредѣленное желаніе, чтобы эта переписка увидѣла свѣтъ. Съ этой цѣлью она передала оригиналы, съ которыхъ тогда же были сдѣланы двѣ копіи,—Александру Дюма, Ноэлю Парфэ [1]) и Эмилю Оканту. Эти господа заключили между собою уговоръ, въ силу котораго послѣ смерти одного изъ трехъ копія, принадлежавшая ему, переходитъ въ вѣдѣніе оставшихся въ живыхъ, а въ случаѣ смерти всѣхъ трехъ—поступаетъ въ Національную библіотеку. Въ 1881 г., немедленно вслѣдъ за смертью Поля де-Мюссе и выходомъ въ свѣтъ перваго тома корреспонденціи Жоржъ Сандъ, гдѣ не появилось ни одного изъ этихъ писемъ, во французской прессѣ стали раздаваться голоса, требовавшіе напечатанія, наконецъ, этой подлинной корреспонденціи, вмѣсто циркулирующихъ въ публикѣ искаженныхъ и мало достовѣрныхъ списковъ. Но другіе голоса стали протестовать. Полемика охватила весь литературный міръ Парижа [2]), одни кричали за, другіе противъ, и обѣ стороны приводили въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній самыя серьезныя соображенія. Въ дѣло замѣшался и вопросъ объ авторскомъ правѣ, о правѣ наслѣдниковъ. Недавно повторилось тоже самое. Наконецъ, лишь въ прошломъ году г. Окантъ въ *Revue de Paris* напечаталъ письмо Жоржъ Сандъ къ Мюссе, а гг. де Спульберкъ, Клуаръ, Маріетонъ, Рошблавъ и др. цитировали рядъ выдержекъ и отрывковъ изъ писемъ Мюссе (нѣсколько и цѣлыхъ писемъ) и отрывки изъ *дневника* Жоржъ Сандъ и Паджело; но ни письма Мюссе, ни дневникъ Жоржъ Сандъ *цѣликомъ* и подрядъ, увы, еще не напечатаны, и намъ надо терпѣливо ждать 1907 года, когда, можетъ быть, будутъ обнародованы письма Мюссе, или другого какого-нибудь благопріятнаго случая, когда нако-

[1]) Сначала третьимъ душеприказчикомъ былъ назначенъ г. Луи Мальяръ, авторъ „Путешествія на О-въ Соединенія", которому Ж. Сандъ нѣкогда посвятила отдѣльную статью, но за его смертью — Дюма избралъ г. Парфэ. Нынѣ изъ всѣхъ душеприказчиковъ остался въ живыхъ лишь г. Окантъ.

[2]) Мы перечитали, смѣемъ увѣрить, все, что за этотъ 1881 г. появилось во французской печати по этому поводу. Это невѣроятныя кипы газетъ—одинъ списокъ названій статей займетъ не мало мѣста, въ библіографіи всего написаннаго о Ж. Сандъ.

нецъ два великіе покойника оба разскажутъ намъ всю правду, которая—какъ уже и теперь можно судить по письмамъ Жоржъ Сандъ и др., документамъ,—вся будетъ на сторонѣ Жоржъ Сандъ, а не *Поля* де Мюссе.

Обратимся теперь къ произведеніямъ Жоржъ Сандъ и Мюссе, относящимся до этого эпизода ихъ жизни, или написаннымъ въ Венеціи, или наконецъ, носящимъ отпечатокъ взаимнаго вліянія. Эти произведенія можно раздѣлить на 1) субъективно-лирическія („Письма путешественника“ Жоржъ Сандъ — а у Мюссе: „Ночи“, „Воспоминаніе“ „Aprés la lecture d'Indiana“ [1]), „Письмо къ Ламартину“, Моему брату, возвращающемуся изъ Италіи“, сатирическая сказка „Merle blanc“ и 5 сонетовъ посвященныхъ Жоржъ Сандъ); 2) произведенія, написанныя осенью 1833 и въ 1834 году въ Италіи или задуманныя тамъ („Жакъ“, „Леоне Леони“ „Андре“, „Личный секретарь“, всѣ венеціанскія повѣсти т.-е. „Альдини“, „Орко“, „Ускокъ“, „Маттеа“, „Мозаичисты“); 3) нигдѣ ненапечатанная неоконченная пьеса Жоржъ Сандъ „Заговоръ во Флоренціи“, которая представляетъ совершеннѣйшій прототипъ „Лорензаччіо“ Мюссе [2]), „Альдо-Риѳмачъ“, „Габріель“, нѣсколько комическихъ стихотвореній Жоржъ Сандъ и Мюссе и два сонета, посвященныхъ ими Альфреду де-Виньи въ отвѣтъ на ругательную статью Планша, противъ „Чаттертона“, точно также какъ и вторая глава „Исповѣди сына вѣка“ — вотъ произведенія, написанныя или подъ сильнымъ взаимнымъ вліяніемъ, или просто за однимъ и тѣмъ же рабочимъ столомъ; — наконецъ, 4) сама „Исповѣдь“ и „Она и Онъ“ —это какъ-бы окончательные выводы и заключенія обоихъ поэтовъ объ общей идеѣ ихъ исторіи. По этимъ четыремъ группамъ мы и разберемъ произведенія Жоржъ Сандъ, не придерживаясь хронологическаго порядка, а въ произведеніяхъ Мюссе ограничиваясь лишь указаніемъ на то, что касается до нашего предмета, и не пускаясь въ подробный разборъ его твореній, сдѣланный до насъ и, конечно, лучше насъ и Сентъ-Бевомъ, и Бари́номъ, Монтегю и Линдау.

Врядъ ли многіе читатели знаютъ, что Жоржъ Сандъ писала и стихи, однако —это такъ, и въ собраніи ея сочиненій

[1]) Г. Поль де Мюссе впервые напечаталъ это стихотвореніе въ Revue des deux Mondes 1878 г. (1 Nov.), присоединивъ къ нему нѣсколько объяснительныхъ строкъ и приведя страничку *Индіаны* съ исправленіями Мюссе. Но онъ ошибочно отнесъ написаніе самого стихотворенія къ 1836 г., тогда какъ оно написано, какъ мы видѣли, въ 1833 г. См. выше, стр. 342.

[2]) Она найдена въ бумагахъ г-жи Дорваль.

многіе изъ нихъ напечатаны, но многіе никогда не были въ печати а другіе не были перепечатаны въ полномъ собраніи сочиненій послѣ перваго ихъ появленія въ свое время. Первымъ стихотвореніемъ Жоржъ Сандъ была „Reine Mab", представляющая собою перифразу извѣстныхъ строкъ изъ „Ромео и Юліи", о которой мы уже говорили выше. Но когда послѣ представленія „Чаттертона" Планшъ написалъ грубо-порицательную статью противъ А. де-Виньи, то Мюссе и Жоржъ Сандъ написали и послали автору „Чаттертона" два сонета: въ нихъ оба автора высказались по-своему противъ критики Планша. Сонетъ Мюссе полонъ ѣдкихъ насмѣшекъ и злого осроумія. Жоржъ Сандъ протестуетъ противъ приговора Планша, какъ противъ попытки холодно анализировать впечатлѣнія зрителей. „Мы плакали, и это лучшая похвала пьесѣ, — говоритъ она, — а анализировать слезы—занятіе пустое. Волны океана величественны и грозны, а если ихъ высушить и анализировать—окажется горсточка соли" [1]).

Осень 1834 года Жоржъ Сандъ проводила въ тоскѣ и отчаяніи въ Ноганѣ, какъ мы знаемъ, стараясь среди друзей и дѣтей забыться отъ своихъ грустныхъ думъ. Но по временамъ, какъ это всегда съ нею бывало, наступали полосы реакціи, когда она цѣлыми днями предавалась самому дѣтскому, необузданному веселью и способна была на самыя ребяческія выходки, игры, пустяки. Въ одинъ изъ такихъ, почти нервно-веселыхъ, дней, въ сообществѣ съ цѣлой компаніей своихъ друзей, — она переложила въ стихи судебное слѣдствіе, произведенное г. Дюдеваномъ, въ качествѣ деревенскаго мэра, по поводу нахожденія въ одномъ изъ колодцевъ мертваго тѣла. Стихи эти, озаглавленные „Плачъ о смерти Франсуа Люно, называемаго Мишо" представляютъ собою довольно грубоватую шутку, написанную аляповатымъ полу-деревенскимъ, полу-судебнымъ языкомъ, и были напечатаны отдѣльной брошюркой въ Ла-Шатрѣ. Надъ первой строчкой стоитъ: „Air du Maréchal de Saxe". Еще осенью 1833 года Мюссе написалъ тоже *Плачъ* и тоже „*на Голосъ маршала Саксонскаго*"—это было грубовато-сатирическое стихотвореніе, воспѣвавшее траги-комическую дуэль Планша и Капо де-Фельида. Находимъ, что подробныя заглавія этихъ двухъ *Плачей*, приведенныя *en regard* — безъ всякихъ комментаріевъ говорятъ сами за себя:

[1]) Оба эти сонета были найдены въ бумагахъ де Виньи и напечатаны Луи Ратисбономъ въ „Revue Moderne" 1865 г.

Complainte

Historique et véritable
Sur le fameux duel qui a eu lieu
entre plusieurs
Hommes de plume
très inconnus dans Paris,
a l'occasion d'un livre
dont il a été beaucoup parlé
de différentes manières,
ainsi qu'il est relaté, dans la
présente complainte.
Air de la Complainte du maréchal
de Saxe.

Complainte

sur la mort
de François Luneau,
dit Michaud,

dédiée
à M. Eugène Delacroix,
Peintre en Bâtimens
très-connu dans Paris

Complainte.

Air du maréchal du Saxe.

На этотъ же „*Голосъ пѣсни маршала Саксонскаго*“ Мюссе и раньше написалъ уже дважды комическіе куплеты; одно изъ этихъ стихотвореній „*Le songe d'un reviewer*“, гдѣ какъ въ калейдоскопѣ изображены портреты всѣхъ журналистовъ того времени, было напечатано недавно на стр. *Intermédiaire des Chercheur et des Curieux*“ [1]); другое, изображающее всѣхъ завседатаевъ квартирки Жоржъ Сандъ на набережной Malaquais, приводится г. Морисомъ Клуаромъ [2]). Кто первый посовѣтовалъ другому взять эту пѣсенку, какъ образецъ размѣра для шутливаго стихотворенія—поэтъ или правнучка маршала Саксонскаго? Не все ли равно? Фактъ тотъ, что въ то время, какъ, по мнѣнію Поля де Мюссе, Жоржъ Сандъ не помышляла о „вѣроломно ею покинутомъ“ поэтѣ, а онъ и забылъ и проклялъ свою несчастную любовь,—они продолжали на самомъ дѣлѣ не только посвящать другъ друга во всѣ подробности своей жизни, но разсказывали другъ другу даже о всѣхъ смѣшныхъ или комическихъ эпизодахъ этой жизни и своихъ писаній. А было время, когда, сидя за однимъ столомъ, они дружно работали, помогая другъ другу: когда Жоржъ Сандъ останавливала вниманіе Мюссе на мысляхъ о такихъ предметахъ, мимо которыхъ онъ до сихъ поръ равнодушно проходилъ, а онъ съ своей

[1]) См. Intermédiaire des Chercheurs et des Curieux. 1891.

[2]) George est dans sa chambrette
Entre deux pots de fleurs,
Fumant sa cigarette
Les yeux baignés de pleurs, etc. etc.

„Alfred de Musset et George Sand“ par M-r Maurice Clouard (Revue de Paris, 15 août 1896), Г. Маріетонъ привелъ въ своей книгѣ и недостающіе у г. Клуара заключительные 3 куплета, гдѣ упоминаются Геру, Папе и кухарка Ж. Сандъ, Адель Лакутю

стороны и словомъ, и примѣромъ училъ Жоржъ Сандъ, что въ художественномъ произведеніи форма такая же существенная вещь, какъ и содержаніе, и что въ частности въ литературномъ произведеніи недостаточно автору быть увлеченнымъ своимъ предметомъ, надо владѣть формой, а больше всего владѣть языкомъ; надо быть лучше скупымъ, чѣмъ расточительнымъ, лучше недосказать, чѣмъ пересказать, и прежде всего быть трезвымъ и точнымъ въ выраженіяхъ. Поль де Мюссе пытается инсинуировать, что Жоржъ Сандъ будто бы никогда не могла простить Альфреду де-Мюссе того факта, что на бывшемъ у него экземплярѣ „Индіаны“ онъ перечеркнулъ всѣ лишнія прилагательныя и такимъ образомъ преподалъ Жоржъ Сандъ урокъ умѣренности и трезвости литературнаго языка,—но мы полагаемъ, что Жоржъ Сандъ вовсе не отличалась такой мелочной чувствительностью по отношенію къ критикѣ ея писаній. Наоборотъ, мы знаемъ, что она въ этомъ отношеніи часто бывала даже излишне скромна [1]). А о времени своей совмѣстной работы съ Мюссе она вспоминала не иначе, какъ съ чувствомъ умиленной благодарности. Кто не помнитъ страницы изъ „Писемъ Путешественника“, которую до сихъ поръ всѣ почти біографы относили къ Жюлю Сандо, но которая для насъ несомнѣнно относится до Мюссе: это разсказъ о трогательной любви гравера Ватле́ и Маргариты Леконтъ [2]).

Много толкуютъ о тѣхъ вліяніяхъ, которымъ подпадала Жоржъ-Сандъ втеченіе своей литературной дѣятельности, между тѣмъ какое же вліяніе можетъ быть болѣе интереснымъ въ литературномъ отношеніи, какъ не вліяніе на писательницу другого поэта. Если отъ дружескаго общенія съ Листомъ, Шопеномъ, Пьеромъ Леру, Мишелемъ изъ Буржа Жоржъ Сандъ пріобрѣтала тѣ или иныя черты своего духовнаго облика, то на писательскую ея физіономію долженъ былъ сильнѣе всего по-

[1]) Даже г. Маріетонъ въ этомъ случаѣ находитъ нужнымъ опровергнуть Поля де Мюссе и высказываетъ мнѣніе, тождественное съ нашимъ.

[2]) Когда эта глава нашей книги уже была написана, мы имѣли случай говорить объ этомъ съ г. де Спульберкомъ и, къ удовольствію своему, узнали, что у него въ рукахъ имѣются доказательства, подтверждающія, что это дѣйствительно такъ, т. е. что рѣчь идетъ тутъ о Мюссе. См. „Lettres d'un voyageur“, стр. 142—143. Изд. Michel Levy. Съ тѣхъ поръ, г. де Спульберкъ привелъ въ своей статьѣ въ Cosmopolis и въ книгѣ „Véritable Histoire“, чрезвычайно интересныя свѣдѣнія и факты о томъ, какъ Ж. Сандъ дѣйствительно много работала съ Мюссе и за Мюссе и напр. окончила за него „Faire sans dire“ для сборника Dodécaton, пьесу не вошедшую при жизни поэта ни въ одинъ изъ сборниковъ его сочиненій—что и понятно.

вліять такой поэтъ и мастеръ слова, какъ Мюссе. Съ другой стороны и на Мюссе-писателя не могла не произвести впечатлѣнія такая яркая литературная индивидуальность, какъ Жоржъ Сандъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Вліяніе двухъ поэтовъ другъ на друга несомнѣнно было сильное и сказалось на произведеніяхъ и того и другого очень опредѣленно, но такъ какъ критики и историки литературы принадлежали непремѣнно къ одному изъ двухъ враждебныхъ лагерей, то результатомъ этого являлось непремѣнное желаніе уменьшить или даже отрицать вліяніе другой стороны на своего избранника. И изъ всѣхъ критиковъ на это должнымъ и правильнымъ образомъ посмотрѣлъ лишь Брандесъ [1]), указавшій, не останавливаясь на подробностяхъ, на то, что Мюссе болѣе повліялъ на форму произведеній Жоржъ Сандъ, а она на большую серьезность и вдумчивость содержанія произведеній Мюссе. На послѣднее указываетъ и Линдау (далѣе мы покажемъ, какъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ), онъ даже очень вѣрно отмѣчаетъ разницу *въ отношеніи* Мюссе къ своимъ любимымъ героямъ—демоническимъ прожигателямъ жизни—*до* итальянской поѣздки и *послѣ нея* [2]).

[1]) При большихъ достоинствахъ его изслѣдованіе страдаетъ и нѣкоторыми неточностями. Такъ не говоря уже объ упомянутомъ выше анекдотѣ о причинахъ, побудившихъ Бюлоза познакомить Мюссе съ Ж. Сандъ, или о томъ, что при отъѣздѣ въ Италію Мюссе было 22 года, а ей 28 лѣтъ (тогда какъ ему было 23, а ей 29), но далѣе Брандесъ дѣлаетъ уже гораздо болѣе важныя ошибки и неточности. Такъ напр. онъ говоритъ, что „въ бездну, внезапно раскрывшуюся между ними, она низвергла свою незрѣлость, свои тирады, свое безвкусіе, свое мужское одѣяніе. Съ этой поры она цѣльная женщина, цѣльная натура. Въ эту же глубину онъ погрузилъ свой шутовской костюмъ, свою вызывающую дерзость, свое удивленіе къ Rolla, свое отроческое упорство и съ той поры сталъ настоящемъ мужчиной, цѣльнымъ духомъ".—Увы, это лишь красивыя фразы со стороны Брандеса. Во 1-хъ, „свое мужское одѣяніе" Жоржъ Сандъ носила еще въ 1836 г. въ Швейцаріи, не говоря о зимѣ и веснѣ 1835 г. въ Парижѣ. Во 2-хъ), цѣльной натурой была всегда, съ самаго рожденія. Въ 3-хъ), неизвѣстно, гдѣ болѣе безвкусія въ „Lélia" или въ „Comtesse de Rudolstadt". „Sept Cordes de la Lyre" и „Compagnon du Tour de France". Въ 4-хъ), Мюссе нисколько не сталъ болѣе „настоящимъ мужчиной" и навсегда остался не-цѣльнымъ духомъ 5) Далѣе конечно не вѣрны и слова Брандеса, что „Ж. Сандъ его обманула". Мюссе всегда утверждалъ, что она„ никогда его не обманула" и что она „всегда правдива". 6) Невѣрно, что онъ, „до встрѣчи съ Ж. Сандъ былъ ребенокъ, ничего не испытавшій, кромѣ нѣсколькихъ любовныхъ приключеній". То-то и есть, что „нѣсколькихъ", да еще какихъ! Общія же мысли Брандеса очень вѣрны, а изслѣдованіе его тонко и изящно.

[2]) Г. Рошблавъ приводитъ въ своей статьѣ „Fin d'une Légende" рядъ выписокъ изъ писемъ Мюссе (главнымъ образомъ заимствуя ихъ у г. Маріетона, а отчасти пользуясь и неизданными документами), причемъ наглядно показы-

Когда Мюссе писалъ „Фантазіо“ онъ еще искренно восхищался своимъ довольно безпутнымъ героемъ, рѣшительно не имѣющимъ никакого права такъ презрительно относиться ко всему на свѣтѣ, ибо самъ не только ничего хорошаго не дѣлаетъ, но съ начала до конца совершаетъ дѣянія, почти предусмотрѣнныя всѣми уложеніями о наказаніяхъ. Таковы въ сущности и всѣ герои произведеній Мюссе; міровая скорбь, скептицизмъ и широта натуры не спасаютъ ихъ отъ справедливаго упрека въ томъ, что кромѣ кутежей, любовныхъ приключеній, да дуэлей имъ рѣшительно нечего дѣлать. Герой „Confession“ принадлежитъ къ этому же излюбленному Мюссе типу, но отношеніе автора къ своему герою уже рѣшительно не прежнее; авторъ не только не восхищается имъ безсознательно, но сознательно осуждаетъ его и лишь старается извинить то, что онъ вышелъ такимъ, а не инымъ, приводя въ видѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ тѣ особыя условія, при которыхъ герой и все его поколѣніе вступили въ жизнь. Мы никогда не устанемъ повторять, что нельзя изъ художественныхъ произведеній почерпать біографическія данныя для жизнеописанія писателя, ибо всѣ эти quasi-субъективныя и пережитыя событія и чувства прошли сквозь огонь и реактивъ творчества. Но произведенія художника являются всегда точнымъ показателемъ его духовнаго развитія, высоты его идеаловъ, требованій отъ жизни и того мѣрила, которое онъ прилагаетъ къ разнымъ нравственнымъ и внѣшнимъ явленіямъ. Мы не станемъ непремѣнно выискивать черты самого Мюссе въ „Fantasio“ и подгонять къ событіямъ изъ жизни Мюссе событія изъ жизни этого героя, но можемъ одно сказать съ достовѣрностью, оставляя въ сторонѣ удивительный колоритъ, поэтическое одушевленіе и свободу стиха Мюссе:—нравственный горизонтъ его *до* 1833 года весьма ограниченъ, и Мюссе не можетъ возвыситься еще до того отношенія къ вѣчно занимавшему его типу разочарованнаго прожигателя жизни, до котораго онъ доросъ, когда писалъ „Confession d'un enfant“. Мы сейчасъ упомянули о тѣхъ особыхъ условіяхъ, на которыя Мюссе указываетъ, какъ на причины, вызвавшія такую разочарованность и жизненную непригодность въ его поколѣніи. Большинство критиковъ, разбирая „Confession“, останавливаются на 2-й главѣ, гдѣ ярко и образно рисуются печальныя условія жизни того поколѣнія,

ваетъ, что Ж. Сандъ имѣла такое облагораживающее и возвышающее вліяніе нетолько на литературную, но и на нравственную личность Мюссе. Къ сожалѣнію это вліяніе было слишкомъ кратковременнымъ и не сыграло достаточной роли въ жизни этого несчастнаго человѣка и рано замолкшаго поэта,

„которому было 20 лѣтъ“ въ 30-хъ годахъ, но на этой главѣ, они останавливаются лишь какъ на готовомъ матеріалѣ для біографіи Мюссе. Для насъ эта глава представляетъ гораздо болѣе интереса съ той точки зрѣнія, что это—не считая извѣстнаго стихотворенія „Sur la presse“—единственная политическая и соціальная profession de foi Мюссе, и поражаетъ насъ и глубиною высказываемыхъ мыслей, и серьезностью историческаго взгляда и сжатымъ и образнымъ изображеніемъ интересной эпохи наконецъ тѣмъ, что въ этой главѣ Мюссе такъ опредѣленно высказываетъ свои убѣжденія. Удивительно, что человѣкъ, такъ вѣрно съумѣвшій оцѣнить весь обскурантизмъ Реставраціи и всю законность и историческую преемственность отъ прошлаго вѣка въ стремленіяхъ современной ему молодежи, что онъ все-таки не могъ вывести никакого другого заключенія, какъ заключеніе о непригодности этой молодежи, ни для какого дѣла и ни для какого подвига, объ ея исключительномъ пессимизмѣ и раздвоенности ея воли. Впрочемъ, это и удивительно и вполнѣ естественно. Если свѣтлый умъ Мюссе давалъ ему пониманіе одной части тогдашней молодежи, именно той, которая, какъ онъ самъ, была склонна лишь къ пессимизму, рефлективному самонаблюденію, личнымъ интересамъ, раздвоенности и безсилію,—то онъ во всякомъ случаѣ не обладалъ тѣмъ полетомъ мысли, который далъ-бы ему возможность всесторонне и объективно отнестись ко всей сложности совершавшагося вокругъ него движенія и къ конечной и исходной точкамъ этого движенія. По натурѣ же онъ не могъ быть въ числѣ тѣхъ, кто изъ предыдущихъ лѣтъ вынесъ не безсильное чувство разочарованія, а лишь страстное желаніе борьбы и побѣды надъ существовавшими при Бурбонахъ порядками. Останавливаемъ вниманіе читателя на томъ фактѣ, что двѣ единственныя серьезныя политическія professions de foi Мюссе—упомянутое стихотвореніе и эта 2-я глава, на которую, къ сожалѣнію, съ этой точки зрѣнія не обращаютъ вниманія, не обращаютъ вниманія па тотъ духъ истиной свободы, который вѣетъ въ ней, и на очень опредѣленное отношеніе къ событіямъ конца прошлаго. и начала нашего вѣка—оба эти произведенія написаны *послѣ* связи Мюссе съ Жоржъ Сандъ, подъ непосредственнымъ еще вліяніемъ ея рѣчей и интересовъ, хотя, конечно, писалъ ихъ Мюссе безъ всякой мысли о томъ, что въ нихъ звучатъ безсознательно отголоски этихъ рѣчей и интересовъ

Линдау желаетъ доказать неплодотворность и даже отрицательныя стороны вліянія Жоржъ Сандъ и потому онъ въ одномъ

мѣстѣ своей книги отзывается о всѣхъ произведеніяхъ Мюссе послѣ пресловутаго 1834 года, какъ о такихъ, изъ которыхъ ясно, что „Мюссе уже былъ *не тотъ*“ и что „его сила была надломлена“. Для насъ очевидно, что если Мюссе — авторъ „Капризовъ Маріанны“ и „Ролла“ — и авторъ „Исповѣди“ — не тотъ же самый и уступаетъ одинъ другому въ силѣ, то очевидно первый второму, а не наоборотъ; талантъ созрѣлъ, окрѣпъ и очистился отъ всѣхъ недостатковъ юности, и нѣтъ сомнѣнія, что „Исповѣдь“ лучшее произведеніе Мюссе. Курьезно, что Линдау, который на стр. 166 начинаетъ смѣшной замѣткой, что во время счастья любви Мюссе ничего не написалъ кромѣ дрянныхъ стиховъ „A St-Blaise, à la Zuecca“ и т. д., — долженъ почти тотчасъ же сознаться, что „тѣмъ плодотворнѣе оказалось время, послѣдовавшее за разрывомъ. Во вторую половину 1834 года Мюссе написалъ два изъ своихъ значительнѣйшихъ созданій. Время отъ конца 1834 по конецъ 1838 представляетъ собою вообще кульминаціонную точку поэтическаго творчества Мюссе“... Первое замѣчаніе просто смѣшно по своей наивности, что касается второй половины приведенной цитаты, то съ нею нельзя не согласиться, и совершенно правъ Брандесъ, который именно въ бо̀льшей зрѣлости произведеній и Жоржъ Сандъ и Мюссе *послѣ* разрыва и видитъ непосредственное вліяніе ихъ духовнаго общенія. Если любовь двухъ геніальныхъ писателей и была кратковременной, то нельзя не видѣть въ литературныхъ дѣтищахъ, родившихся отъ этого союза, несомнѣнныя черты ихъ геніальныхъ родителей, и эти дѣти головой выше первенцевъ и того и другого писателя. На стр. 184 своей книги Линдау опять-таки подтверждаетъ, что въ періодъ времени съ 1834 по 1838 годъ Мюссе въ цѣломъ рядѣ глубокихъ по содержанію и прекрасныхъ по формѣ стихотвореній изливаетъ свою міровую скорбь или, какъ онъ ее называетъ, „болѣзнь вѣка“, и что въ прозѣ это настроеніе поэта всего полнѣе выражается въ „*Исповѣди сына вѣка*“. Эта книга „могла бы называться „Самообвиненіемъ сына нашего вѣка“, — говоритъ далѣе Линдау, замѣчая при этомъ, что поэтъ такъ строго осудилъ себя, что Жоржъ Сандъ впослѣдствіи совсѣмъ не надо было бы еще защищаться. Это совершенно вѣрное замѣчаніе, и если прилагать излюбленную біографами систему и докапываться въ каждомъ романѣ до тѣхъ личныхъ мотивовъ и чувствъ, которые послужили прототипомъ къ изображенію характеровъ и чувствъ дѣйствующихъ лицъ даннаго произведенія, то въ „Исповѣди“ мы можемъ увидѣть изображеніе личной исторіи Мюссе и Жоржъ-

Сандъ (какъ видѣли они ее сами) и именно съ глубоко-объективнымъ отношеніемъ и пониманіемъ со стороны автора тѣхъ причинъ, которыя привели къ разрыву и которыя лежали какъ въ характерѣ Мюссе, такъ и въ характерѣ и жизни Октава. И совершенно вѣрно, что лучшей защиты и оправданія себѣ, какъ то объясненіе, которое всему происшедшему далъ въ своемъ романѣ Мюссе,—Жоржъ Сандъ не могла и желать. Это судъ, произнесенный надъ самимъ собою великимъ поэтомъ и великимъ духомъ. Но дѣло въ томъ, что хотя оба поэта и въ „Исповѣди" и въ „Elle et Lui" невольно пользовались осѣвшими въ глубинѣ души образами и воспоминаніями, но оба претворили ихъ въ горнилѣ творчества въ образы художественные, и если многое вышло въ этихъ двухъ романахъ схожимъ [1]), то это только показываетъ нѣкоторое сходство въ пріемахъ творчества и взглядахъ авторовъ и то, что, разумѣется, одни и тѣ же факты легли въ основаніе этихъ художественныхъ образовъ. Очевидно, что художественная правда въ обоихъ была одинакова и одинаково или почти одинаково отношеніе и анализъ имѣвшихся подъ рукою фактовъ дѣйствительной жизни, и потому и привело обоихъ къ почти одинаковымъ результатамъ. (Мы, конечно, говоримъ не объ равной цѣнности этихъ двухъ романовъ въ художественномъ смыслѣ и не ставимъ на равную доску одно изъ первыхъ созданій XIX вѣка,—„Confession", и „Elle et Lui", который и среди романовъ Жоржъ Сандъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Мы говоримъ лишь объ одинаковыхъ результатахъ психологическаго анализа въ обоихъ романахъ.) Поэтому ни „Confession", ни „Elle et Lui" не суть изображенія фактической исторіи любви между двумя поэтами, а лишь поэтическое развитіе одной и той же психологической

[1]) Вотъ какъ объ этомъ выражается Линдау: „Въ послѣднихъ двухъ частяхъ романа Мюссе развиваетъ ту же мысль, которую уже высказывалъ въ болѣе раннихъ произведеніяхъ: кто разъ предался пороку, тотъ отъ него не отдѣлается, онъ вѣчно будетъ въ его власти, порокъ исторгнетъ его изъ счастья, будетъ мучить его сомнѣніями, доведетъ его до несправедливости, сдѣлаетъ его несчастнымъ.

„Итакъ, Октавъ не въ состояніи оцѣнить женщину, которая его любитъ. Безъ всякаго повода имъ овладѣваетъ постыдное недовѣріе. Онъ мучаетъ бѣдную Бригитту, онъ даже грубо и жестоко обращается съ ней. Онъ начинаетъ ревновать вдову къ ея прошлому, онъ доходитъ даже до того, что упрекаетъ ее въ томъ, что она ему отдалась, и выводитъ отсюда жалостное заключеніе: отчего бы ей не отдаться и другому? Все это изображено съ ужаснымъ реализмомъ, съ незнающей границъ правдивостью. Все это написано съ натуры. Оскорбительныя чувства Октава — Мюссе испыталъ ихъ. По временамъ кажется, что читаешь главы изъ „Elle et Lui"... (sic!).

темы двумя великими писателями; посылки были однѣ и тѣ же, чувство художественной правды и сила анализа очень сходны у обоихъ—понятно, что заключенія вышли очень сходныя, сходныя въ иныхъ мѣстахъ до поразительности. Намъ, напр., очевидно, что когда въ обоихъ герояхъ дѣйствительнаго романа замолкло чувство обиды и утихла боль первыхъ страданій, и оба сумѣли отнестись критически ко всему происшедшему, то поняли, что виновникъ былъ не *онъ* и не *она*, а то, что въ обыденной жизни называется „не сошлись характерами", а что̀ въ этомъ случаѣ вѣрнѣе было бы назвать совершенной разностью вкусовъ, привычекъ и міровоззрѣній. Оба поняли, что не того, такъ другого факта было бы совершенно достаточно, чтобы развести ихъ обоихъ въ разныя стороны, заставивъ предварительно испытать всѣ муки такого внезапнаго разрыва, ибо безспорно, что оба страстно и искренно любили другъ друга. И вотъ, разсказывая свои поэтическія фантазіи на эту тему, и тотъ и другой писатель берутъ поводомъ и внѣшней причиной этого окончательнаго разрыва одинъ: англичанина Смита, другая: англичанина Пальмера. Намъ вовсе не интересно знать, надо или не надо подъ нимъ подразумѣвать доктора Паджелло. Намъ ясно одно: и Смитъ, и Пальмеръ личности совершенно незначительныя, блѣдныя, не интересныя, но они именно такими и должны были быть для большей художественной правды. И тотъ и другой писатель какъ бы хотятъ оттѣнить этою неинтересностью третьяго дѣйствущаго лица тотъ фактъ, что причина разрыва лежала въ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ—въ психологической необходимости разрыва, а потому и произошелъ онъ изъ-за вторженія въ ихъ судьбу этого безцвѣтнаго англичанина, какъ могъ произойти сто разъ изъ-за всякой другой личности, разговора или происшествія. И вотъ почему такъ и интересно сопоставленіе этихъ двухъ романовъ съ чисто художественной точки зрѣнія—это параллельное разрѣшеніе одной и той же психологической задачи двумя избранными умами и изображеніе ея въ сходныхъ художественныхъ образахъ. Всякому, кого интересуетъ этотъ, такъ сказать, химическій процессъ анализа и синтеза въ творчествѣ двухъ родственныхъ по поэтическому духу писателей, мы совѣтуемъ прочесть или перечесть эти романы одинъ за другимъ. Но тотъ, кто непремѣнно захочетъ искать пикантныхъ разоблаченій и фактовъ изъ жизни авторовъ, пусть лучше отложитъ ихъ въ сторону — онъ будетъ на ложной дорогѣ.

Прежде чѣмъ дойти до такого объективнаго изображенія

несчастья своей жизни, Мюссе, какъ „изъ своей великой скорби дѣлалъ маленькія пѣсни",—и совершенно правы критики, называющіе „Ночи", „Письмо къ Ламартину" и „Воспоминаніе"— перлами творчества Мюссе. Правы также Линдау и Баринъ, что всѣ 4 „Ночи" относятся къ Жоржъ Сандъ, тогда какъ Поль де-Мюссе пытается доказать, что „Nuit de Décembre" и „Nuit d'Août" навѣяны уже новою любовью Мюссе. При жизни Жоржъ Сандъ Поль де-Мюссе старался взвалить на нее обвиненія во всѣхъ несчастіяхъ жизни Альфреда и даже въ его преждевременной смерти; послѣ ея смерти—старался умалить ея роль въ жизни брата. Мы уже говорили въ первой главѣ, какъ съ этою цѣлью онъ намѣренно преувеличивалъ роли и M-me Colet, и кн. Бельджойозо и другихъ. Линдау, разбирающій „Nuits" съ точки зрѣнія психологической критики и внутренней ихъ связи, по-нашему, гораздо вѣрнѣе ихъ толкуетъ, чѣмъ Поль де-Мюссе, придерживающійся чисто хронологическихъ доказательствъ или утверждающій, напр., что „Nuit de Décembre" не могла относиться къ Ж. Сандъ, ибо у ней-де поэтъ не могъ просить прощенія, а въ „Nuit de Décembre" онъ получаетъ прощеніе отъ своей незнакомки. Но вѣдь это личное пристрастіе Поля де-Мюссе говоритъ, а тотъ поэтъ, который сумѣлъ посвятить такія полныя глубокаго раскаянія страницы, какія мы находимъ въ „Confession", вѣроятно, чувствовалъ себя виновнымъ въ глубинѣ своего сердца и очень можетъ быть, что именно счастливая любовь къ Луизѣ Коле и вызвала въ душѣ его воспоминанія о былыхъ страданіяхъ и былыхъ ошибкахъ — отсюда и „Nuit de Décembre". Значитъ, правы и Линдау и Баринъ, приписывая происхожденіе этого стихотворенія тому же источнику, что „Nuit de Mai" и Nuit d'Octobre", но правъ и Поль де-Мюссе, относящій написаніе его ко времени позднѣйшему. Но самый тотъ фактъ, что братъ Мюссе имѣлъ возможность, не отступая отъ фактической истины, всѣ эти стихотворенія относить къ разнымъ предметамъ любви Альфреда — лишаетъ всякаго вѣса ту проходящую черезъ всю книгу Линдау красною нитью мысль, что „eine Lüge hat ihn zu Grunde gerichtet", что „рана, привезенная изъ Италіи, никогда не зажила" и что „воспоминаніе о Ж. Сандъ его вѣчно преслѣдовало". Странно говорить о незаживающей ранѣ того, кто въ это самое время мучился то отчаяніемъ, то надеждой отъ любви къ другой, а потомъ къ нѣсколькимъ другимъ женщинамъ, и пережилъ не мало новыхъ печальныхъ и блаженныхъ дней. Но разумѣется, что такая избранная натура, какъ Мюссе, такая глубоко-чувствующая душа

не могла забыть своихъ прошлыхъ страданій, ибо, какъ сказалъ близкій ему по натурѣ Лермонтовъ: „радости забываются, печали—никогда“... или какъ онъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: „Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю — ничего!..“ И Мюссе не забывалъ бывшихъ печалей и ошибокъ.

А Поль де-Мюссе не только не желаетъ признать за этими воспоминаніями правъ на всѣ 4 „Ночи“, но не помѣстилъ даже въ посмертномъ собраніи сочиненій брата всѣ 6 стихотвореній обращенныхъ къ Жоржъ Сандъ. Онъ не соблаговолилъ напечатать и написанную Альфредомъ для перваго изданія „Леліи“ „*Пѣснь Стеніо*“—какъ мы указали выше.

Напрасно думаетъ Линдау, что лишь про Мюссе можно сказать, что „поэтъ не можетъ отказаться отъ своей индивидуальности, особенно такой искренній лирикъ, какъ Мюссе“, и что поэтому выраженіе имъ своихъ страданій въ пѣсняхъ—„непроизвольно“ и „вполнѣ естественно“, а что Жоржъ Сандъ имѣла какую-то цѣль, когда писала „Lettres d'un Voyageur“. Какъ у Мюссе „Confession“ явилась какъ бы эпическимъ заключеніемъ ряда лирическихъ стихотвореній, относящихся до Жоржъ Сандъ, такъ у Жоржъ Сандъ „*Письма путешественника*“ являются какъ-бы лирическимъ прологомъ къ „Elle et Lui“. Мы говоримъ, разумѣется, не обо всѣхъ „Письмахъ“, составившихъ впослѣдствіи цѣлый томъ, и въ числѣ которыхъ есть и чисто философскіе очерки, и полемическіе, и музыкальные и страницы изъ позднѣйшихъ путешествій по Швейцаріи (письма къ Листу, Эверару, Мейерберу, Герберу, Низару и т. д.)—мы говоримъ лишь о первой ихъ части, о 3 письмахъ къ *** (Мюссе), и письма къ Неро и Роллина т.-е. о №№ I, II, III, IV, V, и IX. Эти письма не только одно изъ прелестнѣйшихъ произведеній Жоржъ Сандъ, но и вообще это такія произведенія поэзіи, которыя никогда не старѣютъ и производятъ впечатлѣніе на читателей самыхъ различныхъ художественныхъ направленій, потому что согрѣты истиннымъ чувствомъ и написаны удивительнымъ, поэтическимъ языкомъ. Передать содержаніе этихъ „стихотвореній въ прозѣ“—невозможно. Картины природы, маленькія сценки итальянской жизни, постоянныя лирическія отступленія, обращенныя къ уѣхавшему другу, горестныя размышленія о своей судьбѣ и о судьбѣ всѣхъ живущихъ, смѣхъ и

слезы—все это смѣняется въ этихъ письмахъ такъ же быстро и легко, какъ въ любой поэмѣ Байрона или первыхъ поэмахъ Пушкина, но съ однимъ преобладающимъ оттѣнкомъ — безъисходной грусти и разочарованія. Кто не читалъ этихъ „*Писемъ*“, тому никакой разсказъ не дастъ о нихъ понятія; кто читалъ, того никакой пересказъ не удовлетворитъ; они полны неуловимыхъ оттѣнковъ мысли и настроенія, тончайшихъ штриховъ и захватывающаго лиризма.

Линдау все пытается вывести изъ нихъ заключеніе о раскаяніи Жоржъ Сандъ въ минуту ихъ написанія и прекурьезно негодуетъ, что въ то время какъ они такъ страстны, полны грусти объ уѣхавшемъ другѣ, полны искренняго, горячаго чувства,— „Elle et Lui“ холодна, трезва и разсудительна. Но въ томъ-то и дѣло, что „*Письма*“—это поэзія, лирика, а „Elle et Lui“— проза, разсужденіе на тему. Тамъ это непрестанныя лирическія изліянія, едва прикрытая псевдонимомъ путника личная исторія, которая именно въ силу своего лиризма совершенно заставляетъ насъ забывать тѣ факты и личности, кого надо подразумѣвать или вспоминать, точно такъ же, какъ мы можемъ до слезъ увлекаться, перечитывая

„Для береговъ отчизны дальней“ и т. д.

или

„Угасло дневное свѣтило,
„На море дальнее вечерній палъ туманъ“ и т. д.

и вольны не вспоминать при этомъ всякій разъ госпожу Ризничъ и то, что мужъ ея былъ одесскій негоціантъ и вообще всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя обыкновенно помѣщаются въ выноскѣ подъ этими стихотвореніями Пушкина. Тотъ читатель, который, перечитывая въ сотый разъ эти чудные стихи, будетъ забываться, будетъ самъ переживать ихъ, тотъ навѣрное будетъ подъ обаяніемъ и „Lettres d'un Voyageur“. Ибо эти письма не автобіографія и не романъ, а настоящая, глубокая, захватывающая поэзія, стихотворенія въ прозѣ. И мы думаемъ нѣтъ человѣка, одареннаго мало-мальски художественнымъ чутьемъ, который тотчасъ не почувствовалъ бы этого, читая „Письма Путешественника“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ строч-

[1]) Г. Маріетонъ приводитъ отрывокъ изъ письма Мюссе, изъ котораго видно, какъ восхищался этими „Письмами“ тотъ самый, кому они были посвящены, какъ безпокоился и волновался, видя въ этихъ задушевныхъ строчкахъ глубокую тоску и отчаяніе Жоржъ Сандъ и какъ гордился тѣмъ, что эти страницы относились къ нему. Жоржъ Сандъ, какъ извѣстно, черезъ него пересылала эти „Письма“ Бюлозу.

кахъ слышится нота самообвиненія, разочарованія въ самой себѣ и это такъ же естественно, какъ и у Мюссе. А въ „Elle et Lui“ авторъ — предсѣдатель, объективный и безстрастный судья, произносящій свое послѣднее слово послѣ того, какъ выяснились всѣ обстоятельства дѣла, послѣ того, какъ говорилъ и прокуроръ, и защитники, и сами подсудимые, и свидѣтели, однимъ словомъ, авторъ здѣсь то, чѣмъ, по возможности, долженъ быть объективный авторъ романа. Намъ кажется, что и самъ Линдау, упрекающій Жоржъ Сандъ въ томъ, что послѣ „страстныхъ, патетическихъ, грубоко-прочувствованныхъ, сострадающихъ“ страницъ „Писемъ“, она черезъ 23 года „имѣла возможность много обдумать, обсудить тему основательно и найти философское и психологическое объясненіе непонятнымъ событіямъ“ — этими самыми словами, желая осудить Жоржъ Сандъ, Линдау лишь, во-первыхъ, очень вѣрно опредѣляетъ разницу между „Письмами“ и „Elle et Lui“, а во-вторыхъ, передаетъ какъ разъ всю предварительную работу продѣлываемую всякимъ авторомъ передъ написаніемъ романа, имѣющаго психологическую загадку въ основаніи. „Тенденція романа, говоритъ Линдау, на стр. 156. ... есть такимъ образомъ попытка внушить (читателю), что Сандъ (вѣрнѣе было бы если-бы Линдау тутъ сказалъ: Тереза Жакъ) по отношенію къ Мюссе (т.-е. къ де-Фовелю) *не могла иначе поступить, какъ она поступила*“... и т. д. Но вѣдь таковъ въ сущности способъ, котораго придерживается всякій писатель во всякомъ произведеніи, это условіе требуется даже въ учебникахъ словесности отъ авторовъ: такъ изображать поступки дѣйствующихъ лицъ, чтобы они необходимо вытекали изъ данныхъ ихъ характеровъ и чтобы каждое лицо дѣйствовало именно такъ, какъ оно не могло бы не дѣйствовать. Именно изъ такого столкновенія характеровъ и происходятъ всѣ драмы и комедіи, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. И плохи тѣ произведенія, гдѣ дѣйствующія лица не являются вѣрными себѣ, а дѣйствія ихъ не логически необходимыми слѣдствіями ихъ натуры и характеровъ. Исключенія составляютъ лишь тѣ произведенія, гдѣ авторъ спеціально задается цѣлью изобразить лицъ, дѣйствія которыхъ вѣчно въ противорѣчіи съ ихъ мыслями или предыдущими поступками. Но всякому читателю ясно, что и тутъ такая постоянная нелогичность, непослѣдовательность, случайность поступковъ и чувствъ, безалаберность, — является именно тою же вѣрностью себѣ дѣйствующаго лица, его характерною чертою, которую авторъ и проводитъ до конца, и именно

уже изъ нея и вытекаютъ всѣ его поступки, страданія, радости и столкновенія съ другими. Значитъ, всегда авторъ дѣлаетъ то, что такъ смѣшно Линдау ставитъ въ упрекъ Жоржъ Сандъ за „Elle et Lui": всякій авторъ старается внушить читателю, что дѣйствующія лица его произведенія не могли поступить относительно другъ друга иначе, чѣмъ поступили.

Вліяніе Мюссе на Жоржъ Сандъ сказалось всего болѣе на первомъ и послѣднемъ изъ тѣхъ ея произведеній, которыя носятъ отпечатокъ итальянской поѣздки—это на „Альдо Риѳмачѣ" и на „Габріэлѣ". „Альдо" — одно изъ лучшихъ произведеній Жоржъ Сандъ, хотя его мало знаютъ, особенно у насъ, гдѣ тенденціозные романы имѣютъ всегда болѣе успѣха, чѣмъ чисто-художественные. Трудно опредѣлить съ точностью, въ чемъ тутъ сказалось вліяніе Мюссе, но оно чувствуется и въ общемъ замыслѣ, и въ колоритѣ всего произведенія, и въ формѣ монологовъ и діалоговъ, наконецъ въ немъ Жоржъ Сандъ попытала въ первый разъ ту форму „діалогированнаго романа", которая такъ напоминаетъ пьесы Мюссе, мало подходящія къ настоящимъ драмамъ.

„*Альдо*" такъ же мало пригоденъ для сцены, какъ и „On ne badine pas avec l'amour" [1])—хотя эту послѣднюю и даютъ на сценѣ. Такія пьесы самъ Мюссе считалъ пригодными болѣе всего для „спектакля въ креслѣ", т.-е. для чтенія. „Альдо" это тоже пьеска для „спектакля въ креслѣ", т.-е. настоящее поэтическое произведеніе безъ всякаго вниманія со стороны автора о томъ, какъ это выйдетъ на театрѣ. Все это слишкомъ нѣжно, поэтично и теряетъ въ румянахъ и бѣлилахъ, при огняхъ рампы, и слишкомъ тонко для разношерстной толпы, наполняющей театральную залу. Женщинъ-писательницъ много было и есть, но только одна писательница-поэтъ и это Жоржъ Сандъ, и именно эта черта такъ и выдѣляетъ ее изъ цѣлой плеяды громкихъ или извѣстныхъ именъ. Много есть прекрасныхъ призведеній литературы, подписанныхъ женскими именами, но всѣ эти произведенія стоятъ на границѣ между настоящимъ искусствомъ и беллетристикой. Произведенія

[1]) Г. de Спульберкъ отмѣчаетъ тотъ интересный фактъ, что самая знаменитая фраза Пердикана—героя этой пьесы, (фраза, часто цитируемая какъ profession de foi самого Мюссе въ разныхъ иностранныхъ біографіяхъ Мюссе — отмѣтимъ мы со своей стороны)—цѣликомъ взята Мюссе изъ письма къ нему Ж. Сандъ отъ 12 мая 1834 г., изъ Венеціи „J'ai souffert longtemps, je me suis trompé quelquefois, mais j'ai aimé. C'est moi qui ai vécu, et non pas un être factice, créé par mon orgueil ou mon ennui"...

Жоржъ Сандъ—такія, какъ „Альдо“, „Орко“, „Габріэль“—это настоящая поэзія, настоящее искусство. Потому-то, хотя для многихъ и вполнѣ безсознательно, Жоржъ Сандъ стоитъ совершенно отдѣльно и головою выше всей этой толпы женскихъ талантовъ и полуталантовъ. Какъ ни устарѣло многое, особенно по формѣ, но никогда съ этими произведеніями не случится того, что происходитъ съ произведеніями беллетристокъ: они имѣютъ интересъ современности, но черезъ 50, а то 30, а то и 10 лѣтъ уже кажутся старомодными, странными, ненужными. Какъ бы ни вѣяло добрымъ старымъ временемъ отъ иныхъ страницъ Ж. Сандъ, но во всякомъ изъ ея произведеній есть частица вѣчной, непреходящей истины, въ нихъ чувствуется свѣжій, горный воздухъ, который вѣетъ только на вершинахъ поэзіи. Чтеніе ея произведеній что-то лучшее будитъ въ насъ, подымаетъ со дна души какія-то силы, пробуждаетъ заснувшія стремленія, открываетъ вдругъ какіе-то свѣтлые горизонты: великій духъ вызываетъ къ жизни тѣ крошечныя, едва видимыя, часто смутныя и незамѣтныя частицы великаго духа, которыя есть въ каждомъ изъ насъ. И вотъ это и показываетъ, что Ж. Сандъ не писательница только, но поэтъ, поэтъ въ прозѣ. Эта прозаическая форма и мѣшала многимъ въ точномъ уразумѣніи иныхъ ея прекрасныхъ произведеній. Таковъ „*Альдо*“. Представьте, что „Альдо“ написанъ стихами — и тотчасъ исчезнутъ всѣ „длинноты“ или „безконечныя лирическія изліянія“, которыя ему ставятъ въ упрекъ, быть можетъ, иные любители реализма. Въ этой поэмѣ къ читателю говоритъ великая страждущая душа, томимая сомнѣніемъ и разочарованіемъ. Конечно, дѣйствіе ея происходитъ какъ-бы внѣ времени и пространства, королева Агандека царствуетъ не то въ Англіи, не то въ Венеціи, шутъ Тикль не то выскочилъ изъ драмъ Шекспира, не то изъ Виктора Гюго, но... опредѣлите, ради Бога, съ точностью, въ какую именно эпоху Манфредъ стоялъ у водопада и разговаривалъ съ Дѣвою Горъ? Скажите, неужели что-нибудь прибавляется или убавляется отъ вѣчной исторіи страданій души, подтачиваемой рефлексіей, — отъ того, что мы узнаемъ, что призракъ отца являлся ей на террасѣ именно Гельсинёрскаго замка? И не все ли равно, что Демонъ пролеталъ надъ вершинами Кавказа, вмѣсто того, чтобъ пролетать,—какъ ему полагалось по первоначальному плану поэмы,—надъ Испаніей? Повѣрьте, что эти хронологическія и географическія точности необходимы тамъ, всѣ гдѣ дѣло идетъ о точномъ историческомъ произведеніи (Юліи Цезарѣ, Гёцѣ, или Борисѣ Годуновѣ), но въ „Манфредѣ“,

„Демонѣ“, „Альдо“ намъ важна человѣческая душа, только ее мы и видимъ и если мы глубоко тронуты, и глубока мысль произведенія и красиво выражена сильнымъ, звучнымъ языкомъ, то мы уже не обращаемъ вниманія на то, есть ли въ произведеніи погрѣшности противъ реальной правды. Болѣе того,— излишняя, мелочная точность, необходимая въ какомъ-нибудь современномъ романѣ, только вредила бы, затемняла бы и умаляла вѣчное и общее значеніе такого поэтическаго произведенія. Обращаемся, напр., въ точности къ „Альдо“,—кто такой этотъ самый Альдо? Какому времени или народу принадлежитъ онъ? Никакому! Это поэтъ вообще, или, вѣрнѣе сказать, поэтическая душа въ борьбѣ съ дѣйствительностью, тотъ поэтъ, который не только слагаетъ звучныя риѳмы, но переживаетъ душою всякое свое произведеніе, который поэтъ къ тому же не только въ произведеніяхъ, но и въ своей жизни. Свою чувствительность, отзывчивость, впечатлительность на всякое явленіе, внѣшнее и внутреннее, онъ не можетъ оставлять лишь за стѣнами своего кабинета, а въ жизни быть человѣкомъ какъ всѣ. Нѣтъ, онъ живетъ не по нашему, не тою тусклою и вялою жизнью, полною лишь матеріальныхъ интересовъ,—онъ живетъ все время всею душою, про него надо сказать, какъ сказалъ про себя Мюссе: „Мой подвижной и любопытный духъ все время колеблется, какъ стрѣлка компаса“. На всякія впечатлѣнія бытія онъ отзывается, онъ ищетъ въ жизни того же, что́ и въ пѣсняхъ своихъ: внѣшней и духовной красоты, вѣрности, вѣчности, всеобъемлющаго чувства. Онъ не умѣетъ жить въ мірѣ, гдѣ всѣ мысли и чувства „лишь на срокъ“, онъ слишкомъ много даетъ своей души, онъ постоянно мечетъ бисеръ — и получаетъ въ отвѣтъ лишь насмѣшки, практическіе совѣты, разочарованія и непониманіе въ самыхъ близкихъ, любящихъ его людяхъ. Мы привели выше удивительный монологъ „Альдо“ оканчивающійся словами: *„Но поэтъ—это я! То огненное сердце, которое выливается въ огненныхъ стихахъ — я не могу вырвать его изъ груди своей!... Что же такое поэзія? Не думаете ли вы, что это только искусство набирать слова“*... Развѣ эти строчки не говорятъ намъ того же, что́ сказалъ Гейне:

„Und als ich über meine Schmerzen geklagt,
Da habt Ihr gegähnt und nichts gesagt;
Doch als ich sie zierlich in Verse gebracht,
Da habt Ihr mir grosse Elogen gemacht“.

Развѣ мы даже въ нашей обыденной жизни не видимъ сплошь и рядомъ страданій людей, которымъ, казалось бы, жить да жить,

все у нихъ есть, всякій на ихъ мѣстѣ былъ бы доволенъ и счастливъ, а они вѣчно рвутся куда-то, чего-то хотятъ, увлекаются и вещами и людьми, вовсе незаслуживающими ихъ любви или удивленія, разочаровываются, горятъ, тратятъ свою душу даромъ, и страдаютъ и мучаются. А отчего?—Да это все Альдо-Риѳмачи! Всѣ они явились на свѣтъ съ поэтической душой, и если они не пишутъ стиховъ, то это лишь внѣшнее отличіе. Но въ душѣ ихъ горитъ вѣчный огонь, они вѣчно рвутся куда-то прочь изъ мелочной жизни, гонятся за идеаломъ и отдаютъ себя на растерзаніе тѣмъ, кто вовсе и не понимаетъ, какое сокровище они попираютъ ногами. А когда они и на самомъ дѣлѣ поэты,—тогда еще хуже, тогда имъ „дѣлаютъ величайшія похвалы“ за сонеты, но когда они жалуются на свои истинныя страданія, тогда смѣются, „покиваютъ главами“ и „ничего не говорятъ“. Это старая и вѣчная исторія и вѣчно правдивая. Это грустная и вѣрная исторія страданій художественной натуры въ борьбѣ съ дѣйствительностью, и она дорога всякому, кто хоть отчасти самъ пережилъ подобныя страданія и можетъ понять ихъ. А тотъ, кто такъ можетъ изобразить ихъ—тотъ и самъ поэтъ, и хорошо понимаетъ другого поэта, какъ Жоржъ Сандъ понимала Мюссе, когда въ 1833 году писала „Альдо“.

„*Габріэль*“ былъ написанъ Жоржъ Сандъ въ началѣ 1839 года, когда она, на возвратномъ пути съ Майорки, остановилась съ больнымъ Шопеномъ въ Марсели, откуда съѣздила на нѣсколько дней въ Геную. Уже въ 1837 году фонтенеблоскій лѣсъ напомнилъ ей любовь къ Мюссе и венеціанскую поѣздку—и тогда она тамъ написала, какъ мы сказали — „Послѣднюю Альдини“, одну изъ своихъ венеціанскихъ повѣстей. Генуя—этотъ первый итальянскій городъ, куда счастливые молодые любовники пріѣхали въ 1833 году—Генуя тоже пахнула на Жоржъ Сандъ чудными воспоминаніями юности, и, вернувшись въ Марсель, она написала „Габріэля“.

Габріэль—(Gabriel или Gabrielle)—внучка стараго герцога Юлія Браманте; у него было два сына, у старшаго, покорнаго отцу, не было дѣтей; у младшаго, блуднаго сына, былъ сынъ Астольфъ. Старикъ ни за что не хотѣлъ допустить, чтобъ наслѣдство перешло къ младшей линіи. У старшаго сына родилась дочь. Мать ея умерла. Старый деспотъ, съ согласія слабаго сына, выдаетъ внучку за внука и съ этою цѣлью воспитываетъ ее вдали отъ свѣта, въ совершенномъ уединеніи, съ глазу на глазъ съ аббатомъ-гувернеромъ, который не только воспитываетъ ее, какъ молодого спартанца, но старается еще внушить ей

презрѣніе и отвращеніе ко всему женскому полу. Результатовъ онъ достигаетъ блестящихъ: Габріэль скачетъ верхомъ, фехтуетъ и стрѣляетъ, какъ самый ловкій юноша, презираетъ опасности, говоритъ всѣмъ правду; она смѣла, мужественна и правдива— однимъ словомъ, отличается всѣми мужскими добродѣтелями. Но когда настаетъ день, въ который дѣдъ открываетъ ей тайну ея (о которой сама Габріэль, оказывается, уже догадалась) — Габріэль возмущается, въ негодованіи осыпаетъ дѣда упреками за такой отвратительный обманъ, покидаетъ замокъ и пускается отыскивать своего кузена, который въ батюшку—кутила и игрокъ. Габріэль хочетъ загладить несправедливость дѣда. Она встрѣчаетъ Астольфа въ разбойничьемъ игорномъ притонѣ и спасаетъ отъ предательскаго нападенія; молодые люди дружатся, поселяются вмѣстѣ,—результатомъ является, разумѣется, раскрытіе тайны и взаимная любовь. Воспитатели закалили волю и характеръ Габріэли, но не могли измѣнить ея женскаго сердца. Покорная своему новому чувству, она слѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ въ скромное жилище его матери. Но, съ одной стороны—при всей любви къ своей подругѣ Астольфъ не можетъ отдѣлаться отъ разныхъ мужскихъ взглядовъ и предразсудковъ, ревнивъ и недовѣрчивъ. Габріэль же слишкомъ самостоятельна, горда и не обладаетъ разными женскими уловками, удобными въ семейной жизни. Она возстанавливаетъ этимъ противъ себя всю семью мужа. Съ другой стороны—старикъ Юлій, боясь открытія своего вѣроломнаго обмана, рѣшается такъ или иначе, живой или мертвой, захватить Габріэль въ свои руки. Ревность Астольфа является пособницей злодѣйскихъ происковъ старика. Наемный убійца закалываетъ Габріэль въ то время, какъ она, убѣжавъ изъ-подъ замка̀, мечтаетъ добровольно покончить съ собою, извѣрившись въ возможности счастья и не будучи въ состояніи жить въ вѣчномъ рабствѣ, безъ довѣрія мужа, безъ свободы. Въ этомъ „діалогированномъ романѣ“ много жизни, дѣйствіе идетъ быстро впередъ, характеры Астольфа и Габріэли очерчены ярко и сильно, и необыкновенно мѣтко выставленъ конфликтъ этой честной, открытой, мужественной души съ окружающими ее жизнью и характерами. Читатель прежде всего задаетъ себѣ вопросъ: почему-же погибла Габріэль? И авторъ отвѣчаетъ ему: потому что то̀, что считается добродѣтелью, развивается и воспитывается въ мужчинахъ—женщинѣ приноситъ горе и дѣлаетъ ее непригодною для жизни; пока Габріэль въ мужскомъ костюмѣ— все отлично, чуть она одѣла платье, принадлежащее ея полу,— всѣ ея качества становятся недостатками, точно будто для че-

ловѣческихъ существъ разныхъ половъ должны быть два разные кодекса морали. Вопросъ, какъ видитъ читатель, интересный. На этотъ вопросъ, быть можетъ, Жоржъ Сандъ натолкнулась какъ-разъ во время своего пребыванія на Майоркѣ съ аристократически-требовательнымъ и болѣзненно-чувствительнымъ Шопеномъ. Но пріѣхавъ въ Геную и охваченная воспоминаніями о Мюссе, Жоржъ Сандъ придала этой темѣ форму произведеній Мюссе, и надо отдать справедливость, достигла почти совершенства. Годъ спустя, въ 1840 г. Бальзакъ, прочтя это произведеніе, писалъ Жоржъ Сандъ [1]), чтобъ она непремѣнно передѣлала его для сцены, находя его превосходнымъ. Мы скажемъ, что совершенно согласны съ Бальзакомъ и даже находимъ, что ни одна изъ пьесъ Жоржъ Сандъ, имѣющихъ успѣхъ на сценѣ, даже препрославленный „Маркизъ де-Вилльмеръ“, по нашему, не имѣетъ ни жизненности, ни живости дѣйствія „Габріэля“. И опять-таки тонъ, колоритъ, типы, разговоры — все это подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Мюссе. А красота формы дѣлаетъ то, что произведеніе это ничуть не устарѣло и теперь.

Мы не будемъ говорить тутъ о „Жакѣ“, о которомъ говорили уже выше и будемъ еще говорить ниже. „*Леоне-Леони*“ — одинъ изъ романовъ, пользовавшихся наибольшимъ успѣхомъ у современниковъ — чрезвычайно устарѣлъ для нашего времени. Жоржъ Сандъ хотѣла изобразить въ немъ какъ бы отвѣтъ на тему „Манонъ Леско“, но тутъ роль соблазнительной грѣшницы передана мущинѣ, игроку и герою à la байроновскіе злодѣи,— Леоне-Леони, а роль гибнущаго изъ-за любви къ Манонъ — Дегріе, молодой дѣвушкѣ, Жюльетѣ. Въ свое время *Леоне-Леони* оказалъ очень сильное вліяніе на молодежь. Многіе молодые современники романа усмотрѣли въ немъ полнѣйшее выраженіе той самоотверженной и самозабвенной любви, которая заставляетъ любящаго человѣка, отказавшись отъ общественныхъ предразсудковъ и даже отъ уваженія людского, принеся все въ жертву своему чувству, закрывъ глаза на всѣ слабости и недостатки, и даже пороки и преступленія любимаго существа,—идти за нимъ на край свѣта, раздѣлять его несчастья и позоръ. Такъ смотрѣлъ на *Леоне*, напримѣръ, Францъ Листъ, въ жизни котораго этотъ романъ сыгралъ какъ бы роковую роль, ибо появленіе его какъ разъ въ то время, когда рѣшалась судьба дальнѣйшей любви графини д'Агу къ юному піанисту, кажется, заставило эту экзальтированную голову рѣшиться послѣдовать примѣру Жюльеты, отправиться въ добровольное изгнаніе за геніальнымъ музыкантомъ и такимъ образомъ сдѣлать первый рѣшительный шагъ на ихъ общемъ

[1]) Неизданное письмо.

злополучномъ пути. Съ другой стороны въ наши дни г. Анри Амикъ находитъ, что какъ Жюльета, порабощенная страстью къ Леони, бросаетъ ради него преданнаго и любящаго ее безкорыстно человѣка и покорно отдается вновь во власть мучительной любви Леони, такъ и Ж. Сандъ, ясно сознавая какъ преданно любитъ ее Паджелло, тѣмъ не менѣе не могла побороть всевластную страсть къ Мюссе, вновь охватившую ее, едва она вернулась въ Парижъ, и что поэтому прощальное письмо Жюльеты къ Бустаменте можно смѣло считать за то письмо, которое *могла бы* написать къ Паджелло Аврора Дюдеванъ въ августѣ 1834 года. Дѣйствительно такое замѣчаніе не лишено справедливости, а въ анализѣ страсти Жоржъ Сандъ достигаетъ большого совершенства. Но обстановка, сами герои, разговоръ— все это вѣетъ чѣмъ-то до того древнимъ и неестественнымъ, что, по нашему, это одинъ изъ тѣхъ романовъ Жоржъ Сандъ, которые можно смѣло рекомендовать не читать теперешнимъ читателямъ.

Мы позволяемъ себѣ къ этимъ же венеціанскимъ повѣстямъ отнести и *Личнаго Секретаря*, хотя дѣйствіе его происходитъ не въ Венеціи, а въ той же фантастической странѣ, гдѣ живутъ и королева Агандека съ Альдо-Риѳмачемъ. Впрочемъ, прекрасная резиденція княгини Квинтиліи Кавальканти,—Монтерегале—хоть и выстроена „въ восточномъ вкусѣ“ (?!), но лежитъ повидимому въ сѣверной Италіи, вѣроятно недалеко отъ Генуи или Монако, ибо Квинтилія со своей веселой наперсницей Джинетой, пажемъ Галеотто и старымъ секретаремъ, аббатомъ Сципіономъ, ѣдутъ туда изъ Парижа черезъ Ліонъ и Авиньонъ, близъ котораго и встрѣчаютъ „бѣднаго, но благороднаго“ молодого человѣка, Сенъ-Жюльена, будущаго личнаго секретаря интересной княгини. А княгиня дѣйствительно очень интересная особа. Мы не говоримъ уже о томъ, что у нея „самые густые и длинные волосы, какіе когда-либо видѣлъ Сенъ-Жюльенъ“, черные, какъ вороново крыло, (и кажется очень похожіе на тѣ косы, которыя такъ нравились Мюссе). Мы не говоримъ уже о томъ, что эта прелестная капризница идеально хороша собой, умница, образована, какъ нѣмецкій профессоръ, читаетъ по-гречески и по-латыни, какъ истая итальянка временъ Возрожденія, что она умѣетъ при случаѣ (вѣрно ее этому обучилъ старикъ Дешартръ) перевязать раны и полѣчить больного, что она такъ увлекается естественной исторіей, что устраиваетъ у себя во дворцѣ „Энтомологическій балъ“, на которомъ всѣ ея дамы и придворные являются въ видѣ воз-

душныхъ бабочекъ въ бархатныхъ корсажахъ, блещущихъ атласными панцырями жуковъ, сверкающихъ драгоцѣнными уборами мухъ и смѣшныхъ зеленыхъ сверчковъ [1]). Не говоримъ и о томъ, что Квинтилія обожаетъ искусство и литературу, но горячо принимаетъ къ сердцу и общественные вопросы, и что въ странѣ, управляемой ея бѣлой ручкой, царствуетъ справедливость и забота о меньшой братіи. Нѣтъ, княгиня кромѣ того оригинальна и эксцентрична въ своемъ образѣ жизни (что она любитъ курить это ужъ само собой разумѣется!), она горда своей самостоятельностью и независимостью, она презираетъ общественное мнѣніе, смѣется надъ сплетнями и клеветою, требуетъ, чтобы друзья ея умѣли любить ее наперекоръ всѣмъ слухамъ, вздорнымъ росказнямъ и необъяснимымъ странностямъ ея поведенія. Все свое спокойствіе, силу, твердость Квинтилія почерпаетъ въ любви Макса Спарка, нѣмецкаго принца, съ которымъ она тайно обвѣнчана, но который, оберегая свое счастье и любовь, какъ святыню, отъ людскихъ взоровъ и сужденій, не хочетъ, чтобы къ этому счастью примѣшивались какія бы то ни было побочныя соображенія и мелкіе интересы, и потому не желаетъ ни раздѣлять власти съ Квинтиліей, ни являться предъ людьми въ роли ея счастливаго обладателя. Разумѣется эта тайная любовь является причиною всевозможныхъ клеветъ, злословія и непріятностей для Квинтиліи, въ томъ числѣ и со стороны Сенъ-Жюльена и Галеотто, которые всѣ влюблены въ свою очаровательную повелительницу. Разумѣется также, что въ концѣ-концовъ все „оказывается" ко всеобщему благополучію. Фабула романа, со всѣми своими переодѣваніями, таинственными павильонами, таинственными появленіями однихъ и тѣхъ же лицъ подъ разными именами и совсѣми своими запутанными хитросплетеніями, теперешнимъ читателямъ покажется невѣроятно-дѣтской и придуманной. Впрочемъ и сама Ж. Сандъ очень строго относилась къ этому роману и не разъ высказывала это въ своихъ письмахъ къ Сентъ-Беву. Такъ, напр., она пишетъ ему 14 ноября 1833 г.:

... „Теперь я прошу васъ... оказать мнѣ дружескую услугу. А именно — прочитать *Личнаго Секретаря* въ рукописи, прежде чѣмъ начнется печатаніе. Дайте мнѣ совѣтъ, пока еще можно сдѣлать поправки. Я не обѣщаюсь слѣпо покориться всѣмъ вашимъ замѣчаніямъ, ...ибо мы всегда отдаемъ часть самихъ себя въ свои произведенія, и часто также привержены къ своимъ недостаткамъ, какъ

[1]) Этотъ прелестно написанный эпизодъ еще до выхода въ свѣтъ романа появился въ видѣ отдѣльнаго отрывка въ изданіи „Dodécaton."

къ своимъ достоинствамъ, но просвѣщенный читатель всегда лучше насъ видитъ, дурно или хорошо мы передаемъ наши личныя мысли, и мѣшаетъ намъ облекать наши чувства въ дурную форму... Впрочемъ я мало дорожу тѣмъ, что посылаю вамъ. Это не романъ, не сказка, это, я боюсь, поддѣльная смѣсь изъ Гофмана и меня самой. Я хотѣла развлечь свой умъ, не знаю развлеку ли я читателей. Я боюсь, что это произведеніе слишкомъ растянуто при легковѣсности своего сюжета. Я сначала сдѣлала изъ этого повѣсть, но нужда въ деньгахъ и не знаю какое насмѣшливое настроеніе заставило меня намарать гораздо болѣе бумаги, чѣмъ слѣдовало. Примите все это во вниманіе и, если эта книга достойна жалости (pitoyable), то не слишкомъ обезкураживайте меня"...

А 27 ноября она опять пишетъ Сентъ-Беву:

„Ваши возраженія разсердили меня не противъ васъ, а противъ меня самой, такъ какъ я ихъ заслужила... Я сократила всю сельскую часть и сразу приступаю къ Кавальканти, такимъ образомъ весь разсказъ происходитъ въ томъ фантастическомъ мірѣ, куда я его такъ неловко завела. Вы совершенно правы, что любите вполнѣ реальныя вещи; я больше люблю фантастическія, но знаю, что я неправа, поэтому буду писать ихъ мало, изрѣдка, для собственнаго удовольствія. Я лучше бы сдѣлала, еслибъ напечатала послѣ *Леліи* романъ, болѣе подходящій къ манерѣ Вальтера Скотта, но эта *Квинтилія* была уже далеко подвинута; а нужда въ деньгахъ не позволила мнѣ подержать ее подольше въ портфелѣ. Эта же причина мѣшаетъ мнѣ измѣнить весь складъ разсказа; для этого слѣдовало бы начать его сначала, а онъ того не стоитъ... Единственная идея, о которой я заботилась въ немъ, это: показать, какъ прекрасно довѣріе въ любви, и представить, какъ несправедливо и глупо пошлое общественное мнѣніе (la butorderie de l'opinion). Какъ вы вѣрно замѣтили, я начала исторію Сенъ-Жюльена въ другихъ видахъ, и обѣ половины (романа) дурно согласуются. Я выпустила это начало, сдѣлаю изъ него начало совсѣмъ деревенской повѣстушки и вложила теперь въ уста моего личнаго секретаря, уже во время пребыванія въ Монтерегале, разсказъ о его юности, въ которомъ я постаралась обрисовать его нравъ болѣе въ соотвѣтствіи съ продолженіемъ романа. Я не согласна съ вашимъ мнѣніемъ о двухъ вещахъ: во 1-хъ, о любви, которую, по вашему мнѣнію, Квинтилія должна была бы почувствовать къ нему, во-вторыхъ, о снисхожденіи, которое она должна была бы проявить къ нему подъ конецъ. Я думаю, что въ томъ и въ другомъ случаѣ этимъ нарушился бы ея характеръ: взбалмошный, но честный и твердый, какъ я хочу представить мою княгиню. Только я еще воспользуюсь вашими мнѣніями, которыя сами по себѣ правильны: я заставлю себя, разсказчика, или кого-либо изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ сознаться передъ читателемъ, что Кавальканти и неосторожна и не безупречна. Это вполнѣ моя мысль: представить ее такой благоразумной и такой безумной"...

Итакъ Ж. Сандъ была недовольна этимъ романомъ и ясно видѣла всѣ его недостатки, но очевидно онъ былъ ей дорогъ

по тѣмъ „*личнымъ чувствамъ*“, которыя она въ него вложила, что намъ вполнѣ объясняетъ, почему и Бальзакъ находилъ такое большое сходство между Квинтиліей и самимъ авторомъ [1]). И это *личное*, вложенное Ж. Сандъ въ романъ, было именно то „довѣріе въ любви“, то скрытое отъ всѣхъ счастье, которое помогаетъ переносить и злословіе общества, и вражду и клевету, которое тогда переполняло ея душу, благодаря счастливой любви къ Мюссе, и которое сдѣлало то, что „Личный Секретарь“ является какъ бы противовѣсомъ „Леліи“, этого воплощеннаго недовѣрія и невѣрія.

Мы предполагаемъ, что сокращенная и выпущенная „сельская часть“, относящаяся до юности героя, Сенъ-Жюльена, и его одинокихъ мечтаній и стремленій, послужила потомъ Ж. Сандъ для *Андрэ*.

„Андрэ“ хоть и написанъ въ Венеціи, но никакого отношенія до венеціанской жизни не имѣетъ, и потому мы его тутъ разбирать не будемъ.

Венеціанскія повѣсти Жоржъ Сандъ, въ точномъ смыслѣ слова, написаны ею между 1834 и 1838 гг., это: *Маттеа* (1835), *Послѣдняя Альдини* (1837), *Мозаичисты* (1837), *Ускокъ* (1838) и *Орко* (1838). Большинство изъ нихъ начинается маленькимъ прологомъ: въ Венеціи на верандѣ (читай: въ Ноганѣ, на террасѣ) собралось при свѣтѣ луны и пѣніи соловья маленькое дружное общество: поэтъ Зорзи (сама Жоржъ Сандъ по венеціанскому произношенію ея имени), аббатъ Паноріо, докторъ Акроцероніусъ, турокъ Ассеимъ Зузуфъ, красавица Беппа и оперный пѣвецъ Леліо (Всѣ эти псевдонимы появлялись уже и раньше—„въ Письмахъ Путешественника“ и подъ ними иногда можно подразумѣвать: Мюссе, Паджелло, сестру Паджелло, графиню д'Агу, Листа и др.). Они весело ужинаютъ, поютъ, курятъ, прохлаждаются и поочередно разсказываютъ другъ другу занимательныя исторіи, которыя авторъ и преподноситъ читателямъ.

Такъ, аббатъ Паноріо якобы разсказываетъ „*Мозаичистовъ*“, которыхъ Жоржъ Сандъ написала по просьбѣ своего маленькаго сына, проливавшаго горькія слезы надъ „Полемъ и Виржини“ и просившаго мать написать для него какую-нибудь „исторію безъ любви“ [2]). Жоржъ Сандъ это и сдѣлала, написавъ пре-

[1]) См. ниже, главу XIII.

[2]) Г. Скальковскій въ своей статьѣ о Ж. Сандъ въ книжкѣ „Женщины Писательницы XIX столѣтія“. (Спб., 1865) передаетъ объ этомъ фактѣ какъ разъ навыворотъ, утверждая, что маленькій Морисъ былъ „слишкомъ взволно-

лестную повѣсть изъ жизни художниковъ Возрожденія, гдѣ всѣ поступки дѣйствующихъ лицъ не имѣютъ никакого отношенія до этого ужаснаго чувства любви, такъ не нравившагося маленькому Морису Дюдевану. Эту повѣсть можно смѣло рекомендовать для чтенія юношеству; она и поучительна, и изящно написана и... для насъ съ вами, читатель, немного скучна, но отъ нея вѣетъ чѣмъ-то дѣйствительно художественнымъ и видно, что другъ Жоржъ Сандъ, граверъ Каламатта, къ которому она обращалась за разными совѣтами во время писанія этой повѣсти—много поразсказалъ ей о бытѣ художниковъ, да и самъ очевидно послужилъ оригиналомъ, съ котораго Жоржъ Сандъ написала своего идеалиста-мастера [1]).

Пѣвецъ Леліо разсказываетъ исторію двухъ „*Альдини*“ — матери и дочери, по очереди подарившихъ ему свою любовь; первая полюбила его простымъ гондольеромъ, распѣвавшимъ на кормѣ гондолы свои простыя пѣсни, и взяла его во дворецъ ради развитія его чуднаго голоса и музыкальнаго таланта. Юный гондольеръ съумѣлъ уберечься и отъ соблазновъ роскоши и даже отъ соблазновъ любви и тѣмъ спасъ готовую пожертвовать для него всѣмъ, безхитростную, но слабую гр. Альдини. Сдѣлавшись опернымъ пѣвцомъ и знаменитостью, Леліо знакомится съ дочерью Альдини, той маленькой Алезіей, которую онъ нѣкогда нянчилъ, и которая теперь обратилась въ гордую красавицу, охотно играющую своими поклонниками, какъ кошка мышками. Она старается именно такъ поступить и съ Леліо, но сама страстно влюбляется въ него. Однако, когда раскрывается, что Леліо тотъ самый маленькій пѣвецъ, котораго нѣкогда любила ея мать и который благородно отказался отъ нея ради ея счастья и спокойствія и ради свободы и искусства, тогда и Алезія отказывается отъ своей любви, выходитъ замужъ за своего на-

ванъ при чтеніи Maîtres-Mosaïstes, которые поэтому оказались неудобными для чтенія ребенка“...

[1]) См. Correspondance. T. II, pp. 73—81. Каламатта по просьбѣ Ж. Сандъ прислалъ ей рисунки и описанія костюмовъ эпохи Возрожденія. Кромѣ того Ж. Сандъ пишетъ: „...Lisez dans le prochain numéro de la Revue les „Maîtres-Mosaïstes“. C'est peu de chose, mais j'ai pensé à vous en traçant le caractère de Valério. J'ai pensé aussi à votre fraternité avec Mercuri. Enfin je crois que cette bluette réveillera en vous quelques unes de nos sympathies et de nos saintes illusions de jeunesse... („...Прочтите въ слѣдующемъ № Revue „Мозаичистовъ“. Это мелочь, но я думала о васъ, набрасывая характеръ Валеріо. Я также думала о вашемъ братствѣ съ Меркури. Однимъ словомъ я полагаю, что эта бездѣлка пробудитъ въ васъ нѣкоторыя изъ нашихъ симпатій и святыхъ иллюзій юности...“).

реченнаго—кузена, а Леліо вновь возвращается къ своей скитальчески-свободной жизни и любимому искусству. Въ этой повѣсти лучше всего удался характеръ молодой дѣвушки. Эта смѣсь кокетства и гордости, маленькаго лукавства и большого прямодушія, женственности и смѣлости дѣлаютъ ее однимъ изъ симпатичнѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ женскихъ типовъ Жоржъ Сандъ.

„*Маттеа*“—премилая и превеселая жанровая картинка изъ венеціанской жизни. Въ ней Жоржъ Сандъ попыталась изобразить тѣ разнохарактерные типы разноплеменнаго венеціанскаго населенія, которые писательница наблюдала, покуривая свои сигаретки на площади Св. Марка въ обществѣ Мюссе или Паджелло, или странствуя съ Паджелло и его друзьями по островамъ Венеціанскаго Архипелага. Въ „Маттеа“ много юмору, наблюдательности и даже—при всей ея романтической окраскѣ,—много реализма. Особенно это сказывается въ изображеніи характера и судьбы самой Маттеи, въ которыхъ много повидимому списано съ натуры, и съ натуры весьма автору близкой. Такъ напр. вотъ портретъ Маттеи:

„У нея было живое, легко-воспламеняющееся воображеніе, гордое и великодушное сердце и сильный характеръ. Если бы всѣ эти качества были хорошо направлены, Маттеа была бы самымъ счастливымъ ребенкомъ на свѣтѣ... но госпожа Лоредана, мать ея, со своимъ *необузданнымъ характеромъ, своимъ непріятнымъ и придирчивымъ нравомъ. со своимъ упрямствомъ, доходящимъ до деспотизма*, если и не испортила, то раздражила эту прекрасную душу до того, что сдѣлала ее *гордой*, *упрямой* и *даже немножко дикой* (farouche). Въ ней, правда, отчасти отражался и непреклонный характеръ матери, но смягченный добротой и любовью къ справедливости... Возвышенный умъ, полученный ею лишь отъ Бога и *чтеніе украдкой во время часовъ, предназначенныхъ для сна*, нѣсколькихъ романовъ возвысили ее надъ ея родными, хотя она и была очень невѣжественна и болѣе наивна, чѣмъ бываетъ воспитанная среди современнаго намъ цивилизованнаго общества восьмилѣтняя дѣвочка. Воспитанная сурово, хотя и заботливо, *Маттеа часто выслушивала выговоры и даже получала въ дѣтствѣ побои за самые* неважные проступки, и потому въ ней зародилось чувство страха къ матери, часто переходившее въ отвращеніе. Гордо и съ затаеннымъ бѣшенствомъ вынося эти наказанія, *она пріучила себя переносить ихъ въ мрачномъ молчаніи*, *героически отказываясь* умолять своего тирана или даже показать, что она чувствуетъ оскорбленіе. *Бѣшенство матери лишь усугублялось отъ этого сопротивленія*... Съ годами Маттеа призвала къ себѣ на помощь противъ этого угнетенія осторожность и изъ страха, а можетъ быть и изъ отвращенія, пріучила себя въ этой борьбѣ къ строгому повиновенію—и молчаливому и точному исполненію приказаній; но то убѣжденіе, которое покоряетъ сердца, съ каждымъ днемъ удалялось изъ ея

сердца. Что ее можетъ быть болѣе всего и справедливо возмущало, это то, что ея мать среди своихъ необузданныхъ выходокъ, несправедливостей и деспотизма желала отличаться строгимъ благочестіемъ и принуждала ее исполнять самые мелочные ханжескіе обряды... Хотя она и любила добродѣтель, хотя она и поклонялась Христу, и проливала у ногъ Его ежедневно горькія слезы, *бѣдная дѣвушка тѣмъ не менѣе осмѣлилась,* о неслыханное дѣло въ то время и въ этой странѣ! *внутренно произвольно отступить отъ многихъ церковныхъ догматовъ.* Безсознательно *и не споря ни о чемъ, она создала себѣ свою собственную религію, чистую, искреннюю и инстинктивную.*“

Одинокая, не находя ни въ комъ поддержки, даже въ своей крестной, княгинѣ Гика, (которая была по характеру своему столь же слаба и взбалмошна, какъ впавшая въ дѣтство старушка бабка Авроры въ послѣдній годъ своей жизни,—на которую впрочемъ она ничуть не походила), Маттеа мало-по-малу стала предаваться размышленіямъ самымъ мрачнымъ и меланхолическимъ и мечтала объ удаленіи въ пустыню и о прелестяхъ одинокой жизни среди природы. Все это — точно страницы изъ *Histoire de ma Vie*, и вмѣсто именъ Лореданы и Маттеи такъ и хочется поставить Софію Антуанетту и Аврору. Не менѣе напоминаютъ дѣйствительныя событія жизни Авроры тѣ строчки исторіи Маттеи, гдѣ говорится о томъ, какъ ея духовникъ неделикатно и безцеремонно отнесся къ ея исповѣди и какъ она „*имѣла твердость отказаться отъ разрѣшенія и исповѣди*“. И даже внезапная рѣшимость Маттеи покинуть невыносимую атмосферу родительскаго дома и наивное письмо ея къ турку Абулъ-Амету, котораго она почти не знала, съ просьбою взять ее къ себѣ, —невольно заставляютъ насъ вспомнить о необдуманномъ и легковѣсномъ рѣшеніи Авроры выйти за Казиміра Дюдевана, котораго она знала такъ-же мало,—лишь бы уйти отъ матери. Такимъ образомъ въ этой милой вещицѣ Жоржъ Сандъ перенесла въ венеціанскую обстановку и придала яркій мѣстный колоритъ лично пережитымъ чувствамъ, настроеніямъ и наблюденіямъ, вынесеннымъ изъ собственной жизни.

Ассеимъ Зузуфъ, спокойный турокъ, спокойно разсказываетъ „*Ускока*“, яко-бы подлинное происшествіе, послужившее Байрону темой для написанія „Лары“ и „Корсара“. Зузуфъ, по его словамъ, зналъ Байрона и разсказалъ ему эту исторію, т.-е. другими словами—„Ускокъ“ есть попытка Жоржъ Сандъ написать занимательную повѣсть, гдѣ дѣйствующими лицами были бы герои à la Байронъ. Этого она достигаетъ: сказка занимательна въ высшей степени и своей фабулой увлекаетъ даже теперешняго читателя, ищущаго въ литературѣ уже чего-то

бо̀льшаго, чѣмъ занимательной фабулы, и не наивнаго, какъ читатели 30-хъ годовъ. Герои въ достаточной степени байроничны, героини—какъ и героини Байрона — кромѣ красоты и женственности, никакими качествами не отличаются. Имѣется и излюбленный Байрономъ пажъ—переодѣтая турчанка Наамъ, никогда не покидающая своего демоническаго властелина. Но за всѣмъ этимъ—больше мы рѣшительно ничего не можемъ сказать объ „Ускокѣ", развѣ только столь любимую французами похвалу: „написано оно удивительнымъ стилемъ". Языкъ Ускока дѣйствительно образцовый, но намъ, русскимъ читателямъ, одного „стиля" мало. Идею Ускока мы разбирать [1]) не беремся, равно какъ не беремся передавать и содержанiе этой несомнѣнно-красиво написанной, но также несомнѣнно для насъ уже нѣсколько слишкомъ романтической повѣсти. Достоевскiй, прочитавшiй „Ускока" первымъ изъ всѣхъ произведенiй Жоржъ Сандъ необычайно восхищался имъ, какъ и вообще всѣми венецiанскими повѣстями Жоржъ Сандъ, въ которыхъ его особенно привлекали типы дѣвушекъ, „сильныхъ своей чистотой и честностью". Но даже и все преклоненiе наше передъ великимъ писателемъ не можетъ насъ заставить покривить душой и поставить „Ускока" въ число произведенiй, какiя слѣдовало бы включить въ тѣ избранныя сочиненiя Жоржъ Сандъ, которыя, надо надѣяться, будутъ однажды изданы, какъ изданы избранныя сочиненiя Вольтера, Руссо и др.

Зато въ это число непремѣнно слѣдуетъ включить „*Орко*"— таинственную сказку, которую въ душный, грозовой вечеръ разсказываетъ своимъ друзьямъ красавица Беппа. Это грустная и странная исторiя, по поводу которой хочется вспомнить слова Толстого: „какъ во всякомъ снѣ, все въ немъ было невѣроятно, кромѣ чувства, вызвавшаго его". Тутъ все фантастично и сказочно, но чувство проникающее ее — горькое чувство негодованiя противъ австрiйскаго владычества, грусть о паденiи, униженiи и рабской покорности венецiанцевъ и страстное сожалѣнiе о временахъ могущества спящей красавицы — Венецiи, — говоритъ изъ каждаго слова. Втеченiе всего разсказа необычайно художественно выдерживается загадочно-неопредѣленный колоритъ, оставляющiй читателя въ недоумѣнiи, кто же была эта таинственная незнакомка, которая погибла въ волнахъ,

[1]) Это пыталась сдѣлать г-жа Луиза Курвоазье въ отдѣльной книжкѣ, посвященной этому произведенiю, которое она строго критикуетъ съ моральной точки зрѣнiя: „A George Sand". (Sur son roman intitulé l'Uscoque), par M-me Louise Courvoisier. Paris. Lemoine 1839. in 8°. 56 стр.

желая погубить въ свою очередь молодого австрійскаго офицера Франца Лихтенштейна: была ли это дѣйствительно та венеціанка, „самая прекраснѣйшая изъ нашихъ подругъ“, какъ ее называетъ въ началѣ Беппа, или это олицетвореніе Венеціи, гибнущей оттого, что полюбила врага своего, или наконецъ это просто „Орко—венеціанской Трильби, опасный лишь тиранамъ и притѣснителямъ“, какъ объясняетъ въ концѣ Беппа? — Впечатлѣніе остается неопредѣленно-прелестное, точно все обвѣянное прозрачными сумерками венеціанскихъ лагунъ — и глубоко грустное. Это написалъ тотъ поэтъ, который 20 лѣтъ спустя, уже въ качествѣ публициста, будетъ горячо привѣтствовать войну за освобожденіе Италіи. Въ поэтической сказкѣ и въ трезвой статьѣ чувство одно и то же: боль и негодованіе передъ притѣсненіемъ и угнетеніемъ нѣкогда великаго народа, желаніе свободы ему, радость при вѣсти о его воскресеніи послѣ долгаго сна, казавшагося даже смертью.

„*Письма Путешественника*“, „*Мозаичисты*“, „*Маттеа*“, „*Орко*“, „*Ускокъ*“, первая часть „*Консюэло*“—всѣ эти романы и повѣсти не только переносятъ насъ въ поэтическую атмосферу теперешней Венеціи — спящей морской царевны, не только удивительно рисуютъ намъ ея тишину, ея дворцы, церкви, лагуны, ея зеленые каналы, свѣтлое небо, нѣжный воздухъ, кипучую жизнь ея закоулковъ, разнокалиберное населеніе, веселость, простоту и свободу ея жителей, безобидную, сонливую покорность беззаботнаго народа, но кромѣ того во всѣхъ этихъ вещахъ Ж. Сандъ сквозитъ отблескъ былого величія и славы царицы Адріи, и мы не знаемъ другого поэта, который бы такъ сумѣлъ перелить въ читателя сожалѣніе объ упадкѣ прекраснаго города, поэтическія черты его былой славы, какъ Ж. Сандъ. Когда Ж. Сандъ жила въ Венеціи — какъ нѣкогда въ Пиренеяхъ – она особенно чутко была настроена къ воспріятію всѣхъ впечатлѣній. Оттого, на ряду съ неподражаемыми описаніями родного Берри, лучшія картины, какія только можно встрѣтить во всемъ ею созданномъ, это картины Пиренеевъ и, — нарисованныя словно акварели,—венеціанскія картинки. И это оттого, что и въ Пиренеяхъ, и въ Венеціи Жоржъ Сандъ неравнодушными глазами смотрѣла на міръ Божій.

ГЛАВА X.

Вліяніе на Ж. Сандъ различныхъ мыслителей и ученій. — Стоическій идеалъ.—Вліяніе Сентъ-Бева.—Мишель.—*VI «Письмо Путешественника»*.— Весна и лѣто 1835 г.—*VII Письмо, «о Лафатерѣ и Пустомъ домѣ»*.—Францъ Листъ.—Ламеннэ.—Осень 1835 года.—Письма Листа.

Жоржъ Сандъ намъ всегда напоминаетъ то маленькое нѣмецкое стихотвореніе, которое мы всѣ учили въ дѣтствѣ:

Eine kleine Biene flog
Emsig hin und her und sog
Süssigkeit aus allen Blumen.

и которое оканчивается словами: „Doch das Gift lass ich darin“. Ж. Сандъ, какъ неутомимая пчела, дѣйствительно неустанно вбирала въ себя все лучшее, подходящее и важное для нея, чтò она находила въ разныхъ выдающихся личностяхъ, съ которыми судьба ее сталкивала, отбрасывая все то, что въ ихъ идеяхъ или теоріяхъ не годилось ей.

Однимъ изъ общихъ мѣстъ, встрѣчаемыхъ почти безъ исключенія во всѣхъ біографіяхъ или статьяхъ о Жоржъ Сандъ, является утвержденіе, что всѣ теоріи ея суть ничто иное, какъ повтореніе съ чужого голоса, *эхо* идей и ученій тѣхъ мыслителей, подъ вліяніемъ которыхъ писательница находилась въ разныя эпохи своей жизни. Это мнѣніе было высказываемо на чрезвычайно разные лады, одними въ видѣ порицанія и насмѣшки, другими — напр., Ренаномъ и д'Оссонвилемъ—въ видѣ похвалы. Эти два писателя справедливо ставятъ въ заслугу знаменитой романистки ея *откликъ* на всѣ величайшія идеи нашего вѣка [1]). Мы совершенно того же мнѣнія и уже высказали въ

[1]) Позволяемъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ тѣхъ глубоко-прочувствованныхъ и величаво-простыхъ страницъ Ренана, которыя онъ посвятилъ Ж. Сандъ въ своихъ „Feuilles détachées“, и которыя являются, по нашему

первой главѣ этой книги, что съ начала и до конца своей дѣятельности Жоржъ Сандъ является яркой выразительницей идей своего времени. Оставляя теперь въ сторонѣ самый этотъ фактъ, обратимся къ вопросу, поскольку правы тѣ, кто обвиняютъ или превозносятъ Жоржъ Сандъ за проповѣдь *чужихъ идей*, т.-е. разсмотримъ дѣйствительно ли въ разныя эпохи своей жизни она пѣла лишь все только „съ чужихъ голосовъ", „подпѣвала другимъ", а не являлась однимъ изъ самостоятельныхъ пѣвцовъ свободы въ нашъ вѣкъ.

Итакъ по общепринятому мнѣнію Жоржъ Сандъ была лишь Аарономъ, повторявшимъ за косноязычными Моисеями, вродѣ Леру, слова новой доктрины, рупоромъ, усиливавшимъ недостаточно-звучные или недостаточно-краснорѣчивые призывы къ новымъ идеаламъ. Но съ одной стороны мы не можемъ себѣ представить ни одного отзывчиваго, чуткаго духа, который бы не откликался на проявленія духовной жизни окружающаго его об-

мнѣнію, на ряду со статьей Достоевскаго и надгробной рѣчью Виктора Гюго, лучшимъ изъ всего, что́ было написано о Ж. Сандъ. Тронутый тѣмъ, что послѣднія страницы, написанныя передъ смертью великою писательницей, относились къ нему, что онъ былъ „послѣднимъ, кто заставилъ дрожать звучныя струны этой души, которая была словно эоловой арфой нашего времени", Ренанъ говоритъ: „У нея былъ божественный даръ все окрылять, обращать въ художественное произведеніе идеи (faire de l'art d'une idée), которыя для другихъ оставались неразработанными и безформенными.., Въ ней былъ безконечно-чувствительный инструментъ. Впечатлительная ко всему оригинальному и правдивому, откликающаяся всѣмъ богатствомъ своего внутренняго существа на всѣ внѣшнія впечатлѣнія, она все, что́ ее поражало, преобразовывала и воспроизводила въ удивительныхъ мелодіяхъ (en harmonies infinies). Она давала жизнь мечтаніямъ тѣхъ, кто лишь чувствовалъ, но не умѣлъ творить. Она была поэтомъ, который воплотилъ наши надежды, наши жалобы, наши ошибки, наши стоны. Этотъ удивительный даръ все понимать и все выражать былъ источникомъ ея доброты. Такая неспособность ненавидѣть — черта великихъ душъ. Онѣ видятъ добро вездѣ и любятъ добро во всемъ... Вся ея жизнь была однимъ страстнымъ исканіемъ тѣхъ формъ, въ какихъ намъ дано созерцать безконечное. Г-жа Сандъ прошла черезъ всѣ мечтанія, всѣ привѣтствовала, во всѣ вѣровала хоть на мигъ. Въ практическихъ своихъ сужденіяхъ она могла заблуждаться, но какъ художникъ она никогда не ошибалась. Ея произведенія дѣйствительно эхо нашего вѣка. Ее будутъ любить, когда его не станетъ, этого бѣднаго XIX вѣка, на который мы клевещемъ, но которому однажды много простится. Тогда воскреснетъ и Ж. Сандъ и будетъ нашимъ истолкователемъ. Не было у нашего вѣка раны, отъ которой бы ея сердце не обливалось кровью, не было болѣзни, которая не вызвала бы ея мелодическихъ жалобъ. Ея книги заключаютъ въ себѣ залогъ безсмертія, потому что навсегда останутся свидѣтелями того, чего мы желали, что́ чувствовали, о чемъ думали, изъ-за чего страдали"...

щества, который не звучалъ бы отъ соприкосновенія съ другими великими душами, въ которомъ не пробуждались бы къ жизни дремавшія, или невыразившіяся до тѣхъ поръ силы подъ вліяніемъ столкновенія съ другими оригинальными, рѣзко-выраженными натурами, авторами новыхъ теорій, носителями смѣлыхъ идей, реформаторами въ области моральной, научной или художественной. Мы не видимъ ни одного великаго писателя, композитора или живописца, который въ юности не находился бы подъ обаяніемъ своего великаго предшественника. Стоитъ вспомнить Перуджина—и Рафаэля, Моцарта—и Бетховена, Гёте—и Байрона, или всѣхъ тѣхъ кто въ свою очередь находился подъ вліяніемъ Байрона:—Пушкина, Лермонтова, Мюссе, Мицкевича и др. Въ наши дни мы сплошь и рядомъ видимъ живописцевъ и музыкантовъ, проводящихъ въ своихъ произведеніяхъ идеи тѣхъ мыслителей, которые находятъ отзвуки въ ихъ душахъ и натурахъ. Это слишкомъ понятно и законно. Сама Ж. Сандъ чистосердечно признается въ томъ фактѣ, что очень многіе изъ ея современниковъ имѣли для нея значеніе учителей и помогли выясненію ея общаго міровоззрѣнія. И дѣйствительно, во многихъ изъ ея сочиненій легко усмотрѣть несомнѣнное вліяніе великихъ (а иногда даже и посредственныхъ) умовъ, съ которыми она втеченіе своей жизни сталкивалась и бывала въ болѣе или менѣе дружескихъ отношеніяхъ.

Но съ другой стороны, безъ сомнѣнія, только потому именно *эти*, а не иные умы подчиняли ее своему вліянію, что въ ея духѣ и натурѣ были родственныя, близкія и сходныя черты [1]). Насъ главнымъ образомъ интересуетъ та послѣдовательность въ развитіи этихъ идей, тотъ незамѣтный и постепенный переходъ отъ однѣхъ къ другимъ, который мы находимъ въ духовной исторіи Жоржъ Сандъ. Она сама въ „*Histoire de ma Vie*" намѣревалась разсказать намъ именно эту исторію своего духовнаго

[1]) Г. Рошблавъ въ своемъ чрезвычайно-содержательномъ предисловіи къ изданнымъ имъ для юношества „Избраннымъ страницамъ Жоржъ Сандъ". (Paris. 1894) очень вѣрно указываетъ, что Ж. Сандъ воплощала въ своихъ художественныхъ образахъ, не столько идеи единичныхъ лицъ, сколько вообще идеи, носившіяся въ воздухѣ тѣхъ лѣтъ, и прибавляетъ: „Говорилось о воспріимчивости Жоржъ Сандъ, и справедливо. Способность уподоблять, преобразовывать была у нея поистинѣ чудесной. Живо воспринимать и возвращать десятирицею было для нея какъ бы прирожденнымъ дѣломъ (fonction naturelle). Но недостаточно обращали вниманія на то, что она умѣла отстранять такъ же сильно, какъ и привлекать къ себѣ. Ея умъ, какъ сильный организмъ, отбрасывалъ сразу все то, что́ не могъ обратить себѣ въ пищу"...

роста и развитія. Но увлекшись — что и естественно для не историка, а художника, какимъ она всегда была — увлекшись воспоминаніями и рисовкой характеровъ, окружавшихъ ее, а также по соображеніямъ чисто-личнаго свойства, она слишкомъ много мѣста и времени посвятила разсказу о своихъ юныхъ годахъ и потому успѣла передать намъ подробно лишь исторію своего первоначальнаго развитія. Вопросу о вліяніи на нее идей окружавшихъ ее въ болѣе зрѣлые годы мыслителей, художниковъ и политическихъ дѣятелей — она, къ сожалѣнію, посвящаетъ лишь немного страницъ въ послѣдней части „*Histoire*", она говоритъ объ этомъ кратко, бѣгло, хотя неоднократно указываетъ на фактъ существованія подобнаго воздѣйстія на нее со стороны разныхъ лицъ.

Насъ поражаетъ та положительная *послѣдовательность* въ смѣнѣ этихъ вліяній, то, что, совершенно непреднамѣренно и безсознательно сходясь изъ дружбы или любви со многими изъ выдающихся людей своей эпохи, Жоржъ Сандъ точно сознательно совершала циклъ извѣстной духовной эволюціи, точно преднамѣренно сближалась съ индивидуальностями, послѣдовательно открывавшими ей новыя стороны истинъ, заставлявшими какъ бы поочередно звучать всѣ тѣ „семь струнъ лиры", полное созвучіе которыхъ одно даетъ гармонію и единство человѣческому духу и приближаетъ его — насколько это возможно — къ абсолютной истинѣ.

Отвоевавъ свою личную самостоятельность, выяснивъ свое призваніе и добившись положенія и славы настоящаго писателя, (мы показали уже насколько всему этому способствовали, каждый по своему — де-Сезъ, Сандо, Делатушъ иИраншъ), Жоржъ Сандъ временно какъ бы вся отдалась личной жизни; цѣлые 4 года, съ 1831 по 1835 являются рядомъ бурно-смѣняющихся увлеченій. Но даже и въ періодъ этихъ увлеченій, какъ та „маленькая пчела" — Жоржъ Сандъ сумѣла, „оставивъ ядъ" въ чашечкахъ многихъ изъ этихъ „цвѣтовъ зла",— запастись многимъ прекраснымъ и цѣннымъ.

Близость къ Мюссе, какъ мы видѣли, оказала прямое дѣйствіе на ея писательство; вліяніе этой тонкой художественной натуры, сказалась болѣевсего въ стремленіи романистки къ большей чистотѣ литературнаго вкуса и нѣкоторой самокритикѣ.

Вліяніе Сентъ-Бева было гораздо глубже и не ограничилось сферой одной литературы. Въ одномъ письмѣ къ С. Беву отъ 27 февраля 1845 года Жоржъ Сандъ говоритъ, что несмотря на то, что они расходятся по своимъ убѣжденіямъ, и

что она не любитъ его друзей,—онъ всегда останется ей особенно дорогъ, какъ свидѣтель ея былыхъ страданій и огорченій (намекая на ту роль благоразумнаго совѣтника, которую онъ игралъ во время ея любви къ Мюссе). Но въ „*Histoire*“ она прямо называетъ того же Сентъ-Бева однимъ изъ своихъ „умственныхъ воспитателей и благодѣтелей“ [1]), а на поднесенномъ ему экземплярѣ своего романа „*Monsieur Sylvestre*“ она подписала: „à mon ami Sainte-Beuve, *chère et précieuse lumière dans ma vie*“ [2]). И дѣйствительно, роль Сентъ-Бева въ жизни великой писательницы, какъ мы уже впрочемъ и указывали, и началась гораздо ранѣе, и окончилась гораздо позднѣе ея романа съ Мюссе, да и была гораздо болѣе важною, чѣмъ только роль благосклоннаго выслушивателя любовныхъ признаній и любовныхъ ламентацій. Наставленія Сентъ-Бева, его указанія, ободренія и одобренія оказали не разъ громадныя услуги Жоржъ Сандъ въ періоды ея бурнаго исканія истины, колебаній, паденій и увлеченій. Сентъ-Бевъ отличался глубокимъ пониманіемъ человѣческой натуры, даже ея странностей и заблужденій, и Жоржъ Сандъ очень цѣнила въ немъ это пониманіе и безбоязненно раскрывала предъ нимъ всѣ свои язвы и раны. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ къ нему, еще въ апрѣлѣ 1833 г., въ отвѣтъ на предложеніе С.-Бева познакомить ее съ Жуффруа она отвѣчаетъ отказомъ, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что Жуффруа, какъ натура черезчуръ цѣльно-добродѣтельная, ни въ какомъ случаѣ не окажется подходящимъ для нея человѣкомъ, и по этому поводу она слѣдующимъ образомъ, очень мѣтко и картинно, характеризуетъ умственный складъ Жуффруа и Сентъ-Бева и свой собственный.

„Я говорю, что г. Жуффруа долженъ быть слишкомъ добръ, чистъ и неопытенъ для идей извѣстнаго порядка, которыя я пережила и испытала, и которыя и вы также изслѣдовали, хотя вы и не такъ далеко зашли, какъ я. Напр., я говорила себѣ: „Развѣ не дозволительно ѣсть человѣческое мясо?“ А вы себѣ говорили: „Можетъ быть, есть люди, которые себя спрашиваютъ, не дозволительно ли ѣсть человѣческое мясо?“ А г. Жуффруа говорилъ себѣ: „Никакому человѣку никогда не приходила въ голову мысль ѣсть человѣческое мясо“. А между тѣмъ существуютъ цѣлыя народности, которыя ѣдятъ его, и которыя отъ этого, можетъ быть, не въ худшемъ положеніи передъ Богомъ. Я,—я не горжусь, ибо обратившись къ самой себѣ съ подобными вопросами, я ихъ не разрѣшила и остановилась на этомъ; г. Жуффруа, не зная даже, что подобные вопросы существуютъ, не имѣетъ

[1]) Исторія. Часть IV, стр. 267.

[2]) См. Alexis Martin: „*Quelques dédicaces inconnues*“ („Le Livre moderne“, т. I, 15) и его же „Etude sur les *ex-dono* et dédicaces autographes“. Baur. 1877 in 8°.

заслуги въ томъ, что отрицаетъ ихъ; но вы, который, подумавъ обо всемъ и можетъ быть попробовавъ отвратительныхъ вещей, какъ это приходится дѣлать химикамъ, объявили, что человѣческое мясо невкусно и вредно, и рѣшились питаться избранною пищей, — вы очевидно обладаете разсужденіемъ, т.-е. въ нравственномъ смыслѣ слова у васъ есть просвѣщенное знаніе (lumière) и сила...“

Выходитъ, что Сентъ-Бевъ являлся для Ж. Сандъ тѣмъ мудрымъ совѣтникомъ, который „прощаетъ, ибо все понимаетъ“; онъ привлекалъ ее своей разносторонностью, гибкостью ума, отсутствіемъ предвзятыхъ идей и партійности. Въ періодъ самаго мрачнаго отчаянія и пессимизма Ж. Сандъ, когда она писала *Лелію*, и когда онъ восхищался глубиною и силою мысли, несвойственными женщинамъ, которыя молодая писательница проявила въ этомъ произведеніи [1]) — Сентъ-Бевъ въ то же самое время, какъ мы уже сказали (см. главу VII), старался успокоить мятущуюся душу Ж. Сандъ, примирить ее съ жизнью и законами божескими и человѣческими. Онъ старался научить ее перенести центръ тяжести всѣхъ ея интересовъ изъ сферы личной жизни въ сферу художественной дѣятельности, полагать его въ литературномъ трудѣ, а болѣе всего стремиться къ развитію въ себѣ идеально-гармоническаго человѣческаго духа, стоящаго выше страстей и непрестанно идущаго впередъ по пути моральнаго и интеллектуальнаго совершенствованія. Этотъ идеалъ и эти стремленія были еще со времени монастыря близки душѣ Авроры Дюдеванъ—недаромъ она и величаетъ постоянно Сентъ-Бева своимъ *духовникомъ* и говоритъ, что въ немъ что-то *священническое* [2]). Любовь къ Альфреду де Мюссе, которая была спасеніемъ отъ охватившихъ Жоржъ Сандъ мизантропіи и пессимизма, въ то же время явилась помѣхою на томъ пути просвѣтленія и *самонахожденія*, той нравственной эволюціи, которая началась для романистки въ 1833 году. Въ іюлѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бури, сломившей ее въ началѣ этого года, она пишетъ С. Беву (въ томъ письмѣ, начало котораго мы уже приводили выше по поводу Мериме, и вслѣдъ за словами, на которыхъ мы тогда оборвали нашу цитату):...

[1]) См. его замѣчательное письмо къ ней отъ 10 марта 1833 г., обнародованное въ книгѣ де Спульберка „Véritable Histoire“. Это письмо интересно сравнить съ приведеннымъ нами въ VII главѣ отзывомъ Сентъ-Бева о *Леліи* отъ 18 мая того же года.

[2]) См. ея письма къ нему отъ *іюля 1833 года*.

„Мало-по-малу я оправилась и даже эта несчастная и смѣшная выходка помогла мнѣ сильно подвинуться къ будущности, полной ясности и отреченія, о которой я мечтаю въ хорошіе дни. Я почувствовала, что любовь такъ же мало мнѣ подходитъ, какъ розовый вѣнокъ къ шестидесятилѣтней головѣ, и вотъ уже три мѣсяца (навѣрное первые три мѣсяца въ моей жизни) я не испытываю ни малѣйшаго къ тому искушенія. Вотъ на чемъ я остановилась. Я надѣюсь, отдыхаю, пишу, люблю своихъ дѣтей и не очень страдаю. Я подвигаюсь къ идеѣ Тренмора, не слишкомъ отвлекаясь въ стороны“.

И, объясняя своему другу разницу между вліяніемъ на нее Планша и его, Сентъ-Бева, Ж. Сандъ упрашиваетъ его не покидать ее одну на томъ *перепутъѣ*, на которомъ она стоитъ.

„Помогите мнѣ найти мою дорогу, такъ какъ я еще часто колеблюсь и спрашиваю себя, не вступила ли я на ложный путь... О, друзья мои! Немного помощи, немного жалости, я на опасномъ переходѣ и хотя подвигаюсь впередъ, но часто еще спотыкаюсь...“

Но едва черезъ нѣсколько недѣль послѣ этихъ строчекъ та же корреспондентка, которая писала о „приближеніи къ идеѣ Тренмора“, подразумѣвая подъ нею очевидно идеалъ самоотверженнаго служенія человѣчеству, — сообщала тому же Сентъ-Беву, что она влюблена въ Мюссе и что „богохульствовала противъ природы и Бога, когда писала *Лелію*“,—и вслѣдъ затѣмъ, полная свѣтлыхъ надеждъ, сначала предприняла экскурсію въ Фонтенебло, а потомъ уѣхала и въ Италію. Потомъ разыгралась итальянская трагедія съ ея двукратнымъ парижскимъ возобновленіемъ и потрясающимъ эпилогомъ. С. Бевъ очень не одобрялъ этого возобновленія итальянскихъ бурныхъ сценъ и всѣми силами старался удерживать Жоржъ Сандъ отъ свиданій съ Мюссе,—о чемъ она довольно ѣдко и раздраженно пишетъ не разъ и въ письмахъ и въ дневникѣ, посланномъ Мюссе. Казалось бы дружба съ Сентъ-Бевомъ пошатнулась, а еще болѣе казалось бы, что Жоржъ Сандъ навсегда забыла о своихъ былыхъ исканіяхъ истины и намѣреніяхъ пересоздать свою жизнь. Но едва купивъ дорогою цѣною свою свободу, эта смѣлая, упругая, какъ сталь, душа разомъ—и точно не было ни перерыва, ни помѣхи, — вернулась на ту самую точку, которой достигла въ моментъ, предшествовавшій ея сближенію съ Мюссе. И едва переселившись въ Ноганъ, въ мартѣ и апрѣлѣ она пишетъ Сентъ-Беву тѣ два замѣчательныя письма, которыя недавно обнародованы г. де Ломени и отрывокъ изъ одного изъ которыхъ мы уже приводили выше [1]). Жалуясь прежде всего

[1]) См. стр. 290—291.

на то, что С.-Бевъ покинулъ ее одну въ самый тяжелый моментъ ея жизни, и упрашивая его вновь помочь ей, быть ея мудрымъ наставникомъ и духовникомъ, она говоритъ потомъ:

„...*Но Боже мой, что дѣлать со своей силой? Куда дѣть ее? Какое примѣненіе вы нашли своей?* Скажите, скажите же скорѣе! Вы не изъ тѣхъ, которые могутъ отвѣчать: „не хочется бѣжать, ибо у меня нѣтъ ногъ“. Вы отдали куда-то, въ какое-то святилище, на какую-нибудь таинственную планету вашу молодость, ваши сомнѣнія, ваши страданія. Неужели же въ самомъ дѣлѣ въ христіанство? Но какъ сдѣлать, чтобы войти въ этотъ храмъ? Всякій разъ, что я прохожу мимо дверей его, я преклоняю колѣна предъ этой божественной поэзіей,—издали. Но если я приближаюсь, я уже не вижу исключительно того, что̀ я тамъ прежде видѣла. Я хотѣла бы найти моего Бога во всемъ Его величіи и славѣ и пасть ницъ и не видѣть подлѣ себя подобныхъ мнѣ существъ, которыя говорили бы мнѣ „это Онъ“, ибо тогда я стала бы сомнѣваться.

Ахъ! какъ вы счастливы! За какое преступленіе осуждена я на роль вѣчнаго жида? Вы говорите, что вы страдаете и умѣете страдать. Ну, я умѣю не хуже васъ страдать! Бьюсь объ закладъ, что ваши мученія показались бы мнѣ даже гораздо легче, чѣмъ они кажутся вамъ, еслибъ у меня было, какъ у васъ, утѣшеніе, еслибъ я могла хоть разъ, хоть на минуту въ сутки собраться съ мыслями и сказать, поклоняясь чему нибудь: „*Вотъ то, въ чемъ я не могу сомнѣваться*“...

...„Послушайте, мнѣ часто приходитъ въ голову (и это въ родѣ утѣшенія, которое я себѣ позволяю), что причина, изъ-за которой страстныя души терпятъ мученія, благородна и свята. Любить—это изъ всего, что мы знаемъ, еще самое широкое и облагораживающее. Въ этомъ по крайней мѣрѣ найдешь возможность и желаніе жертвовать собою...“

А 4 апрѣля въ отвѣтъ на *отвѣтъ* Сентъ-Бева, вновь поднимая тотъ же вопросъ, она опять говоритъ:

...„Въ концѣ концовъ я пришла къ заключенію, которое я одна лишь и могу вывести о самой себѣ, а именно, что эти „молніи моего чела“, эти „лучи генія“, всѣ эти „огненныя и великія черты“, какъ вы ихъ называете на вашемъ поэтическомъ языкѣ,—въ сущности лишь преступное злоупотребленіе и болѣзненное развитіе нѣкоторыхъ способностей, которыя Богъ даровалъ мнѣ для лучшаго употребленія. Ахъ, я теперь ясно вижу это, будьте въ этомъ увѣрены, и въ этомъ и заключается наказаніе за мои ошибки. Однако оно меня лишило бы мужества лишь въ томъ случаѣ, еслибъ я была увѣрена въ своей неисправимости и неизлѣчимости. Но вотъ этого-то я и не знаю и это я рѣшила непремѣнно узнать, употребивъ всю силу, какая только у меня остается на то, чтобы исправить зло, которое я самой себѣ сдѣлала. Если я не смогу, я лучше постараюсь застрѣлиться, чѣмъ вновь начать жить тою жизнью, которую я вела за послѣдніе два или три года. Но я *надѣюсь*, не потому, что я въ себѣ чувствовала бы большіе задатки для успѣха, а потому, что желаніе успѣха всегда даетъ надежду.

Не думайте, чтобы то *эхъ!* (bah!), которое находилось въ моемъ послѣднемъ письмѣ въ началѣ какого-то возвеличенія любви въ моемъ духѣ, означало бы что-нибудь иное, кромѣ рѣшимости почитать, какъ святое и прекрасное, это чувство, которымъ я злоупотребляла и которое употребляли во зло относительно меня. Что касается желанія вновь вернуться къ нему отъ скуки или отъ досады, не бойтесь, что оно у меня явится. Напротивъ, даже мысль о такой любви, какую вы мнѣ рисуете, кажется мнѣ сномъ, который никогда для меня не сдѣлается дѣйствительностью, и я приложу всѣ свои старанія къ тому, чтобы онъ и не сдѣлался ею. Нѣтъ, нѣтъ ни той, ни другой! Ни нѣжной и постоянной любви, ни слѣпой и жестокой. Думаете ли вы, что я могу внушать первую или что я хотѣла бы испытать вторую? Обѣ прекрасны и цѣнны, но я слишкомъ стара для обѣихъ. Я къ этому больше не имѣю ни вѣры, ни надежды, ни желанія. Я вообще не могу ручаться ни за какія свои настроенія, но я чувствую, что теперешнее настроеніе очень глубоко: эта сторона моей жизни поражена такой грустью и ужасомъ, которые похожи на смерть, да это и есть вѣроятно смерть. Итакъ, мой взоръ обращается не сюда, а если онъ когда нибудь сюда и обратится, то съ гораздо большею робостью и страхомъ, чѣмъ даже вы мнѣ посовѣтовали бы"...

И вслѣдъ за тѣми проклятіями по адресу „людей и книгъ, которые своими софизмами натолкнули ее на путь погони за наслажденіями и на жизнь настоящимъ мигомъ" и вслѣдъ за сожалѣніями о томъ времени, когда Франклинъ былъ ея настольной книгой и идеаломъ [1],—что мы уже приводили [2] она говоритъ:

Я хочу покорно ожидать, чтобы Провидѣніе естественнымъ образомъ ниспослало мнѣ какое-нибудь средство дѣлать добро. Я еще не знаю, существуетъ ли оно, ибо то, которое мы всѣ болѣе или менѣе дѣлаемъ, не кажется мнѣ заслуживающимъ этого прекраснаго названія. Но увидимъ! Отъ чего я хотѣла бы научиться добровольно отказываться—это отъ личнаго удовлетворенія. Это большой и тяжкій трудъ, цѣль котораго мнѣ неизвѣстна, хотя она должна быть, и который, если онъ не приводитъ къ добру, не можетъ приводить ко злу. Я скажу вамъ,—если мнѣ это удастся,—какое дѣйствіе это произведетъ во мнѣ и буду ли я себя чувствовать *лучшей*. Я хотѣла бы дать своимъ дѣтямъ почтенную старуху мать. Если мнѣ это не удастся, мой другъ, будьте увѣрены, что я не позволю, чтобы моя жизнь прицѣпилась къ ихъ жизни, какъ старыя лохмотья..." [3]).

[1]) Въ это же время она тоже самое писала на разные лады и своему другу Роллина въ „*Письмахъ Путешественника*", особенно въ томъ письмѣ, гдѣ она приводитъ изъ своихъ юношескихъ тетрадей „характеристику *справедливаго*" или „праведника" и горько оплакиваетъ свою высокомѣрную вѣру въ себя, приведшую ее къ паденіямъ и пораженіямъ.

[2]) См. стр. 134, 291.

[3]) Почти тѣми же словами, какъ въ этихъ и слѣдующихъ строкахъ, Ж. Сандъ говоритъ о своемъ намѣреніи самоубійства, чтобы не портить жизни

Это письмо было не сразу отправлено по назначенію, и 14 апрѣля Жоржъ Сандъ приписываетъ къ нему слѣдующую многознаменательную страничку...

„Я довольно хорошо провела эту недѣлю и предъидущую. Я вновь перечитала Франклина, я бесѣдовала со старымъ другомъ, который мудръ и счастливъ и тоже восторгается *добрякомъ Ришаромъ* [1]. И потомъ я видѣла цѣлую бурю политическихъ дѣятелей, которая не внушила мнѣ желанія умчаться въ эту сторону—(намекъ на слова письма С. Бева къ ней, говорившаго, что она всегда готова внезапно умчаться куда-нибудь въ сторону—faire une cavalcade то за однимъ, то за другимъ какимъ-нибудь чувствомъ или человѣкомъ), — за этими идеями, хотя это и прекрасныя идеи и люди прекрасные по духу. Я довольна спокойствіемъ своего ума и тѣмъ, что мало участія принимаю въ человѣческихъ дѣлахъ, по скольку они лично меня касаются. Необходимость найти поддержку, которая до сихъ поръ меня мучила, разсѣевается въ присутствіи людей, которые представляютъ собой или думаютъ, что представляютъ,—теоріи. Я предпочитаю подождать, чтобы какія-нибудь убѣжденія проявились у меня, чѣмъ вводить ихъ въ мозгъ посредствомъ шампанскаго. Прощайте, мой другъ, я ни весела, ни горда. Я немного надѣюсь... Не говорите, что ваше счастье и ваша добродѣтель внушили бы мнѣ жалость, если бы я увидѣла... въ чемъ ихъ великій секретъ. Говорите мнѣ обратное, хотя бы вамъ пришлось для этого преувеличивать. Ахъ, еслибы я была увѣрена, что добродѣтель то, что́ я прежде мечтала о ней, какъ бы я скоро къ ней вернулась, я, чувствующая въ себѣ столько силы, которую некуда дѣть. Но гдѣ вновь обрѣсти это желаніе, эту вѣру, эту надежду. Молитесь обо мнѣ, если Богъ выслушиваетъ ваши молитвы, молитесь о всѣхъ несчастныхъ людяхъ...“

Эта страница получаетъ чрезвычайно многознаменательное значеніе, если сопоставить ее съ тѣмъ, что VI *Письмо Путешественника*, подраздѣленія котораго помѣчены 11, 15-мъ, 18-мъ, 20-мъ, 22-мъ, 23-мъ, 26-мъ и 29-мъ апрѣля и которое при первомъ своемъ появленіи на стр. „Revue des deux Mondes“ было помѣчено № IV и слѣдовало немедленно за тремя письмами къ Мюссе и письмомъ къ Роллина, (названнымъ *Lettre d'un Oncle* и по первоначальному плану автора стоявшимъ какъ бы отдѣльно отъ остальныхъ) письмами полными еще отголосками не-

сына и дочери,—и въ IV „*Письмѣ Путешественника*“, въ части, относящейся къ Роллина.

[1]) Т.-е. знаменитымъ Сборникомъ „The Way to Wealth“, представляющимъ собраніе главнѣйшихъ статей изъ „*Альманаха Франклина*“ и переведеннымъ на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Almanach du bonhomme Richard“ — самымъ популярнымъ изъ всѣхъ писаній Веньямина Франклина, являющимся какъ бы сводомъ его моральныхъ и практическихъ положеній и наставленій.

давней сердечной драмы, — это VI письмо [1]) посвящено уже „Эверару“ — Мишелю изъ Буржа.

Дѣйствительно, точно желая показать измученной страстями и сомнѣніями женщинѣ, что есть иная и лучшая, чѣмъ одни лишь чувства и любовныя перипетіи, точка приложенія самой необузданной индивидуальной силы, на избытокъ которой Жоржъ Сандъ словно жалуется,—судьба какъ нельзя болѣе кстати столкнула ее въ 1835 году съ тремя личностями, вся жизнь и дѣятельность которыхъ являлась самоотверженнымъ *служеніемъ идеѣ*,—то былъ Мишель, Листъ и Ламеннэ.

И какъ разъ у Мишеля Жоржъ Сандъ нашла то, чего не могъ ей дать Сентъ-Бевъ. Сентъ-Бевъ хотѣлъ излѣчить ее отъ ея сомнѣній и увлеченій, преподавъ ей философски-спокойное, диллетантски-объективное отношеніе къ жизни, умѣнье замыкаться въ себя и въ самой себѣ, въ *идеальной свободѣ духа*, находить то нравственное удовлетвореніе, котораго не могли дать ей люди, то счастье, за которымъ она гонялась. Мишель указалъ ей исходъ, болѣе подходящій для ея натуры и горячаго сердца:—искать удовлетворенія всѣмъ силамъ духа въ состраданіи къ ближнимъ, въ служеніи человѣчеству. И вотъ на мѣстѣ эллински спокойнаго Сентъ-Бева мы видимъ временно въ роли учителя и руководителя Жоржъ Сандъ странную и характерную фигуру типическаго демагога 30-хъ годовъ.

Напомнимъ вкратцѣ его біографію. Мишель изъ Буржа,— сынъ республиканца, убитаго противниками революціи въ 1799 г. году,—родился въ Э въ 1798 г.; республиканскія убѣжденія всосалъ онъ чуть не съ молокомъ матери, въ нихъ и выросъ; учился сначала въ Э, потомъ изучалъ право въ Парижѣ. Сдѣлавшись адвокатомъ, онъ прославился рядомъ блестящихъ защитъ по политическимъ дѣламъ съ половины 20-хъ до конца 30-хъ годовъ, наконецъ выступилъ защитникомъ и по такъ называемому

[1]) *Письма Путешественника* въ собраніяхъ сочиненій Ж. Сандъ напечатаны съ большими измѣненіями противъ своего первоначальнаго текста и въ совершенно измѣненномъ порядкѣ. Въ Revue des deux Mondes они печатались по мѣрѣ своего возникновенія и по нимъ можно гораздо лучше, чѣмъ по отдѣльному изданію слѣдить за личной жизнью и событіями жизни автора, или хотя бы его отношеніями въ каждую данную минуту къ различнымъ личностямъ. Вотъ ихъ первоначальный порядокъ: № I, II, III—къ Мюссе, № IV (теперь VI)—къ Мишелю, № V (теперь VII)—къ Листу, № VI (теперь IV)—къ Неро, № VII (теперь X)—къ Шарлю Дидіе, № VIII (теперь XI)—къ Мейерберу, № X (теперь IX)—къ Роллина и Неро и наконецъ отдѣльное *Письмо къ г. Низару* (теперь № XII), а *Lettre d'un Oncle* помѣчена теперь № V.

„чудовищному процессу“ (procès monstre) въ апрѣлѣ 1835, когда республиканская партія воспользовалась рѣчами своихъ вожаковъ нестолько для оправданія обвиненныхъ по дѣлу о ліонскомъ возмущеніи, сколько для произнесенія цѣлаго ряда professions de foi и филиппикъ противъ существующаго порядка. Мы не станемъ пересказывать исторіи этого процесса, ибо всякій можетъ перечесть блестящія страницы Луи Блана, относящіяся до этого эпизода [1]). Мишель былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этой эпопеѣ. Необычайная сила духа въ изможденномъ, слабомъ тѣлѣ; умъ рѣзкій и прямолинейный; честолюбіе и славолюбіе (доходившее до зависти къ сотоварищу по защитѣ Трела̀, посаженному за извѣстное письмо къ обвиняемымъ [2]) на 3 мѣсяца въ тюрьму, въ то время какъ самого Мишеля посадили лишь на 1 мѣсяцъ,— хоть онъ и объяснялъ эту зависть разными возвышенными причинами), честолюбіе приведшее его впослѣдствіи къ погонѣ за извѣстностью, а далѣе и почти къ отреченію отъ убѣжденій юности; наконецъ, необычайный ораторскій талантъ, умѣнье угадывать самыя разнообразныя индивидуальности слушателей, играть на нихъ, какъ на инструментѣ, *покорять* самую сопротивляющуюся аудиторію,—все это естественно поставило Мишеля сначала во главѣ маленькой мѣстной республиканской партіи въ Буржѣ, а потомъ сдѣлало его однимъ изъ главарей движенія 30-хъ годовъ вообще. Съ 1831 г. онъ издавалъ журналъ „*Revue du Cher*“ и достигъ, благодаря этому органу, громаднаго вліянія въ провинціи. Но къ концу 30-хъ годовъ онъ словно усталъ, отказался отъ дальнѣйшей пропаганды республиканскихъ идей; былъ депутатомъ отъ Шера и Віенны, но слабымъ и бездѣятельнымъ и наконецъ въ 1839 сильно повредилъ себѣ защитой по дѣлу одного чиновника, преслѣдовавшаго какую-то газету.

Послѣ 1837 г. Мишель вообще сталъ заботиться почти исключительно объ адвокатской *практикѣ*, увлекся наживой, звѣзда его стала меркнуть, о немъ такъ забыли, что въ 1848 г. никто не предложилъ его въ члены временнаго правительства. Его выбрали, правда, въ депутаты въ 1849 году; тутъ онъ явился однимъ изъ членовъ республиканской оппозиціи и защищалъ

[1]) *Louis Blanc*, „Histoire des X ans“, 1841—1844. 5 томовъ in 8°.

[2]) Въ этомъ письмѣ, въ первоначальномъ составленіи котораго участвовала и Ж. Сандъ, представители республиканской адвокатуры уговаривали обвиняемыхъ отказаться отъ защиты и тѣмъ протестовать противъ нарушенія закона во время судопроизводства по ихъ дѣлу.

всеобщую подачу голосовъ, но уже далеко не имѣлъ такого обаянія на слушателей, какъ прежде; высказавшись за предоставленіе президенту права пользоваться вооруженной силой для самозащиты, Мишель какъ бы косвеннымъ образомъ способствовалъ coup d état. Поэтому переворотъ 1851 года сразилъ его, онъ сталъ хандрить и чахнуть и отъ горя и болѣзни умеръ въ 1853 году въ Монпелье.

Не пересказывая здѣсь исторіи апрѣльскаго процесса 1835 г. и подробностей, относящихся до участія въ немъ Мишеля, мы не станемъ повторять и нѣсколько прикрашеннаго разсказа Жоржъ Сандъ о ея *обращеніи*, совершонномъ Мишелемъ [1]) на мосту Св. Отцевъ. Мы уже говорили, что *обращать* Жоржъ Сандъ съ одной стороны было нечего, такъ какъ и сочувствіе къ разнымъ соціально-альтруистическимъ теоріямъ и симпатіи къ демократіи въ сущности всегда жили въ ея душѣ, и еще во времена переписки съ де-Сезомъ проявлялись довольно ярко. Если Мишель и совершилъ нѣкоторое обращеніе, то лишь въ томъ смыслѣ, что заинтересовалъ Жоржъ Сандъ тою обострившеюся борьбою политическихъ партій, которая тогда разгорѣлась во Франціи, и заставилъ увидать, что̀ было въ этой борьбѣ и въ усиленіи республиканской партіи желательнаго для всякаго человѣка, симпатизирующаго христіански-соціальнымъ идеямъ. До сихъ поръ Жоржъ Сандъ относилась къ политикѣ равнодушно. Въ ея изданныхъ и неизданныхъ письмахъ, какъ изъ временъ ея замужней жизни, такъ и изъ періода самостоятельности, всякій разъ, что рѣчь коснется политики, слышится какой-то не то презрительный, не то насмѣшливый, легкомысленно веселый тонъ [2]). Она нестолько сочувствуетъ побѣдѣ на выборахъ въ Ла-Шатръ республиканской партіи, (къ которой принадлежали ея мужъ, Ипполитъ, старикъ Дюри-Дюфренъ, и разные ея беррійскіе друзья), сколько подсмѣивается надъ неудачными маневрами противной партіи, надъ всѣми волненіями и перипетіями борьбы партій вообще; она пародируетъ политическія рѣчи, манифесты, пародируетъ тонъ политическихъ газетныхъ статей. Она, правда, сообщаетъ мужу о парижскихъ парламент-

[1]) „Исторія т. IV, глава VII, VIII и IX стр. 315—374.

[2]) a) Напечатанныя письма: 1830 г. — 31 іюля, 7 сентября, 27 октября, 22 ноября а также, и въ особенности, письмо къ госпожѣ Сентъ-Аньянъ, помѣченное „конецъ сентября и начало октября" и напечатанное въ Revue Encyclopédique, и b) письма Авроры къ мужу отъ 1831 г., какъ неизданныя, такъ и напечатанныя уже въ Cosmopolis и въ книжкѣ „Véritable Histoire" г. де Спульберка.

скихъ дебатахъ или о томъ, что „вы де съ мачихой (баронессой Дюдеванъ) не сойдетесь въ мнѣніяхъ, ибо она орлеанистка",— она безпокоится о друзьяхъ, бывшихъ въ Парижѣ во время іюльскихъ дней, и сокрушается о невинныхъ и виновныхъ жертвахъ рѣзни, — но о вожакахъ движенія, о ихъ рѣчахъ, побѣдахъ, дѣяніяхъ отзывается неизмѣнно съ легкой насмѣшкой и какъ бы мимоходомъ; она, что называется, „не принимала ихъ въ серьезъ". Мало того, съ самимъ Мишелемъ она познакомилась вовсе не изъ чувства заочнаго благоговѣнія, подобнаго тому, какое питали къ нему многіе изъ ея беррійскихъ друзей, а скорѣе опять-таки изъ насмѣшливаго любопытства. Какъ тому аѳинянину надоѣло слушать, что Аристида „всѣ называютъ справедливымъ", такъ и ей надоѣло, что кругомъ нея только и повторяли на разные лады, что „*Мишель думаетъ такъ-то*", „*Мишель сказалъ*" „*Мишель говоритъ, что*" и т. д. и т. д. И она поѣхала въ Буржъ, чтобы воочію увидѣть этого новоявленнаго пророка и чтобы имѣть тоже право повторять: „*Мишель сказалъ, что*"... Кажется даже она воображала, что она про себя „посмѣется надъ великимъ энтузіастомъ", какъ можно заключить изъ послѣднихъ строкъ ея VI Письма Путешественника („sois béni de m'avoir forcé de regarder sans rire la face d'un grand enthousiaste"). Однако посмѣяться ей не пришлось.

Еще въ 1833 году Жоржъ Сандъ познакомилась съ Адольфомъ Геру [1]), сенъ симонистомъ и сотрудникомъ *Globe'a*; какъ и другіе сенъ-симонисты, онъ увидѣлъ въ первыхъ романахъ писательницы воплощеніе идей, сходныхъ съ тѣмъ, что проповѣдывала ихъ партія относительно эмансипаціи женщины, и потому съ самаго начала явился дѣятельнымъ защитникомъ и толкователемъ произведеній молодого автора. Геру, по словалъ Максима Дюкана, былъ даже отряженъ сенъ-симонистами къ Ж. Сандъ съ просьбой принять на себя роль той „свободной женщины" или „матери", появленія которой тщетно ожидали сенъ-симонисты. Разумѣется Ж. Сандъ рѣшительно отвергла предложеніе сенъ-симонистовъ [2]). Но написавъ *Лелію*, Жоржъ Сандъ уже сама

[1]) Adolphe Guéroult, политическій дѣятель, журналистъ и экономистъ, р. 1810 г. въ Radepont, умеръ въ Vichy въ 1872 г. Участвовалъ въ Globe, Temps, Journal des Débats, République, Presse, основалъ Opinion nationale. Исполнялъ нѣсколько разъ дипломатическія порученія въ Испаніи, былъ консуломъ въ Мексикѣ, въ Яссахъ, служилъ въ Credit Mobilier, благодаря своимъ связямъ съ учредителями этого общества, бывшими сенъ-симонистами. Сначала былъ противникомъ Имперіи, а потомъ примирился съ ней и являлся представителемъ такъ называемой démocratie césarienne.

[2]) Maxime du Camps. „Souvenirs littéraires". Deuxieme partie. Разсказывая

обратилась къ Геру́, прося его помощи и поддержки для ея новаго дѣтища. Съ этого времени ея отношенія къ Геру́ становились все болѣе дружественными, а съ другой стороны Жоржъ Сандъ все съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ относилась къ сенъ-симонистскому ученію, и уже не подсмѣивалась надъ нимъ (какъ въ 1831 году) [3]). Въ ученіи сенъ-симонистовъ было слишкомъ много сходнаго съ вѣрованіями самой Авроры Дюдеванъ и потому она ждала много хорошаго отъ нихъ въ будущемъ, не ожидая впрочемъ чего либо рѣшительнаго и окончательно-должен-

о костюмѣ сенъ-симонистовъ и особенно объ ожерельѣ, которое носилъ Анфантенъ и на которомъ висѣло полушаріе съ рельефными словами „Le Père", долженствовавшее обратиться въ шаръ лишь въ тотъ день, когда была бы найдена „La Mère"—вслѣдствіе чего даже на портретѣ Анфантенъ изображенъ стоящимъ передъ двойнымъ кресломъ и жестомъ руки указывающимъ на пустое мѣсто въ знакъ того, что онъ ждетъ эту „матерь",—Дюканъ затѣмъ говоритъ: „Но кто же была эта ожидаемая Мать, эта женская Мессія, такъ страстно призываемая? Это должна была быть „свободная женщина". Не надо понимать „свободная" въ худомъ смыслѣ слова, это бы лишь значило впасть въ заблужденіе, которое нарочно поддерживалось шутниками. Смыслъ его достаточно страненъ самъ по себѣ, чтобы нужно было, посредствомъ ничѣмъ не оправдываемыхъ объясненій, еще дѣлать его неприличнымъ. Свободной женщиной должна была быть та разумная и размышляющая женщина, которая, пораздумавъ надъ судьбою своихъ сестеръ, зная женскія нужды, изучивъ женскія способности, понять которыя вполнѣ мужчина никогда не былъ въ состояніи,—могла бы высказаться отъ имени своего пола, безъ всякихъ утаекъ, такъ, чтобы предоставить непоколебимыя данныя для формулированія женскихъ правъ и обязанностей... Розыски свободной женщины, Матери, не были изобрѣтеніемъ Анфантена; задолго до него, въ то время, какъ Огюстенъ Тьерри былъ секратаремъ Сенъ-Симона, этотъ послѣдній попытался отыскать это восьмое чудо свѣта и вообразилъ, что нашелъ его въ M-me де Сталь. Онъ написалъ ей, предлагая помочь ему дать человѣчеству новаго спасителя, который провозгласитъ живое слово, отъ чего всяческое блаженство распространится на землѣ. M-me де Сталь улыбнулась и оставила приглашеніе безъ отвѣта. Когда Жоржъ Сандъ напечатала свои первые романы, которые походили на крикъ возмущенія противъ всемогущества бороды, міръ сенъ-симонитовъ взволновался и всѣ вообразили, что ожидаемая Девора явилась. Адольфу Геру... было поручено попытаться завербовать въ послѣдовательницы „ученія" ту Лелію, которая, казалось, готова была произнести женскую „Вѣрую" и „Покаянную". Геру нашелъ плохо одѣтую (mal appareillée) женщину, добывающую себѣ средства своимъ талантомъ., но вовсе не помышляющую о томъ, чтобы сдѣлаться жрицей новой вѣры. Произошло разочарованіе, а позднѣе это разочарованіе стало еще бо̀льшимъ, когда Жоржъ Сандъ напечатала свои „Воспоминанія". Анфантенъ ожидалъ ихъ съ безпокойствомъ пловца, розыскивающаго невѣдомыя страны; онъ разсчитывалъ на исповѣдь безъ всякихъ умолчаній, которая бы освѣтила женщину до самыхъ тайниковъ души ея; онъ былъ разочарованъ..." (Revue des deux Mondes 15 mai 1882, стр. 247).

[3]) См. ея письма къ мужу отъ февраля 1831 г. (Cosmopolis, Fevrier 1897).

ствующаго водворить рай на землѣ. Она не прониклась также убѣжденіемъ въ благодѣтельность знаменитаго путешествія сенъ-симонистовъ на Востокъ, въ смыслѣ полученія какихъ-то новыхъ откровеній, но очень радовалась, что ея молодой другъ расширитъ свой кругозоръ и познакомится съ разными новыми странами, слѣдовательно съ бо̀льшими знаніями будетъ трудиться на пользу грядущаго человѣчества. Когда около 1835 г. стало выясняться коренное разногласіе между сенъ-симонистами и республиканцами, Жоржъ Сандъ съ интересомъ выслушивала объясненія и мнѣнія по этому поводу Геру̀, охотно бесѣдовала съ нимъ устно и письменно и только одного не допускала: излишняго и нескромнаго вмѣшательства Геру̀ въ ея частную жизнь. Такъ, напр., она всякій разъ рѣзко останавливала Геру, когда отъ заговаривалъ о ея мужскомъ костюмѣ или пытался говорить ей какія-то любезности [1]). И вотъ вслѣдъ за одной изъ такихъ „нотацій", Жоржъ Сандъ пишетъ ему весною 1835 года [2]):

... „Единственное неудобство, которое я вижу въ этомъ рѣшеніи (ѣхать на Востокъ)—это то, что новое пребываніе съ главами сенъ-симонизма увеличитъ въ васъ чувство фанатизма къ людямъ и именамъ. Я не люблю этого чувства, я нахожу его мелкимъ, принижающимъ и глупымъ. Я его часто испытываю, *и нѣтъ еще 24 часовъ, какъ я должна была выдержать сильную борьбу сама съ собой, чтобы оборониться отъ него въ присутствіи очень виднаго политическаго дѣятеля*. Я не состою подъ знаменемъ никакого вожака и, сохраняя уваженіе, почтеніе и удивленіе ко всѣмъ, кто благородно исповѣдуетъ какую-нибудь религію, я все-таки убѣждена, что подъ небомъ нѣтъ человѣка, который заслуживаетъ, чтобы предъ нимъ преклоняли колѣна... Я бесѣдовала съ сенъ-симонистами, съ карлистами, съ Ламеннэ, съ Коэссеномъ, съ представителями умѣреннаго центра, а *вчера съ воплощеннымъ Робеспьеромъ*. Я нашла у всѣхъ этихъ людей большое количество добродѣтели, честности, ума и смысла, *а тотъ, который меня всего болѣе взволновалъ,—тотъ, чьи идеи мнѣ наиболѣе ненавистны, личностью котораго я наиболѣе восхищаюсь,—это и есть послѣдній*, что доказываетъ, что легко вводить людей въ заблужденіе и злоупотреблять дарами Бога, *но я клянусь передъ Богомъ, что если крайняя лѣвая достигнетъ власти, то мнѣ головы не сносить, какъ и многимъ другимъ, ибо я молчать не буду*.

Что я замѣчаю среди этой борьбы сектъ, занятыхъ возрожденіемъ человѣчества,—это безполезную трату великодушныхъ чувствъ и высокихъ мыслей, стремленіе къ соціальнымъ улучшеніямъ и невозможность что либо сдѣлать въ данную минуту, за неимѣніемъ главы

[1]) См. Корреспонденцію т. I стр. 293, 296, 353.

[2]) Письмо это ошибочно помѣчено въ Корреспонденціи „мартомъ 1836 года", — оно относится именно ко времени перваго знакомства Ж. Сандъ съ Мишелемъ.

у этого большого сторукаго тѣла, которое раздираетъ само себя, не зная, за что взяться. Это столкновеніе не производитъ пока ничего кромѣ шума и пыли. Мы еще не дожили до эпохи, когда оно создастъ общества и образуетъ ихъ изъ исправленныхъ людей... Я хотѣла бы, чтобы умный и душевный человѣкъ принялся за исканіе истины и по кускамъ вырвалъ бы ее у тѣхъ, которые ее разорвали и раздѣлили между собой. Я хотѣла бы, чтобы онъ побывалъ во всѣхъ сектахъ, чтобы съ ними ознакомиться и судить о нихъ. Я хотѣла бы, чтобы вмѣсто того, чтобы надъ нимъ смѣяться за его подвижность и измѣнчивость, люди выслушали бы его, какъ самаго просвѣщеннаго и ревностнаго жреца будущаго... Помяните мое слово, настанетъ день, когда вы болѣе не будете вѣрить ни въ какую религіозную секту, ни въ какую политическую партію, ни въ какую соціальную систему. Вы увидите, что для людей существуетъ лишь возможность улучшенія, но подверженная тысячамъ затрудненій... Я сожалѣю объ этихъ сокровищахъ добродѣтели и мужества, которыя разъединяются одни отъ другихъ, и если бъ я могла достигнуть того, чтобы соединить вмѣстѣ производительную силу пяти паръ рукъ, я считала бы, что этого достаточно, особенно принимая во вниманіе слабость моихъ собственныхъ рукъ“.

Какъ мы видимъ, первое впечатлѣніе рѣчей Мишеля, самое неблагопріятное, и корреспондентка Геру совершенно враждебна всякому „духу партіи“. Вліяніе Сентъ-Бева еще сильно чувствуется въ скептическомъ отношеніи къ возможности внезапнаго пересозданія человѣчества и въ извѣстнаго рода эклектизмѣ. Въ *неизданномъ* письмѣ къ Гюставу Папэ Жоржъ Сандъ еще болѣе подчеркиваетъ фактъ своего полнаго равнодушія къ опредѣленнымъ партійнымъ мнѣніямъ.

Ноганъ, *14 апрѣля 1835*.

„Я просила Дютейля написать тебѣ на дняхъ, потому что я уѣзжала въ Буржъ и должна была просить тебя оказать мнѣ маленькую услугу. *Я познакомилась съ Мишелемъ, который мнѣ обѣщалъ гильотинировать меня при первой возможности, когда настанетъ республика*. Суди самъ, что онъ сдѣлаетъ съ тобой; если онъ гильотинируетъ меня, которая *такъ же сильна въ убѣжденіяхъ*, какъ Одри въ разговорѣ! Мы отправимся съ тобой вмѣстѣ на площадь Grève и будемъ острить по дорогѣ...

17 Апрѣля она пишетъ Ипполиту Шатирону:

„Я познакомилась съ Мишелемъ, который мнѣ кажется молодчиной, ладно скроеннымъ (un gaillard solidement trempé) на то, чтобы быть народнымъ трибуномъ. Если будетъ переворотъ—я думаю, что онъ надѣлаетъ много шуму“..

Между тѣмъ Мишель, только что прочитавшій *Лелію* и

„сходившій отъ нея съ ума“ (il en était toqué) [1]), былъ пораженъ, узнавъ, что авторъ женщина, и тотчасъ возгорѣлся желаніемъ *побѣдить* эту своеобразную и сильную натуру и обратить ее въ своего приверженца. И немедленно послѣ отъѣзда Жоржъ Сандъ изъ Буржа онъ написалъ ей въ догонку въ Ноганъ длинное письмо. Завязалась переписка. Когда Мишель уѣхалъ въ Парижъ, Жоржъ Сандъ и ея друзья тоже поѣхали туда, и новые знакомцы ежедневно видѣлись то въ ея квартирѣ на quai Malaquais, то слушая Мишеля въ залѣ суда, то сопровождая его на его прогулкахъ по Парижу, во время которыхъ либо происходили жаркіе споры, либо Мишель ораторствовалъ, громилъ существующій порядокъ, а всѣ съ благоговѣніемъ слушали. Жоржъ Сандъ, дабы не слишкомъ бросаться въ глаза среди этой шумной компаніи, вновь облачилась въ свой мужской костюмъ, и этотъ же костюмъ помогъ ей безпрепятственно проникнуть въ залу засѣданія въ Люксанбургѣ 20 мая [2]). Въ „*Исторіи моей жизни*“ [3]) она говоритъ объ этихъ дняхъ такъ:

„Съ тѣхъ поръ, что мы съ нимъ вновь были вмѣстѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, вся моя внѣшняя жизнь измѣнилась. Не знаю, насколько волненіе, насыщавшее воздухъ, которымъ мы всѣ дышали, проникло бы безъ него на мой чердачокъ, но съ нимъ оно вторглось туда потоками. Онъ представилъ мнѣ своего задушевнаго друга Жирера (изъ Невера) и другихъ защитниковъ апрѣльскихъ обвиняемыхъ, избранныхъ въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ нашей. Другой его пріятель Дежоржъ (изъ Арраса)... Планэ, Эммануэль Араго и два или три общіе друга дополняли нашу школу“...

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ эту „школу“ особенно слѣдуетъ отмѣтить друга Мишеля Шарля Дидіе [4]), о которомъ

[1]) „Исторія моей жизни“, т. IV, стр. 319. Неизвѣстно почему г. Скабичевскій переводитъ это мѣсто въ своей статьѣ такъ: „онъ только что прочиталъ *Лелію* и былъ очень раздраженъ“ (?!) этой книгой“. Etre toqué значитъ сходить съ ума, быть влюбленнымъ, „втюриться“, „носиться“ съ чѣмъ-нибудь.

[2]) Въ VII *Письмѣ Путешественника*, адресованномъ Листу, Жоржъ Сандъ юмористически изображаетъ это происшествіе: „Вспоминаете ли вы Эверара... и моего брата Эммануэля (Араго), который пряталъ меня въ одинъ изъ обширныхъ кармановъ своего сюртука, чтобъ пробраться въ Палату пэровъ и который, вернувшись ко мнѣ домой, ставилъ меня на фортепьяно, говоря вамъ: Другой разъ вы моего дорогого брата положите въ бумажный фунтикъ, чтобы мнѣ не растрепать его прически“... (*Письма Путешественника*, стр. 228—230, изд. Леви).

[3]) „Исторія моей жизни“, т. IV, стр. 334.

[4]) Писатель Шарль Дидіе родился въ Женевѣ въ 1805, умеръ въ Парижѣ

Жоржъ Сандъ много говоритъ въ *Исторіи моей жизни*, которому посвящено X—по первоначальной нумераціи VII—*Письмо Путешественника.* (Въ позднѣйшихъ изданіяхъ *Писемъ Путешественника* имя *Дидіе* замѣнено псевдонимомъ *Гербера* и лишь въ изданіяхъ, вышедшихъ *до* 1842 г. оно носитъ заголовокъ „*A Charles Didier*"). Квартира Дидіе въ *rue du Regard, 6*, служила, какъ бы сборнымъ пунктомъ для всѣхъ друзей Мишеля и Ж. Сандъ, которая и во время своихъ пріѣздовъ въ Парижъ съ 1835 по 1837 г. останавливалась тамъ и просила друзей своихъ туда же адресовать ей письма.

„Днемъ я принимала другихъ своихъ друзей. Немногіе изъ нихъ знали Эверара, не всѣ раздѣляли его идеи, но даже и эти часы дня были волнуемы спорами о внѣшнихъ событіяхъ, и не было возможности не забыть совершенно о себѣ въ томъ лихорадочномъ состояніи, въ которомъ всѣ находились, благодаря современнымъ событіямъ".

Тѣмъ не менѣе въ письмахъ Жоржъ Сандъ все еще слышится легкая не то насмѣшка, не то презрительная нотка по адресу политиканствующихъ. Она пишетъ 23 мая Дютейлю (*неизданное*, первая часть этого письма относится до г. Дюдевана):

... „Ты знаешь лучше меня, какъ идетъ процессъ. Моя преданность къ Мишелю *еще не дошла до того, чтобы я стала читать газеты.* Но я его вижу каждый день, что приводитъ къ тому же самому. Его сердце такое же доброе и чувствительное, какъ его поступки сильны и благородны. Я сожалѣю за тебя о всѣхъ тѣхъ дняхъ, которые мы могли бы провести съ нимъ, Бидо, Жиреромъ, Ланіе (Lasnier) и др. Я на дняхъ обѣдала у Листа съ Ламеннэ, Барро, Балланшемъ, Нурри и др. Въ понедѣльникъ я завтракаю у Мишеля съ Ламеннэ. Это сліяніе между людьми нѣкогда принципіально-противоположными, и различными по уму и профессіямъ—явленіе любопытное и врядъ ли когда-либо вновь повторимое. Черезъ нѣсколько дней мы всѣ разъѣдемся..."

Объ этихъ же собраніяхъ самыхъ несходныхъ, казалось бы, людей Ж. Сандъ упоминаетъ и въ „*Исторіи моей жизни*". Она сама подтверждаетъ тутъ вновь, что Мишель именно лишь внушилъ ей интересъ къ разнымъ политическимъ партіямъ, тогда какъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ уже давно пробудился въ ней:

въ 1864. Былъ сотрудникомъ Revue des deux Mondes, National, Monde'а Ламеннэ и т. д. Много путешествовалъ, исполнялъ въ 1848 г. дипломатическое порученіе въ Польшѣ. Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны его *Письма объ Испаніи*, и „*Rome souterraine*". Подъ конецъ жизни онъ ослѣпъ.

„Предшествовавшій мѣсяцъ, (т.-е. апрѣль,) я провела въ томъ, что читала Эверара и писала ему. Въ этотъ промежутокъ я видѣла его и осыпала его вопросами и, чтобы лучше воспользоваться тѣмъ короткимъ временемъ, которое было у насъ, я уже ни о чемъ больше не спорила. Я попыталась воздвигнуть въ своей душѣ все построеніе его вѣрованій, чтобы убѣдиться, могу ли я ихъ усвоить съ пользой. Всѣмъ теперь ясно, что я уже и до того вѣровала по республикански и согласно съ новыми идеями. Я пріобрѣла, слушая этого, временами дѣйствительно вдохновеннаго, человѣка то, что испытала сильныя волненія, которыя, по моему мнѣнію, никогда политика не могла бы мнѣ внушить. Я всегда равнодушно думала обо всемъ фактическомъ; я смотрѣла на протекавшія мимо меня тысячи историческихъ событій, какъ на мутный и тяжелый потокъ и говорила себѣ: „*Этой воды я пить не буду*“. Очень вѣроятно, что я и продолжала бы не желать примѣшивать моей внутренней жизни къ этимъ безпокойнымъ и горькимъ волнамъ. Сентъ-Бевъ, который еще имѣлъ на меня вліяніе въ это время, благодаря своимъ ловкимъ насмѣшкамъ и благоразумнымъ предостереженіямъ, смотрѣлъ на положительныя вещи взоромъ любителя и критика. Критика въ его устахъ была полна привлекательности для наиболѣе разсудительной и спокойной стороны души. Онъ очень мило насмѣхался надъ тѣмъ внезапнымъ сліяніемъ, которое произошло между самыми различными и сошедшимися со всѣхъ сторонъ свѣта умами, которые, по его словамъ, такъ перемѣшались, какъ еслибы всѣ Дантовы круги ада внезапно сдавились въ одинъ. Обѣдъ, за которымъ Листъ соединилъ гг. Ламеннэ, Балланша, пѣвца Нурри и меня, казался ему самой фантастической вещью, какую только можно вообразить. Онъ спрашивалъ меня, о чемъ же могли бесѣдовать между собою эти пять лицъ. Я ему отвѣчала, что не знаю, что вѣроятно г. Ламеннэ говорилъ съ г. Балланшемъ, Листъ съ Нурри, а я съ домашней кошкой.. “

Этою милою шуткою Жоржъ Сандъ скорѣе отдѣлывалась отъ прямого отвѣта, чѣмъ отвѣчала на вопросъ Сентъ-Бева, такъ какъ она сама принимала, противъ своего обыкновенія, горячее участіе въ тогдашнихъ спорахъ и разговорахъ; Мишель при всякой встрѣчѣ съ Жоржъ Сандъ пользовался случаемъ, чтобы „убѣждать“ ее, она же не только внимательно слушала его, но и возражала ему. Дѣло въ томъ, что новая знакомая Мишеля далеко не сразу обратилась въ его покорную ученицу. Правда, она сразу прониклась безграничнымъ, чисто сыновнимъ уваженіемъ и ученическимъ поклоненіемъ къ *личности* талантливаго демагога. Когда его посадили въ тюрьму, и онъ захворалъ, она постоянно посѣщала его, настояла на томъ, чтобы къ нему прислали доктора, ухаживала за нимъ, какъ сестра милосердія [1]). Но тѣмъ не менѣе, собственно *про-*

[1]) Въ напечатанныхъ въ „Корреспонденціи“ письмахъ Ж. С. выпущены почти вездѣ строки, касающіяся до Мишеля. Такъ стр. 20 второго тома „Кор.“

повѣдь Мишеля, его идеи, его крайнія мнѣнія встрѣтили въ ней далеко не покорную слушательницу. И если исторія ея личныхъ отношеній къ Мишелю является какъ будто радостной встрѣчей заранѣе ожидаемаго праведника и пророка, того, близкаго по духу, незнакомца, предъ которымъ сразу отворяются всѣ двери, котораго встрѣчаютъ съ распростертыми объятьями, и который въ самое корокое время становится и другомъ, и братомъ, и учителемъ и чѣмъ-то еще большимъ,—то исторія пресловутаго „обращенія“ является настоящей упорной *самообороной* Жоржъ Сандъ противъ врага, грозящаго столь драгоцѣнной ей, индивидуальной свободѣ, врага безпощаднаго, вандальски-уничтожающаго на своемъ пути все, что дорого художнику, все, что составляетъ столь же прекрасное и необходимое завоеваніе человѣческаго духа, какъ и тѣ идеи равенства, братства и свободы, во имя которыхъ велъ походъ свирѣпый трибунъ. И вотъ, въ то время какъ всѣ письма Жоржъ Сандъ 1835 — 37 гг. къ друзьямъ и роднымъ полны восторженныхъ выраженій о Мишелѣ, какъ о великой душѣ, о человѣкѣ, котораго она почитаетъ и любитъ дѣйствительно какъ учителя и пророка, о которомъ она заботится съ дочернею нѣжностью,— въ это же время ея пресловутое *Письмо къ Эверару* представляетъ собою нѣчто совсѣмъ иное и чрезвычайно интересное и въ психологическомъ и въ литературномъ отношеніи. И мы, отдаленные отъ этихъ лѣтъ болѣе чѣмъ на полстолѣтіе, мы выносимъ изъ чтенія этого *Письма* совсѣмъ не то, что увидѣли въ немъ современники, и что большинство критиковъ и біографовъ продолжаютъ исключительно въ немъ видѣть. Это не только не есть „исповѣданіе идей Мишеля“, но, наоборотъ, это упорная

слѣдуетъ читать такъ (отмѣчаемъ курсивомъ выпущенныя мѣста): „Я теперь съ моими дѣтьми въ дорогой Черной Долинѣ. *Мишель въ тюрьмѣ въ Буржѣ.* Я видѣла M-me Листъ наканунѣ моего отъѣзда изъ Парижа и поцѣловала ее за ея сына и за себя. *Я не видѣла никого другого изъ нашихъ знакомыхъ. Занятая уходомъ за старымъ республиканцемъ, больнымъ болѣе чѣмъ когда-либо, я почти никогда не бывала у себя дома.* Я разъ видѣла Эммануэля, который поручилъ мнѣ напомнить его вашему дружескому вниманію и съ интересомъ разспрашивалъ меня о васъ. Говорятъ, что нашъ кузенъ Гейне окаменѣлъ въ созерцаніи у ногъ княгини Бельджойозо. Состенъ (де-ла Рошфуко— другъ Листа и Ж. Сандъ) умеръ, или узналъ себя въ части напечатаннаго письма, ибо я съ тѣхъ поръ его болѣе не видала. Я здорова, я глупа какъ гусыня, *или какъ Состенъ.* Я сплю двѣнадцать часовъ“... и т. д. какъ напечатано. (Письмо отъ 18 августа 36 г. къ Францу Листу). Въ „Исторіи“ Ж. Сандъ тоже разсказываетъ о томъ, какъ она въ предъидущемъ году хлопотала и заботилась о Мишелѣ и его здоровьи.

борьба и самозащита во имя свободы художнической индивидуальности противъ деспотически-нетерпимыхъ проповѣдей Мишеля. Мы какъ бы присутствуемъ при діалогѣ, изъ котораго слышимъ лишь *отвѣты* Жоржъ Сандъ, отвѣты по большей части протестующіе, но по этимъ отвѣтамъ мы можемъ отлично судить о томъ, что говорилъ и утверждалъ Мишель. Сопоставляя разсказы о Мишелѣ въ *Исторіи*, *Письмо къ Эверару* и *частныя*, *изданныя и неизданныя письма Жоржъ Сандъ*, мы видимъ, что она была просто очарована Мишелемъ, какъ личностью, этимъ огнемъ, этой безкорыстной и абсолютной преданностью идеѣ, этой жизнью, изъ которой все эгоистическое, личное было изгнано и отметено, этой силой духа. Но убѣжденія Мишеля на первыхъ порахъ столько же пугали ее, какъ были ей глубоко антипатичны. Жоржъ Сандъ была слишкомъ художникъ по натурѣ, слишкомъ индивидуальна и свободолюбива и стояла слишкомъ высоко надъ той толпой посредственностей, которая такъ охотно идетъ за всѣми вожаками и витіями, подобными Мишелю. Ж. Сандъ была испугана не только проповѣдью насилій, переворотовъ, покупаемыхъ цѣною крови и жизней, но ее пугало и утвержденіе о необходимости всеобщей нивеллировки, о ненужности и даже вредѣ искусства и художниковъ; ее возмущали аскетически-фанатическія рѣчи этого революціоннаго Савонароллы. И потому, съ одной стороны мы читаемъ всевозможные лестные эпитеты, выраженія безграничнаго преклоненія предъ *учителемъ* и цѣлыя страницы протеста смиреннаго, сознающаго себя какъ бы дерзкимъ и недостойнымъ, но тѣмъ не менѣе протеста противъ *ученія*.

Первая главка „*Письма къ Эверару*" начинается выраженіями благодарности за то, что, занятый серьезными интересами и „принадлежащій всѣмъ людямъ", великій человѣкъ соблаговолилъ написать своему новому другу тотчасъ послѣ ихъ свиданія. И съ первыхъ же строкъ Жоржъ Сандъ возноситъ Мишеля на пьедесталъ, но въ то же время высказываетъ далеко не демократическія чувства и мысли:

„...Каково твое призваніе! вѣдь это ремесло свинопаса, вѣдь это значитъ быть Аполлономъ у Адмета! Что самое худшее для тебя, такъ это то, что среди *твоихъ стадъ*, *въ твоихъ хлѣвахъ* ты не забываешь, что ты божество, и когда мимо тебя пролетаетъ птичка, ты завидуешь ея полету и тоскуешь о небесахъ. Отчего не могу я унести тебя съ собою на крыльяхъ мимолетнаго вѣтра, дать вдохнуть тебѣ вольный воздухъ пустынь, открыть тебѣ тайну поэтовъ и цыганской вольницы!.. И вотъ ты занятъ низменными работами, пригвожденъ ко кресту, прикованъ, какъ каторжникъ, къ людскому тще-

славію. Иди же, и пусть тотъ, кто далъ тебѣ въ удѣлъ силу и страданія, окружитъ ореоломъ славы терновый вѣнецъ, который ты пріобрѣтешь цѣною свободы, счастья и жизни. Ибо, что касается филантропіи, которой вы похваляетесь въ своемъ смиреніи, вы—реформаторы, то извините,—я въ нее не вѣрю. Филантропія создаетъ сестеръ милосердія. *Любовь къ славѣ совсѣмъ иное и приводитъ къ иной судьбѣ.* Молчи объ этомъ, о высокій лицемѣръ (sublime hypocrite); ты самъ себя не знаешь, принимая за чувство долга ту роковую и неизбѣжную наклонность, на которую тебя толкаетъ сознаніе твоей силы. Что касается меня, то, я знаю, ты не изъ тѣхъ, кто соблюдаетъ обязанности, но изъ тѣхъ, кто ихъ предписываетъ. *Ты не любишь людей, ты не братъ имъ, ибо ты имъ не ровня.* Ты исключеніе среди нихъ, ибо ты родился *царемъ.*

Ахъ, вотъ это тебя злитъ, но въ сущности ты вѣдь хорошо знаешь, что есть царское достоинство божественнаго происхожденія. *Богъ одѣлилъ бы людей одинаковымъ количествомъ ума и добродѣтели, еслибъ Онъ хотѣлъ положить между ними равенство, какъ ты его понимаешь; но Онъ создалъ великихъ людей, чтобы повелѣвать надъ мелкими,* какъ Онъ создалъ кедръ, чтобы онъ охранялъ иссопъ. То восторженное, почти деспотическое вліяніе, которымъ ты пользуешься здѣсь, внутри Франціи, гдѣ все думающее и чувствующее преклоняется предъ твоимъ превосходствомъ—до того, что даже я, самый невоспитанный мальчишка, который когда-либо устраивалъ веселыя каникулы (école buissonnière) изъ своей жизни, и я даже принужденъ ежегодно ѣздить къ тебѣ на поклоненіе—скажи развѣ это не царская власть? Ваше величество не можете этого отрицать. Государь, фуляръ, который вы надѣваете вмѣсто парика—корона Аквитаніи, въ ожиданіи чего-нибудь еще лучшаго. Ваша трибуна на воздухѣ—тронъ. Галлъ-Флери—капитанъ вашей гвардіи, Плане—вашъ шутъ, а я, съ вашего соизволенія, я буду вашимъ историкомъ; но чортъ возьми, государь, ведите себя хорошенько, ибо чѣмъ болѣе вашъ смиренный бардъ ожидаетъ отъ васъ, тѣмъ большаго онъ потребуетъ, когда вы достигнете цѣли, а вы знаете, что его не менѣе трудно заставить молчать, чѣмъ блаженной памяти цирульника царя Мидаса... Ужъ не думаете ли вы, что я не признаю вашихъ правъ? О, вотъ ужъ нѣтъ! Мы никогда объ этомъ не поспоримъ. Одинъ извѣстный король родился барышникомъ, а ты отъ рожденія царь земли. Я самъ, сочинитель метафоръ, чувствую себя плохо огражденнымъ подъ зонтикомъ монархіи [1]), но и не хочу самъ держать его; я бы плохо за это взялся; но *всѣ троны на свѣтѣ не стоятъ, по моему мнѣнію, маленькаго цвѣточка на берегу альпійскаго озера...*

Она не вѣритъ въ то, что люди дороже Провидѣнію, чѣмъ полевые цвѣты, и предпочитаетъ эти послѣдніе,—„пусть другіе ведутъ войны и издаютъ законы“.

„Ты говоришь, что я никогда не прихожу ни къ какимъ заключеніямъ. *Да я и не хлопочу вовсе о томъ, чтобы придти къ какому*

[1]) Намекъ на извѣстныя остроты и каррикатуры на Луи-Филиппа.

нибудь заключенію! Я отправлюсь черезъ три мѣсяца въ путь, чтобы написать твое и свое имя на пескѣ Геллеспонта; отъ нихъ столько же останется на другой день, какъ отъ моихъ книгъ послѣ моей смерти, а можетъ быть увы! и отъ твоихъ дѣяній, о Марій, послѣ того какъ перемѣнное счастье вернетъ на поляхъ битвъ счастье Сулламъ и Наполеонамъ.

Это не значитъ, чтобъ я былъ измѣнникомъ твоему дѣлу; изъ всѣхъ дѣлъ, о которыхъ я, безбородый, не помышляю, это все-таки самое благородное и прекрасное. Я даже не понимаю, чтобъ у поэтовъ было другое дѣло, ибо если всѣ слова пусты, то все-таки „родина" и „свобода" благозвучны, тогда какъ „законность" (légitimité) и „послушаніе" грубы, неблагозвучны и созданы для ушей жандармовъ. Можно восхвалять храбрый народъ, но льстить коронованной головѣ—это отказаться отъ человѣческаго достоинства. *А я, я убѣгаю отъ людского крика и иду слушать шумъ потоковъ...* Ваше честолюбіе, о люди рока, благородно и великолѣпно. *Изъ всѣхъ погремушекъ, которыми тѣшится человѣчество, вы избрали наименѣе ребяческую — славу*! Ахиллъ взялъ мечъ среди женскихъ украшеній, поднесенныхъ ему; *а вы выбираете страданія во имя благородныхъ побужденій вмѣсто денегъ, титуловъ и мелкаго тщеславія, утѣшающаго посредственныхъ людей. О, великодушные безумцы, управляйте хорошенько всѣми этими гадкими идіотами и не жалѣйте на нихъ плетей.* А я пока буду воспѣвать солнце на своей вѣткѣ. Когда у васъ не будетъ ничего лучшаго—вы станете меня слушать... Прощай, братъ мой Эвераръ, братъ и царь не въ силу права первородства, а по праву добродѣтели (non en vertu du droit d'ainesse, mais du droit de vertu). Я люблю тебя отъ всего сердца и остаюсь, государь, вашего величества всепокорнѣйшимъ и всепреданнѣйшимъ слугой..."

Тутъ, какъ видитъ читатель, среди милыхъ шутокъ, чисто женскаго кокетства и лестныхъ словъ все время звучитъ одна и та же нота, одна и та же мысль: „я де преклоняюсь предъ твоей личностью, но твое дѣло кажется мнѣ лишь тщеславіемъ высшаго порядка; ты, честолюбецъ, гонишься за пустой погремушкой, а я поэтъ, свободный отъ всѣхъ мелкихъ людскихъ приманокъ, вдали отъ людского шума, позналъ истинное счастье и покой наединѣ съ природой, въ служеніи искусству".

И второе письмо отъ 15 апрѣля подтверждаетъ это. Мишель поставилъ ей 5 вопросовъ, на которые она и отвѣчаетъ поочереди. Между прочимъ она говоритъ, что во вчерашнемъ письмѣ уже отвѣтила на *первый* вопросъ Эверара, о причинѣ его грусти. *Ему грустно* потому, что „трудиться для славы это императорское призваніе и въ то же время каторжное ремесло". Правда, она тотчасъ же спѣшитъ утѣшить своего корреспондента тѣмъ, что онъ, въ своей роли страждущаго Прометея, „болѣе великъ, чѣмъ лѣсные фавны въ своей свободѣ;

они свободны, но они *ничто*, и ты не могъ бы быть счастливымъ на ихъ ладъ",—но вслѣдъ затѣмъ она говоритъ, что онъ не можетъ имѣть ничего общаго и съ такими людьми, какъ поэтъ-путешественникъ.

„...Навѣрное Марій въ Минтурнахъ не бесѣдовалъ съ мирными наядами. Люди шума, не вступайте своими пыльными и окровавленными ногами въ чистыя воды, которыя журчатъ для насъ; намъ, безобиднымъ мечтателямъ, принадлежатъ горные ручьи; намъ говорятъ они о забвеніи и покоѣ,—условіяхъ нашего счастья, надъ которымъ вы смѣетесь. Оставьте намъ все это, мы вамъ предоставляемъ все остальное, лавры и алтари, труды и тріумфы... Мой бѣдный братъ, я предпочитаю мой страннической посохъ твоему скипетру".

Она сожалѣетъ о немъ и преклоняется предъ нимъ, ибо онъ не можетъ не быть тѣмъ, кѣмъ онъ сдѣлался, но не таковъ самъ „Путешественникъ".

„... непригодный ни на что иное, какъ на то, чтобы говорить съ эхомъ, смотрѣть на восходъ луны и сочинять меланхолическія или насмѣшливыя пѣсни для поэтическихъ студентовъ и влюбленныхъ школьниковъ, я, какъ уже сказалъ тебѣ вчера, привыкъ обращать свою жизнь въ каникулы, которыя состоятъ въ томъ, чтобы гоняться за бабочками вдоль изгородей, иногда падать носомъ въ терніи, доставая цвѣтокъ, который осыпается въ рукѣ прежде чѣмъ его понюхаешь, пѣть за одно съ дроздами и засыпать подъ первой попавшейся ивой, не заботясь о времени и педантахъ. Самое лучшее что я могу сдѣлать—это посадить для тебя лавровое дерево въ моемъ саду. При каждомъ твоемъ подвигѣ, о которомъ мнѣ разскажутъ, я буду посылать тебѣ листочекъ съ него, и ты на мгновеніе вспомнишь о томъ, *кто смѣется надъ всѣми идеями, когда представителемъ ихъ являются педанты* (*des cuistres*), *но кто преклоняется предъ великимъ сердцемъ, въ которомъ живетъ справедливость...*"

И на вопросъ „когда же будетъ заключеніе и что̀ если ты умрешь, не придя ни къ какому заключенію?" — она смѣло отвѣчаетъ:

„...Клянусь честью, пусть умираетъ маленькій Жоржъ, когда Богу будетъ угодно; свѣтъ не пойдетъ хуже оттого, что не узналъ его образа мыслей. ...Мнѣ вовсе не нужно высказывать какое бы то ни было убѣжденіе. Нѣкоторыя лица, прочитавшія мои книги, ошибаются, думая, что своимъ поведеніемъ я на дѣлѣ исповѣдую свои убѣжденія, и что выборъ сюжетовъ моихъ повѣстушекъ— нѣчто вродѣ обвинительной рѣчи противъ нѣкоторыхъ законовъ... Мои писанія, не выводившія никакихъ заключеній, не принесли ни добра, ни зла. Я очень охотно бы вывелъ изъ нихъ заключеніе, если бы я его нашелъ, но этого пока не случилось, и я недостаточно передовой для того, чтобы смѣть сказать свое слово. Я ненавижу педантизмъ до-

бродѣтели. Можетъ быть онъ и полезенъ для людей; *что до меня касается, то я слишкомъ правдивъ для того чтобы пытаться лицемѣріемъ усмирить тѣ строгости, которыя моя нерѣшительность (смѣю сказать, смѣлая и честная) навлекаетъ на меня.* Я перенесу всю тяжесть этихъ строгостей, какъ бы трудно это мнѣ ни было, *пока я не приду къ тому внутреннему убѣжденію, котораго жду.* Порицаешь ты меня? Я вращаюсь въ очень маленькомъ кругу, и все-таки ты можешь сравнить его, хоть подъ микроскопомъ, съ тѣмъ, въ которомъ ты вращаешься. *Развѣ ты хотѣлъ бы для того, чтобы пріобрѣсти популярность и славу, притвориться, что исповѣдуешь мнѣнія, навязанныя тебѣ, и предъявлять въ видѣ догмата вѣры то, что является пока еще въ видѣ зародыша въ глубинѣ твоего сознанія? Я слишкомъ дорожу твоимъ уваженіемъ для того, чтобы не разъяснить тебѣ свое состояніе...*"

Въ третьемъ письмѣ, отъ 18 апрѣля, она опять защищается отъ его упрековъ въ „соціальномъ атеизмѣ".

„... Ты говоришь, что всякій, кто живетъ внѣ ученій утилитарныхъ, никогда не можетъ быть ни дѣйствительно великимъ, ни дѣйствительно добрымъ. Ты говоришь, что такое равнодушіе преступно, является опаснымъ примѣромъ и что надо, чтобъ я изъ него вышелъ или же рѣшился на нравственное самоубійство, отрѣзалъ бы себѣ правую руку и не бесѣдовалъ болѣе съ людьми. Ты очень строгъ, но мнѣ нравится, что ты такой, это въ тебѣ прекрасно и достойно уваженія. Ты говоришь еще, что всякая система невмѣшательства просто извиненіе подлости или эгоизма, ибо нѣтъ никакого человѣческаго дѣла, которое не было бы полезно или вредно для человѣчества. Каково бы ни было мое желаніе, быть ли любимымъ, или возбуждать удивленіе, говоришь ты, я долженъ дѣлать добро, и дѣлать добро разумно, съ размышленіемъ, сознательно, т.-е. сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества, филантропомъ. У меня привычка отвѣчать софизмами и шутками тѣмъ, кто со мной объ этомъ говоритъ; но въ данномъ случаѣ дѣло иное и я признаю за тобою право произносить великое слово „добродѣтель", которое едва смѣю повторять"...

И вслѣдъ затѣмъ, выражая опять полнѣйшее восхищеніе предъ его нравственной личностью, его строгостью къ самому себѣ и аскетическими требованіями, которыми онъ подчинилъ себя, „путешественникъ" высказываетъ убѣжденіе, что прежде чѣмъ пытаться пересоздавать человѣчество и предписывать законы и перевороты, всякій реформаторъ, какъ и всякій человѣкъ, долженъ былъ бы самого себя пересоздать, быть совершеннымъ, покорить свои эгоистическія и грязныя побужденія, и тогда уже многое будетъ достигнуто. Однимъ словомъ, Ж. Сандъ по своимъ убѣжденіямъ стоитъ на сторонѣ морально-соціальныхъ реформаторовъ, а не политиковъ. И потому естественно, что она говоритъ, что

„понимаетъ кто такой Мишель, но не понимаетъ его дѣлъ. Я вижу механизмъ этой прекрасной машины для идей, но цѣна и употребленіе ея произведеній *мнѣ непонятны и я къ нимъ равнодушенъ*".

Она опять утверждаетъ, что такъ или иначе, въ силу первородства или благородства, въ силу добродѣтели или насилія, но всѣ хотятъ быть выше другихъ, властвовать, повелѣвать, возбуждать удивленіе. И вотъ одни установили

„законы, продиктованные болѣе сильными и ловкими. Тѣ которые съумѣли издать законы къ своей собственной выгодѣ — положили начало войны между людьми сопротивляющимися и людьми угнетающими; въ свою очередь сопротивляющіеся взялись за оружіе и сдѣлались угнетателями по праву силы. Во всемъ этомъ гдѣ же справедливость? Возстаньте избранные, божественные люди, придумавшіе добродѣтель! Вы изобрѣли счастье менѣе грубое, чѣмъ счастіе чувственныхъ людей, болѣе честолюбивое, чѣмъ счастье храбрыхъ. *Вы открыли, что въ любви и признательности вашихъ братьевъ болѣе наслажденія, чѣмъ въ обладаніи всѣмъ тѣмъ, что они другъ у друга оспариваютъ*. И тогда, благоразумно изгнавъ изъ вашей жизни всѣ удовольствія, которыя дѣлали этихъ людей похожими между собой, вы благоразумно заклеймили именемъ порока все, что дѣлало ихъ счастливыми, слѣдовательно жадными, завистливыми, насмѣшниками и необщительными. Вы отказались отъ вашей доли богатства и удовольствій на землѣ и сдѣлались такими, что уже не возбуждали ни зависти, ни недовѣрія; вы стали среди нихъ, какъ благодѣтельныя божества, чтобы просвѣщать ихъ насчетъ ихъ собственнаго блага и преподать имъ полезные законы. Вы сказали имъ, что давать—лучше чѣмъ обладать, и тамъ, гдѣ вы повелѣвали, стала царствовать справедливость; какіе же софизмы могутъ бороться съ вашимъ превосходствомъ, о, великіе честолюбцы? На свѣтѣ нѣтъ ничего выше васъ, ничего драгоцѣннѣе, ничего полезнѣе!.."

Врядъ ли самый завѣдомый противникъ Мишеля нашелъ бы аргументъ болѣе язвительный и проникнутый большимъ скептицизмомъ къ побудительнымъ причинамъ его дѣятельности, чѣмъ тотъ, который въ этихъ строкахъ приводитъ Жоржъ Сандъ.

„...Я не знаю, продолжаетъ она, настанетъ ли день, когда человѣкъ рѣшитъ окончательно и непогрѣшимо что полезно для человѣка. Я не разбираю въ подробностяхъ ученіе, которое ты исповѣдуешь; надняхъ я о немъ шутила; но разъ ты меня заставляешь разсуждать (что,—объявляю тебѣ,—не малая побѣда твоей силы надъ моею), то я тебѣ скажу, что великій законъ равенства, какъ бы онъ ни казался непремѣнимымъ для тѣхъ, кто страшится его, и *какъ бы наступленіе его царствованія на землѣ ни казалось невѣроятнымъ мнѣ, который смотрю на эти вещи изъ глубины своей кельи*, — это первый и единственный неизмѣнный законъ, который во всѣ вре-

мена представлялся моему уму нравственнымъ и справедливымъ. Всѣ научныя тонкости, посредствомъ которыхъ достигается формулировка какой-нибудь идеи, совершенно мнѣ чужды; а что касается мѣръ, посредствомъ которыхъ эту идею можно заставить господствовать въ мірѣ, то, къ сожалѣнію, всѣ онѣ, помоему настолько подчинены сомнѣніямъ, возраженіямъ, антипатіямъ и затрудненіямъ со стороны тѣхъ, кто берется ихъ приводить въ исполненіе, что я чувствую, какъ каменѣю отъ скептицизма, едва лишь попробую взглянуть на эти мѣры и посмотрѣть, въ чемъ онѣ заключаются. Это не моего ума дѣло. Я натура поэтическая, а не законодательная, иногда воинственная, но вовсе не парламентская. *Меня можно употребить на все* (sic!), сначала *убѣдивъ меня, а потомъ приказавъ мнѣ, но я не способенъ изобрѣсти или рѣшать что либо.* Я приму все, что будетъ хорошо. Итакъ, требуй моей жизни и богатства, о Римлянинъ, но оставь мой бѣдный духъ сильфамъ и нимфомъ поэзіи..."

Она возвращается къ своей, уже ранѣе высказанной, идеѣ, что людямъ, желающимъ предписывать законы, необходимо быть добродѣтельными въ высшемъ смыслѣ слова, съ простыхъ же смертныхъ требуется лишь, такъ сказать, гражданская честность.

„...Я еще далекъ отъ того что называютъ *республиканскими добродѣтелями*, а что я называю, менѣе напыщеннымъ слогомъ, — „достоинствами управляемаго субъекта" или гражданина. Я дурно жилъ, я дурно воспользовался благами, выпавшими мнѣ на долю; я пренебрегалъ благотворительностью (добрыми дѣлами); я проводилъ мои дни въ скукѣ, бездѣльѣ, въ пустыхъ слезахъ, въ безумной любви, въ легкомысленныхъ удовольствіяхъ, я преклонялся предъ идеалами изъ плоти и крови, и допустилъ, чтобъ ихъ опьяняющее дыханіе изгладило строгія правила, которыя книжная мудрость написала на моемъ челѣ въ юности; я дозволилъ ихъ невинному деспотизму обречь мои дни ребяческимъ удовольствіямъ, которыя загасили любовь къ добру и память о немъ, ибо вѣдь прежде, я былъ честенъ, знаешь ли ты это, Эверарь? *Здѣшніе* скажутъ это тебѣ; это всѣмъ извѣстно въ нашей странѣ (c'est de notoriété bourgeoise dans notre pays), но въ этомъ не было заслуги; я былъ молодъ, и роковыя любовныя страсти еще не проснулись въ моей груди. Онѣ въ ней заглушили много хорошаго, но я знаю что есть и такое, которое я ничуть не запятналъ среди самыхъ большихъ ошибокъ моей жизни, и что ничто изъ остальнаго не потеряно для меня безповоротно.. Я свернулъ съ дороги, былъ невольникомъ страсти, къ которой не питалъ недовѣрія, которую считалъ благородной и святой. Она такова и есть, безъ сомнѣнія; но я позволилъ ей или слишкомъ сильно, или слишкомъ мало властвовать надо мною. Мое мужество напрасно возмущалось противъ нея; страшная борьба поглотила лучшіе годы моей жизни; все это время я пробылъ въ странѣ, чуждой моей душѣ, въ странѣ изгнанія и рабства, откуда я наконецъ вырвался, израненымъ, отупѣвшимъ отъ неволи, и таская за собой обрывки разорванной цѣпи, которая еще рѣжетъ меня до крови всякій разъ, когда я дѣлаю движеніе, чтобы взглянуть на покинутые далекіе берега. Да, я былъ рабомъ, пожалѣй меня, свободный человѣкъ, и не удивляйся, что теперь я

могу лишь вздыхать о путешествіяхъ, чистомъ воздухѣ, лѣсахъ и одиночествѣ... рабство унижаетъ человѣка и портитъ. Оно дѣлаетъ его безумнымъ или развращеннымъ, злымъ, лгуномъ, мстительнымъ, желчнымъ, въ двадцать разъ болѣе отвратительнымъ, чѣмъ угнетающій его тиранъ; это случилось со мною, и въ ненависти, которую я къ себѣ почувствовалъ, я желалъ смерти съ бѣшенствомъ, во всѣ дни своего паденія..."

Эти строчки являются повтореніемъ того самого, что Ж. Сандъ, какъ мы видѣли, писала Сентъ-Беву. Но вслѣдъ затѣмъ она выражаетъ надежду и увѣренность въ томъ, что все-таки еще можетъ быть и воздержанной и доброй и способной къ труду, постоянству, безкорыстію и простотѣ. Она заключаетъ это письмо внезапнымъ восторженнымъ привѣтомъ „Республикѣ, зарѣ справедливости и равенства, божественной утопіи, солнцу будущаго", можетъ быть, и химерическаго. И несмотря на только что высказанныя сомнѣнія насчетъ возможности всеобщаго равенства въ будущемъ и насчетъ того, знаютъ ли единомышленники Мишеля, чтò можетъ доставить счастье человѣчеству, тѣмъ не менѣе Ж. Сандъ восклицаетъ по адресу республики:

„Если ты снизойдешь къ намъ ранѣе предусмотрѣннаго времени, ты найдешь меня готовымъ принять тебя и одѣтымъ согласно твоимъ суровымъ законамъ. Друзья мои, учителя, братья, привѣтъ вамъ, моя кровь и хлѣбъ принадлежатъ вамъ отнынѣ, въ ожиданіи того, что республика ихъ потребуетъ!.."

Далѣе она выражаетъ однако надежду, что въ ожиданіи этого ей дозволено будетъ еще постранствовать по зовущимъ ее къ себѣ горамъ Швейцаріи, и лишь навсегда прощается съ „любовью, кумиромъ своей юности". Казалось бы, что Мишель окончательно покорилъ „непокорнаго школьника" и завербовалъ его безповоротно въ ряды своихъ адептовъ, однако и въ послѣдующихъ письмахъ все еще слышатся протестъ и сомнѣнія. То „Путешественникъ", по поводу своихъ друзей, къ которымъ Мишель повидимому относился свысока,—говоритъ о томъ, какъ много они сдѣлали для него въ дни несчастья, и съ чуть скрытой насмѣшкой прибавляетъ: „Ils sont plus gais que toi; ils n'ont pas étendu sur leurs os le cilice de la vertu" (Они веселѣе тебя; они не облачились въ власяницу добродѣтели)... То, восторженное обѣщаніе отдать всего себя на служеніе идеямъ Мишеля сопровождается разными оговорками, и поэтомъ высказывается сомнѣніе въ возможности „царствія Божьяго на землѣ".

„Ты знаешь... я слишкомъ много жилъ и ничего не сдѣлалъ добраго. Нужна ли кому-нибудь моя настоящая или будущая жизнь

лишь бы ее отдали на служеніе какой-нибудь идеи, а не страсти, на служеніе истинѣ, а не какому-нибудь человѣку,—и я готовъ подчиниться законамъ. Но увы! я предупреждаю васъ, что способенъ лишь смѣло и точно исполнять приказанія. Я могу дѣйствовать, а не разглагольствовать, ибо я ничего не знаю *и ни въ чемъ не убѣжденъ. Я могу слушаться лишь закрывъ глаза и заткнувъ уши, дабы ничего не видѣть и не слышать, что бы меня разубѣждало*; я могу идти съ моими друзьями, какъ собака, которая видитъ, что хозяинъ ея уѣзжаетъ на кораблѣ, и бросается въ воду, чтобъ плыть за нимъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ отъ усталости. Море велико, о друзья, а я слабъ! Я гожусь лишь въ рядовые и во мнѣ нѣтъ 5 футовъ росту. Все равно! пигмей принадлежитъ вамъ! Я вашъ, ибо люблю и уважаю васъ. *Истина не у людей*; *царствіе Божіе не отъ міра сего.* Но поскольку человѣкъ можетъ похитить у Божества лучъ свѣта, который свыше освѣщаетъ міръ — то вы украли его, сыны Прометея, любовники суровой Истины и непоколебимой богини Правосудія. Впередъ! каковъ бы ни былъ оттѣнокъ вашего знамени, лишь бы ваши полчища были всегда на дорогѣ республиканскаго будущаго; во имя Іисуса, у котораго на землѣ есть лишь одинъ настоящій апостолъ, во имя Вашингтона и Франклина, которые не смогли сдѣлать много и оставили намъ окончаніе своего подвига, во имя Сенъ-Симона, сыны котораго сразу идутъ къ высокой и страшной задачѣ (да хранитъ ихъ Богъ!..), лишь бы добро восторжествовало, лишь бы тѣ, кто вѣритъ, доказали это... я лишь бѣдный рядовой, ведите меня!..“

Но вслѣдъ затѣмъ этотъ скромный рядовой разражается цѣлой филиппикой противъ своего суроваго наставника по поводу его нападокъ на искусство и художниковъ, и эта глава „*Письма къ Эверару*“ чуть не самая лучшая часть его.

...„Не скажешь ли ты мнѣ, на кого ты ополчился со своими декламаціями противъ художниковъ? Кричи на нихъ, сколько угодно, но уважай искусство. О Вандалъ! хорошъ тотъ суровый сектантъ, кто хотѣлъ бы надѣть власяницу и деревянные башмаки на Тальони и употребить руки Листа на то, чтобы вертѣть винодѣльные жернова, а въ то же время ложится на землю въ слезахъ при щебетаньѣ крошечной пѣночки и затѣваетъ бунтъ въ театрѣ, чтобъ не позволить Отелло задушить Малибранъ. Суровый гражданинъ желаетъ уничтожить артистовъ, какъ соціальный наростъ, поглощающій слишкомъ много соковъ, но сударь любитъ вокальную музыку и помилуетъ пѣвцовъ. Я надѣюсь, что и живописцы найдутъ одну такую изъ вашихъ славныхъ головъ, которая понимаетъ живопись и не велитъ задѣлывать окна мастерскихъ. А что касается поэтовъ, то они ваши кузены, и *вы не пренебрегаете оборотами ихъ рѣчи и механизмомъ ихъ періодовъ, когда желаете произвести впечатлѣніе на зѣвакъ. Вы у нихъ будете обучаться метафорамъ и способу пользоваться ими*“...

(Кажется тутъ можно увидѣть даже и намекъ на ту помощь,

которую Жоржъ Сандъ оказала Мишелю при писанiи „письма къ обвиняемымъ").

„Но скажи мнѣ,—продолжаетъ она,—что вы имѣете противъ художниковъ?"... На дняхъ ты ихъ обвинялъ во всѣхъ соцiальныхъ бѣдахъ, ты ихъ называлъ *„разлагающими"*, ты обвинилъ ихъ въ томъ, что они размягчаютъ мужество, портятъ нравы, ослабляютъ всѣ пружины воли. Твоя декламацiя осталась неоконченной, а твое обвиненiе неяснымъ, ибо я не могъ воздержаться отъ глупаго желанiя спорить съ тобой. Я лучше сдѣлалъ бы, еслибъ выслушалъ тебя, ты вѣроятно привелъ бы мнѣ болѣе серьезный доводъ, ибо это было единственное выставленное тобою положенiе, о которомъ я не размышлялъ, какъ оно мнѣ ни антипатично...

Не *искусство* ли само ты обвиняешь? Оно смѣется надъ тобой и надъ всѣми вами, и надъ всѣми возможными ученiями! Попробуйте потушить лучъ солнца!.. А если ты не искусство хочешь извести, то и не художниковъ. Пока на землѣ вѣрятъ въ Iисуса Христа—будутъ священнослужители... точно также пока будутъ ревностныя руки, будетъ звучать божественная лира искусства. Кажется тутъ просто случайное и частное недовольство сыновъ юнаго Рима противъ сыновъ стараго Вавилона... На дняхъ одинъ изъ вашихъ, т.-е. изъ нашихъ, одинъ республиканецъ, объявилъ почти серьезно, что я заслуживаю смерти [1]). Чортъ меня побери, если я понимаю, что это значитъ. Тѣмъ не менѣе я этимъ восхищаюсь и горжусь, какъ и полагается, и съ этого дня не перестаю твердить всѣмъ своимъ друзьямъ по секрету, что я очень важная политическая и литературная особа, мѣшающая членамъ собственной партiи своимъ великимъ соцiальнымъ и умственнымъ превосходствомъ..."

И продолжая то персифлировать, то дѣлая лирическiя отступленiя, Ж. Сандъ шагъ за шагомъ разбиваетъ нападки Мишеля на художниковъ и искусство, и мы сожалѣемъ, что не можемъ цѣликомъ привести всего этого письма, такiя это удивительныя по красотѣ языка, такiя это сильныя и горячiя страницы.

„Я тебѣ надоѣдаю своимъ плоскимъ и неисправимымъ *шутовствомъ*,—вотъ я ужъ и серьезенъ. Я готовъ сознаться, что мы всѣ великiе софисты. Софизмъ все захватитъ, онъ пробрался даже въ ноги танцовщицъ Оперы, а Берлiозъ переложилъ его въ „Фантастическую Симфонiю" (Simphonie fantastique). Къ несчастью для древней мудрости, когда ты услышишь похоронный маршъ Берлiоза [2]) въ твоемъ львиномъ сердцѣ произойдетъ нѣкое нервное потрясенiе, и пожалуй ты зарычишь, какъ при смерти Дездемоны, что будетъ весьма непрiятно для меня, твоего спутника, который стремится показываться въ хорошенькомъ галстухѣ и быть чиннымъ и тихимъ въ залѣ Консерваторiи. Самое меньшее,

[1]) Ср. съ вышеприведеннымъ письмомъ къ Плане. (Стр. 444).

[2]) „Marche au supplice" изъ той же „Symphonie fantastique—épisode de la vie d'un artiste".

что ты можешь сдѣлать, это сознаться, что *эта* музыка чуточку получше той, которую намъ преподносили въ Спартѣ во времена нашей службы при Ликургѣ, и ты подумаешь, что Аполлонъ, недовольный тѣмъ, что мы приносимъ жертвы одной Палладѣ, сыгралъ съ нами шутку, преподавъ нѣсколько уроковъ этому *Вавилонцу*, дабы онъ ввелъ наши души въ заблужденіе, вліяя на насъ роковою магнетическою силой. Ты спросишь меня, развѣ такъ говорятъ серьезно?.. Я говорю серьезно. Берліозъ великій композиторъ, геніальный человѣкъ, настоящій художникъ, и разъ ужъ онъ мнѣ попался подъ руку, я не прочь сказать тебѣ, что такое истиный художникъ, ибо вижу, что ты объ этомъ понятія не имѣешь... Берліозъ художникъ, онъ очень бѣденъ, очень смѣлъ и очень гордъ. Можетъ быть онъ имѣетъ злодѣйство думать втайнѣ, что всѣ народы міра не стоятъ хроматической гаммы во-время употребленной, какъ я имѣю дерзость предпочитать бѣлый гіацинтъ коронѣ Франціи. Но будь увѣренъ, что можно и съ такими безумными мыслями въ головѣ не быть врагомъ рода человѣческаго. Ты стоишь за ограничительные законы; Берліозъ за трижды перечеркнутыя ноты, я за „луковичныя растенія"; у всякаго свой вкусъ. Когда придется строить новый градъ разума, будь увѣренъ, что всякій поможетъ по мѣрѣ силъ своихъ: Берліозъ придетъ съ киркой, я съ зубочисткой, другіе со своими руками и волей. Но въ нашемъ юномъ Іерусалимѣ вѣдь будутъ, я полагаю, дни счастья и покоя, и тогда будетъ позволено однимъ вернуться къ фортепьяно, другимъ копать свои грядки, всякому невинно веселиться по своему вкусу и способностямъ...

„...Что было бы", — говоритъ путешественникъ дальше, — еслибы въ тѣ минуты, когда самъ Эверарь восхищается звѣздами полуночи и безмятежно толкуетъ о неизвѣстномъ и безконечномъ, — что было-бы еслибъ онъ его

„...грубо спросилъ: Къ чему это служитъ? Зачѣмъ ломать твою голову и утомлять мозгъ предположеніями? Развѣ это даетъ хлѣбъ и башмаки людямъ? — Ты мнѣ отвѣтилъ бы: „Это даетъ святыя ощущенія и мистическій энтузіазмъ тѣмъ, кто въ потѣ лица своего трудится для людей; это научаетъ ихъ надѣяться, мечтать о Божествѣ, набираться бодрости и возвышаться надъ грязью и несчастьями человѣческой жизни посредствомъ, хоть и химерическихъ, но возвышающихъ и укрѣпляющихъ мыслей о будущемъ"... На колѣни, Сикамбръ, на колѣни. Настоящіе художники непремѣнно тебя поставятъ на колѣни. Если-бъ ты зналъ, что такое эти люди, когда они соблюдаютъ свое евангеліе и почитаютъ святость своего апостольскаго призванія! Такихъ немного, и я не изъ нихъ, я признаюсь въ этомъ, къ стыду своему"...

И тутъ изъ-подъ пера Жоржъ Сандъ выливается та скорбная, много разъ цитированная страница, въ которой она съ горечью и болью разсказываетъ, какъ нужда, забота о дѣтяхъ, необходимость работать на срокъ заставляли ее писать спѣшно, не отдѣлывать своихъ произведеній, „насиловать свою Музу,

которая мститъ за это мрачными, желчными страницами, леденитъ вдохновенiе сомнѣнiями и отчаянiемъ". Она вспоминаетъ о недавно видѣнной драмѣ де-Виньи „*Чаттертонъ*" [1]) и говоритъ о мукахъ, испытываемыхъ требовательнымъ къ себѣ художникомъ, когда онъ не можетъ, изъ-за бѣдности и лишенiй, съ достаточнымъ благоговѣнiемъ служить искусству. Ему хочется, какъ онъ ни скроменъ, „вѣрить и надѣяться", что онъ сдѣлаетъ что-нибудь хорошее, но:

„Если часы сочтены, если кредиторъ ждетъ у дверей, если ребенокъ, который легъ спать безъ ужина, напоминаетъ ему его бѣдность и необходимость кончить до зари, увѣряю тебя, онъ долженъ принести великую жертву и перенести великое униженiе передъ самимъ собой. Онъ видитъ, что другiе работаютъ тихо, съ раздумьемъ, съ любовью; онъ видитъ, что они внимательно перечитываютъ свои страницы, поправляютъ ихъ, тщательно полируютъ, разсыпаютъ на нихъ, уже потомъ, тысячу драгоцѣнныхъ камней, снимаютъ всякую пылинку, и еще сохраняютъ ихъ у себя, чтобы еще пересмотрѣть и превзойти само превосходство. А онъ, несчастный, онъ сработалъ лопатой и топоромъ—трудъ грубый, однообразный, иногда сильный, но всегда неоконченный, спѣшный, лихорадочный; еще чернила не засохли на бумагѣ, какъ уже надо сдавать рукопись, не просмотрѣвъ ее, не поправивъ ошибокъ... Эти мелочныя несчастья заставляютъ тебя улыбаться и кажутся ребяческими... но есть что-то во истину благородное и святое въ этой преданности художника своему искусству, которая заключается въ томъ, чтобы *сдѣлать хорошо*, цѣною богатства, славы и жизни. Убѣжденiе всегда добродѣтель... Ремесленникъ отправляетъ свое ремесло, чтобы увеличить свою прибыль, художникъ десятки лѣтъ чахнетъ на чердакѣ надъ произведенiемъ, которое доставило бы ему богатство, но которое онъ не отдастъ, пока не окончитъ его на совѣсть. Что значитъ Энгру богатство и извѣстность? Для него одно одобренiе на свѣтѣ важно—одобренiе Рафаэля, тѣнь котораго всегда витаетъ надъ нимъ. О, святой человѣкъ!.."

И таковы же, по ея словамъ, всѣ истинные художники: Паганини и Делакруа, и Юрганъ и Бальо [2])—всѣ они думаютъ не о славѣ, а о своемъ искусствѣ, всякiй готовъ стушеваться предъ тѣмъ, кто является его идеаломъ. Политическiе дѣятели на это неспособны они всѣ преисполнены честолюбiя, желанiя первенствовать, затмевать другихъ. Лишь немногихъ „можно назвать *художниками* и это для нихъ лучшая похвала".

Итакъ, Мишель не убѣдилъ (и къ счастью!) своего собесѣдника относительно вреда искусства. Повидимому онъ не вполнѣ убѣдилъ его и въ своей теоретической правотѣ, и даже

[1]) См. выше о ея стихотворенiи по поводу этой пьесы.

[2]) Извѣстный скрипачъ и не менѣе извѣстный вiолончелистъ.

въ послѣдней части „*Письма*", отъ 29 апрѣля путешественникъ спрашиваетъ Мишеля и его единомышленниковъ: „А что коли вы лишь фанатики?"... И пытается найти этому *оправданіе въ томъ*, что даже такой фанатизмъ, который заставилъ бы Мишеля безъ сожалѣнія отправить на эшафотъ его маленькаго друга Жоржа,

„прекрасенъ, и я отдамъ голову за удовольствіе хоть разъ въ жизни видѣть истиннаго Римлянина", ибо,—прибавляетъ она дальше,—„фанатизмъ это все-таки нѣчто, не всякій тотъ фанатикъ, кто хочетъ быть имъ, особенно по нашимъ временамъ, и я былъ бы болѣе гордъ, чѣмъ теперь, еслибъ я хоть немного былъ безуменъ на вашъ ладъ"...

Но кажется, что „фанатизмъ" и „безуміе" Мишеля порядочно таки напугали въ то время Жоржъ Сандъ, да и немудрено: Мишель употреблялъ иногда аргументы довольно таки оригинальные для внушенія своихъ идей, и если не приговорилъ Жоржъ Сандъ къ гильотинѣ, то подвергъ... одиночному заключенію. А именно: однажды, когда онъ долженъ былъ, не окончивъ какого-то своего увѣщеванія, уйти въ судъ, то просто-на-просто взялъ да и *заперъ Жоржъ Сандъ на ключъ*, дабы она не ушла „не одумавшись" и не обдумавъ хорошенько всего ей сказаннаго. Надо полагать, что такіе пріемы аргументаціи нѣсколько испугали Аврору Дюдеванъ, мало, какъ мы знаемъ, склонную переносить чей бы то ни было деспотизмъ. И она очень серьезно стала подумывать о бѣгствѣ. Листъ и M-me д'Агу, ея новые друзья, приглашали ее въ Швейцарію,— оттуда она мечтала проѣхать въ Константинополь и въ Египетъ. И вотъ „*Письмо къ Эверару*" оканчивается полусерьезнымъ, полушутливымъ признаніемъ, что „путешественникъ" хочетъ вновь уѣхать путешествовать. Онъ дѣлаетъ и всѣ послѣднія распоряженія:

...„если вы объявите республику въ мое отсутствіе, берите все, что у меня есть, не церемоньтесь; у меня есть земли—отдайте ихъ тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ; у меня есть садъ—пусть тамъ пасутся ваши лошади; у меня есть домъ—устройте въ немъ лазаретъ для вашихъ раненыхъ, у меня есть вино—пейте его; у меня есть табакъ—курите его; у меня есть мои печатныя произведенія — сдѣлайте изъ нихъ пыжи для ружей. Во всемъ моемъ наслѣдіи есть только двѣ вещи, которая мнѣ больно было бы потерять: портретъ моей старой бабки и шесть квадратныхъ футовъ дерну, засаженныхъ кипарисами и розами. Тутъ почіютъ она и мой отецъ. Я ставлю портретъ и могилу подъ охрану республики и попрошу лишь, когда вернусь, въ видѣ возмѣщенія за всѣ убытки, понесенные мною, даровать мнѣ: трубку, перо и чернила, *благодаря чему я буду радостно заработывать свой хлѣбъ*

и остатокъ дней своихъ проведу въ томъ, что буду писать, что вы хорошо поступили. А если я не вернусь—вотъ мое завѣщаніе: Я поручаю моего сына своимъ друзьямъ, мою дочь—ихъ женамъ и сестрамъ, картину и могилу, наслѣдіе моихъ дѣтей,—тебѣ, главѣ нашей аквитанской республики, дабы ты былъ ихъ временнымъ хранителемъ; мои книги, минералы, гербаріи, бабочекъ—Мальгашу; всѣ трубки—Роллина; мои долги, если окажутся, Флери, чтобъ его пріучить къ трудолюбію; мое благословеніе и послѣдній каламбуръ тѣмъ, кто сдѣлали меня несчастнымъ, дабы они утѣшились и забыли меня. Тебя я назначаю душеприказчикомъ, прощай же, я уѣзжаю... Прощайте мои дѣти... мои друзья... и ты учитель [1]), прощай, будь благословенъ за то, что далъ мнѣ безъ смѣху посмотрѣть въ лицо великаго энтузіаста и склонить предъ тобою колѣна, уѣзжая. О, зеленая страна цыганъ—Богемія! фантастическая родина всѣхъ не честолюбивыхъ и свободныхъ душъ, итакъ, я увижу тебя! Я часто блуждалъ по твоимъ горамъ и леталъ надъ верхушками твоихъ сосенъ, я помню это отлично, хотя я тогда еще не родился среди людей, и все мое несчастіе произошло оттого, что я не могъ забыть о тебѣ, живя здѣсь"...

Итакъ, лѣтомъ 1835 года Жоржъ Сандъ мечтала уѣхать въ Швейцарію къ Листу и M-me д'Агу, дружба съ которыми только-что у ней завязалась. Мечты эти сдѣлались дѣйствительностью однако лишь въ слѣдующемъ году, но мы теперь же должны обратиться къ Листу съигравшему также важную роль въ исторіи духовнаго перелома и возрожденія Ж. Сандъ и вообще втеченіе своей многолѣтней дружбы съ писательницей оказавшаго на нее чрезвычайно глубокое и совершенно еще не оцѣненное ея критиками и біографами, вліяніе. Жоржъ Сандъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ бывшая дружной съ Листомъ и его пріятельницей, графиней Маріей д'Агу и впослѣдствіи лишь разошедшаяся съ нею, а вслѣдствіе того и съ нимъ, — когда писала свою *Histoire*, что называется *замолчала* этотъ эпизодъ своей жизни, ограничившись нѣсколькими самыми бѣглыми и безцвѣтными строчками. Поэтому мы въ „Исторіи" совсѣмъ не находимъ указаній на то глубокое вліяніе, которое эта дружба имѣла на Ж. Сандъ. Біографы ея или совсѣмъ не останавливаются на немъ, или лишь вскользь упоминаютъ объ отношеніяхъ великой писательницы и геніальнаго піаниста. Многіе изъ нихъ, очевидно что-то слыхали о сплетнѣ, пущенной нѣкогда Гейне, и боятся касаться этого эпизода. Другіе распространяются о дружбѣ къ графинѣ д'Агу, которая была эпизодическою и самой поверхностной, и никакого значенія имѣть не

[1]) Тутъ опять игра словъ, ибо словомъ „maître" титулуютъ во Франціи также и адвокатовъ.

могла. Большинство, руководясь, какъ мы уже много разъ повторяли, лишь собственной автобіографіей Ж. Сандъ, просто не подозрѣваютъ роли Листа въ жизни знаменитой романистки. Между тѣмъ, если съ одной стороны изучить біографію Листа и его переписку и переписку Ж. Сандъ, — а съ другой стороны *сочиненія* Ж. Сандъ и *сочиненія* Листа, какъ музыкальныя такъ и литературныя, напримѣръ, хотя бы внимательно прочесть нѣкоторыя *программы* и *предисловія* его „симфоническихъ поэмъ", частью написанныхъ впослѣдствіи, частью же возникшихъ еще въ годы этой дружбы,—то всякому станетъ очевиднымъ взаимное вліяніе этихъ двухъ великихъ душъ. Поэтому мы позволимъ себѣ довольно подробно остановиться на внѣшнихъ событіяхъ и внутреннихъ эволюціяхъ въ исторіи этой дружбы.

Познакомилась Жоржъ Сандъ съ Листомъ зимою 1834—35 года [1]). И—право, въ этомъ можно видѣть какую-то странную преднамѣренность и вмѣшательство судьбы—познакомилъ ихъ Альфредъ де-Мюссе, тотъ, кто былъ (независимо отъ романическихъ его отношеній къ великой писательницѣ) какъ бы предварительной ступенью въ художественномъ развитіи Жоржъ Сандъ. Листъ былъ художникомъ ничуть не менѣе, если не болѣе Мюссе, и можетъ быть, если бы онъ былъ творцомъ въ той же области, что и она, то имѣлъ бы лишь тоже самое, чисто-художественное, значеніе для ея писательской дѣятельности. Но Листъ былъ къ тому же еще необычайной натурой, всеобъемлющимъ и геніальнымъ духомъ, разностороннимъ, глубокимъ умомъ, горячимъ сердцемъ. И онъ какъ разъ явился въ исторіи развитія идей Жоржъ Сандъ тою переходною ступенью, которая, быть можетъ, помогла ей войти и въ сферу политическихъ интересовъ и соціально-философскихъ задачъ Мишеля и Ламеннэ гораздо легче и незамѣтнѣе для нея, чѣмъ это было бы, еслибъ въ 1835 году она очутилась лишь лицомъ къ лицу съ суровымъ трибуномъ и экзальтированнымъ ех-священникомъ, не имѣя подлѣ себя дружеской опоры въ лицѣ родственнаго ей по духу художника—Листа.

Итакъ, познакомился онъ съ Жоржъ Сандъ черезъ Альфреда де-Мюссе, сестрѣ котораго, Герминіи, давалъ уроки

[1]) Въ книгѣ изданной Ла Марой: „Briefe hervorragender Zeitgenossen an Franz Liszt" помѣщено 4 до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ письма Ж. Сандъ къ Листу. Первое изъ нихъ помѣчено „Paris 9 Mai 1834". Между тѣмъ въ маѣ 1834 г. Ж. Сандъ была еще въ Венеціи. Слѣдовательно это письмо вѣроятно относится къ маю 1833 г. Но тогда знакомство, какъ изъ него видно, еще не состоялось.

музыки и даже посвятилъ свою вторую Россиніевскую фантазію (op. 3, № 2). Листъ неохотно послѣдовалъ приглашенію Мюссе посѣтить знаменитую писательницу, и,—какъ это было ранѣе съ самимъ Мюссе, а впослѣдствіи съ Шопеномъ,—первое впечатлѣніе, которое она произвела на геніальнаго піаниста, было непріятное. Листъ уже давно зачитывался произведеніями ея, но когда вышелъ *Леоне-Леони*, являвшійся какъ бы исповѣданіемъ вѣры романтиковъ, ибо въ немъ изображалась беззавѣтная, торжествующая вопреки разуму и оскорбленному нравственному чувству, стоящая превыше всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, деспотически-всевластная любовь, та любовь, которая въ лицѣ графини д'Агу начинала уже захватывать всю тогдашнюю жизнь молодого музыканта,—тогда Листъ еще болѣе прежняго сталъ увлекаться и восхищаться талантомъ Жоржъ Сандъ. Но когда онъ провелъ вечеръ въ скромномъ салонѣ писательницы на Quai Malaquais, то сама Жоржъ Сандъ, какъ женщина, ему не понравилась. Какъ женщина она ему никогда и впредь не нравилась. Они были слишкомъ сходными натурами,—и это сходство послужило основаніемъ ихъ вскорѣ возникшей, искренней и серьезной дружбѣ, за то навсегда гарантировало Листа отъ всякаго подобія страсти къ Аврорѣ Дюдеванъ, а ея отношенія къ нему лишило малѣйшаго намека на то психопатическое обожаніе, которое Листъ привыкъ встрѣчать втеченіе всей своей жизни со стороны окружавшихъ его дамъ и дѣвицъ. И хотя злоязычный Гейне, одно время распространилъ слухъ о томъ, что между Жоржъ Сандъ и Листомъ существуютъ самыя близкія отношенія, однако, онъ же и опровергъ (разумѣется на свой безшабашный манеръ) [1]) этотъ ложный слухъ. И когда ревнивый Мюссе, въ одинъ изъ своихъ дурныхъ дней, въ началѣ 1835 года, повѣрилъ какому-то неосторожному слову Бюлоза и сдѣлалъ по поводу Листа сцену ревности Жоржъ Сандъ, то она, тогда еще страстно влюбленная въ Мюссе, отвѣчала, что очень хотѣла бы влюбиться въ Листа и тѣмъ хотя бы удержать ускользающую отъ нея любовь самого Мюссе, но, къ сожалѣнію, не можетъ сдѣлать этого, какъ не можетъ сдѣлать такъ, чтобъ ей нравился шпинатъ. Она хотѣла бы ѣсть шпи-

[1]) Въ „Augsburger Zeitung" Лаубе передалъ слова Гейне, который это утверждалъ; впослѣдствіи, когда Гейне писалъ свои „Письма изъ Парижа" (см. „Lutetia") и когда онъ самъ уже очень разошелся съ Листомъ—онъ пишетъ: „An dieser prahlerischen Wanze hat Lélia nie Geschmack gefunden und sie tolerierte dieselbe nur manchmal in ihrer Nähe, weil sie gar zu zudringlich war".

натъ, это прекрасное кушанье, но вотъ, что подѣлаешь! онъ ей не нравится... Втеченіе всего своего знакомства Листъ и Жоржъ Сандъ такъ и остались другъ для друга этимъ безвкуснымъ *шпинатомъ*. Тѣмъ глубже и искреннѣе была ихъ чисто-мужская, товарищеская дружба. И немудрено! Трудно было бы представить себѣ натуры, вкусы, интересы, стремленія, убѣжденія, наклонности, весь складъ ума и направленіе жизни болѣе схожіе чѣмъ натуры, стремленія и даже факты жизни Жоржъ Сандъ и Листа. Мы вкратцѣ разскажемъ біографію Листа отъ дѣтства и до этого 1835 года, или вѣрнѣе, исторію его духовнаго развитія и стадіи его внутренней жизни съ перваго пробужденія сознанія до дня знакомства съ авторомъ *Леоне Леони*, и пусть читатель самъ судитъ, насколько все это является повтореніемъ тѣхъ самыхъ фактовъ, которые читатель уже знаетъ относительно внутренней жизни и развитія самой Жоржъ Сандъ.

Францъ Листъ родился въ Райдингѣ, близъ Эйзенштадта, въ ночь на $^{10}/_{22}$ октября 1811 г. въ семьѣ чиновника, служившаго при управленіи князя Эстергази и участвовавшаго кромѣ того и въ знаменитомъ эйзенштадтскомъ оркестрѣ, капельмейстеромъ котораго нѣкогда былъ Іосифъ Гайднъ. Очень рано въ маленькомъ Францѣ сказалось его музыкальное призваніе; почти съ первыхъ годовъ жизни рѣшилъ онъ, что долженъ сдѣлаться такимъ музыкантомъ „какъ этотъ“ — т.-е. какъ Бетховенъ, портретъ котораго составлялъ лучшее украшеніе скромной квартирки его отца. Отецъ его, къ счастью, не препятствовалъ его намѣреніямъ, а наоборотъ, съ самаго начала серьезно отнесся къ его музыкальному дарованію.

Какъ теоретически, такъ и практически маленькій Францъ получилъ строго-систематическое, органически-правильное и исторически-послѣдовательное музыкальное образованіе и развитіе. За то онъ не получилъ никакого правильнаго воспитанія и научнаго образованія: выучился только читать, писать и считать у деревенскаго дьячка. Да учиться было и некогда: уже съ ранняго дѣтства, показываемый въ качествѣ „enfant-prodige“, онъ долженъ былъ выступать передъ публикой, а потомъ, еще полу-ребенкомъ, рано лишившись отца и переселившись въ Парижъ, содержать мать, давая уроки музыки и концерты. Онъ успѣлъ только во время концертныхъ своихъ путешествій почти практически изучить нѣсколько европейскихъ языковъ, которыми потомъ владѣлъ, какъ своимъ роднымъ венгерскимъ. И несмотря на такое плохое элементарное обученіе, онъ не только съумѣлъ потомъ самъ, по личной волѣ и побужденію, между 17 и 19 го-

дами ознакомиться со всѣми знаніями, входящими въ такъ-называемый „курсъ наукъ", преподаваемый юношеству, но, не останавливаясь, продолжалъ страстно и упорно учиться и знакомиться и съ поэзіей, и съ философіей, и съ исторіей, и съ политическими ученіями и съ естественными науками, такъ что въ концѣ концовъ сдѣлался человѣкомъ необыкновенно и разносторонне образованнымъ, просто выдающимся по своему философскому образованію.

Съ дѣтства онъ былъ страстно религіозенъ; одно время хотѣлъ, какъ маленькая Аврора Дюпенъ, поступить въ монастырь или сдѣлаться священникомъ; цѣлыя ночи проводилъ въ пламенныхъ молитвахъ. И въ то же самое время онъ страстно любилъ музыку и ни за что бы не отказался отъ своихъ занятій этимъ искусствомъ. Поэтому онъ рано сталъ мечтать о томъ, какъ бы ему соединить призваніе музыканта и священника. (Тутъ мы видимъ ту готовую почву, на которой такъ легко могли приняться сѣмена позднѣйшихъ ученій Ламеннэ и сенъ-симонистовъ о священномъ призваніи художника, или даже о такъ-называемомъ жрецѣ-художникѣ, художникѣ, долженствовавшемъ занимать въ „государствѣ будущаго" мѣсто на ряду со священниками).

И опять-таки, какъ у Авроры Дюпенъ, его религіозная горячность очень легко перешла въ горячую любовь къ человѣчеству. „Его охватило,—говоритъ его біографша, Лина Раманнъ [1]),—жгучее состраданіе ко всѣмъ безутѣшнымъ и страждущимъ. Съ нимъ, съ этимъ состраданіемъ, пробудился въ его сердцѣ великій, всеобъемлющій божественный завѣтъ любви и никогда уже не угасъ".

Но, на ряду съ проявленіями экзальтированной религіозности на него находили иногда и періоды сомнѣній, упадка и апатіи; онъ былъ изъ тѣхъ натуръ, которыя развиваются порывами, колебаніями, ломкою и скачками, а не правильно и гармонично. Отецъ его не понималъ этого и, какъ бабушка Авроры, приходилъ въ отчаяніе, видя эти необъяснимые переходы отъ одного настроенія къ другому; между тѣмъ „въ этихъ смѣняющихся настроеніяхъ лежали задатки тѣхъ разнородныхъ интересовъ общественныхъ, религіозныхъ и философскихъ, которые высказались лишь впослѣдствіи".

Благодаря своимъ концертнымъ путешествіямъ и тому по-

[1]) *Lina Ramann.* „Franz Liszt als Künstler und Mensch". (Leipzig. Breitkopf & Haertel, 1880—1887).

кровительству, которое ему оказали венгерскіе магнаты, „маленькій Листъ", какъ Шопенъ, былъ постоянно среди аристократіи, баловавшей его, вѣчно былъ на колѣняхъ у разныхъ графинь и княгинь, или въ салонахъ у герцогинь и даже коронованныхъ особъ. Поэтому онъ съ дѣтства всосалъ тонъ, манеры и разговоры высшаго круга, любовь къ изяществу и изящному обращенію. И тѣмъ не менѣе по убѣжденіямъ, симпатіямъ и стремленіямъ онъ былъ истымъ демократомъ, врагомъ всего условнаго, всякихъ привилегій и кастовыхъ предразсудковъ, и если сочувствовалъ аристократіи, то только такъ-называемой „аристократіи духа". Его внѣшній лоскъ и любовь къ изящному образу жизни ничуть не помѣшали ему отдаваться всѣмъ широкимъ идеямъ своего времени, стоять за всѣхъ униженныхъ и угнетенныхъ, помогать имъ словомъ и дѣломъ, бороться со всевозможными предразсудками.

Въ юности онъ испыталъ, опять-таки подобно Шопену, давленіе этихъ кастовыхъ предразсудковъ, когда ему приказали даже и не помышлять о любимой и любившей его дѣвушкѣ,— ученицѣ его Каролинѣ де-Сенъ-Крикъ,—только потому, что она была графиня, а онъ плебей. Этотъ ударъ надолго его сломилъ и, надо полагать, на многое открылъ ему глаза. Подобное почти случилось и съ Шопеномъ, (когда графиня Марія Водзинская отказала ему и вышла, по желанію родныхъ, за какого-то нелюбимаго ею, но титулованнаго жениха). Но Шопенъ покорился своей судьбѣ, не почувствовавъ никакой ненависти къ аристократическимъ предразсудкамъ и самимъ представителямъ высшаго круга. Не то было съ Листомъ. Во-первыхъ, демократическіе друзья ревностно возбуждали и поддерживали въ немъ негодованіе и враждебное чувство къ т.-наз. свѣту, къ тому высокомѣрному и безсердечному чванству и всяческимъ кастовымъ предразсудкамъ, благодаря которымъ Листъ долженъ былъ навѣки потерять любимую дѣвушку, а она сдѣлаться навсегда несчастной [1]). Личное горькое чувство и озлобленіе много способствовало тому, что Листъ съ особеннымъ сочувствіемъ сталъ относиться къ раздававшимся въ тѣ годы,—предшествующіе іюльской революціи,—соціальнымъ и демократическимъ ученіямъ,

[1]) Судьба ея была очень печальна, и еще печальнѣе была встрѣча этихъ двухъ существъ, нѣкогда полныхъ надеждъ и любви, а теперь сломленныхъ и разочарованныхъ жизнью, когда они черезъ 15 слишкомъ лѣтъ встрѣтились вновь въ 1844 г. Подъ впечатлѣніемъ этой горестной, и никому ненужной уже, встрѣчи Листъ написалъ свой скорбный романсъ „Ich möchte hingehn, wie der Morgenstrahl".

и мало-по-малу сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ ихъ, тѣмъ болѣе, что они соотвѣтствовали его собственнымъ религіозно-соціальнымъ вѣрованіямъ. Но кромѣ того враждебное положеніе, занятое имъ относительно высшаго класса, вскорѣ перешло въ гордость художника, сознающаго свою индивидуальную цѣну, а эта гордость заставила его стремиться къ внутреннему самосовершенствованію.

Еще подросткомъ, давая концерты, онъ началъ серьезно задумываться надъ художественными идеалами и тяготиться ролью виртуоза—потѣшника публики, чего-то въ родѣ ученой собачки, ибо публикѣ нѣтъ дѣла до искусства, а требуется лишь одно развлеченіе. Въ тѣ же годы, мистифицируя невѣжественныхъ слушателей и преподнося имъ собственныя сочиненія подъ видомъ сонатъ Бетховена, или обратно, онъ научился и глубоко презирать эту публику, этихъ дилеттантовъ-полузнаекъ, худшихъ, чѣмъ настоящіе невѣжды, которые хоть искренни въ своемъ незнаніи и ничего о себѣ не воображаютъ. И вотъ теперь въ немъ вдругъ пробудилась страстная жажда знаній, и онъ принялся читать и учиться, какъ могъ, чему могъ и у кого могъ.

„Онъ хотѣлъ знать, все знать!—говоритъ его біографъ.—Но такъ какъ ему не хватало первоначальнаго обученія и такъ какъ жажда знанія проявилась разомъ, какъ взрывъ, то ничто и не могло развиваться въ немъ правильно. Онъ постоянно измѣнялъ свои чтенія, или брался безъ всякаго плана за самые противоположные предметы. Это приводило не разъ къ путаницѣ. Къ этому времени и относится часто повторяемый анекдотъ о томъ, какъ однажды, находясь въ обществѣ, гдѣ былъ также и только-что переселившійся во Францію и очень извѣстный въ ея исторіи адвокатъ Кремьё, Листъ будто бы обратился къ нему съ восклицаніемъ: „Господинъ Кремьё, выучите меня всей французской литературѣ!" На что̀ этотъ послѣдній возразилъ: „Кажется, что въ головѣ этого молодого человѣка царствуетъ большая путаница". Стремленіе къ знанію, сомнѣнія, пробуждающаяся жизнерадостность направляли его чтенія, въ которыхъ, какъ сказано, часто соприкасались противоположныя крайности. Свѣтскія и религіозныя сочиненія, серьезнѣйшія и пустѣйшія, находили въ немъ откликъ. Въ хаотическомъ безпорядкѣ — (совершенно какъ это было у Авроры Дюпенъ)—лежали скептическія сочиненія Монтаня подлѣ защиты христіанства Ламеннэ, произведенія Вольтера подлѣ Ламартина; къ этому надо прибавить статьи Сентъ-Бева, Балланша, Руссо, Шатобріана и разныхъ другихъ писателей, изъ которыхъ большинство имѣло глубокое значеніе въ историческомъ и культурномъ развитіи, въ религіи и поэтической литературѣ Франціи. Гдѣ только Листъ думалъ найти свѣтъ—туда онъ и обращался. Ему постоянно казалось, что ему откроется нѣчто великое и новое! — (совершенно какъ и для Жоржъ Сандъ!) — Его душа была полна ожиданія. Онъ часто просиживалъ до глубокой ночи, читая и добиваясь чего-то,

бросаясь то туда, то сюда подъ вліяніемъ самыхъ противоположныхъ впечатлѣній, не находя себѣ покоя".

И какъ Аврора Дюдеванъ говорила, что ее „мучитъ божественное", такъ и его „мучилъ таинственный инстинктъ", побуждавшій его страстно ожидать разрѣшенія темныхъ вопросовъ бытія. Какъ во время совмѣстныхъ чтеній съ Каролиной де Сенъ-Крикъ Листъ упивался религіозными писателями, такъ теперь, больной, страждущій послѣ потери навѣки любимой дѣвушки, запершійся отъ людей, неудовлетворенный даже религіей, онъ жадно набросился на писателей конца и середины прошлаго вѣка. Отъ *Ренэ* и *Вертера* онъ обратился къ энциклопедистамъ—и вотъ въ головѣ его зародились сомнѣнія, которыя вскорѣ разрослись до степени всесокрушающей бури. Это былъ здоровый протестъ противъ его прежняго мистицизма и ультра-католической религіозности, основанной на непоколебимыхъ догматахъ, слѣпой и инстинктивной.

„Съ ненасытимой жадностью поглощалъ онъ произведенія своихъ великихъ современниковъ—говоритъ опять Раманнъ.—Онъ хватался за нихъ, проглатывалъ ихъ и точно вычитывалъ самую душу писателя. Онъ читалъ лексиконы точно такъ же неутомимо и ненасытно, какъ произведенія поэтовъ, втеченіе четырехъ слѣдующихъ одинъ за другимъ часовъ изучалъ онъ Буаста и Ламартина съ такой же пытливостью, какъ и напряженьемъ. И затѣмъ, когда онъ полагалъ, что проникъ въ мысль автора, то шелъ къ нему, чтобы выспросить у него откровенное разъясненіе его идей"...

Разразившаяся іюльская революція окончательно разбудила его мысль, заставила стряхнуть съ себя послѣдніе остатки дѣтства, забыть о болѣзни, о разочарованіяхъ и сразу возмужать тѣломъ и духомъ. „C'est le canon qui l'a guéri" — часто говаривала его мать. Въ немъ пробудилась неудержимая жажда дѣятельности, горячая венгерская кровь закипѣла—и казалось что вотъ-вотъ и онъ устремится на баррикады, чтобы „сражаться за страждущее, угнетенное человѣчество, за народъ, народныя права, за свободу—и даже, быть можетъ, умереть за нее!" Мать едва-едва удержала его отъ участія въ іюльскихъ дѣлахъ. А можетъ быть и самъ онъ слишкомъ хорошо, хоть и инстинктивно, почувствовалъ, что дѣло художника не проливать кровь, а инымъ путемъ сражаться за человѣческія права. И вотъ онъ задумываетъ написать: „*Революціонную Симфонію*", которая является какъ бы воплощеніемъ волновавшихъ его тогда чувствъ и отраженіемъ его юношескаго увлеченія тогдашнимъ героическимъ временемъ. Но только какъ натура глубокая и глубоко-

человѣчная, Листъ хотѣлъ изобразить и олицетворить въ этомъ произведенiи не громъ пушекъ, не шумъ борьбы, не картину ужасной гражданской войны, а тѣ глубокiя идеи и всеобъемлющiя чувства, которыя являлись побудительными причинами и основанiями всѣхъ великихъ народныхъ движенiй въ европейской исторiи и послѣдовательными стадiями, въ которыхъ выразилась „*великая христiанская идея человѣчности и свободы*". Такимъ образомъ онъ взялъ и 3 основныя темы или мотива для своего музыкальнаго произведенiя: *гуситскую пѣснь 15-го столѣтiя*, изъ временъ Яна Жишки, олицетворявшую собою *героизмъ, мужество* и *славянство*; во-вторыхъ, *германскiй хоралъ* „*Eine feste Burg ist unser Gott*—„мелодiю подобную расплавленному металлу, жгучему и полному скрытой твердости, вѣчный памятникъ сильной вѣры и вѣрности вопреки гоненiямъ и страданiямъ за вѣру" — т.-е. олицетворявшiй собою „*силу убѣжденiя*". Третьей темой была *марсельеза*, олицетворявшая *стремленiе къ свободѣ* и элементъ *романскiй*.

Листъ ревностно принялся за работу, но реакцiя, вскорѣ наступившая послѣ первыхъ мѣсяцевъ полныхъ надеждъ, охладила его пылъ, симфонiя такъ и осталась неоконченною въ его портфелѣ. Сохранилась лишь обработанная для симфонiи марсельеза, да вся первая оконченная часть симфонiи, или ея прологъ, явившiйся впослѣдствiи въ свѣтъ подъ именемъ „*Héroïde funèbre*". Пусть не удивляется читатель тому, что мы такъ подробно останавливаемся на этомъ *музыкальномъ* произведенiи Листа, которое, казалось бы, не подлежитъ области нашей литературной критики, но все, что мы тутъ привели, какъ читатель вскорѣ самъ увидитъ, имѣло несомнѣнное значенiе для Жоржъ Сандъ, а потому и является необходимой подробностью нашего изслѣдованiя.

Едва успокоившись отъ пережитыхъ въ 1831 году сильныхъ ощущенiй и потрясенiй, Листъ еще болѣе прежняго принялся за самообразованiе. Знакомство въ этомъ году съ Паганини, какъ съ артистомъ, такъ и человѣкомъ, заставило его окончательно сознать, что немыслимо быть великимъ художникомъ, не будучи прежде всего и большимъ человѣкомъ, что художественное развитiе немыслимо безъ общечеловѣческаго, *ибо* или *и потому*: *Génie oblige*. И вслѣдствiе этого ревностнѣе прежняго продолжалъ онъ читать, учиться и слѣдить за всѣмъ, что появлялось новаго на свѣтъ, будь то новое ученiе, художественное произведенiе, авторъ, проповѣдникъ, или знаменитый актеръ.

„Онъ хотѣлъ все знать, со всѣмъ ознакомиться. Концертный залъ, живопись, скульптура, ежедневная пресса. ораторская трибуна, каѳедра, церковь одинаково привлекали его—(совершенно какъ въ тѣ же годы и Жоржъ Сандъ).—Сегодня тутъ, завтра тамъ,—вездѣ старался онъ утолить ту жажду, которая одолѣвала его“.

Около этого времени познакомился онъ съ сенъ-симонистами. Сначала онъ попалъ къ нимъ столько же изъ любопытства, сколько изъ любознательности, — но вскорѣ до того увлекся ихъ ученіемъ, что серьезно подумывалъ сдѣлаться настоящимъ членомъ ихъ общины. Тогда еще не проявились уродливыя крайности сенъ-симонизма, Анфантенъ еще не издавалъ своихъ пресловутыхъ прокламацій—и потому Листъ могъ свободно познакомиться съ ученіемъ самого Сенъ-Симона въ его чистомъ видѣ. А основныя положенія его были таковы, что трудно было бы придумать что-либо болѣе подходящее для Листа. Это были: во-первыхъ: „практическое проведеніе въ жизнь основного христіанскаго ученія—завѣта всеобщей любви къ людямъ [1]), во-вторыхъ взгляды на искусство и то положеніе, которое по сенъ-симонистскому ученію занималъ художникъ по отношенію къ религіи и культурнымъ задачамъ“ [2]). Религіозныя и художественныя докрины сенъ-симонистовъ затрагивали самыя глубочайшія вѣрованія и чувства Листа, и потому понятно то увлеченіе, съ которымъ онъ отнесся къ этому новому исповѣданію вѣры и къ проповѣди наступленія царства Божія на землѣ, ввидѣ „государства будущаго“, гдѣ закономъ будетъ всеобщая братская любовь, „гдѣ всѣ соединятся въ единой вѣрѣ, единомъ ученіи, единомъ Богѣ, гдѣ всѣ будутъ за одного и одинъ за всѣхъ“ [3]), гдѣ будетъ правильно и равномѣрно распредѣленъ трудъ и богатство, гдѣ никто не будетъ страдать отъ бѣдности, гнета и невѣже-

[1]) Какъ извѣстно, сенъ-симонисты такъ формулировали основныя положенія своего ученія: задачею всякой реформы должно быть „физическое, нравственное и умственное улучшеніе класса наиболѣе многочисленнаго и бѣднаго“; общество должно быть основано не на принципахъ неравенства и привиллегій однихъ классовъ, сословій, или пола надъ другими, а на принципѣ всеобщаго обязательнаго труда; въ этомъ обществѣ аристократію будутъ составлять лишь тѣ, которые троякимъ путемъ ведутъ человѣчество впередъ—художники, ученые, техники (industriels), отсюда—„аристократія духа“. отсюда же извѣстное положеніе: à chacun selon sa capacité, á chaque capacité selon ses oeuvres“; упраздненіе собственности, наслѣдственности, подчиненности женщинъ; рабочія ассоціаціи съ цѣлью соединенія усилій всѣхъ для общаго блага, наконецъ признаніе законности физическихъ наслажденій наравнѣ съ духовными и преклоненіе предъ красотой, какъ и предъ геніемъ—ибо „и то и другое божественнаго происхожденія“.

[2]) Лина Раманнъ, стр. 154.

[3]) Idem, стр. 155.

ства. Искусства же должны быть именно первѣйшими и высочайшими пособіями въ дѣлѣ насажденія и поддержанія этого новаго общественнаго порядка, такъ какъ служатъ къ развитію любовныхъ, человѣчныхъ и благородныхъ сторонъ души. Искусство и религія—согласно философскому опредѣленію сенъ-симонистовъ—поддерживаютъ чувство красоты; догматы и наука—сохраняютъ истину; обряды и промышленность являются олицетвореніемъ полезнаго. Всѣ искусства вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлялись на три группы: къ истинѣ (догматамъ) — относились: *поэзія и музыка*; искусствами, относившимися къ религіи, — были всѣ *словесныя искусства*; искусства *образныя* наконецъ относились къ обрядамъ. Поэзія и музыка потому относились къ истинѣ, что „ихъ вдохновенный полетъ таинственно захватываетъ основныя чувства и мысли о вѣчномъ и вливаетъ въ человѣческую душу лучъ міровой гармоніи“ [1]). Очевидно, что для сенъ-симонистовъ искусство было лишь средствомъ, а не цѣлью само по себѣ. Оно служило лишь высшимъ интересамъ души, ея развитію и интересамъ религіознымъ. Немудрено, что въ „государствѣ будущаго“ художники должны были быть сопричислены къ священнослужителямъ, которымъ вообще принадлежала роль высшихъ законодателей, воспитателей, руководителей и вождей всего человѣчества. „Художникъ—жрецъ являлся государственнымъ уполномоченнымъ, который полетомъ и глубиною своихъ мыслей, своихъ мелодій, картинъ и скульптурныхъ произведеній долженъ возбуждать, питать и создавать симпатіи къ высокому и прекрасному“ [2]).

Все это совпадало съ испытанными Листомъ ощущеніями, когда его молитвенное настроеніе искало выраженія въ музыкѣ, или, наоборотъ, музыка уносила куда-то ввысь. И теперь онъ это вспомнилъ и преисполнился „неугасимаго чувства своего предопредѣленнаго художническаго призванія“. Теперь онъ уже хотѣлъ быть не священникомъ, какъ прежде, а жрецомъ сенъ-симонистовъ и свое искусство отдать на служеніе тому „посредничеству“, которое во образѣ прекраснаго пробуждаетъ живѣе всего чувство божественнаго и соединяетъ съ Вѣчнымъ.

Неизвѣстно, что удержало Листа отъ активнаго участія въ сенъ-симонизмѣ, очень можетъ быть, что ему помѣшали начинавшіяся въ средѣ общества разногласія, борьба между Базаромъ и Анфантеномъ; какъ бы то ни было,—онъ никогда не вступилъ въ ряды его, хотя и присутствовалъ на ихъ собра-

[1]) Лина Раманнъ, стр. 156.

[2]) Idem, стр. 157.

ніяхъ и даже былъ у нихъ въ тотъ вечеръ, когда Анфантенъ ожидалъ появленія „femme révélatrice"... и не дождался.

Извѣстныя уклоненія сенъ-симонизма и завиральныя идеи о réhabilitation de la chair не коснулись Листа, но религіозные и художественные принципы легли въ основаніе его *художественныхъ воззрѣній* и онъ неукоснительно проводилъ ихъ втеченіе всей своей жизни, тѣмъ болѣе, что утвержденію его въ этихъ воззрѣніяхъ способствовала завязавшаяся у него дружба съ *Ламеннэ*.

Фелисите де Ламеннэ (вначалѣ онъ писалъ свою фамилію de la Mennais, подъ конецъ жизни, согласно съ республиканскими привычками, сталъ писать Lamennais), извѣстный религіозный реформаторъ и проповѣдникъ и одинъ изъ талантливѣйшихъ писателей нашего вѣка, родился въ 1782 г. въ Сенъ-Мало въ богатой семьѣ корабельщика, разорившагося послѣ революціи. Послѣ домашняго воспитанія, поступилъ вмѣстѣ съ братомъ въ семинарію и съ нимъ же вмѣстѣ принялъ духовное званіе, правда съ большими колебаніями и сомнѣніями, но затѣмъ горячо принялъ къ сердцу свое священническое призваніе и посвятилъ всѣ свои силы проповѣди и поддержанію христіанскаго ученія въ его чистѣйшемъ смыслѣ. Сначала онъ прославился своими нападками на философовъ, революцію и Наполеона, считался въ рядахъ правовѣрныхъ защитниковъ церкви и государства, потомъ сдѣлался ихъ врагомъ. Дважды его призывали въ Римъ для объясненій—послѣ того какъ сначала чуть не сдѣлали кардиналомъ, считая его истиннымъ оплотомъ куріи; дважды онъ подвергся осужденію того самаго папства, которое хотѣлъ поддержать, и долженъ былъ публично отречься отъ своихъ мнѣній. Мало-по-малу, однако, онъ въ своей газетѣ „*Avenir*", основанной имъ вмѣстѣ съ единомышленниками и друзьями: гр. де Монталамберомъ и аббатами Лакордеромъ и Жербе, такъ далеко отошелъ отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и писаній, что нетолько навлекъ на себя совершенное осужденіе римской церкви, не только разошелся съ своимъ братомъ и этими друзьями, но и самъ созналъ свое коренное разногласіе съ католицизмомъ. Выходъ въ свѣтъ его книги „Paroles d'un Croyant" заслужилъ ему отлученіе отъ церкви. Онъ однако продолжалъ себя считать служителемъ Бога и продолжалъ совершать обѣдню, вслѣдствіе чего былъ окончательно преданъ анаѳемѣ. Позднѣе онъ былъ однимъ изъ передовыхъ дѣятелей и вождей соціально-республиканскаго движенія въ царствованіе Луи-Филиппа, принималъ участіе въ Національномъ Собра-

ніи 1848 г. и до конца жизни оставался неустаннымъ проповѣдникомъ соціальнаго христіанства и борцомъ за свободу совѣсти. Онъ былъ одаренъ необыкновеннымъ поэтическимъ талантомъ, мрачнымъ и страстнымъ краснорѣчіемъ пророка, упорствомъ фанатика и непоколебимостью сектанта. Одинъ изъ писавшихъ о немъ близорукихъ біографовъ, думая сказать нѣчто уничтожающе-язвительное, нечаянно сдѣлалъ слѣдующую его характеристику: „Какъ всѣ еретики, онъ обладалъ желѣзнымъ умомъ, непоколебимой душей, безумной гордостью. Въ 15-мъ вѣкѣ онъ скорѣе взошелъ бы на костеръ вмѣстѣ съ Іоанномъ Гуссомъ, чѣмъ сознался бы въ своихъ заблужденіяхъ"!.. Въ 19 вѣкѣ его дѣйствительно не сожгли, но читая жизнеописаніе этого мученика за свою вѣру, невольно скажешь себѣ, что во всѣ вѣка страданія, униженія, бѣдность, отступничество и трагическое непониманіе со стороны ближайшихъ друзей и учениковъ — вотъ удѣлъ всѣхъ провозвѣстниковъ новаго ученія, вотъ чаша, которую всѣмъ имъ приходится испить до дна. Ламеннэ умеръ въ 1854, до послѣдней минуты оставаясь вѣрнымъ своей совѣсти и вѣрѣ. Похороны его произошли со всевозможными стѣсненіями со стороны наполеоновской полиціи, но похоронили его все-таки согласно его волѣ—въ общей могилѣ бѣдняковъ.

Въ то время, какъ Листъ и Жоржъ Сандъ познакомились съ Ламеннэ, онъ былъ не поборникомъ католицизма, а уже смѣло и безкорыстно порвалъ со своею былою славою, но и по новому былъ не менѣе славенъ какъ авторъ *Paroles d'un Croyant*, выдержавшихъ до 100 изданій и переведенныхъ на всѣ европейскіе языки. Но напрасно всѣ біографы и критики Ламеннэ усматриваютъ въ этой эволюціи „переломъ", переходъ къ діаметрально-противуположнымъ противъ прежняго взглядамъ, даже „измѣну" прежнимъ убѣжденіямъ, а болѣе недружелюбные или менѣе добросовѣстные писатели даже пытаются намекнуть, что все это де произошло изъ за сатанинской гордости этого отступника, изъ за того, что его не сдѣлали кардиналомъ и т. п. Между тѣмъ „Paroles d'un Croyant" были лишь стадіей органически-послѣдовательнаго развитія одной и той же идеи. Ламеннэ началъ съ борьбы противъ Революціи, Имперіи и Наполеона, явленій, совершенно враждебныхъ,—по мнѣнію фанатически-ревностнаго апостола христіанства, какимъ былъ всегда Ламеннэ, — самому духу этого божественнаго ученія. На этой ступени онъ написалъ „Réflexions sur l'état de l'église en France pendant le XVIII siècle et sur sa situation actuelle" (1808 г.) и знаменитый „Essai

sur l'indifférence en matière de religion" (1817—1823 г.). Онъ надѣялся, что Реставрація вернетъ власть и значеніе церкви, какъ единственной и естественной въ христіанскомъ обществѣ владычицы. Надежды его не оправдались. Онъ попытался пробудить энергію и жизненность въ дремавшей католической церкви и мечталъ повліять на то, чтобы ея духовное значеніе, какъ въ первыя и славныя времена христіанства, восторжествовало надъ всѣми земными властями. Онъ возставалъ противъ автономіи галликанской церкви, такъ какъ въ самомъ существованіи ея видѣлъ нарушеніе принципа единства *правовѣрной* церкви. („De la religion considérée dans ses rapports avec l'orde politique et civil", 1826 г.). Онъ попытался указать римской куріи на ея ошибки и заблужденія и совѣтовалъ, внявъ требованіямъ времени, не быть религіей власть имущихъ, но религіей всѣхъ. Его требованія и совѣты подверглись осужденію. Кромѣ того путешествіе въ Римъ открыло ему глаза на то, что между папствомъ и христіанствомъ не было ничего общаго. Одно было учрежденіемъ чисто-человѣческимъ, государственнымъ, другое—этическимъ и божественнымъ. Одно противорѣчило другому. („Affaires de Rome", 1836). Апостолъ христіанства сталъ на сторону христіанства; апостолъ евангельской любви къ ближнему, сталъ противъ церкви, проповѣдующей угнетеніе, насилія и возмездія; — и церковь отреклась отъ него (1832 г.). Но онъ не принялъ своего отлученія, онъ строже смотрѣлъ на свое священническое призваніе, чѣмъ князья церкви, онъ уже раньше провозглашалъ, что служители алтаря не должны пользоваться благами земными, ни получать субсидій отъ государства, а жить въ бѣдности — и тѣмъ давно навлекъ на себя вражду высшаго духовенства. Теперь онъ продолжалъ считать себя священникомъ, продолжалъ во имя Божіе проповѣдывать братство, свободу всѣхъ людей, любовь къ ближнему. Болѣе того, онъ требовалъ абсолютнаго исполненія евангельскихъ предписаній о томъ, чтобы никто не считалъ себя господиномъ, не судилъ другихъ, не подымалъ оружія на брата своего, однимъ словомъ отвергалъ всѣ государственныя учрежденія, якобы мѣшающія, по мнѣнію Ламеннэ, торжеству самаго духа христіанскаго ученія, („Paroles d'un Croyant", 1832 г., „Livre du Peuple", 1837 г., „Une voix de prison"). Такимъ образомъ онъ сталъ близко и къ ученію сенъ-симонистовъ и къ демократическимъ и революціоннымъ ученіямъ 30-хъ годовъ („De l'esclavage moderne", 1840 г., „Le pays et le gouvernement", 1840, „Amschaspands et Darvands", 1843)—расходясь съ ними обсолютно лишь по женскому вопросу. Онъ

былъ совершенно враждебенъ женской эмансипаціи, презиралъ женщинъ и признавалъ правильнымъ, чтобы женщина находилась въ подчиненіи мужчины, сходясь въ этомъ во взглядахъ съ ап. Павломъ („Discussions critiques et pensées diverses", 1841 г.). Но во всемъ остальномъ онъ далеко опередилъ свое время, проповѣдуя отчасти то, что теперь вошло въ практику и намѣренія самой осудившей его церкви—вродѣ христіанскаго соціализма Льва XIII — отчасти являясь, почти буквально, предшественникомъ Льва Толстаго. Есть страницы „Paroles d'un Croyant", которыя почти до полнаго тождества сходны съ писаніями Толстого самаго послѣдняго времени [1]). Такъ же сходны съ писаніями Толстого *переводъ Евангелія*, сдѣланный Ламеннэ и этюдъ „De la société première et de ses lois, ou de la religion". Но ни въ одномъ своемъ сочиненіи Ламеннэ такъ явно не высказывается адептомъ сенъ-симонизма и, надо полагать, ни одно изъ его сочиненій не повліяло такъ сильно на развитіе и уясненіе художественныхъ идеаловъ Листа и Жоржъ Сандъ, какъ его *Опытъ Философіи*, вышедшій въ 1840 г. [2]), положенія которой однако конечно слагались въ душѣ автора мало по малу, а потому и неудивительно если они часто служили темами и излагались Ламеннэ въ бесѣдахъ его съ Листомъ еще около первой половины тридцатыхъ годовъ. Положенія эти сводятся кь слѣдующему:

Міръ есть конечное, видимое проявленіе безконечнаго Прекраснаго. Безконечное Прекрасное есть форма или воплощеніе безконечнаго Истиннаго. Въ неодушевленной природѣ замѣчается лишь сродство (affinité) между предметами. Въ мірѣ животныхъ уже замѣчается другая степень—инстинктъ. Человѣкъ, руководимый въ своей первоначальной жизни и инстинктомъ, руководится главнымъ образомъ уже разумомъ, сознаніемъ, которое и даетъ ему первое видѣніе Истины, предчувствіе ея. Сначала человѣкъ, какъ и животныя, получаетъ только внѣш-

[1]) Таковы напр. глава XXVII, (совершенно почти тождественная съ тѣмъ, что Толстой написалъ въ „Figaro" о военной службѣ), таковы главы XXXV, XXXVI, XXXVII. Вообще же эта книга, надѣлавшая нѣкогда столько шуму,— эта мрачная, временами чисто дантовская или пророческая импровизація, полная удивительныхъ поэтическихъ страницъ, то парафразъ на псалмы, то чисто-революціонныхъ воззваній,—теперь уже сильно устарѣла и можетъ привлекать вниманіе болѣе всего своимъ стилемъ и силой вдохновенія. Рѣдкій любитель литературы не знаетъ напр. знаменитой XIII главы, или XX, или XXXVI,— хотя врядъ ли когда либо онѣ попадутъ въ хрестоматіи.

[2]) „Esquisse d'une Philosophie". Paris, Pagnerre, 1840, 4 тома.

нія, чувственныя впечатлѣнія, потомъ, наблюдая феномены внѣшняго міра, мало по малу отъ пониманія ихъ переходитъ къ созерцанію и пониманію Прекраснаго. Черезъ пониманіе Прекраснаго мало по малу онъ приближается къ постиженію Истиннаго, стремится къ сліянію съ Высшимъ Существомъ, съ Богомъ, какъ все въ мірозданіи стремится къ высшему совершенству, къ единству, къ сліянію съ Нимъ.

„Если человѣкъ воспринимаетъ свѣтъ физическій посредствомъ чувствъ, общихъ ему и животнымъ, то онъ воспринимаетъ еще внутренно чистый свѣтъ, свидѣтельствующій о вещахъ, недостижимыхъ для органовъ чувствъ, свѣтъ сущій (essentielle), тождественный съ Глаголомъ, съ вѣчнымъ Словомъ, и въ этомъ свѣтѣ онъ постигаетъ Бога, а въ Богѣ—неизмѣнное, необходимое, Истинное, вѣчныя идеи и причины“ [1]).

Согласно съ этими тремя степенями развитія его духа, дѣятельность человѣка направлена на три цѣли: 1) воздѣйствіе на внѣшній міръ — подчиненіе природы и ея силъ своей волѣ, своему духу, то̀, что Ламеннэ называетъ однимъ словомъ l'Industrie; отсюда всѣ промыслы, изобрѣтенія и открытія, которымъ нѣтъ числа и границы въ будущемъ, ибо конечная цѣль этой человѣческой дѣятельности, направляемой его духомъ, которому нѣтъ границы и предѣла,—подчиненіе всѣхъ силъ природы, освобожденіе человѣка отъ всѣхъ нихъ, все бо̀льшее покореніе времени, пространства и матеріи, покореніе природы до полнаго единства съ человѣкомъ.

„Такимъ образомъ посредствомъ „промышленности“, посредствомъ власти, которую человѣкъ пріобрѣтаетъ надъ Природой, онъ дѣлаетъ ее какъ бы распространеніемъ собственнаго своего организма“ [2]).

„Но еслибы человѣкъ развивался лишь въ сторону полезнаго, то онъ отличался бы отъ животныхъ лишь превосходствомъ своихъ инстинктовъ и не былъ способенъ къ совершенствованію, ибо даже въ этой области прогрессъ, по скольку онъ безконеченъ, зависитъ отъ разума и безъ него оказывался бы роковымъ образомъ заключеннымъ, какъ у низшихъ существъ, въ границы общія всему виду и непреходимыя для единичнаго индивида. Лишь сознанію человѣкъ обязанъ тѣмъ преимуществомъ, что можетъ безпрестанно совершенствоваться, точно такъ же, какъ могущество его надъ природой все увеличивается“ [3]).

„Совершенно поглощенный ею, онъ не могъ бы воздѣйствовать на нее, покорять ее своей власти и обуздывать, если бы не возвы-

[1]) Essai d'une Philosophie т. III, Seconde partie: „De l'Homme“, livre VII: Industrie; livres VIII et IX: — l'Art, стр. 70.

[2]) Ibidem, стр. 477.

[3]) Ibidem, стр. 471.

шался надъ нею даромъ сознанія. И такъ какъ тамъ, гдѣ оно отсутствуетъ, все имѣетъ необходимыя и опредѣленныя границы, а тамъ, гдѣ разумъ имѣется,—эти границы исчезаютъ, то онъ имѣетъ естественнымъ образомъ прямое отношеніе къ безконечности; разумъ по своей коренной сущности есть способность постигать Истинное, или необходимое, неизмѣнное, абсолютное, т.-е. постигать Бога и идеи въ Немъ. Какъ только пробуждается разумъ, — онъ порождаетъ новыя потребности, а потому открываетъ человѣку новую сферу дѣятельности. Но Истинное можетъ быть постигаемо или непосредственно, само въ себѣ, или сквозь покровъ внѣшнихъ предметовъ, или чувственной формы, которая въ пространствѣ и времени олицетворяетъ собою идею, типъ, вѣчный образецъ того, что *есть*. Истинное, постигаемое такимъ образомъ, называется Прекраснымъ, а Прекрасное есть воплощеніе Истиннаго въ осязательной, чувственной формѣ. Какъ только оно открывается человѣку, онъ соединяется съ нимъ любовью и старается возсоздать его въ своихъ произведеніяхъ, воплотить въ нихъ тотъ божественный образецъ, который онъ созерцаетъ внутреннимъ окомъ. Вотъ Искусство, и человѣческое Искусство лишь отраженіе того, что можетъ назваться искусствомъ самого Божества“ [1]).

Такимъ образомъ *вторая* сфера дѣятельности человѣка—дѣятельность созидающая, соотвѣтствующая *чувству*, имѣющая своимъ прототипомъ дѣятельность самаго Творца,—Искусство. Искусство, какъ подражаніе дѣятельности Творца, должно, какъ мы видѣли, въ твореніи воплощать истинное въ прекрасномъ, оно не можетъ и не должно давать обстрактной, чистой истины, но всегда въ конкретно-прекрасной, живой формѣ. Точно также никакая форма, не являющаяся воплощеніемъ высшей, истинной мысли, не есть настоящее искусство, а лишь безжизненное подражаніе ему, мертвая буква безъ духа. Оттого искусство для искусства не имѣетъ права на существованіе (*L'art pour l'art* est donc une absurdité! Le perfectionnement de l'être dont il manifeste le progrès en est le but). „Искусство для искусства слѣдовательно безсмыслица. Совершенствованіе того существа, чей прогресъ оно знаменуетъ, есть цѣль его“ [2]). Искусство для искусства не имѣетъ права на названіе искусства, а главное, не имѣетъ въ себѣ смысла и силы жизни, — умираетъ, какъ пустоцвѣтъ, не оставляя по себѣ никакого слѣда. Только искусство, стоящее на высотѣ современныхъ ему вѣрованій, понятій, идей и завоеваній человѣческаго духа, проникнутое ими, однимъ словомъ являющееся воплощеніемъ Истины, поскольку она открыта данной эпохѣ,—есть настоящее искусство. Поэтому искусство должно

[1]) Ibidem, 472.

[2]) Ibid. 134.

служить выраженію лучшихъ, высшихъ стремленій своей эпохи. Но искусство точно также никогда не можетъ спускаться до простой проповѣди, простого изложенія этихъ идей, не въ формѣ прекраснаго. („Or, les idées et leurs rapports purement intellectuels ne sont point du domaine de l'Art. L'Art implique l'idée, il est vrai, mais l'idée rendue saisissable aux sens". (Однако идеи и ихъ чисто умственныя отношенія не суть область искусства. Искусство, правда, должно содержать идею, но идею ставшую осязательной для чувствъ) [1]). Это не его сфера. Какъ воздѣйствіе человѣка на природу, въ зависимости отъ безконечнаго прогресса человѣческаго духа, не имѣетъ границъ, а вѣчно увеличивается, идетъ впередъ, такъ и искусство не имѣетъ предѣловъ и границъ, а вѣчно идетъ и должно идти впередъ, соотвѣтствуя бо́льшему развитію человѣчества, и удерживать его или стараться втиснуть въ формы прошлаго — совершенный абсурдъ, немыслимо. Форма безъ духа остается мертвой, потому неудачны всѣ попытки вернуться къ старымъ формамъ, когда духъ, создавшій ихъ нѣкогда, уже отжилъ свое время, умеръ, а вѣрованія и идеи, вдохновлявшія ихъ творцевъ, отстались позади, въ пыли вѣковъ. Конечная цѣль Искусства — воплощеніе абсолютно-Прекраснаго, — находится въ безконечно - далекомъ будущемъ. Черезъ это лишь человѣкъ дойдетъ до возможности пониманія и абсолютно-Истиннаго, или до сліянія и единенія съ Высшимъ Существомъ. Но и теперь, въ ограниченной сферѣ конечнаго прекраснаго, человѣкъ уже имѣетъ и проблески Истиннаго, и съ каждымъ новымъ шагомъ завоевываетъ и тутъ себѣ все больше и больше.

Эта *третья* сфера его дѣятельности — дѣятельность, направленная къ постиженію причинъ и сущности вещей и чистой Истины, или дѣятельность ума — есть Наука. Когда въ этой сферѣ человѣчество дойдетъ до конца — весь тотъ эволюціонный кругъ, къ которому стремится все живущее, все міроздане, завершится и наступитъ полное и абсолютное единеніе съ Сущимъ, безконечное Единство.

Изъ этихъ общихъ положеній выводятся и соотвѣтствующія примѣненія. Во-первыхъ, и прежде всего, вмѣсто того, чтобы считать *трудъ* — наказаніемъ за первородный грѣхъ, онъ является причиной и необходимымъ условіемъ всякого прогресса,

„ибо трудъ—это само дѣйствіе, это среди всей совокупности всевозможныхъ существъ постоянное упражненіе внѣшней энергіи, бла-

[1]) Ibidem. 348.

годаря которой они суть; трудъ это жизнь и прогрессъ жизни, и самъ Богъ, среди своего непостижимаго единства, проявляется во всемъ, въ чемъ Онъ есть,—неустанной работой“ [1]).

Отсюда также необходимость и для науки объединить всѣ свои завоеванія и привести ихъ въ систему—что одно можетъ поставить ее на должную ей высоту и сдѣлать ее не рядомъ безполезныхъ знаній, не безплодными упражненіями ума,—а свѣтомъ человѣчества (По этому поводу Ламеннэ высказываетъ съ одной стороны мысли, легшія потомъ въ основу классификаціи наукъ Конта, а съ другой почти буквально предъявляетъ тѣ-же требованія и запросы наукѣ, которые въ наше время высказываетъ Толстой). Въ третьихъ отсюда и строжайшія требованія, которыя Ламеннэ предъявляетъ къ художникамъ.

„Въ наши дни, говоритъ онъ, — художники могутъ идти лишь двумя путями. Они могутъ, замкнувшись въ самихъ себя, индивидуализировать искусство, высказывая, такъ сказать, самихъ себя. Но что такое одинъ человѣкъ въ человѣчествѣ? Что такое его личная мысль, чувства, впечатлѣнія? Уединиться такимъ образомъ,—это отказаться отъ великихъ вдохновеній, отказаться возбуждать всеобщія и глубокія сочувствія, говорить вездѣ понятнымъ языкомъ; и тогда это заразъ и отклонять искусство отъ его цѣли, съуживать его, часто дѣлать его фальшивымъ, и осудить себя на вѣрное забвеніе, ибо все остающееся имѣетъ болѣе широкія основанія. Или же художникя могутъ, опустившись въ самыя нѣдра общества, вбирать всю жизнь, которая тамъ бьется, разливать ее въ своихъ произведеніяхъ, которыя она оживитъ, какъ духъ Божій оживляетъ и наполняетъ міръ. Старый міръ разсыпается, старыя ученія гаснутъ, но среди смутной работы, среди кажущагося безпорядка брежжатъ новыя ученія, образуется новый міръ, религія будущаго бросаетъ свои первые лучи на родъ человѣческій, находящійся въ ожиданіи, и на его грядущія судьбы; *художникъ долженъ быть пророкомъ ихъ*“... [2]).

Мы изложили, насколько могли, идеи Ламеннэ, легшія въ основу его „*Опыта философіи*“ и въ самыхъ краткихъ чертахъ передали исторію его духовной эволюціи отъ первыхъ шаговъ его дѣятельности и до смерти,—чтобы уже не возвращаться болѣе къ этому предмету и позднѣе, при разборѣ произведеній самой Жоржъ Сандъ, въ которыхъ эти идеи всего яснѣе слышатся, не разбирать ихъ и не пересказывать ихъ отрывочно, а ограничиваться лишь указаніемъ на происхожденіе или на первоначальнаго автора ихъ. Кромѣ того, мы намѣренно о личности и ученіи Ламеннэ говоримъ одновременно съ разсказомъ о послѣдовательномъ развитіи художественныхъ и обществен-

[1]) Ibid., 24.

[2]) Ibid., стр. 272.

ныхъ идеаловъ Листа, ибо во 1-хъ Ламеннэ и познакомился съ Жоржъ Сандъ черезъ Листа, а во 2-хъ Листъ же, въ 1835 году бывшій уже другомъ и послѣдователемъ Ламеннэ и хорошо посвященный въ его доктрину, былъ тѣмъ, кто и Жоржъ Сандъ подготовилъ къ полному и глубокому воспріятію ея. Итакъ, позволяемъ себѣ возвратиться къ роли Ламеннэ въ жизни самого Листа.

Какъ мы видѣли, Листъ нашелъ въ Ламеннэ пониманіе, поддержку и сочувствіе къ самымъ задушевнымъ своимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ. Страстная и глубокая религіозность этого бывшаго защитника католицизма и государственности, сдѣлавшагося ихъ непримиримымъ врагомъ, религіозность слишкомъ глубокая и широкая для того, чтобы умѣститъся въ рамки какой бы то ни было догматической религіи; неподкупность; смѣлая, доходившая до самопожертвованія и самоотреченія, защита своихъ убѣжденій и борьба противъ казавшихся ему вредными учрежденій; горячее сочувствіе всѣмъ демократическимъ идеямъ; истинно христіанскія чувства и стремленія; строгія требованія, предъявляемыя во имя этихъ стремленій къ искусству и художникамъ; наконецъ огненное, мрачное краснорѣчіе, все это совершенно покорило и очаровало Листа. Съ другой стороны сходство ихъ убѣжденій и стремленій скоро сблизило молодого піаниста со старымъ аббатомъ, и отношенія ихъ приняли оттѣнокъ сыновней почтительности и отеческой нѣжности. Ламеннэ окончательно способствовалъ выясненію художественныхъ, соціальныхъ и религіозныхъ воззрѣній Листа и помогъ имъ принять то опредѣленное, идеалистически-христіанское направленіе, которое они навсегда сохранили; Ламеннэ помогъ и совершенному освобожденію Листа отъ церковной догматики и церковной іерархіи. „Онъ впервые разъяснилъ Листу разницу между религіей и церковью, говоритъ Лина Раманнъ. Сознаніе, что эти два предмета, хотя и соприкасающіеся, какъ содержаніе и форма, тѣмъ не менѣе являются *двумя* понятіями, да и на практикѣ могутъ оказаться совершенно противуположными, пробудилось въ немъ. Еще яснѣе сдѣлалось ему это, когда на Ламеннэ, этого вѣрующаго католика, обрушилось отлученіе римской церкви. Всѣ симпатіи Листа оказались на сторонѣ его отеческаго друга и, какъ и этотъ послѣдній, онъ съ разочарованіемъ отвернулся отъ церкви“.

И въ его сочиненіяхъ (напр. во второмъ томѣ, въ статьѣ „Zur Stellung der Künstler“) можно найти страстныя и исполненныя горечи и гнѣва нападки на католическую церковь, соперничаю-

щія съ дантовскими филиппиками. Вообще Ламеннэ далъ какъ бы „свое благословеніе той внутренней свободѣ, которую Листъ и навсегда сохранилъ относительно всевозможныхъ властей".

Практическое свое выраженіе идеи сенъ-симонистовъ и дружба съ Ламеннэ нашли въ рядѣ литературныхъ статей Листа по вопросу о музыкальномъ образованіи массъ, о необходимости устраивать для народа разныя хоровыя общества, общедоступные концерты и т. д. Точно-также Листъ совершенно раздѣлялъ взгляды, развитые впослѣдствіи Ламеннэ въ *Esqisse d'une Philosophie*, а въ тѣ годы, лишь устно обсуждавшіеся въ ихъ бесѣдахъ. А именно Листъ навсегда остался вѣренъ взгляду на свое художественное призваніе, какъ на священное, относился впредь къ своему искусству не какъ къ средству прославиться, блеснуть, позабавить публику (что ему приходилось дѣлать въ годы своихъ концертныхъ путешествій въ юности),—а какъ къ средству служить высшимъ задачамъ человѣчества. Мало того, онъ, кажется, первый изъ артистовъ, сталъ и практически помогать неимущимъ и страждущимъ, отдавая имъ сборы съ своихъ концертовъ. Такъ онъ въ 1837 году далъ въ Ліонѣ концертъ въ пользу голодавшихъ рабочихъ, пострадавшихъ отъ стачки. Еще ранѣе онъ выразилъ свое сочувствіе ліонцамъ, жестоко поплатившимся за свое возмущеніе въ 1834 году, тѣмъ, что написалъ фортепіанную пьесу „*Ліонъ*", эпиграфомъ къ которой взятъ лозунгъ тогдашнихъ соціалистовъ:

„Vivre en travailant,
Mourir en combattant"

и которая посвящена „à M-r F... de L"..., т.-е. „Господину Фелисите де Ламеннэ", и является какъ бы символическимъ скрѣпленіемъ ихъ дружественнаго союза на почвѣ ихъ соціальныхъ симпатій.

Такимъ образомъ приблизительно около 1835 г. для Листа окончился періодъ подготовки, ломки и броженія и началось сознательное служеніе своему искусству и жизнь согласованная съ его требованіями. Но почти одновременно въ его жизнь вторглась страсть, явившаяся во многомъ помѣхой и затрудненіемъ для спокойнаго слѣдованія по намѣченному пути. Страсть эта явилась въ образѣ златокудрой, голубоокой, идеально-прекрасной, воздушной и стройной, умной, образованной, и во всѣхъ отношеніяхъ обаятельной, „Діаны парижскихъ салоновъ" графини Маріи д'Агу, рожденной де-Флавиньи. Полу-нѣмка, полу-француженка,—такъ какъ мать ея была дочерью франкфуртскаго

банкира Бетмана, а отецъ сыномъ французскаго эмигранта,— получившая прекрасное образованіе и воспитаніе, начитанная, владѣвшая нѣсколькими языками, прелестная графиня Марія вышла замужъ безъ любви за представителя стараго режима графа д'Агу, вполнѣ приличнаго и порядочнаго господина, съ которымъ она однако скучала, и вскорѣ стала искать развлеченій. Пресытившись свѣтскими успѣхами и побѣдами, она стала искать чего-нибудь иного, болѣе занятнаго, увлекалась разными модными идеями и ученіями, но болѣе людьми, и, встрѣтивъ юнаго Листа, страстно въ него влюбилась. Несмотря на то, что Листъ платилъ ей взаимностью, онъ и не воображалъ вовсе смущать семейный покой графини. Но Марія д'Агу думала иначе. Было ли это искреннимъ порывомъ съ ея стороны или однимъ изъ проявленій вѣчно-тяготѣвшаго надъ ней желанія играть необыкновенную роль, *выдѣляться*,—только въ одинъ прекрасный день она бросила мужа, дѣтей и изобразила изъ себя Жюльету, „все покинувшую ради Леоне-Леони". Несмотря на всѣ просьбы Листа и на увѣщанія Ламеннэ—она уѣхала въ Швейцарію къ музыкальному другу, а ему ничего не осталось дѣлать, какъ встрѣтить ее, ибо вѣдь „жертва", которую ему принесли, требовала и соотвѣтственнаго поведенія съ его стороны.

Мы не вполнѣ придаемъ вѣру всему тому, что говорится о графинѣ д'Агу въ біографіи Листа, написанной г-жей Раманнъ. Ибо во-первыхъ, все, что касается этой романической исторіи, написано со словъ уже *аббата* Листа, которому приходилось поневолѣ въ строгихъ выраженіяхъ отзываться о грѣховныхъ увлеченіяхъ своей юности. Во-вторыхъ, это говорилось со словъ поклонника другой высокопоставленной пріятельницы, княгини Витгенштейнъ, ревность которой, хотя бы и заднимъ числомъ, не слѣдовало возбуждать. Наконецъ Лина Раманнъ писала это со словъ бывшаго любовника, а извѣстно, что никто не бываетъ такъ несправедливъ, какъ бывшіе любовники и любовницы къ своимъ бывшимъ „предметамъ". Тѣмъ не менѣе надо сознаться, что многое въ томъ, что говорится у г-жи Раманнъ о постоянной *рисовкѣ* графини д'Агу, о лживости ея натуры,—приведшей Листа къ тому, что когда она его спросила, какое названіе дать ея *Воспоминаніямъ*, онъ отвѣтилъ ей гнѣвно: „*Poses et mensonges*!", о ея непомѣрномъ самолюбіи и честолюбіи, о ея нѣкоторомъ пристрастіи къ фразамъ и желаніи вѣчно играть роль то „страстной женщины", то нимфы Эгеріи, вдохновляющей не нуждавшагося въ этихъ „вдохновеніяхъ" геніальнаго композитора, то „философки", — многое изъ этого вѣрно. Вѣрно также мнѣніе,

что всего сильнѣе въ этой холодной по внѣшности, но скрытно-страстной натурѣ были двѣ черты: экзальтированное воображенiе и адское самолюбiе. Однако несмотря на все, несомнѣнно это была женщина выдающаяся по уму—скептическому и разностороннему, по умѣнiю понимать самыя противоположныя теорiи и идеи, по пытливой любознательности и наконецъ по литературнымъ и чисто-стилистическимъ способностямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ разнообразныхъ сочиненiй, статей и этюдовъ, оставленныхъ ею, начиная съ романовъ *Nélida* и *Julien* до трехтомной *Исторiи революцiи 1848 года*, до *Lettres républicaines* и изящныхъ и глубокихъ *Pensées* и т. д. Всѣ эти сочиненiя подписаны псевдонимомъ „*Даніэль Стернъ*“.

Когда весною 1835 года Жоржъ Сандъ, вслѣдъ за Мишелемъ, прiѣхала въ Парижъ—она вновь возобновила знакомство съ Листомъ, такъ рѣзко прерванное ею въ январѣ этого года, дабы успокоить ревность Альфреда де-Мюссе. Тогда Жоржъ Сандъ прямо написала Листу о томъ, что, какъ ей это ни жаль, но они не должны видѣться и даже онъ не долженъ знать, куда она уѣдетъ,—лишь бы Мюссе не волновался по поводу ихъ только-что завязавшейся дружбы [1]). Листъ повидимому очень добродушно и просто отнесся къ этому странному требованiю Мюссе, какъ видно изъ *неизданнаго* его письма къ Ж. Сандъ, написаннаго вначалѣ зимы 1834—1835 г. и *до* ея просьбы не бывать у нея, а вѣроятно во время ревнивыхъ выходокъ Мюссе и ея отчаянiя:

„Я очень опасаюсь, Милостивая Государыня, что *улучшенiе*, которымъ Вы почти гордитесь, будетъ лишь очень кратковременнымъ. Можетъ быть даже это лишь органическая реакцiя противъ нестерпимыхъ страданiй. Еслибъ меня не удерживала на полпути мысль, что я могу помѣшать Вамъ или не во́-время потревожить Васъ, Вы уже не разъ испытали бы скуку услышать, какъ я прелюдирую на Вашемъ фортепьяно. Будетъ ли мнѣ дозволено надѣяться, что послѣ Вашего возвращенiя Вы еще захотите считать меня въ числѣ 5 или 6 лицъ, которыхъ Вы *довольно охотно* принимаете въ дождливые дни?.. Мнѣ было бы прiятнѣе еслибъ въ воскресенье Вы не отказались принять меня, но я этимъ только огорчился, а не таю злобы; къ тому же этотъ случай представится другой разъ и лучше. Примите, Милостивая Государыня, увѣренiя въ моей искренней и почтительной преданности.

Францъ Листъ“.

[1]) Это письмо Жоржъ Сандъ помѣщено въ книгѣ Ла Мары „Briefe hervorragender Zeitgenossen an Franz Liszt“ и помѣчено „19 января 1835 г.“.

Весною же 1835 г. Листъ очень охотно вновь пришелъ къ Жоржъ Сандъ и даже привелъ и хвораго Ламеннэ въ ея маленькую квартирку 5-го этажа. Вслѣдъ затѣмъ Жоржъ Сандъ, очевидно уже посвященная въ тайну романической любви Листа, познакомилась и съ графиней д'Агу. Повидимому Жоржъ Сандъ привлекало желаніе увидѣть женщину „поступившую такъ" (The woman who did!), какъ это изображалось въ ея собственныхъ романахъ „аристократку, всѣмъ пожертвовавшую изъ любви къ артисту" [1]), а Марію д'Агу—желаніе увидѣть ту, которая эти романы написала. „Пэри въ голубомъ платьѣ" если и не „снизошла съ небеси" [2]), то соблаговолила своими собственными аристократическими ножками подняться на поэтическій чердачекъ, гдѣ безцеремонно и шумно царили Мишель, Геру, Араго, и разные другіе беррійскіе и парижскіе, но всѣ далеко не аристократическіе, друзья автора только-что появившагося *Андре*. Повидимому онѣ познакомились нѣсколько раньше этого перваго посѣщенія графини д'Агу, но съ точностью нельзя сказать, когда и гдѣ это было. Г. Рошблавъ въ очень интересномъ психологическомъ этюдѣ объ этой „Романической Дружбѣ" [3]) полагаетъ, что дамы увидѣлись въ театрѣ, а потомъ обѣдали вмѣстѣ у старушки матери Листа, но не приводитъ никакихъ точныхъ данныхъ, подтверждающихъ это мнѣніе. Вообще эта статья, очень интересная въ психологическомъ отношеніи и потому, что въ ней приведены до сихъ поръ бывшія неизвѣстными отвѣтныя письма графини д'Агу къ Ж. Сандъ,—эта статья, говоримъ мы, чрезвычайно неточна въ смыслѣ историческомъ и хронологическомъ и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ преисполнена даже грубыхъ ошибокъ. Такъ, напр., г. Рошблавъ, справедливо замѣтившій, что письма Ж. Сандъ, напечатанныя въ *Correspondance*, часто размѣщены невѣрно или составлены произвольно изъ отрывковъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ,—тѣмъ не менѣе не далъ себѣ труда свѣрить имѣвшійся въ его рукахъ матеріалъ рукописный со всѣми извѣстными и уже строго-опре-

[1]) Такъ Ж. Сандъ о ней говоритъ въ одномъ письмѣ 1837 г. къ Каламаттѣ.

[2]) Выраженія Ж. Сандъ въ VII *Письмѣ Путешественника*, посвященномъ Листу. Мы уже приводили выше это мѣсто изъ VII Письма—въ немъ Ж. Сандъ вспоминаетъ о всѣхъ тѣхъ, кто во время „апрѣльскаго процесса" посѣщалъ ея скромную квартирку на Quai Malaquais.

[3]) „Amitié romanesque. George Sand et M-me d'Agoult" par S. Rocheblave. Revue de Paris 15 Décembre 1894.

дѣленными фактами и данными. Это привело къ тому, что имѣя въ рукахъ даже отвѣтныя письма гр. д'Агу—онъ окончательно спуталъ письма Ж. Сандъ, такъ что пользоваться его статьей въ этомъ отношенiи совершенно невозможно.

Благодаря этой невѣроятной путаницѣ, онъ заставилъ Жоржъ-Сандъ еще дважды (мы не считаемъ здѣсь ея путешествiя въ Паджелло въ 1834 г.) прогуляться въ Швейцарiю—и въ 1835 г. (?!) и въ 1836! Весь эпизодъ пребыванiя въ Женевѣ, экскурсiю въ Шамуни и т. д. онъ отнесъ къ осени 1835 года (!)—тогда какъ эту осень, послѣ пребыванiя въ „пустомъ домѣ" въ Буржѣ, Жоржъ Сандъ проводила въ Ноганѣ и въ Парижѣ, а конецъ осени и зимы въ Ла Шатрѣ—вслѣдствiе чего она и могла писать зимою этого года графинѣ Марiи о томъ, что *начавшiйся* процессъ мѣшаетъ *теперь* ей ѣхать въ Женеву и т. д. Точно также и Листъ въ своемъ „I *Письмѣ Баккалавра Музыки*", помѣченномъ „Женева *23 ноября 35 г.*", могъ упрекать Жоржъ Сандъ въ томъ, что въ ея „дружескомъ Посланiи, которое онъ нашелъ на своемъ столѣ, по возвращенiи изъ продолжительной горной экскурсiи, она повидимому беретъ назадъ *свое обѣщанiе съѣхаться съ ними въ Швейцарiи*". Онъ могъ также говорить, что онъ „*хотѣлъ* бы всего болѣе именно ее, самаго капризнаго и полнаго причудъ, путешественника *заманить* на эту сторону черной Юры" и прибавляетъ: „но что сказать еще вамъ, чтобы ваше любопытство одержало побѣду надъ вашей лѣнью?!.. Мнѣ не суждено было въ моихъ альпiйскихъ странствованiяхъ достигнуть до сокровищъ, покрытыхъ снѣгомъ. Музыкальная республика, уже созданная въ порывѣ Вашего молодаго воображенiя, для меня является еще пока лишь мечтою... Ваша мансарда уже меблирована и готова принять Васъ, и мое фортепьяно съ перламутровыми клавишами, нѣмое уже болѣе чѣмъ три мѣсяца, ждетъ только Васъ, чтобы огласить окрестныя горы диссонирующими отголосками"... [1]). Въ

[1]) См. Sämmtliche Werke von Franz Liszt, II Band. „Briefe eines Baccalaureus der Tonkunst", № I, An George Sand. S. 115. Эти Письма, первоначально были напечатаны по французски въ „*Revue et Gazette Musicale de Paris*" между 1835 и 1837 г. Три первыя письма адресованы Жоржъ Сандъ и озаглавлены и помѣчены слѣдующимъ образомъ: № I—„*Lettre d' un Voyageur* (sic!) *à Monsieur George Sand*", Genève, 23 Novembre,—напечатанъ въ № 49 R. et G. M. 1835 г., стр. 397; № II—озаглавленный уже „*Lettre d' un Bachelier ès-Musique à un poète Voyageur*", и помѣченный *январемъ 1835 г.*, вышелъ въ № 7 1837 г. (4-me année, стр. 53). Наконецъ № III, просто озаглавленный „*Lettre d' un Bachelier ès-Musique*", напечатанъ въ № 29 и помѣченъ „Парижъ, 30 апрѣля 1837 г." (стр. 239).

1835 году Листъ могъ все это говорить, а въ 1836 году лѣтомъ Листъ, отвѣчая на фразу одного изъ писемъ Ж. Сандъ, писавшей, что „ранѣе осеннихъ вакансій она, какъ не старается, а не будетъ свободной"—писалъ ей:

„Дорогой Жоржъ, по той самой причинѣ, что мы Васъ ждали одинадцать мѣсяцевъ, мы Васъ подождемъ еще одинъ лишній мѣсяцъ".

Наконецъ на отдѣльномъ листочкѣ, находящемся въ одной изъ записныхъ книжекъ Жоржъ Сандъ и очевидно написанномъ ею *для памяти* Мишелю во время ея процесса, мы читаемъ слѣдующее: „1835 г... Въ Парижѣ конецъ іюля. Возвратилась въ Ноганъ 6 августа. Мишель пріѣзжаетъ 8. Я его отвожу въ Шатору, возвращаюсь въ Ноганъ до 1-го сентября. Весь сентябрь въ Парижѣ. Сюда вернулась 30-го". Слѣдовательно *въ 1835 году Жоржъ Сандъ никуда изъ Франціи не уѣзжала.* Такимъ образомъ разсказывая о внѣшнихъ событіяхъ жизни Ж. Сандъ и г-жи д'Агу между 1835 и 1837 гг. г. Рошблавъ и все предыдущее и все послѣдующее совершенно перепутываетъ, а потому невѣрно комментируетъ и всѣ письма. И мы очень желали бы видѣть эту интересную корреспонденцію между двумя писательницами вновь пересмотрѣнной, кѣмъ-нибудь правильно датированной и размѣщенной, а также снабженной провѣренными примѣчаніями. Итакъ, совѣтуя всѣмъ прочесть эту статью, какъ интересное психологическое изслѣдованіе, предостерегаемъ всѣхъ отъ пользованія ею, въ качествѣ документа, а прежде всего и разъ навсегда совѣтуемъ помнить, *что въ 1835 году Жоржъ Сандъ въ Швейцарію къ Листу не ѣздила!*

Возвращаемся къ веснѣ 1835 года. Итакъ, любопытство познакомило двухъ женщинъ и, какъ часто женщины влюбляются исключительно изъ любопытства, такъ тутъ онѣ изъ-за него же подружились. Общаго между ними въ сущности небыло ничего. Одна была умная, горячая, художническая натура; — другая натура двойственная, скорѣе рефлектирующая и властолюбивая. Одна привыкла жить на полной свободѣ;—другая любила царить въ салонахъ. Одна, по выраженію Листа, чувствовала себя хорошо только въ 1000-франковомъ платьѣ, другая охотнѣе всего одѣвалась въ парусинную синюю блузу и мужскіе сапоги. Одна если и снизошла до любви къ піанисту, тѣмъ не менѣе никогда не забывала о своемъ высокомъ положеніи въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи; другая хоть и приходилась кузиной Карлу X, ни о чемъ такъ охотно не рас-

пространялась, какъ о плебейскомъ происхожденіи своей матери да о томъ, что сама она принадлежитъ ни къ какой другой странѣ и племени, какъ къ свободолюбивой цыганщинѣ, „зеленой Богеміи“, родинѣ артистовъ. Мы не станемъ долѣе продолжать этого сравненія. Въ книгѣ Лины Раманнъ слишкомъ много можно найти матеріала для продолженія этого сравненія *ad infinitum.* Наконецъ, переписка, сочиненія и дальнѣйшая судьба двухъ писательницъ достаточно говорятъ сами за себя. Какъ бы то ни было, а въ 1835 году онѣ вообразили, что подружились, и нѣсколько лѣтъ провели въ этомъ заблужденіи, пока при первомъ поводѣ—по случаю любви Шопена къ Ж. Сандъ, чего самолюбивая и привыкшая всѣхъ побѣждать и вездѣ первенствовать граф. Марія не могла никакъ простить,—пока при этомъ случаѣ не оказалось слишкомъ ясно, что въ сущности все время лишь одна Ж. Сандъ вполнѣ искренно отдавалась этой дружбѣ, а M-me д'Агу все время играла въ прятки и съ нею, и съ самой собою, и кое-что все время таила про себя, далеко не высказываясь вполнѣ. И самолюбіе, и зависть „къ славѣ Мильтіада“, а отчасти и ревность—все это скрывалось въ ея сердцѣ въ то самое время, какъ она писала нѣжныя письма своей пріятельницѣ или жила съ нею бокъ-о-бокъ, то въ Женевѣ, то въ Ноганѣ, то въ Парижѣ.

Но насъ, мы должны признаться, эта дружба, бывшая гораздо болѣе нѣжной и красивой на бумагѣ, чѣмъ при свиданіяхъ, не слишкомъ интересуетъ, ибо если она была причиной того, что златокудрая графиня сдѣлалась писательницей („Еслибъ не было *Леліи*, не было бы и *Нелиды*“,—говаривалъ Листъ, намекая на то, что гр. д'Агу сдѣлалась писательницей не столько изъ внутренней потребности, сколько изъ самолюбивой зависти), то на Ж. Сандъ эта дружба не оказала никакого вліянія. Не то было относительно Листа. Однако, къ вопросу о ихъ взаимномъ вліяніи мы еще обратимся позднѣе, а теперь вернемся къ разсказу о 1835 годѣ въ хронологическомъ порядкѣ.

ГЛАВА XI.

Лѣто 1835 г. — Мишель. — „*Lettres de femme*“ и „*Дневникъ Пиффеля*. — „*Поэма Мирзы*“ и „*Невѣдомый Богъ*“. — Процессъ съ Дюдеваномъ въ 1836 г. и позднѣйшіе процессы. — Первая половина 1836 года.

Въ концѣ мая 1835 г., когда Листъ и гр. д'Агу уже были въ Швейцаріи, а Мишель вернулся въ Буржъ, Жоржъ Сандъ осталась одна въ Парижѣ, такъ какъ должна была къ сроку окончить обѣщанный Бюлозу романъ, *Симонъ*. Время стояло жаркое, въ мансардѣ 5-го этажа было нестерпимо душно. Между тѣмъ, изъ своихъ оконъ, выходившихъ на внутренній дворикъ, Жоржъ Сандъ видѣла, что въ нижнемъ этажѣ дома, совершенно разгромленнаго по случаю ремонта, имѣлась совсѣмъ пустая и разоренная квартира, находившаяся на одномъ уровнѣ съ садомъ. Двери были сняты съ петель, углы завалены камнями и мусоромъ, но въ большихъ комнатахъ было прохладно, тихо, а небольшой садикъ былъ наглухо запертъ для постороннихъ, и потому представлялъ собою отличное убѣжище, гдѣ никто не могъ потревожить человѣка, желавшаго быть въ совершенномъ уединеніи. Жоржъ Сандъ, недолго думая, завладѣла пустой квартирой, устроила тамъ свой рабочій кабинетъ, обративъ столярный станокъ въ письменный столъ, — и была въ восхищеніи, обрѣтя такимъ образомъ въ самой серединѣ шумнаго Парижа любезное ей одиночество, свободу въ тишинѣ и *пустой домъ*. Лишь привратникъ, уступившій ей ключъ отъ этого убѣжища, да горничная знали, гдѣ она, приносили ей завтракъ и письма, но не выдавали никому ея присутствія. Пауки, мыши, лопухъ, репейникъ и крапива свободно хозяйничали и владычествовали въ разрушенныхъ стѣнахъ и заброшенномъ саду, но это запустѣніе и привлекало поэта, и часто даже вечеромъ Ж. Сандъ спускалась въ одичавшій садикъ побродить на свободѣ по за-

росшимъ дорожкамъ или помечтать, сидя на сломанныхъ ступенькахъ крыльца. Этотъ садъ и домъ она потомъ описала въ своемъ романѣ *Isidora*, поселивъ въ немъ героя, Jean-Laurent. Въ концѣ іюня и въ августѣ она прожила нѣкоторое время въ Ноганѣ. Вотъ указанія, которыя даетъ листочекъ, упомянутый уже нами въ предыдущей главѣ; на немъ Ж. Сандъ отмѣтила для памяти всѣ примѣчательныя даты со времени своего замужества и до конца 1835 г.:

..."Вернулась сюда (въ Ноганъ) 21-го или 22 іюня. Мишель здѣсь 24-го. Я его провожаю въ Буржъ. Я уѣзжаю въ началѣ іюля. Я ѣду въ Буржъ черезъ Шатору. Ламеннэ [1]). Конецъ іюля въ Парижѣ. Въ Ноганѣ 6 августа. Мишель пріѣзжаетъ 8-го. Я его провожаю въ Шатору. Я возвращаюсь въ Ноганъ до 1-го сентября. Весь сентябрь въ Парижѣ. Сюда вернулась 30-го"...

Убѣдившись во время перваго своего лѣтняго пребыванія въ Ноганѣ, что жить подъ одной кровлей съ Дюдеваномъ немыслимо, она переселилась въ Буржъ, куда ее привлекало желаніе быть поближе къ Мишелю, и поселилась здѣсь опять-таки въ *пустомъ домѣ*, уступленномъ ей кѣмъ-то изъ ея друзей. Здѣсь она была опять совершенно одна, даже обѣдъ ей приносили со стороны, и она проводила время въ писаніи и занятіяхъ френологіей, зачитываясь Лафатеромъ, Галлемъ и Шпурцгеймомъ. Отсюда она написала и свое *VII Письмо Путешественника "О Лафатерѣ и Пустомъ домѣ"*, адресованное Листу, и на которое онъ и отвѣтилъ первымъ *Письмомъ Баккалавра Музыки* [2]). Вообще въ это время у нея завязалась уже дѣятельная переписка съ ея швейцарскими новыми друзьями, причемъ надо отмѣтить, что хотя письма ея и къ гр. д'Агу и къ Францу Листу одинаково отличаются задушевной откровенностью, простотою, сердечными изліяніями и объясненіями, но въ письмахъ къ гр. д'Агу слышится иногда нѣсколько преднамѣренная *литературность*, слегка искусственное оживленіе и какъ бы умственное кокетство, что то похожее на манеру влюбленныхъ: нестолько сознательное желаніе очаровать свою корреспондентку, сколько доказать ей свою привязанность и восхищеніе предъ нею. Письма къ Листу, помимо вѣчныхъ шутокъ, безцеремонной болтовни и чисто *товарищескаго* тона, постоянно касаются разныхъ серьезныхъ ху-

[1]) Въ "*Исторіи моей жизни*" Ж. Сандъ упоминаетъ, что видѣлась этимъ лѣтомъ съ Ламеннэ и что онъ звалъ ее къ себѣ въ Бретань, куда она однако не поѣхала.

[2]) Lettres d'un Bachelier ès-Musique. См. выше.

дожественныхъ интересовъ и новостей. Мало того, мы замѣчаемъ, что въ нихъ Жоржъ Сандъ, совершенно невольно и незамѣтно для самой себя, говоритъ на языкѣ своего корреспондента, говоритъ о вещахъ и людяхъ съ чисто Листовской точки зрѣнія, сочувствуетъ и раздѣляетъ весь его образъ мыслей и взгляды, а въ особенности его отношеніе къ искусству. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ объ устныхъ бесѣдахъ ихъ весною этого года ничего, кромѣ того, что самъ Листъ говоритъ въ первомъ *Письмѣ Баккалавра Музыки*, разсказывая, что возвращается мыслью къ тому времени, когда они, сидя у камина, въ дыму сигары бесѣдовали о разныхъ общественныхъ вопросахъ, „о которыхъ нельзя говорить на страницахъ Gazette musicale", да еще ранѣе упоминаетъ о тѣхъ политическихъ и соціальныхъ интересахъ, о которыхъ Жоржъ Сандъ тогда любила разсуждать. Зато по напечатаннымъ письмамъ Ж. Сандъ и по *неизданнымъ* письмамъ Листа, имѣющимся у насъ въ рукахъ, мы видимъ, что они сразу *спѣлись*, поняли другъ друга, какъ души *равнаго калибра*, и что Листъ совершенно незамѣтно и естественнымъ образомъ внушилъ Жоржъ Сандъ то, чего ей именно въ то время не хватало: увѣренность въ святости художественнаго призванія, въ необходимости серьезно и ото всего сердца, какъ къ божественному, относиться къ своему искусству, и въ важномъ значеніи художниковъ и артистовъ для настоящаго и грядущаго человѣчества. Всѣ эти бесѣды и идеи Листа съ одной стороны отразились на той части *Письма къ Эверару*, гдѣ Жоржъ Сандъ защищаетъ искусство и художниковъ противъ утилитарно-вандальскихъ требованій демагога,— а также на *Письмахъ Путешественника* № VII *къ Листу* и № XI *къ Мейерберу*, гдѣ прямо слышатся отголоски Листовскихъ идей, и на цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ произведеній Жоржъ Сандъ, въ которыхъ на сцену являются художники и артисты. Таковы: *Послѣдняя Альдини*, *Консюэло*, *Мозаичисты*, *Графиня Рудольштадтская*, *Карлъ*, *Лукреція Флоріани*, *Замокъ Пустынницъ*, *Замокъ Пиктордю* и т. д. и т. д. Въ нихъ вмѣсто прежнихъ идей *о правѣ* художнической личности на бо́льшую свободу, чѣмъ та, которая выпадаетъ на долю простыхъ смертныхъ, выступаютъ съ особенною силою идеи о божественномъ происхожденіи всякаго таланта и объ *обязанности* всякаго художника быть и въ жизни большимъ человѣкомъ, объ обязанности его служить людямъ и о жреческой роли художниковъ въ „государствѣ будущаго": *Génie oblige.* Все это были идеи и задушевныя убѣжденія Листа. Чрезвычайно странно и непріятно дѣйствуетъ на читателя *Histoire*, что Жоржъ Сандъ,

подъ впечатлѣніемъ разрыва и охлажденія къ m-me d'Агу и Листу, нашла возможнымъ ни словомъ не упомянуть объ этой сторонѣ своихъ отношеній къ великому композитору, сыгравшему такую важную роль въ развитіи ея художественныхъ идеаловъ, или даже постаралась всецѣло приписать эту роль другимъ выдающимся личностямъ, окружавшимъ ее въ періодъ усиленнаго ея исканія истины. Но для безпристрастнаго критика, сравнивающаго сочиненія и письма самого Листа съ сочиненіями и письмами Жоржъ Сандъ, это взаимодѣйствіе двухъ великихъ артистическихъ натуръ очевидно. По словамъ біографа Листа, въ эпоху ихъ перваго знакомства это воздѣйствіе главнымъ образомъ исходило *отъ* Ж. Сандъ и было будто бы очень роковымъ и опаснымъ для молодого музыканта, такъ какъ способствовало излишнему романтизму его, ослабленію нравственныхъ элементовъ въ его душѣ и усиленію, и безъ того сильнаго въ тѣ годы, элемента страсти. Не забудемъ опять-таки, что не слѣдуетъ безусловно принимать на вѣру всего того, что̀ аббатъ Листъ говорилъ въ старости, когда онъ не могъ не осуждать своего поведенія въ юности. Но, кромѣ того, вліяніе литературной манеры Ж. Санда на Листа, какъ на *писателя*, для насъ гораздо важнѣе и интереснѣе, чѣмъ это общее вліяніе всей романнической тогдашней школы на чувства и личные настроенія тогдашней молодежи, которыя раздѣлялись и авторомъ *Contemplations* и *Années de Pélérinage*.

Какъ бы то ни было, въ 1835 году новые друзья дѣятельно переписывались и стремились поскорѣе увидѣться. Однако, несмотря на все желаніе послѣдовать приглашенію Листа, Ж. Сандъ въ этомъ году въ Швейцарію не поѣхала, и ея друзья еще слишкомъ цѣлый годъ прождали ее. Вотъ нѣсколько *неизданныхъ* писемъ Листа написанныхъ въ первой половинѣ 1836 г. и которыми мы имѣемъ возможность подѣлиться съ читателями благодаря любезному разрѣшенію дочери Листа, г-жи Козимы Вагнеръ.

„Дорогой Жоржъ [1]).

Не знаю ни гдѣ, ни какъ эти строчки дойдутъ до васъ, лишь бы онѣ на нѣсколько минутъ напомнили вамъ друга и брата, чья привязанность и преданность навѣки вамъ отданы.

Тѣ три или четыре письма, которыя вы написали М[ари] и которыя она мнѣ показала (противъ своего обыкновенія), доставили

[1]) Письмо это, судя по бумагѣ и нѣкоторымъ другимъ даннымъ, провѣреннымъ по письмамъ Ж. Сандъ и гр. д'Агу, написано въ Мартѣ или Апрѣлѣ 1836 г.

мнѣ истинное удовольствіе. Обѣщаніе, повторенное вами, пріѣхать повидаться съ нами этою весною, тоже очень отрадно мнѣ. Тѣмъ не менѣе я все еще не рѣшаюсь повѣрить дѣйствительности вашего фантастическаго появленія въ Женевѣ. Сознайтесь, что это скептицизмъ разумный и довольно законный, но дай Богъ, чтобы вы его навѣки посрамили и какъ можно скорѣе. Надняхъ ваше имя повторялось во всей Женевѣ; кажется, что ваша *глупая система* (*sot-système*) [1]) въ перепискѣ съ графиней Клермонъ-Тоннеръ и что онъ извѣстилъ ее о вашемъ скоромъ пріѣздѣ,—и немедленно воспослѣдовалъ великій шумъ и тревога въ здѣшней землѣ, какъ вы можете себѣ представить. Къ несчастью это какъ въ пьесѣ господина Шекспира „Much to do (*sic!*) about nothing“ [2]), и такъ какъ я не увѣренъ, что вы знаете англійскій языкъ, то вотъ вамъ подстрочный переводъ: „Много шуму изъ ничего“. Если вы пріѣдете, то найдете, что я удивительно поглупѣлъ; вотъ уже 6 мѣсяцевъ, что я только и дѣлаю, что пишу, пописываю и расписываю ноты всѣхъ видовъ и сортовъ (je ne fais qu écrire, écrivailler et écrivasser des notes de toutes les couleurs et de toutes les façons). Я убѣжденъ, что если ихъ сложить, то получилось бы нѣсколько милліардовъ. Поэтому, повторяю, я и сталъ постыдно глупымъ, или, какъ говоритъ пословица, „*дуракомъ, какъ музыкантъ*“. Можетъ быть, таковымъ я вамъ придусь болѣе по вкусу, ибо я помню, что вы чувствовали глубокое отвращеніе къ моимъ философскимъ и онтологическимъ познаніямъ, и это было вполнѣ разумно съ вашей стороны. „*О Вы, не Лелія, но*“, и т. д.

По поводу вашего бывшаго друга Сентъ-Бевъ, что скажете вы относительно эпизода съ 8-ью тысячами стиховъ гуманитарной поэмы? Что до меня касается, то сознаюсь, что я неохотно зачислюсь въ ряды воскуривающихъ ѳиміамъ предъ этимъ новымъ воплощеніемъ Божества, довольно таинственно сокрытаго на сей разъ. Восхищаясь иными подробностями, нѣкоторыми „днями“ нѣкоторыхъ эпохъ, и въ особенности нѣкоторыми отдѣльными стихами, дѣйствительно необычайно-прекрасными, я все таки не въ состояніи признать всего *Жослена* за великое произведеніе. Тѣмъ не менѣе я не смѣю продолжать далѣе высказываться предъ вами, такъ какъ ужасно боюсь, что вы все это, съ перваго стиха до послѣдняго, находите великолѣпнымъ и неслыханнымъ. Въ ожиданіи того, что намъ можно будетъ поговорить объ этомъ болѣе подробно, позвольте мнѣ сказать вамъ грубо, что я бы охотнѣе написалъ 30 страницъ *Леліи*, чѣмъ весь этотъ эпизодъ, въ которомъ посредственность мысли и чувства такъ наивно проглядываютъ сквозь туманныя облака условной сантиментальности. Право, Сентъ-Бевъ сдѣлалъ tour de force, приравнивъ *Жослена* къ Робинзону Крузо [3]) и такъ, что Ламартинъ никакъ не можетъ замѣтить этого. Это чисто іезуитская черта, за которую его

[1]) Т.-е. Sosthènes de la Rochefoucauld, предметъ постоянныхъ шутокъ и насмѣшекъ въ перепискѣ Листа и Ж. Сандъ.

[2]) Листъ, разумѣется, хотѣлъ написать „Much *ado* about nothing“.

[3]) Вѣроятно въ томъ смыслѣ, что въ обѣихъ книгахъ полезныя и прекрасныя отдѣльныя мысли и страницы тонутъ въ массѣ безконечныхъ разглагольствованій и умствованій, нагоняющихъ скуку на читателя.

надо похвалить. Мнѣ сказали на дняхъ, что Дидіе (изъ Женевы) долженъ былъ поѣхать на нѣкоторое время къ вамъ. Скажите мнѣ, что̀ это за новая исторія, которой я повѣрю лишь настолько, насколько вы сами этого захотите. Уже давно вы ничего не давали въ Revue; вашъ процессъ навѣрное отнялъ у васъ много времени. Надѣюсь, что наконецъ вы совершенно освободились *del marito*, лица преимущественно принадлежащаго комедіи и которое и должно было бы существовать только въ ней. Что восхитительно въ этомъ дѣлѣ, это сообщенія газетъ, возвѣщающихъ о вашемъ возвращеніи къ супружескимъ обязанностямъ (*Vide*, между прочимъ, Chronique de Paris),—и высшая дипломатія Вашей Милости. Я съ чрезвычайнымъ любопытствомъ (и это чуть не въ первый разъ въ моей жизни) ожидаю вашего разсказа о началѣ, серединѣ и концѣ этого дѣла, которое, я не сомнѣваюсь, должно повернуть въ вашу пользу.

Если бы вы были человѣкомъ (homme) который могъ бы мнѣ опредѣлить заранѣе день своего пріѣзда, (допустивъ гипотетическую возможность этого), я бы отправился ждать васъ у конторы дилижансовъ, съ носилками, какъ это здѣсь принято, и съ странствующей труппой музыкантовъ, дабы торжественно проводить васъ до улицы Табазанъ,—до улицы Руссо! и до дома Руссо, гдѣ мы живемъ.

Такъ какъ Пуцци позволилъ себѣ сказать, что васъ задерживаетъ въ особенности матерьяльное затрудненіе, весьма въ наше время обыкновенное, то я повторяю вамъ отъ своего имени предложеніе, сдѣланное вамъ прошлый разъ Маріей. Въ случаѣ необходимости я добуду маленькій капиталъ изъ своего мизинца, чтобы вамъ"...

(Послѣдняя страница письма, обрывающагося на этихъ словахъ не сохранилась).

Въ апрѣлѣ Ж. Сандъ на время поѣхала въ Парижъ, и Листъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ туда же, тѣмъ болѣе, что ему надо было быть тамъ по дѣлу, но они разъѣхались: онъ уже не засталъ Ж. Сандъ въ Парижѣ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго письма Листа:

„Дорогой Жоржъ.

Я добрался до Парижа, чтобы *захватить* васъ, посудите о моемъ разочарованіи, когда я узналъ о вашемъ бѣгствѣ. Неужели мы не можемъ болѣе увидѣться? Черезъ 5 недѣль я покину Женеву, чтобъ уѣхать въ Неаполь. М[ари] очень хотѣла бы, чтобъ вы хоть дней десять погостили у нея передъ тѣмъ, чтобы разстаться такъ на долго. Но, какъ я уже говорилъ вамъ, я не буду настаивать, чтобы вы приняли это приглашеніе. Вы знаете, какъ мы васъ любимъ и какимъ счастьемъ вашъ пріѣздъ былъ бы для насъ...... [1]) Словомъ, будемъ еще надѣяться.

Вы мнѣ болѣе не пишете, я не знаю, что̀ съ вами. Разскажите мнѣ все по душѣ и подробно въ слѣдующій разъ, какъ будете писать. Между нами какъ бы ослабленіе непрерывности (solution de

[1]) Точки въ оригиналѣ.

continuité), которое меня часто огорчаетъ. Развѣ я неправъ? Прощайте! Я ужасно тороплюсь изъ за массы дѣлъ, которыя долженъ окончить къ пятницѣ (дню назначенному для моего отъѣзда).

Еще разъ прощайте
весь вашъ, по братски

Ф. Листъ.

Парижъ. Вторникъ утро.
(На оборотѣ: Madame George Sand. La Châtre).

На оба эти письма Ж. Сандъ отвѣчаетъ письмами отъ 5 мая (къ самому Листу) и отъ 25 мая (къ гр. д'Агу), напечатанными въ *Корреспонденціи*, разсказывая и высказывая какъ свои мнѣнія по поводу всѣхъ затронутыхъ Листомъ вопросовъ: о статьѣ Жанена, Сентъ-Бевѣ, *Жосленъ*, Ламартинѣ, процессѣ и т. д., такъ и выражая сожалѣніе о томъ, что не удалось свидѣться съ Листомъ въ Парижѣ. Нѣсколько позднѣе Листъ опять пишетъ Ж. Сандъ [1]).

„Дорогой Жоржъ, по той самой причинѣ, что мы Васъ ждали одинадцать мѣсяцевъ, мы Васъ подождемъ еще одинъ лишній мѣсяцъ. Дай Богъ, чтобы Вы опять не отложили до 40-го года [2]). ибо мы были бы способны принять это предложеніе. Вы видите, что мы очень неудобные и надоѣдливые друзья, но такими надо быть. Я убѣжденъ, что Мари написала Вамъ кучу прекрасныхъ вещей, послѣ чего моя низкая проза покажется еще болѣе низменною, чѣмъ обыкновенно. Поэтому я разомъ останавливаюсь и выпутаюсь изъ затрудненія ламартиновски-жосленовскими точками.
. .
. .

Душевно Вамъ преданный
Фр. Л.

„Дорогой Жоржъ.

Я хотѣлъ бы прибавить два слова къ письму Мари (которое должно быть вы уже получили), но времени было такъ мало, что мнѣ было невозможно подняться въ маленькій домикъ Моннетье [3]), чтобы проститься съ нею.

Наконецъ, другъ мой, вамъ пришла въ голову добрая и святая мысль. Мы вновь увидимся, и притомъ сколько намъ угодно; вы будете съ нами утромъ и вечеромъ, днемъ и ночью. Берегитесь! милый и добрый Жоржъ, мы вамъ едва дадимъ время спать, а еще менѣе того — дышать! О! вы не можете себѣ представить, какой праздникъ для насъ провести двѣ недѣли съ вами, illustrissima!

[1]) Начало этого письма уже приведено нами на стр. 487.

[2]) По французски выраженіе „отложить до 40 года“ равносильно латинскому „ad calendas graecas“, т.-е. = отложить на Богъ вѣсть какое время.

[3]) M-me д'Агу жила въ это время надъ Женевой, на Mont Salève.

Черезъ два дня отъ сегодняшняго вашъ процессъ окончится. Нѣтъ сомнѣнія, что вы получите полное удовлетвореніе, потому что вы тысячу и тысячу разъ правы,—что для васъ не лишнее. Слава Богу, ваша жизнь сдѣлается болѣе откровенною и лучшею; конечно вы заслуживаете гораздо бòльшаго, но вамъ достаточно, неправда-ли, чтобы любящіе васъ чувствовали это? Я пишу вамъ изъ плохаго трактирчика, въ ожиданіи дилижанса (ибо вотъ уже 6 недѣль, что я въ пути-дорогѣ!) Еслибъ я зналъ навѣрное, какую дорогу вы изберете, я бы выѣхалъ вамъ на встрѣчу. Тѣмъ временемъ, я вновь велю уложить мое прекрасное фортепьяно для отправки въ Женеву, а кромѣ того надо будетъ поручить Пуцци обновить мои двѣ трубки. Если вы привезете еще третью, то тѣмъ лучше.

Мы подробно побесѣдуемъ о тысячи вещахъ. Можетъ быть я болѣе придусь вамъ по вкусу теперь, ибо я ужасно отупился (me suis horriblement bêtifié) занимаясь писаніемъ нотъ, нотъ, и вѣчно только нотъ.

Впрочемъ вы найдете здѣсь нѣсколько чрезвычайно замѣчательныхъ личностей, которыя очень радуются увидѣть васъ. Если вы пожелаете видѣть побольше людей,—это будетъ легко сдѣлать. Вы должны лишь обо всемъ говорить мнѣ: „Я хочу этого или того“—и все будетъ исполнено по вашему желанію.

Итакъ, досвиданья, дорогой Жоржъ. Пріѣзжайте скорѣе и не покидайте насъ какъ можно дольше [1]),

весь вашъ на всю жизнь

Ф. Л.

Причинъ, по которымъ Жоржъ Сандъ втеченіе цѣлаго года заставила прождать себя и не поѣхала въ Швейцарію до осени 1836 г. было много, главныхъ же двѣ. Во-первыхъ, необходимость начать процессъ противъ г. Дюдевана, во-вторыхъ, отношенія къ Мишелю изъ Буржа, заставившія ее не желать уѣхать изъ Франціи.

О томъ, что между Мишелемъ и Жоржъ Сандъ лѣтомъ 1835 года установилась гораздо бòльшая близость, чѣмъ простая дружба, столько разъ говорилось въ печати, что мы не считаемъ нужнымъ обходить этотъ вопросъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ свидѣтельствуютъ собственноручныя письма Жоржъ Сандъ къ Мишелю, отчасти уже обнародованныя. А именно, часть этой переписки появилась на страницахъ *Revue Illustrée* 1891 г. (5 №№) подъ заглавіемъ *Lettres de femme*, часть же неиздана. Напечатанныя въ *Revue Illustrée*, якобы найденныя кѣмъ-то въ Бретани и якобы адресованныя въ 1832 г. какою то таинственною незнакомкою къ нѣкоему

[1]) (На штемпелѣ: *23 іюля 1836 г. Дижонъ*). Адресъ: *Madame George Sand poste-restante, Indre, La Châtre.*

„Марселю", письма эти тотчасъ возбудили всеобщее вниманіе и любопытство; часть французской прессы сочла ихъ за ловкую поддѣлку неизвѣстнаго автора подъ стиль и манеру романическихъ посланій 30-хъ годовъ; другіе сразу заподозрили въ этихъ таинственныхъ письмахъ нѣчто подлинное; были сдѣланы и попытки подставить подъ произвольныя даты и вымышленныя имена и иниціалы, стоявшія на страницахъ *Revue Illustrée*, имена и даты достовѣрныя. Къ сожалѣнію, печатаніе *Lettres de femme* внезапно прервалось, и окончаніе переписки не появилось (да и изъ числа первыхъ писемъ многія были пропущены). Мы имѣли возможность ознакомиться съ этой перепиской полностью и имѣемъ въ рукахъ копіи съ непоявившихся въ печати писемъ. На основаніи этого знакомства мы можемъ утверждать, что письма эти несомнѣнно письма Ж. Сандъ къ Мишелю. Относятся они къ началу, веснѣ и лѣту 1837 года, т.-е. къ тому времени, когда, послѣ почти двухлѣтней близости, любовь Мишеля уже охладѣвала, когда между бывшими друзьями уже пробѣжала черная кошка; видѣлись они довольно рѣдко; Жоржъ Сандъ, проводившая конецъ зимы и весну въ Ноганѣ, чувствовала себя почти покинутой Мишелемъ (который жилъ тогда въ Буржѣ), и глубоко несчастной, и потому въ ея письмахъ слышится столько же отчаянія, ревнивыхъ подозрѣній, тоски по ускользающей любви, сколько и страстнаго желанія добиться истины, уяснить себѣ настоящее положеніе вещей. Написаны эти письма удивительнымъ языкомъ, дышатъ необыкновенно поэтической силой, страстью, тоскою, и могутъ считаться одними изъ прекраснѣйшихъ страницъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Жоржъ Сандъ. Кромѣ того, они содержатъ большое количество чрезвычайно интересныхъ автобіографическихъ подробностей и указаній и должны поэтому быть причислены къ важнѣйшимъ документамъ для исторіи Жоржъ Сандъ. Къ сожалѣнію, наиболѣе интересныя, или вѣрнѣе курьезныя, письма и не напечатаны. Пересказывать ни тѣхъ, ни другихъ мы не будемъ. Всякій можетъ самъ ознакомиться съ тѣми, что̀ обнародованы въ *Revue Illustrée* [1]); остальныя же врядъ ли когда нибудь увидятъ свѣтъ.

Но мы находимъ нужнымъ, дабы наше утвержденіе о подлинности этой переписки не казалось голословнымъ, привести какъ доказательства этой подлинности, такъ и исправить фантастическія имена и даты, чтобы облегчить всякому читателю сравненіе этихъ писемъ съ *Корреспонденціей* и *Histoire de ma Vie*.

[1]) Revue Illustrée. 11-ый томъ (1890—1891 г.). №№ 118, 119, 120, 121 и 123.

Мы уже не говоримъ о стилѣ и общей манерѣ этихъ писемъ, выдающихъ своего автора болѣе чѣмъ всякія подписи и имена собственныя: *Ex ungue leonem.* Но, кромѣ того, цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ фактовъ, подробностей и отдѣльныхъ фразъ съ наглядною очевидностью показываетъ, что ихъ писало то же перо, которое писало *Венеціанскія Повѣсти*, *Письма къ Марсіи*, *Исторію моей жизни* и *Корреспонденцію.*

Итакъ, прежде всего приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ разныхъ мѣстъ этихъ писемъ; онѣ не нуждаются въ комментаріяхъ для того, чтобы доказать, что не могли быть написаны никѣмъ инымъ, какъ Авророй Дюдеванъ, и адресованы никому иному, какъ Мишелю:

...„*Мой отецъ умеръ 30 лѣтъ, сброшенный лошадью...*

...„*Послѣ моей бабки никто не умѣлъ желчь моего сердца обращать въ слезы...*

...„*Я надѣюсь, что въ твоей Республикѣ, мой дорогой старина, ты уничтожишь издателей...*

...„Моя голова разбита работой тяжелой ночи, *сигара и кофе одни могли поддержать мое вдохновеніе, стоящее 200 франковъ съ листа...* Мнѣ осталось всего два часа для сна; я должна еще проѣхать шесть миль верхомъ, чтобы завязать вновь переговоры съ дровосѣками, и по дорогамъ, гдѣ я чуть не застряла вмѣстѣ съ лошадью, возвращаясь (отъ тебя). Тяжелые труды житейскіе старятъ и умножаютъ морщины на лбу. *Слѣдующую ночь я вновь должна работать, какъ и сегодня, четырнадцать часовъ*; и третью ночь также, и такъ шесть ночей подъ рядъ; мое слово связываетъ меня. Умру я отъ этого? Я уже изнемогаю, а я только что начала. Отяжелѣвшія вѣки мои едва-могутъ вынести блескъ восходящаго солнца. Мнѣ холодно въ тотъ часъ, когда все разгорается; я голодна и не могу ѣсть, ибо аппетитъ происходитъ отъ здоровья, а голодъ отъ истощенія.

.., Моя жизнь слишкомъ обременена; я люблю лѣнь, а у меня и часа нѣтъ, которымъ бы я могла располагать по-своему. Я ненавижу свое ремесло, а оно одно выручаетъ меня изъ жизненныхъ затрудненій [1]).

9 мая ...„Я покончила со всѣми моими тяготами, но я сегодня больна. Буду ли я здорова завтра? Надо, потому что необходимо тащить свои колодки. *Какая скука! Писать съ девяти часовъ вечера до 7-ми утра!* И не имѣть получаса, чтобы написать тебѣ, какъ хотѣлось бы, со счастливымъ духомъ и тѣломъ; но не все ли равно чтó съ тѣломъ, когда душа счастлива... Я счастлива. О какомъ благѣ на землѣ могу я еще мечтать, кромѣ тебя? Я такъ полна этой мыслью, что другой у меня и быть не можетъ. Я просыпаюсь, и прежде чѣмъ открою глаза, я протягиваю руку на столъ, чтобы узнать, не получила ли я письма отъ тебя. Часто я такъ утомлена вчерашнею ночною

[1]) Ср. съ письмами ея къ Жюлю Жаненъ отъ 15 февраля 1837, къ Листу отъ 28 марта, къ гр. д'Агу отъ 10 и 21 апрѣля этого же года (*Корреспонденція*, т. II), особенно же съ тѣмъ, что она говоритъ на стр. 49, 55, 62, 65.

работою, что у мени еще нѣтъ силъ прочесть письмо. Я его сжимаю въ рукахъ, прижимаю къ нему губы и, погружая голову, письмо и руки въ подушку, я вновь засыпаю на нѣсколько минутъ съ моимъ сокровищемъ, спокойная, счастливая...“

...„Съ перваго дня я принадлежала тебѣ мыслію. Я тебѣ открыла душу мою. Я тебѣ разсказала всю мою жизнь, какъ будто ты имѣлъ право ее знать, и власть измѣнить ее. *И ты ее дѣйствительно измѣнилъ. Откуда у тебя эта сила? Никакой другой человѣкъ не оказывалъ на меня такого нравственнаго вліянія; мой умъ, свободный и дикій, не признавалъ ничьего руководства. Я оставалась сама собою, сомнѣваясь во всемъ, не признавая ничего, что не исходило бы отъ меня самой, ненавидя всѣ заблужденія.* Я была въ умственномъ отношеніи дѣвственна; я ждала, чтобы „мужъ добра и совѣта“ пришелъ и научилъ меня. Ты пришелъ и научилъ меня, а все-таки ты не „мужъ добра“, о которомъ я мечтала. Я иногда даже думаю, что ты духъ зла, столько въ тебѣ относительно меня невѣроятной жестокости и холоднаго тиранства, но такъ какъ ты, ка́ковъ ты есть, убѣдилъ меня во всемъ, что хотѣлъ, такъ какъ ты пробилъ скалу, такъ какъ *ты меня привлекъ къ своимъ убѣжденіямъ* и связалъ со своими дѣйствіями непобѣдимою цѣпью, то и должно тебѣ быть моимъ удѣломъ и счастьемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ...“

...„Когда я предаюсь несбыточнымъ надеждамъ о жизни подлѣ тебя, моя самая прекрасная мечта состоитъ въ томъ, что я воображаю, какими заботами я бы окружила твою болѣзненную старость... Вотъ о чемъ я мечтаю вмѣсто поприща утомительнаго, но безполезнаго, взамѣнъ заботъ, лишенныхъ вдохновенія, которыя я несу давно уже и буду еще долго, можетъ быть и всегда, нести. Да услышитъ меня Богъ. Да внемлетъ онъ мольбамъ сердца, *отрѣшеннаго отъ ложныхъ благъ и химерическаго величія. Пусть онъ сорветъ съ моего поблекшаго чела вѣнокъ изъ цвѣтовъ и терніевъ, который помимо моей воли возложили на меня пустое одобреніе и безсмысленная злоба.* Пусть онъ имъ украситъ бѣлокурую голову какого-нибудь юнаго *Тебальдео* [1]) или честолюбивый черепъ какого-либо изъ братьевъ Коринны. Я не искала этого вѣнка, *а его благоуханіе мнѣ кажется менѣе сладостнымъ, чѣмъ запахъ самаго неизвѣстнаго цвѣточка въ глубинѣ моей долины.* Я не горжусь и тою кровью, которую его терніи заставили меня пролить и которая запятнала его бѣлизну. Язвы тріумфа показали мнѣ, что существуютъ завистники и что иногда бываешь преслѣдуемымъ тѣми, кому никогда не желалъ зла... Чего я всегда настойчиво просила у неба, что я всегда искала на землѣ,—это сердце, подобное моему, душу тождественную моей, на которую я могла бы изливать всю свою привязанность, сосредоточить всѣ мои желанія, воплотить всѣ мои радости. Да будетъ мнѣ дано такое существо и пусть ты будешь имъ,—и пусть тогда преходящій блескъ, распро-

[1]) Жоржъ Сандъ въ эти годы очень часто упоминала о Тебальдео, юномъ ученикѣ Рафаэля; такъ она этимъ именемъ часто называла „Пуцци“—Германа Когена, ученика Листа; повидимому и самъ Листъ находилъ свои отношенія съ Когеномъ очень похожими на отношенія между Рафаэлемъ и Тебальдео.

странившійся вокругъ насъ, хоть никогда и не существуетъ!.. *Вы, люди славы, всегда будете любить подвиги (l'action), мы, люди мечты, всегда будемъ любить тишину...*

Эту страницу смѣло можно вставить въ VI *Письмо Путешественника*, не нарушая цѣльности впечатлѣнія ни единымъ слогомъ,ни единымъ оттѣннкомъ мысли. Но вотъ и еще отрывки:..

„*Когда я ждала тебя въ Женевѣ, Ліонѣ, Неверѣ, Орлеанѣ...*" (Изъ письма къ Жиреру отъ 15-го августа 1836 г. видно, что по дорогѣ въ Женеву осенью того года Ж. Сандъ дѣйствительно должна была быть въ Неверѣ; а изъ остальныхъ писемъ ея съ дороги въ Швейцарію—къ матери, Листу, m-me д'Агу и др.—видно, что именно въ этихъ 4 городахъ она должна была быть и была проѣздомъ въ Женеву и обратно).

Или, описывая свое пребываніе въ Швейцаріи, взаимную любовь своихъ спутниковъ и свое одиночество и страданія, отъ него происходящія, она говоритъ:.. „*а другіе полагаютъ, что я вполнѣ Лелія*"—(т.-е. что Листъ и m-me д'Агу, которые втеченіе ихъ совмѣстнаго путешествія по Швейцаріи видѣли, что она цѣлые мѣсяцы проводитъ въ чисто аскетической, исключительно-интеллектуальной жизни, и потому рѣшили, что она и вообще живетъ вдали отъ всѣхъ страстей и не тяготится этимъ). И т. д., и т. д., и т. д.

Мы уже не говоримъ о совпаденіи чиселъ пріѣзда какихъ то таинственныхъ „*M-me д'A. и ея друга F. L.*" къ таинственной корреспонденткѣ „Марселя" —съ числами пріѣзда въ 1837 году въ Ноганъ M-me д'Агу и Франца Листа; ни о томъ, что весною 1837 года у Мориса и Соланжъ Дюдеванъ была вѣтрянная оспа какъ разъ въ тѣ самыя числа, когда, якобы въ „1832" г., этою болѣзнью болѣла и *дочь* возлюбленной „Марселя". Замѣчательно также, что Ж. Сандъ въ своемъ письмѣ отъ 21 апрѣля 1837 года и Листъ въ своихъ „*Lettres d'un Bachelier ès-Musique*" (№ 5—къ Луи де Роншо) разсказываютъ почти въ тождественныхъ выраженіяхъ о плутовской продѣлкѣ надъ какимъ-то болѣе любопытнымъ, чѣмъ скромнымъ г. X., пожелавшимъ непремѣнно познакомиться съ знаменитой романисткой и поплатившимся за свою навязчивость тѣмъ, что былъ принятъ въ торжественной аудіенціи... Софіей Крамеръ—горничной Жоржъ Сандъ,—совершенно такъ же, какъ подобный же навязчивый m-г Н., адвокатъ, принимается горничной „пріятельницы Марселя", названной вмѣсто Софѝ—Амелѝ. Объ этомъ происшествіи корреспондентка „Марселя" разсказываетъ

ему въ письмѣ — тоже по странной случайности (!) написанномъ въ *апрѣлѣ* же, а именно „28 апрѣля 1832 г.“ — (т.-е. 28 апрѣля 1837). Мы не настаиваемъ и на томъ, что въ письмахъ Жоржъ Сандъ отъ весны 1837 года неоднократно говорится о томъ, какъ поздно въ тотъ годъ наступила весна, но за то какъ идеально-прекрасна она была въ Ноганѣ, какъ весь садъ былъ наполненъ благоуханіемъ розъ и пѣснями соловьевъ,—и корреспондентка „Марселя“ повѣствуетъ о поздней веснѣ, о соловьяхъ, розахъ и чудныхъ весеннихъ ночахъ! Однимъ словомъ, сомнѣнія тутъ быть не можетъ даже для читателя, не видавшаго оригиналовъ писемъ, а потому мы лишь посовѣтуемъ тѣмъ, кто читаетъ *Lettres de femme*, поставить вездѣ:

на мѣсто	„Marcel“	Michel
„ „	*M-me d'A* или *Anna*	C-sse Marie d'Agoult
„ „	L... или F... или Francis	Franz Liszt
„ „	Le gros L...	адвокатъ Girerd

подъ именемъ „ma fille“ подразумѣвать и Мориса и Соланжъ

вмѣсто	Speranza	читать:	Агаста (m-me Дютейль)
„	D. или Dum...	„	г. Дютейль
„	P. или Eug.	„	Eugène Pelletan
„	G.	„	M-r Gévaudan
„	Amélie	„	Sophie
„	avocat H.	„	адвокатъ Hennequin
„	H.	„	Hippolyte Châtiron
„	R.	„	Rollinat
„	M-me F.	„	M-me Felix Tourangin
„	M-me Michel	„	жена Мишеля
„	Vendôme	„	La-Châtre
„	Bonnières	„	Châteauroux
„	Blois	„	Bourges

и т. д., и т. д., и т. д.

Наконецъ, вездѣ вмѣсто „1832“ читать *1837*.

Давъ такимъ образомъ ключъ къ пользованію этимъ документомъ для біографіи великой писательницы, мы скажемъ теперь, что изъ этой переписки явствуетъ между прочимъ, что въ Мишелѣ, можетъ быть единственный разъ въ своей жизни, Жоржъ Сандъ столкнулась съ натурой, равной ей по силѣ воли и характера, хотя и неизмѣримо уступавшей ей по всей своей сущности. И потому относительно Мишеля мы не замѣчаемъ того, такъ сказать, *обратно-пропорціанальнаго* положенія, которое мы наблюдаемъ во всѣхъ другихъ любовныхъ исторіяхъ Ж. Сандъ. И до 1835 г. и послѣ него Жоржъ Сандъ почти всегда сходи-

лась съ слабохарактерными или безхарактерными людьми, бывшими притомъ почти всегда моложе ея на нѣсколько лѣтъ, съ людьми безъ опредѣленныхъ міровоззрѣній, лишенныхъ воли,— и потому роль первенствующая, завоевывающая, руководящая *мужская*—въ этихъ отношеніяхъ всегда принадлежала Жоржъ Сандъ, а роль существа слабаго, страждущаго или, наоборотъ, оберегаемаго, покорнаго и зависимаго, пассивно-отдающагося во власть любви, каковою обыкновенно бываетъ *роль женщины* при нормальномъ порядкѣ вещей—эта роль принадлежала представителямъ сильнаго пола. Съ Мишелемъ было не то. Это былъ настоящій французскій мужикъ — чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ по происхожденію—грубоватый, деспотичный и упорный, впослѣдствіи отличавшійся и весьма распространеннымъ мужицкимъ порокомъ—страстью къ наживѣ, а въ годы знакомства съ Ж. Сандъ всего болѣе обуреваемый властолюбіемъ. Это властолюбіе онъ проявилъ прежде всего, какъ мы видѣли, на чисто-интеллектуальной почвѣ,—въ желаніи покорить непокорный *умъ* автора *„Леліи“*. Когда ихъ отношенія стали болѣе близкими, Мишель попытался и тутъ играть роль неограниченнаго властелина. Жоржъ Сандъ, еще весною 1833 года писавшая, если помнитъ читатель, Сентъ Беву: „Еслибъ я могла покориться какому-нибудь человѣку, я была бы спасена, ибо моя свобода меня грызетъ и убиваетъ“,—Жоржъ Сандъ вообразила теперь, что Мишель, спасшій ее отъ окончательнаго пессимизма, спасетъ ее и отъ нея самой, отъ ея атеизма и научитъ ее справиться съ своей необузданной душой. Какъ истинная женщина, Аврора Дюдеванъ обрадовалась, найдя въ Мишелѣ своего господина и главу. Въ началѣ оба любовника, по обыкновенію, твердо вѣрили въ вѣчность своего чувства и даже повидимому помышляли о бракѣ, для чего и Мишель долженъ былъ также развестись со своей первой женой. Но затѣмъ Мишель, кажется, скоро отказался отъ этого намѣренія и даже не послѣдовалъ за Жоржъ Сандъ въ Швейцарію, куда она по окончаніи своего процесса уѣхала осенью 1836 года и куда звала и его съ собою. Зима 1836—1837 года не поправила начинавшагося охлажденія и расхожденія. Весною 1837 года, какъ мы видѣли, Жоржъ Сандъ уже чувствовала себя глубоко несчастной. Мишель проявилъ всѣ пороки и капризы неограниченнаго владыки; онъ былъ безразсудно ревнивъ, требуя въ то же время, чтобъ ему прощались его собственныя измѣны и невѣрности; часто бывалъ небреженъ, холоденъ и забывчивъ, проявилъ и обычные мужскіе пороки: непостоянство и измѣн-

чивость. Какою горечью было переполнено тогда сердце бѣдной женщины и къ какимъ пессимистическимъ и жестоко-правдивымъ размышленiямъ она пришла,—мы всего лучше видимъ это изъ того дневника, который она начала вести этимъ лѣтомъ и который былъ озаглавленъ „Entretiens journaliers avec le très docte et très habile docteur Piffoel, professeur de Botanique et de Psychologie“ („*Ежедневныя бесѣды съ наиученнѣйшимъ и наискуснѣйшимъ докторомъ Пиффёль, профессоромъ ботаники и психологiи*“) и на первой страницѣ котораго стоятъ слова: „1837,—33 года“. Уже *Предисловiе*: рисуетъ намъ безнадежно грустное настроенiе бѣднаго *доктора*

„Да, мой дорогой и любезнѣйшiй докторъ, вести дневникъ, это значитъ отказаться отъ будущаго и жить въ настоящемъ, это сознаться *неумолимому*, что ничего болѣе не ожидаешь отъ него, что живешь изо дня въ день, что нѣтъ болѣе связи между этимъ днемъ и остальными. Это значитъ — выпить свой океанъ капля за каплей изъ боязни переплыть его вплавь, это считать листья дерева, стволъ котораго уже болѣе не зазеленѣетъ.

„Принимаются за дневникъ только тогда, когда страсти погасли, или пришли въ состоянiе окаменѣнiя, которое позволяетъ изслѣдовать ихъ, какъ горы, съ которыхъ болѣе не скатится лавина. Этотъ трудъ констатируетъ состоянiе твердости ужасающей, но какой я никому не пожелаю, развѣ только тѣмъ, кто, подобно дѣйствующимъ вулканамъ, растратили бы весь свой огонь, еслибъ разомъ не остановили своего изверженiя“.

Докторъ имѣетъ привычку вести свой дневникъ тотчасъ по пробужденiи и передъ отходомъ ко сну; онъ записываетъ свои первыя утреннiя впечатлѣнiя и свои послѣднiя вечернiя размышленiя, — и съ первыхъ же страницъ читающаго этотъ дневникъ охватываетъ впечатлѣнiя пессимизма и безнадежности.

„Тяжелое пробужденiе... Погода не располагаетъ ни къ веселью, ни къ грусти. Она настраиваетъ на недовольство. Неровный и капризный вѣтеръ колышетъ деревья. Солнце подернуто дымкой. Въ халатѣ жарко, если его снимешь—холодно. День тусклый, въ который я не сдѣлаю ничего хорошаго; мозгъ раздраженъ и утомленъ, хотя ничего не произвелъ. Я только что проглотилъ чаю, чтобы скорѣе покончить съ этимъ апатическимъ состоянiемъ, доведя его до сильнѣйшей степени (à son paroxisme). *Я не получилъ письма отъ Эверара*, Онъ дуется! Счастливый человѣкъ, который почитаетъ что-либо достойнымъ своего гнѣва“...

Вечеромъ въ тотъ же день, „ложась спать“, докторъ Пиффёль записываетъ:

...„Съ полуночи до часу ночи я излагалъ Дютейлю теорiю недовольства. Я разсердился на него, потому что онъ мнѣ пытался доказать, что онъ счастливъ почти во всѣ часы дня. Развѣ въ самомъ

дѣлѣ не возмутительно видѣть, что тебя считаютъ безумнымъ тѣ, которые сами не страдаютъ"?..

На другой день пришло наконецъ письмо отъ Мишеля, и его корреспондентка радостно пишетъ ему:

„Сегодня все прекрасно, небо и земля. Мои друзья добры, у сына моего нѣтъ недостатковъ. Солнце не безжалостно палило зноемъ. На дорогѣ не было камней. Я пѣшкомъ сдѣлала 5 миль, я устала, но не страдаю. Ты меня любишь; все превосходно. Вчера я проспорила часть ночи съ Д..., доказывая ему, что все худо. Еслибы пришлось начать сначала, я бы доказывала ему сегодня противное. Ты полярная звѣзда; когда ты исчезаешь, я блуждаю въ ночи, среди бури. До завтра, я засыпаю отъ усталости, но счастлива"...[1]).

Но *докторъ Пиффёль*, записывая въ дневникѣ событія этого дня почти тѣми же словами:

„Я сдѣлалъ пять миль пѣшкомъ. Я получилъ письмо отъ Эверара".

тотчасъ же спѣшитъ холодно разобрать то охватившее его радостное чувство, которое въ этотъ день все окрасило для него въ розовый цвѣтъ:

...„Разъ жизнь выносима, нечего ее анализировать. День покоя можно испортить, разсматривая его слишкомъ внимательно. Развѣ нами не всегда управляетъ какое-нибудь чувство, являющееся окомъ, черезъ которое мы видимъ наши мысли и которое одно судитъ обо всемъ, тогда какъ разумъ лишь весьма слабо поправляетъ эти ошибки зрѣнія"...

Какъ видно, бѣдный Пиффёль не обманывается несбыточными иллюзіями даже въ свѣтлые дни и не слишкомъ то довѣряетъ временнымъ *улучшеніямъ*, изрѣдка прерывающимъ его агонію. Съ каждымъ днемъ онъ становится все покорнѣе своей участн. „Ты живешь—пишетъ онъ (сначала было написано „je-vis", но потомъ *je* было зачеркнуто, какъ и почти во всемъ дневникѣ *первое лицо* замѣнено то *вторымъ*, то *третьимъ*)—

...„ты живешь, и вопросъ не въ томъ, себѣ ли на радость или на горе, на благо или на погибель, да и кто его рѣшитъ? Ты живешь, ты дышешь, небо прекрасно"...

Фраза такъ и обрывается на половинѣ, а нѣсколькими строчками ниже, назвавъ Листа неблагодарнымъ за то, что онъ страдаетъ, несмотря на любовь прелестнѣйшей женщины въ мірѣ, *докторъ* прибавляетъ:

„Ахъ, еслибъ я былъ любимъ!—Еслибъ ты былъ любимъ, Пиффель, ты бы возгордился, а ты не возгордился, ибо не любимъ.

[1]) См. „Lettres de femme" (Revue Illustrée. 1891. № 123).

Ты очень благоразуменъ, Пиффель, чрезвычайно благоразуменъ, ты философъ. Ты взираешь на жизнь свою очень яснымъ окомъ, ты взвѣшиваешь твердою рукою всѣ тѣ погремушки, которымъ ни чуть не завидуешь. Выражаю тебѣ, Пиффель. по этому поводу свое одобреніе, воистину поздравляю тебя! Меланхолическое животное"... (*нѣсколько словъ зачеркнуто*).

А подъ 6-мъ іюня въ концѣ великолѣпной страницы, передающей трагическій контрастъ между радостнымъ лѣтнимъ утромъ и горечью больного сердца, мы читаемъ:

„*Письмо отъ Эверара* (зачеркнуто). Завтра надо уѣхать, *отправиться къ нему* (зачеркнуто). Злая судьба, гдѣ твои обѣщанья?! Надежда, гдѣ твои лживыя слова? Ты болѣе не посмѣешь заманивать меня, ты болѣе не посмѣешь толкать меня впередъ, говоря: „иди и ты будешь счастливъ", Ты молчишь, ибо ты знаешь, что я тебя презираю. Куда бы я ни пошелъ, я пойду безъ тебя. Я пойду одинъ, печальный и неумолимый къ себѣ, неумолимый изъ-за самого себя"...

Эти слова вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что̀ мы знали уже изъ письма, помѣченнаго въ *Lettres de femme* „7-ымъ іюня 1832" (7 іюня 1837), а именно, что Мишель дѣйствительно вмѣсто того, чтобы исполнить просьбу своей пріятельницы и пріѣхать въ Ноганъ, потребовалъ, чтобы она пріѣхала къ нему въ Буржъ. Это свиданіе, кажется, мало принесло утѣшительнаго, ибо тотчасъ по возвращеніи, мрачный и болѣе чѣмъ когда либо разочарованный, *докторъ* пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„11 іюня на зарѣ. Моя комната. *Mure amiche* (дружескія стѣны), примите меня хорошенько. Какъ эти бѣлые съ голубымъ обои веселы! Сколько птицъ въ саду! какая душистая жимолость въ этомъ стаканѣ!..

Пиффель, Пиффель, какое ужасающее спокойствіе въ твоемъ сердцѣ! Ужъ не погасъ ли свѣточъ?"

и съ какой-то злобной радостью и безжалостнымъ сарказмомъ, богохульно пародируя святыя слова Ave Maria, Пиффель, все еще обращаясь къ самому себѣ, прибавляетъ:

„Je te salue, Piffoel, plein de grâces, la sagesse est avec toi, tu fus élu entre toutes les dupes, et l'ennui, le fruit de ta souffrance, a mûri. Sainte fatigue, mère du repos, descends en nous, pauvres rêveurs, maintenant et à l'heure de notre mort, ainsi soit-il".

Всѣ тѣ, кто еще сомнѣвается въ подлинности *Lettres de femme,* и особенно тѣхъ изъ этихъ писемъ, въ которыхъ корреспондентка Марселя жалуется на его неблагодарность и жестокость и говоритъ, что втеченіе всей ихъ любви онъ очень „дорого цѣнилъ" лесть и поклоненіе, но ничуть не цѣнилъ ея самоотверженной преданности,—должны съ особеннымъ вниманіемъ прочесть слѣдующую страницу изъ дневника Пиффеля:

„Нужно ли жертвовать собою (se dévouer), ежечасно, безпредѣльно, радостно, смѣло, свято? Нужно ли отречься отъ всякаго честолюбія, подвергаться насмѣшкамъ толпы, ея ненависти, ея несправедливому презрѣнію, забвенію со стороны семьи и друзей, бѣдности, усталости, преслѣдованіямъ? Нужно ли жертвовать даже любовью къ искусству, отказаться жить мыслью? Нужно ли примиряться съ возмутительными недостатками, даже съ пороками, прятать ихъ даже отъ своего собственнаго осужденія? Нужно ли сдѣлать еще больше—любить эти недостатки, привить ихъ самому себѣ, душѣ спокойной и безкорыстной? Нужно ли бодрствовать по ночамъ у безпокойнаго изголовья, лишь бы удовлетворить капризъ и избавить отъ минуты досады? Нужно ли быть для предмета своей любви столь же слѣпымъ, столь же преданнымъ, столь же неутомимымъ, какъ мать для своего первенца? Нѣтъ, Пиффель, всего этого вовсе не нужно, и все это ничего не стоитъ безъ капельки лести.

Ты воображаешь, Пиффель, что можно сказать предмету своей любви: „Ты существо подобное мнѣ. Я тебя выбралъ изъ всего твоего рода, потому что считалъ тебя самымъ великимъ и лучшимъ. Теперь я не знаю болѣе, такъ ли это. Мнѣ кажется, что и въ тебѣ, какъ въ другихъ, есть изъяны (tâches), ибо ты меня заставляшь страдать, и совершенство несвойственно людямъ. Но я люблю твои пороки, я люблю свои страданія; я больше люблю твои недостатки, чѣмъ качества другихъ людей. Я беру тебя, каковъ ты есть, ты принадлежишь мнѣ, я также принадлежу тебѣ, ибо я ничего не сохранилъ для самого себя. И жизнь моя, и мысли, и вѣрованія и поступки— я все покорилъ тебѣ, я все подчинилъ тебѣ, твоей прихоти, ибо я выбралъ тебя, думая, что ты для меня *все*, и я такъ сроднился съ этой мыслью, что у меня нѣтъ болѣе собственныхъ мыслей. Ты можешь привести меня къ заблужденіямъ (m'égarer), погубить меня, довести до смерти и безчестія. Міръ для меня болѣе не существуетъ; весь смыслъ въ твоемъ инстинктѣ; вся правда въ моей любви; вся будущность и цѣль—въ твоей. Счастье, несчастье—не все ли равно? Я согласенъ на всѣ бѣды, я вынесу всѣ мученія. Я буду гордиться всѣми униженіями (abjections) лишь бы я могъ смягчить для тебя горечь жизни, а всѣ мои горечи излить въ твое сердце!“...

Нѣтъ, нѣтъ, Пиффель, докторъ психологіи, ты ничто иное, какъ дуракъ. Это вовсе не тѣ рѣчи, которыя станетъ слушать мужчина. Онъ совершенно презираетъ самоотверженную преданность, ибо полагаетъ, что эта преданность естественнымъ образомъ ему полагается уже по одному тому, что онъ произошелъ изъ чрева своей матушки. Онъ презираетъ то вліяніе, которое онъ оказываетъ на себѣ подобныхъ, ибо признаетъ за собою такую силу и ума и воли, которыя дѣлаютъ невозможными всякую свободу мысли и совѣсти у окружающихъ его. Онъ презираетъ подобныхъ себѣ соотвѣтственно съ тѣмъ количествомъ доброты, самопожертвованія, самоотреченія и милосердія, которое онъ въ нихъ встрѣчаетъ. Обладать, властвовать, поглощать— вотъ единственныя условія, на которыхъ онъ соглашается быть обожаемымъ, какъ Божество, т.-е. чтобъ его обманывали, „*обходили*“ его и льстили ему!!!“

И вслѣдъ затѣмъ Жоржъ Сандъ въ такихъ жестоко-презрительныхъ выраженіяхъ говоритъ о томъ, какъ всѣ мужчины склонны выслушивать столь же преувеличенную, какъ глупую лесть, какъ они всегда любятъ, чтобъ женщина преклонялась и *стушевывалась* предъ ними,—что становится слишкомъ очевиднымъ, какой деспотъ самаго послѣдняго разбора скрывался подъ внѣшними либеральными манерами беррійскаго трибуна и какъ онъ измучилъ благородную душу, такъ безраздѣльно предавшуюся ему. Но онъ слишкомъ понадѣялся на свою власть надъ нею, онъ *не счелъ нужнымъ* понять, какая это была гордая и неукротимая душа. Струны были слишкомъ натянуты, онѣ должны были оборваться съ минуты на минуту. Обращаясь ко всему мужскому полу, Ж. Сандъ продолжаетъ свою филиппику такъ:

„О, безсовѣстный фатъ, ты не хочешь, чтобъ тебѣ прощали, ты хочешь, чтобы думали или притворялись, что тебѣ *нечего* прощать. Ты хочешь, чтобъ цѣловали руку, которая бьетъ, и ротъ, который лжетъ. Ищи же предметъ твоей любви въ тинѣ, и старайся помѣшать всему полу возвыситься надъ нею, пока ты самъ остаешься идоломъ, созданнымъ изъ праха, ибо если бы женщина стала чище, благороднѣе, то и ты былъ бы принужденъ для того, чтобы первенствовать надъ нею, стать самъ благороднѣе и чище, а этого сдѣлать ты не умѣешь, не можешь и не хочешь.

...Дорогой Пиффель, выучись же знанію жизни и, когда ты вздумаешь писать романы, постарайся получше узнать человѣческое сердце. Никогда не дѣлай своимъ идеаломъ женщины душу сильную, безкорыстную, мужественную, простую сердцемъ (candide). Публика ее освищетъ и заклеймитъ ненавистнымъ именемъ *Леліи*, немощной и неспособной ни на что (impuissante).

Немощна? неспособна? — Да, чортъ возьми, неспособна на рабство, неспособна на льстивое поклоненіе, неспособна на униженіе, неспособна на страхъ передъ тобою, глупое животное, ты, который не имѣлъ бы смѣлости убивать, еслибъ не было законовъ, наказующихъ за убійство убійствомъ же, и вся сила и месть котораго заключается ни въ чемъ иномъ какъ въ клеветѣ и диффамаціи. Но когда ты встрѣтишь женщину, которая умѣетъ обойтись безъ тебя, твое мнимое могущество превращается въ ярость, а наказаніемъ за эту ярость будетъ улыбка, прощаніе, вѣчное забвеніе“...

Итакъ, *война* объявлена, и не такъ далеко уже то время, когда авторъ дневника посовѣтуетъ своей *Марсіи* лучше остаться старой дѣвой, чѣмъ приковать свою жизнь къ жизни человѣка, недостойнаго ея души, и посовѣтуетъ ей оберегать свободу этой души, какъ драгоцѣннѣйшее благо.

Кажется, что деспотическій другъ *доктора Пиффеля* былъ озадаченъ тѣмъ отпоромъ, который онъ встрѣтилъ съ его сто-

роны, ибо немного спустя ученый и пессимистическій *докторъ* записываетъ въ своей тетради слѣдующія презрительныя размышленія:

„Я замѣтилъ, что большинство людей становятся смѣлыми и окисляются, когда въ нравственной борьбѣ съ ними пускаешь въ ходъ кротость и преданность. Они смягчаются и одумываются, когда употребляешь противъ нихъ насиліе и жестокость. Презрѣнный родъ! Это правило почти неизмѣнно въ любви!..“

Очевидно, что агонія уже не долго протянется, и любовь скоро умретъ окончательно.

„Увы, Боже мой, вѣдь я однако переносилъ желѣзное ярмо и, пока его на меня налагали во имя любви и посредствомъ нѣжнаго убѣжденія, я слѣпо покорялся дружеской рукѣ. Но когда наскучило убѣждать меня и захотѣли повелѣвать мною, когда потребовали моей покорности не во имя любви и дружбы, но въ силу какого-то права или могущества, тогда я вновь обрѣлъ ту силу, которую во мнѣ никто не знаетъ, кромѣ меня самого, меня, который знаетъ, какъ сильно я люблю, какъ сильно сожалѣю, какъ сильно страдаю!“...

„Эверарь, ты великій учитель и господинъ. О! я зналъ тебя, когда ты былъ великъ въ своей нѣжности (sublime de tendresse); когда ты былъ отечески-убѣдителенъ, умѣлъ внушать фанатическую преданность! Зачѣмъ, старикъ, сердце твое очерствѣло? Зачѣмъ хочешь ты изъ сыновъ своихъ сдѣлать рабовъ? Почему имя господина кажется тебѣ пріятнѣе имени отца? И вотъ ты теперь одинъ!..“

Кончено. „Птичка, которая поетъ на вѣткѣ“, и которую „любовникъ славы“ съумѣлъ очаровать своими воззваніями къ свободѣ,—улетѣла! Путешественникъ, который смѣялся надъ „погремушками людей дѣла“—лучше чѣмъ когда либо увидѣлъ всю ничтожность ихъ. Женское сердце еще истекаетъ кровью, но оно болѣе уже не станетъ обращать къ Мишелю-Марселю своихъ страстныхъ жалобъ.

Еще нѣкоторое время Жоржъ Сандъ пыталась черезъ разныхъ друзей своихъ узнать причины, заставлявшія Мишеля то молчать цѣлыми недѣлями, то писать ей невозможныя письма; наконецъ она убѣдилась, что счастье миновало, примирилась со своею участью—и они навсегда разошлись. Это было въ началѣ осени 1837 года.

Такимъ образомъ разсказъ нашъ нѣсколько забѣжалъ впередъ, и мы передали эпилогъ романа, который лѣтомъ 1835 года только что достигъ своего апогея. Въ 1835 году, скрывшись ото всѣхъ и всего въ своемъ „пустомъ домикѣ“ въ Буржѣ, и предаваясь изученію френологіи по Лафатеру, Жоржъ Сандъ вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе проникалась республиканскими взглядами Мишеля и въ концѣ концовъ увѣровала таки

въ необходимость, спасительность и неотложность пришествія Республики, о которомъ всѣ достойные сыны Франціи должны были бы хлопотать и стараться по мѣрѣ силъ. Писателю же, согласно съ этимъ догматомъ, вмѣнялось въ обязанность въ своихъ произведеніяхъ не изображать дѣйствительность такою, какъ она есть, и не заниматься рисованіемъ идеальной, счастливой или несчастной, любви, а слѣдовало провозглашать на всѣ лады тѣже демократическіе идеалы, проповѣдывать наступленіе золотого вѣка равенства, братства и свободы, или по меньшей мѣрѣ рисовать людей, приближающихся къ этому идеалу и старающихся въ своей жизни проводить его. Поэтому немудрено, что въ письмахъ своихъ конца 1835 и начала 1836 года Жоржъ Сандъ уже совершенно иначе говоритъ о республиканскихъ дѣятеляхъ, чѣмъ въ началѣ 1835 года. Такъ она пишетъ Геру́ 9 ноября:

...Во всякомъ дѣлѣ всегда есть прекрасный мигъ: это начало. Можетъ быть поэтому я такая республиканка, а вы такъ мало сенъ-симонистъ. Какъ бы то ни было, идите своимъ путемъ, если вы думаете, что это путь правый! Мы всѣ желаемъ добра и идемъ къ одной цѣли различными способами. Мы постоянно ссоримся, потому что всякій думаетъ, что онъ умнѣе сосѣда, и утѣшается, что ему худо, видя, что и другимъ не лучше: печальное отношеніе, поистинѣ, и дѣлающее много вреда нашему времени! Вся эта война булавочными уколами, изъ-за самолюбія тѣхъ и другихъ, ни къ чему не ведетъ. Наоборотъ. Еслибы всѣ, у кого есть добрыя намѣренія и чувства, относились другъ къ другу съ терпимостью, то дѣлали бы вдвое больше дѣла.

Вы не можете отрицать, мой дорогой *Марій въ Минтурнахъ* [1]), что у меня болѣе добросовѣстности (bonne foi), чѣмъ у васъ. Вы съ головы до ногъ критикуете (abîmez) нашихъ республиканцевъ, а я не перестаю любить вашихъ сенъ-симонистовъ и ставить ихъ превыше всего. Я даже оправдываю себя въ томъ, что будто черезчуръ люблю республиканцевъ. Я люблю тѣхъ изъ нихъ, кто мои друзья, на другихъ смотрю съ любопытствомъ или принимаю ихъ изъ вѣжливости и свѣтскаго приличія. Это ничего не значитъ для принципа. Робеспьеръ былъ чертовски сенъ-симониченъ. Онъ былъ за скорое и насильственное приведеніе въ исполненіе ученія. Вы стоите за медленный и евангельскій ходъ дѣла. Ну, такъ всякій долженъ бы быть республиканцемъ въ духѣ Робеспьера, или сенъ-симонистомъ въ духѣ Анфантена, согласно со своимъ темпераментомъ. Одни могли бы подрывать, другіе строить. Будьте увѣрены, что это все будетъ

[1]) Замѣчательно, что этотъ эпитетъ Жоржъ Сандъ даетъ и Мишелю (см. выше стр. 452), и Геру, точно такъже, какъ она совершенно одинаковымъ образомъ говоритъ Роллина (4 февраля 1836 г.) и Сципіону дю-Руръ (письмо отъ 20 декабря 1836 г. неизданное), что онъ съ ней встрѣтился поздно, какъ Монтенъ съ Ла-Боэси и потому долженъ наверстать потерянное для дружбы время.

и что между вами и нами будетъ тѣсный союзъ, и вы ничего не сдѣлаете безъ насъ.

Вы знаете, какъ утвердилось христіанство, т.-е. какъ плохо оно утвердилось даже въ то время, которое считается его лучшимъ временемъ. Оно было въ такомъ несогласіи съ нравами, что во имя его совершались преступленія и питались чувства самыя противуположныя его духу и основаніямъ. Двѣнадцать армейскихъ корпусовъ, предводительствуемые двѣнадцатью апостолами, по моему, значили бы больше, чѣмъ Павелъ, повторяющій... „Воздайте Кесареви"... Поступайте по своему, если вы думаете, что хорошо поступаете, лавируя, и если совѣсть ваша въ покоѣ. Смѣйтесь надъ упреками, которые я дѣлаю вамъ за вашу увеличивающуюся вялость, какъ я смѣюсь надъ насмѣшками, которыя вы направляете по адресу моего новоиспеченнаго воодушевленія. Но мнѣ кажется, что вы все таки ошибаетесь, и что любовь къ равенству всегда была единственною вещью, которая во мнѣ не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я существую. Я никогда не могла признавать надъ собою господина"...

Позволительно, зная все предъидущее, усомниться въ справедливости послѣдней фразы, за то все письмо несомнѣнно свидѣтельствуетъ о полномъ и совершенномъ переходѣ Жоржъ Сандъ въ лагерь „воинствующихъ республиканцевъ", вплоть до проповѣди необходимости проведенія своихъ идей *силой*, вплоть до признанія Робеспьера *своимъ*, вплоть до постояннаго повторенія на всякіе лады: „*мы*", „*наши*", „*у насъ*"—говоря о тѣхъ республиканцахъ, которыхъ въ *Письмѣ къ Эверару* она еще называла „вы" и упрекала въ непомѣрномъ честолюбіи, славолюбіи и слѣпой увѣренности, что они одни обладаютъ истиной и открыли, въ чемъ благо человѣчества. Совершенно такою же проповѣдью республиканскихъ идей проникнуты и письма Авроры Дюдеванъ къ юному Морису, чрезвычайно интересныя и какъ изложеніе ея собственныхъ мнѣній и какъ педагогическій пріемъ. Это нѣчто вродѣ заблаговременныхъ „внушеній" ребенку, ка̀къ и во что̀ онъ долженъ вѣрить, или нѣчто вродѣ республиканскаго катехизиса ad usum Delphini. Изъ приведеннаго письма къ Геру видно также, что и къ сенъ-симонистамъ она относилась съ гораздо большимъ противъ прежняго уваженіемъ и симпатіями. Она познакомилась съ Венсаромъ, ихъ присяжнымъ *пѣснопѣвцемъ* и настолько заслужила ихъ взаимное расположеніе, симпатіи и уваженіе, что къ 1-му января 1836 года вся „парижская сенъ-симонистская семья" прислала ей черезъ этого самаго Венсара [1]), цѣлую коллекцію подарковъ,

[1]) По крайней мѣрѣ такъ говоритъ вдова послѣдняго изъ сенъ-симонистовъ M-me Boutet—въ одномъ частномъ письмѣ. Венсаръ говоритъ. наоборотъ, что это было поручено Жюльену Галлэ. См. „*Mémoires épisodiques d'un vieux chanson nier saint-simonien*", *par Vinçard aîné*, глава V, стр. 125—128.

списокъ которыхъ мы прилагаемъ и которыми въ день новаго, 1836-го, года была загромождена вся квартирка Жоржъ Сандъ, къ великой радости маленькихъ Мориса и Соланжъ, получившихъ тоже цѣлую коллекцію вещей.

Списокъ подарковъ, присланный Жоржъ Сандъ сенъ-симонистами:

„Новая вѣра“.

„Парижская община“ (Famille de Paris).

Подарки Madame George Sand (въ январѣ 1836 г.).

1.	Картонка для платьевъ.	Альфонсъ.
2.	Пара сапогъ.	Лепанье, Дюфремонъ.
3.	Панталоны, жакетка.	Викторъ Поммадеръ, Шарронъ, Паленга.
4.	Шляпа.	Менульяръ, Гофманнъ, Роза де Корнейль, Менье, Леонтина Потеръ, Г. и г-жа Дюфремонъ, Клодъ.
5.	Жилетъ.	Дела.
6.	Чашка и блюдечко.	Базенъ.
7.	Рукавчики.	Мари Талонъ.
8.	Рукавчики и воротникъ.	Полина Жозефина Баттандье.
9.	Магнолія. Брошюра.	Эжери.
	Дубъ и розы.	Зинаида.
	Гирлянда.	Елизавета.
	Букетъ.	Мастерская Эжери.
10.	Розы (roses pompon).	Женни Барэ.
11.	Серьги.	Дени.
12.	Хлопушка.	Фролиже, M-me Фролиже, M-me Делакруа, Максъ.
13.	Туфли.	Каролина.
14.	Кошелекъ.	Жозефина Шистель.
15.	Букетъ.	Аглая Дюкатель.
16.	Восточная роза.	Барре Бартелеми.
17.	Ящичекъ.	Олимпія Буасси.
18.	Подушечка для булавокъ.	Madame и M-lle Галлуа.

19. Ящикъ.	Флиши.
20. Термометръ.	Френо.
21. Карты (или карточки).	Симильонъ, Дюшене.
22. Жилетъ.	Викторія Телль, Софія.
23. Атласные башмаки.	Ліевенсъ.
24. Хлыстикъ.	Роле, Катерина Роле.
25. Полъ - локтя [1]) (demi-aune).	Маршанъ.
26. Полъ-фута.	Боденъ.
27. Мэтръ.	Венсаръ, изъ эпархіальнаго дома въ улицѣ Мондетуръ, 29.
28. Накладное серебро.	Пуже.
29. Подхваты къ занавѣсямъ.	Генріэтта.
30. Рисунокъ кровати.	M-lle Жакобъ.
31. Багетъ краснаго дерева (Bordure acajou).	Бардіо.
32. Coloris (?).	Эжени Лемэтръ.
33. Футъ.	Шарль.
34. Гравюра.	Адольфъ.
35. Cachou.	Туссенъ.
36. Англійскій пластырь.	Адель Фуэ.
37. Линейка.	Лефоръ.
38. Футляръ.	Фролиже.
39. Литографія.	Поль Жюстюсъ [Pol(*sic*!) Justus].
40. Багетъ золоченый (bordure dorée).	Мора, Адольфъ, Эдуардъ, Валуа, Дезирэ, Базенъ, Элиза, Розъ Мора.
41. Рисунокъ.	Эдъ (Eudes), Галлэ.
42. Палисандровый багетъ.	Доннадье.
43. Гравюра.	Эдъ.
44. Багетъ изъ лимоннаго дерева.	Ленуаръ.
45. Кольцо.	Одижье.
46. Аптекарскіе товары для туалета.	Ренаръ.

[1]) Т.-е. линейная мѣра въ полъ-локтя. Слѣдуетъ замѣтить, что самъ Венсаръ былъ по профессіи „изготовитель линейныхъ мѣръ", и когда онъ нѣсколько позднѣе путешествовалъ по Франціи, и въ томъ числѣ былъ въ Ноганѣ у Жоржъ Сандъ, то онъ пропитывался на средства, получаемыя отъ продажи *мѣръ длины*: мэтровъ, футовъ и т. д. См. *Mémoires épisodiques d'un vieux chansonnier saint-simonien*, стр. 276—278, глава XI.

47. Аграфъ для часовъ.	Руссель.
48. Медальонъ.	Каролюсъ.
49. Рамка.	Гриффонъ.
50. Корсетъ.	М-me Фланденъ.
51. Акварель.	Жоржъ Ренгаръ.
52. Пюпитръ.	Буасси, Берже.
53. Брошка съ камеемъ.	Троте.
54. Переводъ.	Фонтана.
55. Пѣсня.	М-lle Фанни, Венсаръ, Жиффаръ.
56. Ящичекъ.	Дюкатель, Шаншуанъ, Викторъ.
57. Пряжка.	Венсаръ-племянникъ [1]).
58. Браслетъ.	Виржини Дэ, Шарль Дэ.
59. Передникъ.	М-me Донадье.

Жоржъ Сандъ тогда не могла пріѣхать въ Парижъ вслѣдствіе своего процесса, и въ отвѣтъ на приглашеніе сенъ-симонистовъ присутствовать на какомъ-то ихъ торжественномъ вечернемъ собраніи или балѣ (sic!)—она написала Геру 11-го февраля изъ Ла-Шатръ, выражая сожалѣніе, что не попадетъ на балъ и пока не увидитъ всѣхъ, тронувшихъ ее, подарковъ, но надѣется, что ко времени ея пріѣзда сенъ-симонисты вновь устроятъ вечеръ, ибо она непремѣнно хочетъ побывать въ ихъ кружкѣ. Это и состоялось дѣйствительно, хотя и нѣсколько позднѣе [2]). Ж. Сандъ посѣтила сенъ-симонистское собраніе въ Менильмонтанѣ, причемъ ее сопровождалъ Альфредъ де Мюссе, о чемъ мы уже упоминали. А въ началѣ 1836 г., въ отвѣтъ на такое выраженіе симпатій со стороны сенъ-симонистовъ, Ж. Сандъ и написала то письмо, которое напечатано въ I томѣ *Корреспонденціи*—„Сенъ-симонисткому семейству", помѣчено 15 февраля 1836 г. и не проставлено въ оглавленіи.

Такимъ образомъ 1836 годъ закончилъ для Жоржъ Сандъ періодъ чисто субъективнаго и обособленнаго писательства и поставилъ ее въ ряды сознательныхъ борцовъ за свободу и равенство. Поэтому, отвергая пресловутое дѣленіе дѣятельности Жоржъ Сандъ на три періода, которое принято всѣми критиками и историками литературы, мы полагаемъ правильнѣе дѣлить ее ско-

[1]) Извѣстный впослѣдствіи публицистъ Пьеръ Венсаръ, авторъ „*Histoire du travail et des travailleurs*" и „*Ouvriers de Paris*".

[2]) Очень интересныя подробности объ этомъ эпизодѣ мы нашли въ статьяхъ г. Карибера (Caribert = Pol Justus): „*La dame bleue et George Sand*" и „*Les étrennes de Maurice Sand*", напечатанныхъ въ газетѣ „*Paris*" 20 декабря 1887 и 10 сентября 1889 г. Еще болѣе интересны въ этомъ отношеніи *Воспоминанія* самого *Венсара*.

рѣе на два періода, причемъ еще разъ оговариваемся, что и въ первомъ періодѣ мы уже находимъ всѣ элементы второго и въ общихъ чертахъ всѣ позднѣйшія симпатіи и убѣжденія ея, хотя и не вполнѣ сознательно высказываемыя. Такими элементами мы считаемъ: 1) проповѣдь свободы *личности* въ частной жизни и дѣлѣ чувства,—и въ частности: права художественныхъ натуръ на бо̀льшую свободу личности; 2) проповѣдь свободы совѣсти и религіозной; 3) проповѣдь соціальной свободы и равенства,—отсюда демократическія симпатіи и возвеличеніе въ романахъ личностей изъ народа; наконецъ 4) страстная любовь къ природѣ, безъискуственной жизни среди нея—и отсюда любовное изображеніе какъ картинъ природы, такъ и сельской жизни. И вмѣсто того, чтобы раздѣлять произведенія Жоржъ Сандъ на произвольные какіе-то 3 періода,—ихъ слѣдо̀вало бы раздѣлить именно по этимъ четыремъ основнымъ элементамъ или группамъ. Поэтому мы скорѣе присоединяемся къ тому автору статьи о Ж. Сандъ въ *Illustration* 1844 г. [1]), который дѣлитъ ея писательство на два періода: субъективно безсознательный и сознательно-соціальный, причемъ *Письма Путешественника* являются какъ бы звеномъ или переходной стадіей между ними.

Такимъ образомъ 1835—37 годы являются и въ личной и въ писательской жизни Жоржъ Сандъ годами *перелома*. Отлагая разборъ тѣхъ крупныхъ произведеній Жоржъ Сандъ за эти два года, которыя мы еще не разбирали въ предъидущей главѣ, до слѣдующихъ главъ, мы теперь остановимся на двухъ маленькихъ, но, по нашему мнѣнію, чрезвычайно характерныхъ вещицахъ великой романистки, изъ которыхъ одна появилась весною 1835 г. а другая осенью, 1836, и которыя какъ бы являются *вехами*, указывающими весь пройденный ею за это время путь. Это „*Poëme de Myrza*“ и „*Dieu inconnu*“. Первую изъ этихъ двухъ небольшихъ вещицъ,—странную космогоническую фантазію, трактующую о первыхъ дняхъ мірозданія,

[1]) Illustration, t. III, № 69, стр. 266. Samedi 22 juin 1844: „*Femmes de lettres françaises contemporaines*“ (*Anonyme*), „*George Sand*“ (avec un potrait). За то совершенно непонятно, какимъ образомъ г. Скабичевскій именно *послѣ* этого 1835 года усмотрѣлъ въ писаніяхъ Ж. Сандъ проявленіе „равнодушія къ общественнымъ вопросамъ, удаленіе въ міръ несбытныхъ фантазій *въ родѣ Спиридіона*“ и, такъ сказать, отступленіе отъ серьезныхъ задачъ искусства. (Къ вопросу, насколько *Спиридіонъ* можетъ быть названъ „несбыточной спиритической фантазіей“ или „лишь мистической сказкой“, а не чѣмъ нибудь гораздо болѣе серьезнымъ—мы вернемся *ниже*).

о сотворенiи первыхъ человѣковъ и жизни первыхъ людскихъ поколѣнiй на землѣ, авторъ, разсказываетъ отъ имени какой-то фантастической поэтессы Мирзы, жившей въ Цезареѣ и бывшей представительницей „*той переходной эпохи* между язычествомъ и христiанствомъ, когда развился *эклектизмъ, въ которомъ примирялись самыя противоположныя вѣрованiя и ученiя*“. Мирза заканчиваетъ свою поэму восторженнымъ гимномъ въ честь любви, прославляя это чувство надъ всѣмъ, что даровано человѣку на счастье. Раздраженные ея рѣчами аскетическiе лжепророки и книжники хотятъ побить ее камнями, а народъ хочетъ ее съ трiумфомъ нести на рукахъ, но она удаляется отъ тѣхъ и другихъ, взбирается на своего дромадера и уѣжаетъ, говоря на прощанье:

„Пустите меня уѣхать, и если эти люди возвѣстятъ вамъ нѣчто благое, внимайте ему, и берите его, откуда бы оно къ вамъ ни шло! Что до меня касается, вы знаете мое исповѣданiе вѣры — это любовь. И все-таки, вы видите, я одинока, я прибыла одна и ухожу одинокая“...

Тогда Мирза пролила много слезъ и прибавила: „Понимаете ли вы мои слезы и знаете ли вы, куда я иду?“

И она пустилась въ путь, который ведетъ въ Ѳиваидскую пустыню...

А мы невольно вспоминаемъ, какъ весною 1835 года удалившаяся послѣ бурныхъ испытанiй послѣднихъ двухъ лѣтъ въ свою беррiйскую пустыню и твердо рѣшившая вести суровую, строгую, одинокую жизнь, Жоржъ Сандъ, прощаясь въ одномъ изъ *Писемъ къ Эверару* со своею молодостью и покончивая, какъ она полагала, навсегда счеты съ любовью, восклицала:

„Но ты, кумиръ моей юности! любовь, изъ храма которой я навсегда убѣгою, прощай! Помимо моей воли колѣна мои сгибаются и губы дрожатъ, произнося это безповоротное „прости“. Еще взглядъ, еще приношенiе вѣнка изъ свѣжихъ розъ, первыхъ весеннихъ розъ— и прощай! Довольно жертвоприношенiй, довольно колѣнопреклоненiй! Ненасытный богъ, избери левитовъ болѣе молодыхъ и счастливыхъ, чѣмъ я, не считай меня болѣе въ числѣ тѣхъ, что приходятъ поклоняться тебѣ. Но покидая тебя, я не могу проклинать тебя, о, восторгъ и мученье! я не могу даже упрекнуть тебя, я лишь поставлю у твоего подножья погребальную урну—эмблему моего вѣчнаго вдовства. Твои юные левиты опрокинутъ ее, танцуя вокругъ твоей статуи, они разобьютъ ее и будутъ попрежнему любить. Царствуй, любовь, царствуй, пока республика не подрѣжетъ тебѣ крылья!“...

Республика, какъ мы видимъ, не подрѣзала крыльевъ любви, но одинъ изъ ея жрецовъ научилъ ноганскую отшельницу по-

клоняться другимъ богамъ. И второй разсказъ, о которомъ мы упомянули, „*Dieu inconnu*“,—одно изъ прелестнѣйшихъ произведеній Жоржъ Сандъ, по своему удивительному языку, сжатости и краткости, — повѣствуетъ о томъ, какъ въ эпоху римскаго упадка и гоненія на христіанство одна блестящая римская красавица, неудовлетворенная и разочаровавшаяся во всѣхъ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ и утѣхахъ, приходитъ въ катокомбы, къ почитаемому всѣми христіанами старцу Памфилію и умоляетъ его помочь ей, спасти ее отъ отчаянія, научить ее вѣрить хотя бы въ „невѣдомаго бога“. И дѣйствительно, Памфилій научаетъ ее искать утѣшенія какъ разъ въ обратномъ отъ всего того, что до сихъ поръ почиталось ею за счастье, искать утѣшеніе въ отреченіи отъ удовольствій, отъ эгоизма, отъ любви человѣческой, въ самоотверженномъ служеніи людямъ, въ забвеніи о себѣ ради христіанской любви къ ближнему. Слушая отчаянныя рѣчи прекрасной Леи, обращенныя къ старцу, опять все время на ея мѣстѣ воображаешь себѣ Аврору Дюдеванъ, разочаровавшуюся въ людяхъ и людской любви, жадно ищущую свѣта и истины и страстно умоляющую то Сентъ-Бева, то Мишеля помочь ей найти эту истину, дать ей вѣрованія, на которыхъ могла бы успокоиться ея измученная, пресытившаяся всѣми земными радостями, душа.

Памфилій освободилъ душу прекрасной Леи отъ оковъ ея языческихъ вѣрованій и всей ея прежней жизни, примирилъ ее съ неизбѣжнымъ концомъ всѣхъ радостей, далъ ей новый свѣтъ, научивъ молиться „невѣдомому богу“.

Суровый Эвераръ освободилъ душу Авроры Дюдеванъ отъ оковъ личности, отъ излишняго индивидуализма, примирилъ ее съ жизнью, научивъ искать счастья не въ собственныхъ радостяхъ, а въ служеніи человѣчеству, въ сліяніи собственной личности съ жизнью, интересами, несчастьями и радостями своего народа и всего рода людского.

Такимъ образомъ хотя дружескія отношенія между Мишелемъ и Жоржъ Сандъ и были очень кратковременны, продолжаясь всего два года съ небольшимъ, однако Мишель сыгралъ чрезвычайно серьезную и знаменательную роль въ жизни Жоржъ Сандъ. Значеніе его, между тѣмъ, не исчерпывается этимъ чисто-интеллектуальнымъ вліяніемъ, онъ имѣлъ вліяніе на ея судьбу и въ еще болѣе прямомъ и практическомъ смыслѣ, а именно: онъ явился и защитникомъ ея во время ея бракоразводнаго процесса съ мужемъ.

Мы должны теперь вновь вернуться къ исторіи супружескихъ отношеній Авроры Дюдеванъ, повѣствованіе о которыхъ заключили 1831 годомъ, то-есть отъѣздомъ ея въ Парижъ.

Сначала, то-есть въ первые три года послѣ добровольнаго разъѣзда, все шло хорошо, и обѣ стороны, довольныя своею независимостью, относились другъ къ другу любезно и товарищески спокойно. Казиміръ сохранилъ за собою то, чѣмъ, по словамъ одного неизданнаго письма Авроры [1]), дорожилъ больше всего: имѣніе и доходы съ него, и посылалъ женѣ лишь небольшую ея пенсію. Она съ трудомъ жила на эти деньги, но не жаловалась, тѣмъ болѣе, что мало-по-малу становилась на свои ноги, пріобрѣтала извѣстность и кое-что заработывала. Каждые три мѣсяца она ѣздила въ Ноганъ, причемъ почти всегда Казиміръ, то одинъ, то съ Морисомъ, встрѣчалъ и провожалъ ее то до Ла-Шатра, а то и до Шатору. Въ 1832 году Аврора взяла къ себѣ Соланжъ, а въ маѣ 1833 года и Мориса привезли въ Парижъ и отдали въ коллежъ Генриха IV. Пріѣзжая въ Парижъ, Казиміръ обѣдалъ у жены и ходилъ съ нею въ театръ, но не останавливался у нея, чтобъ не стѣснять ни себя, ни ея. Онъ такъ и пишетъ ей въ одномъ изъ своихъ писемъ:

..."*5-го декабря 1831 г...* Я получилъ твое письмо десять дней тому назадъ, оно мнѣ доставило удовольствіе, но не отвѣчалъ, потому что на другой день пришло твое письмо къ m-me Ипполитъ... Я выѣжаю въ среду, или самое позднее въ четвергъ, буду въ Парижѣ въ субботу утромъ, остановлюсь у Ипполита, чтобы не стѣснять тебя, а слѣдовательно, чтобы и ты меня не стѣсняла.,. Дѣти здоровы..., мы всѣ также. Прощай, обнимаю тебя отъ всего сердца..."

Аврора въ свою очередь писала мужу, и въ письмахъ къ Морису никогда не забывала посылать поклонъ или поцѣлуй „à ton papa", все время старалась внушить сыну послушаніе къ отцу и не дать мальчику почувствовать что-нибудь неладное въ отношеніяхъ отца и матери. Она исполняла порученія Казиміра и посылала ему маленькіе подарки; Казиміръ въ свою очередь въ своей любезности доходилъ до того, что въ концѣ 1832 года нанялъ или подарилъ ей фортепьяно, за что она въ письмѣ къ Морису отъ 20 декабря 1832 г. [2]) и проситъ передать благодарность отцу. Впрочемъ, дальше такихъ внѣшнихъ любезностей дѣло не шло. Казиміръ ничуть не безпокоился, какъ его жена справляется со своими маленькими средствами одна въ Парижѣ и какъ

[1]) Письмо отъ 12 ноября 1835 г. къ Ипполиту Шатирону.

[2]) Неиздан.

живетъ тамъ. Она, въ свою очередь, считала себя вполнѣ свободной, могущей располагать собой вполнѣ, и потому ея отношенія къ Сандо, а потомъ и къ Мюссе были уже совсѣмъ иныя, чѣмъ ея неземная любовь къ Орельену де-Сезъ. Казиміръ не могъ не знать того, о чемъ знали всѣ и что̀ Аврора съ своей стороны не скрывала, но, повидимому, это его ничуть не огорчало и не измѣняло товарищескаго тона его писемъ. Такъ, 17 мая 1833 г. онъ пишетъ ей:

... „Всѣ очень разспрашиваютъ меня о тебѣ, и горожане, и сельчане, я всѣмъ отвѣчаю соотвѣтственно пониманію и достоинству каждаго... Прощай, будь здорова, обнимаю тебя отъ всего сердца, такъ же какъ и толстушку Соланжъ,

весь твой Казиміръ.

Дружескій мой поклонъ Букоарану...“

А когда Аврора уѣхала съ Мюссе въ Италію, то и туда Казиміръ писалъ ей очень милыя письма и даже возвышался до совѣтовъ со вниманьемъ и любовью осматривать эту страну и не проходить безучастно мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда сражался ея отецъ, Морисъ Дюпенъ, гдѣ всѣ поля залиты кровью французскихъ солдатъ и гдѣ все говоритъ о быломъ величіи [1]).

Одного только нельзя найти въ этихъ письмахъ: упрековъ въ чемъ бы то ни было, просьбъ вернуться домой или вообще сожалѣнія о разлукѣ. Повидимому Казиміръ, точно также, какъ Аврора, былъ вполнѣ доволенъ новымъ устройствомъ ихъ жизни.

Но эти миролюбивыя отношенія нарушались всякій разъ, какъ Аврора подольше оставалась въ Ноганѣ; еще въ первые дни все шло хорошо и мирно, затѣмъ опять начинали выступать на сцену прежняя грубость, брань, угрозы, окрики на жену. Къ этому нынче стали присоединяться упреки за то, что Аврора своимъ писательствомъ-де *унижаетъ* ихъ семью (*qu'elle déroge*). Все чаще обрушивался теперь Казиміръ также и на ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, особенно на Соланжъ, которую за что-то не взлюбилъ. Эти сцены стали очень часто повторяться осенью 1834 года, когда послѣ своего итальянскаго путешествія, разбитая нравственно и больная физически, Аврора съ особенной силой почувствовала потребность пожить въ тишинѣ Ногана со своими дѣтьми. Грубыя выходки Казиміра

[1]) Мы приводили въ VIII главѣ отрывки изъ отвѣта Ж. Сандъ на это письмо, когда разсказывали о ея экскурсіи съ Паджелло въ Бассано, Паролино и т. д.

стали въ это время принимать все болѣе дикій характеръ. Такъ, однажды, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, обѣдавшихъ въ Ноганѣ, — въ томъ числѣ и въ присутствіи Розаны Бургоанъ и ея мужа (то были большіе пріятели Авроры) — Дюдеванъ такъ безобразно закричалъ на Соланжъ, что перепуганная дѣвочка разрыдалась и, не кончивъ обѣда, ушла изъ комнаты, послѣ чего онъ принялся самыми неприличными словами бранить и жену, и дочь. Другой разъ по поводу уроненной бутылки и приказанія Авроры принести новую, Дюдеванъ, опять при гостяхъ, закричалъ сначала на жену, а потомъ запретилъ слугамъ исполнять ея приказанія, потому что въ Ноганѣ онъ-де одинъ хозяинъ.

Въ это же самое время оказалось, что дѣла Казиміра пришли въ совершенное разстройство.

„Онъ проѣлъ свои 80,000 фр. и не увеличилъ ни на полушку мое состояніе;—пишетъ Аврора Акколá—то, что онъ прикупилъ земли, является лишь вынужденнымъ возмѣщеніемъ истраченныхъ имъ моихъ бумагъ. Онъ продалъ на 48,000 фр., а купилъ всего на 46,000 фр. Итакъ, онъ растратилъ и свой капиталъ и доходы, какъ только могъ. Онъ всегда дѣлалъ неудачныя пріобрѣтенія и не зналъ въ точности, чтó его бумаги приносятъ. Онъ принялъ на себя обязательство сдавать въ аренду „Большую Мельницу“ за 1,400 фр., а сдавалъ ее всего за 1,200, и т. д. и т. д.“.

У него отъ всего его состоянія оставалось въ это время только 1,200 фр. ренты. Замѣтивъ, что Казиміръ и вообще очень озабоченъ, Аврора стала его разспрашивать и, узнавъ, что его безпокоятъ долги, уступила ему часть своихъ бумагъ (un coupon de ses rentes patrimoniales). Онъ очень былъ доволенъ. Однако, Аврора стала безпокоиться за состояніе дѣтей.

„Если такъ дальше дойдетъ, — писала она Ипполиту въ январѣ 1835 года (*неиздан. письмо*)—то раньше чѣмъ черезъ 10 лѣтъ я буду разорена. Три года тому назадъ онъ объявилъ, что я буду просить милостыню, но я заработала отъ 18—20,000 фр. и у меня нѣтъ долговъ, а долги Казиміра опять доходятъ до 20,000 фр.“...

И Ипполитъ и остальные друзья стали совѣтовать супругамъ произвести добровольный раздѣлъ имущества. Казиміръ этому обрадовался; онъ скучалъ въ Ноганѣ, ему было не по силамъ управлять имѣніемъ, ему хотѣлось пожить въ Парижѣ en garçon. Аврорѣ съ своей стороны трудно жилось, несмотря на то, что она усиленно работала. И вотъ въ февралѣ 1835 года состоялось между супругами соглашеніе и былъ написанъ договоръ, по которому произведена была формальная сепарація: раздѣлъ имуществъ, раздѣлъ дѣтей и обязательная

жизнь на разныхъ квартирахъ. Аврора получала Ноганъ, Казиміръ—„Hôtel de Narbonne“; Соланжъ отдавалась въ полное распоряженіе матери, Морисъ долженъ былъ до окончанія курса проводить мѣсяцъ у матери во время вакацій и мѣсяцъ у отца. Аврора обязывалась выплачивать мужу 3,800 фр., что̀ съ его 1,200 составляло 5,000 въ годъ; затѣмъ она должна была продолжать выплачивать прежнюю ренту матери и старымъ слугамъ. Въ томъ же письмѣ къ Ипполиту отъ января 1835 г. она по секрету сообщаетъ брату, что согласна даже мало-по-малу выплачивать долги мужа, „tout peu mignon qu'il est“ (хотя онъ и очень „не миленькій“), хотя она знаетъ, что „онъ далъ бы ее засадить за 20 франковъ долгу“, и хотя, выйдя замужъ „sous le régime dotal“, она не отвѣтственна за долги мужа.

Договоръ долженъ былъ вступить въ силу 11 ноября 1835 года. Но едва онъ былъ подписанъ, какъ Дюдеванъ сталъ сожалѣть, что его доходы уменьшатся. Аврора, разумѣется, желала, чтобы договоръ былъ выполненъ, но по своей привычкѣ, не желая доставлять неудовольствія другимъ и готовая всегда себя ограничить, она разорвала договоръ и отослала клочки Дютейлю для передачи Казиміру и требовала только небольшой прибавки къ содержанію на воспитаніе Соланжъ. Но Казиміръ сказалъ, что не хочетъ отступаться отъ договора, не беретъ его обратно, не хочетъ больше жить съ Авророй или имѣть съ ней какое-нибудь дѣло и что, какъ только договоръ вступитъ въ силу, онъ уѣдетъ въ Парижъ и будетъ тамъ жить. Онъ самъ переписалъ и подписалъ вновь договоръ и отослалъ его женѣ. И Дютейль [1]), и Ипполитъ, помогавшіе переговорамъ между супругами, были убѣждены въ его миролюбивыхъ намѣреніяхъ, въ желаніи избѣжать скандала и шума и убѣждали и Аврору въ томъ, что Казиміръ не доставитъ ей болѣе никакихъ неудовольствій. Оставалось терпеливо ждать ноября.

На осеннія вакаціи Мориса Аврора пріѣхала въ старый домъ свой, который вскорѣ долженъ былъ вернуться въ ея владѣніе, но замѣтивъ, что Казиміръ какъ бы съ грустью думаетъ о разлукѣ съ Ноганомъ, просила его, несмотря на договоръ, пріѣзжать сюда всегда, когда онъ этого захочетъ. Къ ея великому удив-

[1]) Alexis Pouradier Duteil—большой другъ Казиміра Дюдевана, но также и пріятель Авроры,—былъ сначала адвокатомъ въ Ла-Шатрѣ, потомъ прокуроромъ въ Буржѣ, наконецъ, предсѣдателемъ апелляціоннаго суда тамъ же. Съ его женой, Агастой, Аврора также была большой пріятельницей, а также съ сестрой ея Фелиси Молліе.

ленію, отвѣтомъ на то были новыя грубости, новыя запрещенія прислугѣ „слушаться барыни“, — однимъ словомъ, новыя доказательства того, что на слова Дюдевана особенно полагаться нельзя. Наконецъ, 19 октября 1835 года въ Ноганѣ произошла безобразнѣйшая сцена, какую только можно вообразить. Случилось это опять за послѣобѣденнымъ кофе, какъ и въ 1824 году. Кому-то не хватило сливокъ; отецъ приказалъ Морису идти за ними; Морисъ что-то помедлилъ и подсѣлъ къ матери; та ему сказала: „развѣ ты не слышишь, что̀ папа тебѣ велѣлъ?“ Неизвѣстно почему эти слова вывели изъ себя Дюдевана, и онъ принялся кричать что-то о томъ, какъ она дурно воспитываетъ дѣтей. Не желая, чтобы Морисъ слушалъ этотъ разговоръ, Аврора приказала мальчику идти въ свою комнату. Но Дюдеванъ на это пуще прежняго разозлился, крикнулъ: „Sors toi-même“ и бросился на жену съ явнымъ намѣреніемъ ее ударить. Присутствующіе гости бросились между ними, и одинъ изъ нихъ загородилъ Аврору, въ то время какъ другой сзади схватилъ Дюдевана, но онъ вырвался и изъ-подъ рукъ защищавшаго Аврору и больно схватилъ ее самое за руки. Однако, его оттащили. Тогда онъ, въ совершенномъ бѣшенствѣ, крикнулъ, что убьетъ жену и бросился въ переднюю за ружьемъ. Но тутъ Дютейль [1]), который въ началѣ этой сцены держалъ себя странно-пассивно и сидѣлъ спокойно у стола, опустивъ голову, и только когда Аврора крикнула ему: „чего же вы смотрите?“ — тоже поднялся, — тутъ, видя вбѣгающаго съ ружьемъ Казиміра, Дютейль, въ свою очередь, бросился ему на встрѣчу и вмѣстѣ съ другими обезоружилъ его [1]).

Аврора ушла къ себѣ, и съ плачемъ побѣжалъ за ней Морисъ. Она его успокоила какъ могла, но въ душѣ тотчасъ же безповоротно рѣшила, что болѣе *никогда* такимъ насиліямъ не подвергнется, что дѣти ея разъ навсегда должны быть поставлены внѣ возможности быть свидѣтелями подобныхъ безобразныхъ сценъ, и что въ виду того, что на Дюдевана, несмотря на договоръ и данное слово, ничуть полагаться нельзя, — въ виду

[1]) *a*: „Corresp. de G. Sand“, томъ I, письмо къ графинѣ д'Агу 1 ноября 1835 года.

b) Revue Encyclop. „Lettre à Félicie St.-Agnan. 1835“.

c) *Неизданныя письма*: къ Плане отъ 20 октября, къ Ипполиту отъ 4 ноября, къ Букоарану отъ 17 ноября, къ Мишелю де-Буржъ отъ конца октября 1835 года.

d) Отчеты о засѣданіяхъ шатрскаго и шерскаго суда въ газетѣ „Le Droit“ 1836 г., №№ 168, 240, 242.

e) „Histoire de ma Vie“, IV, стр. 377—385.

всего этого надо положить конецъ этой невозможной жизни, въ которой и она и Дюдеванъ уподоблялись двумъ скованнымъ вмѣстѣ и ненавидящимъ другъ друга каторжникамъ.

Дютейль пробовалъ еще уговаривать Аврору кончить дѣло миромъ, но она не согласилась. Она отправилась въ Шатору, къ старому адвокату Роллина—отцу ея любимаго друга Франсуа Роллина, — и въ Буржъ къ Мишелю, посовѣтовалась съ ними и рѣшила подать просьбу о разлученіи по суду.

Не желая оставаться ни часа подъ одной кровлей съ Дюдеваномъ, она слѣдующій день провела съ дѣтьми въ маленькой экскурсіи по окрестнымъ рощамъ; а затѣмъ Дюдеванъ увезъ ихъ въ Парижъ къ началу зимнихъ занятій, а Аврора сначала осталась одна въ тишинѣ своего стараго дома, а потомъ переселилась къ Дютелямъ.

30 октября 1835 года „Аврора Дюпенъ, *dame* Дюдеванъ“ предъявила въ шатрскій судъ противъ своего мужа искъ и требовала „séparation de corps“ (разлученія) на основаніи „injures graves, sévices et mauvais traitements“ (серьезныхъ оскорбленій, грубаго обращенія и поступковъ). Этимъ актомъ открылся процессъ между Казиміромъ и Авророй Дюдеванъ, который въ общей сложности тянулся болѣе двухъ лѣтъ и окончился лишь въ 1838 году.

На 2 ноября была назначена явка сторонъ, но Дюдеванъ, чувствуя, что защищаться было бы невыгодно для него и лучше, чтобъ все прошло какъ можно незамѣтнѣе, не явился. Тогда опредѣленіемъ суда 1 декабря были признаны факты, выставляемые истицей, и ей предоставлено было доказать ихъ передъ слѣдственнымъ судьей (juge commissaire). Постановленіе это было объявлено Дюдевану 8 января черезъ его слугу и въ тотъ же день былъ назначенъ допросъ свидѣтелей на 14 января.

14 января была допрошена масса свидѣтелей, въ томъ числѣ: Дютейль, Папе, Бургоанъ — мужъ и жена, докторъ Шарль Делаво, Неро, Плане, садовники, лакеи, кучера и т. д., и т. д., а также пріѣхавшій къ этому дню Жюль Букоаранъ, о показаніи котораго впослѣдствіи прокуроръ Дегюзонъ сказалъ, что „показанія этого человѣка, сдержаннаго и холоднаго и изъ всѣхъ свидѣтелей наиболѣе безпристрастнаго и извѣстнаго во всемъ округѣ своей справедливостью —являются въ то же время, увы! и самыми вѣскими и доказательными противъ г. Дюдевана“. Копія съ протокола допроса была оставлена на квартирѣ Дюдевана вмѣстѣ съ объявленіемъ о явкѣ къ суду

на 16 февраля. Но Дюдеванъ продолжалъ молчать и не подавать признаковъ жизни.

Тогда 16 февраля судъ постановилъ заочное рѣшеніе: призналъ доказанными слѣдствіемъ 14 января „injures graves, sévices et mauvais traitements“, на которыя г-жа Дюдеванъ опиралась въ своемъ искѣ; постановилъ раздѣльное житье супруговъ и поручилъ натаріусу произвѣсти раздѣлъ имущества (de la communauté et des reprises de la femme). Къ нотаріусу, куда вызывали Дюдевана, онъ опять не явился, раздѣльный актъ былъ совершенъ, и копія съ него была доставлена Дюдевану. Этимъ закончился первый актъ судебной драмы.

Съ начала ноября и до дня объявленія приговора, Жоржъ Сандъ жила все время у Агасты Дютейль, жены Дютейля. Во Франціи обычаемъ установлено, чтобы женщина, расходящаяся съ мужемъ, на время слѣдствія и суда была поставлена, такъ сказать, въ невозможность подвергаться подозрѣніямъ, и потому она должна на это время либо поселяться въ монастырѣ (faire une retraite), либо отдаться подъ опеку какой нибудь всѣми уважаемой особы, которую обыкновенно указываетъ предсѣдатель суда. Предсѣдатель ла-шатрскаго суда указалъ на М-me Дютейль, и Аврора съ радостью поселилась у этой симпатичной ей женщины, проводя время въ кругу друзей и родныхъ Дютейля и особенно много возясь съ дѣтьми, которыхъ въ домѣ собиралось до 14 человѣкъ. Всѣхъ этихъ дѣтей надо было занимать и забавлять, что въ свою очередь забавляло Жоржъ Сандъ, всегда любившую дѣтское общество, и если она иногда все таки скучала, то только потому, что волею судебъ и своего постылаго властелина была разлучена со своими обожаемыми дѣтьми, Морисомъ и Соланжъ. „Я въ сущности была рождена учительницей или нянькой“—прибавляетъ она въ заключеніе, разсказывая объ этихъ своихъ забавахъ съ мелюзгой. По вечерамъ, когда дѣти уходили спать, она сначала ухаживала за больной Агастой Дютейль, а потомъ отправлялась работать и часто писала до разсвѣта. Въ „Histoire de ma Vie“ (т. IV, стр. 383—97), въ письмахъ къ m-me д'Агу („Корреспонденція„ т. I и II) и въ *неизданныхъ письмахъ* къ матери отъ 11 ноября 1835 г., къ Геру отъ января 1836 г. и наконецъ въ письмѣ къ m-me Сентъ-Аньянъ отъ 6 января 1836 г. („Revue Encyclopédique“) Жоржъ Сандъ подробно описываетъ свое пребываніе въ Ла-Шатрѣ, домъ, въ которомъ жила, и свое времяпрепровожденіе. Съ другой стороны она разсказываетъ, какъ строго она должна была слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, чтобы „гусей не раздразнить“ и

не подать повода разнымъ кумушкамъ своимъ злоязычіемъ возстановить противъ нея общеественное мнѣніе и будущихъ судей. Письмо къ Герў особенно заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи:

..."Я не могу васъ звать къ себѣ, пишетъ она, потому что я не дома, а у Дютейля и должна вести правильную жизнь въ глазахъ дураковъ (imbêciles), среди которыхъ живу. Къ счастію, это мнѣ очень легко теперь. Но еслибъ увидѣли, что вы пріѣхали изъ Парижа въ Ла-Шатръ, жена такого-то судьи, кузина другого, дочь сестры служанки матери третьяго стали бы вопіять и ахать, объявляя, что вы и есть *любовникъ*, источникъ и причина моего разрыва съ мужемъ. Вотъ какъ я должна жить въ этомъ прелестномъ городишкѣ (bourgade charmante), надъ которымъ я столько разъ смѣялась, и уважать его нравы и обычаи. Вы бы хохотали, еслибъ видѣли какъ мило я это выполняю (avec quelle grâce je m'en acquitte) и съ какимъ невиннымъ видомъ (air patelin) я прохожу по улицамъ, на которыхъ булыжникъ торчитъ во всѣ стороны, и по площадямъ, покрытымъ зѣваками. Я смѣюсь не надъ ними, но надъ собою, и такъ какъ у меня хорошенькая, чистенькая комнатка, гдѣ я могу работать, то мнѣ и здѣсь такъ же хорошо, какъ и вездѣ..."

Въ "*Исторіи*" Жоржъ Сандъ разсказываетъ, что *послѣ* перваго рѣшенія суда, возвращавшаго ей Ноганъ и дѣтей, она переселилась въ свой старый домъ, бывшій въ то время, вслѣдствіе отсутствія Дюдевана и дѣтей и распущенія домашняго штата, опять-таки "пустымъ домомъ", и провела тамъ въ совершенномъ одиночествѣ "нѣсколько недѣль", ожидая пріѣзда Дюдевана для раздѣла имущества. Одиночество ея, по ея словамъ, "было абсолютнымъ":

.."я оставила лишь садовника бабушки, который съ женою жилъ въ павильонѣ въ концѣ двора. Жена садовника входила въ домъ лишь затѣмъ, чтобъ убирать мою комнату и приносить мнѣ обѣдъ. Я не принимала даже моихъ ла-шатрскихъ друзей".

Въ "*Корреспонденціи*" же напечатано письмо Ж. Сандъ къ гр. д'Агу отъ 1-го ноября 1835 г., въ которомъ Ж. Сандъ говоритъ совершенно тоже самое объ уединенной жизни своей въ Ноганѣ *осенью*, немедленно вслѣдъ за "бѣгствомъ" оттуда Дюдевана. Г. Рошблавъ (въ своей статьѣ "Amitié romanesque") относитъ это письмо къ позднѣйшему времени, сообразуясь съ тѣмъ, что первая часть его какъ бы отвѣчаетъ на письмо графини отъ 22 ноября и предшествуетъ другому письму графини, отъ 15 января. Но если это можетъ быть признано отчасти справедливымъ относительно первой части письма, то послѣдняя несомнѣнно написана осенью. Что же касается письма графини отъ 15 января, то оно вполнѣ можетъ считаться от-

вѣтомъ на ноябрьское письмо Ж. Сандъ и именно по этой то вѣроятно причинѣ графиня, хотя и говоритъ въ началѣ письма, что отвѣчаетъ *subito* и хотя въ pendant къ Жоржъ Сандъ, назвавшей себя въ письмѣ отъ 1 ноября *ежомъ*, называетъ себя „черепахой, скрывающейся въ своей бронѣ", но съ первыхъ же строкъ, распространяясь и подчеркивая эту свою *медлительность* и *неповоротливость*, — которую должна была символизировать и жемчужина, оправленная въ золото ввидѣ черепахи и подаренная ей Листомъ къ Новому году,—этимъ самымъ графиня какъ бы косвенно извиняется за свое долгое молчаніе.

Во-вторыхъ, ЖоржъСандъ могла пробыть въ Ноганѣ „нѣсколько недѣлъ" (двѣ?) лишь между 19 октября и 3 ноября, ибо съ 3 ноября и *до* приговора суда, 16-го февраля, она все время провела у Дютелей; „вернуться" же въ Ноганъ могла лишь *послѣ* приговора суда [1]). Но послѣ приговора она 17 была еще въ Ла-Шатрѣ, 18 тоже, 20 тоже, 26 и 28 въ Буржѣ, 5 марта опять въ Ла-Шатрѣ, 7 тоже, около 15 уже въ Парижѣ. Значитъ, *послѣ* приговора этою зимою она могла тамъ пробыть лишь нѣсколько дней.

Слѣдовательно, принимая во вниманіе съ одной стороны совершенное сходство эпизодовъ, описываемыхъ въ письмѣ отъ

[1]) Изъ переписки Ж. Сандъ съ аббатомъ Роше (см. ниже) видно, что этою зимою она иногда на нѣсколько часовъ, или самое большее на день, пріѣзжала въ Ноганъ. Не желая сначала мало знакомому аббату сказать, почему ее не всегда можно застать, она говоритъ ему, что „занятая важнымъ процессомъ, она часто въ разъѣздахъ", что „боится, что будетъ отсутствовать именно тогда, когда онъ пріѣдетъ, если онъ не предупредитъ ее" заранѣе, что „думаетъ будущую недѣлю быть въ Ноганѣ, слѣдующую опять уѣхать, затѣмъ вновь пріѣхать" и т. д. (Письмо отъ 5 декабря). Однако когда аббатъ, *предупредивъ* ее письмомъ, адресованнымъ *въ Ноганъ* 12 декабря, пріѣхалъ туда 21, то не засталъ ее тамъ. Повидимому, извѣщенная о его прибытіи въ Ноганъ, она поспѣшила проѣхать получасовое разстояніе отъ Ла-Шатра, чтобы повидать его, и провела вечеръ въ бесѣдѣ съ нимъ, однако вслѣдъ затѣмъ она вернулась немедленно къ Дютелямъ. Послѣ этого свиданія и аббатъ болѣе не адресуетъ ей письма „въ Ноганъ".

Изъ *неизданныхъ писемъ* Роллина къ Ж. Сандъ и изъ ея письма къ аббату отъ 11 февраля видно, что она и ея друзья сначала надѣялись, что засѣданіе состоится 2-го и что послѣ приговора ей возможно будетъ тотчасъ вернуться въ Ноганъ, вслѣдствіе чего Роллина, жившій въ это время въ Шатору, пишетъ ей оттуда въ Ноганъ, но засѣданіе отложили сначала на 14, потомъ на 16,— и 18-го, все еще изъ Ла-Шатра, Ж. Сандъ опять пишетъ аббату, что она будетъ очень рада „вновь поговорить съ нимъ" — (они видѣлись въ Шатору въ январѣ) — но не можетъ принять его у себя, ибо все еще обрѣтается „вдали отъ своего скита" (ermitage), такъ какъ „эта *личность* (Дюдеванъ) можетъ пріѣхать со дня на день"...

1 ноября съ тѣмъ, что въ „*Исторіи*“ относится къ февралю; во-вторыхъ, что въ этомъ письмѣ разсказывается о событіяхъ и подробностяхъ жизни относящихся несомнѣнно ко времени *до* приговора и *вскорѣ* послѣ начатія процесса; въ-третьихъ, отсутствіе указаній и невѣроятность того, чтобы Ж. Сандъ могла тайкомъ переселиться въ Ноганъ между днемъ судебнаго разбирательства (14 января) и днемъ возвращенія ей Ногана по суду (16 февраля); наконецъ, невозможность вставить эти „нѣсколько недѣль“ въ какое бы то ни было время *послѣ* приговора, — принимая во вниманіе все это, мы весь *этотъ эпизодъ пребыванія въ „пустомъ домѣ“* относимъ къ осени, т.-е. между 19 октября и 3 ноября и въ подтвержденіе этого мнѣнія приводимъ выдержки изъ письма 1 ноября, отмѣчая курсивомъ слова, на которыхъ невольно останавливается вниманіе:

„*Я все еще въ деревнѣ* у себя. Я веду процессъ о разводѣ съ моимъ супругомъ, который удралъ, предоставивъ мнѣ поле сраженія. *Я жду рѣшенія суда, по этому я одна въ этомъ пустомъ и одинокомъ домѣ... я жду исхода моего процесса*, отъ котораго зависитъ мое пропитаніе въ старости... видите ли, ему пришла счастливая мысль убить меня однажды вечеромъ, когда онъ былъ пьянъ. Въ ожиданіи того, что эта блаженная фантазія супружескаго убійства вернетъ мнѣ мою родину, старый домъ и пять-шесть полей, которыя меня прокормятъ, когда мои долгія бодрствованія обратятъ меня въ идіотку— я изображаю изъ себя Сикста V-го. Моя лошадь вернулась подъ крышу сарая и кругомъ моего монастыря даже муха не пролетитъ. Садовникъ и его жена, которые мои фактотумы, упросили меня позволить имъ жить не въ домѣ. Я хотѣла узнать причину этого. Наконецъ мужъ сказалъ мнѣ, опуская глаза со скромнымъ видомъ: „Это потому, что у барыни такая некрасивая голова, и жена моя, которая беременна, можетъ захворать со страху“. Оказывается, что это онъ говорилъ про черепъ, который на моемъ столѣ (по крайней мѣрѣ онъ потомъ поклялся въ этомъ), ибо я нашла, что это шутка дурного тона, и разсердилась. Потомъ я подумала, что эта столь некрасивая голова можетъ производить великій эффектъ. Я позволила садовнику удалиться и остаться при мысли, что эта мертвая голова признакъ покаянія и благочестія“.

Жоржъ Сандъ поступила такъ и предпочла часто быть лишенной услугъ даже четы садовниковъ, ибо, во-первыхъ, слухи о ея „покаяніи“ распространялись и въ оба беррійскіе городка, гдѣ жили судьи, долженствовавшіе рѣшать вопросъ о возвращеніи ей дѣтей; во-вторыхъ, это гарантировало ее отъ посѣщенія любопытныхъ, а есть основанія предполагать, что одиночество ея не всегда бывало абсолютнымъ и что не всегда ея лошадь стояла „въ сараѣ“. Когда она не навѣщала сама своего друга

въ Буржѣ, то онъ либо пріѣзжалъ прямо въ Ноганъ, либо въ Сенъ-Шартье или Сентъ-Аманъ, куда она выѣзжала къ нему на встрѣчу верхомъ. Но никто этого не подозрѣвалъ, наоборотъ, по ея словамъ:

...„въ верстѣ отсюда четыре тысячи дураковъ полагаютъ, что я на колѣняхъ, посыпавъ главу пепломъ и облачась во власяницу, оплакиваю свои грѣхи, какъ Магдалина. Пробужденіе будетъ ужасно. На другой день моей побѣды я бросаю свой посохъ и скачу галопомъ по всему городу. Если вы услышите, что я обратилась на путь истины и общественной морали, привязалась къ Луи-Филиппу, всемогущему отцу, и къ сыну его, Poulot-Rosolin, и его святой Палатѣ— не удивляйтесь ничему. Я способна написать сонетъ королю и оду господину Жакмино“...

Намъ кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что пребываніе въ „пустомъ домѣ“ втеченіе „нѣсколькихъ недѣль,“ въ обществѣ садовниковъ и черепа, отнесенное Ж. Сандъ въ Histoire ко времени *послѣ* приговора, а г. Рошблавомъ къ началу января, когда Аврора Дюдеванъ не имѣла еще права *вернуться* туда—относится къ началу зимы, когда она *„все еще жила у себя въ деревнѣ“*...

Дюдеванъ, повидимому, настолько былъ убѣжденъ въ своей неправотѣ и покорялся рѣшенію, которое можно было заранѣе предвидѣть, что въ самомъ началѣ слѣдствія отказался отъ должности мэра въ Ноганѣ и переселился въ Парижъ. Съ другой стороны, Дютейль и Ипполитъ въ то самое время, какъ шло дѣло, хлопотали о томъ, чтобъ какой бы приговоръ судъ ни постановилъ, супруги миролюбиво раздѣлились, и съ этою цѣлью 12 ноября, на другой день вступленія въ силу перваго договора, былъ заключенъ новый, которымъ въ главныхъ чертахъ повторялись всѣ условія прежняго, а первый пунктъ гласилъ: „Предполагая, что искъ госпожи Дюдеванъ противъ ея мужа будетъ имѣть успѣхъ“ и т. д.; въ заключительныхъ же словахъ стояло: „Эти условія будутъ добросовѣстно исполнены обѣими сторонами, которыя обязываются къ тому честью, хотя бы и послѣдовало противное тому распоряженіе въ приговорѣ или рѣшеніи суда“...

Казиміръ жилъ въ Парижѣ и былъ очень доволенъ оборотомъ дѣла. 12-го декабря Ипполитъ писалъ сестрѣ...

...„Онъ сообщилъ мнѣ свой взглядъ на это: его сильнѣйшее желаніе заключается въ томъ, чтобъ избѣжать всякаго скандала при объявленіи разлученія, если только это возможно, но что судьи и адвокаты по его волѣ никогда не вмѣшаются въ его дѣла. Ты можешь хлопотать и добиться этого разлученія, котораго тебѣ такъ хочется, онъ будетъ держаться въ сторонѣ. Онъ, повидимому, очень

доволенъ своимъ положеніемъ, только бы его не безпокоили. Со стороны правосудія въ этомъ дѣлѣ будетъ, конечно, много снисходительности, но что для тебя выгоднѣе: обратиться къ нему или придерживаться вашего перваго соглашенія? Я бы склонился въ пользу этого послѣдняго. Дѣлай въ этомъ отношеніи то, что тебѣ посовѣтуютъ. Было бы безмысленно предполагать, что твой мужъ заведетъ тяжбу съ тобой, получая содержаніе, которое дѣлаетъ его вполнѣ независимымъ и болѣе достаточнымъ, чѣмъ еслибъ у него оставалось все твое состояніе Его болѣе всего угнетало, что онъ долженъ былъ поддерживать Ноганъ, — теперь онъ отъ этого вполнѣ избавленъ. Даю тебѣ честное слово, что онъ тебѣ оставитъ полную свободу дѣйствій".

Однако, оказалось, что напрасно и Ипполитъ давалъ слово за Казиміра, и Дютейль такъ ручался за миролюбивыя намѣренія своего пріятеля. Самъ Казиміръ не очень, повидимому, считалъ для себя обязательнымъ исполнять то, въ чемъ „ручался честью". Съ другой стороны, у него нашлись совѣтники, которые постарались раздуть вражду его къ женѣ и воспрепятствовать полюбовному разлученію супруговъ, хотя эти двѣ вещи взаимно одна другую исключали. Однимъ изъ главныхъ такихъ совѣтниковъ была мачиха Дюдевана, баронесса Дюдеванъ. Кажется также, если судить по нѣкоторымъ намекамъ въ письмахъ Авроры и Ипполита (между прочимъ и въ первыхъ строкахъ, неприведенныхъ нами, въ цитированномъ выше письмѣ отъ 12 декабря) — то и мать Авроры, Софія Дюпенъ, тоже подливала масла въ огонь.

Какъ бы то ни было, а 8 апрѣля 1836 года Казиміръ Дюдеванъ подалъ въ судъ отзывы на приговоры 1 декабря и 16 февраля, въ которыхъ опирался на неправильности въ производствѣ слѣдствія, а 14 апрѣля возобновилъ эти отзывы тѣмъ, что сообщилъ ихъ повѣренному противной стороны и представилъ въ судъ еще документъ, въ которомъ старался уже по существу протестовать противъ рѣшенія суда, просилъ о производствѣ контръ-слѣдствія, а женѣ въ искѣ отказать. Вслѣдствіе этого на 10 и 11 мая 1836 года дѣло супруговъ Дюдеванъ вновь назначено было къ слушанію въ Tribunal civil de la Châtre (въ гражданскомъ судѣ). Адвокатомъ со стороны мужа выступилъ Вернь (Vergne), а со стороны Авроры—Мишель-де-Буржъ.

Вернь началъ съ того, что отказался отъ возраженій по существу, такъ какъ документъ 14 апрѣля (что-то вродѣ доноса какихъ-то разсчитанныхъ служанокъ) оказался „d'une telle atrocité", что Вернь не рѣшился его прочесть, чувствуя, что этимъ онъ погубилъ бы своего кліента; и—какъ на этомъ ни настаивалъ Мишель,—ограничился лишь тѣмъ, что указалъ на

разныя ошибки въ производствѣ слѣдствія, словомъ, только на формальныя неправильности. Послѣ него выступилъ Мишель. Возразивъ сначала на рѣчь своего противника и указавъ, какъ опасно было бы для правосудія теперь, черезъ 4 слишкомъ мѣсяца, производить контръ-слѣдствіе, Мишель затѣмъ перешелъ къ изложенію сущности дѣла. И этою частью рѣчи онъ сразу же побѣдилъ всю залу. Онъ разсказалъ какъ бы всю біографію Авроры Дюдеванъ и вкратцѣ изложилъ все, что̀ извѣстно читателю, о супружеской жизни Дюдевановъ: разсказалъ о женитьбѣ, исторію брачнаго контракта и денежныхъ дѣлъ, исторію возникновенія разногласій, духовнаго одиночества и терпѣнія Авроры, представилъ образчики грубости Казиміра, указалъ на его пьянство, невѣрности, на то, что съ 1831 года Аврора съ вѣдома и согласія мужа жила совершенно самостоятельною жизнью, и что онъ въ тѣ времена, пользуясь ея доходами и живя въ ея домѣ, не находилъ для себя этого ничуть предосудительнымъ, но и ея свободу не стѣснялъ и не выражалъ никакого желанія вернуть ее подъ свой кровъ; наконецъ Мишель передалъ происшествія 1834 и 1835 годовъ. Коснувшись договоровъ, онъ указалъ на то, что на Дюдевана, какъ видно, полагаться нельзя и нельзя ожидать, что жизнь Авроры съ нимъ будетъ гарантирована отъ всякихъ новыхъ насилій—и вслѣдствіе всего этого просилъ судъ постановить приговоръ, сходный съ приговоромъ 16 февраля, т.-е. объявить разлученіе супруговъ. При этомъ, въ концѣ своей рѣчи Мишель особенно остановился на документѣ 14 апрѣля. Онъ отдалъ справедливость благоразумію адвоката господина Дюдевана, отказавшагося отъ прочтенія этого акта, который содержитъ такія „faits diffamatoires“ и одинъ изъ пунктовъ котораго „можно бы и не заимствовать изъ знаменитаго процесса 1793 года — тотъ самый, который былъ побѣдоносно опровергнутъ однимъ словомъ оскорбленной матери“ [1]. „Ну, хорошо,—продолжалъ далѣе Мишель,—вы хотите, чтобъ слѣдствіе исчезло, вы находите въ немъ формальные недостатки, зная хорошо, что составъ свидѣтелей, ихъ нравственныя качества, примирительный духъ, который ими все время руководилъ, не позволили бы вамъ уничтожить ни одного слова изъ ихъ показаній. Вы ни слова не говорите о договорахъ, вы хотите отречься отъ всѣхъ винъ вашихъ, которыя слѣдствіе вызвало наружу. Ну хорошо! Предположимъ, что съ неба упала слеза, которая смыла всѣ ваши вины. Уничтожимъ слѣдствіе. Сохра-

[1]) Намекъ на извѣстныя подробности процесса Маріи Антуанетты.

нимъ лишь документъ 14 апрѣля. На землѣ не найдется ни одного судьи, который, по прочтеніи этого акта, могъ бы присудить вашу жену жить съ вами, — ибо вы вѣдь не требуете разлученія, вы, напротивъ, требуете, чтобъ вашей женѣ въ немъ было отказано! Но вѣдь вы не можете допустить, чтобъ она была принуждена вступить въ вашъ домъ подъ тяжестью такой ненависти? Не хотите ли вы доставить себѣ удовольствіе, чтобы ваше прошеніе, — этотъ памятникъ мести, воздвигнутый вами,—было вывѣшено въ ея домѣ, на ея глазахъ? Если она вступитъ подъ ту крышу, подъ которой вы живете, можете ли вы обходиться съ женою съ почтеніемъ послѣ того, что̀ вы сдѣлали? Нѣтъ, вы не можете. Оскорбленіе, нанесенное вами, неизгладимо. Оно доказываетъ, что вы и не домогаетесь жить съ нею. Слѣдовательно, вы не требуете вашей жены? А между тѣмъ вы противитесь разлученію. Значитъ, вы хотите пользоваться всѣми выгодами брака, всѣми его преимуществами, не неся никакихъ сопряженныхъ съ нимъ тягостей и обязанностей“...

И, упомянувъ затѣмъ о томъ, какъ съ 1831 года только порознь супруги и могли жить, а чуть бывали вмѣстѣ, такъ Аврора подвергалась всевозможнымъ оскорбленіямъ,—Мишель, уже обращаясь не къ Казиміру, а къ судьямъ, вновь указывалъ на то, что актъ 14 апрѣля подчеркиваетъ то отвращеніе Казиміра къ женѣ, которое и раньше ярко высказывалось, а теперь и публично засвидѣтельствовано. „Одно это обвиненіе таково, что, и безъ всякихъ другихъ основаній, оно влечетъ за собою, какъ необходимое слѣдствіе, то самое, что вы, судьи, уже разъ сдѣлали, и потому вы и вновь должны оставить въ силѣ приговоръ, объявлявшій разлученіе“.

По выслушаніи заключенія прокурора, судъ постановилъ: что отзывы г. Дюдевана противъ рѣшеній 1 декабря 1835 и 16 февраля 1836 года слѣдуетъ принять, и, признавъ разныя нарушенія въ производствѣ, признать оба рѣшенія и слѣдствіе 14 января недѣйствительными. Но, принимая во вниманіе то, что въ отзывѣ 14 апрѣля, которымъ г. Дюдеванъ хотѣлъ не нападать, а защищаться,—изложены факты диффамирующіе, не оставляющіе никакой надежды на возможность сближенія между супругами,—судъ долженъ уже потому объявить разлученіе супруговъ, что оно признается необходимымъ обѣими сторонами. На этихъ основаніяхъ судъ принимаетъ отзывы г. Дюдевана, признаетъ ихъ подлежащими удовлетворенію, признаетъ слѣдствіе 14 января недѣйствительнымъ, но ввиду фактовъ, изложенныхъ въ актѣ 14 апрѣля, и признанія ихъ оскорбительными

и посягающими на честь и репутацію госпожи Дюдеванъ,— объявляетъ разлученіе госпожи Дюдеванъ съ мужемъ de corps et d'habitation, запрещаетъ ему посѣщать ее подъ страхомъ установленной кары, повелѣваетъ, чтобъ происшедшія отъ брака дѣти оставались на попеченіи матери, которая должна доставлять деньги на ихъ содержаніе и воспитаніе по своимъ средствамъ и возможности, и, наконецъ, предоставляетъ сторонамъ разобраться относительно ихъ правъ и т. д.

Съ наступленіемъ весны, Жоржъ Сандъ переселилась отъ Дютейль къ другимъ своимъ пріятелямъ, Бургоанъ, домъ которыхъ былъ прохладнѣе. Онъ стоялъ на краю города, на мѣстѣ бывшихъ городскихъ стѣнъ и валовъ, надъ обрывомъ, по дну котораго протекала Эндра, а за нею разстилалась широкая равнина, заканчивавшаяся на линіи горизонта лѣсами. Прямо изъ окна своей комнаты Жоржъ Сандъ могла спускаться въ наполненный розами, крошечный садикъ, разбитый на террасѣ, отвѣсно возвышавшейся надъ обрывомъ,—и любоваться оттуда чуднымъ, широкимъ видомъ. Этотъ домъ, садикъ и обрывъ впослѣдствіи она изобразила въ романѣ *Jeanne*.

Весною и лѣтомъ 1836 года Жоржъ Сандъ, вслѣдствіе переворота, наступившаго въ ея душѣ подъ вліяніемъ идей Листа, Мишеля и Ламеннэ, — задумала передѣлать *Лелію*, отчаянный скептицизмъ и индивидуализмъ которой уже не соотвѣтствовалъ ея теперешнему образу мыслей. И дѣйствительно, проводя дни въ беззаботной болтовнѣ и играхъ среди своихъ большихъ и маленькихъ друзей,—она по ночамъ передѣлывала и дополняла *Лелію* и, какъ мы знаемъ, прибавила къ ней цѣлый томъ. И, какъ и прежде, разсвѣтъ часто заставалъ ее еще за работой, а иногда, когда вокругъ все затихало и однѣ звѣзды смѣло заглядывали въ окно по деревенски убранной комнатки, гдѣ сидѣла, склонившись надъ работой, одинокая женщина— она вставала отъ рабочаго стола, спускалась въ уснувшій садикъ и проводила долгіе часы, наблюдая надъ движеніемъ созвѣздій. Она знала точно, когда какая звѣзда восходитъ, какъ измѣняется ея блескъ и цвѣтъ; она любила наблюдать, какъ мало по малу всѣ алмазные, красные или молочные огни ночи блѣднѣютъ предъ алой зарей и какъ въ торжественной тишинѣ наступаетъ день. „...Это происходитъ на тысячу ладовъ. Этотъ переворотъ, такой казалось бы однообразный, каждый день бываетъ различнымъ“, [1]) пишетъ она графинѣ д'Агу, описывая

[1]) Корреспонденція т. I, стр. 372, письмо отъ 25 мая 1836.

свои ночныя созерцанія неба и свои утреннія прогулки по берегамъ Эндры, подъ палящими лучами солнца, часто заставлявшими ее погружаться въ воду „во всѣхъ своихъ *драпировкахъ*“ — и такимъ образомъ быть въ состояніи продолжать свою прогулку, несмотря на страшный полуденный зной [1]). Всѣ ея лѣтнія письма 1836 года къ Листу и гр. д'Агу полны всѣхъ этихъ, то яркихъ, то блѣдныхъ звѣздъ, восходовъ солнца, одинокихъ мечтаній на террасѣ или верховыхъ прогулокъ, то въ сумеркахъ, то въ жгучіе полуденные часы. Эти же восторженныя созерцанія и описанія звѣздныхъ ночей и утреннихъ зорь мы находимъ въ новыхъ главахъ *Леліи*—мы уже говорили о нихъ [2]).

Между тѣмъ, отношенія Мишеля къ его пріятельницѣ начинали принимать тяжелый и деспотическій характеръ.

„*Великіе люди* мнѣ по горло надоѣли (простите за выраженіе). Я охотно всѣхъ ихъ помѣстила бы въ Плутарха. Тамъ я не страдаю отъ ихъ человѣческихъ сторонъ. Пусть ихъ высѣкаютъ изъ мрамора, отливаютъ изъ бронзы и больше не говорятъ мнѣ о нихъ. Пока они живы, они *злы, придирчивы, капризны, деспотичны, озлобленны и подозрительны.* Они смѣшиваютъ въ своемъ горделивомъ презрѣніи овецъ и козлищъ. *Они хуже относятся къ своимъ друзьямъ, чѣмъ къ своимъ злѣйшимъ врагамъ. Да сохранитъ насъ Богъ отъ нихъ.* Оставайтесь доброй, даже глупой, если хотите. Францъ можетъ сообщить вамъ, что всѣ, кого я люблю, всегда недостаточно глупы по моему. Какъ часто я его упрекала за излишекъ ума. Къ счастью, что этотъ излишекъ не Богъ знаетъ что̀, и я могу его очень любить“. [3]).

Итакъ *великій человѣкъ* заставлялъ Жоржъ Сандъ все чаще сознавать свое нравственное одиночество и, хоть и на иной ладъ, чѣмъ прежде — чувствовать себя непонятой и печальной *Леліей*. И хотя теперь, въ противоположность тому, что писала она въ 1832 г., Ж. Сандъ иногда хотѣла увѣрить, что она „вовсе не *Лелія*, а болѣе добродушное созданіе, чѣмъ она, [4]) но что это ея идеалъ и она такъ воображаетъ себѣ свою музу, если только у ней есть муза...“ —тѣмъ не менѣе иногда сознавалась, что это романъ, „въ который она больше вложила самой себя, чѣмъ въ какую-либо изъ своихъ книгъ“... [5]). И потому немудрено, что она въ слѣдующихъ словахъ передаетъ новое свое міровоззрѣніе, легшее въ основаніе передѣланной *Леліи*“: „Погрузиться въ лоно матери Природы, считать ее дѣйствительно

[1]) Корреспонденція, т. II. Письмо отъ 10 іюля 1836 г.

[2]) См. VII главу.

[3]) *Корреспонденція*, т. II. Письмо гр. д'Агу отъ 10 іюля 1836 г.

[4]) См. Корреспонденція, т. I, р. 372. Письмо къ М-me д'Агу.

[5]) Корреспонденція, т II, стр, 25. Письмо къ M-lle Leroyer de Chanteрie.

за *мать* или *сестру*; отбросить строго и стоически изъ своей жизни все, что есть удовлетвореніе тщеславія; упрямо противиться честолюбцамъ и злымъ; сдѣлаться смиреннымъ и малымъ съ несчастными; плакать надъ нищетою неимущихъ и не желать иного утѣшенія какъ паденія богатыхъ; не вѣрить въ иного Бога, какъ въ Того, кто предписываетъ справедливость и равенство; почитать все *доброе*; строго судить все, что лишь *сильно*; жить почти ничѣмъ, отдавать почти все, дабы возстановить первоначальное равенство и воскресить божественный завѣтъ—вотъ исповѣданіе, которое я буду провозглашать въ своемъ уголкѣ и которое я надѣюсь преподать своимъ двѣнадцати ученикамъ подъ липами своего сада".

„Что касается любви, то объ этомъ будетъ особая книга. *Лелія* на этотъ счетъ выскажется очень опредѣленно и себя причислитъ къ исключеніямъ. Она изъ общины Ессеевъ, подруга пальмъ, *gens solitaria*, о которыхъ говоритъ Плиній. Эта прекрасная страница будетъ эпиграфомъ моего третьяго тома, а также и эпиграфомъ осени моей жизни.—Одобряете вы планъ книги? Что касается плана жизни, то вы не компетентны, вы слишкомъ счастливы и молоды, чтобы отправиться на благодѣтельные берега Мертваго Моря, (все изъ Плинія Младшаго) и чтобы вступить въ ту общину, *гдѣ никто не рождается, никто не умираетъ*".

И разсказывая далѣе о своихъ одинокихъ прогулкахъ и стараніяхъ найти счастье въ общеніи съ природой, она прибавляетъ:

„Я вамъ преподаю всѣ тайны моего счастья. Если когда-нибудь (чего я вамъ не желаю и чего я не ожидаю для васъ)—вы будете *одна*, вспомните о моихъ *ессейскихъ* прогулкахъ. Можетъ быть вы найдете, что лучше забавляться этимъ, чѣмъ застрѣлиться; это меня часто соблазняло, когда я очутилась въ *пустынѣ*. Сильны-ли вы физически? Это очень важно. Несмотря на это, на меня находятъ припадки сплина, не сомнѣвайтесь въ этомъ, но я противлюсь этому и молюсь. Есть разные способы молиться. Молиться очень трудно и важно. Это предѣлъ духовнаго въ человѣкѣ. Вы не можете молиться, вы! Я утверждаю это, и, хотя бы вы говорили, что можете, я всетаки не повѣрила бы. Но и я на первой ступени, на самой шаткой, несовершенной, на самой жалкой ступени лѣстницы Іакова. И я рѣдко и плохо молюсь. Но, какъ бы мало и плохо это ни было, я чувствую предвкушеніе безконечныхъ восторговъ и восхищеній, подобныхъ тому, когда мнѣ въ дѣтствѣ думалось, что я вижу Богородицу, какъ что то бѣлое, проносящуюся въ солнечномъ дискѣ надо мною. Теперь у меня лишь видѣнья звѣздъ, но я начинаю видѣть странные сны"...

Между тѣмъ, пока Жоржъ Сандъ мечтала, работала и искала духовнаго равновѣсія, супругъ ея, г. Дюдеванъ, подалъ аппеляцію на рѣшеніе Ла-Шатрскаго суда и 25 и 26 іюля 1836 г.

дѣло вновь слушалось въ *Королевской Палатѣ* (Cour Royale) въ Буржѣ.

Жоржъ Сандъ переселилась въ Буржъ въ началѣ іюля и пріютилась у нѣкихъ Туранженъ, родственниковъ Дютейлей, сразу сдѣлавшихся и ея друзьями. Она проводила у нихъ время самымъ мирнымъ и добродѣтельнымъ образомъ, помогая M-me Туранженъ ухаживать за маленькими ея братьями и сестрой. Но какъ видно. Жоржъ Сандъ не безъ страха ожидала приближенія дня засѣданія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ *Молитва*, которую еще недавно можно было прочитать на деревянномъ пано въ альковѣ стараго дома въ улицѣ Сентъ Амбруазъ, занимаего въ 1836 году Туранженами:

„Великій Боже! осѣни своимъ покровомъ тѣхъ, кто хотятъ блага, удержи тѣхъ, кто хотятъ зла Запечатлѣй чело твоихъ сыновъ, чтобы нечестивые почитали ихъ. Уничтожь упорное владычество книжниковъ и фарисеевъ. Открой пути страннику, который ищетъ твоихъ святилищъ. Сынъ человѣческій, вѣдь во имя твое они закалываютъ агнца въ тотъ мигъ, что ты его подымаешь на свои рамена. Соблюди дѣтей вдовицы. Отверзи ухо глухихъ и око слѣпыхъ. Чаша твоя не горька болѣе, съ тѣхъ поръ какъ уста твои прикоснулись къ ней. Въ ночи отчаянія мы ищемъ твоихъ слѣдовъ въ Геѳсиманскомъ саду и мы надѣемся, ибо ты сдѣлалъ благородными наши страданія, ибо ты сдѣлалъ изъ Бога убѣжище противъ человѣковъ“.

Подписано: *Жоржъ*, 24 іюля 1836 г. [1]).

Очень интересно отмѣтить, что въ ту минуту, когда разыгрывался финалъ ея супружеской драмы, Жоржъ Сандъ вспомнила о той, кто была свидѣтельницей грустныхъ событій ея первыхъ актовъ, о своей благоразумной подругѣ изъ Бреды—Зоѣ Леруа. Послѣ многолѣтняго молчанія она вновь написала ей и звала ее также въ Буржъ, разсказавъ ей предварительно всю свою жизнь за эти годы. Зоя Леруа не могла пріѣхать на процессъ, но всѣ остальные друзья Жоржъ Сандъ собрались вокругъ нея въ этотъ день: семья Флери, Роллина, Неро, Папе, Плане, Дютейли — всѣ пріѣхали въ Буржъ. Пріѣхалъ,—какъ мы видѣли выше—и Эмиль Реньо. Народу въ залу суда набралась масса.

Защитникомъ Жоржъ Сандъ былъ тотъ же Мишель. За Дюдевана выступилъ Тіо-Варенъ (Thiot Varennes). Г-жа Дюдеванъ вошла въ залу суда подъ руку съ Мишелемъ; „на ней было бѣлое платье, бѣлая шляпка, отложной кружевной воротникъ,

[1]) Эта молитва, впервые напечатанная въ Magazin pittoresque 1878, теперь перепечатана въ томѣ *Souvenirs de 1848*, но безъ указаній, откуда она взята и лишь съ помѣтой года и числа.

шаль съ цвѣтами"—разсказываетъ газета „Droit" въ № 240, а на слѣдующій день отмѣчаетъ даже, что „у нея былъ полуопущенный вуаль".

Тіо-Варенъ доказывалъ .въ своей рѣчи, что вина вся на сторонѣ Авроры, что супруги жили хорошо, пока она не измѣнилась, стала искать счастья и т. д. Говорилъ, что будто „у нея явилась склонность, которую она не захотѣла побороть, которая обратилась въ страсть, и она ей предалась". Дюдеванъ скоро узналъ, что она, „обожаемая имъ", измѣнила, но по великодушію все простилъ, и сама Аврора въ этомъ великодушіи сознается въ одномъ своемъ письмѣ... Тутъ Тіо-Варенъ прочелъ отрывокъ изъ письма Авроры Дюдеванъ, о которомъ нами говорено по поводу де-Сеза, — но прочелъ лишь тѣ мѣста этого письма, гдѣ вначалѣ Аврора признается, что полюбила другого, и далѣе, гдѣ она обращается къ добротѣ, великодушію и помощи мужа. Затѣмъ Варенъ объяснялъ причины холодности Казиміра нѣкоторымъ несходствомъ натуръ и характеровъ, потомъ разсказалъ о разрывѣ, происшедшемъ въ 1828 г., объ отъѣздѣ въ Парижъ въ 1831, о томъ, что Аврора получала отъ мужа пенсіонъ въ 300 фр. ежемѣсячно, хотя и сама зарабатывала много. Далѣе Тіо-Варенъ доказывалъ, что договоръ февральскій долженъ былъ исполняться съ 12 ноября, а уже 30 октября подана была жалоба; что 11 ноября состоялось новое соглашеніе; что Дюдеванъ могъ приводить въ свою защиту все, что угодно, даже и факты „не къ авантажу" Авроры; что въ интересахъ дѣтей онъ хотѣлъ сохранить имущество и удержать дѣтей у себя; и въ подтвержденіе безнравственности проступковъ Жоржъ Сандъ—Варенъ прочелъ какой-то отрывокъ изъ одного ея романа, помѣщеннаго въ „Revue des deux Mondes, наконецъ требовалъ, чтобы ей было отказано въ искѣ и чтобы рѣшеніе суда 1-й инстанціи было признано недѣйствительнымъ.

Мишель началъ свою рѣчь сожалѣніемъ, что не самъ авторъ *Индіаны*, *Валентины* и *Андре* себя защищаетъ. Затѣмъ, получивъ только что цитированное противникомъ и переданное ему въ руки, письмо Авроры Дюдеванъ къ мужу, Мишель читаетъ его, но читаетъ уже цѣликомъ, всѣ 20 страницъ. Въ немъ разсказывается все, что уже извѣстно читателю, о развязкѣ романа, завязавшагося въ Котрэ и такъ трогательно окончившагося у подножія Пиренеевъ, передъ громаднымъ лурдскимъ гротомъ. „Этотъ отрывокъ, написанный въ 20 лѣтъ, съ волшебствомъ стиля и блескомъ красокъ, достойными самыхъ прекрасныхъ страницъ, которыя авторъ *Жака* написалъ съ тѣхъ

поръ",—говоритъ стенографъ засѣданія—„произвелъ впечатлѣніе, не поддающееся описанію". Затѣмъ Мишель тоже возвращается къ характеристикѣ супружеской жизни Дюдевановъ, но уже не съ точки зрѣнія восхваленія великодушія Казиміра, а выражая сожалѣніе, что г. Дюдеванъ „не обладалъ даромъ проницательности", когда осыпалъ жену названіями „идіотки", дуры" и т. д. Разсказываетъ Мишель тоже и о событіяхъ 1828—1831 годовъ—но совсѣмъ не затѣмъ, чтобы увидѣть въ нихъ только великодушіе, какъ Варенъ, а чтобы придти къ тому заключенію, что Казиміръ гораздо больше чѣмъ жену, любилъ Ноганъ и деньги, и что не о томъ надо упоминать, что Казиміръ ей выплачивалъ пенсію, а о томъ, что *послѣ* предъявленія г-жей Дюдеванъ иска 30 октября 1835 г., онъ согласился на сдѣлку 12 ноября и выторговалъ себѣ 5,000 фр.!! Отзывъ его 14 апрѣля — „véritable mouvement de démence judiciaire" (истинный припадокъ тяжебнаго безумія). Во всемъ виновенъ Казиміръ, а не Аврора; она имѣетъ право требовать разлученія, такъ какъ на лицо всѣ три требуемыя закономъ причины: „excès, sévices, injures". И тутъ Мишель опять обратился къ Казимиру: „Не вы ли заставили ее желать судебнаго разлученія? Не вы ли заставили ее покинуть супружескій кровъ, преисполнивъ ее отвращеніемъ? Вы не только причина этого отъѣзда, вы еще его пособникъ и сообщникъ. Не предоставили ли вы вашу молодую и неопытную жену самой себѣ? не покинули ли вы ее? Вы уже не можете сказать судьямъ: „Дайте мнѣ вновь въ руки узду коня"—когда вы сами ее бросили. Чтобы руководить женой, надо обладать извѣстной силой разума, а кто вы, кѣмъ вы себя мните рядомъ съ тою, которую вы не съумѣли оцѣнить? Когда женщина готова упасть—надо быть способнымъ поднять ее; когда она слаба—надо поддержать ее, подать ей хорошій примѣръ, а какой примѣръ вы ей подавали? Можете вы требовать жену, которою вы цѣлыхъ 8 лѣтъ пренебрегали? Неужели виновна женщина, всю свою прекрасную душу вложившая въ письмо, которое вы сами же предали гласности? Не велики же ея проступки, если вы ихъ ищете въ этомъ письмѣ, оправдывающемъ ее, вмѣсто того, чтобы обвинять!" (*Мишель вновь читаетъ отрывокъ изъ письма, встрѣченный публикой съ ропотомъ одобренія*). „Съ тѣхъ поръ вы принимали у себя вашу жену, вы ей писали, вы дружески жили съ тѣмъ честнымъ и чистымъ человѣкомъ, который съумѣлъ уважать ее, вы подавали ему руку. Почему же покинули вы супругу, которая не заслуживала ни малѣйшаго упрека? Зачѣмъ заставили вы ее удалиться отъ васъ?"

Ссылаясь на дѣло Мирабо, который такъ любилъ свою жену, что, затѣявъ съ ней процессъ, примирился съ нею на судѣ-же и отказался отъ своей жалобы, и вновь упомянувъ о недостойномъ подражанія обвиненіи противъ Маріи Антуанетты, Мишель затѣмъ побѣдоносно отвергъ обвиненіе въ безнравственности, основаное на цитатахъ изъ романовъ. Обновленіе стараго міра происходитъ, и все обновляется, новыя, смѣлыя идеи проникаютъ и въ труды законодателя, и въ сочиненія моралиста и художника. „И потому только, что поэтъ поддается вдохновенію своего творческаго духа, капризамъ своей лиры—поэтому вы считали бы его неспособнымъ воспитывать своихъ дѣтей? Нѣтъ, господа, она не недостойна ихъ любви и заботъ о нихъ. Эти дѣти подъ руководствомъ этой матери пойдутъ по стезѣ чести и долга, я ручаюсь вамъ за это! А по той системѣ, которую намъ хотятъ навязать, пришлось бы не считать нѣжнымъ отцомъ того самаго Дидро, автора нѣсколькихъ непристойныхъ и скабрезныхъ страницъ, и отказать въ этомъ имени столькимъ еще геніямъ, которые тѣмъ не менѣе являютъ собою примѣръ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей“.—И въ заключеніе Мишель прочелъ нѣсколько писемъ Мориса къ матери и ея отвѣтовъ.

Послѣ перерыва засѣданія Тіо Варенъ поддерживалъ свое мнѣніе о безнравственности и легкомысленности Авроры, хотя уже отказался отъ обвиненія въ измѣнѣ мужу, и распространился на тему о добродѣтели Казиміра. Мишель снова блистательно его опровергъ.

Прокуроръ Корбэнъ (Corbin) говоритъ, что *до* апрѣля 1835 вина падаетъ на г-жу Дюдеванъ. Письмо 1825 года имъ не одобряется; если она и не измѣнила мужу, то все-таки она сама себя можетъ обвинять въ *adultère moral*. Мужъ ее не покидалъ, она пользовалась полною независимостью. Общество можетъ упрекать мужа, что онъ не пользовался своими правами и не давалъ женѣ совѣтовъ. Но подлыя обвиненія (imputations infâmes) со стороны мужа даютъ женѣ полное право требовать разлученія. Онъ для своей защиты не нуждался въ обвиненіи жены, и потому прокуроръ отвергаетъ производство слѣдствія по фактамъ, взводимымъ на жену мужемъ, и требуетъ разлученія супруговъ. Только слѣдуетъ, чтобы Морисъ остался подъ присмотромъ отца, а Соланжъ—матери.

Судъ удалился и черезъ $^3/_4$ часа объявилъ, что такъ какъ голоса судей раздѣлились поровну, то дѣло назначается на слѣдующей недѣлѣ вновь, для новаго состязанія сторонъ.

Жоржъ Сандъ въ Histoire и въ письмахъ говоритъ, что почти вся публика въ Буржѣ — „самая ханжеская, какую только можно представить“ — была настроена противъ нея, однако къ концу дѣла всѣ были на ея сторонѣ. „Мишель побѣдилъ всѣ сердца, всѣхъ заставилъ плакать. Вы не можете себѣ представить, какую нравственную побѣду я одержала“ — пишетъ она Букоарану 1 августа [1]). Такъ что, когда было объявлено о томъ, что голоса судей раздѣлились, то въ залѣ раздались „свистки и крики негодованія“ (des huées et des sifflets [2]). Дюдеванъ, которому пришлось со стороны прокурора выслушать не мало горькихъ истинъ, и опасаясь еще худшаго въ будущемъ, взялъ свою аппеляцію назадъ, и 29 іюля 1836 г. супруги подписали новый договоръ, повторившій старые, съ прибавкой лишь пункта, гласившаго, что за воспитаніе Мориса Казиміръ платитъ до его 20-лѣтняго возраста, а затѣмъ по 100 луидоровъ въ годъ на его содержаніе. Жена будетъ платить ему въ годъ 5,000 фр., точно такъ же какъ выплачивать ренту матери и слугамъ.

Но этимъ не кончились процессы Авроры Дюдеванъ съ мужемъ. Такъ какъ Морисъ былъ порученъ надзору отца, который хотѣлъ воспитывать его по солдатски, закалять его, а въ сущности мало заботился о немъ, а мать, видя, что мальчикъ хирѣетъ и не переноситъ жизни въ казенномъ заведеніи, хотѣла его взять оттуда—то между разошедшимися супругами начались вновь непріятности. Морисъ въ это время захворалъ, страдалъ галлюцинаціями, сердцебіеніями, отецъ не обращалъ на это вниманія и не вѣрилъ докторамъ, а мать черезчуръ, кажется, вѣрила, или хотѣла вѣрить, и нѣжничала съ мальчикомъ. Однако однажды случилось, что мальчикъ такъ сильно захворалъ на квартирѣ у отца, что перепуганный Дюдеванъ немедленно отвезъ его къ матери и отдалъ его на полное ея попеченіе. Но это его такъ раздосадовало, что когда лѣтомъ 1837 года Аврора уѣхала къ своей умирающей матери, то Дюдеванъ съ цѣлью мести *похитилъ* Соланжъ изъ Ногана, причемъ опять не обошлось безъ разныхъ грубостей и насилій, и увезъ ее въ Гильери. Разумѣется, Аврора поспѣшила немедленно туда-же и вернула дѣвочку, но ее возмущало, что и теперь она не могла считать себя спокойной отъ этихъ насилій, и она тотчасъ-же обратилась къ суду. Кромѣ того, такъ какъ въ этомъ году Дюдеванъ

[1]) Неизданное.

[2]) Неизданное письмо къ матери отъ 30 іюля 1836 г.

получилъ наслѣдство послѣ смерти своей мачихи, то Аврора находила справедливымъ, чтобъ ей, какъ воспитывающей обоихъ дѣтей, болѣе не приходилось платить мужу половины своихъ доходовъ. Она отказалась нетолько отъ пособія на воспитаніе Мориса, но и отъ дальнѣйшей ренты мужу, т. е. требовала, чтобъ ей былъ возвращенъ уступленный мужу по договору 1836 года Hôtel de Narbonne. На этотъ разъ адвокатомъ ея былъ Chaix d'Est Ange (Шедетанжъ), за Казиміра выступилъ Палье [1]) Сначала судъ ей отказалъ въ искѣ, т. к. „еще не выяснилось, какъ велико наслѣдство мужа и улучшилось-ли его состояніе“. До окончательнаго процесса дѣло однако не дошло, и вотъ что пишетъ объ этомъ Аврора своей сестрѣ Каролинѣ Казамажу, 15 мая 1838 г.:

„Мой процессъ наканунѣ засѣданія окончился сдѣлкой между мною и г. Дюдеваномъ. Я уступаю ему мои государственные бумаги на сумму въ 40000 фр., а онъ мнѣ возвращаетъ Hôtel de Narbonne. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается отъ Мориса и Соланжъ и обязывается не преслѣдовать меня болѣе. Но полюбуйся на его родительскую любовь: онъ желаетъ ихъ видѣть ежегодно втеченіе нѣсколькихъ дней и желаетъ, чтобъ я *платила половину издержекъ на ихъ дорогу туда и обратно*. Нѣжный и великодушный отецъ! Когда мы ликвидировали общія дѣла, онъ не посовѣстился черезъ своего повѣреннаго въ числѣ своихъ требованій записать: *15 банокъ варенья и желѣзную печурку, стоимостью въ 1 фр. 50 сантимовъ!..*“ [2]).

Кажется дальше этого трудно было пойти въ своей жадности къ деньгамъ, но и тутъ Дюдеванъ не остановился, а еще черезъ 3 года, въ февралѣ 1841 года, опять что-то требовалъ отъ жены. Она пишетъ Ипполиту:

...„Я ничего не понимаю въ этомъ требованіи Дюдеваномъ 125 франковъ. Привези мнѣ ясно редактированное требованіе съ его стороны, чтобъ я могла провѣрить и, если должно, то заплатить. Но вѣдь это никогда не кончится! Нужно же быть жаднымъ и мелочнымъ, чтобы этого требовать! Развѣ Мартенъ (повѣренный въ Ла-Шатрѣ), который не мелоченъ, не долженъ это требованіе предать забвенію? Я не понимаю, почему я должна платить это. Впрочемъ, съ нимъ я привыкла ничему не удивляться“... [3]).

Не менѣе невѣроятный примѣръ скряжничества Дюдевана приводитъ Жоржъ Сандъ въ письмѣ къ Ипполиту, напечатанномъ во II томѣ Correspondance на стр. 162 и составляющемъ продолженіе только что приведеннаго отрывка.

[1]) 1) „Le Droit“ 12 іюля 1837 г. 2) Неизданныя письма. 3) Correspondance томъ II. 4) „Histoire de ma Vie“ IV стр.

[2]) Неизданное.

[3]) Неизданное.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ письмахъ Жоржъ Сандъ указанія на то, что когда Морисъ выросъ, то ежегодно ѣздилъ гостить къ отцу въ Гильери, а въ 1846 году супруги настолько забыли свои взаимныя обиды, что звали другъ друга въ гости. Но когда въ годъ свадьбы Соланжъ онъ самолично пріѣзжалъ въ Ноганъ, Жоржъ Сандъ пишетъ объ этомъ слѣдующее...

„Никогда не было болѣе невеселой свадьбы, по крайней мѣрѣ по виду, благодаря присутствію этого милаго господина (барона съ его свитой); его злопамятность и отвращеніе точно также живы и сильны, какъ въ первый день. Слава Богу, что онъ уѣхалъ въ 4 часа утра на слѣдующій день“... [1]).

Однако впослѣдствіи, когда маленькій внукъ Жоржъ Сандъ, сынъ г. и г-жи Морисъ Сандъ, умеръ въ Гильери, сама ѣздила къ мужу и говоритъ, что онъ „показалъ столько сочувствія, на какое только способенъ“. Послѣ этого печальнаго событія они болѣе не видались. Онъ умеръ въ 1871 году. Но даже въ послѣдніе годы своей жизни вновь велъ какой-то процессъ съ дѣтьми и опять по поводу какихъ-то денегъ.

Лѣтописцу, старавшемуся въ разсказѣ о печальной исторіи Жоржъ Сандъ и г. Дюдеванъ ни на шагъ не отступать отъ исторической точности, не хочется произносить приговора надъ Казиміромъ Дюдеванъ. Факты его осуждаютъ и этого довольно. „Лежачаго не бьютъ“.

[1]) Неизданое письмо къ M-lle de Rozières—ученицѣ Шопена—отъ 21 мая мая 1847 года).

[2]) См. письмо Жоржъ Сандъ отъ 28 марта 1871 г. Correspondance, VI томъ).

ГЛАВА XII.

Путешествіе въ Швейцарію. — Книжка Пиктэ. — *Десятое «Письмо Путешественника»*. — «*Контрабандистъ*». — Отель де Франсъ. — Знакомство съ Шопеномъ.—Ноганъ въ 1837 г.—Эженъ Пелльтанъ.— «*Дневникъ Пиффеля*». — Взаимное вліяніе Листа и Жоржъ Сандъ.— «*Семь струнъ Лиры*».—«*Héroïde funèbre*».—Нѣсколько неизданныхъ писемъ Листа.

(1836—1837).

Едва окончился бракоразводный процессъ 1836 г., Жоржъ Сандъ вернулась въ Ноганъ и, проведя тамъ мѣсяцъ со своими дѣтьми, могла наконецъ въ концѣ августа выѣхать въ Швейцарію, гдѣ уже болѣе года ее ожидали Листъ и M-me д'Агу. *Письмо къ Герберу* (т. е. къ Шарлю Дидіе) повѣствуетъ о томъ, какъ она проѣхала *Отенъ*, *Шалонъ*, *Ліонъ*, *Нантуа* и какъ врасплохъ захватила своихъ друзей въ *Женевѣ*.

— Господа, гдѣ вы остановитесь?—Это говоритъ почтальонъ. Отвѣтъ: У г. Листа.

— А гдѣ онъ живетъ, этотъ господинъ?

— *Я какъ разъ хотѣлъ предложить вамъ этотъ вопросъ?*

— Что онъ дѣлаетъ? Чѣмъ онъ занимается?

— Онъ артистъ.

— Ветеринаръ?

— Развѣ ты боленъ, скотина?

— Это продавецъ скрипокъ: — говоритъ какой-то прохожій, — я проведу васъ къ нему.

Насъ заставляютъ лѣзть по отвѣсной улицѣ, и хозяйка указаннаго дома объясняетъ, что Листъ въ Англіи.

— Вотъ баба, которая все путаетъ,—говоритъ другой прохожій.— Листъ музыкантъ изъ театра; о немъ надо спросить у режиссера.

— Отчего же нѣтъ?—говоритъ легитимистъ [1]). И онъ идетъ къ режиссеру, который объявляетъ, что Листъ въ Парижѣ.

— Разумѣется,—говорю я со злостью,—онъ пожелалъ поступить флейтистомъ въ оркестръ Мюзара, неправдали?

— Отчего же нѣтъ?—говоритъ режиссеръ.

— Вотъ дверь Казино,—говоритъ, не помню кто.—Всѣ барышни, которыя берутъ уроки музыки, учатся у г. Листа.

— Мнѣ хочется заговорить съ той, которая выходитъ съ нотами подъ мышкой.—говоритъ мой спутникъ.

— Отчего же нѣтъ, тѣмъ болѣе, что она хорошенькая.

Легитимистъ отвѣшиваетъ три поклона на французскій ладъ и спрашиваетъ адресъ Листа въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ. Молодая особа краснѣетъ, опускаетъ глаза и говоритъ со вздохомъ, что г. Листъ въ Италіи.

— Пусть онъ хоть у чорта! Я буду ночевать въ первомъ попавшемся трактирѣ; пусть онъ меня самъ ищетъ.

Въ гостинницѣ мнѣ тотчасъ подаютъ письмо отъ его сестры [2]). „Мы тебя ждали, ты былъ неаккуратенъ, ты намъ наскучилъ. Ищи насъ, мы уѣхали. Арабелла“.

„*P.* S. Повидай маіора и приходи къ намъ съ нимъ“.

— Кто это маіоръ?

— Не все ли вамъ равно?—говоритъ мой другъ легитимистъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Эй, малый, сходите за маіоромъ.

Маіоръ [3]) приходитъ. У него лицо Мефистофеля и шинель таможеннаго. Онъ осматриваетъ меня съ головы до ногъ и спрашиваетъ, кто я?

— Плохо одѣтый путникъ, какъ видите, рекомендуемый Арабеллой.

— А! я бѣгу за паспортомъ для Васъ.

— Развѣ этотъ человѣкъ сумасшедшій?

— Нѣтъ; завтра мы отправляемся на Монбланъ.

Мы въ Шамуни; идетъ дождь и стемнѣло; я останавливаюсь случайно въ гостинницѣ *Union*... и на этомъ разъ уже воздерживаюсь

[1]) Гюставъ де Жеводанъ, съ которымъ Ж. Сандъ познакомилась по дорогѣ въ Швейцарію (см. *Lettres d'un Voyageur*, № X); она не называетъ его по имени, а все время зоветъ *легитимистомъ*. Въ этомъ же письмѣ она разсказываетъ о встрѣчѣ и со старымъ знакомымъ своимъ, нѣкимъ Блавуайе (Blavoyer), котораго знавала нѣкогда въ Монъ-Дорѣ. а потомъ встрѣтила въ Венеціи; онъ тоже не названъ по имени. Ж. Сандъ лишь упоминаетъ, что „сердце ея сжалось при видѣ его, ибо онъ напомнилъ ей цѣлую вѣчность странныхъ видѣній, бурную жизнь, спокойнымъ и сочувствующимъ свидѣтелемъ которой онъ онъ былъ нѣкогда“...

[2]) Т.-е. отъ графини д'Агу. Въ Корреспонденціи Жоржъ Сандъ вездѣ называетъ ее „Mirabella“, princesse Mirabella“, просто „princesse“, а еще иногда „ma belle comtesse aux cheveux blonds“.

[3]) Адольфъ Пиктэ, другъ Листа и м-me д'Агу, маіоръ федеральной швейцарской арміи и писатель. Онъ описалъ путешествіе на Шамуни Ж. Сандъ съ Листомъ въ своей интересной и чрезвычайно рѣдкой книжкѣ „*Une course à Chamounix. Conte fantastique*“ (Paris. Benj. Duprat. 1838).

отъ того, чтобы, спрашивая объ европейскомъ артистѣ, называть его по имени. Я приноравливаюсь къ познаніямъ просвѣщеннаго народа, который имѣю честь посѣтить, и дѣлаю краткое описаніе данной личности: обтрепанная блуза, длинные и растрепанные волосы, помятая шляпа изъ бересты, въ настоящую минуту хромаетъ, а обыкновенно съ пріятностью напѣваетъ *Dies irae*.

— Разумѣется, сударь—говоритъ хозяинъ,—они только-что пріѣхали; барыня очень устала, а барышня въ отличномъ расположеніи духа. Подымитесь по лѣстницѣ, они въ 13-мъ номерѣ.

— Это не они,—подумалъ я,—но все равно.—Я устремляюсь въ 13-й №, готовый броситься на шею первому попавшемуся англичанину, страдающему сплиномъ. Я былъ такъ забрызганъ грязью, что это вышло бы похожимъ на милую продѣлку странствующаго приказчика.

Первое существо, кто попадается мнѣ подъ ноги, это тотъ, кого хозяинъ называетъ *барышней*.

Это Пуцци [1]), сидящій верхомъ на саквояжѣ, и такъ измѣнившійся, выросшій, съ такими длинными волосами и въ такой, стянутой на тальѣ по женски, блузѣ, что я, чортъ возьми, тоже сбиваюсь съ толку, и снимая передъ нимъ шляпу, спрашиваю: „Прекрасный пажъ, объясни мнѣ, гдѣ Лара?"

Изъ глубины англійской шляпки въ этотъ мигъ появляется бѣлокурая головка Арабеллы; въ ту минуту, какъ я бросаюсь къ ней, Францъ кидается ко мнѣ на шею, Пуцци вскрикиваетъ отъ удивленья, и мы изображаемъ группу неразрывныхъ объятій, въ то время какъ служанка, пораженная тѣмъ, что такой забрызганный грязью мальчишка, котораго она до сихъ поръ принимала за жокея, обнимаетъ такую прекрасную даму, какъ Арабелла,—роняетъ свѣчку и бѣжитъ разсказать всему дому, что въ № 13 забралась толпа таинственныхъ и неизвѣстныхъ людей, длинноволосыхъ, какъ дикари, и среди которыхъ трудно разобрать, кто мужчина, кто женщина, кто слуга, кто господинъ. „Фокусники", — важно говоритъ старшій поваръ съ презрительнымъ видомъ, и вотъ мы заклеймены, на насъ указываютъ пальцами, мы возбуждаемъ страхъ. Англійскія дамы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ корридорѣ, опускаютъ вуали на свои стыдливыя лица, а ихъ величественные супруги совѣщаются о томъ, чтобы попросить насъ во время ужина дать маленькое представленіе за приличное вознагражденіе...

Въ такихъ веселыхъ и жизнерадостныхъ выраженіяхъ описываетъ Жоржъ Сандъ начало своего швейцарскаго путешествія; да и все путешествіе это вышло веселымъ и жизнерадостнымъ. И немудрено, компанія собралась не изъ скучныхъ: два истинныхъ художника, отзывчивыхъ на всякое впечатлѣніе и точно свѣтящихся и горящихъ отъ внутренняго огня—Жоржъ Сандъ и Листъ; влюбленная молодая женщина и такая неор-

[1]) Ученикъ Листа Германъ Когенъ, впослѣдствіи постригшійся въ монахи и бывшій кармелитомъ. О немъ уже было говорено въ предыдущей главѣ.

динарная женщина,—какъ гр. д'Агу; трое веселыхъ славныхъ ребятъ:—Пуцци, Морисъ и Соланжъ; остроумный маіоръ Пиктэ; любезный „легитимистъ“, и въ довершеніе всего наивная непосредственная натура — беррищонка Урсула, всѣмъ восхищающаяся и лишь съ ужасомъ слышащая слово „Мартиньи“, принимаемое ею за „островъ Мартинику“, — что̀ повергаетъ ее въ слезы, ибо она рѣшаетъ, что возвращаться во Францію ей придется моремъ.

Полная непринужденность и веселье царствовали среди этой славной, точно вырвавшейся на свободу молодежи; шутки, всевозможныя забавныя выходки и продѣлки не прекращались ни на минуту. И неудивительно, что служанки и хозяева гостинницъ и вообще мѣстные жители затруднялись съ точностью сказать, кто такіе были эти постояльцы, такъ какъ Листъ, напримѣръ, расписался въ „Книгѣ для пріѣзжающихъ“ такимъ образомъ.

Занятія?:	— *музыкантъ-философъ.*
Мѣсто рожденія?:	— *на Парнасѣ.*
Откуда? (venant de)	— *отъ Сомнѣнія.*
Куда? (allant à)	— *къ Истинѣ.*

А Жоржъ Сандъ, въ свою очередь, такъ отмѣтила себя и свое семейство, за которымъ, начиная съ этого времени и утвердилась кличка „*семьи Пиффель*“ (Piffoels), данная ей въ насмѣшку надъ длиннымъ носомъ Мориса и самой Жоржъ Сандъ (отъ слова piff-носъ).

Имя и фамилія:	— *семья Пиффель.*
Мѣсто жительства:	— *Природа.*
Откуда прибыли:	— *отъ Бога.*
Куда отправляются:	— *на Небо.*
Мѣсто рожденія:	— *Европа.*
Чѣмъ занимаются:	— *фланеры.*
Съ какихъ поръ присвоено имъ это званіе: (la date de leurs titres):	— *всегда.*
Кѣмъ пожаловано:	— *общественнымъ мнѣніемъ.*

И Листъ, и Жоржъ Сандъ и Пиктэ въ яркахъ и живыхъраскахъ описываютъ свое путешествіе въ Шамуни, къ Большому Леднику и на Монтанверъ, пребываніе въ горахъ, посѣщеніе Фрейбургскаго собора и возвращеніе въ Женеву. Они

разсказываютъ намъ также и о тѣхъ интересныхъ, то философскихъ, то непринужденно-художническихъ бесѣдахъ, которыя велись во время этого путешествія. Особенно интересна въ этомъ отношеніи книжечка Пиктэ, представляющая въ одно и то же время характеристику Жоржъ Сандъ, какъ человѣка и какъ писательницы, (онъ ставитъ ее между Байрономъ и Руссо) и описаніе поѣздки въ Шамуни и Фрейбургъ. Въ книжкѣ этой, названной Conte fantastique, авторъ дѣйствительно часто придаетъ своему повѣствованію то сказочную, то аллегорическую форму, подчасъ надоѣдающую читателю; иногда даже описываетъ свои якобы сонныя видѣнія и галлюцинаціи, что̀ не мѣшаетъ ему чрезвычайно колоритно передать какъ содержаніе бесѣдъ молодыхъ друзей, и характеристику каждаго изъ четырехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (Листа, Ж. Сандъ, гр. д'Агу и самого себя), такъ и въ особенности остановиться на личности великой писательницы. Прежде всего, очень остроумно оцѣнивъ всѣ ходячія мнѣнія о Жоржъ Сандъ, Пиктэ отмѣчаетъ тѣ безчисленныя грани (facettes), которыми блещетъ ея разносторонняя натура: это и „мальчишка", и поэтъ, и женщина, и революціонеръ, и изящный романистъ - пѣвецъ любви, и авторъ книгъ, которыя ужасаютъ святошъ, даже карбонарій. Ключъ къ пониманію загадочной ея натуры лежитъ въ ея *геніи*. Вся ея измѣнчивость, неуловимость, рѣзкіе переходы, противорѣчія, странности, недостатки и достоинства, великое и низменное,—все въ томъ, что она не простой человѣкъ, а геній. Поэтому она является ему прежде всего творческой, поэтической силой, всесозидающей и разносторонней. Листъ олицетворяетъ собою *музыку*, а самъ маіоръ и отчасти графиня являются представителями *мысли*, *анализа*.

И вотъ въ сонномъ видѣніи они всѣ являются воплощеніемъ трехъ санкритскихъ таинственныхъ началъ: Жоржъ Сандъ ввидѣ *Kamoroupî*— „той, которая произвольно мѣняется", Листъ ввидѣ—*Madhousvara*— „мелодическаго", самъ Пиктэ или Арабелла—ввидѣ *Manas*—мысли; и вслѣдъ затѣмъ очень картинно изображается, что̀ всякій изъ нихъ видитъ, дѣлаетъ и значитъ въ мірозданіи. Маіора-философа занимаетъ вопросъ, кто важнѣе для человѣчества: люди всеобъемлющіе или спеціалисты, и онъ не знаетъ, какъ рѣшить его, наконецъ приходитъ къ заключенію, что лишь въ геніи оба начала примиряются, и онъ сравниваетъ его съ рѣкой, которая ключемъ, рѣзко и сильно, бьетъ изъ глубины земли, но и разливается затѣмъ широко по поверхности. Отсюда ясно и преклоненіе маіора передъ геніаль-

ной натурой Жоржъ Сандъ и то, что вся „сказка" въ сущности является аллегорическимъ изображеніемъ и прославленіемъ ея власти надъ природой, всеобъемлющаго ума, гармоническаго равновѣсія ея духа, ея вѣчнаго стремленія въ надзвѣздные міры, къ недостижимому (l'au-delà), ея ненасытной жажды знанія, желанія постигнуть тайну мірозданія и тайну той гармоніи между человѣческой жизнью и природой,—достиженіе которой для Жоржъ Сандъ представляется всегда конечнымъ идеаломъ счастья на землѣ. Поэтому она, съ одной стороны, вмѣстѣ съ Листомъ и его подругой зачитывается сочиненіями моднаго философа Баршу де Пенгоэнъ (Barchou de Penhoen)[1]) и увлекается философіей Гегеля, но съ другой стороны, соціальные вопросы и задачи гораздо болѣе ее интересуютъ. По всей вѣроятности, между Листомъ, Арабеллой и маіоромъ съ одной стороны—и Жоржъ Сандъ съ другой происходили и ожесточенные политико-соціальные споры, ибо въ одной изъ главъ, ввидѣ комическо-фантастическаго появленія ящика съ маріонетками, изображается будущій вѣкъ съ „наступленіемъ свободы и всеобщаго демократическаго равенства", того царства *среднихъ*, мелкихъ интересовъ и идей, гдѣ не будетъ ни геніевъ, ни истинной науки, ни искусства. „Жоржъ былъ однако слегка удивленъ такимъ логическимъ и конечнымъ результатомъ своей дѣятельности и послѣ того, какъ онъ тщетно выжидалъ и недождался чудодѣйственнаго вліянія равенства на умственное и нравственное развитіе людей—онъ кончилъ тѣмъ, что нашелъ родъ людской несноснымъ (ennuyeux)".

Соотвѣтственно этимъ аллегорическимъ и фантастическимъ страницамъ и иллюстраціи къ книжечкѣ не менѣе фантастичны. Заглавный листъ изображаетъ Жоржъ Сандъ съ сигарою въ зубахъ. Затѣмъ идетъ каррикатура: маіоръ Пиктэ лежитъ на кровати, душимый кошмаромъ, ввидѣ наваленныхъ на него книгъ, которыя Жоржъ Сандъ, сидящая верхомъ на кошкѣ, хватаетъ съ по-

[1]) Огюстъ-Теодоръ-Илэръ, баронъ Баршу де Пенгоэнъ, род. въ 1801, умеръ въ 1855 г.; историкъ и публицистъ, послѣдователь Балланша (идеи котораго особенно ясно выразились въ двухъ изъ его многочисленныхъ сочиненій: „Essai d'une formule générale de l'histoire de l'humanité" и „Essai d'une philosophie de l'histoire"). Баршу вначалѣ былъ военнымъ, участвовалъ въ алжирскихъ походахъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба; при вступленіи на престолъ Луи Филиппа бросилъ однако службу: онъ былъ легитимистъ; впослѣдствіи участвовалъ въ Законодательномъ собраніи въ рядахъ монархической оппозиціи. Особенно прославился своими переводами нѣмецкихъ философовъ (Фихте и Шеллинга) и „Исторіей нѣмецкой философіи отъ Лейбница до Гегеля". Писалъ и мемуары („О завоеваніи Алжира") и т. д.

локъ, гдѣ онѣ „въ полномъ порядкѣ“, что должно символизировать его „хорошо систематизированное мышленіе („idées bien rangées“); она всѣ эти книги рветъ и бросаетъ на него. Рисунокъ третій—воспроизведеніе *facsimile* каррикатуры, нарисованной самой Жоржъ Сандъ на занятія философіей маіора, Листа и графини: наверху надпись: *l'Absolu est identique à lui même* (Абсолютное идентично самому себѣ); внизу растрепанная голова Листа, по своему обыкновенію ищущаго разъясненій, а потому спрашивающаго: „*Qu' est ce que cela veut dire?*“ (Что это значитъ?); направо маіоръ говоритъ: „*C'est un peu vague*“. (Это немного неясно); въ серединѣ Арабелла, отъ которой видна одна прическа изъ-за подушекъ дивана, восклицаетъ: „ Je m'y perds depuis longtemps — (Я уже давно сбилась среди всего этого). Наконецъ 4-ый рисунокъ изображаетъ Жоржъ Сандъ и маіора верхомъ на одномъ и томъ же стулѣ.

Но на ряду съ этими метафизическими разговорами,—итоги которыхъ подводятся въ X главѣ, названной *Le carnet du major et les pensées détachées* [1])—и критическими сужденіями о Жоржъ Сандъ, на ряду съ фантастическими изображеніями животворящаго вліянія Жоржъ Сандъ и ея поэзіи на совершенно противоположную натуру самого маіора-метафизика, — мы встрѣчаемъ въ книжечкѣ Пиктэ и вполнѣ реалистическія и точныя описанія путешествія и самихъ путешественниковъ. Такъ онъ сопоставляетъ прежде всего этихъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ каждая была необыкновенной по-своему, но обѣихъ выдающихся и возвышенныхъ.

Arabella—графиня д'Агу: изящно-причесанная, въ длинныхъ локонахъ à l'Anglaise, съ флакономъ въ рукахъ, нарядная, граціозная, бѣлокурая, серьезная, выдержанная. И рядомъ съ нею, полная сдерживаемаго огня и внутренней силы, не заботящаяся о своемъ костюмѣ художница съ безпритязательными манерами, одѣтый въ блузу „мальчишка Жоржъ“, съ густыми черными волосами, падающими на плечи и просто раздѣленными проборомъ, и съ сигарой въ рукѣ.

Подъ блузой на Жоржъ Сандъ былъ надѣтъ красный жилетъ съ золотыми филиграновыми пуговками и черный галстухъ; на головѣ—большая соломенная шляпа.

[1]) Позднѣе Ж. Сандъ такъ выразилась объ этой X главѣ: „Философскія разсужденія—5-ое, 9-ое, 10, 25, 29 и послѣднее остались и останутся въ моей памяти какъ въ дѣтствѣ моемъ иные стихи Библіи и нѣкоторыя изреченія древнихъ мудрецовъ...“ (Корреспонденція, т. II. Письмо къ маіору Адольфу Пиктэ, октябрь 1838 г., стр. 104—108).

Листъ былъ тоже въ блузѣ и въ беретѣ à la Рафаэль. Тоненькая Арабелла—въ англійской „шляпкѣ-капоткѣ“ и въ зеленомъ вуалѣ.

Пиктэ изображаетъ намъ и изумленіе поселянъ при видѣ этой „странствующей труппы цыганъ“, и ярко и образно рисуетъ поѣздку въ Фрейбургъ; соборъ; игру Листа на знаменитомъ органѣ и тѣ различныя впечатлѣнія, которыя она произвела на всѣхъ присутствующихъ. Еще вначалѣ, говоря о Madhousvara, маіоръ разсказывалъ, что онъ игралъ на какомъ-то „таинственномъ музыкальномъ инструментѣ, неизвѣстнаго устройства (nature) и формы (вѣроятно подъ нимъ подразумѣвается неизвѣстное санскритамъ фортепьяно), изъ котораго онъ извлекалъ удивительные звуки. Просто не знаешь, были то звуки или слова, ибо казалось, что очарованное ухо слышитъ то прелестныя мелодіи, то цѣлые интереснѣйшіе и поэтическіе разсказы“...

Теперь уже не таинственный Madhousvara, а реальный Листъ играетъ на реальномъ органѣ, но впечатлѣніе его игры такое же необычайное и фантастически-поражающее, и такъ же трудно опредѣлить, „играетъ“ ли онъ, или прямо звуками умѣетъ разсказывать свои грезы и передавать слушателямъ свои мысли.

Мы нарочно остановились такъ подробно на книжечкѣ Пиктэ, давно исчезнувшей изъ продажи и такъ мало извѣстной, что когда мы потребовали ее въ 1894 г. въ Salle de travail Національной Парижской Библіотеки, то получили экземпляръ *неразрѣзанный и еще не переплетенный*, а точь въ точь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поступилъ въ Библіотеку въ 1838 году. Мы не станемъ, наоборотъ, пересказывать того, что объ этомъ путешествіи говоритъ Жоржъ Сандъ въ своихъ *Письмахъ Путешественника*, ибо это слишкомъ извѣстно. Но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести ту страницу изъ X *Письма Путешественника*, гдѣ Жоржъ Сандъ въ свою очередь разсказываетъ намъ объ игрѣ Листа на фрейбургскомъ органѣ, тѣмъ болѣе, что это Письмо очень мало извѣстно русскимъ читателямъ.

„Мы вошли,—говоритъ она, въ церковь Св. Николая, чтобы послушать самый прекрасный органъ, какой былъ построенъ до настоящаго времени. Арабелла, душа, привыкшая къ возвышеннымъ вещамъ, ненасытная, требовательная отъ людей и отъ Бога, безконечно-глубокая, гордо сѣла на край баллюстрады и блуждая меланхолически-созерцательнымъ взоромъ по находившейся ниже внутренности церкви, ждала и вновь тщетно ждала тѣхъ небесныхъ голо-

совъ, которые звучатъ въ ея сердцѣ, но которые никакой человѣческой голосъ, никакой инструментъ, вышедшій изъ рукъ человѣческихъ, не можетъ заставить звучать въ ея ушахъ. Ея длинные бѣлокурые волосы, развившіеся отъ дождя, падали на ея бѣлую ручку, а ея взоры, гдѣ небо отражается самой прекрасной лазурью, при всякомъ звукѣ, исходившемъ изъ громаднаго инструмента, словно хотѣли извѣдать, насколько простирается власть человѣка"...

Между тѣмъ мѣстный краснощекій органистъ,—желая высказать всѣ достоинства знаменитаго органа и исполняя желаніе его строителя, Мозера, имѣвшаго манію устраивать въ своихъ инструментахъ регистры и голоса такъ, чтобы они воспроизводили звуки грозы, — этотъ здоровый парень и изобразилъ дѣйствительно на органѣ какую-то бурю съ громомъ, молніей, дождемъ, „и даже — прибавляетъ Жоржъ Сандъ"— съ гибелью всѣхъ картофельныхъ полей". Это произвело самое комическое впечатлѣніе на слушателей и мало помогло имъ оцѣнить какъ слѣдуетъ чудный инструментъ стараго Мозера, находившагося тутъ же въ церкви.

...„Лишь когда Францъ свободно опустилъ свои руки на клавиши и сыгралъ намъ отрывокъ изъ своего *Dies irae*, мы поняли, насколько фрейбургскій органъ выше всего, что мы знали въ этомъ родѣ. Еще наканунѣ мы слыхали органъ въ маленькомъ городкѣ Бюллѣ, тоже работы Мозера, и были очарованы качествомъ звука, но въ фрейбургскомъ органѣ усовершенствованія еще замѣтнѣе, особенно регистры человѣческихъ голосовъ, которые, выдѣляясь надъ басами, произвели на нашихъ дѣтей совершенную иллюзію. Можно было бы сочинить цѣлыя сказки объ этихъ хорахъ невидимыхъ дѣвъ, но мы всѣ были поглощены суровыми звуками *Dies irae*. Никогда еще флорентинскій профиль Франца не рисовался такимъ блѣднымъ и чистымъ среди болѣе темнаго облака мистическихъ ужасовъ и религіозной грусти. Одинъ гармоническій оборотъ часто возвращался подъ его пальцами, и всякая нота его составлявшая, казалось мнѣ, передавала суровыя слова погребальнаго гимна:

Quantus tremor est futurus
Quando judex est venturus, etc [1])

Я не знаю соотвѣтствовали ли эти слова, въ намѣреніи маэстро тѣмъ нотамъ, къ которымъ я ихъ примѣнялъ, но никакія человѣческія силы не заглушили бы во мнѣ этихъ ужасныхъ слоговъ: *quantus tremor*...

И вдругъ, вмѣсто того чтобы устрашить меня, эта угроза суда представилась мнѣ обѣтованіемъ, и неизвѣданная радость ускорила біеніе моего сердца. Какое то довѣріе, безконечное спокойствіе гово-

[1]) Извѣстные стихи изъ католической заупокойной обѣдни:

„Каковъ будетъ страхъ
Когда грядетъ Судія..."

рило мнѣ, что вѣчное правосудіе не раздавитъ меня, что среди толпы угнетенныхъ и я пройду забытой, можетъ быть прощенной чрезъ врата страшнаго суда; что лишь властители вѣка сего и великіе міра будутъ раздавлены на глазахъ безчисленныхъ жертвъ ихъ мнимаго права. Законъ возмездія, предоставленный одному Богу апостолами христіанскаго милосердія и прославляемый такимъ величественнымъ и мрачнымъ гимномъ, не показался мнѣ слишкомъ мелкимъ дѣломъ для Божественнаго Правосудія, когда я вспомнила, что Ему надлежало покарать такія преступленія, какъ уничиженіе и рабство человѣческаго рода. „О, да,—говорила я себѣ, въ то время какъ гнѣвъ Божій гремѣлъ надо мною громовыми нотами,—да, страшно будетъ тѣмъ, кто не знали страха Божія и оскорбляли Его въ самомъ прекрасномъ твореніи Его рукъ, тѣмъ, кто насиловали святыню совѣсти, тѣмъ, кто отягчали оковами руки своихъ братьевъ, тѣмъ, кто сгущали предъ ихъ глазами тьму невѣжества, тѣмъ, кто проповѣдывалъ, что рабство народовъ божественнаго происхожденія... тѣмъ, кто торгуетъ народомъ и предаетъ его тѣло Апокалиптическому дракону, всѣмъ этимъ будетъ страшно, всѣхъ ихъ ждетъ ужасъ!“

Я былъ въ одномъ изъ тѣхъ приступовъ жизненности, которые вызываетъ въ насъ прекрасная музыка или благородное вино, въ одномъ изъ тѣхъ душевныхъ возбужденій, когда долго дремавшая душа словно бушуетъ, какъ потокъ, готовый разбить зимніе льды;— въ эту минуту я оглянулся на Арабеллу и увидѣлъ на ея лицѣ небесное выраженіе умиленія и набожности; несомнѣнно ее затронули звуки болѣе соотвѣтствующіе ея натурѣ. Всякое сочетаніе звуковъ, линій, красокъ въ произведеніяхъ искусства заставляетъ дрожать въ насъ тайныя струны и выдаетъ таинственныя связи всякаго изъ насъ съ окружающимъ внѣшнимъ міромъ. Тамъ, гдѣ мнѣ грезилось возмездіе Бога силъ,—она кротко наклонила голову, чувствуя, что ангелъ гнѣва пронесется надъ нею, не поразивъ ее, но воодушевилась при какомъ нибудь болѣе нѣжномъ, трогательномъ стихѣ, можетъ быть при чемъ-нибудь вродѣ:

Recordare, Jesu pie... [1]).

А между тѣмъ, облака неслись, и дождь стучалъ въ стекла, потомъ вновь проглядывали блѣдные и косые лучи солнца, которые черезъ минуту гасли подъ новымъ ливнемъ. Благодаря этимъ неожиданнымъ эффектамъ свѣта, бѣленькій и чистенькій фрейбургскій соборъ казался еще веселѣе, чѣмъ всегда, и царь Давидъ, изображенный въ театральномъ костюмѣ временъ Прадона, въ черномъ парикѣ и красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ, казался улыбающимся и готовымъ вновь проплясать предъ ковчегомъ завѣта. А между тѣмъ органъ гремѣлъ какъ гласъ Бога силъ, и вдохновеніе нашего великаго музыканта, казалось, вызывало весь Дантовъ адъ и чистилище подъ узкіе стрѣльчатые своды, съ выкрашенными въ розовую и свѣтло-сѣрую краску жилками. Дѣти, какъ маленькіе щенята, лежавшіе на ступеняхъ хоръ, засыпали, грезя о волшебницахъ; на лицѣ стараго Мозера была гримаса, а церковный староста разспрашивалъ федераль-

[1]) Другой стихъ изъ Requiem'а: „Помяни, Іисусе Милостивый...“

наго маіора о нашимъ именахъ и при всякомъ хитроумномъ отвѣтѣ лукаваго чичероне, добродушный и любопытный городской совѣтникъ поочередно разглядывалъ насъ съ сомнѣніемъ и удивленіемъ...“

X *Письмо Путешественника* оканчивалось при своемъ первоначальномъ напечатаніи въ Revue des deux Mondes просьбою передать „страшныя рукопожатія всѣмъ парижскимъ друзьямъ; Давиду Ришару, Каламаттѣ, Шарлю д'Арагонъ [1]), Мерсіе, Эммануэлю [2]) и нашему Веньямину“ [3]) и обѣщаніемъ въ слѣдующій разъ написать Мейерберу, (которому и посвящено слѣдующее, XI Письмо) [4]), и сообщеніемъ, что авторъ немедленно уѣзжаетъ въ Женеву. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ *Писемъ* весь этотъ конецъ выпущенъ и измѣненъ.

И дѣйствительно послѣ своей горной экскурсіи, простившись съ Пиктэ, графиня д'Агу, Листъ и Жоржъ Сандъ отправились въ Женеву, гдѣ и поселились въ отелѣ на самомъ берегу озера. Жоржъ Сандъ со своей семьей занимала ту самую мансарду, „которая ждала ее еще съ прошлаго года“. Лина Раманнъ говоритъ объ этомъ времени такъ: „Тогда наступили дни духовныхъ наслажденій и художественныхъ впечатлѣній. Въ ту пору часто руки Листа, покорныя внушеніямъ генія, скользили по *инструменту съ перламутровыми клавишами*. Тогда Жоржъ Сандъ садилась у камина, внимательно слушая, или же взоръ ея большихъ глазъ обращался на чудный видъ изъ окна, въ то время какъ, подъ впечатлѣніемъ музыки, она невольно отдавалась мечтамъ и воплощала всѣ эти гармоніи въ поэтическіе образы“.

Около того времени Листъ сочинилъ свое *Rondo fantastique* на одну испанскую пѣсню Маноэля Гарсіа, *El Contrabandista*, особенно прославившуюся благодаря увлекательному исполненію этой пѣсни дочерью Гарсіа, знаменитой Малибранъ, которая, по словамъ Жоржъ Сандъ, „такъ сильно въ ней переживала воспоминанія дѣтства и родины, что отъ умиленія часто не могла допѣть до конца, а однажды, окончивъ ее, упала даже въ обморокъ“.

Свое *Рондо* Листъ посвятилъ Жоржъ Сандъ:—„à *Monsieur* George Sand“ стояло на лейпцигскомъ изданіи 1837 г., но на вѣнскомъ, 1839 г., — стояло уже „à *Madame* George Sand“.

[1]) Другъ Ж. Сандъ Мишеля, принцъ Карлъ Арагонскій.

[2]) Эм. Араго.

[3]) Огюстъ Мартино Дешене. О немъ смотри ниже.

[4]) По первоначальной нумераціи—VIII.

Окончивъ свое сочиненіе, Листъ какъ то въ сумеркахъ осенняго вечера сыгралъ его Жоржъ Сандъ, курившей въ темнотѣ у окна. ..„Взволнованный музыкой, немного опьяненный дымомъ Кнастера, — говоритъ она,—и журчаніемъ водъ Лемана, разбивавшихся о берегъ, слушатель до того увлекся полетомъ своей фантазіи, что воплотилъ звуки въ человѣческіе образы и вообразилъ цѣлую романтическую сцену. Вечеромъ, за ужиномъ, онъ сказалъ объ этомъ и попытался передать то, что ему представилось; его подзадорили въ словахъ и дѣйствіяхъ пересказать музыкальную пьесу. Сперва онъ отказывался, потому что инструментальная музыка никогда не можетъ имѣть произвольно-опредѣленнаго значенія (arbitraire), но такъ какъ композиторъ позволилъ ему отдаться во власть своего воображенія, то онъ, смѣясь, взялся за перо"...

Всю ночь напролетъ она писала по своему обыкновенію, а на другой день прочла своимъ друзьямъ „лирическую сказку" — *Le Contrebandier*, въ которой воплотила фантастическія картины, вызванныя въ ея воображеніи Листовской пьеской. „Поэтическій переводъ музыкальной пьесы, говоритъ Раманнъ, —это было ново, — музыканты съиспоконъ вѣку черпали изъ поэтическихъ источниковъ, обратное еще не случалось..." Оттого и Жюль Жаненъ—(въ № 9 Gazette Musicale de Paris 1837 г.), обращаясь къ парижанамъ, восклицалъ съ изумленіемъ: „Слушайте, слушайте! съ горъ спускаются рука объ руку музыкантъ и поэтъ, Францъ Листъ и его спутникъ Жоржъ Сандъ, и на этотъ разъ—удивительный переворотъ!—не музыкантъ пишетъ музыку на поэтическое произведеніе, а поэтъ слова на музыкальную пьесу"...

„Le Contrebandier, *фантастическая перифраза фантастическаго Рондо Франца Листа*" далеко не изъ лучшихъ произведеній Жоржъ Сандъ равно какъ *El Contrabandista* далеко не изъ лучшихъ произведеній Листа. Это его *Рондо* представляетъ собой по формѣ рядъ варіацій на испанскую тэму, которыя далеко не отличаются ни техническимъ совершенствомъ,—этимъ блестящимъ листовскимъ піанизмомъ, ни вдохновеніемъ его послѣдующихъ вещей въ этомъ родѣ. Очень можетъ быть, что геніальный артистъ своей игрой придавалъ разнообразный колоритъ каждой изъ этихъ варіацій, но сами по себѣ онѣ въ насъ не только не вызываютъ такого ряда отдѣльныхъ картинъ, какъ напримѣръ его удивительная фантазія на тему *Dies irae* („Danse Macabre"), но намъ даже непонятно, какъ могла Жоржъ Сандъ усмотрѣть въ нихъ все то, что она

изобразила въ своемъ *Контрабандистѣ*. Впрочемъ, на то она и была Жоржъ Сандъ, чтобы видѣть, слышать и воображать то, чего никто изъ насъ не видитъ, не слышитъ и не воображаетъ при звукахъ Листовскаго Рондо. Увы! полетъ воображенія въ этой „сказкѣ" далеко оставляетъ за собою ея литературныя достоинства, и самое лучшее и *поэтическое* во всей вещицѣ — ея Предисловіе, тогда какъ сама сказка представляетъ собою по истинѣ испанскую *olla podrida* изъ монаховъ, разбойниковъ, застольныхъ пѣсенъ, кинжаловъ, благородныхъ контрабандистовъ, оперныхъ „оргій", оперныхъ злодѣевъ и оперныхъ первыхъ любовниковъ. Можетъ быть болѣе поэтическія души и прочтутъ съ удовольствіемъ всю эту романтическую чепуху, но мы въ качествѣ прозаическихъ профановъ, должны сознаться, что ничего болѣе скучнаго, безвкуснаго и нагроможденно-выдуманнаго не знаемъ въ произведеніяхъ Жоржъ Сандъ, и очень были бы счастливы, еслибы она всѣ эти „поэтическія фантазіи" на тему Листовскаго Рондо лишь устно разсказала своимъ друзьямъ, ограничившись при писаніи однимъ лишь изящнымъ Предисловіемъ.

„Пѣсня эта,—говоритъ она,—кончается чѣмъ то вродѣ каденціи, которая встрѣчается на концѣ всѣхъ Tiranas (испанскихъ пѣсенъ), и которая, обыкновенно медленная и печальная, кончается словно вздохомъ или стономъ. Заключительная каденція *Контрабандиста* настоящая *sonsonneta*, она обрывается въ своемъ быстромъ движеніи на самыхъ высокихъ нотахъ; это какъ бы насмѣшливое бѣгство, словно быстрый полетъ вырвавшейся птички, галопъ уносящагося по равнинѣ коня; но несмотря на этотъ характеръ беззаботной веселости, когда вы слышите, среди пустынной тишины или сквозь шумъ водопадовъ, эту трель, раздающуюся съ вершинъ Пиренеевъ и несущуюся по неприступнымъ тропинкамъ, отдѣленнымъ отъ васъ пропастью,—тогда вы чувствуете въ насмѣшливомъ прощаніи бандита что то глубоко—грустное, ибо таможенный можетъ быть выскочитъ изъ за кустовъ и прицѣлится изъ за вашего плеча, и можетъ быть отважный пѣвецъ полетитъ въ пропасть оканчивать свою coplita"...

Листъ въ этой пѣснѣ восхищался, очевидно, больше всего тѣмъ чисто испанскимъ отпечаткомъ грустной отваги и удалой насмѣшки надъ жизнью, которыя и вообще всегда привлекали его, будь то въ пѣсняхъ его родныхъ цыганъ или въ стихотвореніяхъ поэтовъ. Стоитъ вспомнить его романсъ на слова Ленау „Die drei Zigeuner".

Этотъ же оттѣнокъ удали отмѣчаетъ и Жоржъ Сандъ и разсказываетъ въ своемъ Предисловіи далѣе, что самъ Гарсіа

„всегда сохранялъ отеческое пристрастіе къ своему *Контрабандисту*. Онъ увѣрялъ въ дни поэтическаго воодушевленія, что темпъ,

характеръ и смыслъ этой музыкальной жемчужины являются итогомъ артистической жизни, идеаломъ которой является контрабандистъ. Непереводимое *ай халео!* (aye jaleo!) это *ай!* которое заставляетъ лошадей раздувать ноздри, а охотничьихъ собакъ выть, казалось Гарсіи энергичнѣе, значительнѣе и болѣе способнымъ изгнать грусть, чѣмъ всѣ философскія изреченія. Онъ постоянно говорилъ, что хотѣлъ бы, чтобъ на его могилѣ стояло вмѣсто всякой эпитафіи: „Jo que soy el Contrabandista“, до такой степени типы *Отелло* и *Донъ-Жуана* слились съ вымышленной личностью *Контрабандиста*“...

Лина Раманнъ, разсказывая вкратцѣ исторію написанія музыкальнаго и литературнаго *Контрабандистовъ*, затѣмъ прибавляетъ, и очевидно со словъ Листа, что „удивительно, какъ Ж. Сандъ не вдохновила никогда Листа къ тому же“—т. е. что онъ ничего не написалъ на ея произведенія,—„*не смотря на ея глубокую музыкальность*“. Какъ читатель увидитъ ниже, первое утвержденіе не вполнѣ справедливо, ибо если Листъ и не написалъ ни одного романса или пѣсни на слова Жоржъ Сандъ, то, во первыхъ, впослѣдствіи собрался писать цѣлую оперу на „*Консюэло*“, а кромѣ того, какъ мы уже сказали, нѣкоторые программы его „симфоническихъ поэмъ“ являются прямо перифразами иныхъ жоржъ-сандовскихъ страницъ. Что касается второй половины фразы Раманнъ, то она для насъ очень важна и знаменательна, такъ какъ является *признаніемъ музыкальности Ж. Сандъ со стороны великаго музыканта*, между тѣмъ, какъ біографъ Шопена, Никсъ,—руководствуясь впрочемъ собственными соображеніями, а не мнѣніемъ Шопена,—отвергаетъ эту музыкальность, но приводитъ два такія доказательства ея „музыкальнаго непониманія“, которыя доказываютъ совсѣмъ обратное. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Поэтому мы теперь просто положимся на мнѣніе Листа, который, кажется, немножко имѣетъ значенія въ данномъ вопросѣ, и скажемъ вслѣдъ за нимъ, что Жоржъ Сандъ обладала несомнѣнной музыкальностью и глубокимъ пониманіемъ, которое доставляло Листу минуты того полнаго нравственнаго удовлетворенія, когда артистъ встрѣчаетъ совершенное проникновеніе и *сочувствіе* со стороны своего слушателя. Это музыкальное пониманіе несомнѣнно было одною изъ привлекательныхъ сторонъ Жоржъ Сандъ для Листа, а мы уже видѣли насколько въ это время ихъ остальныя идеи, вкусы и убѣжденія сходились.

Поэтому не мудрено, что когда Жоржъ Сандъ въ октябрѣ покинула Женеву, гдѣ Листъ и гр. д'Агу остались до конца осени, то было рѣшено, что всѣ они вновь съѣдутся и поселятся вмѣстѣ и въ Парижѣ.

Изъ Женевы Жоржъ Сандъ поѣхала черезъ Ліонъ,—гдѣ повидала нѣсколькихъ общихъ съ Листомъ знакомыхъ, — въ Ноганъ, а затѣмъ въ концѣ октября вернулась въ Парижъ и заняла заранѣе приготовленную для нея графиней д'Агу меблированную квартиру, – № 21—въ томъ-же *Hôtel de France* въ улицѣ Lafitte, гдѣ въ № 23 поселился и Листъ съ гр. д'Агу. Жоржъ Сандъ жила внизу, гр. д'Агу на верху, но онѣ постоянно бывали вмѣстѣ, такъ какъ у нихъ была общая гостинная. Графиня д'Агу не могла долго обходиться безъ общества, любила видѣть себя окруженной и уже въ то время начинала мечтать о литературно-политическомъ салонѣ, какой у нея и былъ современемъ. Въ 1836 году она прежде всего постаралась не очутиться въ одиночествѣ — благодаря своему двухсмысленному положенію — что ей очень не понравилось бы послѣ того, какъ она столько времени была царицей салоновъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. И вотъ Hôtel de France временно сдѣлался центромъ избраннаго и многочисленнаго кружка, нейтральной почвой, на которой встрѣчались современныя знаменитости изъ всѣхъ сферъ: Ламеннэ, Огюстъ Баршу де Пенгоэнъ и Балланшъ [1]), Гейне и Мицкевичъ, Мишель, Дидіе и Луи де Роншо [2]), Шопенъ и Нурри [3]), Викторъ Шельхеръ [4]) и Гжимала [5]), г-жа Марліани и г-жа Алларъ и т. д. и т. д. и т. д. Жоржъ Сандъ такъ описываетъ эту совмѣстную жизнь въ Hôtel de France:

„Условія жизни здѣсь были очень пріятны на нѣсколько дней. M-me д'Агу принимала много литераторовъ, художниковъ и нѣ-

[1]) Ballanche, членъ французской Академіи, род. въ 1776 г., умеръ въ 1847 г. въ Парижѣ, поэтъ и философъ. Послѣ печальной и болѣзненной юности онъ навсегда остался наклоннымъ къ одинокимъ размышленіямъ и созерцательной жизни. Писалъ и поэмы (*Орфей, Антигона*) и романы (*L'Homme sans nom*, дѣйствіе котораго происходило во время конвента), а особенно извѣстенъ своимъ сочиненіемъ по философіи исторіи „*Essai sus la palingénésie sociale*“ оставшимся впрочемъ неоконченнымъ. Собраніе сочиненій его вышло въ 1831 г. Его произведенія проникнуты сильной дозой мистицизма и туманности, но не лишены поэтическаго таланта и полета мысли и имѣли сильное вліяніе на сенъ-симонистовъ.

[2]) Louis de Ronchaud, писатель, сотрудникъ Revue des deux Mondes, род. въ 1816, ум. въ 1887 г. Впослѣдствіи былъ секретаремъ Академіи Художествъ и наконецъ завѣдовалъ всѣми національными музеями.

[3]) Знаменитый теноръ.

[4]) Victor Schoelcher, писатель и политическій дѣятель, род. въ Парижѣ въ 1804 г. Особенно прославился горячей и упорной борьбой противъ тѣлесныхъ наказаній, смертной казни и рабства негровъ.

[5]) Альбертъ Гжимала, иногда величаемый графомъ Гжимала, другъ Шопена и Мицкевича. Его не надо смѣшивать съ писателемъ Францемъ Гжимала.

сколько умныхъ свѣтскихъ людей. Я у нея или черезъ нея познакомилась съ Эженемъ Сю, барономъ д'Экштейнъ, Шопеномъ, Мицкевичемъ, Нурри, Викторомъ Шёльхеромъ и др. Мои друзья сдѣлались ея друзьями. Она знала уже съ своей стороны Ламеннэ, Пьера Леру, Гейнриха Гейне и т. д. Ея импровизированный въ гостинницѣ салонъ былъ такимъ образомъ избраннымъ кружкомъ, которымъ она руководила съ очаровательной граціей и гдѣ она находилась на равной высотѣ съ знаменитостями самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, благодаря своему обширному уму и разносторонности своихъ способностей, въ одно и то же время и поэтическихъ и глубокихъ. Тамъ отлично музицировали, а въ промежутки можно было научиться многому, слушая разговоры"...

Въ одномъ неизданномъ письмѣ, отъ 20 декабря 1836 г., къ Сципіону дю-Руръ,—(молодому адвокату, съ которымъ она тогда еще не познакомилась, но подружилась за глаза за его вниманіе и дружбу къ ней, чуть-чуть было не превратившуюся въ поклоненіе со стороны этого юноши, надъ чѣмъ она очень мило подсмѣивается, хотя сама очень курьезно предлагаетъ ему для перваго раза увидѣться въ Люксанбургскомъ саду и *угадать* другъ друга),—Жоржъ Сандъ пишетъ, что въ четвергъ у нихъ будетъ вечеръ, на которомъ Листъ будетъ играть, а Нурри пѣть.

..."Вы услышите прекрасную музыку и увидите благородныя лица. Вы придете въ 10 ч., подниметесь въ первый этажъ (à l'entresol), гдѣ я живу. Вы прикажете моей горничной доложить мнѣ, я сойду внизъ изъ гостиной, которая во второмъ этажѣ (au premier), и приду за вами, чтобы вы не свалились какъ снѣгъ на голову (comme mars en carême)"...

Не менѣе курьезно другое ея неизданное письмо отъ 31 октября 1836 г. къ ея другу г. Мартино Дешенэ, въ которомъ она пишетъ:

„Дорогой Веньяминъ, пришли завтра сюртукъ и жилетъ для M-me д'А... Я не очень хорошо знаю, что ей надо. Пойди къ ней, она живетъ въ этажѣ надо мною. Она находитъ, что у тебя добрый видъ, я говорю что и ладъ и пѣсня таковы. (Непереводимая игра словъ: Elle te trouve l'air bon, je lui dis que tu en as l'air et la chanson). Она очаровательна во всѣхъ отношеніяхъ. Ты меня поблагодаришь, что я тебя съ нею познакомила".

Еще весною этого 1836 г. Жоржъ Сандъ познакомилась съ Ламартиномъ и Беррье у своей новой знакомой Г-жи де Рошмюръ, по первому браку герцогини де Кэлюсъ, жившей теперь въ той самой квартирѣ нижняго этажа на Набережной Малакэ, которая лѣтомъ 1835 г., во время своей передѣлки, служила рабочимъ кабинетомъ Жоржъ Сандъ. Она писала объ этомъ въ маѣ Листу и графинѣ:

Я познакомилась съ Ламартиномъ. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ. Мы съ нимъ вмѣстѣ курили въ одной гостинной, которая очень хорошаго тона (extrêmement bonne compagnie), но гдѣ мнѣ прощаются всѣ мои капризы; онъ подарилъ мнѣ хорошаго табаку и плохіе стихи. Я нахожу его превосходнымъ человѣкомъ, немножко манернымъ и очень тщеславнымъ. Я познакомилась еще съ Беррье, который показался мнѣ болѣе добродушнымъ малымъ, проще и искреннѣе, но не довольно серьезнымъ для меня, ибо я вѣдь очень серьезна, помимо своей воли и хотя оно и не похоже на то"...

Съ семьей де Рошмюръ Жоржъ Сандъ по ея словамъ особенно потому сошлась, что у г-жи де Рошмюръ были двѣ прелестныя маленькія дѣвочки, а Жоржъ Сандъ всегда привлекали дѣти, кромѣ того сама г-жа де Рошмюръ была очень милой и образованной женщиной. Зимою этого же 1836 г. Жоржъ Сандъ дѣйствительно познакомилась и съ Шопеномъ, что совершенно опровергаетъ очень распространенныя въ публикѣ и излюбленныя біографами Шопена легенды о первой встрѣчѣ Жоржъ Сандъ съ Шопеномъ „въ 1837 году на музыкальномъ вечерѣ у графини К." или „на музыкальномъ утрѣ у маркиза К"... (подъ обоими надо подразумѣвать *маркиза* де Кюстина), причемъ и всѣ подробности этого перваго свиданія носятъ чисто легендарный, и долженствущій быть необычайно-поэтическимъ, колоритъ. Тутъ на сцену являются и таинственныя предчувствія Шопена; и хмурая погода; и яркоосвященная и устланная коврами лѣстница; и внезапно промелькнувшая, мимо подымающагося по ней Шопена, „тѣнь"... въ шуршащемъ шелковомъ платьѣ и распространяющаяароматъ духовъ, (причемъ даже опредѣлено какихъ именно — violette); и бальная зала, переполненная великосвѣтскими танцорами; и исполняемая Шопеномъ въ какомъ то антрактѣ — (кажется даже указано послѣ какой именно по счету кадрили) — баллада „Прощаніе рыцаря"; и внезапное появленіе въ дверяхъ противъ рояля высокой смуглой красавицы — Леліи [1]), которая сразу произвела впечатлѣніе на молодого піаниста; и длинный первый разговоръ ихъ подъ сѣнью камелій зимняго сада, и — даже цифра 7! таинственная цифра„ сыгравшая такую роковую роль въ жизни Шопена", а особенно де сыгравшая её въ исторіи его отношеній къ Жоржъ Сандъ и оканчивающая цифру этого 1837 года, когда они, *будто бы*, познакомились. Увы!

[1]) Страсть къ изобрѣтеніямъ поэтическихъ вымысловъ заставила всѣхъ этихъ господъ разсказчиковъ даже придать росту Ж. Сандъ и назвать ее „высокой", тогда какъ извѣстно, что она была просто мала ростомъ, „ростомъ съ 14 лѣтнюю дѣвочку", какъ подтвердилъ намъ самый скептическій, старый другъ ея, щепетильный поклонникъ истины.

Никсъ, съ огорчительной для всѣхъ чувствительныхъ сердецъ черствой трезвостью, совершенно опровергаетъ въ своей книгѣ всѣ поэтическія росказни гг. Энно, Карасовскаго, Франкомма (Franchomme, извѣстный віолончелистъ), Гутмана, Флотова и др., разсказывавшихъ объ этой мнимой первой встрѣчѣ великаго композитора и романистки, и прямо утверждаетъ, что когда онъ однажды, будучи въ Веймарѣ, спросилъ Листа, какъ познакомился Шопенъ съ Жоржъ Сандъ, то Листъ совершенно опредѣленно отвѣтилъ, что кому же это и знать лучше, чѣмъ ему, разъ онъ самъ и познакомилъ ихъ. А именно Жоржъ Сандъ какъ то попросила Листа привести къ ней Шопена. Шопенъ, боявшійся и не любившій синихъ чулковъ, говоря, что не умѣетъ говорить съ ними, отказался. Но когда однажды Листъ засталъ его въ хорошемъ расположеніи духа, и Шопенъ звалъ его вечеромъ къ себѣ, чтобъ вмѣстѣ помузицировать, то Листъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ и привести вечеромъ вмѣстѣ съ гр. д'Агу и Жоржъ Сандъ. Такъ оно и случилось. Музыкальный вечеръ въ маленькой компаніи такъ удался, что вскорѣ его повторили еще и еще, а затѣмъ Шопенъ сдѣлался постояннымъ гостемъ общаго салона въ Hôtel de France и сталъ бывать и у Жоржъ Сандъ. Почти тоже и въ тѣхъ же выраженіяхъ Листъ уже ранѣе разсказалъ въ своей книгѣ о Шопенѣ (стр. 82—94 [1]). Это вполнѣ подтверждаетъ слова самой Жоржъ Сандъ, что съ Шопеномъ она познакомилась именно тутъ, и объясняетъ, почему въ этой же книгѣ Листъ начинаетъ разсказъ о роли Жоржъ Сандъ, въ жизни Шопена словами: „Въ 1836 г. Жоржъ Сандъ написала уже"... и т. д. Очень можетъ быть, что въ 1837 г. Шопенъ и присутствовалъ вмѣстѣ съ нею на музыкальномъ вечерѣ или утрѣ у Кюстина, но это было вовсе не первое ихъ свиданіе, которое произошло уже въ 1836 и состоялось благодаря Листу. Извѣстныя, поэтическія, сейчасъ упомянутыя нами и часто цитируемыя страницы изъ его книги о Шопенѣ, рисующія нами музыкальные вечера у Шопена въ интимномъ, избранномъ кружкѣ, который составляли: Жоржъ Сандъ, Мейербееръ, Гейне, Мицкевичъ, Нѣмцевичъ, Ламеннэ, гр. д'Агу, самъ Листъ и двое-трое друзей, и очаровательныя строчки Воспоми-

[1]) „F. Chopin" par F. Lizst (Paris. Escudier. 1852). Это первое изданіе чрезвычайно рѣдко и вышло изъ продажи, слѣдующія отличаются отъ него значительно. Въ полномъ собраніи сочиненій Листа эта книга составляетъ 1-ый томъ и переведена Ла-Марой. См. „Sämmtliche Schriften von Franz Liszt". Erster Band. Friedrich Chopin, frei ins deutsche übertragen von La Mara. (Leipzig. Breitkopf und Härtel. 1880).

наній самого Гейне объ игрѣ Шопена [1]) написанныхъ весною 1837 года, надо полагать и относятся до этихъ вечеровъ въ началѣ зимы 1836—1837 г.

Въ началѣ января Жоржъ Сандъ переселилась въ Ноганъ съ дочкой и сыномъ, котораго, несмотря на сопротивленіе г. Дюдевана, пришлось по болѣзни взять изъ коллежа. Вскорѣ въ Ноганъ должна была пріѣхать гостить и семья *Fellows*, какъ звали Листа, графиню, ея дѣтей, и „Пуцци"-Когена въ отличіе отъ Жоржъ-Сандовской семьи *Piffoëls*. Болѣзнь помѣшала Fellows'амъ переселиться въ Ноганъ немедленно за хозяйкой. Вотъ письмо Листа, относящееся къ этому времени:

(На адресѣ: Madame Dudevant. Nohant, par Lachâtre. Indre. На штемпелѣ „22 января 1837 г.").

„Мари уже 6 дней въ постели. Я дважды ходилъ въ контору дилижансовъ, чтобы перемѣнить заказанныя мѣста.

Она умираетъ отъ желанія выселиться отъ меня, гдѣ очень не удобно, какъ вы знаете. Кромѣ того намъ сказали, что вы умерли, что было бы весьма серьезно, и со времени полученія этого рокового извѣстія она не находитъ себѣ ни мѣста, ни покоя и хочетъ во чтобы то ни стало уѣхать, чтобы окончательно убѣдиться въ вашей кончинѣ. Вѣроятно она разсчитываетъ на блестящее наслѣдство..

Шутки въ сторону, Мари не можетъ выѣхать ранѣе 3 дней (можетъ быть въ понедѣльникъ), что позволитъ вашей дичи [2]) *дойти* какъ слѣдуетъ.

Она проситъ сказать вамъ тысячу прекрасныхъ вещей, чѣмъ я весьма смущенъ. Мы постоянно болтаемъ о другѣ Пиффёлѣ, и на всѣхъ, кто не признаетъ въ принципѣ, что Пиффёль существо сверхъестественное, почти легендарное, — на тѣхъ у насъ очень косо смотрятъ. Дидіе и *Бинья* (Bignat) [3]) заходятъ къ намъ иногда; надняхъ я выигралъ у нихъ 50 франковъ. Это почти что полное собраніе сочиненій *Ж. С.* До свиданья, до скораго! мой добрый Пиффёль, любите меня, какъ прежде, я этого стою, право!

Ф. Л.

Какъ М-me д'Агу устраивала заранѣе квартиры для своей пріятельницы и въ Женевѣ и въ Парижѣ, такъ теперь Жоржъ Сандъ хлопотала о томъ, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить и помѣстить свою гостью, приготавливала ей комнату, оклеивала ее обоями, декорировала каминъ, даже повѣсила

[1]) H. Heine. Lutetia. *Ueber die franz. Bühne.* Vertraute Briefe an Levald, № X.

[2]) Ж. Сандъ писала Листу, что все готово къ ихъ пріѣзду и даже „кладовая полна дичи".

[3]) Дружеская кличка Эммануэля Араго. Затѣмъ въ честь него и любимую новую лошадь Ж. Сандъ назвали *Bignat*.

тамъ портретъ самой графини, долженствовавшій символизировать, что она тутъ всегда присутствуетъ и царитъ. M-me д'Агу сначала думала прогостить въ Ноганѣ всю весну, но Листъ и зимою могъ лишь наѣзжать, а въ началѣ марта долженъ былъ и совсѣмъ уѣхать, чтобы, согласно заранѣе даннымъ обѣщаніямъ, участвовать въ разныхъ концертахъ. Извѣстія о его шумныхъ парижскихъ тріумфахъ, а вѣроятно также и непривычка къ деревенской жизни, особенно зимою, заставили и эту неуравновѣшенную, и всетаки прежде всего свѣтскую, женщину, вѣчно куда то стремившуюся и никогда не знавшую, гдѣ ей лучше—тоже поспѣшить въ концѣ марта въ Парижъ, впрочемъ съ обѣщаніемъ къ лѣту вновь вернуться.

Мы уже знаемъ изъ писемъ Жоржъ Сандъ къ Мишелю, какъ Жоржъ Сандъ проводила этотъ конецъ зимы и начало весны 1837 года въ деревнѣ. Погода была для этого времени года на рѣдкость суровая и мрачная. Морисъ и Соланжъ заболѣли вѣтреной оспой, такой сильной, что боялись не настоящая ли это. Работать приходилось усиленно: Бюлозу уже давно былъ обѣщанъ новый большой романъ на мѣсто написаннаго въ началѣ 1836 г. романа въ 3 томахъ in 8⁰, *Энгельвальда.* Дѣйствіе его хотя и происходило въ Тиролѣ, но герой, „Энгельвальдъ съ лысымъ лбомъ“ и... чрезвычайно республиканскимъ образомъ мыслей, былъ, повидимому, списанъ со стараго беррійскаго трибуна, да и весь романъ былъ на столько преисполненъ проповѣдью революціонныхъ идей, что Жоржъ Сандъ во время своего процесса, дабы не раздразнить гусей—мы хотѣли сказать: судей,—сначала задержала печатаніе романа, на что Бюлозъ очень сердился [1]), а за тѣмъ рѣшила вовсе не печатать его и даже уничтожить, надо полагать вслѣдствіе измѣнявшихся уже отношеній къ Мишелю, а можетъ быть и по другимъ, болѣе интимнымъ причинамъ. Изъ *неизданнаго письма* отъ 11 ноября 1836 г. къ Дютейлю видно, что въ это время рукопись романа еще существовала и находилась въ Ноганѣ въ одномъ шкапу съ „исправленнымъ и перепачканнымъ экземпляромъ *Леліи*“; обѣ эти рукописи Дютейль долженъ былъ послать ей въ Парижъ. Сожженъ былъ *Энгельвальдъ* однако гораздо позднѣе [2]). Но какъ бы то ни было, а Бюлозъ заплатилъ

[1]) *Корреспонденція*, т. I, Письмо къ Францу Листу отъ 5 мая 1836 г. стр. 359—363.

[2]) Онъ былъ сожженъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ Палэзо, когда секретарь и другъ Жоржъ Сандъ—Мансо сжегъ тамъ по ея приказанію много бумагъ и рукописей.

за романъ впередъ, надо было разсчитаться съ нимъ и приходилось работатъ съ удвоенной энергіей, часто сверхъ силъ [1]). И вотъ теперь, въ одиночествѣ большого стараго дома, прислушиваясь то къ лихорадочному бреду больныхъ дѣтей, то къ завываніямъ вѣтра въ трубахъ и сухому шуршанію запоздалаго снѣга въ оголенныхъ вѣтвяхъ [2]), терзаемая ревностью и сомнѣніями въ любви Мишеля,—Жоржъ Сандъ дописывала „*Мопрà*", начатый еще прошлымъ лѣтомъ [3]), тотчасъ по окончаніи процесса, романъ, долженствовавшій провозгласить принципъ настоящаго нерасторжимаго христіанскаго брака: вѣрность мужчины и женщины своей одной единственной любви втеченіе всей жизни и цѣломудріе обязательное для обоихъ до брака. Но многія мрачныя сцены этого романа являются какъ бы живымъ свидѣтельствомъ теперешняго мрачнаго и тяжелаго настроенія автора. Въ посвященіи „*Мозаичистовъ*" Жоржъ Сандъ говоритъ „Морису Д...":

„Ты упрекаешь меня, дитя, что я всегда разсказываю сказки, которыя оканчиваются дурно и огорчаютъ тебя, или исторіи такія длинныя, длинныя, что ты наполовинѣ засыпаешь. Подумай, малютка, развѣ твоему старому отцу придутъ въ голову радостныя мысли послѣ такой блѣдной, холодной, простудной весны? Когда печальный сѣверный вѣтеръ стонетъ въ старыхъ еляхъ, когда журавль испускаетъ свой жалобный крикъ при звукѣ колокола, привѣтствующаго холодную и мутную зарю, — я могу грезить лишь о смертяхъ или кровопролитіяхъ. Громадные зеленые призраки пляшутъ вокругъ моей догорающей лампы, и я въ безпокойствѣ встаю, чтобъ отогнать ихъ отъ твоей постели..."

[1]) *Корреспонденція*, т. II, Письма: къ Жюлю Жаненъ отъ 15 февраля 1837, къ Листу отъ 28 марта, къ гр. д'Агу отъ 10 и 21 апрѣля и къ Сципіону дю Руръ отъ 13 апрѣля.

См. также *Lettres de femme*, отрывки изъ которыхъ относительно этой непосильной работы приведены нами выше.

[2]) Она пишетъ Сципіону дю Руръ: „Соланжъ была очень больна, я извелась отъ работы. Весна здѣсь ужасная. Соловей пѣлъ три дня подъ снѣгомъ".

[3]) 10 Апрѣля она пишетъ графинѣ д'Агу:.,. „Раньше двухъ мѣсяцевъ я не отдѣлаюсь отъ *Мопрà* и отъ другой повѣсти, которая немедленно за нимъ послѣдуетъ въ *Revue des deux Mondes*, чтобы дополнить томъ"..., т. е. чтобы вышло то число листовъ, которое Жоржъ Сандъ обязана была ежегодно доставлять Бюлозу по заключенному между ними контракту. (См. выше стр. 275). А 21 апрѣля она говоритъ: „Я подрядилась *подавать Мопрà* день за днемъ, надѣясь, что окончу это, когда вздумается, и сдѣлаю это сплеча. Но сюжетъ завелъ меня далеко, и эта работа надоѣла мнѣ, какъ все, что затягивается. Такъ что всякія 2 недѣли, въ послѣднюю минуту я—вотъ скоро полтора мѣсяца—*потѣю* надъ работой, которая мнѣ надоѣла и которую я дѣлаю скрѣпя сердце. Мнѣ даже некогда спать и я выбилась изъ силъ. А еще, чтобы доканать меня, вдругъ Соланжъ вздумала заболѣть вѣтряной оспой... и т. д.

Но вотъ 1-го апрѣля *Мопрà* началъ печататься; дѣти къ концу мѣсяца выздоровѣли; съ Мишелемъ дѣла временно какъ будто поправились, а вскорѣ подъ гостепріимный кровъ стараго Ногана, впервые послѣ того, какъ Жоржъ Сандъ вновь сдѣлалась его полновластной хозяйкой, одинъ за другимъ стали собираться разные друзья и знакомые, и веселый мѣсяцъ Май засталъ недавно такой тихій и сумрачный домъ полнымъ гостей, шума, музыки, разговоровъ. Однимъ изъ первыхъ пріѣхалъ Эженъ Пелльтанъ [1])—впослѣдствіи извѣстный писатель, теперь же явившійся въ скромной роли воспитателя маленькаго Мориса. Затѣмъ пріѣхала семья „Fellows“, явились и Жаводанъ, и Дидіе, и Мальфиль [2]), наѣзжалъ и Мишель изъ Буржа, Александръ Рей, и актеръ Бокажъ изъ Парижа, гостили братья Роллина, сестра которыхъ была въ это время воспитательницей Соланжъ, навѣдывались и всѣ остальные ла-шатрскіе друзья. Жоржъ Сандъ очень звала и Шопена и Гжималу, но хотя Шопенъ и самъ намѣревался послѣдовать ея приглашенію [3]), однако лѣтомъ 1837 г. это посѣщеніе еще не состоялось.

IV Письмо Музыкальнаго Баккалавра (къ Адольфу Пиктэ) рисуетъ намъ лѣтнюю жизнь въ Ноганѣ этого интереснаго маленькаго кружка, съѣхавшагося со всѣхъ сторонъ. Днемъ дѣлались большія прогулки пѣшкомъ или верхомъ, велись оживленныя бесѣды и споры, читали вслухъ Шекспира, Виктора Гюго, Шиллера, или Балланша и нѣмецкихъ философовъ, а еще чаще Гофманна; *Записки Кота Мура* и *Крейслеръ* восхищали Листа и Жоржъ Сандъ точно также какъ въ тѣ годы они восхищали и Шумана. А по вечерамъ, когда въ открытыя окна гостинной смотрѣла луна, и изъ сада несся запахъ розъ и липъ и пѣніе соловьевъ, особенно голосистыхъ въ это жаркое лѣто, — Листъ садился за фортепьяно и, не зажигая свѣчей, цѣлыми часами

[1]) Eugène-Pierre Clément Pelletan, извѣстный писатель и политическій дѣятель, род. въ 1813 г. въ St. Palais-sur-mer, умеръ въ Парижѣ въ 1884 г.

[2]) Félicien Mallefille, драматическій писатель и дипломатъ (онъ впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Португаліи) род. въ 1814 г. умеръ около 1870 г. Авторъ нѣсколькихъ драмъ и беллетристическихъ произведеній: *Memoires de Don Juan*“, „*Les sept Infants de Lara*“ и т. д. Братъ его, Леонсъ Мальфиль, долгое время жилъ въ Петербургѣ, гдѣ добывалъ себѣ средства частными уроками, между прочимъ и въ семьѣ нашихъ родственниковъ.

[3]) См. ея письма отъ 28 марта, 5 апрѣля и 10 апрѣля (*Корреспонденція*, т. II). Въ свою очередь г. Шульцъ (Szulc: „*Fryderic Szopin i Utwory iego Muzyczne*“ приводитъ письмо Шопена къ гр. Антону Водзинскому, написанное лѣтомъ 1837 г. и содержащее приписку сбоку: „Я можетъ быть поѣду на нѣсколько дней къ Жоржъ Сандъ...“

держалъ слушателей подъ обаяніемъ своей удивительной игры. Когда закрывалась крышка рояля, все маленькое общество высыпало на площадку передъ домомъ, и часто далеко за полночь затягивались ихъ мирныя, интересныя бесѣды, тѣ бесѣды, о которыхъ Жоржъ Сандъ вспоминаетъ во вступленіяхъ своихъ „Венеціанскихъ повѣстей", уже отмѣченныхъ нами въ IX главѣ. Иногда всѣ молча сидѣли, наслаждаясь красотою лѣтней ночи.

Вотъ выдержки изъ „*Дневника доктора Пиффеля*", рисующихъ намъ эту лѣтнюю жизнь въ Ноганѣ въ 1837 г.

„Комната Арабеллы внизу, подъ моей. Тамъ стоитъ прекрасный рояль Франца. Подъ тѣмъ самымъ окномъ, въ которое мнѣ виднѣется стѣна зеленыхъ липъ, находится окно, откуда доносятся звуки, которые весь міръ хотѣлъ бы слышать, а имъ здѣсь никто не завидуетъ кромѣ соловьевъ. Могучій художникъ, великій въ крупныхъ вещахъ, всегда возвышенный въ мелочахъ! И тѣмъ не менѣе онъ печаленъ и страдаетъ отъ тайной раны. Счастливый человѣкъ, любимый прекрасной, великодушной, умной и цѣломудренной женщиной. — Что тебѣ надо, неблагодарный несчастливецъ?! О! еслибъ я былъ любимъ!...

Когда Францъ играетъ, я чувствую облегченіе. Всѣ мои горести дѣлаются поэтичными, всѣ мои побужденія вдохновенными. Въ особенности онъ заставляетъ звучать струну великодушія. Но онъ затрогиваетъ и гнѣвныя струны, почти такъ же энергично, какъ мнѣ надо. Но никогда не касается онъ звуковъ ненависти А меня—ненависть грызетъ меня, ненависть къ чему? Боже мой, неужели я никогда не встрѣчу никого, достойнаго ненависти?! окажи мнѣ эту милость! я уже не прошу о томъ, чтобъ встрѣтиться съ кѣмъ нибудь достойнымъ любви..."

... „Я люблю эти отрывочныя фразы, которыя онъ бросаетъ на фортепьяно и которыя остаются на одной ножкѣ, танцуя въ воздухѣ, какъ хромые кобольды. А листья липъ принимаются заканчивать мелодію, тихонечко, таинственнымъ шепотомъ, точно они разсказываютъ другъ другу тайну природы... Можетъ быть онъ обрабатываетъ какое-нибудь сочиненіе, пробуя его по кусочкамъ на фортепьяно; подлѣ него его трубка, линованная бумага и перья. И всякій разъ, что онъ запишетъ свою мысль на бумагѣ, онъ ввѣряетъ ее голосу своего инструмента, а этотъ голосъ передаетъ ее всей внимательной и сосредоточенно-слушающей природѣ. Но мнѣ лучше хочется думать, что онъ бродитъ по своей комнатѣ, не сочиняя, весь во власти своихъ бурныхъ и неопредѣленныхъ мыслей. И кажется мнѣ, что проходя мимо фортепьяно онъ безсознательно кидаетъ эти капризныя фразы, покорный своему инстинктивному побужденію болѣе, чѣмъ сознательной работѣ. И тогда эти быстрыя и порывистыя мелодіи кажутся мнѣ трескомъ корабля, разбиваемаго бурей, и я чувствую какъ сердце мое разрывается при воспоминаніи о томъ, что я выстрадалъ, когда жилъ среди бури.

Бѣлая Арабелла, я говорилъ вчера о тебѣ съ Альфонсомъ [1]) въ

[1]) Флёри.

благоухающей аллеѣ, при свѣтѣ яркихъ звѣздъ, при свѣжемъ полуночномъ вѣтеркѣ. „Есть ли что-либо прекраснѣе на землѣ, говорилъ я, чѣмъ сильная женщина, чуть-чуть сломленная жизнью? Бѣлая лилія, гибкій стебель которой склоняется подъ дуновеніемъ вѣтра, прекраснѣе молодой лиліи, гордая чашечка которой, не блѣднѣя, пьетъ палящіе лучи дня“.

Пиффель, на кой чортъ не хочешь ты склонить голову, когда проносится гроза? Почему слезы твои такъ жгучи? И почему долженъ ты сломиться, не погнувшись? Ты хочешь, какъ геліотропъ, повернуться къ твоему владыкѣ и по собственной волѣ привѣтствовать его въ его славѣ, но если твой повелитель заволакиваетъ свое чело и ниспосылаетъ тебѣ громы, ты вянешь ибо ты не хочешь склониться“...

. .

5-го Іюня. Великолѣпная погода, вѣтренно; таинственный шумъ и полное прелести движеніе въ листахъ липъ; они похожи на свѣжіе и изящные наряды Арабеллы. Глупое пробужденіе... А это проклятое фортепьяно не просыпается! Что я стану съ собою дѣлать сегодня утромъ?... Слава Богу! мой другъ услышалъ меня! вотъ первые звуки *andante* изъ Пасторальной Симфоніи Бетговена. Настоящая лѣтняя музыка. Гофманнъ оставилъ въ своихъ ненапечатанныхъ рукописяхъ заглавія главъ для окончанія *Крейслера*. Два изъ нихъ меня всегда поражали: *Звуки Сѣвера, Звуки Юга*. Я пытаюсь проникнуть смыслъ этого контраста изъ области музыкальной поэзіи. Я ищу его въ природѣ, въ первоначальныхъ звукахъ, которыя потомъ комбинирую съ эффектами извѣстными въ музыкѣ, и я на дорогѣ къ тому, чтобы найти ясное и удовлетворительное опредѣленіе этихъ таинственныхъ названій. Общая мысль Крейслера въ этомъ отношеніи ясна всякому, но надо найти ея точное примѣненіе, не запутываться въ чисто поэтическихъ умозрѣніяхъ и въ толкованіяхъ такихъ же туманныхъ, какъ самъ стиль Гофмана, но каковой никогда не бывала его мысль. Никогда умъ человѣческій не проникалъ смѣлѣе и прямѣе въ міръ сновидѣній и грезъ; никто не проходилъ сквозь поэтическія фантазіи, созданныя вымысломъ, съ большей логичностью, смысломъ и разумностью; никто не подчинялся менѣе собственному воображенію. А вѣдь воображеніе было его жизненной стихіей, его дѣйствительнымъ міромъ, полемъ дѣятельности его мысли. Если френологія не заблуждается, то его преобладающей способностью должна была быть *чудодѣйственность* (merveillosité). Но что бы о немъ ни говорили и какія бы глупыя преувеличенія о немъ ни писали... это былъ совершенно здравый умъ... и именно тому присутствію духа, которое онъ сохраняетъ среди своихъ видѣній, и надо приписать прелесть его фантастическихъ произведеній. Въ нихъ всегда чувствуется (говоря остроумнымъ метафизическимъ языкомъ Шпурцгейма) — *человѣкъ причинности и дѣйствительности*, который управляетъ *человѣкомъ чудодѣйстенности и идеальности*... Онъ ничего не избралъ случайно, онъ создавалъ сверхъестественныя существа лишь преувеличивая реальность существъ, которыхъ онъ весьма точно наблюдалъ, а чортъ появляется въ его видѣніяхъ лишь какъ философское начало. Раздумывая объ этомъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ то, съ какимъ публика обыкновенно относится къ произведе-

Ce soir là pendant que Franz jouait les mélodies les plus fantastiques de Schubert la princesse se promenait dans l'ombre ~~aux tours~~ de la terrasse; elle était vêtue d'une robe pâle. Un grand voile blanc enveloppait sa tête et presque toute sa taille élancée. Elle marchait d'un pas mesuré qui semblait ne pas toucher le sable et décrivait un grand cercle coupé par les rayons d'une lampe, autour de laquelle toutes les phalènes du jardin venaient danser des sarabandes délirantes. La lune se couchait derrière les grands tilleuls et dessinait dans l'air bleuâtre le spectre noir des sapins immobiles. Un calme profond régnait parmi les plantes, la brise était tombée mourante, épuisée sur les longues herbes aux premiers accords de l'instrument sublime. Le rossignol luttait encore, mais d'une voix timide et pâmée. Il s'était approché dans les ténèbres du feuillage et plaçait son point d'orgue extatique comme un excellent musicien qu'il est, dans le ton et dans la mesure.

Nous étions tous assis sur le perron, l'oreille attentive aux phrases tantôt charmantes tantôt lugubres d'Erlkönig, langoureux comme toute la nature dans une morne béatitude, nous ne pouvions détourner nos regards du cercle magnétique tracé devant nous par la muette sybille au voile blanc. Elle se ralentit peu à peu lorsque l'astre passa.

Факсимиле страницы изъ „Дневника Пифферя“.

ніямъ такого рода, можно найти въ самой простой дѣйствительности, въ наблюденіяхъ чисто-физическихъ основаніе всѣхъ его поэтическихъ вымысловъ.

Тоже самое, вѣроятно, случилось бы и съ музыкальными произведеніями великихъ мастеровъ. Во всѣхъ нихъ долженъ быть смыслъ, который можно постигнуть умомъ, ибо всѣ они были внушены какимъ-нибудь чувствомъ. Напрасно иные знатоки, представляясь или считая, что они стоятъ на профессіональной точкѣ зрѣнія, пытаются насмѣхаться, когда кто нибудь придаетъ значеніе и объясняетъ посредствомъ чувствъ или мыслей извѣстныя гармоническія сочетанія; они хотятъ приписывать могущественное впечатлѣніе, производимое этими сочетаніями, чисто произвольнымъ отношеніемъ между звуками и образами. Но существуютъ соотношенія такія дѣйствительныя, такія осязательныя такъ сказать, что не невозможно уловить ихъ, записать для уха артиста, или даже объяснить ихъ, перевести на обыденный языкъ, сдѣлать, ихъ понятными публикѣ. Но это потребовало бы цѣлой жизни музыканта или поэта. Еслибъ Гофманнъ высказался чуть чуть подробнѣе, былъ бы чуть чуть богаче словами, то онъ сдѣлалъ бы этотъ большой шагъ впередъ и популиризировалъ бы утонченную опредѣленность (*exquisité*) поэтическихъ впечатлѣній въ живописи и музыкѣ"...

Какъ эти страницы прекрасно резюмируютъ полную широкихъ художественныхъ интересовъ, разностороннюю, многозначительную и богатую по внутреннему содержанію жизнь, которую тогда вели въ Ноганѣ! Все въ нихъ отражается: несравненныя музыкальныя впечатлѣнія, взаимное пониманіе двухъ художественныхъ натуръ, философскія бесѣды, чтенія Гофмана или Шпурцгейма и даже тѣ, вѣчно дорогія Листу идеи, или, вѣрнѣе, одна великая идея, которой онъ не задумался пожертвовать „цѣлую жизнь"—а именно объясненіе „на обыденномъ языкѣ" музыкальныхъ произведеній, иначе говоря: *програмная музыка*, чудными образцами которой являются его *Симфоническія Поэмы*.

А вотъ и еще страница все изъ того же *Дневника Пифферя*, фантастическая, какъ сцена Гофмана, дивно прекрасная, какъ... страница Жоржъ Сандъ:

„Сегодня вечеромъ, пока Францъ игралъ самыя фантастическія пѣсни Шуберта, принцесса гуляла въ сумракѣ вокругъ площадки; она была одѣта въ блѣдное платье, большой бѣлый вуаль окутывалъ ея голову и почти весь ея стройный станъ. Она ходила размѣреннымъ шагомъ и, казалось, не касалась песка, описывая большой кругъ, перерѣзанный пополамъ лучемъ лампы, вокругъ которой всѣ ночныя бабочки сада слетѣлись танцовать безумную сарабанду. Луна закатывалась за большими липами и вырисовывала въ голубоватомъ воздухѣ черный призракъ недвижныхъ елей. Глубокое спокойствіе царило среди растеній, вѣтерокъ замеръ и приникъ къ длин-

нымъ травамъ при первыхъ звукахъ дивнаго инструмента. Соловей еще боролся, но уже робкимъ и слабѣющимъ голосомъ. Онъ приблизился въ сумракѣ листвы и повременамъ, такъ какъ онъ отличный музыкантъ, дѣлалъ восторженныя ферматы, въ тактъ и въ вѣрномъ тонѣ.

Всѣ мы сидѣли на крыльцѣ, прислушиваясь къ то прелестнымъ, то мрачнымъ фразамъ *Erlkönig'a*, въ оцѣпенѣнiи, погруженные, какъ и вся природа, въ грустное блаженство, и не могли оторвать глазъ отъ магнетическаго круга,описываемого предъ нами нѣмой сивиллой въ бѣломъ покрывалѣ. Она замедлила шаги, когда артистъ цѣлымъ рядомъ странно-грустныхъ модуляцiй перешолъ къ пѣснѣ *Sey mir gegrüsst*. Тогда ея походка стала чѣмъ-то среднимъ между *andante* и *maestoso*, а всѣ ея движенiя были такъ грацiозны и гармоничны, точно звуки эти, какъ изъ одушевленной лиры, исходили отъ нея. Когда она медленно проходила сквозь лучъ лампы, ея бѣлое покрывало вырисовывалось на черномъ фонѣ картины стройнымъ, тонкимъ облакомъ, въ то время какъ все остальное проносилось смутно и воздушно въ таинственной темнотѣ. Потомъ она приближалась къ намъ, точно она хотѣла присѣсть на бѣлую сирень,но неуловимая, какъ тѣни, она медленно исчезала. Казалось, что не она углубляется подъ темные своды листвы. Казалось, что темнота ее поглощаетъ и увлекаетъ ее въ свою глубину, сгущая вокругъ нея завѣсы сумрака. Въ концѣ площадки ее едва можно было разглядѣть, потомъ она совсѣмъ терялась за елями и вдругъ появлялась въ лучѣ свѣта, какъ внезапное созданiе пламени. Потомъ она опять блѣднѣла и парила, неясная и голубоватая, надъ лужайкой. Наконецъ, она присѣла на гибкую вѣтвь, которая столь же мало погнулась, какъ если-бы на нее опустился призракъ. Тогда музыка замолкла, точно будто таинственная связь приковывала жизнь звуковъ къ жизни блѣдной красавицы, которая казалась готовой улетѣть въ страну неизсякаемой гармонiи. Она поднялась, какъ-то непостижимо скользнула вверхъ по крыльцу и исчезла въ темномъ залѣ. Спустя мгновенье мы увидѣли настоящую средневѣковую владѣтельницу замка, проходящую по сосѣднему залу при свѣтѣ факеловъ. Ея бѣлокурые волосы сiяли, какъ золотой ореолъ, а бѣлое покрывало ея, наброшенное на плечи, летѣло, какъ облако, при легкомъ и быстромъ движенiи ея величественной и рѣшительной походки. Пальцы, бродившiе по клавишамъ, умолкли. Свѣточи погасли, и все видѣнiе пропало воココ мракѣ ночи"...

„Это были,—говоритъ въ свою очередь Листъ,—три мѣсяца духовной жизни, мгновенiя которыхъ я благоговѣйно сохранилъ въ своемъ сердцѣ".

Но въ то время, какъ поэтъ и музыкантъ мечтали, наслаждаясь своимъ far niente, „блѣдная красавица" часто думала о гораздо болѣе реальныхъ вещахъ. „Тогда,—разсказываетъ опять Листъ, появлялась „*та, которая*, какъ говоритъ *Оберманнъ, достойна не быть названной*" и говорила намъ: „Пора приниматься за работу, лѣнтяи!"

Легко узнать въ этомъ графиню, вѣчно старавшуюся вдох-

новлять и поощрять Листа или по меньшей мѣрѣ погонять его къ работѣ (многія женщины видятъ въ этомъ какое-то доказательство своего „возвышающаго“ и „облагораживающаго“ вліянія!) и потому прозаически прекращавшую поэтическія мечтанія двухъ художниковъ, возвращая ихъ въ міръ дѣйствительности.

И поздно ночью, когда всѣ расходились по комнатамъ, Листъ и Жоржъ Сандъ, при свѣтѣ одной и той же маленькой лампочки, садились за работу; она кончала *Мопра*, а затѣмъ принялась и за повѣсть, которую надо было написать „для пополненія тома“—это были *Мозаичисты*,—а Листъ, сидя противъ нея за тѣмъ же столомъ, работалъ надъ своими замѣчательными переложеніями оркестровыхъ партитуръ Бетховенскихъ симфоній. Это были не простыя казенныя переложенія, а настоящія „фортепьянныя партитуры“, сохранявшія краски и полноту оркестровыхъ. Въ это лѣто Листъ такимъ способомъ переложилъ симфоніи: первую, вторую, пятую и шестую Пасторальную.

„Не знаю почему, говоритъ Жоржъ Сандъ въ предисловіи къ *Мозаичистамъ*,—я рѣдко писала съ такимъ удовольствіемъ, какъ эту вещь. Это было лѣтомъ, въ такую же жаркую погоду, какъ климатъ Италіи, откуда я только что вернулась передъ тѣмъ. Никогда я не видывала столько цвѣтовъ и птицъ въ моемъ саду. Листъ внизу игралъ на роялѣ, а соловьи, опьяненные музыкой и солнцемъ, отчаянно заливались вокругъ въ кустахъ сирени“...

А въ *Посвященіи* Морису Д... она прибавляетъ:

„Я постараюсь вспомнить одну изъ сказокъ, которыя аббатъ Паноріо разсказывалъ Беппѣ, когда я былъ въ Венеціи... Однажды онъ намъ разсказалъ по поводу Тиціана и Тинторетто исторію, которую я постараюсь вспомнить, если теплый вѣтерокъ, который колышетъ наши липы, и жаворонки, которые продолжаютъ въ облакахъ свою восторженную пѣснь, не будутъ прерваны грозовымъ вѣтромъ; если весеннее дуновеніе, которое раскрываетъ чашечки нашихъ лѣнивыхъ розъ и которое проникаетъ въ мою душу,—соблаговолитъ до завтрашняго утра вѣять надъ нами“...

Что слова „до завтрашняго утра“ не фраза, а истинная правда, свидѣтельствуютъ тѣ записочки, которыя часто авторъ, оканчивавшій свой трудъ при восходѣ солнца и въ минуту отхода ко сну обращавшійся въ заботливую мать и хозяйку, оставлялъ на своемъ столѣ маленькому Морису. Вотъ, напр., записочка, надписанная „*5 ч. утра*, *Морису*:“ „Добрый господинъ Пиффель, разбуди меня заодно съ Соланжъ, а потомъ вновь разбуди меня въ половинѣ перваго, если только докторъ не пріѣдетъ раньше, или какой-нибудь гость вродѣ сегодняш-

няго утренняго, относительно котораго ты проявилъ такой нюхъ (un si bon nez). Дай Соланжъ говядину, которая на тарелкѣ, а самъ покушай твой постный завтракъ и напейся травки (tisanne). Спи спокойно ты и твоя кошка"... (*Неизданное*).

Но, какъ справедливо замѣчаетъ біографъ Листа, „въ Ноганѣ не только читали, гуляли, музицировали, мечтали и работали,—много также шутили и смѣялись". Устраивались то импровизированныя представленія и шарады, то всѣ переряживались, или просто, какъ въ доброе старое время, Жоржъ Сандъ вмѣстѣ со всѣми своими друзьями морочила кого-нибудь. Мы уже упоминали о томъ, какъ съ помощью горничной Жоржъ Сандъ, Софіи Крамеръ, „провели" какого-то навязчиваго адвоката X. или Э.[1]), непремѣнно желавшаго интервьюировать знаменитую писательницу. Часто жертвой подобныхъ мистификацій являлся Пелльтанъ, иногда Жеводанъ, причемъ иногда эти шутки принимали даже грубоватый характеръ. Вообще Пелльтану какъ-то не повезло у Жоржъ Сандъ; неизвѣстно, не умѣлъ ли онъ себя поставить съ должнымъ тактомъ, или чье-нибудь постороннее вліяніе возстановило Жоржъ Сандъ противъ него, только послѣ ея первыхъ писемъ къ нему, свидѣтельствующихъ о ея вниманіи къ его разцвѣтающему дарованію и ласковыхъ [2]), — весьма странно во всѣхъ остальныхъ письмахъ ея къ другимъ ея корреспондентамъ встрѣчать болѣе чѣмъ презрительный тонъ всякій разъ, что рѣчь идетъ о Пелльтанѣ. А еще болѣе страненъ слѣдующій фактъ, который мы не считаемъ себя вправѣ ни комментировать, ни ставить въ связь съ чѣмъ бы то ни было. Въ одинъ прекрасный день Пелльтанъ написалъ письмо своему пріятелю, нѣкоему Альфреду Микіельсу, въ которомъ, повидимому, жаловался на Жоржъ Сандъ. Какъ и почему она догадалась объ этомъ—неизвѣстно, но только она распечатала письмо и на оборотной сторонѣ его написала Микіельсу сама: Вотъ я распечатала это письмо, ибо знала, что въ немъ будутъ жалобы и т. д., но вотъ какъ дѣло обстоитъ; самъ Пелльтанъ потому, то и потому-то не правъ, и всему виною такія то и такія-то его странности и дурныя черты характера.

Мы не можемъ подѣлиться съ читателями свѣдѣніями о дальнѣйшей судьбѣ этого письма, можемъ лишь сообщить, что Пелльтанъ недолго оставался въ Ноганѣ и повидимому еще до

[1]) Hennequin.

[2]) См. Корреспонденцію. т. I, стр. 351. Письмо отъ 28 февраля 1836 г. изъ Буржа.

конца лѣта сложилъ съ себя обязанность преподавателя Мориса Сандъ. Отголосками его знакомства съ великой писательницей являются двѣ его статейки: одна въ „Артистѣ“ 1836 г. (стр. 228) „*George Sand*“ по поводу ея романа *Simon*, другая въ *La Chronique* 1843 г., гдѣ онъ описываетъ ея образъ жизни и обстановку, наряду съ описаніемъ квартиръ другихъ знаменитостей, въ очеркѣ, названномъ „*Les salons des écrivains célèbres*“.

Такимъ образомъ, среди дневныхъ шутокъ и прогулокъ, вечернихъ мечтаній и музыки и ночныхъ бдѣній надъ работой, проходило лѣто 1837 года. Все казалось прекраснымъ, веселымъ, поэтическимъ. Однако за этой прекрасной внѣшностью скрывалось многое, далеко не столь радостное и свѣтлое.

Дружба Жоржъ Сандъ съ гр. д'Агу была въ то время уже источникомъ большихъ разочарованій и далеко не была тѣмъ восторженнымъ чувствомъ, которое диктовало поэтическія признанія и изліянія 1835 г. Предоставимъ слово уже не разъ цитированному нами автору „Біографіи Листа“, Линѣ Раманнъ, которая, пользуясь указаніями самого Листа, чрезвычайно тонко разбираетъ начинавшееся тогда чуть только что сказываться расхожденіе и охлажденіе между двумя писательницами, настоящей и будущей:

„Все, что проявлялось наружу во время этого пребыванія въНоганѣ, казалось красотой, весельемъ, поэзіей, но не все, происходившее въ Ноганѣ, было солнечнымъ свѣтомъ. Потихоньку проявилось и диссонансы, диссонансы между достигшей славы французской писательницей и алчущей лавровъ графиней, которая до сихъ поръ могла гордиться лишь тѣмъ, что была возлюбленной знаменитаго виртуоза. Много разъ было говорено о томъ, что слава Жоржъ Сандъ потревожила спокойный сонъ графини. Безъ Ж. Сандъ навѣрное современемъ не было бы и *Нелиды*. Во всякомъ случаѣ волненія по этому поводу начались именно теперь въ Ноганѣ Но и независимо отъ этого обѣ эти натуры представляли собою такіе контрасты, что о сердечной гармоніи между ними едва-ли можно было-бы и думать. Глубокая по уму и творчески-одаренная Жоржъ Сандъ—и остроумная, но лишь сочувственно-думающая (anempfindende) графиня д'Агу; одна—дитя природы, которая лучше всего себя чувствовала въ сапогахъ и блузѣ, верхомъ на горячемъ неосѣдланномъ андалузскомъ конѣ; [1]) другая

[1]) Это плодъ фантазіи автора—ѣздила въ то лѣто Жоржъ Сандъ на „маленькой лошадкѣ“, приведенной ей Жеводаномъ изъ Невера, да и то всегда на сѣдлѣ, а не безъ онаго. Лина Раманнъ очевидно введена въ заблужденіе самимъ Листомъ, который въ своемъ III *Письмѣ Баккалавра* (къ Ж. Сандъ) говоритъ „можетъ быть вашъ огненный андалузскій конь, грызя удила, сдерживаемыя вашей рукой, перенесъ васъ въ нѣсколько секундъ черезъ пространство, которое отдѣляетъ васъ отъ вашего лучшаго друга“... и т. д. Въ примѣчаніи къ этой

отъ головы до пятокъ вышедшая изъ старо-французской школы grande dame, которой пріятно было лишь въ тысяче-франковыхъ платьяхъ; тамъ все непосредственное, здѣсь все обдуманное,—у Жоржъ Сандъ одна правдивость въ дурномъ какъ въ хорошемъ;—у графини покрывало надъ покрываломъ, - какъ могли бы двѣ такія женскія натуры долго поддерживать симпатическія отношенія?! Покрывала раздражали Жоржъ Сандъ и доводили до цинизмовъ, цинизмы ея доводили графиню до лицемѣрія; и совершенно такъ же, какъ дитя природы дѣйствовало вызывающе на grande dame'у, такъ и котурны этой послѣдней выводили изъ себя это дитя природы.

Между ними было много столкновеній и, хотя къ тому не было иныхъ поводовъ, кромѣ этого контраста между нагой природой и придворными румянами, все же Листу приходилось многое сглаживать и примирять. Но когда пришла пора разстаться, то это произошло еще въ добромъ согласіи.

...Эти менѣе хорошія отношенія обѣихъ женщинъ, которыя наконецъ привели къ рѣшительному разрыву, не остались однако безъ вліянія на личныя отношенія Листа къ Жоржъ Сандъ. Начиная съ того времени они мало по малу сводятся на нѣтъ. *Хотя про себя онъ долженъ былъ признать графиню неправой*, но тѣмъ не менѣе когда онъ вновь вернулся въ Парижъ, то изъ деликатности относительно нея, онъ сталъ держаться вдалекѣ отъ писательницы. И когда позднѣе болѣе не надо было быть въ этомъ отношеніи осмотрительнымъ, то онъ все таки уже не могъ себя болѣе принудить бывать у ней. „Мнѣ не хотѣлось подвергать себя ея выходкамъ"—такъ онъ впослѣдствіи выражался объ этомъ... Листъ никогда болѣе не посѣтилъ Ногана"...

Сейчасъ мы фактически опровергнемъ почти все, что біографъ Листа утверждаетъ въ послѣднемъ параграфѣ, а пока вернемся къ разсказу о лѣтѣ 1837 г.

Они съ графиней уѣхали изъ Ногана въ концѣ Іюля и поѣхали въ Италію. Разстались съ обѣщаніемъ попрежнему писать другъ другу, съ намѣреніемъ вновь какъ нибудь вмѣстѣ пожить гдѣ нибудь, но въ сущности съ обѣихъ сторонъ отношенія уже измѣнились, и ни гр. д'Агу, ни Жоржъ Сандъ уже не вполнѣ вѣрили въ собственныя обѣщанія да и обѣ относились другъ къ другу слишкомъ критически, безъ прежнихъ иллюзій. Возобновилась переписка, но уже далеко не въ прежнемъ романтически приподнятомъ тонѣ, особенно графиня позволяла себѣ постоянныя маленькія шпилечки и намеки, а подчасъ затрогивала даже такія неудобныя темы какъ измѣнившіяся отношенія Жоржъ

страницѣ издательница говоритъ, что этотъ лучшій другъ—Жюль Неро. Но несомнѣнно Листъ имѣлъ въ этихъ строкахъ ввиду не его, а Мишеля, на свиданія съ которымъ Ж. Сандъ часто раннимъ утромъ или позднею ночью уѣзжала, то въ Ла-Шатръ, то въ Шатору. Сравн. со сказаннымъ на стр. 498, 527, также Lettres de femme (Revue Illustrée) и неизданныя письма Ж. Сандъ отъ 16 апрѣля, 10 іюня, 18 сентября 1837 г.

Сандъ къ Мишелю, или такія *черезъ чуръ современныя*, какъ Мальфиль, наконецъ постоянно прохаживалась насчетъ Шопена, къ которому Жоржъ Сандъ тогда уже относилась съ сердечной симпатіей. Жоржъ Сандъ, въ свою очередь весьма хладнокровно-критически разбирала ту самую „Мирабеллу“ съ прекрасными золотыми кудрями, которой она нѣкогда пѣла диѳирамбы и посвященіе которой романа „*Симонъ*“, проникнуто почти благоговѣйнымъ чувствомъ. Еще яснѣе видѣла и чувствовала Жоржъ Сандъ, насколько Листъ тяготился своей любовной неволей, насколько графиня со всѣми ея причудами и претензіями, двойственностью и непомѣрнымъ самолюбіемъ, была неподходящей подругой геніальному художнику. И когда въ началѣ слѣдующаго года въ Ноганъ пріѣхалъ Бальзакъ, то Жоржъ Сандъ съ чисто товарищеской прямотой и чисто художнической мѣткостью и колоритностью пересказала ему свои наблюденія надъ этой неспѣвшейся четой и посовѣтовала ему написать на эту тему романъ, за который ей самой было неловко взяться, и назвать его „Насильная любовь“ (Les amours forcés) или „Каторжники“ (Les Galériens“), ибо Листъ и графиня уподоблялись для нея тѣмъ несчастнымъ, которые обречены всю жизнь быть прикованными другъ къ другу и таскать одинъ и тотъ же чугунный шаръ на своей цѣпи. Бальзакъ этого романа не написалъ, но, какъ извѣстно, въ своей „*Béatrix*“ изобразилъ какъ Листа, гр. д'Агу, Гюстава Планша и саму Жоржъ Сандъ, такъ и ея нѣсколько эксцентрическій образъ жизни. Въ неизданной перепискѣ Бальзака съ Ж. Сандъ имѣется масса интереснѣйшихъ подробностей относительно этого эпизода, а въ недавно напечатанныхъ (уже по окончаніи нашей работы) письмахъ Бальзака къ его будущей женѣ, г-жѣ Ганской, находится интереснѣйшій разсказъ о пребываніи его въ Ноганѣ въ 1838 г., о привычкахъ и характерѣ Жоржъ Сандъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бальзакъ даетъ чрезвычайно мѣткое, глубокое и симпатическое общее заключеніе свое о натурѣ и всемъ внутреннимъ складѣ своей знаменитой товарки по перу и пересказываетъ содержаніе ихъ задушевныхъ бесѣдъ, ведшихся у камина. Отмѣтимъ также, что костюмъ, въ которомъ онъ засталъ Ж. Сандъ совершенно былъ подобенъ тому, невѣроятно—курьезному, и вызывавшему неоднократные возгласы недовѣрія читателей, костюму, въ которомъ въ *Беатрисъ* является *Камилла Детушъ* или *Камилла Мопенъ*. Не безъ язвительности также гр. д'Агу окрещена именемъ „Беатрисы“, что является колкимъ намекомъ на ея желаніе изображать относительно Листа Дантовскую Беатриче—вдохно-

вительницу, роль, которая не давала ей покою ни днемъ ни ночью и наконецъ довела ее до того, что однажды на какое-то ея наставительное замѣчаніе Листъ ей прямо сказалъ: „Не забывайте, что вѣдь Беатриче создаются Дантами, а настоящія Беатрисы умираютъ въ 18 лѣтъ!..“

Итакъ къ началу 1838 г. отношенія между Жоржъ Сандъ и гр. д'Агу уже сильно охладѣли, ко времени же поѣздки Ж. Сандъ съ Шопеномъ на Маіорку они стали совершенно холодными, что, кажется, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ тому обстоятельству, что самолюбивая графиная, привыкшая къ собственнымъ побѣдамъ и всеобщему поклоненію въ своемъ салонѣ, не могла простить Жоржъ Сандъ ея побѣды надъ Шопеномъ. Затаенная ревность и зависть—а чему бы, казалось, завидовать ей, подругѣ другого геніальнаго художника?—привели ее къ колкостямъ и даже маленькимъ жестокостямъ. Потомъ замѣшались въ дѣло разныя сплетни и кумушки; Ламеннэ что то сказалъ презрительно жестокое объ обѣихъ женщинахъ, и такое, что только еще больше прежняго раздражило ихъ другъ противъ друга; г-жа Марліани хотѣла поправить дѣло, но окончательно все испортила. Вотъ нѣсколько загадочное письмо Листа, относящееся до этого эпизода:

„Дорогой Жоржъ, мой принцъ вамъ антипатиченъ, а ех-принцесса Мирабелла по вашему мнѣнію лишена вкуса. Не потому ли, что выбрала меня? Можетъ быть, но не все ли равно! Кретинъ [1]) былъ всегда покладистымъ въ *извѣстныхъ* отношеніяхъ. Мы рѣшились на понедѣльникъ на будущей недѣлѣ. Я пойду къ m-me Марліани завтра, но между нею и мною никогда не будетъ и рѣчи о моемъ знаменитомъ и *эпилептическомъ* другѣ, обѣщаю это вамъ. Самое позднее во вторникъ я постучусь у вашихъ дверей. Весь вашъ Ф. Листъ.

Рискуя показаться вамъ несноснымъ, я все таки не освобожу васъ отъ 200 словъ въ отвѣтъ на ваши 2. И такъ до вторника“. (*Неиздан.*).

Повидимому около 1839 года дружба между графиней и Ж. Сандъ погасла. Правда что еще въ 1840 г. бывшія подруги встрѣчались и даже вмѣстѣ присутствовали на первомъ представленіи драмы Жоржъ Сандъ *Козима*, (названной даже такъ въ честь второй дочери Листа и графини, Козимы, бывшей впослѣдствіи замужемъ за Гансомъ Бюловомъ, а потомъ за Рихардомъ Вагнеромъ). Затѣмъ черезъ много лѣтъ, онѣ обмѣнялись письмами по поводу семейныхъ событій, а именно Ж. Сандъ написала графинѣ по поводу смерти ея старшей дочери, г-жи Блан-

[1]) Начиная съ 1836 г. за Листомъ утвердилась кличка *Кретина* или *Кретина—Fellow*.

дины Олливье, а M-me д’Агу поздравила Ж. Сандъ съ женитьбой Мориса. Незадолго передъ тѣмъ графиня посвятила Ж. Сандъ свой романъ *Жюльенъ*, но не назвавъ ее по имени въ этомъ посвященіи, а весьма таинственно надписавъ: „Разбитой дружбѣ“ и прибавивъ къ этому нѣсколько еще болѣе таинственныхъ словъ. Затѣмъ она, какъ извѣстно, довольно много говоритъ о своей бывшей пріятельницѣ въ своей „*Исторіи революціи 1848 г.*“. Но личныя отношенія ихъ никогда уже болѣе не возобновлялись; позднѣе онѣ часто встрѣчались въ салонѣ г. и г-жи Эмиль де Жирарденъ, но старались держаться подальше другъ отъ друга.

Мы считаемъ совершенно лишеннымъ основанія утвержденіе г. де Кюстина, что замѣтка въ *Revue des deux Mondes* 15-го Ноября 1840 года „*Réplique à M-r Liszt*“, являющаяся отвѣтомъ на письмо Листа къ редактору того же журнала по поводу насмѣшекъ какого то фельетониста надъ поднесеніемъ ему въ 1840 г. *почетной сабли* отъ имени всей венгерской націи,— будто это „Возраженіе“ принадлежитъ перу Ж. Сандъ. Мы этого никакъ не можемъ допустить. Отвѣтъ Листа на глумленія фельетониста, писавшаго, что вотъ молъ зачѣмъ это музыканту надѣли саблю, и о томъ, что вотъ де теперь онъ будетъ хвастаться и гордиться этимъ не въ мѣру грандіознымъ подаркомъ, котораго онъ вовсе не достоинъ, ибо жилъ де онъ всегда внѣ Венгріи, и становить его на одну доску съ доблестными сынами ея нельзя, — этотъ отвѣтъ Листа поистинѣ прекрасный. Онъ полонъ спокойствія, скромности и въ то же время чувства собственнаго достоинства и сознанія, что „это не подарокъ, а какъ бы memento великой страны своему сыну: *будь достоинъ меня*“. „*Возраженіе*“ же написано кѣмъ-то, кто этого не понимаетъ, кто только опять остритъ, глумится и старается унизить и надсмѣяться надъ такими чувствами и убѣжденіями великаго музыканта, надъ которыми смѣяться вовсе не приходится. Мы не можемъ повѣрить, чтобы Жоржъ Сандъ была способна—даже въ пылу вражды къ Листу, еслибъ такая была (но ея и не было)—написать эту, непохожую ни на ея стиль и языкъ, ни на ея взгляды и симпатіи, замѣтку. Наоборотъ, послѣ того, какъ Листъ разошелся съ графиней, онъ продолжалъ видѣться или по временамъ обмѣниваться письмами съ Жоржъ Сандъ, что противорѣчитъ вышеприведенному утвержденію г-жи Раманнъ.

Вотъ еще нѣсколько ихъ писемъ; письма Ж. Сандъ по-

явились въ книжкѣ Ла-Мары „Briefe hervorragender Zeitgenossen an Franz Liszt“; его же письма *неизданныя*.

Такъ, вскорѣ послѣ переселенія въ Италію, Листъ писалъ Жоржъ Сандъ (судя по бумагѣ и черниламъ это письмо одновременно съ письмомъ гр. д'Агу отъ 4 Мая 1838).

„Не знаю почему, мой добрый Жоржъ, мы такъ долго оставались безъ писемъ другъ отъ друга. Вѣдь тѣмъ не менѣе нѣтъ и не можетъ-быть *ослабленія непрерывности* въ нашей дружбѣ. Я даже мечтаю, что съ годами, она станетъ еще болѣе твердою и нѣжною. Можетъ-быть также настанетъ и такое время, что *я буду въ состояніи сдѣлать что-либо для васъ*, какъ я говорилъ вамъ въ моемъ наивномъ двадцатилѣтнемъ воодушевленіи. А до тѣхъ поръ позвольте мнѣ по прежнему любить васъ по моему, и думать и молча мечтать о васъ, мой бѣдный другъ.

Принцесса конечно сказала вамъ о нашихъ планахъ на осень и будущую зиму. Наше путешествіе въ Константинополь вещь рѣшенная. Я очень этого хочу, что до меня касается, а принцесса ничего лучшаго и не желаетъ, какъ вы знаете. Мы васъ вѣроятно встрѣтимъ въ Неаполѣ, если только вы не соблазнитесь присоединиться къ намъ и отправиться на поклонъ падишаху.

По поводу падишаха, я написалъ два слова матушкѣ относительно Боннэра и Бюлоза. Это очень извинительная наивность съ ея стороны, безъ сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе это наивность и къ тому же еще совершенно безполезный шагъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ вы очень вѣрно замѣчаете. Благодарю васъ за то, что вы предупредили меня, я лишь сожалѣю о томъ, что вы сразу и откровенно, а въ случаѣ надобности и рѣзко, не сказали этого моей доброй матушкѣ, которая очень мало посвящена во всѣ эти дѣла. Послѣ вашего письма изъ Шамуни всякій иной аттестатъ на безсмертіе явился бы несноснымъ плеоназмомъ въ Revue des deux Mondes.

Когда вы пріѣдете въ Италію, то я васъ буду угощать трубками, принимая во вниманіе, что я ихъ тамъ добылъ около пятнадцати, уже старыхъ, и собираюсь въ Константинополѣ удвоить это число. Я умѣренно курю вотъ уже нѣсколько времени, это можетъ быть способствуетъ тому, что я нахожу ваши старыя книги (единственныя, которыя я могу достать здѣсь) еще прекраснѣе [чѣмъ прежде].

Если Леру и Кине еще помнятъ мое имя, то напомните имъ хорошенько обо мнѣ. Я, къ сожалѣнію, мало видѣлъ и того и другого. Я буду очень счастливъ вновь съ ними встрѣтиться въ Парижѣ.

Покойной ночи, мой добрый Жоржъ. Это письмо написано каракулями, согласно моей достохвальной привычкѣ, но очень поздно и я страдаю отъ сильной головной боли.

Любите меня по прежнему немножечко и не сомнѣвайтесь во мнѣ.

вашъ Ф. Листъ.“

Или вотъ еще письмо Листа, относящееся къ нѣсколько позднѣйшему времени:

„Скоро ли вы ѣдете? Знаете-ли вы, что я провелъ девять дней въ постели и вѣроятно мнѣ не позволятъ выйти ранѣе конца недѣли. Дайте мнѣ знать, будете-ли вы еще здѣсь въ субботу, ибо я хотѣлъ бы попросить васъ о многомъ, а въ особенности не уѣхать вновь изъ Парижа—можетъ быть на два года—не повидавъ васъ“.

Среда. Весь Вашъ Ф. Листъ.

На этой записочкѣ не стоитъ ни числа, ни года. По всей вѣроятности она относится къ веснѣ 1840 года, ибо Листъ какъ разъ въ это время былъ въ Парижѣ, проѣздомъ въ Лондонъ, также какъ и Жоржъ Сандъ, пріѣхавшая на время изъ Ногана. А вотъ письмо Ж. Сандъ, которое г-жа Ла-Мара относитъ къ Марту или Апрѣлю 1841 г.

„Дорогой старина! Благодарю васъ за трубку, которую вы мнѣ возвѣстили, но которой я еще не получила. Я знаю заранѣе, что она будетъ прелестна, а еслибы даже она и не была такова, то все таки будетъ мнѣ дорога, разъ она отъ Васъ. Если вы только не придете ранѣе 3-хъ, я всегда Васъ приму, заставивъ лишь прождать минуты три, пока я не выйду изъ сонныхъ эмпиреевъ, въ которые я еще погружена въ этотъ часъ. Шопенъ сегодня боленъ, и я тоже, но мы тѣмъ не менѣе живы настолько, что любимъ Васъ ото всего сердца.

Ж. Сандъ.

А вотъ и еще два письма Листа, одно помѣченное 30 мая 1844 г., а другое вѣроятно написанное нѣсколькими мѣсяцами ранѣе.

„Мнѣ показалось, что ваша корзинка завядаетъ. Позвольте мнѣ освѣжить ее. Такъ какъ языкъ цвѣтовъ мнѣ неизвѣстенъ (въ силу моего кретинизма, который возрастаетъ crescendo). то я заранѣе оправдываюсь, въ случаѣ еслибъ вышелъ какой-нибудь логогрифъ. До скораго свиданія“.

Ф. Листъ.

На это письмо Жоржъ Сандъ отвѣтила такъ:

Господину Листъ. Отель *Байронъ*. Улица *Лафитъ*.

„Мой дорогой другъ, развѣ вы въ чемъ нибудь провинились—безъ моего вѣдома—противъ меня, что прибѣгаете къ какимъ-то церемоніямъ и логогрифамъ? Я ни капельки этого не понимаю и надѣюсь, что вы вскорѣ придете все это мнѣ объяснить. Только помните о моей привычкѣ долго сидѣть по ночамъ, а вслѣдствіе этого и долго спать, и потому не приходите ранѣе четырехъ часовъ. Вечеромъ же—когда угодно. Надѣюсь, до скораго свиданія“.

Понедѣльникъ. Жоржъ [1]).

[1]) По мнѣнію г-жи Ла-Мары это письмо относится къ апрѣлю 1844 г.

Второе письмо Листа этого же года:

„Я вернулся въ Парижъ лишь на нѣсколько часовъ, чтобы не разстроить этотъ несчастный концертъ сумасшедшихъ, вслѣдствіе чего моя болѣзнь усилилась. На другой день я, ковыляя, потащился на Place d'Orléans [1])—вы только что уѣхали! но вернувшись нашелъ вашу записку, за которую благодарю отъ всего сердца. Мнѣ надо дней десять абсолютнаго покоя, чтобы поправиться. Затѣмъ я вновь примусь за свое ремесло комми-вояжера по концертной части и нацѣлюсь [2]) на Ліонъ, Марсель и Бордо. Если въ Августѣ вы еще будете въ Ноганѣ, мы могли бы осуществить нашъ старинный проектъ Festival'я въ Шатору. Во всякомъ случаѣ, если тольво Жани [3]) не выпуститъ на меня всѣхъ окрестныхъ собакъ и дикихъ звѣрей, я пріѣду проститься съ Вами въ Ноганъ, ибо я совсѣмъ наивно признаюсь Вамъ, что мнѣ очень хочется повидать Васъ передъ тѣмъ, чтобы покинуть Францію, можетъ быть на много лѣтъ.

Сердечно преданный Вамъ

Ф. Листъ.

Porte Marly, 30 мая, 1844 г.

Передайте Шопену, что я принимаю живѣйшее участіе въ его горѣ" [4]).

Наконецъ въ *Собраніи Писемъ Листа* мы находимъ еще одно письмо къ Жоржъ Сандъ, помѣченное 1845 г., въ которомъ онъ обращается къ ней, изъ Лиссабона, съ просьбой оказать услугу кому то изъ его знакомыхъ, а также разсказываетъ о встрѣчѣ своей съ ихъ общимъ старымъ пріятелемъ *Блавуайе* [5]) Разумѣется, что встрѣча съ Блавуайе въ Лиссабонѣ напомнила Листу былые счастливые дни, проведенные вмѣстѣ съ Жоржъ Сандъ въ Швейцаріи, а потому и все письмо его дышетъ особенной теплотою.

Эти всѣ письма интересны уже потому, что опровергаютъ весьма распространенное мнѣніе о томъ, что Шопенъ, будто бы, враждебно относился къ Листу изъ за испортившихся отношеній между этимъ послѣднимъ и Жоржъ Сандъ. Кажется, что какъ только между Листомъ и Жоржъ Сандъ перестала стоять графиня, то эти отношенія стали совсѣмъ прежними. Правда, Жоржъ Сандъ уже не придерживалась относительно Листа своего стараго, нѣсколько

[1]) Ж. Сандъ и Шопенъ жили тамъ съ 1842 по 1847 г.

[2]) Непереводимая игра словъ „je tirerai *à vue et à oreilles*".

[3]) Беррійскій мужикъ охотникъ, полу-колдунъ; съ него Ж. Сандъ списала своего *Муни-Робена*.

[4]) Смерть отца Шопена.

[5]) Смотри выше, стр. 542.

богемскаго тона. Правда, что и Листъ въ Ноганѣ болѣе не былъ. Но Листъ ничуть не измѣнилъ своему прежнему поклоненію Жоржъ Сандъ, какъ писательницѣ. Въ 1842 г. онъ собрался было писать оперу на текстъ *Consuelo*, да и вообще постоянно слѣдилъ за всѣмъ, что выходило изъ подъ пера Жоржъ Сандъ. Такъ въ его напечатанныхъ *Письмахъ* мы встрѣчаемъ не разъ отзывы о произведеніяхъ Жоржъ Сандъ (напримѣръ, объ *Histoire de ma Vie*) или о вышедшей уже послѣ ея смерти [1]) *Корреспонденціи*, въ которой онъ подробно отмѣчаетъ всѣ наиболѣе понравившіяся или поразившія его письма [2]). Но еще гораздо интереснѣе то непосредственное вліяніе великой писательницы, которое мы видимъ напримѣръ, на программѣ его Симфонической поэмы „*Héroïde Funèbre*“. Эта программа является почти дословнымъ повтореніемъ одной страницы Жоржъ Сандъ изъ ея страннаго и фантастическаго сочиненія „*Les Sept Cordes de la Lyre*“ Поэтому мы теперь же разберемъ это курьезное произведеніе, появившееся въ 1839 году.

Врядъ ли кто нибудь изъ теперешнихъ читателей прочтетъ когда либо эту вещь, а изъ прежнихъ поклонниковъ Жоржъ Сандъ почти никто ея не помнитъ или не знаетъ; критики же или вовсе игнорируютъ ее, или ограничиваются ничего не говорящими словами, вродѣ слѣдующихъ: „Между произведеніями Жоржъ Сандъ есть нѣчто вродѣ фантастической драмы, озаглавленной „*Семь струнъ Лиры*. Развѣ ея талантъ также не семиструнная лира, каждая струна которой издавала различный звукъ, но которыя звучали и всѣ заразъ“. И вслѣдъ затѣмъ, назвавъ Жоржъ Сандъ правнучкой той Діотимы мантинейской, которую Платонъ допустилъ на свой Пиръ и которая восклицала: „О, мой дорогой Сократъ, жизнь цѣнна и прекрасна лишь поскольку мы созерцаемъ вѣчную красоту!“ — авторъ этотъ [3]) добавляетъ, что полетъ воображенія и стремленіе къ вѣчной красотѣ всегда чувствуются во всѣхъ произведеніяхъ Жоржъ Сандъ. Вотъ и все. Поэтому мы позволяемъ себѣ подробно передать содержаніе этой фантазіи или аллегоріи, общую мысль которой довольно трудно уразумѣть, если не опредѣлить ее такъ: духъ

[1]) Въ числѣ *неизданныхъ* писемъ Листа имѣется и письмо къ г. Морису Сандъ по поводу смерти Жоржъ Сандъ.

[2]) См. его письма отъ 5 мая 1855 и 4 іюня 1855 г. къ его таинственной корреспонденткѣ (Franz Liszt's Briefe. III Band. *Briefe an eine Freundin* herausgegeben von La Mara. Leipzig. 1894), и письмо его къ M-me Мальвинѣ Тардьё отъ 6 ноября 1882 г.

[3]) Д'Оссонвиль, (см. выше стр. 10, 142, 185).

человѣческій, чтобы приблизиться къ Творцу и постигнуть гармонію міросзданія, долженъ звучать всѣми струнами: вѣрой, любовью, искусствомъ, созерцаніемъ и т. д. и т. д. Лишенный же одной изъ этихъ струнъ, онъ не полонъ и не постигаетъ ни высшей гармоніи, ни высшей красоты. Эта мысль дана была Жоржъ Сандъ какъ оказывается Мишелемъ, ибо въ одной изъ записныхъ книжекъ Жоржъ Сандъ вложенъ маленькій листочекъ, на которомъ изображены двѣ лиры, одна, довольно правильно нарисованная, безъ всякой надписи или подписи, на струнахъ другой, весьма криво нарисованной перомъ и какой-то четыреугольной — написано:

La Paix, les sciences, l'agriculture.
La Guerre, ou la liberté et la tyrannie.
Les Douleurs, ou la mort, le crime.
Les Joies, ou la croyance, les martyrs, la vertu.
Evocations.—Les Tombeaux.
L'Amour, ou les éléments, le ciel, la terre, l'eau, le soleil, le feu.
Dieu, ou la prière et l'adoration.

А подъ этимъ рисункомъ подписано: „La Lyre de George Sand d'après le plan de son ami Evrard (sic!). Nohant. le 11 Août 1835 г.“.

Эта канва послужила къ написанію слѣдующаго фантастическаго произведенія, общая идея котораго высказывается по способу такъ называемаго „доказательства отъ обратнаго“.

У нѣкоего философа Альбертуса (живущаго, по словамъ автора, въ нашемъ столѣтіи, но въ сущности внѣ времени и пространства), находится на попеченіи Елена, дочь его стараго друга, инструментальнаго мастера Мейнбакера, который не оставилъ ей въ наслѣдство ничего, кромѣ долговъ и таинственной семиструнной лиры. Елена занимается у Альбертуса философіей наряду съ прочими его учениками: Гансомъ, Карломъ, Вильгельмомъ, изъ которыхъ каждый олицетворяетъ какую нибудь сторону человѣческаго духа. Но уроки ея идутъ плохо. Ее влечетъ къ поэзіи и музыкѣ, до занятія которой ее однако не допускаютъ, боясь за ея разсудокъ, ибо прежде съ нею отъ музыки дѣлались какіе то припадки не то безумія, не то ясновидѣнія. Это были, повидимому, просто непонятныя людямъ проявленія музыкальнаго генія. Между тѣмъ семиструнная лира не простой инструментъ. Она изготовлена въ незапамятныя времена нѣкіимъ Адельсфрейтомъ, предкомъ стараго Мейнбакера, и на ней слѣдующая надпись:

A qui vièrge me gardera
— La richesse.
A qui bien parler me fera
— La sagesse.
A quiconque me violera
— La folie;
Et, s'il me brise, il le paîra
— De sa vie.

(„Кто меня неприкосновенной сохранитъ—тому богатство; кто меня заставитъ звучать—тому мудрость; кто насиліе надо мной сдѣлаетъ—тому безуміе: а если онъ меня разобьетъ—онъ заплатитъ за это жизнью“).

Старый пріятель нашъ Мефистофель вмѣшивается въ дѣло. Онъ желаетъ погубить заключеннаго въ лиру духа (l'esprit de la lyre), который можетъ быть освобожденъ только силою любви какой-нибудь дѣвы. Для достиженія своей цѣли Мефистофель сначала старается разбить лиру. Для того онъ приводитъ къ Альбертусу,—обратившись въ жида Іонафана Таэра, кредитора покойнаго Мейнбакера, — цѣлую толпу покупщиковъ: поэта, композитора, живописца и критика. Всякій изъ этихъ четырехъ спеціалистовъ воображаетъ себя геніемъ, а остальныхъ не признаетъ даже за посредственныхъ художниковъ. Таинственная сила лиры заставляетъ каждаго высказать всю свою дрянную душонку, зависть, мелочность, непониманіе всего, что выходитъ за предѣлы спеціальности, также плохо имъ понимаемой, одного за другимъ, почти сводитъ ихъ съ ума, доводитъ до маніи величія—и такимъ то образомъ, среди своихъ разумныхъ и безумныхъ разговоровъ они и выдаютъ самую сущность своихъ натуръ. Но Мефистофель не достигаетъ ничего, лира остается неприкосновенной. Тогда Мефистофель впутываетъ въ дѣло Альбертуса, возбуждаетъ съ одной стороны его чисто фаустовскую жажду познанія, съ другой начинающуюся его любовь къ Еленѣ и наущаетъ мало по малу оборвать всѣ струны лиры. Ибо между тѣмъ вотъ что произошло. Елена дорвалась таки до лиры, пришла въ какое то изступленіе, даже видомъ своимъ стала походить на пророчицу, а съ волосами ея случилось совсѣмъ нѣчто странное:

„Смотрите, учитель,—говоритъ Гансъ — „это походитъ на чудо: ленты ея прически разрываются и падаютъ къ ея ногамъ (дѣйствительно, явленіе довольно небывалое!) ея волосы словно оживляются, какъ будто волшебное дуновеніе освобождаетъ ихъ изъ ихъ блестящихъ оковъ, чтобы раздѣлить ихъ надъ ея челомъ и разсыпать золотыми волнами по бѣлоснѣжнымъ плечамъ. Да, вотъ ея во-

лосы завиваются свободными и крупными кольцами, какъ локоны ребенка, развѣвающіеся при утреннемъ вѣтеркѣ. (Можно себѣ представить удивленіе и негодованіе всѣхъ парикмахеровъ!). Они сіяютъ, они пламенѣютъ, они обливаютъ ея прекрасное тѣло, какъ горящій въ лучахъ солнца каскадъ. О Елена какъ вы прекрасны теперь! Но вы меня не слышите.

Альбертусъ: — „Сынъ мой, Гансъ, не смотри на нее, въ человѣческой жизни есть тайны, въ которыя мы еще не проникли и о которыхъ я еще минуту тому назадъ не подозрѣвалъ.

Елена. (*Она одною рукою поддерживаетъ лиру, а другую поднимаетъ къ небу*) „Вотъ, чудо совершается! Жизнь коротка, но она полна! Человѣкъ живетъ лишь день, но день этотъ заря вѣчности! (*Лира издаетъ великолѣпные звуки*).

Гансъ. О муза! о вдохновенная красавица!“...

Войдя въ непосредственное сношеніе съ *духомъ лиры*, Елена стала проводить цѣлые часы во вдохновенныхъ импровизаціяхъ, причемъ она *понимаетъ* все, что говоритъ ей духъ — и тогда лира звучитъ сама безъ ея прикосновенія, люди же слышатъ лишь *отвѣты Елены на слова духа*, т.-е ея игру. (Видите, какая аллегорія!) Альбертусъ же не понимаетъ ни того, что̀ съ Еленой, ни ея языка и, наущаемый Мефистофелемъ, обрываетъ сначала двѣ первыя, золотыя струны: „вѣры“ и „постиженія безконечнаго“. Потомъ онъ обрываетъ двѣ серебряныя струны: „надежды“ и “созерцанія красоты“. Мало-по-малу онъ начинаетъ лучше понимать Елену, но, боясь новыхъ припадковъ, прячетъ отъ нея лиру. Елена впадаетъ въ еще худшее безуміе и бѣжитъ въ поискахъ за лирой на вершину соборной колокольни, куда за нею слѣдуетъ и Альбертусъ. Лира у него подъ плащемъ, но вмѣсто того, чтобы отдать ее Еленѣ, онъ вступаетъ съ этой послѣдней въ слѣдующій діалогъ:

А. Остановимся на этой площадкѣ, дитя мое, этотъ быстрый подъемъ вѣрно истощилъ твои силы.

Ел. Нѣтъ, я могу подняться еще выше, все выше.

А. Ты не можешь подняться на шпицъ колокольни. Лѣстница опасна, а свѣжій вѣтеръ, который уже и здѣсь вѣетъ, слишкомъ возбуждаетъ тебя.

Ел. Я хочу подниматься, все подниматься, до тѣхъ поръ пока я найду лиру. Злой духъ ее похитилъ и унесъ ее на шпицъ колокольни. Онъ положилъ ее на руки золотого архангела, блестящаго на солнцѣ. Но я пойду за нею. Я ничего не боюсь. Лира зоветъ меня. (*Она хочетъ бѣжать на лѣстницу колокольни*).

А. (*останавливая ее*). Остановись, милая Елена. Ты въ бреду! Лиру никто не укралъ. Это я, чтобы помѣшать тебѣ играть, взялъ ее у тебя изъ подъ подушки. Вернись домой, и я тебѣ ее отдамъ.

Ел. Нѣтъ, нѣтъ, вы обманываете меня. Вы сговорились съ жидомъ Іонафаномъ, мучить лиру и погубить меня. Жидъ унесъ ее

туда наверхъ. Я вновь возьму ее, слѣдуйте за мною, коли смѣете. (*Начинаетъ взбираться по лѣстницѣ.*)

А. (*показывая ей лиру, которую онъ держалъ подъ плащемъ*). Елена, Елена! Вотъ она! Смотри! Ради Бога, вернись. Я позволю тебѣ сколько угодно играть. Но спустись съ этихъ ступеней, ты тамъ погибнешь.

Ел. (*останавливаясь*) Дайте мнѣ лиру и ничего не бойтесь.

А. Нѣтъ, я тебѣ дамъ ее тутъ. Вернись. О небо, а не смѣю броситься за нею. Я боюсь, что спѣша или стараясь вырваться, она бы не полетѣла съ башни.

Ел. Учитель, протяните руку и дайте мнѣ лиру, или я никогда не спущусь внизъ по лѣстницѣ.

А. (*протягивая ей лиру*). Вотъ, вотъ, Елена, возьми ее. А теперь, обопрись на мою руку, спускайся осторожно.

(*Елена схватываетъ лиру и быстро поднимается по лѣстницѣ до вершины колокольни*)“...

Она садится у подножія бронзоваго архангела и, видя предъ собою громадный, кишащій жизнью и людьми, городъ, начинаетъ импровизировать о бѣдахъ и страданіяхъ человѣчества. Тѣмъ временемъ послѣдовавшій за ними Гансъ лѣзетъ съ другой стороны архангела, чтобы поддержать Елену, если у нея закружится голова отъ пребыванія на такой неудобной концертной эстрадѣ, что весьма немудрено. Елена однако благополучно кончаетъ свой разговоръ съ духомъ лиры, съ которымъ бесѣдуетъ теперь на *стальныхъ* струнахъ, и такъ какъ этотъ музыкальный языкъ говоритъ уже не о недоступныхъ людямъ вещахъ, а рисуетъ понятную имъ картину славы и несчастій людскихъ, то Елену понимаютъ и Альбертусъ и Гансъ.

Елена: „О Духъ! куда ты меня привелъ. Зачѣмъ приковалъ ты меня къ этому мѣсту и заставилъ видѣть и слышать вещи, отъ которыхъ мое сердцѣ наполняется горечью, а глаза слезами. Я вижу подо мною лишь неизмѣримыя пучины страданія, я слышу лишь завыванія безконечной и непоправимой печали. Этотъ міръ лужа крови, море слезъ. Я вижу не городъ, я вижу ихъ десятки, сотни, тысячи, я вижу всѣ города міра. Это не провинція, это цѣлая страна, цѣлый материкъ, это цѣлый міръ, вся земля, страданія которой я вижу, рыданія которой слышу. Вездѣ трупы, а вокругъ нихъ вездѣ рыданія. О Боже, сколько труповъ, о Боже, сколько рыданій“...

Испытанія духа лиры близится къ концу. Правда, Елена въ пылу отчаянія передъ грязью и страданіями несчастныхъ мучениковъ и мучителей, именующихъ себя вѣнцомъ творенія, бросаетъ лиру съ башни. Казалось бы, тутъ и дѣлу конецъ. Но нѣтъ! лиру благополучно подхватываетъ Мефистофель, передаетъ ее проходящей служанкѣ Альбертуса,—и лира снова

благополучно водворяется въ кабинетѣ этого послѣдняго. Остается одна струна—мѣдная, струна, говорящая сердцамъ любовью.

И вотъ теперь Альбертусъ понимаетъ языкъ духа лиры, и духъ этотъ освобождается; Елена же, полюбивъ духа лира, умираетъ, обрывая послѣднюю струну,—и ея душа, вмѣстѣ съ духомъ лиры, привѣтствуемая сонмомъ небесныхъ духовъ, уносится въ надзвѣздныя пространства, или, вѣрнѣе, на бѣлую звѣзду Вега, въ созвѣздіи Лиры. (!!) Альбертусъ, постигнувъ гармонію и смыслъ всего, примиряется съ жизнью и говоритъ своимъ ученикамъ:

„Дѣти мои, гроза пронеслась, но небо ясно; мои слезы лились, но чело мое спокойно; лира разбита, но гармонія вошла въ мою душу. Пойдемте работать“...

Должны сознаться, что съ большимъ трудомъ мы прочли это туманное, высокопарное произведеніе, несмотря на то, что многіе страницы дышутъ истиннымъ вдохновеніемъ, другія же полны тонкаго юмора, и не смотря на то, что вездѣ встрѣчаются глубокія мысли и наблюденія. Но нельзя не сказать что форма является въ наше время чѣмъ то невыносимымъ; до того все это возвышенно, до того мистично и алегорично, что подчасъ производитъ просто комическое впечатлѣніе. Такова напримѣръ только что упомянутая сцена на башнѣ, по своему, доведенному до nec plus ultra, романтизму граничащая съ шаржемъ и каррикатурой и возбуждающая въ насъ такое же неудержимое желаніе смѣяться, какъ знаменитая и препрославленная сцена на башнѣ изъ *Строителя Сольнеса* (да будетъ прощена намъ эта ересь!)

Эпиграфомъ къ этому фантастическому произведенію служатъ слѣдующія строки, почерпнутыя изъ какой то „славянской пѣсни“ (?) Гжималы „les Coeurs résignés“.

„Евгеній, помните ли вы тотъ солнечный день, когда мы слушали сына Лиры и когда мы подстерегли Семь Духовъ Свѣта, устремившихся въ священную пляску подъ звуки пѣнія Семи Духовъ Гармоніи? Какими они казались счастливыми!“...

Эта „славянская пѣсня“ до того непохожа ни на какую „пѣсню“, и тѣмъ болѣе національную, что мы не понимаемъ, въ серьезъ или въ шутку Гжимала такъ ее озаглавилъ. Выдалъ ли онъ Жоржъ Сандъ за „славянскую пѣсню“ одно изъ своихъ стихотвореній; заблуждался ли чистосердечно, воображая, что написалъ нѣчто національное, или же захотѣлъ онъ, по примѣру Мериме, поморочить читателей, но къ несчастію не съумѣлъ

поддѣлаться подъ тонъ національныхъ пѣсень. Этотъ эпиграфъ производитъ впечатлѣніе такой же фальши, какъ само произведеніе производитъ впечатлѣніе скуки. Впрочемъ было бы несправедливо распространить этотъ приговоръ на всѣ безъ исключенія сцены этой фантастической драмы. Такъ, напр., сцена стычки между художниками положительно жизненная. Тутъ нѣтъ ни поддѣлки, ни фальши, и стоитъ ее сопоставить съ какой нибудь современной Жоржъ Сандъ критической статьей (хотя бы напр., съ тѣмъ, что въ 1838 г. во „France musicale" Rellstab писалъ объ As—dur'номъ Impromptu Шопена) чтобы понять, что эта сцена вылилась у Жоржъ Санда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и того, что испытывалъ со стороны критики такой великій и держащійся вдалекѣ отъ всякой полемики и борьбы художникъ, какъ Шопенъ, и того что говорилъ рвущійся въ битву, жаждущій борьбы, горящій негодованіемъ при видѣ пошлости публики и отсталости гг. критиковъ—Листъ. Каждый изъ четырехъ представителей искусства такъ типиченъ, что всякій изъ насъ смѣло можетъ вмѣсто этихъ нарицательныхъ именъ: „поэтъ", „композиторъ", „критикъ", „живописецъ" подставить собственныя имена разныхъ современныхъ намъ бездарностей, съ тупою ограниченностью бранящихъ все, что „не ихъ прихода", и не видящихъ даже въ своей спеціальности дальше своего носа. Точно также прелестны всѣ сценки второстепенныя, гдѣ являются окружающіе возвышенныхъ Елену и Альбертуса простые горожане; пошлость, мелочность, косность и болтовня о томъ, чего они не понимаютъ, переданы неподражаемо. Слѣдуетъ также сказать, что импровизація Елены и бесѣда ея съ духомъ на колокольнѣ о величіи и страданіяхъ человѣчества дышатъ неподдѣльной поэзіей и проникнуты, какъ всегда подобныя страницы у Жоржъ Сандъ, глубокимъ и горячимъ чувствомъ.

И вотъ тутъ то мы приведемъ ту страницу изъ Листовскаго *Предисловія* къ его Симфонической поэмѣ „Héroïde funèbre"— этому единственно-сохранившемуся эпизоду его „Революціонной симфоніи", вышедшему въ 50-хъ годахъ—о которой мы уже упоминали. Какъ тутъ, такъ и тамъ говорится, что всякій шагъ человѣчества впередъ покупается цѣною крови, неисчислимыхъ ранъ, слезъ и стоновъ, и подчасъ грандіозныхъ результатовъ человѣческихъ усилій не видно въ этомъ морѣ слезъ и горя.

„...Въ этомъ непрестанномъ измѣненіи вещей и впечатлѣній есть такія, которыя переживаютъ всѣ перемѣны, всѣ перевороты и природа которыхъ неизмѣнна. Такова прежде всего Печаль (la Douleur).

мрачное присутствіе которой мы созерцаемъ всегда съ тѣмъ же блѣднымъ благоговѣніемъ, съ тѣмъ же тайнымъ ужасомъ, съ тѣмъ же симпатическимъ почтеніемъ и тою же дрожью отвлеченнаго сочувствія, все равно посѣтила ли она злыхъ или добрыхъ, сильныхъ или слабыхъ, побѣдителей ли побѣжденныхъ, мудрыхъ или безумныхъ. Какова бы ни была почва, каково бы ни было сердце, въ которыя она запускаетъ свои ядовитые, роковые корни, каково бы ни было ея происхожденіе и причина—какъ только она выростаетъ во весь свой ростъ—она намъ кажется царственной и внушаетъ уваженіе. Вышедшія изъ двухъ враждебныхъ лагерей, еще дымящіяся отъ свѣже-пролитой крови—печали признаютъ другъ друга сестрами, онѣ роковые косари всѣхъ тщеславій, великія уравнительницы всѣхъ существованій. Все можетъ измѣниться въ человѣческихъ обществахъ: нравы и религіи, законы и идеи; Печаль остается все тою же, она остается тѣмъ, чѣмъ была съ начала вѣковъ. Царства рушатся, цивилизаціи изчезаютъ, наука открываетъ цѣлые міры, человѣческій разумъ сіяетъ все болѣе яркимъ свѣтомъ,—ничто не уменьшаетъ ея силы, ничто не свергаетъ ее съ престола, который она воздвигла въ нашемъ сердцѣ, ничто не лишитъ ее права первородства, ничто не измѣнитъ ея торжественнаго и неумолимаго владычества. Слезы ея всегда та-же горькая и жгучая влага, рыданія ея звучатъ всегда на тѣхъ же пронзительныхъ и жалобныхъ нотахъ; и съ неизмѣннымъ однообразіемъ слѣдуетъ за ними то же безсиліе (défaillances)... На томъ узкомъ порогѣ, который воздвигается всякимъ кровавымъ событіемъ между прошедшимъ и будущимъ,—страданія, страхи, сожалѣнія и похороны вездѣ и всегда похожи. Вездѣ и всегда сквозь побѣдныя фанфары трубъ слышится глухой аккомпаниментъ предсмертныхъ хрипѣній и стоновъ, заупокойныхъ моленій и богохульствъ, вздоховъ и прощаній, и можно подумать, что люди облекаются въ тріумфаторскіе плащи и праздничныя платья лишь для того, чтобы скрыть трауръ, который они не могутъ сбросить, точно онъ невидимая ихъ оболочка... Въ этихъ войнахъ и кровопролитіяхъ, которыя, какъ страшныя игры, слѣдуютъ однѣ за другими, каковъ бы ни былъ цвѣтъ знаменъ, гордо и смѣло возстающихъ одно предъ другимъ, — они развѣваются надъ обоими лагерями, обагренныя геройскою кровью и неистощимыми слезами“...

Врядъ ли кто нибудь не согласится, что въ этомъ грандіознымъ „гимнѣ Печали“ почти слово въ слово повторяется то, что Елена говоритъ съ духомъ Лиры [1]). Съ другой стороны XI (первоначально VIII) *Письмо Путешественника* („*Къ Мейербееру*“) можно почти принять за перифразу статьи Листа о „*Гугенотахъ*“ [2]) Жоржъ Сандъ разбираетъ и восторженно привѣтствуетъ тѣ *новые пути* и задачи, которыя постановилъ себѣ авторъ *Роберта*, (напр., изображеніе народныхъ, массовыхъ

[1]) См. „Sept Cordes de la Lyre“, стр. 126—133.

[2]) „Sämmtliche Werke von Franz Listz. II Band. „Ueber Meyerbeers *Hugenotten*“. S. 64.

чувствъ, изображеніе столкновенія двухъ религіозныхъ принциповъ и олицетвореніе демократической стойкости и протестантскаго мужества во образѣ Марселя). Во всемъ этомъ слышатся тѣ самыя настроенія и вѣянія, подъ вліяніемъ которыхъ Жоржъ Сандъ лѣтомъ 1837 г. писала приведенныя нами страницы о *разъясненіи* музыки словомъ, о Гофманѣ, *звукахъ Сѣвера и Юга* и т. д. Вообще по всей манерѣ писанія, и даже по всѣмъ частностямъ,—хотя бы напр. по всему тому, что Жоржъ Сандъ говоритъ о несносныхъ итальянскихъ „каденціяхъ", безконечныхъ „финалахъ" и другихъ устарѣлыхъ и надоѣвшихъ пріемахъ, противъ которыхъ и въ теоріи и на практикѣ ратовалъ Листъ,—по всему этому XI-ое *Письмо Путешественника* можно смѣло принять за одну изъ статей Листа, до того все это *его* идеи, *его* взгляды.

Или не достойно ли замѣчанія, что почти въ самомъ началѣ записной книжечки, на первой страницѣ которой написано: „Fellow à Piffoel" и подаренной графиней и Листомъ Жоржъ Сандъ, осенью 1836 г. въ Женевѣ, стоятъ слѣдующія строки: „Второй томъ изложенія доктрины Сенъ-Симона. Былъ розданъ въ листахъ лишь полусотнѣ членовъ общины. Хоть списать—если понадобится"... Слишкомъ очевидно, *кто* сообщилъ эти свѣдѣнія Жоржъ Сандъ и *кто* всего болѣе просвѣщалъ ее по части сенъ-симонизма.

Или не слѣдуетъ ли также отмѣтить, что въ 1841 году, въ то самое время, какъ Жоржъ Сандъ писала свою *Консюэло* (являющуюся, кстати сказать, соединеніемъ въ одномъ образѣ и Полины Віардо, и Нурри съ его благоговѣйнымъ культомъ своего искуства, и самаго Листа и сенъ-симонисткихъ взглядовъ на призваніе художника), и заставляла свою героиню вступить въ масонскую ложу, дѣятельнымъ членомъ которой она дѣлается въ силу своей потребности всячески служить людямъ,—въ этотъ самый годъ и Листъ вступилъ въ масонскую ложу „Единенія". А впослѣдствіи, въ 1861 г., онъ поступилъ въ число *тріаріевъ* основаннаго Францискомъ Ассизскимъ монашескаго ордена, т.-е. въ число тѣхъ свѣтскихъ братьевъ, которые, продолжая свое мірское призваніе и живя на міру, тѣмъ не менѣе раздѣляютъ всѣ права и обязанности братіи. Біографъ Листа справедливо видитъ непрерывную послѣдовательность и логическую связь между приверженностью Листа къ сенъ-симонистамъ въ 1831 г., поступленіемъ его въ масоны въ 1841 и въ францисканское братство въ 1861;—все это является символическимъ выраженіемъ и внѣшнимъ подтвержденіемъ идеи хри-

стіанской любви, которая проявилась въ немъ еще въ дѣтствѣ. Она соединялась съ тѣмъ глубокимъ сознаніемъ святости художественнаго призванія, (которымъ полна и душа Консюэло), съ сознаніемъ обязательности для истиннаго художника непрестанно возвышать свою человѣческую личность, чтобъ быть достойнымъ хранителемъ божественнаго дара, а не погубить его. Какія великія, какія прекрасныя мысли! Какъ важно было для Жоржъ Сандъ, послѣ бурныхъ испытаній личной жизни, послѣ безпорядочныхъ и все отрицающихъ проповѣдей Мишеля, встрѣтить на своемъ пути художника, такъ сознательно относящагося къ своему искусству!

Обыкновенно считается, что *Семь Струнъ Лиры* написаны подъ вліяніемъ философскихъ идей Пьера-Леру, но изъ всего вышесказаннаго ясно, что эта фантазія возникла столько же благодаря идеѣ, зароненной Мишелемъ, сколько и подъ общимъ вліяніемъ Листа, Пиктэ, Нурри, Гжималлы и Шопена, т.-е. просто является отголоскомъ того философски-музыкальнаго направленія, которое царило и въ Женевѣ, и во Фрейбургѣ, и въ салонѣ Hôtel de France и въ Ноганѣ въ 1837 г. и душей котораго былъ всетаки Францъ Листъ.

Поэтому, еслибъ даже почти абсолютное тождество приведенныхъ нами страницъ предисловія къ „Héroide funèbre" и рѣчей Елены Мейнбакеръ еще не доказывало намъ, какъ сходились въ своихъ міровоззрѣніяхъ и чувствахъ великій музыкантъ и великій поэтъ, и такимъ образомъ не свидѣтельствовало бы намъ о ихъ духовной близости въ тѣ годы,—то стоитъ перечесть письма Жоржъ Сандъ къ Листу, и его къ ней, *Письма Музыкальнаго Баккалавра* и *Письма Путешественника*, статьи Листа и тѣ послѣдующія сочиненія Жоржъ Сандъ, въ которыхъ на сцену являются музыканты или художники и гдѣ высказываются чисто листовскіе взгляды на значеніе и обязанности артиста (напр. *Карлъ*, *Консюэло*, *Альдини*, *Замокъ Пиктордю*, *Замокъ Пустынницъ*, *Графиня Рудольштадтъ*, *Красавецъ Лорансъ* и т. д.),—чтобы живо и сильно почувствовать, какъ много значили эти два великіе духа другъ для друга.

И потому читатель врядъ ли будетъ удивляться тому, что мы такъ много времени и мѣста удѣлили этой дружбѣ въ жизни Жоржъ Сандъ.

ГЛАВА XIII.

«Monde» Ламеннэ. — «*Письма къ Марсіи*».—Статьи о Каламаттѣ.— «*Посѣщеніе катакомбъ*». — «*Андрэ*». — «*Симонъ*». — «*Жакъ*». — «*Мопра*». — Конецъ 1837 года. — Фонтенебло. — Фелисьенъ Мальфиль.—Неракъ.—Зима 1837—1838 г.—Бальзакъ.—Аббатъ Роше.— Отъѣздъ на Маіорку.

(1837 — 1838).

Передавъ подробно въ X главѣ тѣ идеи и ученія Ламеннэ, которыя имѣли вліяніе на Жоржъ Сандъ, мы еще ничего не сказали о ея личныхъ отношеніяхъ къ этому третьему изъ тѣхъ трехъ людей, которыя способствовали нравственному перевороту, происшедшему съ нею въ 1835—37 годахъ.

Познакомились они, какъ мы уже упомянули, во время апрѣльскаго процесса и тогдашняго весенняго пребыванія Жоржъ Сандъ въ Парижѣ и познакомились черезъ Листа, который однажды посѣтилъ ее вмѣстѣ съ Ламеннэ, въ сопровожденіи юнаго Пуцци Когена.

Въ эту весну они часто видались, то у Жоржъ Сандъ, то у Листа [1]). Затѣмъ Ламеннэ уѣхалъ въ свое бретанское уединеніе, въ Ла-Шенэ, и приглашалъ туда осенью и Жоржъ Сандъ, но она, по словамъ „*Исторіи*“ не рѣшилась навѣстить его въ его родномъ гнѣздѣ, такъ какъ въ то время еще не достаточно близко сошлась съ нимъ и, по всегдашней своей скромности, считала себя слишкомъ незначительной личностью для того, чтобы мѣшать Ламеннэ въ его занятіяхъ или его отдохновеніи, а его приглашеніе считала незаслуженною честью и чуть не жертвою со стороны Ламеннэ, которую она не въ правѣ принять.

[1]) См. выше стр. 446—447 и 485.

Втеченіе второй половины 1835 и всего 1836 г., поглащенная процессомъ съ мужемъ, борьбою и отношеніями съ Мишелемъ, отвлеченная путешествіемъ въ Швейцарію и работами, Жоржъ Сандъ продолжала изрѣдка видѣться съ Ламеннэ, но все еще нѣсколько дичилась его и, повидимому, боялась встрѣтить въ немъ умъ черезчуръ ортодоксальный, воззрѣнія, слишкомъ напоминающія бывшаго священника, человѣка, недостаточно могущаго раздѣлять ея крайнія убѣжденія и свободныя мнѣнія. Но начиная со времени совмѣстной жизни съ гр. д'Агу и Листомъ въ Швейцаріи и въ Hôtel de France осенью и зимою 1836 г., Жоржъ Сандъ уже гораздо ближе сошлась съ Ламеннэ и мало-по-малу прониклась къ нему довѣріемъ и тѣмъ безграничнымъ, восторженнымъ поклоненіемъ, которое слышится въ страницахъ „*Исторіи*", посвященныхъ воспоминаніямъ о великомъ энтузіастѣ [1]), въ ея двухъ „*Письмахъ къ Лерминье*", напечатанныхъ въ Revue des deux Mondes въ защиту *Livre du peuple*, на которую тотъ нападалъ, и въ позднѣйшей ея статьѣ объ „*Амшаспандахъ и Дарванахъ*" Ламеннэ. Такъ мы видимъ, что еще въ маѣ 1836 г. она пишетъ графинѣ д'Агу:

„Говорятъ, что аббатъ Ламеннэ переселяется въ Парижъ. Говорятъ, что онъ имѣетъ намѣреніе основать журналъ. Сможетъ ли онъ сдѣлать это? Вотъ въ чемъ вопросъ. Ему нужна школа, ученики. У него ихъ не будетъ ни въ политикѣ, ни въ этикѣ, если онъ не сдѣлаетъ громадныхъ уступокъ нашему времени и нашему просвѣщенію (à nos lumières). Въ немъ, судя по тому, что передаютъ мнѣ его близкіе друзья, еще гораздо болѣе сидитъ *священникъ*, чѣмъ я могла предполагать. Надѣялись гораздо болѣе втянуть его въ кружокъ чѣмъ это удалось. Онъ сопротивляется. Происходятъ ссоры и примиренія. Еще не приходятъ ни къ какимъ заключеніямъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ сговорились. Вся надежда *добродѣтельной интеллигенціи* въ этомъ. Ламеннэ не можетъ идти впередъ одинъ. Если, отрекшись отъ роли пророка и апокалиптическаго поэта, онъ ударится въ прогрессивную дѣятельность, нужно, чтобъ у него было войско. Величайшій полководецъ въ мірѣ ничего не можетъ сдѣлать безъ солдатъ. Но нужны испытанные и вѣрующіе воины. Ему легко найти толпу писакъ безъ убѣжденій, которыми онъ будетъ управлять и которые будутъ имъ пользоваться, какъ знаменемъ, и отрекнутся отъ него или измѣнять ему при первомъ случаѣ. Если онъ хочетъ, чтобы дѣйствительно его поддерживали, пусть онъ остерегается людей, которые, прежде чѣмъ признать его руководство, не поспорятъ съ нимъ. Раздумывая о послѣдствіяхъ подобнаго обязательства, сознаюсь, что я сама въ нерѣшительности. Я легко приду съ нимъ къ соглашенію относительно всего, что не есть догматы. Но въ этомъ отношеніи я буду требовать извѣстную

[1]) См. „Исторію моей жизни", т. IV, стр. 357—363.

свободу совѣсти, а онъ не разрѣшитъ мнѣ этого. Если онъ уѣдетъ изъ Парижа, не сговорившись съ двумя-тремя лицами, которыя относятся къ нему съ такой же преданностью и сопротивленіемъ, какъ я, то я буду и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи очень поражена. Элементы свѣта и просвѣщенія народнаго опять разбредутся, носимые по капризнымъ волнамъ моря, выбрасываемые на всѣ берега, печально разбиваемые у нихъ, ничего не произведя. Единственный кормчій, который могъ бы ихъ собрать воедино, лишитъ ихъ своей помощи и оставитъ ихъ болѣе печальными, болѣе разъединенными, болѣе безнадежными, чѣмъ когда-либо. Если Францъ имѣетъ на него вліяніе, пусть онъ умоляетъ его хорошенько изучить и оцѣнить значеніе дѣла, порученнаго ему Богомъ. Люди, подобные ему, создаютъ религіи, а не принимаютъ ихъ. Это ихъ обязанность. Они не принадлежатъ прошедшему. Они обязаны заставить человѣчество сдѣлать шагъ впередъ. Смиренномудріе, сомнѣнія, правовѣріе—монашескія добродѣтели, которыхъ Богъ не дозволяетъ реформаторамъ. Если дѣло, о которомъ я для него мечтаю, можетъ исполниться, то *вы* должны будете присоедитсся къ священному отряду. У васъ умъ болѣе мужественный, чѣмъ у многихъ мужчинъ, вы можете быть чистымъ и яркимъ свѣточемъ“..

Но какъ только Ламеннэ основалъ свой журналъ *Monde*, такъ Жоржъ Сандъ немедленно приняла въ немъ участіе и, несмотря на то, что это участіе было вполнѣ безкорыстнымъ, такъ какъ она писала въ немъ даромъ, она не прельстилась выгоднымъ предложеніемъ, сдѣланнымъ ей Journal des Débats, и пока чувствовала себя полезной для журнала Ламеннэ—оставалась его сотрудницей. Она пишетъ Жанѐну, обращавшемуся къ ней отъ имени Journal des Dèbats:

„Я не работаю въ *Monde*'ѣ, я ничей не сотоварищъ. Быть сотоварищемъ аббата де Ламеннэ почетное званіе, которое не можетъ мнѣ подходить. Я его преданный слуга. Онъ такъ добръ, и я такъ его люблю, что я буду давать столько своей крови и своихъ чернилъ, сколько онъ у меня потребуетъ. Но онъ у меня вовсе ихъ не потребуетъ, такъ какъ онъ во мнѣ не нуждается, слава Богу. У меня нѣтъ настолько самомнѣнія, чтобы вообразить, что я могу послужить ему чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ доставленія своей пустой болтовней нѣсколькихъ лишнихъ подписчиковъ его журналу; каковой журналъ будетъ существовать сколько ему будетъ угодно и платить мнѣ тоже сколько ему будетъ угодно. Я не безпокоюсь объ этомъ. Аббатъ де Ламеннэ всегда останется аббатомъ де Ламеннэ, но нѣтъ ни такихъ совѣтовъ, ни такого сотоварищества, которые бы могли изъ бѣднаго малаго Жоржа сдѣлать что нибудь иное,“...

Въ журналѣ Ламеннэ Жоржъ Сандъ помѣстила въ 1837 г. три вещи, разной величины и значенія, но всѣ три останавливающія вниманіе біографа и критика. Это во-первыхъ статья

Ingres et Calamatta, во-вторыхъ поэтическій отрывокъ *Une visite aux Catacombes* и наконецъ знаменитыя *Lettres à Marcie*.

Съ молодымъ граверомъ Луиджи Каламатта Жоржъ Сандъ познакомилась около 1836 г. по поводу портрета ея, заказаннаго редакторомъ *Revue des deux Mondes* [1]) и сразу дружески сошлась съ этимъ преданнымъ своему искусству художникомъ и рѣдкимъ человѣкомъ. Каламатта награвировалъ три ея портрета: одинъ съ портрета масляными красками, написаннаго Делакруа и изображающаго Ж. Сандъ въ бархатной мужской жакеткѣ и галстухѣ и съ полукороткими волосами; другой—съ этого же портрета, но исправленный и идеализированный самимъ граверомъ; наконецъ третій съ собственноручнаго рисунка карандашемъ, изображающаго Ж. Сандъ въ платьѣ съ широкими рукавами по модѣ 30-хъ годовъ и въ оригинальномъ головномъ уборѣ, съ лентами, висящими по обѣ стороны лица,—какъ тогда носили. Этотъ послѣдній портретъ Каламатты сдѣланъ, повидимому, имъ въ началѣ 1837 г. въ Ноганѣ или во время пребыванія Ж. Сандъ въ Hôtel de France, ибо вслѣдъ затѣмъ онъ сдѣлалъ тамъ портреты и Листа и гр. д'Агу. Близко сойдясь съ молодымъ художникомъ, оцѣнивъ его страстную любовь къ искусству, честное, безкорыстное отношеніе къ дѣлу, Жоржъ Сандъ съ одной стороны, какъ мы видѣли по поводу *Мозаичистовъ*, изобразила его и друга его, художника Меркури, въ двухъ братьяхъ Цукатти, несходныхъ по темпераменту, характерамъ и образу жизни, но одинаково преданныхъ своему искуству и изъ за любви и преданнаго служенія ему переносящихъ всевозможныя невзгоды, напасти и лишенія. Мы указывали также и па то, какъ Жоржъ Сандъ во время писанія своихъ венеціанскихъ повѣстей пользовалась разными совѣтами и указаніями и даже рисунками Каламатты относительно венеціанскихъ костюмовъ и разныхъ другихъ культурно-историческихъ и художественныхъ подробностей. Съ другой стороны, видя тяжелое матерьяльное положеніе Каламатты, Жоржъ Сандъ со всегда присущимъ ей энергическимъ великодушіемъ пришла къ нему на помощь, а именно не только сама написала о немъ сочувственную статью въ журналѣ Ламеннэ, но заставила и всѣхъ своихъ литературныхъ друзей и знакомыхъ написать о немъ въ разныхъ журналахъ и такимъ образомъ какъ бы рекламировала его публикѣ. Такъ, по ея настояніямъ

[1]) Онъ появился въ октябрьской книжкѣ Revue des deux Mondes 1836 г. и помѣченъ: „Disegnato e inciso da me L. Calamatta. 1836".

Жоржъ Сандъ съ каранд. рис. Каламатты 1837 г.

и просьбамъ, Жаненъ помѣстилъ о немъ отзывъ въ Journal des Débats, а Пелльтанъ—въ *Артистѣ*. Статья Жоржъ Сандъ „*Ingres et Calamatta*“—точно такъ же, какъ гораздо позднѣйшія статьи о немъ же по поводу его гравюръ съ „*Джіоконды*“ Леопардо да Винчи и съ „*Vierge à la Chaise*“ Рафаэля [1],—не отличается никакими особенными достоинствами и не поражаетъ какими нибудь новыми, оригинальными или остроумными мнѣніями объ искусствѣ. Но эта статья является нагляднымъ памятникомъ той дѣятельной помощи и участія, которыя всѣ нуждавшіеся въ поддержкѣ друзья, знакомые и даже совсѣмъ незнакомые находили въ Жоржъ Сандъ. Этой статьей—если не считать уже упомянутыхъ нами статей объ *Оберманнѣ* и Дорваль — открывается тотъ безконечный рядъ *статей*, *статеекъ*, *замѣтокъ и предисловій*, вышедшихъ изъ подъ ея пера, которыми она втеченіе всей своей жизни никогда не отказывалась послужить къ вящему прославленію какой нибудь неоцѣненной книги,—вродѣ *Обермана*, таланта — вродѣ Дорваль, или рано умершаго поэта Жоржа-Мориса де Геренъ [2], или наконецъ просто ради рекомендаціи публики новаго автора, художника, книги, картины.

Второй отрывокъ, помѣщенный въ Monde'ѣ — „*Посѣщеніе Катакомбъ*“, замѣчателенъ по своему глубоко-грустному, безнадежно-покорному настроенію. Авторъ разсказываетъ о какомъ-то своемъ посѣщеніи Катакомбъ; о томъ впечатлѣніи, какое на него произвелъ подземный источникъ, темное зеркало котораго, лишенное свѣтовыхъ лучей, *ничего не отражаетъ*,—и затѣмъ предается глубоко-философскимъ и дѣйствительно глубокимъ размышленіямъ о жизни и смерти. „Жизнь и смерть, неразрывные братья, великій союзъ, зачѣмъ представляетесь вы людямъ желаніемъ и ужасомъ, наслажденіемъ и отвращеніемъ? Божественный законъ, дивная тайна, еслибъ даже она не проявлялась ничѣмъ инымъ, какъ царственнымъ и чудеснымъ видомъ матеріи упокоившейся и матеріи возрождающейся, то все же была бы Богомъ, духомъ, свѣтомъ и благодѣяніемъ“!..

Третье произведеніе Жоржъ Сандъ, помѣщенное въ Monde'ѣ—*Письма къ Марсіи*, разумѣется несравненно важнѣе и въ литературномъ и въ біографическомъ отношеніяхъ, чѣмъ эти двѣ маленькія статейки. Къ сожалѣнію этотъ романъ никогда,

[1]) Первая и третья изъ этихъ статей вошли въ *Полномъ собраніи сочиненій* Ж. Сандъ въ томъ „Questions d'art et de littérature“, вторая въ томъ „Autour de la table“.

[2]) Эта статья Ж. Сандъ появилась въ Revue des deux Mondes 1840 г., затѣмъ перепечатана въ томѣ „*Autour de la table*“.

какъ извѣстно, не былъ оконченъ, прервавшись на 6 №. Повидимому Ламеннэ, начавъ его печатать, не ознакомившись съ нимъ достаточно, потомъ самъ обратилъ вниманіе и остался недоволенъ имъ, или услыхалъ отъ кого то изъ своихъ друзей замѣчаніе, что идеи, проповѣдуемыя въ немъ Жоржъ Сандъ, слишкомъ расходятся съ его собственными мнѣніями и съ тенденціями *Monde*'а [1]). Какъ бы то ни было уже 28 февраля, т.-е. послѣ выхода третьяго № съ продолженіемъ *Писемъ къ Марсіи*, Ж. Сандъ обратилась къ Ламеннэ письменно, спрашивая, какъ ей быть? Очевидно она затронула такіе смѣлые вопросы, которые пугаютъ Ламеннэ—вродѣ брака, развода, значенія страсти въ жизни женщинъ. Она сама не ожидала, что повѣствованіе заведетъ ее такъ далеко. Она хотѣла бы заслужить одобреніе учителя, но не смѣетъ о всякой частности допрашивать его. Между тѣмъ она

„зашла далеко и чувствуетъ желаніе раздвинуть рамки *Писемъ*, настолько чтобы помѣстить въ нихъ всѣ вопросы, касающіеся женщинъ. Я хотѣла бы говорить обо всѣхъ обязанностяхъ, о бракѣ, о материнствѣ и т. д. Во многихъ мѣстахъ я боюсь быть увлеченной моей природной живостью далѣе, чѣмъ вы можетъ быть позволили бы мнѣ идти, еслибъ я заранѣе посовѣтовалась съ вами. Но развѣ я поспѣю насчетъ каждой страницы спрашивать вашихъ указаній?.. Что же дѣлать? Послѣдую ли я за своимъ вдохновеніемъ? или же буду просить васъ просматривать тѣ плохія страницы, которыя я посылаю въ журналъ? Этотъ послѣдній способъ имѣетъ много неудобствъ: никогда въ исправленномъ произведеніи нѣтъ единства. Оно теряетъ цѣльность и свою общую логичность. Часто, поправляя кусочекъ стѣны, разрушаютъ цѣлый домъ, который простоялъ бы еще, еслибъ до него не дотронулись. Я думаю, что слѣдовало бы, чтобы избѣжать этихъ затрудненій и неудобствъ, согласиться относительно двухъ пунктовъ: именно я сейчасъ исповѣдаюсь вамъ въ самыхъ главныхъ изъ смѣлыхъ мыслей, приходящихъ мнѣ въ голову; а вы разрѣшите мнѣ писать вполнѣ свободно, не слишкомъ безпокоясь, если сдѣлаю какую нибудь глупость въ частностяхъ. Я не знаю, насколько вы должны будете отвѣчать за это передъ свѣтскими людьми, и пола-

[1]) Можно склониться къ этому послѣднему мнѣнію, если вспомнить слѣдующія строчки изъ письма Беранже къ Наполеону Пейра, приводимаго въ книгѣ этого послѣдняго: „*Béranger* et *Lamennais*“ (Paris, Meyruis, 1862): „Я повторилъ это приглашеніе также и Ламеннэ, котораго я очень хотѣлъ бы вытянуть изъ лужи, въ которую другіе хотѣли бы его втянуть. Онъ хочетъ встать во главѣ журнала, и я боюсь, что я слишкомъ поздно явлюсь для того, чтобы удержать его отъ этого безумія. Онъ понялъ это касательно своихъ отношеній къ Листу и Ж. Сандъ. Но я очень боюсь, что, мягкій и простой, онъ не попалъ бы изъ Харибды въ Сциллу“. Нѣсколько позднѣе впрочемъ этотъ самый Беранже, говоря о томъ, что не знаетъ, какъ *Monde* и Ламеннэ выпутаются, прибавлялъ: „Развѣ только Ж. Сандъ что нибудь выдумаетъ“...

гаю, что вы мало безпокоитесь о свѣтскихъ людяхъ. Но у меня такая глубокая привязанность къ вамъ, я такъ полна довѣрія, что еслибъ даже я была увѣрена, что я не неправа, я всетаки покорюсь, чтобы заслужить пожатіе вашей руки“...

Затѣмъ Жоржъ Сандъ касается цѣлаго ряда такъ называемыхъ „женскихъ вопросовъ“, которые она затрогиваетъ въ *Марсіи*, и въ концѣ концовъ проситъ Ламеннэ

„единымъ словомъ отвѣтитъ ей. Если вы мнѣ запретите идти впередъ, я окончу *Письма къ Марсіи* на томъ, на чемъ они остановились, и сдѣлаю что нибудь совсѣмъ иное, что вы мнѣ прикажете. Я могу промолчать о многомъ и не считаю себя призванной обновить міръ. Прощайте, отецъ и другъ, никто не любитъ и не уважаетъ васъ болѣе меня“...

Ламеннэ „запретилъ“ — и *Письма къ Марсіи* остались неоконченными.

Нѣсколько иное говоритъ Жоржъ Сандъ въ Предисловіи къ *Письмамъ* для отдѣльнаго ихъ изданія, а именно она утверждаетъ, что вовсе не имѣла намѣренія проводить какія нибудь свои философскія идеи, а что эти первыя 6 писемъ — „нѣчто вродѣ пролога, въ которомъ я для начала изображала тоску одиночества“ — служили ей лишь для характеристики состоянія духа героини, которую она хотѣла обрисовать лишь посредствомъ писемъ *къ ней* ея друга, не давая читателю ни одного ея собственнаго письма. Жоржъ Сандъ утверждаетъ далѣе, что романъ прервался безъ всякаго отношенія къ его содержанію (?) съ прекращеніемъ редакторства Ламеннэ въ *Monde*'ѣ.

„Я согласилась писать въ журналѣ Monde лишь изъ преданности къ г. де Ламеннэ, который его основалъ и который имъ руководилъ. Какъ только онъ его покинулъ, я тоже вышла, даже не справившись о причинахъ этого удаленія. Такимъ образомъ, не имѣя возможности продолжать въ свое время и въ своемъ мѣстѣ *Письма къ Марсіи*, я вскорѣ забыла нѣчто вродѣ плана, задуманнаго мною“...

Далѣе Жоржъ Сандъ говоритъ, что нѣкоторые либеральные журналы упрекали ее въ томъ, что она де отступила передъ трудностью предпріятія, — а также высказываетъ очень вѣрныя мысли о томъ, что произведеніе художника всегда рождается органически цѣлымъ, а потому тягостно и почти невозможно впослѣдствіи его поправлять или измѣнять. (Это мнѣніе отлично характеризуетъ общую манеру работы Жоржъ Сандъ, но совершенно идетъ въ разрѣзъ съ фактомъ исправленія и передѣлки ею *Леліи*, всего лишь за годъ передъ тѣмъ).

Но хотя сама Жоржъ Сандъ такимъ образомъ смотритъ на *Письма къ Марсіи* лишь какъ на прологъ настоящаго романа,

мы въ правѣ разбирать этотъ отрывокъ какъ чисто публицистическое сочиненіе, какъ изложеніе ея взглядовъ на бракъ, женскую самостоятельность, равноправность и т. д. и т. д. И мы видимъ тутъ, что со времени *Леліи* взгляды Жоржъ Сандъ очень опредѣлились и возмужали. То былъ страстный протестъ, выраженный въ поэтической формѣ, — тутъ ясная и опредѣленная теорія равенства женщинъ и мужчинъ. Немудрено, что послѣ *Lettres à Marcie*, какъ и послѣ *Индіаны*, *Валентины* и *Жака*, разные ретрограды и святоши закричали о потрясеніи основъ брака и т. п., да и самъ Ламеннэ убоялся.

Марсіи 25 лѣтъ, она скучаетъ, разочарована, порывается къ чему-то, не можетъ мириться съ жизнью мелкой, скучаетъ въ обществѣ, скучаетъ и безъ общества, собирается даже на время запереться въ монастырь (какъ Лелія, и какъ сама Жоржъ Сандъ); отчасти она мечтаетъ о замужествѣ, отчасти возмущается противъ брака; не находитъ настоящаго утѣшенія въ религіи — и въ тоже время боится подвергнуть свои вѣрованія философскому анализу, не знаетъ даже, смѣетъ ли женщина заниматься философіей. Марсія не видитъ среди окружающаго ее общества никого, за кого бы она вышла замужъ, такъ какъ ея требованія отъ жизни слишкомъ серьезны и слишкомъ непохожи на взгляды и требованія тѣхъ людей, среди которыхъ ей приходится вращаться, — и въ тоже время малодушно боится остаться „старой дѣвой“. Другъ ея, — отъ имени котораго говоритъ авторъ и въ словахъ котораго многіе хотѣли видѣть отраженіе теорій и совѣтовъ, преподанныхъ самой Жоржъ Сандъ аббатомъ Ламеннэ, — начинаетъ съ того, что силится уговорить Марсію, не такъ много придавать значенія всѣмъ нашимъ человѣческимъ горестямъ и разочарованіямъ.

„Не безумны ли мы въ своихъ неудовольствіяхъ и не достойно ли жалости видѣть, что такимъ мелкимъ атомамъ надо столько пространства и шума, для того лишь чтобы выставлять на показъ такія обыденныя и низменныя бѣды? Всѣ мы лишь тщеславіе и надутая спѣсь; наши жалобы лишь богохульство и напыщенность!“..

Пессимизмъ и даже вполнѣ основательное разочарованіе въ людяхъ, по мнѣнію друга Марсіи, влечетъ за собою гордость, одинокое превосходство, презрительлную сухость и холодность, Потомъ онъ старается побороть ея боязнь остаться старой дѣвой. Онъ приводитъ ей „доказательства отъ обратнаго“, разсказывая ей два случая, встрѣтившіеся ему въ жизни. Сначала — исторію несчастной 16 лѣтней богатой наслѣдницы и уродца, нерѣшившейся остаться въ дѣвушкахъ, вышедшей поэтому за че-

ловѣка, который искалъ и могъ искать въ ней только богатства, и искупившей этотъ малодушный шагъ нѣсколькими годами жизни, полной презрѣнія и униженія со стороны мужа, полной неудовлетворенныхъ порывовъ къ земному счастью и затаеннаго отчаянія, и наконецъ скончавшейся въ тяжкихъ страданіяхъ, среди внѣшняго богатства—и нищенства и одиночества духовнаго.

Потомъ разсказывается совершенно обратная исторія—исторія трехъ сестеръ, жившихъ у дяди, итальянскаго священника (эта часть *Писемъ къ Марсіи* была много разъ перепечатана разными журналами подъ заглавіемъ „Les trois soeurs“). Младшая, Арпаличе,—или Арпалисъ, по французскому произношенію,—полюбила и была любима молодымъ англичаниномъ, лордомъ ***, и могла бы сдѣлаться счастливой, выйти замужъ, такъ какъ любовь молодыхъ людей превозмогла даже сословные предразсудки и обезоружила мать молодого лорда,—но Арпаличе не захотѣла покинуть своихъ сестеръ, поэтому вполнѣ сознательно пожертвовала своимъ чувствомъ и вернулась къ своей прежней, совмѣстной со своими сестрами, жизни, полной заботъ о ближнихъ и дѣятельной любви къ людямъ. Еще до разсказа о трехъ сестрахъ авторъ, на много лѣтъ опередившій такимъ образомъ „Крейцерову Сонату“, говоритъ Марсіи: „вы образованы, вы чисты,—вотъ ваши великія преимущества, вотъ настоящіе элементы, для счастья“, и совѣтовалъ ей добиваться самостоятельности учиться, развиваться, ни за что не выходить замужъ иначе какъ за человѣка, въ которомъ она будетъ увѣрена, къ религіи относиться съ критикой и свободнымъ сужденіемъ; но тутъ же, какъ бы охлаждая порывы Марсіи къ широкой дѣятельности, авторъ говоритъ, что теперь для женщинъ нѣтъ поприща, кромѣ искусства и семьи, такъ какъ остальныя профессіи и самимъ мужчинамъ невыносимы при мало-мальски широкихъ взглядахъ и требованіяхъ. (Тутъ опять мы видимъ сходство со взглядами Толстаго, высказанными въ его статьѣ „Женщинамъ“; даже приводится совершенно таже параллель между трудомъ мужчины *внѣ* дома и трудомъ женщины *въ* домѣ: на женщинѣ лежитъ все *устроеніе* дома и дѣтей, она истая глава дома и семьи, это ея священная обязанность и т. д.).

Другъ Марсіи, постаравшись успокоить ее и разъяснить ей ея сомнѣнія, доказываетъ ей ея право на свободу вѣрованій, на свободу анализа, и на свободу личную, а затѣмъ излагаетъ ей собственныя теоріи, какъ ей жить, что̀ ей дѣлать. Совѣты его, тогда новые, теперь звучатъ чѣмъ то устарѣлымъ, надоѣвшимъ,

кажутся ein überwundener Standpunkt, но очень можетъ быть, что только потому они и стали имъ, что *была* Жоржъ Сандъ и что цѣлыя поколѣнія людей воспитались въ этихъ мысляхъ. Поэтому можно и не кричать, что „все это старо“. Слава Богу, что старо, но было время, когда все это было *нужно*.

... „Я знаю, что нѣкоторые предразсудки не признаютъ за женщинами воли, которую можно было бы просвѣтить, и способности къ разумной выдержкѣ. Многіе мужчины стараются теперь проповѣдовать на основаніи психологіи и физіологіи, что мужской организмъ выше организма женскаго. Это стараніе кажется мнѣ довольно печальнымъ, и еслибъ я былъ женщиной, то съ трудомъ покорился бы необходимости сдѣлаться подругой или товарищемъ человѣка, который почиталъ бы себя моимъ божествомъ; ибо *надъ* человѣческой природой я допускаю лишь божественную, и, такъ какъ трудно было бы оправдывать это земное божество въ его заблужденіяхъ и ошибкахъ, то я сильно боюсь, что кроткая покорность, естественно испытываемая къ любимому существу, обратилась бы въ ненависть, которую внушаетъ тотъ, кого всего болѣе боятся. Странное злоупотребленіе философской свободой—пускаться въ пренія, которыя приводятъ ни къ чему иному, какъ къ уничтоженію человѣческаго союза въ глубинѣ сердецъ, а еще страннѣе то, что фанатическіе приверженцы брака пользуются аргументомъ наиболѣе способнымъ сдѣлать бракъ ненавистнымъ и невозможнымъ. И обратно—ужасающее заблужденіе относительно общности женъ поддерживается тѣми людьми, которые доказываютъ равенство женской природы. Такимъ образомъ двумъ неоспоримымъ истинамъ — равенству половъ и святости ихъ законнаго союза—наносится ущербъ съ обѣихъ сторонъ собственными ихъ защитниками.“

... „Богъ былъ бы несправедливъ, еслибъ онъ принудилъ одну половину человѣческаго рода быть вѣчно связанной съ недостойной ея половиной; это было бы тоже самое, что связать ее съ какой-нибудь породой низшихъ животныхъ. Съ этой точки зрѣнія не доставало бы, для совершенной послѣдовательности въ мнѣніяхъ человѣческихъ, — только лишь мечтаній о совершенномъ уничтоженіи женскаго рода и о возвращеніи къ существованію андрогинъ, какъ о высшей ступени прогресса...“

„Какъ! у женщины тѣ же страсти тѣ же потребности, что и у мужчины, она подвержена тѣмъ же физическимъ законамъ, и у ней не было бы ума, необходимаго къ подавленію и направленію этихъ инстинктовъ? Ей предписываются обязанности столь же трудныя, какъ и мужчинѣ, ее подчиняютъ законамъ нравственнымъ и общественнымъ, такимъ же строгимъ, и у нея вдругъ не будетъ свободнаго выбора и воли такой же полной, разума столь же свѣтлаго, чтобы сообразоваться съ ними? Богъ и люди были бы виновны въ этомъ, ибо значитъ они поселили и терпятъ на землѣ породу, полное и совершенное существованіе для которой будто бы невозможно. Если женщина ниже мужчины, пусть же ее освободятъ отъ всѣхъ узъ, пусть не предписываютъ ей ни постоянства въ любви, ни законнаго материнства, пусть относительно нея уничтожатъ даже за-

коны, защищающіе жизнь и собственность, пусть противъ нея ведется война безъ всякой церемоніи. Законы, духъ и цѣль которыхъ она, будто бы, не имѣетъ возможности оцѣнить такъ же хорошо, какъ тѣ кто ихъ создаетъ, — эти законы были бы безсмысленными, и нѣтъ основанія почему бы тогда и домашнихъ животныхъ не подчинить человѣческому законодательству"...

... „Женщины получаютъ плачевное воспитаніе, — и въ этомъ заключается великое преступленіе мужчинъ противъ нихъ. Они всюду внесли злоупотребленія, присвоивъ себя преимущества учрежденій самыхъ священныхъ [1]). Они воспользовались (spéculé) самыми закон-

1) „Я считаю,—говоритъ Даніэль Дефо въ своемъ *Essay on projects*—однимъ изъ самыхъ грубыхъ проявленій нашихъ нравовъ исключеніе женщинъ отъ преимуществъ, которыя даетъ образованіе. Мы считаемъ себя христіанскимъ и цивилизованнымъ народомъ и упрекаемъ всегда женщинъ въ грубости и отсутствіи воспитанія, между тѣмъ какъ я убѣжденъ, что еслибы мы давали имъ образованіе, какое сами получаемъ, онѣ никогда не давали бы повода къ подобнымъ упрекамъ... Можно ли упрекать въ глупости, когда единственная причина тому есть наше желаніе не дать имъ возможности сдѣлаться умнѣе. Женщины одарены лучшими способностями, чѣмъ мужчины; онѣ способны быстрѣе схватывать, что мы легко можемъ видѣть на примѣрѣ нѣкоторыхъ образованныхъ женщинъ. Можно было бы подумать что мы нарочно не даемъ имъ образованія изъ опасенія, что онѣ превзойдутъ насъ... Развѣ умная женщина хуже глупой и развѣ образованныя женщины такъ опасны, что ихъ слѣдуетъ лишать образованія?... Со стороны мужчинъ трудно указать болѣе отвратительное проявленіе глупости и неблагодарности, какъ лишеніе женщинъ того блеска, какой даетъ образованіе и культура прирожденной красотѣ духа. Хорошо воспитанная и образованная женщина ни съ чѣмъ не можетъ быть сравниваема; знакомство съ нею есть высшее наслажденіе; она похожа на ангела, она вся миръ, любовь и наслажденіе, высшій идеалъ,—и мужчинѣ, которому досталась такая жена, остается только радоваться и благословлять судьбу.

Но представьте себѣ ту-же женщину безъ образованія. Если она по природѣ добра, то это отсутствіе образованія дѣлаетъ ее слишкомъ слабохарактерной и уступчивой; если она умна, то она много болтаетъ. Если у нея есть нѣкоторыя познанія, но нѣтъ воспитанія, то она слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія. Если же она по природѣ зла, то она сварлива, высокомѣрна и напоминаетъ безумное существо. Всѣ эти дурныя качества доводятъ ее до того, что она часто обращается въ діавола.

... Я беру на себя смѣлость утверждать, что весь міръ поступаетъ съ женщинами несправедливо. Ибо я не могу думать, что Всевышній создалъ такія нѣжныя, прелестныя существа, одарилъ ихъ столькими пріятными чертами и такими же способностями, какими онъ одарилъ мужчинъ, лишь для того только чтобы обратить ихъ въ хозяекъ, кухарокъ и рабынъ"...

Врядъ ли Жоржъ Сандъ знала, что устами друга Марсіи она такимъ образомъ почти буквально говорила то, что авторъ *Робинзона* сказалъ за 140 лѣтъ до нея и ровно 200 лѣтъ назадъ—въ 1698 г. Мы позволили себѣ привести эту длинную выписку изъ *Essay on projects* полагая, что сопоставленіе взглядовъ Дефо и мнѣній Жоржъ Сандъ весьма курьезно, и дабы указать на то, что мнѣніе Жоржъ Сандъ не обуславливается ея поломъ. Совершенно тоже самое

ными и наивными чувствами. Имъ удалось упрочить это рабство и отупленіе женщины, которое, какъ они теперь утверждаютъ, будто бы Богомъ установлено и держится вѣчными законами. Управлять труднѣе, чѣмъ повиноваться. Чтобы быть уважаемою главою семьи, *любимымъ* и *признаваемымъ* господиномъ женщины, надо обладать индивидуальною нравственной силой; законы же безсильны...“

... „Для того, чтобы воспрепятствовать женщинѣ пріобрѣсти благодаря своей добродѣтели нравственное вліяніе надъ домомъ и семьей‘ мужчина долженъ былъ найти способъ уничтожить въ ней сознаніе нравственной силы; дабы царить надъ нею во имя одной грубой силы,нужно было задушить ея разумъ и оставить его необработаннымъ. Къ этому и прибѣгли. Единственной нравственной поддержкой предоставленной женщинѣ была религія, и мужчина, освободившись отъ своихъ общественныхъ и религіозныхъ обязанностей, почелъ за благо, чтобы женщина соблюдала христіанскія предписанія о страданіи и молчаніи“.

„Предразсудокъ, который запрещаетъ женщинамъ серьезныя умственныя занятія, довольно недавняго происхожденія. Древній міръ и средніе вѣка, насколько я знаю, не представляютъ намъ примѣровъ отвращенія и системъ возбраненія противъ тѣхъ изъ женщинъ, которыя занимались науками и искусствами. Въ средніе вѣка и въ вѣкъ Возрожденія многія женщины высокого званія отличались на литературномъ поприщѣ. Мы знаемъ нѣсколькихъ въ области поэзіи. Княгини и принцессы часто были знакомы съ древними языками, и существовалъ замѣчательный контрастъ между густымъ мракомъ, въ которомъ находился весь женскій полъ, и блестящими знаніями, которыя женщины высшаго сословія старались пріобрѣсти. Эти почетныя исключенія не возбуждали никакой ненависти у своихъ современниковъ,—и наоборотъ писатели тѣхъ вѣковъ говорятъ о нихъ съ такимъ признаніемъ ихъ равноправности, которое,— справедливо или нѣтъ,—возбудило бы большія сомнѣнія при теперешнихъ литературныхъ нравахъ“...

Другъ Марсіи очень ѣдко замѣчаетъ при этомъ, что теперь забыли всѣхъ апостоловъ и преступаютъ всѣ остальныя предписанія, но апостола Павла съ его impérieux principe (строгимъ повелѣніемъ)—его мужья поминаютъ съ особою ревностью и требуютъ исполненія законовъ, основанныхъ на этомъ повелѣніи.

Письма къ Марсіи обрываются на прекрасномъ, краткомъ историческомъ aperçu. Въ тѣ времена, когда войны и менѣе устроенная общественная жизнь отвлекали мужчинъ изъ дома, женщины должны были вести всѣ домашнія дѣла, хозяйство, воспитаніе дѣтей, все нести самимъ, — всѣ были довольны такимъ порядкомъ вещей. Но съ прекращеніемъ большихъ религіоз-

писалъ и Амосъ Коменскій. Не значитъ ли это, что многіе великіе умы должны повторять самыя простыя истины на разные лады, пока онѣ не пробьютъ наконецъ путь въ общее сознаніе?

ныхъ и иныхъ войнъ, при сравнительномъ бездѣйствіи, мужчины стали заниматься больше мелочами. Вѣкъ Людовика XV привелъ къ „измельчанію и энерваціи мужского характера", XVIII вѣкъ „какъ эпоха блестящаго разврата, тоже нанесла смертельный ударъ достоинству супружескаго союза". И вотъ теперь и въ отношеніяхъ, прежде ясныхъ и опредѣленныхъ, все смѣшалось и спуталось. Вообще теперь мы переживаемъ переходную эпоху, полную скрытыхъ силъ и неясныхъ стремленій, эпоху всеобщаго броженія, всеобщей передѣлки, когда старое умираетъ, а новое еще не родилось. Этимъ изображеніемъ переходнаго смутнаго времени и заканчиваются *Письма къ Марсіи*, послѣднее слово которыхъ: „Будемъ надѣяться" — „Espérons!" Сама Марсія является какъ бы олицетвореніемъ этой переходной эпохи въ исторіи женщинъ. Это—душа въ броженіи, исканіе истины во тьмѣ, тѣ сумерки передъ разсвѣтомъ, описаніемъ которыхъ заключается 4-ое Письмо къ Марсіи—одна изъ прелестнѣйшихъ страницъ Жоржъ Сандъ:

...„Марсія! есть часъ въ ночи, который вы должны знать, вы, которая бодрствовали у изголовья больныхъ или у вашего налоя (prie-Dieu), призывая надежду и тоскуя,—это часъ, который предшествуетъ разсвѣту, когда все холодно, все печально; сны тогда страшны, умирающіе смежаютъ вѣки. Въ этотъ часъ я потерялъ самыхъ дорогихъ близкихъ, и смерть казалась мнѣ желанною Этотъ часъ, Марсія, пробилъ для насъ. Мы бодрствовали, мы плакали, мы мучились, мы сомнѣвались; но вы, Марсія, вы моложе насъ; встаньте же и смотрите! — Утро уже снисходитъ къ вамъ сквозь лозы и цвѣты вашего окна. Ваша одинокая лампада борется со свѣтомъ и блѣднѣетъ; солнце скоро взойдетъ; его лучъ уже пробѣгаетъ и дрожитъ на зыбкихъ верхушкахъ лѣсовъ; земля, чувствуя, какъ нѣдра ея становятся плодородными, смущается, какъ юная мать, когда впервые она почувствуетъ содроганіе своего ребенка"...

Марсія и Лелія представляютъ собою, какъ бы вѣхи того пути, который Жоржъ Сандъ прошла съ 1833 года. Лелія вопросъ, Марсія — отвѣтъ. Между этими двумя романами, двумя женскими типами — скептической пессимисткой, не вѣрующей ни во что, ни въ любовь, ни въ Бога, ни въ людей,—типомъ *отрицательнымъ*,—и Марсіей, ищущей утѣшенія у своего мудраго совѣтника, который старается выяснить ей *идеалъ положительный*, — стоятъ три героини, три романа Жоржъ Сандъ, написанные между 1834 и 1837 годами, и которыхъ мы до сихъ поръ вовсе или почти не касались: Сильвія изъ *Жака*, Фіамма изъ *Симона*, Эдме изъ *Мопра*.

Говоря о *Жакѣ* въ IX главѣ мы коснулись лишь основной

фабулы его, той новой точки зрѣнія на измѣну любимаго существа, которая заставила Жака, обожавшаго свою молоденькую, нѣжную, слабую жену Фернанду, безропотно удалиться и предоставить ей наслаждаться счастьемъ съ Октавомъ. Этотъ Октавъ, самый обыденный jeune-premier, былъ сначала неудачнымъ поклонникомъ таинственной Сильвіи, которая потомъ оказывается сестрой и Фернанды и Жака, ибо она плодъ незаконной любви ея матери и его отца. Сильвія головою выше Октава, это родная сестра Леліи, это ровня и Жаку, это гордая, смѣлая отшельница, пытливый умъ, не отступающій ни предъ какими выводами, пессимистка, которая не позволяетъ себѣ смотрѣть на жизнь сквозь розовый флеръ, не хочетъ блуждать въ потемкахъ, но судитъ людей и ихъ поступки съ безпощадной прямолинейностью и строгостью. Конечно Октавъ ей не чета, она подавляетъ его, какъ Лелія подавляетъ Стеніо. Октавъ влюбляется въ Фернанду при первой же встрѣчѣ съ ней. Сильвія безъ всякаго сожалѣнія уступаетъ свое мѣсто. Она гораздо болѣе дорожитъ дружбой Жака, такъ какъ въ этой спокойной, братской любви она встрѣчаетъ полное пониманіе, духовное равенство, серьезную поддержку — все то, чего ни она, ни Жакъ никогда не найдутъ въ любви, все то, чего и сама Жоржъ Сандъ никогда не находила у своихъ возлюбленныхъ, но что она нашла у Роллина и у двухъ-трехъ друзей, если и не бывшихъ, какъ Роллина, ея совершенными alteri ego, то тѣмъ не менѣе умѣвшихъ цѣнить ее, раздѣлять ея мысли и быть ей вѣрными и въ горестяхъ и въ радостяхъ, съ юности и до глубокой старости.

Мы часто встрѣчали въ статьяхъ русскихъ писателей, а также нѣкоторыхъ и иностранныхъ — выраженіе неодобренія Жоржъ Сандъ за созданіе типовъ, подобныхъ Леліи и Жаку. Это де какія то несбыточные герои, невозможныя и невстрѣчающіяся на землѣ, идеальныя существа, безполезности въ силу своей исключительности и совершеннаго несходства съ обыденными, повседневными людьми. Для насъ *необыденность* вовсе не значитъ еще *невозможность*. Неужели мы должны не вѣрить, что есть люди, что *могутъ быть* люди вродѣ Жака, Сильвіи, вродѣ самой Жоржъ Сандъ и ея друзей, людей „лучшихъ“, настоящихъ аристократовъ ума и сердца? Неужели надо желать, чтобы не встрѣчались примѣры такого *неравенства*? Мы убѣждены, что еслибъ это случилось, то все человѣчество остановилось бы въ своемъ развитіи и прогрессѣ, ибо оно только и идетъ впередъ, что *необыденными* Жаками, Сильвіами, Жоржъ Сандами. И еслибъ были одни лишь „простые“, просто-любящіе

Октавы, добродушныя Фернанды, никого не мучающія, всѣмъ довольныя, не чувствующія своего одинокаго положенія *надъ* всѣми окружающими, какъ это чувствуетъ Жакъ, не презирающія весь міръ съ его мелкими страстями гдѣ „всѣ чувства лишь на срокъ, гдѣ не умѣютъ безъ боязни ни ненавидѣть, ни любить“; еслибъ не было такихъ Жоржъ Сандъ, которыя могутъ говорить о себѣ и о Леліи: „Я изъ расы Ессеевъ, *gens solitaria*, подруга пальмъ, какъ сказалъ Плиній Младшій“...,—о, тогда плохо стало бъ на этомъ свѣтѣ, скучно, душно, ничтожно! Мы по крайней мѣрѣ только и живемъ, что вѣрой, что тамъ и сямъ, два-три человѣка на народъ, пять-шесть человѣкъ на столѣтіе есть такихъ Лелій и Жаковъ, что они стоять именно особнякомъ и чувствуютъ себя одинокими, и рвутся куда-то, и рѣдко—рѣдко на долю ихъ выпадетъ счастье,—какъ Леліи и Тренмору, Сильвіи и Жаку, Жоржъ Сандъ и Роллина,—сказать другъ другу *черезъ поле*: „Слышу тебя, говори, я такой же, я тоже одинокъ, я тоже мечтатель, я тоже не похожъ на другихъ, я тоже мучаю другихъ, потому, что мучаюсь самъ, но я лучше другихъ я это знаю, знаешь и ты“... Нѣтъ, безъ вѣры въ такихъ „негодныхъ мечтателей“, якобы „ничего недѣлающихъ и ни на какое нужное дѣло неспособныхъ“, плохо бы намъ жилось, да и вамъ тоже, читатель!

При всей своей неправдоподобности съ точки зрѣнія обыденно-буржуазной жизни, романъ этотъ захватываетъ своею глубиною, горячностью, истинной поэзіей. Какъ прелестно начало любви Жака и Фернанды! какъ свѣжо переданы всѣ ея первыя чувства и ощущенія! И тѣмъ трагичнѣе дѣйствуетъ разсказъ о томъ, какъ эти счастливые, повидимому, люди начинаютъ все болѣе и болѣе отдаляться, все сильнѣе чувствуютъ свою „разность“. Затѣмъ — встрѣча съ Октавомъ, любовь къ нему Фернанды, удаленіе со сцены, а затѣмъ и самоубійство Жака. Мы не знаемъ, кто можетъ читать равнодушно письма Жака въ Сильвіи въ этой второй половинѣ романа. Они дышатъ такой глубиной сознательнаго чувства, въ нихъ виденъ гуманный человѣкъ, свои гуманныя теоріи проводящій въ жизнь до послѣдней возможности, до послѣдняго вздоха, даже тогда, когда эти теоріи ему лично стоятъ жизни, требуютъ смерти. „Fort comme la mort“.

Сильвія, по плану автора, должна была являться „вторымъ сопрано“ въ романѣ, служить лишь къ вящему выясненію мысли автора о томъ, что ни любовь мужа, ни кротость, невинность и любовь жены не даютъ прочнаго счастья, и самая

прелестная дѣвушка будетъ плохой женой, если между нею и мужемъ нѣтъ истинной дружбы, если образованный, умный, обожающій жену мужъ и милая, чистая жена чувствуютъ себя одинокими другъ подлѣ друга. Но вышло такъ, что мы совершенно не интересуемся Фернандой—и всѣ свои симпатіи обращаемъ на Сильвію, вѣроятно болѣе близкую и сердцу автора.

Такъ же близка автору и Фіамма Фальеръ—героиня *Симона*. Романъ этотъ [1]) посвященъ графинѣ д'Агу, и посвященіе это гласитъ:

„A Madame la Comtesse ***

„Таинственная подруга, будьте покровительницей этой бѣдной маленькой сказки.

Патриціанка, извините антипатіи простаго сердца.

Madame, не говорите никому, что вы его сестра.

Сердце трижды благородное, снизойдите до него и дайте ему возгордиться.

Графиня, будьте прощены.

Невидимая, скрытая звѣзда, узнайте себя въ этихъ пѣснопѣніяхъ..."

А въ одномъ изъ первыхъ своихъ кокетливыхъ и восторженныхъ писемъ 1835 г. къ графинѣ, въ разгаръ проповѣдей Мишеля и въ началѣ знакомства съ Ламеннэ, Жоржъ Сандъ писала:

..."Вы одна кажетесь мнѣ чѣмъ то прекраснымъ, достойнымъ уваженія и поистинѣ благороднымъ, блистающимъ среди вашего патриціанскаго круга. Вы должны въ самомъ дѣлѣ быть чѣмъ то очень выдающимся, для того, чтобы я забыла, что вы графиня. Но отнынѣ вы для меня типъ фантастической, художественной, любящей и благородной въ своихъ манерахъ, словахъ и нарядѣ принцессы, какъ царевны сказочныхъ временъ. Такой вы мнѣ кажетесь и я буду любить васъ такой, какъ вы есть, и за то, что вы такая..."

Предположимъ, что это говоритъ не Ж. Сандъ, а молодой простолюдинъ, влюбленный въ очаровательную аристократку и лишь въ силу любви „прощающій", что она графиня,—и передъ нами Симонъ Фелинъ, молодой сынъ старой Жанны Фелинъ, неграмотной, но преисполненной республиканскихъ добродѣтелей, настоящей римской матроны въ берришонскомъ чепцѣ, прядущей шерсть на порогѣ своего жилища и съ суровой непримиримостью взирающей на замокъ аристократа, который возвышается

[1]) Былъ написанъ въ 1835 г., вышелъ въ январѣ и февралѣ 1836 г.

на вершинѣ холма. Симонъ выросъ подъ руководствомъ этой старой республиканки и подъ вліяніемъ дяди, аббата Фелина, „понимавшаго христіанскій завѣтъ любви и равенства, какъ первые христіане". Молодой крестьянинъ получаетъ хорошее образованіе и, вѣроятно по знакомству автора съ Мишелемъ, готовъ сдѣлаться адвокатомъ съ помощью стараго друга семьи, представителя третьяго сословія, адвоката Паркэ. Тѣмъ временемъ въ замокъ, послѣ того какъ долгое время, вслѣдствіе отчужденія въ національную собственность барскихъ имѣній, замокъ этотъ находился во владѣніи купившихъ его двухъ деревенскихъ кулаковъ, возвращается старый владѣлецъ его, перекупившій вновь свое родовое гнѣздо. Этотъ послѣдній, графъ Фужеръ, эмигрантъ, возвратившійся на родину послѣ пребыванія въ Австріи, гдѣ онъ ради хлѣба насущнаго (читай: „по врожденному торгашеству и низменности своихъ инстинктовъ") торговалъ свѣчами, корицей, перцемъ и саломъ, тамъ прозывался скромнымъ именемъ синьора Спаццета, болѣе ему подходившимъ, чѣмъ благородное имя его предковъ. Съ нимъ пріѣзжаетъ на родину и дочь его, Фіамма.

Насъ не интересуетъ слѣдовать за развитіемъ фабулы романа, да ея почти и нѣтъ, ибо вся она сводится къ тому, что непримиримый врагъ аристократіи, Симонъ, вопреки презрѣнію и негодованію графа Фужера, а особенно вопреки протестамъ собственной республиканской совѣсти и благородной плебейской гордости, не только покоряется всецѣло обаятельной Фіаммѣ, но и женится на ней. Разумѣется авторъ заставляетъ свою гордую и смѣлую амазонку таить въ душѣ самыя республиканскія симпатіи и чувства, а для бо́льшаго возвеличенія простого народа надъ испорченными аристократами (по крайней мѣрѣ французскими, не воспитанными въ республиканскихъ традиціяхъ, какъ венеціанская аристократія), открываетъ въ концѣ концовъ читателю слѣдующій злодѣйскій поступокъ гр. Фужера, слѣдующія права Фіаммы на особое сочувствіе читателя и особое поклоненіе Симона, а также и слѣдующій источникъ ея аристократически-независимаго характера и демократически республиканскаго образа мыслей: будучи въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не успѣвъ еще разбогатѣть отъ продажи корицы и сала, гр. Фужеръ нѣкогда женился на обѣднѣвшей наслѣдницѣ гордаго венеціанскаго рода Фальеровъ, тѣхъ Фальеровъ, предокъ которыхъ, знаменитый Марино, погибъ изъ-за своего честолюбія и... вѣроломства республикѣ. Разумѣется, дочь Фальеровъ томится въ бракѣ съ такимъ прозаическимъ субъектомъ, какъ Спаццета-

Фужеръ. А этотъ послѣдній, по прошествіи малаго времени, задумалъ ничто иное, какъ сдѣлать собственную жену объектомъ весьма прибыльной коммерческой операціи, а именно продать ее австрійскому вельможѣ, графу Штрабенбаху (по первоначальной версіи: Штагенбрахту). Разумѣется, графиню спасаетъ отъ этого ужаса благородный простолюдинъ, съ которымъ она удаляется куда-то въ горное уединеніе и отъ котораго у нея рождается дочь Фіамма. Послѣ смерти бѣдной графини, Спацета-Фужеръ соглашается выдавать Фіамму за свою дочь, конечно подъ условіемъ лишенія ея наслѣдства. Теперь ясно: Фіамма, родившаяся, какъ и авторъ ея, отъ соединенія плебейской и аристократической крови, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ венеціанкой, мечтающей свергнуть иго австрійцевъ, душей, мечтающей о всеобщей свободѣ, а особенно о торжествѣ благородныхъ плебеевъ, надъ презрѣнными аристократами. Ясно также, что, наслушавшись судоговореній во время апрѣльскаго процесса и разсказовъ Мишеля о его судебныхъ дебютахъ, о пріемахъ адвокатскаго краснорѣчія и т. п., Жоржъ Сандъ очень подробно описываетъ первый адвокатскій опытъ Симона, его первую рѣчь въ судѣ и т. д. и т. д. Не забываетъ она также повѣдать, что отца Симона, этого адвоката изъ мужиковъ (sic!), стараго республиканца Фелина, совершенно какъ и отца Мишеля, убили шуаны въ 1793 г.

Такимъ образомъ *Симонъ* является яркимъ отраженіемъ тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя волновали Жоржъ Сандъ въ 1835 г., и, хотя и посвященный графинѣ д'Агу, по своему содержанію и подробностямъ онъ скорѣе является жертвоприношеніемъ на алтарь тогдашняго кумира автора — Мишеля. Въ тоже самое время *Симонъ*, это какъ бы pendant и отвѣтъ на предыдущій романъ Жоржъ Сандъ, на *Андре*. Тамъ сынъ маркиза влюбился въ простолюдинку, тутъ дочь графини въ крестьянина.

Хотя *Андре* былъ написанъ въ Венеціи, но общаго съ Венеціей ничего не имѣлъ, кромѣ развѣ того повода, благодаря которому онъ написанъ. Жоржъ Сандъ разсказываетъ въ Предисловіи, что, прислушавшись какъ то къ болтовнѣ двухъ венеціанскихъ швеекъ, работавшихъ въ сосѣдней комнатѣ и перемывавшихъ косточки венеціанскихъ господъ, она вдругъ почувствовала себя какъ бы перенесенной въ родной Ла-Шатръ, до того нравы, обычаи, люди и типы, описываемые язычкомъ венеціанскихъ портнихъ, показались ей общими и похожими на знакомые ей съ дѣтства нравы, типы и людей Ла-Шатра. Къ этому присоединилась тоска по родинѣ,—и такъ возникъ *Андре*.

Фабула этого романа опять таки болѣе чѣмъ проста. Молодой дворянчикъ Андре, сынъ маркиза де Морана, знакомится съ хорошенькой модисточкой Женевьевой и соблазняетъ ее. Собственно говоря онъ ее не соблазняетъ, а дѣйствительно любитъ ее и не желалъ бы другой жены, чѣмъ эта милая, трогательно-преданная, безконечно-любящая его и граціозная гризеточка. Но Андре слабъ, нерѣшителенъ, самъ хорошенько не знаетъ, чего онъ хочетъ, чего не хочетъ; существовать, повидимому, тоже не можетъ на собственныя средства, а совершенно зависитъ отъ отца, да вдобавокъ и боится еще этого отца. А этотъ послѣдній, разумѣется, и слышать не хочетъ о томъ, чтобы сынъ его женился на какой то цвѣточницѣ. Женевьева, измученная непосильной борьбой съ предразсудками отца и слабостью и дряблостью сына, погибаетъ. Она должна сдѣлаться матерью, не выноситъ своего позора и заболѣваетъ отъ волненія и огорченія. Въ самыя послѣднія минуты Андре женится на ней, но, разумѣется, слишкомъ поздно, и Женевьева умираетъ на рукахъ этого жалкаго, слишкомъ поздно оцѣнившаго ее, человѣка. Содержаніе романа, какъ видитъ читатель, самое обыкновенное. Но написанъ романъ, особенно первыя его главы, съ необыкновенною нѣжностью и свѣжестью красокъ. Сцена свиданія молодыхъ людей на лугу, на берегу Эндры; чуткость простой и необразованной, но поэтической Женевьевы къ явленіямъ и красотамъ природы; скромная жизнь этой молодой цвѣточницы въ ея скромной комнаткѣ, зарожденіе ея любви къ Андре написаны очаровательно. Съ другой стороны папаша Моранъ или сцена внезапнаго нашествія на его помѣстье цѣлой компаніи модистокъ, предводительствуемыхъ жизнерадостнымъ пріятелемъ Андре, Жозефомъ Марто, а также самъ этотъ Жозефъ, нарисованы ярко, съ большимъ юморомъ, тонкой наблюдательностью и знаніемъ провинціальной жизни и ея типовъ.

Въ словахъ Жоржъ Сандъ о томъ, что̀ вызвало написаніе *Андре*, мы видимъ отраженіе рѣдкой ея впечатлительности и зависимости ея настроеній и писаній отъ всей окружающей ее обстановки. Погода, небо, яркое или хмурое освѣщеніе, мелодическія пѣсни гондольеровъ или простая пѣсенка и болтовня швеекъ, шумъ вѣтра въ старыхъ ногансхихъ каминахъ и пѣніе соловья въ саду—все это дѣйствовало на нее то прямо, то въ силу закона контрастовъ. Слушая болтовню двухъ венеціанокъ, она переносилась тотчасъ мысленно въ улицы Ла-Шатра, въ сѣренькую среду тамошнихъ модистокъ и писала *Андре*. Слушая ногансхихъ соловьевъ, распѣвавшихъ въ кустахъ сирени, вдругъ

вспоминала соловьевъ, распѣвавшихъ въ Санъ-Фантинѣ или около Ponte di Barcaroli въ Венеціи и писала *Maîtres Mosaïstes*. Прислушиваясь къ вою вѣтра вокругъ ноганскаго дома, она уносилась мысленно въ южныя страны и рисовала освѣщенныя южнымъ солнцемъ побережья милой Адріатики и Іоническихъ Острововъ, гдѣ происходили подвиги грознаго *Ускока*. Или наоборотъ, подчиняясь мрачному настроенію бурной ночи, писала мрачныя картины въ замкѣ *Мопра*.

Мопра считается по справедливости однимъ изъ лучшихъ романовъ Жоржъ Сандъ и читается въ наши дни съ такимъ же интересомъ, какъ и въ годъ своего выхода [1]. Во-первыхъ основныя идеи этого романа, чрезвычайно характерныя для самой Жоржъ Сандъ, въ наши дни,—дни „Перчатки“ Бьернсона и „Крейцеровой Сонаты“ съ одной стороны, и реалистическаго детерминизма съ другой,—не только не устарѣли, но являются самыми современными и животрепещущими. Дѣйствительно, теперь, съ одной стороны, „Перчатка“ и „Соната“ говорятъ намъ о необходимости равенства мужчинъ и женщинъ въ смыслѣ обязательной добрачной чистоты для тѣхъ и другихъ. Съ другой стороны реалисты-детерминисты провозглашаютъ непреложную власть надъ единичнымъ субъектомъ наслѣдственности и среды, невозможность для него вырваться изъ подъ этой власти. А *писатели* этого направленія обрекаютъ своихъ героевъ на неподвижное обрѣтаніе въ унаслѣдованныхъ порокахъ и постоянно на одной и той же нравственной высотѣ или низости, съ перваго момента ихъ выступленія предъ читателемъ и до послѣдней страницы книги, безъ всякаго измѣненія, безъ всякой борьбы съ обстоятельствами, а тѣмъ болѣе безъ всякаго исправленія, очищенія, возвышенія, точно и въ жизни ничего нѣтъ кромѣ косности и неподвижности. Жоржъ Сандъ вѣрила иначе и иное видѣла въ жизни. При всей свой безконечной снисходительности къ людямъ, при всемъ ея великодушіи къ слабымъ, преступнымъ, порочнымъ, при всемъ пониманіи тѣхъ роковыхъ обстоятельствъ, которыя часто приводятъ хорошихъ отъ природы людей къ преступленіямъ, она вѣрила въ свободную волю, въ такъ называемый свободный выборъ. Какъ Руссо она была убѣждена, что человѣкъ выходитъ совершеннымъ изъ рукъ Творца и лишь

[1]) Онъ былъ написанъ въ концѣ 1836 и началѣ 1837 года, вышелъ въ 1837 году въ Revue des deux Mondes, 1 и 15 апрѣля, 1 мая и 15 іюня, но рѣшительно во всѣхъ изданіяхъ въ предисловіи стоитъ: „Я написала этотъ романъ, кажется *въ 1846 г.*, тотчасъ вслѣдъ за моимъ процессомъ о разводѣ“. Это разумѣется ошибка.

общество портитъ его [1]). Поэтому она вѣрила въ возможность для всякаго, самаго заброшеннаго, некультурнаго, темнаго, несчастнаго, дикаго, преступнаго созданія—спастись, исправиться, возвыситься, просвѣтиться. Это даже одна изъ ея любимыхъ темъ.

Тренморъ—игрокъ и убійца, благодаря своему недюжинному уму, сильной волѣ и, болѣе всего, горячему состраданію къ другимъ несчастнымъ, становится изъ отверженнаго каторжника—другомъ и полезнымъ членомъ человѣчества. Мопра силою любви къ чистой, гордой, великодушной Эдме, изъ дикаго звѣреныша, ненавидимаго всѣми и всѣхъ ненавидящаго, изъ потомка и воспитанника послѣднихъ рыцарей-разбойниковъ, живущихъ грабежомъ и насиліемъ, становится не только образованнымъ, культурнымъ человѣкомъ, не только честнымъ и хорошимъ гражданиномъ, но прямо человѣкомъ рѣдкой нравственности, способнымъ на самопожертвованіе, а главное сила этой любви къ Эдме такъ перерождаетъ его необузданную натуру, что онъ можетъ разсказъ о всей своей жизни заключить словами: „Она была единственною женщиною, которую я любилъ, никакая другая никогда не привлекла моего взгляда, не знала моихъ объятій“.

Къ этой темѣ искупленія, воспитанія и просвѣщенія силою любви Жоржъ Сандъ часто возвращалась въ своихъ позднѣйшихъ романахъ. Мы съ нею встрѣчаемся и въ *Nanon*, и въ *Cadio*, и въ *Valvèdre* и въ *Maîtres Sonneurs*.

Въ *Мопра* это моральное перерожденіе, возрожденіе человѣка силою любви и силою вліянія благороднаго существа, проведено съ удивительнымъ талантомъ и яркостью. Постепенно превращается Бернаръ изъ тупого звѣренка, для котораго ничего не существуетъ кромѣ охоты и ѣды,—въ звѣря страшнаго, желающаго грубо завладѣть попавшеюся ему въ руки молоденькой кузиной, — потомъ въ дикаго, необузданнаго, но благороднаго человѣка, который уже предпочитаетъ любовь—обладанію и добивается этой любви неумѣло, но всетаки добивается. Потомъ, сознавъ свое полное невѣжество и недостатки, онъ начинаетъ вдругъ, со всей необузданностью своей натуры, съ яростью и упорствомъ,—учиться; дѣлается педантомъ, кичащимся своими знаніями и болѣзненно-самолюбивымъ Но, все болѣе и болѣе озаряемый свѣтомъ разума и согрѣтый истинной любовью, Бернаръ становится наконецъ благороднымъ и самоотверженнымъ человѣкомъ,

[1]) Въ одномъ письмѣ къ сыну отъ 15 декабря 1835 г. она говоритъ почти тоже, что Руссо въ своей знаменитой формулѣ.

предпочитающимъ вдали отъ родины и любимой дѣвушки, въ далекой Америкѣ, умереть въ войнѣ за независимость этой Америки, пожертвовать собою, лишь бы не являться предметомъ ужаса и ненависти для связанной съ нимъ словомъ Эдме, а наоборотъ заслужить ея уваженіе, отказавшись отъ правъ на нее. Возвратившись на родину, онъ находитъ счастье, но чуть не гибнетъ, уже отвоевавъ его, отъ руки спасшагося какимъ то чудомъ „послѣдняго Мопра“, отвратительнаго Жака, покушающагося на жизнь Эдме. Подозрѣніе падаетъ на Бернара и его отдаютъ подъ судъ, но подъ конецъ все разъясняется и онъ женится на обожаемой дѣвушкѣ. Всѣ эти послѣдовательныя стадіи, черезъ которыя проходитъ эта недюжинная, сильная натура, Жоржъ Сандъ передала мастерски. А такія сцены, какъ появленіе Эдме въ разбойничьемъ замкѣ; осада его королевскими жандармами; страстная сцена въ часовнѣ, съ которой можетъ соперничать развѣ только извѣстное ночное объясненіе между Эсмеральдой и Клодомъ Фроло; бесѣда въ башнѣ Газо; сцена ревности по поводу г. Ла-Марша, претендента на руку Эдме, и объясненіе между Бернаромъ и Эдме въ его присутствіи, наконецъ насколько мелодраматичный, но сильный и смѣлый заключительный эпизодъ появленія Жака Мопра, убійство Эдме и сцена въ судѣ—навсегда останутся въ памяти у всякаго прочитавшаго романъ, въ которомъ словно вѣетъ духъ недобраго, мрачнаго, прошлаго вѣка, когда и люди, и страсти все было крупное, сильное, недюжинное. И какъ прелестенъ образъ Эдме, дѣвушки, кажется, наиболѣе заслужившей эпитетъ данный Достоевскимъ героинямъ Жоржъ Сандъ: „сильная и смѣлая своей чистотой“. Эта гордая, смѣлая, безстрашная, втихомолку любящая Бернара, но не высказывающая этого ему, Эдме, перевоспитывающая его и заставляющая сдѣлаться человѣкомъ, добиться и ея и собственнаго своего уваженія, умница и сильный характеръ,—намъ всегда представляется родной сестрой шекспировской Порціи изъ „Венеціанскаго Купца“, любимицы нашей изъ всѣхъ шекспировскихъ героинь. И такъ и кажется, что мнимый „докторъ правъ Бальтазаръ“ являющійся отъ имени Белларіо изъ Падуи, чтобы спасти Антоніо изъ лапъ Шейлока, что этотъ милый и остроумный докторъ, шагающій большими шагами и старающійся говорить басомъ передъ дожемъ и судьями, съ улыбкой подаетъ руку той бѣлокурой красавицѣ въ сѣрой амазонкѣ съ серебряными галунами и широкополой шляпѣ съ страусовымъ перомъ и съ хлыстомъ въ рукахъ, которая смѣло входитъ въ мрачную залу Tour-Mauprat,

тщетно стараясь не выдать одолѣвающаго ее страха, и, не сморгнувъ глазомъ, выдерживаетъ ужасный tête à tête съ опаснымъ, какъ волченокъ на свободѣ, Бернаромъ, но покоряетъ его силою своего неукротимаго духа, своего ума, своей чистой дѣвической прелести.

Есть въ томъ романѣ и длинноты, и декламацiя и несносное повторенiе проповѣдей Мишеля и теорiй Руссо въ лицѣ Пасiанса, но какъ художественное произведенiе этотъ романъ стоитъ совсѣмъ особо по цѣльности, яркости, силѣ, характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ, до милѣйшей собачки Блэрò включительно. Ни Бернара, ни Эдме, ни Пасiанса, ни Маркаса никогда не смѣшаешь съ другими героями Жоржъ Сандъ и никогда ихъ не забудешь.

Мопра былъ оконченъ и вышелъ лѣтомъ 1837 уже подъ совсѣмъ иными, болѣе свѣтлыми впечатлѣнiями для Жоржъ Сандъ, чѣмъ былъ начатъ, и потому она могла впослѣдствiи сказать въ предисловiи, что „только что окончивъ свой бракоразводный процессъ, она взглянула на бракъ и его святость и ненарушимость совсѣмъ иначе, чѣмъ во всѣхъ предъидущихъ романахъ“, гдѣ она „возставала противъ его злоупотребленiй“.

Мопра какъ бы рѣшаетъ тотъ вопросъ, который поставленъ былъ *Жакомъ* и рѣшаетъ его положительно: возможенъ счастливый, ненарушимый, истинно человѣческiй бракъ, основанный на взаимномъ уваженiи, на неизмѣнной взаимной любви и вѣрности, надо только умѣть отвоевать и заслужить такое счастье.

Такимъ образомъ мы видимъ, что около 1837 года для Жоржъ Сандъ наступаетъ болѣе спокойная пора: семейная жизнь ея упорядочилась и сдѣлалась болѣе осѣдлою; идеалы ея опредѣляются и выясняются; бурные перiоды сомнѣнiй и отчаянiя замѣняются болѣе философскимъ отношенiемъ къ жизни, личныя увлеченiя и страсти, не исчезая еще изъ ея жизни; отодвигаются на подобающее имъ мѣсто, не поглощая уже всей ея душевной дѣятельности. Спѣшимъ однако замѣтить, что все это совершилось и совершалось далеко не безъ страданiй, ломки и борьбы, и можетъ быть именно конецъ этого 1837 года былъ одной изъ самыхъ печальныхъ эпохъ жизни Жоржъ Сандъ.

Конецъ лѣта 1837 года былъ далеко непохожъ на его свѣтлое и радостное начало и принесъ Жоржъ Сандъ много огорченiй, треволненiй и даже слезъ. Однажды за обѣдомъ—повидимому еще въ одинъ изъ послѣднихъ дней пребыванiя въ Но-

ганѣ Листа и M-me д'Агу, — т.-е. около 20 іюля [1]) Жоржъ Сандъ получила отъ стараго Пьерре письмо, извѣщавшее ее внезапно о смертельной болѣзни матери. Она въ тотъ же день выѣхала черезъ Шатору въ Парижъ, застала мать еще въ живыхъ и могла окружить ее въ послѣдніе дни заботами и утѣшеніями. Хотя Жоржъ Сандъ по этому поводу и говоритъ въ *„Исторіи моей жизни“*, что отношенія ея съ матерью въ эти послѣдніе годы улучшились, однако страницы, повѣствующія о болѣзни и смерти матери, дышатъ какимъ то холодомъ и дѣланностью, а въ письмахъ къ разнымъ лицамъ о томъ же постоянно встрѣчаются фразы вродѣ слѣдующихъ:

„Бѣдная милая женщина была такъ добра и нѣжна ко мнѣ, когда умирала, что потеря ея причинила мнѣ горе, *превосходящее всѣ мои предвидѣнія*“ [2])...

...„На слѣдующее утро я нашла ее неподвижной на ея кровати и, цѣлуя ея тѣло, я почувствовала, что то, что говорится о голосѣ природы и силѣ кровной привязанности, не воображеніе, какъ я часто полагала въ дни недовольства. И вотъ я вернулась теперь въ Фонтенбло, сломленная усталостью и разбитая горемъ, *которому бы я не повѣрила два мѣсяца тому назадъ*. Право сердце неистощимый источникъ страданій“ [3]).

Эти фразы свидѣтельствуютъ какъ бы о собственномъ ея недоумѣніи „какъ, молъ, удивительно, что я горюю. „Онѣ только усиливаютъ впечатлѣніе той сухой дѣланности, которую мы отмѣтили въ *„Исторіи“* относительно этого эпизода. Очевидно, отъ дѣтской романической любви къ матери не осталось и слѣда, и отношенія къ ней со стороны Жоржъ Сандъ были повидимому снисходительно-презрительными, съ оттѣнкомъ той жалости, которую испытываютъ къ психопатамъ. И всѣ казенныя фразы въ письмахъ Ж. Сандъ этого года, вродѣ: „pauvre excellente femme“, „j'ai perdu ma pauvre mère“, не могутъ разрушить въ насъ именно этого впечатлѣнія, производимаго совокупностью всего, что она говоритъ о послѣднихъ дняхъ и годахъ жизни матери. Онѣ просто отраженіе того всегдашняго чувства виновности передъ покойникомъ, которое всѣ и всегда испытываютъ, когда уже поздно. Жоржъ Сандъ не была ни въ чемъ виновата относительно матери, наоборотъ. Но теперь ее вѣрно тяготило именно сознаніе того, что она въ послѣднее время

[1]) По неизданнымъ письмамъ Жоржъ Сандъ видно что она уже 22 Іюля была въ Шатору, а 24 пишетъ Морису уже изъ Фонтенбло.

[2]) Корреспонденція, т. II, стр. 89. Письмо къ Дютейлю.

[3]) Ibidem, стр. 86, письмо къ гр. д'Агу.

могла лишь съ безпристрастнымъ спокойствіемъ относиться къ матери, но не любить ее горячо и слѣпо. Отмѣтимъ между прочимъ то, что Жоржъ Сандъ разсказываетъ объ отношеніи матери къ ея писательству.

„Моя литературная репутація приводила ее поперемѣнно и самымъ страннымъ образомъ то къ радости, то къ гнѣву. Она начинала съ того, что читала недоброжелательныя критики въ какихъ нибудь газетахъ и ихъ вѣроломныя инсинуаціи насчетъ моихъ принциповъ и нравовъ. Убѣжденная тотчасъ, что все это было заслуженнымъ, она мнѣ писала или прибѣгала ко мнѣ, чтобы осыпать меня упреками и принести мнѣ цѣлую пачку ругательныхъ статей, которыя безъ нея вовсе не попали бы въ мои руки. Тогда я ее спрашивала, прочла ли она мое произведеніе которое такъ обвинялось?—Она никогда его не читала до тѣхъ поръ, что осудила. Она принималась читать его, предварительно объявивъ, что никогда въ жизни не откроетъ его. И немедленно она увлекалась моимъ сочиненіемъ со всѣмъ слѣпымъ пристрастіемъ, какое только можетъ быть у матери, объявляла это произведеніе великимъ, а критиковъ гнусными; и это повторялось со всякимъ новымъ моимъ сочиненіемъ. Тоже происходило и относительно всего остальнаго и во всѣ минуты моей жизни“...

Эти слова Жоржъ Сандъ очень интересно сопоставить съ однимъ неизданнымъ письмомъ Софіи-Антуанетты къ Казиміру, написаннымъ въ 1834 и въ которомъ госпожа Дюпенъ старается сгладить и смягчить неудовольствія Дюдевана противъ жены и, обращаясь сначала къ его отеческимъ чувствамъ, напоминаетъ что на немъ и Аврорѣ лежитъ обязанность думать о правильной семейной жизни для маленькихъ Мориса и Соланжъ, а вслѣдъ затѣмъ выставляетъ на видъ Дюдевану, что его жена не ординарная женщина, что ее надо цѣнить, ибо *„имя ея надо поставить рядомъ съ именемъ М-те де Сталь“* Это показываетъ намъ, что, несмотря на свое малое развитіе и образованіе, Софія-Антуанетта дѣйствительно отличалась художественнымъ чутьемъ и съумѣла въ концѣ концевъ по достоинству оцѣнить талантъ дочери.

Со словами „Причешите мнѣ волосы“ скончалась Софія Антуанетта Дюпенъ, такимъ образомъ до послѣдней минуты оставшись вѣрной своимъ привычкамъ и характеру [1]). Похоронивъ ее, Жоржъ Сандъ не поѣхала въ Ноганъ, а вернулась въ Фонтенбло, гдѣ поселилась еще до смерти матери, тотчасъ по пріѣздѣ изъ Ногана, лишь наѣзжая въ Парижъ. Въ „*Исторіи*“ Жоржъ Сандъ говоритъ, что поселилась тамъ съ Морисомъ, давая

[1]) Она умерла 19 августа 1837 г.

понять, что сдѣлала это собственно ради него. Но это несовсѣмъ такъ. Въ „Корреспонденціи“ помѣщены, правда, письма изъ Фонтенбло лишь начиная съ 24-го августа, т. е. со времени, когда Морисъ уже былъ въ Фонтенбло, но въ числѣ *неизданныхъ* есть письма изъ Шатору отъ 22-го, и изъ Фонтенбло отъ 24 и 26 іюля, одно помѣченное лишь, „іюлемъ“ безъ числа, и наконецъ одно отъ 1 августа, т. е. помѣченныя почти тѣми же числами, что напечатанныя письма, но мѣсяцемъ раньше; и это не ошибка: письма, напечатанныя въ „Корреспонденціи“ дѣйствительно написаны черезъ мѣсяцъ, мѣсяцъ, проведенный по большей части въ Фонтенбло, но сначала *безъ* Мориса. Это доказывается тѣмъ, что *неизданныя письма*, помѣченныя іюлемъ, адресованы частью именно ему въ замокъ Арсъ близъ Ла-Шатра, гдѣ онъ жилъ у Гюстава Папе, во время отсутствія матери, и въ нихъ она пишетъ сыну, что „будетъ ждать его въ Фонтенбло“; частью же это письма къ Жиреру, въ которыхъ говорится между прочимъ о томъ, что Мишель „намѣренъ“ выбираться депутатомъ отъ Шера и для того, по полученнымъ ею извѣстіямъ, „намѣренъ“ пріѣхать въ Ла-Шатръ,—а въ *напечатанныхъ* письмахъ отъ конца августа говорится, что Жиреръ и Мишель „*уже* выбраны“. И такъ съ конца іюля Жоржъ Сандъ поселилась въ Фонтенбло. Повидимому тамъ же въ это время находился и Мальфиль, ибо въ то время, какъ Жоржъ Сандъ ухаживала за своею умиравшей матерью, случилось слѣдующее. Г. Дюдеванъ появился въ Ла-Шатрѣ и проявилъ какія то намѣренія увезти Мориса.

„Тогда я,—говоритъ Ж. С. въ письмѣ къ Дютейлю,—приказываю запречь почтовыхъ лошадей въ мой кабріолетъ, который привезла съ собою въ Фонтенбло, и посылаю Мальфиля за моимъ сыномъ. Дюдевана не видно въ Берри. Это была ложная тревога и пустой слухъ. Я успокоиваюсь“ [1])...

Мальфиль дѣйствительно совершенно безпрепятственно и благополучно доставилъ Мориса къ матери въ Фонтенбло, гдѣ они и прожили нѣкоторое время въ затерянной на краю чуднаго лѣса маленькой гостинницѣ. Дни проводили они въ верховыхъ прогулкахъ по лѣсу, ловлѣ бабочекъ и собираніи растеній и камней; по ночамъ Жоржъ Сандъ продолжала упорно и усиленно работать. Въ это время она написала тотъ отрывокъ „*Письма изъ Фонтенбло*“, о которомъ мы говорили въ VIII главѣ, и романъ „*Послѣдняя Альдини*“; мы говорили въ той же главѣ,

[1]) Корреспонденція, т. II, стр. 89.

какія воспоминанія, связывавшія для Жоржъ Сандъ заодно Фонтенбло съ Венеціей, вызвали написаніе этого романа. Теперь прибавимъ лишь, что по слухамъ, которые мы не можемъ ни опровергать, ни подтверждать,—въ писаніи этого романа, будто бы, принималъ участіе и Мальфиль.

Но пока Жоржъ Сандъ съ сыномъ наслаждалась тишиною лѣса, природой, занятіями естественной исторіей и работала, г. Дюдеванъ дѣйствительно совершилъ похищеніе — онъ похитилъ изъ Ногана маленькую Соланжъ. Жоржъ Сандъ оставила Мориса на попеченіи г-жи Марліани [1]) въ Парижѣ, сама же, въ сопровожденіи Мальфиля и не теряя ни минуты, принялась хлопотать; телеграфировала куда могла; запаслась рекомендательными письмами отъ министровъ и разными документами; подняла на ноги всѣхъ, кого могла,—и полетѣла въ Неракъ. Съ помощью супрефекта—впослѣдствіи знаменитаго при Наполеонѣ III парижскаго префекта, барона Госсманна, [2]) благодаря любезности остального мѣстнаго начальства, а особенно благодаря предусмотрительно захваченнымъ съ собою бумагамъ, Жоржъ Сандъ явилась въ Гильери въ сопровожденіи судебныхъ властей и полиціи и потребовала выдачи Соланжъ. Г. Дюдеванъ, видя, что ему приходится покориться закону, выдалъ дочку женѣ съ рукъ на руки на порогѣ своего жилища, ибо Жоржъ Сандъ отказалась принять его приглашеніе и войти въ домъ, что впрочемъ ей запрещалось и закономъ, въ силу состоявшагося séparation de corps. Этотъ эпизодъ, какъ мы видѣли, привелъ къ новому процессу между супругами и окончательной передачѣ обоихъ дѣтей на попеченіе матери.

Освободя Соланжъ изъ гасконскаго плѣненія и находясь въ двухъ шагахъ отъ милыхъ ея сердцу Пиренеевъ, Жоржъ Сандъ не могла устоять отъ искушенія вновь повидать ихъ и посѣтила вмѣстѣ съ своей маленькой красавицей-дочкой всѣ нѣкогда полныя для нея очарованія мѣста: Котре, Баньеръ, Сентъ-Соверъ,—вплоть до Марборе, сдѣлавъ эту маленькую экскурсію втеченіе всего 4-хъ дней, и затѣмъ, нигдѣ не останавливаясь, прямо пріѣхала къ Ноганъ, гдѣ и провела съ дѣтьми осень и почти всю зиму.

Но кромѣ смерти матери, охлажденія дружбы съ гр. д'Агу

[1]) Въ *Корреспонденціи* Ж. Сандъ говоритъ, что поручила сына г-жѣ Марліани; въ „*Исторіи*“ разсказываетъ, что оставила его на попеченіи г. Луи Віардо.

[2]) Объ этомъ эпизодѣ и самъ бар. Госсманнъ говоритъ въ своихъ Мемуарахъ. См. „*Memoires du baron Haussmann*“. t II, p. 129—136.

и волненій по случаю похищеній дѣтей,, Жоржъ Сандъ пережила въ это время и еще одно тяжелое испытаніе — окончательный разрывъ съ Мишелемъ. Всѣ неизданныя письма ея къ Жиреру—ихъ общему другу—точно также какъ послѣднія, ненапечатанныя „*Lettres de femme*“—передаютъ подробности тяжелаго конца этой двухлѣтней восторженной и самоотверженной любви Жоржъ Сандъ, такъ же мало принесшей ей счастья, какъ мистическая любовь къ де Сезу, или жгучая страсть къ Мюссе.

Къ этому времени относится прелестный маленькій набросокъ—своего рода *стихотвореніе въ прозѣ*—озаглавленный „*La fauvette du docteur*“ и напечатанный лишь въ 1844, но помѣченный нѣсколькими днями іюня 1837 года. Издатель собранія сочиненій Жоржъ Сандъ сопровождаетъ эту вещицу примѣчаніемъ, что по всѣмъ наведеннымъ справкамъ у автора не было въ то время никакого друга „*доктора 80 лѣтъ*“, и что вѣрно этотъ докторъ самъ авторъ, — да и для насъ было очевидно, прежде даже чѣмъ мы прочли этотъ отрывокъ на страницахъ *Дневника Пиффеля*, что этотъ докторъ былъ никто иной, какъ все тотъ же „*докторъ Пиффель*“. Но когда Пиффель писалъ эти нѣсколько страничекъ, разсказывающихъ о томъ, какъ онъ спасъ маленькую птичку, и какъ она полюбила его за однѣ лишь его заботы и нѣжность къ ней и въ какіе нибудь 10 дней привязалась къ нему,—то бѣдный докторъ былъ совсѣмъ не тѣмъ жизнерадостнымъ малымъ, который умѣлъ благодѣтельно успокоить сомнѣвающуюся и больную душу „принцессы Мирабеллы“. Онъ самъ весь проникнутъ горькимъ пессимизмомъ, разочарованіемъ, и все, что онъ говоритъ о людскихъ привязанностяхъ и людской неблагодарности, звучитъ тѣмъ мрачнѣе и горше, что онъ только что нѣжными штрихами рисуетъ трогательную исторію спасенной птички. А вотъ напримѣръ неизданное письмо къ Жиреру [1]), помѣченные „іюлемъ“ безъ обозначенія числа:

[1]) Фредерикъ Жиреръ, выдающійся адвокатъ и политическій дѣятель, род. въ 1801 г., умеръ въ 1859. Онъ участвовалъ въ мѣстномъ самоуправленіи въ Неверѣ, былъ предсѣдателемъ совѣта адвокатовъ въ этомъ городѣ, сотрудничалъ въ разныхъ оппозиціонныхъ журналахъ и самъ основалъ мѣстный органъ l'Association. Онъ былъ близкимъ другомъ Мишеля и Кавеньяка, былъ въ 1848 г. депутатомъ отъ Невера, затѣмъ коммисаромъ Временнаго Правительства въ Неверѣ и наконецъ членомъ Учредительнаго Собранія. Послѣ coup d'état онъ отказался отъ политической дѣятельности, вернулся къ своей профессіи, но остался вѣренъ своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ, въ которыхъ воспиталъ и сына своего, г. Сиприена Жирера, тоже извѣстнаго политическаго дѣятеля.

„Добрый братъ, я въ Парижѣ, куда мнѣ переслали твое письмо. Я пріѣхала ухаживать за моей бѣдной матерью, которая при смерти, и я останусь здѣсь пока ея печальное положеніе не выяснится. Конечно, какъ только я смогу вернуться въ Ноганъ, ты пріѣдешь повидать меня, я на это разсчитываю.

Ты думаешь, другъ мой, что я счастлива; я очень далека отъ этого. Кромѣ мучительной болѣзни, при которой я присутствую, мнѣ пришлось еще выстрадать со стороны Мишеля все, что ты предвидѣлъ. Все, что ты мнѣ предсказывалъ въ твоемъ послѣднемъ письмѣ, все такъ и случилось. Уставъ отъ самопожертвованія, всею силою своей любви смиривъ свою гордость и въ награду за это не получивъ ничего кромѣ неблагодарности и жестокости, я почувствовала, что душа моя разбивается, а любовь гаснетъ. Я вылѣчилась. Не слишкомъ поздравляй меня съ этимъ печальнымъ счастьемъ, но также и не жалѣй обо мнѣ слишкомъ, потому что, говоря *относительно*, я еще должна благодарить свою судьбу. Эти ужасныя волненія прекратились въ силу своей собственной чрезмѣрности. Рана такъ долго сочилась, что наконецъ, закрылась, и на этотъ разъ [1]) я уже увѣрена въ себѣ—я болѣе не люблю. Я чувствую, что покрывало спало и что силы мои вновь возстановляются. Онѣ мнѣ необходимы, ибо я дошла въ жизни до послѣдней степени разочарованія. Но что дѣлать! Развѣ мы живемъ на свѣтѣ для того, чтобы быть счастливыми? И по какому праву были бы мы счастливы? Мы среди моря, да сбудется воля вѣтра и волнъ! Я не неблагодарна. Я счастлива тѣмъ, что у меня есть дѣти, и, какъ бы глубоко печальна я ни была, я буду всегда достойна благотворнаго дружескаго вниманія. Какъ твоя дружба была велика, разумна, внимательна и деликатна! Не бойся, чтобъ я ее когда либо забыла, и когда ты будешь несчастнымъ, вспомни, что у тебя есть другъ, который тебѣ принадлежитъ и имѣетъ право нести половину твоего бремени.

Пиши мнѣ въ Ноганъ. Я буду тебѣ сообщать о томъ, что я дѣлаю“.

Дютейлю она пишетъ 1-го августа изъ Фонтенбло:

...„Мишель пріѣзжалъ въ мое отсутствіе. Онъ пробылъ часъ въ Ноганѣ, и весь день въ Арсѣ [2]). Пріѣзжалъ ли онъ ради меня или ради того, чтобы поразслѣдовать насчетъ депутатства въ Ла-Шатрѣ? Не слѣдуетъ слишкомъ близко изслѣдовать (flairer) предметы. Въ этомъ отношеніи моя душа здорова. У Мишеля мало шансовъ на успѣхъ въ Ла-Шатрѣ. Говорятъ, что его предложили въ кандидаты въ Ніорѣ. Правда ли это? Я боюсь, чтобъ это вновь не проскользнуло у него мимо носа. Вѣтеръ не съ этой стороны дуетъ. Прощай, прощай“...

[1]) Т. е. послѣ того какъ съ января они много разъ надѣялась побѣдить эту роковую страсть и сбросить деспотическое иго Мишеля, — но всегда безуспѣшно.

[2]) Вѣроятно столько же для того, чтобы повидать дѣтей Жоржъ Сандъ, какъ и для того, чтобы переговорить съ Папе о своихъ надеждахъ на выборы.

Немного позднѣе она пишетъ опять Жиреру:

...„Получаю я вмѣстѣ съ тѣмъ письмо отъ Дюплана, который сообщаетъ мнѣ, что Мишель у тебя. Вы поговорили, вы все другъ другу сказали, что вамъ было нужно. Ты не могъ ни сказать, ни поступить какъ нибудь дурно. Все, что исходитъ изъ такого сердца, какъ твое, должно быть правдивымъ, великодушнымъ и справедливымъ. Поэтому я очень спокойна. Ты не измѣнилъ мнѣ, я въ этомъ увѣрена, и ты слишкомъ знаешь меня до глубины души, чтобъ не защитить меня краснорѣчиво. Къ тому же не все ли равно теперь? Я болѣе не могу желать, чтобъ этотъ ужасный союзъ вновь завязался. Я этого нежелаю, не могу, *я этого не хочу болѣе.*

Можетъ быть настанетъ день, когда Мишель почувствуетъ, что онъ жестоко разбилъ самое преданное сердце, которое когда либо билось для него. Если этотъ день настанетъ и моя дружба будетъ желательна для него, онъ найдетъ во мнѣ чувство, которое съ годами сдѣлается спокойнѣе, но которое отъ времени не сдѣлается ни менѣе искреннимъ, ни менѣе нѣжнымъ. Но до этого времени еще долго, и нужны годы, чтобы закрылась рана, которая у меня въ груди.

Изъ письма, написаннаго мнѣ Дюпланомъ, кажется, что Мишелю хочется повидать меня. Я этого буду избѣгать. Дай это понять Мишелю, если онъ еще у тебя. Я вижу, изъ тѣхъ изворотовъ, съ которыми онъ высказываетъ эту свою прихоть, что ко всему этому онъ примѣшиваетъ много высокомѣрія. Въ моей душѣ его не можетъ быть. Пощади это его высокомѣріе и скажи ему, что я собираюсь путешествовать и что я сама не знаю, куда я поѣду. Дѣло въ томъ, что я возвращаюсь въ Ноганъ въ октябрѣ, когда Мишель будетъ въ Парижѣ (ибо, судя по письму Дюплана, онъ долженъ туда ѣхать).

Нужно, чтобъ ты пріѣхалъ повидать меня, не правда-ли, мой добрый братъ. О! какъ ты былъ добръ ко мнѣ! Какъ ты понялъ и перечувствовалъ мои страданія!

Прощай, милый братъ, я тебѣ ничего не говорю о настоящемъ для того, чтобъ, если тебя будутъ о немъ спрашивать, тебѣ не было бы затруднительно отвѣчать. Все резюмируется въ одномъ словѣ, которое нашъ всеобщій девизъ какъ для него—честолюбца, такъ и для меня—цыгана: *Горе! горе! горе!..*“

Хотя вслѣдъ затѣмъ, 18 сентября она и сообщаетъ тому же Жиреру, что

„получила отъ Мишеля безъ всякихъ околичностей приказаніе явиться въ Шатору, чтобы видѣть его. Ты думаешь, что я не поѣхала туда? Ошибаешься, я сдѣлала восемь миль галопомъ въ морозную ночь, чтобъ на минуту повидать его. Онъ тогда пробылъ со мною два дня, онъ ѣхалъ въ Ніоръ, а на возвратномъ пути, хоть онъ и поклялся мнѣ, что нога его больше не будетъ въ Ноганѣ, онъ пріѣхалъ среди ночи. Онъ ко мнѣ относится съ нѣжностью и добротою, непонятными послѣ всего того жестокаго, что произошло между нами. Впрочемъ наше взаимное положеніе очень измѣнилось и существуютъ такія странныя компликаціи, что я могу разсказать о нихъ лишь устно. Это было бы черезчуръ длинно“...

Однако черезъ нѣсколько дней она опять подтверждаетъ ему прежнее:

..."Мнѣ кажется, что я наконецъ *поразила дракона*, и что эта страсть, упорная и разрушительная для всѣхъ моихъ способностей, наконецъ излѣчилась привязанностью болѣе живой, менѣе восторженной, менѣе острой (âpre) и, я надѣюсь, болѣе прочной. Мишель же теперь защищенъ отъ всякаго огорченія съ моей стороны; онъ въ той стихіи, которая ему нужна для жизни. Отъ времени до времени онъ видитъ иныхъ изъ моихъ друзей, которымъ говоритъ, что я единственная любовь его жизни. Что за любовь! Но это меня уже не оскорбляетъ и не ранитъ. Спокойствіе и справедливость вернулись въ мое сердце, и теперь я его люблю, такъ же, какъ и ты самъ его любишь. По крайней мѣрѣ я льщу себя надеждой и надѣюсь. Я стараюсь объ этомъ, я избѣгаю Парижа. (весною я поѣду въ Италію, проѣду черезъ Неверъ, чтобы повидать тебя, побыть близъ тебя два—три дня). Прощай, дорогой и добрый. Я обнимаю тебя отъ всей души. Мои дѣти тоже тебя обнимаютъ"...

Повидимому фраза о „привязанности" относится до Мальфиля, который по словамъ еще одного неизданнаго письма Ж. Сандъ къ г-жѣ Марліани,

„пріѣхалъ въ Ноганъ черезъ два часа послѣ моего возвращенія къ моимъ пенатамъ"

и, замѣнивъ Пелльтана въ роли воспитателя Мориса, провелъ всю зиму 1837—1838 года въ Берри. Уже второй разъ въ жизни Жоржъ Сандъ такимъ образомъ мечтала найти счастье и покой, послѣ измучившей ее страсти „необыкновеннаго" человѣка—въ спокойной и преданной любви человѣка обыкновеннаго. Послѣ Мюссе—Паджелло, послѣ Мишеля—Мальфиль. Разумѣется это былъ самообманъ! А можетъ быть именно тутъ надо припомнить одно прелестное сравненіе изъ *Рудина*, которое мы никогда не могли читать безъ художественнаго восхищенія:

„Рудинъ прошелся по комнатѣ. „Замѣтили вы—заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ,—что на дубѣ, а дубъ крѣпкое дерево, старыя листья только тогда опадутъ, когда молодые начнутъ пробиваться?

„Да,—медленно возразила Наталья,—замѣтила.

„Точно тоже случается и со старой любовью въ сильномъ сердцѣ. Она уже вымерла, но еще держится, и только другая, новая любовь можетъ ее выжить"...

Зимою 1837—1838 Жоржъ Сандъ почти все свое время посвящала дѣтямъ, обученіемъ которыхъ ревностно занималась, надѣясь, что ей удастся безъ посторонней помощи или съ помощью добрыхъ друзей, вродѣ Мальфиля, выполнить всю учеб-

ную программу. Еще весною 1837 года она писала Огюсту Мартино-Дешене... „Время обыкновенно проходитъ въ моей комнатѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхала изъ Парижа, и теперь она полна шума, какъ классъ. Въ ней весь день громко зубрятъ англійскіе и латинскіе уроки, въ то время, какъ я сплю, ибо по своей привычкѣ я ложусь, когда уже свѣтаетъ, и потому иногда я вскакиваю съ просонокъ при „*прямомъ дополненіи*“ или же слышу сквозь сонный туманъ фантастическіе голоса, которые хоромъ спрягаютъ возвратные глаголы“...

Повидимому, кромѣ Мориса и Соланжъ этотъ хоръ составляли и находившіяся въ 1837 г. въ Ноганѣ дѣти Пьера Леру, которыхъ Жоржъ Сандъ одно время собиралась даже усыновить, ввиду тяжелаго матерьяльнаго положенія самого Леру [1]). Однако этотъ проектъ не состоялся. Но и съ одними собственными дѣтьми было много возни и дѣла; повидимому, съ Соланжъ было трудно справляться, а Морисъ, въ которомъ мать души не чаяла, проявлялъ способности главнымъ образомъ въ живописи. Поэтому Соланжъ вскорѣ пришлось помѣстить въ пансіонъ г-жи Баскансъ, а Морисъ спеціально занялся рисованіемъ, сначала подъ руководствомъ Мерсіе—брата извѣстнаго скульптора, а потомъ поступилъ и въ число учениковъ школы Эженя Делакруа.

Но въ 1837—1838 годахъ Жоржъ Сандъ была сама преподавательницей и учительницей своихъ дѣтей и если съ одной стороны вспомнить слова Гейне [2]):

„Я часто цѣлыми часами присутствовалъ при урокахъ французскаго языка, которые она давала своимъ дѣтямъ, и жалко, что вся французская Академія не присутствовала на этихъ урокахъ, ибо она могла бы вынести изъ нихъ много полезнаго“...

а съ другой стороны внимательно прочесть тѣ мысли о преподаваніи и выводы изъ многолѣтней преподавательской практики, которые Жоржъ Сандъ подъ заглавіемъ „*Les idées d'un maître d'école*“ напечатала въ XI, XII и XIII своихъ *Impressions et Souvenirs* [3]), то должно признать, что вѣроятно лучшей учительницы

[1]) См. „Корреспонденцію“, т. II, стр. 94.

[2]) „*Lutetia.*“ S. 297.

[3]) „Le maitre d'école c'est moi“—такъ начинаетъ Жоржъ Сандъ эти замѣчательныя въ педагогической литературѣ и совершенно публикѣ неизвѣстныя статьи, и вслѣдъ затѣмъ говоритъ, что такъ она себя называетъ потому, что всю жизнь кого-нибудь учила: дѣтей своихъ, племянниковъ, внуковъ и всевозможныхъ другихъ учениковъ всѣхъ возрастовъ, до взрослыхъ парней включительно. И хотя она утверждаетъ, что до этихъ идей дошла лишь путемъ опыта, а ранѣе,

Морисъ и Соланжъ не могли бы и желать. Но эти усиленныя педагогическія занятія не могли идти рука объ руку съ усиленнымъ писаніемъ по ночамъ, которое было болѣе чѣмъ когда-либо необходимо, ибо кромѣ единовременной уплаты г. Дюдевану за *Hôtel de Narbone* 50,000 фр., Жоржъ Сандъ еще понесла убытки вслѣдствіе другого, возникшаго у нея, въ этомъ же 1838 г., съ ея издателемъ процесса, который она хотя и выиграла, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе нарушенія контракта и до полученія денегъ отъ новаго издателя, оказалось, что она, по словамъ ея нѣсколько позднѣйшаго письма къ Пиктэ[1]), „выиграла два процесса и разорена". Значитъ нечего было и думать о томъ, чтобъ какъ-нибудь уменьшить и сократить свои рабочіе часы.

Въ эту зиму въ ея занятіяхъ съ дѣтьми помогалъ ей Мальфиль. Отношенія Жоржъ Сандъ къ нему были нѣсколько странныя. Съ одной стороны она постоянно въ своихъ письмахъ къ гр. д'Агу и къ Пьеру Леру говоритъ о немъ, что это „превосходная натура", „превосходное сердце", что „за него она готова отдать половину своей крови", что „любитъ его всѣмъ сердцемъ, всей душею"—и въ то же время постоянно въ ея отношеніяхъ къ нему сквозитъ что-то презрительное. Какъ-то зимою Мальфиль,—втеченіе лѣта для виду, а можетъ быть и не для виду, ухаживавшій за прелестной графиней,—имѣлъ неосторожность написать ей какое то не то малограмотное, не то нескладное, не то недостаточно почтительное письмо, которое Жоржъ Сандъ, не посмотрѣвъ, отправила вмѣстѣ со своимъ. Графиня д'Агу страшно разгнѣвалась и довольно рѣзко въ письмѣ къ Жоржъ Сандъ высказала свое неудовольствіе на Мальфиля, а также какія то удивленія и неудомѣнія, какъ де Жоржъ Сандъ могла отправить такое письмо... Мальфиль тоже было выразилъ какія то неудовольствія на то, зачѣмъ Жоржъ Сандъ не „научила его писать". Жоржъ Сандъ, не смотря на то, что Мальфиль игралъ уже нѣкоторую роль въ ея жизни, взяла да, что называется, и „выдала его съ головой", написавъ самое шутливое, остроумное, язвительное, но и уничтожающее для бѣднаго юноши письмо, смыслъ котораго таковъ: „Я не обязана отвѣчать за проступки Мальфиля, я не обязана учить его писать письма; если онъ натворилъ глупостей, пусть самъ и отвѣчаетъ за нихъ".

особенно когда учила собственныхъ дѣтей,—дѣлала много ошибокъ, но именно эти замѣчанія, наблюденія и выводы ея показываютъ, какъ нерутинно она вела уроки и какимъ живымъ дѣломъ было преподаваніе въ ея рукахъ.

[1]) „Корреспонденція", т. II, стр. 108.

Это произошло въ январѣ, а въ сентябрѣ того же 1838 года, когда этотъ самый Мальфиль „натворилъ глупостей“ и по адресу самой Жоржъ Сандъ; когда онъ, повидимому, не хотѣлъ принять въ серьезъ ея намѣренія послѣ полугодовой полной близости теперь стать относительно него лишь въ дружескія отношенія, и когда онъ сталъ преслѣдовать ее какими то сценами ревности, она въ серьезъ же пожаловалась на него ихъ общему другу и учителю, Пьеру Леру, и просила его при свиданіи повліять на Мальфиля (который долженъ былъ на другой день отправиться вмѣстѣ съ Роллина къ Леру, чтобы побесѣдовать о философскихъ предметахъ). Она проситъ Леру усмирить „трагическую страсть Мальфиля...“

„На дняхъ,—пишетъ она 26-го сентября 1838 г.— онъ устроилъ скандалъ, весьма относительно меня преступный, и отправился драться на дуэли съ однимъ изъ моихъ друзей; теперь онъ поправился, и я ожидаю, что ранѣе, чѣмъ черезъ недѣлю, онъ придетъ ко мнѣ просить прощенія, но вѣдь весь этотъ шумъ вновь начнется съ кѣмъ нибудь другимъ при первой возможности: онъ лишь временно отказался отъ своей ревности“...

Пусть же Леру употребитъ свое вліяніе, чтобъ усмирить его...

„Онъ много, но плохо учился, и его знанія болѣе развили его тщеславіе, чѣмъ его разумность“.

Пусть Леру, если рѣчь зайдетъ о женщинахъ, скажетъ ему, что женщины не принадлежатъ мужчинѣ по праву грубой силы, и что, ничему не поможешь, перерѣзавъ себѣ горло. Она была

„...все время искренняя съ Мальфилемъ, втеченіе полугода любила его всѣмъ сердцемъ, но вотъ уже 3 мѣсяца какъ связь ихъ прекратилась и уже цѣлые два мѣсяца какъ она открыто объявила ему, что все кончено. Что касается Роллина,—который пріѣдетъ къ Леру вмѣстѣ съ Мальфилемъ, то,—говоритъ она,—это святой и мученикъ. Съ 20 лѣтняго возраста онъ ведетъ дѣло о сосѣдскихъ заборахъ (il plaide pour le mur mitoyen), чтобы прокормить мать и прилично воспитать *одиннадцать* братьевъ и сестеръ. Онъ всѣхъ ихъ поставилъ на ноги .. носитъ ихъ старые сапоги и старое платье, лишь бы они хорошо одѣвались, въ то время какъ онъ ходитъ замухрышкой (comme un pleutre), и у этого добродѣтельнаго малаго нѣтъ любви“...

Къ письму была приложена раскрашенная картиночка, вырѣзанная, повидимому, изъ какой нибудь дѣтской книжки или коробки и изображающая Христа, который спасаетъ тонущаго ап. Петра,—патрона Пьера Леру. Поэтому письмо оканчивалось игрою словъ на тэму:

„помогите во имя того, кто хотѣлъ идти по водѣ и увѣровалъ, когда сталъ тонуть, и будьте спасителемъ и утѣшителемъ неизвѣстнаго мученика, преданнаго профессіи, которую онъ ненавидитъ, но которую не бросаетъ, пока на немъ лежитъ долгъ“... [1]).

Однако, не смотря на такое двойственное, то теплое, то презрительное отношеніе къ Мальфилю [2]), она оказала ему серьезную помощь и поддержку въ его литературныхъ дѣлахъ, а именно, когда онъ былъ въ очень стѣсненномъ матеріальномъ положеніи и въ тоже время не могъ разсчитывать на то, что его произведеніе будетъ принято какимъ нибудь издателемъ, то Жоржъ Сандъ, чтобы помочь горю и дать молодому автору возможность заработать побольше, подписала своимъ именемъ его сочиненіе „*Le dernier Sauvage*“ [3]), которое и было напечатано въ качествѣ ея произведенія, точно такъ же, какъ немного лѣтъ спустя она подписала своимъ именемъ произведеніе Бальзака „*Voyage d'un moineau de Paris*“. Бальзакъ нуждался въ деньгахъ, а Сталь-Гетцель не хотѣлъ напечатать въ своемъ сборникѣ „Scènes de la vie privée des animaux“ (2 тома. 1842.) еще одно сочиненіе Бальзака, помѣстившаго тамъ уже нѣсколько другихъ. Тогда Жоржъ Сандъ подписала свое имя подъ „*Путешествіемъ парижскаго воробья*“ Бальзака, а онъ получилъ деньги и за это свое произведеніе. [4]).

До сихъ поръ мы ничего не говорили о личныхъ отношеніяхъ между великими романистами, а теперь сказать о нихъ нѣсколько словъ тѣмъ болѣе умѣстно, что именно въ началѣ этого, 1838-го, года Бальзакъ посѣтилъ Жоржъ Сандъ въ Ноганѣ. Познакомились онѣ еще въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Жоржъ Сандъ, тотчасъ почти по прибытіи ея въ Парижъ, и познакомились черезъ Жюля Сандо, съ которымъ Бальзакъ уже нѣсколько ранѣе былъ знакомъ. Отношенія между знаменитымъ писателемъ и начинающею писательницею установились самыя простыя, товарищескія. Жоржъ Сандъ разсказы-

[1]) Имѣя въ рукахъ копію со всего этого письма, мы позволяемъ себѣ привести однако изъ него лишь тѣ выдержки, которыя были напечатаны въ „*Revue des Autographes*, des curiosités de l'histoire et de la biographie“, изд. *Eugène Charavay*.

[2]) Относительно Мальфиля и его любви къ Жоржъ Сандъ можно найти очень интересныя подробности въ статьѣ *Perret*: *Souvenirs littéraires*. („Le Gaulois“, 29 Septembre 1885).

[3]) Сохранилось письмо Мальфиля къ редактору *Артиста*—Делонэ—по поводу этого произведенія, помѣченное 27 іюля 1838 г.

[4]) См. Etude bibliographique sur les Oeuvres de George Sand par le Bibliophile *Isaac* (V-te de Spoelberch de Lovenjoul). Bruxelles. 1868.

ваетъ въ „*Исторіи моей жизни*“ о нѣсколькихъ вечерахъ, проведенныхъ вмѣстѣ, о курьезныхъ обѣдахъ у Бальзака — этого неисправимаго фантазера и всегдашняго прожектера, при всемъ своемъ геніальномъ умѣ, наивнаго, какъ ребенокъ, искренняго и прямого, истиннаго труженика и истиннаго художника, обожающаго свое дѣло и преданнаго своему искусству, какъ святынѣ. Разсказываетъ она и о томъ, какъ однажды этотъ удивительный оригиналъ провожалъ ее (и Сандо) домой въ пестромъ шлафрокѣ, туфляхъ и съ драгоцѣннымъ золотымъ подсвѣчникомъ въ рукѣ, — освѣщая имъ путь сквозь пустынныя, темныя улицы; разсказываетъ и о кое-какихъ спорахъ съ Бальзакомъ объ искусствѣ и литературѣ, оканчивавшихся тѣмъ, что либо Бальзакъ съ комическою бранью убѣгалъ отъ нея, либо спокойно признавалъ, что они оба—двѣ противуположности по всему своему складу, а потому и идутъ они разными путями и придерживаются двухъ разныхъ системъ въ своихъ писаніяхъ.

Общихъ точекъ соприкосновенія между ними въ сущности было мало, мало и взаимнаго притяженія, но это были настоящіе братья по оружію, полные взаимнаго уваженія, обоюднаго признанія таланта, слѣдившіе другъ за другомъ всегда съ величайшимъ интересомъ, относившіеся другъ къ другу какъ равный къ равному безъ малѣйшей зависти, но и безъ малѣйшаго признака какого нибудь болѣе теплаго или не чисто товарищескаго чувства [1]). Видѣлись они впрочемъ не особенно часто, а затѣмъ и совсѣмъ перестали видѣться, когда Жоржъ Сандъ разошлась съ Сандо. Но вскорѣ Сандо относительно Бальзака проявилъ совершенно такое же вѣроломство и измѣнничество въ дружбѣ, какъ относительно Авроры Дюдеванъ въ любви. И вотъ, находясь въ 1838 г. близко отъ Ногана, Бальзакъ исполнилъ свое давнишнее намѣреніе и обѣщаніе [2]) и заѣхалъ къ Жоржъ Сандъ, причемъ болѣе всего повидимому его влекло въ

[1]) См. также *Honoré de Balzac, Correspondance* (1819—1850), avec portrait et facsimile (XXIV томъ Полнаго Собранія Сочиненій in 8°. Calmann Lévy. 1876—1882). Вмѣсто предисловія къ этому собранію писемъ приложена біографическая *Замѣтка* г-жи Лоры Сюрвиль, рожденной Бальзакъ, посвященная жизнеописанію ея знаменитаго брата. Въ ней находится чрезвычайно знаменательный отзывъ Бальзака о Жоржъ Сандъ, который мы приводимъ ниже, и вообще очень цѣнныя указанія относительно дружбы и уваженія Бальзака къ Жоржъ Сандъ.

[2]) Въ неизданномъ письмѣ къ Дюверне, отъ 25 января 1838 г. Жоржъ Сандъ пишетъ: ...„Я жду Бальзака. Если онъ будетъ у меня, не привезти ли его къ тебѣ? Мальфиль благодаритъ тебя за приглашеніе, но онъ уѣзжаетъ въ Парижъ и вернется лишь черезъ недѣлю“...

Ноганъ именно желаніе поговорить о томъ, кто нѣкогда былъ причиною ихъ знакомства и въ комъ они оба потомъ такъ жестоко обманулись и разочаровались. О своемъ посѣщеніи Жоржъ Сандъ Бальзакъ написалъ совершенно замѣчательное письмо г-жѣ Ганской, о которомъ мы уже упоминали выше и въ которомъ мы находимъ какъ великолѣпную и чрезвычайно любопытную характеристику Жоржъ Сандъ, сдѣланную великимъ писателемъ, такъ и краткую и сжатую исторію всѣхъ ихъ предшествующихъ и настоящихъ отношеній. Мы позволяемъ себѣ почти цѣликомъ привести это письмо, безъ всякихъ излишнихъ комментаріевъ [1]):

Фрапель [2]). 2 марта 1838.

„Cara Contessina... я узналъ, что Жоржъ Сандъ въ своемъ помѣстіи Ноганъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Фрапеля, и отправился навѣстить ее, поэтому вы получите оба желаемые вами автографа; сегодня я вамъ посылаю таковой—Жоржъ Санда, а въ ближайшемъ письмѣ вы получите другой,—подписанный „Аврора Дюдеванъ". Такимъ образомъ вы будете имѣть курьезнаго звѣря подъ обоими его видами. Но есть еще и третій видъ—это ея дружеская кличка „докторъ Пиффель". Когда я его получу, то я его вамъ пришлю. Такъ какъ вы величайшая любопытная или любопытная свѣтлѣйшая (une éminentissime curieuse ou une curieuse éminentissime), то я вамъ разскажу свое посѣщеніе.

Я прибылъ въ замокъ Ноганъ въ субботу на 4-й недѣлѣ поста, около половины восьмого вечеромъ, и нашелъ друга Жоржа Санда въ халатѣ, курящимъ послѣобѣденную сигару у камина, въ громадной пустой комнатѣ. На ней были хорошенькія желтыя туфли, украшенныя бахрамою, кокетливые чулки и красные панталоны. Это все —съ точки зрѣнія нравственности. Съ физической же точки зрѣнія она отростила себѣ двойной подбородокъ, какъ каноникъ. У ней нѣтъ ни единаго сѣдого волоса, несмотря на ея ужасающія несчастья; ея смуглый цвѣтъ лица не измѣнился, ея прекрасные глаза все такъ же блестящи; она имѣетъ все такой же глупый видъ, когда она думаетъ, ибо—какъ я ей самой сказалъ, понаблюдавъ ее,—вся ея физіономія заключается въ ея глазахъ. Она около года уже живетъ въ Ноганѣ, очень печально и страшно много работая. Она ведетъ приблизительно мою жизнь. Ложится въ 6 часовъ утра и встаетъ въ полдень; я ложусь въ 6 часовъ вечера и встаю въ полночь. Но, конечно, я принаровился къ ея привычкамъ,

[1]) Отрывки изъ него, не такъ давно приведенные въ одной русской статьѣ, были переведены совершенно варварскимъ образомъ, а мысли и выраженія Бальзака были искажены не только до полной неузнаваемости, но и до приданія имъ часто какъ разъ обратнаго смысла.

[2]) Тамъ было имѣніе друзей Бальзака, г. Карро (Carraud) и его жены, постоянной и вѣрной корреспондентки великаго романиста, M-me Зюльмы Карро.

и мы втеченіе 3 дней, болтали послѣ обѣда съ 5 часовъ вечера до 5 часовъ утра, такъ что и я ее, да и она меня, взаимно больше узнали въ эти три бесѣды, чѣмъ въ предыдущіе 4 года, когда она бывала у меня въ то время, какъ любила Жюля Сандо, или когда она была въ связи съ Мюссе. Мы лишь встрѣчались, ибо я изрѣдка бывалъ у нея.

Мнѣ было довольно полезно повидать ее, ибо мы другъ другу сдѣлали взаимныя признанія относительно Жюля Сандо. Я послѣдній изъ тѣхъ, кто ее осуждалъ за то, что она его покинула, теперь я испытываю лишь глубочайшую жалость къ ней, точно такъ же, какъ и вы будете глубоко сожалѣть меня, когда вы узнаете, съ кѣмъ мы имѣли дѣло, она—въ любви, я—въ дружбѣ.

Но она была еще несчастнѣе съ Мюссе, и вотъ теперь она въ глубокомъ уединеніи, осуждаетъ одинаково и бракъ и любовь, потому что и въ томъ и въ другомъ положеніи она испытала лишь разочарованія.

Мужчина, который былъ бы *по ней*, рѣдокъ—вотъ и все. (Son mâle était rare, voila tout). Онъ тѣмъ болѣе будетъ рѣдкимъ, что она нелюбезна, а слѣдовательно ее лишь съ трудомъ можно полюбить. Она мальчишка, она художникъ, она большой человѣкъ (grande), она великодушна, преданна, *цѣломудренна*; у ней крупныя мужскія черты,— ergo она не женщина. Рядомъ съ нею, бесѣдуя съ нею втеченіе трехъ дней, что называется душа на распашку, я, какъ и прежде, ничуть не испытывалъ приступовъ той поверхностной влюбленности, которую во Франціи и въ Польшѣ принято проявлять относительно каждой женщины. Я говорилъ съ товарищемъ. У нея великія достоинства, тѣ достоинства, о которыхъ общество осудитъ вкривь и вкось. Мы спорили съ нею съ серьезностью, искренностью, простотою, добросовѣстностью, достойной великихъ пастырей, ведущихъ стадо людей, о великихъ вопросахъ брака и свободы. Ибо, какъ она говорила съ огромной гордостью (я бы этого самъ не смѣлъ подумать): „Такъ какъ мы своими писаніями приготовляемъ переворотъ въ нравахъ будущаго, то я (скажу, что) не менѣе поражена несовершенствами одного, какъ и другой“.

И мы цѣлую ночь проговорили объ этой великой задачѣ. Я стою совершенно за свободу дѣвушекъ и неволю женщинъ, т. е. хочу, чтобы до брака онѣ знали, чему онѣ обязываются, чтобъ онѣ все изучили, но чтобы потомъ, когда онѣ подписали контрактъ, и по изслѣдованіи его условій, онѣ уже были бы вѣрны ему. Я очень много пріобрѣлъ, доказывая M-me Дюдеванъ необходимость брака, но она увѣруетъ въ него, я убѣжденъ въ этомъ, и я сдѣлалъ доброе дѣло, доказывая ей это.

Она превосходная мать, дѣти ея обожаютъ ее, но она одѣваетъ свою дочку Соланжъ мальчикомъ, и это худо.

Въ нравственномъ смыслѣ слова она точно двадцативосьмилѣтній мужчина, ибо она *цѣломудренна, щепетильна* (prude), и художница лишь по внѣшности. Она непомѣрно много куритъ, она можетъ быть слишкомъ старается представлять принцессу, и я убѣжденъ, что она добросовѣстно и вѣрно изобразила себя въ принцессѣ *„Личнаго Секретаря“*. Она знаетъ и сама говоритъ то, что я думаю о ней, что у

нея нѣтъ ни силы замысла, ни способности построить планъ, ни умѣнья достигнуть правды, ни патетичности въ искусствѣ, но, что, не зная французскаго языка, она обладаетъ *стилемъ*; это правда.

Она, какъ и я, относится довольно насмѣшливо къ своей славѣ и глубоко презираетъ публику, которую она называетъ Jumento.

Я разскажу вамъ о чрезвычайныхъ и тайныхъ доказательствахъ ея преданности этимъ двумъ людямъ, и вы скажете себѣ, что нѣтъ ничего общаго между ангелами и демонами. Всѣ глупости, которыя она надѣлала, лишь упрочиваютъ ея славу (sont des titres de gloire) въ глазахъ великихъ и прекрасныхъ душъ. Она обманывалась насчетъ г-жи Дорваль, насчетъ Бокажа, Ламеннэ, и т. д. и т. д.; въ силу того же она обманывается насчетъ Листа и M-me д'Агу; но теперь она увидѣла, что это та̀къ относительно этихъ двухъ, потому что она изъ тѣхъ умовъ, которые сильны въ своемъ кабинетѣ, въ разсужденіяхъ, и очень легко попадаются въ дѣйствительности.

По поводу Листа и M-me д'Агу она и дала мнѣ сюжетъ „*Каторжники*" или „*Насильная любовь*", который я напишу, ибо въ своемъ положеніи она этого не можетъ сдѣлать. Сохраните хорошенько эту тайну. Словомъ, это мужчина, и тѣмъ болѣе мужчина, что она хочетъ быть имъ, что она уже вышла изъ роли женщины и не женщина. Женщина привлекаетъ, а она отталкиваетъ, и такъ какъ я очень мужчина, то, разъ она на меня производитъ подобное впечатлѣніе. она должна производить такое же и на всѣхъ похожихъ на меня; она всегда будетъ несчастна. Такъ, напримѣръ, теперь она любитъ человѣка, который ниже ея, и въ этомъ союзѣ ничего нѣтъ кромѣ разочарованія и огорченія для женщины, у которой прекрасная душа; женщина всегда должна любить человѣка, стоящаго выше нея, или же чтобы она такъ насчетъ него обманывалась, какъ будто онъ таковъ.

Я не безнаказанно побывалъ въ Ноганѣ; я оттуда вывезъ ужасный порокъ: она меня научила курить кальянъ и турецкій табакъ, и это вдругъ сдѣлалось потребностью для меня"...

Послѣ этого трехдневнаго пребыванія въ Ноганѣ отношенія Бальзака къ Жоржъ Сандъ стали еще болѣе дружескими и между ними завязалась довольно дѣятельная переписка, неизданная, но сохранившаяся, очень интересная для историка литературы и психолога, но необыкновенно привлекательная и для всякаго читателя, такъ какъ въ ней два великіе писателя являются тоже „душа на распашку", бесѣдуютъ другъ съ другомъ съ полной искренностью, задушевностью и простотою, но и съ полнымъ признаніемъ и преклоненіемъ одинъ передъ талантомъ и достоинствомъ другого. Они интересуются сочиненіями одинъ другого, даютъ и спрашиваютъ совѣтовъ [1]), сообщаютъ другъ другу о своихъ планахъ и надеждахъ. Читать эти письма такъ же привлека-

[1]) Мы приводили почерпнутое изъ этихъ писемъ мнѣніе Бальзака о „*Габріэль*". (См. выше стр. 418).

тельно, какъ читать переписку Гете съ Шиллеромъ или Пушкина съ Жуковскимъ.

Отголосками и памятниками этой дружбы являются тѣ прекрасныя страницы и задушевныя слова, которыя оставили намъ другъ о другѣ оба великіе писателя. Кромѣ упомянутыхъ уже нами разсказовъ въ „*Исторіи моей жизни*“, Жоржъ Сандъ послѣ смерти Бальзака посвятила его памяти отдѣльный очеркъ, который былъ напечатанъ въ видѣ предисловія къ изданному въ 1855 г. Гуссіо (Houssiaux) собранію сочиненій Бальзака [1]. Бальзакъ, какъ мы говорили уже, во первыхъ изобразилъ Жоржъ Сандъ подъ именемъ Камиллы Мопенъ или Камиллы Детушъ въ романѣ „*Беатриса*“, затѣмъ мы находимъ въ письмахъ его нѣсколько чрезвычайно симпатичныхъ отзывовъ о великой писательницѣ, изъ которыхъ самый замѣчательный, послѣ приведеннаго письма къ г-жѣ Ганской, находится въ письмѣ къ его сестрѣ, M-me Сюрвиль, помѣченномъ 1839 годомъ [2], но приводится ею же въ болѣе полномъ видѣ въ біографической ея Замѣткѣ о братѣ:

„Въ ея душѣ вовсе нѣтъ мелочности и никакой низменной зависти, омрачающей столько современныхъ талантовъ. Дюма похожъ на нее въ этомъ отношеніи. Жоржъ Сандъ благороднѣйшій другъ, и я совѣтовался бы съ нею въ минуты сомнѣній о томъ, какъ разумнѣе поступить въ томъ или иномъ случаѣ; но мнѣ кажется, что ей не хватаетъ критическаго чутья, по крайней мѣрѣ сперваначала; ее слишкомъ легко убѣдить; она недостаточно дорожитъ своими мнѣніями и не умѣетъ опровергнуть доводы противника, которые тотъ противупоставляетъ ей для того, чтобы оправдать себя“... [3].

Врядъ ли возможно въ нѣсколькихъ краткихъ строчкахъ такъ мѣтко опредѣлить сильныя и слабыя стороны душевнаго облика Жоржъ Сандъ, какъ это сдѣлалъ Бальзакъ, точно такъ же какъ врядъ ли можно заключить повѣствованіе объ этой дружбѣ чѣмъ нибудь лучшимъ, какъ приведя in extenso посвященіе романа „*Записки двухъ новобрачныхъ*“, для котораго, какъ мы полагаемъ и какъ говорили уже [4]) Бальзакъ вѣроятно пользовался и устными разсказами Жоржъ Сандъ и письмами ея монастырскихъ подругъ.

[1]) Этотъ очеркъ вошелъ впослѣдствіи въ Полное собраніе сочиненій Жоржъ Сандъ, томъ *Autour de la table*.

[2]) См. *Correspondance* de H. de Balzac, стр. 324.

[3]) Correspondance de H. de Balzac, стр. LXXV.

[4]) См. выше, глава IV, стр. 127.

Жоржу Сандъ:

„Это, дорогой Жоржъ, ничего не можетъ прибавить къ сіянію Вашего имени, которое отброситъ свой отблескъ на мою книгу, но съ моей стороны тутъ нѣтъ ни разсчета, ни скромности. Я хочу засвидѣтельствовать истинную дружбу, которая сохранилась между нами среди всѣхъ нашихъ разлукъ и путешествій, вопреки нашимъ трудамъ и людской злобѣ. Это чувство несомнѣнно никогда не измѣнится. Вереница дружескихъ именъ, сопровождающихъ мои произведенія, примѣшиваетъ радость къ тѣмъ печалямъ, которыя причиняетъ мнѣ ихъ число, ибо нельзя избѣгнуть всѣхъ огорченій, хоть напримѣръ, тѣхъ упрековъ, которымъ я подвергаюсь за свою угрожающую плодовитость, точно будто міръ, который мнѣ служитъ оригиналомъ, не болѣе плодовитъ чѣмъ я! Развѣ не прекрасно будетъ, Жоржъ, если однажды какой-нибудь антикварій, занимающійся исчезнувшими литературами, найдетъ въ этой вереницѣ все только великія имена, благородныя сердца, чистыя и святыя дружбы, славы нашего вѣка? Развѣ я не могу гордиться этимъ вѣрнымъ счастьемъ болѣе, чѣмъ своими, часто сомнительными, успѣхами? А для тѣхъ, кто Васъ знаетъ, развѣ не счастье имѣть возможность назваться, какъ я здѣсь называюсь—Вашимъ другомъ

Бальзакъ.

Парижъ. Іюнь 1840 г.

Въ этомъ же году Ноганъ посѣтилъ, повидимому, и аббатъ Роше. До самаго послѣдняго времени было очень мало извѣстно объ отношеніяхъ Жоржъ Сандъ къ этому священнику, если не считать таинственныхъ строчекъ Шарля Мазада въ его Воспоминаніяхъ [1]). Но теперь, послѣ напечатанія сначала отрывковъ, а потомъ и всѣхъ писемъ Жоржъ Сандъ къ нему и его къ ней въ *Gironde littéraire*, въ *Nouvelles de l'Intermédiaire* и въ *Nouvelle Revue*, можно говорить объ этой интересной и курьезной дружбѣ уже болѣе подробно и точно. (Мы имѣли возможность ознакомиться со всей этой перепиской *до* ея напечатанія). Аббатъ Роше, скромный деревенскій священникъ, имѣлъ несчастіе усумниться въ своемъ призваніи и наоборотъ почувствовалъ „влеченье, родъ недуга“ къ литературнымъ занятіямъ. Несомнѣнно, что и освободительныя вѣянія эпохи и примѣръ Ламеннэ должны были оказать тутъ не малое вліяніе. И вотъ аббатъ принялся писать и мечтать объ освобожденіи отъ тягостного своего сана. Выступить однако прямо на литературное поприще онъ не рѣшался, боясь прежде-

[1]) *Charles Mazade*: „George Sand, ses Mémoires et son théatre“. Revue des deux Mondes. 1857.

временно навлечь на себя осужденіе со стороны высшаго духовенства, какъ знать, можетъ быть даже отлученіе. Онъ былъ неувѣренъ и въ своихъ способностяхъ. Неувѣренъ былъ и въ томъ, имѣетъ ли онъ право покинуть свое призваніе. И что же онъ сдѣлалъ?—обратился къ своей знаменитой соотечественницѣ, слава которой тогда была во всемъ блескѣ, и спросилъ совѣта ея. Это было въ концѣ 1835 года. Вскорѣ онъ и лично познакомился съ Жоржъ Сандъ, и, какъ мы знаемъ, провелъ съ ней нѣсколько часовъ въ Ноганѣ, а затѣмъ встрѣтился съ ней въ гостинницѣ въ Шатору. Надо и удивляться и преклоняться предъ тѣмъ тактомъ, добротой, осторожностью и благоразуміемъ, съ которымъ поступила Жоржъ Сандъ. Глубоко тронутая такимъ довѣріемъ и искренностью, она отнеслась и впредь всегда относилась къ аббату Роше какъ къ другу, платила ему совершенно подобною же искренностью и довѣріемъ. Но вмѣсто того, чтобы разжигать и поддерживать освободительныя мечтанія священника, поощрять его въ его намѣреніи сбросить рясу и, порвавъ съ прошлымъ, сдѣлаться ренегатомъ и неудачнымъ писателемъ, она приложила всѣ усилія къ тому, чтобы успокоить его, направить его мечтанія и порывы на добрый путь, примирить его съ жизнью. Очевидно, что Жоржъ Сандъ съ одной стороны слишкомъ хорошо видѣла, что это не есть большой талантъ, ради котораго можно и должно ломать свою жизнь; съ другой хорошо понимала, что по натурѣ аббатъ былъ вовсе не похожъ на непоколебимаго, упорнаго, желѣзнаго Ламеннэ, что ему не по силамъ будетъ роль отщепенца отъ церкви и отверженца. И вотъ мы видимъ въ ея письмахъ удивительное, деликатное, но постоянное стремленіе удержать аббата отъ безповоротного рѣшенія и въ тоже время сдѣлать его жизнь сносной, счастливой. Она совѣтуетъ ему низачто не бросать занятій литературой, непремѣнно писать, хотя бы лишь для себя, ибо „это спасаетъ отъ многаго, какъ я по опыту знаю". Она постоянно и охотно читаетъ произведенія аббата, дѣлаетъ ему указанія, даже кажется хлопочетъ о томъ, чтобы кое-что напечатать, но ни разу она не позволяетъ себѣ покривить душей, излишне обнадежить автора, захвалить его, а о стихахъ его говоритъ прямо, что совѣтуетъ бросить ихъ писать, ибо такихъ стиховъ слишковъ много, оригинальнаго въ нихъ ничего нѣтъ и они ничего не прибавятъ къ его жизненному дѣлу. Эта переписка рисуетъ Жоржъ Сандъ съ совсѣмъ новой и необыкновенно симпатичной стороны, показывая, какъ эта всегдашняя протестантка, бунтовщица, освободительница, „привыкшая собою рисковать во

Жоржъ Сандъ съ портрета Шарпантье 1838 г.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

всемъ и всегда“ [1]), осторожно и заботливо умѣла относиться къ подобному же риску для другихъ и бережно охранять ихъ отъ неосторожнаго шага. Аббатъ Роше остался священникомъ, до конца жизни оставался въ перепискѣ съ Жоржъ Сандъ и вѣроятно до конца же былъ благодаренъ ей за ея истинно-дружескую поддержку и участіе.

Какъ мы только что сказали, въ 1838 году онъ повидимому посѣтилъ Жоржъ Сандъ въ Ноганѣ и сдѣлался близкимъ другомъ всего дома. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что Жоржъ Сандъ въ своихъ письмахъ, написанныхъ лѣтомъ 1838 г., сообщаетъ ему подробности обо всѣхъ домашнихъ, о томъ что „Морисъ съ Мальфилемъ уѣхалъ теперь въ Гавръ“, о томъ, что она сама „видается съ M-me Марліани и Ламеннэ“ и т. д.

Въ этомъ же году въ Ноганѣ гостилъ еще и художникъ *Шарпантье*, сдѣлавшій портреты Жоржъ Сандъ и ея дѣтей, какъ мы это узнаемъ изъ нѣсколькихъ ея неизданныхъ писемъ. Такъ, напр. она пишетъ Г-жѣ Марліани 20 мая.

...„Я смертельно простужена, плохо вылѣчившись въ Парижѣ; простуда меня вновь схватила съ удивительной силой. У меня лихорадка и я измучилась... *Все, что я люблю*, тоже хвораетъ „оптомъ“ въ эту минуту; Морисъ нездоровъ, сырая погода вернула ему всѣ его бѣды; у Соланжъ все еще болитъ голова; у Мальфиля упорная мигрень. Бѣдный Шарпантье сверхъ того тоже боленъ. Онъ работаетъ всетаки, какъ волъ“...

Повидимому въ эту весну и лѣто Жоржъ Сандъ очень часто ѣздила въ Парижъ, а осенью прожила тамъ нѣкоторое время въ совершенномъ уединеніи, скрывъ свое мѣстонахожденіе отъ всѣхъ (она поселилась въ мансардѣ, въ домѣ № 38 въ улицѣ Лафиттъ, подъ именемъ г-жи *Дюпенъ*, лишь по вечерамъ принимая своихъ друзей въ квартирѣ г-жи Марліани въ улицѣ Grange Batelière, 7). Въ это время она, по словамъ ея, „какъ каторжникъ“ [2]), работала надъ новымъ романомъ, „*Спиридіонъ*“. Окончила она его однако лишь на Маіоркѣ, куду уѣхала въ октябрѣ съ дѣтьми и Шопеномъ.

Этимъ новымъ путешествіемъ начинается и новая полоса жизни великой писательницы; съ другой стороны приблизительно къ концу этого 1838 г. закончилась для нея первая,

[1]) См. отрывокъ „*Романа, который не былъ написанъ*“ въ книгѣ Спульберка *la Véritable Histoire de „Elle et Lui“*.

[2]) Неиздан. письмо къ Пьеру Леру.

бурная половина ея жизни, времена Sturm und Drang'a; ея сомнѣнія разсѣиваются, особенно подъ вліяніемъ идей Пьера Леру, какъ это впослѣдствіи она много разъ сама утверждала; міросозерцаніе выясняется окончательно, наступаетъ пора зрѣлаго и спокойнаго творчества. Поэтому и мы этимъ эпизодомъ заключимъ первую часть нашего труда.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Нѣсколько неизданныхъ страницъ Жоржъ Сандъ изъ ея тетрадей и альбомовъ.

(Къ главѣ IV, стр. 127—129).

Страничка изъ маленькой записной книжечки, относящейся ко времени выхода изъ монастыря Авроры Дюпенъ и первымъ годамъ ея замужества. Книжечка переплетена въ черную кожу, со стальными застежками. На первой страницѣ стоитъ:

„Сія книжечка принадлежитъ своему господину, сирѣчь маркизу Люси“ („Ce calepin appartient à son maître autrement dit il marchese Lucie“).

„*Written at Nohant upon my window at* [*the*] *setting* [*of the*] *sun. 1820*“.

“Go, fading sun! Hide thy pale beams behind the distant trees. Nightly Vesperus is comming to announce the close of the day. Evening descends to bring melancholy on the landscape. With thy return, beautiful light, nature will find again mirth and beauty, but joy will never comfort my soul. Thy absence, radiant orb, may not increase the sorrows of my heart: they cannot be softened by thy return!“

„*Написано на моемъ окнѣ въ Ноганѣ при закатѣ солнца. 1820*“ [1]).

„Исчезай, заходящее солнце! Спрячь свои блѣдные лучи за дальнія деревья! Скоро взойдетъ ночной Гесперъ (вечерняя звѣзда), чтобъ возвѣстить конецъ дня. Вечеръ спустится и низведетъ печаль на окрестности. Съ твоимъ возвращеніемъ, чудный свѣтъ, природа вновь обрѣтетъ веселье и красу, но радость никогда не вернется въ мою душу. Твое отсутствіе, сіяющій дискъ, не увеличитъ горестей моего сердца: онѣ не смягчатся отъ твоего возвращенія“...

[1]) Г. Плошю недавно помѣстилъ въ своей книжкѣ „Autour de Nohant“ это *стихотвореніе въ прозѣ*, но ошибочно помѣтилъ его 1829 годомъ, невѣрно разобравъ дату, также написанную карандашемъ, но на другой сторонѣ окна. Но тамъ стоитъ: „*19 іюня 1839*“—и эта дата относится совсѣмъ не къ этому лирическому отрывку, а ко времени возвращенія Жоржъ Сандъ съ Маіорки.

(Къ главѣ V, стр. 185).

Страничка изъ записной книжки Авроры Дюдеванъ (1825 г.).

„...Еслибъ знать, что такое горе, если бы можно было предвидѣть какими долгими мученіими заплатишь за заблужденіе одного дня! Но нѣтъ! Человѣкъ такъ самонадѣянъ отъ природы. Онъ, улыбаясь, бросается навстрѣчу опасности, бурное море его стихія, и наименѣе осторожный часто бываетъ всѣхъ мудрѣе; тотъ довѣрчивый рабъ судьбы, который предаетъ свою ладью капризу волнъ, часто добирается до пристани, тогда какъ искусный кормчій тщетно старается побороть ураганъ, который насмѣхается надъ его предосторожностями Кажется, что случай тотъ богъ, который нами правитъ. Но если счастье есть лишь удачный выигрышъ или встрѣча, къ чему столько заботъ объ упроченіи его? Къ чему столько размышленій передъ тѣмъ, чтобы сдѣлать добро, и столько осторожности въ помощи другимъ? Великую душу должно заботить не устройство будущаго. Она слишкомъ хорошо знаетъ, что это будущее разрушитъ ея планы; трудно лишь примириться съ нимъ... Если вы хотите знать, что такое горе, растерзайте свою грудь ногтями, пронзите ее острымъ оружіемъ, лейте на раны растопленный свинецъ или кипящее масло. Или же вытерпите огонь костра или бейтесь головою о стѣны вашей тюрьмы. Но вы все-таки не узнаете, что такое страданіе. Можетъ быть нѣтъ двухъ человѣческихъ существъ, которыя бы знали его. Чаша горечи не для всѣхъ одинаково горька, большинство попробовавшихъ ее отталкиваютъ ее и не имѣютъ смѣлости вкусить ее до дна. Есть *привилегированныя* существа, рабы судьбы, которымъ эта горечь точно нравится, которые словно хотятъ не потерять ни капли изъ нея, однако вы насмѣхаетесь надъ ними изъ-за того, что они присвоили себѣ печальную долю, которую вы имъ оставили“.

(Къ главѣ VII, стр. 283).

Страница изъ альбома „Sketches and Hints“

о Маріи Дорваль.

„Дайте мнѣ любить ее; я знаю, кто она и чего стоитъ. Ея недостатки—я знаю ихъ. Ея пороки—а! вотъ оно великое ваше слово! Вы боитель порока, но вы всѣ состоите изъ него, и не знаете этого или не признаетесь въ этомъ! Порокъ! вы обращаете на него вниманіе?! Развѣ вы не знаете, что онъ повсюду, на каждомъ шагу вашей жизни, вокругъ васъ, внутри васъ? Вашъ отецъ скряга, ваша мать лгунья, ваши братья безчестны, вашъ духовникъ плутовалъ въ картахъ, ваша сестра продалась, вашъ лучшій другъ десять разъ отъ васъ отрекся, вы этого не знали? Какъ же вы всѣ живете, всѣ вы? Куда же вы дѣваете ваши глаза, уши, память? Вы называете меня циничной въ душѣ, потому что я вижу, потому что я помню и потому что я стыдилась бы цѣною слѣпоты или лицемѣрія прі-

обрѣсть ту ложную доброту, благодаря которой вы заразъ и плуты и обманываемые.

Вы говорите, что она меня выдала, я знаю это. Но вы, мои добрые друзья, который изъ васъ не предалъ меня? Она меня предала всего разъ, а вы мнѣ измѣняли во всѣ дни вашей жизни. Она повторила слово, которое я ей сказала. А вы изобрѣтали за меня слова, которыхъ я вовсе не говорила"... (1833).

Эта страница дневника какъ будто противорѣчитъ тому, что Ж. Сандъ утверждала Сентъ-Беву, что „Дорваль никогда не выдавала ее". Но Ж. Сандъ дѣйствительно простила ей это и не помнила зла, какъ о томъ свидѣтельствуетъ приписка на этой же страницѣ, написанная въ 1847 г.:

„(Болѣзнь печени) [1]). Но *она*, она все та же, и я ее попрежнему люблю. Это чудно-прекрасная душа, великодушная и нѣжная, рѣдкій умъ, при жизни полной заблужденій и несчастій. Я тебя за нихъ еще болѣе люблю и уважаю, о, Марія Дорваль"...

(Къ главѣ VII, стр. 296).

Неизданный отрывокъ изъ альбома „Sketches and Hints" (1833).

„Вѣдь не сказано, что можно безнаказанно пользоваться горькими плодами опыта. Надо питаться ими втайнѣ и не говорить людямъ всего того, что знаешь о нихъ, или же они побьютъ васъ камнями, чтобы отомстить за то, что не могутъ болѣе обманывать васъ. Однако тѣ, которые васъ упрекали бы въ томъ, что вы не цѣните довѣрія и сопротивляетесь дружбѣ, тѣ, которые притворяются, что вѣрятъ въ васъ, для того только чтобы отнять у васъ возможность сомнѣваться въ нихъ самихъ, эти послѣдніе, говорю я, часто презрительнѣе и скептичнѣе васъ смотрятъ на все. Они толкуютъ о привязанности и неизмѣнности, они, способные только на эгоизмъ! Лицемѣры!

Но будьте однако осторожны, выслушивайте, принимайте ихъ увѣренія, притворитесь, что относитесь къ нимъ съ довѣріемъ, или же они запятнаютъ васъ своею клеветою и будутъ показывать на васъ пальцемъ, какъ на прокаженнаго. Люди не терпятъ, чтобы съ нихъ срывали покрывала и чтобы ихъ заставляли смѣяться надъ масками. которыя онѣ надѣли.

Если вы уже не способны болѣе любить, лгите, или же такъ плотно окутайтесь складками вашего покрывала, что бы ни единый взглядъ не смогъ бы прочитать что-нибудь сквозь него. Поступайте съ вашимъ сердцемъ, какъ развратные старички со своимъ тѣломъ, спрячьте подъ румянами и ложью, скройте посредствомъ хвастовства и фанфаронства хилость, которая дѣлаетъ васъ недовѣрчивымъ, и

[1]) Какъ мы сказали уже, Ж. Сандъ впослѣдствіи пыталась все свое отчаяніе и пессимизмъ въ 1833—34 г. объяснить болѣзнью печени.

пресыщенность, которая дѣлаетъ васъ безсильнымъ. Въ особенности же никогда не признавайтесь въ старчествѣ вашего ума, никому не показывайте возраста вашихъ мыслей"!...

(Къ главѣ VII, стр. 302).

Неизданная страница изъ альбома „Sketches and Hints" (1833) „à F. R.".

(*Франсуа Роллина*).

„Это вы, чья душа сильна и терпѣлива, вы, чья голова холодна, чья память сохраняетъ познаніе добра и зла, вы, человѣкъ незамѣтный, трудолюбивый, смиренный, — вы добродѣтельны и сіяете среди моихъ грезъ, какъ неподвижная звѣзда среди мимолетныхъ ночныхъ метеоровъ. Это о васъ, человѣкъ очистившійся, возрожденный, обновленный, я мечтала, когда писала Тренмора. По какой связи идей обратилась я отъ него къ вамъ, почему я заполнила посредствомъ вымышленныхъ чертъ и причудливыхъ украшеній пространство, которое отдѣляетъ васъ, дѣйствительнаго человѣка, отъ этого созданнаго воображеніемъ лица; почему наконецъ я испортила чистоту своего идеала, облекши его ребяческимъ блескомъ и суетною тѣлесною красотою, можетъ быть, вы разгадаете это; что до меня касается, то я этого болѣе уже не знаю. Можетъ быть, что читая со спокойнымъ умомъ то́, что я писала, когда душа моя была озабочена собственными страданіями, можетъ быть и отыщете вы среди этого фантастическаго лабиринта таинственную нить, которая связана съ вашей судьбой. Я, которая прожила столько жизней, я не знаю болѣе, на какой чистый или испорченный типъ я похожу. Одни скажутъ, что я Лелія, но другіе могутъ припомнить, что я нѣкогда была Стеніо. У меня были также дни труслиівой набожности, страстныхъ желаній, отчаянной борьбы и боязливаго аскетизма, когда я бывала Магнусомъ. Я могу также быть и Тренморомъ. Магнусъ—это мое дѣтство, Стеніо—моя юность, Лелія—мои зрѣлые годы, Тренморъ, можетъ быть, будетъ моею старостью. Всѣ эти типы были во мнѣ, всѣ эти виды ума и сердца принадлежали мнѣ въ разныхъ степеняхъ, соотвѣтственно съ теченіемъ годовъ и обстоятельствами жизни. Стеніо—это моя довѣрчивость, моя неопытность, мой благочестивый ригоризмъ, мое робкое и страстное ожиданіе будущаго, моя печальная слабость въ той ужасной борьбѣ, которая раздѣляетъ двѣ молодости человѣка. Ну, такъ этотъ образъ еще не окончательно (во мнѣ) уничтожился. Еще теперь проявляются иногда это ребяческое величіе, это роковое невѣдѣніе; правда, все болѣе кратко, рѣдко и мимолетно. Магнусъ съ его неосуществимыми потребностями, съ его тяжкой жизнью (destinée de fer), съ его вѣчной жаждой невозможнаго, представляетъ собою могучее страданіе, теперь побѣжденное и покоренное, но которое я долго переносила во всей его силѣ, и слабые приступы котораго я изрѣдка еще чув-

ствую. — Тренморъ это та прекрасная греза о философской ясности, о безстрастномъ самоотреченіи, которую я долго лелѣяла, когда моя суровая судьба давала мнѣ минуту покоя и я могла отдохнуть и помечтать о спокойныхъ дняхъ, о лучшихъ временахъ.

Подлѣ васъ, другъ мой, я была Тренморомъ, я была вами. Видя предъ собою чудный примѣръ великой души, побѣдившей превратности судьбы, я отожествляла себя съ этимъ возвышеннымъ покоемъ духа, я стремилась къ такимъ же побѣдамъ, къ такимъ же чистымъ и серьезнымъ наслажденіямъ. А вы, слушая разсказъ о моихъ непрестанныхъ трудахъ, видя ежедневную борьбу между моимъ разумомъ и моими напрасными желаніями, вы становились,— чтобы понять меня, пожалѣть меня и раздѣлить мои мученія,—человѣкомъ подобнымъ мнѣ. И вы также, Тренморъ, вы дѣлались Леліей. Ибо, прежде чѣмъ побѣдить, вы тоже боролись, вы прошли черезъ жизненныя бури. Вы перенесли болѣзни, отъ которыхъ ваша святая дружба хочетъ нынѣ излѣчить меня. Вы долго колебались между возвышенной мечтой о теперешнемъ вашемъ ясномъ спокойствіи и безсильными порывами къ прошлымъ бурямъ. Вамъ было худо, какъ мнѣ теперь, вы тоже были безпокойны, терзались, истекали кровью, колебались между ужасами самоубійства и вѣчнымъ покоемъ кельи.

Итакъ, мы оба навѣрное отражали всѣ эти четыре стороны жизни. Но я, развѣ я могу сказать, однако, что я была, что я есмь, что я могу быть Тренморомъ? Увы! какъ они были кратки, часы моей силы и разумности! Какъ скупо Господь даровалъ мнѣ тѣ утѣшенія, которыя онъ изливаетъ на васъ! какъ часто меня мучила эта жажда *несбыточнаго,* которую еще не утолила божественная небесная роса! (15 іюня 1833 г.)

Подъ этой страницей другимъ, позднѣйшимъ, почеркомъ Жоржъ Сандъ и другими чернилами приписано:

„1847. Я ничто изъ всего этого. Я кипарисъ, прикрывшій ихъ могилы. Но ничто никогда не было лучше и выше тебя, мой вѣрный другъ! тебя, *Франсуа Роллина!*“

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
168	5 снизу	21 нoябра 1829	21 ноября *1823*
174	2 „	S. 286	S. 296
233	13 „	тотчасъ	впослѣдствіи
273	18 „	пьяница	пономарь
304	11 „	Inno Ebrioso	Inno Ebbrioso
342	26 сверху	Après la lectures	Après la lecture
350	16 „	критика Ломени	критика Лерминье
357	16 снизу	Состена да-ла Рошору	Состена да-ла Рошфуко
371	5 „	ottanánni	ottant' anni
—	4 „	matino	mattino
378	1 „	См. статью д-ра Кабанеса въ „Revue hebdomadaire“ 1896 г.	См. письмо г-жи Антонини въ книгѣ г. Маріетона „Une Histoire d'amour“, стр. 144.
551	4 „	Другъ Ж. Сандъ Мишеля,	Другъ Ж. Сандъ и Мишеля

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karenin, Vladimir

Žorž Sand, eja žizn'i proizvedenija 1804 - 1838. S priloženiem portretov, faksimile i neizdannych otryvok i pisem Žorž Sand

S.-Peterburg 1899

Biogr. 3102 i
urn:nbn:de:bvb:12-bsb12028778-4